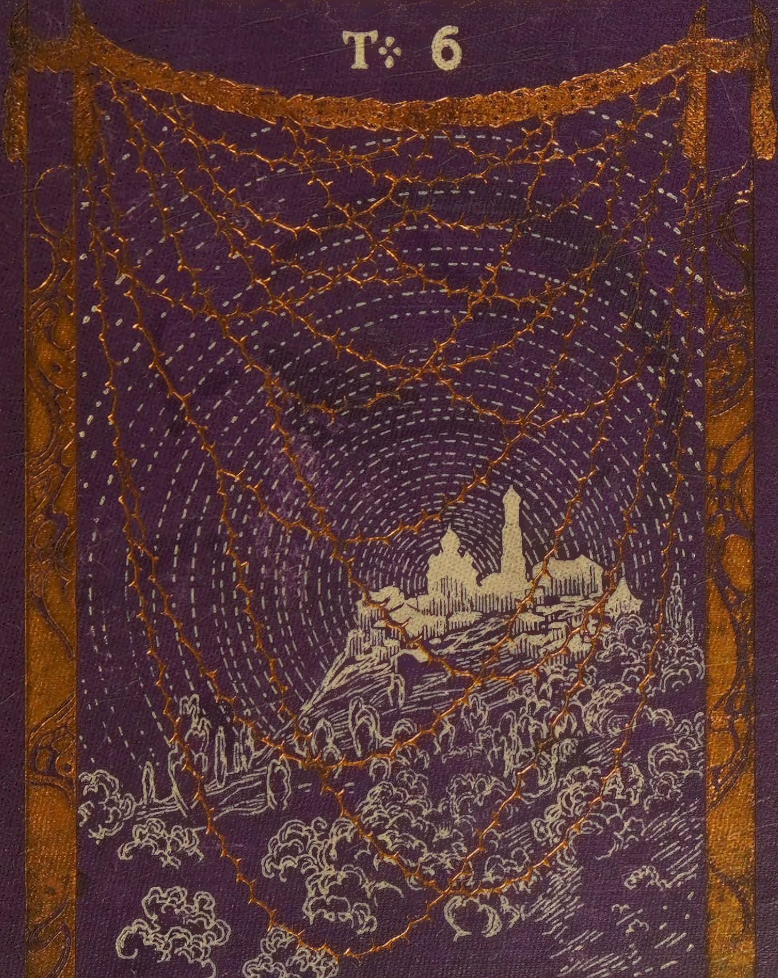
Полное собраніе сочиненій Глѣба Ив. Успенскаго

Т. 6



Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ СПБ

№ 98

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и біографическимъ очеркомъ Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1908 г.

Printed in Russia

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОѢЗДКИ КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

I. Отъ Казани до Томска и обратно.

1888 г.

I. Раздумье.

Рѣшивъ весною 1888 г. ѣхать въ Западную Сибирь, съ исключительною цѣлью видѣть положеніе переселенцевъ, я однакоже крѣпко призадумался о плодотворности этой поѣздки, когда наконецъ, какъ говорится, «дошло до дѣла», т.-е. когда я уже ѣхалъ по Волгѣ, приближаясь къ Казани. Предстояли мнѣ впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, не облегчающія сознанія, уже крѣпко утомленнаго сутолокою только-что миновавшаго петербургскаго зимняго «сезона», и вслѣдствіе этого, вопреки существеннымъ цѣлямъ поѣздки, утомленное сознаніе стало вопіять о крайней необходимости отдохновенія. И чѣмъ ближе подходилъ пароходъ къ Казани, тѣмъ съ большею настойчивостью вопіяло оно о предпочтеніи тепла и блеска южной природы суровымъ картинамъ сѣвера, которыя обрисовывались въ моемъ воображеніи. Всякій разъ, когда я смотрѣлъ на отваливающій отъ пристани пароходъ и зналъ при этомъ, что онъ идетъ на югъ, въ Саратовъ, Царицынъ, Астрахань, мнѣ ясно видѣлось, что пароходъ этотъ весь веселый, отъ веселаго флага до спрятавшагося въ водѣ колеса. Все въ немъ играетъ, онъ не идетъ, а летитъ, какъ ласточка, и свистки его поютъ, какъ соловьи. А когда отъ той же пристани отходилъ пароходъ въ Каму, въ Пермь, и я зналъ это, мнѣ тотчасъ же представлялось, что пароходъ не только

не бѣжитъ и не летитъ, а упирается, что навстрѣчу ему бьетъ холодный вѣтеръ съ Ледовитаго океана, что свистки его воютъ, а не поютъ, какъ соловьи.

Не говоря уже о томъ, что страна, въ которую я ѣхалъ, носитъ наименованіе «Сибири», совершенно выдѣляющее ее изъ ряда обыкновенныхъ, общежительныхъ на бѣломъ свѣтѣ странъ, вспомнились мнѣ и другія, крупныя и мелкія черты внѣшнихъ и внутреннихъ ея оригинальностей, и всѣ онѣ (или, по крайней мѣрѣ, то, что̀ заставляла вспоминать заранѣе предубѣжденная мысль) не влекли къ этой суровой и таинственной, какъ мнѣ казалось, сторонѣ. То ли дѣло поѣхать бы на югъ, на Кавказъ, въ донскія степи, въ горы!.. Все тамъ какъ бы рвется къ солнцу, къ небу и само хочетъ блистать, какъ солнце. Всадникъ взбирается на конѣ выше облака, а облако само идетъ на землю. Къ небу и выше неба несутся горы! По горамъ тянутся къ солнцу лѣса, тянетъ изъ нихъ солнце всякій цвѣтъ и плодъ, фруктъ, всякое растеніе, т.-е. всякое богатство юга, вплоть до веселаго вина, въ которомъ также спрятался солнечный лучъ. Роскошествуетъ природа, но и всякая тварь также желаетъ франтить, не говоря о человѣкѣ, франтовство котораго выше всякаго описанія. Франтятъ здѣсь птицы по лѣсамъ и рыбы въ рѣкахъ и въ моряхъ, да и рѣчонка не пробѣжитъ прилично, а гремитъ, бурлитъ, шумитъ и вообще ведетъ себя необузданно. Нѣтъ здѣсь уголка, который не былъ бы ужъ олицетворенъ и увѣковѣченъ стихомъ русскаго и не русскаго поэта.

Бывалъ я въ этихъ веселыхъ мѣстахъ и не такъ весело смотрѣлъ на нихъ въ прежнее время; но теперь, когда мнѣ приходилось ѣхать въ гости къ Ледовитому океану, югъ рисовался мнѣ въ очаровательныхъ о̀бразахъ. Но вѣдь и тамъ, куда я ѣду, тоже есть горы и рѣки и лѣса, но какіе они? Въ какомъ-то беллетристическомъ произведеніи я читалъ описаніе этихъ горъ и нашелъ, что онѣ не гордыбачатъ передъ солнцемъ и небомъ. «Точно стадо гигантскихъ животныхъ, покрытыхъ частой и жесткой щетиной (такъ было изображено авторомъ произведенія), молча и недвижимо лежатъ на огромномъ пространствѣ, какъ бы въ дремотѣ». Щетина! Что̀ же тутъ пріятнаго. Да притомъ, казалось мнѣ, не къ небу, не къ солнцу рвется тамъ природа и человѣкъ, и не на солнцѣ родится и живетъ тамъ всякое богатство, какъ оно родится и живетъ на югѣ, гдѣ даже керосинъ и тотъ норовитъ самъ выскочить изъ-подъ

земли и ударить вверхъ, къ небу, а живутъ они и родятся въ самыхъ глубокихъ, темныхъ нѣдрахъ земли, въ сосѣдствѣ съ трупами мамонтовъ, ихтіозавровъ и другихъ допотопныхъ представителей «допотопнаго Купона». Человѣкъ не только не перескакиваетъ здѣсь черезъ облака и не ѣздитъ выше черной тучи, но лѣзетъ подъ землю, въ темную глубину самой непроходимой и непроницаемой тьмы, копошится въ ледяной грязи, въ ледяной водѣ, добываетъ богатства подъ ударами нагайки, подъ угрозою пули, подъ приманкой сивухи.

Страшна казалась мнѣ эта темная, глухая, безконечная тайга, но еще страшнѣй было знать, что въ этой-то безконечной тайгѣ, можетъ, *бѣжитъ* человѣкъ. Страшно то, что человѣку надобно *бѣжать*, обрывая въ чащѣ лѣса свое платье, рубаху, тѣло, бѣжать безъ оглядки, «не пимши не ѣмши». Это бѣгство въ необозримомъ пространствѣ лѣсной глуши и пустыни, на десятки верстъ въ окружности не имѣющей признаковъ живой человѣческой осѣдлости, тѣмъ еще болѣе ужасно, что бѣглецъ бѣжитъ отъ какого-то другого человѣка, у котораго на плечѣ заряженное ружье. Ужасна фигура бѣглеца, но ужасна и фигура того человѣка, который найдетъ этого бѣглеца въ тайгѣ, «учуетъ» его слѣдъ, какъ собака, за цѣлыя версты, настигнетъ, вобьетъ пулю въ спину и отыметъ украденное золото. Золото! Вотъ оно въ рукахъ этого оборваннаго, опоеннаго, развращеннаго бѣглеца, сто разъ на своемъ вѣку случайно избѣжавшаго смерти отъ голода, отъ пьянства, отъ каторжнаго труда. Онъ напалъ на самородныя розсыпи и прямо вытаскиваетъ изъ земли куски, въ которыхъ заключается состояніе цѣлыхъ деревень. Чтò же онъ дѣлаетъ? Мѣняетъ это золото въ конторѣ на всякія лакомства, варитъ въ котлѣ чай изъ шести фунтовъ чая, валитъ туда же въ котелъ голову сахару, льетъ вино, жретъ все это, распутничаетъ, покупаетъ по четыре новыхъ азяма въ день, которые тутъ же топчетъ въ грязи, въ пьяномъ видѣ дерется, убиваетъ и опять бѣжитъ по тайгѣ, бѣжитъ, какъ дикій, голодный, больной звѣрь, и въ крикахъ, въ стонахъ, оглашающихъ безжизненную лѣсную глушь, умираетъ, лежитъ мертвымъ, гніетъ, и въ концѣ концовъ въ мертвой тишинѣ ночи мертвой тайги слышно хрустѣніе человѣческихъ костей,— лакомится какая-то хищная тварь мясцомъ человѣчьимъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти исключительно мрачныя картины вспоминались мнѣ изъ прочитаннаго о

Сибири только подъ вліяніемъ соблазна, при видѣ убѣгающихъ отъ Казанской пристани пароходовъ, наполненныхъ счастливцами, стремящимися на югъ. Все, что напоминало только мрачныя, свойственныя исключительно Сибири особенности, все стало припоминаться одно за другимъ, и наконецъ *Сибирь* обрисовалась какъ страна, въ которой живетъ исключительно *виноватая Россія*, а разъ овладѣла эта тяжкая мысль и, не сдерживаясь, начала опредѣлять разновидности всѣхъ русскихъ *виноватыхъ людей*, стало вспоминаться все пережитое, передуманное, перечувствованное. Всѣ лица человѣческія, которыя возникали въ памяти, всѣ они, казалось, были заключены въ какой-то заколдованный кругъ безысходнаго осужденія. За что? почему? — угнетало и мучило мысль безплодной мукой, и еще сильнѣе возбуждало желаніе миновать эту трудную, ни въ чемъ не облегчающую поѣздку. И я бы долго не додумался до какого-нибудь рѣшенія, если бы меня не выручилъ «добрый человѣкъ».

II. По Камѣ до Перми.

Выручилъ меня, по обыкновенію, «добрый человѣкъ», нашъ русскій крестьянинъ. Пошелъ я по пристани и вижу въ отворенныя ворота сарая, что тамъ, въ глубинѣ его, масса простого народа — мужики, бабы, дѣти, старики и старухи. Оказалось, что это переселенцы изъ Курской губерніи. Одни ѣдутъ въ Омскъ, другіе — въ Томскъ, а изъ этихъ пунктовъ—на участки, уже отведенные.

Незначительнаго разговора съ этими людьми было вполнѣ достаточно, чтобы образумиться, придти въ себя, вспомнить цѣль давно рѣшенной поѣздки и понять ее какъ дѣло, котораго нельзя покинуть для «отдохновенія».

Какъ только я образумился, и на душѣ стало покойнѣй, все окружающее начало спокойно восприниматься въ томъ видѣ и въ той сущности, въ какихъ оно доступно глазу, не омраченному темными мыслями. Прежде всего Кама совершенно утратила всѣ свои мрачныя черты, преждевременно изобрѣтенныя моимъ разстроеннымъ воображеніемъ. Вначалѣ, при впаденіи въ Волгу, она, правда, ничѣмъ еще не обнаруживаетъ своихъ характерныхъ особенностей:

низменные, едва не въ уровень съ поверхностью воды, песчаные берега, зеленѣющіе чахлымъ кустарникомъ,—и вообще ничего еще нѣтъ достойнаго вниманія. Непривлекательны также расположенные ближе къ устью Камы деревни и городки; почернѣвшая солома, завалившіеся плетни въ деревняхъ и какія-то сѣрыя кучи разбросанныхъ построекъ въ городкахъ, ничѣмъ все это не лучше обыкновеннаго русскаго захолустья и поэтому не останавливаетъ вниманія. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше вырисовываются типическія черты какъ самой рѣки, такъ и ея береговой жизни.

Широкимъ и глубокимъ, сильнымъ, спокойнымъ потокомъ течетъ эта рѣка въ крѣпкихъ, прочно ограждающихъ неизмѣнность теченія рѣки берегахъ. Здѣсь даже лѣвый берегъ несравненно выше и несравненно крѣпче держится на своемъ мѣстѣ, чѣмъ лѣвый берегъ Волги; благодаря его чрезмѣрной низменности, бѣдная Волга-матушка измучилась въ поискахъ своей прямой дороги. Низменный, песчаный, заливаемый весною обильными водами Волги берегъ этотъ награждаетъ ее грудами песку, мусора и корья, нанося поперекъ ея теченія цѣлыя горы препятствій. Какая-нибудь затонувшая барка, расшива — весьма достаточная причина для того, чтобы спадающія съ песчаной низменности воды натащили на это препятствіе груды песку и заставили бы широкое теченіе рѣки разбиться на два неширокихъ и мелкихъ рукава. А на югѣ, отъ Царицына до Астрахани, бѣдная рѣка отбивается отъ этихъ несмѣтныхъ тучъ, несущихся на нее и справа и слѣва, десятками своихъ теченій, отмахивается отъ нихъ всѣми, такъ сказать, пальцами обѣихъ рукъ и окончательно изнемогаетъ, добравшись наконецъ до глубокаго моря.

Не такъ поступаютъ съ Камой ея вѣрные стражи, крѣпкіе, твердо знающіе «свое дѣло» берега. И справа и слѣва берега эти высоки (съ правой стороны даже иногда очень высоки), и не песчаны и блѣдны, какъ на милой, измученной Волгѣ, а красноваты, иногда даже темно-красны, что̀ говоритъ о массахъ желѣзныхъ рудъ, дающихъ этимъ берегамъ особенности цвѣта и твердости. Твердые, крѣпкіе берега гладко и правильно отшлифованы неизмѣннымъ въ долгіе годы теченіемъ Камы, иногда поражаютъ своей тонкой отдѣлкой, т.-е. удивительной правильностью линій, проложенныхъ по красной почвѣ рѣзцомъ твердой, не мѣнявшей своего направленія, струи. Красноватые берега хол-

мисты, мягко волнообразны, а растительность, покрывающая ихъ, также радуетъ взглядъ нѣкоторыми особенностями. Какая-то отчетливость, тщательность въ обрисовкѣ какъ самого растенія, такъ и его цвѣта невольно почему-то напоминаютъ произведенія «добросовѣстнѣйшихъ», трудолюбивѣйшихъ художниковъ, тщательно старающихся изобразить на картинѣ все, что надо, непремѣнно въ самомъ точномъ видѣ, въ самомъ подлинномъ цвѣтѣ. Иногда вѣдь и бѣлое стекло можетъ казаться золотымъ отъ лучей заходящаго солнца, а синій прудъ дѣлается отъ тѣхъ же лучей краснымъ. Но добросовѣстнѣйшій и честнѣйшій рисовальщикъ, любящій только «правду», напишетъ солнце, какое оно есть по сущей правдѣ, и воду, какова она въ дѣйствительности, и дерево въ томъ цвѣтѣ, какой ему свойственъ. Благодаря хорошей погодѣ, берега Камы производили впечатлѣніе именно этой тщательной рѣзкости въ цвѣтахъ и очертаніяхъ покрывающей берега растительности: красный обрѣзъ берега, неправильной линіей своей вершины соприкасающійся съ холмистой и волнообразной поверхностью удаляющагося отъ берега пространства, самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляется отъ этого пространства своимъ цвѣтомъ. Берегъ густо-красенъ, а кайма его вершины блѣдно-зеленая, и этимъ блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ окрашена на далекое пространство волнообразная даль берега.

Только-что глазъ запечатлѣлъ эти два, какъ ножомъ отрѣзанные другъ отъ друга цвѣта красный и блѣдно-зеленый,—какъ на этомъ блѣдно-зеленомъ фонѣ съ величайшею тщательностью очертаній вырисовывается черная ель—то маленькая и тонкая, то высокая и стройная, какъ минаретъ, то темная-претемная, какъ кипарисъ. Сплошныхъ еловыхъ лѣсовъ я что-то не примѣтилъ на Камѣ; сколько я могъ видѣть (тогда, когда, конечно, смотрѣлъ, а этого вѣдь нельзя было дѣлать во весь переѣздъ безпрерывно), ели—это какіе-то странники, прохожіе, большими толпами, но одинъ за однимъ, пробирающіеся куда-то, и всегда разныхъ лѣтъ и возраста: маленькая плетется по блѣдно-зеленому полю, а за ней большая, а за большой опять подростокъ, а за подросткомъ старый-престарый старикъ. То онѣ плетутся, идутъ по чисту полю, то, какъ переселенцы, группами селятся въ чужихъ сосновыхъ лѣсахъ. И тоже никогда онѣ не растутъ одна подъ одну, а все по своему «карахтеру»: одна маленькая, другая большая, третья поменьше. И какъ онѣ хороши, когда одинокими прохожими

или небольшими колоніями протянутся по вершинамъ возвышенностей. На чистомъ блѣдномъ небѣ, особливо вечеромъ и особливо при полной лунѣ, ясно очерчиваются тогда силуэты многолюдныхъ городовъ, съ высокими церквами, колокольнями, башнями, минаретами, зубчатыми стѣнами. Иногда вполнѣ вѣришь и видишь, что пароходъ идетъ прямо къ какому-то большому городу, а потомъ и оказывается, что это все сдѣлали прихотливыя ели.

Вмѣстѣ съ особенностями природы, понемногу стали видимы и особенности прикамскаго побережнаго житья-бытья. За Чистополемъ, этимъ городкомъ, дающимъ весьма немногосложное впечатлѣніе обыкновеннаго россійскаго захолустья, пошли совершенно необыкновенныя на Руси, многолюдныя и зажиточныя деревни. Соломенная крыша окончательно исчезла. Просторныя улицы, просторныя постройки, все это совершенно необычно для жителя русскихъ внутреннихъ губерній, знающаго, что̀ такое деревня. И такихъ просторно устроившихся деревень и широко раскинувшихся селъ, нерѣдко съ двумя и тремя церквами, встрѣчается здѣсь, въ теченіе часа пароходнаго пути, не одинъ разъ. То, что пароходъ не останавливается около этихъ селъ и деревень, доказываетъ, что пароходу еще нечего съ ними дѣлать, что села эти и деревни не принимали еще и не отпускали отъ себя никакого продажнаго продукта, и что слѣдовательно они дѣйствительно села и деревни, по преимуществу, земледѣльческія.

Встрѣчаются по Камѣ, правда, и такія села и деревни, которыя имѣютъ связи съ разными, главнымъ образомъ желѣзными заводами, и тогда около нихъ есть пристань, а съ пристани садится на пароходъ тотъ самый «пинжакъ» съ рваными локтями и рванымъ козырькомъ, который доказываетъ, что Купонъ уже «проникъ» и произвелъ все то, что̀ ему произвести подобаетъ.

Пріятно было смотрѣть и на эти просторныя деревни, и на эти своеобразные берега, и на самую многоводную Каму; но все смотрѣть да смотрѣть и не сказать ни съ кѣмъ живого слова—наконецъ станетъ и скучненько. И, конечно, наилучшіе собесѣдники—переселенцы.

III. Первая встрѣча.

Переселенцы помѣщались на палубѣ въ третьемъ классѣ; на Любимовскихъ пароходахъ *) палуба закрыта и сверху и съ боковъ, такъ что проѣзжающіе защищены отъ дождя и вѣтра. Но жара отъ машины и отъ кухонь сильно портитъ воздухъ въ помѣщеніи третьяго класса.

На этотъ разъ на пароходѣ ѣхало двѣ партіи переселенцевъ, обѣ изъ Курской губерніи, но изъ разныхъ уѣздовъ, при чемъ одна партія въ четыре семьи были малороссы изъ южныхъ уѣздовъ Курской губерніи, а другая, изъ 6-ти семей,—великороссы изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи. Малороссы ѣхали въ Красноярскій округъ, гдѣ уже имѣли своихъ земляковъ-поселенцевъ, и шли на готовую землю. Великорусскіе переселенцы ѣхали въ Томскій округъ, гдѣ тоже имъ уже были отведены участки, и даже нумера участковъ обозначены (14 и 25) въ проходномъ свидѣтельствѣ. Малороссы-переселенцы были одѣты опрятнѣй нашихъ, ѣли аккуратнѣе и въ опредѣленное время, цѣлыми семьями въ кружокъ, и вообще во всѣхъ ихъ поступкахъ было гораздо больше обдуманности и сообразительности, чѣмъ у черноземныхъ великороссовъ, которыхъ отличала какая-то бабья простота, бабья распоясанность во всѣхъ отношеніяхъ и, къ сожалѣнію, весьма значительная нищета въ одеждѣ. Малороссы были всѣ въ сапогахъ, великороссы всѣ въ лаптяхъ, въ онучахъ, въ самыхъ дерюжныхъ рубахахъ, штанахъ, сарафанахъ. Малороссы спали, всегда что-нибудь подстилая; наши валились прямо на полъ, заплеванный подсолнухами, и только подъ ребятъ подстилали какіе-то не совсѣмъ чистые дерюжные лоскутья. Бѣдность и несытость не подлежали никакому сомнѣнію въ курскихъ переселенцахъ-великороссахъ, тогда какъ у малороссовъ, очевидно, была хоть и небольшая, но все-таки «копейка» гдѣ-то припрятана.

Но въ этихъ, кой-въ-чемъ непохожихъ другъ на друга партіяхъ была одна вполнѣ однородная для всѣхъ нихъ черта: не столько бѣдность, нищета, трудность жизни въ матеріальномъ отношеніи побуждала ихъ къ переселенію, сколько явная *боязнь разрушить нравственныя семейныя связи*. Всѣ ѣхали семьями, въ которыхъ были старики,

*) За проѣздъ отъ Нижняго до Перми съ переселенцевъ брали по 2 р. Кушанье переселенцы могли готовить на кухнѣ матросовъ безплатно.

старухи, уже неспособные къ работѣ, которые поэтому даже прямо будутъ бременемъ во время трудной поры устройства на новомъ мѣстѣ.

Изъ разговоровъ, особенно съ великорусскими переселенцами, ясно было видно, что боязнь разбрестись изъ «своего дома», уйти отъ отца, отъ матери, жить въ чужихъ людяхъ, и страхъ при жизни исчезнуть другъ для друга, что онъ-то и гналъ эти семьи въ далекіе края, заставляя и стараго и малаго крѣпко прижиматься другъ къ дружкѣ, жить «увмѣстяхъ», и если пропадать, такъ пропадать также «увмѣстяхъ».

Одинъ изъ такихъ великороссовъ-переселенцевъ, распоясанный мужикъ, съ распахнутой душой, все выкладывающій передъ всякимъ встрѣчнымъ съ перваго слова, поразилъ меня именно обиліемъ нѣжнѣйшихъ чувствъ къ своей семьѣ. Конечно, и онъ говорилъ о нищетѣ, о податяхъ, о неурожаяхъ, о крайней степени малоземелья и крайней высотѣ арендной платы, но разговоръ объ этихъ матеріальныхъ невзгодахъ, страшившихъ его главнымъ образомъ съ точки зрѣнія неуплаты податей и недоимокъ, и вообще провинности противъ начальства, очень часто прерывался самыми нѣжными словами, именно объ этихъ близкихъ людяхъ.

— Вонъ она, маменька-то старушка, сидитъ! Поѣхала вѣдь!

Радостно сіяютъ при этомъ его «простенькіе» глаза.

— «Не останусь, до смерти не разлучусь съ тобой, Михайла!» Двухъ дочерей и со внучатами уже замужними оставила, простилась съ ними навѣки, а отъ меня не отстаетъ! Вотъ она какова, маменька-то!

И эта радость чувствовать около себя такую горячую, вѣчную любовь, кажется, была единственною силой, которая давала ему возможность обольщать себя надеждой, что онъ на новомъ мѣстѣ справится и все уладитъ по-хорошему. Онъ *одинъ* ѣхалъ на *новое* мѣсто со старухой-матерью, женой и пятью человѣками дѣтей, малъ мала меньше, и всякій разъ, когда разговоръ касался практическихъ вопросовъ, и когда они очерчивались въ весьма непривлекательныхъ предчувствіяхъ, онъ, видимо, старался ободриться, прихрабриться и для этого опять радостно говорилъ о маменькѣ, о женѣ, о ребятишкахъ. То, что они неразлучны, любятъ другъ друга, не покинутъ одинъ другого,— въ этомъ былъ источникъ его мечтаній объ успѣхѣ.

Всѣ эти семьи бѣдны и помяты работой, это видно съ перваго взгляда; но что всѣ онѣ семьи, любящія другъ друга, какъ наши черноземныя, или крѣпко сплоченныя нравственными и матеріальными связями, какъ малороссы,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Одинъ изъ малороссовъ-переселенцевъ ѣхалъ съ женой, съ тремя сыновьями, изъ которыхъ двое были женаты, и съ тремя внучатами. Сыновья его могли постоянно поддерживать его хозяйство и свои семьи отхожими промыслами. Каждый годъ за два лѣтнихъ мѣсяца они трое приносили съ Дону 150 руб., т.-е. все, что̀ нужно на покрытіе неминуемыхъ платежей. Но стоило поговорить съ отцомъ этой семьи побольше, чтобы несомнѣнно убѣдиться, что его влечетъ на новыя мѣста не столько расчетъ, сколько забота о молодомъ поколѣніи, которое начинаетъ расти и множиться и тѣмъ осложняетъ семейныя отношенія. Старикъ живетъ заботою о своихъ ближнихъ, объ отношеніи мужей къ женамъ, отцовъ къ дѣтямъ, блюдетъ ихъ, не даетъ ихъ въ обиду, и участь всѣхъ ихъ, до внучка включительно, для него значитъ не меньше денежнаго заработка. Практичность, замѣтная въ немъ и не имѣющая никакого сравненія съ нѣжнѣйшею непрактичностью того великорусскаго мужика, о которомъ я сказалъ выше, она для него только средство не разрушить и не убавить многосложность семейныхъ связей и обязанностей.

А что этотъ человѣкъ не разиня, не распахнутая душа— это вѣрно. Распахнутая душа черноземнаго переселенца сразу отозвалась на мое желаніе видѣть его «бумагу».

— Да съ полнымъ удовольствіемъ.— И мужикъ съ распахнутой душой тотчасъ вытащилъ ее изъ-за ворота. Тамъ, на груди, въ кожаномъ самодѣльномъ бумажникѣ, застегнутомъ на крупную солдатскую пуговицу и прицѣпленномъ на ту же тесемку, на которой висѣлъ мѣдный крестикъ,— тамъ была у него спрятана «бумага» и десятирублевая бумажка.

— Вотъ и деньги-то всѣ тутъ! — разлюбезнѣйшимъ тономъ проговорилъ онъ и вытащилъ запотѣвшую на груди бумажку.—Право, ей-Богу!

— Какъ же ты доберешься до Томска-то?

— А эво-то что̀!—указывая рукою на берегъ, съ развеселымъ лицомъ проговорилъ онъ.

— Что̀ тамъ такое?

— А хлѣбъ-отъ! Видишь какой? сырой, зеленый, чуть

бѣлѣть еще начинаетъ... Ну, и въ тѣхъ-то мѣстахъ, въ Томскомъ-то округѣ, должно-быть, онъ въ той же порѣ. Авось, Господь дастъ, подоспѣемъ къ жниву-то... Я да жена, все двое! Поработаемъ!

Распахнутая настежь душа раскрыла всѣ свои тайны въ одну минуту: открыла и бумаги, и деньги, и планы на будущее, и всѣ свои нѣжныя сердечныя чувства и привязанности.

Душа, сосредоточенная въ себѣ, не распахнутая настежь, но живущая не менѣе многосложно, чѣмъ и распахнутая, вела себя со мною много осторожнѣе. Когда я спросилъ о тѣхъ мѣстахъ, куда они идутъ и какъ объ этомъ сказано въ бумагѣ, чтобъ посмотрѣть на картѣ (которая со мной была), то кто-то изъ сыновей старика-малороссіянина, съ которымъ я говорилъ, сказалъ мнѣ:

— Вона въ батька!

Тогда «батька» обернулся къ сыну, сурово посмотрѣлъ на него изъ-подъ нависшаго на лобъ чуба и строго сказалъ:

— Нема ни якой бумаги въ батька!

— Дѣ-жъ вона?

Батька помолчалъ и потомъ кратко отвѣтилъ:

— Искуривъ на цигарки.

— Ну,—сказалъ я на это:—ужъ это неправда. На цыгарки ты ее не искурилъ, потому что тебѣ безъ нея нельзя идти. А просто ты не хочешь мнѣ дать ее почитать.

— Та искуривъ же-жъ...

— Не искурилъ ты, а не хочешь!

Батька пожалъ плечомъ и, свѣсивъ голову съ чубомъ, а руки опустивъ между разставленныхъ колѣнъ, опять замолчалъ. Молчалъ и я.

— Та дай ёму тую бумагу!—наконецъ сказалъ онъ недовольнымъ тономъ, не разгибаясь, а только обернувъ голову къ своему сыну. — Нехай мене Богъ... коли въ мене ни якой бумаги не було!

И сынъ тоже не сразу исполнилъ родительское приказаніе. Онъ сначала поглядѣлъ на меня, потомъ на отца, и потомъ уже не спѣша вытащилъ изъ кармана жилета кошелекъ, а изъ кошелька какой-то крошечный свертокъ. Развернувъ этотъ свертокъ, онъ досталъ изъ него еще какую-то бумажку, исписанную и мѣстами разорванную.

Это было простое письмо изъ Красноярска, отъ земляковъ теперешнихъ переселенцевъ - малороссіянъ, посели-

вшихся тамъ раньше. Замѣчательны эти письма «отъ земляковъ». Очевидно, пишутъ ихъ не земляки, а строчитъ кто-то изъ *тамошнихъ*, отлично набившихъ руку въ писаніи такихъ писемъ. Всѣ они (мнѣ много приходилось ихъ видѣть впослѣдствіи) написаны почти по одному и тому же образцу, и во всѣхъ нихъ постоянно находятся одни и тѣ же выраженія и посулы насчетъ будущихъ благъ. «Паши сколько хошь, коси сколько хошь, дровъ сколь угодно, руби безъ запрету, скота много, цѣны дешевыя... Выбирайте двухъ человѣкъ, нущай придутъ осмотрѣть. Лучшей жизни не найтить!» Все въ одномъ и томъ же родѣ.

— Это не та бумага!—сказалъ я.

— Та нехай мене...

Я прервалъ упорнаго старика и завелъ рѣчь о томъ, какъ ему жилось на родинѣ и отчего онъ ушелъ. И вотъ тутъ онъ заговорилъ совершенно другимъ тономъ: въ немъ оказалась такая пропасть юмора, что публика, слушавшая его разсказы, умирала со смѣху.

Разсказывая, напримѣръ, о потравѣ, за которую владѣлецъ бралъ огромные штрафы, онъ тутъ же и представилъ «въ лицахъ», какъ эту потраву производитъ разыгравшійся жеребенокъ, который прибѣжалъ въ поле за своей маткой. Оставить жеребенка дома нельзя, да и мать соскучится, а возьмешь его въ поле, онъ обрадуется и начнетъ играть.

— Стоишь,—говорилъ онъ:—глядишь на жеребенка, а у самого только духъ захватываетъ... Прыгнулъ разъ, — на пять карбованцівъ! прыгнулъ два,—на пятнадцать! завертѣлъ хвостомъ, повалился, болтнулъ всѣми четырьмя копытами, хвать—и всѣ сто рублей на шеѣ! Побѣжать за нимъ догонять, натопчешь настолько, что и всю жизнь не расплатиться!

Невозможно передать въ моемъ пересказѣ, ни по-русски ни по-малороссійски, видѣннаго и слышаннаго: что̀ это была за необычайно комическая картина! И такихъ сценъ остроумный старикъ разсказалъ, а главное — представилъ въ лицахъ, множество. Панъ, накладывающій штрафы за бродяжество курицы (1 к.), опредѣляющій до послѣдней полушки размѣры всякихъ убытковъ отъ заблудившейся свиньи, отъ цыпленка, разыскивающаго свою мать-насѣдку, фигура этого пана была изображена поистинѣ высоко-художественно. Мы уже давно отвыкли думать о томъ, что̀ дѣлается въ этихъ темныхъ углахъ, гдѣ живутъ какіе-то темные паны, владѣтели разныхъ «отрѣзокъ». Остроумный

старикъ всѣмъ намъ напомнилъ, что эти маленькіе тираны, съ неизвѣстными фамиліями, нигдѣ, ни въ какой общественной дѣятельности ничѣмъ не обнаруживающіе даже своего имени и въ то же время величайшіе изобрѣтатели всякаго рода прижимокъ,—существуютъ на Руси въ огромномъ количествѣ.

Когда какой-то изъ переселенцевъ-великороссовъ спросилъ старика-юмориста, за много ли денегъ продалъ онъ свою усадьбу, старикъ опять и сразу совершенно преобразился. Юморъ пропалъ, и осталось опять то же выраженіе лица и та же манера разговора, какъ и въ началѣ моей съ нимъ бесѣды.

— Та ничого нема!—жалобнымъ и недовольнымъ тономъ заговорилъ-было онъ и принялся, при помощи пальцевъ, доказывать, что вырученныя за усадьбу деньги разошлись всѣ до одной копейки. Но ему не дали не только докончить этихъ расчетовъ, но даже и начать ихъ объясненіе.

Россійскіе переселенцы громко и дружно подняли старика на смѣхъ!

— Ну, ужь, братъ, врешь! Ужъ это врешь, братъ!

— Вретъ! Не хочетъ говорить... У нихъ, у хохловъ, завсегда деньги есть! Это что̀!

— Та...

— Врешь! Врешь, старина!

— Та...

— Что̀? у него нѣтъ денегъ?—произнесъ какой-то приказчикъ, неожиданно появляясь среди толпы переселенцевъ.—У хохла-то нѣтъ? Вретъ, вретъ!

— И вѣстимо есть! У нихъ завсегда есть! Не то, что у нашего брата.

— Есть у нихъ! Есть!.. Хочешь, я тебѣ покажу, сколько у тебя денегъ?—весьма развязно продолжалъ приказчикъ, что̀ очень смутило старика.—А не хочешь, такъ прямо говори, а не утаивай. А то мы тебя свяжемъ, вытащимъ кису-то и сами пересчитаемъ? А?

Старикъ сильно омрачился, а зрители распахнули свои пасти въ самомъ беззаботномъ смѣхѣ, умѣя и привыкнувъ еще «и не такъ» подшутить надъ человѣкомъ.

Этой шуткой, заставившей меня уйти изъ толпы шутниковъ, закончилась первая встрѣча съ переселенцами.

IV. Отъ Перми до Тюмени.

Пермь и переѣздъ по Уральской горнозаводской дорогѣ до Екатеринбурга прошли безъ особенно примѣтныхъ впечатлѣній. Непомѣрная, совершенно неожиданная жара, начавшаяся еще, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, на Камѣ, гдѣ я съ полною увѣренностью ожидалъ всякихъ прелестей, свойственныхъ близости Ледовитаго океана,—окончательно доконала въ Перми и во всю дорогу до Тюмени, да и здѣсь припекала безъ всякаго милосердія. Все время жара стояла днемъ около сорока градусовъ, а часто и выше сорока, и размаивала до состоянія постояннаго полусна. Благодаря такой случайности (старожилы не запомнятъ такихъ жаровъ), ослабленные нервы отказывались воспринимать вообще какія бы то ни было впечатлѣнія. Разъ только они, и то на самое короткое время, ощутили-было нѣкоторое тенденціозное безпокойство, но ощутили только потому, что затронуты были соображеніями о весьма мрачныхъ подозрѣніяхъ.

Ѣхали на пароходѣ и потомъ по желѣзной дорогѣ какія-то, такъ сказать, «отдѣльныя» отъ обыкновенной проѣзжающей публики личности. Что-то было въ этихъ личностяхъ «особенное», а главное—таинственное, не говоря о разнообразіи форменныхъ костюмовъ, свидѣтельствовавшихъ о принадлежности каждой изъ этихъ «отдѣльныхъ личностей» къ разнымъ министерствамъ, всѣ онѣ первое время усердно занимались чтеніемъ какихъ-то толстыхъ книгъ, которыя однимъ видомъ своимъ говорили, что въ нихъ напечатаны не стихи и не романы. Иной разъ дунетъ вѣтеръ — глядь, и выдуетъ изъ книги огромнѣйшую таблицу или огромнѣйшій чертежъ, или карту съ явственно обозначенными «пунктами» (красненькими кружками), очевидно, означающими мѣста, гдѣ зимуютъ разные сибирскіе раки и противъ которыхъ «отдѣльныя личности», очевидно, имѣютъ какія-то тайныя намѣренія. Глядя на эти потрясаемыя вѣтромъ «таблицы» и карты и чертежи, я, не знаю почему-то, вспоминалъ такъ часто встрѣчающіяся въ сибирской прессѣ слова: «кажется, въ будущемъ году намъ наконецъ *улыбнется* такая-то реформа». «Неужели же намъ никогда *не улыбнется* надежда на такую-то реформу?» Или: «надежда, *улыбнувшаяся* намъ, увы!..» Вспомнилось мнѣ все это, и я съ какой-то тревожной подозрительностью подумалъ обо всѣхъ этихъ «отдѣльныхъ» личностяхъ: «Ужъ

не «улыбки» ли это, ожидаемыя такъ долго, наконецъ, въ образѣ человѣческомъ, ѣдутъ въ Сибирь? Не опрометчиво ли поступали господа сибиряки, вопія о томъ, чтобы имъ «оттуда» наконецъ улыбнулись? А какъ возьмутъ да и станутъ въ самомъ дѣлѣ улыбаться безъ послабленія? Что̀ тогда?»

Однако, несмотря на полное разслабленіе и отупѣніе отъ жары, иногда нельзя было кое-чего не видѣть и не воспринять изъ впечатлѣній окружающаго. Нельзя было не видѣть этихъ горъ, просторно разступающихся по обѣимъ сторонамъ дороги,—горъ, не теряющихъ впечатлѣнія этого простора даже въ самой крайней дали горизонта, гдѣ онѣ очерчиваются только туманными силуэтами, гдѣ онѣ по свѣтлому небу чертятъ непрерывную, неправильную линію вершинъ, мелко иззубренную все тою же островерхою елью.

Хорошъ и вполнѣ типиченъ Уралъ на Чусовой: широкая долина съ широкими, свободными изгибами рѣки, обставленная не напирающими другъ на друга и не тискающимися горами, впервые дышитъ на васъ сибирскимъ раздольемъ и просторомъ; все, что̀ вы видите кругомъ себя, эти долины, переходящія въ горы, безъ всякихъ рѣзкостей, медленными подъемами, какъ бы говорящими: «не къ спѣху!»; эти рѣки, широкими размахами своихъ изгибовъ доказывающія, что и онѣ поступаютъ здѣсь единственно только по своей охотѣ, что никто имъ здѣсь не указчикъ, и «потому—что̀ хочу, то и дѣлаю», и наконецъ эти горные хребты, размѣстившіеся другъ отъ друга безъ всякаго стѣсненія, какъ самодовольные хозяева всей этой шири и простора; все это, вѣющее просторомъ, свободнымъ своевольствомъ и могучей, но смирной силой,—все это уже не наше, черноземное, а новое, здѣшнее, чисто сибирское и для насъ необычное.

Есть, впрочемъ (особливо за Чусовой), и такія мѣста, гдѣ сила природы выходитъ изъ предѣловъ смирнаго настроенія и невольно рождаетъ какое-то жуткое ощущеніе. Есть за станціей Чусовой такія мѣста, когда горы идутъ близехонько съ обѣихъ сторонъ поѣзда, и тогда тайна ихъ могущества невольно охватываетъ все существо какъ бы нѣкоторою оторопью. Въ чемъ эта тайна жуткаго ощущенія? Въ этой ли могучей высотѣ, или въ дремучей растительности, плотно и тепло одѣвающей огромное тѣло горы съ низу и до верху,—не знаю и не могу опредѣлить. Но знаю, что,

взглянувъ на это могучее тѣло, плотно и тепло одѣтое густымъ мѣхомъ лѣса, невольно скажешь себѣ:

— Эка силища-то какая!

И, глядя на эту силу, почему-то «пикнуть не смѣешь», молчишь, притаивъ дыханіе, и вздохнешь свободно только тогда, когда вагонъ уйдетъ въ какую-нибудь искусственную выемку или на равнину, очень часто болотистую и непривлекательную.

За Екатеринбургомъ впечатлѣнія начинаютъ принимать уже болѣе опредѣленный смыслъ, и притомъ довольно многосложный. Прежде всего значительно убавляются рѣзкости горной природы; начинается наша, знакомая намъ, россіянамъ, степь, поля, луга, а вмѣстѣ съ ними идутъ уже не заводы, не болотца съ кучками мужиковъ-золотоискателей, а деревни, стада, крестьяне. Все это прямо наше, россійское, но въ то же время есть во всемъ этомъ что-то и новое, чего сразу рѣшительно не поймешь и не сообразишь. Не говоря уже о просторѣ, о привольѣ, которыми вѣютъ на васъ эти поля, луга и стада, не говоря о достаткѣ, который виденъ въ этихъ просторныхъ постройкахъ селъ и деревень, гдѣ нѣтъ ни одной соломенной крыши, — чувствуется, что есть тутъ, во всемъ видимомъ, еще что-то невѣдомое для насъ. Оно тоже почему-то веселитъ, поднимаетъ въ душѣ что-то радостное, и загорается ожиданіе чего-то необычайнаго.

«Нѣтъ барскаго дома!» — вдругъ озаряетъ мысль молчаливо сказавшееся слово, и вся тайна настроенія, и вся сущность непостигаемой до сихъ поръ «новизны» становится совершенно ясной и необычайно радостной.

Нѣтъ барскаго дома, но есть крестьянинъ, живущій на такомъ просторѣ, расплодившій тамъ огромныя стада, настроившіи такія огромныя, просторныя деревни; есть человѣкъ, проживший на своему вѣку безъ малѣйшей прикосновенности къ барскому дому: когда мы, обыватели Европейской Россіи, видѣли такого крестьянина?

Настойчивое желаніе видѣть «своими глазами» «такого русскаго мужика», не знавшаго самаго главнаго и самаго важнаго, что пришлось знать и перетерпѣть нашему великороссійскому крестьянину, это желаніе, едва родившееся, тотчасъ же осложняется мыслями о многострадальной жизни именно «нашего», хорошо знакомаго намъ мужика. «Какъ на грѣхъ», этотъ самый мужикъ теперь же вмѣстѣ съ вами, въ этомъ же поѣздѣ, мчится изъ Россіи, бѣжитъ

отъ всѣхъ уже достаточно «улыбнувшихся» ему улучшеній. И какъ бѣжитъ! Вотъ въ этихъ пяти вагонахъ его *везутъ* на поселеніе, за желѣзными рѣшетками, а въ другихъ пяти онъ *самъ бѣжитъ* на это поселеніе добровольно. Посмотрите, что̀ за народъ сидитъ и тамъ и тамъ. Это все одинъ и тотъ же народъ, съ тою разницею, что одинъ «бѣжитъ *отъ грѣха*» самъ: одинъ догадался убѣжать во̀-время отъ грѣха, а другой не выдержалъ, наскочилъ на грѣхъ, не избѣжалъ грѣха, и бѣжитъ уже за желѣзной рѣшеткой. Но грѣхъ-то и тамъ и тамъ одинъ и тотъ же. Онъ заключается именно во всей той исторіи великорусскаго крестьянина, о которой сибирскій мужикъ не имѣетъ понятія. Не имѣетъ онъ понятія о барскомъ домѣ, о «на-конюшнѣ», о бурмистрѣ, о «барской барынѣ» или о «барскомъ баринѣ»; не орудовалъ надъ нимъ баринъ-вольтерьянецъ, не орудовалъ и не дѣлалъ опытовъ баринъ-аракчеевецъ; не былъ онъ проигранъ въ карты, пропитъ съ цыганками, заложенъ и перезаложенъ; не былъ онъ дрессированъ просвѣщеннымъ агрономомъ, не былъ битъ въ морду Карломъ Карловичемъ, не мечталъ онъ о томъ, что «отберутъ землю», что земля Божья, что вода Божья, что лѣса Божьи, и не разочаровывался во всемъ этомъ въ такой убійственной степени, какъ нашъ, въ концѣ концовъ доведенный до «грѣха», до бѣгства отъ него на край свѣта или до пересылки, изъ-за него же, по этапу.

Ни при какихъ иныхъ обстоятельствахъ «грѣхъ» нашей жизни не виденъ съ такою поразительною ясностью, какъ именно здѣсь, на этомъ переселенческомъ пути изъ Россіи въ Сибирь.

«Послѣднее слово науки» — пароходъ и вагонъ — мчатъ на «коврѣ-самолетѣ» на поселеніе одинаково ни въ чемъ неповиннаго и уже повиннаго въ томъ-то преступника. Одна перевозка «виноватаго» въ теченіе двухъ-трехъ недѣль обойдется оставшимся на родинѣ неплательщикамъ во сто разъ дороже, чѣмъ то, что̀ желалъ бы виноватый теперь мужикъ имѣть на своей родинѣ; тамъ, на родинѣ, онъ двадцать лѣтъ вопіялъ о *прирѣзкѣ*, жаловался непрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ, что негдѣ пасти скотину, что ѣсть ему нечего, что платить нечѣмъ, и ни въ чемъ не получилъ удовлетворенія; въ волостномъ правленіи его «сажали», понуждали, злили. Злой, онъ колотилъ жену, обиженная жена жаловалась въ судъ; судъ опять наказывалъ мужика, мужикъ со зла пропивалъ все женино добро, разорялся,

воровалъ сначала хомутъ, а потомъ лошадь, а потомъ и что-нибудь еще посолиднѣе. И вотъ, такимъ путемъ, со ступеньки на ступеньку, онъ достигъ наконецъ до вагона; европейская выдумка точно о немъ только и думаетъ: съ кандалами на ногахъ, онъ теперь аккуратно получаетъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ, чистое бѣлье, баню, «вентиляцію».

Въ томъ же поѣздѣ и на томъ же смазочномъ «коврѣ-самолетѣ», по полутысячѣ верстъ въ сутки, мчится «отъ грѣха» и родной братъ этого кандальника. Онъ бѣжитъ отъ того же самаго грѣха, отъ котораго и кандальникъ сталъ кандальникомъ. У него тоже тотчасъ послѣ того, какъ онъ претерпѣлъ тяготы крѣпостного права, оказалось такъ мало средствъ къ труду, а стало-быть, и къ жизни, къ удовлетворенію своихъ и государственныхъ потребностей, что онъ тогда же сталъ жаловаться «*по формѣ*», «на бумагѣ», и неусыпно, въ теченіе 25-ти лѣтъ, ждалъ все той же прирѣзки. Когда его наказывали за недоимку, онъ не билъ со зла жену и не пропивалъ со зла ея трудового добра, а прямо, и вмѣстѣ съ женой, продавалъ это добро и платилъ. Продавали они и лишняго теленка, лишняго цыпленка и платили; нарастали новыя тяготы, новыя недоимки, — не роптали, не протестовали они зломъ или буйствомъ, а покорно разбредались всей семьей по кабальнымъ мѣстамъ, по фабрикамъ, заводамъ, забирались за заработкомъ на Донъ, на югъ, куда только ноги могли донести. Десятилѣтніе ребята ихъ уже стояли за сохой, были наняты, законтрактованы. Растративши всѣ свои силы, всѣ свои достатки, надорвавши силы молодого поколѣнія съ самаго ранняго возраста и окончательно потерявши малѣйшую возможность къ чему-нибудь приложить свои руки, они наконецъ и летятъ на коврѣ-самолетѣ въ невѣдомыя имъ мѣста.

Мчитъ ихъ коверъ-самолетъ, робкихъ, испуганныхъ неизвѣстностью, оборванныхъ и изнуренныхъ, въ большинствѣ совершенно неимущихъ и въ лучшемъ случаѣ увозящихъ на коврѣ-самолетѣ, кромѣ пяти ребятишекъ (всегда безъ шапокъ и сапогъ) да пяти пудовъ сухарей, много-много пуда два «имущества» на всю семью. Это положительно *все*, что осталось отъ всей «родословной» исторіи этихъ крестьянскихъ семействъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ могущество чьихъ-то другихъ родословій: два мѣшка «имущества», пять пудовъ сухарей и пятеро ребятъ безъ шапокъ и безъ сапогъ—вотъ результатъ пустопорожней суеты

нашей внутренней жизни и нашей бездѣйствующей совѣсти.

Какъ же не дать огорченной всѣмъ этимъ мысли отдохнуть въ мечтаніяхъ о крестьянинѣ, который ничего подобнаго не испыталъ?

V. Переселенческое дѣло въ Тюмени.

Переселенческая станція, конечно, была первымъ мѣстомъ, которое я посѣтилъ по пріѣздѣ въ Тюмень. Да и во все короткое время пребыванія въ Тюмени мнѣ невозможно было удѣлить даже и малую часть времени, чтобы познакомиться собственно съ Тюменью. Не могъ я, конечно, не замѣтить, какъ хорошо мѣсто, гдѣ расположенъ этотъ городъ, какъ удивительно хороши берегъ и самая рѣка Тура; но не могъ не пожалѣть, что тюменскій обыватель не сумѣлъ сберечь для себя этого великолѣпнаго изгиба высокаго берега, хотя бы для своего отдохновенія, для прогулки; вѣдь видъ-то какой! Тюменскій обыватель устроилъ съ этимъ берегомъ совершенно неблагообразныя вещи; пройти по немъ съ одного конца до другого невозможно; можно видѣть его только тогда, когда улица упрется въ самый берегъ; а тамъ, гдѣ она уперлась и гдѣ вы подумали, что наконецъ можете идти направо или налѣво по берегу, тамъ, подъ угломъ къ этому берегу, начинается новая улица, вправо или влѣво, застроенная домами, за которыми и опять не видно берега. Кромѣ сожалѣнія о пропажѣ этого чуднаго вида на просторъ долины за р. Турой, пожалѣлъ я и о самой Турѣ.

— Что это?.. какъ будто чѣмъ-то пахнетъ?—спросилъ я сторожа въ купальнѣ.

— Это еще слава Богу! Сегодня воскресенье, — заводы не работаютъ, а какъ въ будни, да пустятъ они свою грязь, такъ чисто дохнуть невозможно!

Какъ разъ противъ купаленъ расположились кожевенные заводы, спеціальное дѣло Тюмени. При болѣе подробномъ разговорѣ объ этомъ дѣлѣ оказывается, что «ничего невозможно подѣлать»: ни купальню перенести ни заводовъ. Молва гласитъ, что объ этомъ идетъ уже давно рѣчь и толки, но все «ничего невозможно». Купальню даже и вовсе

невозможно перенести ни выше ни ниже: выше будетъ далеко, а ниже — начинается уже настоящій кожевенный смрадъ. Такимъ образомъ и мѣсто хорошо, и видъ великолѣпный, и рѣка «лучше не надо», а купаться нельзя, потому что можно, во-первыхъ, заболѣть какой-нибудь кожной болѣзнью, а во-вторыхъ, даже и задохнуться.

Но что дѣйствительно хорошо въ Тюмени, это, во-первыхъ, все, что дѣлается по переселенческому дѣлу, и, во-вторыхъ, все, что касается удобствъ, связанныхъ съ передвиженіемъ и перевозкой по Тоболу и Оби. Пароходная набережная превосходна: снабжена всѣми удобствами для нагрузки и выгрузки товаровъ, для рабочаго и проѣзжающаго, подъѣздные пути удобны, вымощены,—словомъ, все сдѣлано вполнѣ хорошо. Для проѣзжающихъ, кромѣ всѣхъ этихъ удобствъ, на пристани гг. Игнатова и Курбатова устроены даровыя помѣщенія, номера и общія комнаты, гдѣ проѣзжій можетъ жить, въ ожиданіи парохода, безплатно. Этого нигдѣ я не встрѣчалъ и не видалъ.

Но опять-таки повторяю, что самое лучшее и самое важное, что только есть въ Тюмени, это именно «переселенческій пунктъ». Все, что касается этого сложнаго дѣла, все поставлено здѣсь хорошо, правильно, добросовѣстно и дѣльно. Конечно, все это могло бы быть сдѣлано и еще лучше, и желательно бы было, чтобы количество средствъ, расходуемыхъ какъ частнымъ переселенческимъ Обществомъ (которому принадлежитъ постройка и содержаніе переселенческихъ бараковъ), такъ и размѣры суммы, расходуемой на помощь переселенцамъ, могли бы быть увеличены, и притомъ увеличены значительно. Это даже положительно необходимо для того, чтобы дѣло, поставленное такъ хорошо и добросовѣстно, могло, при возрастаніи переселенческаго движенія, сохранить возможность не ослаблять, за недостаткомъ средствъ, своей теперешней плодотворной дѣятельности. Средства необходимы. Но и то, что дѣлается теперь на тѣ средства, какія есть, — все это дѣлается хорошо, добросовѣстно, а главное, вполнѣ по-человѣчески, безъ малѣйшей тѣни благотворительной фальши, и тѣмъ менѣе безъ канцелярщины и пустой формалистики.

Здѣсь-то именно и подобаетъ быть предѣлу всякимъ пустопорожнимъ формальностямъ и всякимъ фальшивымъ сочувствіямъ «народу»; этотъ народъ потому-то и попалъ на коврѣ-самолетѣ въ Тюмень, на переселенческую или арестантскую баржу, что надъ нимъ уже былъ полностью про-

дѣлаиъ опытъ фальшиваго сочувствія на словахъ и формальнаго рѣшенія его судебъ на бумагѣ. Вся бумажная и сочувственная народу фальшь завершила уже надъ нимъ свои операціи. Съ этого момента надо, волей-неволей, начинать относиться къ человѣку просто по-человѣчески. Острожника уже драли тамъ, здѣсь надо ходить за нимъ, какъ за больнымъ, вентилировать въ его помѣщеніи воздухъ; надобно поить его лѣкарствомъ, принимать участіе въ оставленной имъ на родинѣ семьѣ, писать ему письма, читать полученныя имъ письма, думать о мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ жить, что будетъ ѣсть и пить, — то-есть дѣлать именно то самое, что и надобно было бы дѣлать тамъ, «на самомъ мѣстѣ-то преступленія».

Человѣческое вниманіе, обязательное къ острожнику, къ убійцѣ и каторжнику, тѣмъ болѣе дѣлается неминучимъ по отношенію къ переселенцу. Нельзя ему не помочь, нельзя его предоставить неизвѣстному, нельзя поставить его въ положеніе человѣка, который можетъ пропасть, умереть съ голоду. И я съ великимъ удовольствіемъ могу сказать, что собственными моими глазами видѣлъ, что отношенія людей, завѣдующихъ такимъ большимъ народнымъ дѣломъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ ему. Дѣло дѣлается по-человѣчески, т.-е. именно такъ, какъ оно и должно бы было дѣлаться также и тамъ, въ глубинѣ Россіи.

Вотъ, напримѣръ, письмо переселенца изъ новаго, года два назадъ устроившагося поселка:

«Ваше высокоблагородіе! Отпишите сдѣлайте вашу божецкую милость въ волость когда жъ пришлютъ остатки по дому не имѣемъ пропитанія живемъ въ бѣдствіи и нищетѣ. Бесъ капеікі!»

Или еще лоскутъ бумаги:

«Свидѣтельство.

«Я нижеподписавшійся крестьянинъ Казанской губерніи (названіе уѣзда, волости, села), будучи въ полномъ разореніи, ибо почва и песчаныя пространства, при неурожаѣ, при всѣхъ моихъ силахъ моего многочисленнаго семейства, до такой нисчеты дошелъ, неимѣя пять лѣтъ урожаю, весь проданъ за долги то прошу Васъ, отецъ и благодѣтель Христа ради неоставьте меня съ пятью дѣтьми безъ пропитанія. Съ подлиннымъ вѣрно»... Все это нацарапано какимъ-то грамотеемъ, который выбралъ, вѣроятно, изъ «Сельскаго Вѣстника», мудреныя слова, но не смогъ выдержать

научнаго изложенія далѣе трехъ строкъ; послѣ словъ: «съ подлиннымъ вѣрно», идутъ уже совершенныя каракули подлиннаго крестьянскаго письма: «безграмотство родителя моего удостовѣряю сынъ его Ѳедоръ».

Спрашивается: что такое эти каракули и лоскутья съ формальной точки зрѣнія? Это не прошенія. не жалобы, ходу формальнаго имъ нѣтъ; наконецъ самая бумага, не гербовая, уже прекращаетъ всякое ихъ значеніе. Такъ это и было всегда тамъ, «на мѣстахъ преступленій». Такъ было и здѣсь, въ Сибири, когда переселенческое дѣло не сдѣлалось наконецъ предметомъ хоть сколько-нибудь серьезнаго вниманія. Такого рода лоскутья и прежде не выбрасывались въ мусоръ и не выметались вмѣстѣ съ нимъ вонъ изъ дома; нѣтъ, они вкладывались въ огромный листъ писчей бумаги, съ разными буквами въ верхнемъ углу; на бумагѣ, за нумеромъ 155.666, писалось отличнымъ почеркомъ, что, за непредставленіемъ гербовыхъ пошлинъ, лоскутъ сей возвращается «безъ послѣдствій» въ то самое мѣсто, откуда пришелъ; все это запечатывалось въ пакетъ, отсылалось на почту, достигало волости, которая вызывала человѣка, живущаго «бесъ капеікі», за сто верстъ и вручала ему собственный его лоскутъ обратно, «безъ всякихъ послѣдствій».

Въ настоящее время дѣло стоитъ здѣсь совсѣмъ ужъ не такъ. Всякій такой лоскутъ есть дѣйствительная просьба, подлинная жалоба человѣка, нуждающагося въ помощи, которому и надобно помочь на дѣлѣ. Изъ этихъ двухъ примѣровъ вы видите, что дѣло переселенческое не ограничивается только пріютомъ на тюменской переселенческой станціи. Необходимо хлопотать за человѣка, живущаго «бесъ капеікі», тамъ, «на мѣстѣ преступленія»; необходимо извѣстить его о томъ, что о немъ хлопочутъ, понудить и повторить просьбу, если замѣшкались съ высылкою денегъ, оставшихся отъ продажи за долги дома. Все это необходимо сдѣлать для заброшеннаго на чужбину человѣка, и все это дѣлается.

Кромѣ помощи переселенцамъ, необходимой имъ здѣсь, въ Тюмени, на билеты, на харчи, на покупку телѣги,— помощь эта не-сегодня-завтра потребуется и съ мѣста новаго поселенія. «Ваше благородіе! лошадь околѣла, нѣтъ способовъ!» «Ваше благородіе... Ѣсть нечего. Хлѣба нѣту...» И на эту помощь необходимо сберечь частицу ассигнованныхъ министерствомъ суммъ. Но «помощь постоянная тро-

буется и во множествѣ другихъ случайностей» жизни переселенца.

— Ваше благородіе! У меня деньги пропали! Явите божескую милость!

Деньги пропали у ходока, деньги мірскія; нѣтъ возможности ни воротиться ни идти впередъ. Надобно искать ихъ, хлопотать, ѣхать къ начальству, и въ случаѣ неудачи выручать, переписываться.

Точно также изслѣдуется даже и тотъ запутанный документъ, удостовѣренный «роднымъ сыномъ Ѳедоромъ», о которомъ была рѣчь выше. И это подлинная просьба, хотя и не на большомъ листѣ и хотя нацарапана въ самомъ безсмысленномъ видѣ. Человѣкъ, который вытащилъ изъ-за пазухи этотъ лоскутокъ, подписанный его сыномъ, какъ единственное свое право на участіе къ нему начальства, можетъ быть увѣренъ, что именно этотъ-то безграмотный лоскутъ и есть дѣйствительное его право на вниманіе и попеченіе о немъ. Это я также видѣлъ своими глазами.

— У тебя есть какой-нибудь документъ?

— Какъ же, есть-съ!

— Ну-ка, покажи...

Изъ-за пазухи, и затѣмъ изъ тряпки, выматывается тотъ самый лоскутъ, о которомъ была рѣчь.

— Да это не документъ.

— А какъ же не документъ-то? Вѣдь пять годовъ неурожай былъ? Помилуйте! Изъ-за чего же мнѣ платить-то? Тутъ вполнѣ удостовѣрено.

— Если бы хотя начальство подписало, а то вѣдь сынъ... твой...

— Такъ я и начальникамъ показывалъ. «Удостовѣрено, говорятъ, по безграмотству, правильно...» Пять годовъ неурожаю... Явите божескую милость!

Непониманіе, неумѣніе даже понять начальническаго вопроса, все это еще недавно обрекало нищаго пѣшехода на полное невниманіе. Что съ нимъ дѣлать? Въ самомъ лучшемъ случаѣ можно было сжалиться, дать гривенникъ и сказать: «не взыщи!».

Ни тѣни подобнаго отношенія къ переселенческой нуждѣ въ настоящее время ужъ нѣтъ во всемъ томъ, что я, къ великому удовольствію, видѣлъ здѣсь въ первый же день.

VI. Въ переселенческихъ баракахъ.

Жизнь переселенческаго барака начинается съ ранняго утра. Уральскій поѣздъ приходитъ въ Тюмень въ 5 ч. утра съ минутами, и переселенцы (пріѣзжающіе непремѣнно съ каждымъ поѣздомъ), забирая свои пожитки, плетутся прямо въ переселенческій баракъ. Мірской толкъ «калякаетъ», что иногда Уральская дорога поступаетъ съ бѣднымъ народомъ слишкомъ формально. Иной разъ большая переселенческая семья не въ силахъ бываетъ сразу перетащить съ вокзала свои вещи, а нанять извозчика не на что; зная, что черезъ день, черезъ два ей, этой семьѣ, выдадутъ пособіе на покупку лошади, и что тогда можно будетъ уже на ней съѣздить и получить вещи, переселенцы оставляютъ эти вещи на день, на два невзятыми изъ багажа, и всякій разъ дорога не упускаетъ случая взять съ нихъ за «пролежалое», что весьма значительно увеличиваетъ стоимость перевозки. Между тѣмъ и сама дорога иногда ставитъ переселенцевъ въ затрудненіе, а убытковъ, которые они отъ этого несутъ, на себя не принимаетъ. Однажды она набила товарный вагонъ тюками съ табакомъ и переселенческими мѣшками съ сухарями; сосѣдство это пришлось мужикамъ не по вкусу, просьба о разгрузкѣ была уважена, но вотъ какъ: вагонъ съ табакомъ и сухарями отцѣпили, оставили его на какой-то станціи или полустанкѣ, а поѣздъ ушелъ въ свое время далѣе. Покуда перегрузили вагонъ и доставили сухари въ Тюмень, ушелъ пароходъ, и переселенцы должны были напрасно харчиться цѣлыя четверо сутокъ. Впрочемъ, при мнѣ же былъ случай, что и Уральская дорога безплатно перевезла нѣсколько полтавскихъ переселенцевъ, не взявъ съ нихъ ничего ни за проѣздъ ни за багажъ. Сдѣлалось это, какъ говорятъ, благодаря участію пермскаго губернатора. Хорошо это, конечно, но надобно бы вообще относительно переселенцевъ выработать какой-нибудь опредѣленный и непремѣнно самый снисходительный образъ дѣйствій. Уральскую дорогу переселенцы не хвалятъ. Пароходчиковъ по Камѣ и Волгѣ одобряютъ (2 р. отъ Нижняго до Перми и даже до 1 р.). Хвалятъ и одобряютъ Нижегородскую дорогу (ничего не беретъ за багажъ), одобряютъ вообще Москву («Дня не ждали! Сейчасъ съ вокзала на вокзалъ переправили!»), а вотъ Курскую опять не одобряютъ, ни въ чемъ не послабляютъ бѣднымъ людямъ. Отъ Тюмени до Томска берутъ въ 3-мъ классѣ парохода

вмѣсто 6 руб. 5 руб. 10 коп. и за багажъ по 50 коп. пудъ *). Съ дѣтей, какъ на пароходахъ, такъ и на желѣзныхъ дорогахъ, также, смотря по возрасту, берутъ и за полъ-билета и за 1/4. Берутъ плату съ 4-хъ-лѣтняго возраста. Недавно, впрочемъ, въ Тюмени появился новый предприниматель, нѣкто Функе. Выстроивъ на заводѣ г. Игнатова два парохода, онъ устроилъ спеціально переселенческіе рейсы. Передъ самымъ моимъ пріѣздомъ, ушелъ въ Томскъ и Барнаулъ одинъ изъ такихъ пароходовъ, вмѣстившій болѣе тысячи человѣкъ. Плату г. Функе назначилъ очень низкую,—5 руб. не до Томска, а до самаго Барнаула, и надо думать, что предприниматель не останется въ убыткѣ.

Переселенческіе бараки, куда направляются переселенцы прямо съ вокзала, лежатъ за городомъ, на высокомъ берегу Туры, въ небольшомъ отъ нея разстояніи, въ просторномъ, со всѣхъ сторонъ открытомъ мѣстѣ. Бараки расположены большимъ четыреугольникомъ, при чемъ три стороны пока только заборъ, а четвертая, обращенная къ рѣкѣ, застроена жилыми помѣщеніями. По угламъ лѣвой, отъ входныхъ воротъ, стороны выстроены большія кухни, а между кухнями большой баракъ, раздѣленный на четыре отдѣленія. Каждое отдѣленіе просторно, съ тремя большими окнами, перерѣзанными широкими нарами, идущими вокругъ стѣнъ. Воздуху много, потолковъ нѣтъ, и въ крышѣ сдѣланы приспособленія для вентиляціи. Человѣкъ сто смѣло могутъ поселиться въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій и тутъ же помѣстить свои вещи; но въ нынѣшнемъ году бывали дни, когда въ баракахъ скапливалось болѣе полуторы тысячи переселенцевъ, вслѣдствіе чего въ дождливое время тѣснота въ баракахъ бывала необыкновенная. Общество, устроившее бараки, говорятъ, будетъ строить въ будущемъ году еще такой же новый баракъ, при чемъ во всѣхъ баракахъ, какъ въ старыхъ, такъ и въ новомъ, будутъ сдѣланы печи; въ прошломъ году переселенцы шли и въ декабрѣ, а съ февраля, когда еще зима вездѣ на Руси стоитъ настоящая, переселеніе уже начинаетъ принимать значительные размѣры. Тамъ же, на переселенческомъ дворѣ, помѣщается и флигелекъ съ аптекой, съ комнатой для больныхъ и съ

*) 50 коп. брали за пудъ «багажа», а багажъ этотъ главнымъ образомъ сухари. Пудъ муки стоитъ 60 к., сосчитавъ всѣ эти тарифы—во сколько обойдется пудъ сухарей отъ Курска до Томска?

конторой, гдѣ записываются всѣ прибывшіе переселенцы. Все это можетъ быть сдѣлано и лучше и просторнѣе.

Нѣкоторые нетерпѣливые, лихорадочно стремящіеся поскорѣе, не теряя ни минуты времени, попасть на новыя мѣста, тотчасъ же по пріѣздѣ бѣгутъ къ *завѣдующему* переселенческимъ дѣломъ чиновнику П. П. Архипову и теребятъ его своими требованіями. Такимъ образомъ дѣло начинается съ ранняго утра, и дѣло самое хлопотливое. Каждаго переселенца нужно подробно разспросить о его положеніи и средствахъ и сдѣлать такъ, какъ ему будетъ лучше и удобнѣе.

Вотъ этотъ нетерпѣливый человѣкъ съ огромной въ 9 человѣкъ семьей умоляетъ отправить его на пароходѣ: ему не подъ силу ждать; онъ въ сильнѣйшемъ нервномъ разстройствѣ. Онъ до того спѣшитъ, до того «не примаетъ» во вниманіе никакихъ резоновъ, что односельчане, которые идутъ съ нимъ, приходятъ просить завѣдующее переселенческимъ дѣломъ лицо уговорить этого нетерпѣливаго погодить *только* день.

— Всѣ бы ужъ увмѣстяхъ! Какъ же такъ бросать-то своихъ? Куда же мы одни-то?

— А мнѣ чего ждать-то? чего мнѣ годить?

— Да дай хоть разсудить-то! Погоди!

— Разсуждай не разсуждай, идтить надо! Мнѣ ждать не подходитъ. Отпустите, ваше высокоблагородіе, сдѣлайте божескую милость!

— Остановите его, ваше сіятельство! Какъ же мы-то? Ужъ увмѣстяхъ бы...

Это несогласіе требуетъ продолжительныхъ толковъ и вниманія къ малѣйшимъ мелочамъ жизни этихъ людей. Часа два битыхъ нужно доказывать выгоду того-то и невыгоду этого, урезонивать, усовѣщевать. Въ концѣ концовъ всегда оказывается, что обѣ стороны приходятъ къ такому рѣшенію, которое выгодно для нихъ обѣихъ. Высчитывается, что ѣхать нетерпѣливому человѣку на пароходѣ невыгодно, приводится цифра платы за билетъ, за багажъ и расходы на продовольствіе. Доказывается, что, доѣхавъ до такого-то мѣста на пароходѣ, далѣе необходимо ѣхать сухимъ путемъ и слѣдовательно покупать лошадь. На покупку надобно просить ссуду, и слѣдовательно резоннѣе всего не спѣшить, купить лошадь и ѣхать всей партіей на лошадяхъ до мѣста.

Но и на этомъ резонномъ соглашеніи дѣло не окончи-

вается. Положимъ, что переселенцы убѣдились наконецъ ѣхать на лошадяхъ,—надобно похлопотать еще и о покупкѣ этихъ лошадей, позаботиться, чтобы не пропали деньги даромъ, чтобы барышники не надули. Любопытное дѣло: въ прошломъ году прошли черезъ Тюмень внутрь страны болѣе 8.000 человѣкъ, которымъ необходимы были лошади. Полагая по одной лошади на десять душъ, вотъ уже 800 головъ; кажется, количество весьма почтенное для любого предпринимателя, занимающагося «лошадиной частью»? Между тѣмъ всѣ эти лошади покупаются у мѣстныхъ жителей, изнуренныя, искалѣченныя, въ большинствѣ совершенно негодныя къ работѣ, еле способныя дотащить ноги до мѣста, да и то еще слава Богу, если дотащатъ. Никто изъ промышленниковъ не попытался здѣсь, на такомъ большомъ дѣлѣ, даже и денегъ-то нажить съ расчетомъ. Наживаетъ деньги плутъ, надуватель, и наживаетъ огромныя деньги. Съ нетерпѣливаго мужика онъ деретъ втридорога; 15 рублей цѣна молодой лошади, а барышникъ беретъ съ переселенца за клячу 35 и 40 р. Нетерпѣніе попасть скорѣе на мѣсто, не сидѣть праздно, ѣхать—дѣлаетъ то, что и практическій мужикъ постоянно попадается впросакъ при покупкѣ лошадей у барышниковъ; бываютъ случаи, и очень частые, что барышники продаютъ *пьяныхъ* лошадей. Накатитъ ее водкой, доведетъ до самаго азартнаго настроенія духа; нетерпѣливый мужикъ не разсмотритъ, отхватитъ ее «обѣмъ рукамъ» и, тотчасъ же отправившись въ путь, скоро видитъ, что его надули, лошадь ослабла, еле передвигаетъ ноги. Чтобы избѣжать такихъ случаевъ и не задерживать человѣка на пути, не запутывать его новыми пособіями (вѣдь ихъ надобно возвращать), надобно и лошадь-то видѣть собственными глазами, и съ продавцомъ переговорить,—не плутуетъ ли?—и знатоковъ спросить, и тогда уже выдавать пособіе на ея покупку. Въ большинствѣ случаевъ приходится однакоже, при всей осторожности въ этихъ покупкахъ, пріобрѣтать товаръ весьма дурного качества.

Не всегда однакожъ урезонивается нетерпѣливый человѣкъ. Я видѣлъ одного изъ такихъ нетерпѣливыхъ. Сговорившись не оставлять своихъ «курскихъ» и ѣхать на лошадяхъ, онъ, по счастію, въ тотъ же день уже купилъ и лошадь и телѣгу. Нетерпѣніе снова овладѣло имъ въ еще большей степени, чѣмъ прежде. Едва онъ пріѣхалъ съ лошадью и телѣгой въ баракъ, какъ тотчасъ же принялся

таскать въ телѣгу вещи. Валилъ онъ ихъ какъ попало, одинъ узелъ на другой, торопился и былъ весь мокрый отъ пота.

— Ребятъ-то куда-жъ посадишь?

— Эво колько мѣста ребятамъ!

— Да вѣдь на нихъ свалится этотъ мѣшокъ-то! И этотъ!

— Авось нѣтъ!..

— Да постой, постой! — урезонивалъ его старый тверделецъ-сторожъ (къ несчастію однако «гонвецъ», хоть и неосторожный): не спѣши ты, не суетись! Ты подумай, какъ ты ребятъ по жарѣ повезешь? Видишь, какъ палитъ? Вѣдь они огнемъ сгорятъ...

— Авось ничего... ранимъ... у бабъ есть!..

— У бабъ, у бабъ! Чего-жъ ты рядномъ ихъ будешь кутать, и такъ жарко... Поди вонъ наруби хворостины, видишь вонъ у берега?

— Эво чего!

— Да не дури ты, безтолковый человѣкъ! Сдѣлай кибиточку, накрой рядномъ-то... Долго ли сбѣгать нарубить? Чего ты какъ угорѣлый трешися? Надо толкомъ справить, дорога дальняя...

— Справимъ и дорогой.

Такъ и не уговорили непутѣвщаго; уѣхалъ, не подождавъ своихъ, даже ни на кого не оглянулся.

Бывали и не такіе еще случаи непорядковъ добраться до мѣста. Разсказываютъ, что были переселенцы просто-напросто бросали въ пути больныхъ своихъ товарищей и даже близкихъ родственниковъ, а сами уѣзжали дальше.

Вообще [illegible] переселенцы [illegible], особенно между женщинами. Переселенцы, [illegible] на родину, [illegible] еще до [illegible] мѣста [illegible], въ большинствѣ случаевъ [illegible]. [illegible] отъ [illegible], лишенная въ этой [illegible] жить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жила и безъ чего [illegible] начинаетъ [illegible] — бѣдная женщина впадаетъ въ [illegible] какого-то безсчастнаго испуга, [illegible] ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ, кромѣ

того, что̀ оставлено дома, и той жизни, какая была тамъ. Въ такомъ безотчетномъ ужасѣ она иной разъ просто соскакиваетъ съ телѣги, бросаетъ дѣтей и бѣжитъ сама не зная куда, полагая, что домой, а за ней, въ паническомъ страхѣ, бѣгутъ и мужики.

Какъ разсказываютъ, съ женщинами бывали и другіе, болѣе потрясающіе случаи. Одну такую женщину постоянно связывали веревками всякій разъ, какъ она выходила изъ вагона или парохода. На переселенческой станціи въ Тюмени ее неустанно караулили, такъ какъ она только и думала о томъ, чтобы убѣжать домой. Разсказывали даже, что упорство ея не идти въ Сибирь было такъ велико и непоколебимо, что, когда на родинѣ пришлось наконецъ двинуться изъ родной деревни въ дальній путь, ее, бунтующую, должны были приковать цѣпью къ телѣгѣ. Разсказываютъ еще про одну дѣвушку, которую родители отдали замужъ, утаивъ отъ нея то обстоятельство, что семья, въ которую она вошла, не дальше какъ черезъ мѣсяцъ уйдетъ въ переселеніе. Не раскрыли ей тайны ни мужъ ни мужнина родня. Неожиданность была для нея такъ велика, что она сразу какъ бы помутилась умомъ, таяла какъ воскъ и постоянно заливалась слезами.

Вообще переселяющіяся женщины возбуждаютъ иногда глубокое огорченіе за ихъ положеніе и участь. Вотъ идутъ на переселеніе молодой мужикъ, баба и трое ребятъ. Они переселяются форменнымъ порядкомъ; у нихъ есть и увольненіе отъ общества и бумага, въ которой точно обозначенъ пунктъ, на которомъ они поселяются. Они уходили, истративъ все до копейки, и оставляли на родинѣ старуху-мать бабы, съ двумя ея внучатами отъ другой дочери, вдовы, также умершей, мальчиками 12 и 9 лѣтъ. На переселеніе матери жены мужика не было уже никакихъ средствъ; о ея переселеніи не хлопотали и не писали; не значится она въ числѣ уволенныхъ отъ общества ни въ числѣ причисленныхъ къ какому-нибудь переселенческому участку. Она рѣшилась остаться дома, на старомъ мѣстѣ, пока ея дочь и ея мужъ справятся на новомъ.

Но чѣмъ ближе подходилъ день разлуки съ дочерью и зятемъ, тѣмъ жизнь старухи становилась мучительнѣе. Какъ она справится одна и на старости лѣтъ? Положимъ, что мальчикъ въ 12 лѣтъ по теперешнимъ порядкамъ —работникъ, и будетъ законтрактованъ, и деньги дастъ своимъ трудомъ, но вѣдь съ отъѣздомъ дочери и внучатъ у ней

оторвется отъ сердца все дорогое. И старуха не выдержала. Безъ всякихъ разрѣшеній и бумагъ собрала она, что у нея было, послѣдніе остатки имущества, и, забравъ своихъ мальчонковъ, уѣхала съ дочерью и зятемъ въ Сибирь. Не могла она разстаться съ ними. Когда я увидѣлъ эту семью, отношенія между семьей дочери и старухи были такія: она не отставала отъ дочери и зятя, не теряла ихъ изъ своихъ глазъ ни на минуту, но держалась, какъ чужая, т.-е. не давала дочери малѣйшей возможности думать, что она сядетъ на ея шею. Зять же и дочь, такъ неожиданно испуганные выдумкой своей старухи и одолѣваемые страхомъ трудности предстоящей жизни, также какъ бы не замѣчали своей матери, а можетъ-быть, боялись расчувствоваться. Всю дорогу старуха сама вымаливала себѣ уступки въ проѣздной платѣ, просила Христовымъ именемъ и ни на шагъ отъ своей семьи не отставала. Здѣсь же, въ Тюмени, дѣло ея приняло крутой оборотъ, настала рѣшительная минута: дочь и зять могутъ получить пособіе (у нихъ все по формѣ), а у нея нѣтъ ни денегъ ни лоскута бумаги. Дочь можетъ уѣхать, и тогда что же будетъ съ ней?

Часу въ седьмомъ вечера идетъ переспросъ всѣхъ прибывшихъ переселенцевъ и провѣрка ихъ видовъ и бумагъ. Дочери и сыну объявлено было приходить завтра за деньгами на покупку лошади. Когда шелъ объ этомъ разговоръ, старуха со своими внучатами стояла въ сторонѣ; когда кончился разговоръ, дочь и сынъ поклонились и ушли съ своими ребятами, не смѣя сказать чего-нибудь о старухѣ. Тогда старуха вышла сама съ двумя мальчиками.

— Какъ тебя и откуда?—перелистывая списокъ, спросили ее.

— Да меня, батюшка, нѣту въ бумагахъ! Я безъ спросу ушла...

— Куда же ты идешь?

— Да я бы съ дочкой хотѣла въ одномъ мѣстѣ жить, съ зятемъ. Не дай ты мнѣ отстать отъ нихъ. Помоги мнѣ, отецъ родной!

— Такъ есть у тебя зять, ты съ нимъ и иди!

— Нѣтъ! Не возьмутъ они меня. Имъ самимъ невмоготу... Имъ взять нельзя меня! А ты помоги мнѣ, тогда я пристану къ нимъ, не разстанусь!

Вотъ положеніе, не предусмотрѣнное никакими существующими правилами о переселеніяхъ. Ушла сама безъ бумагъ, добралась до Тюмени, идетъ куда-то, не имѣя опре-

дѣленнаго пункта для поселенія, идетъ, побуждаемая только жалостливымъ сердцемъ, не смѣя и думать о томъ, чтобы отягчить собою трудное положеніе дочери.

— Помоги мнѣ! Пусти съ ними вмѣстѣ... Помоги! Помоги, батюшка! Тогда они и сами меня возьмутъ!

Дѣло было понято и сдѣлано такъ, что на слѣдующее утро благодарить за него пришелъ уже самъ старухинъ зять, для чего не полѣнился нарочно пойти въ городъ.

— Благодаримъ покорно, васскобродіе! Беремъ старуху нашу. Пишите ее къ нашей семьѣ, и съ внучатами ейными... Слава Богу! И пускай ужъ всѣ увмѣстяхъ!

А вотъ ужъ и совсѣмъ безпомощная женщина. Вдова съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ старшему 10 лѣтъ. У нея была тамъ на родинѣ одна мужицкая, т.-е. платежная душа, и слѣдовательно она имѣла «надѣлъ», и она поэтому переселяется по всей формѣ: и въ спискѣ значится и бумагу имѣетъ; но она нищая буквально; кромѣ того, она больная, у нея все лицо покрыто какою-то густою, малиноваго цвѣта сыпью; она плохо видитъ больными глазами. Поистинѣ страшно было смотрѣть на эту обремененную дѣтьми, одинокую женщину. И какіе славные были у нея ребята!

— Гдѣ же твои дѣти?

— А вонъ старшій-то! Ваня! Подь сюда!

Старшій мальчикъ, весь оборванный и босой, покраснѣлъ какъ дѣвушка: такъ ему совѣстно было выдѣлиться изъ толпы и предстать въ своемъ нищенскомъ видѣ. Да! мальчикъ этотъ былъ и нѣженъ, и симпатиченъ, и глаза у него прекрасные, — словомъ, онъ былъ ничуть не хуже, чѣмъ нашъ съ вами, любезный читатель, родной сынъ, этотъ милый гимназистикъ,—только вонъ онъ не ѣлъ цѣлый день, раздѣтъ чуть не до нага, нѣтъ на его головѣ шапки, а на ногахъ сапогъ. А то онъ совершенно такой же милый мальчикъ, какъ и нашъ родной и любимый сынъ!

Немало и личной тревоги возникаетъ на душѣ посторонняго посѣтителя тюменскихъ бараковъ, когда онъ хоть немного освоится съ интересами толпы, наполняющей переселенческій дворъ. Здѣсь отношенія его къ крестьянину принимаютъ совершенно иной характеръ и смыслъ, чѣмъ это было при обыденныхъ отношеніяхъ барина къ мужику. Никогда онъ не слыхалъ отъ него такого простого слова о его нуждѣ и никогда не имѣлъ случая такъ просто, какъ здѣсь, разспрашивать его о его желаніяхъ. Въ нашей обыденной жизни нѣтъ такихъ минутъ, которыя бы мы могли

исключительно посвятить вниманію къ народной нуждѣ, и видѣли бы, что разговоръ о помощи и о нуждѣ не просто разговоръ, а дѣйствительная помощь, не пустое слово, а самое настоящее дѣло. И получаса такихъ разговоровъ совершенно достаточно для того, чтобы исчезла всякая возможность видѣть хотя малѣйшую разницу въ желаніяхъ человѣка, такъ сказать, культурнаго, и желаніяхъ и нравственныхъ потребностяхъ этого разутаго мужика, окруженнаго кучей разутыхъ ребятъ. Здѣсь (именно здѣсь, и нигдѣ больше) такой разутый человѣкъ, мужикъ, не пришелъ къ «барину» наниматься, не продаетъ барину дрова или поросенка, здѣсь баринъ не нанимаетъ его за двугривенный принести то-то или отнести, наколоть дровъ или запрячь лошадь; здѣсь они находятся просто въ положеніи человѣка, исключительно заинтересованнаго дѣломъ общечеловѣческимъ, и предъ нимъ не мужикъ, не извозчикъ, не нищій, не ломовикъ, а точь въ точь такой же человѣкъ, какъ и онъ самъ, только баринъ обутъ, одѣтъ и сытъ, а мужикъ голоденъ, босъ и нагъ. Но въ разговорахъ барина и мужика другъ съ другомъ оказывается, что оба они одинаково пекутся о дѣтяхъ, одинаково озабочены ихъ судьбою, одинаково желаютъ имъ счастья, одинаково мучаются объ ихъ темномъ будущемъ, печалятся о семействѣ, о старухѣ-матери. Оказывается, что оба они дорожатъ собственной совѣстью, честью, хотятъ жить «порядочно», чисто,— словомъ, что они именно *родные братья*, никогда не встрѣчавшіеся въ жизни при такихъ безкорыстныхъ условіяхъ, какъ здѣсь, на этомъ дворѣ тюменскихъ бараковъ. Часто ли удавалось культурному человѣку безъ всякой корыстной цѣли или безъ всякой личной надобности, но по простому указанію человѣческой совѣсти, приходить къ простому бѣдному мужику и говорить ему:

— Тебѣ надобно помочь. Тебѣ трудно. Тебѣ надобно земли, лошадь. Тебѣ нужно кормить-поить дѣтей. На-ка, возьми эти деньги.

Никто изъ насъ никогда этого не видалъ, а стало-быть, и не знаетъ, что̀ значитъ видѣть въ этомъ босомъ человѣкѣ, въ его босыхъ дѣтяхъ, въ изнуренной женѣ—нашихъ родныхъ братьевъ, точь въ точь такихъ же, какъ наши, дѣтей, и точь въ точь такихъ же, какъ наши, женъ.

Въ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ никогда не придется намъ испытать ничего подобнаго; никогда какъ братья, какъ люди съ совершенно одинаковыми печалями жизни,

мы не сходились такъ близко другъ съ другомъ и никогда не ощущали такой неправды въ разницѣ положенія. И вотъ почему до сей минуты не приходитъ желанія «набросать» какую-нибудь «жанровую картинку», чтобы хотя немного повеселить читателя.

VII. Рѣка-пустыня.—Переселенцы въ Томскѣ.

Подъ вечеръ жаркаго іюльскаго дня, послѣ восьмидневнаго, почти непрерывнаго движенія по рѣкѣ Оби, пароходъ компаніи Игнатова наконецъ бѣжалъ уже по р. Томи, приближаясь къ г. Томску.

Рѣка Томь была дѣйствительно «рѣка», т.-е. были у нея ясно видимые берега, и притомъ берега живописные, и виднѣлись по этимъ берегамъ кое-какія строенія, въ которыхъ, очевидно, жили живые люди; все это говорило, что безконечная водяная пустыня Оби, безъ береговъ и почти безъ признаковъ человѣческаго жилья, окончилась, что начинаются «жилыя мѣста», что скоро можно быть опять среди людей, которые «живутъ», а не только «ѣдутъ» и думаютъ и говорятъ лишь о томъ, что «много ли, молъ, проѣхали?», да «скоро ли пріѣдемъ?».

Всѣмъ истомленнымъ впечатлѣніями пустынной рѣки пассажирамъ парохода нетерпѣливо желалось поскорѣе очутиться въ городѣ, въ суетѣ, въ движеніи привычной городской жизни. Нетерпѣливѣе и взволнованнѣе всѣхъ были, конечно, переселенцы, для извѣстнаго числа которыхъ въ Томскѣ должны были окончиться ихъ скитальчества, такъ какъ участки, нарѣзанные имъ для поселенія, находились отъ этого города сравнительно уже въ недалекомъ разстояніи. Но и всякій иной проѣзжающій, купецъ, чиновникъ, ученый или просто туристъ-путешественникъ, не могли не ощущать удовольствія вновь попасть въ обычную колею жизни, отъ которой оторвало ихъ восьмидневное пребываніе на этой пустынной рѣкѣ.

Иногда кажется, что рѣка Обь вовсе даже и не рѣка: затоплено водою необозримое пространство лѣса. Изъ воды торчатъ верхушки деревьевъ потопленныхъ, вѣроятно, дремучихъ лѣсовъ, потопленныхъ какъ будто бы парковъ, группъ деревьевъ, одинокихъ деревьевъ, кустовъ. Кое-гдѣ видна крыша потопленнаго рыбацкаго домишки. По време-

намъ, въ два дня разъ, видится церковка, также какъ бы стоящая на водѣ. Въ два дня разъ пароходъ, идущій между этими верхушками затопленныхъ лѣсовъ, древесныхъ группъ и одинокихъ деревьевъ, пристаетъ къ берегу, при чемъ мѣсто причала всегда носитъ какое-нибудь географическое названіе, напр., Сургутъ, Нарымъ, но на берегу нѣтъ и не видно ни Сургута ни Нарыма, а лежатъ только тьмы темъ дровъ, заготовленныхъ для парохода, стоитъ остяцкая юрта изъ березовой коры, да неподалеку отъ нея какая-то пустая хибарка съ почтовымъ ящикомъ у запертой двери. Въ Нарымѣ, впрочемъ, на берегу выстроена церковь и есть лавка, да и городъ сравнительно недалеко; во всѣхъ же другихъ пристаняхъ, имѣющихъ на картахъ каждая особенное наименованіе, ничего нѣтъ, кромѣ дровъ, да штукъ пять торговокъ, невѣдомо откуда взявшихся, съ булками, молокомъ, рыбой, ягодами, а затѣмъ опять вода, потопляющая лѣса, вода и вода, цѣлыхъ двое сутокъ, чтобы два часа имѣть удовольствіе видѣть землю.

Дѣйствительно, первое время непривычно чувствуешь себя среди этой пустыни, но въ концѣ концовъ выходитъ какъ-то такъ, что не можешь не быть благодарнымъ судьбѣ именно за то, что она дала возможность «окончательно» прервать всякую связь съ изнурительными впечатлѣніями дѣйствительности, дала возможность на цѣлые восемь дней отстранить себя отъ всякихъ «злобъ дня» и тѣмъ успокоила измаявшіеся нервы.

Чего стòитъ удовольствіе сознавать хотя бы только то, что въ географическихъ картахъ рѣка эта значится не въ томъ полушаріи, гдѣ живутъ господа Бисмарки и другіе великіе люди, и гдѣ огромный кулакъ, образующійся изъ дружественнаго рукопожатія трехъ монарховъ, германскаго, итальянскаго и австрійскаго, именуется эмблемою мира и всеобщаго благополучія. Нѣтъ! Пароходъ Игнатова везетъ васъ совсѣмъ въ противоположную сторону отъ этого кулачища: впереди васъ не Пруссія, не германская граница, то-есть не загородь отъ дружественнаго союза, изъ которой уже высовываются сверкающіе кончики штыковъ, а безконечная тайга, обширность, тьма и духота которой не даютъ вашей мысли даже и тѣни возможности предположить въ ней что-либо подобное дружественному противъ васъ союзу. За тайгой рисуются страны, обитаемыя народами мало вѣдомыми—китайцы, японцы. Дальше океанъ, а за океаномъ Америка, страна безъ Бисмарка и Буланже.

Канцлеръ и три дружественныя фигуры, заслоненныя собственнымъ тріединымъ кулакомъ, уходятъ отъ васъ куда-то назадъ, затуманиваются и наконецъ совершенно исчезаютъ, забываются; тяжкое бремя тяжкихъ мыслей покидаетъ васъ, и освобожденному, хоть на время, сознанію есть свободныя минуты отдохнуть и побыть спокойнымъ.

Иной разъ и сама жизнь этихъ пустынныхъ, тайговыхъ мѣстъ какою-нибудь неожиданностью отбрасываетъ васъ отъ современности на такія непомѣрныя разстоянія, что потомъ и дороги-то къ этой современности долгое время отыскать не можешь.

Въ Тобольскѣ пришлось мнѣ ждать тюменскаго запоздавшаго парохода болѣе шестнадцати часовъ

Все это время я провелъ на пароходной пристани, гдѣ для проѣзжающихъ устроена комната. Три деревянныхъ дивана и два деревянныхъ стола, выкрашенные красной масляной краской, — вотъ убранство этой каморки. Компаньонами моими въ ожиданіи парохода были какіе-то сургутскіе торговцы, люди мѣщанскаго типа и костюма. Въ Тобольскѣ закупили они всякаго товару и всего понемногу: керосину, чаю, сахару. И ничѣмъ бы они не привлекли моего вниманія, если бы не слѣдующій тайговый эпизодъ.

Въ ожиданіи парохода одинъ изъ этихъ торговцевъ спалъ, другой «лѣчился» какой-то настойкой отъ живота: выпьетъ рюмку этой настойки и нѣкоторое время сидитъ, открывъ ротъ и охая, такъ эта настойка жжетъ ему все нутро, а потомъ и ляжетъ въ изнеможеніи. Третій, младшій, продолжалъ бѣгать на базаръ, который былъ близко, и покупалъ тамъ, что̀ могло бы пригодиться въ Сургутѣ. Разъ притащилъ коверъ въ два рубля, другой разъ женское платье, шелковое, истрепанное, но отличнѣйшей работы. Платье это, вѣроятно, много перевидало на своемъ вѣку, пройдя отъ Парижа до тобольскаго базара, гдѣ какая-нибудь несчастная арфистка, оставшись безъ куска хлѣба, сбыла его торговкѣ за полтинникъ и дала этой торговкѣ возможность нажить рубль. Сургутскій мѣщанинъ тщательно разсмотрѣлъ это платье во всѣхъ отношеніяхъ и нашелъ, что оно пригодится его дочери, еще только двѣнадцатилѣтней дѣвушкѣ, чѣмъ и засвидѣтельствовалъ о размѣрахъ двѣнадцатилѣтнихъ тайговыхъ дѣвицъ.

Скоро возвратился онъ съ новой покупкой; онъ принесъ трехъ живыхъ стерлядокъ, купленныхъ тутъ же у парохода съ лодки.

— Пора ужъ и закусить!—говорилъ онъ, положивъ этихъ стерлядокъ на столъ.—Хлѣбъ есть, соли надо попросить!

Пока онъ ходилъ за солью, стерлядки прыгали по столу и какъ бы стремились уйти.

— Погоди, чего прыгаешь-то?—съ солонкой въ рукахъ входя въ комнату, говорилъ мѣщанинъ и подхватилъ готовую упасть на полъ стерлядь.—Чего трясешься-то? Озябла? Вотъ я тебя сейчасъ погрѣю въ тепломъ мѣстѣ!

Онъ принялся будить сонного товарища и приглашалъ больного принять участіе въ завтракѣ.

— Поднимайся! Давай настойки по рюмочкѣ... Вишь какая свѣжина!

— Почемъ?—спросилъ больной.

— Двѣ копейки за тройку... Вставай!

Разговаривая такъ, онъ вынулъ изъ кармана брюкъ ножикъ, раскрылъ его и... разрѣзалъ рыбѣ брюхо! Затѣмъ онъ вырвалъ внутренности, вынесъ рыбу, чтобы ее вымыть, и когда принесъ назадъ, рыба, хоть и зарѣзанная, обнаруживала еще признаки жизни.

— Сейчасъ, сейчасъ обогрѣю тебя, голубушка! Не торопись! Будешь въ тепломъ мѣстѣ!

Положивъ почти живую еще рыбу на одну руку, онъ другою зачерпнулъ соли и щедро посыпалъ ею рыбье тѣло. Она забилась.

— Постой, не дерись! Не будетъ обиды!

И затѣмъ онъ быстро отрѣзалъ часть стерляди у хвоста и сталъ ее ѣсть.

— Какъ!—воскликнулъ я въ изумленіи.—Живую? Сырую?

— Очень просто!

Мѣщанинъ чмокалъ сырымъ мясомъ, чрезвычайно искусно снимая его зубами съ оболочки рыбьей кожицы.

— Очень даже просто! Прямо ѣдимъ живое мясо, кровушки пососать очень пріятно!..

Отхвативъ другой кусокъ отъ стерляди, въ которой еще теплилась жизнь, онъ пососалъ этотъ кусокъ, почмокалъ и опять искусно снялъ зубами сырое мясо съ рыбьей кожицы.

Изумленіе мое при видѣ этого «живоѣда» было, вѣроятно, до того велико и такъ явственно сказалось въ тонѣ моего голоса, которымъ я произнесъ мой вопросъ, что и другіе живоѣды, находившіеся въ комнатѣ, заинтересовались моимъ, очевидно, необыкновеннымъ положеніемъ ошеломленнаго зрителя. Они съ улыбкой смотрѣли на меня и говорили:

— Какъ же! Живьемъ ѣдимъ! Сырьемъ... Ничего! А

зимой и мясо сырое тоже ѣдимъ... мерзлое, ничего! Намъ это надо, нельзя намъ иначе, такая наша жизнь!

А затѣмъ пошли разговоры и объ этой самой жизни, изъ которыхъ оказалось, что, по мѣстнымъ условіямъ, живоѣдство есть даже необходимость. Но хотя невѣроятное зрѣлище и получило наконецъ нѣкоторое объясненіе, все-таки впечатлѣніе получилось въ высшей степени необычайное. Почти мгновенно я былъ перенесенъ мыслью въ царство и времена ихтіозавровъ и летучихъ ящеровъ и потерялъ всякую возможность — по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени — какимъ-либо родомъ добраться до пониманія и ощущенія самого себя въ современныхъ условіяхъ жизни.

Совершенно иного рода впечатлѣнія испытывали переселенцы, всю дорогу поглощенные нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣе доѣхать «до мѣста», до земли и до новаго мѣстожительства, и чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ Томску, тѣмъ сильнѣе возрастало въ нихъ и нетерпѣніе. Томскъ для большинства переселенцевъ имѣетъ роковое значеніе; здѣсь оканчивается дальняя дорога и предстоитъ только небольшой переѣздъ до участка, отведеннаго переселенцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ предстоитъ начало новой жизни, начало новаго хозяйства на новой землѣ.

Истративъ на проѣздъ до Томска всѣ средства какъ собственныя, такъ и выданныя въ помощь отъ казны и отъ благотворительнаго комитета, множество переселенцевъ съ полной увѣренностью и безъ малѣйшаго сомнѣнія надѣются, что въ Томскѣ-то именно и будетъ имъ дано настоящее пособіе не въ пять и не въ десять рублей, а много побольше, такъ какъ на обзаведеніе и начало хозяйства много надо денегъ. Десять, даже тридцать рублей пособія—это едва только хватило на прокормленіе семьи и лошаденки, или на харчи при переѣздѣ на пароходѣ; здѣсь, отправляясь на новыя мѣста, нужно имѣть денегъ на всякую малость.

Но именно въ Томскѣ-то и ожидаетъ этихъ мечтателей полнѣйшее разочарованіе. Въ 1888 г. въ Томскѣ не было и благотворительнаго общества *), и всѣ пособія шли единственно отъ г. Чарушина, бывшаго тогда завѣдующимъ

*) Въ настоящее время уже есть благотворительныя общества и въ Томскѣ и въ Иркутскѣ. Послѣднее оказываетъ переселенцамъ небывало щедрую помощь. Въ три дня, съ 23 по 26 іюля, черезъ Иркутскъ прошло 46 семей переселенцевъ, въ количествѣ 276 душъ, включая дѣтей; въ пособіе имъ благотворительное общество выдало 2,366 р.

переселенческой станціи. Г. Чарушинъ находился поэтому въ томъ же безпомощномъ положеніи, какъ и сами переселенцы.

Имѣя въ своемъ распоряженіи не больше 5—6 тысячъ, онъ не въ силахъ выдавать на семью болѣе пяти рублей, круглымъ счетомъ, при чемъ и изъ этихъ-то денегъ долженъ былъ удѣлять немалую часть на ремонтъ бараковъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго подобія съ бараками тюменскими.

Переселенческіе бараки выстроены въ Томскѣ второпяхъ и попыхахъ. При началѣ переселенческаго движенія какой-то предприниматель, вздумавъ нажить на этомъ дѣлѣ «деньгу», набилъ свой пароходъ переселенцами биткомъ, препятствовалъ имъ покупать на пристаняхъ харчи, поставилъ ихъ въ необходимость брать все съѣстное у него же на пароходѣ, по цѣнамъ, невозможнымъ для переселенцевъ. Результатомъ этихъ корыстолюбивыхъ плановъ было то, что пароходъ привезъ къ Томску озлобленную и ожесточенную толпу, полуголодную, почти разорившуюся и привезшую съ собою нѣсколько труповъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей. Томское общество, подъ живымъ впечатлѣніемъ испуга предъ неожиданнымъ появленіемъ въ городѣ такой массы недовольнаго, измученнаго и голоднаго люда, поспѣшило кое-какъ устроить для него помѣщеніе и кое-чѣмъ ему помочь. Помѣщеніе такимъ образомъ могло быть устроено только наскоро, при чемъ сдѣлано, конечно, невольно, множество недосмотровъ. Станція выстроена на низменномъ, болотистомъ мѣстѣ; каждую весну оно все затопляется водою, такъ что теперешніе бараки заливаетъ чуть не до потолка, по крайней мѣрѣ, двери заливаются доверху. Самые бараки сколочены изъ толстыхъ досокъ и притомъ кое-какъ. При такихъ условіяхъ никакіе ремонты не поправятъ дѣла, хотя постройки, сдѣланныя г. Чарушинымъ (баня, заборъ) не имѣютъ съ прежними постройками «кое-какъ» никакого сравненія. Сырость, неуютность, долго непросыхающія лужи на неровной, изрытой мѣстности двора — все это требуетъ расходовъ для очистки и осушки и все-таки не приводитъ ни къ какимъ видимымъ результатамъ, кромѣ видимаго потрясенья переселенцевъ, когда пятирублевкой, выданной г. Чарушинымъ, окончательно разрушаются всѣ фантазіи о началѣ новой жизни и окончательно дѣлается яснымъ, что ни о какой иной помощи не можетъ быть болѣе и рѣчи.

— Что-жъ это такое?—весь ослабѣвшій отъ голода, усталости, а главное—отъ испуга предъ будущимъ, блѣднымн

губами лепечетъ иной мечтатель-переселенецъ, держа въ дрожащей рукѣ пятирублевку.

Онъ стоитъ какъ бы въ столбнякѣ.

— Это вы, очень просто, хотите насъ, бѣдныхъ людей, со свѣта извести! Просторнѣй будетъ! Очень это просто теперь оказывается намъ!

Стоитъ только бросить эту мысль въ толпу переселенцевъ, окружающую пораженнаго пятирублевкой бѣдняка, чтобы мысль эта тотчасъ же получила полное довѣріе толпы.

— Вѣрно! вѣрно! — слышится среди нея. — Кабы насъ, бѣдняковъ, разорить въ конецъ не хотѣли, *такъ богатыхъ бы, а не бѣдныхъ, на пересель-то заманивали!* Богачей надо бы переселять-то! у богатаго есть деньги и все есть! Самъ можетъ справиться на новомъ-то мѣстѣ. А нашего брата подманиваютъ богатеи только для подвоха. Только бы насъ съ мѣста увести, а тамъ подыхай, наплевать!

— Да и есть одинъ чистый обманъ! Ежели бы не было подвоха, такъ насъ всѣхъ бы надобно по этапу препроводить! Вотъ какъ надо-то, ежели бы по совѣсти съ нашимъ братомъ поступали *)! По этапамъ ѣдутъ на смѣнныхъ лошадяхъ, вездѣ на ночлегахъ пріютъ, пища и бани... Конокрадовъ и воровъ этакимъ-то манеромъ предоставляютъ, а привезутъ на мѣсто, сейчасъ ему должны и земли порѣзать! Почему же мы-то должны христараднничать? Ни крова, ни хлѣба, ни пріюта! Дрожишь по ночамъ голодный, съ малыми ребятами, въ полѣ...

Вина падаетъ, конечно, на «чиновника».

Глядя на эту несчастную пятирублевку, дрожащую въ мозолистыхъ рукахъ взволнованнаго кровной обидой крестьянина, поистинѣ не можешь надивиться, что на такое важнѣйшее дѣло не находится почти никакихъ средствъ. Переселенческое движеніе, принимающее съ каждымъ годомъ все бóльшіе и бóльшіе размѣры, есть дѣло государственной важности; оно тихо и мирно разрѣшаетъ тысячи всякихъ неправдъ, отравляющихъ жизнь крестьянина; оно оживляетъ и оплодотворяетъ пустыни, даетъ мѣсто, трудъ и жизнь переросту народонаселенія. Дѣло это жизненное, государственное. Какимъ же образомъ на правильную, серьезную постановку этого дѣла не хватаетъ средствъ въ нашемъ-то «обширномъ отечествѣ» **)?

---

*) Случай подобнаго рода разсказанъ ниже.

**) Много потерпѣвшій отъ затрудненій переселенческаго дѣла, г. Ча-

VIII. Поѣздка къ новоселамъ.

Помимо разочарованія въ помощи и поддержкѣ, немало терпитъ переселенецъ и отъ того «плутоватаго» человѣка, который во всѣхъ тѣхъ торговыхъ мѣстахъ,—отъ села до губ. города,—гдѣ есть базаръ, ухитряется влачить свое существованіе исключительно надувательствомъ простодушнаго крестьянина. Здѣсь, въ Сибири, плутоватый человѣкъ, предки котораго большею частью не могутъ похвастаться хорошими фамильными преданіями, пользуется неопытностью крестьянъ-переселенцевъ съ гораздо большею развязностью, чѣмъ на нашихъ россійскихъ базарахъ. Обо всѣхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ переселенцемъ отъ «плутоватаго», пришлось услышать отъ одного изъ самыхъ, повидимому, дѣятельныхъ радѣтелей по дѣлу именно утѣсненія нашего пришлаго крестьянина, который, какъ бы даже похваляясь, разсказалъ безъ всякаго стѣсненія всѣ свои плутни съ переселенцами.

Ознакомившись съ переселенческою станціею и побывавъ у г. Чарушина, по совѣту и указанію послѣдняго, я и одинъ мой пріятель поѣхали посмотрѣть на житье-бытье новоселовъ, поселившихся въ 40 верстахъ отъ г. Томска года два тому назадъ.

Взяли мы у «дружковъ» пару лошадей и тронулись въ путь, и всю дорогу нашъ ямщикъ (оказавшійся изъ «плутоватыхъ»), молодой, здоровенный парень, съ какимъ-то ухарскимъ удовольствіемъ хвастался своими продѣлками относительно переселенцевъ.

рушинъ пришелъ къ мысли о необходимости учрежденія «переселенческаго банка», который можетъ превратить скитальчество, голодовку и попрошайничество Христовымъ именемъ въ плодотворную и трудовую жизнь. Всѣхъ владѣльческихъ земель въ Европейской Россіи, изъ которыхъ могутъ быть дѣлаемы покупки при помощи Крестьянскаго банка, г. Чарушинъ насчитываетъ до 90 милліоновъ десятинъ. Въ то же время въ одной только Томской губерніи насчитывается земли до 70 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ 20 милл. могутъ считаться вполнѣ свободными и вполнѣ удобными для новоселовъ. Затративъ въ Европейской Россіи сумму примѣрно въ 150 тыс. руб., крестьянскій банкъ можетъ устроить около 400 семей, тогда какъ на ту же сумму въ предѣлахъ только Томской губерніи, по расчету г. Чарушина, можетъ быть устроено болѣе 700. Уже изъ одного того, что учрежденіе переселенческаго банка оказывается неизбѣжнымъ для лица, близко знающаго переселенческое дѣло, можно видѣть и понять, что такое значитъ эта несчастная «пятирублевка», стремящаяся отдѣлаться отъ широкаго и важнаго общественнаго дѣла.

Кстати здѣсь сказать: этотъ парень, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказался евреемъ, но, чтобы узнать это, нужно было пробыть съ нимъ очень долгое время,—сразу никакъ бы никто не догадался, что это еврей: ухарская развязность сибиряка, лѣнивая, чисто россійская рѣчь, всѣ настоящія ямщицкія ухватки, все это было вполнѣ неподходяще къ тому, чтобы даже подозрѣвать въ немъ что-либо не только еврейское, а хоть даже что-нибудь инородческое. Вообще надобно сказать, что евреевъ въ Сибири множество, но всѣ они обрусѣли почти до неузнаваемости. На всемъ протяженіи пути отъ Томска черезъ Омскъ на Тюмень, самый богатый домъ (иногда роскошный), самая богатая лавка—непремѣнно еврейскіе. Значительное число лицъ, содержащихъ почтовыя станціи, евреи и еврейки. Обстановка ихъ жилищъ такъ отлично скопирована съ жилища зажиточнаго сибиряка, что и въ голову не придетъ сомнѣнія относительно національности обитателей этого жилья. Отсутствіе въ переднемъ углу образовъ довольно ловко замѣняется другими аксессуарами жилья россійскаго человѣка: портреты высокихъ особъ, виды сраженій и однообразныя гравюры грубовато-нѣмецкаго юмористическаго содержанія,—словомъ, вся та живопись, которая выходитъ изъ однихъ и тѣхъ же коробовъ россійскихъ книгоношъ и коробейниковъ. Взглянувъ на эту привычную для глаза живопись, проѣзжающій самъ дорисовываетъ воображеніемъ все, что должно быть въ переднемъ углу (гдѣ и цвѣты къ тому же есть бумажные), и, не сомнѣваясь, дѣлаетъ крестное знаменіе, и только тогда, когда, напившись чаю, уходитъ изъ комнаты и, по сибирскому обыкновенію, непремѣнно долженъ нагнуться въ низкихъ дверяхъ, замѣчаетъ на притолкѣ двери какую-то стеклянную трубочку, точно тонкій термометръ, а въ трубочкѣ видна бумажка съ еврейскими буквами. Тогда только ему сразу становится понятнымъ, что онъ находится въ еврейскомъ домѣ, и только тогда, начиная всматриваться въ лица хозяевъ, онъ замѣчаетъ въ нихъ что-то не совсѣмъ русское. Вотъ такой-то трудно разгадываемый типъ обрусѣлаго еврея и былъ нашъ возница, но все, что онъ разсказывалъ намъ по части надувательства переселенцевъ, къ сожалѣнію, не есть особенность исключительно еврейскаго умѣнія нажить деньгу даже на бѣднякѣ и нищемъ, ибо, какъ извѣстно, надувательство не чуждо и нашимъ соотечественникамъ.

— Говорятъ, что сибиряки недовольны переселенцами,

что они сердятся на нихъ, зачѣмъ сюда идутъ, отбираютъ землю? — спросилъ ямщика кто-то изъ насъ двоихъ, ѣхавшихъ въ телѣжкѣ.

— Можетъ, которые и сердятся, — лѣниво отвѣчалъ ямщикъ: — а для насъ, томичей, какъ переселенцы покажутся, точно солнце засіяетъ! Мы ихъ очень почитаемъ...

— За что?

Помолчалъ ямщикъ и съ сибирской развязностью и лѣнью въ тонѣ голоса сказалъ:

— Глупы они! Вотъ это намъ и пріятно!

Наглость такихъ мнѣній ямщика совершенно терялась въ той непринужденности его наглыхъ мыслей, которыя были въ немъ какъ бы врожденными.

— Будто ужъ они всѣ такіе дураки, какъ ты говоришь?

Ямщикъ улыбнулся, подумалъ и, обдумавъ свой отвѣтъ, повидимому, весьма тщательно, не спѣша и съ разстановкой каждаго слова, отвѣтилъ:

— Они дураки по нашему, по сибирскому мнѣнію... А такъ они, сами по себѣ — ничего! По-ихнему, по-россійскому, они даже и не дураки... И работаютъ хорошо!

— Хорошо работаютъ?

— Д-да! Ужъ что касается работы, нечего и говорить! Мы такъ не умѣемъ, да намъ и не надо! Мы лѣнивые... Ну, а ужъ они такъ дѣйствительно работники! Такъ вотъ, кажется, и издыхаетъ на работѣ. Мы къ этому непривычны.

— А вѣдь вы, сибиряки, сильнѣй и крупнѣй нашихъ мужиковъ?

— Мы дѣйствительно будемъ поогромнѣй ихъ. А что насчетъ силы, такъ, пожалуй, ваши-то лапотники и посильнѣй нашего брата.

— Будто? Вы такіе верзилы?

— Верзилы мы точно что верзилы, а что развязны отъ легкой жизни въ суставахъ, это — тоже вѣрно! Пробовали наши съ вашими на базарѣ бороться, и все за вашими верхъ... Право! Маленькій, худенькій, голодный, холодный, а какъ возьмется да изловчится, — глядь, и опрокинулъ нашего верзилу. Нѣтъ, по своей части они ничего, народъ понятливый, ну, а ужъ по сибирской ни аза не смыслятъ!

— Ну, напримѣръ?

— Да и не знаю, какихъ и примѣровъ-то вамъ представить,—такъ они глупы... Идетъ мужикъ по дорогѣ, подходитъ къ нашему обозу и говоритъ: «Что̀, ребята, не видали ли моей лошади? Каряя?..» Ну, не дуракъ ли, позвольте васъ спросить? Мы идемъ обозомъ въ двадцать-тридцать подводъ, и то у насъ отъ воровъ объѣздной караулитъ, постоянно ѣздитъ особый человѣкъ вокругъ обоза, смотритъ въ оба, чтобы не срѣзали мѣста, не отмахнули лошадь съ оглоблями. А этотъ разиня полагаетъ, что воръ пойдетъ съ его лошадью по дорогѣ! Кажется, долженъ бы глупый человѣкъ понять, что вѣдь нашему брату-сибиряку есть гдѣ спрятать его кобылу...

Говоря эти слова, ямщикъ указалъ кнутомъ направо и налѣво, то-есть обратилъ наше вниманіе на дремучій лѣсъ, окружавшій дорогу съ обѣихъ сторонъ.

— Ежели онъ этого не понимаетъ, такъ его окончательно на всякой малости можно провести. Я вотъ сбылъ имъ пять клячъ такихъ, что на живодерню не возьмутъ. А я взялъ съ нихъ вдвое противъ цѣны за настоящую лошадь.

— Да неужели же они не видятъ, что ты продаешь клячу?

— На его-то глаза она не кляча. Это мы знаемъ, что̀ она такое. А ему она оказывается, какъ орелъ! Потому онъ не знаетъ нашихъ уловокъ... Она лошадь обозная и за телѣгой всегда пойдетъ, хоть даже и при издыханіи. Вотъ и просишь пріятеля ѣхать впереди въ то самое время, какъ идетъ продажа. Пріятель ѣдетъ какъ будто по своимъ дѣламъ; вашъ мужикъ ничего не видитъ и не понимаетъ; видитъ, что кляча бѣжитъ — ему и любо. Купитъ, запряжетъ, а она ни съ мѣста. Ну, конечно, кое-какъ расхлещетъ, выѣдетъ за городъ, а тамъ въ полѣ и завоетъ съ нею...

Наглыя рѣчи эти становились совсѣмъ скверными, но надобно было выслушать «плутоватаго» до конца, и потому никто изъ насъ, слушавшихъ ямщика, не выразилъ открыто своего негодованія.

— Да и хорошую-то сибирскую лошадь вашъ мужикъ даже кормить не умѣетъ. У него и хорошая-то лошадь свалится съ ногъ на двухъ сотняхъ верстъ, а мы кормимъ такъ, что она пройдетъ у насъ 3—4 тысячи верстъ и не только не похудѣетъ, а еще того лучше станетъ, разбодрѣетъ, посильнѣетъ втрое, станетъ втрое дороже.

— Какъ же вы это дѣлаете?

Извозчикъ весьма подробно и тщательно объяснилъ намъ способъ кормленія лошадей, практикуемый сибирскими извозчиками, перевозящими кладь на тысячи верстъ. Я боюсь, что не буду въ состояніи подробно и точно передать этой оригинальной системы кормленія, и заранѣе каюсь предъ читателями, и въ особенности предъ читателями-сибиряками, въ тѣхъ ошибкахъ и неточностяхъ, которыя, я почти увѣренъ, будутъ въ моемъ пересказѣ. Сколько я понялъ, особенность кормленія имѣетъ, конечно, цѣлью не истощить, а развить до высшей степени силы лошади. Въ этихъ видахъ лошадь, идущая въ обозѣ, въ первые дни выхода съ мѣста, гдѣ взята кладь, т.-е. въ самое трудное для нея время, обречена сибирякомъ почти на полную голодовку, вслѣдствіе чего и должна, какъ бы въ отчаяніи, напрячь всѣ силы своего организма, чтобы преодолѣть непомѣрныя трудности пути. Въ минуту такого всесторонняго напряженія силъ, ей на второй или на третій день даютъ самое малое количество овса и полведра воды; на слѣдующій день прибавляютъ къ этой порціи еще овса и еще немного воды, и такъ постепенно поддерживаютъ ее въ неослабѣваемомъ нервномъ напряженіи, причемъ порція корма ежедневно увеличивается, и наконецъ лошади предоставляется ѣсть, сколько потребуетъ ея возбужденная сила. Эту-то непомѣрно развитую силу и задерживаютъ сибиряки въ лошади системою постепенно увеличивающагося корма до тѣхъ поръ, пока количество корма не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать количеству развитой въ лошади силы. Прежде она дѣлала свое тяжелое дѣло, такъ сказать, «нервами», сибирякъ поймалъ моментъ ихъ наивысшаго развитія и количествомъ корма удержалъ это развитіе силъ въ лошади навсегда. Теперь она идетъ сильная, здоровая, тогда какъ въ началѣ шла нервная, голодная.

Вотъ какъ я понялъ уловку кормленія ямщиками сибирскихъ обозныхъ лошадей. Система, какъ видите, жестокая, но все-таки довольно остроумная.

— А ваши накормятъ ее, набьютъ ей брюхо сѣномъ и ѣдутъ. Ей и такъ тяжело, но она еще больше устаетъ отъ своего брюха, а когда она, пройдя верстъ двадцать, устанетъ совершенно, ее пускаютъ на траву. Не понимаютъ, что съ такой устали и аппетита-то у нея настоящаго нѣтъ, она жуетъ лѣниво, вяло... Ее валитъ ко сну, а они опять

ее вялую запрягаютъ. Въ этихъ дѣлахъ они ничего не смыслятъ, это ужъ говорить нечего. Иная и хорошая лошадь, а измается съ ними на второй сотнѣ верстъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ я. — Этого они въ самомъ дѣлѣ не могутъ понимать; ну, а еще въ чемъ они глупы?

— Да мало ли въ чемъ? Онъ вотъ покупаетъ телѣгу и не можетъ разсмотрѣть, что *подосье* (желѣзная пластина, вдѣланная во всю длину нижней части осей для крѣпости) не желѣзное, а черемуховое, и покупаетъ телѣгу, а она у него и сломается на пятой верстѣ.

— Да почему же онъ дерева не можетъ отличить отъ желѣза?

— Очень искусно подражаемъ подъ желѣзо, не ему распознать этого дѣла. Мы дѣлаемъ подосье изъ черемухи такимъ родомъ: выстругаемъ какъ желѣзную пластину, обмажемъ сапожнымъ варомъ и сушимъ въ холодномъ мѣстѣ. Въ жаркомъ сушить нельзя: дерево вберетъ въ себя сокъ и глянецъ. Въ холодномъ же мѣстѣ оно засыхаетъ съ блескомъ. Да и вы бы сами, господа, не доглядѣли, дерево это или желѣзо? Ужъ повѣрьте, умѣемъ подражать безподобно. Черемуху беремъ: мало впитываетъ соку. Ну, вотъ такъ и ѣдетъ вашъ неучъ съ деревяннымъ подосьемъ. Конечно, потомъ опять воетъ!

Не знаю, осталась бы на этотъ разъ или нѣтъ наглость нашего разсказчика безъ возраженій, если бы приближавшійся поселокъ, привлекшій къ себѣ наше вниманіе, не заставилъ совсѣмъ перестать слушать его разговоры, которые къ тому же, съ самаго начала пути, постоянно прерывались подъ впечатлѣніями окружающей природы.

Что̀ могла значить вся эта хитрая, плутовская механика сравнительно съ прелестью того уголка, въ которомъ наконецъ удалось-таки поселиться нашему россійскому переселенцу, измученному и истомленному земельными безобразіями дома, трудностью и продолжительностью дороги и всѣми затрудненіями бѣдности, недостатковъ и незнанія чужой стороны? Проходимцы могутъ его надуть, ограбить даже, разорить и вообще ужаснѣйшимъ образомъ затруднить его жизнь,—но разъ *Богъ привелъ* ему добиться или уже просто только *доползти* до источника всей его жизни, до цѣлебнаго ключа всѣхъ его скорбей и болѣзней, до «земельки», онъ вновь оживетъ, вновь соберется съ силами и умомъ, и даже памяти въ немъ не останется обо всѣхъ

горестяхъ пережитаго и тѣмъ менѣе о ничтожныхъ надувательствахъ плутоватыхъ людишекъ.

А вся та мѣстность, по которой мы ѣхали къ новоселамъ и среди которой они устроили свое поселеніе, была поистинѣ прекрасна, даже роскошна. Подгородныя около Томска мѣста чрезвычайно красивы и живописны. Это какой-то безконечный роскошный паркъ, раскинувшійся на холмистой мѣстности, съ просторными луговинами, заросшими густою и разноцвѣтною травою, или желтѣющій мѣстами золотистымъ колосомъ пшеницы, ржи. Верстахъ въ тридцати отъ Томска, кромѣ широкой линіи дороги, пролегающей черезъ этотъ паркъ, весь онъ изрѣзанъ проторенными, отлично укатанными проселками: это томичи проложили дороги къ своимъ дачамъ, къ заимкамъ, гдѣ живутъ въ лѣтнюю пору; на пространствѣ этихъ тридцати верстъ, и вправо и влѣво отъ большой дороги, въ полночь и заполночь можно всегда встрѣтить томичей, ѣдущихъ на дачи или возвращающихся оттуда, изъ гостей. Все это пространство оживлено движеніемъ, а въ пору нашей поѣздки было оживлено особенно, такъ какъ на лугахъ и на жнитвѣ шла одновременная и горячая работа. Кстати здѣсь сказать: «поле» сибирскаго крестьянина непохоже на поле нашего россійскаго землевдѣльца; нѣтъ въ немъ этихъ разноцвѣтныхъ клѣтокъ на поляхъ, квадратовъ, треугольниковъ, зеленыхъ и черныхъ полосъ. Рожь и пшеница ростутъ на луговинкахъ, между несрубленными деревьями,—тамъ, гдѣ можно вспахать и засѣять, не изнуряя себя трудомъ. Пашни имѣютъ поэтому самыя прихотливо-очерченныя границы; а иногда, тутъ же въ полѣ, среди колосьевъ овса или пшеницы, своевольство нестѣсняющагося въ своихъ хозяйственныхъ фантазіяхъ сибиряка-крестьянина помѣщаетъ засаженную картофелемъ гряду, что̀ для «нашего» пахаря составляетъ уже прямое нарушеніе полевыхъ порядковъ и обычаевъ; а своеволецъ-сибирякъ давно уже сказалъ себѣ: «что̀ хочу, то и дѣлаю», и мудритъ, какъ ему угодно. Но хоть все это хозяйство и говоритъ, что въ поступкахъ сибиряка нѣтъ старанія хорошенько походить и поняньчиться съ пашней, такъ же, какъ няньчится съ ней нашъ россійскій мужикъ, все-таки приволье, просторъ и вообще вся «благодать», окружающая васъ, несказанно радуютъ за участь изможденнаго «курской культуры» крестьянина. «Слава Богу!»—думаешь о немъ, видя, что онъ

уже копошится на этихъ покрытыхъ хлѣбомъ или травой луговинкахъ роскошнаго лѣса. Правда, онъ копошится здѣсь пока еще какъ поденщикъ, но, хоть и въ этомъ нищенскомъ положеніи, а все-таки онъ уже здѣсь, уже добрался до мѣста. Узнать нашего «курскаго» весьма легко: если вы видите на работѣ человѣка высокаго роста, въ картузѣ, красной рубахѣ, черныхъ плисовыхъ или розовыхъ ситцевыхъ штанахъ и кожаной обуви, — это сибирякъ. Если же передъ вами мелькаетъ во ржи какой-то маленькій человѣчекъ, всегда безъ шапки, всегда въ домотканной рубахѣ и вообще весь одѣтый, обутый и обмотанный въ продукты всякаго рода растительности: лыкъ, мочалъ, пеньки,—такъ это нашъ, «курскій», т.-е. существо, для котораго жизнь «не пимши не ѣмши» сдѣлалась почти патріотической обязанностью. Какъ же не радоваться за этого «курскаго» пахаря, когда видишь его въ этомъ роскошномъ лѣсу и на этомъ неистощенномъ полѣ, подъ этими чудными, могучими кедрами, пышными и нѣжными, какъ липа, и развѣсистыми, какъ дубъ могучій?

Скоро перестатъ болтать и разговорчивый ямщикъ, чѣмъ доставилъ намъ еще большее удовольствіе. Скоро торная дорога кончилась, и мы очутились въ лабиринтѣ новыхъ, только-что проложенныхъ дорогъ; это были дороги, проложенныя новоселами, пробиравшимися къ новымъ, невѣдомымъ мѣстамъ; онѣ всѣ еще заросли травою, и колеи ихъ были некрѣпко наѣзжены. Путались они, очевидно, въ этомъ лѣсу, много наслѣдили, наколесили путей въ разныя стороны, и, подвигаясь по нимъ, надобно было пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ разспросить у случайнаго прохожаго или проѣзжаго мужика, «какъ пробраться къ новоселамъ?». Указанія были всегда такія, что ихъ надобно было твердо помнить:

— Будетъ тебѣ три дороги и по праву руку четвертая, и поѣзжай ты по середней: увидишь пень, и отъ этого пня поверни на лѣву руку, и т. д.

При всѣхъ усиліяхъ общими силами запомнить всѣ эти мельчайшіе признаки вѣрнаго пути, мы поминутно сбивались съ дороги, такъ какъ на каждомъ шагу были и другіе пни, и другіе повороты, и еще новые, быть-можетъ, только сейчасъ проложенные колесами слѣды. Лѣсъ былъ густъ, нетронутъ, дѣвственъ и молчаливъ. Рабочая суета большой дороги кончилась; пошли дѣвственныя, нетронутыя мѣста. Истративъ на розыски поселка не одинъ часъ вре-

мени, мы наконецъ были и обрадованы: между деревьями мелькнула на солнцѣ новая, точно золотая, деревянная крыша, и лошади наши скоро добрались до загороди и до какого-то подобія воротъ, а вмѣстѣ съ этимъ открылась передъ нами и часть новаго поселка.

IX. Поселокъ.

Былъ пятый часъ лѣтняго вечера. Большой оврагъ, начинавшійся по правую сторону отъ воротъ загороди, былъ, очевидно, только-что очищенъ отъ лѣса на самое незначительное пространство; неподалеку за этой расчисткой высокія, могучія деревья опять загромождали оврагъ по обѣимъ сторонамъ и скрывали его дальнѣйшее направленіе. Войдя въ загородь, мы осмотрѣлись,—не было нигдѣ ни души. По другую сторону оврага, т.-е. по правую руку, на вершинѣ холма стоялъ новенькій, уютный домикъ, съ цвѣтами на окнахъ; онъ стоялъ одинъ-одинехонекъ, еще и кой-какъ огороженный; но множество уже очищенныхъ отъ коры жердей было прислонено къ одной сторонѣ его крыши. Ни единой живой человѣческой души не было около него; не лаяла даже собака. По лѣвую же руку отъ насъ было, очевидно, наскоро выстроено нѣсколько землянокъ; надъ землей возвышался срубъ бревенъ въ пять, не больше, съ маленькими оконцами; срубъ этотъ былъ покрытъ дерномъ, положеннымъ плоско на накатъ изъ жердей, служившій потолкомъ этихъ землянокъ. И здѣсь также не было видно живой души. Кромѣ этихъ построекъ, какъ разъ противъ воротъ загороди, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, стояла буквально «избушка на курьихъ ножкахъ, на веретенныхъ пяткахъ»: квадратная, безъ крыши и съ неопиленными углами сруба, она имѣла всего одно оконце, притомъ рама была вставлена въ него бокомъ, чтобы было окно подлиннѣй, хоть и пониже. Но и тутъ былъ уже виденъ въ окнѣ цвѣточекъ въ горшкѣ. Вмѣсто крыльца лежали камни, по которымъ обыватель могъ «влѣзать» въ свое жилище, а не входить, ибо этотъ квадратный домикъ своими четырьмя углами стоялъ на четырехъ довольно высокихъ столбахъ. Очевидно, со временемъ будетъ сдѣлано, по сибирскому обычаю, подполье, но теперь его нѣтъ, и домъ стоитъ на

четырехъ «курьихъ ножкахъ». На двери его висѣлъ замо̀къ, и кругомъ все было тихо. Курица однако уже бродила вокругъ «избушки на курьихъ ножкахъ».

Оглядывая мѣстность, постукивая въ окна пустыхъ жилищъ и окликая пустынное пространство, мы не получали никакихъ благопріятныхъ результатовъ и были даже въ нѣкоторомъ разочарованіи: на поселкѣ должно было быть поселено 180 семей: онъ существуетъ уже три года. Неужели эти три полуземлянки, эта избушка на курьихъ ножкахъ и этотъ, хоть и хорошій, но единственный жилой домъ, неужели это все, что̀ достигнуто переселенцами въ теченіе трехъ лѣтъ?

Недоумѣніе наше продолжалось однако недолго: близъ воротъ загороди показался крестьянинъ, также, очевидно, не сибирякъ: рубаха и прочая снасть были домотканной работы, бѣлыя, холстинныя, но не было въ этомъ крестьянинѣ чего-то и спеціально «курскаго». Разсмотрѣвъ его поближе, оказалось: борода выбрита, на головѣ картузъ, а рубашка вправлена въ штаны, — все это *не наше*. У нашего и борода есть, и рубаха на выпускъ, а шапки, по обыкновенію, почти всегда нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ работѣ. Познакомившись съ этимъ крестьяниномъ, мы съ двухъ словъ узнали, что онъ чистокровный полякъ; что въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ живетъ томская мѣщанка, дѣти которой построились тутъ же, только въ другомъ мѣстѣ, и что въ хорошемъ домѣ, на правой сторонѣ оврага, живетъ «кержакъ». Этого короткаго знакомства съ поселкомъ было уже достаточно для того, чтобъ заинтересоваться его будущностью: коренные сибиряки, коренные кержаки и коренные поляки сошлись на одномъ полѣ: всѣ одинаково начинаютъ жить трудами рукъ своихъ на новыхъ мѣстахъ.

Но намъ болѣе всего хотѣлось видѣть *нашихъ* «мужиковъ», которыхъ здѣсь было много. Поселенецъ-полякъ взялся указать намъ дорогу къ русскимъ, и мы пошли вслѣдъ за нимъ, а за нами поѣхалъ ямщикъ, тщательно и съ любопытствомъ всматривавшійся въ окружающее и видимо заинтересованный имъ. Начало новой жизни въ новыхъ, дѣвственныхъ, чистыхъ, какъ ключевая вода, впечатлѣніяхъ окружающей природы осѣнило какъ бы какимъ-то свѣтлымъ вѣяніемъ и эту оплутѣвшую душу. Впослѣдствіи это осіяніе оплутѣвшей души было какъ нельзя лучше доказано совершенно случайными обстоятельствами, о чемъ я своевременно и разскажу. Теперь же пойдемъ за нашимъ проводникомъ.

Путь нашъ шелъ такимъ образомъ: спустившись въ оврагѣ, мы стали съ трудомъ подниматься на возвышенность, обставленную высокими деревьями, и здѣсь, на площадкѣ, увидѣли нѣсколько домовъ опять-таки польскихъ поселенцевъ. Съ площадки опять стали спускаться въ долину и въ уголкѣ ея опять замѣтили одинокій домикъ какой-то кержачихи, а потомъ опять «съ горки на горку», пока нашъ путеводитель не распрощался съ нами около своего, какъ у всѣхъ, неогороженнаго дома. Оказалось, что хотя путеводитель и разъяснилъ намъ дальнѣйшій путь, но исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго слѣдованія принялъ свой собственный домъ, который, къ сожалѣнію, отстоялъ отъ нашего русскаго поселенія на весьма далекомъ разстояніи. Намъ пришлось съ полчаса колесить по задамъ русскаго поселка, пока мы наконецъ не заслышали крика пѣтуха, лая собаки, блеянія овцы и не почуяли, что *наши* тутъ, гдѣ-то близко, а судя по «хоровому» началу, слышавшемуся въ обиліи куриныхъ и овечьихъ звуковъ, не могли не ощущать радости при мысли о томъ, что наконецъ-то мы увидимъ жилое мѣсто, а не одинокіе домики въ лѣсу.

И скоро подъ горой, заросшей величественными деревьями, между которыми было уже много срубленныхъ, очевидно, на постройку, въ просвѣтахъ лѣса замелькали крыши, засверкали новыми стѣнами два-три десятка новыхъ построекъ, и передъ нами наконецъ открылась «улица», наша, россійская, широкая. Она еще плохо и рѣдко застроена, но уже и въ томъ, что есть — видно, что житье пойдетъ здѣсь «на міру»: всѣ будутъ жить на глазахъ у всѣхъ, всѣ будутъ знать всѣхъ, и всякому будетъ про всякаго извѣстно все.

Вотъ именно эта-то разница въ тонѣ и строѣ домашней и общественной жизни всѣхъ тѣхъ разнохарактерныхъ типовъ переселенцевъ, которые волею судебъ обречены были составить здѣсь, на чужой сторонѣ, одно общество, эта разница и трудности, изъ нея вытекающія, и были предметомъ нашего разговора въ первомъ изъ переселенческихъ дворовъ, гдѣ мы остановились пить чай.

— —

Надобно сказать, что всѣ выстроенные новоселами дома ясно свидѣтельствовали, что выстроились только люди состоятельные; переселенческая бѣднота пока еще гнѣздилась въ амбарахъ и пристройкахъ къ этимъ богатымъ домамъ. Первый домъ (гдѣ баба, за отсутствіемъ мужиковъ, не приняла насъ напиться чаю и указала на сосѣдей), хоть и не

былъ огороженъ какъ слѣдуетъ, былъ однако очень просторный, уютный и на дворѣ имѣлъ флигелекъ, который отдавался въ наемъ пришлымъ переселенцамъ; точно также и слѣдующія постройки говорили о извѣстнаго размѣра состоятельности ихъ хозяевъ. Особенно былъ типиченъ, въ отношеніи обилія домашняго трудового разнообразія, тотъ домъ, въ которомъ мы остановились пить чай.

Здѣсь также не было хозяевъ,—они были на работѣ. Съ кучею малыхъ ребятъ, дѣвчонокъ и мальчишекъ, оставленъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; просьбу нашу о самоварѣ онъ тотчасъ же удовлетворилъ самымъ простымъ отвѣтомъ:

— Идите, напою!

Покуда нашъ юный хозяинъ ставилъ самоваръ, мы пошли осмотрѣть дворъ. Онъ былъ не вполнѣ устроенъ; для скотины не было еще помѣщенія, за исключеніемъ кой-какого навѣса, забросаннаго сверху клочьями соломы. Но въ то же время чего-чего ни было уже проявлено здѣсь по части человѣческаго труда и мастерства въ промежутокъ времени не болѣе какъ въ два-три года!

Домъ этотъ стоитъ на краю небольшого оврага, въ низинѣ котораго была врыта кузница. Самая печь находится въ помѣщеніи, вырытомъ подъ землей и защищенномъ сверху толстыми пластами дерна; около кузни станокъ для ковки лошадей, точило для косъ и наковальня.

Поднявшись отъ кузни наверхъ и обойдя домъ, мы сразу нашли двѣ мастерскихъ, токарную и телѣжную; дѣлаютъ колёса какъ городского фасона, такъ и для деревенскихъ телѣгъ. И какъ вся эта механика умно придумана! Токарный станокъ устроенъ такъ: въ лѣвый уголъ маленькой каморки воткнутъ крѣпкій березовый сукъ, воткнутъ такъ, что тонкій его конецъ сильно напираетъ подъ потолокъ; къ этому тонкому концу привязана веревка, которая, спускаясь книзу, плотно обвивается вокругъ куска дерева, который надобно обточить на токарномъ станкѣ, и, обвившись, падаетъ ниже станка, гдѣ образуетъ петлю. Вставивъ ногу въ эту петлю, токарь пригибаетъ веревку книзу, веревка плотно обтягиваетъ предметъ (вслѣдствіе того, что березовый сукъ тянетъ ее кверху), и дерево поворачивается. Отпустивъ на мгновеніе ногу, токарь даетъ волю березѣ, которая вздергиваетъ конецъ веревки къ потолку и такимъ образомъ опять поворачиваетъ дерево. Для болѣе же быстрой работы надъ кусками дерева большого объема устроена въ другомъ флигелькѣ другая мастерская. Тамъ устроено вра-

щаемое руками колесо; перекинутая съ него веревка обращаетъ малый вращающійся винтъ, на которомъ навинченъ кусокъ обтачиваемаго дерева. При этомъ аппаратѣ кусокъ обтачивается «кругомъ»; при томъ же, который описанъ выше, его можно обточить сначала только съ одной стороны, а потомъ уже съ другой. Станъ колесъ стòитъ въ Томскѣ—рубль; приведенный же въ окончательный видъ, то-есть превращенный въ настоящее колесо со втулкой и спицами, онъ стòитъ отъ 4-хъ до 6-ти р. Много во всемъ этомъ самой хитрой механики, «выдумки», и если къ этому мастерству прибавить всю многосложность земледѣльческаго труда, по поистинѣ нельзя не позавидовать разнообразію и интересу той *трудовой жизни*, которая наполняетъ этотъ «мужицкій» домъ.

Осматривая всѣ эти «механики», мы познакомились съ двумя крестьянами-вятичами, которые только-что пришли въ поселокъ и жили въ описываемомъ домѣ на квартирѣ. Они тоже были мастера «по этой же части», т.-е. по токарной и столярной, но одинъ изъ нихъ былъ, кромѣ всего, мельникъ; мельничное дѣло онъ зналъ до тонкости и задумывалъ устроить мельницу. Бабы этихъ вятичей были на работѣ; мужики работали въ токарныхъ мастерскихъ, а дѣти бѣгали и играли съ хозяйскими дѣтьми, подъ начальствомъ того двѣнадцатилѣтняго мальчика, который ставилъ намъ самоваръ. Познакомившись, всѣ мы сѣли на бревнѣ, валявшемся на дворѣ, и мало-по-малу къ намъ стали подходить кой-кто изъ поселенцевъ.

Пришелъ старый-престарый человѣкъ, переселившійся вмѣстѣ съ дѣтьми, образовавшими уже двѣ новыя семьи. Онъ пришелъ сюда уже не для работы, а просто дожить вѣкъ при своихъ дѣтяхъ, и, будучи близостью конца жизни поставленъ въ необходимость быть только безпристрастнымъ зрителемъ того, что творится передъ его глазами, онъ нахвалиться не могъ всѣмъ, что видѣлъ его потухавшій взоръ.

— И въ мысляхъ-то всю жизнь не было, чтобы этакую благодать Господнюю увидать! *И заспать не заспишь*, сколько я Господу благодаренъ!

Трудно было понять глубину благодарности къ Богу, выраженную словами: «заспать не заспишь». Но, подумавъ и сообразивъ, что такое сонъ трудового человѣка, можно понять и размѣры того душевнаго волненія, которое не даетъ этому утомленному человѣку сомкнуть глазъ. Извѣстно, что наработавшійся мужикъ можетъ спать такимъ «мертвымъ»

сномъ, что о пожарѣ своей избы догадается только тогда, когда огонь схватитъ его уже за бороду, за ноги и за рубашку. Каково же должно быть его волненіе, возбужденное въ немъ благодарностью къ Богу, когда онъ, въ ту минуту, когда бы ему слѣдовало спать «мертвымъ» сномъ, не можетъ сомкнуть глазъ? Господь такъ неожиданно посѣтилъ его, наградилъ его такимъ счастьемъ, что въ трудовомъ человѣкѣ исчезла возможность хоть на минуту забыть эту необыкновенную «милость»; и даже сонъ, въ которомъ онъ можетъ забыть самого себя, и тотъ покинулъ его, уступивъ мѣсто непрерывному ощущенію благоговѣнія предъ необыкновеннымъ милосердіемъ.

Все здѣсь кажется этому старику удивительно прекраснымъ, и мысль его не только не въ силахъ найти во всемъ видимомъ какого-нибудь недостатка, но, очевидно, не въ силахъ воспринять и того, что въ видимомъ такъ неожиданно хорошо. Что касается до молодого поколѣнія мужиковъ, такъ или иначе отвѣдавшихъ уже не-крѣпостной жизни и имѣвшихъ соприкосновеніе со школой и книгой (все это, да знаетъ читатель, далеко не безслѣдно отразилось уже на поколѣніи «освобожденнаго» народа), то они хотя и веселы и рады, что попали дѣйствительно въ хорошія мѣста, лучше которыхъ и въ самомъ дѣлѣ ничего не надо, но кое-что уже критикуютъ, хотятъ сдѣлать поудобнѣе, на свой образецъ, и уже желаютъ кой-о-чемъ «ходатайствовать». Такъ, оказывается, что невозможность совмѣстнаго сожительства великороссовъ, кержаковъ и поляковъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ всѣхъ трехъ различныхъ типовъ людей, живущихъ трудами рукъ своихъ.

— Ежели бы мы, россійскіе-то, отдѣльно отъ нихъ жили, у насъ бы всѣ дѣла въ полчаса рѣшались. Загородь, плотина, да что угодно, все бы однимъ духомъ: собрались, порѣшили, разсортовали народъ по очередямъ,—анъ дѣло-то и готово! А тутъ какъ придутъ поляки да кержаки, да всякій тянетъ на свою сторону, какъ ему лучше да пріятнѣй, такъ, бываетъ, по шести денъ галдимъ, а все толку нѣтъ!

— Да кержакамъ и полякамъ тоже не охота по нашему-то вкусу жить!

— Кому охота!

И, вѣроятно, никакого «толку», дѣйствительно, и не будетъ, такъ какъ самаго поверхностнаго вниманія къ каж-

дому изъ этихъ *крестьянскихъ* типовъ вполнѣ достаточно для того, чтобы чувствовать ихъ огромную нравственную другъ отъ друга отчужденность.

Всѣ они *одинаково* пишутъ, косятъ, сѣютъ, возятъ навозъ, но всѣ они уже совсѣмъ неодинаковы прежде всего по внѣшнему виду; *нашъ* — босикомъ, безъ шапки, плохо вымытъ, плохо чесанъ; двѣнадцатилѣтній сынъ *нашего* не всегда замѣчаетъ, что ему давно бы пора утереть свой носъ и вымыть, по крайней мѣрѣ, хоть одну щеку, если не все лицо, еще «со вчерашняго» сохраняющее слѣды паденія съ лошади въ грязь; и тотъ же двѣнадцатилѣтній мальчикъ-полякъ, такой же крестьянинъ, и одѣтъ чисто, и острижена, и шапка на немъ такая, какъ у всѣхъ городскихъ людей. Въ пиджачкѣ, высокихъ сапогахъ онъ дѣлаетъ крестьянское дѣло и какъ-то такъ обходится съ собой, что ему не надо говорить: «и когда ты носъ-то утрешь?». Такой же самый крестьянскій мальчикъ-кержакъ, непохожій ни на полячка, одѣтаго почти по-городски, ни на мужичка, почти совершенно раздѣтаго, носитъ на себѣ также своеобразный отпечатокъ: онъ одѣтъ въ хорошій, крѣпкій, чистый русскій костюмъ, и вообще внѣшность его чрезвычайно опрятна и благообразна. То же разнообразіе и во внѣшнемъ видѣ взрослыхъ поляковъ и кержаковъ, и въ особенности женщинъ и дѣвушекъ. Когда мы приблизились къ дому поляка (который указывалъ *намъ* ту дорогу, какая для *него* была ближе), къ нему, одѣтому въ одну рубашку и порты работнику, выбѣжали навстрѣчу двѣ дѣвочки, десяти и двѣнадцати лѣтъ, одѣтыя чрезвычайно опрятно, причесанныя по-городски, обутыя въ крѣпкіе, хотя и грубые башмаки; онѣ работали въ огородѣ и слѣдовательно дѣлали то же крестьянское дѣло, какъ и наши *дѣвчонки;* но вотъ дѣвушки такого же возраста у *нашихъ* дѣйствительно уже не дѣвушки, а *дѣвчонки:* въ однѣхъ рубахахъ, съ растрепанной косичкой, босикомъ и съ грязными ногами. Черезъ три-четыре года онѣ будутъ уже женами, и ихъ дѣти будутъ ходить также босикомъ, съ раздутыми животами, какъ и сами онѣ. Опрятность и чистота кержацкихъ женщинъ также ни въ какой мѣрѣ несравнима съ нашими, но зато нѣтъ у нихъ и веселья, пѣсенъ, «горѣлокъ». Деньги, какъ подспорье къ земледѣльческому труду, всегда имѣющіяся, какъ извѣстно, въ нѣкоторомъ количествѣ какъ у раскольниковъ, такъ и у поляковъ (которые идутъ не иначе, какъ продавъ свой лоскутикъ земли

на родинѣ за хорошую цѣну), конечно, имѣютъ большое значеніе во внѣшнемъ благообразіи жизни, но кто же не видалъ мужиковъ прямо *богачей*, семьи которыхъ однакоже погрязаютъ въ неопрятности, не хуже самыхъ бѣдныхъ крестьянскихъ семей, гдѣ человѣкъ, именуемый *саврасомъ*, вовсе не рѣдкость, и гдѣ вниманіе къ собственному носу савраса пробуждается въ послѣднемъ не иначе, какъ вслѣдствіе хорошаго «леща», даннаго родителемъ безъ церемоніи и даже при гостяхъ.

Причина разнообразія во внѣшнемъ и внутреннемъ образѣ жизни людей, живущихъ совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ земледѣльческаго труда, заключается именно въ нравственномъ содержаніи жизни каждой отдѣльной *личности* этихъ группъ. Разницу въ содержаніи и качествѣ личной жизни нашего крестьянина и крестьянина-кержака можно очень ясно видѣть изъ наблюденія, сдѣланнаго покойнымъ Кельсіевымъ, при изученіи имъ раскола. Однажды ему пришлось позднею ночью заѣхать въ такую деревню, въ которой (онъ заранѣе зналъ это), кромѣ православныхъ крестьянъ, живутъ еще какіе-то инородцы, до сегодня сохранившіе еще многіе языческіе обычаи и неряшливую простоту образа жизни полудикаго народа. Желая ночевать непремѣнно въ домѣ православнаго крестьянина, онъ въѣхалъ въ деревню, остановился у перваго дома, постучалъ въ окно, и, когда въ немъ показался человѣкъ, Кельсіевъ спросилъ его:

— Что, скажи, пожалуйста, здѣсь *христіане* живутъ?

— Нѣтъ, батюшка! — съ какой-то жалобною нотою въ голосѣ отвѣчалъ ему мужичокъ: — *мы церковные!* Намъ *этого* некогда! Надъ нами барщина!..

Этотъ крестьянинъ какъ нельзя лучше характеризуетъ свое слабое соприкосновеніе съ дѣломъ вѣры. Ему недосугъ быть настоящимъ христіаниномъ; на немъ лежитъ такая масса физическаго труда, что ему въ пору только по большимъ праздникамъ побыть въ церкви, поставить свѣчку, причаститься, повѣнчаться, окрестить ребенка, похоронить мертваго, и вообще за трудовымъ недосугомъ онъ едва-едва въ состояніи исполнить только церковный обрядъ. Сравните теперь эти размѣры духовной жизни, едва возможные для человѣка, поглощеннаго трудомъ, съ размѣрами личной духовной жизни кержака. Для него трудъ въ полѣ, трудъ въ обозѣ, въ лавкѣ—только средства для жизни въ

домѣ, для удовлетворенія потребностей, требуемыхъ его нравственными *убѣжденіями*. Мало того, что образецъ своей личной жизни онъ беретъ изъ книжныхъ указаній, въ которыя, несомнѣнно, вѣруетъ твердо, но и всякую малость домашняго личнаго обихода (вплоть до употребленія въ пищу того или иного животнаго) исполняетъ также всегда «по закону», или, по крайней мѣрѣ, всякую малость стремится исполнить непремѣнно по закону. И, чтобы не кривить душой въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ всѣми мѣрами старается оградить ихъ отъ всякаго на нихъ посягательства такихъ порядковъ жизни, которые онъ считаетъ рѣшительно враждебными святынѣ его души. Кромѣ идеала личной жизни, онъ лично живетъ еще и борьбою съ врагами этого идеала, изобрѣтаетъ средства уйти, схорониться отъ этого врага, и слѣдовательно, кромѣ личной жизни, согласно только личнымъ убѣжденіямъ, живетъ еще критикой несогласныхъ съ его идеалами порядковъ. «Антихристъ» олицетворяетъ для него всю враждебную его совѣсти лѣтопись фактовъ, накопленныхъ въ осужденіе неправильной жизни его предками въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, и весьма точно очерчиваетъ малѣйшія попытки внѣшнихъ вліяній помрачить его жизнь, совратить съ праведнаго пути и погубить.

Человѣку, въ которомъ личность и личная жизнь *не главное*, а еще пока второстепенное дѣло, не на чемъ сойтись съ человѣкомъ, для котораго *главное-то* и заключается въ личной жизни, въ жизни по убѣжденію, по указанію *своей* мысли. Связь на куплѣ и продажѣ можетъ быть между кержакомъ и церковнымъ, это связь товара и рубля; но общей жизненной, духовной связи и между ними быть не можетъ: кержакъ сердито смотритъ на церковнаго, а церковный не любитъ и не понимаетъ сердитыхъ вообще, а тѣмъ болѣе «сердитыхъ христіанъ». Если же ничего общаго между собою не найдутъ такіе, повидимому, другъ къ другу близкіе люди, какъ раскольникъ и православный, то оба они не найдутъ ни малѣйшей нравственной связи съ полякомъ, какъ и полякъ съ ними.

Личная жизнь поляка обильна семейнымъ, біографическимъ матеріаломъ ничуть не менѣе, чѣмъ личная жизнь кержака.

Въ этомъ сундукѣ, пріѣхавшемъ въ Сибирь чуть не съ австрійской границы, хранятся такія семейныя «реликвіи», о которыхъ нельзя забыть всю жизнь и которыя даютъ

фамильную семейную особенность почти каждой польской семьѣ всякаго званія и состоянія, по тѣмъ или другимъ причинамъ поселившимся въ Сибири. Этихъ реликвій совершенно достаточно, чтобы около нихъ сосредоточивался центръ главнѣйшихъ личныхъ интересовъ, исходный пунктъ взглядовъ на всѣ отношенія къ окружающей средѣ. Оборона убѣжденій, о которой свидѣтельствуютъ семейныя реликвіи, непохожа на оборону убѣжденій кержака, который прятался въ дебряхъ отъ враговъ, а частенько и деньгами откупался. Не могу сказать, такъ ли сильна и въ польской крестьянской семьѣ критика общаго строя жизни, какъ сильна она въ кержакѣ, въ его тонкомъ изученіи всѣхъ примѣтъ антихристова пришествія и всѣхъ хитроумныхъ антихристовыхъ продѣлокъ; но что преданія семейныя, фамильныя составляютъ въ польской семьѣ центръ жизни и весьма достаточны для того, чтобы личная жизнь польской семьи и польскаго дома была полна ими, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Такимъ образомъ вся личная жизнь, всѣ личные интересы, общественные и историческіе идеалы у всѣхъ этихъ, повидимому, одинаково трудящихся людей совершенно разнообразны и рѣшительно недоступны пониманію ими другъ друга. Кержаку рѣшительно невозможно имѣть съ полякомъ какія бы то ни было нравственно одинаковыя стремленія и цѣли, точно такъ же, какъ и поляку семейныя преданія не даютъ и нити къ какому-нибудь нравственному товариществу съ кержакомъ, съ церковнымъ, государственнымъ, такъ сказать, человѣкомъ. И я не сомнѣваюсь, что *опыты* слить въ одну сельскую общину такіе неподходящіе элементы,—кержака, церковнаго и поляка,—не приведутъ ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ. Сколько я знаю, и сейчасъ ужъ идутъ ходатайства о томъ, чтобы начальство расцѣпило, такъ сказать, этотъ подневольный союзъ совершенно неподходящихъ другъ къ другу людей и порядковъ ихъ жизни.

Русскіе, которымъ отведены мѣста въ другой колоніи, почти сплошь населяющейся поляками, ходатайствуютъ о перемѣщеніи ихъ къ «своимъ»; кержаки ходатайствуютъ о томъ, чтобы и къ нимъ причисляли побольше «ихнихъ людей», а поляки, конечно, жаждутъ быть также въ своей средѣ. Если же «опытъ» сліянія неподходящихъ другъ къ другу элементовъ удастся хотя бы и въ слабой степени, то дѣло это будетъ воистину необычайнымъ.

Во все время нашего пребыванія въ поселкѣ «плутоватый» человѣкъ неотступно слѣдовалъ за нами: все, что̀ видѣли и на что смотрѣли мы, видѣлъ и онъ; все, о чемъ мы говорили, онъ слышалъ, и слушалъ все съ особенной внимательностью. Его развязная, базарная разговорчивость совершенно его покинула; среди босыхъ мужиковъ онъ, по-городски одѣтый ухарь, примолкъ и вообще, очевидно, стѣснялся и конфузился. Пробовалъ-было онъ иногда вставить въ разговоръ какое-нибудь развязное словцо, но оно всегда было совершенно никѣмъ не только не понято, но даже и вниманія ничьего не обращало.

Весь обратный путь онъ упорно молчалъ и, очевидно, о чемъ-то крѣпко думалъ. По пріѣздѣ въ Томскъ, я его уже не видалъ, но случайно очень обстоятельно узналъ о томъ, что поѣздка къ новоселамъ произвела на него самое образумливающее впечатлѣніе.

Простившись за рѣкою Томью съ моими милыми томскими знакомыми, я выѣхалъ «на дружкахъ» дальнимъ коннымъ путемъ въ Россію. Возницей моимъ былъ тощій, согбенный, истощенный старичокъ, въ рваной шляпѣ городского фасона, торчавшей на затылкѣ. Съ полупути между Томскомъ и первой станціей старецъ этотъ вступилъ со мной въ разговоръ.

— Это мой сынъ возилъ васъ тогда къ новоселамъ!

Старецъ обернулся ко мнѣ, и я тотчасъ же узналъ въ немъ самаго кровнаго еврея.

— Какъ ужъ онъ хвалилъ! — продолжалъ старецъ. — И жена моя давно-давно уже просила меня бросить наши занятія, уйти жить въ деревню... А сынъ мой, наглядѣвшись на жизнь новоселовъ, такъ ее разстроилъ, что она захворала... Плачетъ теперь. Отдохнуть хочетъ въ крестьянской жизни. Измаялись и измучились мы съ ней, а ребята всѣ исплутовались.

Съ большой скорбью разсказалъ онъ всю свою жизнь. Въ молодости онъ хотѣлъ принять православіе, но отецъ, замѣтивъ это, немедленно поспѣшилъ его женить на дочери своего компаньона по какому-то предпріятію, кажется, винокуренному заводу.

— Мнѣ было лишь семнадцать лѣтъ, какъ онъ меня заперъ въ тюрьму.

— Въ какую тюрьму? за что?

— То-есть просто сказать — женилъ. Дѣти у меня пошли каждый годъ. Мнѣ вотъ теперь едва сорокъ лѣтъ,

а я измученъ заботами какъ восьмидесятилѣтній старикъ!

Рѣжущія душу впечатлѣнія производили эти сообщенія еврея о своей семейной жизни. Было до глубины души омерзительно, что онъ и теперь, на старости лѣтъ, отзывался о женѣ, какъ о тюрьмѣ.

Но онъ, повидимому, не сомнѣвался въ преимуществѣ своего страданія и продолжалъ.

Скоро послѣ женитьбы отецъ его разорился, проигралъ какое-то дѣло, вышелъ изъ компаніи и тяжко заболѣлъ, и женатый сынъ, уже обремененный своею семьею, долженъ былъ кормить его всякими средствами до самой смерти. Въ то же время его компаньонъ сошелся съ другимъ сотрудникомъ и процвѣталъ; и въ то время, когда жена его превращалась въ поденщицу, въ мужичку, и ростила ребятъ своихъ для всякихъ мужицкихъ промысловъ, извоза, разносной торговли, ея сестры, одна за другой, шли совсѣмъ иной дорогой: въ роднѣ матери плутоватыхъ ямщиковъ оказались профессора, инженеры, доктора, что̀, конечно, отдалило всѣхъ счастливыхъ родственниковъ отъ плутоватыхъ родственниковъ-ямщиковъ на неизмѣримое разстояніе.

— Плачетъ, плачетъ моя жена! Хотя умереть проситъ въ деревнѣ, на воздухѣ, въ честномъ трудѣ... Что̀ дѣлать? Я и самъ знаю, что это хорошо!

До конца пути онъ печалился о своей жизни, о своей загубленной женѣ (и все-таки загубившей его), о своихъ исплутовавшихся дѣтяхъ, и не могъ забыть насилія, сдѣланнаго надъ нимъ въ ранней юности его роднымъ отцомъ. Деревня, крестьянскій трудъ казались ему истиннымъ и единственнымъ спасеніемъ и облегченіемъ отъ всѣхъ его и всей его семьи униженій и страданій.

— А что̀, если я осмѣлюсь, пойду къ «чиновнику», попрошу его?

— Подите, быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ поможетъ намъ.

— Но вѣдь я еврей? Вѣдь «жидъ»! Меня истребятъ мужики!

— Мужики не тронутъ добраго человѣка, но не знаю, даютъ ли евреямъ землю.

— Все-таки я попробую... Хотя мѣсяцъ пусть отдохнетъ на свѣжемъ воздухѣ моя больная жена.

Не знаю, что̀ предпринялъ этотъ бѣдный еврей, но знаю, что такой необыкновенный, образумливающій плутоватаго

человѣка переворотъ во взглядахъ на успѣхъ въ жизни, какой произошелъ съ ямщикомъ, сдѣлали свѣтлыя впечатлѣнія недостроеннаго поселка.

X. Хорошаго понемножку.

Приводя въ нѣкоторый порядокъ какъ личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ непосредственныхъ наблюденій переселенческаго дѣла, такъ и мнѣнія людей, близко къ нему стоящихъ, и наконецъ припоминая по возможности все, что можно было почерпнуть относительно этого дѣла изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ сибирскою печатью, въ концѣ концовъ опять-таки приходится сказать, что въ переселенческомъ дѣлѣ хорошо только то, что дѣлается главнымъ образомъ въ Тюмени и частью въ Томскѣ.

Не знаю, кого изъ завѣдующихъ переселенческими станціями должны благодарить переселенцы прежде всего за прекращеніе канцелярской волокиты по ихъ перечисленію изъ великороссійскихъ волостей въ сибирскія. Я увѣренъ, что оба они одинаково участвовали въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ и одинаково ходатайствовали предъ высшимъ начальствомъ о сокращеніи переписки съ волостными правленіями и прочими захолустными властями: въ настоящее время всякій бѣдный человѣкъ, явившійся въ Сибирь, но непремѣнно только на одну изъ упомянутыхъ станцій, не будетъ истощенъ ожиданіемъ какихъ-то бумагъ, не будетъ отправленъ по этапу,—словомъ, не будетъ жертвою педантическихъ капризовъ «бумаги», но по возможности получитъ все, что ему надо, т.-е. главнымъ образомъ будетъ знать, что въ извѣстномъ мѣстѣ для него, бѣдняка, отведенъ клокъ земли.

Не знаю также, кому принадлежитъ починъ въ ходатайствѣ о сложеніи съ переселенцевъ арендной платы министерству государственныхъ имуществъ. До назначенія гг. Архипова и Чарушина переселенцы платили аренду за казенную землю, на которой они селились (по 18 коп. за десятину), и, какъ причисленные къ какому-нибудь сельскому мѣстному обществу, платили наравнѣ съ нимъ и всѣ лежащія на членахъ повинности. Теперь они платятъ только казенныя повинности, а арендной платы не вносятъ. Я

знаю, что объ этомъ долго, много и настойчиво хлопотали оба лица, завѣдующія переселенческимъ дѣломъ, и хлопоты ихъ оказались успѣшны. Затѣмъ все, что требуетъ, помимо надѣла землей, переселенческая нужда, невзгода, непредвидѣнныя на чужой сторонѣ случайности, все это по возможности удовлетворялось, было предметомъ самаго тщательнаго вниманія этихъ лицъ, и все это опять-таки заслуживаетъ самой полной и всеобщей благодарности.

Но если вы представите себѣ, что Тюмень и Томскъ суть единственныя свѣтлыя точки на всемъ огромномъ протяженіи огромныхъ пространствъ,. которыя переходитъ переселенецъ, то вы увидите, какъ мало всего этого для того, чтобы переселенческое дѣло стало дѣйствительно дѣломъ, и какая масса хлопотъ лежитъ на плечахъ лицъ, которыя этимъ дѣломъ завѣдуютъ. Въ Тюмени г. Архипову помогаетъ, кромѣ имѣющихся у него средствъ отъ казны, частное общество, но общество это можетъ располагать очень и очень скромными средствами *). Прошлую зиму въ Салтаминской деревнѣ, близъ Тюкалинска (Тобольской губ.), *девяносто* семей переселенцевъ находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Пріѣхавъ туда осенью, они жили въ землянкахъ, даже лаптей не имѣли и отъ продолжительнаго голода *такъ ослабѣли, что не могли даже просить милостыни* **). Г. Архиповъ помогъ имъ; но могъ ли онъ сдѣлать это какъ слѣдуетъ для 90 семей, въ которыхъ народу должно быть около 400 человѣкъ? Средства, которыми онъ располагаетъ, до крайности незначительны; а вѣдь такихъ случаевъ *ослабѣнія* навѣрное бываетъ не одинъ въ теченіе зимы. Говорю «навѣрное» потому, что извѣстія о подробностяхъ жизни переселенцевъ доходятъ до общества только случайно,—найдется добрый человѣкъ

---

*) Въ отчетѣ этого общества съ 1-го ноября 1885 г. по 1-е ноября 1886 г. показано, что, давъ пріютъ и помощь 5.712 чел. (въ томъ числѣ 2.296 дѣтей), оно могло израсходовать изъ своихъ средствъ (2.012 р. 63 к.) всего 1.180 р. 22 к. (28 больныхъ были приняты въ больницу, а 302 человѣка получили лѣкарства). Кромѣ этой крошечной суммы на такую кучу народа, обществомъ было роздано пожертвованій: 400 книжекъ, изданія комиссіи народныхъ чтеній, 10 пудовъ муки, $6^1/_2$ ф. чаю, 7 ф. сахару, 107 арш. ситцу и 12 арш. кумачу. *Новыя свѣдѣнія:* Въ 87 г. поступило пожертв. 2.005 р., израсход. 1488 р. Въ 88 г., по 1-е ноября 89 г., было въ приходѣ 3.819 р., израсход. 3.418 р. Въ 87 г. прошло чрезъ Тюмень 13.910 душъ, въ 88 г.—22.436 душъ, израсходовавшихъ отъ мѣста выхода до Тюмени 256.914 руб. соб. денегъ (Отчетъ Тюм. Б. К.).

**) «Спб. Газ.».

и напишетъ корреспонденцію. А не найдись человѣка, умѣющаго держать въ рукахъ перо, бѣдные голодающіе не найдутъ возможности даже и заявить о своемъ положеніи. Уже одно то, что они поселяются на новыхъ, *нежилыхъ* мѣстахъ, становитъ ихъ въ положеніе слишкомъ одинокое и заброшенное.

Въ Томскѣ, гдѣ не было общественной помощи, дѣло было еще труднѣе. Около 26-го іюля 88 года, на берегу Томи, «начиная отъ полицейской будки, что у моста, вплоть до пристаней, т.-е. на разстояніи не менѣе полутора верстъ, расмѣстились цѣлымъ рядомъ переселенческіе таборы. Народу скопилось до 3 тысячъ человѣкъ, а на этой же недѣлѣ ожидается еще 2 тысячи человѣкъ. 22-го іюня послѣ 15 сутокъ пути (отъ Тюмени, т.-е. вдвое дальше, чѣмъ ходятъ пароходы Игнатова) прибылъ въ Томскъ пароходъ Функе «Барнаулъ», съ двумя баржами, наполненными переселенцами. На одной изъ нихъ оказалось около 400 человѣкъ, и въ числѣ ихъ четыре трупа умершихъ въ пути. На другой день прибытія умеръ еще одинъ переселенецъ. Между дѣтьми свирѣпствуетъ корь и оспа. На другой баржѣ, оставленной г. Функе *пока* на Оби, при устьѣ Томи, слѣдуетъ въ Барнаулъ до ста человѣкъ, и между ними, по словамъ переселенцевъ, которые ѣхали съ ними,—*уже 12 труповъ*» *). Вотъ одинъ только переселенческій день нынѣшняго года. Три съ половиною тысячи человѣкъ, несомнѣнно, въ большинствѣ крайне нуждающихся во многомъ, шестнадцать труповъ, которыхъ надобно похоронить, и множество больныхъ дѣтей, которыхъ надобно было лѣчить. Все это такія дѣла, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться перепиской, бумагой, формальнымъ вниманіемъ, а надобно въ самомъ дѣлѣ эти дѣла сдѣлать, для чего необходимы средства.

Средства г. Чарушина можно видѣть изъ отчета за 1887 г., напечатаннаго имъ въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

«Всѣхъ переселенцевъ за лѣто 1887 г. прошло 5.474, да *обратныхъ* 127 душъ обоего пола. Больныхъ изъ нихъ было 433 чел. (пищевар. орган. 122). Изъ нихъ *пріютомъ*, т.-е. станціей, воспользовалось 668 *семей* **), лѣченіемъ — 433, отпускомъ готоваго стола, выдачею хлѣба—103 семьи, предоставленіемъ работы—27, *денежнымъ пособіемъ*—339. Пріютъ въ баракахъ, «*по стоимости остановокъ на постоялыхъ дворахъ*», исчисленъ г. Чарушинымъ въ 1.600 р.; медикаменты и плата

*) «Спб. Газ.» 88. № 48.

**) Здѣсь счетъ идетъ ужъ *на семьи*, а не на единицы обоего пола.

въ городскую больницу—63 р. 19 к., отпускъ пищевого довольствія—20 р., заработной платы за постройку барачныхъ помѣщеній — 88 р. 68 к.; безвозвратныхъ пособій 331 р.; заимообразныхъ пособій—3.970 р.».

Итакъ, на 5.601 человѣка можно было оказать *всякаго рода помощи* лишь на 6.080 р. 87 к., т.-е. обрадовать его на всю предбудущую жизнь лишь однимъ только рублемъ серебра съ гривенниками. Вы видите, какъ это мало и какъ затруднительно положеніе человѣка, поставленнаго въ положеніе раздавателя «милостыни», не говоря о ничтожности этой помощи для самихъ переселенцевъ, которые тратятъ на одну дорогу не десятки, а сотни рублей, выработанныхъ потомъ и кровью. Но размѣры пособія примутъ рѣшительно комическій смыслъ, если мы, разсмотрѣвъ вышеприведенныя цифры денежной помощи, выкинемъ изъ нихъ тѣ деньги, которыя, во-первыхъ, должны быть обратно возвращены въ переселенческую контору, т.-е. 3.970 р., и, во-вторыхъ, тѣ 1.600 р., которые только *живописуютъ* размѣры помощи, денегъ же никакихъ не означаютъ и изображаютъ только то, что̀, благодаря бараку, осталось въ карманахъ переселенцевъ—*стоимость остановокъ на постояломъ дворѣ*, то въ концѣ концовъ и окажется, что размѣры реальной помощи, по всѣмъ отраслямъ и «таблицамъ» всякихъ недуговъ, скорбей, болѣзней, не превышаютъ суммы—*одного гривенника на человѣка;* на 5.601 человѣка приходится подлиннаго милосердія всего на 510 руб., т.-е. даже меньше, чѣмъ на гривенникъ. А вѣдь между этими нуждающимися въ пособіи переселенцами бываютъ и такіе, что̀ *отъ слабости не могутъ даже милостыню собирать.*

XI. Обратные.

Но, несмотря на всю важность дѣла оживотворенія необозримыхъ, вѣками впустѣ лежавшихъ русскихъ земель, старая канцелярская суматоха, старая бумажная суета суетъ еще не утратила въ этомъ серьезнѣйшемъ дѣлѣ своего вліянія и значенія. Свѣдѣнія о переселенческомъ движеніи, которыя мы можемъ получить въ Тюмени и въ Томскѣ у завѣдующихъ станціями лицъ, совершенно не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія даже и о размѣрахъ этого движенія вообще, и вотъ именно въ этомъ-то, никѣмъ и нигдѣ не

выясненномъ движеніи, переселенческое дѣло попадаетъ большею частью въ канцелярскія руки и запутывается до невозможности. Массы народа идутъ въ Сибирь, очень часто минуя Томскъ и Тюмень, и такимъ образомъ ускользаютъ отъ разслѣдованія своего положенія и, по крайней мѣрѣ, счета. Идутъ не только въ Тобольскую и Томскую губ. или на Амуръ, а и въ Акмолинскую область, пробираются и къ Семипалатинску, идутъ южными дорогами Южнаго Урала. Въ 1887 году, въ одной Тобольской губерніи, кромѣ Тюмени, прошло — чрезъ Курганскій округъ 1.881 человѣкъ, чрезъ южныя волости Тюменскаго округа 88 ч., чрезъ Ялуторовскъ 1.015 чел. Курганъ и Ялуторовскъ—города, т.-е. мѣста, гдѣ есть грамотные люди и есть начальство, обязанное вести счетъ прибылому народу; но массы этого народа тянутся и болѣе глухими путями, гдѣ не найдешь ни пера ни карандаша. Читая случайныя корреспонденціи сибирскихъ газетъ, вы постоянно встрѣчаете извѣстія о какихъ-то толпахъ переселенцевъ, которые идутъ куда-то или откуда-то возвращаются и которые никоимъ образомъ не могли быть ни въ Тюмени ни въ Томскѣ, такъ какъ оттуда они непремѣнно были бы опредѣлены къ мѣсту и притомъ (въ послѣднее время) могли бы выбрать и мѣсто поселенія лично, въ присутствіи землемѣра.

Переселеніе, кромѣ того, не ограничивается передвиженіемъ массъ изъ Европейской Россіи, оно идетъ и въ самой Сибири. «Съ прибытіемъ переселенцевъ изъ Россіи жители Томской губ. *сами уходятъ* на востокъ,—читаемъ мы въ № 43 «Сиб. Газеты». - 4-го іюня чрезъ городъ прошло 19 семей, на 52 подводахъ, запряженныхъ въ одну, двѣ и даже три лошади; кромѣ того, къ рѣдкой изъ подводъ не было привязано по парѣ или по тройкѣ лошадей. Всѣ они, очевидно, очень состоятельные люди и ушли, по ихъ словамъ, *отъ тѣсноты*, вслѣдствіе ежегоднаго прилива новоселовъ». Это извѣстіе, бросая на тѣсноту Томской губ., имѣющей 70 милліоновъ десятинъ земли, какія-то таинственныя, загадочныя тѣни, еще болѣе осложняетъ возможность выяснить себѣ вообще основанія переселенческаго движенія.

Относительно положенія *обратныхъ*, которые двигаются назадъ также невѣдомыми путями и также въ значительномъ количествѣ, во всей тщательно веденной «Сибирскою Газетой» хроникѣ «переселенческаго движенія» мы нахо-

димъ за весь годъ только одно извѣстіе, въ № 54 (отъ 17-го іюля). Обратное движеніе переселенцевъ за время отъ 21-го по 30-е іюня было изъ Енисейской губерніи (въ то же время изъ Томской и Тобольской идетъ движеніе въ Енисейскую): оттуда ушло 37 семей (218 чел.), не проживъ на мѣстахъ своей осѣдлости и 3-хъ лѣтъ. Причина новаго передвиженія—недостатокъ средствъ на обзаведеніе и неполученіе пріемныхъ приговоровъ. Хроника переселенческаго движенія велась газетой самымъ тщательнымъ образомъ; въ ней всегда записано, что̀ только можно записать, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней многое множество всякаго рода явленій, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ, просто-таки не могло быть записано, и именно потому, что не было *случая* напасть на тотъ или другой случайный фактъ; иначе хроника не ограничилась бы сообщеніемъ одного только этого факта въ теченіе одного года. Въ доказательство того, что обратное движеніе—дѣло весьма немалое, могутъ служить цѣлыхъ *три* корреспонденціи изъ какого-то невѣдомаго сельца *Ужура* (Ачинскаго округа), гдѣ, очевидно, *случай* далъ возможность какому-то доброму человѣку обратить вниманіе на безпрестанно повторяющійся фактъ возвращенія переселенцевъ обратно. Что̀ же такое этотъ *Ужуръ?* Искалъ я его на довольно подробной картѣ изданія Ильина и не нашелъ. Во всякомъ случаѣ это село, гдѣ нашелся только «случаемъ» корреспондентъ, внимательное къ народу постороннее лицо, и вотъ, благодаря только этой случайности, мы имѣемъ *только* изъ этого захолустья, изъ этой мышиной норки, даже и непримѣтной на огромныхъ пространствахъ сибирскихъ пустырей, цѣлыхъ три корреспонденціи, дающихъ возможность заключить, что обратное движеніе вовсе дѣло не маленькое.

Въ корреспонденціи отъ 7-го февраля мы читаемъ:

«Случаи выселенія новоселовъ изъ Минусинскаго округа обратно въ Россію за послѣднее время стали очень часты и способны принять характеръ хроническаго явленія. 27-го января чрезъ наше село проѣхало обратно, на 7 собственныхъ подводахъ, 6 семействъ выходцевъ изъ Пермской губ., Екатеринбургскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ нихъ прожили въ Минусинскомъ округѣ 5 лѣтъ, другіе всего годъ. Здѣсь имъ *пришлось* (почему—*не удалось* узнать) взять *въ аренду* землю и другія угодья, принадлежащія *какой-то* вдовѣ-казачкѣ. Первые года два арендная плата была 1 р. за десятину, а съ теченіемъ времени *владѣлица* постепенно возвысила ее до 5 р. Такимъ образомъ, при существующихъ цѣнахъ на землю въ Минусинскомъ округѣ, гдѣ за 1 р. казаки продаютъ десятину земли въ полную собственность, арендная плата представлялась уже слишкомъ дорогой. Къ числу

причин, вмѣстѣ съ высокой платой за аренду, имѣющихъ вліяніе на ихъ рѣшеніе переселиться, они относятъ: 1) неопредѣленность своего положенія; 2) трудность освоиться съ условіями таежной жизни и 3) близкое сосѣдство несимпатичныхъ имъ переселенцевъ раскольниковъ».

Въ корреспонденціи отъ 19-го марта разсказывается, что 18-го марта въ с. Ужуръ вступило 6 подводъ съ 6-ю семьями, всего около 25 душъ. Семьи эти, отправившіяся безъ предварительной отправки ходоковъ къ своимъ полтавскимъ землякамъ, уже поселившимся въ Березовской волости, пришли туда слишкомъ поздно.

«Когда прибыли они на мѣсто, передъ Петровымъ днемъ прошлаго года, то волость не могла уже предоставить въ ихъ распоряженіе ни одной пяди свободной земли; земля, въ виду предполагавшагося размежеванія, была уже распредѣлена между наличнымъ составомъ населенія. Вновь прибывшіе остались за штатомъ. «Хорошо еще,—говорили переселенцы:—что была лѣтняя пора, вездѣ надобились работники; ну, взялись за работу: косили, жали—тѣмъ и перебивались. Что заработали въ лѣто, то проѣли зимой... Теперь вотъ идемъ въ Колыванскій округъ, Томской губ. *Знакомый мужичокъ сказывалъ*, что тамъ за деревней Кочки много еще есть свободныхъ земель... Ну, а тамъ—что будя: худо ли, хорошо ли, все едино останемся,—далѣ идти *некуда!* Ко двору воротиться не къ чему: домишки и скотъ распродали, а землю сдали въ общество... А все *виноватъ солдатъ* (который поселился тамъ раньше ихъ). Пишетъ: «выѣзжайте, здѣсь рай, а не жисть, -какую избу купилъ за 30 р., да пара коней, съ телѣгой въ придачу, на желѣзномъ ходу, стоила мнѣ всего 30 р.!»—говоритъ. А какъ поглядѣли это мы, такъ все навралъ: его тридцатирублевая изба не лучше избы нашего цыгана-кузнеца, а телѣга вовсе не телѣга, а просто дровни, да еще на деревянномъ ходу. Мы это и говоримъ ему: «Вѣдь ты, братецъ, разорилъ насъ!» — «Разорилъ и есть!—отвѣчаетъ:—да я и самъ, братцы, разорился!»...

Наконецъ въ третьей корреспонденціи отъ 5-го іюня разсказывается плачевная исторія 28 семействъ, два года тому назадъ переселившихся изъ Пензенской губерніи и поселившихся на земляхъ нѣкоей знаменитой тайной совѣтницы Безкоровайной, въ такъ-называемой Ирбинской дачѣ. Какъ объ этой владѣтельницѣ, такъ и о дачѣ мы скажемъ ниже болѣе подробно, какъ о дѣлѣ въ высшей степени важномъ для ознакомленія съ *подлинными* сибирскими порядками. Теперь же достаточно будетъ сообщить, что Ирбинская дача, давно уже отчисленная въ казну и все-таки находящаяся въ полномъ владѣніи наслѣдниковъ тайной совѣтницы, не дала возможности переселенцамъ прочно и съ увѣренностью утвердиться на арендованной ими землѣ. Арендная плата была подходящая для нихъ: 1 р. въ годъ за десятину; за копну сѣна 3 к., за строевое

дерево 10 к., за сажень дровъ 60 к. «Все ничего бы,— говорили переселенцы:—да прошелъ слухъ, что Ирбинская дача должна отойти въ казну, и что насъ выселятъ. Стали мы *хлопотать* чрезъ своего адвоката, *чтобы оставили насъ на старыхъ мѣстахъ, если дача отойдетъ въ казну, но дѣло наше не выгорѣло.* Послѣ этого мы и порѣшили уйти добровольно, чѣмъ ждать, пока выселятъ насъ». И вотъ двадцать восемь семей пошли въ разбродъ: шесть семей, которыхъ видѣлъ корреспондентъ, шли на томскій переселенческій пунктъ, надѣясь на помощь г. Чарушина; 10 семействъ *застряли* гдѣ-то подъ Абаканскомъ, по случаю разлива Енисея, не рѣшаясь поступить такъ, какъ поступили 6 семей, которыя, вопреки запрещенію, подкупили паромщиковъ и перебрались съ опасностью жизни на другой берегъ, за что и были, во-первыхъ, высѣчены по 15 ударовъ, а во-вторыхъ, оштрафованы по 15 рублей. Застрявшимъ переселенцамъ придется ждать переправы полторы недѣли. Что касается остальныхъ двѣнадцати семей, то о нихъ корреспондентъ говоритъ такъ: «Остальныя 12 *разъѣхались* по Минусинскому округу». Во время слѣдованія этихъ *обратныхъ* попался имъ на дорогѣ пермскій переселенецъ, одинокій, безъ всякихъ бумагъ, но съ семью ребятишками; шелъ онъ съ самыми свѣтлыми надеждами, но разсказы *«обратныхъ»* ошеломили его, подѣйствовали, по словамъ корреспондента, убійственнымъ образомъ. Однако онъ пошелъ далѣе, невѣдомо куда, такъ какъ ему ничего иного не оставалось дѣлать.

Выше мы видѣли, что *обратныхъ* на томской переселенческой станціи можно было отмѣтить только 37 семей, притомъ одинъ только разъ въ промежутокъ времени съ января по іюнь, между тѣмъ какъ въ этомъ микроскопическомъ уголкѣ Сибири отмѣчено случайнымъ корреспондентомъ уже до 40 семей, возвращавшихся обратно. Что же творится въ тѣхъ безчисленныхъ сибирскихъ норахъ и трущобахъ, которыхъ не отыщешь ни на какой картѣ и откуда не присылается никакихъ корреспонденцій? Цифра обратныхъ, миновавшихъ Томскъ, относится къ краткому промежутку времени между 21-мъ и 30-мъ іюня; свѣдѣнія корреспондента говорятъ о томъ, что движеніе обратныхъ было и въ февралѣ, и въ мартѣ, и въ іюнѣ (5-го числа), тогда какъ ни февральскихъ ни мартовскихъ отмѣтокъ о количествѣ *обратныхъ* нѣтъ въ томской переселенческой хроникѣ.

Изъ этого можно видѣть, какая путаница царитъ надъ переселенческимъ дѣломъ и въ какой безпорядочности оно находится, — хотя въ бумажной суетѣ суетъ и нѣтъ недостатка.

«Крестьяне нѣсколькихъ обществъ *Краевской* и *Армашовской* волостей Ишимскаго округа *), въ числѣ 51 человѣка, *нуждаясь въ земельныхъ угодьяхъ*, такъ какъ всѣ они дѣти отставныхъ солдатъ, обратились въ тобольскую казенную палату въ началѣ 1882 г. съ просьбою о перечисленіи ихъ въ *Ашлыковскую* волость Тобольскаго округа и надѣленіи ихъ землей изъ дачи *Балаглейскихъ* юртъ, гдѣ свободной земли болѣе чѣмъ достаточно». Такъ началось это дѣло и пошло такимъ порядкомъ. Казенная тобольская палата 21-го іюня 1882 г. составила постановленіе объ удовлетвореніи просьбы крестьянъ и занесеніи ихъ въ окладъ по *Ашлыковской* волости, а также и о надѣленіи ихъ землею. Но, несмотря на постановленіе казенной палаты, утвержденное губернаторомъ, земли не были отведены новымъ крестьянамъ. Прождавши *полтора года*, они снова обращаются за разъясненіемъ къ тобольскому губернатору и получаютъ отвѣтъ, что ходатайство ихъ передано въ казенную палату, отъ которой и *зависитъ* все ихъ дѣло и которая, какъ мы знаемъ, уже рѣшила его въ ихъ пользу. Прождавъ еще *полгода* отвѣта казенной палаты и ничего не дождавшись, крестьяне, въ половинѣ 1885 г., снова пишутъ прошеніе, на этотъ разъ уже на имя предсѣдателя губернскаго совѣта по крестьянскимъ дѣламъ. Въ августѣ того же года просители были извѣщены, что прошеніе ихъ пересылается изъ Тобольска въ Омскъ, въ управленіе государственныхъ имуществъ Западной Сибири. Получивъ это *рѣшеніе*, крестьяне опять стали ждать чего-то и ждали ровно 20 мѣсяцевъ. Прождавъ эти 20 мѣсяцевъ и не получивъ ровно никакого отвѣта, они вновь принялись за писаніе просьбъ и сначала пишутъ опять тобольскому губернатору, который опять *препровождаетъ* ее въ Омскъ, откуда наконецъ 22-го августа 1887 г. и приходитъ бумага за № 7.566.

Въ бумагѣ этой сказано, что именно въ этомъ году, т.-е. чрезъ пять лѣтъ послѣ подачи первой просьбы, сдѣлано (конечно, *надлежащее*) распоряженіе о надѣленіи ихъ землею, хотя, какъ мы знаемъ, еще 5 лѣтъ тому на-

---

*) «Спб. Газ.» 88 г. № 9

задъ они были уже надѣлены сю по рѣшенію казенной палаты.

Однако, несмотря на обиліе всѣхъ этихъ просьбъ и бумагъ, земля крестьянамъ опять-таки не была нарѣзана. Подождавъ еще нѣкоторое время, крестьяне надумали опять приналечь на «прошенія» и на этотъ разъ подали «однимъ махомъ» въ два разныя мѣста—и въ управленіе государственныхъ имуществъ въ Омскъ и въ тобольскій комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ Омскѣ прошенія не разсматривали, о чемъ однакоже крестьяне были увѣдомлены опять же «надлежащимъ» образомъ чрезъ межевое управленіе: на второе же изъ Тобольска имъ отвѣтили, что надѣленіе ихъ землею зависитъ единственно только отъ омскаго управленія государственныхъ имуществъ, давъ однако указаніе, что на медленность надѣленія и на отказъ омскаго управленія государственныхъ имуществъ они могутъ жаловаться прямо г. министру, и кромѣ того присовокупили самое пріятное сообщеніе, что дѣло ихъ передано для скорѣйшаго исполненія г. Архипову. Здѣсь оно благополучно и окончилось, какъ тому быть слѣдовало.

Но омское управленіе нашло, что дѣло разсказано совершенно невѣрно, и при бумагѣ препроводило въ газету опроверженіе всего разсказаннаго. Изъ этого опроверженія *) оказалось, что 51 чел. крестьянъ, якобы желающихъ переселиться изъ *Армашовской* волости въ *Ашлыковскую*, ничего подобнаго не желали, такъ какъ испоконъ вѣка были старожилами этой самой *Армашовской* волости. Около 50 лѣтъ тому назадъ они, привлеченные доходностью извознаго промысла, самовольно переселились изъ Пензенской губ. и заняли именно тѣ самыя Балахлейскія юрты, въ которыя, какъ утверждаетъ газета, они *хотятъ переселиться.* Здѣсь всѣ эти крестьяне *спокойно проживали 40 лѣтъ*, пользуясь земельными угодьями по соглашенію съ инородцами. Затѣмъ, въ 1879 году, когда число душъ крестьянъ значительно увеличилось, они обратились въ тобольскую казенную палату о причисленіи ихъ къ мѣсту жительства (такъ какъ до сихъ поръ жили *спокойно* безъ всякаго причисленія, прямо своевольно) и о надѣлѣ землею. Палата, пересчитавъ ихъ по пальцамъ въ первый разъ въ своей жизни, объявила имъ, что ни причислить ни надѣлить землею ихъ *нельзя,* такъ какъ ей неизвѣстно еще,

*) «Сиб. Газ.» № 21.

имѣютъ ли право владѣнія этой землей и сами инородцы, и предложила надѣлъ въ дачѣ *Ашлыковской*, т.-е. предложила перейти на другое мѣсто, чего старожилы *армашовцы* не хотѣли, а какъ самовольно 40 лѣтъ жили *спокойно*, такъ и стали продолжать: стали самовольно присвоивать себѣ необходимыя для пашенъ земли, сѣнокосы, занялись высидкою дегтя и вырубкой строевого лѣса, и это *своевольство* шло во все время ихъ ходатайства, до тѣхъ поръ, пока, только въ прошломъ 87 году, не было разслѣдовано, что татары не имѣютъ права на Балахлейскій участокъ, и тогда же просители были увѣдомлены бумагой за № 7.566.

Такимъ образомъ и газетная статья и опроверженіе благополучно закончились на одномъ и томъ же нумерѣ *бумаги* — 7.566; но какая невозможная околесица тянулась, какъ оказывается, не съ 1882 года, а еще съ 1879! Вся непрерывная *восьмилѣтняя* волокита ни на волосъ управленіемъ не опровергается, и слѣдовательно и казенная палата, и управленіе государственныхъ имуществъ, и крестьянское присутствіе сдѣлали то самое, что̀ разсказано въ газетѣ. Оказывается, что никакое вѣдомство, до подачи крестьянами прошенія въ 1879 г., не знало объ ихъ существованіи, а когда узнало, то одно изъ вѣдомствъ тотчасъ же *надѣлило ихъ землей*, а другое тотчасъ же отказало въ надѣлѣ и нашло выходъ для крестьянъ въ переселеніи съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они *спокойно жили 40 лѣтъ*; оно не остановилось передъ такой мѣрой въ то время, когда и само еще не знало, чья это земля, на которой живутъ переселенцы, и узнало объ этомъ только въ 1887 году.

Между тѣмъ въ томъ же опроверженіи, очевидно, подъ вліяніемъ гуманныхъ вѣяній времени, мы находимъ такія строки: «Всѣ удобныя земли заняты *старожилами*; правильно ли заняты онѣ, это вопросъ, разъясненіе котораго и составляетъ всю трудность дѣла. *Пренебречь интересами старожиловъ, употребившихъ много упорнаго труда на разработку находящихся въ ихъ пользованіи земель, потому лишь, что эти земли приглянулись переселенцамъ, едва ли было бы справедливо*». Этими трогательными словами опроверженіе хочетъ устыдить автора опровергаемой статьи, который, принявъ крестьянъ-старожиловъ за переселенцевъ, просьбы которыхъ не удовлетворяются по годамъ, сказалъ нѣсколько словъ въ защиту переселенцевъ вообще. Опровер-

женіе, въ свою очередь, становится на защиту *старожиловъ*, тогда какъ то же перо, которое пишетъ эту защиту, нѣсколькими строками выше свидѣтельствуетъ, что оно же само предписывало 51 чел. *старожиловъ, спокойно прожившимъ на одномъ мѣстѣ 40 лѣтъ*, разорить себя переселеніемъ, то-есть *пренебречь плодами упорнаго труда, употребленнаго на разработку занимаемыхъ ими земель*, хотя въ то же время само и понятія не имѣло, чьи такія это земли, и, чтобы разузнать это, не поцеремонилось морить людей ожиданіемъ въ теченіе 8 лѣтъ. Вотъ какъ суетится цѣлые вѣка эта неутомимая бумага, и вотъ отъ нея какой толкъ!

XII. Канцелярскія тайны.

Возвратимся опять къ разговору о судьбѣ тѣхъ 28 семействъ, о которыхъ мы уже говорили раньше, чтобы яснѣе видѣть, до какой степени переписка тяжело отражается на крестьянинѣ. Всѣ эти 28 семей *разбрелись* съ земли, арендованной ими у наслѣдниковъ г-жи Безкоровайной, единственно только подъ давленіемъ совершенной неопредѣленности своего положенія, зависѣвшей исключительно отъ неопредѣленности канцелярскихъ мѣропріятій. Нужно впасть въ полное отчаяніе, чтобы, бросивъ родину, распродавъ и расточивъ имущество, вновь рѣшиться предпринять тысячеверстный обратный путь туда, гдѣ завѣдомо не будетъ ужъ ни малѣйшихъ средствъ начать новую жизнь.

Ирбинская (якобы) заводская дача, въ которой арендовали землю 28 несчастныхъ семей, до сей минуты представляетъ собою рѣшительно невѣроятное явленіе. «Владѣлица дачи,—читаемъ мы въ спеціальной статьѣ, посвященной этому дѣлу:—*никакого завода тамъ никогда не заводила*, а вела кляузные процессы съ казной, сдавала въ аренду золотые промыслы въ чертѣ своей дачи и собирала оброки, какъ помѣщица, съ живущихъ на ея землѣ крестьянъ». Несмотря на вопіющую несправедливость такихъ дѣйствій, генеральша Безкоровайная до самой смерти пользовалась оброкомъ съ неизвѣстно чѣмъ ей обязанныхъ крестьянъ и оставила дачу въ 100.000 слишкомъ десятинъ благополучному наслѣднику. *Несмотря на рѣшеніе* енисейскаго гу-

бернскаго суда, *присудившаго Ирбинскую дачу возвратить казнѣ*, «оказывается невозможнымъ выжить наслѣдниковъ изъ непринадлежащей имъ земли». При жизни своей г-жа Безкоровайная «не выполняла *никакихъ требованій, поставленныхъ ей казной:* казна предъявляетъ искъ, но г-жа Безкоровайная продолжаетъ хозяйничать, пока дѣло, вполнѣ безспорное (о томъ, что она, какъ не заводчица, не имѣетъ права на землю), тянется десятки лѣтъ, съ крестьянъ должнымъ порядкомъ собираются оброки, даже сама администрація помогаетъ взыскивать недоимки, посторонніе лица снимаютъ пріиски, и дѣло не кончено до сихъ поръ».

Такимъ образомъ земля, по всѣмъ божескимъ, человѣческимъ и, паче всего, по подлиннымъ законамъ принадлежащая казнѣ и прямо подлежащая заселенію пришлыми переселенцами, почему-то *отдается* почти *въ вѣчное владѣніе* г-жѣ Безкоровайной и ея наслѣдникамъ, а переселенцы, имѣющіе на эту землю неотъемлемое право, оказываются въ необходимости разбрестись кто куда и расточить свое достояніе.

И въ то же время, то же управленіе, *во имя этихъ самыхъ переселенцевъ*, отчуждаетъ стотысячный заводъ у владѣльца, заводчика Пермикина, пользующагося тутъ же, рядомъ съ г-жой Безкоровайной, своимъ правомъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, и, взамѣнъ отчужденныхъ у него владѣній, предлагаетъ ему равное количество трясинъ и дебрей. Въ видахъ устроенія переселенцевъ, оно отчуждаетъ отъ владѣльца заводъ, который вовсе не нуженъ переселенцамъ, а земли, которая имъ нужна и которая лежитъ тутъ же въ размѣрѣ 100.000 десятинъ, оно не находитъ почему-то возможнымъ нарѣзать.

Все это подлинные факты. Сумѣетъ ли кто-нибудь изъ читателей этихъ писемъ понять и уяснить себѣ тайну, изъ которой истекаетъ такая поистинѣ непостижимая неурядица? Думаю, что не сумѣетъ, какъ не сумѣетъ понять и разобраться въ этой тьмѣ и переселенецъ, которому, какъ видите, наилучшій исходъ — уйти на край свѣта. Не сумѣлъ бы понять и я, при всемъ моемъ желаніи, если бы одно случайное обстоятельство не пролило нѣкотораго свѣта на отношенія людей (знающихъ «сибирскую подноготную») къ сибирской власти, конечно, старыхъ временъ.

Случайно я получилъ самую точную копію съ письма одной тайной совѣтницы, фамилія которой почти до послѣдней буквы схожа съ фамиліей тайной совѣтницы Без-

коровайной, которая безпрепятственно могла нарушать всякіе божескіе и человѣческіе законы и передала знаніе этого секрета, какъ кажется, и наслѣдникамъ, потому что и они владѣютъ землей попрежнему самымъ беззаконнымъ и самымъ спокойнымъ образомъ. Тожественность копіи съ оригиналомъ удостовѣрена тѣмъ самымъ лицомъ, которому письмо это писано и которое ужъ не могло оправдать привычныхъ надеждъ г-жи Б—ной и передало его для опубликованія въ газетѣ, что, кажется, и было исполнено нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Письмо это адресовано въ г. Минусинскъ, *г-ну помощнику начальника Енисейскаго жандармскаго управленія Минусинскаго и Ачинскаго округовъ* (№ заказного письма 564. Получ. въ Минусинскѣ 7 февраля изъ Петербурга). Какъ свѣтская женщина, г-жа Б—ная начинаетъ свое письмо самыми тонкими любезностями, хотя изложенными довольно безграмотно.

«Не имѣя чести лично васъ знать, слышавши же о васъ, какъ о дѣятелѣ *вполнѣ энергичномъ*, рѣшаюсь покорнѣйше просить вашего содѣйствія и помощи въ полученіи слѣдуемыхъ мнѣ доходовъ съ крестьянъ за землю и прочаго моего имѣнія, находящагося въ Минусинскомъ округѣ».

Все въ этихъ строчкахъ свидѣтельствуетъ о желаніи изложить свою просьбу какъ можно вѣжливѣе; но тайговая безцеремонность обхожденія не дастъ г-жѣ Б—ной выдержать благообразный тонъ долгое время, и она почти тотчасъ же начинаетъ говорить уже своимъ тайговымъ языкомъ:

«Подробности Вамъ передастъ мой довѣренный (имя рекъ и адресъ); *теперь же сообщу Вамъ, что за 82 и 83 годы можно собрать тысячъ по десяти за каждый годъ, да еще за предыдущіе не все* получено. Если вы изъявите Ваше *доброе* согласіе мнѣ помочь, то прошу Васъ удержать въ свою пользу на расходы по моему дѣлу за 82 и 83 г. по 20 (двадцать) процентовъ съ рубля дохода съ крестьянъ, а за 84 по 15% (пятнадцати) съ рубля того же дохода... Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи къ Вамъ и преданности».

Не безъ основанія, должно-быть, эта почтенная дама просила отвѣчать ей: «*Петербургъ, Почтамтъ, до востребованія*»,—4.000 руб. *на расходы*,—это вѣдь *взятка*, и вообще все дѣло *сбиранія* темное; кто-нибудь могъ бы узнать объ этомъ замыслѣ, а вѣдь это не принято въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, чтобы просто-напросто «содрать» шкуру и поѣхать въ оперу, какъ ни въ чемъ не бывало. Дѣлая же это дѣло тайно, бойкая дама могла бы

являться въ свѣтъ безъ всякаго стѣсненія: она надѣялась, что лицо, къ которому она написала, непремѣнно тотчасъ же начнетъ «сдирать», — взятка огромная. Но надежды почтенной дамы не оправдались. Быть-можетъ, кто-нибудь и теперь *сдираетъ,* только не то лицо, къ которому было адресовано письмо.

Но какъ ни удивительно все, что̀ мы разсказали относительно затрудненій, разрушающихъ въ нашемъ крестьянинѣ надежду на возможность хорошо и просто устроиться на новыхъ мѣстахъ, мы далеко еще не исчерпали всѣхъ темныхъ сторонъ переселенческаго дѣла. Помимо затрудненій, исходившихъ изъ непонятныхъ намъ канцелярскихъ соображеній, есть въ Сибири такія учрежденія, въ дѣятельности которыхъ, касающейся переселенцевъ, среди всякихъ недоразумѣній иногда проглядываетъ видимое нерасположеніе къ пришлому народу, замышляющему завладѣть во всякомъ случаѣ чьими-то и кому-то принадлежащими землями.

XIII. Омскіе порядки.

На обратномъ пути изъ Томска въ Россію мнѣ пришлось на нѣкоторое время остановиться въ Омскѣ, гдѣ сосредоточены: во-первыхъ, общее центральное управленіе собственно Степнымъ генералъ-губернаторствомъ и, во-вторыхъ, центральное управленіе государственными имуществами *всей* Западной Сибири, т.-е. такое учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго находится необозримѣйшее пространство земель отъ Ледовитаго океана до Туркестана и отъ заботливости котораго зависитъ участь каждаго крестьянина, живущаго или появляющагося на этой территоріи, чтобы жить земледѣльческимъ трудомъ.

Мѣсто, какъ видите, чрезвычайно любопытное и въ переселенческомъ дѣлѣ, какъ центральное управленіе, вѣдающее всѣ казенныя земли, имѣетъ большое значеніе. Но, къ сожалѣнію, времени для пребыванія въ Омскѣ у меня было очень мало, и поэтому я, для ознакомленія читателей съ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Степной области Западной Сибири, долженъ ограничиться свѣдѣніями, исключительно заимствованными изъ мѣстной печати.

Не сразу однакожъ удалось мнѣ разобраться въ такого

рода матеріалѣ, такъ какъ, быть-можетъ, вслѣдствіе дальности разстоянія отъ Омска до Томска, приходящія въ Томскъ извѣстія очень и очень часто противорѣчатъ одно другому самымъ кореннымъ образомъ, появляясь иногда въ одномъ и томъ же нумерѣ газеты. «Официальныя данныя» въ томъ же самомъ нумерѣ опровергаются, а иногда нѣтъ возможности опредѣлить, какія именно изъ центральныхъ омскихъ «управленій» совершаютъ то или другое мѣропріятіе по переселенческому дѣлу.

«Изъ Омска намъ сообщаютъ *), что *состоялось распоряженіе о водвореніи* въ Акмолинской области *всѣхъ переселенцевъ*, прибывшихъ до весны настоящаго года, для чего командируется начальникъ переселенческаго отряда г. А. Дуровъ. *За это переселенцы единственно должны благодарить генерала Колпаковскаго»*. Въ слѣдующемъ № 35 опять весьма пріятное извѣстіе: «Съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что министерство государственныхъ имуществъ рѣшило вопросъ о взиманіи арендной съ переселенцевъ платы въ отрицательномъ смыслѣ. Не только повышенной арендной платы, какъ проектировало омское управленіе государственныхъ имуществъ, но *никакой арендной* платы съ переселенцевъ на казенныя земли взиматься не будетъ».

Но едва авторъ этой замѣтки дописалъ послѣднія строчки своего извѣстія, какъ тутъ же подъ чертой, заканчивающей статью, печатается циркуляръ, опубликованный 1-го апрѣля 1888 года въ «Семипалатинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ». Приводимъ его въ дословной перепечаткѣ:

«Г. степной генералъ-губернаторъ, предложеніемъ 17-го марта сего 1888 г., за № 1105, *въ видахъ прекращенія совершенно безпорядочнаго переселенія крестьянъ разныхъ губерній въ Степной край*, предложилъ къ исполненію слѣдующее распоряженіе:

«1) Уѣздные начальники обязываются приказать волостнымъ управителямъ и аульнымъ старшинамъ, чтобы они внимательно слѣдили за прибывающими переселенцами и немедленно доносили въ уѣздныя управленія о каждомъ вновь прибывшемъ (послѣ 15-го марта) переселенцѣ.

«2) Уѣздные начальники немедленно требуютъ вновь прибывшихъ переселенцевъ въ свои управленія и провѣряютъ, имѣютъ ли эти переселенцы увольнительные приговоры отъ своихъ обществъ; если приговоровъ нѣтъ, то уѣздные на-

*) № 34 «Сиб. Газ.».

чальники предлагаютъ вновь прибывающимъ переселенцамъ *выселиться изъ Степного края*, объявляя имъ, что упомянутыхъ земельныхъ надѣловъ они не получатъ въ названномъ краѣ; *если же переселенцы эти не выселятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ* послѣ предваренія ихъ уѣздными начальниками, то эти послѣдніе входятъ съ представленіемъ къ военному губернатору о *выселеніи таковыхъ бродячихъ людей административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ* Степного края.

«3) Если переселенцы имѣютъ увольнительные отъ своихъ обществъ приговоры, но не имѣютъ разрѣшенія на переселеніе отъ своего губернскаго начальства, то уѣздные начальники предваряютъ такихъ крестьянъ, что впредь до разрѣшенія на водвореніе въ Степномъ краѣ, которое можетъ послѣдовать лишь по сношеніи съ центральными правительственными учрежденіями, они, переселенцы, никакими *землями пользоваться не имѣютъ права*, за исключеніемъ лишь тѣхъ земель, которыя сдаются за плату въ арендное содержаніе жителями городовъ, станицъ, крестьянскихъ селеній и киргизами».

Въ § 4—5 излагаются подробности и формальности арендныхъ договоровъ, и мы опускаемъ ихъ.

«6) *Всѣхъ переселенцевъ изъ сибирскихъ губерній поселенныхъ самовольно, безъ разрѣшенія начальства и обществъ, выселять порядкомъ изъ Степного края, возвращая ихъ въ мѣста причисленія*.

«Предлагаю гг. уѣзднымъ начальникамъ принять распоряженіе его высокопревосходительства къ руководству и неуклонному исполненію, при чемъ предваряю, что, въ силу указаній его высокопревосходительства, всякій крестьянскій управитель или аульный старшина, не сообщившій уѣздному начальнику въ теченіе двухъ недѣль, подвергается въ первый разъ аресту на 7 дней, а во второй разъ удаленію отъ должности; всякій уѣздный начальникъ, не исполнившій указанныхъ здѣсь обязанностей, подвергается въ первый разъ замѣчанію, во второй—выговору, въ третій—перемѣщенію на низшую должность».

«Настоящій циркуляръ семипалатинскаго военнаго губернатора,—говоритъ одна мѣстная газета,—идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что мы до сихъ поръ привыкли видѣть въ дѣятельности Степного генералъ-губернаторства. Распоряженія ген. Колпаковскаго, касающіяся экономическаго и административнаго устройства ввѣреннаго ему края, отличались всегда опредѣленностью, нося на себѣ слѣды не-

сомнѣнныхъ заботъ объ участи осѣдлаго и кочевого населенія».

Какъ видитъ читатель, циркуляръ этотъ непохожъ на безплодное бумагомаранье, однако и онъ заставляетъ въ томъ же № и, пожалуй, даже той же самой рукой, которая писала радостное извѣстіе, написать слѣдующія слова: «Настоящій циркуляръ *идетъ въ разрѣзъ* со всѣмъ тѣмъ, что̀ мы до сихъ поръ привыкли видѣть въ дѣятельности г. генералъ-губернатора». За исключеніемъ подобныхъ циркуляру, вполнѣ достовѣрныхъ извѣстій изъ Омска, извѣстія о многочисленныхъ мѣропріятіяхъ многочисленныхъ учрежденій, сосредоточенныхъ въ Омскѣ, вообще не даютъ яснаго понятія о цѣляхъ ихъ дѣятельности. Кажется, вѣдь и комитетъ *колонизаціи* при Степномъ управленіи, и комитетъ о переселенческомъ дѣлѣ при управленіи государственныхъ имуществъ должны бы дѣлать одно и то же дѣло (колонизаторъ тотъ же переселенецъ); но почему однородное дѣло дѣлается на основаніи разныхъ усмотрѣній, разныхъ коммиссій,—это пока не подлежитъ опредѣленію.

«Изъ Омска намъ пишутъ *), что тамъ произошла *чернильная революція*, не вполнѣ однако ниспровергшая чернильный порядокъ. Нѣкто г. Симоновъ сталъ приготовлять хорошія чернила по *два рубля за ведро* (!!!), тогда какъ г. *Розенплентеръ*, мѣстный аптекарь, богачъ, братъ начальницы женской гимназіи и членъ попечительнаго совѣта этой гимназіи, *беретъ за ведро* (!!!) *шесть рублей*. Омскъ, городокъ канцелярій, изводитъ чернилъ цѣлыя моря, и потому г. Симоновъ, естественно, получилъ *большіе заказы*, но *нѣкоторыя* изъ учебныхъ заведеній не рѣшаются измѣнить г. Розенплентеру». Когда, спрашиваю я всякаго крещенаго человѣка, могъ онъ даже только подозрѣвать, что гдѣ бы то ни было могло существовать ведерное потребленіе чернилъ? Каково же поглощеніе этого продукта, если г. Симоновъ находитъ выгоднымъ продавать *по два* рубля *за ведро,* тогда какъ чернила еще вчера продавались по *шести?* Вы только представьте себѣ *ведро чернилъ* вмѣсто этой крошечной баночки въ 15 к., и подумайте, какимъ родомъ можно нуждаться въ такомъ непомѣрномъ резервуарѣ этого снадобья?

Но, хотя я и былъ изумленъ этимъ неожиданнымъ из-

---

*) «Сиб. Газ.» 88 г.

вѣстіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же понялъ очень много такихъ вещей, которыя были для меня, какъ для человѣка, не знающаго условій сибирской жизни, совершенно таинственными. Во время поѣздки по Оби, руководствуясь путевымъ указателемъ г. Павлова *), я не могъ понять мелькомъ прочитаннаго свѣдѣнія о томъ, что въ 1852 г. писчебумажный заводъ въ Тобольскѣ, нынѣ закрытый, продавалъ писчей бумаги на 8.781 р. въ годъ. Казалось просто непонятнымъ, зачѣмъ и почему въ этихъ глухихъ живоѣдныхъ и кровопивныхъ мѣстахъ основывается писчебумажный заводъ? Теперь же мнѣ стало ясно: Тобольскъ въ ту пору былъ такой же центральный пунктъ, какъ теперь Омскъ, и слѣдовательно поглощалъ бумагу въ большомъ количествѣ, какъ теперь долженъ поглощать ее Омскъ.

Такое умозаключеніе выяснило мнѣ старинный *центральный пунктъ* управленій, какъ мѣсто неусыпной переписки. Дремучая тайга и степь необъятная, а въ глубинѣ ея «управленіе», командующее надъ территоріями, размѣры которыхъ превышаютъ размѣры Западной Европы. Можно ли было что-нибудь сдѣлать въ *самомъ дѣлѣ путное*, при условіи однихъ только неизмѣримыхъ разстояній, отдѣляющихъ центръ неизмѣримыми разстояніями отъ окраинъ, даже отъ ближайшихъ мѣстъ, гдѣ находятся подчиненные губерніи, второстепенные органы управленія? У кого хватало смѣлости думать, что онъ въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ дѣло, способствующее жителямъ села Дырявина, когда онъ зналъ, что прошеніе о помощи едва только чрезъ полгода дошло отъ жителей Дырявина до управленія, что отвѣтъ дырявинцамъ о томъ, что прошеніе ихъ послано *надлежащимъ* порядкомъ въ Петербургъ, опять-таки не есть дѣйствительное дѣло, такъ какъ въ Петербургѣ бумага пролежитъ годъ, а придетъ въ центръ чрезъ полтора года, и даже если бы въ ней и заключалось приказаніе *надлежащимъ* образомъ удовлетворить дырявинцевъ, то увѣдомленіе объ этомъ дойдетъ къ дырявинцамъ тогда, когда ихъ совсѣмъ и на свѣтѣ не будетъ, или когда они, не дождавшись рѣшенія, разбредутся кто куда.

Вотъ почему я думаю, что сибирскій чиновникъ стараго типа *не могъ не быть убѣжденнымъ*, что вся его переписка — только формальность, что всѣ эти бумаги рѣши-

---

*) «Три тысячи верстъ по рѣкамъ Западной Сибири». Очерки и замѣтки А. Павлова. 1878 г.

тельно ни для кого и ничего ровно не значатъ. что никому отъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей пользы, но что бумаги эти въ то же время необходимы, что ихъ надобно писать, что въ этомъ писаньи—служба, жалованье, положеніе.

Сколько мнѣ ни приходилось разговаривать съ чиновниками «новаго типа», т.-е. людьми, въ которыхъ уже прочно воспитана потребность совѣстливаго отношенія къ дѣлу и вовсе нѣтъ привязанности къ бумагомаранію, всѣ они, каждый по своему вѣдомству, ознакомливаясь въ архивахъ съ исторіею и трудами этихъ вѣдомствъ, теряются въ обиліи пустопорожней переписки, какъ бы нарочно не дающей никакихъ точныхъ свѣдѣній по подлежавшей ихъ вѣдѣнію отрасли управленія.

Межеваніе сибирскихъ земель началось со временъ Алексѣя Михайловича и непрерывно идетъ до сихъ поръ; но тѣ молодые землемѣры, которые хотятъ узнать что-нибудь достовѣрное относительно землевладѣнія, теряются въ той безсмыслицѣ, скрывающей какъ бы какую-то тайну, которая разверзается въ документахъ, касающихся двухсотлѣтняго межеванія и наполняющихъ архивы. Повидимому, всѣ эти «планты» точно «планты»: и масштабы есть, и красками разными «пущено», все какъ должно; но на «планту» помѣчено, что онъ невѣренъ и переданъ для пересмотра, который идетъ десять лѣтъ и на одиннадцатый является опять еще болѣе невѣрнымъ, чѣмъ былъ, и для того опять, чтобы новая комиссія еще на тридцать лѣтъ затянула дѣло перемежеванія. А тотъ таинственный человѣкъ, который *сунулъ* своевременно въ руку, которая разрисовываетъ «планты» разными красками, спокойно здравствуетъ на незаконно-присвоенномъ мѣстѣ. И такъ рѣшительно по всѣмъ вѣдомствамъ старинной системы управленія. Бумага, «плантъ», рѣшеніе суда всегда написаны, начерчены, занумерованы по всей формѣ и строгости закона; дѣло же и дѣйствительность, сокрытая подъ грудой бумаги,—совсѣмъ другое. Житель города Ишима Семенъ Матвѣевъ Курдюмовъ въ апрѣлѣ 1887 г. найденъ убитымъ и ограбленнымъ и преданъ погребенію,—такъ написано въ бумагахъ; на дѣлѣ же онъ, этотъ самый Семенъ Матвѣевъ, здравъ, невредимъ и ѣдетъ съ вами въ Пермь по желѣзной дорогѣ. Только онъ уже не ишимскій житель, а крестьянинъ-кержакъ с. Баранкина, Тарскаго округа. Умеръ же онъ по всѣмъ бумажнымъ правиламъ, потому что былъ пойманъ какъ фальшивый монетчикъ, которому предстоитъ

каторга. Убійца его не разыскань. Или также вотъ этотъ господинъ, очень хорошо одѣтый, хотя, видимо, въ самомъ дѣлѣ обтесанный топоромъ въ человѣческій образъ; онъ также ѣдетъ съ вами изъ Перми, куда ѣздилъ по дѣламъ, а всѣ знаютъ, что ему бы надо было быть въ каторгѣ, такъ какъ онъ своеручно ухлопалъ своего гуртовщика. «*Замяли*», говорятъ вамъ о такихъ дѣлахъ и называютъ какой-нибудь городишко, гдѣ ничего иного нѣтъ, кромѣ канцеляріи, гдѣ «на столѣ чернилъ ведро, подъ столомъ стоитъ другое»...

Взятка, совапіе въ руку и даже не въ темномъ углу, а открыто, «какъ должное», несомнѣнно имѣли въ былое время огромную силу. Эта затхлая старина какъ нельзя лучше выразилась, между прочимъ, хоть бы въ дѣлѣ крестьянъ, хлопотавшихъ восемь лѣтъ о томъ, чтобы имъ дозволили жить тамъ, гдѣ они прожили уже 40 лѣтъ «спокойно». Переписка «сама по себѣ» въ старое время была уже «дѣломъ», и строченіе бумагъ совершенно пустопорожняго содержанія, безъ всякой корыстной цѣли, единственно только изъ любви царапать что-то на бумагѣ, занумеровать, отправить, требовать отвѣта и отвѣчать. Однако эта безцѣльная переписка дожила и до нашихъ временъ, но, къ сожалѣнію, практикуется уже надъ дѣлами важнѣйшаго значенія, какихъ въ старину и не бывало; но что именно старина изобрѣла пустопорожнее строченіе и довела его до степени дѣйствительнаго дѣла, вѣруя, что въ этомъ пустопорожнемъ бумагомараніи есть настоящая служба отечеству,—въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, особливо въ виду нижеслѣдующаго смѣхотворнаго примѣра.

Въ первомъ томѣ (за 1879 г.) «Записокъ западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго Общества», въ статьѣ г. Н. Н. Кострова: «Колдовство и порча въ Томской губ.», собрано не столько фактовъ народнаго невѣжества, сколько доказательствъ того, до какихъ размѣровъ можетъ дойти пустопорожность переписки, единственная цѣль которой—оправдать сумму «канцелярскихъ расходовъ» и такъ или иначе истратить опредѣленныя по канцелярскому бюджету ведра чернилъ. Изъ массы самыхъ невѣроятныхъ «переписокъ» по поводу самыхъ безсмысленныхъ дѣлъ, я приведу только одну переписку «О женщинѣ, родившей двухъ кротовъ» и перескажу какъ можно короче это смѣхотворное дѣло, собственно для того, чтобы читатель могъ видѣть, насколько такая пустопорожняя пере-

писка способна сдѣлать что-либо путное для страны, въ то время, когда задачи этой переписки стали уже совсѣмъ не смѣхотворными.

Въ 1809 г. сельское общество д. Менщиковой (Каинскаго округа) замѣтило, что дочь крестьянина Чердынцева, Марья, беременна, а потому, чтобы не дать ей возможности извести ребенка, призвало ее на сходку. Здѣсь Марья совершенно просто объявила, что она беременна, прижила ребенка съ Павломъ Парыгинымъ. По освидѣтельствованіи, Марья оказалась беременной и была отдана подъ надзоръ отца. Но скоро она вышла замужъ за крестьянина Усть-Тартасскаго форпоста Каргополова, который взялъ ее «зазнамо беременную». Черезъ двѣ или три недѣли послѣ свадьбы она уѣхала съ мужемъ на заимку и здѣсь, на послѣдній день масленицы, послѣ предродовыхъ мукъ, въ присутствіи матери своего мужа Екатерины Каргополовой и повивальной бабки Анны Елисѣевой, родила двухъ кротовъ, изъ которыхъ одинъ былъ мертвый, а другой живой, но Екатерина Каргополова раздавила его съ испуга ногой. Мужъ Марьи, убиравшій въ это время во дворѣ скотъ, вошелъ въ избу и видѣлъ также двухъ кротовъ, рожденныхъ его женою, и тотчасъ же далъ знать въ Усть-Тартасскій форпостъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи. Пріѣхали старшина и понятые; всѣ они видѣли кротовъ и взяли ихъ для представленія по начальству *).

Кажется, не надобно обладать особенной проницательностью, чтобы понять, въ чемъ тутъ дѣло. Зазнамо беременная дѣвица была взята какъ сильная, работящая женщина въ хозяйственное семейство. Мужъ на это «не серчалъ», какъ видимъ, такъ какъ и Парыгинъ давно уже ушелъ и находился неизвѣстно гдѣ въ отлучкѣ. Но мать мужа Марьи, привезя беременную невѣстку, конечно, всячески должна была желать, чтобы на новомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей, жена его сына пользовалась также и хорошей репутаціей, и вотъ выдуманы два крота, которые родились только при матери мужа да при деревенской повитухѣ, которая за рубликъ не задумается и соврать такъ, что бабы повѣрятъ. Казалось бы, начальство прямо должно было узнать, гдѣ и куда дѣвался ребенокъ, который долженъ былъ родиться. Да? Но такъ просто дѣла въ мірѣ переписки не дѣлаются. Сдѣлать дѣло просто—не въ обычаѣ образцоваго чернило-

---

*) Стр. 14.

ѣда, почему онъ и предпочитаетъ канцелярскую волокиту простому и скорому дѣлу. На дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, пошло два года.

Какъ только старшина и понятые представили двухъ кротовъ по начальству, начальство, по обыкновенію, устранило изъ дѣла главное—розыскъ ребенка,—но принялось строчить. Началось слѣдствіе, при которомъ «всѣ поименованныя лица показали все то же, что сказано выше». Свекровь и повитуха видѣли, какъ Марья родила кротовъ, всѣ прочіе видѣли только кротовъ, объяснивъ. что все это произошло отъ порчи, а кто испортилъ Марью, не знаютъ. Такъ показывали деревенскіе темные люди. Но вотъ ученый докторъ Яворскій посмотрѣлъ на дѣло съ высшей точки зрѣнія. По освидѣтельствованіи этимъ докторомъ родильницы, оказалось, что ей 25 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія она плотнаго, здороваго, но одержима легкою родовою горячкою. По увѣренію бабки, роды начались, какъ обыкновенно, свойственными періоду беременности припадками, въ результатѣ которыхъ и было, что вмѣсто ожидаемаго ребенка «выпали два звѣрька». По осмотрѣ этихъ звѣрьковъ, докторъ Яворскій нашелъ, «что они изъ породы кротовъ и, по описанію Гесснера, называются *обитателями подземными четвероногими;* относительно же зарожденія ихъ въ матерней утробѣ человѣческаго рода весьма сомнительно, поелику нѣтъ до сего времени подобныхъ опытовъ, которые подтвердили бы сію возможность, *хотя, впрочемъ, невозможно утвердительно отрицать*».

Здѣсь слѣдуетъ самое точное доказательство того невѣроятнаго факта, что *женщина все-таки можетъ родить двухъ звѣрьковъ.* Я не привожу подробнаго описанія этого удивительнаго дѣла, потому что оно объяснено до чрезвычайности *нескромными* предположеніями. Въ концѣ этого неприличнаго реферата, докторъ Яворскій прямо говоритъ, что даже *съ невиннѣйшими существами* бывали подобные примѣры, и только *въ семъ случаѣ* «не можно утвердительно сказать».

Эта неприличная бумага пошла во врачебную управу, которая, разсмотрѣвъ научный рефератъ доктора Яворскаго, также и самыхъ звѣрьковъ, нашла, «что означенные звѣрьки суть въ такомъ видѣ, въ какомъ они бываютъ при рожденіи, но какъ испытателями естества до сихъ поръ опытами не доказано, чтобы человѣкъ могъ родить собаку или кошку, или какого другого звѣря, и почитаютъ все сіе за басни,

да и по судной медико-хирургической наукѣ г. Пленка, которая бывшею государственною комиссіею при *оной* (?) типографіи отпечатана и разослана для соображенія, значится, что никакимъ наблюденіемъ доказать не можно, чтобы отъ человѣка распложалось животное... да и самъ г. Яворскій утвердительно о таковыхъ родахъ не пишетъ, а *только возможность оныхъ не отвергаетъ,* то управа, основываясь на оной судной наукѣ, не утверждаетъ сей случай родовъ быть истиннымъ».

Съ такимъ «заключеніемъ» врачебной управы дѣло поступило въ каинскій уѣздный судъ. Судъ далъ такое заключеніе: «какъ ту крестьянскую жену, Марью Каргополову, въ рожденіи двухъ звѣрьковъ, по обстоятельствамъ дѣла, почесть не можно виновницею, то посему, сообразно «*Воинскихъ процессовъ*», 2-й части 5-й главы и 9-го пункта, оставить отъ сего дѣла свободною, а что она показывала на себя... то хоть въ томъ утвердительнаго ничего не найдено, однакожъ, за сіе... по 263 ст. Устава Благочинія, оштрафовать ее пенею...»

Но гражданскій и уголовный судъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ уѣзднаго суда и счелъ необходимымъ командировать особаго «благонадежнаго чиновника» (прогоны, суточныя, подъемныя). Командированъ былъ асессоръ томскаго губ. прав. Залетовъ, который и произвелъ *новое слѣдствіе*, при чемъ *открылись* только два обстоятельства, а именно, что, *послѣ рожденія кротовъ*, у Марьи, по показанію ея *самой и свекрови*, не было капли молока, и что Павелъ Парыгинъ ушелъ въ солдаты и остался поэтому не спрошенъ, а затѣмъ всѣ остальные показали то же, что и прежде. Поэтому гражданскій и уголовный судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «такъ какъ изъ дѣла видно, что при всѣхъ разысканіяхъ не обнаружено, чтобы Марья Каргополова родила или истребила младенца, хотя беременность ея и была примѣчена, а потому и *нельзя рѣшительно заключить, чтобы* объявленное *ею рожденіе двухъ кротовъ было только выдумкою, тѣмъ болѣе, что о рожденіи ею звѣрьковъ увѣряютъ ея свекровь и ея повивальная бабка,* то сколь сіе ни *умовѣрно* и какъ ни подозрительно, однакожъ, по необнаруженію слѣдствіемъ главнымъ образомъ обмана, приговорить ее къ тѣлесному наказанію опасно, и для того, на основаніи *Воинскихъ процессовъ* 2 ч. 5 главы 10 п. и указа 1763 г. февраля 10-го дня, оставить ее отъ дѣла свободною, *впредь до изобличенія*».

По этому совершеннѣйшему образчику правительской переписки ведется такая же переписка и въ настоящее время, съ тою однако разницею, что прежніе искусники бумагомаранія были много гуманнѣе нынѣшнихъ. Дѣвицу, совершившую *неумѣстный* поступокъ, нѣсколько разъ, какъ мы видѣли, пытались наказать, искали случая оштрафовать и даже упоминали о тѣлесномъ наказаніи, однакожъ не рѣшились сдѣлать этого, полагая, что такое беззаконное сѣченіе есть дѣло *опасное*. Нынѣшніе же потомки чернобумажныхъ предковъ, напротивъ, будучи столь же невнимательны къ сущности дѣла, однакожъ не церемонятся постановлять мѣропріятія иногда весьма тягостныя для людей, которые обращаются къ нимъ за помощью. И вообще нельзя не видѣть, что во множествѣ совершенно новаго рода дѣлъ, дѣла эти рѣшаются большею частью *по старому* способу, не имѣющему съ тѣмъ новымъ способомъ, выработаннымъ самою жизнью, удовлетворенія народныхъ нуждъ, который практикуется въ Тюмени и Томскѣ (только!),—ничего общаго.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ мы упомянули о 90 семьяхъ, голодавшихъ прошлую зиму. По «новому» способу дѣло это исправлено такимъ образомъ: «Въ концѣ третьей недѣли поста г. Архиповъ лично прибылъ въ деревню Салтаимскую. Ознакомившись съ положеніемъ переселенцевъ, онъ роздалъ имъ *болѣе* 1.000 руб., при чемъ имѣющимъ какое-либо имущество давалъ *меньше* (по 10 р.), а *не имѣющимъ ничего* давалъ *больше* (по 20 р.), обѣщая дать ко времени посѣва на сѣмена. До этого времени салтаимовцы надѣются просуществовать на это пособіе» *). Вотъ *нынѣшній* способъ отношенія къ народу, какъ видите, совершенно не признающій переписки тамъ, гдѣ надобно дѣлать добро. Тѣмъ, у кого *ничего нѣтъ*, даютъ больше, нежели тѣмъ, у кого что-то *есть*! Подивитесь этому! Ни одно ссудное сельское товарищество не даетъ копейки тому, у кого *ничего нѣтъ*, а даетъ именно тому, у кого есть, и чѣмъ больше у него есть, тѣмъ больше и даютъ. Здѣсь же совершенно наоборотъ, т.-е. совершенно такъ, какъ и быть должно.

Но, съ другой стороны, и положеніе чиновника, завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно новое: во-первыхъ, у него есть эта тысяча рублей, а у дѣятелей канцеляріи нѣтъ на это дѣло ничего, кромѣ чернилъ. Г. Архиповъ завѣдуетъ только Тобольской

---

*) «С. Г.» № 32.

губерніей, а омское управленіе завѣдуетъ *всей* (!) Западной Сибирью, которая состоитъ изъ губ.: Тобольской, Томской и Степного генералъ-губернаторства, при чемъ это послѣднее состоитъ изъ трехъ огромнѣйшихъ областей: Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской. Чтобы судить, какова эта территорія, достаточно сказать, что одна Томская губернія, по свѣдѣніямъ «Памятной книжки» Томской губ. 1884 года, имѣетъ территорію размѣромъ въ 759.068 квадратныхъ верстъ и сравнительно съ пространствомъ западно-европейскихъ странъ, *превосходитъ*: владѣнія Великобританіи въ $2^1/_2$ раза, Пруссію въ 3 раза и Францію въ 2 раза. Спрашивается: есть ли, при такихъ условіяхъ, какая-либо возможность дѣлать на такомъ огромномъ пространствѣ небольшому штату чиновниковъ что-либо мало-мальски путное? Представьте себѣ территорію двухъ Францій и назначьте на всю эту территорію 15 межевыхъ чиновъ, а затѣмъ и рѣшайтесь осуждать ихъ за то, что они ничего путнаго сдѣлать не могутъ. Нѣтъ, мы далеки отъ осужденія, и если говоримъ все это, то единственно для того, чтобы и читатель не осуждалъ добросовѣстныхъ чиновниковъ, которые дѣйствительно должны радоваться, что хоть чернила-то стали продаваться по 2 рубля за ведро вмѣсто 6-ти. Да развѣ одно только переселенческое дѣло всей Западной Сибири и нарѣзка казенныхъ земель составляетъ главную заботу управленія государственныхъ имуществъ въ Омскѣ? Далеко нѣтъ; права на земельныя владѣнія старожиловъ также еще почти не выяснены достаточнымъ образомъ, и въ настоящее время выдвигается новый вопросъ: какъ бы переселенцы не разорили въ конецъ старожиловъ, которые уже и начинаютъ переселяться *отъ тѣсноты* изъ территоріи, равной двумъ Франціямъ, въ другую, ничуть не меньшую, тайговую территорію. Словомъ, дѣла бездна, но пока еще нѣтъ необходимыхъ средствъ для его выполненія.

Кромѣ центральнаго управленія государственныхъ имуществъ всей Западной Сибири, въ Омскѣ сосредоточены органы мѣстнаго управленія Степнымъ генералъ-губернаторствомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи не столь необъятную территорію, какъ *вся* Западная Сибирь, Степное генералъ-губернаторство можетъ поступать болѣе опредѣленнымъ образомъ, не ограничиваться перепиской, а совмѣщать слово и дѣло воедино. Но все-таки было бы желательно, если бы кто-нибудь изъ лицъ, живущихъ въ Омскѣ и знакомыхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Степномъ генералъ-

губернаторствѣ, ознакомилъ бы русское общество съ дѣйствительнымъ положеніемъ этого дѣла и сообщилъ о немъ возможно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія.

Прискорбныя эти страницы о переселенцахъ позволю себѣ закончить указаніемъ на развитіе благосостоянія одной переселенческой партіи, очевидно, счастливо избѣжавшей всякаго соприкосновенія съ канцелярской волокитой и справившейся съ своими нуждами безъ всякаго содѣйствія «бумаги». Партія эта въ 1866 г. поселилась въ Бійскомъ округѣ, Верхъ-Чумышской волости, и образовала д. Ивановку. При началѣ поселенія средства къ жизни этихъ пришельцевъ были самыя нищенскія *):

	въ 1866	въ 1875	въ 1882
Рогатаго скота	12	250	361
Лошадей . .	65	240	344
Овецъ . . .	не было	400	900
Свиней . . .	не было	120	200
Хлѣба дес. .	25	260	393
Картоф. дес. .	1	4	4
Гороху десят. .	не было	4	4
Конопл. десят.	не было	20	40
Льну десят. .	1,9	4	4

Слабо развивался бабій (огородный) трудъ, но вѣдь сколько же этого труда ушло уже на уходъ за скотиной! А весь секретъ такого благосостоянія вотъ въ чемъ: переселенцы сами нашли себѣ «по вкусу» мѣсто и жили безъ вмѣшательства бумаги.

XIV. Обратный путь.—Ямщики и тройки.—Кнутъ и свистъ.

Заканчивая мои письма о лѣтней поѣздкѣ въ Западную Сибирь, я очень сожалѣю, что, кромѣ переселенческаго, то-есть обще-русскаго дѣла, мнѣ не пришлось коснуться въ нихъ явленій собственно сибирской жизни. Чего стόитъ, напр., типическій образъ крестьянина-сибиряка, такъ-называемаго *старожила*, который понятія не имѣлъ о крѣпостномъ правѣ и удовлетворенъ по части земли сверхъ всякой мѣры, доступной жадной до земли фантазіи всякаго кре-

*) «Памятн. кн. Томск. г.», 84.

стьянина. «Виноватая Русь», т.-е. тысячи ежегодно выбрасываемыхъ порядкомъ жизни Европейской Россіи людей, всякаго званія, состоянія и качества, это тоже особенность, свойственная только Сибири. Только здѣсь и можно видѣть правыхъ и виноватыхъ въ подлинномъ ихъ видѣ, тогда какъ внутри Россіи, цѣлыми десятилѣтіями, правый можетъ казаться виноватымъ, а виноватый правымъ. Но чтобы имѣть право говорить хотя бы только объ этихъ двухъ особенно примѣтныхъ явленіяхъ собственно сибирской жизни, надо много видѣть, много наблюдать и еще больше читать, что̀ ужъ написано объ этомъ другими. Все это для меня было дѣломъ невозможнымъ, вслѣдствіе крайняго недостатка времени, и поэтому, заканчивая настоящимъ письмомъ мои замѣтки, я скажу еще кое-что только о томъ, что̀ мнѣ пришлось хоть мелькомъ видѣть самому и о чемъ вообще можно говорить, не рискуя впасть въ большія ошибки.

Обратный путь на лошадяхъ, отъ Томска до Тюмени (черезъ Омскъ), казалось бы, долженъ былъ дать проѣзжающему массу всякаго рода разнообразнѣйшихъ впечатлѣній. Верстъ болѣе трехсотъ отъ Томска за Колывань, проѣзжающій имѣетъ возможность испытать очарованіе природы Алтайскаго округа, хотя она здѣсь очерчивается уже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Здѣсь Алтай только начинается или только оканчивается,—но все-таки и здѣсь есть возможность «подумать», какъ онъ долженъ быть хорошъ «тамъ»! Удовольствіе «думать» о прелестяхъ Алтая продолжается, къ сожалѣнію, очень недолго; при бѣшеной быстротѣ сибирской ѣзды не успѣешь и «подумать» о томъ или другомъ впечатлѣніи, какъ уже кругомъ все другое и все новое. Мелькнуло что-то хорошее со стороны Алтая, глядь, а ужъ тройка мчитъ по скучной Барабѣ, по степи, распластавшейся на необозримое пространство; разстояніе между небомъ и землей стало вдругъ какъ-то ужасно огромно, тогда какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, въ начинавшихся или оканчивавшихся прелестяхъ горнаго округа, небо было ближе къ землѣ, и земля поднималась къ небу; здѣсь она упала низко, и небо ушло отъ нея невѣсть какъ далеко.

Огромная, однообразная площадь, окружающая васъ, не веселитъ взгляда. Грифельная доска, черная, тусклая, сухая, гладкая—вотъ основной фонъ и цвѣтъ земли этой огромной площади. Колеса повозки оставляютъ на этой грифельной доскѣ такіе же слѣды, какъ и настоящій грифель. Темной, голой лысиной рѣзко очерчиваются эти черные, гладкіе,

сухіе и тусклые лоскутья земли между низкорослой, часто корявой растительностью, раскрашенной разноцвѣтными красками, всегда сплошными (красное вторгается сплошнымъ краснымъ клиномъ въ сѣрое или зеленое) и всегда отравленными какъ бы примѣсью какой-то посторонней краски: въ синюю подбавлено чего-то сѣраго, въ красную—желтаго, въ зеленую—краснаго, при чемъ «подбавленное» всегда производитъ только муть и портитъ цвѣтъ, дѣлая его не чистымъ, а какъ будто во что-то запачканнымъ. Такими мутными красками красятся тюменскіе ковры.

Даже бѣшеная сибирская ѣзда, достигающая на Барабѣ, благодаря гладкой, какъ доска, дорогѣ, наивысшей точки неистовства, даже она не въ силахъ съ свойственной ей быстротою изгладить, какъ бы слѣдовало, скучное впечатлѣніе скучныхъ красокъ степей, перенося васъ съ быстротою молніи опять въ новую обстановку окружающей природы. Впрочемъ, можетъ-быть, сохраненію впечатлѣній Барабы способствуетъ и то, что тройка, миновавъ ее, мчитъ уже по такимъ мѣстностямъ, къ которымъ глаза давно уже приглядѣлись и въ нашихъ великороссійскихъ мѣстахъ. Вотъ пошли такія же самыя мѣстности «съ горки на горку», какъ и у насъ идутъ онѣ отъ Москвы вплоть до Харькова; а вотъ тѣ же самыя ишимскія болота, трясины, гати и тотъ же самый прутнякъ, какіе намъ знакомы и въ Новгородской губ. Чѣмъ ближе къ Тюмени, тѣмъ природа обычнѣе для великорусскаго проѣзжаго. Даже крайняя неисправность дорогъ около Тюмени, объѣзды почтоваго пути по лугамъ, вмѣсто прямой дороги, — все это близко знакомо намъ въ нашемъ великорусскомъ отечествѣ. Дороги же чисто сибирскія, отъ Томска до Омска, чрезъ всю Барабинскую степь, нисколько непохожи на наши: содержатся превосходно, «какъ скатерть»; послѣ каждаго дождя, тотчасъ какъ только засохнутъ сдѣланныя проѣзжими по мокрой землѣ кочки, вся дорога равняется при помощи особенныхъ катушекъ и вновь дѣлается «какъ скатерть».

Во всякомъ случаѣ, на протяженіи 1.500 верстъ вопросъ о разнообразіи впечатлѣній, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію; впечатлѣній во всякомъ случаѣ должно быть много, и притомъ всякаго сорта; но прежде всего воспріятію ихъ препятствуетъ необыкновенная быстрота и вообще своеобразность сибирской ѣзды.

До первой станціи отъ Томска проѣзжающіе ѣдутъ большею частію не на «настоящихъ» сибирскихъ лошадяхъ и

не съ настоящими сибирскими ямщиками. Меня, напримѣръ, везъ еврей на клячонкахъ, которыя, кромѣ гоньбы съ проѣзжими, были изнурены уже и городскою работой.

Совсѣмъ не то подлинная сибирская тройка и сибирская ѣзда, съ которыми проѣзжій начинаетъ настоящее знакомство только на второй или, вѣрнѣе, на третьей станціи. На этой станціи не выводятъ уже заѣзженныхъ клячонокъ изъ конюшни, а сначала идутъ «ловить» лошадей въ поле. Одно это роняетъ въ непривычное къ «сибирскимъ» ощущеніямъ сердце проѣзжающаго зерно какого-то тревожнаго ощущенія. Пока «ловятъ», времени много для разговора, но самое это слово «ловятъ» и значительный промежутокъ времени, употребляемый на это дѣло, смущаютъ васъ и ослабляютъ интересъ къ разговору. «Гонятъ!» — говоритъ кто-нибудь изъ домочадцевъ, разговаривающій съ вами, и тотчасъ прекращаетъ разговоръ, чтобы бѣжать помочь хозяину, который наконецъ «поймалъ и гонитъ». «Помогаютъ» всѣ, кто есть въ это время на дворѣ и даже на улицѣ. Надо махать руками, гаркнуть, даже заорать, чтобы дикія лошади всунулись въ ворота и вбѣжали безпорядочною толпой во дворъ. Съ безпокойствомъ видите вы, что лошади эти не заѣзженныя клячи, а своевольныя, несмысленныя существа, едва ли даже знающія свои лошадиныя обязанности. Посмотрите, что̀ нужно дѣлать, чтобы надѣть узду на такую несмысленную тварь: добрая хозяйка насыпала овса въ какое-то лукошко и, ласковымъ голосомъ подманивая ни о чемъ не догадывающуюся, наивную, растрепанную, только-что валявшуюся на сѣнѣ лошадку, — осторожно подходитъ къ ней съ лукошкомъ, всячески стараясь сосредоточить все ея вниманія на овсѣ. А въ то же время хозяинъ, какъ будто бы и не обращающій на лошадь никакого вниманія, осторожно подвигается къ этому же дикому, но наивному созданію съ уздой, держа ее однакожъ за своей спиной. Съ величайшею осторожностью хозяинъ и хозяйка выполняютъ свои спеціальныя обязанности и, послѣ долгихъ стараній, наконецъ таки-успѣваютъ сдѣлать какъ-то такъ, что когда лошадь прикоснется къ овсу и сдѣлаетъ попытку пошевелить губами, въ ротъ ей попадетъ не овесъ, а желѣзная узда, и тогда только наивная тварь очувствуется, рванется, но тотчасъ же опомнится и пойдетъ въ оглобли.

Такимъ образомъ все, что̀ дѣлается на вашихъ глазахъ, прежде чѣмъ вы поѣдете, не сулитъ вамъ ничего хорошаго.

Но ужъ совсѣмъ нехорошо начинаешь чувствовать себя, когда наконецъ «все готово» и когда хозяинъ скажетъ:

— Пожалуйте, господинъ, садиться!

Самъ онъ однакожъ не садится, онъ даже вожжей въ руки не беретъ, а только укладываетъ ихъ осторожными движеніями рукъ на козлахъ такимъ образомъ, чтобы за нихъ можно было ловчѣе схватиться, и все время тихонько произноситъ: «тпр... тпр...»

— Нѣтъ, ужъ садись сначала ты!—говоритъ проѣзжающій, у котораго начинаетъ что-то холодѣть въ груди.

— Да я вскочу-съ! Не безпокойтесь! Духомъ взмахну на козлы!

Этихъ успокоительныхъ увѣреній вполнѣ достаточно для того, чтобы проѣзжій окончательно упалъ духомъ и возопилъ:

— Нѣтъ! Ни за что! Садись ты, я сяду потомъ!

— Да не извольте безпокоиться! Духомъ вспорхну!

— Ни за что на свѣтѣ!

— Н-ну! Михайла, затворяй ворота! Ты, дѣдушка, держи коренную-то, держи крѣпче, навались на нее!

Ворота заперты, лошадей держатъ, но когда осторожно усаживающійся ямщикъ все-таки старается всячески не дать лошадямъ замѣтить, что онъ беретъ вожжи, проѣзжаго нисколько уже не радуетъ и то, что, по его настоянію, ямщикъ уже сидитъ на козлахъ. Напротивъ, страхъ окончательно овладѣваетъ всѣмъ его существомъ, и если же наконецъ онъ и садится въ повозку, такъ единственно потому, что невозможно этого не дѣлать, точно такъ же, какъ преступнику нельзя не класть голову подъ топоръ гильотины.

Наконецъ голова подъ топоромъ, и проѣзжающій въ повозкѣ.

— Отворяй! Пущай!

Что̀ же это такое происходитъ?

По плану деревни, разстояніе отъ того постоялаго двора, гдѣ запрягли тройку, до мѣстной церкви опредѣляется въ версту; отъ церкви до поскотника (караульщика у воротъ окружающей селеніе загороди) будетъ версты двѣ, а отъ поскотника до торговой дороги, окопанной канавами, еще верста. Послѣ слова «пущай!» всѣ эти разстоянія исчезаютъ; испуганный глазъ проѣзжаго едва ощущаетъ обликъ отворяемыхъ старыхъ воротъ, и, кажется, одновременно и тутъ же, гдѣ мелькнули ворота, мелькаетъ и храмъ, и по-

скотникъ, и вотъ чистое поле,—все вмѣстѣ и все какъ во снѣ! Не знаешь, кто тутъ сошелъ съ ума и пришелъ въ неистовство, ямщикъ ли рехнулся, очумѣлъ и въ безпамятствѣ не видитъ, что и онъ, и проѣзжіе, и лошади должны разбиться вдребезги, или эти лошади взбѣсились и дошли до такого изступленія, что съ ними не справится никакая сила, и что ямщикъ въ ужасѣ опустилъ руки и обомлѣлъ.

Чѣмъ все это кончится?

Не раньше какъ на пятнадцатой верстѣ проѣзжающій наконецъ узнаётъ, что̀ такое съ нимъ случилось; оказывается, что ни ямщикъ ни лошади не впадали въ изступленное состояніе, не бѣсновались, а дѣлали свое дѣло такъ, какъ слѣдуетъ его дѣлать по сибирскому обычаю,—просто *ѣхали* «на сибирскій манеръ». На пятнадцатой верстѣ ямщикъ сразу остановитъ своихъ бѣшеныхъ коней, слѣзетъ съ козелъ, походитъ около повозки, покуритъ, поговоритъ. Но неопытный проѣзжающій, хотя и имѣетъ случай сознать себя не погибшимъ, но еще рѣшительно не въ состояніи придти въ себя и получить хотя бы малѣйшій интересъ въ «окружающей дѣйствительности». Въ пору только отдышаться и почувствовать, что въ организмѣ произошло какое-то ужаснѣйшее потрясеніе. Возможность какого-либо вниманія къ окружающему возникаетъ въ неопытномъ проѣзжемъ не ранѣе какъ на третій-четвертый день знакомства съ сибирскою ѣздой; всѣ же эти первые дни проѣзжій долженъ употреблять единственно на напряженнѣйшее вниманіе къ самому себѣ, къ собственной своей участи, къ изобрѣтенію всякихъ средствъ къ своему спасенію. Онъ придумываетъ, какъ бы ему «выскочить», какъ бы удержаться «руками», упереться «ногами», и только тогда, когда онъ вполнѣ сознаѐтъ, что всѣ его физическія средства израсходованы, что изобрѣтательныя способности его исчерпаны, когда онъ весь встряхнутъ, какъ мѣшокъ съ орѣхами, тогда только онъ можетъ наконецъ дать волю и умственной дѣятельности, а слѣдовательно и вниманію окружающей дѣйствительности. На третій, четвертый день, когда принципъ сибирской ѣзды понятъ вполнѣ, когда всѣ «суставы» во всѣхъ направленіяхъ растрясены, и когда изнеможеніе охватываетъ человѣка уже съ головы до ногъ и притомъ распредѣляется по всему организму вполнѣ равномѣрно, тогда уже вступаетъ въ свои права и духовная дѣятельность. Еле добравшись до станціоннаго дивана, или даже до ступеньки станціоннаго крыльца, можно уже найти въ

себѣ возможность для вниманія къ окружающему, къ природѣ, людямъ; можно ощутить и потребность побесѣдовать съ этими людьми.

Большинство сибирскихъ ямщиковъ «*мчитъ*» проѣзжаго, такъ сказать, «по привычкѣ», по условленному для *сибирской* ѣзды обычаю: то «дуетъ», сломя голову, то передохнетъ, а потомъ опять дуетъ. Да и тройка также пріучена понимать, какъ ей поступать; ямщикомъ такой дрессированной тройки можетъ быть десятилѣтній мальчикъ и даже просто калѣка безъ ноги, лишь бы могъ сидѣть на козлахъ. Иногда, впрочемъ, такіе ямщики оказываются весьма неудобными: какая-нибудь случайность (прохожій всталъ изъ канавы, быстро выбѣжала изъ лѣсу скотина, что со мной и случилось) пугаетъ забитую дрессированную тройку, и она такъ же безумно бросается въ сторону, въ оврагъ, въ канаву, какъ и безумно мчалась по дорогѣ. У такихъ обученныхъ «мастерству» ямщиковъ весь процессъ ѣзды идетъ самымъ шаблоннымъ образомъ: кнутъ, покрикиваніе, посвистываніе, все это дѣлается только по обычаю. Но есть дѣйствительно сибирскіе ямщики, ямщики-артисты, и даже не ямщики, а дирижеры, при чемъ кнутъ—это жезлъ капельмейстера, а тройка — оркестръ. Этотъ артистъ-художникъ, видимо, заинтересованъ талантами своего оркестра, любитъ въ одномъ исполнителѣ одно, въ другомъ — другое, принимаетъ ихъ особенности къ сердцу и ставитъ своей задачей—развить въ своихъ любимцахъ всѣ ихъ дарованія. Когда такой ямщикъ иной разъ сойдетъ съ козелъ поправить дугу, узду, расправить космы, растрепавшіяся на лбу коренной или пристяжной, онъ дѣлаетъ это такъ же, какъ нянька съ дѣтьми на прогулкѣ: внимательно посмотритъ въ лицо ребенка, поправитъ волосы, пообдернетъ платье и шапочку также поправитъ. И лошади у такого ямщика смотрятъ на него, какъ дѣти на няньку, знаютъ, что онъ ихъ «прихорашиваетъ», а не подошелъ къ «рылу» за тѣмъ, чтобы доказать, что онъ замѣтилъ вредныя идеи, и что кулакъ у него то же, что «недреманное око». Въ ѣздѣ такого ямщика вы постоянно примѣчаете стремленіе превратить скучное ремесло въ дѣло любимое и интересное. Кнутъ и свистъ и рѣчь, которыми онъ располагаетъ для возбужденія въ тройкѣ разныхъ мотивовъ ѣзды, только знаки, понятные умному и понимающему дирижера оркестру.

Говоря объ особенностяхъ сибирской ѣзды, никоимъ обра-

зомъ нельзя не обратить вниманія на роль, которую играетъ въ этой ѣздѣ именно ямщицкій *свистъ*. Свистъ вообще, это—знакъ, сигналъ, тонъ, который ямщикъ даетъ лошади, вызывая въ ней извѣстное настроеніе. Но при огромныхъ сибирскихъ разстояніяхъ, при пустынности мѣстъ, свистъ, очевидно, помогалъ и въ другихъ дорожныхъ случайностяхъ: въ темную, осеннюю, дождливую ночь или зимнюю вьюгу, съ одного конца обоза надо дать знать по всей линіи повозокъ о томъ, что на дорогѣ ухабъ, или что, по случаю грязи, передовой своротилъ съ дороги, ѣдетъ лугомъ, лѣсомъ. Мало того, что надобно дать знать по всей линіи,—надобно еще и отвѣтъ получить отъ всѣхъ ямщиковъ всѣхъ повозокъ, растянувшихся за передовикомъ, надо убѣдиться, что каждый слышалъ и понялъ предостереженіе. Мнѣ пришлось въ теченіе шести темныхъ августовскихъ ночей ѣхать въ одной партіи съ семью повозками почты. Я старался не отставать отъ почты, иначе одинъ не рѣшился бы ѣхать въ темную ночь. И тутъ я убѣдился, до какого совершенства разработана эта ямщицкая спеціальность. Въ разныхъ случаяхъ передовикъ даетъ пронзительные свистки самаго разнообразнаго качества, и такими же разными въ разныхъ случаяхъ и разными по разнообразію выдумокъ каждаго ямщика отвѣтами откликаются на каждый случай и всѣ ямщики по всей линіи. Непрерывно идетъ надъ всѣмъ поѣздомъ какое-то адское бѣснованіе звуковъ, и когда, по обыкновенію, въѣзжая въ деревню, поѣздъ начинаетъ мчаться уже въ совершенномъ бѣшенствѣ, адскіе, бѣснующіеся звуки достигаютъ одуряющей дикости.

Не одни однакожъ ямщики разрабатывали это сигнальное дѣло пустынныхъ пространствъ. Немало поработалъ для его развитія и «лихой человѣкъ», грабитель, разбойникъ и душегубъ. Дать знать въ темную ночь *своимъ*, засѣвшимъ подъ мостомъ, товарищамъ, что идетъ обозъ, или что приближается подкарауливаемый проѣзжій, нельзя иначе, какъ посредствомъ только этого знака. Выстрѣлъ мало того что можетъ быть замѣченъ на томъ пунктѣ, гдѣ мелькнетъ огонь, но онъ и заглохнетъ, щелкнетъ, какъ орѣхъ въ щипцахъ, изсякнетъ въ этомъ огромномъ пространствѣ пустыря или въ душной глуши тайги. Нуженъ звукъ,—можетъ слышать его и проѣзжій, но ему не сумѣть уловить мѣста, откуда онъ идетъ. И вотъ выработался разбойничій, могучій, грозный, даже просто ужасающій, безпощадный и немилосердно жестокій свистъ. Одинъ ямщикъ, — можетъ-быть, самъ че-

ловѣкъ «бывалый», — поистинѣ потрясъ меня такимъ разбойничьимъ свистомъ. Онъ начиналъ его, скосивъ и сжавъ челюсти, какими-то сложными звуками, въ которыхъ жалобная, унылая нота какъ бы умирающаго человѣка вилась между какими-то ухарскими, рѣзкими, безпощадными звуками; всѣ эти звуки первое мгновеніе слышались тихо, хоть и всѣ разомъ, но тотчасъ же, какъ развертывается змѣя, или, еще лучше, кнутъ палача,— развертывается и свистъ въ огромномъ пространствѣ, вверху гдѣ-то, именно какъ свистящій, длинный, толстый кнутъ палача, рѣжущій своимъ острымъ концомъ воздухъ и вотъ-вотъ готовый вонзиться въ живое тѣло, которое жалобно-жалобно, изъ всѣхъ остатковъ силъ вопіетъ, какъ ребенокъ, и ждетъ смертельнаго удара. Этотъ, очевидно, выработанный грабителемъ и душегубомъ свистъ, свистъ, въ которомъ слышна горячая, только-что удалымъ манеромъ пролитая кровь, такъ ощутительно отозвался именно въ кожѣ моего тѣла, что я «Христомъ Богомъ» просилъ ямщика не свистать, когда онъ попробовалъ-было развернуть кнутъ палача еще разъ. Ямщикъ понялъ, что я «испугался», улыбнулся и былъ, очевидно, доволенъ, что произвелъ именно то впечатлѣніе, которое и требуется. Проѣзжій купецъ съ деньгами въ мѣшкѣ, услышавъ такой свистъ, замретъ на мѣстѣ и самъ отдастся въ руки.

XV. Колыванскіе, каинскіе, тюкалинскіе и другихъ мѣстъ бродяги и темные люди.

Кромѣ однообразія дальней дороги и удручающаго впечатлѣнія пустынныхъ, мало оживленныхъ пространствъ, побуждающихъ даже и любознательныхъ путешественниковъ поскорѣе выбраться на бѣлый свѣтъ, къ «вокзалу»,— не веселитъ также и безлюдье самой дороги. Только въ торговые ярмарочные мѣсяцы оживаетъ она; въ остальное же время года, особливо лѣтомъ, она до чрезвычайности пустынна. Товары и арестанты идутъ въ Сибирь пароходами, и поэтому весь трактъ не оживленъ движеніемъ. Въ десять дней, я не знаю, встрѣтилъ ли я десять встрѣчныхъ проѣзжихъ, кромѣ, конечно, почты, изрѣдка небольшой партіи переселенцевъ, да кое-когда крестьянъ, воз-

вращающихся или ѣдущихъ съ полевой работы или на работу, да и то только поблизости селъ. Но иногда цѣлый день не встрѣтишь ни единаго, болѣе или менѣе «благообразнаго», проѣзжаго, но зато прохожаго, и притомъ всегда «неблагообразнаго», встрѣчаешь почти на каждомъ шагу.

Бродяга, человѣкъ подозрительнаго вида, постоянно останавливаетъ ваше вниманіе и заставляетъ подумывать о чемъ-то, непохожемъ на размышленія о красотахъ природы. На эти мысли наводятъ и другія иллюстраціи «тракта», находящіяся въ связи съ размышленіями объ этихъ таинственныхъ прохожихъ. Вотъ у самой дороги стоитъ почему-то крестъ, новый, только-что поставленный. Такіе кресты ставятся надъ могилами. И точно, ямщикъ объяснитъ вамъ, что здѣсь зарѣзали недавно двухъ торговцевъ. А подъ другимъ, уже почернѣвшимъ, но все-таки недавно поставленнымъ крестомъ лежитъ убитый торговецъ огурцами, возвращавшійся съ ярмарки года полтора тому назадъ.

— Что̀, у васъ тамъ не пристукиваютъ?—лѣниво спросилъ меня, записывая подорожную, станціонный смотритель на какой-то станціи. Спросилъ вяло, сонно, отъ-нечего-дѣлать.

— Не слыхать...—сказалъ я.—А здѣсь развѣ бываетъ?

Флегматикъ - смотритель предпочелъ сначала окончить запись, а потомъ, не спѣша, отвѣтилъ:

— Третьяго-дня прикокнули одну женщину... Съ васъ восемьдесятъ пять да за повозку... Прикокнули бабенку какую-то!

Правда, не слышно, чтобы бродяга-грабитель очень былъ охочъ до проѣзжающаго, но тѣмъ не менѣе грабитель, во всѣхъ видахъ, орудуетъ во всѣхъ пунктахъ этого тракта самымъ развязнымъ манеромъ и дѣлаетъ свое грабительское дѣло въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Пересматривая корреспонденціи въ одну только «Сибирскую Газету» настоящаго года, мы, среди мелкихъ извѣстій о самыхъ мельчайшихъ мѣстныхъ неурядицахъ и дрязгахъ, кромѣ такихъ же корреспонденцій о грабежахъ и всякаго рода воровскихъ продѣлкахъ бродяжнаго человѣка, находимъ еще отдѣльныя, спеціальныя статьи, посвященныя этому же воровскому дѣлу, какъ бы обозрѣнія воровского мастерства за извѣстные періоды времени; да и самое количество краткихъ извѣстій и краткихъ корреспонденцій о ворров-

скомъ дѣлѣ безконечно превосходитъ количество извѣстій рѣшительно обо всѣхъ другихъ явленіяхъ мѣстной жизни. «Колыванскіе Рокамболи», «Наша небезопасность», «Въ осадномъ положеніи», — такія спеціально грабительству посвященныя статьи доказываютъ, кромѣ постоянныхъ мелкихъ извѣстій, то, что грабительство широко и прочно разрабатывается въ Сибири и въ наши дни.

Чтобы познакомиться, хотя слегка, съ положеніемъ воровского дѣла на сибирскомъ трактѣ, сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій изъ «С. Г.». Первый городъ отъ Томска *Колывань.* Только въ трехъ нумерахъ «Сибирской Газеты» мы находимъ такія извѣстія: «Изъ Колывани извѣщаютъ, что она стала облюбованнымъ пунктомъ всевозможныхъ мошенниковъ, откуда они распространяютъ свою дѣятельность на окрестныя села и деревни. Недавно отсюда былъ высланъ въ Тюкалинскъ ссыльный А. Натусъ, дѣйствовавшій въ компаніи съ другимъ корифеемъ мошенническаго міра, Живаховымъ. Въ настоящее время при полиціи содержатся еще двое мошенниковъ, Третьяковъ и Михайлицынъ. Они оба (помимо разнаго рода мошенничествъ) *выдавали* себя за дѣлателей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и обирали такимъ образомъ простоватыхъ людей, падкихъ до «блинковъ».

Самый тонъ этой корреспонденціи дышитъ особенностями такихъ условій жизни, въ которыхъ мошенничество понимается во множествѣ оттѣнковъ. Здѣсь мошенничествомъ уже почитается то, что плуты *только выдавали* себя за подѣлывателей: они не настоящіе фальшивые монетчики, и поступки ихъ потому гнусны, что вводили въ заблужденіе *простоватыхъ людей.* Простоватые же люди, желающіе получить фальшивыхъ денегъ, совсѣмъ даже и не порицаются, хотя, получивъ *настоящія* фальшивыя бумажки, стали бы также надувать другихъ «простоватыхъ», т.-е. простыхъ крестьянъ. Дѣйствительно, настоящіе, неподдѣльные фальшивые монетчики поступаютъ не такъ, какъ Михайлицынъ или Третьяковъ, а дѣлаютъ дѣло какъ должно. Колыванскій казначей до того уже приглядѣлся къ фальшивой монетѣ мѣстнаго производства, что даже знаетъ, кто какую монету дѣлалъ и чья это работа. Разъ какъ-то онъ не досмотрѣлъ и отправилъ фальшивый двугривенный въ числѣ денегъ, слѣдовавшихъ въ уплату жалованья учителямъ мѣстной школы. Тамъ разсмотрѣли фальшивую монету, и возвратили ее казначею со сторожемъ.

— Да они совсѣмъ зазнались! — сказалъ, посмѣиваясь, казначей.—Чѣмъ она худа? Вонъ С—нцовъ дѣлаетъ, такъ у того хуже матеріалъ, да и то добрые люди берутъ. А эти хоть куда! Правда, красновата, но сработана чисто, и ужъ не изогнешь!

Про С—нцова же сказано только: «Кузнецъ, рѣзчикъ, слесарь и вообще на всѣ руки мастеръ». Самое сокращеніе фамиліи свидѣтельствуетъ о томъ, что С—нцовъ можетъ обидѣться на обличителя, и что вообще про него еще нельзя сказать прямо, какъ про Михайлицына: «мошенникъ». Видно, что онъ человѣкъ свободный, извѣстный, но почему-то еще неприкосновенный.

Относительно одного изъ поименованныхъ въ извѣстіи изъ Колывани «мошенниковъ» мы находимъ довольно подробное сообщеніе—о Живаховѣ. Въ статьѣ «Колыванскіе Рокамболи» сказано, что Живаховъ—мѣщанинъ изъ ссыльныхъ и звать его Семенъ Евстафьевичъ. Онъ стоялъ во главѣ цѣлой шайки плутовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣтны: рядовой Инякинъ, колыванскій мѣщанинъ-доброволецъ Петровъ и бывшій начальникъ тюменско-ачинскаго пересыльнаго тракта, а теперь ссыльный, тобольскій мѣщанинъ Анненковъ. Всѣ они образовали собственную свою *слѣдственную комиссію* и отправились обирать раскольническую общину, отстоящую отъ города въ 150 верстахъ. Нужно сказать, что въ этой общинѣ уже былъ свой грабитель, нѣкто Никита Федоровъ, который давно уже «вымогалъ» изъ общины деньги всякими способами и особенно доносами губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднее время доносы перестали дѣйствовать, и мѣстный плутъ обратился къ содѣйствію колыванской «слѣдственной комиссіи». Онъ пріѣхалъ въ Колывань, вступилъ въ переговоры съ Живаховымъ и пригласилъ его въ тайгу для производства слѣдствія надъ раскольниками, якобы по его доносу. Живаховъ тотчасъ же принялъ это предложеніе, преобразилъ себя въ губернатора, Анненкова сдѣлалъ чиновникомъ особыхъ порученій, прочихъ плутовъ понятыми, и 26-го февраля настоящаго (88) года содралъ съ раскольниковъ 400 рублей и со всей комиссіей возвратился на раскольничьихъ лошадяхъ въ Колывань, откуда и скрылся. Не разъ онъ подвергался высылкѣ изъ Колывани, но жилъ всегда поблизости въ какой-нибудь деревнѣ. Говорятъ, что, разыскивая его въ настоящее время, полиція получила изъ Каинска отъ чиновника по крестьян-

скимъ дѣламъ свѣдѣнія объ этомъ артистѣ, при чемъ цѣлый листъ кругомъ надобно было исписать, чтобы перечислить только уголовныя дѣла, по которымъ Живаховъ привлекался къ отвѣтственности *).

Въ числѣ плутовъ, пользовавшихся въ Колывани обширной извѣстностью, былъ, кромѣ Живахова, о которомъ мы только-что говорили, еще нѣкто Нагусъ. За плутовство его *выслали* въ Тюкалинскъ. Этотъ городъ стоитъ на нашемъ трактѣ, и мы своевременно будемъ тамъ, но теперь скажемъ только два слова о положеніи воровского дѣла въ Тюкалинскѣ, чтобы видѣть, насколько благотворно можетъ подѣйствовать на Нагуса пребываніе въ Тюкалинскѣ, а не въ Колывани. Вотъ первое попавшееся извѣстіе: «Изъ Тюкалинска, отъ 17-го марта, намъ пишутъ о *разграбленіи обоза*. На разстояніи 4-хъ верстъ отъ города было совершено съ недѣлю тому назадъ нападеніе на обозъ, шедшій изъ Ирбита. *Грабителей было такъ много, что обозчики разбѣжались, оставивъ грабителямъ весь обозъ*». Вотъ лучшій намекъ на тѣ удобства жизни, которыя можетъ найти въ Тюкалинскѣ г. Нагусъ. Малъ золотникъ, да дорогъ, и мы, оставивъ разговоръ о Тюкалинскѣ до его очереди, возвратимся на нашъ «трактъ».

---

*) Способъ [illegible] начальства и въ [illegible] въ Западной Сибири вообще съ [illegible] успѣхомъ. Въ минувшемъ же году, киргизъ Семипалатинскаго уѣзда [illegible] генералъ-губернаторомъ для разграниченія земель [illegible] (С. Г. № 30).

За Колыванью слѣдующій городъ будетъ—*Каинскъ*. Самое названіе говоритъ, что именно здѣсь Каинъ убилъ брата своего Авеля. И до сихъ поръ Каиново дѣло процвѣтаетъ здѣсь въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ мы, великороссійскіе жители, даже и понятія имѣть не можемъ. Извѣстій о каинскихъ грабежахъ и грабителяхъ — масса; но мы удовольствуемся только одной корреспонденціей, рисующей дѣло грабежа въ теченіе нѣсколькихъ только дней по порядку, и для насъ будетъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что такое творятъ тамъ грабители, и чтобы придти въ неописуемое изумленіе, узнавъ, что терзаемые грабителями каинцы находятъ возможнымъ опредѣлять эти терзанія выраженіемъ: «это еще *слава Богу!*». Итакъ, «*слава Богу*», что въ Каинскѣ происходитъ пока только слѣдующее:

«Жулики образовали цѣлые летучіе отряды, которые стали настоящей грозой не только беззащитныхъ товарныхъ обозовъ и безпечныхъ каинцевъ, съ ихъ деревенскими сосѣдями, но и солидно вооруженныхъ револьверами проѣзжающихъ. Въ послѣднее время разнесся слухъ, что жулики хотятъ ограбить почту, вслѣдствіе чего, 18-го февраля, начальникъ конторы обратился къ полиціи съ просьбой отрядить конвой для охраны почтъ. Къ марту мѣсяцу, въ Каинскѣ уже увеличено число караульныхъ, установлены постоянные ночные разъѣзды полицейскихъ, причемъ въ помощь послѣднимъ на ночь дается нѣсколько солдатъ. По тракту, въ обѣ стороны отъ Каинска, по распоряженію губернатора, устроены объѣзды караульныхъ, которыхъ выставляютъ крестьяне окрестныхъ деревень. Единственная деревня, которая *упорно*, несмотря ни на какія настоянія начальства, *отказалась* поставлять караульныхъ, это д. Осиновка, находящаяся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Каинска, и притомъ, по нѣкоторымъ причинамъ разграбляемая жуликами безпрерывно, безпощадно, безъ всякаго снисхожденія. Причина этой особенной ненависти такая: одинъ изъ жуликовъ пріѣхалъ прошлой зимой въ Осиновку на лошади, которая была въ этой же Осиновкѣ украдена у татарина *). Лошадь узнали, отняли, и жулика повезли въ городъ. Повезъ тотъ самый сотскій, у котораго украдена была пара лошадей. Жуликъ

*) Почти одновременно съ этой кражей была украдена у сотскаго этого же села пара лошадей съ повозкой и кошевка у почтосодержателя.

дорогой вызвался за три рубля указать сотскому мѣсто, гдѣ находятся его лошади, и когда его черезъ три дня выпустили, онъ не замедлилъ явиться съ товарищами къ сотскому въ Осиновку за тремя рублями. Но сотскій по данному жуликомъ адресу нашелъ только одну лошадь и не захотѣлъ платить трехъ рублей. Жулики стали требовать, но сторону сотскаго принялъ народъ, и ихъ избили. Съ тѣхъ поръ организованныя каинскія шайки ни на одну минуту не оставляютъ осиновцевъ въ покоѣ и грозятъ сжечь». Въ «Сибирской Газетѣ» я нашелъ описаніе цѣлаго ряда подвиговъ этихъ шаекъ въ теченіе только нѣсколькихъ дней февраля нынѣшняго года.

Грабежей, совершенно беззастѣнчивыхъ, безцеремонныхъ, совершаемыхъ открыто, среди бѣлаго дня, такое множество, что въ этомъ письмѣ нѣтъ возможности перечислить ихъ. Положительно нѣтъ конца и краю. И при всемъ томъ, несчастные ограбляемые жители (иной разъ и сами принимающіе участіе въ грабежахъ, по охотѣ) находятъ возможнымъ, разсуждая о тѣхъ разбойствахъ, которыя читатель только-что узналъ, говорить такія слова:

— Теперь еще что! Теперь еще слава Богу! — говорятъ каинцы. — Теперь стоятъ морозы, холодъ. Лапотишекъ и одежонки у жулья нѣтъ, многіе такъ, *безъ дѣла* и сидятъ въ кутузкѣ. А вотъ тепло-то пойдетъ, тогда этихъ мастеровъ столько выползетъ, что и житья не станетъ!

— Но вѣдь есть на это жулье полицейская расправа?— возражаетъ слушатель, удивленный этимъ «слава Богу».

На это знатоки мѣстной жизни отвѣчаютъ только улыбками.

— Ну, подержатъ ихъ,—говорятъ эти опытные люди:— двое-трое сутокъ при полиціи да и выпустятъ.. А жуликъ вышелъ и тотчасъ грозится *припомнить*.

Вотъ почему, между прочимъ, не рѣшались выставить караулъ и осиновцы.

Не знаю, продолжать ли мнѣ хронику этихъ разбоевъ по всему тракту? Поистинѣ, фактовъ неисчислимое количество, и притомъ повсюду, но въ особенности въ Западной Сибири. Въ Тюкалинскѣ, напримѣръ, дѣлалось, до недавняго увольненія всего тюремнаго начальства, слѣдующее. Одинъ богатый торговецъ, желая отомстить другому, также богатому торговцу, обвинилъ его въ томъ, что онъ, подкупивъ погонщика его скота, купилъ у него 250 штукъ барановъ. Погонщикъ (ссыльный) подтвердилъ это ложное обвиненіе

подъ присягой, и богатый человѣкъ былъ заключенъ въ тюрьму. Вѣроятно, врагъ его такъ хорошо платилъ за это, что никакія просьбы и ходатайства не дѣйствовали. Попавъ въ тюрьму, онъ, какъ богатый человѣкъ, подвергся нападенію арестантовъ, которые требовали съ него 150 р. и грозили убить. Едва-едва онъ занялъ сколько-то денегъ у знакомыхъ мѣщанъ. Никакія жалобы на опасное положеніе свое среди подлинныхъ грабителей не получали удовлетворенія. Это тянулось до тѣхъ поръ (съ 26-го декабря по 16-е января), пока родной отецъ заключеннаго не поѣхалъ лично жаловаться тобольскому губернатору. Всѣ эти дѣятели, совершенно одинаковые въ своихъ поступкахъ съ арестантами, теперь уже уволены. И чѣмъ дальше въ глушь, тѣмъ весь этотъ тюремный народъ (и караульные и арестанты одинаково) дѣлается все развязнѣе и безцеремоннѣе въ обращеніи съ мѣстными жителями. «По дорогѣ изъ Тюмени въ Туринскъ (читаемъ въ № 20), на каждой станціи, отъ-нечего-дѣлать, ссыльные кутятъ, играютъ въ карты; гдѣ происходитъ дневка—деморализація сильнѣе; въ крестьянствѣ нарождается повадка пользоваться тѣмъ, что̀ лежитъ плохо. Все это отражается и на конвойныхъ солдатахъ, которые чувствуютъ себя здѣсь, какъ и арестанты, «свободно и развязно». Завидѣвъ партію, крестьяне предпочитаютъ сворачивать съ дороги, особливо женщины, съ которыми и солдаты и арестанты позволяютъ себѣ всякія безчинства». Вообще преступники, т.-е. бродячій, мошенничающій народъ, ведутъ себя въ Сибири вполнѣ свободно. Его только пересылаютъ съ мѣста на мѣсто или на время сажаютъ въ темную, откуда опять скоро выпускаютъ на свободу. Арестъ и пересылка—это только антракты въ нѣсколько дней, для перехода изъ одного мѣста въ другое, а большею частью антракты между однимъ мошенничествомъ и другимъ. Въ статьѣ «Наша безопасность» (изъ Верхоленска) пишутъ: «Недавно одинъ изъ мѣстныхъ жителей наткнулся на грабежъ и тотчасъ увѣдомилъ полицію. Жулики, при своемъ арестѣ, въ присутствіи полицейскаго начальства, стали угрожать ограбить въ самомъ скоромъ времени указавшаго на нихъ или даже убить его, что̀ они неоднократно подтверждали даже въ кабакахъ, *куда ходили изъ тюрьмы, уже содержась подъ стражею*». Полиція обѣщала принять мѣры, однакожъ упомянутый обыватель былъ-таки ограбленъ начисто. «Замѣчательно, что все это происходило (взломъ окна) засвѣтло, въ 20 шагахъ отъ полиціи». Паника, которую вы-

звали открытые грабежи, до того овладѣла жителями, что они рѣшительно отказываются отъ всякой защиты и обороны... Нѣсколько человѣкъ, днемъ, толстыми полѣньями бьютъ *кого-то* на улицѣ, шагахъ въ 60 отъ волостного правленія, и на ужасающій, пронзительный крикъ жертвы, раздававшійся болѣе 20 минутъ, сельскій обходъ явился уже тогда, когда разбойниковъ и слѣдъ простылъ. Къ утру слѣдующаго дня несчастный умеръ. Боясь угрозъ жуликовъ, волостное правленіе, при которомъ они содержатся «въ каталажкѣ», даетъ имъ полную свободу. Недавно три арестанта, обвиненные въ грабежѣ, *пользуясь полною свободой* разгуливать по улицамъ Верхоленска, ограбили мѣщанина Яковлева. А потомъ, конечно, воротились въ «каталажку» — дѣлить награбленное. Факты одинъ за другимъ, и все въ томъ же самомъ родѣ,—безъ числа. Объ однихъ конокрадахъ, широко разработавшихъ свое дѣло, можно было бы написать цѣлый трактатъ. Начальство, къ которому обращаются за защитой, совѣтуетъ обращаться непосредственно къ ворамъ и съ ними входить въ сдѣлку. И это, дѣйствительно, единственный исходъ.

XVI. Ссыльные поселенцы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежегодный приливъ такихъ же бродяжныхъ и темныхъ людей цѣлыми тысячами, ежегодное увеличеніе тысячами уже существующихъ сотенъ тысячъ такого же народа, — нѣтъ сомнѣнія, что такое ненормальное, противообщественное явленіе наноситъ народонаселенію Западной Сибири коренной, глубокій вредъ во всѣхъ отношеніяхъ. Поистинѣ, нельзя не дивиться, по какимъ резонамъ сотнямъ тысячъ этихъ людей не выработано никакого опредѣленнаго положенія.

Мольбы сибирскихъ жителей и сибирскаго начальства о прекращеніи или, по крайней мѣрѣ, о приведеніи дѣла ссылки въ какой-нибудь порядокъ, идутъ изъ всѣхъ городовъ Сибири съ незапамятныхъ временъ. «Почти *всѣ* города Тобольской губ., администрація Тобольской и Томской губ. и генералъ-губернаторъ Западной Сибири неоднократно, самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ высказывались противъ ссылки. Уже *десять* лѣтъ тому на-

задъ, ген.-губернаторъ Западной Сибири заявлялъ высшему начальству о *переполненіи* ссыльными городовъ». Но до сихъ поръ дѣло стоитъ такъ, какъ было съ незапамятныхъ временъ, и внутренняя Россія ежегодно поставляетъ въ города и села Западной Сибири тысячи такого сорта людей, которымъ она не можетъ позволить жить въ городахъ и селахъ Европейской Россіи. Что бы сказали москвичи, если бы всѣ московскіе жулики и всякіе темные люди, ежедневно и еженощно забираемые въ многочисленныя кутузки, были бы водворяемы на жительство среди обывателей, т.-е. были бы *высылаемы* изъ кутузокъ и остроговъ на поселеніе въ обществѣ, среди людей добропорядочнаго образа жизни? Никому и въ голову не можетъ придти, чтобы можно было, въ какихъ бы то ни было видахъ, дѣлать что-либо подобное, а между тѣмъ все это дѣлается надъ Сибирью уже «около *трехъ* вѣковъ» *), а когда и какъ прекратится это непостижимое дѣло—рѣшительно неизвѣстно.

Года два тому назадъ въ печати прошелъ слухъ, что «рѣшено избавить Сибирь отъ этого проклятія». Но изъ дальнѣйшихъ разъясненій этого слуха оказалось, что рѣчь идетъ о прекращеніи *ссылки по суду;* ссылка же административнымъ порядкомъ, *по приговорамъ обществъ*, будетъ только измѣнена въ нѣкоторомъ отношеніи. Между тѣмъ именно ссылка по приговорамъ обществъ, административнымъ порядкомъ, тяготѣетъ *исключительно надъ Западною Сибирью.* Всѣ ссыльные раздѣляются на пять категорій: 1) *каторжные*, изъ которыхъ въ тюрьмахъ Западной Сибири остаются только дряхлые старики, не могущіе слѣдовать пѣшимъ этапнымъ порядкомъ, холостые, оставляемые *иногда* въ тобольской каторжной тюрьмѣ, да осужденные въ крѣпостныя работы (оставляются въ усть-каменогорскомъ каторжн. отд.); 2) *ссыльно-поселенцы*, которые *почти всѣ* направляются въ Восточную Сибирь **); 3) *ссылаемые на житье* по приговорамъ судебныхъ мѣстъ распредѣляются по Западной и Восточной Сибири, соображаясь съ судебнымъ рѣшеніемъ; 4) *водворяемые рабочіе-бродяги* всѣ направляются въ Восточную Сибирь, и наконецъ 5) *ссылаемые въ административномъ порядкѣ.* Эта категорія сама уже распадается на двѣ группы: а) *ссыльные по распоряженію правительства* водворяются, по тому же рас-

*) «С. Г.», № 3.

**) Въ силу Выс. утв. мнѣнія госуд. сов. 15-го іюня 1859 года.

поряженію, и въ Восточной и въ Западной Сибири, и б) *ссыльные по приговорамъ обществъ*—водворяются *исключительно въ одной Западной Сибири.*

Не думайте, чтобы «общества» уступали судамъ и администраціи въ количествѣ высылаемыхъ ими вредныхъ элементовъ. Съ 1827 года по 1846 годъ, какъ мы уже знаемъ *), въ распоряженіе Тюменскаго приказа препровождено было 159.755 человѣкъ. Изъ нихъ *по суду* сослано уголовныхъ 49%, а административныхъ 51%. Въ десятилѣтіе 1867 — 76 годовъ сослано 151.585 чел., при чемъ *по суду* сослано въ Западную Сибирь *семь* тысячъ, а административнымъ порядкомъ 78 съ половиною тысячъ. Далѣе, въ теченіе семи лѣтъ (1870—77 г.) сослано было 114.370 чел., изъ нихъ административныхъ было—63.442 чел. Наконецъ, изъ послѣдняго отчета инспектора Тюменско-Ачинскаго тракта (1880 — 1886, т.-е. за шесть уже лѣтъ), выслано 120.065 чел., при чемъ административныхъ 64.513 чел., а по суду 55.552 чел.

Такимъ образомъ съ каждымъ годомъ наплывъ въ Западную Сибирь людей ссылаемыхъ, такъ сказать, «*по вкусу*» сельскихъ обществъ, принимаетъ все болѣе и болѣе непропорціональные размѣры сравнительно съ количествомъ ссылаемыхъ *по суду.* Не знаю, есть ли гдѣ-нибудь въ свѣтѣ что-нибудь подобное этому своеобразному сорту виноватыхъ людей, которыхъ нельзя предать суду, но сослать можно? Тамъ, гдѣ извозчикъ платитъ штрафъ, если онъ нарушитъ постановленіе, воспрещающее вылѣзать изъ саней и топтаться на тротуарѣ, когда нѣтъ десяти градусовъ мороза, тамъ ссылаются сотни тысячъ людей, не подлежащихъ никакому точному обвиненію въ какомъ-либо явномъ нарушеніи закона. Сколько мнѣ извѣстно, о людяхъ этого типа *виноватыхъ* мы въ нашей литературѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сельскія общества не часто могутъ ошибаться въ своихъ постановленіяхъ. Конокрады, напримѣръ, какъ подлинные враги хозяйства, даже прямо убиваются обществами на смерть, и для людей такого сорта ссылка по приговору общества можетъ почитаться еще милосердіемъ и снисхожденіемъ. Но кто же не знаетъ значенія такъ-называемаго *воротилы* въ нашихъ сельскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ? Нѣтъ ли въ этихъ сотняхъ тысячъ по приговорамъ сосланныхъ людей

*) Томъ II, стр. 595.

и такихъ, которые сосланы міромъ, обществомъ, единственно вслѣдствіе желѣзныхъ путъ, которыми воротила закабалилъ все сельское общество? Да и вообще, въ чемъ собственно выражаются *вкусы* относительно ссылаемыхъ лицъ тѣхъ ссылателей, которые находятъ невозможнымъ или неудовлетворительнымъ простое преданіе «вредныхъ имъ» лицъ суду и слѣдствію? По суду ссылается (1867 — 76 г.) только *семь* тысячъ, а «*по вкусу*»—*семьдесятъ восемь тысячъ*. Чего же смотритъ судъ-то?—могутъ сказать на это.

Господинъ Бунаковъ попадаетъ въ Сибирь послѣ того, какъ онъ самъ привезъ на вокзалъ свою мертвую любовницу въ мѣшкѣ, т.-е. ужъ окончательно не могъ притворяться долѣе человѣкомъ религіознаго направленія и почетнымъ гражданиномъ; теперь только на судѣ можно будетъ знать подробно всю его 50-ти-лѣтнюю біографію. Почему же онъ могъ такъ долго не быть высланнымъ «по общественному приговору», если вся его дѣятельность была противозаконна и когда на глазахъ *общества* онъ былъ виноватъ постоянно и на каждомъ шагу: онъ взялъ у крестьянъ деньги на покупку для нихъ земли и купилъ ее на свое имя, при чемъ государственные и земскіе платежи платили за него тѣ, у кого онъ обманомъ оттягалъ землю; пожертвовавъ изъ этихъ земель 300 дес. на школу, онъ получилъ почетное гражданство въ то самое время, когда сидѣлъ въ тюрьмѣ за покушеніе на убійство; совершая явно, «на глазахъ всего общества», всѣ эти явно беззаконныя дѣянія, онъ могъ быть предсѣдателемъ земской управы. Кого же «*общества*» ссылаютъ, если Бунаковы могутъ быть предсѣдателями? Точно ли ужъ такъ чиста «общественная совѣсть», что ей въ теченіе десяти лѣтъ опротивѣло цѣлыхъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ за то же время законный судъ могъ набрать только семь тысячъ виноватыхъ? Неужели же судъ, еле-еле наловивъ семь тысячъ, проглядѣлъ восемьдесятъ тысячъ такихъ молодцовъ, съ которыми ничего нельзя подѣлать иначе, какъ сослать въ Сибирь?

Явленіе, какъ видите, весьма многосложное и достойное вниманія, но пока нѣтъ рѣчи даже и объ его выясненіи. Каждый годъ въ Западную Сибирь прибываютъ тысячи ссыльныхъ, на которыхъ разсердилось «общество», и покоя не даютъ кореннымъ обывателямъ Западной Сибири. Биткомъ набили ее, бѣдную, этимъ безпріютнымъ народомъ. Необходимо принять во вниманіе, что Западная Сибирь не вся

подвержена этому бѣдствію. Степное генералъ-губернаторство освобождено отъ водворенія ссыльныхъ; исключенъ изъ числа мѣстъ ссылки также весь Алтайскій округъ, т.-е. больше половины всей Томской губ.; кромѣ того ссыльные почти не водворяются въ Березовскомъ и Сургутскомъ округахъ Тобольской губ., тогда какъ, при общей площади губерніи въ 26.749 кв. миль, на эти округа приходится 18.375 кв. м. Остаются такимъ образомъ для приселенія ссыльныхъ третья часть Тобольской губ. и менѣе половины Томской. Въ этихъ мѣстностяхъ можно по закону водворять ссыльныхъ только тамъ, гдѣ надѣлъ не ниже 18 д. на душу *), и *притомъ въ такой пропорціи*, чтобы численность ссыльныхъ *не превышала* $^1/_5$ *численности кореннаго населенія*. Этотъ до сихъ поръ существующій законъ давнымъ-давно нарушенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Генералъ-губернаторъ Казнаковъ (1881 г.), *въ виду крайности*, допустилъ приселеніе въ размѣрѣ $^1/_3$ сравнительно съ количествомъ коренныхъ жителей, и все-таки приселеніе превзошло и эту норму. Такихъ волостей, въ которыхъ по вышеупомянутому закону (18 д.) можно водворять ссыльныхъ, во всей Тобольской губ. считается 110, коренное населеніе которыхъ составляетъ до 262.000 душъ. По закону, одна пятая будетъ равна 50 тысячамъ человѣкъ съ сотнями, но по 1887 годъ сюда водворено уже 72.082 д., то-есть болѣе противъ нормы на 19.684 д. Въ Тюкалинскомъ уѣздѣ (въ томъ самомъ, гдѣ грабителей напало на обозъ *такъ много*, что ямщики разбѣжались) на 46.000 душъ числится 16.639, т.-е. уже болѣе даже и $^1/_3$.

И въ то же время въ эти по всѣмъ законамъ и нормамъ не подлежащія уже для приселенія мѣста ежегодно вливается ссылаемый «по вкусу, а не по суду» народъ все въ большемъ и большемъ количествѣ: въ 1875 г. количество ссыльныхъ было 4.500, а въ 1886 г.—6.777, въ настоящее время, навѣрное, уже вдвое.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что такой народъ—великое зло для ни въ чемъ неповиннаго и трудящагося крестьянства, читатель, можетъ-быть, въ то же время не рѣшится все-таки не принять во вниманіе, что какой бы тамъ ни былъ этотъ сортъ ссыльнаго, а онъ все-таки, получая землю,

*) Т.-е. 15 дес. на душу мѣстнаго жителя и 3 д. на случай приселенія ссыльнаго, пять домохозяевъ отдѣляютъ въ его пользу по 3 д. и образуютъ ему такой же, какъ и у нихъ, 15-ти-десят. надѣлъ. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ спеціальной статьи о ссылкѣ въ № 8 «С. Г.», 1888.

превращается также въ крестьянина, населяетъ землю и слѣдовательно оживляетъ пустынныя мѣста. Такъ долженъ думать читатель, который не привыкъ входить въ подробности, а привыкъ быть довольнымъ, если мы вообще, какъ бы тамъ ни было, расширяемся и умножаемся. Но—увы!—даже и такія мечтанія патріота-читателя окажутся не имѣющими ни малѣйшаго основанія, если только онъ войдетъ въ подробности дѣла. Если какое бы то ни было сельское «общество» имѣетъ право выгнать отъ себя «вреднаго члена», то точно такое же право имѣетъ и то сельское общество, въ которое этого вреднаго члена желаютъ водворить. Какъ русское, такъ и сибирское общества пользуются однимъ и тѣмъ же правомъ—высылки человѣка, который имъ не по вкусу. Мнѣ передавали лица, близко знакомыя съ дѣломъ, что учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольскѣ и Томскѣ завалены ходатайствами сельскихъ обществъ Западной Сибири о выселеніи этихъ незваныхъ-непрошеныхъ людей. Если такія ходатайства удовлетворяются въ Европейской Россіи, то они должны удовлетворяться и въ Западной Сибири, и вслѣдствіе этого на землѣ дѣйствительно остается только 5% ссыльнаго люда,—все же остальное количество образуетъ огромное бродяжное полчище и массу рабочихъ рукъ, покупаемыхъ сибирскимъ предпринимателемъ за такія цѣны, какія ему вздумается дать, «во всякомъ случаѣ дешевле пареной рѣпы».

Кромѣ самаго законнаго желанія не имѣть въ своемъ обществѣ вредныхъ элементовъ, на чемъ основана увѣренность, что крестьяне-старожилы, коренные жители мѣстъ, обработанныхъ трудами цѣлыхъ поколѣній, будутъ охотно раздавать изъ своихъ земель участки для какихъ-то темныхъ людей, ссылаемыхъ, т.-е., очевидно, ненужныхъ тамъ, гдѣ они были? Вѣдь тѣ же общества, за одно только причисленіе къ своему составу *переселенцевъ*, людей вовсе не темнаго сорта, брали по пятидесяти рублей съ семьи, и только тогда, когда у нихъ самихъ земли было болѣе чѣмъ достаточно! Почему же они будутъ покоряться какой-то непонятной необходимости—собственными руками устраивать собственное свое разстройство, отдавать свою землю даромъ такому постороннему, пришлому лицу, которое оказалось негоднымъ для общества такихъ же крестьянъ и хозяйственныхъ людей, какъ они сами? Не трудно представить то «вниманіе» сибирскихъ обществъ, которое они могутъ оказывать выброшеннымъ, оставленнымъ безъ вни-

манія обществами крестьянства Европейской Россіи. Стоитъ на минуту представить себя среди такой недружелюбной среды, чтобы уйти куда глаза глядятъ отъ этого «надѣла», который надо отрывать у 5-ти человѣкъ, т.-е. нажить прямо пять самыхъ задушевныхъ враговъ. Не уйди сосланный «по вкусу» добровольно на заработки въ городъ, его выдворятъ приговоромъ, и вотъ, хотя по бумагамъ и числится, что «водворено» множество народа, но на дѣлѣ это несмѣтное множество только «выдворено» изъ всѣхъ пространствъ Европейской и Азіатской Россіи. Въ то же время, такое положеніе человѣка, который оказался ненужнымъ, во-первыхъ, обществу россійскому, во-вторыхъ, обществу сибирскому, въ-третьихъ, не подлежащимъ суду, въ-четвертыхъ, не имѣющимъ права даже на тюрьму и паекъ,—такое положеніе прямо обязываетъ его стать на нейтральную почву, т.-е. жить внѣ общества, внѣ тюрьмы, внѣ суда. Каждый годъ строить новыя тюрьмы на 7.000 человѣкъ—дѣло невозможное; впору только въ существующихъ «каталажкахъ» дать время «погрѣться» нейтральному человѣку, и то не больше трехъ дней, потому что не хватаетъ мѣстъ для всѣхъ, достойныхъ «каталажки». Вотъ почему Колывань ссылаетъ свои вредные элементы въ Тюкалинскъ, а взамѣнъ этого подарка получаетъ всѣ тюкалинскіе вредные элементы, съ прибавкою каинскихъ, которыми и спѣшитъ опять обмѣняться съ своими добрыми сосѣдями. Тюрьма не можетъ поглотить этого рода ссыльныхъ, и эти выброшенные жизнью «въ пространство» десятки тысячъ людей, запутавшихся въ безчисленныхъ грѣхахъ съ голода и холода, наполняютъ фабрики, заводы и гибнутъ на пріискахъ. Но извѣстная часть ихъ предпочитаетъ пользоваться своимъ положеніемъ инымъ способомъ, налагая на мѣстныхъ обывателей своего рода ясакъ: срѣзываетъ тюки и короба съ товарами и заставляетъ выкупать ихъ у себя, воруетъ лошадей и тоже заставляетъ выкупать у себя же,—словомъ, продѣлываетъ все, что выработала долголѣтняя бродячая жизнь.

XVII. Опять «прискорбное недоразумѣніе» и... конецъ путешествію!

Незамѣтно, потихоньку и помаленьку, накоплялось на душѣ много тяжкихъ и скорбныхъ впечатлѣній о видѣнномъ, слышанномъ и читанномъ въ короткое время поѣздки, и сибирская жизнь, едва мелькнувшая предъ моими глазами, съ каждой минутой, приближавшей поѣздку къ концу, все ярче и ярче выяснялась во всѣхъ ея многочисленныхъ и многосложныхъ особенностяхъ. Хотѣлось бы воротиться, пожить подольше, побольше видѣть, и хотѣлось этого особенно тогда, когда бѣшеная тройка, несмотря на непроходимую грязь, лужи, похожія на озера, мчала меня уже къ Тюмени, затѣмъ и по Тюмени, и примчала на вокзалъ. Огоньки переселенческихъ бараковъ, мелькнувшіе въ сторонѣ дороги, среди непроницаемаго мрака темнаго августовскаго поздняго вечера, еще сильнѣе взяли за живое и увеличили огорченіе разлуки со всѣмъ «страждущимъ и обремененнымъ»,—что и есть «главное и особенное» въ сибирской жизни. Томила меня тоска—о возможности когда-нибудь еще разъ видѣть «сибирскую жизнь»—и на желѣзной дорогѣ, возбуждая желаніе, чтобы поѣздъ не такъ быстро мчалъ назадъ, не такъ безжалостно отрывалъ отъ только-что воспринятыхъ впечатлѣній. Не знаю, въ какомъ настроеніи доѣхалъ бы я до центра отечества, если бы отечественная жизнь не изобиловала такъ-называемыми «прискорбными недоразумѣніями», одно изъ которыхъ и не замедлило совершиться.

Когда уже было совсѣмъ темно, равномѣрный шумъ въ глубокихъ водахъ рѣки Камы пароходныхъ колесъ и машины вдругъ превратился въ какую-то шумную сутолоку: послышались пронзительные свистки, пароходъ закачало, вода заплескала въ окна, и наконецъ весь корпусъ парохода потрясло до основанія. Очевидно, онъ крѣпко ударился во что-то и сталъ.

— Конкуренція! Очень просто!—говорилъ тономъ знатока какой-то изъ пассажировъ, когда всѣ бывшіе на пароходѣ, толкая и давя другъ друга, всею массой высыпали на верхнюю палубу.

Тьма была глубокая.

— Ему, подлецу, даютъ свисткомъ сигналъ—«помоги!», а онъ ишь претъ, ухомъ не ведетъ!—говоритъ еще кто-то, но кто, разобрать было нельзя.—Чѣмъ бы помочь намъ...

«Онъ» былъ чей-то пароходъ, который, во-первыхъ, наскочилъ на нашъ, не предупредивъ никакими знаками, и, во-вторыхъ, шелъ, не обращая на насъ никакого вниманія. Баржа его едва не разбила корму нашего парохода.

— Это что вы изволите говорить? Чтобы, то-есть, онъ помогъ намъ?

— Да! Я говорю: ему, подлецу, свистятъ—«помоги!», а онъ...

— А онъ и ухомъ не ведетъ?

— Видите, претъ, точно не слышитъ!

— А вы желаете, чтобы вамъ помогъ конкурентъ-то?

— Конечно, долженъ помочь!

Не давъ договорить фразы, невидимый возражатель расхохотался самымъ отчаяннымъ смѣхомъ.

— Помогъ? конкурентъ-то? Ха-ха-ха!.. Боже милосердный! Это чтобы конкурентъ-то помогъ?.. Ха-ха-ха!.. Просто отчихаться не могу, что вы сказали!

Этотъ смѣхотворъ дѣйствительно и хохоталъ, и кашлялъ, и чахалъ. Съ хохотомъ и чиханьемъ онъ, оттѣсненный толпой отъ собесѣдника, не преминулъ однакожъ прокричать ему откуда-то изъ дальняго угла:

— Вотъ, если бы вы пожелали, чтобы васъ съ пароходомъ ко дну пустить, или, напримѣръ, пополамъ разсадить пароходъ, вотъ это бы онъ «съ удовольствіемъ»! Сдѣлайте одолженіе!.. А вы желаете, чтобы помогъ? спасъ? конкурентъ-то?.. Конкурентъ чтобы спасъ, да? Чтобы дьяволъ вамъ слюбезничалъ? сатана-то чтобы подобрѣлъ? Ужъ это напрасно! Не такія времена!.. Разсадить, утопить—такъ! А то, чтобы...

Скоро совсѣмъ не стало слышно его рѣчи, хотя его хохотъ и чиханье опять слышались откуда-то долгое время. Его болтовня развеселила публику, да и я чувствовалъ себя очень хорошо, потому что ясно видѣлъ, что мы застряли на весьма продолжительное время. Пароходъ такъ солидно врѣзался въ берегъ и сомъ, что верхняя палуба его была замѣтно поката. Куда мы врѣзались, за темнотою нельзя было разобрать, но съ берега уже доносились человѣческіе голоса: слышались слова и рѣчи, исполненныя «меда и дегтя» по отношенію къ пароходу «вообще» и въ особенности недоброжелательныя къ пароходному начальству.

— Вотъ такъ ловко воткнулся! Посиди, погуляй тутъ у насъ съ недѣльку!

— Такъ васъ и надо, мошенниковъ! Только съ насъ де-

рете! А-а-а! воткнулся!—оралъ въ глубокой тьмѣ, очевидно, чей-то пьяный голосъ.

— Капитанъ! — зѣвалъ кто-то звѣрскимъ хрипомъ. — Деньги отдай, слышь? Протоколъ составлю!

— За что деньги?—спрашивалъ кто-то изъ пассажировъ.

— У меня плотъ на этомъ мѣстѣ стоялъ двѣсти деревъ! За что! Я васъ проберу! Капитанъ, выходи! Деньги отдавай!

— Прр-тколъ на нихъ, подлецовъ!

Такія недружескія отношенія берега къ пароходу производили далеко не благопріятное впечатлѣніе и отнюдь не сулили скораго избавленія отъ бѣды, и я видѣлъ, что, благодаря участію судьбы, я имѣю время не вдругъ попасть въ «срединныя мѣста».

— Чего тамъ орете?—сказалъ наконецъ капитанъ невидимымъ существамъ.—Какіе плоты? Что врешь, оселъ? Сколько васъ тамъ? Берите по рублю на человѣка, идите работать!

— Ребята! Слышь! по рублю!

Въ темнотѣ слышно шлепанье по грязи множества босыхъ ногъ.

— Ру-у-у-б-лю!—въ кулакъ гудитъ кто-то.

— Ау!

И какъ бы съ горы шлепаются звонко и плотно въ грязь эти босыя ноги. «Рубль», очевидно, дѣйствуетъ.

— Живѣй, живѣй!—понукалъ капитанъ.

Скоро засвѣтился на берегу фонарь, очертились облики какихъ-то темныхъ фигуръ.

— Водочки по стаканчику, ваше благородіе! Въ холодную воду лѣзть надо!

Скоро явилась и водка; враждебнаго тона какъ не бывало. Деготь кончился, начался медъ.

— Благодаримъ покорно! Дай Богъ вамъ!

— Ну, ладно, ладно, живѣй! Шевелись!

На берегу появились еще фонари; босые люди въ рваныхъ рубахахъ и штанахъ полѣзли въ холодную воду. Въ рукахъ у нихъ были какія-то жерди, которыя, сравнительно съ огромными размѣрами обнаружившейся, благодаря мели, носовой части парохода, казались просто зубочистками. Нельзя было и мысли допустить, чтобы эти зубочистки могли совершить что-нибудь путное съ этою массой желѣза, которая плотно, со всего разбѣга, была втиснута въ крутой берегъ изъ цѣпкой, желѣзистой глины. Рѣшивъ, что съ этими зубочистками микроскопическія фигурки рабочихъ не

совершатъ ничего путнаго, я ушелъ въ свою каюту и предпочелъ лечь спать. Крики, «охи» и всѣ тѣ разнороднѣйшіе звуки, облегчающіе тяжелый народный трудъ, доносившіеся въ круглое открытое окно, нимало не безпокоили меня. Я начиналъ уже дремать, когда пароходъ вдругъ шевельнулся, осѣлъ въ воду и поплылъ. И тотчасъ же съ берега понеслись опять самыя несимпатичныя для парохода слова.

— Стой! Отдай деньги!

— Деньги отдай! Дьяволы этакіе!

— Ребята, уходитъ! Не пущай!

— Садись въ лодку!

— Протоколъ! Стой!

— Гони, ребята! Уйдетъ!

Но пароходъ не ушелъ. Въ то же круглое окно очень скоро послышались опять медовыя рѣчи. Мужики, подплывшіе на лодкѣ, вѣроятно, полностью получили деньги.

— Благодаримъ покорно!

— Дай Бой, вашскобродіе, много лѣтъ!

— Счастливо!

— Дай вамъ Господи!

И пароходъ понесся еще быстрѣе прежняго, стараясь наверстать «опозданіе», да и мѣсяцъ, къ тому же, выглянулъ откуда-то крошечною точкой свѣта.

«Нѣтъ, — подумалъ я: — мчитъ-таки въ страну сѣвера!»

И съ этой минуты мысли мои невольно также пошли въ «обратный путь», къ интересамъ жизни уже «невиноватой Руси».

II. Отъ Оренбурга до Уфы.

1890 г.

I. «Башкиръ пропадаетъ».

— Пропадетъ башкиръ, пропадетъ! Безпремѣнно пропадетъ этотъ самый башкиръ!

Вотъ одна изъ тѣхъ особенностей, характеризующихъ современное положеніе Оренбургскаго края, о которой, прежде всего другого, всесословная молва встрѣчныхъ людей всякаго званія, какъ говорится, «прожужжитъ уши» всякому, незнакомому съ этимъ любопытнѣйшимъ краемъ, разъ этотъ пришлецъ пожелаетъ что-нибудь разузнать о немъ.

Гибель башкира, начатая хищникомъ побольше сотни лѣтъ тому назадъ и уже на нашемъ вѣку выразившаяся въ самыхъ безстыжихъ размѣрахъ и пріемахъ, не требуетъ подробнаго изложенія, во-первыхъ, потому, что оно не исчерпано даже и въ двухъ томахъ добросовѣстнѣйшаго труда Н. В. Ремезова, а во-вторыхъ, потому, что у всякаго впечатлительнаго русскаго человѣка позорное дѣло расхищенія башкирскихъ земель оставило столь неизгладимое впечатлѣніе, что никогда не забудется и безъ напоминанія объ этомъ позорѣ.

Въ общихъ чертахъ можно сказать только одно, что «подлогъ» есть первоначальникъ такъ-называемой культуры Оренбургскаго края. Онъ есть то зерно, которое первымъ занесено изъ нѣдръ нашего отечества на дѣвственную почву башкирскихъ земель и которое, разрастаясь тончайшими и безчисленными нитями своихъ безчисленнѣйшихъ вѣтвей и отростковъ, опутавъ взаимныя отношенія людей хищническаго общества, сумѣло прорасти и въ оберегающія законъ учрежденія, разраслось и здѣсь и переплелось отрост-

ками и вѣтвями въ единую, темную, дремучую, какъ глухой темный лѣсъ, кляузу.

Учрежденіе Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ, кажется, должно приступить къ расчисткѣ этого дремучаго лѣса. На основаніи беззаконныхъ, подложныхъ документовъ на владѣніе похищенной у башкиръ земли, можно было десятки лѣтъ эксплоатировать такъ или иначе беззаконно захваченную землю, имѣя дѣло лишь съ частными лицами. Банки уже не то, что частныя лица, и, чтобы дать денегъ подъ залогъ частнаго имущества или же пріобрѣсти это имущество для переселенцевъ, банкъ долженъ имѣть въ рукахъ дѣйствительно *подлинные* документы на владѣніе. Но вотъ такихъ-то документовъ немалое количество владѣльцевъ, повидимому, вовсе не имѣетъ. Въ бытность мою въ Уфѣ, общественное мнѣніе было сильно взволновано дѣломъ, касавшимся именно этихъ подлинныхъ документовъ, необходимыхъ для представленія въ Дворянскій банкъ, изъ котораго долговременный владѣлецъ обширной земельной собственности желалъ получить солидныхъ размѣровъ ссуду. Административный совѣтъ, которому подлежитъ рѣшить, *можно ли признать землю, предлагаемую въ залогъ, выдѣленною изъ башкирскихъ владѣній, или нельзя?*—распался, какъ гласитъ молва, на двѣ совершенно враждебныя партіи: трое стоятъ за невозможность утвердительнаго отвѣта, остальное же большинство упорно отстаиваетъ владѣльческія права, хотя представитель межевого дѣла, послѣ самаго тщательнаго изученія всей продолжительной тяжбы владѣльца за свое право со всевозможными «инстанціями», могъ вывести только *предположеніе*, что земля «*должно-быть*» или «*кажется*» принадлежитъ владѣльцу. А матеріалы для такого заключенія—цѣлыя горы бумажной переписки за цѣлые десятки лѣтъ!

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такіе *неподлинные* владѣльческіе документы замучаютъ безконечными и въ то же время безплоднѣйшими, продолжительнѣйшими хлопотами новыя кредитныя поземельныя учрежденія и въ особенности изнурятъ переселенцевъ ожиданіемъ той отдаленной (вслѣдствіе канцелярской проволочки) минуты, когда можно будетъ узнать, продадутъ имъ или не продадутъ подлежащій сомнѣнію участокъ? Замучаютъ и изнурятъ эти «неподлинные документы» главнымъ образомъ потому, что, во множествѣ случаевъ, они имѣютъ формальныя достоинства вполнѣ подлинныхъ документовъ.

Множество владѣльцевъ, въ родѣ Бунакова, имѣютъ въ рукахъ *приговоры* башкирскихъ обществъ о продажѣ ими участковъ тѣмъ или другимъ лицамъ, и такія лица имѣютъ полное право и продавать свои владѣнія и закладывать ихъ безъ всякой опаски, что̀ и практиковалось ими безпрепятственно до настоящей минуты. Препятствія, безъ всякаго сомнѣнія, были, и не одинъ приговоръ оспаривался башкирами судебнымъ порядкомъ, а иногда и явнымъ сопротивленіемъ, но общее хищническое направленіе идей всегда умѣло достойнымъ образомъ покарать протестующихъ. Напуганные этою карой, башкиры притихали на долгое время, но явная гибель, которая грозитъ имъ, повидимому, вновь возбуждаетъ въ нихъ стремленіе къ протесту, такъ какъ и сейчасъ всесословная молва толкуетъ о томъ, будто бы въ высшихъ правительственныхъ сферахъ найдено необходимымъ начать провѣрку не только документовъ на владѣніе явно неподлинныхъ, но и такихъ, которые вполнѣ безукоризненны въ формальномъ отношеніи.

Но если бы даже башкиры и могли, паче чаянія, имѣть какой-нибудь успѣхъ въ возвращеніи своихъ владѣльческихъ правъ, все-таки нельзя не видѣть, что успѣхъ этотъ будетъ дѣломъ случайнымъ и во всякомъ случаѣ запоздалымъ. Возвративъ незаконно отнятую территорію, башкиръ непремѣнно долженъ отнять ее законнымъ порядкомъ, такъ какъ ему нужны деньги, такъ какъ деньги-то и испортили его.

Началъ онъ свою погибель съ семикопеечной аренды, отдавая тысячи десятинъ земли за тысячи копеекъ. Несомнѣнно, что копейка убавила размѣры его личныхъ заботъ и положила начало любви къ праздности; поэтому, когда вмѣсто копеекъ стали предлагать башкиру рубли, онъ уже не могъ не соблазниться ими. За долгосрочными копеечными арендами пошли рублевыя покупки на вѣчныя времена. Покупки навсегда отняли у башкира огромнѣйшія территоріи его владѣній, и, зная теперь, что онъ уже не хозяинъ въ этихъ владѣніяхъ, онъ передвинулся отъ нихъ подальше, на новыя, дѣвственныя мѣста. Но и тутъ не могъ угаснуть въ немъ аппетитъ къ копейкѣ и рублю, тѣмъ болѣе, что появился новый возбудитель этого аппетита.

Прежде былъ хищникъ, теперь пришелъ переселенецъ и сталъ предлагать башкиру гораздо большее количество копеекъ за десятину земли, чѣмъ давалъ хищникъ. Хищникъ давалъ семь копеекъ, а переселенецъ семьдесятъ, т.-е. не-

много меньше той цѣны, за которую башкиръ не такъ давно рѣшался продавать землю на вѣчныя времена. Какъ не отдать въ аренду и той земли, на которую башкиръ только-что передвинулся? И отдаетъ башкиръ опять новыя огромныя территоріи, отдаетъ пока только въ аренду, но идутъ года, и приходитъ опять сокрушитель башкира, настигаетъ его тотъ же переселенецъ, которому опять стало мало земли и который опять суетъ башкиру деньги за аренду.

Привыкнувъ уже къ рублямъ, къ сотнямъ и тысячамъ рублей, башкиръ теперь, при послѣднемъ, такъ сказать, издыханіи, сталъ «драть» за аренду подъ озимое не меньше какъ рубля по три, по четыре, чувствуя, что пришлецы «нуждаются» въ землѣ, что она примыкаетъ къ арендованной или купленной ими чрезъ Крестьянскій банкъ. Но не хватитъ у него, разслабленнаго въ своихъ хозяйственныхъ порядкахъ притокомъ денегъ, т.-е. правомъ бездѣлія, силъ противостоять соблазну, который неминуемо предстанетъ предъ нимъ. Переселенцы разсчитутъ, что высокая аренда тяжела для нихъ, и что лучше и эту новую, подходящую землю прикупить. И вотъ опять башкиръ передвинется подальше въ четвертый разъ, и опять туда придетъ бородатый человѣкъ, потолковать насчетъ «земельки».

Велики, конечно, тѣ пространства большихъ башкирскихъ владѣній, куда отодвигается понемногу башкиръ, но велики и силы, наступающія на него, и, разъ онъ не сумѣлъ такъ или иначе противостать этимъ силамъ, будущность не сулитъ ему ничего иного, кромѣ оправданія пророчества и предвѣщаній, которыя сулятъ башкиру новоселы.

— Пропадетъ башкиръ, пропадетъ! Безпремѣнно долженъ пропасть этотъ самый башкиръ!—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ предвѣщаетъ новый житель покинутыхъ башкиромъ пространствъ и, пожалѣвъ «пропащаго» нехристя, перекрестившись, беретъ въ руки топоръ.

— Ну-ка, Господи, благослови!—молвитъ онъ съ обычнымъ облегчающимъ грудь передыханіемъ и начинаетъ, благословясь, валить подъ корень первое дерево для сруба своей собственной избы на покинутой «пропащимъ» башкиромъ дѣвственной землѣ.

II. Просторъ и безлюдье.

Въ настоящее время весьма обстоятельно выяснено, что переселенческое движеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній прежде всего направилось въ Оренбургскій край. Жадное и поспѣшное расхищеніе башкирскихъ земель не можетъ быть понято во всемъ объемѣ, если не принять во вниманіе, что хищникъ, захватывая огромныя и въ тѣ времена дѣйствительно почти необитаемыя пространства башкирской земли, совершалъ это дѣло съ самыми опредѣленными и очевидными цѣлями; онъ зналъ, что необитаемыя мѣста не останутся необитаемыми, и что въ самомъ непродолжительномъ времени придутъ арендовать и покупать ихъ несмѣтныя массы до-зарѣзу нуждающагося въ землѣ крестьянства.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что нуждающійся въ землѣ человѣкъ былъ давно уже запримѣченъ хищнымъ глазомъ хищнаго человѣка, и хотя во времена расхищеній такой человѣкъ появлялся въ краѣ еще въ самомъ незначительномъ количествѣ, а видомъ своимъ и нищенскимъ попрошайничествомъ «Христа ради» ни въ какой степени не походилъ ни на арендатора ни на покупателя,—хищный глазъ видѣлъ уже, что именно этотъ-то нищій въ самомъ скоромъ времени и станетъ оплачивать каждую затраченную имъ копейку полнымъ рублемъ. Могущество всякаго кулака, всякое хищническое богатство всегда созидается бѣднымъ, нищимъ человѣкомъ, и оренбургскіе хищники башкирскихъ земель не могли быть исключеніемъ изъ общаго правила.

Мы знаемъ, что хищное чутье и предвидѣніе не обманули хищниковъ. Первая переселенческая станція была устроена какъ разъ въ преддверіи Оренбургскаго края, въ Сызрани, устроена гораздо ранѣе такихъ же станцій въ Тюмени и Томскѣ. Извѣстно также, что въ первые два-три года въ отчетахъ сызранской станціи количество прослѣдовавшихъ чрезъ нее переселенцевъ значилось уже въ тысячахъ семействъ. Съ тѣхъ поръ движеніе въ Оренбургскій край шло непрерывно и непрерывно идетъ по сей день; ниоткуда не было такого обилія корреспонденцій и цѣлыхъ статей (особенно въ провинціальныхъ изданіяхъ), касавшихся переселенческаго вопроса, какъ именно изъ Оренбургскаго края. Казалось бы, что въ настоящее время, т.-е. въ наши дни, пустопорожнія башкирскія земли должны

быть уже достаточно заселены переселенцами изъ внутреннихъ губерній, и что пустыни постепенно превращаются въ жилыя и оживленныя человѣкомъ мѣста. Но въ дѣйствительности, несмотря на то, что заселеніе идетъ безостановочно и особенно усилилось послѣ учрежденія Крестьянскаго банка, все-таки четыреста верстъ пути отъ Оренбурга до Уфы, по мѣстности, наиболѣе населенной переселенцами (она прилегаетъ къ большой дорогѣ), иногда поистинѣ очаровательной, далеко не изобилуютъ человѣческимъ жильемъ и не часто радуютъ встрѣчей съ прохожимъ или проѣзжимъ новоселомъ.

Объясненіе такой видимой безлюдности, при непрестанномъ притокѣ переселенцевъ, таится въ размѣрахъ арендуемой и покупаемой пришлыми крестьянами земли. Свѣдѣнія объ этихъ размѣрахъ мы находимъ въ замѣткѣ К. Е. Сувчинскаго (завѣдующаго оренбургской переселенческой станціей): «Переселенцы въ Оренбургской губерніи», напечатанной въ настоящемъ 1889 году. Свѣдѣнія, собранныя въ этой замѣткѣ, относятся къ 1886 г., при чемъ, по сообщеніямъ волостныхъ и станичныхъ правленій, количество переселенцевъ обоего пола исчислено въ 109.185 душъ; но г. Сувчинскій, приведя эту цифру, отрицаетъ ея подлинность и утверждаетъ, что *дѣйствительная* цифра новоселовъ была къ 1886 г. значительно больше, именно — отъ 150 до 180 тысячъ. Къ тому же времени, изъ общаго числа переселенцевъ, 73.831 душа *) успѣли уже образовать 437 хуторовъ, преимущественно на арендованной землѣ; количество же общаго пространства заарендованной переселенцами земли, опредѣленное по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ уѣздовъ Оренбургской губерніи, выражается въ размѣрахъ, невозможныхъ для крестьянъ внутреннихъ губерній, именно: въ Троицкомъ уѣздѣ приходится *на дворъ* 38 дес., въ Челябинскомъ 28 дес., въ Орскомъ 33, въ Оренбургскомъ 22, въ Верхнеуральскомъ 18, а въ среднемъ выводѣ 26 дес. на каждый дворъ», при чемъ *дворъ* означаетъ извѣстное количество *платежныхъ, а не наличныхъ* душъ.

Такимъ образомъ оказывается, что крестьянскій дворъ внутреннихъ губерній — положимъ, въ *три* платежныхъ души — имѣетъ только 9 дес., въ 5 душъ — 15 дес., и то

*) Относительно остальныхъ тысячъ переселенцевъ сказано, что они «проживаютъ среди болѣе богатаго мѣстнаго населенія, большею частью въ качествѣ работниковъ, такъ какъ не имѣютъ средствъ обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ» (стр. 3)

въ самомъ счастливомъ случаѣ; тогда какъ *дворъ* Оренбургскаго переселенца, въ среднемъ выводѣ, имѣетъ 26 дес., т.-е. почти столько, сколько крестьянинъ внутреннихъ губерній могъ бы имѣть на 10 платежныхъ душъ, а такія семьи едва ли возможны, такъ какъ при 10 *платежныхъ* душахъ *наличныхъ* должно быть болѣе, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ *), а такихъ патріархальныхъ семей давнымъ-давно нѣтъ въ черноземной Россіи и въ поминѣ. Слѣдовательно дворъ примѣрно въ 3 платежныхъ души имѣетъ въ Оренбургской губ. втрое болѣе земли, чѣмъ дворъ крестьянина внутреннихъ губерній, и вдвое болѣе, чѣмъ дворъ, имѣющій 5 платежныхъ душъ.

Всѣ эти цифры, показывающія число переселенцевъ, хуторовъ и пространства заарендованной земли, относятся, какъ сказано, къ 1886 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ всѣ эти числа увеличились въ значительныхъ размѣрахъ, чему особенно помогло учрежденіе Крестьянскаго банка, который въ 1886 г. могъ уже содѣйствовать покупкѣ переселенцами 5.893 десятинъ, при чемъ число платежныхъ душъ было 1.886, имѣвшихъ 321 дворъ, въ 11 хуторахъ, основавшихся пока въ одномъ изъ уѣздовъ губерніи, именно Оренбургскомъ.

Принявъ во вниманіе, что новыя, послѣ 1886 г., аренды и покупки нимало не стѣснили переселенцевъ въ размѣрахъ подворнаго количества земли (этому нѣтъ никакихъ основаній, — земли многое множество), можно будетъ легко понять, почему безлюдность и обширность безлюдныхъ пространствъ бросается въ глаза постороннему наблюдателю, прежде чѣмъ онъ запримѣтитъ тѣ три-четыре землянки новоселовъ, которымъ принадлежитъ эта огромная территорія, предусмотрительно запасенная не только для наличнаго количества душъ, но и для будущихъ поколѣній, которыя, несомнѣнно, будутъ множиться. Четыре землянки, едва примѣтныя даже и на самомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи, владѣя земельнымъ надѣломъ хотя бы только на двѣ платежныхъ души на каждый дворъ, теряются со всѣмъ своимъ населеніемъ далеко въ немаломъ пространствѣ двухсотъ десятинъ принадлежащихъ имъ владѣній. Хуторъ въ пятьдесятъ платежныхъ душъ владѣетъ уже тысячами десятинъ, о чемъ въ великороссійскихъ губерніяхъ крестья-

---

*) Въ одномъ товариществѣ, купившемъ землю при содѣйствіи Крестьянскаго банка, *платежныхъ душъ* считается 50, а наличныхъ — мужского пола 170, а женскаго 173 — всего же 343 *ѣдока*.

нину и во снѣ не приснится. Иногда владѣнія новоселовъ тянутся и въ ширь и въ даль на нѣсколько верстъ и вообще такъ обширны, что всему наличному количеству жителей вплоть до ребятишекъ, если бы оно сосредоточилось для работъ въ одномъ мѣстѣ или разбрелось для той же цѣли по огромной территоріи, можно было бы только потеряться среди этихъ обширныхъ пространствъ, но ужъ никакъ не оживить ихъ, — такъ малочисленно населеніе, сравнительно съ размѣрами арендуемой имъ земли.

Въ нынѣшнемъ (89) году пустынность простора и безлюдность видимыхъ глазомъ земель имѣла, кромѣ обширности владѣній, еще и особенную причину. Три года подъ рядъ надо всѣмъ крестьянскимъ населеніемъ Оренбургскаго края тяготѣлъ неурожай. Не только былъ съѣденъ весь хлѣбъ, но распроданъ почти весь скотъ, и голодовка зимы послѣдняго года въ такой степени была повсемѣстна и ужасна, что правительство вынуждено было на одно только *пропитаніе* голодающихъ израсходовать до 200.000 р. *). «Проѣвъ» все, что можно было проѣсть, крестьянское населеніе постепенно убавляло размѣры посѣва, а въ послѣдній годъ сократило его до послѣдней возможности, такъ какъ и сѣмянъ было почти негдѣ достать, все было съѣдено. Переживъ три ужаснѣйшихъ года, крестьяне и въ нынѣшнемъ году пережили минуты глубокаго отчаянія. Весенніе морозы истребили всю рожь; за морозами начался палящій, изсушающій зной, и надо всѣмъ населеніемъ висѣла видимая и окончательная гибель. Но въ іюнѣ и въ іюлѣ хлынули дожди, и все, что не почахло и не было убито морозомъ, все ожило, и ожилъ упавшій духъ крестьянства, хотя малый посѣвъ, очевидно, не удовлетворитъ не только всѣхъ крестьянскихъ нуждъ, не поправитъ огромнаго хозяйственнаго разстройства, но едва ли будетъ достаточенъ и для домашняго обихода.

Тамъ, гдѣ кромѣ бурьяна ничего не уродилось въ теченіе трехъ лѣтъ, обильно уродилась огромная недоимка, и прежде всего, конечно, Крестьянскому банку, а затѣмъ великому множеству всякаго рода учрежденій, которыя неумолчно теребятъ взысканіями едва-едва устроившихся въ непросох-

---

*) Со словъ крестьянъ, получавшихъ пособія изъ этихъ 200 тыс., можно сообщить, что на каждую живую душу обоего пола и до пятилѣтняго возраста (всего 60 т. д.) выдано было по 2 р. 50 или 60 к., при чемъ предполагалось, что денегъ этихъ должно хватить каждому получившему пособіе на четыре мѣсяца.

шихъ землянкахъ новоселовъ. Что-то нужно получить волостному правленію, что-то требуетъ сельское общество, къ которому приписался хуторъ, и сквозь дебри, едва тронутыя топоромъ, проникаетъ къ землянкамъ уже форменный *«окладной листъ»*. И удивительное дѣло: какой-то невидимый для обитателей землянокъ геній, невѣдомо гдѣ пребывающій, уже съ точностью опредѣлилъ *доходность* мѣстности, которая едва только увидѣла образъ человѣческій и въ которую до появленія переселенцевъ ни единый живой человѣкъ не заѣзживалъ и не захаживалъ. А между тѣмъ невидимое существо съ точностью обозначаетъ цифру доходности, — вотъ она: 963 р. 81 к. Да, даже до копеекъ сосчитана доходность мѣстности, въ которой только-что устроилось нѣсколько землянокъ, и сообразно съ цифрою доходности устанавливается съ нея процентная сумма платежа: столько-то рублей и столько-то копеекъ. Вообще въ землянкахъ новоселовъ уже накопилось такое количество всякаго рода бумагъ, которое, кажется, превосходитъ количество посѣвовъ, предназначенное на покрытіе всякихъ требованій, начертанныхъ на этихъ бумагахъ. Впрочемъ, о внутренней жизни поселковъ и хуторовъ будетъ сказано ниже.

Безлюдье такимъ образомъ увеличилось въ настоящемъ году вслѣдствіе крайне малыхъ размѣровъ запашекъ. Не зачѣмъ ходить въ поле, когда тамъ ничего нѣтъ. Но эти пустынныя мѣстности, открывающіяся взору путника по обѣимъ сторонамъ дороги, вообще такъ всегда хороши, живописны и такъ настойчиво призываютъ человѣка къ привольной жизни, что впечатлѣніе «безлюдья» и «пустынности» совершенно забывается подъ вліяніемъ мечтаній о приближающейся минутѣ полнаго оживленія этихъ прекрасныхъ мѣстъ.

Весь путь отъ Оренбурга до Уфы вообще производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Приволье, просторъ, обиліе силъ природы — чуются даже и въ сравнительно невзрачныхъ мѣстностяхъ, которыя минуешь по дорогѣ. Но иногда, на протяженіи двухъ-трехъ перегоновъ, т. е. сорока-пятидесяти верстъ, случается проѣзжать поистинѣ очаровательныя мѣста, не теряющія своей прелести ни на одну минуту. Мѣста эти большею частью самыя безлюдныя, почти не тронутыя ни плугомъ ни топоромъ, но на каждомъ шагу невольно ощущаешь горячую, любовную заботу природы о томъ, кто непремѣнно долженъ здѣсь жить и для котораго

эта любящая мать-природа приготовила пышную роскошную встрѣчу.

Все, что̀ даетъ человѣку счастье, все до мелочей, кажется, предусмотрѣно этой заботливой матерью, безконечно любящей свое любимое дѣтище — человѣка. Разостлала она пологія, тучныя поля для посѣвовъ, а холмистыя, съ мягкими очертаніями, возвышенности приспособила для всего растущаго, чему нуженъ солнечный припекъ: и луга, пышные и густо заросшіе, придвинула къ студенымъ ключевымъ рѣчкамъ, иногда расширяющимся въ небольшое озерцо; и какъ бы въ охрану всего растущаго отъ жгучихъ вѣтровъ песчаныхъ пустынь, отъ холодныхъ суровыхъ вѣтровъ изъ холодныхъ пустынь сѣвера, повсюду, тамъ, гдѣ, очевидно, было «необходимо», разрастила она чудныя рощицы: дубъ, береза, липа, вязъ — все какъ на подборъ, все «первый сортъ», все сильно, крѣпко, каждый листъ блеститъ полнотою здоровыхъ соковъ; но все это, «выращенное» съ любовной заботой къ человѣку, не рвется въ высь и въ ширь, чтобы затмить полянѣ солнце или чтобы омрачить ее черными, сплошными тѣнями. Чудныя рощицы, выращенныя заботливой матерью по вершинамъ холмовъ, по краямъ полей, по краямъ узкихъ ущелій, какъ заботливыя няньки, только лишь охраняютъ все, что̀ нужно для счастія человѣка. Но человѣка этого пока не видно, хотя кажется, что онъ какъ будто... уже тутъ... и притомъ повсюду... Вотъ и поетъ онъ, и дѣвичьи хоры слышатся изъ-за горки и изъ-за рощи; и въ рѣчкѣ плещутся и смѣются ребятишки, и стучитъ гдѣ-то топоръ... Материнская забота природы о благѣ человѣка, о просторѣ жизни его живой души до такой степени овладѣваетъ сознаніемъ путника, что, видимо, безлюдныя мѣста кажутся ему наполненными кипучей, бьющей ключомъ жизнью.

III. Непрочность переселенческихъ покупокъ и арендъ.

Однако пора перестать предаваться мечтаніямъ, навѣваемымъ чудными картинами природы, и ознакомиться съ положеніемъ не мечтательнаго, а дѣйствительнаго обитателя и жителя этихъ очаровательныхъ пустынь. Въ виду такой практической цѣли, необходимо заранѣе оградить вообра-

женіе читателя отъ малѣйшей возможности впасть въ тяжкій грѣхъ мечтанія о какихъ бы то ни было благопріятныхъ для края перспективахъ. «Настоящее» для его жителей таково, что у перваго же порога первой переселенческой землянки исчезаетъ въ сознаніи очевидца всякое представленіе не только о будущемъ *вообще*, но не приходитъ въ голову и изъ прошедшаго ничего такого, что̀ бы могло дать хотя какое-нибудь уясненіе настоящей видимой, очевидной тяготы жизни, начинающейся за первымъ порогомъ первой землянки. У перваго же порога первой землянки очевидецъ найдетъ то самое «*разбитое корыто*», которымъ съ незапамятныхъ временъ и начинается и оканчивается всякая русская волшебная сказка; начинаясь въ тоскѣ и страданіи, продолжаясь мечтаніями о свѣтломъ, привольномъ житьѣ, она, послѣ цѣлаго ряда безчисленныхъ мученій, перенесенныхъ искателемъ приволья, приводитъ его опять-таки къ горю и страданію, и предъ нимъ — «опять разбитое корыто».

Явное, всему обществу давнымъ-давно извѣстное расхищеніе башкирскихъ земель не только не составило предмета судебнаго преслѣдованія, но даже и съ экономической точки зрѣнія не вызвало, до настоящаго времени, никакихъ опредѣленныхъ мѣропріятій. Правда, по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. К. Е. Сувчинскимъ, мы узнаёмъ, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 10-го іюля 1881 г. получили въ аренду казенную землю 1.787 душъ; но этотъ единичный благой примѣръ не имѣлъ ничего общаго съ дѣйствіями мѣстной администраціи. За исключеніемъ протестовъ губернатора г. Щепкина и обличеній сенаторской ревизіи, вызвавшихъ нѣкоторое количество судебныхъ преслѣдованій противъ нѣсколькихъ единичныхъ личностей, похищеніе у страны несмѣтныхъ земельныхъ богатствъ не сдѣлалось общимъ вопросомъ, затрагивающимъ экономическіе интересы всей страны, — и тѣ деньги, которыя уплачивались бы крестьянами въ казну, уплачиваются ими хищникамъ, безнаказанно эксплоатирующимъ народную нужду.

Мы уже знаемъ, что изъ общаго числа переселенцевъ, перечисленныхъ къ 1886 году (109.485), только 73.831 душа образовали 437 хуторовъ на арендованной землѣ, и вотъ какова прочность владѣнія и осѣдлости этихъ людей на арендованныхъ земляхъ.

«*Къ сожалѣнію*, говоритъ г. К. Е. Сувчинскій, *большинство* этихъ поселковъ образовано на заарендованныхъ земляхъ *по условіямъ, не*

имѣющимъ силы безспорныхъ документовъ, а именно: изъ 437 хуторовъ—

125 хут. 3.211 дворовъ проживаютъ по условіямъ, засвидѣтельствованнымъ у нотаріусовъ;
73 » 1.933 дв.—въ станичныхъ или волостныхъ правленіяхъ;
41 » 1.140 дв.—по общественнымъ приговорамъ казачьихъ или башкирскихъ обществъ;
30 » 767 дв.—*по домашнимъ условіямъ;*
20 » 347 дв.—по условіямъ, заключеннымъ *у сельскихъ старостъ и поселковыхъ атамановъ;*
18 » 219 дв.—въ уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ;
2 » 19 дв.—*у приставовъ;*
3 » 129 дв.—съ чиновниками управленія государственными имуществами (хутора эти образованы на казенныхъ земляхъ, снятыхъ въ аренду съ торговъ);
1 » 12 дв.—въ оренбургской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда;
49 » 1.143 дв.—*по словеснымъ условіямъ*;
1 » 62 дв.—*у непремѣннаго члена*;
9 » 207 дв.—съ управленіями отдѣловъ Оренбургскаго казачьяго войска;
3 » 31 дв.—свѣдѣній не доставлено (стр. 4).

Пересчитавъ тѣхъ лицъ, которыя безъ малѣйшихъ сомнѣній въ своемъ правѣ подписывали свои имена подъ договорами, *къ сожалѣнію, не имѣющими силы безспорныхъ документовъ*, рѣшительно удивляешься—почему между этими лицами не попадается ни аптекарей, ни пономарей, ни зубныхъ врачей? Съ другой стороны, не менѣе удивительнымъ кажутся и тѣ три случая совершенно правильной сдачи земли въ аренду *съ торговъ*, которые практиковались чиновниками министерства государственныхъ имуществъ. Удивительно это, какъ единичный случай дѣйствій «по закону», въ то время какъ организація крестьянскаго землевладѣнія предоставлялась въ полную власть сельскимъ старостамъ, приставамъ, атаманамъ, полицейскимъ чиновникамъ, уголовной палатѣ, непремѣннымъ членамъ крестьянскихъ присутствій и даже не самимъ этимъ присутствіямъ. Здѣсь берутъ деньги съ землевладѣльца по «словеснымъ условіямъ», «по домашнимъ договорамъ», по приговорамъ волостныхъ и станичныхъ *обществъ* и просто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ *правленій*. Повидимому, всякое учрежденіе, которое можетъ приложить къ бумагѣ какую-нибудь печать; затѣмъ всякое хищное существо, притаившееся съ своими «владѣніями» и боящееся какого бы то ни было прикосновенія къ своимъ фальшивымъ бумагамъ этой самой «*какой-нибудь* печати», но все-таки умѣющее нацарапать «домашній договоръ»; наконецъ

такое хищное существо, которое окончательно боится не только «печати», но вообще трепещетъ при одномъ только видѣ бумаги, пера и чернила, и которое способно только *словесно* увѣрить арендатора-крестьянина въ своемъ владѣльческомъ правѣ, — все это смѣшеніе языковъ рѣшало земельный вопросъ, важнѣйшій для всей страны, по собственному своему усмотрѣнію, вкусу, расчету и расположенію духа. Ни одинъ изъ рѣшителей не имѣлъ съ другимъ ничего общаго; значеніе сельскаго старосты оказывалось равносильнымъ значенію чиновника министерства государственныхъ имуществъ. Хищникъ, боящійся пера, бумаги и чернилъ, равнялся въ своихъ правахъ съ уголовной палатой, нотаріусомъ, полицейскимъ управленіемъ, непремѣннымъ членомъ; *словесное увѣреніе* оказывалось имѣющимъ равное значеніе съ отдачею земли въ аренду «съ торговъ».

Для насъ, какъ постороннихъ только наблюдателей оренбургскихъ дѣяній, нѣтъ никакой возможности придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ о размѣрахъ царящей надъ массою переселенцевъ всякаго рода незаслуженной ими тяготы. Г. Сувчинскій и въ этомъ случаѣ оказываетъ намъ великую помощь. Въ его замѣткахъ мы находимъ характеристику тѣхъ разнообразнѣйшихъ положеній, въ которыхъ находится масса переселенцевъ, нуждающаяся (всѣ какъ одинъ человѣкъ) только въ одномъ, именно—«въ землѣ».

Изъ общаго числа переселенцевъ (109.485 д.) *только* 9,1 проц. устроилось *прочно* въ поземельномъ отношеніи. Именно: 5,8 проц. пріобрѣли земли на свои средства, 1,7 проц. при содѣйствіи Крестьянскаго банка и 1,6 проц. получили казенныя земли въ аренду на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го іюля 1881 г.; *всѣ же* затѣмъ *остальные, составляющіе до 91 проц., собственной земли не имѣютъ;* изъ нихъ: 53,2 проц. проживаютъ на заарендованныхъ земляхъ отдѣльными хуторами, 1,7 проц. въ городахъ, 3,2 проц. на заторгованныхъ земляхъ и наконецъ 32,8 проц. въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ или же въ казачьихъ поселкахъ и выселкахъ.

Значительное число переселенцевъ, поселившихся среди коренного населенія Оренбургской губерніи, объясняется отчасти обиліемъ земель, которыми пользуются мѣстные жители, а затѣмъ *бѣдностью переселенцевъ, не обладающихъ достаточными средствами для того, чтобы обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ,* и вынужденныхъ проживать среди болѣе богатаго населенія въ надеждѣ на заработки. Изъ числа означенныхъ переселенцевъ 7.740 семей, 35.792 души, проживаютъ въ работникахъ 2.696 семей, или 10.786 душъ, т.-е. 34,6 проц.; занимаются хлѣбопашествомъ 2.791 семья или 15.005 душъ—36,1 проц.; занимается ремеслами 1.650 семей или 7.377 душъ—

21,3 проц., и занимается торговлей 609 семей или 2.627 душъ—8 проц. Такъ какъ трудъ деревенскихъ ремесленниковъ, вслѣдствіе примитивныхъ требованій отъ нихъ, оплачивается такъ же плохо, какъ и трудъ чернорабочихъ, то оказывается, что свыше 55 проц. *указанныхъ выше переселенцевъ не имѣютъ самостоятельныхъ средствъ къ жизни и находятся въ самыхъ плохихъ экономическихъ условіяхъ*. Отсутствіе достатка подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что *большинство не имѣетъ собственныхъ домовъ*, а именно 50,3 проц.

Вотъ каковы итоги долговременной организаціи народныхъ массъ «по оренбургскому» способу. Способъ этотъ далъ возможность *прочно* устроиться только 9% (10.181 д.) изъ общаго стотысячнаго количества переселенцевъ, насчитанныхъ волостными и станичными правленіями, и изъ 150—180 тысячъ, считаемыхъ г. Сувчинскимъ за проживавшихъ въ Оренбургскомъ краѣ «въ дѣйствительности». Изъ 10.181 счастливца оказалось только 6.509 душъ, которыя смогли на *собственныя средства* пріобрѣсти въ собственность 12.065 дес., устроить на нихъ 50 хуторовъ съ общимъ числомъ 1.128 дворовъ; затѣмъ оказались счастливцами тѣ 1.787 душъ, которыя воспользовались Высочайшимъ повелѣніемъ о сдачѣ имъ въ аренду 5.604 десят. казенной земли (9 хут., количество дворовъ не обозначено), и наконецъ едва народившійся Крестьянскій банкъ также осчастливилъ нежданно-негаданно, «не по оренбургской системѣ», давши возможность пріобрѣсти 5.893 десятины, устроить 11 хуторовъ съ 321 душой. Высочайшее повелѣніе и учрежденіе Крестьянскаго банка, какъ видитъ, конечно, читатель, ни въ какой мѣрѣ не могутъ быть включаемы въ характеристику организаціи народныхъ массъ «по оренбургской системѣ»; точно также не входитъ въ эту систему организаціи и покупка земли на собственныя средства. Пріобрѣтеніе имущества на собственныя средства—дѣло столь постижимое и столь обязательное для всѣхъ пріобрѣтателей на всемъ бѣломъ свѣтѣ, что не должно быть принимаемо даже и въ малѣйшей степени во вниманіе, разъ дѣло идетъ объ исключительныхъ качествахъ оренбургской системы организаціи массъ и землевладѣнія.

Такимъ образомъ, если мы исключимъ изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ цифровыхъ данныхъ всѣ 10.181 душу, устроившихся вопреки основной идеѣ оренбургской системы, то сущность ея выразится въ цифрѣ 99.304-хъ душъ, *не имѣющихъ собственной земли*. Если же мы возьмемъ цифру *дѣйствительную*, достигающую 180 тысячъ, то оренбург-

ская система выразится въ грандіозной цифрѣ 169.819 душъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ не добившихся возможности *имѣть собственную землю.*

IV. Хуторъ недоимщиковъ Крестьянскаго банка.

Заглянемъ теперь въ одинъ хуторъ, основанный года три тому назадъ новоселами и уже имѣющій «по бумагамъ», во-первыхъ, наименованіе, во-вторыхъ, недоимку Крестьянскому банку съ пенею за всѣ шесть полугодій, и успѣвшему уже утратить всякое право на какое бы то ни было снисхожденіе.

Дорога, хоть и плоха и мало наѣзжена обитателями хутора, но живописный просторъ окрестностей, умѣряя впечатлѣніе неудобства ѣзды, возбуждаетъ настойчивое желаніе видѣть тѣхъ людей, которые, хотя и утратили всѣ права на какое бы то ни было снисхожденіе, кажутся все-таки счастливыми уже тѣмъ, что такъ или иначе, а добрались до этихъ привольныхъ и очаровательныхъ мѣстъ.

Желаніе это осуществляется довольно скоро. Часа черезъ полтора извозчикъ, указывая кнутомъ, говоритъ:

— Вонъ и Трехсвятскій хуторъ!

Поглядя самымъ пристальнымъ взглядомъ по направленію кнута, мы дѣйствительно видимъ *что-то*; но представленія о хуторѣ, т.-е. о двухъ-трехъ избушкахъ, хотя бы самыхъ мизерныхъ, о двухъ-трехъ соломенныхъ крышахъ, надъ которыми вьется дымокъ, свидѣтельствующій о «жиломъ мѣстѣ», этого мы не видимъ. Какія-то черныя груды, напоминающія въ кучки сложенный торфъ или кизякъ, небольшого размѣра, разбросанныя гдѣ попало, не даютъ ни малѣйшаго представленія о человѣческомъ жильѣ; удивляетъ даже скелетъ телѣжонки, примѣчаемый вами неподалеку отъ этихъ черныхъ кучъ, и неожиданный лай собаки, когда нигдѣ не видно ни единаго человѣческаго существа, и вообще нѣтъ никакой возможности представить себѣ, чтобы здѣсь могли жить люди. Однако живутъ. Лай собаки и «тпру!», произнесенное извозчикомъ, остановившимъ лошадей около одной изъ черныхъ земляныхъ кучъ, вызвали на Божій свѣтъ живыхъ людей, мужиковъ, бабъ съ грудными дѣтьми, подростковъ. Оказывается, что народу много, очень

много живетъ въ глубинѣ этихъ черныхъ кучъ земли; маленькое окошечко смотритъ изъ ямы, по краямъ которой въ нѣсколько слоевъ наложены толстые куски дерна, какъ кирпичи, и такими же кусками дерна застлана плоская крыша; нагнувшись въ три погибели, можно заглянуть въ эту, въ буквальномъ смыслѣ, конуру и въ милліонный разъ убѣдиться, что «золотыя» руки нашей крестьянской женщины даже и такой ужаснѣйшей конурѣ могутъ придать обликъ нѣкотораго уюта. Какой уютъ можетъ быть въ ямѣ, вырытой въ землѣ аршина въ четыре длины и въ три ширины? А вотъ оказывается, что можетъ: стѣны вымазаны крѣпкою красною глиной, прилажена изъ той же глины печурка въ аршинъ величины; въ порядкѣ приткнуты къ ней кочерга, ухватъ, водоносъ, и люлька съ ребенкомъ качается въ уголкѣ. Шевелиться, ходить въ этой клѣткѣ нельзя,—и вотъ вы видите, что люди, живущіе здѣсь, какъ бы только жмутся другъ къ другу, спасаясь отъ непогоды или присѣвъ для отдыха, — конечно, «потѣснившись». Заглянувъ въ эту клѣтку, наполненную преимущественно женщинами и дѣтьми, мы видимъ, что насъ привѣтствуютъ поклонами, но что всѣ привѣтливые люди удручены не горемъ, а такимъ отчаяніемъ, которое нельзя высказать словами, которое притупляетъ способность слова, мысли и выражается въ глубокомъ вздохѣ и мертвомъ молчаніи.

Молчаливые люди, какъ бы не имѣющіе силъ очнуться, придти въ себя, выползаютъ изъ своихъ норъ, конечно, безъ шапокъ и безъ сапогъ, и, вынужденные отвѣчать на вопросы нежданнаго агента банка, даютъ отвѣты какъ бы впросонкахъ, безъ начала и конца; но это продолжается недолго; не договорилъ одинъ, надумаетъ и договоритъ другой, а вслѣдъ за нимъ и третій найдетъ, что добавить, и скоро полусонное состояніе слетаетъ съ сознанія толпы и начинается то, что опредѣляется словомъ «галдѣніе», но что въ дѣйствительности есть самая жгучая потребность сразу высказать и выкричать всѣ свои муки. Каждый говоритъ свое. Одновременно слышно: «банкъ», «пало двѣ лошади», «неурожай», «Господи-батюшка!» (стонетъ баба), «планъ»... «обманъ»... «помирать!»... «Богъ дастъ»... «адвокатъ». Крайнее нервное возбужденіе, овладѣвшее толпой въ моментъ взаимнаго изліянія, неотразимо свидѣтельствовало, что у каждаго изъ нихъ и у всѣхъ вмѣстѣ много-много накопилось на душѣ горькаго горя.

Разговоръ о томъ, какъ шло дѣло «съ самаго начала» и

какъ оно пришло къ мучительному сегодняшнему дню, всегда начинается «самъ собой», даже безъ вызова со стороны посторонняго посѣтителя. Вотъ выступаетъ изъ толпы человѣкъ, который пережилъ всѣ несчастія съ самаго начала до сего дня и который знаетъ каждую мелочь, касающуюся жизни всѣхъ бѣдствующихъ теперь въ «новомъ» хуторѣ его «товарищей», и всякій разъ въ пересказѣ о всѣхъ несчастіяхъ, неудачахъ и бѣдствіяхъ новоселовъ выясняются какъ послѣдствія тѣхъ хозяйственныхъ разстройствъ, которыя побуждаютъ оставить родныя мѣста, такъ и тѣ невѣдомыя, неожиданныя затрудненія, свойственныя исключительно оренбургской системѣ землевладѣнія, которыя осаждаютъ уже разстроеннаго человѣка и на новыхъ мѣстахъ.

Хуторъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ служить, такъ сказать, образчикомъ «послѣдняго предѣла», до котораго могутъ довести людей эти мѣстныя оренбургскія вліянія, предоставленныя послѣдовательному своему развитію. Помимо коренныхъ основаній общаго разстройства новоселовъ, жители упомянутаго хутора, возникшаго три года назадъ, осенью прошлаго года, вслѣдствіе двухгодичнаго неурожая и полнѣйшей голодовки, вынуждены были разбѣжаться съ хутора «кто куда», побросали свои землянки, даже разрушили ихъ, частью прямо потому, что озлобились на горькое горе жизни («разсерчали и разломали все!» — сказала мнѣ одна женщина), частью потому, что каждый кусокъ дерева, каждый кирпичъ было «имущество», копейка, нужная на хлѣбъ. Весною Крестьянскій банкъ рѣшилъ обезлюдѣвшее мѣсто продать съ публичнаго торга, но весною же опять на хуторѣ появились живые люди. Промучившись и проголодавъ съ семействомъ зиму въ работникахъ, нѣкоторые изъ нихъ вспомнили о своихъ землянкахъ и воротились.

Такъ какъ большинство переселенческихъ «товариществъ» образуется изъ людей, собравшихся кто съ борку, кто съ сосенки (больше всего такія образуются изъ выходцевъ черноземной полосы внутреннихъ губерній), то случайно сошедшіеся товарищи и разбѣжались изъ хутора по разнымъ мѣстамъ. Пользуясь этимъ и зная уже «порядки», тѣ изъ товарищей, которымъ надобенъ былъ пріютъ безотложно (много дѣтей), рѣшились возвратиться на старыя мѣста уже *съ расчетомъ*, что можно воспользоваться, во-первыхъ, оставшимся имуществомъ неизвѣстно гдѣ блуждающихъ товарищей, а во-вторыхъ, привлечь на новыя мѣста новыхъ

товарищей, которые еще въ мысляхъ не имѣютъ счастія мечтать о землянкѣ. Одинъ изъ самыхъ практическихъ мужиковъ первый явился на старое пепелище, первый разломалъ чужія землянки и сдѣлалъ себѣ землянку на двѣ половины, а затѣмъ, собирая новое товарищество, сталъ переуступать оставшіяся, хоть и полуразрушенныя землянки другимъ «припущенникамъ», обязываясь внести платежъ примѣрно за одну душу (чего никто не дѣлалъ), но выговаривалъ за это право пользоваться лошадью, если она была. Словомъ, ни одного шага не было безъ расчета, и все по «крестьянскому обычаю». Такимъ образомъ къ іюню мѣсяцу поселокъ былъ населенъ, но изъ «товарищей», записанныхъ въ купчей, было не болѣе двухъ; всѣ остальные были «припущенники», разобравшіе «души» ушедшихъ по частямъ, по кусочкамъ.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ старыхъ товарищей, невѣдомо гдѣ пребывавшихъ, прослышали, что на старомъ мѣстѣ опять собираются «люди», и сами стали возвращаться. Но на своихъ мѣстахъ и въ своихъ землянкахъ они увидѣли чужихъ людей, которые оказались *законными* владѣльцами ихъ имуществъ и надѣловъ, законными потому, что, взявъ землянку и землю, они приняли на себя и огромный долгъ банку, оставленный возвращающимися, у которыхъ нѣтъ уже ровно ничего, чтобы имѣть право взять хотя капельную часть новоявленной «банковой» «души». Старые, по банку, товарищи встрѣтились съ новыми обитателями, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, въ ту минуту, когда эти новые уже успѣли, по наущенію коновода, подѣлить по душамъ землю и сдали изъ 200 десятинъ, которыхъ не было средствъ обработать, 50 дес. подъ покосъ какому-то купцу на два года. Расчетъ былъ такой: подѣлить арендныя деньги по душамъ, обзавестись на нихъ скотомъ и начать свое хозяйство. Но такъ какъ подобныя отдачи въ аренду, когда товарищество еще обременено долгомъ банку, требуютъ разрѣшенія совѣта Крестьянскаго банка (банкъ можетъ быть вынужденъ продать участокъ ранѣе срока аренды и тѣмъ возбудить искъ арендатора объ убыткахъ),—то, вѣроятно, не будетъ утвержденъ совѣтомъ и приговоръ хуторянъ, хотя для нихъ и выгодный.

Такимъ образомъ обыватели этого хутора, изъѣдаемые язвами непорядковъ домашнихъ и оренбургскихъ и приведенные нуждою къ хищенію, хотя и «по закону», чужого

добра, но по закону же не имѣющіе возможности поправиться, стать на ноги, и уже успѣвшіе посѣять сѣмена злобы и вражды среди людей этихъ пяти едва примѣтныхъ землянокъ («Двѣ землянки сломалъ, дьяволъ, чужихъ, для себя, да мою, дьяволъ, отдалъ чужому!» — злобно шепчетъ какой-то босой и оборванный человѣкъ, шепчетъ потому, что уже боится дьявола, боится, что изъ-за хлѣба въ работники не возьметъ), — представляютъ собою образчики «послѣдняго предѣла», до котораго могутъ быть доведены люди послѣдовательнымъ развитіемъ неблагопріятныхъ хозяйственной жизни причинъ. Здѣсь, какъ видимъ, люди дожили уже до нравственнаго паденія, но причины эти настолько однородны для всего количества переселенцевъ Оренбургскаго края, что вообще, во всѣхъ хуторахъ, всѣ новоселы непрестанно ощущаютъ тревогу жить на свѣтѣ.

V. Подставные депутаты.

Свѣдущія въ дѣлахъ Крестьянскаго банка лица, а также и тѣ мѣстные обыватели, которые имѣли возможность близко узнать положеніе оренбургскихъ переселенцевъ, утверждаютъ, что всякій разъ, когда почему-нибудь окажется нужной провѣрка наличнаго состава крестьянъ, образовавшихъ товарищество, — никогда не оказывается въ наличности именно тѣхъ товарищей, *которымъ принадлежитъ иниціатива покупки*, которые были довѣренными отъ другихъ товарищей и несли на своихъ плечахъ всѣ хлопоты, вплоть до выдачи крестьянамъ купчей крѣпости. Такъ какъ такого рода провѣрки постоянно возникаютъ изъ необходимости выяснить причину продолжительныхъ неплатежей, и такъ какъ неплательщики въ объясненіе этихъ причинъ во множествѣ случаевъ указываютъ на негодность пріобрѣтенной ими земли, то лицу, дѣлающему разспросы, вполнѣ естественно укорить самихъ покупщиковъ, сказавъ имъ примѣрно такъ:

— Теперь вы говорите—земля негодная. Зачѣмъ же вы добивались покупки, лѣзли въ неоплатный долгъ и увѣряли, что земля «первый сортъ»? Вѣдь вы видѣли, какая земля?

Этотъ упрекъ сразу становитъ дѣло на надлежащую почву.

— Да мы ее, землю-то, впервые увидали, когда купчая въ руки попала. А до того времени и слыхомъ не слыхали, какая-такая земля есть.

— Но вѣдь отъ васъ же были довѣренные, которые утверждали, что «лучше намъ не надо»?

— Да вѣдь мы довѣрили имъ троимъ, потому что они сами первые въ товарищи-то шли! Ежели нашъ братъ хвалитъ, да берется еще уладить компанію, да за хлопоты беретъ кто что̀ сможетъ дать, да и планы у него въ рукахъ съ печатями, и всѣ тѣ онъ планы растолкуетъ, — такъ ка̀къ же мы не довѣримъ? Мы здѣсь чужіе; какъ и гдѣ купить—не знаемъ; денегъ у насъ копейки нѣтъ, чтобъ послать ходоковъ, а тутъ люди добрые сами берутся уладить, да люди-то такіе же, какъ и мы грѣшные,—мужики. Кажется, вѣдь никто худа себѣ не пожелаетъ?

— Но вѣдь и членъ банка также нашелъ, что земли удобныя?

— Такъ вѣдь членъ также нашимъ довѣреннымъ повѣрилъ. Онъ вѣдь не знаетъ мѣстовъ и, стало-быть, самъ долженъ спрашивать тѣхъ, кто знаетъ, и, конечно, напередъ всего нашихъ же довѣренныхъ. Ужъ будьте покойны, сумѣютъ послѣдній булыжникъ въ прекрасномъ смыслѣ объяснить!.. Только бы съ рукъ сбыть землю. Теперь мы вотъ какъ это знаемъ!..

— Съ чьихъ рукъ сбыть?

— Да съ хозяйскихъ! Теперь вотъ, по нашей купчей значится, пріобрѣли мы отъ совѣтницы Андроновой, а почесть никто и въ глаза ее не видалъ, знали ее только довѣренные... Андронова-то госпожа и наградила ихъ! Не для насъ орудовали, а для совѣтницы! Вотъ въ чемъ расчетъ-то!

— Когда же они вышли изъ товарищества?

— Да они и дня съ нами не были на этихъ мѣстахъ-то... Всучили купчую да окладной листъ, и слѣдъ простылъ! Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ... Слышимъ-послышимъ, одинъ на желѣзной дорогѣ въ артельщикахъ, другой въ городѣ въ приказчикахъ... А мы пришли сюда—и сѣли на мели... Да два года неурожаю, а ужъ долгу наросло — выше головы!

Товарищей, не оказывающихся при провѣркѣ списковъ,— по словамъ людей, близко знающихъ дѣло,—вообще много

въ каждомъ новомъ поселеніи: иные уходятъ домой, въ Европейскую Россію, соскучившись въ новыхъ мѣстахъ, иные изъ боязни платежей; но во всѣхъ тѣхъ хуторахъ, иногда уже въ сорокъ - пятьдесятъ дворовъ (землянокъ), гдѣ жители поголовно, при малѣйшей попыткѣ узнать ихъ положеніе, начинаютъ хаять купленный ими участокъ, всегда оказывается, что онъ купленъ «по довѣренности», что они только *теперь* видятъ, какая это земля, и что покупщики—«довѣренные»—исчезли неизвѣстно куда.

— «Удобная» было написано! Вонъ она какая удобная! Нанимали распахать десятину одного мужика, земли ему давали, сломалъ двѣ сохи,—плюнулъ да ушелъ.

— Луговъ, вишь, пятьдесятъ десятинъ; эво, вонъ они какіе луга-то! Болото! Не то зубомъ, топоромъ не возьмешь экой травы!

Словомъ, весь поселокъ до единаго человѣка вопіетъ о собственной своей гибели; все на дѣлѣ оказалось совершенно не такъ, какъ на бумагѣ, и нѣтъ во всей этой толпѣ ни единаго человѣка, который, повидимому, не былъ бы близокъ къ полному отчаянію, при чемъ вся вина сваливается на тѣхъ довѣренныхъ, которые «обдѣлали дѣло», «всучили» и ушли.

Судя по отчету г. К. Е. Сувчинскаго (до 86 года), 46% всей земли арендовано крестьянами у частныхъ владѣльцевъ, при чемъ наибольшее число договоровъ, почти близкое къ числу заключенныхъ у нотаріусовъ (34%) и въ станичныхъ правленіяхъ (21%), заключено *по словеснымъ условіямъ*—12% *и домашнимъ* (?) условіямъ—также 12%. Сроки же аренды таковы: самый дальній—12 лѣтъ—39%, затѣмъ наибольшее число арендъ на 6 лѣтъ—18%, и наконецъ на *одинъ годъ*—9%. Такимъ образомъ изъ огромной массы тѣхъ 90% переселенцевъ, которая до сихъ поръ «*собственной своей земли не имѣетъ*», лишь 40% имѣютъ возможность арендовать земли на 12 лѣтъ, а вся остальная масса, въ наилучшемъ случаѣ, еле одолѣваетъ 6-ти-лѣтнюю аренду, и затѣмъ сравнительно большое количество переселенцевъ (9,7%) въ силахъ арендовать землю только на одинъ годъ, при чемъ изъ общаго числа договоровъ на долю такихъ фантастическихъ, какъ словесные и домашніе, приходится 24%.

Всѣхъ этихъ чертъ, намѣчаемыхъ цифрами, весьма достаточно, чтобы представить себѣ огромную массу крестьянъ, не ощущающихъ вообще прочности своего суще-

ствованія, перебиваясь со дня на день, зарабатывая деньги на аренду въ работникахъ, живя въ чужихъ избахъ, передвигаясь для заработковъ съ мѣста на мѣсто, и не видящихъ впереди ничего, кромѣ непрестанной маяты изъ-за куска хлѣба. Появленіе спасителя въ такой измаявшейся средѣ, который сулитъ вѣковѣчную осѣдлость, показываетъ планы, самъ собираетъ *себѣ* товарищей, говоритъ, что нужна только самая малая приплата (въ томъ трагическомъ поселкѣ, который описанъ выше, товарищи доплатили лишь 50 руб., а 2.000 съ небольшимъ ссудилъ банкъ), не могутъ не дѣйствовать на истинныхъ мучениковъ самымъ возбуждающимъ образомъ: всякій, у кого есть что-нибудь продать, есть какая-нибудь коровенка, есть заржавленная соха, которой не было дѣла цѣлые годы, всякій съ радостью присоединяется къ покупкѣ: «Теперь есть на что понадѣяться, земля будетъ; а тамъ, Богъ дастъ, и все будетъ по-хорошему!»

VI. Бородатые младенцы.

Къ сожалѣнію, такія покупки «очертя голову», какъ и среда переселенцевъ, въ которой «подставные» депутаты имѣютъ постоянный и несомнѣнный успѣхъ, — это среда нашихъ такъ-называемыхъ «*курскихъ*» переселенцевъ, крестьянъ ближайшихъ къ Москвѣ черноземныхъ губерній.

Историческія вліянія «Москвы» и условныя хозяйства именно на «черноземѣ» никого такъ нещадно не побиваютъ «на новыхъ мѣстахъ», какъ именно нашихъ крестьянъ черноземной полосы. Сущность «московскихъ» вліяній въ самомъ элементарномъ видѣ можетъ быть опредѣлена, какъ значительное ослабленіе въ сознаніи крестьянина значенія его личныхъ интересовъ, домашнихъ и вообще какихъ бы то ни было *личныхъ* удобствъ жизни. Его «воля» до Юрьева дня была постояннымъ стремленіемъ «убѣчь» изъ-подъ одного кулака подъ другой; когда же рѣшено было лишить крестьянина своевольства въ перемѣнѣ и выборѣ кулаковъ и, въ попечительной заботѣ о сельскомъ населеніи, признано было за благо навѣки прикрѣпить вольнаго къ одному кулаку, тогда онъ понялъ, что онъ уже «самъ не свой», и

цѣлыя столѣтія какъ нельзя лучше оправдывалъ это свое рѣшеніе.

Его женили не для него самого, а для того, чтобы образовалось новое тягло, т.-е. новая платежная душа для пользы владѣльца. Намъ уже извѣстно *), что владѣльцамъ, до освобожденія крестьянъ, предоставлено было право людей, негодныхъ въ хозяйствѣ, больныхъ, старыхъ, калѣкъ, сдавать въ зачетъ рекрутъ, при чемъ всѣ такіе лишніе для хозяйства люди переселялись въ Западную Сибирь, какъ пригодные, будто бы, для колонизаціи.

Не касаясь такихъ исключительныхъ случаевъ, мы не можемъ не видѣть, что, будучи уже освобожденъ, онъ въ большинствѣ случаевъ поставленъ былъ въ лучшее положеніе, чѣмъ оно было въ старину: неправды, пущенныя въ ходъ многими беззаконниками при надѣленіи его землей, оставили его попрежнему работникомъ на чужихъ людей, ознакомили его съ небывалыми штрафами за потраву, за клубнику, исклеванную курами, за два-три лишнихъ взмаха косы на непринадлежащей ему землѣ; отъ него окопались канавами, и въ концѣ концовъ, доживъ до непомѣрныхъ цѣнъ за аренду, достигавшихъ до 25 р. за десятину на одинъ посѣвъ,—онъ и ушелъ изъ дому, предчувствуя близость безнадежнаго положенія. Унесенъ былъ онъ вѣяніемъ «уходить на новыя мѣста», какъ былинка; увлеченъ этимъ вѣяніемъ его наивный умъ такъ же, какъ можетъ быть увлеченъ наивный умъ ребенка.

Перспективы объ устройствѣ своего личнаго благосостоянія у него нѣтъ, онъ не привыкъ знать и желать съ точностью того-то и того, изъ чего слагается его личное счастье и благосостояніе, и потому нельзя не вѣрить, что, отойдя отъ родныхъ мѣстъ, онъ «пужается», какъ ребенокъ, который побѣжалъ въ лѣсъ за птицей и «испужался» лѣса. Его раза два воротятъ съ дороги домой и два раза повернутъ опять на дорогу. Его спасеніе тогда, когда онъ пристанетъ къ партіи, къ людямъ, которые идутъ—не сомнѣваются. Но нужда можетъ заставить его отстать отъ партіи, остановиться, чтобы продать полушубокъ, и онъ опять одинъ и испуганъ, опять почти не знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается.

Ко всему этому, наивный утомленный человѣкъ, не знающій, что̀ такое расчетъ въ личныхъ дѣлахъ, идетъ въ даль-

---

*) Томъ II. стр. 595.

ній путь почти безъ копейки, проѣдастъ имущество, и если въ какой-нибудь деревнѣ, станицѣ кто-нибудь приметъ его съ семьей въ работники, такъ и сомнѣнія быть не можетъ, какъ онъ будетъ этому радъ. И съ этого перваго пристанища на чужой землѣ начинается та многолѣтняя маята, съ годовыми арендами, съ передвиженіями съ мѣста на мѣсто, которая въ концѣ концовъ бросаетъ измаявшихся людей въ руки ловкихъ посредниковъ и сопровождается тѣми покупками земли «очертя голову», о которыхъ мы уже говорили.

Во время проѣзда чрезъ Оренбургъ, на переселенческой станціи мнѣ пришлось, единственный разъ во всѣ мои поѣздки, видѣть «своими глазами» нѣсколько «*курскихъ*» семействъ, повидимому, не знавшихъ крайней нужды и даже имѣвшихъ нѣкоторыя *средства.* Для подлиннаго типа *курскаго* переселенца имѣть средства — дѣло невозможное; курскій — всегда безъ средствъ, безъ копейки, иначе онъ не былъ бы курскимъ. Поэтому нѣсколько курскихъ семействъ, не знавшихъ нужды и имѣвшихъ нѣкоторыя средства, были для меня явленіемъ совершенно неожиданнымъ. Народъ, мужики и бабы, парни и дѣвки, были рослые, но какіе-то мягкіе, нѣжные; всѣ молодыя бабы были, такъ сказать, пышнаго тѣлосложенія, и дѣвки, видимо, приготовлялись быть такими же пышными, какъ ихъ замужнія молодыя сестры. Выраженіе лицъ и въ особенности глазъ у всѣхъ этихъ мягкихъ въ суставахъ, нѣжныхъ въ тѣлосложеніи людей, всякаго пола и возраста, было почти дѣтски наивное; у ребятишекъ, пожалуй, еще и играли въ глазенкахъ искорки любопытства, но у пышныхъ бабъ и «нѣжныхъ» молодыхъ мужиковъ ничего, кромѣ свѣтлой, чистѣйшей наивности, не выражалось. По глазамъ трудно было отличить бабу отъ мужика, а обоихъ вмѣстѣ отъ ребенка. Да и вообще въ мужикахъ было что-то бабье, и на моихъ глазахъ молодой мужикъ нянчилъ ребенка, какъ истинная баба. Мнѣ даже почудилось, что и отъ него пахнетъ теплымъ молокомъ, — запахъ, который весьма ясно ощущался среди пышныхъ бабъ, когда я вошелъ въ большую комнату переселенческой станціи. Всѣ бабы были въ какой-то суматохѣ: мыли рамы, подтирали полы, — вообще прибирались. Глядя на это, я понялъ, почему именно мужики нянчатъ грудныхъ дѣтей, но затѣмъ съ двухъ словъ, которыя почла нужнымъ сказать одна изъ пышныхъ бабъ, я узналъ, что вся суматоха происходитъ потому, что семьи собираются уходить обратно...

— Да давно ли вы пришли?

— А кто е знаетъ! — выпрямившись, поправляя одной рукой повойникъ и держа въ другой мочалку, мягкимъ и веселымъ дѣвичьимъ голосомъ отвѣтствовала молодая пышная баба и смотрѣла большими, но истинно ребячьими глазами.

— Съ недѣлю какъ пришли! — прибавила другая, и затѣмъ сразу всѣ затараторили. Ни въ ребятахъ, ни въ дѣвкахъ, ни въ бабахъ не было и тѣни мысли о какой-нибудь трудности предстоящаго пути: всѣ они точно въ игрушки играли, и всѣ знали только одно, что надо мыть полы и рамы.

— Ты у мужиковъ спроси! — наконецъ сказала мнѣ одна изъ пожилыхъ женщинъ.—Спроси-ка-сь, они тамъ на дворѣ... Увспроси-ка-сь!

Но и отъ молодыхъ мужиковъ, которые пахнутъ женскимъ молокомъ, тоже ничего путнаго узнать мнѣ не пришлось.

— Ходили наши... трое... шш!.. шш!.. — не то бабьимъ, не то дѣтскимъ голосомъ, растягивая слова, проговорилъ онъ и замолкъ, раскачиваясь съ ребенкомъ, завернутымъ въ ваточное одѣяло.

— Шш... шш... Тамъ вонъ... старики... Шш... шш...

— Не раскачивай его! — тягуче пропѣла баба, во весь ростъ и во всей своей пышности стоя на крыльцѣ съ грязнымъ ведромъ.—Дергаешь его. Полегоньку... да шушукай!..

— Шш... ну, ну, шш... Старики тамъ...

Но и старики не блистали пониманіемъ собственнаго своего положенія и только какъ бы недоумѣвали о причинахъ своего появленія въ Оренбургѣ и рѣшенія почти тотчасъ же возвратиться обратно.

— У чиновника-то? Какъ же, были... ходили... Посылалъ онъ въ три мѣста...

— Что̀ же, ходили вы?

— Въ одно-то мѣсто ходили...

— Ну и что̀ же? Нехорошо?

— Какъ сказать? Неохота взяла...

— Отчего же? Если въ одномъ мѣстѣ нехорошо, отчего въ другомъ не посмотрѣть? Далеко ли вы ходили?

— Да верстъ, почитай, за пятнадцать...

— Только за пятнадцать верстъ? и раздумали?

Молчаніе, раздумье и протяжный отвѣтъ.

— Народу не видать... Увспросить некого... Жутковато стало!

Нужно было возстановить въ памяти этихъ пугливыхъ

людей все то, что̀ дѣлается у нихъ на родинѣ, и расписать имъ всю благодать, которую они, имѣя и скотъ и нѣкоторый достатокъ, могутъ найти здѣсь. Надобно было, какъ говорится, «долбить» о предстоящемъ имъ разореніи, о томъ, что, уйдя изъ дому съ достаткомъ, они воротятся нищими, надобно было даже напугать ихъ дѣтски-наивный умъ, чтобы онъ образумился хотя бы отъ испуга. Въ концѣ концовъ недоумѣвающіе о своихъ поступкахъ старики, неожиданно для нихъ тронутые за присущія имъ бабьи качества, и особенно указаніемъ на то, что ихъ бабы и ребята имѣютъ здѣсь отличное помѣщеніе, не промокнутъ подъ дождемъ, не простудятся и не «помрутъ», а что тѣмъ временемъ они спокойно отыщутъ самое благословенное мѣсто, почувствовали сначала потребность вздоха, потомъ какъ бы вспомнили о самихъ себѣ и порѣшили еще разъ сходить къ переселенческому чиновнику.

— Надыть попытать!.. Люди вонъ на базарѣ толкуютъ, погибель, молъ, здѣсь одна! Эво какъ!

— Мало ли что̀ говорятъ. Говорятъ такіе же, какъ вы,— пошли да воротились, да разорились.

Необходимо было самое непрерывное «долбленіе» въ одну и ту же точку, чтобы мысль о *собственномъ* своемъ самосохраненіи наконецъ хоть немного возобладала надъ пугающими случайностями. Но при всемъ моемъ стараніи я оставилъ переселенцевъ, не будучи увѣренъ въ томъ, что они примутъ хотя какое-нибудь обдуманное рѣшеніе, хоть они и повторяли нѣсколько разъ:

— Надыть попытать! Завтра пораньше надо къ нему... Пока что̀, поспрошаемъ...

Къ счастью, потомъ я узналъ, что курскіе младенцы всякаго пола и возраста наконецъ образумились и «принялись» искать «мѣстовъ» по самымъ точнымъ указаніямъ.

Такимъ образомъ крестьянинъ черноземной полосы, у котораго историческія вліянія почти «отшибли» всякую смѣлость думать о средствахъ и путяхъ къ достиженію собственнаго своего благополучія, даже и при благопріятныхъ въ матеріальномъ отношеніи условіяхъ, все-таки не защищенъ отъ внѣшнихъ вліяній, даже просто внѣшнихъ впечатлѣній, которыя постоянно затемняютъ въ его сознаніи неокрѣпшую мысль о правѣ на личное счастье и довольство.

Съ другой стороны, въ этихъ же съ борку и съ сосенки собравшихся хуторахъ, изнывающихъ и стонущихъ отъ

неурожаевъ и отъ «обмана», учиненнаго посредниками, несмотря на то, что всѣмъ поголовно нечего ѣсть и ужъ вовсе нѣтъ возможности что бы то ни было и куда бы то ни было платить, — привычка знать, что живешь на свѣтѣ для того, чтобы *платить*, оказывается и здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, опять-таки преобладающей надъ личными заботами. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ не только знаетъ, какъ знаетъ его отецъ, свои платежныя обязанности, но въ мельчайшихъ подробностяхъ можетъ разсказать о хозяйствѣ и средствахъ всѣхъ до одного изъ хозяйствъ, образовавшихъ хуторъ. Сколько куръ, овецъ, огурцовъ, даже яицъ — и то, кажется, знаетъ до тонкости всякій про всякаго, и всякій караулитъ всякаго, чтобы онъ вещь извѣстной стоимости не проѣлъ «зря», а, продавъ, взнесъ бы въ уплату въ банкъ, а то, если онъ не будетъ платить, то за него «прочимъ» придется отвѣчать, хотя «прочіе» также ровно ничего не платятъ.

Оборванный, голодный и холодный обыватель одного хутора, уже не молодыхъ лѣтъ, очевидно, до мозга костей проникнутый огромностью значенія платежа и самъ изнуренный имъ до послѣдней степени, на моихъ глазахъ, съ явнымъ, до злобы доходящимъ раздраженіемъ протестовалъ противъ попытки одного изъ товарищей продать свою избу.

Товарищъ, выстроивъ себѣ избу, не могъ однако начать хозяйства, потому что не хватило денегъ и лошадей; тогда онъ надумалъ сдѣлать такъ: устроилъ рядомъ съ домомъ землянку (обмазанная внутри отличной красной глиной, она не всегда похожа на мышиную нору), а избу рѣшилъ продать и на вырученныя деньги купить лошадь, сабанъ и начать хозяйство. Богъ дастъ урожай, тогда и опять изба будетъ. Кажется, что здѣсь худого, и кто вообще можетъ препятствовать человѣку жить въ избѣ или землянкѣ, да и задуманное товарищемъ дѣло задумано, какъ видитъ читатель, вполнѣ резонно и умно. Однако крестьянинъ съ отшибленнымъ сознаніемъ неумолимо кричалъ, даже пищалъ на сходѣ:

— Нельзя этого дозволить! Онъ домъ продастъ, деньги изведетъ, въ банку не заплатитъ, — кто отвѣчаетъ? Все мы же въ отвѣтѣ!

— Мы всѣмъ имуществомъ въ отвѣтѣ! — не умолкая, пищалъ онъ, трясясь всѣмъ своимъ голоднымъ тѣломъ. — Какъ же онъ смѣетъ самовольно поступать? Изъ-за него наше имущество опишутъ!

— Не дозволять ему никакимъ родомъ! — дребезжалъ онъ и бѣсновался среди общаго хора толковъ.

Къ счастью, такихъ помѣшанныхъ на подавляющемъ значеніи «платежа» стариковъ не часто встрѣчаешь въ новыхъ хуторахъ.

Ко всему этому необходимо упомянуть едва ли не о самой существенной причинѣ неудачъ черноземнаго крестьянина, поселившагося на новыхъ мѣстахъ. Это — вѣковая рутина пріемовъ обработки земли, практиковавшихся черноземнымъ крестьяниномъ на старыхъ мѣстахъ. «Черноземъ» и земледѣльческій трудъ на немъ во внутреннихъ губерніяхъ далеко не родня съ «черноземомъ» и обработкой его на новыхъ мѣстахъ Оренбургскаго края. Не разъ намъ приходилось слышать отъ «курскихъ» переселенцевъ, что у нихъ заработная плата упала до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, что для пахоты нанимаютъ почти дѣтей, 12—13-лѣтняго возраста, которымъ платятъ очень мало, и поэтому не очень нуждаются во взрослыхъ рабочихъ. Это будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что такъ-называемая «Соха Андревна» бороздитъ поля черноземныхъ губерній цѣлые вѣка, только расшевеливая разсыпчатую землю; ходить за ней легко можетъ даже и 12—13-лѣтній мальчикъ. Но та же «Соха Андревна», примѣненная на «нови», это то же, что столовая ложка при наливѣ парохода нефтяными остатками. На первомъ же шагу она прекратила бы свое существованіе, превратившись въ прахъ, а вмѣстѣ съ ней и лошаденка потеряла бы всякую увѣренность въ возможности сдѣлать что-нибудь путное для своего хозяина. Не преодолѣлъ бы, не измучившись въ конецъ, этой нови и самъ идущій за сохой черноземный крестьянинъ; никогда ему подъ соху не попадались камни, корни, крѣпкая, какъ сталь, глина, и никогда онъ не напрягалъ своихъ физическихъ силъ до такой степени, какъ долженъ напрягать ихъ здѣсь.

Но если бы нашъ черноземный крестьянинъ, повторяемъ, являлся на новыя мѣста хотя съ какими бы то ни было средствами, съ какимъ-нибудь рублишкомъ, оставшимся отъ окладного листа, то, быть-можетъ, онъ и приладился бы постепенно къ непривычнымъ условіямъ труда на новинѣ. Утаенный рублишко далъ бы ему возможность обзавестись скотомъ, приспособившимся къ работѣ на этой неподатливой землѣ, пріобрѣсти орудія, подходящія къ тѣмъ же качествамъ новины. Но въ томъ-то и дѣло, что «московскія

вліянія» совершенно отучили его отъ мысли хотя что-нибудь утаивать «на черный день», т.-е. на собственныя нужды.

VII. Переселенцы съ «рублишкомъ».

Огорчительно это въ особенности еще и потому, что, посѣщая хутора, населенные крестьянами изъ мѣстностей, удаленныхъ отъ Москвы на болѣе или менѣе значительныя разстоянія, хотя и видишь общія для всѣхъ переселенцевъ трудности начала жить *сызнова*, но безнадежности ихъ положенія въ будущемъ почти не ощущаешь, или, во всякомъ случаѣ, не думаешь о ней. Посторонившись отъ Москвы, каждый такой переселенецъ прежде всего не утратилъ возможности жить на свѣтѣ «своей головой», «своимъ умомъ» и вслѣдствіе этого сумѣлъ-таки «первымъ долгомъ» припрятать въ моткѣ нитокъ, или въ чулкѣ, нѣкоторое количество *недоданныхъ* рублишекъ. А это главнымъ образомъ и помогаетъ ему поступать по возможности именно такъ, какъ велитъ ему «своя голова».

Впервые пришлось ознакомиться съ обиходомъ жизни такихъ хуторянъ въ одинъ и тотъ же день и притомъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ посѣщенія хутора, населеннаго переселенцами съ безнадежнымъ будущимъ.

Оба хутора отстояли другъ отъ друга въ двухъ, много въ трехъ верстахъ и возникли въ мѣстности совершенно, до мелочей, однородныхъ качествъ: та же ключевая рѣчка, извилистая, иногда переходящая въ глубокія озерки, обросшія разнообразнѣйшею цвѣтущей растительностью, тотъ же пологій къ этой рѣчкѣ наклонъ всей чрезвычайно красивой мѣстности, та же почва, та же крѣпкая какъ сталь и красная какъ огонь глина, — словомъ, все до мельчайшихъ подробностей одно и то же. Что же касается общаго, въ настоящее время, для всѣхъ переселенцевъ Оренбургскаго края матеріальнаго разстройства, то объ этомъ можно судить по слѣдующему обстоятельству: день, когда пришлось быть на хуторѣ, населенномъ крестьянами изъ отдаленныхъ мѣстъ, былъ праздникъ апостоловъ Петра и Павла. Въ честь ихъ и хуторъ носитъ наименованіе «Петропавловскаго»; такъ вотъ, въ такой-то день своихъ патроновъ, въ

сорока дворахъ не нашлось рубля, чтобы пригласить священника и отслужить молебенъ. Всѣ хуторяне сожалѣли объ этомъ, но все-таки не въ силахъ были собрать и рубля, и вообще испытывали такую же нужду, какъ и черноземные хуторяне. Тамъ говорили: «съѣлъ» — лошадь, корову, овцу, т.-е. проѣлъ; въ этомъ хуторѣ то же слово произносили по-малорусски: «зъивъ». Въ этомъ вся и разница относительно истощенія матеріальныхъ средствъ обоими хуторами, т.-е. никакой. Но во внутреннемъ обиходѣ жизни между однимъ и другимъ хуторомъ — разница оказалась весьма значительная.

Хуторъ этотъ населенъ крестьянами изъ южно-русскихъ губерній, а южно-русскій крестьянинъ, какъ давно уже извѣстно всѣмъ, *недодалъ* такое количество карбованцевъ, что въ этомъ отношеніи не только черноземному (объ этомъ и говорить нечего!), но вообще всякому счастливому обывателю отдаленныхъ мѣстъ ни въ какомъ случаѣ нельзя и думать съ нимъ поровняться. Если крестьянинъ великорусскихъ губерній почти весь вѣкъ свой жилъ, не жалѣя себя, то южно-русскій крестьянинъ, напротивъ, испоконъ вѣка не желалъ дать себя въ обиду. Онъ ушелъ на новыя мѣста не потому, что нечѣмъ было «платить», а потому, что онъ не хотѣлъ платить и отдавать того, что̀ нужно самому; зналъ онъ и претерпѣлъ все, что̀ претерпѣли и претерпѣваютъ всѣ великорусскіе крестьяне—и непомѣрныя арендныя цѣны, и штрафы за курицу, за теленка, за потраву, за прокосъ,—словомъ, зналъ и испыталъ всѣ лежащія на народной массѣ обязанности; но когда великорусскій крестьянинъ приходилъ отъ всего этого только къ отчаянію и бѣгству «очертя голову», южно-русскій только укрѣплялся въ энергіи обороны самого себя. Только силою его личной инииціативы можно объяснить ту смѣлость и рѣшительность, которую *лѣнивый* Хома, прославленный своею безпечностью, проявляетъ въ настоящее время въ переселеніяхъ дѣйствительно «на край свѣта», изъ Полтавы, Чернигова — на Амуръ, въ Уссурійскій край, въ глубину Средней Азіи. Нашъ крестьянинъ внутреннихъ губерній, и преимущественно, конечно, крестьянинъ черноземной полосы, можетъ совершить этотъ путь единственно только «по этапу»; южно-русскій дѣлаетъ это на свои средства, несмотря на то, что управленіе добровольнаго флота, въ виду препятствія этому, какъ предполагалось, неосмысленному движенію, стало взимать (кромѣ 90 руб. проѣздной платы)

еще и залогъ съ каждой переселяющейся семьи въ 600 р. И все-таки каждый пароходъ везетъ на край свѣта сотни семей южно-русскихъ крестьянъ.

Хуторяне, о которыхъ идетъ рѣчь, «недодали», конечно, гораздо меньшее количество карбованцевъ, чѣмъ недодали ихъ собратья, переселяющіеся на край свѣта; но и тѣмъ количествомъ карбованцевъ, которое было ими припрятано, они сумѣли распорядиться весьма умно и основательно.

Прежде чѣмъ купить ту землю, на которой образовался Петропавловскій хуторъ, крестьяне послали въ Оренбургскую губернію довѣренныхъ лицъ. Лица эти *не исчезли* изъ числа товарищей, какъ это постоянно случается въ хуторахъ, набранныхъ съ бору и съ сосенки, и всѣ находятся на жительствѣ въ хуторѣ. Эти довѣренные искали подходящаго мѣста *четыре года*, и мало того, что искали, но изслѣдовали качества земли: засѣвали маленькіе лоскутки, дожидались времени жатвы. Это дѣлалось въ разныхъ мѣстахъ, и только послѣ того, какъ довѣренные нашли подходящее мѣсто, въ которомъ надо было жить и имъ самимъ, они приступили къ покупкѣ. Но и послѣ совершенія покупки переселенцы еще не тронулись со старыхъ мѣстъ; предварительно они выдѣлили изъ своего товарищества нѣсколько человѣкъ, которые, прибывъ весной на новыя мѣста, запаслись скотомъ и орудіями, распахали уже нѣсколько десятинъ и засѣяли. Когда прибыли переселенцы, у нихъ былъ свой хлѣбъ.

Раздѣлъ участковъ сдѣланъ былъ при помощи частнаго землемѣра, приглашеннаго также на счетъ товарищей. Въ хуторѣ «случайныхъ товарищей» также сдѣланъ раздѣлъ земли по душамъ (т.-е. по деньгамъ), но хотя глазомѣръ и выработанъ нашимъ черноземнымъ крестьяниномъ въ совершенствѣ, все-таки въ случайномъ хуторѣ обыватели поговаривали о какой-то «ошибкѣ».

— Одна ошибочка, дѣйствительно, что есть!

— Есть ошибка, вѣрно! Чего ужъ!

— Тамъ, пожалуй, разглядѣть—и побольше ошибковъ-то найдется!

— Ну, чего ужъ!

Хуторяне южно-руссы, напротивъ, утверждаютъ, что планъ и всѣ эти клѣтки вполнѣ вѣрны, и всѣ хуторяне довольны землемѣромъ. Планъ сдѣланъ «на вѣчныя времена», и вообще земля не выйдетъ изъ рукъ членовъ и семействъ товарищества никогда. Та же самая, стальной

крѣпости, глина, которая удручаетъ нашего черноземнаго крестьянина, даетъ возможность южно-руссамъ строить отличныя, красивыя, теплыя землянки изъ такъ-называемаго «воздушнаго кирпича»,—онъ красенъ, какъ огонь, великъ, прочень и красивъ. И во всѣхъ мелочахъ домашняго обихода видна та же постоянная отчетливость и опредѣленность въ поступкахъ.

Какая разница хотя бы, напримѣръ, въ устройствѣ собственной хаты, землянки, избы и окружающихъ ее жилыхъ хозяйственныхъ построекъ въ этихъ двухъ стоящихъ рядомъ хуторахъ.

У малороссовъ хаты стоятъ задворками къ рѣчкѣ, и отъ самаго плетня, огораживающаго задворки, вплоть до рѣчки идетъ огородъ, и здѣсь же во дворѣ кладовушка для овощей, погребъ, все поблизости къ хатѣ.

— И *бабѣ* легче буде воду носить съ рѣчки,—говорилъ хозяинъ хаты, показывая свое хозяйство.

Передъ хатою, которая ставится очень близко отъ холмистаго подъема мѣстности (чтобы не пропадала хорошая земля) и лицомъ къ ней, также есть амбарчики, но за ними прямо идетъ выгонъ, гдѣ пасется скотъ.

— Вотъ изъ оконца *бабѣ-то* и виденъ скотъ... И волы и овцы...

Два раза хозяинъ упомянулъ объ облегченіи бабьяго труда, два раза онъ вполнѣ ясно и точно объясняетъ каждый шагъ въ своемъ хозяйствѣ.

Но вотъ въ сосѣднемъ хуторѣ, гдѣ есть и бабы, и огороды, и рѣчка, и изба, но гдѣ люди до переселенія весь вѣкъ жили «не жалѣя себя», тамъ какъ-то не примѣчаешь особенной ясности ни въ цѣляхъ жизни ни въ поступкахъ обывателя.

Изба, поспѣшно сколоченная кое-какъ, или та же землянка, ставится здѣсь какъ разъ наоборотъ, т.-е. лицомъ къ рѣчкѣ, «на полдень»; затѣмъ передъ рядомъ избъ отведено огромное пустопорожнее пространство земли (которое у малороссіянъ уже подъ огородомъ) подъ «улицу»; улица эта образуется изъ ряда амбаровъ, противоположнаго ряду избъ. Такъ какъ у амбара обыкновенно складываются бревна, сохи, бороны и всякій хламъ, и такъ какъ къ нему надобно подвозить и зерно и овощь, то и между амбарами и кругомъ нихъ пропадаетъ также весьма много пригоднаго для огорода мѣста. И такъ какъ лучшая часть земли, наклоненной къ рѣчкѣ, истрачена безъ всякаго толку, то

огородъ, который наконецъ начинается за амбаромъ, оказывается малымъ, а для пополненія его разведенъ еще кусокъ огорода на задахъ, т.-е. пройдя дворъ и загородь для скотины.

Положимъ, хозяину пріятно видѣть свой амбаръ каждую минуту, пріятно также, чтобы и домъ стоялъ на «полдень», да и на рѣчку весело посмотрѣть, «на крылечкѣ посидѣть, на улицу поглядѣть»,—но вѣдь бабѣ-то (о которой и разговору нѣтъ такъ же, какъ не было и нѣтъ разговору о мужчинѣ) приходится таскать коромысла съ водой на зады, черезъ пустыри, между амбарами, черезъ широкую пустопорожнюю улицу, черезъ дворъ, черезъ загородь, приходится подниматься изъ-подъ горы на гору, т.-е. совершенно напрасно тратить силу неутомимой работницы, которая къ тому же рѣдко когда не бываетъ «*тяжела*».

VIII. Вятичи.

По счастію, въ удовольствіи видѣть оригинальность и самостоятельность жизни «своимъ умомъ» никогда не ощущается недостатка, разъ только хуторяне пришли на новыя мѣста изъ отдаленныхъ отъ «Москвы» мѣстностей. Разнообразіе въ обиходѣ жизни хуторянъ, случайно сдѣлавшихся на новыхъ мѣстахъ самыми ближайшими сосѣдями (на старыхъ они жили въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ), иногда выражается въ такихъ необычныхъ для каждаго изъ этихъ «ближайшихъ сосѣдей» формахъ, что всѣ они могутъ только недоумѣвать и дивиться, глядя на необычайные, для каждаго изъ нихъ, порядки въ жизни другъ друга.

— Не то что даромъ, а дай ты мнѣ тысячу рублей, и то я въ такихъ мѣстахъ жить не буду,—не только искренно, а даже съ нѣкоторымъ испугомъ говоритъ извозчикъ изъ черноземныхъ, дремучимъ лѣсомъ пробираясь съ проѣзжающимъ по пятиверстной просѣкѣ къ хуторамъ, населеннымъ вятичами. И дѣйствительно, не только черноземному, пріютившемуся на привольныхъ мѣстахъ и равнинахъ близъ большой дороги, немыслимо даже и подумать о возможности жить такъ, какъ живутъ вятичи, но и южно-русскій крестьянинъ, также весьма и во многомъ совершенно не-

похожій на черноземнаго, и тотъ бы испугался этихъ лѣсовъ, хотя и не пугается переселеній на Амуръ. На русскомъ и на малороссійскомъ языкахъ они одинаково выразили бы испугъ предъ непостижимымъ для нихъ размѣромъ труда, который положилъ вятскій крестьянинъ хотя бы только въ эту просѣку.

— Вѣдь это дебрь непролазная!—сказали бы по-русски и по-малороссійски одинаково привыкшіе къ труду на безлѣсной равнинѣ земледѣльцы.—Вѣдь тутъ и медвѣдь-то, и тотъ заблудится, дороги къ берлогѣ не найдетъ!

Глушь и дебрь, плотной, непроницаемой стѣной стоящія по обѣимъ сторонамъ узенькой просѣки, вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ страхамъ людей равнины и заставляютъ почти забывать тѣ мученія ѣзды по просѣкѣ, которыя приходится претерпѣвать на каждомъ шагу. На каждомъ шагу и телѣга и лошадь ломаютъ свои колеса и ноги на пняхъ, которые поминутно попадаются на пути. Каждую минуту лошадь спотыкается на этихъ пняхъ, а колеса, ударяясь и затѣмъ со скрипомъ вползая на нихъ, тотчасъ же раскатываются въ глубокихъ выбоинахъ около каждаго пня и ломаютъ телѣгу безпрестанными судорогами и корчами. А вѣтви деревьевъ каждую минуту стремятся хлестнуть и лошадь, и извозчика, и проѣзжающаго по лицу, по глазамъ и всячески стараются сорвать съ проѣзжающихъ шапки.

Но дебрь, глушь лѣсная, несмотря на постоянную потребность самообороны во время ѣзды по просѣкѣ, она-то и внушаетъ мысль о размѣрахъ положеннаго на эту просѣку труда. Могучія, вѣковыя деревья (дубъ, вязъ, липа, береза) высоко поднимаются надъ подростками, а подростки тонутъ въ чащобѣ всякаго рода растительности: прутнякъ, высокая трава, ползучія и вьющіяся растенія опутываютъ и корни и вѣтки всего этого растительнаго живья душной и тѣсной дебри; хмель первенствуетъ въ этомъ опутываніи и развѣшиваетъ свои гирлянды по могучимъ сучьямъ и вѣтвямъ могучихъ деревьевъ, иногда до самой вершины.

Кромѣ тѣсноты и духоты живущей дебри, вся она переполнена массою уже почахлой растительности, изсохшихъ прутняковъ, огромными скелетами когда-то могучихъ стариковъ лѣсного царства, разбитыхъ громомъ, изломанныхъ бурей, свалившихся отъ истощенія и по пути паденія къ сырой землѣ прекратившихъ существованіе всему, что попадалось мертвому тѣлу мертваго лѣсного великана. Но эта просѣка, изумляющая размѣрами труда, положеннаго въ нее

вятичемъ, еще только начало дѣйствительныхъ изумленій, которыя начинаются съ той минуты, когда изломанная лошадь вывозитъ изломанную телѣжонку съ изломанными путниками изъ просѣки на широкій просторъ полей. .

Теперь ужъ не просѣка, шириною въ три, три съ половиной аршина, овладѣваетъ вниманіемъ путника, а широкое пространство засѣянныхъ и колосящихся полей, очевидно, отнятыхъ трудами тѣхъ же рукъ того же вятича и у того же дремучаго лѣса. Среди широкаго пространства засѣянныхъ полей, какъ улья огромнѣйшаго пчельника, разсѣяны массы пней, которые при пахотѣ и посѣвѣ, несомнѣнно, надо было обходить и лошади, и пахарю, и косулѣ. Видишь, что косуля на каждомъ шагу должна была зацѣпляться за корни этихъ пней, которыхъ, очевидно, нѣтъ никакой возможности вырыть изъ земли. Понимаешь, что и жнитво, возка сноповъ среди этихъ пней—дѣло непостижимой трудности, и, понимая и видя все это, рѣшительно не понимаешь, какая нечеловѣческая сила могла совершить все это не болѣе какъ въ теченіе трехъ лѣтъ?

Въ три года сдѣлана просѣка, длиною въ четыре - пять верстъ, расчищены и засѣяны десятки десятинъ изъ-подъ лѣса, выстроено пять хуторовъ, отъ пяти до пятнадцати избъ въ каждомъ, при каждой усадьбѣ слажены всѣ необходимыя хозяйственныя постройки — погреба, помѣщенія для скотины, навѣсы, наилучшимъ образомъ расчищены эти же дебри для огородовъ, гдѣ не подобаетъ быть пнямъ въ такомъ количествѣ, какъ въ полѣ, гдѣ борьба съ ними на пространствахъ десятковъ десятинъ уже рѣшительно невозможна. И это все совершено въ три года, въ три года положено прочное начало жизни на новыхъ мѣстахъ, въ дикихъ лѣсныхъ дебряхъ, и продолженіе устроенія, видимо, не прекращается ни на одну минуту. Рубитъ и тешетъ топоръ, стучитъ въ кузницѣ у рѣчки молотъ, пилитъ пила; свѣжими щепками, обрубками, кучами нарубленныхъ и очищенныхъ для построекъ деревъ полны всѣ дворы, вся улица *) и всѣ незначительныя пространства вокругъ избы.

Непостижимо и непонятно все это для посторонняго наблюдателя, точно такъ же, какъ и для всякаго крестьянина, привыкшаго къ труду на безлѣсныхъ мѣстахъ. Но всѣ

---

*) Сторона улицы, противоположная ряду избъ, образуется загородью огородовъ.

эти загадки разгадываются самымъ простымъ образомъ, какъ только обыватель этихъ новыхъ избъ, заслышавъ звуки стонущей и охающей повозки, на минуту оставитъ свой топоръ и выйдетъ на улицу посмотрѣть, кого Богъ принесъ. И у этого крестьянина надѣты на ноги лапти, та же на немъ домотканная рубаха и прочая одежа, тѣ же онучи, та же борода, — словомъ, все то же во внѣшнемъ видѣ, что и у его ближайшаго сосѣда, но живетъ онъ не такъ, какъ живетъ его сосѣдъ, и не такъ, какъ сосѣдъ, работаетъ своей головой, и то, что его сосѣду смерть, то вятичу жизнь.

Дерево въ обиходѣ его жизни имѣетъ первенствующее значеніе; въ каждой избѣ точно мастерская; на самодѣльныхъ токарныхъ станкахъ выдѣлываются ступицы колесъ, затѣмъ и самыя колеса, и наконецъ цѣлыя повозки; стулъ, который выноситъ на улицу вятскій переселенецъ и предлагаетъ проѣзжему присѣсть, также собственнаго его издѣлія, и всѣ эти подѣлки продаются на базарахъ ближайшихъ селъ и деревень, населенныхъ старожилами. Лубокъ, лыко, мочала—все это дѣло рукъ вятскаго крестьянина; короба, обшивка колесныхъ и зимнихъ повозокъ, приготовленіе мѣшковъ, корзинъ, лукошекъ, деревянной посуды и мебели—все это говоритъ, что всякій крестьянинъ знаетъ цѣну дремучему лѣсу. Но, зная ему цѣну, онъ знаетъ также, какъ съ нимъ и справиться, совладать, покорить; кузница, да и не одна, составляетъ поэтому непремѣнную принадлежность всякаго хутора, населеннаго вятичами. Кузнечные молоты, не переставая, стучатъ по наковальнямъ; топоры всякихъ размѣровъ, пилы, земледѣльческія орудія, орудія, необходимыя въ кустарномъ производствѣ, — все это дѣлаетъ необходимымъ имѣть двѣ-три кузницы въ каждомъ поселеніи вятичей: постоянно надо ковать, точить, сверлить.

Пила и топоръ—вотъ съ чѣмъ начинаетъ онъ дѣло, на оффиціальномъ языкѣ именуемое «лѣсоистребленіемъ». Задача его — какъ можно скорѣе отодвинуть отъ себя эту непроницаемую стѣну лѣса, и онъ идетъ съ своимъ топоромъ и пилой не поперекъ подлежащей истребленію десятины лѣсной дебри, а вдоль ея, при чемъ ведетъ въ ней такую же просѣчную дорожку, на которой ему можно дѣйствовать только въ размѣрахъ, доступныхъ его рукамъ въ правую и лѣвую сторону. И такъ какъ такъ же поступаютъ всѣ его односельчане, то ряды начатыхъ ими просѣкъ, не

болѣе трехъ аршинъ ширины, быстро отодвигаютъ стѣну дремучаго лѣса; топоръ рубитъ, пила пилитъ и валитъ на землю все, что спилено и срублено, и шагъ за шагомъ подвигается впередъ хозяинъ пилы и топора и такимъ образомъ выбирается къ свѣту, къ ничѣмъ не заросшей полянкѣ.

Послѣ очистки всего спиленнаго и срубленнаго, что требуетъ, несомнѣнно, большого умѣнія и знанія, топоръ сопутствуетъ вятскому крестьянину и при превращеніи освобожденной изъ-подъ лѣса земли въ пашню. При всякомъ затрудненіи, которыя на каждомъ шагу должна преодолѣвать косуля, вятскій крестьянинъ пускаетъ въ ходъ топоръ, рубитъ корни и даетъ возможность косулѣ и лошади продвинуться впередъ. Вятскіе крестьяне утверждаютъ, что ихніе лошади сами чувствуютъ, когда не слѣдуетъ рваться и тратить свои силы безъ толку, и останавливаются всегда, когда нужно облегчить ихъ трудное дѣло при помощи топора. Кромѣ всего этого, лѣсъ необходимъ вятичамъ и потому, что пчеловодство въ ихъ средствахъ жизни имѣетъ весьма немалое значеніе. Въ глухихъ дебряхъ, на полянкахъ, къ которымъ еще нѣтъ просѣкъ, повсюду разсѣяны пчельники *). Ульи также составляютъ предметъ своеручнаго производства вятичей.

Такъ идетъ своеобразная жизнь вятичей, и идетъ, какъ и у всѣхъ, живущихъ на свой образецъ переселенцевъ, хотя и здѣсь, какъ и вездѣ и у всѣхъ, долги и неплатежи, особливо Крест. банку, возросли уже выше головы. Куча писанныхъ и печатныхъ требованій, *касающихся* всякаго

---

*) При посѣщеніи вятскихъ хуторовъ намъ разсказывали объ одномъ старичкѣ, великомъ любителѣ пчеловодства. Каждую весну онъ на свои средства приходитъ къ своимъ переселившимся односельчанамъ и учитъ ихъ на новыхъ мѣстахъ всему, что касается его любимаго дѣла. Осматриваетъ пчельники, дпюетъ на нихъ и ночуетъ, показываетъ, какъ и что надо дѣлать, и когда сдѣлаетъ все, что нужно для успѣха дѣла знать молодому поколѣнію его односельчанъ, онъ уходитъ обратно домой.

И къ нашимъ черноземнымъ приходятъ съ старыхъ мѣстъ, но—увы!— приходятъ только за взысканіемъ оставшихся за переселенцами недоимокъ и частныхъ долговъ. Появились какіе-то антрепренеры, спеціалисты по части этихъ взысканій, выродившіеся изъ неудавшихся кабатчиковъ и кулаковъ. Общества сговариваются съ ними на условіи полученія половины всего, что будетъ выцарапано ими при содѣйствіи мѣстнаго начальства. Въ сущности же эти спеціалисты, не неся никакой отвѣтственности передъ обществами, только новый родъ разорителей народа.

рода платежей, и здѣсь собрана уже въ большомъ коробѣ, конечно, мѣстнаго кустарнаго производства. Здѣсь у вятичей общія для переселенцевъ требованія и угрозы, не въ примѣръ прочимъ, даже еще пополнены собственными требованіями и угрозами переселенцевъ самихъ къ себѣ; такъ, напр., мірскимъ приговоромъ постановлено: «За порубку лѣса, какъ въ общемъ, принадлежащемъ товариществу, такъ и въ отдѣльныхъ для каждаго двора участкахъ, вносить по 2 рубля за каждый дубъ, по 1 р. за вязъ, по 50 к. за возъ дровъ, возъ лыкъ» и т. д., при чемъ прибавлено: *«а за озорство по пяти ударовъ розогъ»*, а если озорство будетъ сдѣлано и во второй разъ, *«то деньгами и розгами вдвойнѣ»*. Даже и эта добровольно налагаемая вятичами на самихъ себя угроза и острастка, какъ соотвѣтствующая ихъ собственнымъ предначертаніямъ, все-таки понятна въ своей оскорбительной для человѣка сущности, не въ той безсмысленной и бездѣльной оскорбительности, съ которою эти же 5 ударовъ получали въ нашихъ волостныхъ правленіяхъ только за то, что человѣку нечѣмъ платить недоимокъ. И все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. все, сдѣланное вятичами, какъ и другими хуторянами, пришедшими изъ отдаленныхъ мѣстъ, вполнѣ сознательно, съ цѣлями вполнѣ опредѣленными, невольно радуетъ за человѣка вообще, на каждомъ шагу проявляющаго работу своей мысли и дающаго, хотя на малое время, полную возможность не видѣть въ немъ только неплательщика.

IX. Сибирская дорога и переселенцы.

Долголѣтній опытъ выяснилъ намъ неурядицу переселенческаго дѣла (неразрывнаго съ неурядицей въ положеніи земледѣльческаго класса на старыхъ мѣстахъ) исключительно только въ образѣ множества человѣческихъ существъ, почему-то оказавшихся въ безысходномъ положеніи. За исключеніемъ только-что обнародованнаго (24 сент. 1889 г.) законоположенія объ организаціи переселеній на казенныя земли, единственная *новая* черта, сколько-нибудь отличающая въ наши дни всегда унылую картину переселенческаго движенія, это значительно увеличившіеся

размѣры правительственной и частной благотворительности.

Правительство, выдававшее до настоящаго года отъ 5 до 10 т. на каждую изъ переселенческихъ станцій, съ будущаго года увеличиваетъ размѣры пособій переселенцамъ болѣе чѣмъ на 100 т. р. Частныя пожертвованія съ сотенъ рублей возросли до тысячъ, но въ то же время весной 1889 г. сибирскія телеграммы доносили до насъ такіе раздирающіе душу стоны и вопли, какихъ мы не слыхивали до настоящаго времени.

Быть-можетъ, именно эти раздирательные вопли и были причиною моихъ «мечтаній» о возможности наилучшимъ образомъ устроить и организовать переселенческое дѣло. Мечтанія эти возникли одновременно съ вѣстями и слухами о постройкѣ Сибирской дороги и выразились въ такихъ соображеніяхъ:

Когда менонитамъ, колонистамъ Таврической губ., сталъ извѣстенъ законъ 1873 г. о воинской повинности, 165 семей рѣшились переселиться въ Америку. Семь человѣкъ депутатовъ, которыхъ таврическіе мениониты послали въ Америку, чтобы осмотрѣть новое отечество и выбрать подходящія для поселенія мѣста, объѣхали весь западъ Америки, и, какъ представители значительной партіи переселенцевъ, они всюду пользовались *даровыми билетами и помѣщеніями отъ тѣхъ желѣзнодорожныхъ компаній, земли которыхъ они осматривали.* Выборъ палъ на долину Арканзаса, тогда еще *почти совершенно пустынную,* и вся земля подъ поселеніе была куплена у *компаніи желѣзной дороги* по 2 доллара, съ разсрочкой на 11 лѣтъ, при чемъ компанія обязалась выстроить въ центрѣ купленной земли два большихъ дома для временнаго помѣщенія имѣвшихъ прибыть переселенцевъ. Въ 1874 г. послѣдовало переселеніе менонитовъ. Дома были уже готовы, и слишкомъ 800 душъ помѣстились въ нихъ. Мениониты рѣшили поселиться общинами и кинули жребій, — сперва между этими общинами, затѣмъ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя съ самаго начала рѣшили перейти къ участковому землевладѣнію, между членами. Въ два-три мѣсяца были построены жилища, *и дикая прерія обратилась въ густо заселенную страну.* Дома, выстроенные желѣзнодорожной компаніей, были обращены — одинъ въ школу, другой въ церковь, и жизнь новыхъ поселеній пошла своимъ путемъ. Одинъ очевидецъ, посѣтившій менонитовъ четыре года спустя,

вездѣ нашелъ станціи и полустанки, черезъ каждыя 3—4 мили, повсюду элеваторы для храненія хлѣба и приспособленія для нагрузки скота *).

Этотъ поучительный примѣръ широко и плодотворно осуществленнаго дѣла—заселенія и оживотворенія пустынь при содѣйствіи американскихъ компаній желѣзныхъ дорогъ—полагаемъ, окончательно затмеваетъ суетныя цѣли защитниковъ и противниковъ Сибирской желѣзной дороги. И тѣ и другіе хотятъ только «укрѣпиться» на Тихомъ океанѣ и не дать ходу китайцамъ, и все это въ предѣлахъ только Приамурской области, на всемъ же остальномъ пространствѣ Сибири желѣзная дорога стянетъ въ Сибирь только темныхъ людей со всей имперіи **). Въ Америкѣ темныхъ людей, несомнѣнно, тьма-тьмущая; туда они стекаются не только со всѣхъ концовъ республики, но буквально со всѣхъ концовъ свѣта; и однакоже мы видимъ, что американскіе капиталисты, затрачивая огромные капиталы, думали не о темныхъ людяхъ, а о тѣхъ милліонахъ трудящагося народа, которымъ нѣтъ мѣста въ густо-населенныхъ странахъ и которые хлынутъ на новыя земли, оживятъ пустыни, и у компаніи желѣзныхъ дорогъ образуется и продавецъ, и производитель, и потребитель.

Если бы въ проектъ предполагаемой Сибирской желѣзной дороги, какъ непремѣнное условіе, вошло и рѣшеніе переселенческаго вопроса, и если бы постройка шла вмѣстѣ съ заселеніемъ прокладываемаго пути, то «первые же вагоны» привезли бы не сотню темныхъ плутовъ, но массу переселенцевъ, народа, жаждущаго земли, бѣдствующаго отъ безземелья, привезли бы сотни тысячъ и милліоны. И схлынуло бы въ Сибирь на новыя мѣста прежде всего все то несмѣтное множество рабочихъ рукъ, которое ежегодно не находитъ возможности примѣнить свою трудовую силу и, истощенное голодомъ, массами возвращается съ Кавказа, съ Поволжья, со всего черноморскаго и азовскаго побережья. Схлынетъ еще болѣе многочисленный на Руси—*безземельный*, истощенный тяжкимъ и безплоднымъ трудомъ на лоскуткѣ земли, арендуемой за большія деньги, и тысячами ссылаемый въ настоящее время сельскими обще-

---

*) Подробный отчетъ о колоніяхъ менонитовъ въ Америкѣ напечатанъ въ «Устояхъ» 1882 г., № 10, г. П. Дементьевымъ, лично посѣтившимъ колонистовъ на новыхъ мѣстахъ.

**) «Вост. Об.» № 30.

ствами какъ «вредный», хлынетъ и онъ, совершенно утративъ необходимость быть вреднымъ, и предпочтетъ кражѣ огурцовъ или курицы работу на полотнѣ желѣзной дороги и, навѣрное, осядетъ тамъ, гдѣ и работалъ. Схлынетъ туда все жаждущее земли. со всѣхъ концовъ Россіи (какъ въ Америкѣ—со всѣхъ концовъ свѣта), и все, что̀ есть разновѣрнаго, разноплеменнаго, все объединится ближайшимъ сосѣдствомъ и взаимными отношеніями.

При такихъ условіяхъ не гремѣла бы Сибирская желѣзная дорога пустопорожними вагонами, а везла бы милліоны производительныхъ силъ, везла бы все, что̀ нужно для обихода жизни новосела-крестьянина, и тогда было бы дѣло и для торговли и для промышленности, было бы что̀ привезть и что̀ вывезть.

Сибирская дорога — это воскресеніе изъ мертвыхъ несмѣтнаго количества безземельныхъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воскресеніе изъ мертвыхъ сибирскихъ пустынь, оживотвореніе ихъ живою жизнью, и вообще великое, всероссійское и всенародное дѣло. Послѣ всевозможнаго рода мѣропріятій, направленныхъ къ «упорядоченію» переселенческаго движенія, спрашивается, до какихъ собственно существенныхъ благъ дожили тюменскіе горемыки? Дожили они только *до бумаги*, свято хранимой, какъ драгоцѣнность, у каждаго горемыки на груди, въ бумагѣ обозначенъ лотерейный нумеръ надѣла, который гдѣ-то и кто-то нарѣзалъ горемыкѣ въ Сибири. Бываетъ, что безземельный и выиграетъ въ лотерею «земной рай», но чаще всего онъ получаетъ пустой билетъ, проигравъ всѣ свои рублишки до копейки, и плетется опять на старое пепелище. Еще горшее бѣдствіе ожидаетъ его, если онъ «завязитъ коготокъ» въ кредитѣ Крестьянскаго банка. Банкъ прежде всего отберетъ отъ него (въ видѣ приплаты) всѣ тѣ рублишки, которые крестьянину необходимы, «до зарѣзу» необходимы, на начатіе хозяйства на новыхъ, только-что купленныхъ мѣстахъ, и затѣмъ обременитъ безземельнаго огромнѣйшимъ долгомъ, не позволитъ ему рубить лѣсъ, если онъ есть, не позволитъ отдавать въ аренду ни луговъ ни пашни, а черезъ шесть мѣсяцевъ, послѣ полнаго истощенія всѣхъ средствъ къ существованію, потребуетъ уплаты процентовъ и погашенія. За шесть лѣтъ своего существованія Крестьянскій банкъ изъялъ изъ крестьянскихъ сбереженій 15.020.235 руб. да долгомъ обременилъ въ 58.012.256 руб. И все это непомѣрное количество де-

негъ израсходовано для *покупки* (якобы) лишь 1.607.291 десятины, т.-е. на 752.721 существо пришлось лишь мечтательное владѣніе еле-еле двумя десятинами.

Ни лотерейные билеты, ни затруднительныя условія кредита въ Крестьянскомъ банкѣ ни въ малѣйшей степени не содѣйствовали, не содѣйствуютъ и не могутъ содѣйствовать оживленію и заселенію кавказскихъ, оренбургскихъ, среднеазіатскихъ и сибирскихъ пустынь. Пустопорожніе вагоны гремятъ по всей Закаспійской дорогѣ, отъ Самары до Оренбурга, отъ Самары до Уфы, до Златоуста, до Челябинска. И гремятъ они въ плодороднѣйшихъ степныхъ мѣстностяхъ, въ очаровательныхъ приуральскихъ предгоріяхъ, гдѣ цѣна земли ничтожная сравнительно съ тѣми цѣнами аренды за квадратныя сажени, которыя обречены во внутреннихъ губерніяхъ платить *безземельные земледѣльцы*.

Таковы наши мечтанія, но не такова дѣйствительность. Къ ней мы и возвратимся, заканчивая наши замѣтки.

III. Не знаешь, гдѣ найдешь.

Разсказъ крестьянина-сибиряка о «россійскомъ».

1.

На большомъ западно-сибирскомъ «тракту», въ глубинѣ обширнаго двора, принадлежащаго коренному сибиряку изъ «дружковъ», пріютилась переселенческая семья, отставшая отъ партіи и поджидавшая другую, чтобы не быть въ дорогѣ одинокой. Тамъ, въ углу двора, виднѣется маленькая ветхая повозка на маленькихъ полусгнившихъ колесахъ; около повозки толкается, отмахиваясь жидкимъ хвостомъ отъ оводовъ, тощая и также, соотвѣтственно повозкѣ, микроскопическая лошаденка. Около повозки и лошади копошатся какіе-то сѣроватаго цвѣта люди; кто мужикъ, кто баба,—не разберешь: тощи они, сѣры, малы; мальчикъ или дѣвочка бѣгаетъ тутъ же около повозки и лошади, также разобрать довольно трудно. Дворъ обширенъ, а «россійскій» переселенецъ дожилъ въ своихъ мѣстахъ до такихъ микроскопическихъ размѣровъ во всѣхъ отношеніяхъ, что издали, отъ воротъ или съ крыльца, не сразу разберешь, что̀ тамъ такое копошится въ углу? Видно, что есть тамъ что-то живое и движущееся, а разобрать сразу, что̀ именно тамъ есть—не разберешь.

Однако скоро оказалось, что переселенецъ запрягалъ свою микроскопическую лошаденку въ микроскопическую повозку и собирался уѣзжать. Скоро повозка его выбралась изъ-подъ палящихъ лучей солнца, стала видна ясно и приблизилась къ крыльцу настолько близко, что я могъ довольно хорошо разглядѣть ее въ подробностяхъ. Въ повозкѣ сидѣли ребятишки, мальчикъ и дѣвочка, въ такихъ же сѣрыхъ отъ грязи рубашонкахъ, какія были на тощей

матери и на тощемъ отцѣ. Забота или равнодушіе выражались на лицахъ крестьянина и его жены, хорошенько нельзя было понять, но кажется, что то и другое одинаково отражалось на этихъ простыхъ, добрыхъ, усталыхъ лицахъ. Не знаю почему, мое вниманіе привлекла та дерюга, которою была покрыта кибитка, кой-какъ устроенная изъ древесныхъ вѣтвей; вся эта покрышка состояла буквально изъ заплатъ, тщательно, всякими швами и всякаго сорта нитками пришитыми одна къ другой, и я, всматриваясь въ эту дерюгу, неожиданно ощутилъ какое-то впечатлѣніе безмѣрнаго страха, но не успѣлъ выяснить себѣ его (это сдѣлалось впослѣдствіи), потому что на крыльцѣ появились хозяинъ съ хозяйкой и вступили съ переселенцемъ въ разговоръ. Переселенецъ кланялся, держа въ рукахъ шапку, кланялась и его баба; оба они благодарили за пріютъ. Жаловались, что нечѣмъ благодарить, и что трогаться надо, потому что, съ часъ времени назадъ, «по тракту» проѣхали три повозки съ переселенцами, и переселенцу хотѣлось догнать ихъ на ночлегѣ, чтобы потомъ уже и ѣхать дальше вмѣстѣ.

Кибитка, дрожавшая и колебавшаяся, прошла мимо моего тарантаса и исчезла. Скрипнули отворявшіяся ворота и скоро захлопнулись, затворяясь. Переселенцы уѣхали, а сибирякъ-хозяинъ съ своей женой-сибирячкой, люди молодые, румяные и оба, такъ сказать, просторнаго тѣлосложенія, усѣлись неподалеку отъ меня на крыльцѣ. Они только-что покончили «съ прикусками» и большимъ самоваромъ и, ожидая, пока вскипитъ другой и пока поспѣютъ новыя «прикуски», вздумали посидѣть на крылечкѣ, на солнышкѣ.

— И что̀ это за народъ за такой, эти «россійскіе»!—съ смѣшливымъ недоумѣніемъ проговорилъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой, хозяинъ-сибирякъ.—Какъ россійскій встрѣлся,—нѣтъ съ нимъ никакого разговору, окромѣ какъ—«земля, земля, земля» да «душа, душа, душа». Только и всего, и никакихъ словъ у него нѣту больше!

— Да еще—«Богъ»!—прибавила сибирячка, огласивъ дворъ звонкимъ фальцетомъ, доказывавшимъ, что она принимала въ уничтоженіи «прикусокъ» немалое участіе.

— Вотъ и это еще! Это вѣрно! Богъ также во всякомъ случаѣ; что̀ ни слово, то «Богъ, Богъ, Богъ», а промежду того опять же «земля, земля, земля» да «душа, душа, душа». О чемъ ты съ нимъ ни заговори, ужъ никакимъ родомъ онъ не минуетъ, чтобы не обернуть разговору

округъ земли да округъ души, да Бога, между прочимъ, завсегда во всякое слово примѣшаетъ,—хоть ты что̀ хошь!

Сибирячка на этотъ разъ отвѣтила на соображенія своего мужа только повтореніемъ фальцета, болѣе звонкимъ, чѣмъ прежде, и ничего не прибавила лично отъ себя къ наблюденіямъ своего мужа.

— Оборачивается винтомъ въ этихъ самыхъ словахъ, и никакимъ родомъ его оттуда не вывинтить! И все ведетъ къ одному—«отдай!». Тоже это ихнее, любимое... «Кабы Богъ далъ, такъ бы и туда отдалъ и сюда отдалъ... Богъ-то не далъ, а тамъ говорятъ: «отдай!». Тамъ отдай, здѣсь отдай. Отдай да отдай! «Кабы двѣ души», «да земли», «да Богъ бы далъ», такъ бы и отдалъ. А то чѣмъ отдашь? Коли Богъ... земля, душа!» И пош-шолъ и пош-шшолъ оборотомъ, оборотомъ винтить, винтить, хоть ты помирай! И чего живетъ, никакимъ родомъ не сообразить!

Послѣдняя фраза, сказанная съ самымъ искреннимъ недоумѣніемъ, доказывала, что она есть результатъ весьма продолжительныхъ наблюденій сибиряка надъ «россійскими». Мнѣ вздумалось потолковать съ нимъ подробнѣй (вѣдь сибирякъ-крестьянинъ не зналъ ни бурмистра ни Карла Карловича), и такъ какъ въ это время самоваръ былъ готовъ и сибирячка уносила его съ крыльца въ домъ, приглашая туда же и мужа, то и меня взяла охота пойти туда же и побесѣдовать за чаемъ.

2.

Скоро я былъ въ большой чистой избѣ, съ потолкомъ, полатями, лавочками и поломъ, выкрашенными масляною краской желтаго цвѣта, сидѣлъ за такимъ же выкрашеннымъ столомъ, пилъ чай и разговаривалъ. Разговоръ шелъ на ту же тему, которая была предметомъ размышленій сибиряка, когда онъ сидѣлъ на крыльцѣ, и я передавать его не буду. Но кое-что онъ и пояснилъ въ своемъ опредѣленіи.

— И вѣдь какой народъ! Ни одѣть ни обуть, и ѣсть ни ему ни ребятамъ почитай-что нечего, а толкуетъ только о землѣ да о душѣ. Иной разъ глядишь-глядишь на нихъ (много мы ихъ перевидали), да и самъ, признаться, о Богѣ-то подумаешь! Должно-быть, что дѣйствительно премудрость какая-нибудь мыкаетъ ихъ по свѣту. По-нашему этого не сообразить. Съ однимъ какимъ-то переселенцемъ россійскимъ такой на нашихъ глазахъ оборотъ вышелъ, что и нехристь, а и тотъ въ Бога увѣруетъ.

— Это ты про Андрея разсказываешь? припомнивъ что-то, спросила сибирячка.

— Да нешто мало ихъ, такихъ-то Андреевъ? Чтò ни россійскій, то и Андрей.

— Нѣтъ, ужъ съ Андреемъ вышло совсѣмъ особенное!

— Со всякимъ то же самое! — сурово опровергалъ мужъ, опоражнивая чашку за чашкой.

Судьба этого Андрея такъ заинтересовала меня, что я постарался вызвать сибиряка на подробный разсказъ о немъ.

— Года съ два никакъ Андрей-то этотъ въ нашихъ мѣстахъ показался. Пришелъ онъ съ прочими, со своими же «курскими», и всѣмъ имъ какъ разъ назначено было въ нашихъ мѣстахъ оставаться; земля имъ отведена тутъ, около нашего села, въ тридцати верстахъ. Пріѣхали они, выправили въ волости бумаги и ушли на новыя мѣста, а Андрей не поѣхалъ, остался. Тутъ же вотъ у насъ, на дворѣ, примостился, амбаръ пустой выпросилъ. «Чего же ты, говорю, не ѣдешь съ своими-то?» — «Да боязно мнѣ, говоритъ, ѣхать-то. Пообгодить надо... Горе, говоритъ, со мной случилось...» — «Чтò же такое?» — «Да сынъ, говоритъ, двѣнадцати годовъ на дорогѣ у меня померъ». Сказалъ про сына-то, и сейчасъ что-то, какъ вотъ у нихъ всегда бываетъ, «земля, земля, земля», «душа, душа, душа». Тогда я не вникалъ въ это, не понималъ, и дивлюсь, чтò онъ про сына-то не говоритъ? Спасибо, баба — въ повозкѣ она больная лежала — подняла голову, завыла на весь дворъ и разсказала: — «Хворать началъ еще въ Тюмени... Выѣхали оттуда, жаръ его сталъ палить. Пить проситъ, знобитъ его... А остановка въ полѣ, ночи холодныя, такъ и скончался!» Реветъ баба, горько убивается; и у мужика слеза было-показалась, только онъ ее рукавомъ утеръ и сейчасъ же опять за свое. «Бумага-то, говоритъ, у меня дадена на двѣ души... Это вѣдь тридцать десятинъ по-здѣшнему. Коли бы ежели сынъ-то былъ живъ, я бы тридцать десятинъ взялъ... половину бы отдалъ на съемъ. Есть, говоритъ, изъ нашихъ и съ деньжонками люди, возьмутъ въ аренду... Все бы я справился кое-какъ, деньжонокъ бы получилъ, да и самъ бы поработалъ, было бы съ чего взяться... А какъ Господь-то меня покаралъ, сына-то взялъ, вѣдь по бумагѣ-то мнѣ на двѣ души не дадутъ. Да и баба-то ужъ больно убивается, скучитъ по родному дѣтищу. Ослабла совсѣмъ, какая она теперь работница!.. А мнѣ одному тоже трудно взяться. Вотъ и не знаю — какъ

быть? Обгодить надо». И опять повернулъ на землю да на душу. Даже спросишь о бабѣ,—поправляется ли, молъ?—«Мается»,—говоритъ, и въ ту же минуту опять и про бумагу и про землю. Такъ ужъ мысли у него такія все скучныя были. Потолковалъ я съ нимъ такъ и разъ, и два, и три,—все то же самое... Скучитъ все про землю да про душу, да Бога поминаетъ... Ну, думаю, живи какъ знаешь,—оставилъ его, пересталъ съ ними разговоры разговаривать.

— Они тогда у насъ недѣли съ двѣ прожили!—прибавила съ своей стороны сибирячка.

— Не упомню хорошенько, двѣ ли, три ли недѣли, только я этого Андрея не касался. Попроситъ хлѣба,—дашь... Поработаетъ. И все молчитъ, все, я вижу, одно и то же думаетъ, а баба все лежитъ въ повозкѣ. Молчитъ, молчитъ, да какъ взвоетъ на весь дворъ, да какъ начнетъ причитать,—душа разрывается. А потомъ опять молчитъ. Спросишь иной разъ Андрея:—«Что̀ это баба-то твоя убивается?» А онъ отвѣчаетъ:—«Какъ же не убиваться?.. Тоже нарожденіе наше, какой парень-то былъ, да опять, какъ ежели бы живъ былъ...» Ну, и все какъ обыкновенно. Не дослушаешь и уйдешь. Такъ и шло время. «Чего онъ дожидается?»—думаю; однако не разспрашивалъ, не касался. Только однажды—гляжу, и самъ онъ идетъ ко мнѣ.—«Такъ и такъ, говоритъ, баба-то моя вѣдь тяжелая... Того и гляди родить ей придется... Уступи мнѣ, сдѣлай милость, амбарчикъ на это время». Тутъ я понялъ, чего онъ дожидается. И амбарушку ему далъ, а баба моя и повитуху ему указала. Узналъ я это, и такъ мнѣ стало его, признаться, жалко. Какъ ему быть съ больной бабой въ чужой сторонѣ? Ничего, почитай, у него нѣтъ, и самимъ-то ѣсть нечего, чѣмъ и ребенка-то кормить? Баба хворая, тощая; мучается она, что сынъ у нея померъ, покою не знаетъ, плачетъ. Такіе прискорбные они мнѣ показались, не видывалъ я такого бѣдствія. Пропадаютъ люди прямо на глазахъ. «Эхъ, Андрей, Андрей,—говорю ему какъ-то однова:—плохо твое дѣло! Какъ-то ты справишься? И что̀ дѣлать-то будешь?» Пропадетъ, думаю, какъ трава отъ морозу. А между тѣмъ, вижу, не то: смотритъ на меня Андрей, и лицо у него не скучное! Какъ бы ужъ тутъ-то не заскучать? Вѣдь бѣда идетъ неминучая, дѣло видимое, а онъ, наоборотъ тому, даже какъ бы и повеселѣлъ. «Авось, говоритъ, Богъ и поможетъ?»—«Что̀ же, говорю, все Богъ да Богъ. Ты самъ видишь, какія твои дѣла». А онъ ту-жъ

минуту выхватилъ изъ-за пазухи свою «бумагу» да и отрапортовалъ мнѣ:—«Вѣдь баба-то родитъ либо сегодня, либо завтра. А ну, какъ Господь дастъ, опять мальчика? Вѣдь тогда прямо тридцать десятинъ по бумагѣ должны выдать. А ежели мнѣ тридцать-то десятинъ, такъ вѣдь я въ аренду половину-то!» И пошелъ, пошелъ колесить и винтомъ-винтомъ оборачивать—и Богъ, и земля, и душа! То-есть плюнулъ я и ушелъ прочь! И не подходилъ! А только отъ людей слышу: идетъ въ амбарѣ—страсть Господняя! Слышу: «родила дѣвочку». Думаю: «ну! пропалъ мужикъ!» И точно, разсказываютъ, свалился, говорятъ, Андрей съ ногъ. «Руки, говоритъ, на себя наложу. Пропалъ я, кричитъ, пропалъ, пропалъ, пропалъ!..» Плачетъ даже!.. Потомъ, слышу: «померла дѣвочка». Весь дворъ, всѣ наши бабы въ одинъ голосъ говорятъ: «Слава Богу!» Вижу, и Андрей очнулся, ходитъ по двору, а что̀ теперь будетъ дѣлать, на что надѣется, не спрашиваю. Говорю бабѣ моей:—«Оставимъ его въ работникахъ, вмѣстѣ съ его бабой?» Жалко вѣдь, истинно жалостно смотрѣть. И порѣшили-было такъ, но Андрей не остался. Напалъ на него и на жену необыкновенный страхъ, обуялъ ихъ испугъ какой-то. Баба его первая испугалась: и сына у нихъ нѣтъ, и еще ребенокъ умеръ, и зачѣмъ это они въ этой чужой сторонѣ? «Домой, домой, домой!—взмолилась баба:—опять въ свои мѣста». И мужикъ-то тоже совсѣмъ обезумѣлъ... Такъ мы и не видали, какъ они второняхъ со двора съѣхали. Спрашивали мы потомъ у новыхъ переселенцевъ, не встрѣчали ли такихъ-то и такихъ-то «курскихъ». И сказывали намъ также ихніе «россійскіе», что видѣли ихъ, «ѣдутъ», а потомъ говорили, что видѣли ихъ ужъ безъ повозки, безъ лошади подъ Пермью. А наконецъ и совсѣмъ слухъ о нихъ прекратился... Такъ они и канули. Мы такъ и почитали, что не дойдутъ они до мѣста и сгинутъ гдѣ-нибудь въ чистомъ полѣ. И что-жъ однако вышло?

Вѣроятно, то, что̀ вышло, было до того необыкновенно, что и самъ хозяинъ-разсказчикъ и его жена, не разъ вздыхавшіе во время разсказа, вдругъ развеселились, и лица ихъ засіяли самымъ радостнымъ выраженіемъ.

3.

— То-есть такое вышло удивительное дѣло,—кажется, и въ сказкахъ такого не разсказывается! Проходитъ года два, мы и думать-то забыли объ Андреѣ. Разъ какъ-то,

ужъ нынѣшнимъ лѣтомъ, слышу, какая-то баба, которая при родахъ Андреевой жены была, говоритъ:—«Арестанты, говоритъ, прошли сегодня, въ пересыльную, и кажись, будто Андрей съ женою тамъ...» А у насъ тутъ за селомъ,—сами, чай, видѣли,—большая пересыльная тюрьма. — «Не опозналась ли, молъ?» —«Нѣтъ, говоритъ, какъ будто они самые». Что-жъ, можетъ, и грѣхъ отъ бѣдности попуталъ. И еще прошелъ мѣсяцъ, ни слуху ни духу не было. Однова я вышелъ на крыльцо, утромъ,—смотрю: Андрей и жена, и новая повозка съ лошадью! И такіе они превеселые, здоровые —удивленіе! - «Какъ такъ?—спрашиваю ихъ.— Откуда? Какимъ манеромъ? Сказывали про васъ, что въ арестантской партіи васъ запримѣтили?» — «Точно, говоритъ, точно такъ! Привелъ Богъ поэтапомъ проѣхать! Дай Богъ здоровья начальству! Отправило поэтапомъ! Накормило, пригрѣло, пріютило! Въ жизнь свою мы такого удовольствія не видали, какъ въ поэтапѣ!» И ужъ какъ рады-то! то-есть, ежели и двѣсти тысячъ выиграть, и то этакъ-то не обрадуешься!.. Стали разспрашивать, и разсказали они намъ: — «Добрались мы, говорятъ, до своихъ мѣстъ, въ лютую зиму, пѣшкомъ... еле живы... Какъ ужъ добирались, объ этомъ и вспомнить страшно... Добрались до своего села, пріютились въ работникахъ. Потребовали насъ въ волость и спросили бумаги. А бумаги-то у насъ ужъ сибирскія; мы ужъ оказались не курскіе, а ваши, сибирскіе, къ вашему обществу приписанные... Какъ поглядѣлъ писарь въ бумагу-то, осердился и говоритъ:—«Васъ, говоритъ, надо поэтапу, обратно!..» Какъ онъ сказалъ «поэтапу», такъ баба-то и упала безъ чувствъ, думала — «въ каторжную работу». А очнулась, взвыла, какъ малый ребенокъ. Еле-еле ее на телѣгу полумертвую положили... А потомъ, какъ повезли насъ, смотримъ мы и дивуемся: ничего худого нѣту, все хорошо. И одежу дадутъ, и ночлегъ, и три раза въ день кормятъ, и каждую недѣлю баня... «Что̀ такое, думаемъ, чего мы боялись? Дай Богъ всякому, какъ въ поэтапѣ, пожить!» И что̀ дальше, то лучше: ни копейки не спрашиваютъ, а все даютъ; кончили трактъ, помчали по машинѣ, а потомъ пароходомъ, а потомъ пѣшимъ ходомъ, съ роздыхами, съ остановками... Отъѣлись, отдышались мы съ бабой, какъ этого и въ жизнь не бывало. Порумянѣла даже, молъ, моя старуха, погляди-ка-сь! Ей-Богу!» И точно, и мужикъ окрѣпъ, повеселѣлъ, а баба и совсѣмъ стала похожа на человѣка. Точно совсѣмъ другіе люди

пришли! Разсказали они потомъ, какъ ихъ довезли до города, гдѣ была переселенческая станція. Тамъ ихъ выпустили на волю, указавъ имъ, гдѣ живетъ начальникъ; начальникъ имъ помогъ, далъ денегъ заимообразно на лошадь и повозку да пять рублей на харчи; помогли и другіе добрые люди, заглядывавшіе на станцію посмотрѣть переселенцевъ, и вотъ они уже здоровые и не скучные, а совсѣмъ даже веселые, опять къ намъ пріѣхали... И такую они пустили славу про «поетапъ», что теперь и на поселкѣ и въ партіяхъ только и слышно, что про этотъ самый этапъ. — «Отчего насъ по этапу не везутъ? Это богатые пускай ѣдутъ на свои деньги, а насъ, бѣдныхъ, обязательно ублаготворить по этапу! Ишь Андрюшка-то съ своей бабой разъѣлся какъ!..»

— Ну, а самъ-то Андрей какъ теперь?—спросилъ я:— какія у него теперь мысли въ головѣ?..

— Да какія? Какія были, такія и остались... Какъ-то встрѣтился я съ нимъ на базарѣ, заговорилъ съ нимъ, спросилъ: «хорошо ли, молъ, теперь?»—«Земли, говоритъ, нарѣзали на одну душу, да Богъ дастъ баба родитъ мальчика, потому она опять тяжела, такъ тогда какъ разъ по бумагѣ выйдетъ... Я, говоритъ, думаю, безпремѣнно мальчика, потому не было скучныхъ мыслей. Коль Богъ дастъ, такъ тридцать-то десятинъ...» И-ну, окончательно, опять тотъ самый оборотъ винтомъ и округъ того же самаго... «Ну, говорю, ладно!» Такъ и разошлись, и съ тѣхъ поръ не видалъ его, да и пущай его. Надоѣдно даже!

— Такъ вотъ... незнамо какъ живутъ! — умозаключила сибирячка и, въ виду присутствія посторонняго лица, постаралась скрыть еще одинъ фальцетъ.

4.

На этомъ окончился разговоръ, собственно, о «россійскомъ». Не знаю, удовлетворитъ ли онъ читателя и дастъ ли ему отвѣтъ на вопросъ: «И чего живутъ?» Не въ видахъ уясненія этого вопроса, а только для того, чтобы читатель самъ могъ сосредоточить на немъ вниманіе, мнѣ остается передать еще только о томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня дерюга, покрывавшая переселенческую кибитку.

Разсматривая ее (потому что повозка довольно долго была передъ моими глазами), я понялъ, что она—почти вѣковая лѣтопись неустаннаго крестьянскаго труда. Вся она со-

стояла изъ заплатъ, сшитыхъ одна съ другой и нашитыхъ одна на другую; несомнѣнно, что здѣсь были труды прапрабабушекъ, переданные въ видѣ обносковъ прабабушкамъ; эти передали останки обносковъ, съ придачей и своей работы, бабушкамъ, а бабушки, перештопавъ, перешивъ всѣ эти заплатки предшествовавшихъ поколѣній, передали ихъ внучкамъ, и вся эта лѣтопись неустаннаго, непрерывнаго труда ѣдетъ теперь, защищая отъ дождя и солнца, куда-то въ невѣдомую даль, не суля ничего, кромѣ опять-таки продолженія того же самаго неустаннаго труда. Объ этомъ неустанномъ трудѣ, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, говорила каждая нитка дерюги. Рисовались трудныя работы съ посѣвомъ льна, съ его обработкой и превращеніемъ въ нитку, въ холстъ, въ рубаху, и наконецъ въ эту заплатку. Безсонныя ночи пряденья, тканья, шитья, все это изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣлалось единственно только для того, чтобы прикрыть наготу человѣка, опять-таки неустанно трудящагося для кого-то и для чего-то, такъ какъ въ концѣ этихъ вѣковыхъ трудовъ не получилось ничего иного, кромѣ неразрѣшимаго вопроса:

— «И чего живутъ?»

Да, даже и дерюга, эта не печатная, а безгласная лѣтопись вѣкового труда, какъ видимъ, не способствуетъ выясненію этого вопроса, а такъ какъ она была, кромѣ мнѣнія сибиряка, единственнымъ моимъ воспоминаніемъ о положеніи «россійскаго», то приходится и очеркъ этотъ окончить все-таки на томъ же нерѣшенномъ вопросѣ...

ЖИВЫЯ ЦИФРЫ.

Изъ записокъ деревенскаго обывателя.

I. „Четверть“ лошади.

1.

...Кажется, во всей «нашей округѣ» нѣтъ среди мѣстной обывательской интеллигенціи (даже самаго высокаго сорта) такого страстнаго любителя мѣстныхъ статистическихъ «данныхъ», какимъ совершенно неожиданно оказался я, деревенскій обыватель, пишущій эти строки. Огромныя кипы и связки изданій статистическаго комитета, обязательно получаемыя деревенской, обывательской интеллигенціей, постоянно и повсюду производили и производятъ на нее какое-то удручающее впечатлѣніе. Получишь, бывало, такую толстую книгу, подержишь въ рукѣ, почему-то непремѣнно вздохнешь и положишь на полку: такъ эти книги и покоятся недвижимо тамъ, гдѣ ихъ положатъ. А между тѣмъ только вѣдь въ этихъ-то толстыхъ скучныхъ книгахъ и сказана цифрами та «сущая» правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человѣческимъ языкомъ, и нужно только разъ получить интересъ къ этимъ дробямъ, нулямъ, нуликамъ, къ этой вообще цифровой крупѣ, которою усѣяны статистическія книги и таблицы, какъ всѣ онѣ, вся эта крупа цифръ начнетъ принимать человѣческіе образы и облекаться въ картины ежедневной жизни, то есть начнетъ получать значеніе не мертвыхъ и скучныхъ знаковъ, а, напротивъ, значеніе самаго разностороннѣйшаго изображенія жизни.

И все-таки, не случись со мной одного самаго (какъ увидитъ читатель ниже) ничтожнаго обстоятельства, я бы никогда не вошелъ во вкусъ этихъ, покрытыхъ какой-то

черной мушкарой, страниць и никогда бы не понялъ многозначительности выводовъ изъ этой цифровой мушкары, всегда казавшихся мнѣ, какъ коренному «обывателю», совершенно нестоящимъ дѣломъ и пустопорожнимъ словоизверженіемъ. Никогда не думая серьезно вникать въ это дѣло, мы однако не прочь иной разъ вложить въ цифры и собственный свой смыслъ, сдѣлать собственные свои выводы, и всякій разъ дѣлаемъ это, конечно, только «для смѣху». Бываютъ въ нашей пустопорожней обывательской жизни такія минуты, когда мы умѣемъ облаять все въ настоящемъ порядкѣ вещей. Вотъ только въ такія-то минуты универсальнаго облаиванія текущей дѣятельности, въ числѣ прочихъ, подлежащихъ облаянію сюжетовъ, не минуетъ нашего издѣвательства и статистика, не минуетъ только потому, что настроеніе минуты требуетъ всестороннѣйшаго облаиванія жизни.

— Въ деревнѣ Присухинѣ,—издѣвается въ такія минуты какой-нибудь обыватель: — школа имѣетъ тридцать учениковъ, въ деревнѣ Засухинѣ—двадцать, а въ деревнѣ Оплеухинѣ — всего два ученика... Изъ этого, изволите видѣть, слѣдуетъ такой средній выводъ, что среднимъ числомъ на школу—по семнадцати человѣкъ и еще какой-то нуль, да еще и около нуля какая-то козявка... Это все равно, ежели бы я взялъ милліонщика Колотушкина, у котораго въ карманѣ милліонъ, присоединилъ къ нему просвирню Кукушкину, у которой грошъ, — такъ тогда въ среднемъ выводѣ на каждаго и вышло бы по полумилліону. Просто нужно за что-нибудь деньги брать! Очень просто!

— Да! изъ-за чего это Болванкинъ на собраніи съ своимъ кирпичомъ совался? — спрашиваетъ кто-нибудь во время этого обличительнаго монолога. «Кто-нибудь» спрашиваетъ просто зря, отъ-нечего-дѣлать. Но такъ какъ «облаиваніе» коснулось статистики, то немудрено услыхать и отвѣтъ на этотъ случайный вопросъ, подходящій къ подлежащей облаиванію темѣ.

— А какъ же!—отвѣтствуетъ другой изъ занимающихся облаиваніемъ собесѣдниковъ. — По статистическимъ даннымъ, на каждую печную трубу приходится шесть рождаемостей, а на каждую курную избу — двѣ рождаемости и четыре смертности. Слѣдовательно, ежели земство купитъ по дешевой цѣнѣ кирпичъ у Болванкина и станетъ раздавать его бабамъ для устройства печей-голанокъ въ курныхъ избахъ, то сейчасъ же бабы будутъ производить шесть

процентовъ рождаемости, — и слѣдовательно купецъ Болванкинъ отличнѣйшимъ образомъ продастъ свой кирпичъ, который у него ужъ и такъ развалился и который совсѣмъ съ заводомъ и съ Болванкинымъ стóитъ грошъ. Какъ же ты этого не понимаешь? Нѣтъ, братъ!.. Тутъ въ среднемъ выводѣ можно запустить лапу очень хорошо!..

Извѣстный обывателю складъ и строй окружающей его жизни, въ которомъ слово «хапнуть» играетъ не послѣднюю роль, невольно заставляетъ его прилагать этотъ господствующій принципъ и къ такого рода явленіямъ жизни, которыхъ онъ даже и не понимаетъ совершенно, въ которыхъ ровно ничего не смыслитъ. Неудивительно, что въ тѣ рѣдкія минуты празднаго лаянья на всѣхъ и вся, когда, за истощеніемъ облаиваемаго матеріала, на зубокъ обывателя попадается и такой неприкосновенный матеріалъ для разговора, какъ статистика, основной принципъ «хапнуть» не покидаетъ соображеній обывателя, и онъ прикладываетъ его тамъ, гдѣ принципъ этотъ не имѣетъ никакого значенія. И, говоря откровенно, я не знаю ни одного статистическаго «столбца», который не былъ бы истолкованъ нашими коренными деревенскими обывателями именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. И я помню положительно только одинъ случай, когда облаиванье, начавшееся «отъ-нечего-дѣлать» и добравшееся за истощеніемъ матеріала до статистики, вдругъ должно было замолкнуть за полнѣйшею невозможностью приткнуть къ облаиваемой цифрѣ хоть каплю принципіальнаго во всѣхъ облаиваніяхъ обвиненія, т.-е. слово «хапнуть», казалось, готовое сорваться съ языка, вдругъ не сорвалось, и облаиватель только сталъ втупикъ.

— Невѣдомо чего ужъ и писать стали! — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ такихъ облаивателей, зайдя попить чайку и отъ-нечего-дѣлать перелистывая «обзоръ» нашего уѣзда, только-что полученный съ почты. — Ужъ даже и невѣдомо до чего доболтались!

— Чтó такое?

— Одна вишь *четвертъ* лошади приходится, изволите видѣть, на каждую какую-то тамъ квадратную, что ли, душу. Ну что-жъ это означаетъ, позвольте васъ спросить?

— Какъ квадратную душу? Чтó вы, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ:

— Ну, песъ съ ней! ну, ревизскую, что ли! Но что-жъ означаетъ *четвертъ* лошади? Какая-такая лошадиная че-

твертая часть? Которая же первая-то часть у ей? Это даже прямо сказать—насмѣшка одна!

— Ну, какъ же такъ!

И очень просто!.. Положительно одно издѣвательство!.. Съ кирпича, съ беременной бабы, съ трубы, все можно что-нибудь взять и даже въ карманъ положить... А это ужъ—чортъ знаетъ что! *Четверть* лошади!..

Лично я, хотя и могъ бы совершенно иначе понимать эти «цифры», подлежащія облаиванію на разные лады, но, говоря по совѣсти, обжившись съ деревенскими обывателями, также подобно имъ привыкъ очень мало интересоваться этимъ множествомъ крупныхъ и мелкихъ нулей, которые мы только и видимъ въ таблицахъ многотомныхъ трудовъ. Быть-можетъ, подумавши, я бы и могъ что-нибудь возразить Ивану Ивановичу, но простое нежеланіе думать серьезно и привычка ограничиваться облаиваніемъ не вызвали меня на разговоръ о непостижимой цифрѣ.

«*Четверть* лошади!»—подумалъ я и присоединился къ издѣвательству Ивана Ивановича. Толстые томы «Трудовъ», какъ и прежде, такъ и послѣ облаиванія, сдѣланнаго Иваномъ Ивановичемъ, продолжали спокойно лежать на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были положены, и всякій разъ возбуждали во мнѣ только глубокій вздохъ, когда, перечитавъ все, что можно было перечитать, приходилось съ прискорбіемъ увидѣть, что кромѣ «Трудовъ» рѣшительно ничего для чтенія нѣтъ!

Но вотъ совершенно неожиданно со мною происходитъ переворотъ: я собственными глазами увидѣлъ *четверть лошади!* И съ тѣхъ поръ усѣянные крупными и мелкими нулями «Труды» приняли въ моихъ глазахъ чрезвычайное значеніе.

2.

Да, я теперь знаю, что такое *четверть* лошади; знаю, что эта четверть—не пустяки, что эта дробь имѣетъ весьма серьезное значеніе.

Дѣло было такъ.

Я только-что окончилъ чтеніе новаго переводнаго романа, напечатаннаго въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, и находился въ весьма тяжеломъ душевномъ настроеніи. Не думайте, что на нервы деревенскихъ обывателей дѣйствуютъ только такія явленія жизни, которыя таятъ въ себѣ обычную для насъ сущность «хапнуть въ карманъ», и что

только такія явленія волнуютъ и тревожатъ насъ. Вовсе нѣтъ. Посмотрите-ка, какого переполоха надѣлалъ въ нашемъ уѣздномъ обществѣ хотя бы «романъ графини Лиды». Все, что не знало иного исхода и теченія жизни, кромѣ службы, семейной ссоры и буфета въ клубѣ, — все вдругъ заохало, застонало, заметалось, закричало и заговорило изъ всѣхъ силъ и во весь голосъ. Какъ теперь помню, еле живой уѣздный аптекарь, выходя изъ клуба во второмъ часу ночи и будучи уже въ такомъ состояніи, которое заставило его тотчасъ же обнять фонарный столбъ,—все-таки нашелъ въ себѣ силы закричать: «Пріас-хо-нпа!». И оралъ то же самое, раскачиваясь на извозчикѣ, на котораго усадилъ его городовой. Да, и мы не прочь иногда порадоваться и потосковать хорошо. Такъ было и со мной въ этотъ разъ. Романъ былъ обыкновенный: мужъ-старикъ, она (маркиза, само собой) молодая и, само собой, Анатоль, молодой. Обманъ другъ друга съ первой страницы до послѣдней. Обманъ письмами, глазами, рукопожатіями. Словомъ, какое-то безпрестанное воровство самыхъ элементарныхъ человѣческихъ радостей,—воровство, въ которомъ не нуждалась ни во вѣки вѣковъ ни одна горничная, получающая 8 рублей въ мѣсяцъ. А тутъ маркиза, и не можетъ жить на бѣломъ свѣтѣ иначе, какъ «украдучи» да «уворуючи»! Впрочемъ — не въ подробностяхъ романа дѣло, а только въ томъ, что мнѣ было скучно отъ него, и я ушелъ гулять.

Шелъ я, скучалъ, ни о чемъ не думалъ и вдругъ случайно услыхалъ:

— То-то—кабы лошадь была!

Слова эти жалобно проговорилъ женскій голосъ, и я, положительно не знаю почему, при словѣ «лошадь» вспомнилъ фразу Ивана Ивановича:

«*Четверть* лошади! Ну, скажите, пожалуйста, не насмѣшка ли?»

«А можетъ-быть, — мелькнуло мнѣ: — именно на эту-то бабу и приходится въ среднемъ выводѣ только *четверть?* Какъ же она живетъ съ одной четвертью?..»

— Какъ же безъ лошади? — сказалъ мужской голосъ.— Безъ лошади пропадешь!

«Какъ же въ самомъ дѣлѣ безъ лошади? — подумалось мнѣ.—Какъ же съ одной четвертью-то?»

Что-то сказало мнѣ, что передо мной—не что иное, какъ живая статистическая дробь, а чрезъ мгновеніе я уже съ полною ясностью зналъ, что я вижу именно дробь въ живомъ

человѣческомъ образѣ, вижу, что такое эти нулики съ занятыми, съ большими и маленькими. И мнѣ ужасно захотѣлось подойти къ этой живой дроби.

Дробь была баба лѣтъ тридцати, и рядомъ съ ней стояла на землѣ маленькая, полуторагодовая дѣвочка. Обѣ онѣ вышли изъ лачужки, у которой не было даже сѣней. Противъ бабы и дѣвочки стоялъ мужикъ, тоже, должно-быть, какая-нибудь единица, дѣленная, по крайней мѣрѣ, на десятокъ мѣстныхъ бюджетиковъ, потому что у него въ спинѣ на каждый квадратный футъ было по четыре двухдюймовыхъ дыры, и который, повидимому, также зналъ, что «четверть» лошади не представляетъ ничего хорошаго.

— Кабы у меня лошадь была, такъ ужъ отвезъ бы! — сказалъ онъ тоскливо.

— То-то безъ лошади-то неспособно! — сказала дробь-баба.

— Далеко-ль до покосу-то?

— Да версты двѣ будетъ.

— Такъ ты вотъ какъ! — задумчиво сказалъ мужикъ, дѣленный на десять. — Ты обѣдъ держи въ одной рукѣ и косу въ тое-жъ руку приладь, а подстилку и полушубокъ для дѣвчонки на шею намотай... Вотъ и будетъ великолѣпно! Чуешь?

— А дѣвчонка-то какъ?

— Пойдетъ!

— Да какъ же она босая-то пойдетъ? И двѣ версты ей не убѣчь, я пойду скоро.

— Это вѣрно! — сказалъ мужикъ и сталъ опять думать.

Стала думать и дробь-баба.

И скоро мысли этихъ дробей стали складываться въ слѣдующую формулу:

— Вотъ какъ ты, Авдотья, удѣлай! Ты дѣвчонку сажай на шею верхомъ...

— Да чѣмъ же я ее держать-то буду? Въ одной рукѣ полушубокъ, подстилка, въ другой коса и обѣдъ? Не за волосы же ей меня тянуть?

— И то правда! — сказалъ мужикъ задумчиво и опять сталъ думать такъ же крѣпко, какъ думала дробь-баба.

Первый, повидимому, додумался мужикъ; въ его лицѣ что-то оживилось, и онъ съ большимъ оживленіемъ проговорилъ:

— Тогда окончательно я тебѣ скажу — вотъ мой совѣтъ: сымай платокъ съ плечъ!

— Что-жъ будетъ?

— Сымай! Увидишь!

Баба опустила на землю горшокъ, завязанный въ тряпкѣ, положила туда же косу, полушубокъ, половикъ, развязала большой платокъ, обхватывавшій грудь и завязанный узломъ на спинѣ, и сказала мужику:

— Ну?

— Ну, теперь гляди! — сказалъ мужикъ, оживляясь сразу, по малой мѣрѣ, на тысячу процентовъ. — Гляди теперь, какой мы произведемъ оборотъ. Стой прямо!

Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и, взявъ ее подъ мышки, поднялъ.

— Ну, любезная барышня, пожалуйте въ вагонъ садиться! къ маменькѣ на шею!.. Разъ!

Дѣвочка обхватила шею матери и ногами и руками.

— Охъ, ты меня удушишь, Пашутка! — тихо прошептала мать. — Что-жъ будетъ?

— Погоди, не торопись! — суетился мужикъ. — Баринъ! — крикнулъ онъ мнѣ. — Поди-ка, сдѣлайте милость, потрудитесь! — подними платокъ, мнѣ дѣвчонки нельзя пустить.

Я поднялъ платокъ и подалъ мужику.

— Благодаримъ покорно! Теперь мы уладимъ Пашутку никакъ не меньше, какъ въ первомъ классѣ!

Онъ развернулъ платокъ, сложилъ его съ угла на уголъ вдвое и, наложивъ средину на голову Пашутки, обвязалъ концами ея мать такимъ образомъ, что платокъ прямо проходилъ у ней подъ шеей и подмышками и завязывался узломъ на самой шеѣ такъ удачно, что Пашутка сидѣла на этомъ узлѣ какъ на подушкѣ.

— Прямо въ некурящій вагонъ обладили! Поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ, буфетъ! — въ восторгѣ воскликнулъ мужикъ. — Не держись, Пашутка, пусти руки! Сиди слободно!..

Пашутка выпустила руки, заболтала ногами, захлопала руками и что-то залепетала.

— Ну, ты не дергай меня! мнѣ подъ шеей тянетъ, — сказала мать: — сиди смирно!

— Бери обѣдъ! Бери косу! — оживленно говорилъ мужикъ, подавая бабѣ въ руки все, что она была должна нести, и все баба взяла и въ руки и въ подмышки. Все умѣстилось, но баба не шла. Лицо ея было невесело. Хотя и смѣшно и искусно выдумалъ этотъ вагонъ добрый сосѣдъ, дѣленный на десять бюджетовъ, но все-таки ей нужно было

изловчиться и приладиться, и она нѣкоторое время неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, прилаживая половчѣе то косу, то полушубокъ, то половикъ.

— Ай не ладно?—все такъ же весело и не вѣря въ неудобства собственной выдумки, спрашивалъ мужикъ.

— Нѣ...—прошептала баба, выматывая голову изъ туго стянутаго платка:—нѣ... ничего! ладно! теперь дойдемъ.

— Теперь дойдешь! Ничего! Не спѣши. Ладно дойдешь! Вали, братъ! Третій звонокъ! Трогай!

— Ну, спасибо!—сказала баба съ большимъ чувствомъ и медленно, не шевелясь ни вправо ни влѣво, тронулась съ мѣста.

— Кабы лошадь-то была!.. — переставъ радоваться, со вздохомъ проговорилъ мужикъ-благодѣтель и сталъ отирать полой рванаго армяка свой мокрый лобъ.

Но я уже не слушалъ его словъ.

Баба пошла, и я уже не могъ не идти за ней: я уже былъ захваченъ интересомъ видѣть въ живомъ человѣческомъ образѣ очертанія, повидимому, ровно ничего не значащей статистической дроби. И хотя дробь эта была оживлена человѣкомъ пока только чуть-чуть, но я уже чуялъ, что видѣнное мною далеко не исчерпываетъ всего содержанія, таящагося въ якобы пустопорожней цифрѣ, и что въ этой цифровой загадкѣ есть еще много чего-то, что̀ надобно непремѣнно разузнать и разслѣдовать.

И я пошелъ поэтому вслѣдъ за бабой.

3.

Баба шла съ такой осторожностью, вытяжкой, и съ такой тщательностью балансировала среди обременявшихъ ее тяжестей, что мнѣ невольно вспомнилась акробатка, которую я видѣлъ когда-то, гдѣ-то въ загородномъ саду. Она, такъ же, какъ и баба, балансировала съ величайшей осторожностью на тонкой проволокѣ, вися надъ землей и толпой зрителей. Да, вѣдь и на ней лежитъ бремени не меньше, чѣмъ на бабѣ, и у нея по статистическимъ даннымъ оказывается 00 отцовской заботы, 00 материнской любви и затѣмъ уже въ цѣлыхъ числахъ идетъ алчность антрепренеровъ и хозяевъ, а въ десяткахъ чиселъ ежеминутно чувствуются ею плотоядные глаза плотоядныхъ людей, готовыхъ каждую минуту расхитить для собственнаго удовольствія ея плоть и кровь. Да, ей надо также очень, очень осторожно ходить по канату!

Нецѣлое число, именуемое бабой, шло все дальше и дальше, иногда весьма нетерпѣливо вскрикивая на дѣвчонку:

— Перестань за волосья хватать! вѣдь крѣпко сидишь? чего баловаться-то?

— Тяжело тебѣ? — сказалъ я наконецъ, побуждаемый желаніемъ выяснить подробности существованія этой дроби.

— Знамо, не легко!—сказала дробь, но безъ всякаго негодованія.—Кабы лошадь бы была... А то вотъ теперь убирать сѣно надо, безъ лошади-то и трудно!

— А далеко еще до покосу?

— Порядочно еще... Мы и покосъ-то взяли дальній безъ жеребья, по этому по самому, чтобы лошадь... Не цапай, дура! Сказано тебѣ?..

Дѣвчонка заплакала, но матери ужъ нельзя было тратить время на ея успокоеніе. Она шла и по слову, по два (говорить ей было неловко) изображала мнѣ положеніе своихъ дѣлъ.

— Жеребьевые-то участки ближніе и хорошіе, да намъ малы... Мы безъ жеребьевъ взяли дальніе, съ зарослью... Они будутъ вдвое противъ жеребьевыхъ-то на душу... Жеребьевый на душу...

По словечку, перерывая рѣчь тяжелымъ дыханіемъ, баба разсказала мнѣ и о томъ, что у нихъ уже есть и сбруя. И сбруя эта вышла имъ какъ-то случайно: просто Богъ далъ. Жила у нихъ два года одна старушка, бѣдная, у которой внукъ въ Петербургѣ учился въ шорникахъ, и вотъ, когда внукъ самъ сталъ работать «отъ себя», то вытребовалъ и старушку-бабушку и въ благодарность за ея содержаніе прислалъ полный комплектъ сбруи съ большой уступкой. За эту сбрую еще не заплачено, а заплатится тогда, когда продадутъ сѣно, тогда вотъ можно будетъ «обдумать» (пока!) и насчетъ лошади. Предстоитъ еще маленькая непріятность и съ этимъ самымъ сѣномъ: вывезти его будетъ не на чемъ (всего *четверть* лошади), а если урожай сѣна будетъ великъ, то, пожалуй, на мѣстѣ придется его продать такъ дешево, что «обдумать» лошадь можно будетъ уже не ранѣе, какъ еще черезъ годъ.

Слушая эту прерывистую, задыхающуюся рѣчь бабы, я иногда приходилъ къ мысли подойти и помочь ей. Но просто «научный методъ», которому я старался слѣдовать въ моихъ наблюденіяхъ, во-время останавливалъ меня. Однажды баба даже остановилась, закашлялась, но я все-таки остался на научной почвѣ: не подошелъ къ ней и не испортилъ точности цифръ статистическаго «столбца». Столбецъ такъ и

остался столбцомъ, безъ всякихъ измѣненій, а баба покашляла-покашляла и пошла опять балансировать.

Наконецъ мы пришли на покосъ.

4.

Довольно большое пространство низменнаго поля, заросшаго кустами прутняка, было уже уставлено копнами сѣна, которыя въ нашихъ мѣстахъ называютъ «кучами». Въ значительномъ количествѣ виднѣлись онѣ въ прогалинахъ между кустарниками и по многу, «какъ придется», стояли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было попросторнѣе отъ зарослей. Вотъ эти-то «кучи» и надобно было стащить въ нѣсколько стоговъ, или же сложить въ одинъ длинный стогъ, видомъ всегда похожій на сарай, который и продается скупщикамъ на сажени, мѣряя по низу, съ одной стороны отъ края до края.

Остановившись на покосѣ, баба осторожно сѣла на землю, осторожно сложила свои тяжести, сама развязала сзади себя платокъ, спустила на землю Пашутку и, вся мокрая, съ прилипшими къ мокрымъ щекамъ и лбу волосами, нѣкоторое время сидѣла молча, отдыхая и утирая мокрое лицо и шею. Пашутка толкалась около нея и что-то клянчила, но мать такъ устала, что уже не обращала на это клянчанье вниманія. Я пристроился подъ кустъ, въ тѣнь, закурилъ папиросу и изучалъ.

— Ав-де-эй!.. А Ав-де-э-эй! — звонко позвала баба, и скоро изъ-за кустовъ показался мужикъ съ граблями на плечѣ.

Усталой походкой онъ подошелъ къ бабѣ, подхватилъ на руки Пашутку, которая побѣжала ему навстрѣчу; не спуская ея съ рукъ, онъ сѣлъ на землю, и вся семья принялась за ѣду, предварительно перекрестившись.

Ѣли молча, почти не разговаривали; ѣли и отдыхали въ одно и то же время. Коротокъ былъ обѣдъ и коротокъ отдыхъ.

— Какъ бы дожжомъ не брызнуло! — сказалъ Авдей, оглядывая небо.—Ишь, несетъ вѣтромъ изъ мокраго угла (съ юга)! Пока что, хоть дѣло расчать надо...

Онъ всталъ, опять перекрестился нѣсколько разъ, потомъ пошелъ въ лѣсъ, откуда скоро раздался стукъ топора. Тѣмъ временемъ мать Пашутки всячески старалась ее укачать и уложить спать, но Пашутка, какъ на грѣхъ, пищала, капризничала и на что-то жаловалась. Иногда въ

уговариваніяхъ матери слышалась какая-то раздражительная нота: ей нельзя было держать Пашутку на рукахъ, сидѣть сложа руки. Ей предстояла трудная работа.

— Не спитъ, пострѣленокъ! сказала она Авдею, когда тотъ вышелъ изъ лѣсу.

Это извѣстіе, очевидно, очень опечалило Авдея. Держа на плечѣ двѣ большія жерди, которыя онъ принесъ изъ лѣсу, онъ задумчиво остановился передъ женой и задумчиво смотрѣлъ на Пашутку.

— Авось она одна побудетъ? нерѣшительно спросилъ онъ жену.

— Вѣстимо, одной надо быть!.. Хошь и поплачетъ, а дѣлать нечего!.. Плачь не плачь,—а дѣлать нечего.

— Ничего!—успокоительно сказалъ отецъ, подсаживаясь къ Пашуткѣ. -Ты, Пашуха, сиди да гляди, что мы съ мамкой будемъ дѣлать... Будешь? Мы тутотка вотъ и даже недалеко!.. Будешь смирно сидѣть?.. Гостинку дамъ, какъ домой воротимся, право! Цѣлую баранку дамъ! Будешь?

Пашутка что-то прошептала.

— Ну, и хорошо! Дай-ка-сь я тебя поцѣлую, головку поглажу... Ну, Авдотья, пойдемъ!

Пашутка исполняла свое слово и сидѣла смирно, потому что отецъ и мать были недалеко и на ея глазахъ дѣлали свое дѣло. А дѣло это было трудное...

— Вотъ безъ лошади-то!.. — горько говорилъ Авдей.

— Ну ужъ, чего разговаривать!—не желая пустословить и, очевидно, вся напрягшись для тяжкаго труда, довольно рѣзко сказала его жена:—подсовывай жердье-то!

Такъ какъ на одной четверти лошади нельзя возить сѣна, то нашимъ дробямъ пришлось подсовывать подъ каждую сѣнную «кучу» по двѣ жерди рядомъ, браться за концы этихъ жердей, точно за носилки, и, поднявъ тяжесть не менѣе четырехъ пудовъ, тащить ее къ той кучѣ, гдѣ предполагалось сложить стогъ.

Жерди были подведены; четырехпудовая куча сѣна плотно притискивала ихъ къ землѣ, низменной и болотистой.

— Ну-ка, Господи благослови!—сказалъ Авдей, становясь впередъ; согнувшись, онъ занесъ руки назадъ, захватилъ концы жердей и проговорилъ, не поднимая ихъ и не разгибаясь: ты не вдругъ, Авдотья, налегай! Помаленьку! не сразу подхватывай! Приладься!..

Авдотья знала всю трудность дѣла и изловчалась. Лиха бѣда была поднять, а тамъ ужъ нужно было держаться

цѣпко за концы, а четыре пуда не оторвутъ рукъ отъ плечей. Раза три они оба приналегали на кучу, то сзади Авдотья, то спереди Авдей, и понемногу она сдвинулась съ мѣста, отсосалась отъ сырой земли, и наконецъ съ значительнымъ усиліемъ они оба стали приподнимать ее. Для Авдотьи это было особенно трудно и требовало весьма значительнаго калѣченья ея тѣла. Подхватить концы жердей сразу ей было, очевидно, не по силамъ, и она, положивъ одинъ конецъ жерди на колѣно, обѣими руками вцѣпилась въ конецъ другой жерди, подняла ее, высвободила одну руку и схватилась ею за конецъ жерди, который лежалъ у нея на колѣнѣ. Наконецъ они оба выпрямились и пошли. Пошли, держась прямо, какъ струна.

Прямо, какъ струна, идетъ крестьянинъ за сохой; онъ, повидимому, только идетъ, и ничего нѣтъ удручающаго васъ, наблюдателя, въ этой походкѣ; но подойдите къ нему поближе, посмотрите на эту спину, какъ бы не умѣющую согнуться,—она вся дрожитъ; нѣтъ въ ней мѣста даже величиной въ булавочную головку, которое бы не трепетало самымъ напряженнѣйшимъ усиліемъ. Нужно затаить духъ, собрать въ себѣ всѣ силы, обуздать каждый мускулъ, страдающій отъ тяжести, которую ему приходится преодолѣть, заставить его исполнять трудное дѣло, не дать ему ни малѣйшей воли, и вотъ отчего твердой походкой идущій по пашнѣ человѣкъ, кажущійся такимъ непоколебимо спокойнымъ, на самомъ дѣлѣ каждый шагъ свой одолѣваетъ страшнымъ напряженіемъ нервовъ, такимъ напряженіемъ, что вздохнуть можно, только дойдя до конца полосы, т.-е. до поворота. Но настоящій крестьянинъ не останавливается для передышки на поворотахъ, а скорѣе идетъ далѣе, зная, что, отдохнувъ хоть съ минуту, ослабнешь, и потомъ будетъ труднѣй.

Вотъ съ такимъ-то невѣроятнымъ напряженіемъ силъ подняли и понесли четырехпудовую кучу сѣна Авдей и Авдотья. Малѣйшая часть тѣла въ каждомъ изъ нихъ была натянута, напряжена, какъ струна. Конечно, потомъ они навѣрное оба и «не такъ» еще «разойдутся», и нервами эти люди сдѣлаютъ то, чего не сдѣлать настоящей силой; но теперь мнѣ, съ моей строго-научной точки зрѣнія, было положительно даже смотрѣть-то трудно на это, повидимому, совершенно простое дѣло.

Кромѣ тяжести, оттягивавшей руки утомленныхъ уже косьбой людей, успѣшность ихъ работы въ самомъ началѣ

была отравлена Пашуткой. Покуда отецъ и мать были у ней на глазахъ, она молчала, не спуская съ нихъ глазенокъ, но когда они пошли, и она увидѣла, что они уходятъ, она огласила пространство необычайнымъ плачемъ и крикомъ. Я видѣлъ попытки Авдея и Авдотьи повернуться къ ней лицомъ, посмотрѣть, узнать: что съ ней? — но куча сѣна не желала уступить изъ физическихъ силъ мужа и жены ни одной капли, и Авдей съ Авдотьей могли только ускорить шагъ, то-есть сдѣлать еще бо̀льшее напряженіе, но остановиться уже не могли.

Но зато, спустя нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ ревъ Пашутки дошелъ до невѣроятной степени, я увидѣлъ, что крикъ этотъ не остался для родителей ея гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И Авдей и его жена, буквально сломя голову, неслись изъ лѣса, направляясь къ Пашуткѣ. Не добѣжавъ до нея, они даже побросали жердья и въ страшномъ испугѣ бросились къ дочери.

— Ай укусило тебя?—кричалъ Авдей.

— Не казюлька ли какая поганая укусила?—впопыхахъ говорила Авдотья, почти упавъ на землю около Пашутки и тотчасъ же осматривая ея голыя ноги.

— Экое мѣсто чортово! Сколько ихъ гадюковъ тутъ разведено, ехидновъ! Что̀, не тронули ея?

— Не видать ничего!.. Чего ты орешь-то?—въ сердцахъ сказала Авдотья и шлепнула Пашутку.

— Ну, будетъ...—сказалъ Авдей.—Чего ужъ! Вѣстимо, одна осталась... Испужалась... Я спужался—думалъ, не гадюка ли? Помереть вѣдь можно отъ нея, отъ поганой! А то что̀ ужъ ты такъ! Вѣстимо, малый ребенокъ... Эхъ, лошади-то нѣту!.. Сидѣла бы на возу, пѣсни пѣла... Ну, да ничего, Пашутка, дѣлать нечего! Ужъ какъ-никакъ, а надыть съ собой брать... Босикомъ ей по кошеному-то далеко не уйтить, а крикомъ душу надорветъ... Ну, ничего!.. Ужъ какъ-никакъ, Авдотья, а съ собой надо взять?—спросилъ онъ.

Не дожидаясь отвѣта Авдотьи, Авдей взялъ Пашутку на руки и понесъ къ новой кучѣ сѣна. Покуда они подводили подъ кучу жерди, Пашутка сидѣла на травѣ. Но когда жерди были подведены, Авдей подошелъ къ кучѣ, разгребъ на верху ея ямку, потомъ подошелъ къ Пашуткѣ, взялъ ее на руки и понесъ къ сѣну.

— Ну, баловница, садись сюда, въ ямку-то... Поѣдемъ вмѣстѣ! Ладно такъ-то?

Пашутка что-то пропищала.

— Ну, сиди смирно!

— У! поскудная! — съ сердцемъ сказала измученная Авдотья.

— Ну, что ужъ... Берись!..

— Горластый чортъ, покою нѣтъ!..

И опять мужъ и жена согнулись въ перегибъ, и опять раза по три, по четыре приладились и приноровились поднять кучу, при чемъ уже нужно было робѣть и за Пашутку: какъ бы не свалилась, жерди качаются—но въ концѣ концовъ, съ еще бо̀льшимъ напряженіемъ нервовъ, мужъ и жена одолѣли-таки увеличенную Пашуткою тяжесть. Кромѣ тяжести жердей, тяжести сѣна, прибавилась еще и тяжесть Пашутки. Что̀ дѣлать!—у бѣдныхъ людей была только четвертая часть лошади, и поэтому недостающія части лошадиной силы они должны были взять на себя.

5.

Все время я, какъ уже сказано ранѣе, держался въ моемъ поведеніи строго-научнаго метода. Но послѣ того, какъ куча сѣна на моихъ глазахъ оказалась съ увеличившимся содержаніемъ, я почувствовалъ, что едва ли можно еще дополнить чѣмъ-нибудь новымъ уже и безъ того слишкомъ многосложное содержаніе статистической дроби. Что̀ еще можетъ быть добавлено въ ея объясненіе?—спрашивалъ я самъ себя и положительно не перенесъ бы дальнѣйшей строгости въ сохраненіи себя на научной точкѣ зрѣнія, если бы въ самомъ дѣлѣ къ видѣнному можно было что-нибудь добавить еще. Мнѣ было довольно простого умноженія количества видимыхъ глазами кучъ на силы двухъ человѣческихъ существъ, чтобы тотчасъ же прекратить продолженіе моего изслѣдованія.

И я дѣйствительно не могъ продолжать его. Я ушелъ домой... Что̀ я могу знать, живя въ деревнѣ? Но цифры, которыя я до сихъ поръ игнорировалъ и которыя я неожиданно увидалъ въ образѣ человѣческомъ,—цифры могутъ мнѣ помочь разобраться въ человѣческихъ единицахъ и дробяхъ. И съ тѣхъ поръ я предался статистикѣ, а чтобы доказать читателю, что плоды моихъ усилій были не тщетны, я разскажу ему самый крошечный эпизодикъ, случившійся со мной по поводу еще одной самой маленькой человѣко-дроби.

II. Квитанція.

1.

Эпизодикъ съ этой капельной цифрой случился со мною въ то время, когда я только-что предался изученію статистики, былъ, такъ сказать, въ самой первой порѣ увлеченія, и поэтому, я надѣюсь, читатель извинитъ мнѣ, если доводы, вслѣдствіе которыхъ во мнѣ родилось побужденіе во что бы то ни стало видѣть своими глазами упомянутую микроскопическую цифру, покажутся ему лишенными точныхъ научныхъ основаній и почти не логическими. Невольныя ошибки начинающаго должны быть извиняемы, и, въ надеждѣ на это, я разскажу процессъ моего мышленія въ данномъ дѣлѣ безъ всякой утайки: дѣло въ томъ, что, начитавшись мѣстныхъ данныхъ, я безъ перерыва принялся за матеріалы, собранные столичными статистиками, и здѣсь, въ отдѣлѣ браковъ, прироста, рождаемости и смертности населенія, я натолкнулся на цифру, которая мнѣ (по неопытности) показалась совершенно необъяснимой: оказывается, что въ Петербургѣ ежемѣсячно нарождается до 700 дѣтей, у которыхъ нѣтъ ни отцовъ ни матерей. Въ графѣ «отцы» стоитъ 0, въ графѣ «матери» —тоже 0, а въ итогѣ написано—*итого 700 штукъ человѣкъ*.

Научный методъ мышленія настолько еще не овладѣлъ мною и моими соображеніями, что я рѣшительно не могъ оставить въ покоѣ этихъ нулей, изъ которыхъ выходятъ цѣлые «люди», и при помощи, откровенно сознаюсь, весьма первобытныхъ вычисленій, цѣль которыхъ была доказать себѣ, что изъ двухъ нулей не можетъ произойти ребенокъ, и что для появленія его на свѣтъ необходимы хотя какія-нибудь отце- и матере-образныя дроби,—я, при помощи сложенія и дѣленія, вычислилъ, что на каждаго изъ 700 человѣкъ дѣтей въ среднемъ выводѣ приходится не 0 и 0, а (принимая во вниманіе всю сумму единицъ, составляющихъ то, что̀ называется «обществомъ») все-таки нѣкоторая дробь отцовскаго и материнскаго элемента. Естественно, во мнѣ родилось желаніе разыскать то существо въявѣ и вживѣ, которое можетъ удѣлить на выполненіе материнскаго дѣла только одну сотую часть (таково было мое вычисленіе) своего существованія. И гдѣ же остальныя девяносто девять частей человѣка, матери, женщины?

Нисколько не защищаясь противъ могущихъ быть упре-

ковъ со стороны читателей въ недостаткахъ сдѣланныхъ мною вычисленій, я долженъ сказать однако, что лично во мнѣ эти вычисленія выразились въ весьма опредѣленномъ и рѣшительномъ поступкѣ. Въ первый же пріѣздъ мой въ Петербургъ я, подъ вліяніемъ всевозможныхъ соображеній, которыхъ теперь не могу даже припомнить хорошенько, прямо съ вокзала велѣлъ извозчику ѣхать въ воспитательный домъ; можетъ-быть, отчасти причиною этого было и то обстоятельство, что нашъ деревенскій поѣздъ приходилъ раньше всѣхъ другихъ поѣздовъ, когда надъ Петербургомъ лежитъ еще тьма зимней ночи, когда весь Петербургъ спитъ и когда только-что начинаютъ открываться булочныя, и вообще когда негдѣ приткнуться, чтобъ напиться чаю, или же не къ кому заѣхать, чтобы не разбудить утомленнаго петербуржца и не побезпокоить его. Какъ бы то ни было, но я думаю — перевѣсъ въ моихъ поступкахъ брало не столько нежеланіе безпокоить моихъ знакомыхъ, сколько опять-таки увлеченіе многосодержательностью статистическихъ цифръ, овладѣвшихъ въ послѣднее время всѣмъ моимъ вниманіемъ. Полагаю, что послѣднее вліяніе было во мнѣ преобладающимъ, и говорю это на томъ основаніи, что сторожъ, къ которому меня подвезъ извозчикъ и который стоялъ около того мѣста воспитательнаго дома, гдѣ идетъ «продажа картъ», долгое время слушалъ мои вопросы и разглагольствія какъ бы въ какомъ-то недоумѣніи и наконецъ, повидимому, самъ заразился моей статистической терминологіей. Какъ бы въ подражаніе моему спеціально-статистическому языку, онъ сталъ разговаривать со мною тоже какимъ-то страннымъ и также какъ бы научнымъ языкомъ.

— Рождаемость?—въ недоумѣніи говорилъ онъ, какъ бы приходя въ себя отъ моихъ многосложныхъ вопросовъ.— Рождаемость... это съ Мойки вамъ надо заѣхать... Придется объѣзжать по Невскому и оттуда, отъ мосту, по лѣвой рукѣ... Тамъ идетъ эта самая... напримѣръ, рождаемая приноска. Изъ тѣхъ воротъ съ уткой и утятами... Туда бабы волокутъ свое нарожденіе, съ Мойки. А въ наши ворота идетъ уже выпускъ — кое въ деревню, а кое на гигіенъ-станецъ.

— Какая же это гигіенъ-станція?

— А Преображенка!.. Какъ же? Какъ пойдете по Гончарной и будетъ улица въ концѣ, къ Казачьему плацу—и тутъ сейчасъ на лѣвой рукѣ гигіенъ-станецъ. Для очистки

воздуха. Вентиляція. Потому Петербургъ— не деревня... Тамъ дай Богъ въ годъ два-три покойника, а вѣдь въ Петербургѣ кажинный Божій день народу намретъ, какъ снѣгу съ подворотни навьетъ. Одного нашего брата-мужика, мастерового, навалитъ въ сутки тьма-тьмущая. Держать мертвечины долго не годится—вотъ ее изъ всѣхъ мѣстъ—изъ больницъ изъ всякихъ—прямо на гигіенъ-станецъ, а тамъ въ вагонъ, а тамъ на Преображенку, за городъ! Гигіенъ называется все одно, какъ очистка. Для воздуха. Кабы полиція не дѣлала у насъ хорошую гигіену, у насъ бы въ воспитательномъ мерло не такъ, а теперь все не шибко.

Я находился въ недоумѣніи, не умѣя понять, въ какой степени все то, что говоритъ сторожъ, относится къ разрѣшенію заданной мною себѣ задачи? Но тотъ же сторожъ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Да вотъ и сегодня ужъ вывозка была младенцамъ на гигіенъ-станецъ, а часу въ девятомъ ихъ ужъ по машинѣ отправятъ. А ежели вамъ насчетъ рождаемаго, напримѣръ, такъ бабы шляются туда съ Мойки... Это ужъ къ Полицейскому мосту надо объѣздъ дѣлать.

— Ну, спасибо!—сказалъ я, спѣшно сѣвъ опять на того же извозчика, и торопливо сказалъ ему:

— Поѣзжай въ Гончарную поскорѣй!

Клячонка ночного извозчика, на которой я ѣхалъ, дѣлая второй длинный конецъ по направленію къ тому же Николаевскому вокзалу, съ половины дороги пошла чрезвычайно тихо, хотя извозчикъ ее и стегалъ довольно исправно. Впрочемъ, судя по тому, что темнота еще довольно густо лежала на землѣ, можно было думать, что время еще раннее. Знаменская площадь была совершенно пуста, и только у рельсовъ конножелѣзной дороги виднѣлась капельная фигурка гимназистика съ ранцемъ на спинѣ: онъ, проживающій съ родителями на Пескахъ, ждалъ конки, чтобы поѣхать на Васильевскій островъ въ гимназію; крошечный человѣчекъ, не доспавъ, всталъ въ шесть часовъ утра и воротится домой никакъ не ранѣе шести часовъ вечера, и потомъ еще уроки до одиннадцати. Жутко было какъ-то среди этой тьмы и холода видѣть эту дѣтскую фигурку, изнуряющую свои младенческіе годы, навѣрное, ради куска хлѣба въ будущемъ—и, раздумывая объ этомъ, я не замѣтилъ, что лошадь извозчика уже не бѣжитъ, не пытается даже бѣжать, а только постоянно вертитъ хвостомъ и дергаетъ сани впередъ по вершку. Я видѣлъ, что лошадь устала, но не рѣ-

шался понукать извозчика и терпѣливо плелся на немъ по пустынной Гончарной, хотя крайне опасался, что я не поспѣю на гигіенъ-станецъ до отхода поѣзда.

Вдругъ, ровняясь со мною санями, появилась сначала дымящаяся лошадь, потомъ сани.

— Поскорѣй, извозчикъ! Ахъ, извозчикъ, опоздаемъ!..— услышалъ я съ лѣвой стороны.

И, обернувшись, я увидѣлъ женскую руку въ перчаткѣ (довольно ветхой), которая трогала извозчика въ спину.

— Поѣзжай!.. Скоро отойдетъ поѣздъ! Ужъ, должно-быть, отошелъ! Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, ничего! —хлопнувъ дымящуюся лошадь что есть силы, сказалъ извозчикъ, и я сразу увидѣлъ, что на саняхъ сидитъ та самая «бѣлошвейная мастерица», которую всякій петербуржецъ встрѣчаетъ въ такомъ обиліи среди уличной толпы. Аккуратно одѣтая дѣвушка, а рядомъ съ ней картонка продолговатая, коричневая, съ глянцевитой крышкой.

— Пожалуйста!.. — послышалось мнѣ еще разъ, когда, послѣ ошеломляющаго удара, лошадь извозчика сильно рванула и сразу обогнала насъ.

— Поспѣемъ!—едва слышно донеслись слова извозчика, сопровождаемыя новымъ ударомъ, огласившимъ какъ выстрѣлъ пустынную Гончарную.

Извозчикъ обогналъ насъ. Я едва видѣлъ бѣлошвейку, но и видѣннаго было достаточно, чтобы знать, что она въ величайшемъ безпокойствѣ. Она, сидя на одномъ мѣстѣ, была въ какомъ-то непрерывномъ волненіи, и рука ея поминутно прикасалась къ плечу извозчика.

Извозчикъ дралъ свою клячу, высоко замахиваясь кнутомъ, даже поднимаясь во весь ростъ, и махалъ въ воздухѣ концами вожжей.

— Пошелъ! Поѣзжай скорѣй! — закричалъ и я моему извозчику.—Опоздаемъ!

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что бѣлошвейка ѣдетъ на «гигіенъ-станецъ», хотя присутствіе коробки съ какимъ-нибудь нарядомъ смущало меня. Можетъ-быть, она везетъ нарядъ какой-нибудь имениннницѣ и спѣшитъ такъ рано? Но, не спуская съ обогнавшей меня дѣвушки глазъ, я увидѣлъ, что извозчикъ ея поворачиваетъ съ Гончарной направо и именно туда, гдѣ должна быть Преображенка, и что дѣвушка даже приподнялась на извозчикѣ, что она, кажется, даже пихаетъ его въ спину, что лошадь уже скачетъ

всѣми четырьмя ногами сразу, осыпаемая непрерывными ударами.

— Пошелъ!—закричалъ я, какъ только могъ.—Прибавлю! Пошелъ во всю мочь!

Извозчикъ, чувствуя что-то небывалое, также пришелъ въ возбужденное состояніе и также принялся «лупить» свою клячу, что было мочи. Но трудно было «разжечь» несчастную, утомленную ночною ѣздою скотину, и она, хотя и начала такъ же, какъ лошадь обогнавшаго насъ извозчика, прыгать всѣми четырьмя ногами, но надлежащаго успѣха отъ всѣхъ этихъ стараній не получалось, и мы, при поворотѣ съ Гончарной къ Казачьему плацу, встрѣтили извозчика, который везъ бѣлошвейку, уже порожнякомъ. Онъ ѣхалъ медленно, весь въ клубахъ пара, исходившаго отъ лошади.

— Опоздали?—почему-то впопыхахъ воскликнулъ мой возница, неустанно нахлестывая клячу.

— Первый звонокъ былъ!—не спѣша, отвѣтилъ извозчикъ, собираясь закурить папироску.—Пожалуй, опоздаете...

Это извѣстіе заставило моего возницу сдѣлать какое-то невозможное усиліе—и руками, и горломъ, и кнутомъ—и мы наконецъ-таки очутились около крыльца «Преображенки».

2.

Опрометью вбѣжалъ я въ этотъ покойницкій вокзалъ и сразу натолкнулся на такую сцену: гдѣ-то звенѣлъ желѣзнодорожный звонокъ, шла какая-то суета, но помѣщеніе было ужъ пусто, и только у двери столпилось нѣсколько служащихъ, группой окружившихъ бѣлошвейку. Тутъ были: жандармъ, купецъ, артельщики въ фартукахъ и какіе-то люди—и все это громко говорило, въ то время, когда бѣлошвейка, сидя на скамейкѣ рядомъ со своимъ коробомъ, заливалась горючими слезами. Группа народа, толкавшаяся около нея, одинъ передъ другимъ старались въ чемъ-то убѣдить ее, и въ тонѣ разговаривающихъ была слышна сочувственная нота.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! Неужели я не увижу его? Мальчикъ мой!..—облитая слезами въ три ручья, захлебываясь ими, хрипло шептала «аккуратная» фигурка бѣлошвейки.

— Сударыня! ничего теперь невозможно!—убѣдительнымъ тономъ говорилъ артельщикъ.

— У меня есть квитанція...—поднимая мокрое лицо на

артельщика и захлебываясь слезами, говорила она.—Вотъ, вѣдь я говорю... есть!

Въ рукахъ ея виднѣлась какая-то бумажка.

— Эта квитанція не можетъ способствовать!..

— Вѣдь это на моего мальчика!

— Оно точно! Дѣйствительно на мальчика вашего... только что не такіе нумера...

— Мой мальчикъ! Но вѣдь это его нумеръ?

— Это ихній нумеръ, вѣрно! Только что это пріемная квитанція, значитъ, живого младенца, а здѣсь накладная мертвецкая. Этотъ нумеръ не можетъ подойти!

— И напрасно вы изволите безпокоиться! — прибавилъ другой сочувствовавшій горю человѣкъ. — Окончательно по этой квитанціи покойника не разыскать. На живого одинъ нумеръ, а на мертваго — другой... Который нумеръ? Позвольте?

Бѣлошвейка рыдала въ платокъ, но квитанцію дала все-таки.

— Четыреста восемьдесятъ одинъ. Ну, онъ тамъ и обозначенъ умершимъ, а въ пріемкѣ у него, можетъ, двадцать девятый или какой тамъ... И окончательно оставьте! Господь прибралъ — что-жъ? Кабы ежели въ покойницкой были...

— Неужели я не увижу! Господи!.. Дайте мнѣ эту квитанцію! Можетъ-быть, я увижу... Тамъ еще поѣздъ пассажирскій.

Раздался третій звонокъ.

— Ахъ, милый мой!.. Уѣдетъ!.. Нѣтъ, я побѣгу на вокзалъ!

Она быстро вскочила съ лавки, схватила картонку, уронила ее и, несмотря на самыя задушевныя доказательства, что ничего она не добьется, быстро побѣжала, пробиваясь сквозь толпу. Я схватилъ ея коробку и побѣжалъ вслѣдъ за ней, а за нами высыпала и вся толпа.

— А ты, коли рожаешь ребенка, такъ ты его не бросай, какъ щенка!—вдругъ, какъ обухомъ по лбу, громко и отчетливо проговорилъ какой-то изъ слушателей, видомъ—лавочникъ.

Бѣдная бѣлошвейка остановилась, и, хотя она и была вся измучена и лицо ея опухло отъ слезъ,—въ ней проснулась на минуту бойкость «бѣлошвейки», которая иногда вынуждена давать дуракамъ сдачи.

— Послушайте!—смѣло сказала она, останавливаясь.— Вы какъ смѣете говорить дерзости?

— Чего бормочешь!—прикрикнули на него нѣкоторые изъ артельщиковъ:—нашелъ время галдѣть!

— Да,—настойчиво болталъ нравоучитель:—коли родишь, такъ не бросай! А то только бы хвостомъ повертѣть? Нѣтъ, шалишь! Вотъ и поплачь, матушка, ничего!

— Перестань, дуракъ! —закричали сочувствующіе бѣдной женщинѣ люди.

Дуракъ не пересталъ бормотать, и это бормотанье какъ будто приковало ноги дѣвушки къ землѣ: она не трогалась съ мѣста и гнѣвно смотрѣла на удалявшагося дурака.

— Пойдемте!—сказалъ я.—Можетъ-быть, поѣздъ еще не ушелъ.

Она пошла, но слова нежданнаго дурака, очевидно, ошеломили ее, и она, сдѣлавъ два-три шага быстрыхъ и стремительныхъ, вдругъ замедлила походку и, продолжая рыдать, говорила гнѣвно и медленно:

— Скверный! Чтобъ я бросила ребенка... Что я, собака? Я бросила! Когда мнѣ кормить нечѣмъ? Чѣмъ я буду кормить?

Опять градомъ льются ея слезы, и мы быстро идемъ впередъ. И вдругъ опять остановка.

— Кабы у меня были родные... или кто-нибудь на свѣтѣ... У меня никого нѣтъ! Я сирота! Каждый годъ у насъ родитъ кухарка, и всѣ ребята живы... Девять рублей получаетъ, платитъ въ деревню... И всѣ живы... А я?

Горькія слезы.

— ...Я еще и въ мастерицы не вышла... Скверный какой!.. Я бы его нашла потомъ. Ихъ въ деревню отдаютъ... Бросила ребенка! Подлецъ этакій! Я бы нашла его...

— Пойдемте, пойдемте, пожалуйста!—говорилъ я.

Она опять побѣжала и опять остановилась:

— Я одна кругомъ... *Онъ* тоже копейки не имѣетъ... ученикъ... Меня съ шести лѣтъ мучаютъ работой... У меня даже своего лоскута нѣтъ... Вѣдь за нихъ казна платитъ, какъ же мнѣ быть?.. Я бы ужъ нашла его!.. У меня у самой молока было ужасть! Двухъ бы покормила! дуракъ этакій, невѣжа!.. Вся рубашка молокомъ-то... Чѣмъ я виновата?.. всѣмъ можно родить, а мнѣ нельзя? Гадкій какой дуракъ, безсовѣстный!.. Теперь и не найтить моего мальчика!.. Ахъ, милый мой! Голубчикъ мой! Пойдемте ради Бога скорѣе!

До самаго вокзала она неслась какъ вѣтеръ, и платокъ поминутно мелькалъ около ея лица.

— Опоздали?—впопыхахъ спросили мы у татарина въ буфетѣ, сказавъ, зачѣмъ мы пришли.

— Да, —проговорилъ онъ, поглядѣвъ па круглые часы:— сейчасъ уйдетъ.

— Что-жъ?—сказалъ я:—теперь ужъ, право, нечего!..

Она стояла неподвижно. Я взялъ ее подъ локоть, привелъ къ скамейкѣ и посадилъ. Она отвернулась отъ меня, какъ-то перевѣсилась черезъ ручку деревяннаго дивана и молча, не говоря ни слова, предалась своему безграничному горю. Туго застегнутый, «аккуратный» хозяйскій дипломатъ дрожалъ подъ истерическимъ дрожаніемъ всего ея тѣла.

— Голубчикъ! —чуть-чуть шептала она.—Прощай! Прощай, ангельчикъ мой!

И будто поцѣлуи слышались тихіе...

Я сидѣлъ около нея недвижимо и боялся дохнуть.

3.

Помню, что она ушла съ опухшимъ лицомъ, но не забыла задернуть его кусочкомъ вуальки и вообще постаралась принять, насколько въ ней хватало силы, обычный видъ бѣлошвейки, опять типъ той самой, которую всякій видитъ въ толпѣ съ коробкой въ рукахъ.

— Ой,—сказала она сиплымъ шопотомъ, взглянувъ на часы:—одиннадцатый! Теперь полковница меня съѣстъ! Ужъ давно надо было быть! Ахъ, Боже мой!..

Толпа, схлынувшая съ почтоваго поѣзда, поглотила ея «фигурку», ставшую опять «аккуратной»... Я просидѣлъ еще довольно долго, не смѣлъ тронуться съ мѣста подъ впечатлѣніемъ чего-то ужаснаго. Наконецъ я всталъ со скамейки и пошелъ.

— Господинъ!—остановилъ меня сторожъ съ бляхой.— Вотъ—бумажку обронили!

Я взялъ бумажку: это была квитанція на принятіе ребенка бѣлошвейки.

А вѣдь она какъ цѣловала эту квитанцію-то! И теперь у нея ничего не осталось. Она опять должна девяносто девять частей жизни посвятить работѣ на хозяйку, заботамъ о полковницѣ, которая «выходитъ изъ себя», если на ней дурно «сидитъ», огорченью за неуспѣхъ этихъ полковницъ изъ-за туалета, скорби хозяйки о недостаткѣ средствъ на игру въ карты,—и только сотую часть своему материнскому дѣлу, чувству, обязанности.

Такъ вотъ какія иногда многосложныя вещи таятся въ статистическихъ дробяхъ! Думаешь-думаешь надъ этими ноликами, дѣлаешь разныя вычисленія, а нежданная слеза возьметъ да все и запачкаетъ!

III. Дополненіе къ разсказу „Квитанція“.

1.

Квитанція, оставшаяся въ моихъ рукахъ послѣ неожиданной встрѣчи съ бѣлошвейкой, въ такой степени приковала къ себѣ мое вниманіе, что я до сихъ поръ не могу еще перейти къ оживленію иныхъ статистическихъ цифръ и не могу оторваться отъ размышленія объ этихъ крупнаго и мелкаго размѣра дробяхъ, кишащихъ въ живой жизни кругомъ меня въ несмѣтномъ множествѣ. Быть дробью, потерять самое право думать о своемъ существованіи, какъ о чемъ-то напоминающемъ «цѣлое»—удѣлъ всякаго живого существа въ строѣ современной купонной жизни, и вотъ почему такая прискорбнѣйшая дробь, какъ одна сотая матери, выработанная всѣмъ строемъ этой жизни, сосредоточила мое вниманіе именно на коренныхъ особенностяхъ этого строя. Строй народной, трудовой жизни тѣмъ и отличается отъ купоннаго, т.-е. труженическаго, батрацкаго, изнуряющаго личность человѣческую, что въ немъ человѣкъ всѣми возможными способами добивается права чувствовать себя цѣлымъ числомъ, а не дробью, жить на свѣтѣ, не покупая чужого труда и не продавая своего, т.-е. жить, сохраняя свою совѣсть и удовлетворяя полнотѣ ея потребностей.

Отличнымъ примѣромъ упорства отстоять трудовую жизнь противъ «купонной» можетъ служить весьма любопытная статья г. Рейнгардта, о которой весьма не мѣшаетъ сказать нѣсколько подробнѣе потому именно, что въ ней разсказывается о крестьянскихъ, привыкшихъ къ самостоятельной жизни, женщинахъ и дѣвушкахъ, не желавшихъ добровольно превращаться въ дроби и сотыя части.

Статья эта изображаетъ «*Дѣвичій бунтъ на Уралѣ въ 1839 г.*» и объясняетъ возникшее волненіе такъ: «промысловыя работы (какъ и вообще фабричныя, поденныя работы «изъ-за хлѣба») должны были наводить ужасъ на

всѣхъ *честныхъ* женщинъ, предъ глазами которыхъ прошли несчастныя *опозоренныя* жертвы съ ихъ навѣки загубленной жизнью. *Матеріальныя* выгоды и *веселая жизнь* внушали *глубокое отвращеніе* этимъ простымъ, но честнымъ натурамъ, которыя предпочитали тихую, хотя и бѣдную жизнь *въ своей* семьѣ...»

И во имя этого уваженія къ своей чести и къ своему человѣческому достоинству «женщины въ своей энергической оппозиціи заводоуправленію дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, безъ всякой активной поддержки со стороны мужчинъ. Право, за которое боролись онѣ, заключалось въ охраненіи нравственной чистоты, въ поддерживаніи достоинствъ честной женщины, что̀ возможно было для нихъ только въ семейной жизни...», т.-е. въ трудовой жизни *своего* хозяйства.

Бунтъ крестьянскихъ дѣвицъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, начался вслѣдствіе слуха о томъ, что полученъ указъ, запрещающій женскій промысловый трудъ. Собственно говоря, никакого закона о трудѣ женщинъ не существовало: заводовладѣльцы изъ дворянъ владѣли крестьянами на основаніи крѣпостного права и распоряжались поэтому своимъ народомъ «какъ имъ было угодно», т.-е. одинаково пользовались трудомъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,—а съ нихъ, заводовладѣльцевъ-дворянъ, «взяли примѣръ» и владѣльцы заводовъ, принадлежавшіе къ купеческому сословію, имѣвшіе право только на мужской трудъ приписныхъ крестьянъ. Эксплоатировать трудъ женщинъ они по закону «не имѣли никакого права» и, чтобы добиться этого права, обратились въ тридцатыхъ годахъ къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи употреблять женщинъ въ работы *за надлежащее вознагражденіе.* Министръ финансовъ удовлетворилъ ходатайство, при чемъ установилъ на этотъ предметъ опредѣленныя правила.

Такимъ образомъ «вознагражденіе», расчетъ на «нужду» явились соблазнителями женщинъ и дѣвушекъ, и «рубль» сталъ отрывать ихъ отъ дома и семьи. Но, несмотря на силу рубля, народное хозяйство было еще такъ прочно, что даже десятилѣтній опытъ развращенія и разрушенія семьи не принесъ никакого существеннаго результата. Едва въ 1839 году прошелъ слухъ, что существуетъ указъ, запрещающій женщинамъ поденную работу, какъ мгновенно поднялось все женское населеніе, заявляя громкій протестъ

противъ «матеріальныхъ выгодъ», которыми ихъ хотѣли оторвать отъ «невыгодной» жизни въ бѣдности своего дома.

«1-го октября 1839 г. дѣвушки должны были собраться на работы въ полномъ составѣ, т.-е. 212 человѣкъ, но ихъ явилось только 12, прочія же остались дома, объявивъ заводскимъ служащимъ рѣшительнымъ тономъ, что онѣ *никогда* не будутъ работать на пріискахъ. А ранѣе этого тѣ же дѣвушки отказались и отъ полевыхъ работъ».

Объ этомъ сопротивленіи было донесено хозяевамъ заводовъ въ такомъ видѣ:

«По распоряженію конторы, мы производили высылку на промысла *дѣвокъ женскаго пола*, при каковомъ нарядѣ за однѣхъ—матери, за другихъ—отцы, а другія сами идти на работу отказались, сказываютъ... что женскому полу въ работѣ находиться не подлежитъ; отчего довольное количество препятствуютъ—не идутъ на работы».

Многіе матери и отцы «категорически и громогласно» объявили, что «дочерей своихъ въ работы не пустятъ». Такое упорство заставило заводское начальство потребовать, откуда слѣдуетъ, «энергическихъ мѣръ». «Желая предупредить,—пишетъ начальство:—развитіе духа неповиновенія, главное правленіе обязанностью своею постановляетъ покорно просить ваше благородіе, по полученіи сего, отправиться безъ промедленія въ К—ій заводъ и оказавшійся духъ неповиновенія строгими и быстрыми мѣрами пресѣчь; а для содѣйствія вамъ теперь же отправляется товарищъ управляющаго, артиллеріи поручикъ Петровъ».

«Его благородіе» и господинъ Петровъ пріѣхали и приняли мѣры—сначала, конечно, «кроткимъ образомъ внушивъ о безусловномъ повиновеніи заводскому начальству». Но увы! «Онѣ же (доноситъ «его благородіе»), бунтовщицы, не давая словамъ моимъ вѣроятія, рѣшительно отозвались, что въ работы не пойдутъ до тѣхъ поръ, покуда я не объявлю имъ указа, по которому онѣ наряжаются на работу, и не дамъ имъ въ томъ какую-то расписку. На представленіе мое имъ, что требованіе ихъ сумасбродно и обнаруживаетъ одну ихъ дерзость, онѣ оставались въ своемъ упорствѣ...» «Дабы не подать повода къ неповиновенію и прочимъ заводскимъ людямъ, я, руководствуясь (слѣдуютъ статьи XIV т. св. законовъ) о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, вынужденнымъ нашелся *къ приведенію въ повиновеніе дѣвокъ употреблять исправительныя полицейскія мѣры; для этого намѣренъ былъ одну изъ*

болѣе упорствующихъ наказать розгами, но толпа дѣвокъ сдѣлала при этомъ шумный крикъ, однакожъ, несмотря на это, одна изъ толпы была взята и подвергнута наказанію двумя ударами розогъ. Эта мѣра имѣла весьма *благопріятное* дѣйствіе на дѣвокъ, ибо многія изъ нихъ тотчасъ согласились вступить въ работу...» «За всѣмъ тѣмъ, пять дѣвокъ, а именно: Агаѳья Гребенщикова, Василиса Быкова, Марья Сосѣкина, Анна Баранова и Наталья Плотникова, остались въ непреклонности и отъ вступленія въ работы рѣшительно отказались...» «О таковомъ неповиновеніи заводскихъ дѣвокъ донося вашему высокопревосходительству, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ приказать къ приведенію въ повиновеніе означенныхъ пяти дѣвокъ употребить надлежащія мѣры»...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, и то, что не было вполнѣ достигнуто при помощи благопріятныхъ мѣръ, сдѣлалось «само собой», на совершенно другихъ уже основаніяхъ! «Теперь заводская жизнь, —говоритъ г. Рейнгардтъ:—представляетъ много удовольствій для усердныхъ поклонниковъ Киприды. На золотыхъ пріискахъ работаетъ много женщинъ и дѣвушекъ, между которыми попадаются очень хорошенькія, даже въ полномъ смыслѣ красавицы. Онѣ (уже) неприхотливы, отличаются большой снисходительностью, такъ что за хорошенькій платокъ, кусокъ ситцу, даже за фунтъ кедровыхъ орѣшковъ готовы подарить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ перваго встрѣчнаго ловеласа. Вотъ почему (!) *всякій* (!), отправляющійся на промыселъ, запасается *предварительно* (!) платочками, ситцами, въ полной надеждѣ на успѣхъ и, конечно, почти никогда не ошибается. Успѣхъ очень часто превосходитъ ожиданія!..» «Люди практическіе, опытные, запасаются на этотъ предметъ самыми *разнообразными* матеріями, потому что брать хотя и много, но все одного и того же качества, бываетъ весьма неудобно, какъ показалъ примѣръ нѣкоего N., который съ любовью къ прекрасному соединялъ аккуратность и расчетливость. Отправляясь на пріиски, онъ закупилъ на дешевой распродажѣ массу ситца совершенно *одинаковаго* рисунка... *Чрезъ три недѣли* послѣ прибытія его на пріискъ, въ одинъ праздничный день, на мѣстномъ гуляньи явились *около 60* мѣстныхъ работницъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, будто по формѣ. Нетрудно было догадаться, что всѣ эти особы въ теченіе короткаго времени пользовались вниманіемъ этого господина, что дало поводъ мѣст-

нымъ шутникамъ (а не шутники что же?) говорить, что это форма «непремѣнныхъ работницъ» (на основаніи 448 ст. VII т. Горнаго устава о непремѣнныхъ работницахъ). Но какъ ни весела (!) жизнь на промыслахъ, положеніе женщинъ тамъ далеко неприглядно».

Такіе успѣхи растлѣнія нравовъ, повторяю, мы не можемъ приписать въ данномъ случаѣ исключительно какому-нибудь несправедливому указу или какому-нибудь насильственному мѣропріятію. Теперешнія несчастныя женщины идутъ на свою гибель ужъ безъ участія «благопріятныхъ» мѣръ.

2.

Въ дальнемъ морѣ, на каменной скалѣ, стоитъ гигантская статуя «Свободы». Франція подарила эту статую Америкѣ. На огромномъ пьедесталѣ поставлена величественная фигура женщины съ поднятымъ надъ головою электрическимъ факеломъ. Высоко, чуть не въ облака, подняла эта женщина свой факелъ; огромный стеклянный фонарь, въ которомъ пламенѣетъ огромный клубокъ электрическаго свѣта, далеко разливаетъ ослѣпительные лучи, пронизывая ихъ широкими размахами туманы, тучи, нависшія надъ землей, стелясь прямою бѣлою дорогою по бушующимъ волнамъ океана и возносясь въ самую глубину неба. Много добра приноситъ статуя путнику, застигнутому бурей. Издалека, за сотни верстъ, видитъ онъ этотъ свѣтъ и правитъ на него свой пароходъ, спасаетъ свой товаръ. Но вѣдь надо *знать*, какъ править, и надо знать, зачѣмъ, и кто, и какъ *это* свѣтитъ. А вотъ бѣдныя птицы не знаютъ! Застигнутыя бурей, дождемъ, снѣгомъ, онѣ видятъ этотъ благодатный свѣтъ, думаютъ, что тутъ жилье, что тутъ тепло, массами мчатся сюда и... на смерть разбиваются о гигантскій фонарь, воздвигнутый во имя свободы и братства. Пятнадцать тысячъ птичьихъ труповъ было найдено у подножія этого гигантскаго фонаря послѣ одной бурной и черной ночи! Бѣдныя птицы!

Вотъ и нашъ крестьянскій человѣкъ, какого бы пола ни былъ, «обѣими руками» хватается не только за кусокъ «купона», а, какъ мы видимъ, за кусокъ ситчика и даже за горсть орѣховъ. Мужчина-крестьянинъ уже думаетъ, что ему будетъ «потеплѣе» въ трактирѣ, за бутылкой пива, чѣмъ въ холодной избѣ, да и крестьянкѣ кажется также потеплѣе на фабрикѣ и въ пивной, и повеселѣе отъ органа и отъ ситчика съ веселымъ рисункомъ. Но вѣдь, чтобы все

это поправилось, стало тянуть къ себѣ, чтобы все это стало казаться свѣтомъ, тепломъ, прибѣжищемъ, какъ несчастнымъ птицамъ казался мертвый свѣтъ фонаря, нужно, чтобы дома стало холодно, чтобы негдѣ было укрыться отъ стужи, чтобы было страшно отъ безпріютности и одиночества.

До какой степени много однѣхъ только женщинъ отрываютъ «купонныя» дѣла отъ собственнаго дома и семьи—мнѣ, между прочимъ, пришлось мелькомъ видѣть въ Ростовѣ во время поѣздки по Дону *). Здѣсь одно табачное, папиросное дѣло отрываетъ отъ земледѣльческихъ хозяйствъ буквально тысячи молодыхъ женскихъ силъ. Кромѣ пяти тысячъ (никакъ не менѣе) папиросницъ, работающихъ на ростовскихъ фабрикахъ, ихъ великое множество работаетъ и на табачныхъ плантаціяхъ. Кромѣ того, въ томъ же Ростовѣ цѣлыя тысячи женщинъ и дѣвицъ занимаются мойкою шерсти, и всѣ эти тысячи буквально не имѣютъ *права* быть матерями. Онѣ, конечно, не могутъ сопротивляться обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ поломъ; но онѣ *должны* бросать дѣтей, должны отдѣлываться отъ нихъ во что бы то ни стало,—иначе прекратится шерстяное производство, и у насъ не будетъ папиросъ Асмолова, Кушнарева, крученыхъ, гвардейскихъ и прочихъ. Не знаю и не имѣю подъ руками никакихъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣтей, которыхъ обязаны бросить здѣшнія рабочія женщины, но мнѣ передавалъ одинъ изъ гласныхъ ростовской думы, что послѣдняя уплачиваетъ въ Новочеркасскій воспитательный домъ по 80 р. въ годъ за каждаго брошеннаго ростовскими фабриками ребенка и препровождаетъ такихъ дѣтей въ Новочеркасскъ. Существуютъ будто бы агенты, которые слѣдятъ за дѣтьми, выбрасываемыми фабриками и заводами, разыскиваютъ и увозятъ такихъ, обреченныхъ быть брошенными, дѣтей въ Новочеркасскъ.

Если бы было можно сосчитать все количество дѣтей, которыя въ данную минуту должны оставаться безъ материнскаго питанія и ухода, то я не сомнѣваюсь, что цифра вышла бы весьма внушительная. Чтобы судить хоть приблизительно о громадности этой цифры, я настоятельно рекомендую читателю обратить вниманіе на брошюру Н. Михайлова **), касающуюся общей характеристики воспита-

*) «Письма съ дороги», IX.

**) «Общая характеристика дѣятельности нашихъ воспитательныхъ домовъ». Врача Н. Ф. Михайлова. Москва, 1887 г. (Изъ «Трудовъ 2-го съѣзда Русскихъ Врачей»).

тельныхъ домовъ *только* Петербурга и Москвы. Оказывается, что *только въ двухъ* воспитательныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ ежегодно поступаетъ *двадцать шесть тысячъ дѣтей*, притомъ на Петербургъ приходится 9000, а на Москву—*семнадцать тысячъ* дѣтей! При этомъ замѣчается слѣдующее явленіе: «вслѣдствіе центральнаго положенія Москвы и возможности быстро доставлять дѣтей по желѣзнымъ дорогамъ, въ послѣдніе годы замѣчается все большій приливъ дѣтей изъ провинціи». Не надо быть пророкомъ, чтобы съ точностью опредѣлить всѣ провинціальныя мѣстности, откуда прибываетъ такая масса бросовыхъ дѣтишекъ: это фабричный подмосковный районъ.

Въ доказательство того, что женскій фабричный трудъ ставитъ работницу въ необходимость непремѣнно оставлять, покидать своего ребенка, мы можемъ привести слѣдующій отрывокъ изъ прекрасной статьи г. Сидорова о «Раменской фабрикѣ», одной изъ самыхъ образцовыхъ во всемъ подмосковномъ районѣ. Фабрика эта дѣлаетъ для рабочихъ все, что только можетъ сдѣлать лучшаго,—и вотъ въ какомъ положеніи находятся тамъ женщины:

«Въ шести корпусахъ устроены дѣтскія, такъ-называемыя ясли. Цѣль ихъ та, чтобы, уходя на работу, матери могли оставлять своихъ маленькихъ дѣтей подъ надлежащимъ присмотромъ. Раменская фабрика, кажется, *единственная, въ которой* до нѣкоторой степени *постарались улучшить положеніе беременныхъ женщинъ и матерей*, кормящихъ грудью дѣтей. Организованы дѣтскія слѣдующимъ образомъ: въ каждой есть нѣсколько нянекъ, отъ 2-хъ до 6-ти, сообразно количеству приносимыхъ дѣтей; няньки получаютъ по 6 р. въ мѣсяцъ. Надъ няньками есть смотрительница, получающая около 15 р. въ мѣсяцъ. Приносить дѣтей въ дѣтскую, устроенную при корпусѣ, можетъ каждая работница, живущая въ корпусѣ, не испрашивая на это никакого и ни у кого *особаго* разрѣшенія. Для прокорма дѣтей отпускается безвозмездно молоко въ достаточномъ количествѣ. Въ каждую дѣтскую проведены краны съ холодной и горячей водой. Дѣтскія снабжены въ надлежащемъ количествѣ постельнымъ бѣльемъ. Но изъ 211 дѣтей до 4-хъ-лѣтняго возраста приносилось въ дѣтскія всего 30—35 дѣтей, т.-е. всего почти четверть только грудныхъ дѣтей, что указываетъ на нѣкоторое равнодушіе со стороны рабочихъ къ устройству дѣтскихъ. Вдумавшись же въ ихъ устройство, мы поймемъ это равнодушіе... Первое неудоб-

ство матери-работницы отдавать ребенка въ дѣтскую то, что тамъ она можетъ держать его только въ то время, когда сама занята работой на фабрикѣ. Ясное дѣло, что няньки для своей свободы всѣ мѣры принимаютъ къ тому, чтобы ввѣренныя ихъ присмотру дѣти спали: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало», а что же лучше устраняетъ плачъ, какъ не сонъ? И вотъ, усталая отъ шестичасовой работы, мать приходитъ домой, а ребенокъ уже не спитъ, спать и ей не даетъ. Возится она съ нимъ, возится все недолгое свободное время, а тамъ опять станки, веретено... а ребенокъ въ это время опять спитъ, чтобы въ слѣдующій промежутокъ вновь терзать свою усталую мать. Поставьте себя на мѣсто этой матери, и вы поймете, что она станетъ искать исхода другого, кромѣ дѣтской. Такой исходъ есть—няньки-дѣвочки или дряхлыя старушонки. Ѣдятъ онѣ мало да и готовы служить почти изъ-за прокорма. Въ 57% изслѣдованныхъ г. Сидоровымъ семействъ именно и прибѣгли къ этому средству; въ нѣкоторыхъ семьяхъ есть свои члены семейства, неспособные къ другому труду, кромѣ няньчанья; несетъ же своихъ дѣтей въ дѣтскую *только нужда безысходная, голь перекатная*. Вторая причина—прежде ея не было—недостаточно строгій присмотръ за дѣтскими».

«На Раменской фабрикѣ беременныя женщины отпускаются за нѣкоторое время до родовъ съ работы, если онѣ того пожелаютъ; кормящія же грудью дѣтей по два раза въ смѣну отпускаются для кормленія дѣтей. Въ недавнемъ прошломъ бабушки-повитухи немало изувѣчили дѣтей и замучили рожениць; но нѣсколько лѣтъ (5) на фабрикѣ устроенъ родильный пріютъ, куда могутъ приходить всѣ нуждающіяся въ немъ. Акушерка получаетъ 30 р. въ мѣсяцъ, трудъ у нея громаденъ: въ прошломъ году, напр., было въ пріютѣ 308 рожденій! Помѣщеніе родильнаго пріюта крайне мизерно—двѣ маленькія комнаты и кухня составляютъ и помѣщеніе пріюта и квартиру акушерки. При такой громадной рождаемости, совершающейся въ пріютѣ, на каковую указываетъ вышепоказанная цифра, ясно, что роженица должна находиться въ крайне неудобномъ положеніи какъ во время родовъ, такъ въ особенности должна вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ, тотчасъ же послѣ родовъ. *Имена рожениць остаются въ секретѣ*, или принимаются во всякомъ случаѣ довольно энергичныя мѣры сохранять ихъ въ секретѣ. Вслѣдствіе такого порядка, въ

родильный пріютъ привлекаются въ значительномъ количествѣ женщины, рождающія незаконныхъ дѣтей. Этимъ средствомъ обезпечивается большинство несчастныхъ женщинъ, принужденныхъ, скрывая свои физіологическія отправленія, обращаться съ своими родами гдѣ-нибудь въ закоулкѣ, къ какой-либо повитухѣ. Незаконнорожденныя дѣти въ Троице-Раменскомъ приходѣ не заргегистрировываются, ибо близость Москвы даетъ возможность *легко сбывать* своихъ дѣтей въ Воспитательный домъ. Поэтому, къ сожалѣнію, мы, разсматривая метрическія данныя Раменскаго прихода, совершенно не имѣемъ этихъ цифръ».

Этотъ «легкій сбытъ» дѣтей въ Москву производится самымъ безхитростнымъ образомъ. Недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано о проѣздѣ по желѣзной дорогѣ бабы, которая везла въ Москву въ двухъ плетеныхъ корзинкахъ цѣлыя кучи «секретныхъ» ребятишекъ, которые пищали и кричали въ этихъ корзинкахъ, какъ цыплята, отправляемые курятниками въ Охотный рядъ. Нельзя останавливать производства! Да и конкуренціи слѣдовательно нельзя задерживать! Прямо въ корзину, въ Москву, въ общую ссылку дѣтей.

Я однажды самъ ѣхалъ со старухой-крестьянкой, которая везла въ мѣшкѣ подъ скамейкой въ вагонѣ 3-го класса цѣлую кучу мертвыхъ дѣтей. Она ѣхала къ доктору просить свидѣтельство на погребеніе. Въ то лѣто свирѣпствовала какая-то эпидемія, и, по обыкновенію, стояла рабочая пора. Бабы заняты были на работѣ, и имъ самимъ нельзя было везти взятыхъ ими и умершихъ питомцевъ. Вотъ онѣ и снарядили старуху, заплативъ ей за хлопоты 30 коп., а она, чтобы начальство дороги не протестовало противъ ея товара, свалила мертвыхъ дѣтей въ мѣшокъ, засунула его подъ лавку и поѣхала. Вотъ эта (между прочимъ) невозможность тратить много денегъ на перевозку даже по желѣзной дорогѣ служитъ также доказательствомъ того, что перевозка дѣтей въ столичные воспитательные дома производится изъ такихъ пунктовъ, которые недалеко отстоятъ отъ столицы. Привезти ребенка, напр., изъ какой-нибудь деревни Тульской губ., т.-е. верстъ за сто отъ Москвы, это значитъ истратить на него столько денегъ, что на нихъ можно его прокормить дома. И слѣдовательно везутъ только изъ ближайшихъ и притомъ фабричныхъ мѣстъ. Въ пользу этого соображенія говоритъ еще и слѣдующее обстоятельство.

Въ брошюрѣ г. Н. Михайлова на стр. 4 сказано, что въ настоящее время новыми правилами въ воспитательныхъ домахъ дозволяется *самимъ матерямъ* вскармливать своихъ дѣтей и *на дому* до 3-хъ лѣтъ, съ производствомъ такой платы: въ первый годъ 108 руб., во 2-й 72 р. и въ 3-й 36 р. Какъ видите, мѣра чрезвычайно гуманная; но въ отчетѣ о количествѣ дѣтей, взятыхъ собственными ихъ матерями, не показано никакой цифры, а это было бы непремѣнно, если бы матери, отдающія дѣтей въ воспитательный домъ, *могли* бы, имѣли бы *право* быть матерями. Въ томъ-то и дѣло, что онѣ бросаютъ дѣтей потому, что имъ нельзя *«отойтить»* отъ дѣла, отъ станка, отъ папиросы, что имъ *нельзя* заниматься ребенкомъ ни дома ни въ воспитательномъ домѣ. Этого не дозволитъ работницѣ папироса, ситецъ — словомъ, товаръ! Не будь папиросы, будь просто голая бѣдность—и тогда бы она непремѣнно кормила ребенка. Принимаются также въ воспитательные дома дѣти, и даже законныя, такихъ родителей, которые по бѣдности не могутъ кормить, а потерять не желаютъ. И такихъ бѣдныхъ родителей, не облагодѣтельствованныхъ фабричнымъ станкомъ, оказалось въ Петербургѣ (въ 84 г.) 544 человѣка. Очевидно, такіе родители имѣютъ надежду когда-нибудь сами продолжать воспитаніе своихъ дѣтей. Фабричная женщина, которой нельзя «отойтить» отъ своего дѣла, не можетъ разсчитывать на какое-либо иное будущее, кромѣ той же безпрестанной невозможности «отойтить», оторвать рукъ своихъ, и слѣдовательно ни временно ни тѣмъ менѣе даже въ теченіе трехъ лѣтъ ей невозможно и думать пользоваться правами матери.

Итакъ, фабричная женщина, имѣя право хоть и *секретно* (!) родить, матерью несекретной быть не можетъ! Ей надобно, если она хочетъ «пить-ѣсть», свалить ребенка въ корзинку съ другими такими же секретными дѣтьми и отправить ихъ въ Москву. На этомъ материнскія обязанности ея прекращаются. Она получаетъ изъ воспитательнаго дома «квитанцію» и опять становится къ станку. Этимъ исчерпывается все ея материнское дѣло. Но ребенокъ, уѣхавшій въ Москву по желѣзной дорогѣ, не такъ просто разстается съ фабрикой и начинаетъ шибко мстить всѣмъ и всему за свое безпомощное положеніе.

Онъ—живой человѣкъ и желаетъ жить. Его необходимо кормить «хоть изъ приличія». И вотъ для двадцати шести тысячъ дѣтей требуется и двадцать шесть тысячъ *корми-*

лицъ, точно такъ же, какъ и на фабрикѣ требовались, вмѣсто родныхъ матерей, нанятыя няньки. Такимъ образомъ для этихъ брошенныхъ дѣтей надо, чтобы еще и другія двадцать шесть тысячъ матерей тоже бросили бы своихъ собственныхъ двадцать шесть тысячъ дѣтей и оставили ихъ также безъ материнскаго молока. Но такого огромнаго количества кормилицъ никогда воспитательные дома двухъ большихъ городовъ, Петербурга и Москвы, не имѣли. Въ 1882 году, 3 апрѣля, говоритъ г. Михайловъ, въ московскомъ воспитательномъ домѣ недоставало 695 кормилицъ, и въ среднемъ выводѣ было на каждую кормилицу по 2 ребенка, а у 262—по три ребенка; круглый годъ недоставало 192 кормилицъ.

1884 годъ, замѣчательный неурожаемъ и *закрытіемъ фабрикъ*, не привлекъ однако въ воспитательный домъ кормилицъ. «13 апрѣля было 1395 дѣтей, а кормилицъ — только 580. Медицинскій отчетъ на это время говоритъ: «дѣти хронически голодаютъ», значительная часть кормилицъ должна была кормить по трое дѣтей.

Кстати обратите вниманіе на этотъ фактъ «закрытія фабрикъ», который, какъ видите, *убавилъ* притокъ кормилицъ въ воспитательный домъ. «Бабье чутье» тѣхъ бѣдныхъ крестьянскихъ женщинъ, которыхъ гнала бы въ кормилицы нужда, подсказало имъ, что теперь, когда фабрики закрываются, матери волей-неволей, *изъ совѣсти* будутъ *сами* кормить своихъ дѣтей, хоть и впроголодь, а секретныхъ будетъ совсѣмъ мало, такъ какъ дѣвки будутъ волей-неволей сидѣть дома... «Не зачѣмъ и идти въ Москву!»

Возвратимся однако къ кормилицамъ.

«Ненормальное душевное состояніе кормилицъ,—говоритъ г. Михайловъ (стр. 9):—которымъ нерѣдко приходится оставлять деревню помимо собственнаго желанія, не можетъ оставаться безъ вліянія на ихъ молоко. Женщина, идущая въ воспитательный домъ, иногда могла только-что потерять своего ребенка и находиться подъ впечатлѣніемъ свѣжаго горя. Всѣ эти обстоятельства прямо вліяютъ на здоровье кормилицъ и дѣтей, которыхъ онѣ кормятъ». Кромѣ истощающаго кормилицу душевнаго гнета, мы видѣли, что недостатокъ въ нихъ вынуждаетъ начальство воспитательнаго дома давать иной кормилицѣ по два и даже по три ребенка, т.-е. истощать ее сверхъ всякихъ мѣръ.

Изъ всего этого выходитъ слѣдующее: кормилица, идущая въ воспитательный домъ «изъ нужды» и слѣдовательно матеріально плохо обезпеченная, дома плохо питавшаяся,

да удрученная горемъ, да вынужденная кормить двухъ-трехъ, изнуряется, во-первыхъ, сама, между прочимъ, и вслѣдствіе различныхъ искусственныхъ способовъ развить молоко (селедка, двойныя порціи пищи и т. д.), и не питаетъ въ должной степени ни одного изъ брошенныхъ дѣтей, находящихся на ея рукахъ. Смертность поэтому въ воспитательныхъ домахъ такая: въ Петербургѣ 31%, въ Москвѣ 40% (это смертность въ воспитательныхъ домахъ, а не въ деревняхъ).

Но въ то же время и дѣти кормилицъ мрутъ въ деревняхъ въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ мрутъ ихъ питомцы въ воспитательномъ домѣ. «Верейское земство попыталось разъ собрать свѣдѣнія о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ принимаются питомцы, относительно смертности какъ этихъ послѣднихъ, такъ и дѣтей мѣстныхъ жителей». Получились, по словамъ г. Михайлова, *поражающія данныя*. Въ приходахъ, гдѣ отсутствуютъ питомцы, замѣчается приростъ населенія, *а гдѣ были питомцы*, тамъ не только не оказывается приросту, но даже обнаруживалась значительная убыль населенія. Смертность *своихъ* дѣтей шла прогрессивно съ пріемомъ питомцевъ въ семью (стр. 18).

Такимъ образомъ «смерть», «изнуреніе», «истощеніе» идутъ отъ язвы «купона» во всѣ стороны. 26 тысячъ *секретныхъ* матерей, 26 тысячъ *брошенныхъ* дѣтей, около той же цифры тысячъ матерей, *бросившихъ* своихъ дѣтей, и еще такое же количество дѣтей, оставленныхъ матерями для воспитательнаго дома!

Но это еще не все.

При распространеніи въ фабричномъ населеніи проституціи и сифилиса, естественно, что въ этихъ десяткахъ тысячъ выброшенныхъ имъ дѣтей немалое количество такихъ, которыя родятся зараженными этой болѣзнью. И вотъ отъ нихъ, этихъ больныхъ дѣтей, заражаются наемныя кормилицы; эти кормилицы, возвращаясь въ деревню, заражаютъ собственныхъ дѣтей, и такимъ образомъ гибельная болѣзнь широко раздвигаетъ предѣлы своего владычества въ народной средѣ.

Не все еще и это!

Бѣдность, которая гонитъ крестьянку-мать въ кормилицы, заставляя ее бросить своего ребенка, чтобы кормить чужого, тоже брошеннаго, въ концѣ концовъ надоумила ее извлекать изъ этихъ дѣтскихъ смертей и несчастій, по крайней мѣрѣ, матеріальную выгоду. Плату кормилицы-вос-

питательницы получають за дѣтей отъ 1-го до 3-хъ рублей въ мѣсяцъ, сообразно возрасту ребенка. До перваго года платятъ 3 рубля, затѣмъ плата постепенно уменьшается. Многимъ кормилицамъ, съ болѣе меркантильнымъ воззрѣніемъ на дѣло, конечно, невыгодно имѣть ребенка за пониженную плату, поэтому они стараются сбыть подросшаго, т.-е. *рублеваго* ребенка и получить взамѣнъ его помоложе, т.-е. *трехрублеваго*. То-есть сбываютъ подросшаго уже ребенка въ такія семьи, бѣдность которыхъ рада и рублю, а сами берутъ себѣ новыхъ питомцевъ. Такимъ образомъ, кромѣ смерти, сифилиса—пришло съ брошеннымъ ребенкомъ въ деревню и безчеловѣчное барышничество людьми—развратъ, которому нѣтъ имени.

Наконецъ не дремлетъ въ этомъ царствѣ смерти и деревенскій столпъ—кулакъ. И онъ прочно и твердо держитъ въ этомъ дѣлѣ свое кулацкое барышническое знамя.

При выдачѣ денегъ кормилицамъ существуетъ то неудобство, что онѣ должны *сами* являться въ воспитательный домъ за полученіемъ. Исключенія, когда кормилица можетъ получить плату на мѣстѣ,—весьма рѣдки. Гдѣ же бѣдной женщинѣ, имѣющей кучу своихъ дѣтей и взявшей питомца, пускаться въ Петербургъ или Москву, которые иногда отстоятъ отъ деревни, гдѣ она живетъ, на 100 и болѣе верстъ? Вотъ тутъ-то на помощь бѣдной женщинѣ и является кулакъ. Такъ какъ выдаваемые кормилицамъ на питомцевъ билеты, по которымъ онѣ могутъ получать деньги, представляютъ извѣстную цѣнность, то эти билеты и сдѣлались предметомъ наживы мѣстныхъ ловкихъ людей, которые, во-первыхъ, получаютъ деньги за кормилицъ по сотнямъ билетовъ, взимая за это хорошіе проценты, и, во-вторыхъ, принимаютъ эти билеты въ закладъ. «Мы знаемъ, говоритъ г. Михайловъ, одинъ городъ въ Московской губерніи, гдѣ все почтенное купечество и «уважаемые» кабатчики широко промышляютъ питомническими билетами, принимая ихъ въ залогъ по 10 коп. за каждый мѣсяцъ и отпуская подъ нихъ товаръ. Не рѣдкость встрѣтить въ однѣхъ рукахъ такихъ цапкихъ людей по 300 и по 500 билетовъ».

Итакъ, вотъ какія вещи творятъ разные «ситчики» и «папироски» съ женщиной и вокругъ нея, разъ поставивъ ее въ невозможность просто быть хозяйкой своего дома. Но все, что здѣсь сказано, на основаніи брошюры г. Михайлова, положительно *капля* въ морѣ тѣхъ ужасовъ, о которыхъ эта брошюра повѣствуетъ и на размышленіе о

которыхъ наводитъ васъ. Обильный матеріалъ, собранный г. Михайловымъ, захватываетъ это темное дѣло нашего строя жизни во всѣхъ отношеніяхъ, и вы, прочитавъ его брошюру, будете удивлены, узнавъ, что все разсказываемое имъ не только еще *не все,* но что онъ, «при краткости» срока на рефераты, *не могъ нарисовать картину во всей полнотѣ.* Со временемъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать это, т.-е. представить темное дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Но для насъ, простыхъ читателей, должно быть вполнѣ довольно и того, что и теперь намъ могъ сообщить г. Михайловъ, чтобы хоть на мгновеніе задуматься надъ несомнѣнно видимымъ нами зломъ и просто по-человѣчески опечалиться тѣми печалями, которыя сейчасъ прошли передъ нашими глазами.

Зло это—дѣло «рукъ человѣческихъ», но неужели тѣ же руки человѣческія не могутъ быть направлены и на его прекращеніе?

4.

А попытки къ этому иногда уже начинаютъ встрѣчаться и въ наше трудное время. Около двухъ лѣтъ среди газетныхъ объявленій стала появляться публикація о «саратовской сарпинкѣ». Вотъ объ этой-то сарпинкѣ мнѣ и пришлось услышать нынѣшнимъ лѣтомъ, во время поѣздки по Волгѣ, слѣдующія свѣдѣнія, которыя сообщилъ мнѣ одинъ изъ саратовскихъ мануфактурныхъ торговцевъ.

Нѣмецкіе колонисты, «домъ» и хозяйство которыхъ устроены, какъ извѣстно, несравненно устойчивѣе и прочнѣе, чѣмъ у нашихъ крестьянъ, и которые вслѣдствіе этого, спокойно занимаясь своимъ хозяйствомъ, не ощущаютъ кругомъ себя того холода и стужи одиночества, какое ощущаетъ нашъ разстроенный въ хозяйствѣ мужикъ, не пошли на призывъ новоявленнаго купона, не улетѣли на этотъ мертвый свѣтъ изъ своихъ теплыхъ и уютныхъ домовъ и не отдали своихъ женъ и дочерей на съѣденіе этому владыкѣ нашего вѣка.

Нимало однако не брезгая деньгами, которыя сулилъ начавшій развиваться фабричный трудъ, они стали брать фабричную работу на домъ, и вмѣсто фабричныхъ станковъ образовались станки домашніе, за которыми и работаютъ колонистскія дѣвушки и женщины въ свободное отъ другихъ домашнихъ занятій время. Продуктъ этихъ трудовъ, по словамъ мануфактурныхъ торговцевъ, и по качеству и по цѣнѣ сразу побѣдитъ не только такой же продуктъ, производимый московскими фабриками, но и продуктъ заграннч-

наго производства. Саратовская сарпинка оказалась и лучше, и прочнѣе, и дешевле какъ заграничной, такъ и московской. Когда я разговаривалъ объ этомъ съ торговцемъ мануфактурными товарами, разсказывавшимъ мнѣ этотъ новый опытъ производства, онъ, простой человѣкъ, можетъ-быть, никогда не думавшій о томъ, какъ дѣлается этотъ ситецъ и сарпинка, и умѣвшій только торговать имъ, — самъ, очевидно, былъ удивленъ этимъ блестящимъ опытомъ и самъ завелъ рѣчь о томъ, какая бездна мерзости и неправды, неразлучной съ производствомъ фабричнымъ, избѣгнута этимъ домашнимъ способомъ производства. Не только о дешевизнѣ и о прочности говорилъ онъ, а о томъ,—и это гораздо больше, чѣмъ о дешевизнѣ,—какъ это все хорошо, справедливо вышло; вышелъ дешевый товаръ, и не оказалось ни тѣни фабричнаго распутства и грѣха!

Не человѣкъ ушелъ къ станку изъ своего дома, а станокъ пришелъ къ нему въ домъ.

А развѣ въ нашей крестьянской семьѣ есть хоть малѣйшій признакъ нежеланія осложнить домашній трудъ присоединеніемъ къ нему новыхъ родовъ труда! Вся семья, вся духовная жизнь семьи держится силами трудовой жизни, и ничего, кромѣ удовольствія имѣть заработокъ, могущій дать возможность облегчить тяжеловѣсные, первобытные пріемы современной крестьянской трудовой жизни, не принесетъ этому дому никакой станокъ и никакая машина, добромъ вошедшая въ крестьянскій домъ. Крестьянская семья *любитъ работу* и даже самыя трудныя, тяжкія дѣла умѣетъ облегчать пѣснью *).

IV. «Ноль—цѣлыхъ!»

1.

Я надѣюсь, что читатель обратитъ вниманіе на нѣкоторыя странности, допущенныя мною въ заголовкѣ этой замѣтки: совершенно точное опредѣленіе мнимой величины: «ноль цѣ-

*) Въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ С. М. Пономаревымъ въ Приуральѣ, напечатанныхъ въ 11 и 12 №№ «Сѣверн. Вѣст.» 1887 года, есть одна, какъ нельзя лучше выясняющая взглядъ народа, между прочимъ, и на женскій *фабричный трудъ*. Въ пѣснѣ разсказывается о бѣгствѣ казаковъ съ Дона на Дунай-рѣку вслѣдствіе того, что на Дону получились такія приказанія, которыхъ не могла вынести казацкая душа.

лыхъ» вовсе, повидимому, не нуждается въ томъ разъединеніи двухъ опредѣляющихъ словъ, какое почему-то допущено мною; это первая странность, а вторая—это знакъ восклицанія, повидимому, поставленный также совсѣмъ ни къ селу ни къ городу.

Если только читатель дѣйствительно обратитъ вниманіе на эти странности въ заголовкѣ, то я надѣюсь, что онъ, уже безъ всякой съ моей стороны помощи, выполнитъ все то, что̀ я хитроумно задумалъ, обставивъ заголовокъ такими хитросплетеніями и загадочными осложненіями. Волей-неволей всматриваясь въ эти хитросплетенія, читатель, я надѣюсь, призадумается, во-первыхъ, надъ необычайной трудностью предстоящаго мнѣ дѣла—оживить, то-есть въ живомъ человѣческомъ образѣ представить такую мнимую величину, какъ «ноль», да и не простой ординарный нолишко, ничтожество, а нѣчто такое, что̀ претендуетъ быть «цѣлымъ»—это разъ; а во-вторыхъ, призадумавшись надъ моимъ труднымъ положеніемъ, и самъ попытается подумать и опредѣлить, что̀ бы это такое могло въ живой жизни соотвѣтствовать этой таинственной математической величинѣ?

Неужели, подумаетъ читатель, эта мнимая величина можетъ быть выражена въ человѣческомъ образѣ? Вѣдь если *ноль*, такъ, стало-быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, ровно ничего не можетъ находиться; ноль — это пустопорожнее мѣсто, знакъ для указанія, что тамъ, гдѣ онъ находится, нѣтъ ничего, ни синь-пороха? Однако вотъ этотъ-то пустопорожній знакъ осмѣливается утверждать, что онъ, это «ничто», стоитъ на мѣстѣ цѣлаго.

Вокругъ-то стоитъ, вотъ, раздушечка,
Воръ-Игнашечка.
Онъ стоитъ-то улыбается,
Во рукахъ держитъ указики,
Указики скорописные,
Необлыжные:
Какъ старыхъ казаковъ—
Казнить-вѣшати!
Молодыхъ ребятъ—
Во солдаты брать!
Молодыхъ ихъ женъ—
На фабричный дворъ!
Малыхъ дѣтушекъ—
Подъ заборъ бросать!

«Фабричный дворъ», какъ видите, то же, что̀ для молодыхъ ребятъ солдатчина; то же, что̀ для стариковъ—*казнь*... И какъ вѣрно замѣченъ неизбѣжный результатъ фабрики—необходимость подъ заборъ бросать дѣтей.

Спрашивается: какое же такое можетъ быть это цѣлое, если оно допускаетъ вмѣсто себя представительство «ноля», который опять-таки ровно ничего не означаетъ и въ то же время рѣшительно не покоряется вашимъ обличеніямъ его въ ничтожествѣ, не хочетъ признать себя просто нолемъ, а утверждаетъ, что онъ какой-то особенный ноль?

Вотъ вслѣдствіе такого затруднительнаго, даже прискорбнаго положенія, въ которое становится изслѣдователь ни съ чѣмъ несообразной комбинаціи «ноля» и «цѣлаго», я и поставилъ въ заголовкѣ восклицательный знакъ: извольте-ка въ самомъ дѣлѣ поломать голову надъ разысканіемъ какого-то человѣческаго существа, которое бы и существовало и не существовало одновременно?

Заручившись помощью восклицательнаго знака, вызывающаго въ читателѣ прискорбное, близкое къ состраданію чувство, я безъ всякой утайки могу сознаться, что положеніе мое было въ высшей степени нелѣпое. Коренная ошибка моя состояла въ томъ, что я принялся искать живыхъ нолей въ народной средѣ. Гдѣ, какъ не въ той средѣ, думалось мнѣ, могутъ быть человѣческія существованія, опредѣляемыя пустопорожнимъ знакомъ ноля, какъ не въ этой средѣ наимельчайшихъ десятичныхъ дробей? Развѣ не здѣсь на каждомъ шагу попадаются фигуры, существованіе которыхъ положительно непостижимо? И я сталъ самымъ пристальнымъ образомъ всматриваться во всякую деревенскую нищету, голытьбу, мѣстную и прохожую, и при всей призрачности существованія ихъ, повидимому, чрезвычайно близкомъ къ несуществованію, въ концѣ концовъ всѣ они не могли быть выдѣлены изъ области дробей, хотя бы и въ высшей степени микроскопическихъ. И ноль такимъ образомъ оставался для меня тайной.

Однажды я напалъ на нѣчто, казалось мнѣ, вполнѣ отвѣчающее моей многотрудной задачѣ. На платформѣ нашей станціи, въ лютый морозъ, на желѣзной, прокаленной холодомъ скамейкѣ, заприметилъ я одного человѣка. Человѣчекъ этотъ, крестьянскаго званія, былъ весь какой-то воздушный: онъ былъ маленькій и тощій до послѣдней степени, худенькое лицо, маленькіе безцвѣтные глаза, маленькая, едва примѣтная бородка, такая маленькая, что лютый морозъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ могъ прицѣпить къ ней самую ничтожную сосульку; тощія, худыя, обмотанныя тряпками и веревками ноги, самые нищенскіе лапти и коротенькій старый полушубокъ съ огромнымъ воротомъ (не

хватило овчины), открывавшимъ всю голую шею и даже почти плечи, словомъ, почти декольте, и наконецъ картузишко — все это было такъ тоще, воздушно, тонко и притомъ во всѣхъ направленіяхъ проникнуто холодомъ и лютымъ морозомъ.

Картузишко, пришлюснутый на лбу, топорщился на затылкѣ какимъ-то букетомъ рваннаго сукна, точно задорный пѣтушиный гребень; очевидно, какой-нибудь добрый человѣкъ, желая попробовать новое ружье, сказалъ воздушному существу:

— Ну-ка, Микитка, швырни шапку! Дай я попробую... Дамъ папироску!

Микитка швырнулъ, весело засмѣялся, весело надѣлъ разбитую шапку и, получивъ папироску, весело пошелъ мерзнуть на лютый морозъ. Да, было въ немъ, въ этомъ воздушномъ, тощемъ, маленькомъ, какъ воробей, существѣ что-то воробьино-веселое...

Запримѣтилъ я его воробьиную веселость тогда, когда онъ хотѣлъ своими замерзлыми руками сдѣлать себѣ цыгарку. Онъ досталъ газетную бумагу и, конусообразно свернувъ ее, держалъ въ рукѣ, приготовляясь наполнить табакомъ; но другая рука, которая искала въ карманѣ табаку, находилась, должно-быть, въ такомъ комическомъ положеніи, что и воздушный человѣкъ не могъ не улыбнуться. Онъ шумѣлъ замерзлой рукой въ замерзломъ карманѣ весьма энергично, выпихивалъ этотъ карманъ изъ-подъ полы наружу, хотѣлъ опрокинуть на руку все въ немъ содержимое, однако въ концѣ концовъ ничего не добылъ въ этомъ карманѣ, но все-таки показалъ видъ, что дѣлаетъ цыгарку, и потрясъ пустой горстью надъ пустой бумагой. Все это было такъ смѣшно, что и самъ онъ не могъ не улыбнуться.

— У тебя, — сказалъ я: — видно, табаку-то совсѣмъ нѣтъ?

Воздушный человѣкъ поглядѣлъ на меня, весело улыбнулся и воробьинымъ голосомъ проговорилъ:

— И даже нисколько нѣту!..

Что-то беззаботно-птичье, воробьиное, и эта худоба и легкость всего тѣла, легкость взгляда, улыбка — все это заинтересовало меня съ точки зрѣнія поисковъ за мнимыми величинами.

«Совсѣмъ воздушный!..» — подумалъ я, и мнѣ пришло въ голову, что ужъ не это ли ноль-то цѣлыхъ? Человѣкъ живой, а производитъ впечатлѣніе чего-то почти неосязаемаго.

Необходимо было поближе подойти къ нему, и я спросилъ: кто онъ? откуда?

Оказалось—идетъ изъ острога, куда попалъ «по ошибкѣ». Служилъ онъ у купца при лавкѣ въ чернорабочихъ мужикахъ; однажды сынъ купца послалъ его куда-то и, во время его отсутствія, сломалъ кассу и утащилъ деньги. Когда воздушный мужикъ воротился, то засталъ кассу разломанной и остолбенѣлъ отъ ужаса, а въ это время вошелъ хозяинъ. Не трудно было понять, въ чемъ дѣло и кто воръ; но отецъ, жалѣючи сына, повелъ дѣло «для виду» противъ воздушнаго мужика, чтобы люди не болтали пустого про его родное дѣтище (тоже вѣдь любишь!), и воздушный человѣкъ для «профоормы» просидѣлъ въ острогѣ три мѣсяца.

— Онъ, купецъ-то, знаетъ!—сказалъ весело воздушный человѣкъ.—Это онъ такъ! Какой я тамъ воръ!

Веселость, слышавшаяся въ этихъ словахъ, напоминала дѣйствительно веселость птицы, находящей возможность чирикать и порхать по вѣткамъ обледенѣлаго дерева, лишь бы играло на небѣ солнце. И чѣмъ дальше шелъ нашъ разговоръ, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось птичье существованіе моего собесѣдника.

Когда я спросилъ его: куда онъ теперь идетъ и зачѣмъ?—то воздушное существо отвѣчало:

— А и самъ не знаю!.. Главное — капиталу нѣтъ нисколько! да и паспорта нѣту, подати требуютъ.

Слова о податяхъ являлись какою-то неожиданностью въ общемъ впечатлѣніи воздушнаго человѣка; капиталу у него нѣтъ, паспорта нѣтъ, куда идетъ — неизвѣстно, нѣтъ у него ни табаку, ни одежи, ни шапки—и вдругъ какія-то подати!

— За что же ты платишь-то?—спросилъ я, недоумѣвая.

— За двѣ души платимъ!

— Одинъ?

— Вотъ какъ есть!

— Стало-быть, у тебя земля есть?

Воздушный человѣкъ подумалъ и весело прочирикалъ по-птичьи:

— Нѣ! Мы платимъ *съ пуста!*

Разговоръ о податяхъ, готовый-было разрушить мое впечатлѣніе о воздушности собесѣдника, благодаря послѣдней фразѣ: «съ пуста», вновь прервалъ всякую связь между нимъ и дѣйствительностью; онъ опять оказался существомъ

вполнѣ воздушнымъ, что̀ и поспѣшилъ подтвердить слѣдующими веселыми словами:

— Намъ съ пуста платить—самое любезное дѣло!.. Ежели бы платить не съ пуста, такъ куда бы хуже было... А съ пуста-то слава Тебѣ, Господи!

Все это онъ превесело прочирикалъ по-воробьиному, и если бы въ самомъ дѣлѣ былъ воробей, то попрыгалъ бы и попорхалъ по вѣткамъ обмерзлаго дерева; не будучи однако воробьемъ, онъ выразилъ свои воробьиныя желанія развеселившимися глазами и скривившейся отъ улыбки бороденкой.

— Съ пуста платить лучше, чѣмъ не съ пуста? — чувствуя, что я вмѣстѣ съ своимъ собесѣдникомъ, послѣ его послѣднихъ словъ, какъ бы поднялся отъ земли къ небу и нахожусь въ воздушномъ пространствѣ, спросилъ я его съ удивленіемъ и съ удивленіемъ же услышалъ еще болѣе веселыя слова:

— Безподобно хорошо *съ пуста-то* платить!..

— Постой!—сказалъ я, чувствуя какъ бы головокруженіе отъ высоты подъема надъ земной поверхностью: — ты говоришь, съ пуста платить лучше? То-есть платить, не получая земли?

— Это самое!

— Почему же такъ? Вѣдь землю ты могъ бы отдать въ аренду?

Воздушный человѣкъ засіялъ радостью:

— Да она болото у насъ!..

Этотъ отвѣтъ опять какъ бы приблизилъ насъ къ землѣ.

— Болото!.. Но почему же все-таки тебѣ выгодно платить и безъ болота? Чѣмъ оно тебѣ мѣшаетъ?

— Да не дай Богъ къ нему касаться, къ болоту-то!

— Ты и не касайся!

— Не касался бы, такъ оно касается! Возьми-ка я болото—анъ ужъ я общественникъ сталъ! Съ меня ужъ и на старосту возьмутъ, и на волость, и по дорожной повинности, и по мостовой, и караулъ, и—Боже мой—чего еще!.. А какъ я отъ земли отказался, остается мнѣ моя душа и больше ничего!.. Отдалъ за двѣ порціи — и знать ничего не знаю!..

И опять мы оба очутились въ воздушномъ пространствѣ. Теперь ужъ и я видѣлъ совершенно ясно, что платить за пустое пространство и даже въ двойномъ количествѣ—вещь чрезвычайно пріятная.

Но потребность возвратиться на землю заставила меня сдѣлать моему собесѣднику еще одинъ вопросъ:

— А все-таки куда же ты дѣнешься?

Лицо веселаго воробья призадумалось. Подумалъ онъ и сказалъ:

— Боровицкіе мужики звали въ Питеръ... въ балетъ служить...

— Куда?

— Въ театръ... По балетной части... Машины двигать... Напримѣръ, разсказывали, ежели море, такъ подъ холстиной сидѣть надо, руками бить, толкать, чтобъ волнами оказывало передъ публикой... Работа легкая! Адресъ одного балетчика у меня при себѣ... Только вотъ капиталу нѣтъ нисколько!..

Итакъ, у воздушнаго существа оказалась возможность карьеры. При помощи начальника станціи можно было помочь ему уѣхать въ Петербургъ съ товарнымъ поѣздомъ. Но уже одно то, что у этого человѣка, несмотря на его полную воздушность и отчужденность отъ всего земного, оказалась возможность какой бы то ни было карьеры, положенія — онъ уже не могъ мнѣ служить матеріаломъ для разрѣшенія моей задачи. Воздушность, отличавшая это существо вообще отъ всякой связи съ человѣчествомъ, конечно, весьма близко напоминала о нолѣ, о чемъ-то во всѣхъ отношеніяхъ неосязаемомъ и неуловимомъ; но разъ это неуловимое можетъ хотя и въ мечтаніяхъ приткнуться куда-нибудь и какъ-нибудь въ ряды человѣческаго общества, оно уже не цѣлое, а непремѣнно дробь, и слѣдовательно, удовлетворяя одной половинѣ опредѣленія мнимой величины, «нолю», вовсе не удовлетворяетъ другой ея половинѣ и слѣдовательно не можетъ быть полезнымъ въ моихъ изысканіяхъ.

И долго я такъ бился съ мучившей меня задачей безъ всякаго успѣха. Какія бы воздушныя, почти мнимыя существованія ни встрѣчались мнѣ въ деревенской жизни, во всякомъ случаѣ они оказывались дробями, то-есть величинами совершенно опредѣленными. И я рѣшительно не знаю, какимъ бы образомъ могъ я выбраться изъ моего затруднительнаго положенія, если бы одно совершенно случайное обстоятельство не выручило меня изъ бѣды.

2.

Неожиданное обстоятельство это заключалось въ томъ, что я, деревенскій обыватель, глазъ котораго привыкъ ви-

дѣть только мужика, бабу, деревенскую скотину, ухо котораго привыкло слышать только рѣчи, вращающіяся около словъ: «никакихъ способовъ», и мысль котораго привыкла руководствоваться въ пониманіи окружающаго единственно упованіемъ на Бога, —я, захолустный человѣкъ, вдругъ, по щучьему велѣнію, очутился въ одинъ скучный зимній вечеръ въ самомъ высшемъ обществѣ, въ обществѣ самыхъ благоухающихъ человѣко-цвѣтовъ, совершенно не деревенскаго строя жизни, тамъ, гдѣ «вѣнецъ творенія» имѣетъ полную возможность чувствовать себя дѣйствительно вѣнцомъ, послѣднимъ словомъ культуры, любимымъ ея дѣтищемъ, холенымъ и изобильно питаемымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Словомъ, изъ одного міра—нужды, податей, навоза и соломы—я перенесся въ міръ довольства, богатства, шелка, блеска и всякаго рода радости.

Сдѣлалось это, повторяю, совершенно случайно. Мнѣ давно совѣтовали прочитать надѣлавшій шуму «Романъ графини», напечатанный въ «Недѣлѣ» (№ 11 за 1887 г.); говорили, что вообще — «необыкновенно». Пьяный аптекарь въ уѣздномъ клубѣ весь вечеръ неумолчно вопіялъ: «превосходно! дьявольски великолѣпно!». И вообще вся полупьяная уѣздная братія размякла, разнѣжилась и, пожалуй, даже раскисла отъ какихъ-то невѣдомыхъ ей ощущеній, познакомившись съ содержаніемъ этого любопытнаго произведенія. Словомъ, возбужденіе умовъ по случаю появленія въ печати этого романа было такъ велико, что я не разъ хотѣлъ-было приняться за его чтеніе. Но деревенскій недосугъ, «то то, то другое», эти невидимые, неслышимые, неосязаемые истребители нашихъ дней, мѣсяцевъ, годовъ, десятковъ лѣтъ, а въ концѣ концовъ и всей нашей жизни—долго не допускали меня до выполненія моего намѣренія. Наконецъ тоска въ поискахъ за фактами для объясненія не поддающейся никакому объясненію мнимой величины до того доконала меня, что я единственно изъ прямого желанія забыть свои безплотныя мысли схватился за желтенькую книжку и съ первыхъ же строкъ почувствовалъ, что я уже не въ деревнѣ, а какъ бы на коврѣ-самолетѣ очутился въ невѣдомой странѣ.

Положимъ, что страна эта показалась невѣдомой мнѣ, быть-можетъ, по причинѣ моей деревенской объюродѣлости—пусть такъ; но я долженъ сказать, что кромѣ объюродѣлости, ставящей захолустнаго человѣка въ необходимость разѣвать ротъ при видѣ иной разъ самыхъ ничтожныхъ «диковинокъ»,

которыми изобилуетъ «высшій свѣтъ», — кромѣ этой совершенно деревенской причины восхищенія тѣмъ, что я прочиталъ, была еще и другая, самая для меня важная причина, именно статистическая. Читая этотъ романъ, я совершенно ясно видѣлъ, что я нахожусь въ обществѣ подлинно уже «цѣлыхъ чиселъ», людей, живущихъ на свѣтѣ «полною» жизнью, берущихъ изъ нея все, что имъ требуется, во всѣхъ отношеніяхъ, и моему статистическому глазу нельзя было не засіять брильянтомъ отъ радости — подвести счетъ всему, что «цѣлому» человѣку нужно.

Графиня, героиня романа, показалась мнѣ именно замѣчательнѣйшимъ образчикомъ всесторонняго проявленія и удовлетворенія желаній, стремленій и обязанностей полнаго, цѣлаго человѣка ея пола, въ теперешнихъ условіяхъ жизни; немудрено, что я, насмотрѣвшись въ жизни на разныя человѣко-дроби, на всевозможныя искалѣченія человѣческаго существа, естественно былъ радъ, читая романъ, смотрѣть на этотъ широко и разнообразно живущій образъ человѣческій и... конечно, въ концѣ концовъ «подсчитать» всю эту «всесторонность», изъ проявленій которой слагается прекрасный образъ человѣческаго «цѣлаго».

Не знаю, можно ли при настоящихъ условіяхъ жизни найти другой подобный образчикъ цѣльнаго и полнаго существованія, какъ тотъ, который выставленъ въ «романѣ графини». «Любящій меня мужъ, пишетъ она о себѣ (стр. 65), близкіе родные, нѣкоторые друзья такую мнѣ жизнь устроили, что я сомнѣваюсь, есть ли на свѣтѣ еще другая женщина счастливѣе меня въ этомъ отношеніи». И точно, Господь наградилъ героиню романа всѣмъ, что только было въ его божеской власти. «И румяна, и бѣла (стр. 59), молода и хороша...» «Я знаю, что въ свѣтѣ для многихъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, я — то, что въ баснѣ виноградъ для лисицы» (стр 64). Довольно, впрочемъ, и этихъ двухъ примѣровъ, чтобы видѣть, что точно Господь наградилъ ее. И во всемъ романѣ тамъ и сямъ неумышленно, сами собой сказываются признанія въ собственныхъ достоинствахъ, изъ которыхъ видно, что они не выдуманы, а точно есть, въ подлинномъ видѣ. «Моя небольшая, живая фигурка, да еще въ моей чудесной комнаткѣ въ китайскомъ вкусѣ, положительно ничего страшнаго не имѣетъ...» (26). Чего ужъ страшнаго? Дай Богъ всякому! Видно, что человѣкъ, который такъ говоритъ самъ о себѣ, счастливъ уже просто потому, что онъ такъ счастливо созданъ. Но этимъ счастьемъ

«отъ Бога» счастье героини не исчерпывается. Есть у ней, также отъ Бога, мужъ. «Онъ очень, очень высокъ, глаза черные, волосы, усы и борода черные съ просѣдью, вообще его представительная фигура невольно бросается въ глаза; къ тому же онъ замѣчательный лингвистъ, владѣетъ всѣми мертвыми и живыми языками» (47). Какъ видите, и мужъ тоже такой, что дай Богъ всякому! «Ура! — пишетъ счастливая графиня: — мой мужъ пріѣхалъ! Если бы вы видѣли, какъ этотъ высокій-высокій, полный-полный мужчина подхватилъ меня на руки какъ перышко, а самъ весь дрожитъ, слезы на глазахъ. Когда пріѣзжаетъ, вѣрите ли, не наглядится на меня, на дѣтей. Увѣряетъ, что красивѣе, изящнѣе меня женщины не знаетъ, что дѣти—не дѣти, а амуры» (27). То-есть просто поглядѣть-то на нихъ на двоихъ съ дѣтьми— душа радуется! Нѣтъ такой прихоти, которой бы этотъ безподобный мужъ не исполнилъ. Любила она, графиня, чтобы у ней подъ подушкой коробка конфетъ лежала постоянно, а тетки-старухи постоянно таскали эту коробку изъ-подъ подушки, говорятъ: «зубы портятся». Пожаловалась она мужу, и теперь у нея подъ подушкой постоянно лежитъ не одна, а двѣ коробки. «Мужъ велѣлъ—и никакія фрейлины въ мірѣ (старухи-тетки) не смѣютъ ихъ брать!» (28). За такимъ мужемъ жить — что за каменной стѣной, это всякій скажетъ. И живетъ графиня съ мужемъ — лучше не надо. «Мы съ нимъ примѣрные супруги: ссоръ у насъ не бываетъ, онъ меня любитъ, балуетъ, я его слушаюсь, все обстоитъ благополучно» (11). Обыкновенно день проходитъ такимъ образомъ:

«Съ десяти часовъ встаю, вожусь съ дѣтьми до 12, въ 12 «luncheon», за которымъ обязательно ничего не ѣмъ. До 3-хъ *всевозможныя* занятія; въ 3 — «luncheon» настоящій. Послѣ него обязательная прогулка съ дѣтьми и ихъ «governess» въ коляскѣ или каретѣ; иногда я ихъ отвожу и продолжаю сама скитаться или возвращаюсь домой съ ними и принимаю посѣщенія: есть нѣкоторыя очень интересныя, но другія— чистое наказаніе. Въ 6 часовъ обѣдъ съ церемоніаломъ: мои тетки, или, вѣрнѣе, церберы въ юбкѣ, выползаютъ на свѣтъ Божій; обыкновенно еще заходятъ двое-трое; мужъ часто отсутствуетъ — въ клубѣ пропадаетъ; дѣтей тоже нѣтъ, они обѣдаютъ наверху въ «nursery-room». *Послѣ обѣда такое разнообразіе во времяпрепровожденіи, что мнѣ и не перечислить всего.* Скоро балы начнутся; теперь ихъ пока нѣтъ. Ѣзжу часто въ театры, концерты, на симфоническіе и квартетные вечера, на званые вечера, и у себя принимаю. Тихіе вечера мнѣ рѣдко выпадаютъ, а только именно такимъ докторъ приписываетъ благотворное вліяніе на мою болѣзнь... Но гдѣ же, гдѣ мнѣ раздобыть этихъ тихихъ дней и вечеровъ? Благодаря моей живости, я успѣла стать внѣ стѣснительной рамки условій моей жизни

и опять-таки только сравнительно, да наконецъ мнѣ нравится волноваться. Я усердно занимаюсь дѣлами благотворительности, пою, кормлю, одѣваю массу старухъ».

Это скромное перечисленіе всего, что требуетъ отъ человѣка ординарный, будничный день (балы еще не начинались), уже одно оно заставляетъ васъ подумать, какая масса впечатлѣній нужна болѣе или менѣе нормальному человѣку, чтобы онъ могъ, не стѣсняя себя, примѣнить къ жизни свою живую силу: тутъ и хлопоты съ дѣтьми, *всевозможныя* занятія отъ 12-ти до 3-хъ, и *всевозможныя* скитанія тоже не безъ причины и надобности отъ 3 до 6, а послѣ шести такое разнообразіе времяпрепровожденія, что и «не перечислить». Остается еще время и желаніе употребить его на заботу о чужомъ дѣлѣ благотворительности. Но этотъ, исполненный, какъ видите, всевозможными дѣлами день — только будничный. Всего этого мало для нормальнаго человѣка.

«Встрѣчу я Новый годъ, повидимому, весело. Восемь троекъ повезутъ всю нашу компанію въ Озерки: тамъ залъ уже удержанъ и будутъ цыгане и танцы. Если не будетъ очень холодно, всю дорогу буду пѣть: ужасно люблю кататься на тройкахъ и въ санкахъ и пѣть! NN. прекрасно вторитъ, найдутся еще голоса, намъ и цыганъ не нужно. 25 декабря была у меня елка и танцы, разошлись въ 7 ч. утра — и вотъ такимъ образомъ каждый день» (74).

Каждый Божій день этакимъ-то вотъ родомъ—до седьмого часу! Стало-быть, ужъ много дано отъ Бога! Да и это еще не все; иной разъ и не то надумаютъ:

«Я пишу въ саду, въ такъ-называемомъ «Охотничьемъ домикѣ». Дождикъ льетъ какъ изъ ведра, и знаете ли, куда мы сейчасъ, всей компаніей человѣкъ въ двѣнадцать, отправляемся? Раковъ ловить сѣтками. У меня есть преинтересное короткое платье, высокіе сапожки, настоящіе мужскіе сапоги на мою ногу». (24).

И вѣдь въ проливной дождикъ — и то ничего! А разъ былъ такой случай:

«При приближеніи поѣзда X., желая удержать мою Бетси, поднялъ руку; лошадь, испугавшись взмаха руки и свистка машины, вдругъ поднялась на дыбы и выбила меня изъ сѣдла; я упала всей тяжестью на лѣвую сторону. X., говорятъ, стрѣляться хотѣлъ (30)... Мужъ увѣряетъ, что X. нарочно причинилъ мнѣ мою болѣзнь, чтобы я обратила на него вниманіе. Онъ состоитъ безнадежнымъ поклонникомъ третью зиму (38). Меня доктора хвалятъ, говорятъ — терпѣливая хорошенькая больная» (20).

Полежала немного, и опять все пошло какъ должно:

«Когда я пою, то вся пою отъ души, я сама себя слушаю, точно не я пою, а кто-то другой, и глубина и страстность этого, не моего голоса удивляютъ меня. Я не люблю этихъ минутъ; я чувствую въ себѣ тогда силу, съ которой не умѣю справляться» (36).

Точно, силы много; и то, что мы уже перечислили по этой части, далеко еще не исчерпываетъ размѣровъ, въ которыхъ она проявляется. «Больше всего все-таки люблю чтеніе» (12), и, благодаря этому, она узнала «томикъ» стиховъ одного поэта и написала ему:

«Я люблю моего мужа и постараюсь всегда быть достойной его любви и вѣры въ меня: но въ моемъ чувствѣ къ вамъ такъ много хорошаго, искренняго, что никто не смѣетъ и не долженъ ничего другого въ немъ и подозрѣвать. Я такъ и объявила мужу, и, какъ всегда, онъ нашелъ, что я права» (60).

И дѣйствительно, любовь къ поэту и къ тому, что и о чемъ онъ писалъ — самая душевная и возвышенная: героиня романа видитъ въ немъ «чистое сердце», которое вылилось въ покорные звуки любви и утѣшенія «усталому брату».

«Во многихъ отношеніяхъ,—пишетъ она (54):—судьба благосклоннѣе ко мнѣ, чѣмъ къ этимъ бѣднымъ (усталымъ) людямъ. Но въ часы сомнѣній, сердечныхъ грозъ, душевной борьбы, могу ли я причислять себя къ тѣмъ «братьямъ», которымъ посвящены ваши прочувствованныя строки, и стать въ число тѣхъ, для которыхъ льется ваша пѣснь?»

Вотъ и еще новая сторона духовной дѣятельности человѣка, и дѣятельность эта сказывается въ размѣрахъ, говорящихъ о немаленькой силѣ души. «Сердечныя грозы» и «душевная борьба» переживаются не «какъ-нибудь», а настоящимъ образомъ, глубоко и въ самомъ дѣлѣ трудно. И тутъ видно, что и по части совѣсти тоже дано отъ Бога немало всего хорошаго

Совѣсть совѣстью, страданье страданьемъ, а еще все-таки есть «остача», которую надо куда-нибудь дѣвать. И эта остача также пополняется кой-какими, почти дѣтскими средствами:

«Вышепоименованные messieurs, — X., Z. и NN. — три моихъ самыхъ ярыхъ поклонника, всѣ трое замѣчательно изящные молодые люди. Моей симпатіей пользуется больше всѣхъ NN. Высокій, стройный брюнетъ, прелестный мазуристъ, бонмотистъ и флейтистъ, въ высшей степени bon enfant, надоѣдающій мнѣ только тѣмъ, что, гдѣ бы я ни была, дома ли, у знакомыхъ ли, онъ неотступно слѣдуетъ за мной по пятамъ. Я не могу сдѣлать движенія, чтобы NN., сломя голову, не бросился въ мою сторону; недавно, задѣвъ шпорой столикъ съ разными куклами, онъ повалилъ ихъ и всѣ разбилъ. Въ наказаніе я заставила его на четверенькахъ собрать всѣ осколки и чуть не умерла отъ смѣху, когда этотъ большой мальчикъ ползалъ у моихъ ногъ. Z. болѣе сдержанъ; ему разъ навсегда принадлежатъ всѣ первыя мои кадрили, гдѣ бы я ни танцовала. X. я вамъ описывала, онъ меня давно знаетъ, давно любитъ, и я его давно мучаю, — впрочемъ, иногда цѣлуетъ мою руку. Для него двери всегда открыты, онъ балуетъ моихъ дѣтей, дразнитъ моихъ древнихъ тетокъ и двухъ левретокъ, прелестно

ность, съ мужемъ на «ты». Когда мужъ уѣзжаетъ, то X. обыкновенно считается нашимъ factotum'омъ, приноситъ конфетъ, ноты, новыя книги, читаетъ, когда я разрѣшаю, ваши стихи...» (69).

Еще есть какой-то морякъ, «имѣющій дерзость меня любить», который привезъ героинѣ романа въ подарокъ японское опахало изъ павлиньихъ перьевъ, висящее какъ разъ «надъ моимъ диванчикомъ и устроенное такъ, что оно плавно и тихо вѣетъ хоть безъ конца, если прижать пружину» (26).

Вотъ подъ этимъ-то опахаломъ, въ комнаткѣ, которая называется «фонарикомъ» и дѣйствительно чрезвычайно изящна, — въ комнаткѣ, гдѣ играютъ «большіе мальчики» и левретки и гдѣ стоятъ статуэтки, — здѣсь любимое мѣсто героини; здѣсь такъ удобно наблюдать въ окно шумную жизнь города, читать, писать и заниматься рукодѣліемъ. Да, и на это еще находится время и охота. Въ теченіе полугода графиня вышила себѣ русскій костюмъ: «начиная съ первой бусинки кокошника и кончая послѣднимъ шелковымъ крестикомъ рубашки и передника изъ че-чун-чи.— я все вышила сама». И какъ вышила-то!.. «Если у васъ найдется другое полотенце (она подарила поэту полотенце), то бросьте его въ море, а мое оставьте» (53), потому что во всякомъ случаѣ работа превосходная. Золотыя руки Богъ далъ!

Однакожъ всего не перечтешь. «Романъ графини» тѣмъ и хорошъ, что въ немъ фигура героини и ея нравственная личность очерчены до мельчайшихъ подробностей. Читая эти легкіе наброски, маленькія записочки, изъ которыхъ состоитъ романъ, поражаешься той непомѣрной массой живыхъ силъ человѣка, которыя этому человѣку необходимо проявить въ жизни и дѣйствіи, чтобы жизнь эта не была исполнена прорѣхъ и пустыхъ мѣстъ. Какъ художественное произведеніе, «Романъ графини» тѣмъ и привлекателенъ, что въ немъ рисуется предъ вашимъ воображеніемъ образъ человѣка, живущаго полною жизнью, безъ прорѣхъ, пустыхъ мѣстъ, и читателю нельзя не любоваться этимъ художественнымъ образчикомъ жизни, ничѣмъ не стѣсненной, не притиснутой, не поставленной малѣйшимъ образомъ въ какое-нибудь ложное положеніе и дающей волю духовной дѣятельности раскрываться и развиваться во всей полнотѣ.

Образчикъ такой полной, цѣльной жизни такъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе, что я, вмѣсто того, чтобы подвести наконецъ итоги и «подсчитать», что̀ именно нужно чело-

вѣку, желающему чувствовать себя «цѣлымъ», а не дробью, — вмѣсто этого я, забывъ мои статистическія обязанности — продолжалъ, по окончаніи чтенія, любоваться художественно изображеннымъ обликомъ и радовался, что автору удалось такъ удачно выбрать лицо, поставленное въ современномъ строѣ жизни въ наилучшія условія; радовался, видя, что полно живущій человѣкъ — большая приманка любить живую жизнь на землѣ.

Думалъ-думалъ я объ этомъ цѣломъ человѣкѣ, думалъ, припоминая подробности романа, думалъ и такъ вообще о томъ же дѣлѣ, и скоро почувствовалъ, что мои мысли, нисколько не прерываясь въ своемъ теченіи и не сбиваясь съ пути, сосредоточиваются на чемъ-то уже совсѣмъ не подходящемъ къ облику героини романа,—облику, который какъ бы даже затуманился какими-то новыми обликами, ни на волосъ и ни въ чемъ не подходящими къ источнику моихъ мыслей, къ роману и его героинѣ, и въ то же время вовсе не нарушающими правильности теченія мыслей о «цѣломъ человѣкѣ».

3.

— Эхъ, бѣда, Васькѣ-то года не вышли, женить нельзя! А безъ бабы не совладать съ домомъ!

Невѣдомо какъ и почему вспомнилась и даже послышалась мнѣ довольно-таки давняя жалоба моего деревенскаго сосѣда, крестьянина, у котораго захворала жена. Крестьянинъ этотъ уже пожилой человѣкъ, начинавшій раскисать и слабнуть; онъ со своей старухой успѣлъ уже выдать замужъ трехъ дочерей, одного сына сдалъ въ солдаты, другой женился и отошелъ, а теперь на рукахъ стариковъ остался сынъ, которому не хватало полутора года, чтобы жениться, двѣ внучки, отъ одной изъ умершихъ дочерей, да самъ старикъ со старухой.

Жалоба о томъ, что Васькѣ не вышли годы, началась тотчасъ послѣ того, какъ Аксинья, жена сосѣда, стала хворать. Прихворнула она въ первый разъ года четыре тому назадъ, но ни на минуту не останавливалась въ работѣ. Она постоянно перемогалась, стала жаловаться сосѣдкамъ на боль то въ боку, то въ животѣ, то въ спинѣ, но продолжала дѣлать свое дѣло безъ малѣйшаго опущенія.

Мало-по-малу недомоганье стало одолѣвать Аксинью все сильнѣе и сильнѣе, и бывали дни, когда она по полудню не могла встать на ноги. А по мѣрѣ того, какъ шло недо-

моганье Аксиньи, домъ моего сосѣда какъ-то омрачался; старику приходилось дѣлать иной разъ и бабье дѣло, а молодому парню случалось и бѣлье полоскать на рѣчкѣ: все это становило мужиковъ въ неловкое положеніе, затрудняло, нарушало порядокъ жизни; отъ всего этого было имъ и неловко и скучно.

Бѣда моего сосѣда и его дома заключалась, между прочимъ, и въ томъ еще, что и самъ онъ, отецъ семьи, и его сынъ, да и вообще вся мужская половина семейства—были не изъ бойкихъ, не быстрыхъ умомъ и не расторопныхъ людей. Аксинья чувствовала эти свойства своего мужа, перешедшія потомъ и въ дѣтей, съ самаго перваго дня свадьбы; она знала, что мужъ ей попался не ахти какого достоинства, хотя и былъ добръ и тихъ и непьющь. Сама имѣя добрый характеръ и непрестанно занятый умъ, она не позволяла себѣ срывать зло на мужнину и дѣтскую «нескладность» и прожила всю жизнь, вплоть до болѣзни, почти молча, въ безпрерывномъ трудѣ. Теперь же, когда она стала прихварывать, недальній умъ и природныя нескладности «мужиковъ» стали сказываться въ обиходѣ жизни всего дома ежеминутно. По мѣрѣ того, какъ въ Аксиньѣ замирала энергія труда, въ отцѣ и въ сынѣ просыпались ничѣмъ не препятствуемыя свойства нескладности. Оба они стали больше скучать, жалѣть Аксинью, чѣмъ работать. Старикъ въ уныніи цѣлые дни твердилъ:

— Эхъ, Васька-то не доросъ!.. Какъ безъ бабы можно!..

Онъ убивался, охалъ, а хозяйство понемногу разстраивалось и шло къ упадку.

— Иванъ Андреевичъ! — скажешь, бывало, охающему сосѣду. — А вѣдь заборъ-то вашъ валится... Надо бы вамъ поправить!

— То-то Васька-то не вышелъ! Какъ тутъ одному сладить? Вѣстимо, валится!

Подойдемъ къ забору, посмотримъ на его разрушеніе собственными глазами; оказывается, заборъ, точно, еле живъ.

— Ишь, — скажетъ Иванъ Андреичъ: — и то! Эво какъ его разломило!

Возьмется обѣими руками за накренившуюся верхушку столба и «попробуетъ» поставить его прямо. Но отъ этой пробы подгнившій столбъ только трещитъ въ корню и еще ниже опускается къ землѣ.

— Ишь вотъ!

— Теперь онъ совсѣмъ повалился!

— И есть, что совсѣмъ. Ахъ, баба-то захворала! Эко горе, Васька-то не доросъ!

На томъ дѣло съ заборомъ и оканчивается; а если черезъ нѣсколько времени и продолжается, то непремѣнно въ томъ же самомъ родѣ:

— Иванъ Андреичъ! Вѣдь твои свиньи стали ко мнѣ шляться! Самъ ты посуди—вѣдь огородъ.

— Да вѣдь конечно! Самъ знаю! Ишь какъ его повалило!..

— Совсѣмъ упалъ вѣдь. Надо же подпереть-то!

— Какъ не надо? вѣстимо, надо подпереть!

Удрученный тоскою, Иванъ Андреичъ опять подходитъ къ столбу, бьетъ въ него ногой, какъ бы желая убѣдиться въ его гнилости, и, выбивъ его окончательно — при чемъ разрушаются и обѣ примыкавшія къ столбу части забора, съ великимъ уныніемъ говоритъ:

— Н-но! вонъ какъ ужъ! Ахъ, баба-то у меня хвораетъ!.. Эхъ, Васька-то!

А Аксиньѣ становилось все хуже и хуже, и она стала лежать, больная и недвижимая, по цѣлымъ недѣлямъ.

Тѣмъ временемъ Васька, похожій на родителя по характеру и по «нескладности», хотя и добрый парень, не видя въ отцѣ ничего побуждающаго къ энергическому труду, ничего дисциплинирующаго, и вообще чувствуя, что при данныхъ обстоятельствахъ пока «ничего не сообразишь»—также поослабъ въ трудѣ и предпочиталъ чего-то ожидать, прежде чѣмъ дѣйствовать. Полюбилъ онъ въ это время, отъ-нечего-дѣлать, ходить къ пастуху въ гости и вести съ нимъ разговоры о божественномъ.

Иной разъ сидитъ у развалившихся воротъ и повѣствуетъ между маленькими ребятами о разныхъ чудесахъ.

Идетъ мимо какой-нибудь хозяйственный, дѣловой мужикъ, остановится, послушаетъ и скажетъ:

— Эко лѣнь-то въ тебѣ, Васька, разыгралась! Некому васъ съ батькой приструнить, мать-то хвораетъ...

— Я про Божьихъ угодниковъ...

— Очень просто скажу тебѣ, не твое это дѣло! Поди, поставь свѣчку, положи поклонъ и иди къ своему дѣлу. Ишь вонъ ворота-то какъ разломило! Возьми топоръ да вбей гвоздь, это вотъ твое дѣло!.. Куда не надо, не суйся! Это, больше ничего, лѣнь тебя обуяла, — вотъ что̀ скажу! Тебѣ когда года-то выдутъ?..

— Да ужъ теперь скоро... Осенью войду въ совершенные года.

— Женить тебя надо! Авось ворота поправишь.

Ко времени совершеннолѣтія Василія, Аксинья слегла совершенно.

Маленькое тѣло ея, скорчившееся подъ грудой всякихъ тряпокъ, тихо и недвижно лежало на деревянной жесткой кровати и только удушливымъ кашлемъ, иногда по цѣлому часу непрерывно «колотившимъ» ея грудь, давала знать о томъ, что она еще жива. Нетерпѣнье Васильева отца относительно его женитьбы возрастало съ каждымъ днемъ, и когда наконецъ настали для Василія «совершенные года», онъ положительно, какъ полоумный, сталъ сватать за своего сына всѣхъ дѣвокъ безъ разбора. Свата́лъ онъ такъ неискусно, такъ безсмысленно торопилъ: «поскорѣича!», такъ безтолково упрашивалъ, бросался отъ одной невѣсты къ другой, что только перепугалъ всѣхъ дѣвокъ.

Накинулся-было онъ впопыхахъ на молодую горничную, живпую въ моемъ домѣ, и, не разобравъ того, что она уже носитъ «дипломатъ» и «все такое», видя въ ней только ея здоровье и способность къ работѣ,—присталъ къ ней неотступно, приходилъ къ ней въ день десять разъ вмѣстѣ съ сыномъ, оба стояли безъ шапокъ, просили всячески, доказывали, что надо спѣшить, что мясоѣдъ скоро кончится, что затѣмъ косьба. Словомъ, между ними иногда бывали сцены истинно комическія: отчаяніе со стороны жаждавшаго «бабы» отца и въ отвѣтъ необычайное издѣвательство и кокетство петербургской горничной.

— Ополоумѣли они изъ-за бабы-то! —говорили въ народѣ.

При «нескладности» какъ отца, такъ и сына, вообще во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, едва ли они оба могли бы сдѣлать что-нибудь путное для своего дома. По обыкновенію, въ дѣло вмѣшались «добрые люди» и стали сватать имъ невѣстъ изъ другихъ, весьма глухихъ деревень, вслѣдствіе чего отецъ и сынъ часто должны были на два и на три дня уѣзжать изъ дому. Двѣ внучки, по одиннадцатому и двѣнадцатому году, да какая-нибудь старуха-сосѣдка, взявшаяся покараулить домъ, и умирающая Аксинья оставались дома однѣ. Съ каждымъ днемъ домъ этотъ близился къ полному запустѣнію. Скотина шаталась по дворамъ, голодная и безпризорная, а на дворѣ былъ чистый хаосъ, и для дѣятельнаго крестьянина было даже нѣчто жуткое: при видѣ всего этого хлама—колесъ, жердей, телѣгъ, полуразвалившихся, кое-какъ связанныхъ и сколоченныхъ саней,— словомъ, всего хлама, потерявшаго вслѣдствіе прекращенія

въ домѣ жизни всякій смыслъ и значеніе,—жутко думалось дѣятельному мужику: о суетѣ суетъ начиналъ думать онъ, о смерти, о тщетѣ жизни, и ему вообще становилось страшновато за ея безсмыслицу и тяготу: «Поскорѣй бы уйти въ жилое мѣсто!» — думалось ему, и онъ спѣшилъ уйти... Смертью вѣяло отъ всего двора, и скучно было даже смотрѣть на этотъ домъ.

Наконецъ пронеслась вѣсть—«нашли!».

Вѣсть эту привезли отецъ и сынъ, промчавшись по деревнѣ въ какомъ-то неистовомъ состояніи, погоняя измученную клячу изъ всѣхъ силъ. Дѣло не откладывалось въ дальній ящикъ; въ тотъ же день сладили со священствомъ, а черезъ день состоялась и свадьба.

Привезли молодую красивую дѣвушку, которая не уживалась съ злой мачехой.

На нашихъ глазахъ въ разоренный дворъ, въ развалившіяся ворота, на лошади, у которой въ тощей гривѣ виднѣлся розовый бантъ, въѣхала молодая, красивая, также съ цвѣточкомъ въ волосахъ дѣвушка и не спѣша вошла по расшатавшемуся крыльцу въ разваливавшійся домъ.

И въ домъ вошла жизнь.

Оживаніе — что̀ будешь дѣлать? — началось смертью Аксиньи.

Бѣдная, измучившаяся трудовою жизнью старуха если и дышала еще и глядѣла на бѣлый свѣтъ, то только потому, что въ ней жила забота о домѣ, тоска о разрушеніи хозяйства; эта печаль не давала прекратиться въ ней жизни, двигала въ ней послѣднія капли крови, сжимала умиравшее сердце.

Но вотъ вошла въ домъ молодая сила, и достаточно было старухѣ «глянуть» на эту молодость, чтобы безъ малѣйшаго сомнѣнія дать этой молодости и силѣ дорогу. Какъ весеннимъ рѣзвымъ вѣтромъ пахнуло въ лишенномъ жизни домѣ. Пахнуло имъ и на старуху, сдуло съ ея сердца, какъ сухой листокъ, печаль и заботу, то-есть все, отъ чего въ ней еще сжималось сердце и двигалась кровь, и Аксинья испустила послѣднее, едва слышное дыханіе.

Маленькій досчатый гробъ, въ который ее уложили, легкій какъ перо и нечувствительный для четырехъ дюжихъ плечъ—легко и проворно бѣжалъ на кладбище; точно такъ же легко и проворно, какъ Аксинья, бывало, работала, ходила и все дѣлала при жизни. Какъ будто и теперь она не хотѣла понапрасну тратить времени, зная, что оно

дорого въ хозяйствѣ. Она точно спѣшила теперь къ своему новому дому, на кладбище, чтобы не мѣшать новой хозяйкѣ оживлять ея стараго пепелища.

Толстый, пышный, румяный пирогъ, закрытый плотнымъ какъ лубокъ и расшитымъ пѣтухами полотенцемъ (*ейное* рукодѣліе), принесенный мнѣ на второй день свадьбы молодыми, былъ первымъ знакомъ того, что въ отжившемъ домѣ началась новая жизнь. Молодая женщина—вся живая сила, скромная и могучая—мгновенно преобразила «нескладныхъ» людей. Они были неузнаваемы: даже лицо старика, начавшее походить на тряпку, сіяло, лоснилось и лоснилось, а Василій держалъ себя съ такой усиленной бодростью, точно солдатъ во фронтѣ. Онъ также весь сіялъ, лоснился.

Со второго же дня свадьбы всѣ сосѣди, всѣ прохожіе почувствовали, что въ холодномъ и пустомъ домѣ, какъ въ котлѣ, подъ которымъ до сихъ поръ не было дровъ, начиналъ разгораться горячій огонь. Изъ всѣхъ силъ старикъ съ пріятелями хлопоталъ у воротъ, приводя ихъ въ порядокъ; стукъ молотка, топора сталъ раздаваться поминутно то въ томъ, то въ другомъ углу двора. И отецъ и сынъ поминутно сновали по двору, появлялись на крышѣ развалившагося сарая или у трубы, которая почти развалилась. Не покладаючи рукъ, приводили они въ порядокъ и трубу, и крышу, и заборы. Меланхоликъ Василій не имѣлъ минуты свободной для мечтаній и леталъ на клячѣ то на рѣку за водой, то въ лѣсъ за дровами. Куры, которыя въ періодъ безвременья бродили гдѣ попало, — всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ и открыли начало новой жизни непрерывнымъ кудахтаньемъ. Всякая тварь радовалась теплу, которое исходило изъ начинавшаго теплѣть дома. Съ появленіемъ молодой бабы, весь хламъ трудовыхъ приспособленій, безполезно загромождавшій дворъ, получилъ смыслъ и значеніе и сталъ исполнять свои обязанности. Все оказалось нужнымъ, необходимымъ, и до того необходимымъ, что весь домъ началъ жалѣть, что у людей «рукъ не хватаетъ» на то, чтобы управиться.

И именно «баба» дала смыслъ всей многосложности труда, составляющаго жизнь крестьянскаго дома. Всѣмъ нужно быть сытыми, одѣтыми, обутыми: нужно ждать дѣтей, нужно потомъ ходить за ними, одѣвать, обувать, нянчить, растить, беречь. Словомъ, вся перспектива жизни человѣческой раскрылась вновь передъ всѣми живущими въ домѣ, и потому именно раскрылась эта перспектива отъ

появленія молодой женской силы, что внесенное ею разнообразіе, повидимому, только «женскихъ дѣлъ» находилось въ дѣйствительности въ неразрывной связи съ разнообразіемъ всѣхъ дѣлъ мужиковъ и, только сливаясь воедино, давало смыслъ и содержаніе жизни цѣлой семьи. Ѣздить за дровами и топить печь, чтобы было только тепло—скучно; но ѣздить за дровами для того, чтобы и тепло было, и чтобы молоко оттопить ребенку, и чтобы спечь хлѣбъ, чтобы выстирать бѣлье, чтобы вымыть ребенка — это дѣло стоящее, и поэтому «безпремѣнно» надо ѣхать за дровами, хоть даже воровать.

Вотъ, кажется, собственно на этомъ-то пунктѣ, т.-е. на неразрывности женской и мужской трудовой жизни въ народной семьѣ—я и утратилъ незамѣтнымъ для меня образомъ то чрезвычайно радостное ощущеніе «полноты» существованія, которое получилось отъ чтенія «Романа графини». Конечно, полотенце она, графиня, вышьетъ такое, что всѣ остальныя дѣйствительно слѣдуетъ выбросить въ бездну моря; но у деревенской женщины даже и такая, повидимому, бабья мелочь, какъ полотенце, все-таки дѣло не бабье только, а взаимное; даже и въ этомъ пустякѣ ея мужъ долженъ принимать участіе, пахать подъ ленъ, сѣять и т. д. И если представить себѣ, что нѣтъ такого женскаго или мужского, большого или малаго труда въ народной средѣ, который бы не былъ неразрывно связанъ взаимнымъ сотрудничествомъ, то полнота бабьей и мужской жизни во всѣхъ отношеніяхъ будетъ, пожалуй, поразностороннѣе, чѣмъ описано въ романѣ.

Ставши на эту точку зрѣнія, я невольно сталъ припоминать Мароу, молодую жену Василія, во всевозможныхъ и разнообразнѣйшихъ положеніяхъ ея трудовой жизни. Вотъ она ѣдетъ на высокомъ возу сѣна и даже пѣсню поетъ («Рябинушку»): это она помогала мужу сушить и сгребать сѣно, участвовала въ мужицкомъ трудѣ; но, съ другой стороны, когда она ставитъ хлѣбы и когда у нея заняты руки, мужъ ея долженъ взять ребенка, играть съ нимъ, сказки ему сказывать, игрушку дѣлать. Да и не въ домѣ только дѣлаютъ они одно общее дѣло, а и въ обществѣ. Она, Мароа, не вмѣшается въ сходку, не предъявитъ своего бабьяго мнѣнія всенародно, но ужъ въ сторонѣ «отъ мужиковъ» непремѣнно стоять будетъ и будетъ слушать въ оба уха все, что галдятъ мужики, а почуявъ какую-нибудь прикосновенность разрабатываемаго вопроса къ

своему дому, непремѣнно оттащитъ мужа за рукавъ и такъ «внушитъ» ему, что онъ не дастся въ обиду и не продастъ за стаканъ вина своего голоса въ вопросахъ, касающихся, положимъ, деревенскаго бюджета. Да и непосредственно она не чужда связи съ общественнымъ дѣломъ, неразрывнымъ съ дѣломъ домашнимъ; она вотъ теперь беременна, а ей надобно сегодня ночью идти молотить: неразрывность трудовой жизни сдѣлаетъ то, что пойдетъ молотить мужъ, а она исполнитъ за него обязанность ночного караульщика. Сидѣть у воротъ и стучать въ колотушку ей легче и по силамъ.

Однако трудовая жизнь ея не исчерпывается однимъ только трудомъ рукъ; есть у нея и духовные интересы и знанія. Она вотъ твердо знаетъ, что когда захворають овцы, то надобно молиться угоднику *Самоову*, и хотя батюшка говоритъ ей, что такого угодника нѣтъ, а есть Господь Саваоѳъ, но она, не желая оставить овецъ безъ защиты и помощи, все-таки продолжаетъ быть увѣренной, что и угодникъ *Самоовъ, самый овечій*, настоящій защитникъ—долженъ быть отъ Бога данъ непремѣнно. Конечно, это не настоящее знаніе, да гдѣ же ей взять настоящаго-то? И дѣтей она сама лѣчитъ, и есть у ней на этотъ счетъ также собственныя свои знанія; знаетъ она, когда и какъ и при какой болѣзни что̀ надобно шептать, и какъ заговаривать воду, и какую пить траву. И эти знанія, разумѣется, совсѣмъ не настоящія, но тутъ она опять не виновата: ни она до знанія, ни, тѣмъ печальнѣе, само знаніе не дошли другъ до друга и когда дойдутъ — неизвѣстно! А если бы дошли, то, разумѣется, Мароа не стала бы шептать пустяковъ, а стала бы дѣлать настоящее дѣло.

Мало-по-малу достоинства жизни Мароы стали окончательно преобладать надъ достоинствами жизни графини. И Мароа умѣетъ пѣть, и она до седьмого часу отлично отплясывала на вечеринкахъ, а рыбу и раковъ они теперь съ мужемъ ловятъ каждое лѣто и притомъ даже совсѣмъ безъ «сапожекъ»; умѣетъ и она приготовить, во-1-хъ, «маленькій ленчъ» въ четыре часа утра, потомъ (въ рабочую пору) «настоящій» ленчъ въ девять часовъ, потомъ полдникъ, потомъ ужинъ; умѣетъ и она привлекать сердца «большихъ мальчиковъ», но деревенскіе большіе мальчики худа ей не смѣютъ дѣлать, и когда одинъ хотѣлъ было, чтобы она «обратила на него вниманіе», столкнуть ее съ дровней, на которыхъ она ѣхала съ бѣльемъ къ проруби,—

то она сдѣлала такой веселый жестъ, что «большой мальчикъ» сразу сталъ на четвереньки и могъ проговорить только:—«однако!», чѣмъ и заставилъ Мароу хохотать до упаду. Словомъ, все, что можетъ проявить въ жизни богато-одаренная натура героини романа, все проявляетъ и Мароа, съ той только разницей, что ея полнота жизни неразрывно и во всѣхъ подробностяхъ слита, во-первыхъ, съ жизнью мужа, а во-вторыхъ, далеко не отдѣлена отъ жизни общественной, мірской, въ которой она участвуетъ своей мыслью и своей забавой.

Это послѣднее преимущество—неразрывность интересовъ семьи съ «міромъ», обществомъ—окончательно помрачило передо мною очарованіе того самаго фонарика, откуда видна вся кипучая (?) жизнь Петербурга и гдѣ вѣетъ опахало, привезенное морякомъ, который имѣетъ смѣлость и т. д.

Но когда я исчерпалъ всѣ достоинства Мароы, мнѣ стало какъ-то жалко утраченнаго впечатлѣнія романа. Впечатлѣніе было хорошее, а въ деревенской глуши, не часто балующей такими прелестями, и подавно. Мнѣ сильно захотѣлось опять возстановить это впечатлѣніе, опять немного полюбоваться изображеннымъ въ романѣ, и я вновь сталъ его перелистывать. Но увы!.. Теперь мнѣ стали попадаться такія строки, которыя я проглядѣлъ подъ первымъ впечатлѣніемъ и не обратилъ на нихъ никакого вниманія. А теперь именно онѣ-то и выступили съ особой ясностью и окончательно истребили во мнѣ все, что я за полчаса еще считалъ такимъ прекраснымъ и поэтическимъ.

4.

Темнымъ облачкомъ затемнилась сначала одна, часъ тому назадъ яркая и свѣтлая страница, а за ней другая и третья. На одной мелкнула мнѣ такая прозаическая фраза:

«Мужъ мой состоитъ при одномъ изъ министерствъ и изъ 12 мѣсяцевъ въ году 8 проводитъ внѣ дома. Сперва мнѣ эти разлуки стоили горькихъ слезъ, теперь я привыкла...»

А на другой и еще прозаичнѣе:

«Когда мужъ пріѣзжаетъ, не наглядится на меня. А пройдетъ мѣсяцъ, другой, смотришь — завязываются чемоданы, приготовляются, чистятся ружья, и—прощай! «Нельзя, мое дитя, долгъ службы!» (27).

А третья страница такъ и совсѣмъ меня доконала:

«Отъѣздъ мужа можетъ разстроить мои намѣренія, а онъ скоро можетъ уѣхать. *Жалѣю очень, что мы не милліонеры;* мужъ бы тогда не служилъ и не оставлялъ бы меня...» (42).

Прочиталъ я эти строчки, и сразу все великолѣпное видѣніе разсыпалось прахомъ!

Какъ старикъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ, когда золотая рыбка ушла въ море, ничего не сказавши, «лишь хвостомъ по водѣ плеснула», — такъ и я очутился теперь въ недоумѣніи предъ какой-то безотрадной пустотой. Передо мной, какъ и передъ старикомъ, исчезли всѣ сказочныя чудеса, очутилась старая землянка, на порогѣ землянки не царица, а старуха,

А передъ ней разбитое корыто!..

Тайна сказочнаго великолѣпія стала совершенно ясна. Была золотая рыбка—и великолѣпіе было, а ушла рыбка въ «глубокое море»—и осталось отъ всего только землянка, да старуха, да корыто!

Будетъ милліонъ, или, проще, купонъ — будетъ и ленчъ, сначала малый, потомъ настоящій, потомъ «всевозможныя занятія (отъ 12 до 3), потомъ «всевозможныя скитанія» до 6, потомъ обѣдъ, потомъ увеселенія, которыхъ не перечесть, будетъ и воспитаніе дѣтей, и благотворительность, и танцы до семи часовъ утра, и тройки, и раки, будутъ любящій мужъ, и поклонники, и пѣвцы, и поэты, и вышивки, и фонарики, и все, все будетъ! А не будетъ купона—ничего не будетъ!

А вотъ Марѳа...

Но нѣтъ! Я положительно не смѣю говорить о Марѳѣ. То, что я сказалъ бы въ пользу полноты ея существованія, могло бы показаться умышленнымъ разукрашиваніемъ ничѣмъ не разукрашенной «бабьей жизни». Это дѣйствительно такъ, и трудно пожелать кому-нибудь «отвѣдать» на собственномъ опытѣ всю эту «полноту» теперешней деревенской нищеты, тяготы и всякой недостачи, одинаково знакомыхъ какъ мужскому, такъ и женскому населенію деревни.

Но если «дѣйствительность» народнаго строя жизни скудна и не даетъ возможности фактически подкрѣпить и разукрасить предъ читателями особенности этого строя жизни — все-таки самая сущность этого строя заслуживаетъ полнаго вниманія. Отдѣливъ эту сущность отъ суровой дѣйствительности народной жизни, мы все-таки получимъ возможность и волей-неволей представить себѣ основанія, на которыхъ можетъ держаться болѣе или менѣе *полное*, дѣйствительно цѣльное существованіе человѣка.

Откинувъ наличность нужды, нищеты и всякой тьмы, мы получимъ въ совершенно ясномъ видѣ слѣдующія основныя черты народнаго строя жизни: во-первыхъ, семья, въ которой мужчина, какъ и женщина, необходимы другъ для друга потому, что только неразрывная во всѣхъ отношеніяхъ трудовая жизнь ихъ и есть основаніе всего строя жизни. Ни бабѣ ни мужику жить другъ безъ друга нельзя, и *своего* дома у нихъ не будетъ. Смыслъ существованія и вообще *жизни* для нихъ обоихъ получается только тогда, когда они «вмѣстѣ» и «вмѣстѣ во всемъ». Это первая отличительная черта народнаго строя жизни, а другая заключается въ томъ, что жизнь *семьи*, *дома* неразрывна съ мірскою, общественною жизнью; семья имѣетъ на нее непрерывное вліяніе, точно такъ же, какъ и сама постоянно чувствуетъ вліяніе міра на себѣ.

Въ этихъ двухъ характерныхъ чертахъ народнаго строя жизни заключаются всѣ данныя для многостороннѣйшаго проявленія человѣкомъ всего, что въ немъ есть божескаго и человѣческаго.

Облечь этотъ «образчикъ» полноты существованія въ такія формы, которыя бы плѣнили мысль и взоръ читателя, не позволяетъ горькая дѣйствительность, и вотъ почему мы не смѣемъ живописать красоту существованія Мароы.

Но разъ все-таки этотъ *«образчикъ»* такъ или иначе обозначился въ нашемъ воображеніи — мы его не будемъ оставлять безъ вниманія. Обликъ героини «романа» — образчикъ купонной полноты жизни — есть рѣдкое исключеніе. Въ дѣйствительности же стонъ, и плачъ, и стенанія идутъ отъ купона во всѣхъ направленіяхъ, и дѣло семьи, мужа, жены, какъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ обществу, до такой степени изуродовано, искажено купономъ, что на него давно уже пора обратить серьезное вниманіе.

Пятьдесять лѣтъ тому назадъ сила купона не развилась еще до такихъ размѣровъ, до какихъ она дошла въ настоящее время. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы могли видѣть его продѣлки только на несчастномъ поденщикѣ, человѣкѣ каторжнаго физическаго труда. Теперь онъ уже проѣлъ всѣ слои общества отъ верхняго края до нижняго, и именно тамъ, гдѣ долженъ бы быть виденъ результатъ, своей прелестью оправдывающій всѣ понесенныя во имя купона жертвы,—тамъ-то его и нѣтъ.

МИМОХОДОМЪ.

I. Паровой цыпленокъ.

Разсказъ, пригодный для напечатанія только на святкахъ *).

Нимало не протестуя противъ редакціонной пометки, вполнѣ точно определяющей значеніе этой статейки и допускающей появленіе ея въ печати именно только въ святочное время, я долженъ сказать однако, что наименованіе: «разсказъ», данное редакціей этому произведенію, почти вовсе не соотвѣтствуетъ тому содержанію, которое въ этой статейкѣ заключается, и формѣ, въ которой оно будетъ передано. Никакого послѣдовательнаго разсказа здѣсь нѣтъ и не было его въ дѣйствительности. Просто люди разговорились *«о душѣ»*, и одинъ изъ собесѣдниковъ, проѣзжій курятникъ, произнесъ по этому поводу нѣчто въ родѣ реферата, почерпая весьма любопытные матеріалы изъ куриной психологіи. Вотъ и все.

Дѣло было такъ.

Наскучивъ сидѣть въ ожиданіи поѣзда въ душной маленькой общей каморкѣ самаго микроскопическаго полустанка N—ской желѣзной дороги, я думалъ пойти посидѣть и покурить на платформѣ... Былъ темный и теплый осенній вечеръ, и время было довольно позднее—часъ одиннадцатый. Три керосиновыхъ ламночки, разставленныя по платформѣ на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, почти совершенно не освѣщали ее, и поэтому я рѣшительно не могъ разсмотрѣть даже при самомъ пристальномъ вниманіи тѣхъ темныхъ человѣческихъ силуэтовъ, группа которыхъ, такъ

*) Помѣтка одной редакціи.

же, какъ и я, въ ожиданіи поѣзда, собралась па платформѣ въ самомъ близкомъ отъ меня разстояніи. Видны были какія-то черныя тѣни: а кто онѣ такія и что за народъ— разглядѣть было почти невозможно. Но разговоръ, который они вели между собой, былъ слышенъ совершенно ясно среди неподвижной тишины темнаго и теплаго вечера.

Къ несчастью, разговоръ былъ весьма печальнаго свойства. Дѣло шло о необыкновенномъ несчастіи, случившемся на одной изъ ближнихъ большихъ станцій въ тотъ же день, рано утромъ, и составлявшемъ предметъ разговора по всей линіи дороги: подъ поѣздъ бросился извѣстный всѣмъ, имѣющимъ дѣло съ дорогой людямъ, одинъ кабатчикъ, въ послѣдніе годы предававшійся сильному пьянству и совершенно обнищавшій.

— Подъ конецъ-то онъ, братцы, ужъ и совсѣмъ очумѣлъ!—разсказывалъ одинъ изъ черныхъ силуэтовъ, въ которомъ, только благодаря блеснувшей при движеніи бляхѣ, можно было подозрѣвать желѣзнодорожнаго сторожа.—Онъ ужъ разовъ пять покушался-то на это дѣло... Да все боязно ему было. Бѣжитъ къ поѣзду-то, а самъ оретъ.. Поѣздъ гремитъ, а онъ съ испугу и самъ оретъ, а бѣжитъ, руки вверхъ подымаетъ! У-ухъ! ухъ! ухъ! И все бѣжитъ!.. Страшно, а все его несетъ! Ну, завсегда Богъ его спасалъ; добрые люди не давали пропасть... Поймаютъ, уведутъ домой силомъ... Въ больницу клали... Ну, а въ этотъ разъ, видно, не доглядѣли...

— А оралъ? Не слыхали?

— Потомъ-то разсказывали, что, молъ, шибко кто-то оралъ... Слышали, говорятъ, оралъ кто-то, ухалъ все... Ну, да время было ночное, глухое... Спали!.. Нѣтъ, это ужъ, видно, воля Божія...

— Чортъ тутъ распоряжается! Въ такихъ дѣлахъ дьяволъ—хозяинъ и указчикъ, а не Богъ!—послышалось изъ глубины всей группы силуэтовъ.

— Это вѣрно!—глухо отвѣчали въ той же группѣ, и всѣ на нѣкоторое время замолкли...

Разговоръ былъ непріятенъ, предметъ разговора мраченъ и ужасающъ, и поэтому бесѣда шла очень плохо. Но именно, быть-можетъ, потому, что предметъ разговора былъ тяжелъ и многозначителенъ, собесѣдникамъ почти невозможно было легко отдѣлаться отъ угнетавшаго ихъ мысль событія и перейти къ обыденной пустопорожней случайной болтовнѣ случайно встрѣтившихся людей. Какъ ни непріятно было

думать и говорить объ этой нехорошей смерти, а разговоръ возобновлялся только о ней.

— Отъ жены вишь, сказываютъ, онъ такъ-то ослабѣлъ. Спился-то!

— Что-жъ ему, дураку. жена-то дороже души, что ли?

— Ну, да вѣдь какъ сказать... Сбѣжала она отъ него— ну, онъ и заскучалъ...

— Сбѣжала! Да чортъ съ ней! Бѣгай, куда хошь... Мало ли бабъ-то?

— Бабъ-то много, да душа-то одна!

— Надо за душу-то Богу на томъ свѣтѣ отвѣчать!..

— Охъ, душа, душа!..—сказалъ сторожъ со вздохомъ, и разговоръ, вѣроятно бы, пресѣкся, если бы въ это время около группы неожиданно не оказался молодой помощникъ смотрителя станціи, неслышно очутившійся около группы благодаря резиновымъ калошамъ.

Это былъ молодой, веселый человѣкъ; онъ только-что получилъ мѣсто, только-что женился, только-что одѣлся въ новую форму и чувствовалъ. что теперь онъ «похожъ на человѣка». Остановился онъ около группы мимоходомъ, чтобы закурить папиросу, и положительно отъ-нечего-дѣлать, весело бросилъ слово:

— Чтò у васъ тутъ? Какая душа?..

Слово «душа» совершенно случайно коснулось его уха, когда онъ шелъ мимо; мысли его были за тридевять земель отъ возможности быть внимательнымъ къ какимъ-то чужимъ разговорамъ: онъ не шелъ, а несся къ молодой женѣ, къ горячему новому самовару, и былъ вообще радъ самому себѣ...

— Да вотъ про несчастье про нонишнее... Про кабатчика...

— Такъ что-жъ?

Онъ дернулъ спичкой о рукавъ и едва ли слышалъ, чтò ему говорятъ.

— Да такъ... болтаемъ... Душу, молъ, бѣдняга свою погубилъ.

— Какую душу?

Быстро зажглась папироса и разсыпала кругомъ себя искры.

— Какая душа? Чтò за чепуха!

— Какъ же, васскобродіе? Душа-съ!

— Просто пьяница!.. Разумѣется, чепуха!

— А какъ же на томъ-то свѣтѣ?

— Ну, чтò вздоръ молоть!.. Не пьянствуй—и не раздавятъ... Чортъ знаетъ чтò! Душа!

Молодая жена и новый кипящій самоваръ, заполнявшіе его мысль, дѣлали его рѣчь веселой, отдававшей запахомъ «трынъ-травы». Бросивъ эти нѣсколько словъ развязно и весело, онъ развязно и весело унесся отъ группы вдоль платформы и бросилъ оставшимся на платформѣ силуэтамъ еще два слова:

— Конечно, чепуха!..

И скрылся въ темнотѣ, подпѣвая «Стрѣлочка»...

— Нѣтъ, не чепуха!—довольно рѣшительно проговорилъ какой-то изъ силуэтовъ, и темная фигура его вытянулась вверхъ, поглотивъ своею тѣнью всѣ остальные темные силуэты.—И даже очень она не чепуха, душа-то!..

Появленіе развеселаго начальника станціи какъ бы разогнало мрачныя мысли собесѣдниковъ, и поэтому, не найдя сразу легкой темы для разговора, они не поддержали рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго оратора. Но это молчаніе не обезкуражило оратора, и онъ тѣмъ же многозначительнымъ тономъ продолжалъ:

— Чепуха! Сфорсилъ, да и горя мало!.. Это, стало-быть, ты въ Бога не вѣруешь—нигилистъ, больше ничего!.. Коли бы ты вѣрилъ въ Бога, такъ не посмѣлъ бы форсить... Я и самъ былъ тоже въ родѣ дубовой колоды, покуда не ударило меня въ башку вѣрой... Что̀ мы всѣ-то понимаемъ? Знаемъ Богу молиться, свѣчки ставить, а понимать премудрость—не можемъ... А между тѣмъ, какъ привелъ мнѣ Богъ пойтить сначала по рыбьей, а потомъ по куриной части, да далъ мнѣ талантъ и дозволилъ вникнуть, такъ я теперича, братцы, и понялъ это дѣло!.. Да! Есть она, братцы, душа то, есть она!.. Вотъ что̀ я скажу—а не «чепуха»!

Не сразу публика взяла въ толкъ то, что̀ проговорилъ курятникъ; слишкомъ много было въ его рѣчи смѣшано самыхъ неподходящихъ другъ къ другу понятій и представленій. Богъ, душа, рыбья часть, куриная часть. Всего этого переварить сразу темные силуэты не могли. Кто-то изъ нихъ попробовалъ-было сказать обычное въ затруднительныхъ для россійскаго обывателя случаяхъ: «Само собой!», т.-е. слова, которыя, повидимому, и могутъ быть приняты за отвѣтъ, но въ сущности ровно ничего не означаютъ (хотя даже въ коммерческихъ дѣлахъ употребляются постоянно), но сказалъ это какъ-то робко, почти шопотомъ, и замолкъ...

Но молчаніе уже не могло продолжаться; тема для бесѣды получалась вовсе не мрачная, и разговоръ оживился.

— Какая же такая, позвольте васъ спросить, бываетъ куриная душа?—очевидно, приготовляясь начать продолжительный разговоръ, произнесъ не спѣша и съ разстановкой кто-то изъ силуэтовъ. — Позвольте узнать, на какомъ вы полагаете основаніи? Душа должна существовать христіанская, а какая-такая куриная или рыбья—такъ объ этомъ никакимъ образомъ не можетъ быть сказано въ писаніи...

— Въ писаніи-то, положимъ, что объ этомъ и дѣйствительно ничего нѣтъ, а я, вотъ видишь меня, — курятникъ Селиверстовъ, — я вотъ говорю тебѣ, да! Хочешь ты мнѣ вѣрь, а хочешь—не вѣрь, а я тебѣ утверждаю, что когда вникнулъ я въ рыбье, а главное въ куриное дѣло, тогда я во Всевышняго Создателя и увѣровалъ. А то былъ я, однимъ словомъ, дубовый пень! Какъ хочешь, такъ и думай! Да!..

Въ тонѣ голоса курятника слышалось большое одушевленіе, но очевидно было, что обширность темы, интересовавшей его, ставила его предъ публикой въ неловкое положеніе и затрудняла его рѣчь.

— Да!—повторилъ онъ опять тѣ же слова, что̀ уже сказалъ ранѣе.—На куриномъ дѣлѣ позналъ премудрость. Какъ хочешь, такъ и разбирай!

Настало молчаніе.

— И существуетъ куриная душа? — чрезвычайно оживленно и съ явной насмѣшкой въ голсѣ воскликнулъ одинъ изъ силуэтовъ.

Курятникъ примолкъ, но тотчасъ же весь какъ-то встряхнулся, подбодрилъ себя и почти гаркнулъ басомъ:

— Сссуществуетъ!

— Душа куриная?

— Н-да!

«Очертя голову», казалось, сказаны были эти слова, и курятникъ, увидѣвъ, что ему нѣтъ отступленія, громко и безъ остановки проговорилъ:

— Окончательно могу сказать, хоть побожиться, говорю передъ истиннымъ Богомъ: существуетъ куриная душа— чтобъ мнѣ не дожить до завтрева! Вотъ тебѣ что̀!

Всѣ молчали

— Существуетъ!—вопилъ курятникъ.

И опять всѣ молчали.

— Да! Есть она, братцы, есть!..

— Ну ужъ, другъ любезный... Ты, братъ, что-то, кажется... того...

— Ничего не «того»! Чего тутъ «того»? Тутъ дѣло эво какое, а не «того»... Я тебя вотъ спрашивать буду, можешь ли ты мнѣ отвѣчать?

— Чего-жъ мнѣ не отвѣчать? Коли по-человѣчьи будешь говорить, такъ и я тебѣ отвѣчу по-человѣчьи...

— Не лаять же я на тебя буду!

— Ну, коли ты не будешь лаять, такъ и я не буду кукуреку кричать... Спрашивай!

— Ну, коли ты можешь отвѣчать, такъ я тебѣ буду представлять вопросы... Первымъ долгомъ сейчасъ здѣсь былъ разговоръ о душегубствѣ... Отвѣчай мнѣ, почему кабатчикъ подъ вагонъ бросился?

— Чортово дѣло—больше ничего!—опять провозгласилъ рѣшительный голосъ изъ группы силуэтовъ, не давъ отвѣтить тому силуэту, который разговаривалъ съ курятникомъ.

— Чортово-то оно чортово,—сказалъ курятникъ:—а главное — требуется знать, подъ какимъ предлогомъ чортъ-то его подъ колесо поволокъ, вотъ главное дѣло въ чемъ!..

— Вѣдь сказывали тутъ, что, молъ, изъ-за жены огорчился!..—отвѣчалъ собесѣдникъ курятника.—Изъ-за бабы огорчился, сталъ пить, ну, а ужъ отъ пьянства чего не выйдетъ...

— Слѣдовательно, разобравши дѣло, оказывается: въ первоначальномъ основаніи было огорченіе?

— Надо-быть, такъ...

— Ну, а теперь потрудитесь объяснить: кое мѣсто его колесомъ переѣхало?

— А ужъ это вотъ пущай онъ скажетъ... Кое мѣсто, Михалычъ, кабатчика-то переѣхало?

— А его, — отвѣчалъ сторожъ: — вотъ этакъ, по животу разрѣзало.

— И, конечно, спину и все?—какъ настоящій экспертъ допытывался курятникъ.

— Ужъ, конечно, все разворочало, что̀ подъ него попалось...

— Ну, превосходно! Теперь позвольте васъ спросить: когда вы утверждаете, что «отъ огорченія», то въ какомъ мѣстѣ оно у него заключалось — въ спинѣ, въ животѣ или еще въ какихъ костяхъ?

Вопросъ показался публикѣ въ такой степени ни съ чѣмъ несообразнымъ, что послѣ нѣкотораго молчанія часть публики разразилась громкимъ хохотомъ, а собесѣдникъ ку-

рятника, какъ бы нехотя и вовсе не желая продолжать пустопорожняго разговора, промолвилъ:

— Ну, братъ, я вижу, съ тобой разговаривать, такъ надо языкъ суконный привѣшивать... А такъ-то, свой-то, только безъ толку обобьешь... И вѣтру-то на дворѣ нѣту, а вотъ у тебя въ головѣ что-то какъ будто сквознякомъ посвистываетъ... Въ брюхѣ оно у него, огорченіе-то, было!..

— Это въ брюхѣ было огорченіе отъ жены?

— Да ну тебя! Перестань молоть!..—съ нетерпѣніемъ и сердцемъ сказалъ собесѣдникъ. — Плететъ языкомъ незнамо что̀!

— Вотъ то-то и есть, что у васъ-то именно и нѣтъ соображенія.

— И пущай!

— Ежели у солдата отрѣзываютъ ногу, слѣдовательно у него нога болѣла, а не спина и не животъ. И ежели отрѣзываютъ у меня руку, то болѣла, стало-быть, рука, а не ухо и не носъ... А когда отъ огорченія человѣкъ спину себѣ подъ вагономъ ломаетъ, такъ, позвольте васъ спросить, что̀ у него болѣло: спина или животъ?

Всѣ молчали.

— Вотъ въ томъ-то и состоитъ!.. Болѣло-то у него на совѣсти, въ душѣ, а не въ кости, не въ ребрѣ... Вотъ поэтому-то и говорится: «погубилъ душу» — а не «чепуха!», какъ болтнулъ вонъ тотъ господинъ... Душа болѣла и душа подъ вагономъ погибла...

— Чортова работа, больше ничего! — упорно гудѣлъ невидимый въ кучѣ силуэтовъ басъ.

— Чортова! Конечно, это его дѣло! Только онъ ведетъ тебя подъ вагонъ-то не за ногу, а за совѣсть, за душу!.. Вотъ въ чемъ дѣло-то!.. Нѣту, братцы, есть, есть она, душа-то!..

— А куриная-то душа? —вновь заговорилъ тотъ самый собесѣдникъ, который только-что было-совсѣмъ прервалъ разговоръ съ курятникомъ.

— И куриная душа существуетъ!.. Куриная-то душа меня и на умъ-то навела... Вонъ, видишь, плетушка моя стоитъ съ цыплятами?..

Вѣроятно, тутъ же на платформѣ полустанка гдѣ-нибудь стояла эта плетушка съ цыплятами, но въ темнотѣ не было ея видно.

— Ну видимъ, ну что-жъ?

— Ну, такъ вотъ это я хотѣлъ нашихъ бабъ въ послѣд-

ній разъ подладуть паровымъ цыпленкомъ — только нѣтъ, не надуешь! Въ послѣдній разъ хотѣлъ ихъ поморочить, всучить имъ вмѣсто яицъ—ну нѣтъ, навыкли, не берутъ!

— Отчего же?

— Бездушный онъ, паровой-то цыпленокъ! Души въ немъ нѣтъ—и не плодится! Вотъ въ чемъ дѣло. Я служу на паровомъ цыплячьемъ заводѣ. Такъ вотъ въ прежнія времена мы и мѣняли паровыхъ цыплятъ на яйца. Дашь бабѣ курочку и пѣтушка, да и двѣ курицы съ пѣтухомъ намъ ничего не стóитъ дать за десятокъ, за полтора... Изъ двухъ-трехъ у насъ выйдетъ 10, 15—все барышъ намъ. И сначала брали... Ничего! А намъ и любо вмѣсто денегъ-то! А потомъ вдругъ и не берутъ... Всѣ бабы въ одинъ голосъ заволили: «не несутся ваши машинныя куры!» — и все тутъ... И вотъ что̀ ты хочешь—не несутся!.. И рыбье дѣло тоже: машинная заводская рыба — теперь вотъ вырастить ее искусственнымъ манеромъ можно, а потомства нѣту!.. Вотъ ты и думай, какая тутъ премудрость!.. Температура тутъ существуетъ —потому что горячей водой, паромъ дѣйствуютъ. А души нѣтъ!

— Да вѣдь онъ ходитъ, цыпленокъ-то машинный? Ѣстъ?

— И ходитъ и ѣстъ, а размышленія въ немъ нѣтъ... Не можетъ онъ подумать о жизни...

— Ну, братъ, ты опять никакъ заплутался!..

— Заплутался или не заплутался, а ваши слова тоже безъ смысла... Ходитъ! Что-жъ такое ходитъ? Вонъ желѣзная машина тоже ходитъ, почище лошади, а скажи-ка ей: «Налѣво! поверни къ кабачку!»—нѣтъ, не повернетъ... Ходитъ! Это все одно, что лектрицкій свѣтъ. Мнѣ одинъ мой землякъ, театральный ламповщикъ, говоритъ: «Погляди-ка-сь, какой огонь выдумали!» Поглядѣлъ я и думаю: «Какой пламень въ этомъ стеклянномъ пузырькѣ (цвѣткомъ сдѣланъ) и какъ не лопнетъ», и говорю:—«Какъ это стекло-то не лопнетъ! какой огонь!» А землякъ усмѣхнулся, говоритъ:— «Очення страшный огонь... Плюнь, погляди, какъ зашипитъ». Плюнулъ я въ этотъ тюльпанъ, а оно и вовсе не зашипѣло...—«Какъ такъ!»—«А такъ, говоритъ, этотъ огонь выдумщицкій, безбожный—онъ какъ ледъ холодный... возьми-ка тюльпанъ-то въ руку»... Взялъ я, а онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ ледъ. А вѣдь огонь?.. Вотъ и разсуди: гдѣ Богъ, а гдѣ фокусъ-покусъ... Такъ и въ рыбѣ машинной и въ цыпленкѣ паровомъ: температура есть, а совѣсти нѣтъ! Вотъ и у кабатчика въ совѣсти болѣло, а ежели онъ переломилъ

спину, то въ спинѣ не можетъ болѣть оттого, что жена сбѣжала... а въ душѣ!..

— Ну, братъ, ты никакъ опять вмѣсто воротъ на крышу съ возомъ поѣхалъ! Почему же паровая курица не несется?

— А потому, что она тварь температурная, машинная выдумка, а не тварь Божія... У паровой курицы одна температура, а у настоящей—совѣсть! Вотъ отъ этого она и несется... Потому что у нея существуетъ умственное размышленіе и забота... Въ температурѣ этого нѣтъ, а въ душѣ есть...

— Есть?

— Вѣрно есть!

— А ты не лежалъ въ сумасшедшемъ домѣ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ!

— Слава Богу! А я думалъ, что начальство за тобой не доглядѣло, плохо запирали...

— Съ вашимъ братомъ поговорить по-умному, такъ иначе какъ за сумасшедшаго и не прослывешь... Сами-то вы что̀ въ душѣ смыслите?

— А ты что̀ въ куриной совѣсти понимаешь?

— Да все понимаю!

— Ну, да что̀?

— Да все понимаю, всю куриную душу вижу! Чего ты гогочешь? Ты отвѣть мнѣ одно: знаешь, какъ наседку на яйца сажаютъ?

— Ну, ужъ это—не нашего ума дѣло. Мы дровяники.

— Ну, а не вашего ума дѣло, такъ и молчи и слушай... Курица, братецъ ты мой, не очень любитъ на яйцахъ-то сидѣть... Ей бы только яйцо снести, а потомъ въ кафе-ресторанъ съ пѣтухами погулять, пѣсенъ попѣть, побормотать... Бываютъ такія франтихи, что по три дня подъ лукошкомъ на яйцахъ держатъ, а она все сбоку ихъ жмется, не садится на нихъ, думаетъ, какъ иная барыня: «Ежели я сама буду съ дѣтями, то, можетъ-быть, испорчу свой бюстъ, и меня не будутъ любить!»... И жмется въ уголъ, а яйца такъ и лежатъ безъ вниманія... Сними на четвертый день лукошко, а она -порхъ, и убѣжала, закудахтала, заорала на весь дворъ, пожаловалась о своемъ стѣсненіи, а пѣтухъ уже тоже, какъ оглашенный, бѣжитъ ей на защиту; тоже жалостливъ! И сейчасъ въ кусты, на острова, въ Аркадію и въ маскарадъ. Иная такая выйдетъ форсунья—сладу нѣтъ! Такъ бабы вотъ какъ съ такими форсуньями поступаютъ: возьметъ, надѣ-

лаетъ хлѣбныхъ шариковъ, намочитъ ихъ въ водкѣ и дастъ съѣсть... Форсунья-то съѣстъ и захмелѣетъ. Вотъ ее хмельную-то и посадятъ на яйца да лукошкомъ прикроютъ... Покуда она спитъ да о маскарадахъ съ танцами не думаетъ—анъ ужъ у нея съ яйцомъ-то и началось знакомство... И въ яйцо идетъ тепло, и изъ яйца идетъ въ нее... Сними лукошко—ужъ она не можетъ встать! И сама знаетъ, что хорошо бы ей погулять, слышитъ, какъ пѣтухъ оретъ, романцы поетъ, на острова собирается, а не можетъ—совѣсть взяла ее за живое! Жалость у нея уже есть! Душа заговорила!.. И просидитъ свой животъ до голаго мяса, ни одного пера на немъ не останется, просидитъ до боли, а изъ-за чего?—Изъ совѣсти!.. Изъ совѣсти-то и пойдутъ въ ней всякія мысли: и какъ она была въ дѣвицахъ (долго вѣдь ей сидѣть-то, есть о чемъ подумать подъ лавкой-то!), и какъ гуляла, и что видѣла, и каковъ пѣтухъ къ ней подскочилъ, и какія перья на немъ (каждое перо вспомнитъ, обдумаетъ сто разъ!), и какъ было дальше, и какъ она захворала, затяжелѣла, и какъ родила, и какъ кричала во время родовъ—все это она обдумаетъ подъ лавкой-то... И всѣ эти мысли-то ея изъ ейной души въ цыплячью душу идутъ, и цыпленокъ тоже принимаетъ ейныя мысли и заботы... Онъ еще еле-еле на что-нибудь похожъ, а ужъ по душевной части ему насѣдкой все дадено, всѣ мысли... онѣ, какъ зерна маленькія, точно булавкой уколоты: то тамъ—то сямъ, а потомъ и выростутъ въ большія, въ настоящія куриныя... Это, братцы мои, не температура въ пятьдесятъ или сколько тамъ градусовъ, а душа съ душой разговариваетъ!.. Хоть бабу иную взять—ходитъ беременная, пожару испугалась, ударила себя обѣими руками объ голову—и у ребенка пятна на тѣхъ самыхъ мѣстахъ,—такъ и тутъ... Думала курица и ахала, какъ она въ дѣвицахъ состояла и какъ потомъ все вышло—и въ цыпленкѣ бездушномъ то же самое въ душу входитъ... Отчего пѣтуховъ много родится? Отъ того, что курица больше всего о пѣтухѣ мечтаетъ. Каждое перо помнитъ... Ужъ ежели мужикъ идетъ къ попу, къ старшинѣ, къ писарю поклониться—всегда пѣтуха несетъ. Очень много заботы у куръ объ нихъ. Вотъ такимъ-то родомъ и всякія заботы изъ куриной души въ цыплячью переходятъ: и о томъ, что въ дѣвицахъ надо быть, и о томъ, что пѣтухи явятся и родить надо... все это туда въ яйцо-то и идетъ своимъ порядкомъ... А въ горячей водѣ ничего этого нѣтъ—

одна температура... А температура нешто думаетъ о куриной жизни? Думаетъ она о пѣтухахъ? о томъ, что скучно сидѣть подъ лавкой, да нельзя, жаль ребенка?.. Ничего не думаетъ! Вотъ и выходитъ цыпленокъ бездушный, безсовѣстный, безъ заботы и безъ ума!.. И отъ лектрицкаго свѣта также трава не выраститъ... Вотъ что̀ такое Богъ-то!.. Нѣтъ, братцы, не чепуха! Душа—дѣло одно, а выдумки—дѣло другое... Нѣтъ, не чепуха это... Это надо оченно тонко сообразить!..

— Не знаю! —равнодушно сказалъ собесѣдникъ: —не знаю ужъ... Премудро что-то... По моимъ мыслямъ выходитъ такъ, что окромя христіанской души будто бы никакихъ прочихъ и не положено... А чтобы, напримѣръ, куриная совѣсть... не знаю!.. Этого мы не можемъ!..

— То-то и есть, что не можете...

Рефератъ былъ, очевидно, конченъ и вопросъ исчерпанъ, но такъ какъ поѣздъ еще не приходилъ и время было у всѣхъ праздное, то окончить разговоръ на заключительныхъ словахъ курятника было бы всей компаніи какъ-то не совсѣмъ удобно. Нужно было (всѣ это чувствовали, какъ и въ настоящихъ собраніяхъ ученыхъ обществъ) *что-нибудь* возразить или дополнить.. И точно, послѣ нѣкотораго молчанія одинъ изъ силуэтовъ, по голосу, кажется, тотъ самый, который тайну смерти кабатчика приписывалъ чорту, вдругъ произнесъ:

— Вотъ ты говоришь—выдумка,—сказалъ онъ курятнику.—Ужъ и точно, братъ, навыдумано невѣсть чего!.. Иду я намедни по Петербургу, по Исакіевской площади—вижу: ѣдетъ господскій хорошій рысакъ въ самой первѣйшей запряжкѣ: что̀ рысакъ, что̀ сани, что̀ сбруя, полость—тысячные. У кучера-то никакъ позументъ какой!... И что̀ же ты думаешь? Вдѣланы, братцы вы мои, этому самому кучеру вотъ въ это... передъ Богомъ говорю, не вру... вотъ въ это мѣсто...

— Куда?

— Вотъ... передъ Богомъ не вру!.. Вотъ что̀ хочешь... вдѣланы, братцы мои, часы...

— Въ это самое мѣсто?

— Вдѣланы часы огромные, въ полъ-ладони... И такимъ родомъ барину ихъ видно завсегда... Такъ кучеру-то совѣстно даже!

— Это ужъ даже и распахнуться баринъ-то не желаетъ?

— Должно-быть, что по секундамъ ѣздитъ... Стали, надо-

быть, ужъ по секундамъ ѣздить. Дорожатъ!.. Дѣловъ, должно-быть, полонъ ротъ.

— Ну,—сказалъ презрительно и небрежно курятникъ:—какія это выдумки. Нешто такія выдумки-то пошли!..

— Да, братъ! Пошли выдумки, нечего сказать, ловкія.

Голосъ, которымъ были сказаны эти слова, прямо свидѣтельствовалъ, что это говоритъ непремѣнно «неплательщикъ» и «недоимщикъ», т.-е. простой, сѣрый мужичонка.

— Бывало, ѣздилъ я въ Москвѣ въ извозчикахъ, такъ съ Никольской на Нижегородку два рублика купецъ-то давывалъ... «Поѣзжай только скорѣй, мнѣ надо узнать, не пришелъ ли товаръ»... а нониче побормоталъ въ дудку черезъ проволоку—вотъ тебѣ и все... На Нижегородку, на Смоленскую, куда хошь разговоръ идетъ по проволокѣ, а нашему брату—матъ!

— Телефонъ называется!—сказалъ курятникъ.

— Агаѳонъ или Ѳалалей—нашему брату, мужику, все отъ выдумокъ-то хуже да хуже... Давитъ насъ выдумка на всѣхъ путяхъ, жметъ... А подати—подай...

На этомъ выводѣ изъ всего вышесказаннаго, сдѣланномъ «сѣрымъ» мужикомъ, прекратились въ публикѣ какъ мрачныя мысли о несчастномъ событіи дня, такъ и всякія фантастическія мечтанія, навѣянныя рефератомъ курятника. Сѣрый мужикъ возвратилъ своимъ замѣчаніемъ мысли всѣхъ присутствующихъ къ дѣйствительности и закончилъ такимъ образомъ случайную бесѣду случайно встрѣтившихся людей самымъ достойнымъ образомъ, т.-е. такъ, какъ заканчивается въ наши дни всякая бесѣда, о чемъ бы она ни началась.

II. Не все коту масленица.

1.

На вечерѣ у одного крупнаго парижскаго купоннаго аристократа недавно произошелъ, по словамъ газетъ, слѣдующій весьма любопытный эпизодъ. Купонный аристократъ *купилъ* на этотъ вечеръ, для собственнаго удовольствія, искусство одного знаменитаго піаниста, пригласивъ его за извѣстную плату играть. Знаменитый піанистъ при одномъ взглядѣ на общество, напоминавшее собраніе несгораемыхъ

чугунныхъ шкаповъ изъ банкирскихъ конторъ, хотя и наряженныхъ въ шелки и брильянты, — почувствовалъ себя крайне неловко, оробѣлъ, охолодѣлъ, но все-таки долженъ былъ исполнить свое дѣло, какъ нанятой.

Купонное общество слушало, ощущая только одно удовольствіе быть нанимателемъ и покупателемъ всего «что угодно», всякой знаменитости, всякаго таланта, и вовсе не интересовалось музыкой, потому что ровно ничего въ ней не понимало. Хозяйка дома, супруга одного изъ несгораемыхъ шкаповъ, была даже такъ нетерпѣлива при исполненіи артистомъ какой-то продолжительной сонаты, что всякій разъ, когда композиторъ долженъ былъ прервать на нѣсколько мгновеній игру, эта осыпанная брильянтами жена несгораемаго шкапа не упускала случая нетерпѣливо спросить артиста:

— Вы кончили?

Смущенный, сконфуженный этимъ чугуннымъ обществомъ, несчастный наемникъ кое-какъ доигралъ все-таки до конца пьесу и, сбывъ эту поденную работу, немедленно же хотѣлъ удалиться... Но въ это время супруга несгораемаго шкапа, любезно поблагодаривъ піаниста, не менѣе любезно сказала:

— Останьтесь одну минуту... Теперь я сыграю вамъ... *сама!*

Піанистъ долженъ былъ исполнить это желаніе и выслушать игру *самой* хозяйки. Какъ же сыграла она *сама?* Она просто придвинула къ себѣ какое-то большое мягкое кресло, съ сіяющей улыбкой расправила юбки и медленно опустилась въ это самое кресло... Сѣла она плотно, повернулась, поправилась, и вдругъ въ подушкѣ того самаго кресла, на которомъ она возсѣдала, заиграло и забарабанило: «*En revenant de la revue*»! Въ глубинѣ кресла гудѣло, трещало, пищало и барабанило такъ удивительно хорошо, что всѣ несгораемые шкапы пришли въ неописанный восторгъ; они застучали своими чугунными дверями, загрохотали скобами, защелкали секретными замкàми, — словомъ, неистово зааплодировали. Но больше всѣхъ сіяла сама артистка: вѣдь она *сама* играла такую отличную пьесу и играла такъ хорошо! Бѣдный артистъ долженъ былъ въ числѣ прочихъ гостей поблагодарить артистку (всѣ ее благодарили, и она принимала рукопожатія) и едва живой отъ изумленія удалился. А артистка опять усѣлась въ кресло и еще разъ *сама* сыграла изъ «Жирофле», а потомъ и «Марсельезу»: — она вѣдь все можетъ сыграть сама.

2.

Я вполнѣ увѣренъ, что эпизодъ этотъ покажется читателю карикатурой и выдумкой; но если онъ дастъ себѣ трудъ подумать вообще о сущности купоннаго строя жизни и дать этому карикатурному и, повидимому, ничтожному эпизоду надлежащее въ немъ мѣсто, то онъ непремѣнно увидитъ въ немъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого строя. Смѣшно и карикатурно выражено въ этомъ эпизодѣ соприкосновеніе купоннаго человѣка съ музыкой; стоитъ только *сѣсть* поплотнѣй *на* эту самую *музыку*—и музыка готова; но развѣ не въ такой же ничтожной степени соприкосновенія находится купонный человѣкъ со всѣмъ строемъ жизни, результаты которой всецѣло принадлежатъ только ему? Точно такъ же, какъ онъ *самъ* играетъ (стоитъ только сѣсть покрѣпче),—онъ участвуетъ и въ литературѣ и въ искусствѣ: самъ купитъ картину, самъ купитъ книгу; онъ самъ только купитъ платье, самъ только ѣстъ, онъ самъ только выбираетъ на сегодняшній вечеръ спектакль,—словомъ, благодаря купону, онъ беретъ отовсюду все готовое и хотя, повидимому, ставитъ тѣмъ себя въ полнѣйшую зависимость отъ всего покупаемаго имъ народа, но на дѣлѣ онъ, какъ корень этого строя, оказывается его единственнымъ властителемъ, въ то же время не имѣя съ этимъ народомъ ни малѣйшей нравственной связи.

Подъ тяжеловѣснымъ, угнетающимъ вліяніемъ такого узкаго, немилосерднаго направленія жизни, немудрено, если вся чернорабочая человѣческая масса, созидающая на собственныхъ костяхъ благополучіе купоннаго человѣка, по временамъ теряетъ всякую надежду на лучшее будущее, мечтаетъ о немъ только втихомолку, робко и даже заподозрѣваетъ самого себя при этомъ въ нѣкоторомъ умопомраченіи. Но какъ ни умалены мечтанія чернорабочаго человѣка о какой-то самостоятельной жизни, мечтанія эти не замираютъ ни на одну минуту, такъ какъ они и составляютъ сущность духовной жизни человѣка всегда, «и нынѣ и присно». И вотъ почему всѣ мы, чернорабочіе меркантильнаго строя жизни, такъ всегда глубоко рады всякому мечтателю и фантазеру, который придетъ къ намъ для того, чтобы ободрить насъ, который только хоть на небесахъ и послѣ смерти нашей посулитъ намъ что-нибудь хорошее. Тѣмъ болѣе мы будемъ счастливы и обрадованы,

если то же самое мечтаніе поддержитъ въ насъ и докажетъ намъ самимъ справедливость нашихъ мечтаній—не фанатикъ, не вдохновенный предвидѣніемъ человѣкъ, не фантазеръ, а человѣкъ строгой, точной науки, руководимый въ своихъ дѣлахъ и мнѣніяхъ несокрушимой логикой разума.

3.

Крошечная брошюрка г. Энгельмейера: «Экономическое значеніе современной техники» есть именно такая благородная попытка—разобраться въ успѣхахъ техники по отношенію къ человѣку, мечтающему вырваться изъ лапъ купона на Божій свѣтъ. «Идеалъ», съ которымъ г. Энгельмейеръ входитъ въ область своей науки, прямо и просто выраженъ словами Аристотеля, котораго авторъ брошюры называетъ «отцомъ технической науки, свидѣтелемъ ея перваго безсвязнаго лепета» и котораго онъ считаетъ безконечно великимъ, потому что онъ за двѣ тысячи лѣтъ «*уже носилъ въ себѣ тотъ же идеалъ, такъ же прилагалъ его къ жизни и того же ожидалъ, чего и мы ожидаемъ и все еще только—увы!—ожидаемъ!..*» Идеалъ этотъ, логическое, хоть и нескорое приближеніе котораго доказано, какъ мы увидимъ ниже, г. Энгельмейеромъ весьма основательно, выраженъ Аристотелемъ пророческими словами, звучащими изъ тьмы вѣковъ трогательно и ясно. Вотъ эти слова: «*Если бы*, говоритъ онъ, *каждый рабочій инструментъ могъ исполнять свойственную ему работу по приказанію и по предчувствію, если бы челноки ткача ткали такимъ образомъ сами собою, то мастеру не надо было бы подмастерьевъ, а господину—рабовъ*» (51 стр.).

Какъ видите, точка зрѣнія г. Энгельмейера на его науку и ея цѣли есть самая гуманная и вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія на существующіе порядки и на цѣли науки рѣшительно всякаго чернорабочаго человѣка. Развѣ темный-претемный мужикъ, раздумавшись о житьѣ-бытьѣ и убѣдившись, что все это происходитъ оттого, что антихристъ уже народился,—развѣ онъ не исходитъ въ своемъ умозаключеніи о несомнѣнномъ пришествіи антихриста изъ того же нежеланія быть чьимъ-нибудь рабомъ? Развѣ не антихристъ отрываетъ отъ его семьи сына, человѣка трудящагося, связаннаго съ отцомъ и матерью духовными узами, и бросаетъ его на фабрику, на поденщину, разрывая его нравственную связь съ его семьей, женой, его дѣтьми и не давая его женѣ права быть женой и матерью?

А нашъ темный-претемный деревенскій «механикъ-самоучка», непремѣнно сосредоточивающій свою едва-едва тронутую знаніемъ мысль исключительно на изобрѣтеніи вѣчнаго движенія perpetuum mobile—развѣ въ его напряженіи ума не участвовала та же самая скорбная нота печали о рабствѣ, и развѣ онъ не мечталъ о томъ, чтобы «челноки его бабы ткали *сами собою*», то-есть освобождали бы въ бабѣ человѣка, не отрывали бы ее на фабрику, и чтобы не человѣку приказывали работать, но чтобы человѣкъ самъ приказывалъ «рабочему инструменту исполнять, даже по предчувствію, свойственную ему работу»?

Вотъ тѣ едва намѣченные признаки того, что точка зрѣнія г. Энгельмейера имѣетъ глубокое основаніе какъ въ человѣкѣ, просвѣщенномъ знаніемъ, такъ и въ искренности человѣческаго чувства самаго темнаго-претемнаго простолюдина: одинаковая скорбь о рабствѣ человѣка, одинаковая жажда независимости и одинаковая цѣль въ примѣненіи къ жизни знанія. И несмотря на то, что свою восторженную рѣчь о пророческихъ мысляхъ Аристотеля г. Энгельмейеръ оканчиваетъ сожалѣніемъ о томъ, что осуществленія этихъ мыслей мы только «увы! все еще ожидаемъ»,—его маленькая книжка даетъ уже намъ такую массу радужныхъ надеждъ, которую мы даже и подозрѣвать не могли.

Конечно, купонъ будетъ уничтоженъ, но не такъ чтобы ужъ очень скоро. Напротивъ, въ его біографіи будутъ еще небывало блестящія страницы. «Въ проходномъ ряду *вѣтромъ торговалъ!*»—помнится мнѣ шутовская фраза балаганнаго шута и помнится, какъ казалась смѣшна эта фигура торгующаго вѣтромъ человѣка; теперь же брошюра г. Энгельмейера неопровержимо доказываетъ намъ, что въ ближайшемъ будущемъ торговля вѣтромъ будетъ практиковаться самымъ подлиннымъ образомъ, что будутъ вѣтряные собственники, арендаторы, контракты, процессы,—словомъ, будетъ все, что̀ теперь окружаетъ слово *товаръ*. Во время крестовыхъ походовъ, когда была выдумана вѣтряная мельница, ужъ былъ, по словамъ г. Энгельмейера (стр. 17), вопросъ о томъ, «кому долженъ принадлежать вѣтеръ: дворянству, духовенству или коронѣ? и какая изъ предержащихъ властей въ правѣ наложить *налогъ на вѣтеръ?*» Если купонное око не проглядѣло хорошаго товара въ такое многосложное время, какъ крестовые походы, то уже теперь-то оно никоимъ образомъ этого драгоцѣннѣйшаго товара не проглядитъ. Все, что̀ толчется, живетъ, пьетъ и ѣстъ во-

кругъ всякихъ «операцій»—все должно сильно поживиться около «торговли вѣтромъ въ проходномъ ряду».

4.

Путь, по которому знаніе ведетъ всѣхъ насъ, горемычныхъ, къ такому свѣтлому будущему, очерченъ г. Энгельмейеромъ съ полною точностью и основательностью. Перескажу его въ самыхъ общихъ чертахъ, твердо вѣря, что тотъ, кто заинтересуется затронутыми г. Энгельмейеромъ вопросами, непремѣнно самъ обратится къ его брошюрѣ.

Промышленный переворотъ конца прошлаго вѣка, породившій крупную фабричную промышленность, объясняется двумя важнѣйшими техническими усовершенствованіями:

1) изобрѣтеніемъ машинъ-*орудій*, замѣняющихъ ловкость человѣка въ работѣ, и

2) изобрѣтеніемъ машинъ-*двигателей*, замѣняющихъ силу человѣка.

Коренной переворотъ произошелъ только послѣ *одновременнаго* введенія какъ болѣе усовершенствованныхъ рабочихъ орудій, такъ и болѣе сильныхъ двигателей. «Не то важно,—говоритъ г. Энгельмейеръ (стр. 10), дѣлая возраженіе на нѣкоторыя замѣчанія К. Маркса:—что совершенствованіе прежде коснулось машинъ-*орудій*, а потомъ машинъ-*двигателей*, а то важно, что оно коснулось ихъ обоихъ. Если бы у насъ были всѣ эти прядильныя, ткацкія и другія машины-*орудія*, но не было бы универсальнаго парового двигателя, а мы продолжали бы приводить ихъ (машины-орудія) въ дѣйствіе силою человѣка и животныхъ, или вѣтра и воды, то все-таки не было бы у насъ фабрики и крупной промышленности. Появляется же послѣдняя только тогда и лишь потому, что сама *сила* (приводящая въ движеніе паровикъ) *подпала вполнѣ подъ нашъ произволъ;* что мы съ одинаковой легкостью управляемъ какъ маленькимъ локомобилемъ, такъ и огромнымъ двигателемъ въ нѣсколько тысячъ лошадиныхъ силъ, и что *со своимъ источникомъ этой силы можемъ перемѣщаться и основываться гдѣ угодно* (11) и гдѣ, конечно, выгодно».

Паровой двигатель сдѣлалось возможнымъ ставить по произволу тамъ, гдѣ это было выгодно и удобно, гдѣ дешевъ подлежащій обработкѣ матеріалъ и гдѣ дешевъ мужикъ съ бабой. Вѣтрянка не будетъ работать, когда нѣтъ вѣтра, и можетъ поставить населеніе въ невозможность удовлетворить самую насущную потребность «ѣсть хлѣбъ»;

паровой же двигатель можетъ молоть, не боясь никакихъ неожиданныхъ случайностей природы, можетъ работать день и ночь. Ни вѣтру, ни бабьему станку, приводимому въ дѣйствіе бабьей же ногой, конечно, не было уже возможности поровняться или побороться съ этой неустанно проявляемой силой машины-*двигателя*.

Но чтобы машина-*двигатель* была дѣйствительно въ движеніи и была бы «не простымъ сочетаніемъ ея желѣзныхъ членовъ», а дѣйствительно передавала бы силу машинѣ-*орудію*,—необходимо, чтобы эта сила находилась въ самой паровой машинѣ. «Если мы спросимъ, откуда эта сила берется въ самой паровой машинѣ, то отвѣтъ будетъ ясенъ: изъ воды и топлива. Но вода, въ свою очередь, играетъ роль промежуточнаго, передаточнаго органа: ея паръ дѣйствуетъ только какъ пружина, которой упругость мы увеличиваемъ нагрѣваніемъ насчетъ теплоты, разливаемой топливомъ. Значитъ, если паровой двигатель и получилъ все свое значеніе благодаря своей универсальности, то *причину этой универсальности надобно искать въ свойствахъ топлива*, такъ какъ сама паровая машина есть *не болье, какъ приспособленіе для того, чтобы эксплоатировать силу*, заключенную въ топливѣ».

Такимъ образомъ оказывается, что корень переворота заключается въ открытіи *силы*, заключающейся въ топливѣ и проявляющейся вездѣ, всегда и въ такихъ количествахъ, какое къ тому потребуется — если есть налицо необходимое количество топлива, скрывающаго въ себѣ эту силу. Безъ этой освобожденной изъ топлива силы, всѣ эти желѣзныя выдумки, машины-*орудія*, машины-*двигатели*, стояли бы бездыханными мертвецами, простыми «сочетаніями желѣзныхъ членовъ». Такой источникъ этой силы и, сталобыть, источникъ всего переворота найденъ былъ въ каменномъ углѣ, «*универсальномъ источникѣ силы современной промышленности*» (стр. 12). «Каменный уголь удобенъ для храненія и перевозки на значительныя разстоянія. Въ его черныхъ глыбахъ хранится запасъ силы и разсылается отъ мѣсторожденій на многія тысячи верстъ, гдѣ въ этой силѣ нуждаются. Сохраняетъ онъ этотъ драгоцѣнный запасъ, этотъ зарядъ свой, многіе годы, не требуя ухода и преспокойно лежа въ кучахъ, и наконецъ отдаетъ эту силу безъ сопротивленія, стóитъ его только зажечь» (стр. 12).

Вотъ какое благополучіе свалилось по Божьему произволенію на счастливаго обладателя купона! Дана ему въ пол-

ное распоряженіе не случайная какая-нибудь сила животнаго, воды или вѣтра, — а вѣчная, неизмѣнная, увеличиваемая и уменьшаемая по произволу «сила солнечнаго луча» — сила, употребляемая тамъ, гдѣ надо, гдѣ удобно, когда надо и когда удобно. Получивъ этотъ драгоцѣнный даръ, господинъ купонъ получилъ и возможность повелѣвать этой силой, заточивъ ее въ машину-двигатель, а соединя этотъ неустанный двигатель съ машиною-орудіемъ, онъ замѣнилъ устающія руки человѣческія желѣзными не устающими руками, не покладающими своихъ желѣзныхъ пальцевъ ни на одно мгновеніе!

5.

Всѣ трудящіеся люди, *своими руками* дѣлавшіе гвоздь, замо̀къ, холстъ и т. д., всѣ поголовно должны были прекратить свой домашній трудъ. На нихъ понесло съ фабрики и гвоздями, и холстами, и замка̀ми, и сукнами—точно снѣгомъ; все стало дѣлаться лучше, а ужъ о дешевизнѣ и говорить нечего. Въ три года все полчище деревенскихъ бабъ—душъ въ триста—не наткетъ такого количества холста, которое фабрика «выброситъ» въ одну минуту, и не на одну какую-нибудь деревню въ триста бабьихъ душъ, а на триста деревень, съ несмѣтнымъ множествомъ душъ всякаго пола и возраста. Сидѣть за станкомъ годъ, чтобы наткать на одну рубаху, глупо и обидно; рубаха сто̀итъ всего три гривенника—только надо добыть этотъ гривенникъ, эту кругленькую штучку, которую стали требовать, если хочешь получить холста, не сидя за станкомъ. Но эти кругленькія штучки и стала давать та же фабрика; оторванная ею отъ своего станка женщина-хозяйка стала у чужого станка простой работницей.

А когда и мужики и молодые парни стали уходить изъ дому, бросать свою домашнюю работу изъ-за кругленькихъ кружочковъ, уходить, потому что на кругленькіе кружочки и дешевле и лучше купишь замо̀къ и гвоздь,—то темный-претемный дядя Софронъ не могъ уже не видѣть опять съ поразительной ясностью, что антихристъ народился окончательно. Все стало дешевле, красивѣе, лучше — и гвоздь, и холстъ, и сукно, и замо̀къ—и деньги на все это даютъ; но баба уходитъ отъ дѣтей, сынъ отъ отца, мужъ отъ жены, а дѣвушки, которымъ надо бы быть матерями, хозяйками, родятъ въ канавахъ и на задворкахъ, бросаютъ дѣтей и гибнутъ сами, а иныя такъ родятъ и еще хвастаются:

«коли всѣ, говорятъ, *будутъ постить, такъ некого будетъ и крестить»*. Развѣ это не антихристовы дѣла? Вотъ подъ всѣми-то этими впечатлѣніями и возмечталъ нашъ темный-претемный «механикъ-самоучка» перехитрить антихристовы выдумки. «Топливо»—не будь каменнаго угля—онъ, механикъ, все-таки бы могъ раздобыть въ значительномъ количествѣ: стоитъ только угостить лѣсника Кубышкина—«и руби въ господскомъ лѣсу сколько влѣзетъ!» Эту силу онъ раздобудетъ хоть и воровскимъ манеромъ; но вотъ дѣвать-то ее некуда—нѣтъ у него никакой возможности устроить на своемъ дворѣ паровую машину, машину-двигатель, а не будетъ машина «двигать» бабій станокъ, баба не усидитъ на ручной работѣ, уйдетъ на фабрику; а онъ не хочетъ ее пускать, хочетъ, чтобы она была дома, но чтобы ей не сидѣть цѣлую зиму за тремя аршинами... Взять силу лошадиную — кормить ее надо овсомъ, а это дороже каменнаго угля. Слѣдовательно, чтобы не бросать дома, чтобы не идти на фабрику, чтобы не губить женъ и сестеръ и не бросать въ пустомъ домѣ дѣтей, надобно *выдумать* такого *домашняго пособника,* который бы, во-первыхъ, *ничего не стоилъ*, былъ бы совсѣмъ даровой, дѣйствовалъ самъ собой, безъ топлива или овса, и, во-вторыхъ, надобно, чтобы при помощи этого пособника былъ *облегченъ домашній трудъ* во всѣхъ домашнихъ подѣлкахъ. Долженъ быть этотъ домашній пособникъ тутъ же на дворѣ, подъ сараемъ; какъ понадобилось ткать, «пошелъ въ сарай, снялъ съ крюка веревку, отцѣпилъ *его*»—и станокъ застучалъ, а баба только посматриваетъ и ребенка кормитъ. Пришло время спать,—опять пошелъ въ сарай, зацѣпилъ веревку на крючокъ, и стала машина. Надо молотить — опять отцѣпилъ и пригналъ пособника къ цѣпу; надо масло бить—пригналъ пособника къ маслобойкѣ. А когда не надо—взялъ да опять веревку зацѣпилъ на крючокъ, «анъ она и стала». Такъ «она» и стоитъ недвижимо, пока не надо, а какъ надо, такъ и пошла. Такимъ родомъ въ дому будетъ все честно-благородно, у всѣхъ будетъ дѣло легкое, не каторжное, бабы будутъ больше пѣсенъ пѣть, чаще Богу молиться, а не ругаться со зла, съ бѣдности и устали.

Такъ мечталъ бѣдный, чувствительный Мишанька, самоучка-механикъ, огорченный антихристовыми поступками, разстраивающими всѣ его нравственныя связи съ своими близкими и дѣлающими чьимъ-то рабомъ и невольникомъ. И долго мучительно бился онъ надъ своимъ «вѣчнымъ дви-

гателемъ», всякій разъ оканчивая дѣло домомъ умалишенныхъ. Но такъ какъ въ его мечтаніяхъ говорила чистая мысль человѣческая, исходившая изъ чистаго и любящаго сердца, то онъ и былъ совершенно правъ въ своихъ мечтаніяхъ. *Какъ онъ думалъ, такъ теперь все и сбывается на дѣлѣ, слово въ слово.*

Во-первыхъ, будетъ у него въ домѣ тотъ самый *домашній пособникъ*, о которомъ онъ мечталъ и который недвижимо будетъ стоять въ сараѣ до тѣхъ поръ, пока «не потребуется».

Во-вторыхъ, будетъ этотъ пособникъ жить *безъ всякаго корма:* безъ дровъ, безъ овса, безъ паровъ, безъ каменнаго угля.

И, въ-третьихъ, будетъ этотъ домашній работникъ работать безъ участія паровой машины, которой со временемъ такъ же придется исчезнуть съ лица земли, какъ и самому г. купону.

Стало-быть, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

6.

«Домашній пособникъ», о которомъ мечталъ механикъ-самоучка, огорченный антихристовыми неправдами, желающій жить по-божески—на техническомъ языкѣ называется «*аккумуляторъ*». Чтобы несвѣдущій читатель сразу понялъ секретъ и смыслъ этой выдумки, я привожу изъ брошюры г. Энгельмейера самое простѣйшее изъ объясненій,—карманные часы. «Когда мы заводимъ часы ключикомъ, то при каждомъ его поворотѣ мы совершаемъ нѣкоторую мускульную работу; эту мускульную работу *вбираетъ въ себя* та пружина, которую стягиваютъ обороты ключика, и затѣмъ, въ теченіе сутокъ, стянутая пружина постепенно освобождаетъ эту скрытую сю нашу силу: въ теченіе сутокъ часы ходятъ только вслѣдствіе нашей мускульной силы, истраченной на обороты ключика». Если же такая маленькая пружинка, какъ часовая, можетъ сохранять ничтожное количество мускульной силы, затраченной на то, чтобы ее завести, то такимъ же образомъ можетъ быть сохранена и затрата мускульной силы гораздо бóльшихъ размѣровъ, а стало-быть, и всякой силы вообще — силы вѣтра, воды. Аккумуляторъ есть такимъ образомъ аппаратъ, умѣющій сохранить въ себѣ силу, введенную въ него извнѣ какимъ бы то ни было образомъ и способомъ. Кромѣ того, что аккумуляторъ сохраняетъ эту силу, онъ позволяетъ пере-

носить и перевозить эту силу, куда понадобится, по произволу, можетъ прекращать ея дѣйствіе и можетъ возобновлять ее.

Хотя, по словамъ г. Энгельмейера (стр. 40), «*передача силы путемъ развозки въ аккумуляторахъ* еще не вышла изъ сферы опытовъ», но намъ, чернорабочимъ, радостно знать и о тѣхъ опытахъ, которые дѣлаются и которые, несомнѣнно, доказываютъ, что въ концѣ концовъ они увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Не диво ли, въ самомъ дѣлѣ, если близится къ осуществленію слѣдующій удивительный проектъ: «источникъ *природной* силы соединяется съ мѣстами потребленія этой силы (т.-е. пока съ нынѣшними фабриками) легкой постройки желѣзными дорогами, т.-е. въ видѣ укрѣпленнаго на столбахъ рельса или даже проволоки. По рельсу ходятъ особые вагончики съ аккумуляторами: къ потребителямъ аккумуляторы идутъ заряженные, т.-е. наполненные силой, а возвращаются разряженными, *такъ сказать, пустой посудой.* Перевозка эта *возможна даже безъ участія прислуги*, а для движенія назначаются нѣсколько изъ тѣхъ же аккумуляторовъ» (41).

Сравнивъ существующія системы аккумуляторовъ «по ихъ способности къ запасанію силы», авторъ брошюры говоритъ, что дѣло техника въ этомъ отношеніи состоитъ теперь въ томъ, «чтобы выработать такіе типы аккумуляторовъ, которые бы по удобству пользованія ими можно было приравнять *къ природному аккумулятору—каменному углю*» (37). «Самые пріемы *уловленія силъ уже почти не требуютъ улучшенія!*» (стр. 37). Итакъ, уже найдено возможнымъ уловлять силы, сохранять ихъ въ аккумуляторахъ, переносить, перевозить, пускать въ ходъ, когда и гдѣ надо. Но, говоритъ авторъ (и, къ удивленію, находитъ возможнымъ прибавить къ этому «но» прискорбнѣйшее «увы!»), мечта о томъ, чтобы такіе искусственные аккумуляторы поровнялись въ качествѣ съ природнымъ аккумуляторомъ—каменнымъ углемъ,—вотъ этого-то—*увы! увы!*—еще не достигнуто въ настоящее время!!

Какія же такія силы, равносильныя силѣ солнечнаго луча, таящагося въ каменномъ углѣ, научила насъ наука улавливать въ настоящее время?

«Разъ мы будемъ имѣть такіе аккумуляторы (удобные для переноски, перевозки, терпѣливые и невредимые долгіе годы, какъ каменный уголь), и наша власть надъ силами природы значительно расширится: мы будемъ улавливать и

запасать въ аккумуляторѣ (какъ въ кускѣ каменнаго угля) солнечный лучъ, вѣтеръ, морской прибой и всякія другія силы; *мы будемъ хранить эти запасы и расходовать ихъ по усмотрѣнію*» (стр. 37).

Но и этого мало. Уже достигнута не только возможность *улавливанія* силъ природы, не только возможность сохраненія ихъ «въ посудѣ» (стр. 40), но и возможность передачи этихъ уловленныхъ силъ на большомъ разстояніи отъ силового центра иными, болѣе доступными и простыми способами.

На страничкѣ 39-ой читаемъ:

«*Электрическая передача работы* составляетъ теперь истинную злобу дня. Вкратцѣ всякая электрическая *передача работы* состоитъ изъ слѣдующихъ степеней: имѣется какой-нибудь источникъ силы—вода, паръ, газовый двигатель (а теперь солнечный лучъ, вѣтеръ, морской прибой), который вращаетъ динамо-машину. При этомъ механическая работа (1-я степень) превращается (2-я степень) въ электрическій токъ, который (3-я степень) передается по двумъ проволокамъ (для прямого и обратнаго тока) къ мѣсту назначенія. Здѣсь (4-я степень) этотъ токъ принимается одною или нѣсколькими динамо-машинами, которыя вращаются, при чемъ электричество обратно превращается (5-я степень) опять въ механическую работу» (39).

Опыты передачи силъ изъ источника ихъ на разстояніе были, между прочимъ, произведены на разстояніи 56 верстъ между Парижемъ и станціею Сѣверной жел. дор. Крейль. Сила около 80 паровыхъ лошадей, развиваемая въ Крейлѣ паровымъ двигателемъ, дошла по проволокѣ до Парижа въ размѣрѣ 65 проц., т.-е. 52 лошадиныхъ силъ. «Хотя потери въ работѣ,—говоритъ г. Энгельмейеръ:—все еще велики, но *вѣдь если мы располагаемъ даровой силой природы* (а мы ею уже располагаемъ), *то потери эти теряютъ значеніе, а то-то и важно*» (стр. 40).

«Если мы имѣемъ,—продолжаетъ авторъ:—въ какомъ-нибудь мѣстѣ, положимъ, водопадъ, или просто устроили плотину, если *улавливаемъ* силу паденія воды и съ помощью аккумуляціи и канализаціи (передачи по проволокѣ) *раздаемъ* ее (силу паденія воды или вѣтра) въ разныя мѣста потребленія, то въ предѣлахъ окружности радіусомъ въ 20 верстъ мелкая промышленность (кустарь) получитъ болѣе дешевую силу, чѣмъ теперь съ паровой машиной».

7.

Изложивъ все, что добыто техникою по части аккумуляціи и передачи работы даровыхъ природныхъ силъ, авторъ рисуетъ наше недалекое будущее въ такихъ очертаніяхъ:

«Передъ нами развертывается слѣдующая картина: на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бушуетъ какая-нибудь стихійная сила, по берегамъ рѣкъ, морей или на открытыхъ вѣтрамъ возвышенностяхъ, воздвигаются особыя учрежденія, которыя улавливаютъ мѣстную *своевольную силу* природы и превращаютъ ее въ размѣренные и послушные заряды аккумуляторовъ. Каждый такой *силовой центръ* окруженъ потребителями силы, т.-е. производителями всякаго рода, и соединенъ съ ними цѣлою сѣтью путей (проволокъ), *по которымъ производится раздача силы*» (43).

Прямой логическій результатъ устройства *силовыхъ центровъ* неминуемо долженъ выразиться въ томъ, что *каждый ремесленникъ можетъ получить нужную ему часть движущей силы*. Мелкая промышленность первая обратится къ *новой силѣ* и, располагая болѣе, чѣмъ теперь, дешевою силою, будетъ развиваться. Развиваясь, она будетъ оспаривать рынокъ у крупной промышленности, и тогда крупная промышленность, оставшись при паровой машинѣ, особенно вдали отъ силовыхъ центровъ, окажется въ слѣдующемъ положеніи: съ одной стороны, уменьшится сбытъ фабриката, съ другой — увеличится цѣна на каменный уголь, то-есть вздорожаетъ фабрикація. А это и ее заставитъ обратиться къ *новой силѣ* (стр. 47), то-есть стать на одну доску съ мелкимъ ремесленникомъ—чего именно теперь-то и нѣтъ: у крупнаго промышленника есть такая могучая сила, какъ каменный уголь и паровой двигатель, а у ремесленника только руки, жена и пятеро дѣтей малъ мала меньше. Тогда же и у ремесленника будутъ не однѣ руки, а та самая могучая сила, какая и у фабриканта, и нетрудно представить, что мелкій ремесленникъ скоро быстро размножитъ свои маленькія мастерскія и заполонитъ рынокъ своими издѣліями.

Такимъ образомъ сбывается тайное желаніе всякаго чернорабочаго, всякаго кустаря, всякой деревенской бабы, бьющейся за станкомъ всю зиму. Сбываются несбывшіяся мечтанія механика-самоучки: у него будетъ наконецъ стоять въ сараѣ та самая сила, о которой онъ мечталъ и которая поможетъ ему, его женѣ и его семьѣ не выводить

себя и не выходить на продажу. Сбываются почти фантастическія мечтанія древняго философа, мечтавшаго о томъ, чтобы инструментъ работалъ самъ собой по приказанію и *даже предчувствію* человѣка. Сбываются тайные, глубоко выстраданные идеалы людей, скорбѣвшихъ о порабощеніи человѣка. Г. Энгельмейеръ приводитъ слова одного изъ такихъ *гуманнѣйшихъ* техническихъ авторитетовъ, Ф. Рело, давнымъ-давно запечалившагося о положеніи рабочаго и крѣпко надѣявшагося, «что мелкій ткачъ былъ бы освобожденъ отъ перевѣса капитала, если бы мы могли ему дать для его станка нужную ему часть движущей силы». Все, слава Богу, понемногу сбывается.

Но...

8.

Но, хоть сбудется все это непремѣнно, только прежде чѣмъ сбудется — купонъ натворитъ еще пропасть всякаго грѣха.

Какъ только объявится гдѣ-нибудь одинъ «*силовой центръ*» и какъ только хоть одинъ купонникъ наживетъ «на вѣтру» рубль серебромъ—тотчасъ же въ купонномъ мірѣ начнется неистовое ликованіе. «Можно торговать... вѣтромъ!» Да чего же лучше? Все, что торгуетъ сивухой, желѣзомъ, каменнымъ углемъ, ситцемъ — все полѣзетъ на «возвышенныя мѣста», выправитъ патенты, станетъ арендовать «у господъ» вѣтряные бугры, откупать у «общества» вѣтры, заведетъ вѣтряные процессы, а также и поддѣлку аккумуляторовъ. И ужъ поживетъ купонникъ въ свое удовольствіе! Поживетъ и помѣщикъ, отдавшій въ аренду свой вѣтряной бугоръ, и адвокатъ, взыскавшій «съ обчества» крестьянъ деревни Горѣловой, также отдавшихъ въ аренду свои вѣтряныя мѣста и не оправдавшихъ контракта, такъ какъ цѣлый годъ никакихъ вѣтровъ на арендованномъ мѣстѣ не случилось, — всѣ поживутъ въ полное свое удовольствіе! Драки даже у вѣтряныхъ агентовъ и арендаторовъ будутъ происходить въ воздушныхъ пространствахъ, и дѣла объ этихъ дракахъ будутъ разбираться въ мировыхъ учрежденіяхъ. Будутъ происходить описи крестьянскаго имущества за невзносъ «вѣтряныхъ», и будутъ сѣчь въ волостномъ правленіи за недоимку также «по вѣтряной части». Ребятишкамъ строжайше будетъ запрещено ставить на крышахъ вертушки и строить весной на ручьяхъ мельницы, а за нарушеніе будутъ брать штрафы. Староста опять будетъ

проклинать свою жизнь, оттого что пришло еще новое мученіе: кромѣ земскихъ, дорожныхъ, казенныхъ, поземельныхъ, страховыхъ и иныхъ сборовъ, надо еще выколачивать «вѣтряные»...

Все будетъ! Но непремѣнно будетъ и другое.

Именно потому, что вѣтеръ станетъ *товаромъ*, кулачишка, арендовавшій «вѣтры» у помѣщика Ароматова, будетъ всячески распространять свой товаръ, какъ онъ теперь распространяетъ свой товаръ—сивуху. Будетъ «довѣрять» въ долгъ, усовѣститъ бабу не жалѣть денегъ провести проволочку и разлакомитъ ее аккумуляторомъ, какъ теперь разлакомливаетъ ее ситчикомъ съ живописнымъ рисункомъ. И такъ ли, сякъ ли проволочка эта проткнется сквозь стѣну мужицкой избы, такъ ли, сякъ ли познакомитъ человѣка съ облегченнымъ трудомъ, съ правомъ дать отдохнуть и тѣлу и душѣ. И какъ только «на людяхъ» поймутъ, что это дѣло хорошее, такъ и завалятъ «арендателя» *силового* центра купонами. Завалятъ его, какъ снѣгомъ, нанесутъ на него цѣлый сугробъ купоновъ и доведутъ его до того, что онъ прямо погибнетъ подъ тяжестью этого сугроба. У него такъ будетъ всего много, и притомъ такъ все это задаромъ, что онъ перестанетъ думать, желать и долженъ просто-таки исчезнуть съ лица земли, «помереть» отъ объяденія и пьянства, безъ покаянія и безъ причастія: не все коту будетъ масленица!

РАННІЕ РАЗСКАЗЫ.

«Неизвѣстный».

Очеркъ.

1.

Всякій, кому когда-нибудь приходилось пробѣгать страницы иностранныхъ и отечественныхъ драмъ, трагическихъ романовъ и романическихъ трагедій, безъ сомнѣнія, помнитъ загадочную фигуру *Неизвѣстнаго*, не имѣя никакой возможности сообразить, къ какому сорту людей принадлежитъ эта фигура. Неожиданное появленіе, таинственный видъ, гробовой голосъ, меланхолическая драпировка испанскимъ плащомъ, который, вмѣстѣ съ широкополой шляпой, надвинутой на глаза, такъ укутываютъ неизвѣстнаго, что зрителю виденъ только энергическій носъ и единственный грандіозный усъ, смотрящій вверхъ, къ небу, наконецъ рука, медленно высовывающаяся изъ складокъ плаща и указывающая сначала въ полъ, а потомъ, при концѣ монолога, въ потолокъ, т.-е. на небо, которое призывается сюда покарать неправое дѣло, — все это ставитъ неизвѣстнаго особнякомъ отъ людей, встрѣчающихся въ обыденной жизни, и совершенно туманитъ читателя или зрителя, если тотъ ищетъ въ пьесѣ не запутанности и неожиданности въ завязкѣ и развязкѣ, а живыхъ людей. Глядя на эту закутанную фигуру, рѣшительно невозможно допустить ни одного изъ вопросовъ, которые сами собою рождаются при взглядѣ на личность невыдуманную: что̀ это за человѣкъ? гдѣ родятся такіе люди и чѣмъ живутъ они? Ни фразы, которыя изрекаетъ таинственный незнакомецъ, ни его въ высшей степени злыя или въ высшей степени добрыя дѣла не помогутъ читателю рѣшить этихъ вопросовъ, а

скорѣе оттолкнутъ его отъ этой фигуры, какъ отъ пошлой и тупой выдумки, заставятъ рѣшить, что нѣтъ такихъ людей и быть не можетъ. Заключеніе ошибочное, потому что неизвѣстные существуютъ, и въ огромномъ количествѣ, самыхъ разнообразныхъ красокъ и шерстей. Не существуй они, и поэтъ и *сочинитель* не выдумалъ бы и тѣхъ уродовъ, которые пугаютъ зрителей и читателей одною уже своею внѣшностью. Попробуйте разоблачить въ неизвѣстномъ всякую таинственную мишуру, сдерните съ него этотъ плащъ и эту шляпу, и вы увидите, что онъ самъ откажется отъ своихъ гремучихъ и витіеватыхъ фразъ, отъ своего незавиднаго положенія скитаться изъ одной драмы въ другую; вы увидите на немъ прорванный подъ мышками и на локтяхъ сюртукъ, съ остатками мѣлу на спинѣ, разодранный козырекъ у картуза, двѣ недѣли небритую голову и носъ, какой Богъ далъ, иногда вовсе не энергическій, потому что шрамъ, который видите вы на немъ, ясно доказываетъ неустойку его въ борьбѣ съ тротуарной тумбой. Ни въ какія добрыя или злыя дѣла, ни въ какія чужія трагедіи и драмы этотъ неизвѣстный не рѣшается показывать своего носа, хорошо зная, что въ обыденной жизни драмы оканчиваются кварталомъ и подачею прошенія на гербовой бумагѣ въ разныя высшія инстанціи, при чемъ неизвѣстнаго могутъ прицѣпить къ дѣлу, — и тогда скоро не отвертишься. Поэтому неизвѣстный появляется не съ какими-нибудь невѣроятными требованіями, не съ ужасающими пріемами и фразами, — а скромно, потихоньку, по возможности подъ вечеръ: онъ не надвигаетъ своего картуза на глаза, но почтительно снимаетъ его и, держа его около уха, не гробовымъ, а простуженнымъ голосомъ произноситъ:

— Милостивый государь! Гдѣ вы посовѣтуете мнѣ ночевать? Т.-е.: «Ради Бога,—дайте мнѣ хоть что-нибудь, потому что я нагъ, босъ, голоденъ и безъ пристанища. Но я не говорю вамъ этого прямо и выражаюсь театральной фразой потому, что я изъ благородныхъ... Да! я благородный, милостивый государь!..»

Словомъ, вы увидите вовсе не загадочную фигуру, въ которой сходятся высшія точки добра и зла, — а простонапросто *пустой желудокъ,* который тащитъ за собою все существо незнакомца и подвергаетъ его множеству неожиданныхъ столкновеній, большинство которыхъ не обходится безъ ущерба для него. Поэтъ, или вообще сочинитель, не

разглядѣлъ этого; онъ подхватилъ на свою удочку только пейзажную, такъ сказать, сторону этой фигуры, т.-е. кажущуюся безпричинность появленія; тотчасъ сообразилъ, что эта неожиданная нелѣпость можетъ съ успѣхомъ пригодиться для потрясенія сердецъ высокопочтеннѣйшей публики, не долго думая, нарядилъ этого несчастнаго человѣка въ уродскій костюмъ, закуталъ въ огромныхъ полахъ испанскаго плаща свое неумѣніе сладить съ задачей и свое больное воображеніе, нахлобучилъ на глаза шапку и выпихнулъ на сцену, пріятно созерцая вытянутыя и недоумѣвающія физіономіи зрителей. А пустой желудокъ, или тотъ же неизвѣстный, продолжалъ, попрежнему незамѣченнымъ, проскользать подъ самымъ носомъ у растроганнаго зрителя, являясь или на тротуарѣ, съ просьбою о ночлегѣ, т.-е. въ самомъ послѣднемъ градусѣ неизвѣстности, или только въ видѣ вруна, еще нерѣшительнаго въ своемъ враньѣ, безъ котораго, впрочемъ, существованіе его уже невозможно. Пустой желудокъ сказывался ему во множествѣ этихъ непризнанныхъ художниковъ, поэтовъ, слоняющихся съ какимъ-нибудь недоконченнымъ эскизомъ или куплетомъ, который, по ихъ понятію, долженъ когда-нибудь обратить на нихъ всѣ, теперь пренебрегающіе ими взоры; являлся въ видѣ многаго множества юношей, не знающихъ, куда дѣть себя, которые, нищенствуя и терзаясь внутренней пустотой, убиваются надъ рѣшеніемъ высокихъ *философскихъ* вопросовъ, въ родѣ: что̀ такое жизнь? зачѣмъ она?—и вмѣстѣ съ тѣмъ тащутъ съ собою въ бездну погибели булочниковъ, вѣрившихъ въ кредитъ, квартирныхъ хозяевъ и проч., такъ что все ихъ ежеминутное терзаніе со стороны принимаетъ довольно комическій видъ. Вообще неизвѣстный проявляется въ каждой фигурѣ того огромнаго класса людей, у которыхъ, вслѣдствіе безчисленныхъ обезсиливающихъ обстоятельствъ, отнята всякая возможность жить такъ, какъ хочешь, не дѣлаясь при этомъ человѣкомъ лишнимъ и паразитомъ. Выставляя этотъ самый замѣтный признакъ, по которому узнаётся неизвѣстный, въ какомъ бы видѣ ни явился онъ, какъ бы онъ ни старался загородить, задрапировать себя, — мы, хоть даже во имя этого признака, хотимъ узнать подробно всѣ уничтожающія полезную дѣятельность причины.

Начинаемъ съ провинціи, гдѣ вѣковѣчная тихость нравовъ не доводитъ неизвѣстнаго до ужасающихъ картинъ столичнаго нищенства. Наудачу беремъ самую трогательную.

2.

Подъ вечеръ, въ небольшой, но опрятно убранной комнаткѣ въ г. N.. сидитъ у раскрытаго окна довольно флегматическій господинъ, вѣчный холостякъ, и соображаетъ, о чемъ бы подумать? Думалъ онъ о жарѣ, мучившей цѣлый день, думалъ о томъ, что теперь настало такое сухое время, когда ни думать ни говорить рѣшительно не о чемъ. Что бы еще? Думаетъ онъ такъ, покуриваетъ не спѣша трубку, вздыхаетъ... Вдругъ изъ-за угла вырывается извозчикъ съ сѣдокомъ, огибаетъ уголъ дома съ другой стороны и останавливается у подъѣзда. — «Кто бы это?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ дверяхъ является какой-то совершенно незнакомый гость: онъ торопливо сбрасываетъ съ плечъ полинялую люстриновую тальму, перекидываетъ ее черезъ руку и, остановившись передъ хозяиномъ, произноситъ:

— Если не ошибаюсь, г. Хрущовъ?

— Я-съ!.. — говоритъ хозяинъ.

Гость дѣлаетъ шагъ впередъ и, сжимая руку хозяина, продолжаетъ...

— Если помните — Бабковъ...

Недоумѣвающій взглядъ хозяина заставилъ гостя сдѣлать о себѣ еще болѣе точное напоминаніе.

— У Кузьмы Данилыча? въ деревнѣ? на обѣдѣ?.. Помните?.. — прибавляетъ Бабковъ, не выпуская руку хозяина.

— А-а... Помню-съ.

Тутъ только хозяинъ дѣйствительно вспоминаетъ физіономію гостя, вспоминаетъ онъ, что видѣлъ его какъ-то мелькомъ на деревенскомъ обѣдѣ Кузьмы Данилыча и не обратилъ на него никакого вниманія: фигура Бабкова мелькала тамъ какимъ-то метеоромъ, то тамъ, то сямъ, не обращая на себя ничьихъ взглядовъ. Едва ли даже и самъ хозяинъ обѣда зналъ, кто такой этотъ Бабковъ. Но г. Бабковъ, кажется, не обращалъ на это никакого вниманія и вмѣстѣ съ другими подходилъ къ закускѣ, вѣжливо проталкиваясь впередъ плечомъ и говоря при этомъ: «Па-азвольте, сдѣлайте а-адалженіе... Благодарю васъ!..» Хозяинъ вспоминаетъ, какъ, по окончаніи торжества у Кузьмы Данилыча, Бабковъ приставалъ къ одному изъ гостей, увѣряя, что «намъ съ вами по дорогѣ», и какъ гость всѣми силами старался отклонить желаніе Бабкова ѣхать вмѣстѣ. Между прочимъ, почему-то вспомнился случай, происшедшій тутъ же у Кузьмы Данилыча, и именно: пропажа чьей-то сере-

бряной табакерки и проч. Всѣ эти воспоминанія о личности Бабкова были крайне невыгодны для него, ибо послѣ нихъ родилось въ головѣ хозяина слово: «прохвостъ» и чуть ли не жуликъ. Кромѣ того, хозяинъ положительно не понималъ причины его посѣщенія и рѣшился отдѣлаться отъ него по возможности скорѣе...

Между тѣмъ Бабковъ, надѣясь встрѣтить въ хозяинѣ доброту провинціала, предполагалъ распорядиться временемъ иначе. Онъ ждалъ, что хозяинъ скажетъ: «Ахъ, очень радъ, чаю не прикажете ли? водки?» — «Нѣтъ, я не... Впрочемъ, позвольте...»—«Да вы отпустите извозчика... Позвольте-ка, я велю ему отдать... Сколько ему?..» и т. д. Почти увѣренный въ такомъ веденіи дѣлъ, Бабковъ не спѣша повертываетъ кресло бокомъ къ хозяину, садится въ него, вытягиваетъ впередъ ноги, въ лаковыхъ ободранныхъ полусапожкахъ и въ какихъ-то жидкихъ, замасленныхъ панталонахъ, и, стаскивая широкую пропотѣвшую палевую перчатку, говоритъ:

— Я вамъ мѣшаю?..

— Ннѣтъ-съ... ничего...

Бабковъ швыряетъ перчатки въ бѣлый люстриновый картузъ, значительно запыленный сзади, расправляетъ свои жидкіе, но топырящіеся усы, кашляетъ слегка и ожидаетъ одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые были приведены выше. Но вопросовъ этихъ не слѣдуетъ. Бабковъ пробуетъ натолкнуть на нихъ и для этого, во-первыхъ, считаетъ нужнымъ подзадорить хозяина на разговоръ... Онъ заговариваетъ о провинціальной скукѣ, хвалитъ собаку хозяина, вспоминаетъ при этомъ множество чудовищныхъ исторій, въ которыхъ играли главную роль собаки, какъ его, Бабкова, собственная собака спасла ему жизнь... и проч. Хозяинъ произноситъ: «Гм»... «да»... «нѣтъ»... «не думаю» и проч., и убѣждается, что передъ нимъ дѣйствительный прохвостъ и пустомеля. Время между тѣмъ идетъ, и положеніе Бабкова дѣлается непріятнымъ: извозчику не заплачено; какихъ бы то ни было другихъ знакомыхъ, встрѣченныхъ хоть разъ въ жизни, не припомнитъ... Хозяинъ, видимо, съежился, заперся... Все это вмѣстѣ заставляетъ Бабкова принять усиленныя мѣры, поддать разговору игривости и клубнички, которую, сколько онъ помнитъ, провинціальные холостяки любятъ... Онъ поддаетъ и того и другого, помираетъ со смѣху, разсказывая пошлѣйшій анекдотъ, и уже окончательно надоѣдаетъ хозяину... «Однако порядочная скотина этотъ Хрущовъ», — рѣшаетъ онъ, и чтобъ хоть

чего-нибудь добиться, хоть рюмки водки (послѣ которой дѣло должно пойти живѣе), хоть даже вниманія и вѣжливости, которая придала бы посѣщенію форму визита одного благороднаго человѣка къ другому, тоже благородному человѣку, — остается одно — самому охладѣть, не лизаться къ хозяину, а обнаружить небрежность и проч. Безуспѣшно и это... Проклявъ въ душѣ наглость этого неповоротливаго мѣшка, къ которому судьба, какъ на смѣхъ, бросила его, онъ рѣшаетъ придать разговору такой тонъ, какъ будто ничего и не было непріятнаго. Молча выпускаетъ онъ изъ угла губъ струю дыма, который, проскользнувъ сквозь жидкій усъ, тянется въ сторону, — вздыхаетъ и говоритъ:

— Чтò это погода-то...

Говоритъ онъ это такъ, что нельзя разобрать: хороша погода или плоха. Дѣло въ томъ, что онъ желаетъ узнать, нравится ли погода хозяину или нѣтъ. Хозяинъ издаетъ какой-то звукъ; Бабковъ находитъ, что нравится, и прибавляетъ:

— Прелесть!

— Гаже подобной погоды я никогда ничего не могъ себѣ представить, — обрываетъ хозяинъ, не переставая смотрѣть въ окно.

— То-есть для хлѣбовъ, ваша правда, дѣйствительно нужно было бы дождя, — поправляется Бабковъ.

— Для хлѣбовъ теперь вовсе не нужно дождя... Теперь уборка...

— То-есть положимъ... Но все же, я думаю, маленькій... слегка...

— Ни капли...

— Впрочемъ, дѣйствительно... рабочая пора... Я съ вами совершенно согласенъ, дождь — помѣха, но для воздуха... для свѣжести.

Хозяинъ сознаётъ, что для свѣжести не мѣшало бы дождичку, но предпочитаетъ оставить гостя въ недоумѣніи, будучи убѣжденъ, что стòитъ только хоть разъ согласиться съ гостемъ, и тогда положительно невозможно будетъ выжить его изъ своихъ собесѣдниковъ. Бабковъ пускаетъ усиленный кушъ папироснаго дыма, сначала однимъ концомъ губъ, потомъ другимъ, и, поднявъ голову кверху, успѣваетъ пустить къ потолку тонсе колечко... Положеніе неловкое. Бабковъ начинаетъ чувствовать, что хозяиномъ замѣченъ его истасканный костюмъ, грязная рубашка со старинными отложными воротничками, короткіе рукава, за-

горѣлыя, худыя, длинныя и жилистыя руки, физіономію смятую и испитую, но желающую сохранить юношескую свѣжесть... Все, все замѣчено... Все противъ него. Онъ начинаетъ падать духомъ. Даже вздыхаетъ одинъ разъ, самымъ искреннимъ образомъ глядя на скаредную фигуру хозяина, который можетъ сейчасъ выгнать его, Бабкова, вонъ, ибо ни на волосъ не считаетъ его для себя нужнымъ и проч. и проч. Бабковъ терзался... Но когда передъ нимъ мелькнула въ сотый разъ та же беззаботность и полное пренебреженіе на лицѣ хозяина, та же неповоротливая спина, не желающая повернуться, исключительно изъ нежеланія измѣнить положеніе, не обращая вниманія, что тутъ человѣкъ, Бабковъ сразу почувствовалъ внутри себя нѣкоторую отвагу... гордость. У него родилось желаніе превратить это свиное спокойствіе въ ничто, въ прахъ, — унизить въ его глазахъ это дурацкое провинціальное спокойствіе, это грошовое довольство возможностью выкинуть за окно все, сколько-нибудь нарушающее болотное однообразіе провинціальной жизни. Бабковъ негодовалъ вполнѣ краснорѣчиво и пламенно. Онъ искалъ, чѣмъ бы посильнѣе двинуть въ эту неподвижную статую, чтобъ она разсыпалась въ дребезги, и не нашелъ ничего лучшаго, какъ небрежно сообщить, что недавно съ нимъ случилась *маленькая* непріятность, — именно: онъ проигралъ четыре тысячи рублей....

— Ого!—произнесъ хозяинъ, нисколько не опасаясь за эти тысячи.—Кушъ.

— Оно, видите ли, не то что кушъ...—вяло продолжалъ Бабковъ, смотря себѣ на ногти и не глядя на хозяина изъ нежеланія видѣть его побѣжденнымъ и испугавшимся изъ великодушія.—Не кушъ... Но время... Это главное...

— Конечно!..

— Я бы могъ сдѣлать оборотъ,—и у меня вотъ онъ, другой кушъ... Что прикажете дѣлать... Увлекся!.. Я, надо сказать, вообще не играю... то-есть, если хотите, я играю, напримѣръ, какъ и вы...

— Я не играю...

— То-есть... Ну да! и я не играю, если хотите... Но сравнительно...

— Никакъ не играю...

— «Что за дьяволъ?» Видите ли, проиграть свои карманныя деньги... то-есть деньги, какія постоянно носишь съ собою... Какія-нибудь сто, двѣсти,—я считаю безгрѣшнымъ.

— Безразсудно и глупо...

— Но согласитесь же... въ жизни человѣка... человѣкъ такъ созданъ, что всякое увлеченіе... что безъ нѣкотораго увлеченія, жизнь это будетъ не жизнь... а... а-а-а...

— Согласенъ-съ. Семенъ! Достань новый сюртукъ и приготовь бриться... Продолжайте, г. Бабковъ, я слушаю...

— Вы уходите?

— Да-съ... Нужно... кой-куда...

— Въ такомъ случаѣ, — нехотя мямлитъ Бабковъ:—не смѣю вамъ мѣшать...

Хозяинъ не возражаетъ. Бабковъ слишкомъ неохотно отыскиваетъ шапку, еще неохотнѣе напяливаетъ перчатки, мучительно сознаётъ, что все погибло!.. Мерзкая фигура хозяина, видимо, оживляется благодаря исключительно скорому удаленію гостя. Хозяинъ жметъ ему руку и съ полуулыбкой говоритъ:

— Куда-нибудь спѣшите?..

— Да! нужно...

— Дѣла?—вопросительно вскидывая глазами, прибавляетъ хозяинъ...

— Д-да...

— Гмм...

Хозяинъ беретъ подсвѣчникъ и провожаетъ Бабкова въ переднюю; полуулыбка не сходитъ съ его губъ; эта же улыбка и даже нѣкоторое насмѣшливое высовываніе языка видится ему, Бабкову, во всемъ: стѣны, окна, шапка, надѣтая на головѣ его, перчатки—все это жестоко смѣется. Чтобы придать свиданію хоть какой-нибудь оттѣнокъ порядочности, онъ вдругъ останавливается на пути къ двери и, спохватившись, произноситъ:

— Ахъ, да! Помните вы Зубилова? Брюнетъ?

Хозяинъ припоминаетъ...

— Тамъ же, у Кузьмы Данилыча?.. Этакій весельчакъ... Еще, помните, все хохотали.

— Нѣтъ-съ, не припомню...

— Умеръ!..

— Скажите!!

— Пять человѣкъ дѣтей—безъ средствъ.

— Гмм... Царство небесное... Семенъ, запри за ними...

— До свиданья.

— До пріятнаго свиданья. Запирай!

— Пошелъ!—кричитъ разсерженный Бабковъ извозчику.

— Куда прикажете?

— Прямо! Куда бы это?.. Вотъ положеніе!

На перекресткахъ извозчикъ слегка придерживаетъ лошадей, полагая, что баринъ прикажетъ повернуть.

— Прямо!..

Извозчикъ мчитъ Бабкова все прямо, все прямо...

3.

Николай Өедоровичъ Бабковъ, который такъ неожиданно явился и исчезъ, имѣлъ, какъ и всѣ, своихъ папеньку и маменьку. Маменька умерла, оставивъ его пяти лѣтъ, и когда четырнадцатилѣтній Коля, запыленный и загорѣлый, пріѣхалъ домой изъ уѣзднаго города, гдѣ жилъ у родственника и учился въ уѣздномъ училищѣ, вся семья Бабковыхъ состояла изъ отца, двухъ братьевъ, считая Колю, и сестры. Отецъ происходилъ изъ простыхъ крестьянъ и служилъ въ военной службѣ. Долгая и не останавливавшаяся ни на минуту въ теченіе 25 лѣтъ вытяжка выкурила изъ него мужицкую дурь, которая иногда подзадоривала двинуть въ чью-нибудь рыжую физіономію, ту мужицкую дурь, которая въ другой разъ подзадоривала на такое словцо, отъ одного появленія котораго могъ бы испортиться воздухъ на десять верстъ въ окружности. Постепенно выходила эта дурь и наконецъ исчезла совсѣмъ, когда на рукавѣ явилась какая-то нашивка, а въ груди забушевалъ кашель, напоминавшій бой испорченныхъ часовъ, доносящійся изъ пятой комнаты; прошла мужицкая дурь,— и тамъ, гдѣ прежде чувствовалась дрожь негодованія, теперь выступалъ робко потъ и слова не сходили съ языка. Да и словъ-то, въ эту пору, *своихъ* не было никакихъ. Өедоръ Никитичъ могъ понимать только то, что рекомендуетъ служаку; только «радъ стараться», «слушаюсь», «виноватъ» находились въ его вытрезвленной головѣ, а эту голову онъ считалъ только мишенью, въ которую, рано или поздно, попадетъ чья-нибудь басурманская пуля. Охотно несъ онъ эту голову, яро наскакивалъ на летѣвшую безъ толку пулю, все больше и больше убѣждался, что въ жизни существуетъ одно мудрое правило: «терпи». Терпѣлъ и выслужился въ офицеры... Тутъ онъ вспомнилъ, что когда-то очень давно—онъ зналъ другую, *свою* жизнь, такую жизнь, какою живутъ всѣ добрые люди; вспоминалъ онъ, что у добрыхъ людей есть жены; жены эти по воскреснымъ днямъ ходятъ съ ними къ обѣднѣ, по буднямъ стряпаютъ, сидятъ подъ окнами и разговариваютъ, узнаютъ и разгадываютъ сны и родятъ дѣтей. Захотѣлось Өедору Ни-

китичу своей жизни; захотѣлось ему жены и спокою. Послѣ выхода изъ службы былъ онъ управляющимъ у вдовы Крюковой, богатой барыни. Барыня эта и женила его на своей компаньонкѣ, бѣдной, въ чемъ-то провинившейся дѣвушкѣ, успѣвшей привыкнуть ко всему мишурному блеску барской жизни, успѣвшей обзавестить такими возвышенными предметами, какъ *разбитое сердце,* несбывшіяся мечты, разочарованіе и проч. и проч. Ѳедоръ Никитичъ не понималъ всѣхъ этихъ тонкостей и не зналъ о существованіи ихъ,— онъ только удивлялся, видя, что жена его ни разу не сходитъ съ нимъ къ обѣднѣ, проситъ кухарку налить чай, о чемъ-то скучаетъ, работа плохо клеится въ ея рукахъ, все ей «прими да подай»... Отчего она не сходитъ никогда даже наверхъ, къ своей барынѣ, благодѣтельницѣ... Ѳедоръ Никитичъ недоумѣвалъ надо всѣмъ этимъ, боялся въ чемъ-нибудь попрекословить своей женѣ, всячески старался угодить, услужить. Жизнь съ трубкой въ зубахъ, у раскрытаго окна, за стаканомъ чаю, не удалась... Онъ еще разъ повторилъ: «терпи», убѣдился, что нужно терпѣть, и терпѣлъ. Цѣлые дни ходилъ онъ передъ супругой, ожидая приказаній, потихоньку вздыхалъ, потѣлъ и вытирался своими ситцевыми платками.

— Боже мой! когда вы бросите эти противные платки!— часто говорила изнеможенная и разстроенная жена, глядя, какъ мужъ, понюхавъ табаку, расправлялъ не спѣша платокъ съ изображеніемъ какой-то отчаянной битвы и приготовлялся сунуть носъ въ самый станъ непріятелей...

— Да вѣдь сами изволите знать, Анна Васильевна... Табакъ нюхаешь... Бѣлые платки—надолго ли? Разъ высморкался... два высмор...

— Оставьте, оставьте, ради Бога... Таскайте съ собой хоть рогожу...

Ѳедоръ Никитичъ въ это время какъ-то крякнетъ, подойдетъ къ окну и, чтобъ успокоить жену, постарается отвлечь ея вниманіе отъ непріятнаго предмета.

— Тучки-то, того и гляди, разойдутся...

Анна Васильевна не отвѣчаетъ ему. Слышенъ вздохъ.

Ѳедоръ Никитичъ самъ отвѣтитъ себѣ: «разойдутся», и пойдетъ на крыльцо разговаривать съ дворникомъ. Чувствуетъ Ѳедоръ Никитичъ, что ему съ дворникомъ много свободнѣе.

Мучилась Анна Васильевна со своимъ мужемъ и старалась болѣе молчать. «Но зато,—сказала она себѣ:—я вы-

веду моихъ дѣтей изъ грязи...» И всѣ ея заботы были устремлены на Петю и Олю (Коля былъ еще маленькимъ). Она шила имъ разноцвѣтныя рубашечки, завивала локоны, учила французскимъ басенкамъ и стишкамъ. «Гнѣздо ласточекъ», «Стрекоза и муравей», «Богъ награждаетъ добродѣтель» и другія французскія бездѣлки лепетали очень мило. Мамаша не отпускала ихъ отъ себя ни на шагъ,—говорила: «тезе», «не-туше-па» и проч. Вообще трудно было понять, къ чему готовила она этихъ «милыхъ малютокъ»,—ей, повидимому, хотѣлось только того, чтобы они не чистили своихъ носовъ такими расписными платками, какъ ихъ возлюбленный папа. Во всякомъ случаѣ, что̀ бы ни хотѣла она сдѣлать изъ своихъ дѣтей, Ѳедоръ Никитичъ не мѣшался въ ея дѣла, опасаясь испортить дѣло. «Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ онъ:—что̀ я такое? солдатъ... А тутъ хоть та радость будетъ, что дѣти съ господами себя не уронятъ». Одинъ разъ только попробовалъ-было онъ приложить свои силы къ воспитанію дѣтей, намѣреваясь вытащить изъ прекраснаго носика Оли какую-то «козу» или «волка», который будто бы ночевалъ тамъ. Но едва онъ только сдѣлалъ необходимые по его мнѣнію пріемы, т.-е. зажалъ слегка въ колѣнахъ нѣжненькую Олю, одной рукой загнулъ ей назадъ голову и другой, очистивъ пальцы, взялся за маленькій носикъ,—какъ немедленно послѣдовалъ взрывъ всяческаго ужаса, и со стороны матери и со стороны Оли, плачъ, вой, истерики... Ѳедоръ Никитичъ съ тѣхъ поръ закаялся принимать какое-нибудь участіе въ этомъ, по словамъ Анны Васильевны, не его дѣлѣ. Такъ одна Анна Васильевна и орудовала надъ Петей и Олей; умирая, она умоляла свою бывшую воспитательницу не оставить ея дѣтей, не дать имъ погрязнуть, затереться въ низкомъ и неопрятномъ обществѣ, и не могла вспомнить, что̀ будетъ съ несчастнымъ Колей, который остается совершенно безъ ея призора и руководства. Умерла Анна Васильевна; Колю взялъ какой-то родственникъ въ уѣздный городъ К. и потомъ отдалъ въ уѣздное училище. Помѣщица и благодѣтельница исполнила просьбу покойной компаньонки и воспитанницы и не допускала ея дѣтей до той трудовой жизни, которая какъ разъ нужна была имъ. Ѳедоръ Никитичъ и тутъ уступилъ нужному, необходимому, сказалъ: «терпи», и не мѣшался въ жизнь своихъ дѣтей.

Дѣти г-жи Крюковой выросли въ чуть ли не тридцатилѣтнихъ невѣстъ. Изъ Пети сдѣлался пріятный молодой

человѣкъ, изъ Оли вышла барышня, и жили они не по-настоящему, отдаваясь вполнѣ интересамъ верхняго этажа. Въ нижнемъ этажѣ, въ квартирѣ Бабковыхъ, царствовалъ во всемъ и всегда полный безпорядокъ, только въ маленькой каморкѣ Ѳедора Никитича было что-то похожее на порядокъ: онъ самъ тщательно убиралъ свою дрянную постель, накрывая ее войлокомъ, старался «къ мѣсту» уложить какія-то свои двѣ-три духовныя книги, старался завести хоть какую-нибудь чернильницу, перо и проч. Онъ хотѣлъ отдѣлить себѣ этотъ уголокъ, устроить его по-своему, потому что и жить и думать онъ продолжалъ тоже по-своему, робко покоряясь необходимой, какъ казалось, безалаберности въ жизни его дѣтей. Въ остальныхъ комнатахъ,—напр., въ залѣ,—на гвоздяхъ, гдѣ висѣли картины, помѣщались огромныя связки глаженыхъ юбокъ; гладильныя доски никогда не выходили изъ этой комнаты, на полу мокрота отъ ежеминутнаго спрыскиванья разныхъ кисей и блондъ, на окнахъ лужи крахмалу; въ комнатѣ Петра, отгороженной ширмами въ передней,—та же пыль и никакихъ признаковъ порядка: на кругломъ столѣ, покачивающемся на одной тонкой ногѣ—и спички, и пепелъ, и свѣчка сальная, и рубашка... Все это объясняется тѣмъ, что ни Петръ ни Ольга почти не жили дома. Ольга просыпалась тогда, когда за нею сверху присылали барыни; начиналась суматоха одѣванья, послѣ котораго она исчезала наверхъ на цѣлый день; въ залѣ оставались мятыя юбки, рубашки, чулки. Петръ, служившій безъ всякаго успѣха въ какой-то канцеляріи, по необходимости долженъ былъ вставать раньше; служба была ему нужна хоть бы для того, чтобъ портной, зная, что онъ чиновникъ, сшилъ бы ему платье съ разсрочкой платежа, а жилъ онъ на счетъ отца, который не отказывалъ ни ему ни Олѣ, твердо вѣря, что все это нужно, потому что завѣщала покойная жена, — и ходилъ отъ этого по пяти лѣтъ въ одномъ напковомъ пальтишкѣ. Проснувшись, Петръ одѣвался насколько возможно франтоватѣе и шелъ въ канцелярію. Дома оставался Ѳедоръ Никитичъ и занимался собираніемъ въ кучу грязнаго бѣлья, брошеннаго гдѣ ни попало, загонялъ ногою подъ кровать разныя тряпки и соръ, стиралъ съ оконъ и проч. Въ это время онъ выпивалъ понемногу, но тихо, незамѣтно; только одинъ краснѣющій носъ говорилъ о томъ, что у него есть какое-то глубокое горе. Подвыпивъ, онъ боялся показать наружу свои глаза и совсѣмъ соглашался, что̀ ему ни говорили, стараясь поддакнуть

и кивнуть головой въ знакъ согласія даже прежде фразы, которую ему скажутъ. Петръ оставался недолго въ своей канцеляріи, съ чиновниками которой онъ велъ какую-то вражду: они называли его дуракомъ — онъ считалъ ихъ дураками. Въ 2 часа и ранѣе онъ былъ на свободѣ и принимался за исполненіе многаго множества порученій, которыми надѣляли его разныя кузины: то ему нужно было забѣжать къ m-me Дерюревой и объявить, что пикникъ отложенъ, то забѣжать еще куда-то за зонтикомъ, который позабыла третьяго-дня Марья Михайловна: то его дѣлали распорядителемъ по устройству домашняго спектакля, что̀ принималъ онъ съ крайне озабоченнымъ видомъ въ лицѣ, но съ тайнымъ восторгомъ въ душѣ. — и бѣгалъ и суетился какъ угорѣлый, — то декораціи испорчены, то не готовы костюмы: вездѣ надо суетиться, кричать, повторять сто разъ одно и то же. Онъ хлопоталъ и бѣгалъ до упаду; но зато, когда возвращался онъ, отирая запотѣвшую физіономію, въ сонмище разныхъ кузинъ,—всѣ бросались къ нему: сколько слуховъ, сколько новостей, новѣйшихъ сплетенъ принесетъ онъ! Петръ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и за то минутное вниманіе, которымъ дарили его наверху, ломалъ ноги еще больше. А роль въ этихъ домашнихъ спектакляхъ доставалась ему самая роковая: или таинственнаго незнакомца, произносящаго одно словцо, — или племянника, получающаго для полноты картины чью-нибудь руку и сердце при концѣ пьесы, — или наконецъ просто приходилось за кулисами представлять стукъ отъѣзжающаго экипажа, громъ, паденіе въ воду... Петръ не замѣчалъ, что такую же роль онъ игралъ и въ обществѣ верхняго этажа, что имъ интересовались и нуждались въ немъ, какъ въ самой ревностной ломовой лошади съ облагороженными манерами, и награждали своимъ расположеніемъ потому, что въ перспективѣ другой такой же лошади не предвидѣлось... Какъ компаньонка, умѣвшая переворачивать ноты, когда пѣла одна изъ дочерей Крюковой—нужна была наверху и Ольга. Барышни, въ свою очередь, брали ее съ собой кататься, кавалеры смѣлѣе вступали съ нею въ сердечные разговоры,— и все, что̀ было кругомъ, поощряло эти разговоры. Между тѣмъ время шло, крюковскія барышни все больше и больше приближались къ порѣ старыхъ дѣвъ, — нужно было во что бы то ни стало спихнуть ихъ на чужія руки, — отчего были предпринимаемы всевозможныя искусственныя

мѣры для достиженія этихъ цѣлей: самый воздухъ верхняго этажа, казалось, былъ пропитанъ разнаго рода удовольствіями, любовью самою пламенною, жарко дышавшею отовсюду. Какъ декораціи, какъ *народъ* на сценѣ, нужны были здѣсь дѣти Өедора Никитича—и не больше. Но ни Петръ ни Оля не считали себя народомъ; они сознавали въ себѣ силы быть самыми бойкими дѣйствующими лицами въ этомъ фантастическомъ балетѣ и всей душой предавались той мишурѣ, которая до времени царила въ жизни верхняго этажа. Все это веселилось, пѣло, жаждало удовольствіи и удовольствій, имѣя въ сущности самыя практическія цѣли—какъ-нибудь пристроиться, отдохнуть, добиться законнаго брака, чего вовсе не видали наши герои. Цѣлые дни и ночи толкались они здѣсь, забѣгая домой, чтобъ произвести новый безпорядокъ переодѣваньемъ и снова исчезнуть. Оля забѣжитъ внизъ, повертится передъ зеркаломъ, вернетъ хвостомъ посреди комнаты, наблюдая при этомъ, волочится ли онъ, еще попляшетъ у зеркала, напѣвая въ носъ какой-то романсикъ, и вонъ...

— Что-жъ, весело было?—осмѣливается спросить Өедоръ Никитичъ... А дверь уже хлопнула, и каблучки Олиныхъ ботинокъ щелкаютъ по каменной лѣстницѣ наверхъ.

Өедоръ Никитичъ тихонько крякнетъ, скажетъ: «не слыхала», и идетъ въ свою конуру или на крыльцо, къ дворнику. Живетъ онъ по-своему: соблюдаетъ посты, ходитъ къ ранней обѣднѣ, покупаетъ собственно для себя горохъ, рыбу... и когда несетъ такую покупку мимо сына или дочери, то старается прикрыть ее полою, чтобъ не сконфузить дѣтей своимъ мужичьимъ житьемъ. Но случается, что Петръ, по недѣлямъ за недосугомъ не говорившій съ отцомъ ни слова, изъ приличія спроситъ:

— Что̀ это у васъ?

— Раки! Да вѣдь какая дешевисть... Погляди-ка-сь: крупнота...

Петръ слегка нагибается надъ кулькомъ, затягивая въ то же время на шеѣ тоненькій галстукъ.

— Ей-Богу! Непридвиданная дешевисть... Третьяго-дня какая исторія изъ-за капусты вышла...

А Петръ ушелъ въ залу, Өедоръ Никитичъ доскажетъ наскоро исторію съ капустой, тутъ же назоветъ себя дуракомъ, подумаетъ: «Ну, до капусты-ли ему?.. Нѣтъ, видно, изъ мужика барина не будетъ... все съ своими мужицкими разговорами» и проч.

Въ такомъ видѣ было семейство Бабковыхъ, когда пріѣхалъ домой Коля. Братъ и сестра, какъ увидѣли его загорѣлую физіономію, мужиковатость и проч. мужицкія качества, такъ и покатились со смѣху.

— Да это звѣрь!—кричала Оля, всплескивая руками...

— Алеутъ!

— Вампиръ!

Ѳедоръ Никитичъ тоже качалъ головою надъ безобразіями Николая, только изъ угожденія образованнымъ дѣткамъ,—но зато крѣпче брата и сестры цѣловалъ его загорѣлый лобъ.

Безобразность *пріемовъ* и манеръ Коли повергли брата и сестру его въ совершенное отчаяніе, и Коля, видя, съ какимъ ужасомъ говорятъ они о той ломкѣ, которая предстоитъ не только его головѣ, но и членамъ, видя наконецъ, что и Ѳедоръ Никитичъ даже вмѣстѣ съ братомъ и сестрой чѣмъ-то особенно тревожится, глядя на него,—видя все это, сразу упалъ духомъ, считая себя чѣмъ-то черезчуръ мелкимъ, чѣмъ-то черезчуръ плохимъ. Сознавая и ставя себя неизмѣримо ниже и брата и сестры, Коля рѣшилъ во всемъ положиться на нихъ, ни на шагъ не отступать отъ той дороги, которую покажутъ они ему. А дорогу Колѣ могли показать только братъ и сестра: Ѳедоръ Никитичъ попрежнему не вмѣшивался въ дѣла своихъ дѣтей, считая обязанностью только изрѣдка подтвердить словомъ: «нужно», «терпи» то или другое распоряженіе своихъ образованныхъ дѣтокъ. Эти распоряженія по поводу преобразованія нравовъ Николая начались тотчасъ же послѣ его пріѣзда и направились, конечно, къ тому, чтобы сдѣлать изъ него человѣка, пригоднаго къ жизни верхняго этажа, такъ какъ безъ того—полагали учителя—спасеніе погибшаго человѣка, какимъ считался Николай, признавалось положительно невозможнымъ. Съ суровѣйшей начальнической физіономіей, съ особенно холодными пріемами зазнавшагося авторитета были преподаваемы Петромъ брату разныя житейскія, необходимыя въ предстоящей жизни правила: относились они къ ногамъ и рукамъ, къ походкѣ, къ необходимой услужливости, и нисколько не касались головы преобразуемаго субъекта. Та невыразимая серьезность, съ которою говорилось объ этомъ, съ которою были показаны «затруднительные моменты въ области походки» и проч.—вполнѣ узаконяла въ глазахъ Коли необходимость всей этой науки. Такимъ образомъ въ сущности-то одни только

косые взгляды брата и сестры закупили всѣ силы Николая въ пользу этой необходимой науки. Но Николаю пришлось скоро увидѣть и мучительно перенести на себѣ не косые уже, а подтрунивающіе или совершенно холодные и поэтому еще болѣе ужасные взгляды высшаго общества, о которомъ съ такой серьезностью и даже благоговѣніемъ говорилъ Петръ.

Въ одинъ день было рѣшено показать Колю наверху; дрожь и робость прохватила его цѣлыя сутки до визита,—именно съ того момента, когда Петръ объявилъ, что «мы идемъ завтра». Страхъ за ужасное неизвѣстное, ожидавшее его наверху, отшибло у него всякую сообразительность и словно вѣтромъ выдуло только-что набитыя въ голову правила. Петръ, по всей вѣроятности, предвидѣлъ это, потому что предъ самымъ отходомъ наверхъ счелъ нужнымъ еще разъ повторить внушеніе:

— Такъ помни,—говорилъ онъ:—локти... руки... Понимаешь, какъ я тебѣ говорилъ? Смотри же... за обѣдомъ хлѣба какъ можно меньше... Не чавкать, Боже сохрани... M-me Чекалдову (тамъ узна̀ешь) не приглашай на польку: она въ интересномъ положеніи, а ты до сихъ поръ колѣнами... Не бери... Н-ну? Еще что̀? Рукъ въ панталоны не клади... ни подъ какимъ предлогомъ... Ходи свободно... У васъ, лютыхъ звѣрей, есть привычка пробираться по стѣнкѣ, совершенные воры... Ты этого не дѣлай... Скверно!.. Шляпу держи—вотъ! Смотри сюда, вотъ! или такъ! Но отнюдь не держи сзади или не болтай между колѣнами... Пойдемъ.

Пошли. Все, начиная съ господской лѣстницы, устланной ковромъ, и кончая самымъ паутиннымъ разговоромъ въ господской гостиной, все это презрительно смотрѣло въ оробѣвшіе глаза Коли, уничтожало его, потому что открывало страшную бездну невѣжества, въ которой сидѣлъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность сразу переродиться для новой жизни. Братъ Петръ, совершенно искренно предававшійся всей мишурѣ, которую пока еще въ незначительныхъ дозахъ выгружалъ передъ Колей, выполнялъ каждое правило своего кодекса съ величайшею точностью, а главное, серьезностью. Поднимаясь по господской лѣстницѣ, онъ и сестра хранили глубокое молчаніе; остановившись передъ зеркаломъ поправить галстукъ, Петръ взглянулъ на брата такимъ ледянымъ взглядомъ, что Коля, принявъ въ расчетъ и слегка вытянувшуюся физіономію брата, понялъ ту беззащитность и безпомощность, которыя ожидаютъ его въ

теченіе цѣлаго вечера, и сердце его замерло въ чьихъ-то ледяныхъ лапахъ, стиснувшихъ его со всѣхъ сторонъ. Вслѣдъ за братомъ, Коля сдѣлалъ первый шагъ—и сразу почувствовалъ себя утонувшимъ въ морѣ всякихъ мукъ. Эти муки послѣдовали тотчасъ же, какъ только Николай узналъ невозможность двинуть ни рукой ни ногой, полнѣйшую невозможность понимать хоть что-нибудь: ему оставалось одно: быть простымъ зрителемъ совершающейся со всѣхъ сторонъ суматохи,—но это было положительно невозможно; напротивъ того, съ перваго шага Николай невольно сознаьъ себя предметомъ, на которомъ сегодня должны остановиться, какъ на дивѣ какомъ-то, взгляды всѣхъ присутствующихъ. Петръ, подглядѣвшій горчайшее положеніе своего воспитанника, дѣлалъ издали ему какіе-то знаки, поднимая брови, вытягивая и вдругъ судорожно искажая свою физіономію, тыкалъ пальцемъ, что-то объясняя и, видимо, стараясь на что-то указать, но ничто не помогало. Николай сознавалъ, что взгляды брата и еще болѣе ужасные взгляды окружающей толпы ясно видятъ, что въ его шляпѣ подложена бумага, въ которой вчера принесли изъ лавки сальныя свѣчи, что панталоны связаны сзади веревочкой и проч. и проч. Окаменѣлость его была безпредѣльна. Если ему и случалось хоть на минуту преодолѣть ее, то и тогда все-таки ничего не выходило или выходило что-то очень глупое: пробовалъ онъ вступать въ разговоры, пробовалъ танцовать, но результатомъ первыхъ шаговъ были опрокинутые стулья, оборванные подолы; результатомъ попытки къ разговору было, какъ нарочно, самое упорное молчаніе или слово невпопадъ. Онъ снова каменѣлъ, и снова вдругъ вставалъ, принимался пристальнѣйшимъ образомъ разсматривать какую-нибудь картину на стѣнѣ, и ничего не видѣлъ, ничего не понималъ въ ней. Пробовалъ онъ смѣяться какому-нибудь чужому слову, чужому разсказу, авторъ котораго всѣми мѣрами старался показать или дать замѣтить слушателямъ, что вотъ тутъ-то или тутъ-то онъ сказалъ смѣшную штуку,—выходило тоже неудачно: смѣхъ вырывался неожиданно, заставлялъ оборачиваться другихъ, что̀ было невыносимо для Николая, который и самъ испытывалъ отъ этого смѣха какое-то непріятное ощущеніе въ родѣ испуга. Подъ конецъ вечера Николай съѣхалъ на стулѣ къ двери и вступилъ въ бесѣду съ какою-то ветхой старухой; разговоръ касался самыхъ стариковскихъ предметовъ, такъ

что Николай невольно краснѣлъ за себя, но при всемъ томъ положительно не могъ бросить и этого разговора; кромѣ старухи онъ не видѣлъ здѣсь ни одного человѣка, рѣчь котораго онъ могъ бы понимать. Всѣ испытанія вечера развили въ немъ желаніе поддѣлываться, стараться угадывать, что̀ именно нравится другимъ, для того, чтобъ поддакивать имъ и такимъ образомъ пріобрѣсть какое-нибудь вниманіе этихъ другихъ. Даже въ бесѣдѣ со старухой незамѣтно присутствовало это желаніе — и старуха дѣйствительно составила о немъ самое выгодное мнѣніе. Несмотря однако на это, Николай возвращался домой въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Неудачи, которыя постигли его на этомъ роковомъ испытаніи, оскорбляли и унижали его. Братъ и сестра, видѣвшіе, что всѣ старанія ихъ попраны самымъ безжалостнымъ образомъ, тотчасъ перемѣнили тонъ: въ отношеніяхъ ихъ воцарилась холодность и полное пренебреженіе. Петръ сказалъ брату равнодушнѣйшимъ тономъ длинный монологъ, въ которомъ упомянулъ о своихъ трудахъ и заботахъ въ пользу его, сумѣлъ вставить раза два-три фразу: «я ничего не жалѣлъ...», «все, что̀ я могъ...», «я пожертвовалъ...» и проч. и проч., и заключилъ тѣмъ, что отказался впредь отъ всякихъ заботъ о немъ: «дѣлай, какъ знаешь, но я вижу, что мы не товарищи»... Сестра почему-то просто надулась на Николая, какъ будто онъ ее чѣмъ-то жестоко оскорбилъ. Даже Ѳедоръ Никитичъ счелъ нужнымъ вразумить Николая, основываясь на суровомъ тонѣ Петра, на его вздохѣ при словахъ: «я все сдѣлалъ» и проч., на общей, сразу воцарившейся между дѣтьми холодности. Онъ прямо обратился къ Николаю съ такими словами:

— Что̀ это ты, Николай, тамъ натворилъ? а?.. Это, братецъ, ты оставь... Мать объ тебѣ еще когда горевала... Это надо кинуть... Какъ можно!.. Конечно, трудно... Что̀ говорить... Дѣло незнакомое... Ну, надо терпѣть...—и проч.

— Я сдѣлалъ все,—уныло прибавлялъ Петръ.—Н-но!..

Въ этомъ «*но*» Коля видѣлъ опрокинутые стулья, оборванные подолы, ненужный смѣхъ, дружбу со старухой, и пр. и пр. И такого рода «*но*», такого рода разсужденія всей семьи—потихоньку подготовили тотъ моментъ, когда Коля искренно, какъ и Петръ, созналъ необходимость жизни такой, какая господствуетъ у обитателей верхняго этажа, и рѣшился ухлопать всѣ свои юношескія силы на трудную работу изученія ея. Силы эти здѣсь тратились

въ той же самой мѣрѣ, какъ если бы тратились онѣ и на полезное дѣло, потому что тратились онѣ съ преданностью дѣлу,—а дѣло это было очень пусто и плохо. Задача Коли состояла въ томъ, чтобъ отшлифовать себя, дать себѣ такой наружный видъ, который бы не мозолилъ чужихъ глазъ, а для этого дѣйствительно ему пришлось заботиться о походкѣ, о манерахъ. Ему предстояло преодолѣть трудности разговора, выучиться тянуть его по цѣлымъ часамъ такъ, чтобъ и разговоръ вышелъ, и интересъ былъ въ немъ какой-нибудь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности не было сказано ничего. Ради этого ему пришлось задолбить по книгѣ нѣсколько разговоровъ, относящихся «къ погодѣ», «услужливости», къ разговорамъ за обѣдомъ, за чаемъ, утромъ и проч. Приходилось набить свою голову разными мелкаго содержанія анекдотами, такъ какъ онъ видѣлъ, что самые пустѣйшіе и пошлѣйшіе изъ нихъ проходятъ не безъ вниманія, въ особенности между женскимъ поломъ. Больше другихъ фразъ ему приходилось употреблять фразу: «о, да, я съ вами совершенно согласенъ», или: «именно, именно... превосходно, прекрасно, какая богатая мысль» и проч. и проч. Коля видѣлъ, что иные, имѣя подъ рукою только эти фразы, умѣютъ безбоязненно обдѣлывать въ кругу верхняго этажа свои, иногда практическія дѣлишки.

Какъ только братъ и сестра увидѣли, что Николай пришелъ къ нимъ съ повинною головою, тотчасъ же снова были приняты самыя дѣятельныя мѣры къ образованію его. Съ этихъ поръ въ жилищѣ Бабковыхъ воцарился какой-то усиленный во сто разъ хаосъ: тутъ шли уроки походокъ, разговоровъ, давались различныя наставленія, повторявшіяся по сту разъ, и пр. и пр. Вообще шла такая же страшная суматоха, какая бываетъ за кулисами передъ поднятіемъ занавѣса. Ѳедоръ Никитичъ и не показывался сюда, если же ему и случалось выйти посмотрѣть, что̀ такое дѣлаютъ его дѣтки,—то онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не подумать: «Вотъ ежели бы это нашему брату показать - вѣдь подумалъ бы, что народъ взбѣсился, съ ума спятилъ... Ей-Богу...»

Но вслѣдъ за этимъ онъ, не менѣе поспѣшно, слегка вздохнулъ, присовокупляя свое сужденіе о томъ, что «нужно...»—«Конечно, что̀ говорить... выходитъ оно какъ будто и безпутство... а все надо, все пригодится: что̀ будешь дѣлать!» Думая такъ, Ѳедоръ Никитичъ молча созерцалъ нужную, но безсмысленную науку и еще болѣе убѣ-

ждался въ своихъ сужденіяхъ, видя съ какою серьезностью, съ какою преданностью убивается образованный сынокъ его Петръ надъ неуклюжими ногами Николая и какъ онъ неустанно надрываетъ свою грудь, давая Николаю, примѣрно, такого рода наставленія относительно танцевъ: дѣло происходитъ въ маленькой зальцѣ Бабковыхъ. Петръ стоитъ среди маленькой зальцы и, хлопая въ ладоши, произноситъ:

— Но, господа... Становитесь, становитесь!.. Оля! оставьте, пожалуйста, хоть на минутку зеркало... Николай! ради Бога! возьми мой платокъ... Оботри пальцы,—видѣть не могу,—какъ это ты до сихъ поръ не поймешь, что опрятность... Начинать... Ну-съ, скорѣй... У меня за даму вотъ стулъ... Стали? Начинать... Тра-ра-ра... Сюда, сюда, Николай, лѣвѣй, ради Бога... Стой!!! Я тебѣ куда сказалъ?.. (Молчаніе и упорный вопрошающій и въ то же время карающій взглядъ). Сначала! Тра-та-та... Такъ, такъ, такъ... Куда?! тебя на стѣну несетъ... Оля! дерни его за рукавъ! Зачѣмъ ты головой внизъ? Ты не въ воду ныряешь!.. Постойте на минутку: голову нужно держать: вотъ!.. А не такъ... Чтò это такое? Нужно вотъ, прямо, свободно... Ну вотъ... Вѣдь вотъ умѣешь... Нѣтъ, это свинство отъ природы... Начинай!.. Та-ра-ра, и т. д. и т. д.

Словомъ, мудрая наука была на полномъ ходу. И если ко всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ прибавить еще услужливость и лакейство, удвоенное противъ лакейства Петра, то будетъ совершенно понятно, почему скоро Петру приходилось слышать:

— Коля-то вашъ... Каковъ?.. Вы, Петръ Ѳедоровичъ, теперь пасъ передъ нимъ... Ей-Богу. Молодецъ такой выходитъ... и проч.

4.

Усовершенствованіе Николая шло все успѣшнѣе и успѣшнѣе.

На свадьбахъ сперва одной, потомъ и другой дочерей г-жи Крюковой онъ имѣлъ полную возможность блеснуть знаніемъ и манеръ и разговоровъ, свѣтскихъ обычаевъ, и проч. и проч. Но вслѣдъ затѣмъ вдругъ измѣняются обстоятельства: въ залахъ у г-жи Крюковой, съ выдачею ея дочерей замужъ, нѣтъ уже ни танцевъ, ни гостей, ни веселья, замѣтна вездѣ пустынность; дочери уѣхали съ мужьями, по лѣстницамъ поднимаются не разодѣтые кава-

леры и дамы, а кашляющія и охающія приживалки, странницы и странники; запахъ грибного супа и лука поборолъ всяческіе царившіе до сего дня ароматы, и вообще вся фигура такъ недавно веселаго и пѣвшаго съ утра до ночи дома насупилась, помрачилась... Изъ Бабковыхъ имѣлъ доступъ наверхъ только Ѳедоръ Никитичъ. Молодая половина Бабковыхъ сѣла, какъ ракъ на мели. Кромѣ того, что имъ рѣшительно не о чемъ было говорить и думать у себя дома, они сразу сознали, что никто, кромѣ Крюковыхъ, и не нуждается въ нихъ. Старые знакомые изъ высшаго круга, снисходительно и нехотя раскланиваясь съ ними, нехотя приглашали зайти и этимъ ограничивали всякія отношенія къ нимъ. Потихоньку сообразивъ про себя, что «мы въ дуракахъ», молодые Бабковы стали почему-то смотрѣть другъ на друга съ пренебреженіемъ, отчего холодъ и нѣкоторая вражда въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу еще болѣе усилились. Въ жизни не было имъ никакого дѣла, они не имѣли за плечами, про запасъ, ничего такого, взамѣнъ чего дѣйствительная, не обставленная декораціями жизнь, съ трудомъ и нуждами, удѣлила бы что-нибудь и свое, помѣнялась бы съ ними: они такъ воспитали себя, что привыкли жать готовое и никогда не допускали мысли, что за это надобно будетъ отдать. Но это готовое теперь было недоступно, и если недоставало духу помириться съ той трудовой дорогой, которая нужна была имъ, то приходилось разсчитывать на простоту людскую и если не запускать прямо руки въ чужой карманъ на удовлетвореніе своихъ «не по чину» развитыхъ потребностей, то все-таки паразитствовать, т.-е. все-таки брать чужое, жить на чужой счетъ и выискивать случая для такого рода жизни. Разыскивая такого случая, Николай какъ-то узналъ, что въ N., въ Зеленой улицѣ живетъ вдова-купчиха Зайкина, на которую можно имѣть кой-какіе виды относительно законнаго брака, такъ какъ купчиха, послѣ смерти мужа, оставившаго ей небольшой капиталецъ, рѣшительно не знала, зачѣмъ ей теперь жить, о чемъ думать, кромѣ мужа, тѣмъ болѣе, что послѣ того, какъ она осталась вдовой, ей и бояться некого было, стало-быть, жизнь была пуста до высшей степени. Николай, сообразивъ это́ дѣло, завязалъ лучшій галстукъ, придалъ особенный блескъ сапогамъ и особенную осанку плечамъ, слегка приподнявъ ихъ и вдвинувъ руки въ карманы пальто, взбилъ отчаянно бѣлобрысые волоса и, прижавъ ихъ накрененной набокъ

шляпой, тронулся въ путь. Каково же было его удивленіе, когда на узенькомъ тротуарѣ, пролегавшемъ напротивъ оконъ Зайкиной, по другой сторонѣ улицы, медленной поступью выступалъ братъ Петръ. Шляпа его точно такъ же была надвинута на ухо, бѣлобрысые усы превращены въ двѣ стрѣлы, руки точно такъ же сидятъ въ карманахъ пальто, и плечи приподняты. Невыразимо медленно подвигаясь впередъ и какъ-то особенно при этомъ вывертывая ноги, онъ не спускалъ глазъ съ оконъ Зайкиной, заставленныхъ цвѣтами; по временамъ онъ останавливается, откинувъ одну ногу назадъ и желая хорошенько разглядѣть чрезъ освѣщенное солнцемъ и поэтому залитое свѣтомъ окно, не она ли, Зайкина, прошла тамъ,—нагибается то на одинъ бокъ, то на другой и, переглядѣвъ, такъ же медленно идетъ дальше, круто и ухарски поворачиваясь на углу улицы.

— Ты зачѣмъ? — испугавшись встрѣчи съ Николаемъ, спросилъ Петръ.

— Да такъ...

— Какъ такъ? Ты куда идешь?

— Да просто такъ, гуляю...

— Ты здѣсь хочешь ходить?

— И здѣсь буду, и вообще гдѣ придется...

— Ты, братъ, пожалуйста, отсюда иди...

— Это почему? вотъ странно...

— Вовсе не странно... А просто... Я понимаю, зачѣмъ ты хочешь тутъ гулять, такъ я тебя считаю нужнымъ предупредить, что это напрасно...

— Что̀ такое?

— Вотъ-те что̀ такое... Тутъ ужъ дѣло сдѣлано...

— Да мнѣ-то что̀?

— Ну и ступай... Дай мнѣ, пожалуйста, хоть разъ свободно вздохнуть. Какъ будто тебѣ нѣтъ другого мѣста; вонъ на Дворянской—Оглашенова, тоже вдова, Трубина, Плѣшавины дѣвицы,—мало ли... Ходи тамъ, а здѣсь предоставь дѣло дѣлать мнѣ одному.

— Сдѣлай милость, сколько угодно...

— Я самъ началъ, самъ кончу, тѣмъ болѣе, что дѣло на ходу... Поди, ради Бога, отсюда.

— Зачѣмъ я пойду?

Петръ нѣсколько времени молча смотритъ на брата и громовымъ голосомъ произноситъ:

— Такъ ты рѣшительно не пойдешь?..

— Я буду здѣсь гулять, тебѣ какое дѣло?

— Но если я тебя прра-ашу?

— Я тебѣ не мѣшаю... Ты гуляешь,—и я гуляю..

— Такъ позволь тебѣ сказать, что ты подлецъ!..

Петръ дѣлаетъ крутой поворотъ на каблукахъ и исчезаетъ за уголъ.

— Это такъ не кончится!—кричитъ онъ, высовывая изъ-за угла голову и кулакъ.—Я тебѣ покажу... Мы съ тобой встрѣтимся еще разъ, только не такъ...

— Ладно!—произноситъ Николай и чувствуетъ, что теперь почва подъ нимъ тверда. Въ той же позѣ и съ тѣми же пріемами онъ начинаетъ лавировать мимо оконъ Заикиной; закачалась и поднялась штора, какая-то женская фигура показалась въ окнѣ. Николай пошелъ еще медленнѣе, еще пристальнѣе вглядывался въ физіономію купчихи и наконецъ сдѣлалъ ручкой.

— Милостивый государь!—раздалось сзади его, и вслѣдъ затѣмъ кто-то кашлянулъ. Николай обернулся: передъ нимъ стоялъ офицеръ, съ нафабренными усами, съ остатками пудры и искусственнаго тусклаго румянца на щекахъ.

— Что̀ вамъ угодно?..

— Сколько я могъ замѣтить, вы изволите разсчитывать на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ?.. такъ я считаю нужнымъ предупредить васъ, что это напрасно...

— Какъ?

— Такъ-съ... Здѣсь дѣло уже сдѣлано, и вы будете только мѣшать... Поэтому настоятельно прошу васъ удалиться отсюда.

— Вотъ прекрасно! Если я хочу здѣсь ходить,—кто мнѣ запретитъ?..

— Я-съ!.. вотъ кто!

— Это какимъ образомъ?

— А такимъ образомъ, что сію минуту съ будочниками отправлю васъ... Извольте идти... Мало вамъ мѣста на Дворянской: Оглашенова, Плѣшавины, Трубина... Отправляйтесь туда...

— Однако вы не кричите...—отступая, говорилъ обиженный Николай.

— Нечего тутъ разсуждать... Если хотите, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь еще, но отсюда рекомендую удалиться сейчасъ же. Слышите?..

— Чортъ васъ возьми,—поворачивая за уголъ, шопотомъ говорилъ Николай, желая отдѣлаться отъ офицера, напиравшаго на него грудью...

— То-то, съ Богомъ!—заключилъ офицеръ, смѣло ступая на завоеванную дорогу.

Николай повернулъ за уголъ, встрѣтилъ цѣлую толпу разныхъ франтовъ, такихъ же, какъ и онъ, съ такими же пріемами и осанкой, которые, испугавшись грознаго офицера, дерзости котораго они слышали, воротились съ мѣста свиданія, куда направлялись они, разсчитывая на ту же Зайкину,—и въ раздумьѣ шли, кто по тротуару, кто по срединѣ улицы. Всѣ они шли, казалось, куда-то въ разныя стороны; но на углу Дворянской улицы встрѣтились снова; вслѣдствіе этого снова слышались разнаго рода объясненія: «если вы желаете интриговать Оглашенову, то это напрасно», или: «предупреждаю васъ, что Плѣшавины положительно недоступны, кромѣ меня... Что̀ дѣлать, а поэтому не все ли равно вамъ отправиться ходить въ Горшковомъ переулкѣ—противъ Рѣзановой?», или: «вы, кажется, хотите... такъ не безпокойтесь,—они уѣхали въ деревню» и пр. и пр.

Когда Николай появился на углу Дворянской улицы, то увидѣлъ, что противъ оконъ Оглашеновой медленною поступью скитается братъ Петръ... Онъ видѣлъ, какъ къ Петру подошелъ какой-то франтъ, какъ между ними произошелъ какой-то разговоръ, начавшійся со стороны подошедшаго вѣжливымъ поклономъ и легкимъ приподнятіемъ шляпы и кончившійся потрясаніемъ кулака въ воздухѣ... Все это видѣлъ Николай и не пошелъ дальше, предпочитая воротиться домой и предвосхитить, по крайней мѣрѣ, ужинъ.

Вслѣдствіе этого предвосхищенія, вечеромъ, по возвращеніи Петра, между нашими аристократами происходитъ такой разговоръ:

— Ты опять всѣ щи сожралъ?—говоритъ Петръ, стоя съ пустымъ горшкомъ передъ Николаемъ, который закутался съ головой въ одѣяло.

Молчаніе.

— Я спрашиваю тебя: ты сожралъ щи?

— Что̀ ты орешь? — кричитъ что̀ есть мочи Николай, высовывая голову.

— Ты щи сожралъ?

— Чортъ тебя задери совсѣмъ со щами.

— Ска-атина, братъ, ты...

— Самъ ты животное.

— Мужикъ!

— Лакей!..

— Поговори, поговори, любезный... Я те покажу...

И проч. и проч.

Такимъ образомъ молодые Бабковы все были обречены на вѣковѣчное скитаніе. Оля черезъ полгода попала куда-то въ компаньонки: съ ней ѣздили въ ряды, поручая подержать покупки, ей повѣрялись тайны сердца, потому что она, какъ спеціалистка по этой части, могла давать самые разсудительные совѣты.

— Душечка, Оленька, скажите мнѣ, ради Бога, отвѣчать ли мнѣ Аркадію...

— Онъ писалъ вамъ?

— Три письма.

— Отвѣчайте!

— Что вы говорите?

— Отвѣчайте... Непремѣнно... Но два-три слова... Даже лучше всего будетъ, если вы напишете просто: что вы хотите отъ меня? Я васъ не понимаю...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Увѣряю васъ... Только сдѣлайте видъ, что вы не понимаете его искательствъ...

— Да-да-да. Непремѣнно... Ахъ, какъ мнѣ васъ благодарить... и т. д.

Но вдругъ оказывалось, что этотъ какой-нибудь Аркадій самъ состоитъ въ перепискѣ съ Олей и пишетъ пламенныя посланія къ другой, съ цѣлью отвлечь отъ Оли подозрѣнія. Другая превращалась въ звѣря, затѣвался скандалъ—Олю изгоняли, и она кое-какъ перебивалась дома, впредь до новаго знакомства, до новой возможности объясниться съ обожателемъ какой-нибудь неопытной и потому робкой въ дѣлахъ сердца женщины, и потомъ вслѣдствіе успѣха попасть въ друзья, въ компаньонки и пр. Петръ впослѣдствіи времени какъ-то позатерся въ кругу болѣе низкаго слоя, въ кругу своихъ чиновниковъ-сослуживцевъ, и немного погодя женился на дочери архиваріуса, получивъ нѣкоторую возможность промотать самымъ изящнымъ образомъ полученныя въ приданое, долгимъ трудомъ скопленныя сотни, что онъ и исполнилъ съ полнымъ совершенствомъ и, оставшись безъ гроша, несмотря на свое свѣтское образованіе—иногда посягалъ на косу супруги, которая поэтому заливалась горючими слезами и считала себя погибшей на вѣки вѣковъ. Николай оставался безъ пристанища. Ему никакъ не удавалось устроить себѣ даже и такой карьеры, какъ

Петръ, и поэтому ему оставалось положиться во всемъ на судьбу. Бушующее житейское море швыряло его изъ стороны въ сторону; иногда онъ невыносимо и искренно страдалъ, но внѣшность, внѣшній карикатурный видъ искажалъ въ глазахъ посторонняго человѣка и страданія его, которыя, вмѣсто сожалѣнія, возбуждали или смѣхъ, или то безразличное состояніе, съ которымъ посторонній человѣкъ смотрѣлъ бы на щепку, уносимую бунтующимъ моремъ: не только сожалѣнія, но и простой мысли о томъ, что, молъ, упала эта щепка и пр.—не приходитъ въ голову. Точно такъ же безразлично относились и къ Бабкову.

Страдая безъ посторонняго сожалѣнія, Бабковъ былъ предоставленъ исключительно случаю, который бы давалъ пріютъ его ненужнымъ въ дѣйствительной жизни знаніямъ, его умѣнью разсказывать армейскіе анекдоты съ клубничными тенденціями, умѣнью занимать дамъ, растягивая до невѣроятной степени разговоръ на тему: «что долговѣчнѣе, дружба или любовь?» и пр. и пр. Настоящая жизнь и всякій, самый ничтожный трудъ отвернулись отъ него—онъ и писцомъ даже не могъ быть, потому что писалъ безграмотно и «какъ курица лапой»; оставалось искать такихъ же уродовъ, какъ и самъ, такихъ же искалѣчившихъ свои потребности людей. Какъ ни рѣдки теперь эти случаи—эти люди, но все-таки встрѣчаются и они.

Въ числѣ нашихъ уѣздныхъ персонажей, обѣднѣвшихъ вслѣдствіе неожиданныхъ событій, есть особая порода, которую можно назвать шатунами. Желательно имъ и жить попрежнему—желательно и отъ вѣка не отставать. Первое оказывается невозможнымъ, потому что существуетъ третье: лѣнь, въѣвшаяся до мозга костей, сибаритство и крайнее непониманіе, въ чемъ дѣло. Второе невозможно потому, что существуетъ первое и третье. Люди эти поддаются вліяніямъ то той, то другой стороны. Перемѣна этихъ вліяній слишкомъ быстра, вслѣдствіе чего шатуны эти терпятъ вдвое: за дѣло не принимаются, думая «махнуть рукою» — и рукой не махаютъ, съ минуты на минуту думая взяться за дѣло. Ни того ни другого не дѣлается, и шатуны вѣчно съ опущенными руками, стало-быть, съ явнымъ убыткомъ, если ко всему еще прибавить ту душевную пустоту и смертельную скуку, которая обуреваетъ ихъ ежеминутно: въ жизни этихъ господъ нѣтъ ни отчаяннаго кутежа—на послѣдніе, ни дѣльной работы — а царитъ какая-то непро-

глядная мгла, переполненная всяческихъ мукъ. Къ числу такихъ шатуновъ принадлежитъ дальній родственникъ, какой-то троюродный внукъ Крюковой, молодой помѣщикъ Клубницынъ, остановившій неожиданно на улицѣ Бабкова, съ которымъ они встрѣчались на вечерахъ у бабушки.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Скучаю, батенька!—фамильярно говоритъ Бабковъ.

— Поѣдемте ко мнѣ въ деревню!..

— Куда же это?

— Да вотъ въ Сосновку... Поѣдемте?..

— Пожалуй... Я готовъ...

Пріятели заѣзжаютъ въ гостинницу, закусываютъ, послѣ чего Клубницынъ небрежно говоритъ: «за мной», и выходятъ на крыльцо.

— Иванъ!—кричитъ Клубницынъ.

Къ крыльцу подъѣзжаетъ тройка лошадей, съ выдавшимися костями отъ худобы, съ полинялыми лентами въ косахъ, съ кучеромъ, на лицѣ котораго нельзя замѣтить угрюмости и думы, несмотря на плоскую шляпу съ павлинымъ перомъ, надвинутую какъ-то ухарски на самый лобъ. Небольшая коляска, въ которую садятся наши пріятели—ветха и разбита: одна рессора окручена веревками, и какіе-то винты внутри ея очень стучать и дребезжатъ, особенно если экипажъ ѣдетъ по мостовой; это дребезжаніе винтовъ, эта убогость и въ экипажѣ, и въ костюмѣ кучера, и вообще во всей обстановкѣ Клубницына отражается на его лицѣ какимъ-то мрачнымъ облакомъ, какою-то тупою задумчивостью. Выѣзжая въ поле, Клубницынъ слегка успокаивается и забываетъ только-что сейчасъ данное себѣ слово починить коляску и нарядить кучера какъ куколку. Бабковъ понимаетъ, что теперь, въ этотъ моментъ дорожной молчаливости и задумчивости, онъ долженъ какъ-нибудь выказать Клубницыну ту пользу, которую пріобрѣтаетъ тотъ, взявъ его съ собою; вслѣдствіе этого онъ вдругъ оживляется и извергаетъ на своего компаньона Клубницына цѣлые вороха различныхъ анекдотовъ, очень живо разсказываетъ только-что случившійся скандалъ съ актрисой, которой какіе-то шалуны подпустили воробьевъ, и пр. Клубницынъ сначала слушаетъ все это съ полуулыбкой, потому что вниманіе его отвлекаютъ эти поля, тянущіяся черной полосой, этотъ встрѣтившійся мировой посредникъ, не поклонившійся мужикъ и проч. Во всемъ этомъ Клубницынъ видитъ какой-то ужасающій знакъ вопроса, на ко-

торый онъ рѣшительно не имѣетъ возможности дать хоть какой-нибудь отвѣтъ. Но потомъ разсказъ Бабкова, изобилующій картинами самаго шаловливаго свойства, постепенно сглаживаетъ непріятное впечатлѣніе этихъ полей, мужиковъ и посредниковъ, и Клубницынъ весь отдается во власть пейзажей, выгружаемыхъ цѣлыми кучами Бабковымъ. Клубницынъ остается доволенъ, что взялъ съ собою такого разбитного гостя: не придется скучать въ деревнѣ— пусть болтаетъ. Клубницынъ радъ, что ему есть случай забыться. Это тайное желаніе забыться можно объяснить тѣмъ множествомъ всякаго рода неудачъ, которыя въ настоящее время осаждаютъ непривычную къ размышленіямъ голову Клубницына и рождаются вслѣдствіе отсутствія хоть какихъ-нибудь крупицъ характера.

Подъѣзжаютъ пріятели къ помѣстью Клубницына, и всѣ теперь господствующія въ деревенской жизни передряги отражаются и говорятъ о себѣ на каждомъ шагу. Когда-то богатое помѣстье носитъ теперь слѣды быстраго разрушенія: съ каменныхъ столбовъ у воротъ кто-то стащилъ каменные шары: на ихъ мѣстѣ торчатъ желѣзныя спицы и растетъ трава; травою заросъ весь дворъ, трава покрыла собою дорожки и куртины цвѣтника, еще недавно разбитаго передъ подъѣздомъ, и теперь на главной клумбѣ, противъ крыльца, сохранившаго кое-что отъ прежней изящности своей—стоитъ водовозка, протянувъ короткія оглобли свои съ веревочными тяжами. Самая фигура дома постарѣла и обветшала какъ-то вдругъ, какъ старѣютъ люди, *вдругъ* перемѣнившіе разгульный образъ жизни на степенность и солидность. Незаставленныя цвѣтами и лишенныя занавѣсокъ окна, палка надъ бельведеромъ, съ обрывкомъ веревки вмѣсто флага, стѣны, ободранныя до кирпичей, и колонны, кое-гдѣ облупленныя до тоненькихъ пластинокъ драницъ—все это грустно дѣйствуетъ на присматривающагося къ жизни человѣка, потому что говоритъ о замираніи этой жизни. Садъ—безъ всякаго присмотра. Мостики, перекинутые черезъ канавки, устроенные собственно ради художественности картины, кое-гдѣ прогнили и безъ перилъ. На противоположномъ, подымающемся отъ сада холмѣ, вмѣсто парка, недавно красиво раскинутаго на немъ—торчатъ только голые пни, и глазу, привыкшему къ художественной дикости столѣтнихъ деревъ, приходится натыкаться теперь на дрянныя, полуразвалившіяся мужицкія избенки. Клубницынъ какъ-то смутно понимаетъ, что до

тѣхъ поръ у него будетъ пусто въ карманѣ, пока этотъ мужичій видъ будетъ носить признаки живописности: т.-е. эти дыры въ крышахъ, эти покачнувшіяся и покосившіяся стѣны и пр. и пр. Понимаетъ онъ также, что едва ли съ его характеромъ когда-либо будетъ можно заткнуть щели въ мужичьихъ крышахъ, выпрямить все покосившееся и такимъ образомъ не обидѣть и себя, будучи почти увѣренъ въ противномъ: онъ увѣряетъ и себя и другихъ, что паркъ срубленъ для того, чтобы *очистить* видъ, хотя и знаетъ, что произошло это отъ совершенно постороннихъ причинъ, ради тѣхъ же стѣснительныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ ухаживать за мѣщаниномъ Кузьмою Прокофьевымъ, почти безвыѣздно обитающимъ въ бельведерѣ у Клубницыныхъ. Кузьма Прокофьичъ человѣкъ очень тонкій: онъ очень хорошо понимаетъ, что баринъ (Клубницынъ) въ теперешнее трудное время никакимъ родомъ не можетъ сообразить: какъ быть? Поэтому онъ считаетъ выгоднымъ самъ помогать ему въ этомъ: онъ достаетъ ему деньги, закладываетъ вещи, скупаетъ понемногу луга и проч. и проч. Все это Кузьма Прокофьичъ дѣлаетъ съ огромною выгодой для себя, попросту говоря — грабитъ Клубницына, но грабитъ такъ изящно, такъ художественно, что Клубницынъ рѣшительно не промѣняетъ его ни на кого. Кузьма Прокофьичъ обдѣлаетъ всякое дѣло тихо, безъ огласки, роняющей во мнѣніи околотка достоинство Клубницына, и прямо принесетъ ему чистыя денежки, при чемъ самому барину не придется двинуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцемъ, а ужъ дѣло сдѣлано, и вотъ есть деньги. А это Клубницынъ цѣнитъ дороже всего, хотя бы ему приходилось получать только двадцатую часть противъ того, что онъ терялъ. Главное въ Кузьмѣ Прокофьичѣ—это отсутствіе всякой мужичатины и, напротивъ того, деликатность, умѣнье дать «не замѣтить». Кузьма Прокофьичъ до сихъ поръ величаетъ господъ Клубницыныхъ знатью, извѣстными помѣщиками, и даже въ тотъ моментъ, когда ему хорошо извѣстно, что въ цѣломъ домѣ этихъ знатныхъ господъ нѣтъ гривенника и неизвѣстно, когда еще будетъ,— онъ съ высокимъ благоговѣніемъ въ лицѣ пьетъ чай въ самомъ углу комнаты, около двери, и не упуститъ случая вставить фразу въ родѣ: «...вотъ тоже, опять, Быковы— знатные господа, примѣрно хоть бы и ваша милость». Клубницынъ понимаетъ все это и самъ и все-таки цѣнитъ эту услужливость, которая даетъ ему нѣкоторую возмож-

ность жить попрежнему. Словомъ, дѣла Клубницына идутъ плохо: въ хозяйствѣ полнѣйшее разстройство, дома полнѣйшая пустота и отсутствіе всякихъ интересовъ подъ гнетомъ все болѣе и болѣе наваливающейся тоски. И въ этомъ-то жилищѣ Бабковъ не былъ лишнимъ, принося пользу: какъ третье лицо между двумя недовольными, былъ полезенъ, не давая возможности проявляться этому недовольству, отвлекая непріятныя столкновенія, могущія произойти вслѣдствіе него. А недовольными были Клубницыны: мужъ и жена. Оба они были еще очень молодые люди, привыкшіе къ постоянно разнообразной жизни, исключительно направленной къ достиженію удовольствій; очутившись теперь въ крайнемъ положеніи, они начали сваливать вину настоящихъ запутанныхъ дѣлъ и собственной пустоты другъ на друга; мужъ говоритъ, что жена не умѣетъ поддержать его въ трудную минуту; «другая бы,—прибавлялъ онъ:—то-то и то бы сдѣлала бы и придала бы мужу энергіи»; а жена толкуетъ, что «мужъ виноватъ, что не обращаетъ на нее, слабое существо, никакого вниманія, не хочетъ поддержать—гибни, молъ, лети въ бездну», «другой бы» и проч. Вслѣдствіе такого рода отношеній, супруги дулись. А являлся Бабковъ, начиналъ что-нибудь болтать, и оба супруга смѣялись или ахали. Бабковъ имѣлъ способность цѣлые часы проводить, напримѣръ, за альбомомъ фотографическихъ карточекъ и трещалъ при этомъ нескончаемо; было ему темою все: фигура носа на портретѣ, поза, глаза, выраженіе лица и проч. По этому поводу припоминались разныя сцены, когда-то слышанныя, столкновенія, случаи. Время въ этой болтовнѣ проходило незамѣтно. Начинала m-me Клубницына играть на фортепіано, Бабковъ разсыпался въ похвалахъ и, поглядѣвъ, что похвалы эти дѣйствительно находятъ уголокъ въ сердцѣ барыни, принимался понемногу ухаживать за ней, не разсчитывая на какой бы то ни было успѣхъ и дѣйствуя только ради доставленія пріятнаго другимъ—на этотъ разъ барынѣ. Бабковъ имѣетъ въ глазахъ Клубницыныхъ еще то важное значеніе, что иногда для собственной *потѣхи* (желаніе которой, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, тоже барскими странностями, сидѣло во всей своей силѣ въ этихъ молодыхъ представителяхъ стараго поколѣнія) можно было *третировать* какъ угодно: Бабковъ будетъ отшучиваться, выйдетъ комедія, а время и тоска уйдутъ хоть на минутку. Третированіе Бабкова начиналось обыкновенно очень скоро послѣ

привычки къ нему, послѣ того, какъ всѣ занятные его анекдоты были пересказаны по два, по три раза и надоѣли. Жертвою насмѣшекъ Клубницына (а иногда даже и Клубницыной) Бабковъ бывалъ особенно въ то время, когда въ обществѣ ихъ находился посторонній четвертый или вообще были посторонніе люди, гости. Тогда надъ Бабковымъ или просто хохотали, если гость былъ разбитной человѣкъ, или дѣлали ему всякаго рода непріятности, подлости—задавая, напримѣръ, такіе вопросы: «А что, Николай Ѳедоровичъ, милостивый государь, не знаете ли, какъ дороги теперь пощечины?» Бабковъ отшучивался, какъ могъ: и въ этой жизни, лишенной изъ-за пустоты желудка всякой свободы, терялъ все *свое*, излыгался, принужденъ былъ и врать, и надувать, и форсить, лишь бы не быть выгнаннымъ въ шею. Жалкое было его существованіе!

Шло однако время—надоѣлъ, какъ собака, Бабковъ—и при немъ, какъ и безъ него, попрежнему начинали дуться другъ на друга супруги. Попрежнему подходила къ нимъ въ страшномъ образѣ душевная пустота, наряженная въ нищенскіе лохмотья, оплеванная и поруганная. Бабковъ предпочиталъ сидѣть, лежать и курить въ своей комнатѣ и какъ можно рѣже показывать свой носъ въ комнаты Клубницыныхъ, такъ какъ весь запасъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыми онъ былъ такъ плѣнителенъ въ первое время—истощился, и ему разъ уже было сказано: «отстаньте, ради Бога, съ вашимъ вздоромъ». Бабковъ и Клубницыны тосковали и вздыхали невыносимо; весь домъ носилъ оттѣнки какой-то ужасающей мрачности; въ верхнемъ этажѣ, гдѣ никто не жилъ, вѣтеръ стучалъ рамами и дребезжалъ стеклами, нанося пыль на кой-какую оставшуюся здѣсь мебель; въ нижнемъ, въ жилищѣ Бабкова и Клубницыныхъ, царствовала злая тишина; не слышно было даже звука фортепіано, изрѣдка шумѣло платье, и если раздавалось слово мужа или жены, то раздавалось оно со злостью, хотя бы состояло только въ вопросѣ: «гдѣ платокъ?», «дайте воды» и пр. и пр. Все, казалось, затянулось въ какой-то страшно тугой узелъ, который развязать нѣтъ никакой возможности, а надо разрубить.

— Рѣшено! — вскакивая со стула и швыряя на полъ книгу, съ безпредѣльнымъ одушевленіемъ восклицалъ Клубницынъ:—у насъ балъ!

— Бабковъ, балъ!—высовывая голову въ дверь къ Бабкову и снова исчезая, извѣщаетъ онъ...

— Кузьма Прокофьичъ!—продолжаетъ Клубницынъ, впопыхахъ вбѣгая въ бельведеръ:—выручайте! Завтра—балъ... что хотите!.. Вы просили у меня на пять лѣтъ арбузовскіе сѣнокосы—возьмите... Только, ради Бога...

— Очень хорошо-съ...

— Распорядитесь: что нужно... Музыка, все... все... самое лучшее—берите все... Не могу...

— Очень хорошо!

— Душка!—ловитъ Клубницына Бабковъ въ сѣняхъ.— Позволь тебя расцѣловать... Геніально!..

— Что, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего я себя мучаю?

— Дай мнѣ твои щеки... щеки, понимаешь ли?

— Отстань... Измучился, какъ собака...

— Ну, зачѣмъ это, Пьеръ?—съ радостнымъ, плохо скрываемымъ волненіемъ спрашиваетъ жена.

— Ни зачѣмъ,—впопыхахъ бросаетъ ей Пьеръ.

И воцаряется во всемъ домѣ какая-то оживленная суматоха. Особенно радостенъ и оживленъ Бабковъ: онъ то принимается вальсировать по комнатамъ, подпѣвая: ля-ля-ля, то вдругъ останавливается, обнимаетъ Клубницына, то бросаетъ его и, увидѣвъ въ окно отъѣзжающаго въ городъ Кузьму Прокофьева—съ неистовствомъ стучитъ въ стекло и потомъ, растворивъ окно, кричитъ остановившемуся Кузьмѣ Прокофьеву: «не забудьте карты, мѣлки...»; отъ окна Бабковъ бросается снова къ Клубницыну, потомъ снова вальсируетъ и т. д. Вечеромъ Бабковъ заперся въ своей комнатѣ и долго сидѣлъ, разглядывая свое платье: тщательно старался онъ закрыть и спрятать неблаговидныя мѣста въ родѣ дырокъ, пятенъ; долго за-полночь изъ-за запертыхъ дверей Бабковой комнаты слышалось шуршаніе платяного вѣника и какой-то особенный присвистъ, происходившій оттого, что Бабковъ иногда поплевывалъ на щетку и на руку, чтобы лучше усовершенствовать свой туалетъ. Ложась спать, онъ напудрилъ свою физіономію пудрой изъ коробки такого вида, какія встрѣчаются въ самыхъ захолустныхъ провинціальныхъ цырюльняхъ; тщательно заклеилъ какими-то черными кружками большіе угри, появлявшіеся отъ худосочія на его физіономіи и притомъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ, обвязалъ голову платкомъ и тогда только легъ спать, стараясь при этомъ выбирать такую позу, чтобы ни пудра ни пластыри не слѣзли.

Вмѣстѣ съ обитателями дома Клубницына, оживилась и

самая фигура дома. На другой день по длиннымъ коридорамъ неслась усиленная, давно небывалая стукотня ножей, лакеи сновали взадъ и впередъ, и вообще на всякомъ живомъ существѣ, бывшемъ здѣсь, можно было замѣтить слѣды истинной радости, отдыха. Часовъ съ двѣнадцати къ крыльцу подкатывали коляски, кареты и другіе экипажи, вылѣзали изъ нихъ дамы, дѣвицы, кавалеры... Все это шумѣло, хохотало, было счастливо, имѣя возможность встрѣтиться съ недавнимъ другомъ—старымъ привольемъ жизни. Бабковъ превратился весь въ непрерывное движеніе: въ одно и то же мгновеніе его можно было встрѣтить и въ саду съ дамой, говорящаго ей: «о, дда, я съ вами совершенно согласенъ», и въ кухнѣ — гдѣ онъ, съ вытянутымъ впередъ лицомъ и вытаращенными глазами, кричалъ: «скорѣй! скорѣй, ради Бога!», и въ передней, изъ которой онъ указывалъ лакею съ подносомъ, съ кого нужно начинать. Только нѣкоторые помѣщики, изъ породы образумившихся, были какъ-то серьезны: разверстаніе, издѣльная повинность, съѣзды—не сходили у нихъ съ языка, что тупымъ ножомъ рѣзало Клубницына по сердцу, вслѣдствіе чего онъ еще громче и чаще начиналъ выкрикать разные тосты, еще болѣе оживлялъ оргію.

Вечеромъ въ саду горѣли фонари, и столѣтнія деревья, окрашенныя снизу разноцвѣтнымъ свѣтомъ, казалось, улыбались почти дѣтскою улыбкою... На дорожкахъ, на скамейкахъ, подъ кустами, въ темныхъ аллеяхъ — сидѣлъ и ходилъ и шепталси народъ: впечатлѣніе цѣлой картины снова воскресшаго мертвеца было какъ-то слишкомъ ново, слишкомъ необыкновенно и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ печально... Толпившійся подъ окнами народъ дивовался, какъ гуляютъ господа: Бабковъ носился въ вихрѣ разнообразнѣйшихъ вальсовъ; m-me Клубницына, въ антрактахъ между фигурами контрданса, любезно оживъ, кокетничала съ какимъ-то франтомъ, граціозно отмахиваясь вѣеромъ. Самъ Клубницынъ, подъ конецъ вечера, началъ наряжаться какимъ-то шутомъ: представлялъ пьянаго нѣмца, пьянаго сапожника, вымазалъ рожу мукой, что навело стараго дворецкаго на самыя мрачныя мысли: наблюдая изъ темной передней за безобразіями, которыми щеголялъ баринъ, старикъ вздыхалъ, качалъ головою и шепталъ: «Господи, Господи! Что ужъ это такое будетъ!» А баринъ еще пуще бѣсновался, и трезваго человѣка бѣснованіе это хватало за сердце.

Пиръ продолжался до бѣлаго свѣта... Гости начали разъѣзжаться часу въ четвертомъ вечера на другой день. Чѣмъ больше пустѣли комнаты, чѣмъ больше выступалъ безпорядокъ, подѣланный вчерашнимъ днемъ, тѣмъ болѣе жуть прохватывала Клубницыныхъ: еще страшнѣе, еще мертвеннѣе казалась здѣшняя жизнь, еще ближе и въ болѣе ужасномъ образѣ подходилъ къ нимъ какой-то ужасающій и гибельный моментъ. Жена Клубницына не устояла противъ этого налегавшаго отовсюду ужаса — и съ какимъ-то страхомъ произнесла:

— Пьеръ! Я не могу... Я не могу здѣсь оставаться...

— Ѣдемъ... ѣдемъ,—торопливо отвѣчалъ Пьеръ, которому тоже приходилось невмоготу.

— Ради Бога скорѣй, скорѣй... Я не могу ни минуты... Мы къ тетушкѣ.

Бабковъ, какъ вѣжливый кавалеръ, стоитъ на крыльцѣ и провожаетъ гостей: онъ подсаживаетъ дамъ въ экипажи, съ особенною тщательностью укладывая ихъ подолы и кринолины, захлопываетъ дверцы и кричитъ кучеру: «пошелъ!». Дамы мило киваютъ ему головками и шепчутъ: «мерси!». Одной онъ даже слегка пожалъ руку, другой послалъ крошечный-крошечный поцѣлуй и былъ крайне счастливъ.

— Пьеръ! Пьеръ!!—вдругъ вскрикиваетъ онъ, видя, какъ съ быстротой молніи на тройкѣ уносятся Клубницыны.

Пьеръ не обращаетъ вниманія и не слышитъ; тройка летитъ.

— Это однако чортъ знаетъ что̀ такое: уѣхать... не сказать ни слова...

Бабковъ обиженъ...

— Я-то какъ же?.. Семенъ! Баринъ куда уѣхалъ?

— Не могу знать-съ.

— Надолго ли, по крайней мѣрѣ?

— Ничего не изволили говорить... Только что, ежели къ тетенькѣ, мѣсяца два пробудутъ.

— Это просто низость!.. Изъ рукъ вонъ... По крайней мѣрѣ, можетъ-быть, онъ приказывалъ что-нибудь насчетъ обѣда... и вообще...

— Ничего не приказывали...

— Это просто свинство!!

Бабковъ раздосадованъ очень. Сначала онъ начинаетъ негодовать на все человѣчество вообще, потомъ на Клубницыныхъ въ частности. Свои негодованія онъ начинаетъ съ фразы: «О, люди, люди! Есть ли въ насъ искра...», а

оканчиваетъ: «просто свиньи, невѣжи, больше ничего». Послѣ этого приговора онъ исключительно предался соображеніямъ касательно своего спасенія и убѣдился, что нужно снова появиться въ городѣ. Слѣдствіемъ этихъ соображеній было то, что черезъ нѣсколько минутъ Бабковъ стоялъ среди двора мужицкой «*сборни*» и довольно повелительнымъ голосомъ взывалъ:

— Эй, кто тутъ?

Старый согнутый старикъ вылѣзъ изъ низенькой двери мужицкой избы.

— Есть лошади?..

— Да вы кто такой?

— Есть лошади?

— Есть...

— Давай...

— Это вы воспенный лѣкарь-то?

— Я. Давай...

Лошади готовы. Старикъ вынесъ Бабкову какую-то книгу—расписаться.

— Читать умѣешь?—спрашиваетъ Бабковъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Гмм...

Бабковъ соображаетъ это и, не записавъ своей фамиліи, пишетъ только: «*взято* три лошади; безъ прогоновъ»...

Къ вечеру усталая и изможденная тройка дотащила его опять до г. N.

Петербургскіе очерки.

I. № 24 и его обитатели. Шалопай.

При помощи какой-то, до высшей степени юрковатой фигуры женскаго пола, показывавшей вамъ всѣ удобства меблированныхъ комнатъ, всѣ ходы и выходы, — вы наконецъ дѣлаетесь обитателемъ этихъ комнатъ и начинаете понемногу знакомиться, собственно, съ вашимъ жилищемъ, съ правами шамбръ-гарни. Вы замѣчаете, что окна ваши упираются въ какую-то, вытянувшуюся во всю длину дома, стѣну, которая очень мѣшаетъ вамъ отворить свою форточку, по причинѣ нѣкоторой испорченности воздуха, обдающаго васъ и наполняющаго вашу комнату, въ этихъ случаяхъ, мгновенно; замѣчаете вы, что въ комнатѣ мало

свѣту, что ни одинъ замо̀къ у стола или шкапа и комода не дѣйствуетъ такъ, какъ слѣдуетъ, замѣчаете неустойчивость стола, отсутствіе ноги у дивана, еле держащійся на ногахъ стулъ, сломанную ручку и пр. и пр. Вамъ дѣлается нѣсколько неловко: какъ это вы все пропустили незамѣченнымъ?—и тутъ припоминается вамъ та же, женскаго пола, юрковатая особа. Въ то время, т.-е. въ день перваго визита, вы, напротивъ, были убѣждены въ высшихъ совершенствахъ комнаты, юрковатая особа такъ искусно щелкала замка̀ми, такъ свободно и нецеремонно толкала и отодвигала стулья, столы, не обнаруживавшіе ни малѣйшихъ изъяновъ, такъ искусно, во время разговора, заслоняла собою сломанную ручку кресла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою откровенностью указала на единственный недостатокъ въ комнатѣ — слишкомъ большое тепло и т. д.,— что вы имѣли при этомъ случай подумать о человѣческомъ добродушіи и мягкосердечіи, а ужъ никакъ не о надуваніи, прикрытомъ французскимъ названіемъ chambres garnies и какими-то драпировками на окнахъ. Скрѣпя сердце, вы рѣшаетесь пока не отворять форточку или отворять только въ самые сильные холода; рѣшаетесь пока оставлять распертымъ столъ и не трогать, ни подъ какимъ видомъ, сломаннаго стула. Словомъ, рѣшаетесь предоставить все власти Божіей, по иностранному — statu quo, и, наравнѣ съ множествомъ исчисленныхъ неудобствъ, принуждены принять дальнѣйшее попеченіе юрковатой женщины, которая не кто иная, какъ горничная Авдотья въ меблированныхъ комнатахъ.

Усадивъ васъ въ комнату, изобилующую всѣми неудобствами,—Авдотья теперь даже и не обращаетъ вниманія на то, что вы находитесь въ такомъ интересномъ положеніи; да едва ли она и знала еще, сажая васъ въ эту трущобу, что дѣлаетъ безобразное дѣло,—она просто исполняла свою обязанность и теперь продолжаетъ ее, только въ другомъ видѣ: теперь она принимается знакомить васъ со своими жильцами, вашими сосѣдями. Подметая или замывая комнату, или просто явившись взять самоваръ, она не упускаетъ при этомъ случаѣ разсказать вамъ что-нибудь про своихъ жильцовъ: «Вонъ въ угловой-то который живетъ,—разсказываетъ она:—очень серчаетъ, ежели сапоги долго... Да вы бы, говорю, баринъ, на ночь выставляли... А то какъ же я могу утромъ—почиваете... Онъ мнѣ и выставилъ. Съ тѣхъ поръ тихо», или: «А вотъ тутъ малень-

кую комнату занимаетъ тоже какой-то молодой баринъ, Барановъ фамилія,—третій мѣсяцъ за квартиру не платитъ и въ разговорѣ строгость большую считаютъ: «невѣжа», говоритъ... «рутина» какая-то, «дубиной васъ, говоритъ, надо всѣхъ», и проч.

Слушая такого рода разсказъ Авдотьи, вы невольно начинаете наблюдать надъ вашими сосѣдями. Наблюдая, вы выводите ту или другую, полезную для себя мораль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждаетесь, что на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ ни одной человѣческой рожицы, къ которой бы можно было подобрать подходящую пару. Теперь мы и поспѣшимъ познакомиться съ этими маленькими людскими рожицами.

Въ угловой комнатѣ, по словамъ Авдотьи, обитаетъ какой-то сердитый баринъ. Баринъ по виду дѣйствительно сердитъ: посмотрите, какимъ взглядомъ пренебреженія окидываетъ онъ васъ, незнакомаго ему человѣка, напримѣръ, хоть въ то время, когда и вы и баринъ зажигаете у газоваго рожка свѣчку. Что-жъ тутъ заслуживаетъ пренебреженія? А между тѣмъ, если вы имѣете нетвердую еще вѣру въ свое дѣло, еще не разучились перетолковывать чужой суровый взглядъ въ свою невыгоду,—вы смутитесь отъ этого взгляда, подумаете надъ собой, подумаете надъ бариномъ, надъ этой еще молодой личностью съ взлохмаченными волосами, съ апатичнымъ, соннымъ, но пренебрегающимъ взглядомъ, въ запачканномъ пепломъ и всякими пятнами драповомъ пальто, которое не слѣзаетъ съ его плечъ никогда. Въ первое время эти суровые взгляды, бросаемые сердитымъ бариномъ, по всей вѣроятности, нарисуютъ вамъ серьезнаго, дѣлового, думающаго человѣка; но мало-по-малу вы будете убѣждаться въ противномъ. Убѣждаетесь вы самыми некрупными фактами.

Кто-то пришелъ и спрашиваетъ: нѣтъ ли комнатъ? Происходитъ шумъ, разговоры.

— Нѣтъ-съ, нѣту,—говоритъ Авдотья.

Посѣтитель уходитъ.

Дверь изъ комнаты сердитаго барина отворяется. Высовывается голова барина и, самымъ сухимъ и сердитымъ басомъ, произноситъ:

— Кто это такой?

— Офицеръ какой-то...

У барина брови сдвинуты къ носу.

— Что̀ ему нужно?

— Комнатъ спрашивали...

— Нѣту комнатъ?

— Нѣту-съ.

Баринъ все стоитъ, высунувъ въ коридоръ голову, и плюетъ для развлеченія.

— Такъ ты ему такъ и сказала?

— Сказала—нѣту...

— Гмм...

Дверь звѣрски хлопаетъ, баринъ скрывается.

Въ коридорѣ какая-то дѣвица принимается играть съ кошкой; несмотря на свои преклонныя лѣта, она по всѣмъ примѣтамъ хочетъ казаться юной дѣвой,—поэтому пищитъ, и визжитъ, и охаетъ самымъ тончайшимъ голоскомъ.

— Что̀ это такое?—грозно произноситъ серьезный господинъ.

— Да вотъ Анна Васильевна съ кошкой играли...

— Съ какой?

— Съ Машкой-съ...

— Съ Машкой?

— Да-съ.

Сердитый господинъ, очевидно, придумываетъ вопросъ:

— Что̀ же, гдѣ-жъ теперь эта Машка?—злѣйшимъ образомъ произноситъ онъ.

— Должно-быть, гдѣ-нибудь здѣсь.

— Гдѣ?

— Здѣсь гдѣ-нибудь...

Сердитый баринъ упорно смотритъ на Авдотью и вдругъ съ такимъ остервенѣніемъ хлопаетъ дверью, что Авдотья вздрагиваетъ, и ужъ дѣйствительно занятый дѣломъ жилецъ высовываетъ голову и спрашиваетъ:

— Что̀ это такое?

— А это все г-нъ Барановъ стучатъ.

А господинъ Барановъ съ большею еще злобою пожираетъ самого себя въ задымленной, низенькой, съ окнами почти у пола, безпорядочной комнатѣ. Гложетъ что-то внутри его: гложетъ упорно и безостановочно. Глубокая, грустная дума и надъ самимъ собою, и не менѣе глубокая пустота, не имѣющая ни малѣйшей возможности быть чѣмъ-нибудь наполненною,—измочаливаютъ бѣднаго юношу до тла, дѣлаютъ его тѣмъ, что̀ называется *шалопай*: человѣкъ и дѣлать ничего не умѣющій, да и не могущій ничего дѣлать. Вырвавшись изъ родного гнѣзда, ради новой жизни, ради свѣтлаго, прекраснаго и манящаго зарева, въ которомъ рисовалась столица,

юноша бросился въ эту столицу съ радужными, но совершенно неопредѣленными надеждами, не имѣя за плечами ничего, кромѣ злобы къ однообразію картины нравовъ родины и стремленія къ будущему счастію; а какъ, какими орудіями схватить это счастіе, онъ не зналъ, да и не думалъ знать. Подоспѣлъ онъ въ Петербургъ въ то блаженное, до телячества радостное время, когда почти всѣ почему-то хотѣли хвалить другъ друга, обнять и расцѣловать. Ахъ! въ это счастливое время Тамберликъ еще не становился на цыпочки, чтобы схватить рукою ut diez! Въ то прекрасное время стоило только сказать: «и я сочувствую», «и я съ вами совершенно согласенъ», чтобы получить право на взаимное уваженіе и, мало того, радушіе, любовь по гробъ. Посмотрите, что это были кругомъ за умильныя рожи,—какія у нихъ масляныя улыбки, и чему они радуются? А рады, очень рады. Въ это время и Баранову нашлось дѣло: если случалось нести кого-нибудь изъ залы и кричать: «ура!»,—Барановъ первый подпиралъ этого «кого-нибудь» въ самую спину и громче всѣхъ, вытаращивъ глаза, кричалъ, что слѣдовало. Если разыгравшееся телячество требовало выпрячь лошадей и тащить карету великаго таланта на себѣ,—Барановъ былъ всегда въ корню. Практическіе, вытертые петербуржцы, понимавшіе, что вся сила въ картинѣ, а не въ дѣйствительномъ ломаніи ногъ и рукъ, ибо искренность отъ этого не выигрываетъ,—только подпрыгивали съ умильными физіономіями на пристяжныхъ,—а Барановъ перъ, какъ ломовая лошадь. Словомъ, былъ такой прекрасный кутежъ, когда соображать было вовсе не нужно. Всѣ какъ будто сказали: «Братья! давайте, ради Бога, ни о чемъ не думать». И не думали. Барановъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, вполнѣ живущимъ самою кипучею жизнью. Но эта золотая пора прошла. Ut diez — вовсе не диво; знакомый мнѣ лѣкарь клянется честью, что можетъ хватить вдвое выше этого діеза, и дѣйствительно хватаетъ верстъ на пять за эту розовую ноту, и между тѣмъ—никто не рукоплещетъ этому. Разсудительные люди тотчасъ же спрятали свои масляныя улыбки. Стараются по возможности рѣже видѣть другъ друга.

— «Дѣла! Дѣла!»—говорятъ они и потихоньку исчезаютъ изъ Петербурга въ Западный край на должности мировыхъ посредниковъ и т. д.

— Послушайте,—говоритъ Барановъ:—мнѣ только нужно немного поправиться... Понимаете ли, у меня хозяйка си-

литъ на шеѣ. Мнѣ нужно только съ ней развязаться... Самъ я примусь за работу...

— Сколько я ни слушаю васъ,—говорятъ отрезвившіеся Баранову:- вы все только собираетесь... Кажется, этому и конца не будетъ... Вы хоть бы въ писаря въ кварталъ шли... Надо же что-нибудь дѣлать? Меня спросятъ:—«Кто вы такой?» Отвѣчаю:—«такой-то...» — «Вы, г. Барановъ, вы кто? Ваша профессія?» — Что вы на это скажете?— Никто! Никакой профессіи. Надо, батюшка, дѣло дѣлать...

Барановъ плевалъ и шелъ къ другому, къ третьему. Наконецъ его выручали изъ когтей хозяйки. Наставала пора дѣла.—«Что же я буду дѣлать?» Ему предлагали начать съ начала, съ азбуки. Оказывалось необходимымъ добраться до положительныхъ истинъ и успѣха въ жизни путемъ книжнаго опыта съ чертежами и рисунками; представлялась такая страшная лѣстница, съ такимъ множествомъ ступеней, начиная съ французской и нѣмецкой азбуки до послѣдняго зуба во рту бѣлки, и т. д. Барановъ только взглядывалъ на эту лѣстницу и плевалъ на нее — трудно, невозможно. Просто—нельзя, и толковать поэтому нечего. Воцарилась такимъ образомъ въ отцвѣтшемъ и никогда не распускавшемся цвѣткѣ—пустота, скука и злоба. Мыкалась и трепалась въ людскомъ омутѣ эта безобразная комбинація, и выходило въ лицѣ Баранова *общее мѣсто*—бѣдность.

Это избитое, истрепанное и воспѣваемое, и въ то же время забываемое слово до такой степени, въ силу своей давности, надоѣло и опошлилось, что и не диво, если жалобы ея проходятъ мимо человѣческихъ ушей; но зато, если вы, слушая, какъ эта отвратительная старуха начнетъ хриплымъ голосомъ разсказывать результатъ своего тысячелѣтняго опыта—въ родѣ слѣдующаго: «бѣднаго вездѣ презираютъ,—богатаго же вездѣ величаютъ», «передъ бѣднымъ захлопываютъ двери,—богатому распахиваютъ оныя» и т. д., ежели вы, слушая эти съ начала міра звучащія въ ушахъ человѣческихъ слова, не удержитесь отъ улыбки, то, присматриваясь пристально, навѣрно также не удержитесь и отъ ужаса.

II. Арабеска, не болѣе.

1.

...Когда вы вполнѣ изучите механизмъ жизни меблированныхъ комнатъ, вы найдете, что здѣсь господствуетъ самая необыкновенная неизмѣнность явленій: въ извѣстное

время отворяется та или другая дверь,—высовывается голова и приказываетъ подать самоваръ; потомъ по порядку времени высовывается другая, и т. д. Рѣдко бываютъ случаи, когда высовываются сразу всѣ головы и сразу требуютъ: «*самоваръ*». Событіе до такой степени странно, что горничная, направляющаяся съ чайнымъ приборомъ къ какому-нибудь номеру, въ которомъ, по ея расчетамъ, хотятъ пить чай именно теперь, заслышавъ этотъ неистовый хоръ, произносящій устами двадцати человѣкъ: «Аксинья, самоваръ»,—содрогается всѣмъ тѣломъ и роняетъ приборъ на землю. Въ извѣстное время идутъ жильцы въ должность: приказчики ранѣе другихъ исчезаютъ въ свои конторы, художники, съ измятыми физіономіями, валяются въ кровати до двухъ часовъ, созерцая покачнувшійся и уже холодный самоваръ. Въ извѣстную пору возвращается народъ домой, въ извѣстную пору ѣстъ, пьетъ чай, спитъ и т. д. Жизнь до того монотонна, до того однообразна, а главное—суха, мертва, что вамъ никогда не придетъ въ голову, чтобы она когда-нибудь могла выбиться изъ своей колеи, надѣлать различныхъ безпорядочныхъ, неприличныхъ арабесокъ, въ которыхъ бы всѣ капризныя свойства человѣческихъ нервовъ не были побѣждены такъ-называемою сдержанностью, ради такъ-называемой *постановки себя*, ради положенія, виднаго мѣста и проч. въ обществѣ. Но какъ бы мнѣ ни хотѣлось разубѣдить человѣчество въ мнимой пользѣ этого сдерживанія, въ мнимой пользѣ этой невозможности дохнуть полной грудью свѣжимъ воздухомъ, я, противъ воли, долженъ передать фактъ, который говоритъ какъ разъ противъ меня.

Года два или три назадъ, въ одной изъ клѣтушекъ № 24 сидѣлъ молодой человѣкъ, только-что пріѣхавшій изъ провинціи: объ этомъ говорилъ его костюмъ, шитый провинціальнымъ портнымъ и способный заставить вытаращить глаза всякаго петербуржца. Объ этомъ говорило наконецъ его свѣжее, даже слишкомъ свѣжее лицо. Денегъ у молодого человѣка было мало, т.-е., если по чистой совѣсти говорить,—совсѣмъ не было. Вслѣдствіе этого молодой человѣкъ крайне убивался. Терзанія его увеличивались нынѣшній вечеръ еще потому, что въ номерахъ, въ должности прислуги, появилась здоровенная деревенская баба, по имени Мароа, каждое появленіе которой въ комнатѣ юноши отзывалось на послѣднемъ приливомъ крови къ головѣ и къ сердцу и ощущеніемъ мороза, пробѣгавшаго по спинѣ.

Если я прибавлю, что и Мареа испытывала едва ли не то же, то читателю, полагаю, будетъ понятно, почему произошелъ нижеслѣдующій разговоръ и нижеслѣдующіе поступки.

Молодой человѣкъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, ерошилъ волоса, потомъ вдругъ рѣшительно остановился у двери и, пріотворяя ее, произнесъ:

— Мареа! Дайте, пожалуйста, сюда воды...

Пока Мареа говоритъ: «сейчасъ» и принимается плескать ковшомъ въ ушатѣ воды, юноша придумываетъ, какъ начать разговоръ, и рѣшаетъ сказать ей: «Мареа, послушай...» и т. д. Но такая, ловко придуманная фраза вдругъ свертывается въ какой-то комокъ въ самую нужную минуту, то-есть въ минуту появленія Мареы съ водою, и юноша говоритъ съ замираніемъ сердца:

— Поставьте сюда, на столъ...

— Сапоги не дадите?..

— Немного погодя...

Мареа уходитъ, молодой человѣкъ разозленъ. Онъ проклинаетъ свою застѣнчивость, придумываетъ способы и не находитъ ничего лучшаго, какъ снова отворить дверь, и произноситъ:

— Мареа! принеси, пожалуйста, сюда... воды...

Мареѣ ничуть не кажется дивомъ такое желаніе.

— Куды вамъ столько? — говоритъ она, ставя на столъ другой графинъ и направляясь къ двери.

— Послушай... Погоди!.. Затвори на минутку дверь... Я хочу тебѣ сказать два слова... Мареуша...

Мареа огненной рукой отпихиваетъ огненную руку юноши и исчезаетъ, и принимается мыть посуду, погромыхивая чашками и блюдцами. Такъ какъ она еще баба деревенская, то при всемъ томъ, что она, какъ и городская, можетъ понимать смыслъ совершающихся фактовъ, во время этой упорной думы надъ перемываемой посудой,—на лицѣ ея не замѣтно ни улыбки, ни хихиканья, ни лукаваго обманчиваго выраженія лица, которое почему-то присутствуетъ у испытавшей кое-что горожанки... Моетъ она посуду и думаетъ, что такое это дѣло...

— Послушай, Мареа! — раздается въ коридорѣ.—Принеси, пожалуйста, воды...

Снова вода. Снова непонятный разговоръ и на этотъ разъ какимъ-то горячимъ шопотомъ. Но Мареа все-таки уходитъ, и юноша все-таки тотчасъ же высовываетъ голову и произноситъ:

— Мароа! послушай...

— Мароа! — раздается голосъ хозяйки въ рыжемъ парикѣ и наколкѣ съ зелеными лентами.

— Мнѣ нужно воды... Пожалуйста, потрудитесь сказать, чтобы она принесла воды.

— Вада? Чичасъ.

— Пожалуйста...

Юноша лежитъ на кровати, на спинѣ. Дверь скрипнула, сердце застучало.

«Теперь я...»—думаетъ юноша...

— Зачѣмъ вада? Зачѣмъ вамъ вада? — раздается недовольный голосъ хозяйки.—У васъ дри графинъ вада...

— Какъ?

— Дри графинъ вада. Зачѣмъ ишо?

— Ну, въ такомъ случаѣ, не нужно... Извините, пожалуйста.

Глубокая ночь. Часъ. Газовый рожокъ въ коридорѣ почти завернутъ, такъ что газъ чуть-чуть освѣщаетъ кругомъ... Потихоньку скрипитъ дверь, юноша высовываетъ голову изъ темной уже комнаты и негромко произноситъ:

— Мароа! Послушай... Принеси, пожалуйста, воды...

Мароа, наклонивъ голову внизъ и придерживая на груди развязанное и разстегнутое платье, не спѣша и конфузясь, несетъ воду...

Здѣсь я не могу навѣрное сказать читателю, какъ продолжалась исторія дальше. Не могу также объяснить и того, почему студентъ Оголдѣевъ, которому не спалось всю ночь, отворивъ подъ утро дверь въ комнату юноши, могъ воскликнуть только:

— А-а-а-а-а!!.

И затѣмъ поспѣшно скрыться.

Какъ бы то ни было, я все-таки долженъ продолжать мою повѣсть...

Съ тѣхъ поръ дѣла юноши пошли иначе. Благодаря обществу, кружку, въ который попалъ онъ, необходимо было передѣлаться, стать петербургскимъ молодымъ человѣкомъ, совершеннымъ чиновникомъ-прогрессистомъ, въ которомъ и прогрессъ и прекрасныя идеи заключены настолько, насколько они могутъ, какъ интересныя новости, пригодиться для журфикса. Неизвѣстно, въ силу какихъ побужденій, молодой человѣкъ интересуется лекціями Костомарова, неизвѣстно почему долженъ приходить въ восторгъ отъ Фіоретти и въ то же время говорить, что реальныя требова-

нія... я вполнѣ сочувствую реальному направленію: помилуйте, — что̀ это такое? и т. д. Словомъ, вмѣстѣ съ умѣньемъ тянуть стаканъ чая въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ и съѣсть при этомъ только одинъ сухарь,—юноша все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ обставляющія порядочнаго молодого человѣка достоинства и занимаетъ такимъ образомъ предназначенное судьбою мѣсто въ ряду чиновниковъ. Наука провинціи, опытъ провинціальной жизни, провинціальныхъ полей, лѣсовъ и людей, замѣняется понемногу, незамѣтно, наукою каменныхъ гранитныхъ зданій и людей столицы, людей, умершихъ для какихъ бы то ни было интересовъ ради интересовъ мѣщанскаго счастья, ради собственной квартиры съ мѣдною дощечкою на двери, ради собственныхъ журфиксовъ. На этихъ полныхъ высочайшей тоски вечерахъ существуютъ свои ученые, которые, со временемъ, будутъ очень замѣчательными, существуютъ свои литераторы, сочиняющіе преимущественно стихи, литераторы, которымъ извиняется нѣкоторая непрочность сапогъ ради будущей знаменитости и славы. Существуютъ свои Тамберлики съ сиплыми деревянными голосами, но зато со всѣми мельчайшими пріемами истинныхъ артистовъ. Этотъ Тамберликъ, собираясь пропѣть какой-нибудь романсъ въ родѣ:

Всегда и вездѣ за тобою,
Какъ призракъ ночной, я брожу, и пр. и пр.—

предварительно сообщаетъ, что онъ сегодня не въ голосѣ, откашливается, потрогиваетъ свои бѣлобрысые усы и, вытянувъ шею на нѣсколько метровъ, издаетъ пронзительный звукъ... Кромѣ этого, артистъ кутаетъ свое горло множествомъ кашне, не ужинаетъ, приводитъ въ неистовство своими ужасными гаммами въ родѣ: га-га-га-га... и т. д. Посмотрите, какія позы принимаетъ этотъ артистъ дома, какъ онъ изучилъ всѣ мельчайшія подробности артистической походки огромными шагами, всѣ мельчайшія движенія рукъ, поясняющія, въ чемъ дѣло: въ моменты страсти онъ загибаетъ руку подъ мышку и поднимаетъ другую къ небу, въ моменты грустнаго речитатива водитъ рукой передъ собою, а въ трагическія минуты тычетъ пальцемъ въ землю, изображая, напримѣръ, обманутаго Лючіею жениха, проклинающаго свою безвинно павшую невѣсту...

Прррраккклиннаю прак-клинаю тто ммгновенье,
Ккааакъ ттваимъ...
Какъ тваимъ поввѣррриль клятвамъ, и т. д.

Онъ такъ страшно произносилъ это проклятіе, что тощая желѣзная кровать, съ продавленнымъ тюфякомъ, изображающая прекрасную Лючію, отъ страха, кажется, по временамъ вздрагиваетъ своими тонкими ногами и подъ конецъ распластываетъ ихъ плашмя по полу; а отъ внезапныхъ выкриковъ въ кухнѣ квартирной хозяйки, на плитѣ перевертываются горшки и кастрюли.

Да! только будущая знаменитость можетъ простить этимъ безчисленнымъ Тамберликамъ тѣ невыносимыя муки, которыми отравляютъ они миръ петербургскихъ вечеровъ. Мой герой, мой милый юноша, не обладая ни литературными, ни учеными, ни артистическими талантами, могъ только всѣхъ хвалить, могъ только со всѣми соглашаться, говорить: о, да, о, да... и т. д. Онъ находился въ положеніи прекраснаго молодого человѣка, который долженъ знать все, т.-е. быть памятной книжкой, въ которой можно было отыскать всѣ новости, происшедшія въ теченіе недѣли, отъ той до той пятницы; долженъ знать все, начиная отъ покражи на Лиговкѣ двухъ салоповъ до послѣдняго остроумнаго словца въ карикатурной газетѣ. Жертвуя всѣмъ ради журфиксовъ, стараясь забыть свое прошлое, молодой человѣкъ жилъ какими-то новыми *строчками*, которыя судьба доносила ему какъ-то ненарочно. Вычеркивая изъ своего характера такимъ образомъ всякія оригинальныя черты, молодой человѣкъ рѣшительно ни въ чемъ не могъ уже отстать отъ другихъ, тоже молодыхъ людей и поэтому худѣлъ отъ неравномѣрнаго употребленія пищи, пріобрѣталъ себѣ современные штаны, пиджакъ, низкіе отложные и бѣлые, какъ снѣгъ, воротнички,—словомъ, дѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и строилъ уже планы на большіе шансы къ благосостоянію, какъ судьба неожиданно подготовила мгновенный, но жестокій ударъ его высокой порядочности.

2.

Прошелъ годъ. Мароа была давно прогнана... Лягаевъ (молодой человѣкъ) собирался на журфиксъ. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, созерцая свое тощее лицо, которое цвѣтомъ напоминало кофе со сливками, а не кровь съ молокомъ, какъ было когда-то. Провинціальная свѣжесть была уже подмѣнена. Тонкія, всегда холодныя руки его съ особенною тщательностью возились надъ тоненькимъ галстукомъ и затягивали его въ самый мотылькообразный узе-

локъ. Молодой человѣкъ наклонялъ голову на одинъ бокъ, потомъ на другой, прихлопывалъ узелъ ладонью, подымалъ свѣчку надъ головой или держалъ ее сбоку, чтобы освѣтить себя съ разныхъ пунктовъ, принялъ нѣсколько граціозныхъ позъ, нѣсколько разъ кашлянулъ солиднымъ образомъ, въ то время, какъ кашля совершенно не существовало. Все это были ни больше ни меньше какъ маневры, или детали, которыми мой герой думалъ обставить свою особу на журфиксѣ. Къ числу этихъ приготовительныхъ экзерсисовъ необходимо причислить кое-какія соображенія, которыя не покидали молодого человѣка во время внѣшняго, такъ сказать, усовершенствованія своей особы. Онъ съ особеннымъ упорствомъ ломалъ голову, припоминая, что бы сообщить сегодня, о чемъ бы заговорить: вспоминалъ онъ почему-то, что скоро открывается гласное судопроизводство, и что этому почему-то необходимо радоваться, и тотчасъ же рисовалъ картину, какъ извѣстіемъ объ такомъ прекрасномъ нововведеніи онъ обратитъ на себя взоры всѣхъ.

— Скоро?—спросятъ его всѣ, даже дамы.

— О, дда!—скажетъ онъ.

— Какъ это мило!—скажутъ дамы.

— Наконецъ-то мы дождались,—будетъ говорить молодой человѣкъ, держась за спинку стула.—Наконецъ-то преступникъ можетъ быть оправданъ... Потому что правосудіе-то будетъ какъ бы и по рукамъ и по ногамъ связано...

— Ахъ, какъ это однако мило! — скажутъ дамы... несмотря на то, что имъ, какъ и молодому человѣку, рѣшительно все равно—связано ли правосудіе по рукамъ и ногамъ, или нѣтъ. Замѣтивъ нѣкоторое томленіе на лицахъ слушателей по поводу гласнаго судопроизводства, молодой человѣкъ тотчасъ же перелетитъ къ постановкѣ «Пуританъ» и сообщитъ при этомъ собственныя наблюденія надъ игрой г. Никольскаго, и, конечно, покоритъ эту игру, а черезъ секунду молодой человѣкъ будетъ у рояля толковать съ кузиной хозяйки о томъ, что и женщинѣ нужна полная свобода... т.-е., понимаете ли, свобода въ полнѣйшемъ значеніи этого слова... и т. д.

Матеріалъ для журфикса былъ собранъ такъ хорошо, что Лягаевъ чувствовалъ себѣ вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Соображая свое положеніе въ ряду посѣтителей гостиной Прохоръ Петровича, онъ нашелъ, что причиною его счастія самый тонкій, самый осмотрительный тактъ.

— Тактъ, тактъ! Вотъ начало и конецъ всего, —

заключилъ онъ вслухъ и, надѣвъ шляпу, направился къ двери.

Но въ тотъ моментъ случилась удивительная вещь, удивительная встрѣча—дверь отворилась, и какая-то коротенькая приземистая масса, въ мужицкомъ полушубкѣ. стуча и оскользаясь облѣпленными снѣгомъ сапогами, ввалилась въ комнату...

— Куда, куда, куда?..—кричала расфранченная горничная, догоняя массу. — Нѣтъ никого... кого надо? Куда ты безъ спросу лѣзешь... всякій съ улицы такъ и претъ, не спросясь. Дома нѣту...

— Анъ вотъ дома,—отвѣчала масса.—Что ты злисси-то... что тебѣ я мѣшаю... и такъ смоталась, истпранилась... ты не гони.—на свой-то хвостъ оглянись, да тады и кричи... я къ нему пришла.

— Какъ, ко мнѣ?—изумленно воскликнулъ Лягаевъ.

— Къ тебѣ... вотъ къ кому... Ба-ай, ба-ай... Шшшшш...

Масса, въ которой прекрасный молодой человѣкъ узналъ Мареу, открыла полу полушубка и, развертывая какія-то тряпки, отнимала отъ груди двухнедѣльнаго ребенка, издававшаго какіе-то болѣзненные звуки...

Горничная сначала всплеснула руками, но тотчасъ же отъ ужаса перешла къ улыбкѣ и молча, ядовито созерцала ошалѣвшую фигуру молодого человѣка, который то бормоталъ что-то въ родѣ: «почему-же-съ, почему-же-съ», то заикался, прося затворить дверь, бросался затворять самъ, и дверь все-таки оставалась растворенною.

— А то гнать... Слава Богу, гоняли. По морозу-то нука-сь... Съ ребятами-то не берутъ; мыкаешься-мыкаешься... Ба-ай, бай... погляди-ка-сь, баринъ, на дѣвочку-то... погляди, не бойсь, эко вдарился, что она съѣстъ тебя, что-ль...

— И-и-и-и... — блеялъ баринъ, отмахиваясь изъ угла рукою.

— Ды вѣдь, чай, твое нарожденіе-то... неужто-жъ это, погляжу я, вамъ ничуть это даже не радостно... а? Ты хучь бы такъ, для виду-то хучь бы приласкалъ бы насъ... Что-жъ мы съ холоду-то да съ голоду-то, неужто мы ужъ и здѣсь себѣ защиты-помоги не найдемъ!.. Что мы мерзлись-то да бѣдовали, такъ за это насъ еще пуще того надо? Что-жъ это такъ-то нешто Богъ назначилъ... А, баринъ... О-охъ, мы горькія...

Баба начала рукавомъ полушубка утирать наполнившія глаза слезы и въ то же время, чтобы прекратить подня-

вшійся пискъ ребенка, начала его кормить грудью, укладывая его голову въ шапочкѣ изъ ситцевыхъ клинушковъ — чуть не подъ мышку.

Ребенокъ замолкъ.

Баба всхлипывала; прекрасный молодой человѣкъ почему-то глядѣлъ въ стѣну и сморкался, не имѣя въ этомъ никакой надобности, въ бѣлый платокъ. Даже расфранченная горничная постаралась спрятать свою улыбку и потихоньку сказала:

— Охъ, чижало нашей сестрѣ.

— ... Гдѣ тебя съ ребенкомъ-то возьмутъ, — говорила Марѳа, раздумывая. — Кому надобно? Туды сходи, туды сбѣгай, то принеси, да за нимъ присмотри, — нешто это можно? Ды куда я, скажетъ, тебя съ дьяволомъ-то съ твоимъ дѣну... Смраду-то у меня и безъ васъ, слава Богу... Нанялась у нѣмцевъ у какихъ-то, шутъ ихъ разберетъ, — больно, вся разнемоглась, животомъ недужаю, пучитъ всее, — какъ зачали они меня, каторжные, съ лѣстницы-то пырять: то за булкой, то за папиросой, — можетъ, я десять верстъ по этимъ ступенямъ-то, какъ лошадь почтовая... опять дѣтенокъ у нихъ, пострѣлъ, съ линейкой ходитъ, нѣтъ-нѣтъ да по башкѣ мою-то — хлопъ, стукъ... — «это, вишь, не настоящая... фальшивая...» О, идолы этакіе!

Баба замолкла. Прекрасный молодой человѣкъ сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько тревожныхъ шаговъ, пробираясь при этомъ почему-то между стульями, натыкаясь почему-то на столъ и т. д., и наконецъ волнующимся, но серьезнымъ тономъ заговорилъ:

— Я все-таки не понимаю... зачѣмъ ты... что̀ вамъ нужно?..

— Да ты отецъ или нѣтъ?!.

— Ты, пожалуйста, не кричи... Я васъ покорнѣйше прошу тише, скромнѣе, — здѣсь не кабакъ.

— Твое дѣтище-то? Не чужое, не подкидышъ...

— Тссс... Что̀ же такое? Какимъ образомъ?.. Я рѣшительно ничего не понимаю. Какое дѣтище? Когда?..

Молодой человѣкъ перемогся и почувствовалъ, что тактъ воротился къ нему.

— Ничего рѣшительно не знаю... Лѣзетъ какая-то... Чортъ знаетъ какая-то фигура... вонь, ребята... Что̀ тебѣ нужно? Наконецъ ты у меня отнимаешь время... Ради Бога уйди... Какое дѣтище?..

Лицо бабы изъ плаксиваго превратилось въ глубоко

оскорбленное, желавшее мстить; слезы высохли; губы дрожали...

— Не пойду! — сказала она...

— Чтò-о?

— Не пойду! вотъ тебѣ и все... Съ голоду околѣвать? Не пойду...

— Послушай...—заговорилъ прекрасный молодой человѣкъ.

— Никуда отседа не пойду.

Баба сѣла на полъ.

— Гони теперича... Хоть ты мнѣ голову проши́би... Когда этакъ дѣлать, лучше же я тебѣ въ десять разъ хуже... Ну? Ну чтò ты со мной сдѣлаешь? Когда такую ты обиду мнѣ, противъ моего сердца... такъ по-нашему, по-мужицкому, я тебя середь улицы ославлю, острамлю тебя на всѣхъ перехресткахъ... Гдѣ у васъ Богъ-то, идолы...

Баба залилась и завыла на всѣ комнаты, сидя на полу. Молодой человѣкъ, кипѣвшій злобою и порывавшійся каждую минуту отвѣчать на мучительныя слова бабы, наконецъ не выдержалъ и закричалъ:

— Поди вонъ! Поди вонъ, я тебѣ говорю...

— Не пойду!..

— Вонъ отсюда! — неистово оралъ онъ.

— Хоть ты лопни, оравши.

Молодой человѣкъ схватилъ ее за рукавъ и потащилъ къ двери. Но баба, какъ гранитная твердыня, не подавалась и еще сильнѣе подзадаривала несчастнаго донжуана, подговаривая:

— А! А! взялъ, взялъ...

И потомъ вдругъ:

— Краулъ! Крррраул... Голубчики! Ахъ, кто въ Бога вѣруетъ, защитите...

Лягаевъ, какъ ошалѣлый, выскочилъ изъ комнаты и дрожащими ногами побѣжалъ съ лѣстницы.

3.

...Спокойствіе и довольство самимъ собою сразу оставило прекраснаго молодого человѣка и повергло его въ бездну ужасныхъ мученій. — «Все погибло! — шепталъ онъ. — Все!» Карьера и деревенская баба, тактъ и ребенокъ!.. возможно ли? совмѣстимо ли?

Лягаевъ, какъ полоумный, бѣжалъ по затопленному народомъ тротуару, злобнымъ взглядомъ окидывая всѣхъ встрѣчныхъ: и людей и экипажи.

— Ударъ! Неожиданный и ужасный ударъ!..—бормоталъ онъ.—Что-жъ теперь остается дѣлать? Застрѣлюсь! Больше нѣтъ исхода... пулю въ лобъ, и—капутъ...

И вслѣдъ за этимъ у него складывалась довольно мелодраматическая картина смерти; ему особенно ясно рисовалось, какъ онъ хладнокровно зарядитъ пистолетъ, приставитъ къ сердцу, секунда—и все исчезло... Тамъ ужъ Богъ знаетъ, что̀ начнется. Тьма будетъ. Лягаевъ, впрочемъ, будетъ видѣть, какъ сбѣжится народъ и съ ужасомъ начнетъ читать оставленную на столѣ записку, въ которой значится: «Я потерялъ въ жизни все, кромѣ этой пули, которую теперь же всаживаю въ мое сердце... Панталоны отдайте Егорову» и т. д. Въ сердце несчастнаго молодого человѣка приливало столько горя, столько самаго искренняго горя, что слезы душили его за горло.

— Извозчикъ!—кричалъ онъ.

— Вотъ на порядочной...

Лягаевъ садился.

— Пошелъ!

— Куда прикажете?

— Пошелъ!

«Направо!», «Налѣво!», «Прямо!»—твердилъ Лягаевъ извозчику, поглощаемый думами и не зная самъ, куда ѣдетъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ.

— Стой! Стой!..

— Тпрру...

— Сколько?..

— Рубликъ положьте...

Лягаевъ отдавалъ рубликъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ по тротуару, снова бралъ извозчика и снова ѣхалъ куда-то. Въ головѣ лежала какая-то бездушная, свинцовая масса.

«Впрочемъ, что-жъ,—пришло ему въ голову вдругъ.—Во всемъ нуженъ тактъ. Что̀ бы тамъ ни дѣлать, нужно прятать эту гадость и продолжать свое дѣло спокойно, тихо... Въ самомъ дѣлѣ: что-жъ такое? Ну, баба... положимъ... Ну, чортъ ее задери... орать будетъ. Ори, сдѣлай милость... перестанетъ... Да наконецъ неужели это только со мной?.. Въ этомъ океанѣ, который называютъ Петербургомъ,—такая штука вовсе незамѣтна. Завтра же перемѣню квартиру—и кончено...

Такія мысли немного освѣжили его голову и приподняли упавшій духъ. Онъ начиналъ подумывать о томъ, чтобы отправиться на вечеринку къ Прохоръ Петровичу и дѣй-

ствовать тамъ по прежней программѣ, т.-е. и о судопроизводствѣ, и о пуританахъ, и т. д. Какъ будто ничего и не бывало.

— Баба? Ну что-жъ такое? Чортъ ее задери... Оретъ? Да мнѣ-то какое дѣло?.. Сдѣлай милость, сколько угодно... Извозчикъ! На Сергіевскую...

Всходя по лѣстницѣ въ квартиру Прохора Петровича, мой герой былъ совершенно веселъ. Бойко отстрочилъ онъ послѣднія ступеньки, бойко дернулъ за ярко вызолоченную ручку колокольчика, весело впорхнулъ въ переднюю и, поглядывая на залу, издали кивалъ кому-то головой и улыбался. Вдали мелькнуло платье знакомой и весьма интересной барышни, потомъ выглянула ея хорошенькая головка и кивнула моему герою. Герой поспѣшно сбрасывалъ калоши и отдавалъ лакею кашне, приготовляясь войти въ залу и осадить барышню самымъ великолѣпнѣйшимъ комплиментомъ.

— Съ новорожденнымъ, баринъ, васъ... — прошепталъ кто-то надъ ухомъ.

— Что̀? Съ какимъ... Кого?

— Какъ-же-съ... Сестра, Марѳа-то! — улыбаясь во все лицо, говорилъ лакей. — Съ васъ надоть теперь угощеніе... тоже, хучь и не по-Божьему, все же родня...

Лягаевъ стоялъ какъ соляной столбъ.

— А ужъ Марѳа-то, признаться, шибко убивалась... такъ ревѣла, — избави Богъ!.. Я ужъ ей говорю: «Дура! Неужто-жъ баринъ, благородный, такъ кинутъ свое нарожденіе... при своей при доброй душѣ...»

— Молчи! Ради самого Бога, молчи!.. — изнемогающимъ голосомъ умолялъ его мой герой. — Я тебя прошу, не говори ты...

— Что̀ это вы тутъ копошитесь? — перебилъ Лягаева входящій хозяинъ. — Пойдемте...

Мокрой курицей вползъ въ залу мой герой и не только не былъ интересенъ, но, напротивъ, нагналъ на всѣхъ самую злѣйшую скуку.

— Что̀ съ вами? — спрашивали его...

И герой не могъ отвѣтить на это ни одной фразой, кодексъ которыхъ, на извѣстные случаи, онъ имѣлъ довольно богатый. Особенно доняла его одна престарѣлая дѣвица, свояченица какого-то хозяйскаго родственника. Въ качествѣ экономки и незамужней женщины, она всемѣрно хотѣла заинтересовать кого-нибудь собой и по преклонности лѣтъ

могла дѣйствовать на мужчинъ только самымъ пикантнымъ образомъ. Эта дѣва, промелькнувъ съ сухарями мимо Лягаева, шепнула ему на ушко:

— Вы сегодня просто какая-то размазня... Чтò у васъ, жена, что ли, въ интересномъ положеніи? Или приращеніе семейства?..

Молодой человѣкъ только выпучилъ глаза.

— Ну просто дерево какое-то! — заключила свояченица.

Лягаевъ былъ повергнутъ во прахъ вторично: слова лакея, слова свояченицы перевернули его бѣдную душу вверхъ дномъ. Ему ясно казалось, что Марѳа выла въ этой самой комнатѣ, что всѣ видятъ его, Лягаева, въ самомъ комическомъ положеніи, вездѣ видятся ему улыбки, самые нескромные взгляды, во всемъ, въ каждомъ словѣ о французской политикѣ, о прелести вальса изъ «Фауста» и т. д. онъ слышитъ довольно ясно: «баба, лакей, родня» и т. д. Эти ужасныя галлюцинаціи не давали ему покоя; онъ наконецъ не могъ перенести давящаго впечатлѣнія ихъ и ушелъ.

— Да чтò съ вами? — допытывался радушный хозяинъ, провожая гостя. — Чтò у васъ, въ самомъ дѣлѣ жена, что ли, больна? Куда вы несетесь...

— О, нѣтъ! — сорвалось съ языка у гостя...

— Все, слава Богу, благополучно! — хитро и тихонько улыбаясь, прибавилъ лакей.

Прекрасный молодой человѣкъ, какъ угорѣлый, вырвался на улицу и завопилъ:

— Извозчикъ! Извозчикъ, ради всего святого...

— Куда прикажете?

— Пошелъ! пошелъ! умоляю тебя.

Испуганный извозчикъ бузовалъ по всѣмъ направленіямъ свою клячу и все дальше и дальше забирался по пустыннымъ и совершенно темнымъ улицамъ...

Герой сидѣлъ, свѣсивъ голову и по временамъ поднимая къ небу руки...

— Пошелъ! Пошелъ! Пошелъ!

4.

Только подъ утро воротился домой измученный и встревоженный Лягаевъ. Въ меблированныхъ комнатахъ всѣ спали. Но стукъ двери, отворяемой Лягаевымъ, заставилъ встать горничную, которая, зажигая жильцу свѣчку, разсказывала, что баба только-что ушла отсюда, что до самой

послѣдней минуты она жестоко выла на всѣ комнаты, что всѣ жильцы приняли въ ней самое живое участіе, и она, Мароа, разсказывала каждому всю исторію съ начала, прибавляя всякій разъ: «конечно, глупа была», и еще: «я, говоритъ, Мароушка, тебя пристрою, я, говоритъ, свою фатеру хочу снимать, такъ ты, говоритъ, будешь у меня быдто бы какъ куфарка, а по дѣлу по настоящему вполнѣ—супруга», и т. д. Разсказала горничная, что всѣ жильцы много хохотали, много жалѣли, и одинъ далъ ей рубль серебромъ и сказалъ ей, чтобъ пришла завтра.—«Прошеніе, говоритъ, напишу въ управу благочинія... А ежели тамъ не сдѣлаютъ по закону, то пойду и дальше».

На это баба отвѣчала, что не только подастъ прошеніе и будетъ жаловаться, но во всѣхъ земляхъ объявитъ объ этомъ.

— И что̀ это такое тутъ было, ежели бы вы изволили видѣть... всѣ дворники сошлись со всего дому... хозяйка осерчала, хотѣла посылать за хожалымъ... то-есть что̀ тутъ было, если разсказать, такъ это ужасти преужасныя!..

Молодой человѣкъ, все болѣе и болѣе ужасавшійся, слушая эти извѣстія, вдругъ пріобрѣлъ неслыханную твердость духа и сказалъ себѣ:

«Вздоръ! подавить! подавить эту подлую исторію; такъ сказать, вдавить ее каблукомъ въ пропасть, чтобы оттуда ни звука ни воздыханія,—это ужасная исторія!»

Съ этою цѣлью молодой человѣкъ прежде всего поспѣшилъ достать денегъ. Какъ ни было непріятно лѣзть къ какому-нибудь хорошему знакомому, но лѣзть все-таки пришлось: нужно было выслушать двухъ- или трехчасовой разсказъ этого знакомаго про какое-то канцелярское дѣло, въ которомъ были для посторонняго человѣка непонятныхъ ровно три части—а одну составляли списки какихъ-то цифръ, уставовъ, пунктовъ и т. д. Слушая всю эту скучнѣйшую исторію, нужно было улыбаться тамъ, гдѣ въ улыбку складывались губы хозяина, и улыбаться при этомъ въ усиленной степени. И соглашаться съ хозяиномъ и поддакивать ему необходимо было, дабы расположить его въ пользу выдачи двадцати пяти рублей.

Получивъ эту сумму, Лягаевъ направился домой скорыми шагами...

Былъ петербургскій вечеръ, темно, фонари еще не зажигались. Шестой часъ въ началѣ... Внутри подъѣзда квартиры моего героя горѣлъ осьмигранный фонарь, свѣтъ отъ

котораго стлался подъ крылечнымъ навѣсомъ на улицѣ и ярко освѣщалъ фигуры людей, которые проходили здѣсь и вслѣдъ затѣмъ снова терялись въ тьмѣ. Лягаевъ подвигался къ этому подъѣзду усталый и увидѣлъ, что изъ темноты отдѣлилась баба въ овчинномъ тулупѣ, обтерла ноги, обутыя въ сапоги, и полѣзла по лѣстницѣ наверхъ. Герой въ одинъ мигъ очутился на лѣстницѣ.

— Мареа! постой, послушай.

Мареа остановилась на лѣстницѣ.

— Ты вдаришь?

— Чтò за вздоръ, поди сюда... Мнѣ необходимо тебѣ сказать два слова...

— Побожись?

— Ну, ей-Богу, не вдарю...

— Скажи молъ—разрази меня громъ?

— Разрази меня громъ. О, глупое существо! иди!

Баба сошла...

— Съ тобой ребенокъ-то?

— А то гдѣ-жъ еще... тебѣ на что онъ?

— Да такъ... я такъ спросилъ... пойдемъ...

— Куда-жъ это идти-то? Можетъ, ты убьешь...

— Фу, ты, Боже мой...

— Да куда-жъ ты ведешь-то?

— Просто мнѣ хочется узнать, гдѣ ты живешь...

— Гдѣ живемъ-то?.. Въ конурѣ... тамъ смотрѣть нечего...

— Ну вотъ... какъ нечего!.. Странное дѣло... ты сама-то московская?

— Изъ-подъ Москвы... двадцать верстъ...

— Гмм... Довольно далеко... Какъ ты говоришь—нечего, напротивъ... я долженъ все видѣть, я люблю своего ребенка... Неужели-жъ я скотина безчувственная.

— О-о-о? любишь?

— Ей-Богу, люблю!

— О-о-о... безстыжій! Все-то ты, такъ думается мнѣ, врешь... Хуть бы ты его поглядѣлъ, поласкалъ бы.

Дѣло происходило на Невскомъ проспектѣ. Молодой человѣкъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, ради Бога... я и такъ... Не хочешь ли, извозчика возьму...

— Куды его!

— Извозчикъ!..

Извозчикъ подъѣхалъ. Молодой человѣкъ, пока усажива-

лась баба, что-то шопотомъ говорилъ съ нимъ,—потомъ сѣлъ и сказалъ:—«Пошелъ!»

— Что-жъ ты говоришь,—началъ молодой человѣкъ:—горя-то много натерпѣлась...

— Ужъ только-то, такую-то ли страсть... Господи!

— Гм... Да, мнѣ жаль тебя, очень жаль...

Ѣхали-ѣхали.

— Куда-жъ это ты меня везешь?—спрашиваетъ баба.

— Какъ куда? Странное дѣло! Тысячу разъ говорилъ...

— О-о-о... А я не помню!..—добродушно говорила баба.

— Чудакъ, братъ, ты, баба,—говоритъ извозчикъ.

— Что будешь дѣлать-то?

— Да дѣлать нечего... Нно!..

— Недалеко,— говоритъ молодой человѣкъ. — Ты давно ли въ Петербургѣ-то?

— Двадцать лѣтъ. По шестому году прiѣхала...

— Гм... Стой, извозчикъ, погоди минутку...

— Господи, народу-то... Куда-жъ это? — изумляется баба.

— Пойдемъ, пойдемъ... ничего... На одну секунду...

И молодой человѣкъ и баба пролѣзли черезъ толпу.

— Скоро?—спросилъ герой у солдата.

— Черезъ пять минутъ...

Молодой человѣкъ рванулся впередъ, протолкался въ толпу и, высоко поднимая руку надъ массою головъ, просунулъ ее въ открытое стеклянное окошечко и сказалъ:

— Пожалуйте, до Москвы, одно мѣсто...

Черезъ нѣсколько минутъ Лягаевъ подошелъ къ бабѣ и сказалъ:

— Пойдемъ...

Баба, недовѣрчиво озираясь, пошла за нимъ на платформу, гдѣ стояли уже набитые народомъ вагоны...

— Куда-жъ это ты ведешь?..

— Какъ куда? Неужели ты все-таки не понимаешь... тысячу разъ говорилъ тебѣ... Иди сюда...

Молодой человѣкъ отворилъ дверь въ наполненный народомъ вагонъ и сказалъ:

— Сюда... Пока... двѣ минуты.

— Это что же такое?—недоумѣвая, говорила баба.

— Просто самые пустяки! Что ты боишься?.. Вотъ тебѣ десять цѣлковыхъ,—спрячь... спрячь... подальше... вотъ билетъ,—смотри, не потеряй... Ну, сиди... Спросятъ билетъ—покажи...

— Да куда-жъ это? Что-жъ это, уморить, что ли?—завыла баба...

— Господинъ! Сейчасъ уйдетъ!—сказалъ солдатъ надъ ухомъ молодого человѣка, и тотъ, не отвѣчая на слова бабы, выскочилъ вонъ...

— Батюшки! кормильцы!—слышалось изъ вагона, но локомотивъ свистнулъ, и поѣздъ исчезъ... Совершилось все это до такой степени быстро, что герой, уже окончательно расцвѣтшій, хохоталъ какъ бы въ истерическомъ припадкѣ. Слушая, какъ оретъ издали машина, онъ въ крикѣ ея ясно различалъ вопль ошеломленной Маръы, которой теперь по всѣмъ вѣроятностямъ кажется, что ее везутъ въ какую-то бездну, на край свѣта, да еще притомъ на дьяволахъ.

Вечеръ этотъ былъ особенно пріятенъ молодому человѣку. При случаѣ я разскажу исторію Маръы и ея несчастнаго дѣтища...

Эпизоды изъ петербургскихъ сезоновъ.

Нравоописательные очерки.

(Посв. А. А. Г—ъ).

I. Нева.

Предлагаемый читателю эскизъ Невы настолько коснется ея физіономіи, насколько это будетъ необходимо для характеристики такъ-называемаго лѣтняго сезона, насколько она можетъ способствовать намъ къ ознакомленію съ другими характерными чертами этого сезона. Съ этою цѣлью мы прежде всего обратимъ вниманіе на нѣкоторыя декораціи, обставляющія въ лѣтнюю пору физіономію Невы. Перемѣна начинается съ весны. Ладожскія льдины пронеслись въ море, настали бѣлыя ночи, и какъ похорошѣла Нева! Еще недавно, возвращаясь темнымъ зимнимъ вечеромъ съ Васильевскаго острова, вы были испуганы тѣмъ непроницаемымъ мракомъ, тою бездною тьмы, которая наступала на васъ со стороны взморья; яркіе газовые пучки Николаевскаго моста не въ силахъ были разогнать хоть на аршинъ эту непроницаемую тьму и только легкими, едва примѣтными отблесками ложились на двухъ покачнувшихся мачтахъ какого-то зазимовавшаго судна... Но

теперь бѣлыя петербургскія ночи разогнали этотъ пугающій мракъ, и на Невѣ воцарилась только красота... Часу во второмъ лѣтней ночи она вся покрыта бѣлымъ туманомъ, протянувшимся надъ ней въ видѣ безконечно длинной и безконечно высокой горной цѣпи; гряда бѣлыхъ дымящихся горъ заслонила собою всѣ берега Невы, гордо какими-то прихотливо очерченными фигурами рвется на вершины громадныхъ зданій набережной, и только высокія мачты безчисленныхъ кораблей высовываютъ свои острыя вершины изъ этого, поглотившаго все, тумана. Гдѣ-то, въ глубинѣ бѣлыхъ горъ, слышны крики людей, плещетъ одинокое весло, и вода, не умолкая, чмокаетъ объ гранитную набережную; но ни воды, ни весла, ни людей не видно... Туманъ. Вдругъ загорѣлся первый лучъ солнца, загорѣлся шпиль Петропавловской церкви, сверкнувъ въ туманѣ какою-то упавшею съ неба, золотою краплиною; въ бѣлой массѣ тумана сразу разлился какой-то розовый, или, вѣрнѣе, перламутровый оттѣнокъ, и внутренность туманныхъ горъ озарилась чуднымъ свѣтомъ: глазъ начинаетъ различать кой-какіе предметы, еще недавно погребенные туманомъ; вдали движутся барки, видны люди съ шестами, видны мачты, паруса, натянутыя веревки... Но все это еще не можетъ явиться въ своемъ настоящемъ видѣ, въ своихъ дѣйствительныхъ цвѣтахъ: все это окрашено въ тускло-перламутровый цвѣтъ, повсюду что-то фантастическое и чудесное. Даже крики уже видимыхъ глазомъ рабочихъ, разговоры прохожихъ, появляющихся то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ на набережной Невы, не въ силахъ уничтожить чудесъ, сдѣланныхъ туманомъ... Съ увеличеніемъ солнечныхъ лучей, освѣщеніе туманныхъ горъ достигаетъ высокой прелести, но зато этотъ моментъ непродолжителенъ; едва прошло нѣсколько секундъ, какъ радужныя горы уже разрыхлѣли, расшатались; дунулъ легонькій вѣтеръ— и страшная бѣлая вершина туманной горы упала книзу, внутрь горы, а низменный пластъ тумана поднялся кверху, и все это расшевелило, взбудоражило, закачало всю горную цѣпь... Еще минута, и туманъ, разбитый ослѣпительнымъ солнечнымъ лучомъ, словно копьемъ, обезсилѣлъ, разбрелся... Поверхность Невы начала очищаться все быстрѣе и быстрѣе, и скоро только у одной изъ арокъ Николаевскаго моста, почти надъ самой водой, ползло жиденькое облачко тумана. Оно было прозрачно и тонко до такой степени, что сквозь него явственно былъ виденъ

носъ какой-то уродской лодки, смотрѣвшій почти вверхъ. Наконецъ лоскутокъ тумана, разорванный носомъ лодки, зацѣпился еще разъ объ разорванный козырекъ ея хозяина, помѣщавшагося на кормѣ, и ушелъ подъ мостъ... а хозяинъ лодки взмахнулъ веслами и отпрянулъ на середину ясной, какъ зеркало, рѣки. Сдѣлавъ еще одинъ взмахъ веслами, хозяинъ лодки сразу остановился и, поставивъ одно весло поперекъ теченія, тихо подплылъ къ валявшемуся въ водѣ полѣну. Онъ вынулъ это полѣно изъ воды, оглядѣлъ его и швырнулъ его на дно лодки. Затѣмъ онъ, снова поплевавъ на руки, снова взмахнулъ веслами и такъ же ловко отпрянулъ на противоположную сторону.

Однако что̀ это за странный сѣдокъ?

Это *обрывочникъ*—фигура, исключительно свойственная Невѣ, порожденіе ея волнъ и зыбей. Все, начиная съ лодки и оканчивая козырькомъ фуражки ея хозяина, оправдываетъ это названіе обрывочника. Лодка была подхвачена на берегу Малой Ижоры, брошенная здѣсь за негодностью, а гнилыя и тоненькія весла принесла откуда-то Нева. Отставной солдатъ Сизовъ заткнулъ безчисленныя дыры лодки чѣмъ могъ, поплевалъ на свои мозолистыя руки, перекрестился и въ званіи обрывочника выѣхалъ изъ Ижоры въ Неву. Это званіе, обрывочникъ, подкрѣпляется еще и костюмомъ Сизова; на немъ все рваное: на головѣ масляная, постоянно сырая и округливавшаяся отъ времени фуражка, на плечахъ старая чуйка, ободранная до невозможной степени, особливо на спинѣ, гдѣ взору наблюдателя представляются одни клоки почернѣвшей ваты, вьющіеся по вѣтру, какъ змѣи. Онъ давно уже господствуетъ на Невѣ, и когда-то вышлифованная по военному артикулу физіономія его теперь обросла бородой; только громадные усы, развѣвающіеся по вѣтру и какъ-то особенно выпятившіеся впередъ, свидѣтельствуютъ о его воинскихъ дѣяніяхъ. Но, взамѣнъ утраченнаго благообразія, онъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній по части своего обрывочнаго благосостоянія. Посмотрите, какъ искусно орудуетъ онъ веслами; вспахивая ими, онъ не отдергиваетъ ихъ въ сторону, но выхватываетъ изъ воды и опускаетъ туда у самыхъ бортовъ своей лодки; руки его, во время гребли, не прижимаются къ груди, но движутся по краямъ лодки, отчего локти заходятъ далеко назадъ... Такіе пріемы даютъ ему возможность искусно пробираться между барками, стоящими близко другъ къ другу. Кромѣ того, обрывочникъ Си-

зовъ знаетъ, когда Богъ посылаетъ ему особенно хорошую добычу, любитъ онъ поэтому бурливыя осеннія ночи, когда съ раскачанныхъ волненіемъ барокъ падаютъ въ воду дрова, когда изъ петербургскихъ каналовъ выносятся въ Неву цѣлые транспорты всякой нечисти: дохлыхъ кошекъ, собакъ, кучи тряпокъ и всякой рвани. Все это онъ подберетъ, все это онъ уложитъ на днѣ своей лодки, гдѣ не пересыхаютъ лужи воды, въ которой гніетъ солома. Въ эти же темныя осеннія ночи иногда на его убогую лодку наплываетъ утопленникъ, и Сизовъ не прочь отъ знакомства съ нимъ; желая ему царства небеснаго и всякаго благополучія въ загробной жизни, соболѣзнуя о его погибели, Сизовъ въ то же время кладетъ весла на дно лодки и, придерживая покойника за шиворотъ, если таковой еще уцѣлѣлъ отъ несчастій земныхъ, обуревавшихъ утопленника, другою рукою ощупываетъ его промокшія ноги и снимаетъ съ нихъ сапоги, опять же, если таковые уцѣлѣли. При всемъ ужасѣ, навѣваемомъ на сердце обрывочника осеннею ночью и близкимъ сосѣдствомъ мертвеца, Сизовъ находилъ возможнымъ вступить съ нимъ въ разговоры. Такъ, если волненіе было сильное и, качая мертвеца, заставляло его вырываться изъ рукъ обрывочника, то этотъ послѣдній бормоталъ: «Успѣешь, не торопись!». Если же сразу набѣгала большая волна и мертвецъ сразу дергалъ ногой, то Сизовъ восклицалъ: «Ай не любишь?» и продолжалъ дѣлать свое дѣло. Когда сапоги были въ лодкѣ и мертвецъ, освободившійся изъ рукъ обрывочника, уходилъ вертикально въ воду, выставивъ изъ волнъ свои разутыя ноги, Сизовъ снова желалъ ему царства небеснаго и, ударивъ веслами, отпрядывалъ по волнамъ въ сторону. Все, что ни накопляется въ его лодкѣ, завтра же будетъ сбыто имъ съ рукъ: дрова возьмутъ у него барышники, по цѣлковому за сажень, а всякая рвань поступитъ на такъ-называемые *тряпичные дворы*; здѣсь она будетъ вымыта, вычищена, размотана и превращена впослѣдствіи въ тѣ будто бы французскаго трико брюки, въ тѣ будто бы нѣмецкаго бобра воротники, которыми въ изобиліи снабжаетъ петербургскихъ обывателей извѣстный всей вселенной *Апраксинъ дворъ*. Такимъ-то путемъ стекаются пятаки за пазуху Сизова, гдѣ они, завернутые въ конвертъ изъ сахарной бумаги, усердно берегутся про черный день, который давно уже завладѣлъ Сизовымъ, но котораго тотъ никакъ не замѣчаетъ теперь, твердо вѣря, что теперь для него стоятъ еще красные дни. Прелести этихъ

красныхъ дней отравлены у обрывочника общимъ нерасположеніемъ къ нему всякаго невскаго люда. На него недовольны лодочники за то, что въ прошломъ году онъ за безцѣнокъ скупилъ у нихъ нѣсколько саженъ дровъ, наловленныхъ ими въ бурю. На него недовольны лоцмана барокъ за то, что сами продешевили, продавая ему старые негодные паруса; лоцмана пароходовъ тоже нерасположены къ нему, такъ какъ онъ любитъ для собственной потѣхи иногда юркнуть подъ самымъ носомъ парохода, что всегда непріятно дѣйствовало на лоцмана, которому и безъ этихъ заигрываній было работы немало. Словомъ, всѣ, кто только ни былъ прикованъ нуждою къ Невѣ, всѣ были не особенно ласковы съ обрывочникомъ; да, кромѣ всего, самая его профессія, самое его шнырянье по водѣ за полѣньями и подошвами, рисуя крайнюю нужду, ничуть не зажимало рта рабочему, перенесшему не меньше нужды человѣку, и поэтому обрывочникъ, кромѣ негодованія, возбуждалъ еще и насмѣшки. Онъ былъ предметомъ остроумія всѣхъ аборигеновъ Невы, на глаза которыхъ хоть случайно попадалась его юрковатая и ободранная фигура. Слушая эти насмѣшки и обидныя слова, громогласно посылаемыя съ яликовъ, барокъ и пароходовъ, обрывочникъ Сизовъ большею частью отмалчивался и дѣлалъ свое дѣло, не отвѣчая ни слова; но если ему выдавался случай отмстить, онъ съ удовольствіемъ хватался за него и мстилъ, какъ только могъ. Вотъ мимо его лодки медленно ползетъ полная дровъ барка; какой-то рабочій, стоящій на краю ея съ шестомъ въ рукахъ, увидавъ обрывочника, плюнулъ въ воду и крикнулъ, указывая на плевокъ: «продаю!»; въ то же время волна качнула барку; острякъ оступился, и въ воду шлепнулась съ его головы новая шапка. Почти въ то же мгновеніе лодка Сизова отпрянула далеко въ сторону, и обрывочникъ издали помахиваетъ только-что упавшей шапкой, а черезъ нѣсколько минутъ мимо той же барки, мимо того же рабочаго, оставшагося безъ картуза и ругавшаго обрывочника, пронесся съ Петербургской стороны яликъ, и на головѣ гребца сидѣлъ только-что оброненный, только-что поднятый и только-что купленный за пятачокъ картузъ.

— Ну, шельма!.. — въ изумленіи разставляя руки, ворчалъ рабочій.—Каково это, братцы мои!..

А обрывочникъ, скрывшійся уже неизвѣстно куда, позволилъ себѣ слегка улыбнуться и, покручивая отъ удоволь-

ствія нагнутой книзу головой, на минуту оставилъ свои весла и пустилъ лодку по теченію; скоро свистъ и шипѣніе парохода заставили его очнуться и поставить лодку носомъ къ набѣгавшимъ отъ парохода волнамъ. Волны эти набѣжали вдругъ, одна за одною, и, разбиваясь объ носъ обрывочниковой лодки, то подбрасывали, то опускали ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ между двумя купеческими судами, стоявшими на якорѣ, поднялось бушеванье и хлестанье воды, и маленькая шлюпка прядала и билась о бока судовъ, какъ щенка. Волны бѣжали дальше и, добѣжавъ до набережной, переполошили цѣлую толпу раскрашенныхъ яликовъ, подшвыривая ихъ, какъ арбузныя корки, и перепугали пятерыхъ пассажировъ, только-что усѣвшихся въ яликъ. Двѣ женщины, сидѣвшія здѣсь, неоднократно воскликнули: «Господи! ахъ! охъ! ой, батюшки!» и проч. Мужчины схватились за края ялика и бормотали: «Хлестнуло», а лодочникъ, обращаясь ко всѣмъ, съ улыбкой говорилъ: «Будьте покойны! Али мы?.. Слава Богу»... И принялся усердно работать веслами. Мало-по-малу успокоились и пассажиры. Населеніе ялика было самое обыкновенное, т.-е. именно такое, какое всегда бываетъ въ яликѣ, безъ котораго яликъ не можетъ существовать. Здѣсь были, какъ я уже сказалъ, двѣ женщины, тотчасъ же познакомившіяся другъ съ другомъ и шептавшія одна другой на ухо въ теченіе всей дороги. Тутъ же помѣщалась длинная и сухая фигура сѣдого преображенца и чиновникъ съ портфелью, отворотившійся отъ своихъ сосѣдей въ сторону. Все какъ должно. На этотъ разъ, кромѣ нихъ, въ лодкѣ присутствовала еще какая-то лакейская личность; одѣта она была въ темно-коричневый сюртукъ, глухой такого же цвѣта жилетъ, короткія люстриновыя панталоны и новенькій апраксинскій картузъ. Шея была подвязана ситцевымъ платкомъ, на рукахъ, высовывавшихся изъ короткихъ рукавовъ сюртука, были надѣты бѣлыя вязаныя перчатки. Чинность и опрятность костюма дополнялись чинностью блѣднаго, но жирнаго лица и особенною глубокомысленностью взгляда. Когда разговоры по поводу качки прекратились, и когда среди молчаливыхъ пассажировъ слышалось только шептанье женщинъ, коричневый джентльменъ кашлянулъ, приподнялъ картузъ и, вытянувъ впередъ улыбающуюся физіономію, тончайшимъ дискантомъ спросилъ у чиновника:

— Позвольте, сдѣлайте ваше такое одолженіе, узнать: застану я кого теперича въ Сенатѣ?

Чиновникъ молча вынулъ часы и, не взглянувъ на коричневаго джентльмена, холодно произнесъ:

— Застанете!

— Чувствительнѣйше васъ благодарю-съ!..—проговорилъ коричневый джентльменъ, откидываясь къ борту лодки.— Потому-съ,—снова выпячиваясь впередъ, продолжалъ онъ:— потому какъ у меня тамъ, то-есть въ Сенатѣ-съ, дѣло ведется...

Никто не отвѣчалъ и не спрашивалъ коричневаго джентльмена.

— Потому-съ дѣло мое на протяженіи болѣе уже пяти годовъ ведется-съ.

Чиновникъ взглянулъ на него холодно и не отвѣчалъ.

— О дворянскомъ званіи-съ!..—произнесъ съ необычайной серьезностью коричневый джентльменъ. — Отыскиваю дворянство-съ!..

Послѣднее извѣстіе заставило замолкнуть шептавшихся женщинъ, и всѣ бывшіе въ лодкѣ обратили вниманіе на таинственнаго дворянина...

— Потому-съ,—продолжалъ дворянинъ:—какъ я теперича изъ однодворцевъ-съ... Родители наши при концѣ жизни доказали свое дворянство вполнѣ-съ... Можетъ, всего имущества они черезъ это доказаніе рѣшились, все же то утѣшеніе, что по крайности столбовыми померли... Наконецъ, того, по смерти ихъ случилась въ гражданской палатѣ описка... Писецъ одинъ описался-съ и имени моего не вставилъ въ бумагу... Такъ что теперича я безъ всякаго, можно сказать, рода жизни-съ... въ поварахъ служу-съ... Черезъ эту описку-съ я, можно сказать, самый несчастнѣйшій человѣкъ...

— Подайте прошеніе! — сухо проговорилъ чиновникъ и отвернулся.

— Подавалъ-съ! Неоднократно даже подавалъ-съ... И въ полной формѣ кажинное прошеніе-съ, по пунктамъ. Во-первыхъ-съ, говорю, желаю я быть дворяниномъ... второй пунктъ, опять же, такъ какъ, говорю — описка писцовская случилась, и въ-третьихъ, слѣдственно, дозволено ли мнѣ будетъ дворянское званіе? Все какъ есть это подавалъ и нигдѣ настоящаго дѣла не нахожу... Господа служащіе въ томъ имѣютъ упорство, что описка... Да помилуйте, говорю, чѣмъ же я виновенъ, когда...

— Приложите документы и подайте прошеніе на гербовой бумагѣ,—снова повторилъ чиновникъ, но такимъ то-

номъ, что несчастный дворянинъ не докончилъ фразы и обратился впослѣдствіи съ разсказомъ къ сѣдому преображенцу, передавая ему сущность своего запутаннаго дѣла шопотомъ... Шептаніе это было прервано лодочникомъ, который, не переставая работать веслами, робко и нескладно произнесъ:

— Что̀ же, ежели въ случаѣ это благородство ваше отыщется...

— Д-да?..

— Что̀ же, тады вы при своемъ, значитъ, капиталѣ будете?..

Джентльменъ молча выпулъ табакерку, не спѣша открылъ ее и, перебирая пальцами въ табакѣ, говорилъ:

— Никакихъ, другъ милый, капиталовъ у насъ нѣту...

— Нѣ-ету!..

— Даже и совершенно, дружокъ, капиталу я никакого не имѣю...

Коричневый джентльменъ зарядилъ носъ значительною порціею березинскаго и закряхтѣлъ.

— Черезъ это дворянство,—продолжалъ онъ, ни на волосъ не измѣняя серьезности своего лица:—я, можно сказать, всего рѣшился, что̀ и имѣлъ... Что̀ на себѣ, только всего и есть...

— Такъ это вамъ будетъ обидно, безъ капиталу-то?—замѣтилъ лодочникъ.

— Ну, да ужъ!.. видно, такъ тому и быть!..

— Въ ту пору, съ благородствомъ-то, за селедкой не побѣжишь... Въ мужицкомъ званіи и то ничего, ну, а...

— Про это что̀ говорить! Стыда наберешься, Боже упаси!..—соглашается будущій дворянинъ.

— Такъ на что же вамъ, то-ись которое ежели это дворянство?..

Этотъ вопросъ, казалось, опѣшилъ дворянина; онъ уставился на лодочника и долго смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Да ты какой губерніи-то? — вдругъ заговорилъ онъ.

— Мы тверскіе... изъ Твери...

— То-то я, братъ, и вижу, что вы тверскіе!.. Это ваши-то тверскіе козу на колокольню тащили,—да, должно-быть, что и разсудокъ-то тоже туды...

Дворянинъ снова сердито вытащилъ табакерку и, поглядывая то на ея крышку, то на улыбавшагося лодочника, продолжалъ:

— Ххе! И разсудокъ-то тоже, должно-быть, на колокольню вспятили... вмѣстѣ съ козою-то... И козу-то на колокольню,

да и разсудокъ-то тоже туды... ххе!.. Для какого дѣла!.. Да ты бы хоть бездѣлицу бы подумалъ, теперь кто я?

Дворянинъ остановился и выставилъ голову впередъ, по направленію къ лодочнику.

— А тогда: «ваше благородіе»! Хочешь, ай нѣтъ! Ты бы хоть маленечко бы разсудилъ, какъ это, пофрантовитѣе это или нѣтъ?.. Какъ это ты полагаешь? а?.. Ваше-то благородіе пофорсистѣе будетъ, или какъ по-твоему?..

Лодочникъ молчалъ и улыбался. Дворянинъ вопросительно смотрѣлъ на него и заключилъ:

— То-то вотъ и оно!.. Ежели-бъ ты разсудку-то своего не таскалъ на колокольню, такъ ты бы и того... сообразилъ бы, какъ, молъ, это, того... А то ты разсудокъ-то на колокольню затащилъ... И козу-то на колокольню тащили и разсудокъ тоже туды...

Въ это время лодочникъ зацѣпилъ багромъ за деревянный плотъ и притянулъ къ нему лодку. Пассажиры начали выходить, и разговорчивый дворянинъ волею-неволею долженъ былъ остановить свой пылъ. Удаляясь по набережной, онъ бормоталъ: «Хм... Ей-Богу!.. Зачѣмъ да чаво? А кабы ты разсудокъ-то свой не таскалъ...» Лодочникъ собралъ съ мокраго дна лодки нашвырянныя туда копейки, засунулъ ихъ въ кошель за сапогъ и почему-то произнесъ:

— Эхъ, господа!..

Но здѣсь мы должны остановиться на изображеніи декораціи Невы лѣтняго сезона, ибо даже и то, что̀ сказано нами уже о ней, есть ни болѣе ни менѣе какъ поблажка собственному желанію и въ область сезонныхъ нравовъ входить никакъ не можетъ. Сюда нельзя отнести ни этой полуденной суеты, происходящей на Невѣ, запруженной барками, пароходами, вытаскивающими изъ-подъ мостовъ цѣлыя вереницы нагруженныхъ баржъ, ни повсюднаго труда, царящаго на Невѣ въ эту пору, потому что все это прогораетъ и наживаетъ деньгу, дѣйствуя во имя этого наживанія и прогоранія на чистоту, вовсе не думаетъ приладить желанія свои къ сезону, выбрать занятіе, соотвѣтствующее лѣтнему времени, и слѣдовательно жить, покоряясь чему-то другому, кромѣ принциповъ наживанія денегъ, чему-то ненужному. Ради этого въ область сезонныхъ нравовъ не можетъ войти и та публика, которую часу въ десятомъ вечера маленькіе закопченные пароходики, шныряющіе по Невѣ въ облакахъ дыма и тумана, тащатъ на острова, въ

разныя увеселительныя кафе. Публика эта, въ большинствѣ своихъ представителей любящая безцеремонно заглянуть подъ шляпку всякой женщины, которую судьба пошлетъ имъ навстрѣчу, съ удовольствіемъ заглядывающая въ панорамахъ и анатомическихъ музеяхъ туда, гдѣ назначена «особая плата» и проч., — такого сорта публика не измѣняетъ своихъ привычекъ и обычаевъ ни въ какіе сезоны и безчинствуетъ одинаково во всѣ времена года и во всякія погоды. Но есть въ петербургскомъ обществѣ особый классъ людей, превосходящій громадностью всѣ другіе классы, который не можетъ вздохнуть свободно, не подумавъ предварительно, прилично ли это? по сезону ли то? и т. д. Подъ вліяніемъ двухъ этихъ бичей простоты человѣческихъ отношеній, идетъ или, вѣрнѣе, ползетъ ихъ сезонно-каторжная жизнь, изо дня въ день, изъ года въ годъ. Сезонъ обыкновенно беретъ верхъ надъ приличіемъ, такъ какъ то, что̀ бываетъ прилично лѣтомъ, зимою дѣлается чуть ли не преступленіемъ, и наоборотъ. Въ особенно каторжныя формы сезонныя приличія эти возведены въ кругу тѣхъ обитателей и обитательницъ девятнадцатыхъ линій Васильевскаго острова, крайнихъ предѣловъ Измайловскихъ, Семеновскихъ и Преображенскихъ полковъ и ротъ, которые всю жизнь рвутся въ лицѣ мужчинъ—походить на генераловъ, а въ лицѣ дамъ и барышень—на генеральшъ и генеральскихъ дочекъ. Мнѣ всегда смертельно жаль тѣхъ несчастныхъ лакеевъ, которые, ради каприза коломенской капитанши, желающей дѣлать визиты захолустнымъ черкасскимъ княгинямъ и армянскимъ князьямъ, принуждены мерзнуть на облучкѣ копеечнаго Ваньки, волочить своими полуразутыми ногами по закаленному снѣгу и хвататься распухшими отъ мороза руками то за одно, то за другое ухо. Жаль потому, что страданія несчастнаго лакея происходятъ единственно изъ приличія. Слухи о бонтонѣ (какъ выражаются преображенскія капитанши), попавшія сюда изъ пятыхъ рукъ, въ той же мѣрѣ относятся къ дѣйствительному «бонтону», въ какой мѣрѣ насвистываніе итальянской аріи относится къ исполненію этой аріи на сценѣ; фальшь, пропуски въ мелодіи, сверхъестественные фальцеты хоть и оскорбляютъ музыкально развитый слухъ, тѣмъ не менѣе этимъ насвистываніемъ пробавляются цѣлыя поколѣнія, цѣлыя толпы поколѣній. Такіе-то насвистыватели сезонныхъ приличій и будутъ предметомъ предлагаемыхъ очерковъ.

Чтобы отыскать нашихъ героевъ лѣтомъ, необходимо взять на островскомъ пароходѣ билетъ до самой крайней, послѣдней пристани и потомъ, добравшись до нея, пересѣсть въ дилижансъ и ѣхать въ немъ тоже до тѣхъ поръ, пока уже некуда будетъ болѣе ѣхать; оставивъ дилижансъ, должно пѣшкомъ отправиться дальше, миновать всѣ загородныя гулянья, сады съ вытянувшимися надъ деревьями перекладинами для акробатовъ, всю эту зелень, отравленную ярлыками: «буфетъ», «въ номера», выглядывающими чуть не изъ каждаго куста, выбраться наконецъ въ поле и идти, идти до тѣхъ поръ, пока отъ усталости у васъ не захватитъ духъ. Тутъ вы замѣтите, во-первыхъ, близость взморья, голаго и пустыннаго, громадныя водяныя испаренія, топкую почву, отсутствіе хоть какой-нибудь растительности и наконецъ какія-то строенія. Если вы ужаснетесь тому разрушенію, которое царствуетъ повсюду, полугнилымъ крышамъ, облупленнымъ и тоненькимъ, какъ карандаши, колоннамъ, подпирающимъ готовые рухнуть балконы, стекляннымъ дверямъ, кое-какъ держащимся на одной петлѣ и рѣшительно не затворяющимся на ночь, если вы, повторяю, ужаснетесь этому и многому другому, то васъ тотчасъ же увѣрятъ, что все это въ чистѣйшемъ швейцарскомъ вкусѣ, и вы непремѣнно должны успокоиться. Затѣмъ вашимъ глазамъ представится палисадникъ, огороженный высокими кольями, образующими квадратъ въ родѣ ящика; на днѣ этого ящика вы примѣтите дѣвицу съ распухшей щекой и съ руками, плотно сжатыми на груди отъ холода, молодого человѣка съ промокшими сапогами, охрипшимъ горломъ и вздрагиваніемъ плечъ; увидите ихъ взоры, устремленные на клочокъ неба, ограниченный для нихъ верхними чертами ящика, и услышите слѣдующіе разговоры:

— Не правда ли, какъ хорошъ нынѣшній лѣтній сезонъ?—говоритъ дѣвица, передергивая плечами.

Молодой человѣкъ обводитъ взоромъ стѣны ящика, взглядываетъ на первую треть луны и произноситъ, не торопясь:

— Д-да! нынѣшній сезонъ хорошъ...

— Не правда ли?—повторяетъ барышня.

— Дѣйствительно!.. Сезонъ нынѣшній, вообще... д-да!..

Затѣмъ изъ полуотворенной двери швейцарскаго домика раздается солидный голосъ маменьки:

— Я говорю, не правда ли, какъ хорошъ нынѣшній сезонъ... а?..

— Да-съ, дѣйствительно... нынѣшній сезонъ...

— Не правда ли?

— Да-съ, вообще... очень и очень...

— Семенъ Иванычъ! не правда ли? — присовокупляетъ барышня.

— Совершенно справедливо-съ... Сезонъ вообще... очень и очень...

— Не правда ли?—раздается еще откуда-то.

Молодой человѣкъ подтверждаетъ эти вопросы сотни разъ, и всѣ остаются въ восторгѣ, ибо, при самыхъ явныхъ противорѣчіяхъ хоть какимъ-нибудь удобствамъ, всѣ сумѣли быть приличными и съ громадными усиліями выжали изъ своихъ замерзлыхъ тѣлъ возможность восхищаться. Такъ какъ читателю рѣшительно не обѣщано отвѣтовъ на вопросы: «что дальше?», «чѣмъ началось?», «чѣмъ кончится?» и проч., то мы и познакомимся прежде всего, по порядку, съ молодымъ, или, вѣрнѣе, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, потому что онъ непосредственно принадлежитъ къ нравамъ каторжно-сезоннымъ.

II. Прекрасный молодой человѣкъ.

Сеня Калашниковъ составляетъ предметъ зависти для множества своихъ товарищей по гимназіи, благодаря тому обстоятельству, что онъ, Сеня, сдѣлался прекраснымъ и приличнымъ молодымъ человѣкомъ, а они до сихъ поръ все еще принадлежатъ къ разряду людей неприличныхъ, неувѣренныхъ въ возможности завтрашній день быть сытыми; они до сихъ поръ, какъ голодныя собачонки, рыщутъ по городу, отыскивая какой-то работы, съ боязнью трогаютъ ручку звонка, гдѣ обитаетъ обѣщавшій работу благотворитель, получаютъ отвѣты: «нѣтъ дома», и имѣютъ единственное право въ жизни — ругать этого благотворителя подлецомъ. Такіе-то неприличные и, главное, голодные люди, встрѣчаясь съ Сенею Калашниковымъ, имѣютъ полное основаніе завидовать ему, потому что онъ умѣлъ миновать все это. Еще въ гимназіи, въ захолустьѣ русской провинціи, между ними была большая разница. Товарищи Калашникова принадлежали къ числу натуръ увлекающихся; въ одно время имена ихъ красовались на золотой доскѣ, въ другое, черезъ два-три дня, на черной; Сеня же, напротивъ, не былъ ни отличнымъ ни слишкомъ плохимъ изъ учениковъ, и имя его по числу успѣховъ стояло какъ разъ на срединѣ списка учениковъ; бѣлобрысая, худая голова его всегда торчала какъ разъ въ серединѣ четыре-

угольника, образуемаго партами гимназическаго класса. Въ эту пору онъ очень походилъ на чиновника и дѣлалъ только то, что̀ указано разными гимназическими узаконеніями. Для перехода въ высшій классъ нужно было, чтобъ въ общемъ выводѣ вышло, положимъ, три съ половиною. Сеня такъ и подгонялъ къ этому свои познанія; цѣлые дни онъ занимался сложеніемъ и вычитаніемъ полученныхъ имъ плюсовъ и минусовъ, и если чего-нибудь изъ этихъ штукъ недоставало, то онъ тотчасъ же стремился пріобрѣсть его: при входѣ учителя въ классъ, онъ бросался къ сторожу за мѣломъ, съ усердіемъ вытиралъ мокрою губкою доску, если учитель это любилъ, первый читалъ молитву съ особеннымъ благоговѣніемъ, — и необходимый плюсъ получался незамѣтно. Покорность разнаго рода правиламъ и приказамъ, за неисполненіе которыхъ такъ жутко приходилось его неприличнымъ товарищамъ, положительно можно сказать, не была въ немъ плодомъ усилій надъ самимъ собою, а чѣмъ-то врожденнымъ, перешедшимъ по наслѣдству: такъ, онъ не разстегивалъ душнаго воротника не только въ классѣ, но и дома, во время отдыха. Такая же ровность была замѣтна и въ его желаніи быть въ Петербургѣ. У товарищей его, благодаря физической невозможности переносить обстановку провинціальной скуки долѣе, желаніе это, въ послѣдніе гимназическіе дни, дѣлалось какою-то палящею томительною жаждою. Сеня же зналъ, что выѣздъ совершится въ первыхъ числахъ августа, и ничуть не томился. Затѣмъ, когда наконецъ насталъ день отъѣзда, молоденькимъ сердечкамъ его товарищей почему-то взгрустнулось; имъ почуялось, что недавнее негодованіе на тоску родного города происходило отъ слишкомъ большого изобилія любви, лелѣявшей ихъ и незамѣтной для нихъ подъ напоромъ однообразія, и имъ показалось жаль разстаться съ роднымъ и скучнымъ городомъ, не хотѣлось чего-то хорошаго отрывать отъ сердца. Сеня же и тутъ не измѣнилъ своей покорности необходимому: обнимая старушку-мать и вытирая рукою слезы, онъ нашелъ возможнымъ спросить: «Не забыли-ль положить документы? Запихнули-ль такой-то коробокъ въ телѣгу?» и т. д.

Потомъ увлекающіеся товарищи его на третьей станціи стали призабывать родной городъ; за двѣ станціи до Петербурга, въ воображеніи ихъ едва ли было что-нибудь походящее на воспоминаніе о немъ, а въ моментъ перваго сознанія, что «мы въ Петербургѣ, вотъ онъ Петербургъ-то», можно сказать положительно, не было и признака. Родной

городъ исчезъ безслѣдно. Сеня Калашниковъ былъ и въ эти минуты самимъ собою; въ то время, какъ товарищи его, несмотря на предостереженія, поминутно высовывали въ вагонныя окна свои побѣдныя головы и вглядывались въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ находиться Петербургъ, Сеня разспрашивалъ у какого-то мѣщанина, гдѣ бы подешевле остановиться, гдѣ бы отыскать номерокъ копеекъ въ пятьдесятъ. Одинъ изъ товарищей, глядѣвшихъ въ окно, наконецъ вскрикнулъ:

— Вотъ онъ! Братцы! Петербургъ!

Въ это же время Сеня спросилъ у мѣщанина:

— Ну, а въ двадцать пять копеекъ нѣту номеровъ?

— Нѣтъ, ужъ этого нѣту,—отвѣчалъ мѣщанинъ.

Среди полнаго затменія, нагнаннаго громадностью впечатлѣній на слишкомъ юныя головы провинціальныхъ юношей,—товарищамъ Калашникова было не подъ силу перенести его клянчанье съ извозчиками изъ-за пятачка, вѣжливости съ петербургскими лакеями, три часа державшими самоваръ, и проч. Словомъ, товарищи видѣли, что Сеня съ тѣмъ же спокойствіемъ и ровностью ступилъ на тротуаръ петербургскій, какъ и на свой родной, захолустный. Перенести такого невѣжества они были не въ силахъ и скоро разошлись совсѣмъ. Товарищи поступили въ университетъ, а Сеня остался съ гимназическимъ аттестатомъ, никакъ не надѣясь проиграть въ жизни и имѣя на это всѣ основанія.

Шло время; молодые товарищи Сени Калашникова, не имѣя силъ противиться своей увлекающейся натурѣ, метались отъ одного увлеченія къ другому, съ жаромъ хватались за все, что ни попадалось на глаза во время долгаго томленія провинціи, хотѣли ударить сразу по всѣмъ клавишамъ и кончили тѣмъ, чѣмъ и должны были кончить: нищетою, жизнью въ копеечномъ углу петербургскаго захолустья, исканіемъ уроковъ и корректуръ и проч. тому подобное. Пути, по которымъ подвигался Сеня Калашниковъ, были для нихъ тайною, тѣмъ не менѣе успѣхи его въ жизни были видимы воочію, ибо, если въ эту пору съ нимъ встрѣчался тотъ или другой изъ неприличныхъ товарищей, то неминуемо испытывалъ зависть къ нему. Разочарованные въ непрочности увлеченій, товарищи его убѣдились въ томъ, что жизнь не только не даетъ какихъ-то невѣроятныхъ, захватывающихъ духъ радостей, но не даетъ также и особенно громадныхъ печалей; несчастья жизни

для бѣдняка сгруппированы на недостаткѣ калошъ, въ то время, когда онѣ неотступно необходимы, на недостаткѣ пятиалтыннаго, чтобы нанять извозчика, такъ какъ варварская ходьба, сократившая жизнь уже-на десятокъ лѣтъ, можетъ изъ-за недостатка этого пятиалтыннаго прекратить ее гдѣ-нибудь среди тротуара въ жестокій и жгучій морозъ. Словомъ, въ качествѣ бѣдняковъ, товарищи Калашникова были терзаемы множествомъ самыхъ ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе безчисленныхъ неудобствъ или несчастій и, имѣя въ виду единственною цѣлью въ жизни уйти отъ этихъ несчастій, при встрѣчахъ съ Калашниковымъ завидовали ему, такъ какъ онъ, видимо, избѣжалъ всего этого. Онъ не страдалъ ни отъ холода ни отъ другихъ маленькихъ недостатковъ и заслуживалъ уваженія своихъ несчастныхъ товарищей ради той практичности, которая руководила имъ на этомъ пути успѣховъ. Съ этой-то именно точки зрѣнія теплыхъ калошъ и теплыхъ воротниковъ онъ и былъ предметомъ зависти для товарища. При встрѣчахъ съ нимъ товарищи узнавали, во-первыхъ, что онъ живетъ въ семействѣ и притомъ нѣмецкомъ, что онъ торопится или по чьему-то чужому порученію, или куда-то на кофе,— словомъ, мелкота интересовъ и сознаніе, что только при этой мелкотѣ, только при затыканіи ушей отъ всего лишняго, т.-е. не столь узенькаго и крошечнаго, можно еще пользоваться хоть какими-нибудь житейскими благами, дѣлали его рѣшительно побѣдителемъ, тріумфаторомъ. Но иногда, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его покорностью требованіямъ дѣйствительности вообще и коломенской въ особенности, онъ становился какимъ-то жалкимъ существомъ.

По старой памяти иногда, въ полгода разъ, онъ заходилъ къ тому или другому изъ своихъ неприличныхъ товарищей, и тутъ-то въ короткіе визиты обозначалась сразу вся разница между ними.

Войдя въ убогую конуру товарища въ сумерки, Калашниковъ находилъ его лежавшимъ, по обыкновенію, на кровати, среди глубокой темноты.

— Что ужъ это, братецъ, у тебя свѣчи нѣтъ?—спрашивалъ Калашниковъ.

— Да что-жъ!—неохотно и вяло отвѣчалъ товарищъ такимъ тономъ, какимъ провинціальные гамлеты говорятъ: «Умереть!—уснуть!.. Не больше!»

Сеня усаживался, и между товарищами долго не начиналось сколько-нибудь плавнаго и дружнаго разговора.

Среди молчанія Калашниковъ неожиданно восклицалъ: «Кстати, свѣчи... Вотъ мы сейчасъ говорили насчетъ свѣчи»... И затѣмъ «кстати» высказывалась теорія невыгоды употребленія свѣчей и теорія выгоды при употребленіи керосина или чего-либо подобнаго. Рукою Сени на листкѣ бумаги начертывались какія-то цифры, затѣмъ листокъ съ цифрами подносился къ глазамъ гамлетствующаго товарища, и слѣдовала фраза: «слѣдовательно въ мѣсяцъ ты имѣешь чистаго барыша двадцать двѣ копейки». Гамлетствующій товарищъ говорилъ: «это недурно». Это весьма поощряло практическую фантазію Калашникова, вслѣдствіе чего черезъ нѣсколько минутъ товарищу подносился расчетъ выгодъ и барышей отъ керосина въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, пятидесяти, ста и т. д. Барыши выходили громадные. Затѣмъ та же практическая фантазія переходила на выгоды отъ домашняго приготовленія папиросъ: чистаго барыша получалось въ годъ не менѣе рубля восьмидесяти копеекъ, что въ двадцать пять лѣтъ составитъ тоже сумму не маленькую. Когда весь эффектъ, возможный въ области копеечной экономіи, истощался, Сеня Калашниковъ замолкалъ, соображая дальнѣйшую нить разговора. Замолкалъ также и товарищъ, рѣшительно не умѣвшій попасть въ кругъ интересовъ своего друга. О литературѣ, о послѣдней книжкѣ журнала онъ не рѣшался говорить съ приличнымъ другомъ, потому что всякій разъ, когда этому другу задавался вопросъ: «читалъ ли ты эту вещь?» и проч., у приличнаго друга тотчасъ же на лицѣ появлялось что-то испуганное, онъ начиналъ бормотать: «читалъ, читалъ, какъ же...», но видно было, что это не болѣе какъ ложь, сдѣланная ради приличія. Въ сущности же интересная вещь для неприличнаго товарища была вовсе не интересна Сенѣ Калашникову.

Когда молчаніе между пріятелями достигало высокаго предѣла, Сеня начиналъ чувствовать свое превосходство надъ товарищемъ, не умѣющимъ «найтись», и считалъ вполнѣ возможнымъ выдвинуть на общее обсужденіе собственные широкіе интересы. Прежде всего онъ сообщалъ о новыхъ знакомствахъ.

— Недавно, — говорилъ онъ, напримѣръ: — я познакомился съ новымъ семействомъ Картавиныхъ...

— Ну что же? — спрашивалъ отъ-нечего-дѣлать товарищъ.—Хорошее семейство?

— Ммм — не скажу! Понимаешь ли, проглядываетъ какое-то мѣщанство...

— Въ чемъ же именно?

— Да видишь ли... Я приведу тебѣ очень простой примѣръ: возьмемъ хоть ихъ столъ. Столъ у нихъ неодинаковъ; когда бываютъ гости, то ты найдешь роскошь въ полномъ смыслѣ слова, но разъ нечаянно зашелъ я къ нимъ какъ-то въ понедѣльникъ, меня не ждали, и вообрази,—ѣдятъ чуть не горохъ; натурально, переконфузились... Вообще какое-то мѣщанство... Вотъ у Клавдиныхъ, такъ тамъ уже...

Тутъ Сеня обыкновенно цѣловалъ концы пальцевъ.

— Что же, — спрашивалъ товарищъ. — Ну, а Клавдины хорошіе люди?..

— Прелестные люди! Прекраснѣйшее семейство: когда ты ни приди, т.-е. когда бы ты ни пришелъ, всегда ты найдешь четыре блюда...

Сеня говорилъ это съ жаромъ, отстаивая правоту своей задушевной мысли.

— Понимаешь ли,—продолжалъ онъ, выставляя впередъ руку съ пальцами, согнутыми въ колечко:—когда бы, въ какое бы время ты ни пришелъ, ты всегда найдешь четыре прекраснѣйшихъ блюда!.. Когда бы, въ какое бы ты время ни пришелъ.

Пальцы, сложенные въ колечко, останавливались на груди, а глаза Сени упирались въ физіономію недоумѣвавшаго товарища и настоятельно требовали восторга. Не найдя на лицѣ неприличнаго товарища ничего, кромѣ нѣкоторой дозы испуга, Сеня снова приходилъ въ спокойное состояніе, опускалъ руки въ карманъ панталонъ и, прохаживаясь медленно по маленькой комнаткѣ:—«Да!—бормоталъ:—прекрасные, превосходные люди!..»

Вообще покой и невозмутимость духа были главными достоинствами Калашникова. Но иногда неприличные товарищи бывали свидѣтелями и высокодраматическихъ моментовъ въ его жизни. Случалось это весьма рѣдко, но все-таки случалось. Такъ, однажды, вмѣсто спокойствія и степенности, съ которыми входилъ обыкновенно Сеня въ комнату товарища, онъ съ шумомъ распахнулъ дверь, съ трескомъ швырнулъ въ уголъ калоши, бросилъ на столъ шляпу и, не снимая пальто, повалился на стулъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—почти закричалъ онъ, ероша волосы и не обращая вниманія на неприличнаго товарища.—Это рѣшительно ни на что не похоже!..

Товарищъ былъ до того испуганъ волненіемъ Сени,

что не рѣшился даже предложить ему вопроса: «въ чемъ дѣло?»

— Вотъ-те и пообѣдалъ!—продолжалъ драматизировать коломенскій джентльменъ. Вотъ тебѣ и покушалъ... Ахъ, негод-дяи! Ахъ, скоты! Нѣтъ! Эти Картавины рѣшительные скоты... Въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова!.. Представь,— вскакивая со стула и подбѣгая къ изумленному товарищу, горячился Сеня:—представь всю низость... У Картавиныхъ я обѣдаю обыкновенно по четвергамъ, въ среду я обѣдаю у Арбузовыхъ, въ пятницу у Крюковыхъ и такъ далѣе... Н-но въ четвергъ я обѣдаю у Картавиныхъ. Такъ у меня положено и такъ идетъ съ давнихъ поръ... Представь же себѣ низость. Сегодня я отправляюсь къ нимъ, по обыкновенію, обѣдать. Прихожу. Мнѣ говорятъ, что барина задержали въ присутствіи.—«Скоро будетъ?» Говорятъ, что, по всѣмъ расчетамъ, скоро. Прекрасно! Сажусь. Жду. Столъ накрытъ. Проходитъ часъ,—нѣтъ. Замѣть, что я въ шесть часовъ непремѣнно долженъ быть у Гусевыхъ! Замѣть себѣ это! Смотрю на часы: пять часовъ; жду,—нѣтъ. Половина шестого—нѣтъ. Извиняются, просятъ подождать, «сейчасъ будетъ». Думаю себѣ: должны же они хоть изъ приличія подать что-нибудь закусить. Ну, селедки кусокъ. Ну... ну что-нибудь... Жду, —нѣту! Ни закуски ни хозяина. Бьетъ шесть,—нѣту! Выхожу изъ терпѣнія, беру шляпу, раскланиваюсь.—«Куда же вы?» Я взбѣшенъ, — ухожу... Не негодяи ли?..

Сеня сложилъ на груди руки, судорожно передернувъ плечами.

— Но,—нерѣшительно произнесъ товарищъ:—какое же ты имѣешь право... основаніе разсчитывать на чужіе обѣды?

— Не на обѣды! Пойми ты, ради Бога, не на обѣды,— вскрикивалъ Сеня тончайшимъ дискантомъ, дѣлая шагъ назадъ и прижимая кулаки къ плечамъ.—Н-не на обѣды-съ! Я желаю одного: подай ты что-нибудь закусить, селедки, икры,—ну, словомъ, чего-нибудь, лишь бы человѣкъ не околѣлъ съ голоду! Вѣдь знаютъ же! Вѣдь они понимаютъ, что человѣку нуженъ кусокъ селедки, вѣдь они это знаютъ... Такъ дай же, прикажи подать хоть изъ приличія...

Товарищъ долго молчалъ. Сеня держалъ кулаки у плечъ и упорно смотрѣлъ на товарища.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ положилъ руки въ карманъ, съ волненіемъ опустился на стулъ и изнеможеннымъ голосомъ произнесъ:

— Нѣтъ, рѣшительные негодяи!

Подобнаго рода трагическіе моменты, рожденные отсутствіемъ закуски, неминуемо слѣдовавшей по расчету, заставляли Сеню Калашникова вздыхать и думать о бренности всего земного.

Но вся высота приличности и полная законность всяческой житейской мелкоты, олицетвореніемъ которой былъ Сеня Калашниковъ, являлась неприличному товарищу въ то время, когда онъ посѣщалъ квартиру своего приличнаго друга. Прежде всего бросалась въ глаза какая-то серьезность, съ которою глядѣли на гостя сами стѣны комнаты и все, что̀ въ нихъ ни находилось. Все это стояло и висѣло въ весьма приличной позѣ и мѣстности и ни на секунду не измѣняло ни своего вида ни мѣста. Серьезность, наполнявшая комнату и дѣлавшая ее чѣмъ-то въ родѣ капища, въ которомъ ежеминутно приносятся жертвы богу приличій, подтверждалась тѣмъ, что всякое, самое ничтожное дѣяніе, совершавшееся здѣсь, было всегда обставлено самою высокою строгостью, классичностью исполненія. Скука одиночества и отсутствіе какихъ-нибудь радующихъ душу интересовъ, испытываемые неприличнымъ товарищемъ, замѣнялись здѣсь въ совершенствѣ нѣсколькими весьма маленькими дѣяніями, возведенными въ званіе дѣлъ первой важности. Скука будней Сени Калашникова пополнялась, напримѣръ, медленнымъ и серьезнымъ процессомъ набиванія папиросъ. Глядя на приличнаго друга въ тотъ моментъ, когда онъ, засучивъ рукавъ халата, водилъ кулакомъ, сжимающимъ табакъ, по отверстіямъ гильзъ, можно было подумать, что тутъ дѣлается нѣчто государственное. Въ ту же высокую должность было возведено зажиганіе лампы, сопряженное со множествомъ нетороплнвыхъ хлопотъ, прическа волосъ, отъ природы торчавшихъ въ разныя стороны, и такъ далѣе. Неприличный товарищъ, глядя на все это, рѣшительно недоумѣвалъ и задыхался отъ удивленія: сколько серьезности и, главное, довольства!

Кромѣ серьезности комнаты и дѣяній, происходившихъ въ ней, товарищъ Калашникова немало удивлялся, немало бывалъ изумленъ и тѣмъ, какъ добывается эта приличная обстановка. Калашниковъ въ то время еще не служилъ и, разыскивая мѣста, жилъ на маленькія деньги, присылаемыя матерью; при одномъ словѣ «Петербургъ» деньги эти превращались въ «ничто», или, по меньшей мѣрѣ, ограничивали требованья ихъ обладателя чѣмъ-нибудь однимъ: или

возможностью носить хорошій пиджакъ и умереть при этомъ съ голоду, или же быть сытымъ, но лишиться пиджака. Сеня же имѣлъ и то и другое. Тайна этого находилась въ одной маленькой тетрадкѣ, валявшейся на столѣ у Сени и носившей названіе: «книга для замѣтокъ». На первой страницѣ ея, среди разлинованныхъ графъ и отдѣленій, четкимъ почеркомъ значилось: *обѣды*. Затѣмъ шли дни недѣли и противъ нихъ, въ графѣ, помѣщавшейся рядомъ, стояли фамиліи семействъ, гдѣ Сеня обѣдалъ въ тотъ или другой день. На слѣдующей страницѣ красовалась надпись: *кофе*, съ тѣмъ же обозначеніемъ дней и фамилій; еще на слѣдующей—*вечера*, и такъ далѣе. Тутъ же, въ книгахъ для замѣтокъ, вперемежку со счетомъ бѣлья, попадались записанные наскоро анекдоты, имѣющіе возможность вырвать смѣхъ только изъ коломенско-измайловскихъ грудей; изреченія великихъ людей и, между прочимъ, Фридриха Великаго, списанныя изъ какой-то старинной книжки «Живописнаго Обозрѣнія», и проч. Все это, казавшееся неприличному товарищу какой-то чепухой, для Сени Калашникова имѣло слишкомъ много значенія: всѣ эти изреченія и анекдоты были его единственными спасителями среди пучины отъявленной азіатской скуки коломенско-измайловскихъ журфиксовъ и доставляли ему весьма видное мѣсто въ ряду людей, умѣющихъ не молчать въ антрактахъ между чаемъ, подающимся въ восемь часовъ вечера, и между яблоками, жалующими на столъ гостиной въ глухую полночь.

Ради насвистыванія бонтона, Сеня являлся въ измайловскихъ ротахъ въ качествѣ прекраснаго молодого человѣка, умѣющаго найтись и занять, въ качествѣ прекраснаго человѣка, который всегда необходимъ для мебели, въ качествѣ необходимаго человѣка, необходимаго для того, чтобъ измайловскимъ дѣвицамъ была возможность пробовать на немъ, какъ на болванѣ, свои способности въ плѣненіи жениховъ. Книга для замѣтокъ рисовала Сеню именно такимъ человѣкомъ, которому, ради житейской необходимости, необходимо надо исполнять всѣ вышеизложенныя должности.

Неприличный товарищъ, тщательно группируя всѣ впечатлѣнія, навѣянныя на него приличнымъ другомъ, умѣлъ только жалѣть о той дѣйствительности, которая такъ мало хочетъ и такъ мало разрѣшаетъ, но рѣшительно не могъ понять, зачѣмъ такое умерщвленіе ума и сердца необходимо Сенѣ Калашникову?

Отвѣтъ на этотъ неприличный вопросъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ очерковъ, а теперь обратимся къ прерванному разсказу.

III. Приличія лѣтняго сезона.

Итакъ, въ тотъ самый моментъ, когда на Невѣ зацарствовали туманы, когда надъ Петербургомъ стали бѣлыя ночи и на островахъ загремѣли оркестры, на одну изъ самыхъ отдаленныхъ дачъ, размѣстившихся среди петербургскихъ болотъ у голаго и непривѣтливаго взморья, переѣхалъ ради лѣтняго сезона Сеня Калашниковъ. Въ то же самое время на тѣ же самыя дачи переѣхало семейство Вторниковыхъ, состоящее изъ матери и дочери. Мать была именно та самая коломенская капитанша, которая весьма завидуетъ отставной полковницѣ Пробкиной, желающей походить на генеральшу Зацѣпину, и такъ далѣе. Дочь ея была образецъ петербургской, приличной до послѣднихъ границъ барышни. Ни въ наружности, ни въ голосѣ, ни въ походкѣ не было рѣшительно ни единой крупицы чего-нибудь выдающагося, неприличнаго: все было дано природою и жизнью въ строгихъ границахъ мѣры; казалось, что если бы уменьшить хоть однимъ волоскомъ число волосъ на ея головѣ, то она непремѣнно разсыплется, какъ сахарная куколка. Не меньшая доза приличій была отдѣлена судьбою и на долю мамаши. Но у обѣихъ тѣми же приличіями были прикрыты весьма житейскія желанія и цѣли. Мамаша, разсуждавшая о высокихъ матеріяхъ на своихъ кромѣшныхъ вторникахъ, въ обыкновенные дни бушевала съ кухарками, вычитая изъ жалованья за разбитый стаканъ, бушевала въ лавкахъ Гостинаго двора, покупая какую-нибудь кисею, судилась съ кѣмъ-то за какіе-то проценты, хлопотала о пенсіи и писала просьбы о непосильныхъ трудахъ покойнаго супруга, потерявшаго на службѣ даже человѣческій разсудокъ, и, въ заключеніе, стремилась какъ можно скорѣе выдать дочь замужъ. Подкладка приличій дочери состояла исключительно изъ одного только желанія выйти замужъ и обставлялась самымъ обстоятельнымъ пониманіемъ слѣдующихъ вещей: она знала, что женихи рѣдки, что прихоти сердца ни къ чему не ведутъ, и что слѣдовательно не надо и невозможно пренебрегать никакимъ уродствомъ, какое только предложено будетъ въ качествѣ жениха. Ради такихъ подкладокъ къ семейству Вторниковыхъ можно причислить одного тридцативосьми-

лѣтняго синодальнаго чиновника Круглолицына, человѣка доброты безпредѣльной, вышедшаго изъ провинціи изъ простого званія, ломовыми трудами добившагося возможности получать изъ ломбарда крошечные проценты и не утратившаго до сихъ поръ вѣры въ высокую образованность такой барышни, какъ Марья Гавриловна Вторникова. Ради идолопоклонства образованности, Круглолицынъ на старости лѣтъ принялся учиться у танцмейстера Вывихова разнымъ бальнымъ танцамъ, смертельно желалъ говорить по-французски, для чего постоянно носилъ въ карманѣ *новѣйшій самоучитель, выучивающій французскому языку въ совершенствѣ въ 24 часа*. Бѣднѣйшій человѣкъ этотъ выучился пѣть два-три романса, между прочимъ: «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть» и «Уймитесь, волненія страсти», узналъ, когда нужно перевернуть страницу нотъ, чему главнымъ образомъ способствовало не знаніе нотныхъ знаковъ, а звѣрское топаніе ногою пѣвицы. Словомъ, ради образованности Круглолицынъ многое перенесъ и претерпѣлъ; но такъ какъ ему все-таки не было никакой возможности проникнуть въ самую глубину ея, то семейство Вторниковыхъ съ перваго же дня знакомства считало его вѣрнѣйшимъ и неизмѣннѣйшимъ женихомъ и держало его на всякій случай въ запасѣ. Круглолицыну, помѣщавшемуся обыкновенно въ углу, изрѣдка бросались вопросы, ласковыя улыбки, похвала голосу, манерамъ, и затѣмъ вниманіе переходило на другіе, болѣе достойные предметы. Такимъ-то образомъ семейство Вторниковыхъ перебралось на лѣтній сезонъ въ пустынную приморскую деревню, перетащило нѣсколько сломанныхъ стульевъ и, между прочей мебелью, перетянуло сюда же и Круглолицына, который аккуратно являлся на дачу послѣ присутствія и кухмистерскаго обѣда.

Каторга трехъ сезоновъ осенняго, зимняго и весенняго, до того истомила нашихъ героевъ, т.-е. Калашникова и Вторниковыхъ, что они въ первое время переѣзда рѣшительно не знали, какъ повести дѣла. Нѣсколько дней они не выходили изъ сырыхъ комнатъ и очень долго спали, какъ спятъ труженики... У Вторниковыхъ въ первые дни были завѣшены окна; мать и дочь съ сонными лицами и въ дезабилье медленно двигались по комнатамъ, падая то на кресло, то на кровать, и тотчасъ же засыпали. Калашниковъ, значительно позеленѣвшій лицомъ, въ тотъ моментъ, какъ отовсюду нахлынула весенняя зелень, очень походилъ

на вылинявшую тощую корову, выпущенную послѣ долгаго зимняго заперти на улицу, затопленную тепломъ весенняго солнца. Мало-по-малу разстроенныя чувства ихъ пришли въ порядокъ, приличія снова начали овладѣвать ими, и головы моихъ героевъ принялись раздумывать по поводу того вопроса, въ какой мѣрѣ, или, вѣрнѣе, на какіе пункты, представляемые новою мѣстностью, новымъ временемъ года и новыми сосѣдями, должны обрушиваться сезонныя приличія. И Вторниковы и Калашниковъ, еще незнакомые другъ съ другомъ, почти въ одно и то же время соображали, что лѣтомъ обыкновенно занимаются прогулками, любовью, неожиданными знакомствами и всякаго рода восхищеніями. Прежде всего герои мои стали думать о знакомствахъ. Сеня Калашниковъ открылъ въ книгѣ для замѣтокъ новый отдѣлъ подъ заглавіемъ: «лѣтній сезонъ», и сдѣлалъ надписи: «обѣды», «кофе» и такъ далѣе. Среди пустыхъ графъ съ подобными надписями покуда не было ничего. Но черезъ нѣсколько времени Калашниковъ, воротившись домой, тщательно вывелъ въ графѣ «обѣды» фамилію Вторниковыхъ, предшествуемую № первымъ. Наилучшаго знакомства невозможно себѣ представить. Сеня Калашниковъ былъ настолько приличенъ, что не рѣшался совать себя въ женихи, а былъ просто прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; Вторниковы были настолько разсудительны, чтобъ не считать его женихомъ, — ибо какой же онъ женихъ?—а считать его просто молодымъ человѣкомъ, умѣющимъ устроить сезонную скуку сообразно съ приличіями, имъ было весьма пріятно.

Такимъ образомъ прежде всего пріятные знакомцы, сообразно съ приличіями, начали восхищаться.

Сидятъ они въ облакахъ петербургскаго тумана и сырости съ промокшими ногами и разсуждаютъ:

— Не правда ли, какъ хорошо?.. Семенъ Иванычъ! Не правда ли?

— Да-съ, вообще поразительно.

— Не правда ли?

— Да-съ, вообще...

Идутъ они по разваленному мосту, растопырившемуся гнилыми подпорками надъ какою-то зеленою гнилью, и говорятъ:

— Семенъ Иванычъ! Боже, какъ хорошо!..

— Да-съ... Ногу, ногу поосторожнѣе... Очаровательно...

— Не правда ли... А это дерево? Налѣво? Семенъ Иванычъ...

— Божественно! Марья Гавриловна... осторожнѣе... тутъ дыра-съ!

— Какая простота! Не правда ли...

— Простота-съ... Природа-съ!.. Естествен... Корова! Корова!.. Марья Гавриловна, ради Бога... Тпружи!.. Куд-да!..

— Вы боитесь коровы?

— Помилуйте-съ! У-лё, дубина!..

— Она такая хорошенькая... Какіе у нея умные глаза... Ахъ! Семенъ Иванычъ, возьмите камень, отгоните ее...

— У-у-у, шельма!..

Камень попадаетъ коровѣ въ бокъ.

— Бѣдная! Ей больно! Семенъ Иванычъ, не правда ли...

— Чтó же-съ?.. Какъ вамъ нравится вотъ это дерево?

— Очаровательно!..

Такая же точно восторженность переносилась дачниками и во внутренность жилища Вторниковыхъ. Здѣсь, вмѣсто дерева, коровы и дыры на мосту, восторгъ возбуждался предметами тоже не слишкомъ картинными. Во-первыхъ, восхищались пѣніемъ г. Круглолицына. Несмотря на то, что мужиковатый голосъ его поражалъ слушателя своею неповоротливостью, быстрыми переходами и страстными вскрикиваніями съ хрипотою, напоминавшими трескъ стекла, высаженнаго локтемъ,—несмотря на все это, слушатели пустынныхъ дачъ умилялись и говорили:

— Необыкновенно!..

— Г. Круглолицынъ, ради Бога еще... «Уймитесь»!

— Неподражаемо!..

Господинъ Круглолицынъ, слѣдуя просьбамъ, хватался одною рукою за стулъ, на которомъ сидѣла очаровательная мадмуазель Вторникова, другую руку закидывалъ за спину и, переваливаясь грудью изъ стороны въ сторону, захлебываясь, выводилъ: «Оружія ищетъ рука-а!»

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не находили возможнымъ измѣнить способъ восхищенія. Для этого обыкновенно прибѣгали къ альбому съ фотографическими портретами, лежавшему всегда на столѣ. Начиналось обсуживанье правильности носовъ, глазъ, ртовъ; разсказывались біографіи родственниковъ, портреты которыхъ красовались въ альбомахъ; восхищались фигурами офицеровъ, усы которыхъ, расправленные въ разныя стороны, казалось, перечеркнули весь портретъ поперекъ. При этомъ спрашивалось:

— Не правда ли?

— О, да-съ!

— Г. Круглолицынъ! Не правда ли?

— Вѣрно-съ...

— А?

— Будьте покойны!

Затѣмъ снова прибѣгали къ восхваленію сегодняшней прогулки, въ восхваленію деревъ, дыръ, коровъ, носовъ, подбородковъ, глазъ, пѣнія и такъ далѣе. Къ концу такого приличнаго вечера всѣхъ начинала одолѣвать смертоносная тоска. Пѣніе Круглолицына иногда неожиданно прерывалось звукомъ. На лицахъ Вторниковыхъ и Калашникова иногда замѣтно было судорожное дрожаніе, сворачивавшее подбородокъ съ плотно сжатымъ ртомъ на сторону, послѣ чего на глазахъ выступали слезы: очевидно, что зѣваніе происходило подъ спудомъ.

Наконецъ всѣ расходились, чувствуя сильные упреки желудка.

Съ теченіемъ времени восторженность и ликованія сдѣлались рѣшительно невозможными.

Нужно было изобрѣсти что-нибудь новое. Сеня Калашниковъ, собираясь идти къ Вторниковымъ, упорно ломалъ голову надъ тѣмъ вопросомъ, съ какой бы новой стороны взглянуть на предметы, которыми приходилось восхищаться; но всѣ старанія его были напрасны, потому что предметы, разнообразившіе сезонную жизнь въ пустынныхъ дачахъ, были до такой степени безжизненны и неразнообразны, что необходимость довольствоваться ими можно было считать только каторгою, а не предметомъ размышленій и единственною пищею для головы.

Правда, не слѣдуя сезоннымъ приличіямъ, можно было бы и изъ петербургскаго лѣта взять ту дозу удовольствія, которая непремѣнно присутствуетъ даже въ самой скудной природѣ; можно было бы, напримѣръ, разлечься гдѣ-нибудь подъ деревомъ и пролежать прелестное полуденное время, можно было бы сдѣлать какую-нибудь прогулку верстъ за пять, напиться въ колоніи отличнаго молока и спать, когда только захочется, и такъ далѣе. Но развѣ все это входитъ въ разрядъ сезонныхъ приличій? развѣ все это можетъ быть темою для восхищеній и продолжительныхъ воспоминаній на осеннихъ журфиксахъ въ городѣ?

Ради всего этого и Калашниковъ и Вторниковы придумывали какое-нибудь новое, приличное сезону дѣйствіе; соображенія ихъ по этому предмету привели ихъ къ тому

заключенію, что, во избѣжаніе смерти отъ скуки, необходимо пустить въ ходъ нѣкоторую долю любовной интриги. Г. Круглолицынъ въ этомъ дѣлѣ никакъ мѣшать не могъ по особеннымъ свойствамъ своей натуры, да, кромѣ того, любовная интрига и сердечныя дѣла пускались въ ходъ только изъ приличія и границы его перейти не могли. Герои наши, въ качествѣ людей, устроенныхъ по одной мѣркѣ, убѣдились въ необходимости этого пріема въ одно и то же время, такъ что, когда Сеня Калашниковъ пришелъ къ Вторниковымъ съ цѣлью намекнуть Марьѣ Гавриловнѣ насчетъ собственнаго сердца, то къ удовольствію своему замѣтилъ, что m-lle Вторникова желаетъ вспыхнуть и показать смущеніе. Сеня Калашниковъ, въ качествѣ приличнаго человѣка, мгновенно придалъ своему лицу выраженіе грусти и издалъ глубокій вздохъ.

— О чемъ вы вздыхаете?—спросила барышня.

— Такъ-съ...—проговорилъ Сеня, вторично разразившись вздохомъ.—Такъ-съ, вообще...

Калашниковъ украдкою взглянулъ на Марью Гавриловну и опустилъ глаза въ землю.

— Что же именно?

— Да такъ-съ. Кое-что... Марья Гавриловна! любили-ль вы когда-нибудь?

— Вамъ-то зачѣмъ это?

Сеня посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ и грустно проговорилъ:

— Мнѣ-то?

Марья Гавриловна вздохнула.

— Въ кого же вы влюблены? — спросила она, опуская глаза въ землю.

Сеня вздохнулъ и, вскинувъ волосами, проговорилъ:

— Зачѣмъ говорить? Вы знаете ее и такъ... Н-но... Это будетъ напрасно... Не такъ ли?

— Я не знаю...

— Нѣтъ, знаете! И вы, вы только однѣ знаете это!

Затѣмъ Сеня быстро поднялся со стула и, подойдя къ фортепіано, принялся перелистывать старинныя тетради романсовъ, заклеенныя по разодраннымъ краямъ бумагою. Взглядывая на Марью Гавриловну «украдкою», онъ замѣчалъ, что она «смущена». Но была ли бы она приличною дѣвушкою, если бы она не смутилась тогда, когда это необходимо? Это значило бы, что она не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей...

Такимъ образомъ была пущена въ ходъ сердечная интрига, и приличные герои мои чувствовали себя очень хорошо. Всѣ скучныя и опротивѣвшія детали лѣтняго сезона приняли въ ихъ глазахъ совершенно новый оттѣнокъ. Шли они по мосту и уже не могли восхищаться деревомъ и лужею, и вели преинтересный разговоръ:

— Но вѣдь мужчины непостоянны!

— Кто вамъ сказалъ?

— Я знаю.

— Но это ложь.

— Это что за новости? Какъ вы смѣете?

— Марья Гавриловна! Тотъ, кто любитъ истинно...

— Полноте!

— Марья Гавриловпа!

— Отстаньте!

Альбомъ, разсматриваемый ими попрежнему, былъ ужъ интересенъ не съ точки зрѣнія граціозныхъ носокъ, а совершенно съ другой стороны: Марья Гавриловна обыкновенно закрывалась имъ отъ постороннихъ глазъ и подъ прикрытіемъ его шептала Семену Иванычу:

— Вы вѣтренникъ!

— Ради Бога, простите меня!

— Никогда!

— Марья Гавриловна!

— Зачѣмъ вы не приходили вчера? а?

— Я былъ боленъ!

— Врете!

— Клянусь!

Точно также, благодаря новому приличію, совершенно другой оттѣнокъ приняло даже пѣніе г. Круглолицына. Во время всхлипываній и воздыханій, бушевавшихъ въ пѣніи сего джентльмена, на лицахъ моихъ героевъ уже не было восхищенія, а царствовало выраженіе любви и страданія. Когда Круглолицынъ выводилъ что-нибудь въ родѣ:

Напрасно х-хочу заглушить
Поррывы душевныхъ волненій
И ссердце разсудкомъ унии-а-аать—

Сеня Калашниковъ вздыхалъ такъ, что Марья Гавриловна слышала это. Когда же Круглолицынъ пѣлъ:

Ты помнишь ли тотъ взглядъ краснорѣчивый,
Который мнѣ любовь твою откры-ылъ?..—

въ эту минуту вздыхала, изъ приличія, Марья Гавриловна, но такъ, что Сеня Калашниковъ слышалъ это.

Затѣмъ любовью было окрашено всякое дѣйствіе и всякій предметъ, за которымъ или при которомъ какое бы то ни было дѣйствіе ни происходило. Напр.: столъ. Что такое столъ? Вещь деревянная, бездушная, годная для процесса обѣда и питья чаю; но если подъ столомъ просунуть записку съ изображеніемъ: «сегодня пойдемте въ поле», и съ присовокупленіемъ желанія скрыть этотъ объявленный проступокъ отъ взоровъ окружающихъ, то выйдетъ вещь совершенно другого свойства. Или возьмемъ другой предметъ: изодранная дамская перчатка; если смотрѣть на изодранную перчатку прямо, глазами здраваго разсудка, то легко можно придти къ тому убѣжденію, что перчатка эта не стоитъ мѣднаго гроша и вполнѣ достойна попасть въ сорную кучу; но если, вмѣсто этого, сказать, взглянувъ на перчатку: «ради Бога, дайте мнѣ ее на память!», потомъ получить ее скомканною ея испуганною ручкою и засунуть такую скомканную вещь туда, гдѣ въ близкомъ сосѣдствѣ лежатъ папиросы и пылаетъ сердце, т.-е. въ боковой карманъ, то изодранная перчатка будетъ стоить не мѣдный грошъ, а едва ли и всѣхъ сокровищъ міра будетъ достаточно для того, чтобъ овладѣть ею: она будетъ храниться здѣсь, какъ святыня, до тѣхъ поръ, пока въ голову обладателя не заглянетъ слѣдующая мысль: «Чортъ знаетъ, зачѣмъ сюда попала эта дрянь?». Такимъ-то восхитительнымъ свѣтомъ сезонной любви были окрашены всѣ дѣйствія и поступки моихъ героевъ.

Но время шло, и оставаться на однихъ разговорахъ по поводу вѣчной преданности и непостоянства—было рѣшительно невозможно.

Всѣ жонглерскія уловки со столами и перчатками, взглядами, вздохами и пр. были перепробованы и окончательно надоѣли. Необходимо было ввести въ сезонную жизнь новый элементъ. Герои мои задумались снова, тщательныя размышленія привели ихъ къ ужаснымъ выводамъ. Не имѣя возможности свернуть съ дороги любви, приличные герои мои поняли, что единственный исходъ изъ той скуки, которая овладѣла ими въ это время, былъ послѣдній и роковой шагъ на поприщѣ любви. Нужно было, хоть изъ приличія, сказать другъ другу: Ты моя, ты мой, я твоя и т. д. Хоть изъ приличія нужно было обхватить трепещущею рукою ея талію, забраться въ глушь лѣса, такъ, чтобъ среди тишины раздавались одни поцѣлуи.

Положеніе было безвыходное. Сеня Калашниковъ рѣши-

тельно терялъ голову, изобрѣтая способъ выбраться изъ такого неловкаго положенія. Марья Гавриловна металась изъ угла въ уголъ, отыскивая такое средство къ освобожденію изъ цѣпей приличій. Она перебирала разные планы, разные проекты, но ничего не помогало. Было одно средство — сказать герою: «будетъ намъ городить вздоръ» и засмѣяться, но это было бы вовсе глупо.

Въ тоскѣ о такомъ безотрадномъ положеніи ожидала она однажды Сеню Калашникова и мучилась ужасными муками. Она начинала чувствовать, что разсудокъ ей измѣняетъ, что силы оставляютъ ее. Небеса оставались безмолвны.

Въ это время въ переднюю отворилась дверь, и показалась фигура овощного лавочника.

— Мнѣ бы барыню!—почесывая затылокъ и поглядывая въ углы комнаты, заговорилъ онъ.—Тамъ по лавкѣ заборъ былъ, такъ ужъ сдѣлайте милость, поплатиться бы... Время ужъ къ концу.

— Боже!—воскликнула Марья Гавриловна, къ ужасу лавочника, всплеснувъ руками: — лѣтній сезонъ кончился! Мама!—кричала она, влетая къ матери: — лавочникъ пришелъ за деньгами, лѣтній сезонъ кончился!

— Кончился, мой другъ!—кряхтя и подымаясь съ кровати, проговорила мать:—о-охъ, спина!

Марья Гавриловна бросилась къ фортепіано, взяла два-три громкихъ аккорда, вскочила, побѣжала въ кухню и возвѣстила кухаркѣ:

— Марья! Сезонъ конченъ!

— Слава Тебѣ, Господи!..—сказала Марья.

Скоро появился и Сеня Калашниковъ: у него тоже былъ лавочникъ и обрадовалъ его точно такъ же, какъ и m-lle Вторникову, но изъ приличія онъ былъ грустенъ. Марья Гавриловна тоже принуждена была подавить свой восторгъ, вслѣдствіе чего герои мои, улучивъ минуту и опустивъ въ землю глаза, сказали другъ другу:

— Мы должны разстаться!

— Видно, не судьба!

— Ужели? — началъ-было Сеня, но махнулъ рукою и остановился.

Затѣмъ герои вздохнули и благородно ретировались въ разныя стороны.

— Вотъ уже кончился и лѣтній сезонъ!— со вздохомъ и болью въ спинѣ говорила старуха Вторникова.

— Д-да! къ несчастью.

— Но не правда ли,—продолжала она:—какъ былъ хорошъ нынѣшній лѣтній сезонъ?

— О, да! Сезонъ вообще... того!

Лѣтній сезонъ въ самомъ дѣлѣ кончился. Началась перевозка мебели, расплата, отыскиваніе квартиръ,—словомъ, такое множество воловьей работы, что Круглолицынъ рѣшился предложить свою руку и свое сердце Марьѣ Гавриловнѣ, твердо вѣря, что каторжные труды его, предстоящіе въ наступающемъ осеннемъ сезонѣ, вознаградятъ Вторниковыхъ за жертвы, сдѣланныя согласіемъ на бракъ въ его пользу. Возраженія на предложеніе Круглолицына не послѣдовало, и г-жа Вторникова, устроивъ дочь, въ тотъ же моментъ почувствовала какія-то болѣзни, которыя свойственны только генеральшамъ. Сеня Калашниковъ завелъ новую книгу и въ первой графѣ подъ № 1-мъ записалъ: «Семейство Круглолицыныхъ. Понедѣльникъ. Обѣды». По выходѣ Марьи Гавриловны замужъ, онъ тотчасъ измѣнилъ свою роль относительно ея, сообразно съ приличіемъ, но ка̀къ все это происходило и что̀ изъ этого вышло, будетъ разсказано впослѣдствіи.

Весною.

Провинціальный очеркъ.

Святая недѣля шла къ концу; въ городскихъ балаганахъ раздавались послѣдніе удары турецкихъ барабановъ; паяцы въ бѣлыхъ колпакахъ, цѣлую недѣлю горлапанившіе на утѣшеніе гулявшихъ массъ народа, охрипли и посинѣли отъ шуточныхъ ударовъ палками, которыми награждали ихъ лбы и спины въ утѣшеніе той же гуляющей толпы; круговыя качели обезлюдѣли и только изрѣдка возносили къ небу какого-нибудь общипаннаго и тщедушнаго мужичонка; повсюду доѣдались остатки священыхъ куличей, пасхъ и яицъ; чиновники начинали подумывать о канцеляріи, школьники о грамматикахъ, розгахъ и единицахъ. На всемъ замиравшемъ весельѣ лежалъ колоритъ какой-то унылости, которая вдвое непріятнѣе дѣйствовала на меня, одинокаго на родинѣ человѣка. Ни родныхъ ни знакомыхъ моихъ въ эту пору уже не было на родинѣ: все это умерло или раз-

брелось по свѣту. Я видѣлъ знакомые дома сосѣдей, знакомые деревья и заборы, но людей знакомыхъ не видалъ: вездѣ виднѣлись чужія лица, смотрѣвшія на меня чужими глазами. Все это до нѣкоторой степени болѣзненно дѣйствовало на меня и мѣшало всецѣло отдаться прелестямъ наплывавшей весны. Святая въ тотъ годъ была ранняя; кое-гдѣ подъ дровами или подъ кучами щепокъ можно было еще видѣть затвердѣвшую ледяную кору; въ садахъ, на дорожкахъ виднѣлись еще тоненькіе, какъ кружева, слоики льду; подъ вечеръ, подъ ногой прохожаго, еще раздавался легкій трескъ затянутой холодкомъ воды; деревья стояли вымытыя, чистыя и готовыя пробудиться. Весна была уже близко-близко... Она виднѣлась въ воздухѣ, въ небѣ, въ солнцѣ. На солнечной сторонѣ, подъ заборами, пролегали почти уже сухія тропинки, и собака моихъ хозяевъ, называвшаяся, по обыкновенію, Шарикъ, не сходила съ освѣженнаго и нагрѣтаго солнцемъ камня, служившаго ступенью къ крыльцу; протянувъ переднія лапы, она держала голову подъ ударами солнечныхъ лучей и жмурилась отъ наслажденія, дремала, слабо раскрывая глаза, и словно таяла. Куры изнѣженно покряхтывали и ворчали что-то про себя, сидя на завалинкѣ, на которую по временамъ падала съ крыши капля талой воды... Пѣтухи звонко, невѣроятно звонко горланили повсюду, взлетая на кучу дровъ, на вершины заборовъ, и хлопали своими крыльями... Но не было знакомыхъ лицъ, и въ знакомой картинѣ чего-то недоставало. Глядя изъ окошка на толпы дѣтей, игравшихъ на солнцѣ, я вспоминалъ, что въ былое время одиночество бѣдныхъ дѣтей не было такъ беззащитно. За недосугомъ отцовъ и матерей, однообразную тоску ихъ игръ, доходившихъ отъ однообразія до дракъ, разгоняли посторонніе люди, не имѣвшіе другой, болѣе любимой профессіи. Въ нашей улицѣ было два такихъ дѣтскихъ забавника; теперь ихъ уже нѣту... Одинъ изъ нихъ, поваръ большой провинціальной барыни, Закоморовой, былъ отставной военный солдатъ, по прозванію Гришка, высокаго роста, съ черными курчавыми волосами, покрывавшими большую голову съ высокимъ и крутымъ лбомъ; громадные усы и орлиный носъ сдѣлали бы его физіономію страшною и пугающею, если бы ужасамъ этимъ не измѣняли необыкновенно добродушные глаза и мягкій, слегка дрожащій голосъ, вслѣдствіе чего лицо моего героя невольно располагало къ себѣ всякаго и тѣмъ болѣе дѣтей. Ни осенью, ни

зимою, ни въ теченіе почти всей весны курчавая голова и усы закоморовскаго повара не показывались въ нашей улицѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда его привозили на извозчикѣ чуть живого домой или когда онъ возвращался съ рынка, неся подъ мышкою кулекъ съ провизіей; но все это не было интересно для его питомцевъ, да, кромѣ того, имъ вообще рѣдко приходилось встрѣчать его даже и въ этихъ видахъ. Они ждали полнаго расцвѣта весны, вмѣстѣ съ которою долженъ былъ появиться и Гришка. Вмѣстѣ съ весною, закоморовская барыня обыкновенно уѣзжала куда-нибудь въ чужіе края, и Гришка оставался хозяиномъ въ пустой барской кухнѣ, среди пустыхъ кастрюль и безжизненно протянувшихся въ углу ухватовъ. Почувствовавъ себя свободнымъ, Гришка первымъ дѣломъ отправлялся въ кабакъ и не выходилъ оттуда въ теченіе двухъ недѣль, оставляя здѣсь весь свой заработокъ, скопленный имъ въ теченіе зимняго сезона деньгами, одеждой, обувью и проч. Все это поступало въ вѣдѣніе цѣловальника и скоро успокоивалось въ его кошеляхъ и сундукахъ. Когда на Гришкѣ оставались одни военные, очень древніе, зеленоватаго цвѣта брюки, надѣтые на босыя ноги, и единственная рубашка съ большой военной пуговицей у ворота, Гришка понималъ, что насталъ сезонъ весенній, и вступалъ въ новую весеннюю должность.

— Ну-ка, Григорій Иванычъ, — говорилъ онъ тогда: — покажи-ка-сь, каковъ ты есть.

И съ этими словами онъ шелъ въ барскій сарай. Здѣсь изъ-за старинныхъ, ободранныхъ возковъ съ окнами, опушенными выщипаннымъ медвѣдемъ, изъ-за высочайшихъ каретъ съ крутыми рессорами, саней, перевернутыхъ вверхъ полозьями, и цѣлыхъ лѣсовъ оглоблей, вытаскивалъ онъ своего Григорія Иваныча.

Это былъ особаго рода увеселительный аппаратъ; состоялъ онъ изъ маленькаго столика на одной ножкѣ, нижній конецъ котораго упирался въ средину деревяннаго креста— для устойчивости; на другомъ концѣ ея былъ плашмя придѣланъ деревянный кружокъ, величиною съ тарелку. Посреди этого кружка было просверлено буравцемъ отверстіе, проходившее до половины ножки столика, во внутренность каковаго отверстія вдвинута была тоненькая палочка, и такъ какъ палочка эта должна была двигаться, то наравнѣ съ ней въ ножкѣ столика была сдѣлана боковая вырѣзка; къ нижнему концу палки привязывалась струна, зацѣпля-

вшаяся за мизинецъ Гришки во время игры на балалайкѣ, а на верхнемъ концѣ палки, возвышавшемся надъ верхней деревянной площадкой, сидѣлъ самъ Григорій Иванычъ— кукла съ разставленными въ стороны руками, тотъ самый Григорій Иванычъ, отъ котораго закоморовскій поваръ получилъ названіе Гришки и который былъ единственною утѣхой не только дѣтей, но рѣшительно всѣхъ обывателей нашей улицы.

Отыскавъ свою утѣху въ пыли, паутинѣ, Гришка говаривалъ:

— Здорово, другъ! какъ поживаешь? Какъ-то ты, другъ, зиму зимовалъ?

Григорій Иванычъ, стоя передъ своимъ хозяиномъ, напоминалъ мумію, лишенную всѣхъ признаковъ жизни. Но вдругъ онъ вскакивалъ, ужаленный, и болталъ своими руками и ногами, высоко поднявшись на палкѣ...

— Живъ! Слава и благодареніе Богу — живехонекъ!— говорилъ хозяинъ, снова дергая за струну и снова вскидывая Григорія Иваныча вверхъ и заставляя трепетать его руки и ноги.

— А ну-ка, еще?

И Григорій Иванычъ еще и еще выказывалъ признаки жизни.

— Живъ и здоровъ!—заключалъ хозяинъ и тащилъ свое дѣтище въ кухню.

Какъ только закоморовскій поваръ убѣждался, что Григорій Иванычъ дѣйствительно не совсѣмъ отошелъ на тотъ свѣтъ, что кучера и конюхи, возившіеся цѣлую зиму въ сараѣ, не совсѣмъ переломали ему дряхлыя кости, онъ тотчасъ же приступалъ къ переодѣванью своего дѣтища. Нужно сказать, что Григорій Иванычъ всегда являлся въ костюмѣ, соотвѣтственномъ духу времени. Если былъ онъ наряженъ черкесомъ—значитъ, что наши недавно одержали побѣду надъ этимъ племенемъ; если солдатомъ — значитъ, что слава русскаго воинства гремитъ въ настоящую минуту повсюду. Во время Севастопольской кампаніи Григорій Иванычъ былъ украшенъ ополченскимъ костюмомъ и имѣлъ на крошечной груди своей большущій мѣдный знакъ, закрывавшій всю его крошечную рожицу. Когда же времена оскудѣвали событіями и не оказывалось ни единаго живо-трепещущаго интереса, Григорій Иванычъ являлся въ видѣ франта во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, и хозяинъ обращался съ нимъ крайне презрительно. Соображаясь съ духомъ

вѣка, принимался Гришка устраивать костюмъ своему другу; доставались по этому случаю изъ-подъ кроватей, изъ печей, набитыхъ соромъ, всякіе тряпки и обрѣзки, и начиналось шитье. Напяливъ на глаза мѣдные очки, Гришка сидѣлъ у открытаго кухоннаго окна, съ особеннымъ стараніемъ орудуя иглой, и бормоталъ:

— Скоро, скоро, Григорій Иванычъ, покажемъ мы себя передъ публикой, скоро!

Григорій Иванычъ, помѣщавшійся въ отдаленномъ углу кухни, не спускалъ глазъ съ хозяина...

— Заскучалъ? — спрашивалъ послѣдній, взглядывая на него.—Скучно?

Скучно было Григорію Иванычу.

— Не тужи!.. Не тужи, другъ, не горюй!.. Въ скоромъ времени мы съ тобой изукрасимся... Скорехонько! А то что скучишь-то попусту...

— Дяденька! — голосила подъ окномъ толпа мальчишекъ: —скоро?

— Скоро, милые други, скоро теперича...

— Какой онъ? военный?

— Нельзя этого знать... Не приказано объ эфтомъ пустыя слова разговаривать... Что значитъ пустыя слова? грѣхъ! Потерпите, и увидите все...

— Поскорѣй бы, клянчили мальчишки.

— Не могу я раньше времени! На все есть время! У кажиннаго человѣка во всемъ свой расчетъ...

— Голу-убчикъ!—умоляли истомленные ожиданіемъ зрители.

— Что пустыя слова говорить! Зачѣмъ пустое разговаривать?—отвѣчалъ на все это Гришка и оставался непреклоннымъ, продолжая свою работу.

Иногда, въ промежуткахъ ея, онъ поднимался со своего сидѣнья, чтобы выпить квасу, и, проходя мимо Григорія Иваныча, дергалъ за струну и говорилъ:

— Живъ и здоровъ! Благодареніе Богу моему! Не скучи!

Григорій Иванычъ, по обыкновенію, въ какомъ-то неистовствѣ дергалъ въ воздухѣ руками и ногами и потомъ въ изнеможеніи падалъ колѣнками на верхнюю доску увеселительнаго снаряда.

Наконецъ Григорій Иванычъ одѣтъ; новый костюмъ сидитъ на немъ мѣшковато, морщитъ и неуклюжитъ всю его фигуру; розовый кисейный галстукъ закрылъ собою, вмѣстѣ съ новомоднымъ воротникомъ сюртука, уши и глаза героя,

протянувшись вплоть до темени и до самой высшей точки затылка; новый картузъ, переформированный изъ бумажной крышки отъ коробки съ пилюлями, съѣзжаетъ на ухо или на воротникъ, вслѣдствіе своей ширины; Гришка однако тотчасъ же устраняетъ всѣ эти неудобства: онъ подбираетъ воротникъ бекеши и галстукъ Григорія Иваныча подъ картузъ, напяливая послѣдній до самыхъ плечъ, которыя Григорій Иванычъ любитъ держать по-военному, кверху, и мало-по-малу все приводится въ надлежащій порядокъ. Недостаетъ только струнъ на балалайкѣ...

А мальчишки между тѣмъ ждутъ не дождутся своего утѣшителя. Весна настала, высохла земля, начались скучныя послѣобѣденныя игры въ бабки и въ войну, при чемъ въ въ ходъ пускалась, по обыкновенію, пыль, ослѣплявшая воиновъ. Давно уже возятся ребята посреди улицы, съ горя затѣваютъ драки, плачутъ, а кругомъ царитъ сонъ и безлюдье; деревья не шелохнутся, собаки спятъ, солнце палитъ, и нигдѣ не слышно человѣческаго звука и слова. Снова дерутся и плачутъ ребята, и снова тоска и звуки ..

— Вотъ! вотъ! вотъ!..—раздается за угломъ невѣроятно радостный голосъ Гришки и бренканье балалайки, и вслѣдъ затѣмъ курчавая голова его и его фигура, въ костюмѣ, соотвѣтствующемъ весеннему сезону, вылетаетъ изъ-за угла. Боже, какъ торопливо идетъ онъ! Чтобы скорѣй порадовать ребятъ, онъ какъ-то вытянулся впередъ и словно летитъ, размахивая балалайкой въ одной рукѣ и увеселительнымъ снарядомъ въ другой...

— Ахъ, вотъ, готово, готово, готово!—покрикиваетъ онъ, не переставая быстро идти впередъ, — и стаи дѣтей уже бѣгутъ за нимъ, въ какомъ-то изступленіи, не обращая вниманія на то, что у нихъ подъ ногами, надъ головой и впереди.

— Гришка пришелъ! Гришка пришелъ!—слышатся отовсюду радостно замирающіе голоса.

— Скоррѣй! Живѣй! Ахъ! ахъ! ахъ! — покрикиваетъ Гришка, не переставая бѣжать...

И вылѣзаютъ изъ воротъ заспанныя фигуры обывателей: тутъ и мастеровые, съ загрязненными фартуками и съ ремешками на головахъ, тутъ и чиновники въ халатахъ съ распотѣлыми и зелеными лицами, тутъ и толстыя жирныя чиновницы съ раскаленными на пуховой подушкѣ щеками, и ветхія-ветхія старухи, не имѣющія возможности удержаться на ногахъ, не схватившись предварительно за

притолку калитки. Бѣгутъ и высовываются и вылѣзаютъ со всѣхъ сторонъ...

— Каковъ-то онъ? Кто такой? военный?..— слышится между зрителями, а Гришка все бѣжитъ, все помахиваетъ балалайкой и покрикиваетъ:

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! Поспѣшайте!..

Отворяются ставни, закрытыя по случаю жары: высовываютъ свои головы протопопы, протодьяконы, протоіереи и дьяконы; показываются въ отворенныя калитки вершины купеческихъ животовъ, оттопыривающихъ остроконечіемъ своимъ, какъ бы висящимъ надъ бездной, распоясанныя рубахи. На многихъ запертыхъ еще окнахъ виднѣются дѣти, стучащія своими маленькими кулаками въ стекла и заливающіяся слезами; сердитыя лица нянекъ, отрывающихъ дѣтей отъ оконъ, устремлены на бѣгущаго Гришку; все заинтересовано и поглощено имъ, все ждетъ, — что-то будетъ... А онъ все еще бѣжитъ впередъ, покрикивая и помахивая балалайкой; толпа зрителей затопила его уже кругомъ, и только курчавая голова его шевелится и какъ будто подпрыгиваетъ надъ нею... Но вотъ надъ головою Гришки поднялась балалайка и осталась неподвижною... Толпа стала и раздалась полукругомъ, очистивъ мѣсто для увеселительнаго аппарата и его хозяина.

Гришка цѣпляетъ струну, привязанную за конецъ подскакивающей палки, на мизинецъ и дѣлаетъ на балалайкѣ предварительные аккорды, вслѣдствіе чего Григорій Иванычъ слегка пошевеливается. Но вотъ балалайка настроена.

— Поклонъ!! — возвѣщаетъ Гришка, издавая на балалайкѣ соотвѣтственный салюту звукъ, и, когда Григорій Иванычъ дѣлаетъ, что приказано, хозяинъ прибавляетъ:

— Такъ! Господамъ особо!

Григорій Иванычъ раскланивается господамъ.

Барышнямъ-красавицамъ — книксъ! — И это исполняется съ тою же точностью. Затѣмъ слѣдуютъ реверансы другимъ сословіямъ по порядку и по положенію ихъ въ обществѣ. Въ заключеніе Григорій Иванычъ не забывалъ и черный народъ, раскланиваясь съ «мужиками-неотесами». Поклонами оканчивалась прелюдія и начиналась самая суть дѣла—танцы. Подъ звуки «Барыни», начинавшіе слетать со струнъ балалайки, Григорій Иванычъ начиналъ подергивать то колѣномъ своей переломленной пополамъ ноги, то плечомъ; мало-по-малу движенія его оживлялись, онъ

пускался въ присядку, размахивалъ руками и фалдами, а хозяинъ его—Гришка—въ то же время подпѣвалъ:

Рруки ловянныя,
Н-ноги деревянныя...

И прибавлялъ, приготовляясь начать слѣдующій куплетъ:

— На пяточки, на носочки, разъ, два, три четыре...

Ай, барыня съ перехватомъ
Подпиралася ухватомъ.
Рразъ, два, три, четыре... и т. д.

Негромкіе, но неумолкаемые и казавшіеся огрубѣлому уху слушателей необыкновенно разнообразными, звуки балалайки приковывали все вниманіе ихъ къ пляшущему Григорію Иванычу и убаюкивали. По временамъ, среди куплетовъ пѣсни, Гришка заставлялъ Григорія Иваныча сдѣлать кому-нибудь изъ зрителей соотвѣтственное нравоученіе: то осуждалъ франтоватаго мастерового, подвязавшаго подъ грязную шею красный шелковый платокъ бантомъ; то подтрунивалъ надъ горничной, желавшей расфрантиться по-барски, и затѣмъ снова шло дребезжанье балалайки и подпѣванье интереснѣйшихъ куплетовъ не менѣе интереснѣйшей пѣсни... Закоченѣла, застыла толпа; но звуки балалайки сдѣлались какъ-то чаще и громче... Пальцы Гришки быстро начали съѣзжать по струнамъ, направляясь къ основанію грифа... Тонъ звуковъ поднялся втрое выше, раздались два-три громкихъ и полныхъ аккорда, Григорій Иванычъ взлетѣлъ на воздухъ и дрыгалъ ногами, балалайка виднѣется надъ головой Гришки, и изъ устъ его раздается команда:

— Къ генералу!..

Увеселительный снарядъ подхваченъ съ земли, Гришка снова пускается впередъ, а за ними и вся масса зрителей; скоро вся толпа вваливаетъ въ ворота отставного генерала Тыжова. Генералъ уже проснулся и сидитъ у отвореннаго окна; публика, впрочемъ, не видитъ его. Глазамъ ея ясно представляется полукругъ богатырской груди, начинающейся у одного подоконника и оканчивающейся на срединѣ противоположной вертикальной стороны окна; кромѣ того, на подоконникѣ покоится массивная рука, слегка задрапированная, какъ и грудь, парусиннымъ халатомъ и какъ бы подкрадывающаяся къ бѣлой кружкѣ, наполненной ледянымъ квасомъ. Голова генерала, по всей вѣроятности, покоящаяся на спинкѣ кресла, не видна публикѣ. Послѣ нѣкотораго безмолвія припухшіе генеральскіе пальцы дѣ-

лаютъ легкое движеніе, и музыка начинается. Все идетъ въ прежнемъ порядкѣ. Генеральская рука по временамъ вяло бьетъ тактъ, по временамъ беретъ кружку, медленно поднимаетъ ее на воздухъ и потомъ тащитъ вверхъ, словно на гору, на вершинѣ которой, за плинтусомъ оконной рамы, кружка эта и исчезаетъ на довольно долгое время. Наконецъ ручная кисть генерала поднимается во весь ростъ, какъ бы защищаясь отъ набѣга кружки съ квасомъ, и Гришка мгновенно прекращаетъ увеселеніе; вслѣдъ за этимъ успокаивается рука генерала.

— Какой?—спрашиваетъ генералъ, не показывая головы...

— Штацкій-съ, вашескобродіе!..—отвѣтствуетъ Гришка.

— Молодца!

— Ужъ, истинно, только для васъ...

— Иванъ!—возвѣщаетъ генералъ. — Вынеси ему... Благодарю! Довольно!

Иванъ выноситъ Гришкѣ горсть мѣдныхъ денегъ, и музыкантъ вмѣстѣ съ публикой, отъ которой обыкновенно очень плохая пожива, уходитъ со двора, весело пощипывая балалайку.

Вплоть до сумерекъ, бывало, потѣшаетъ Гришка публику нашихъ закоулковъ и въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ увеселительнымъ инструментомъ, исчезалъ въ черныхъ дверяхъ кабака. Продолжались такія увеселенія вплоть до глубокой осени, до тѣхъ поръ, пока громадная карета закоморовской барыни не показывалась снова около воротъ ея дома. Наставали въ то же время дожди и мятели — и обыватели наши, скучая темными осенними вечерами, часто вспоминали Григорія Иваныча.

Но незамѣтно перемѣнились времена и нравы. Подошли откуда-то такіе интересы и такія радости, которые не переваривались уже въ стариковской головѣ Гришки и поэтому никакъ не могли нарисовать костюма для Григорія Иваныча; да и въ зрителяхъ, вмѣсто безотчетнаго удивленія искусству сего героя и его подвигамъ, начала проглядывать иронія самаго злѣйшаго и безпощаднѣйшаго свойства; къ тому же умеръ и генералъ, единственный поощритель хореографическо-сатирическихъ мистерій Гришки. Не оставалось ему никакого дѣла, и отбился онъ поэтому отъ рукъ и сталъ пить. Каждый день можно было видѣть его на нашей улицѣ; возвращаясь изъ кабака, онъ что-то бормоталъ про себя, махая въ отчаяніи рукой, или садился на тротуарный столбъ и разговаривалъ...

— Чтэ-э-?..—съ презрѣніемъ онъ обращался къ пустын-

ной улицѣ.—Кто я?.. Повваръ, подлая ты душа... Понимаешь? Повваръ ся превосходитель...

И при этомъ онъ съ гордостью поднималъ вверхъ голову, выпрямлялъ спину, такъ что являлась опасность, какъ бы онъ не перевернулся черезъ тумбу, и тыкалъ пальцемъ въ грудь при каждомъ слогѣ титула своей госпожи... Пустынная улица не выказывала ни малѣйшаго удивленія заслугамъ Гришки. Это подзадоривало послѣдняго въ дальнѣйшихъ монологахъ; съ энергическими жестами начиналъ онъ распространяться объ торжественныхъ обѣдахъ, за которыми присутствовали знаменитѣйшіе вельможи, о кушаньяхъ съ мудренѣйшими названіями, и въ пустынной улицѣ долго раздавались названія французскихъ блюдъ:—«Шатобрево совусъ... Или опять, къ примѣру, это бламанжде? э?.. Или хучь фрикадонъ?..»

Но терпѣніе уличнаго безмолвія наконецъ лопалось. Передъ Гришкой являлась сухая стариковская фигура въ сюртукѣ до пятокъ, изъ широкаго ворота котораго выдвигалась худая шея, а на шеѣ сидѣла сухая голова, съ острымъ клочкомъ сѣдой бороды и сѣдыхъ кудрей, выглядывавшихъ изъ-подъ приплюснутаго картуза. Фигура эта останавливалась прямо противъ Гришки, закладывала за спину руки и, вытянувъ впередъ клинообразную бороду, произносила:

— Суета! Для чего ты, суета, горланишь, пьяное и безумное рыло твое,—для чего?

Упрекавшая Гришку фигура обыкновенно сильно пахла водкой и покачивалась.

— Неужели, ничтожная персть, желаешь ты тщеславіемъ возвеличить себя?

Гришка съ изумленіемъ глядѣлъ на своего порицателя, который попрежнему смотрѣлъ ему въ самые глаза.

— Дубина! — говорилъ порицатель. — Скимна, у печки господской прокопченная! Что̀ ты возмнилъ о себѣ, персть земная?..

— Да ты... да ты что̀ же...—начиналъ бормотать Гришка, пошевеливая рукой и сжимая кулакъ...

— Оссстановись, и—встань!

— Д-да ты что̀ же...

— Встань!.. Опомнись и иди за мной въ геенну огненную...

— Падемъ!—безсознательно говорилъ Гришка.

— На свои угощаю, дабы лишь свинскія рѣчи твои, тщеславьемъ переполненныя, прекратить. Встань и гряди!

— Падемъ... Въ кабакъ-ту?.. Это пад-демъ, братъ!..

— О, тщеславіе! о, суета!..—вздыхая, взывалъ порицатель и вмѣстѣ съ Гришкой входилъ въ кабакъ...

Порицатель суеты и тщеславія былъ другой изъ покровителей нашихъ дѣтей. Въ молодости онъ немало видѣлъ нужды и горя и, получивъ послѣ смерти купца, родителя своего, капиталъ, пустился во всѣ тяжкія. Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ московскихъ трактировъ и цыганскихъ семействъ въ Грузинахъ помнятъ великія щедроты и бѣснованія Алексѣя Кузьмича въ моментъ проматыванія отцовскаго наслѣдства. Но прошло это золотое время, и умудрило оно Алексѣя Кузьмича. «Други мои! — говорилъ онъ въ кабакѣ:—видѣлъ я все, до самаго дна и до самаго корня, и все, други мои — суета и прахъ!.. Видѣлъ я вельможу тщеславнаго и превозвышеннаго, но далъ ему злата — и сталъ онъ рабомъ моимъ!.. Видѣлъ я дѣвицу, ахъ, какая была то дѣвица непорочная!.. Но... и увы! увы!.. Все прахъ, все суета, все—тьфу!.. Видѣлъ это я и сказалъ себѣ: отрясу прахъ отъ ногъ моихъ и пойду... И пошелъ... И пришелъ къ вамъ, болваны и скимны! Но болваны вы и дурачье, и я не уйду отъ васъ, ибо вы только дурачье...»

Такія рѣчи Алексѣй Кузьмичъ говорилъ послѣ того, какъ, промотавшись въ первопрестольной столицѣ, воротился онъ въ родной городъ. Здѣсь никто изъ родныхъ не принялъ его, но нашелся добрый человѣкъ, уже видѣнный нами генералъ, любитель всякихъ оригиналовъ и оригинальностей, и поселилъ Алексѣя Кузьмича въ кухнѣ, изрѣдка слушая его разсказы. Ничѣмъ опредѣленно не занятый, Алексѣй Кузьмичъ или присутствовалъ въ кабакѣ и произносилъ тамъ свои монологи, или возился съ дѣтьми, которыя очень любили его. Сколько труда захолустному ребенку раздобыть обрывокъ бѣлевого чулка для того, чтобы размотать его и запустить потомъ змѣй! Тутъ непремѣнно нужно воровство, преступленіе, за которымъ естественно слѣдовало и наказаніе... Алексѣй Кузьмичъ избавлялъ дѣтей отъ того и другого — онъ шелъ прямо къ владѣлицѣ чулка и упрашивалъ ее отдать ребятамъ это сокровище. Помогалъ онъ имъ запускать и самый змѣй и участвовалъ въ другихъ играхъ, но главное, за что любили его, это то, что онъ съ доброжелательствомъ смотрѣлъ на ребятъ и съ готовностью слушалъ ихъ разговоры...

Преимущественно же—онъ посѣщалъ кабакъ. Нѣту уже теперь этихъ утѣшителей нашихъ захолустныхъ дѣтей.

платья и имущества ихъ, отъ картуза и сапогъ до балалайки и длиннополаго сюртука, лежатъ въ залогѣ, въ кабакѣ, а владѣльцы ихъ—на кладбищѣ.

Въ Ѳоминъ понедѣльникъ, когда кончилась совсѣмъ Святая недѣля, толпы народа повалили на кладбище — поминать умершихъ родственниковъ. Женщины несли въ рукахъ стаканы съ медомъ и съ воткнутой въ нихъ восковой свѣчой. У кладбищенскихъ воротъ стояли толпы калачниковъ, и поминающіе запасались этимъ продуктомъ въ количествѣ, равномъ числу умершихъ родственниковъ. На церковной паперти, биткомъ набитой народомъ, подъ сводами, раздавался голосъ дьячка, записывавшаго въ поминанья имена умершихъ: «Анны, Меланіи, Параскевы...» — басилъ онъ. По могилкамъ двигались толпы народа. Слышался плачъ и грустное пѣніе погребальныхъ мотивовъ... И было здѣсь много народу, который не забылъ помянуть закоморовскаго повара и раба Божія Алексѣя.

Пятница.

Народный разсказъ.

1.

На одной изъ московскихъ фабрикъ работалъ крестьянинъ Иванъ Егоровъ. Человѣкъ онъ былъ непьющій, разсудительный и поэтому, послѣ пяти лѣтъ работы, сколотилъ себѣ малую толику деньжонокъ. Пять лѣтъ онъ не видался ни съ женой, ни съ отцомъ, ни съ матерью. Наконецъ надоѣла ему Москва, подначальное фабричное житье,—захотѣлъ онъ побывать въ своей сторонѣ, завести свое хозяйство, да если удача пойдетъ, то и совсѣмъ остаться въ родной деревнѣ. Подумалъ онъ, подумалъ такъ-то, да передъ Петровымъ днемъ попросилъ у хозяина расчетъ, простился съ пріятелями и отправился въ путь-дорогу. Дороги теперь не то, что въ старину: вездѣ дилижансы ходятъ, да чугунки какъ птицы летаютъ; такъ что самая дальняя дорога не недѣлями и не мѣсяцами тянется — а днями. Егоръ Ивановъ сѣлъ въ Москвѣ на Рязанскую чугунку, отдалъ за билетъ два съ полтиной и преотлично въ Рязань доѣхалъ. Отъ Рязани вздумалось ему до деревни—

всего семнадцать верстъ —пѣшкомъ пройти,—потому давно очень не видалъ онъ родныхъ полей и родныхъ луговъ, а въ той сторонѣ почти ужъ степь начинается, тишина, да гладь, да зелень... Привязалъ онъ сумку за спину; поднялъ на дорогѣ ветловую палку—на всякій случай — и пошелъ. Шелъ онъ по знакомой сторонѣ, каждая былинка ему вспоминалась, и отъ радости духъ захватывало... Однакоже, во время дороги, Егоръ Ивановъ кое-о-чемъ и другомъ подумывалъ: думалъ онъ о своей деревнѣ Прикобыловкѣ, о женѣ, о хозяйствѣ; какія-то, думалъ онъ, порядки по дому идутъ, да сыты ли, да не умерли-ль... Начало ему въ голову лѣзть все такое несообразное: ну сгорѣли? Ну, что-нибудь, да грѣхъ какой случился? Раздумался онъ такъ-то,—даже жутко ему стало середь чистаго поля степного... Цѣлыя семнадцать верстъ онъ нигдѣ не вздохнулъ ни разу, въ кабакъ не зашелъ, съ встрѣчнымъ человѣкомъ въ разговоръ не вступилъ. Все шелъ да поспѣшалъ... Къ вечеру показалось родное село; изъ-за крышъ завидѣлась зеленая колокольня, — какъ есть какъ прежде была; и стрижи съ щебетаньемъ да галки съ карканьемъ вокругъ ея креста какъ и прежде играютъ въ хорошую погоду; глянулъ Егоръ въ тотъ бокъ, гдѣ изба стояла его, — думалъ: «ахъ,—нѣту избы!» —анъ изба-то какъ есть, какъ живая стоитъ, и огонекъ въ окнѣ свѣтится... Тутъ Егоръ вздохнулъ свободно, снялъ картузъ, перекрестился и вошелъ въ сельскую улицу...

2.

Долго ли, коротко ли протянулось время,—москвичъ съ перваго началу все гулялъ, да угощалъ, да подарки дарилъ: женѣ подарилъ онъ ситцу московскаго на два платья да бусы стеклянныя, своячницѣ платокъ головной, а матери принесъ бѣлаго миткалю на повязку: въ этой повязкѣ старушки въ церковь ходятъ на Свѣтлое Воскресенье, въ этой же повязкѣ ихъ и въ гробъ кладутъ. Шло такъ-то сначала радость да пированье, — однакоже пора и дѣлу быть. Помаленьку да помаленьку началъ Егоръ входить въ хозяйство: тамъ ворота приладитъ, тутъ вставитъ новое стекло; на задворкахъ повалился весною въ половодье плетень,—Егоръ поднялъ его, выпрямилъ, новые колья забилъ,—сталъ плетень хоть куда. Цѣлые дни принялся онъ вокругъ дома хлопотать; то молоткомъ стучитъ, то топоромъ рубитъ, то пилой пилитъ. Разъ онъ этакъ-то мастерилъ разныя дѣла съ ранняго утра; наконецъ утомился и во-

шелъ со двора въ избу отдохнуть; вошелъ въ избу-то, анъ глядь,—бабы (четыре бабы у него въ семьѣ были), а бабы-то сидятъ по лавочкамъ, зѣваютъ да охорашиваются.

«Что за чудо, — подумалъ Егоръ втихомолку: — нонѣ, кажись, не праздникъ,—а бабы мои ровно бы въ свѣтлый день прибрались, въ наряды нарядились и бездѣльничаютъ?»

– Вы бы, любезныя,—говоритъ бабамъ:—на дворѣ бы хоть маленечко подсобили убрать!..

— Съ великимъ бы, Егоръ Иванычъ, удовольствіемъ помочь тебѣ сдѣлали,—отвѣчаютъ бабы:—ну, только никакъ не можемъ мы преступить закону...

— Какой это законъ такой, позвольте у васъ узнать, чтобы, напримѣръ, въ будній день не работать?

— А такой, что нониче на дворѣ-то *пятница!* У насъ испоконъ вѣку такой законъ установленъ, что въ пятницу Боже избави работать... Мы бы тебѣ, Егоръ Иванычъ, отъ всего сердца угодили и сами это явственно понимаемъ,—ну никакъ не можемъ...

Стали тутъ бабы разсказывать, какія случались несчастья съ тѣми, кто осмѣливался работать въ пятницу; все пожары да смерти случались, да другія страшныя бѣды.

Въ отместку ихнимъ разговорамъ да разсказамъ сталъ и Егоръ Ивановъ доказывать имъ ихнюю глупость и говорилъ:

— Какъ же это работа можетъ быть грѣхомъ? И кто, гдѣ въ писаніи видѣлъ, чтобы въ пятницу сидѣть всѣмъ сложа руки? Ни батюшка въ церкви ни учитель въ училищѣ никогда этого не говаривали и работать отнюдь не запрещали. Гулящихъ дней, праздниковъ Господнихъ — у насъ и такъ довольно, есть когда душу отвести,—а будни даны на работу; сказано: шесть дней трудись, — седьмой Богу, а вы еще одинъ день гуляете, — незнамо для кого, только не для Бога.

Долго говорилъ имъ Егоръ объ этомъ ихъ глупомъ поступкѣ,—бабы все слушали и подъ конецъ сказали:

— Все это ты, Егоръ Иванычъ, такъ справедливо говоришь, — ну, однакоже мы никакъ не можемъ по твоимъ рѣчамъ поступать, потому у насъ такъ издавна установлено...

Разсердился Егоръ и сказалъ:

— Да кто у васъ это уставы-то уставляетъ?

На это бабы ему отвѣчали:

— Мы этого не знаемъ! Это намъ и знать не должно,— а преступить этого намъ нельзя, потому—невозможно...

Поглядѣлъ на нихъ Егоръ, плюнулъ и пошелъ работать: а бабы такъ и остались сидѣть сложа руки на лавкахъ да зѣвать.

3.

Думалъ Егоръ, что бабы авось какъ-нибудь образумятся,— но время шло, а бабы продолжали свои бездѣльничанья по пятницамъ попрежнему. Цѣлую недѣлю работаютъ—надрываются, какъ чуть пятница подошла—вырядятся и сидятъ, пальцемъ не шевеля. Иная цѣлую недѣлю ткетъ красна, къ четвергу къ ночи—у ней всего на полвершка не доткано осталось; чѣмъ бы въ пятницу взять да доткать, да вымочить поскорѣй,—анъ она ждетъ до субботы, а мочить въ понедѣльникъ начнетъ. Видитъ Егоръ, что праздникъ этотъ— не указный — много вредитъ ему въ хозяйствѣ; хочетъ-хочетъ словами да примѣрами ихнюю глупость бабью доказать,—слушаютъ, поддакиваютъ, а работать по пятницамъ все не работаютъ. Что тутъ дѣлать? Думалъ-думалъ Егоръ,— придумалъ то, что надо наконецъ бабамъ пригрозить. Человѣкъ онъ былъ тихій, не буйный,—но тутъ видитъ, что, кромѣ приказу да угрозы, ничѣмъ помочь горю нельзя, взялъ да и прикрикнулъ на нихъ:

— Да вы что же это, говоритъ, въ самомъ дѣлѣ? Сейчасъ у меня за работу! Я вѣдь, говоритъ, не здѣшній: я московскій, травленый, —у меня чтобы было... Знать не хочу!

Бабы намѣсто того ощетинились и сами на него:

— Какъ бы не такъ!—кричатъ.—Что мы, нехристи, что ли, какія, что будемъ преступать законы?

— Дуры! дуры вы неописанныя! Докуда вамъ приставы приставлять и уставы свои глупые уставлять? Когда я сказалъ, чтобы было,—значитъ, разговаривать тутъ нечего...— пригрозилъ имъ Егоръ.

Погрызлись бабы, однакоже съ горемъ пополамъ усѣлись за работу... Одна прядетъ, другая ткетъ, а третья чулки вяжетъ.

Работаютъ онѣ и воютъ:

— Охъ, мы, горемычныя! И Господу-то Богу нашему послужить намъ не даютъ! О-о-о...

— Ничего! ничего!—говоритъ Егоръ:—мы тоже не нехристи, не звѣри; тому же Богу молимся и никакой горести въ работѣ не находимъ...

Очень осердились на Егора бабы. Иная работаетъ, а сама знай поливаетъ его разными словами; другая съ ранняго пятничнаго утра голосить начнетъ, и вся деревня

Прикобыловка ругала Егора за его безбожный поступокъ.

— Что ты, аль ты въ Москвѣ-то Бога забылъ?—съ укоризной говорили ему мужики.

— Вы-то, видно, Его позабыли! — отвѣчалъ имъ на это Егоръ.

— Легкое дѣло, вздумалъ свои уставы устанавливать... Ты спроси-ка-сь у письменныхъ людей, которые каждый законъ насквозь понимаютъ,—какъ тамъ сказано?.. Работать! Ты очумѣлъ, видно! Въ пятницу работать вздумалъ! право слово!

— Отвяжитесь вы отъ меня Христа ради, — проговорилъ Егоръ съ сердцемъ. — Ужъ когда-нибудь васъ Богъ вразумитъ!

Мужики засмѣялись надъ нимъ, а бабы домашнія пилили и ругали.

4.

Разъ была пятница

Вотъ сидятъ бабы Егоровы за работой и плачутъ. Плачутъ да побрехиваютъ на Егора: «Чортъ, молъ, этакій, что вздумалъ!» А Егора въ ту пору дома не было,—въ городъ, въ Рязань, по дѣламъ уходилъ, такъ безъ него-то бабы очень смѣло надъ нимъ раздолевались...

Перемываютъ онѣ этакъ косточки-то Егоровы, а кто-то стукъ-стукъ съ улицы въ окно.

— Эй, кричитъ, отворите, красавицы!

Отворили бабы окно и вскрикнули дружно:

— А, Юпла, чучело гороховое! Гдѣ пропадалъ, кого пугалъ?

— Гдѣ былъ, тамъ ужъ нѣту!—съ ужимками да съ прискоками Юпла имъ отвѣчалъ.

Юпла былъ прикобыловскій бобыль, не имѣлъ ни кола, ни двора, ни куринаго пера. Мастерства никакого не зналъ, а такъ разными художествами пробавлялся и погуливалъ. Ходилъ онъ въ ободранномъ полушубкѣ, вездѣ въ одежѣ— дыры да заплаты,—словно нищій, однакоже онъ не побирался, сумы не носилъ и всегда шапку на ухо заламывалъ, когда по улицѣ изъ кабака или въ кабакъ шелъ. Пѣсни тоже онъ разныя пѣвалъ и большой былъ мастеръ на прибаутки. Въ селѣ Прикобыловкѣ онъ появлялся рѣдко, въ годъ разъ шесть, когда ему ужъ ѣсть нечего было; а въ другое время, говорю, разными разностями пробавлялся...

Наши деревенскіе каждую масленицу видали его на гуляньи; онъ былъ наряженъ въ бѣлый колпакъ, въ бѣлую широкую рубаху, а рожа вся была мукой вымазана, и ломался въ такомъ видѣ на подмосткахъ балагана. Здѣсь старшій, самый главный паяцъ, на потѣху народу, почти каждую минуту ошарашивалъ Юплу то палкой, то ладонью,—Юпла корчился и ежился и потѣшалъ народъ. Тутъ же при народѣ запирали ему ротъ замкòмъ, заставляли ѣсть паклю съ горящей смолой, и такъ далѣе. Юпла все это исполнялъ со смѣхомъ и съ прибаутками. По его разсказамъ, одной смолы и пакли онъ на своемъ вѣку болѣе ста пудовъ съѣлъ. Когда не было балагановъ, Юпла подделывался къ какому-нибудь шарманщику, раздобывалъ гдѣ-нибудь огромный бубенъ и вмѣстѣ съ шарманщикомъ принимался ходить по улицамъ. Цѣлые дни бубенъ его, ровно лѣшій въ лѣсу,—грохоталъ въ глухихъ городскихъ переулкахъ; собаки лаяли и выли, и народъ валилъ толпами отовсюду на это неистовое гоготанье бубна. Иногда Юпла, кромѣ игры на бубнѣ, принимался подпѣвать подъ музыку — впопадъ или нѣтъ, ему и слушателямъ было почти все равно, лишь бы слова занятныя выходили. Разныя-разныя были у него пѣсни и присказки; народъ слушалъ его и помиралъ со смѣху. Юплѣ валились отовсюду грошики и пятаки, которые онъ тотчасъ же въ кабакѣ пропивалъ: правду говорится — какова нажива, такова и прожива: черезъ это Юпла всегда оборванный ходилъ и никогда нигдѣ постояннаго куска хлѣба не имѣлъ. Если бросалъ его за какія-нибудь продѣлки шарманщикъ—Юпла не шелъ работать, а принимался играть по воскресеньямъ въ орлянку, за городской заставой; но и отсюда его скоро прогоняли, такъ какъ у него всегда были деньги съ двойными фальшивыми орлами. А когда ему ужъ совсѣмъ трудно приходилось,—то все-таки не работа выручала его,—онъ работать не хотѣлъ,—а что-нибудь нечестное: при случаѣ Юпла не отказывался и стянуть, чтò подъ руку попадется. До того онъ былъ испорченъ и избалованъ...

Вотъ этотъ-то самый Юпла-проходимецъ и пришелъ къ бабамъ въ то время, когда Егоръ Ивановъ въ городѣ былъ.

Высунулъ онъ свою общипанную бороду въ окно и говоритъ:

— Ну, какъ живете-можете?..

— Какая наша жизнь? — закручинились бабы: — жизнь наша самая паскудная стала...

— Чтò такъ?..

— А то, что новые порядки Егорка вздумалъ заводить...

— Это какіе же будутъ порядки-то?

— А разные...

Стали тутъ бабы жаловаться на Егора.

— Вотъ по пятницамъ работать заставляетъ...

— Гмм...—мурчитъ Юпла, себѣ на умѣ...

— А развѣ это гдѣ видано, чтобы въ пятницу работать?..

— Это точно,—сказалъ Юпла:—грѣхъ большой!.. Да вы бы его не слухали бы?

— Не послухай-ка-сь! У него кулачищи-то московскіе, граненые... Онъ те...

— Справедливо и то!.. А нѣтъ ли у васъ, молодки, чего-нибудь прохожему странничку закусить?.. а?..

— Это кто же странникъ-то?

— Мы,—сказалъ Юпла.

Стали бабы смѣяться надъ нимъ. Юпла скоро вошелъ въ избу, началъ бабъ прибаутками потѣшать, ѣлъ, пилъ да закусывалъ, да пѣсенки затягивалъ. Подъ конецъ, того, напился, наѣлся,—всталъ и заковылялъ къ двери...

— Великій грѣхъ это вы, бабы, дѣлаете! Въ пятницу работать! Что же теперича,—бормоталъ онъ:—матушка Прасковья-Пятница? Вѣдь она сокрушается объ вашемъ безуміи... ахъ, нехорошо!..

Бабы стали плакать, но работы бросить боялись,—потому что Егоръ очень строго пригрозилъ.

— Такъ когда Егоръ-то придетъ?—спросилъ Юпла, вылѣзая изъ избы въ сѣни.

— Да ранѣ завтрева не придетъ ни за что...

— Вѣрно ли?

— Это вѣрно. Раньше, какъ завтра, никакъ не придетъ.

— Ну, такъ будьте здоровы, пойти къ свату...

Съ этими словами Юпла вышелъ изъ избы, замотавъ кое-что на усъ.

5.

Подошелъ вечеръ; зажгли лучину, сидятъ да работаютъ; за печкой сверчки куютъ, по стѣнамъ тараканы ползаютъ и шлепаются съ потолка объ лавки. Вода въ рукомойникѣ капаетъ, и слышно, какъ ребенокъ соску сосетъ. Вечеръ стоялъ непогожій, вѣтряный, то и дѣло дождь по стеклу стучалъ, да вѣтеръ въ щели оконныя шипѣлъ, словно звѣрь какой хищный.

— Эка непогодь-то! — толковали промежду собой бабы боязливо. Чтò теперь въ полѣ? Страсть...

— Ни конному ни пѣшему дороги нѣтъ...

— Пуще всего, — заговорила Егорова жена: — безъ мужика страшно!.. Ну, лихой человѣкъ?.. Сохрани Господи и помилуй!..

Только-что она сказала это, анъ въ окошко кто-то и застучи... Бабы такъ и встрепенулись...

— Отворите, — кто-то глухимъ и жалобнымъ этакимъ голосомъ говоритъ.

— Кто тамъ?

— Отворите...

— Да кто?..

— Пятница!..

Какъ стояли бабы, такъ всѣ на полъ и грохнулись отъ испуга. Долго онѣ опомниться не могли, все къ землѣ головами лежали, и глаза свои поднять боялись; наконецъ, того, видятъ, что Пятница все стучится и все жалобно проситъ пустить ее и плачетъ. Стали бабы одна другую понукать.

— Иди ты!

— Эва! А ты-то? Ты хозяйка!

— У меня руки заняты...

— А мнѣ чтò!

— Марья, иди ты!

— Чтò ты, очумѣла?..

Тутъ Пятница не вытерпѣла, говоритъ въ окно:

— Марья, отвори! Приказываю!

Марья затряслась всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣла и посоловѣла какъ мертвецъ, однакоже кое-какъ поплелась отворять. Слышатъ бабы, какъ она замкòмъ деревяннымъ застучала, слышатъ, какъ калитка отворилась, — а вслѣдъ за этимъ Марья вскрикнула ровно сумасшедшая и наземь безъ памяти повалилась. Дрожатъ наши бабы и Бога молятъ и молитвы творятъ.

Вдругъ тихонько начала отворяться изъ сѣней дверь, и вошла въ комнату женщина, — страшная и безобразная; на ней все были лохмотья да клоки. Голова вся платками рваными укутана, изъ-подъ нихъ вылѣзали клочья растрепанныхъ волосъ; ноги ея были въ грязи, руки въ грязи; и вся-то она съ головы до ногъ была осыпана всякой нечистью, мусоромъ да навозомъ, чтò изъ свиной закуты вонъ выметаютъ. Взошла эта страшная женщина въ горницу, начала

молиться образамъ и плакала. Такъ горько плакала она и заливалась, что и наши бабы вслѣдъ за ней тоже разрюмились и голосили на всю избу. Марья опомнилась, вошла въ избу и тоже вмѣстѣ съ другими начала выть и голосить.

Наконецъ Пятница сѣла на лавку и сказала:

— Вотъ вы, грѣшницы негодныя, какъ меня обрядили! Тутъ она показала на свое рубище и нечисть и грязь...

— Вотъ какъ! Прежде я въ свѣтлой одежѣ, въ цвѣтахъ да въ золотыхъ ризахъ была,—а ваше непочтеніе ко мнѣ вотъ до какой одежи меня довело.

И стала плакать и приговаривать. Бабы тоже рыдаютъ безъ памяти.

— Нешто это дѣло,—продолжала Пятница:—чтобы дня моего не почитать? Громомъ бы и молніею могла васъ разгромить и въ мелкія дребезги разбросать, только жалѣю васъ...

— Матушка!—кричатъ бабы:—помилуй и пощади насъ!

— Не за что миловать васъ! Вы преступили законъ, и за это огнь неугасненный и тьма кромѣшная. До чего вы меня довели? Я черезъ вашъ проступокъ въ такой горести состою, что цѣлый день ни пила ни ѣла, ни спала ни почивала, все слезами обливалась... А вы, безумныя, никакой жалости ко мнѣ не имѣли и дня моего не почитали. Нѣтъ вамъ отъ меня прощенія!..

Бабы заголосили пуще прежняго.

— Матушка! — плачутъ: — боженька! На кого-жъ мы малыхъ сиротъ оставимъ! Голубушка! За что-жъ наши душеньки въ смолѣ, въ огнѣ кипѣть будутъ? Развѣ по своей волѣ? Это все тотъ демонъ — московскій Егорка!

— Егоръ получитъ свое наказаніе послѣ... Ему больнѣй всѣхъ будетъ! — сказала Пятница. — А и вамъ тоже, грѣхъ вамъ даромъ пройти никакъ не можетъ.

Стали бабы молить-просить Пятницу. Ноги ея грязныя да мокрыя цѣловали и слезами своими обливали, — ничего сначала снисхожденія не видали. Наконецъ сжалилась Пятница, говоритъ:

— Вотъ что, жаль мнѣ васъ, бабы глупыя. Не по своей волѣ вы мнѣ непочтеніе оказали. Черезъ это я снимаю съ васъ смертный часъ; а то бы я его на васъ духомъ наслала... За эту мою милость должны вы принести мнѣ каждая по трубкѣ холстины. Черезъ васъ я въ рубищѣ стала ходить, — вы меня и обрядить должны.

Съ великимъ удовольствіемъ принесли ей бабы четыре штуки холста и всѣ вокругъ нея на колѣняхъ стояли. Затѣмъ потребовала Пятница съѣстного. Напилась, наѣлась, стала домой собираться.

— Пора, говоритъ, мнѣ въ рай идти. А вы, бабы,— чтобы всегда мой день почитали! Теперь же за ваше раскаяніе я васъ прощаю, только вы должны цѣлую нонишнюю ночь на колѣняхъ стоять и съ мѣста ни отнюдь не вставать. Будетъ вамъ чудиться все-всякое, непотребное,— но вы ни единаго шага съ мѣста дѣлать не должны, а должны ежеминутно класть земные поклоны... Слышите?

— Слышимъ, слышимъ, матушка!

— Ну, прощайте и помните мой законъ!..

Съ этими словами Пятница поплелась вонъ, охая и стоная, а бабы стали на колѣни и принялись со слезами оплакивать грѣхи свои...

6.

Стоятъ бабы на колѣняхъ и пошевелиться боятся. Часъ прошелъ другой прошелъ,— на селѣ уже всѣ спать улеглись, даже собачьяго лая не слыхать, — а въ Егоровой избѣ все страстная свѣчка передъ образомъ горитъ,— все бабы молятся.

Вдругъ послышалось имъ, будто кто-то въ сѣни вошелъ и въ чуланъ началъ дверь толкать.

Затѣмъ будто бы другой кто подошелъ, и разговоры послышались.

Бабы все стояли и не шевелились...

Слышать онѣ, будто кто-то замкомъ у чулана громыхаетъ, чудится имъ, что замокъ треснулъ и наземь полетѣлъ, заскрипѣла чуланная дверь... А все стоятъ и пошевелиться боятся... Разговоры въ сѣняхъ пошли громкіе: кто-то смѣялся и фыркалъ со смѣху, кто-то пѣсню даже затянулъ: — «а-ахъ да не одна-а!»

«Искушеніе!» — думали бабы и творили молитву. Слышали онѣ, какъ захлопывались крышки ихъ сундуковъ, какъ срывались двери съ петлей и хлопались оземь, и все это приписывали силѣ нечистой...

Ночь шла; страстная свѣчка догорѣла совсѣмъ, и огонекъ ея чуть вспыхивалъ у самаго края деревянной божницы... Ребенокъ кричалъ въ люлькѣ и готовъ былъ каждую минуту вывалиться оттуда,— бабы боялись помочь ему и не трогались съ мѣста.

Пѣтухи проснулись и заорали, и первые, и вторые, и третьи; свѣтъ забрезжилъ, и совсѣмъ развѣло; въ сѣняхъ уже не слышалось больше ни стука ни разговоровъ: бабы думали, что все кончилось.

Вдругъ опять кто-то вошелъ въ сѣни и закричалъ благимъ матомъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ избу вбѣжалъ Егоръ, блѣдный и испуганный... Смотритъ на бабъ — а тѣ на колѣняхъ стоятъ да поклоны бьютъ.

— Господи Іисусе Христе, — воскликнулъ Егоръ: — что̀ такое у насъ на дому творится!.. Вѣдь насъ до ниточки обокрали! Поглядите-ка-сь, бабы, какъ сундуки-то разворочены!.. Вставайте! Надо за начальствомъ идти... И деньги сто серебромъ утащены! Ахъ, Ты, Господи, Господи! Вставайте, аль вы оглохли?

Бабы боятся встать: ну какъ громъ ихъ расшибетъ? Однакоже кое-какъ уломалъ ихъ Егоръ; встали онѣ, пошли въ сѣнцы, а тамъ всѣ сундуки выпотрошены... Снова полились слезы и причитанья.

Пошелъ Егоръ по начальству жаловаться, повелъ съ собой бабъ къ допросу, тѣ все и разсказали по порядку: какъ Юпла былъ утромъ, какъ вечеромъ Пятница приходила.

— Дуры вы, дуры этакія! — заговорили староста и Егоръ: — вотъ васъ Господь-то и покаралъ за ваши выдумки да непутевыя повѣрья... Я-то изъ-за чего за васъ мучусь?.. Вѣдь это Юпла мошенникъ васъ опуталъ...

— Надо скорѣй по горячему слѣду гнаться за нимъ! — рѣшилъ голова; и въ ту же минуту дали знать начальству въ городъ.

Бабы сначала не вѣрили, чтобы это могъ быть Юпла, а не Пятница, — но потомъ, когда мошенника схватили въ городѣ да со связанными руками въ деревню привезли, да когда онъ покаялся во всемъ, такъ бабы-то совсѣмъ со стыда сгорѣли, — и съ тѣхъ поръ въ Прикобыловкѣ пятницъ своихъ нѣтъ, а праздники справляются по церковному чину. У мошенника Юплы отобрали все Егорово имущество: прогулять онъ его не успѣлъ, только изъ Егоровыхъ денегъ истратилъ пять цѣлковыхъ. Но Егоръ не жалѣлъ этихъ денегъ: онъ былъ радъ, что бабы его образумились.

Затѣмъ Юплу начали судить... по дѣломъ вору и му̀ка!

Много этакихъ-то на Руси у насъ повѣрій и предразсудковъ; всѣхъ не перечтешь и не перескажешь; но всѣ

они ведутъ къ нашему несчастью и убыткамъ: есть въ деревняхъ казенные доктора, — а мужички къ знахарямъ идутъ; чѣмъ бы у батюшки спросить о чемъ-нибудь, что нужно, — нѣтъ, идутъ къ отставному солдату-пройдохѣ, и въ обоихъ случаяхъ страдаютъ одинаково. Знахарь даетъ травы, — глядь, къ ночи животъ у больного подвело, а къ утру онъ Богу и душу отдалъ; послушалъ солдатской премудрости, сталъ дѣлать по его приказу, — анъ, глядишь, и выходитъ, что солдатъ-то надулъ. А потомъ, когда случится отъ этихъ глупыхъ совѣтовъ какое-нибудь несчастье или неудовольство, — опомнятся да и начнутъ плакаться, когда поздно. Во всемъ надобно слушать людей знающихъ; правду говоритъ пословица: «семь разъ смѣряй, а одинъ отрѣжь», такъ и во всемъ: прежде узнай, въ чемъ дѣло, да такъ ли, да вѣрно ли, да не фальшиво ли, — а когда узнаешь, то такъ дѣлай.

А не то навернется хорошъ удалой человѣкъ, какъ разъ оболванитъ и послѣднее возьметъ...

Звонарь.

Провинціальный разсказъ.

(Посв. А. Н. Плещееву).

1

Много добрыхъ, свѣтлыхъ и привѣтливыхъ лицъ и людей я не засталъ въ живыхъ, воротившись на родину послѣ десяти лѣтъ разлуки съ нею. Оттого ли, что люди эти были такъ хороши сами по себѣ, или оттого, что десять лѣтъ разлуки не даромъ достались мнѣ, не знаю, — только воспоминанія прошлаго съ неудержимою силою и любовью охватили меня, какъ только я ступилъ на родную землю. Не ускользнула ни одна ничтожная подробность прошедшаго, ни одно лицо, хоть мелькомъ видѣнное мною въ нашихъ мѣстахъ и хоть на минуту остановившее мое вниманіе на себѣ. И всего этого уже не было въ живыхъ. Особенно громадная масса воспоминаній прошлаго обступила меня, когда, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, я вышелъ на городское кладбище, чтобы походить въ народѣ во время

поминокъ: въ этотъ день поминаютъ умершихъ, и весь городъ стекается на родныя могилки. Много народу двигается по кладбищенскимъ тропинкамъ: вездѣ видны головы безъ шапокъ, высокіе церковные фонари съ огонькомъ восковой свѣчи, еле мерцающимъ среди дня, повсюду слышится плачъ и причитанья, и всѣ эти звуки, вмѣстѣ съ пѣніемъ трогательныхъ погребальныхъ молитвъ, подавляемые массой игриваго весенняго воздуха, — способны тронуть самое черствое сердце. Подъ вліяніемъ этой грустной картины вспомнилась мнѣ одна, не менѣе грустная исторія. Дѣло происходило на этомъ самомъ кладбищѣ, въ этой самой кладбищенской церкви, на паперти которой сидѣлъ я теперь.

Подъ высокой каменной лѣстницей, ведущей въ притворъ, виднѣется маленькая дверь, почернѣвшая отъ времени, съ болтающимися кое-гдѣ лоскутками мочалъ. Рядомъ съ дверью, наравнѣ съ ея верхнимъ концомъ, темнѣетъ продолговатое оконце. Окно это освѣщаетъ внутренность крошечной сторожки, а дверь ведетъ въ нее. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ сторожкѣ жилъ звонарь Алексѣичъ. Это былъ ветхій старикъ, человѣкъ громаднаго роста, сгорбленный, съ выпятившейся впередъ и дрожащей отъ старости головой. Ввалившіеся глаза, исхудалое, какъ будто нѣсколько злое лицо и сѣдые волосы, разбросанные въ безпорядкѣ, какъ попало, — дѣлали его фигуру почти ужасною, и когда Алексѣичъ показывался на колокольнѣ, запруженной, по случаю праздника, толпами мальчишекъ, то послѣдніе въ какомъ-то ужасѣ бросались внизъ, не жалѣя собственной спины и шеи. Въ сущности же Алексѣичъ былъ очень добрый старикъ, хоть и не имѣвшій возможности выказать своей доброты. Старость заставляла его цѣлые дни лежать въ своей каморкѣ, а профессія была такого свойства, что лицу Алексѣича не было повода сдѣлаться веселымъ и привѣтливымъ: разнообразіе его одинокой жизни было всегда грустное и сокрушающее; съ своей старческой койки онъ поднимался только затѣмъ, чтобы встрѣтить похороны, чтобы звонить по умершему, или громыхать ключами въ церковномъ притворѣ, отворяя церковную дверь, и слушать плачъ родни покойника, или наконецъ затѣмъ, чтобы читать псалтырь, тоже у чьего-нибудь гроба, въ головахъ мертвеца. Такимъ образомъ жизнь Алексѣича, обставленная старостью и картинами скорби и печали, не могла быть радостною и не могла сдѣлать его привѣтливо-улыбающимся

старикомъ. Долго жилъ онъ на ужасъ мальчишекъ, на страхъ и трепетъ ихъ; съ каждымъ годомъ онъ становился дряхлѣе и старше и съ каждой минутой ждалъ своей смерти, не чуя въ будущемъ ничего новаго, кромѣ ея; но въ это время произошло одно обстоятельство, которое изумило Алексѣича и доказало ему, что онъ не совсѣмъ простился со свѣтомъ и жизнью. Въ первый разъ долголѣтней жизни его на кладбищѣ въ оконце его сторожки постучались не родные покойника, не больничные сторожа, привезшіе только-что скончавшагося солдата: къ Алексѣичу пришелъ почтальонъ и принесъ ему письмо съ родины, откуда онъ десять лѣтъ не имѣлъ вѣстей и съ которой давно ужъ простился навсегда. Большого труда стоило Алексѣичу отыскать свои круглые мѣдные очки съ треснувшими стеклами; большого труда стоило ему укрѣпить ихъ на собственномъ носу и еще большаго разобрать, что такое изображено въ письмѣ. Долго онъ разбиралъ деревенскія каракули, такъ долго, что иной успѣлъ бы прочесть двѣ большія книги печерскаго Патерика или Четьи-Миней,— но когда разобралъ наконецъ, когда деревенскія строчки пробрались въ его состарѣвшійся и ослабѣвшій мозгъ, то Алексѣичъ захныкалъ какъ ребенокъ и, не промолвивъ ни одного слова, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ пришелъ къ священнику и сказалъ:

— Я пойду...

— Что ты, Господь съ тобой, куда тебѣ этакому старику...—испуганно говорили ему.

— Пойду,—сказалъ Алексѣичъ, вытирая костлявымъ кулакомъ мокрый глазъ.

— Да куда? Куда идешь-то? Воротишься ли?—спрашивали его.

— Не знаю...—сказалъ Алексѣичъ.

Событіе это было до того неожиданно, что тѣ, съ кѣмъ разговаривалъ Алексѣичъ, рѣшительно недоумѣвали, какъ тутъ поступить, и спохватились только тогда, когда сторожка уже опустѣла, а самого Алексѣича проѣзжіе мужики видѣли верстъ за пять отъ города. Онъ шелъ въ томъ же замасленномъ черномъ подрясникѣ, въ которомъ ходилъ постоянно; за пазухой была засунута краюха хлѣба; на головѣ сидѣла изломанная, запыленная шляпа, съ широкими, свѣсившимися книзу полями, а въ рукахъ была большая палка, которою онъ облегчалъ свою медленную, усталую походку...

2.

Шли дни и мѣсяцы, а сторожка все стояла пустая. Дьячокъ, вступившій въ обязанности Алексѣича, жилъ дома, за кладбищенскимъ валомъ, и появлялся на церковной паперти только въ надобныхъ случаяхъ; весна прошла, настало и прошло лѣто,—Алексѣича все не было. Мальчишки, которымъ колокольня предоставлена была въ полное владѣніе, по праздникамъ принимались звонить съ усиленнымъ громомъ и трескомъ колоколовъ, полагая, что, быть-можетъ, Алексѣичъ, скрывающійся гдѣ-нибудь, появится и, по обыкновенію, прогонитъ звонарей; но Алексѣичъ не появлялся, несмотря на безчинства, происходившія на колокольнѣ, и мальчишки еще болѣе убѣждались въ неприкосновенности своей власти надъ нею. Мало-по-малу всѣ рѣшили, что старикъ-звонарь гдѣ-нибудь слегъ на дорогѣ и отдалъ Богу душу. Въ такихъ соображеніяхъ прошло довольно много времени, — и тѣмъ понятнѣе дѣлается удивленіе мальчишекъ, когда, взбираясь однажды по темной и крутой лѣстницѣ колокольни, они наткнулись на живого Алексѣича, тоже пробиравшагося туда. Невозможно выразить того испуга, который овладѣлъ ими... Опрометью бросились они съ кладбища и объявили всѣмъ, кто ни попадался на улицѣ, что Алексѣичъ пришелъ и живъ... Интересы и новости глухихъ провинціальныхъ переулковъ были вообще такіе крошечные, маленькіе, что исчезновеніе Алексѣича и появленіе его опять играли между ними дѣло первой важности. Поэтому всѣ принялись распытывать и узнавать, въ чемъ дѣло,—и скоро узнали, что звонарь дѣйствительно воротился домой, но не одинъ, а съ дѣвочкой лѣтъ одиннадцати, которую онъ называлъ племянницею. Въ первое же воскресенье все общество мѣщанъ и мелкихъ чиновниковъ, интересовавшихся этимъ дѣломъ, могло лично убѣдиться въ справедливости распространенныхъ извѣстій: Алексѣичъ гулялъ съ своей новой подругой вокругъ церкви, держа въ костлявыхъ пальцахъ своей руки маленькую ручку племянницы. Онъ поминутно оборачивалъ къ ней свою дрожащую голову, повидимому, стараясь предупредить ея желаніе, но въ то же время было замѣтно, что онъ находится въ большой нерѣшимости: какъ угодить своей подругѣ, какъ обходиться съ ней, чтобы не скучала. Къ удивленію всѣхъ, и въ особенности тѣхъ, кто умѣетъ видѣть то, что видѣть нужно,—такія непривычныя заботы и трудныя обязанности

не сдѣлали злѣе физіономію Алексѣича,- напротивъ, онъ сталъ добрѣе, и сухія, блѣдныя губы его иногда складывались въ улыбку, что весьма хорошо рисовало улыбающійся черепъ съ черными ямами вмѣсто глазъ. Интересовавшіеся перемѣною, происшедшею въ жизни Алексѣича, узнали, кромѣ всего, что дѣвочка была точно его племянницею, что родители ея, деревенскіе причетники, померли, и когда сиротѣ негдѣ было укрыться и нечего ѣсть, кто-то сжалился и написалъ Алексѣичу письмо, какъ брату отца Мани—такъ звали дѣвочку. Событіе это, долгое время волновавшее умы нашего закоулка, наконецъ сдѣлалось вещью обыкновенною, и толки о немъ мало-по-малу прекратились. Алексѣичъ и юная подруга его были предоставлены въ полное распоряженіе другъ друга. И они жили, какъ могли. Но странно было видѣть молоденькую, маленькую дѣвочку, нерасцвѣтшую жизнь, въ этомъ жилищѣ старости и смерти. Въ сторожкѣ лежалъ больной, чуть живой старикъ, виднѣлись прокуренныя ладаномъ кадилки, огарки восковыхъ свѣчей, оставшихся послѣ похоронной церемоніи, духовныя книги, переплетенныя въ кожу, съ закапанными воскомъ страницами. Не менѣе грустный видъ представлялся взорамъ дѣвочки и за дверью дѣдушкиной комнаты: могилы, да кресты, да надгробные камни: гробы, да могильщики, да траурныя дроги,- все это самою сутью своего грустнаго колорита, сутью, уловляемою со всею тонкостью только дѣтскими взорами и ушами,—все это холодомъ ложилось на юную душу дѣвочки и не замораживало, но окутывало словно раковиною ея молодость и жажду жизни. Помертвѣвшій среди кладбищенскихъ картинъ Алексѣичъ, или дѣдушка, не могъ вообразить себѣ другого міра, кромѣ церковной паперти, кромѣ крестовъ и свиста вѣтра подъ сводами колокольни и паперти; но онъ понималъ, что молоденькая дѣвочка не можетъ цѣлые дни лежать такъ, какъ лежитъ онъ, чуть живой человѣкъ,—что дѣвочкѣ надо на что-нибудь смотрѣть, гдѣ-нибудь бѣгать,—и онъ старался сдѣлать для нея все, что было въ его силахъ: какъ только привозили покойника,—Алексѣичъ тотчасъ же шелъ ему навстрѣчу съ своей племянницей; приходилось ему читать псалтырь и быть всю ночь въ церкви одному,- онъ бралъ съ собой туда же и племянницу: одной оставаться въ сторожкѣ было ей страшно, а быть съ дѣдушкой въ церкви—ничего. Гудитъ подъ темными сводами церкви дрожащій голосъ Алексѣича,—а маленькая племянница тутъ же дре-

млетъ на двухъ табуретахъ, прикрытая дѣдушкинымъ полукафтаномъ, пропахнувшимъ ладаномъ и воскомъ. Мало-помалу ужасъ окружавшей Маню картины началъ сглаживаться, и иногда, одиноко стоя подъ сводами церковнаго притвора, она робко и тихонечко попѣвала какую-нибудь деревенскую пѣсенку...

3.

Прошло лѣтъ пять. Маня стала невѣстой и совсѣмъ позабыла кладбищенскіе страхи, привыкла, приглядѣлась къ нимъ. Алексѣичъ все дряхлѣлъ и почти не выходилъ изъ своей сторожки, если же иногда Маня и усаживала его на ступенькахъ церковной лѣстницы, то въ эту пору короткіе и сѣдые волосы его были гладко расчесаны, и на чистомъ черномъ подрясникѣ виднѣлся бѣлый холстинный воротникъ чистой рубашки. Равнодушіе Мани къ печальной обстановкѣ своей жизни было, впрочемъ, не совсѣмъ полное. По временамъ ее что-то томило, что-то ждалось, но потомъ, когда обстоятельства убѣждали ее, что все остается попрежнему и не измѣнятся ни на волосъ, она снова дѣлалась холодна и предавалась своимъ обязанностямъ: ходила за больнымъ старикомъ, иногда помогала ему, указывая деревенскимъ бабамъ могилу ихъ родственника, котораго имъ не пришлось видѣть съ минуты поступленія его въ городскую больницу. Не заглушенная ничѣмъ жажда жизни прорывалась иногда и среди этой печальной дѣятельности ея; въ Троицу она убирала церковь и сторожку цвѣтами и березками, а на маленькомъ продолговатомъ оконцѣ въ жилищѣ ея дѣдушки всегда стояли въ стаканѣ цвѣты, собранные ею. Рѣдкія, но тѣмъ не менѣе случавшіяся все-таки сношенія съ живыми людьми, которые находятъ возможнымъ быть веселыми, шутить и смѣяться,—непріятно дѣйствовали на ея жаждавшіе, испуганные нервы, такъ что она старалась скорѣе убѣжать отъ веселыхъ подругъ въ свою сторожку, не понимая—отчего это видъ живыхъ людей щемитъ ея сердце? Такія недоумѣнія Мани, повторяю, замирали, какъ только она возвращалась домой и принималась за свои дѣла, и Маня долго бы не разрѣшила ихъ, если бы тутъ не похлопотала судьба.

Однажды, весеннимъ вечеромъ, когда дверь въ сторожку была отворена, впуская внутрь каморки волны весенняго теплаго воздуха, и когда на столѣ кипѣлъ маленькій изломанный самоваръ, а дѣдушка Алексѣичъ, сидя на своей

кровати, схлебывалъ чай съ блюдечка, которое подавала ему Маня,—въ это время въ дверяхъ показался какой-то человѣкъ, въ истертомъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ шляпѣ и съ палкой въ рукахъ; онъ былъ небольшого роста, блѣденъ и какъ будто сердитъ. Несмотря на нѣсколько суровое выраженіе лица, онъ вѣжливо снялъ шляпу и попросилъ воды, не глядя, повидимому, ни на Маню ни на старика; да и въ дѣйствительности онъ не глядѣлъ на нихъ,—онъ смотрѣлъ какъ-то неопредѣленно и почти тупо.

Если бы онъ былъ веселъ, если бы онъ выказалъ желаніе пошутить,—Маня бы постаралась убѣжать отъ него, но здѣсь было совершенно не то, и поэтому Маня съ особеннымъ удовольствіемъ исполнила его просьбу.

Незнакомый господинъ поблагодарилъ и ушелъ, не сказавъ болѣе ни слова.

Маня долго смотрѣла ему вслѣдъ и видѣла, что баринъ медленно прогуливался между могилами, нагнувъ впередъ голову и держа руки съ палкою назади. Это посѣщеніе долго не выходило изъ ея головы. Сильное, нетронутое воображеніе ея начало работать надъ воспоминаніемъ посѣтившаго сторожку господина и въ короткое время преобразило всю его фигуру такъ, что, когда черезъ двѣ или три недѣли незнакомый гость заглянулъ еще разъ въ сторожку,- въ глазахъ Мани онъ уже былъ совершенно другимъ: она пересоздала его взглядъ, его лицо, ростъ, -словомъ, создала новое лицо и, къ несчастью своему, не могла разглядѣть настоящаго выраженія его лица и глазъ.

А въ нихъ виднѣлся весь человѣкъ, къ которому какъ-то неожиданно повлекло Маню.

Въ этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ виднѣлось полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ и громада мельчайшаго эгоизма. Незнакомый гость этотъ былъ учитель гимназіи, съ какою-то полурусскою фамиліею, въ сущности онъ не принадлежалъ ни къ одной національности: симпатія, которую онъ иногда умѣлъ возбудить, по большей части гораздо бо́льшая сравнительно съ тою, которую возбуждаютъ дѣйствительно симпатичные люди, продолжалась не болѣе одного дня. Пустота сердца и отсутствіе внутренней жизненности дѣлало его однимъ изъ людей, «развратившихъ себя въ углу». Въ гимназіи, гдѣ герой нашъ былъ учителемъ, онъ возбуждалъ въ сослуживцахъ и ученикахъ своихъ или равнодушіе, или отвращеніе. Русская земля нерѣдко воздѣлываетъ такіе мыльные пузыри. Одни изъ нихъ, по-

ставленные въ благопріятныя обстоятельства, блаженствуютъ среди крошечныхъ покупныхъ ощущеній; другіе, подпольной категоріи,—ненавидятъ, хотятъ жить, но не могутъ и страдаютъ. Потребность пополнить внутреннюю пустоту какимъ-нибудь подобіемъ жизни и здѣсь ограничивается тѣми же покупными ощущеніями, которыя и по средствамъ подпольныхъ субъектовъ, и по ихъ изолированному положенію въ обществѣ—неминуемо должны быть отвратительно грязны, озлобляющи на жизнь. Принадлежа къ числу людей подобнаго рода, человѣкъ, заинтересовавшій Маню, давнымъ-давно подумывалъ о томъ, чтобы порѣшить съ собою. Мысль эта сначала съ ужасомъ мелькнула въ его головѣ, съ годами все больше и больше освоивалась съ нимъ; въ минуты отчаянія воспаленное воображеніе рисовало несчастному человѣку мельчайшія подробности самоубійства, онъ ясно ощущалъ на вискѣ холодный кружокъ стальнoго дула, чувствовалъ, какъ палецъ его спускаетъ курокъ... но тутъ онъ съ ужасомъ старался какою-нибудь постороннею мыслью выгнать изъ головы эти потрясающія впечатлѣнія, такъ какъ воображеніе его содрогалось и не могло представить себѣ разлетающагося въ дребезги черепа.

Однако мало-по-малу воображеніе учителя привыкло къ этой ужасной картинѣ, или, вѣрнѣе, оно стало обходить ее. Учителю представлялся просто моментъ мгновенной смерти, безъ всякихъ ощущеній страданія; внутренняя пустота, терзаемая холодомъ внѣшней дѣйствительности, окружавшей его, принудила дѣйствовать очертя голову. Помирившись съ мыслью объ ужасномъ моментѣ смерти, онъ незамѣтно для себя началъ подумывать и объ осуществленіи своего плана. Но и тутъ началась та же постепенность нерѣшительности. Шли года, пока онъ выбиралъ мѣсто и время, назначались сроки, писались записки, но все это откладывалось дальше и дальше. Безконечное разнообразіе въ измѣненіи внѣшнихъ ощущеній, которымъ порабощены люди подобнаго сорта, играли въ этой медленности роль первой важности; то казалось ему, что обстоятельства перемѣнятся, то мелькала какая-нибудь смѣлая мысль, угасавшая черезъ двѣ-три минуты, и т. д. Словомъ, время шло въ успокоительной надеждѣ близкой смерти, но на ряду съ этимъ не дремали также и внутреннія страданія. Ужаснѣе всего то, что страданія эти были одни и тѣ же; до утомительности, до отвращенія однообразны, мучительны, а главное—мелки, ничтожны до того, что иной разъ несчастному человѣку

хотѣлось и заплакать со злости и раздавить себя. Долго бы, можетъ-быть, протянулась эта безполезная, мучительная жизнь, успокаиваемая какими-то эфемерными надеждами, но случилось одно обстоятельство, которое воскресило рѣшимость смерти съ новою силою. Учитель переѣхалъ откуда-то въ нашъ городъ, попалъ такимъ образомъ въ среду новыхъ лицъ, которыя, разгадавъ его, какъ и вообще всѣ люди разгадываютъ другъ друга, отвернулись отъ него съ беззаботнымъ презрѣніемъ. Единственная вещь, способная подвинуть людей такого порядка на рѣшительный, отчаянный шагъ,—уязвленное самолюбіе съ жадностью схватилось за это общее презрѣніе, и воображеніе, пріученное уже къ плану своеобразной мести ему—къ мысли умереть,—съ неменьшею жадностью принялось работать въ этомъ направленіи. Чаще и чаще началъ учитель похаживать на кладбище; чаще и чаще вялая походка его между могилами вдругъ какъ будто обрывалась, онъ бросалъ палку и стремительно засовывалъ руку въ карманъ, съ цѣлью вырвать оттуда припасенный давнымъ-давно револьверъ, но что-то еще удерживало его... Жаль, что Маня не разглядѣла его лица и глазъ,—въ нихъ виднѣлась мучительная исторія.

4.

И она рѣшительно не видала ея. Воображеніе, скованное непривѣтливыми картинами, остановилось на непривѣтливомъ лицѣ незнакомаго человѣка и почти сразу все отдалось ему. Маня, съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ памяти, до мельчайшихъ подробностей помнила всѣ частыя прогулки учителя по кладбищу, всѣ визиты его въ сторожку, и чувствовала что-то неопредѣленное, но невыразимо гнетущее. Она не догадывалась, что полюбила незнакомаго человѣка. Ощущеніе это, отозвавшееся въ первый моментъ чѣмъ-то гнетущимъ и неотразимымъ, быстро разрасталось и преобразовывало Маню. Жажда жизни, нашедшая лазейку изъ ея сердца на Божій свѣтъ, сразу вырвалась наружу, хлынула какимъ-то ослѣпительнымъ свѣтомъ, который тоже сразу озарилъ передъ ней картину смерти, окружавшую ее. Какой-то ужасъ, трепетъ овладѣлъ ею передо всѣмъ, что только было вокругъ. Этотъ ослѣпительный свѣтъ жизни и любви показалъ ей непривѣтливымъ лицо дѣдушки, ужаснымъ лицо разгнѣваннаго ангела съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ, изображеніе котораго было

нарисовано на церковной паперти и въ которомъ Маня прежде не замѣчала никакого гнѣва. Кресты, могилы, похоронныя церемоніи, плачъ и стоны—словомъ, всѣ детали смерти выступили передъ ней въ новомъ, ужасающемъ видѣ, разрослись, приняли ненавистные образы, и лютая борьба ихъ съ не менѣе яркимъ представленіемъ жизни, происходившая въ головѣ, въ сердцѣ, въ каждомъ нервѣ Мани,—была невыносима... Надо было уйти отсюда, плакать о чемъ-то, умереть и жить въ одно и то же время...

Въ одинъ изъ моментовъ такого изступленія, луннымъ лѣтнимъ вечеромъ, Маня увидѣла незнакомаго человѣка. Онъ быстро шелъ между могилами. Она хотѣла бѣжать за нимъ, но учитель круто поворотилъ съ своей дороги и вошелъ въ сторожку... Маня, не помня себя, прижалась къ его рукѣ; онъ тоже, будто въ забытьѣ, высвободилъ плечо изъ рукъ Мани, тотчасъ вышелъ, чрезъ минуту воротился опять, попросилъ воды и, не дождавшись, ушелъ снова... Маня бросилась за нимъ, но его уже не было... вѣтеръ испугалъ ее; длинная тѣнь креста, протянувшаяся по землѣ, словно отпихнула ея ногу и холодомъ обдала все тѣло... Учителя не было... Маня долго дрожала, стоя у дверей сторожки, наконецъ она легла въ постель, закутавшись съ головой; болѣзненное и почти горячечное состояніе не давало ей сомкнуть глазъ. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ и то куталась отъ холода, то сбрасывала одѣяло, и потомъ снова куталась. Нѣсколько разъ она какъ-то безсознательно бросалась къ двери съ намѣреніемъ выскочить вонъ, но возвращалась назадъ и снова ложилась въ постель, еще съ бóльшимъ разстройствомъ воображенія; въ продолговатое оконце и въ полуотворенную дверь она видѣла, что настала глухая ночь, что луна скрылась и по небу поползли миріады крошечныхъ, величиной съ яблоко, облаковъ, между которыми ярко мигали звѣзды... Она видѣла, какъ темнота лѣтней ночи начала проясняться и время пошло ко дню. Въ воображеніи ея постоянно стоялъ образъ учителя и терзалъ больную душу... Къ утру Маня начала бредить и наконецъ въ полномъ безпамятствѣ вырвалась изъ сторожки...

Долго ли бѣгала она по кладбищу, — она этого не помнитъ; но когда среди безпамятства промелькнула одна минута полусознанія, былъ уже свѣтлый день, въ городѣ гудѣлъ колоколъ, Маня стояла передъ одной могилой и безсмысленно смотрѣла на учителя: онъ лежалъ мертвый, съ оторванной верхней частью головы; упавшая рука была

обожжена... Маня видѣла, какъ снимали съ покойника сапоги, слышала, какъ мужики, съ судками живой рыбы въ рукахъ, разсказывали квартальному о своей встрѣчѣ съ учителемъ, котораго они давно заприметили въ полѣ, идя въ городъ на базаръ; какъ этотъ учитель, ровно сумасшедшій, спрашивалъ у нихъ, почемъ рыба, а самъ, заслышавъ благовѣстъ къ обѣднѣ, заметался незнамо съ чего, да въ скорости и покончилъ съ собой... Маня все стояла и слушала...

— Возьмите ее! Чья такая?—сказалъ квартальный будочникамъ.—Что ты стоишь?

Маня не отвѣчала... Пробовали-было говорить съ нею, но убѣдились, что она тоже сумасшедшая, и отвели къ священнику, а оттуда въ больницу. Маня дѣйствительно помѣшалась: раздробленная голова, какъ параличъ, разбила ея больное воображеніе, — потому что этотъ, еще недавно живой человѣкъ невольно воскресилъ ее къ жизни, вывелъ изъ области мрака и смерти и вдругъ толкнулъ туда же опять...

Дѣдушка Алексѣичъ кряхтѣлъ всю ночь отъ больной спины и не зналъ, что дѣлается въ сторожкѣ... Да и поздно узналъ онъ обо всемъ этомъ. Замиравшей жизни его былъ нанесенъ новый ударъ извѣстіемъ о помѣшательствѣ Мани; онъ снова принужденъ былъ покинуть свою койку и началъ почти каждый день ходить въ больницу и разспрашивать про свою племянницу... Такъ въ больницѣ этой и умеръ онъ.

Сидя на церковной паперти и слушая плачъ на могилкахъ, я вспоминалъ Алексѣича, на старую голову котораго судьба послала такъ много заботъ. Вспоминалъ и жалѣлъ, что ему не пришлось увидѣть свою Маню, если не совсѣмъ выздоровѣвшую, то все-таки и не погибшую окончательно. Припадки помѣшательства появляются у нея періодически, но съ довольно большими промежутками. Нашлась какая-то добрая женщина, которая помѣстила ее у себя и ходитъ за ней, какъ за роднымъ ребенкомъ.

Грамотный.

Разсказъ.

— Вотъ вы говорите — грамотность... Грамотность-то грамотность, а между тѣмъ...

Такъ началъ среди оживленнаго разговора о грамотности

свою рѣчь Θедоръ Петровичъ — и, по обыкновенію, такъ и кончилъ ее, какъ и всегда, на этихъ словахъ: «а между тѣмъ». Θедоръ Петровичъ — простой уѣздный житель, знаетъ народъ вдоль и поперекъ и разсказываетъ объ немъ превосходно; но всякій разъ, когда изъ того, что̀ разсказано имъ, или изъ того, что̀ будетъ разсказано, надобно вывести какое-нибудь заключеніе, — Θедоръ Петровичъ становится втупикъ. Умозаключеній у него нѣтъ, онъ отвыкъ отъ нихъ, такъ, какъ отвыкъ отъ нихъ вообще русскій человѣкъ; они у него всегда не такія, какими имъ слѣдуетъ быть, и результаты опытовъ, наблюденій и размышленій русскаго человѣка бываютъ иной разъ куда внезапны... Не отъ него, конечно, зависитъ это, — но отъ него зависитъ не умозаключать болѣе, и вотъ Θедоръ Петровичъ умозаключать отвыкъ...

— Грамотность-то грамотность, — сказалъ онъ: — а между тѣмъ...

— Что̀ между тѣмъ?!.

— Какъ вамъ сказать — что̀ именно? Да вотъ я лучше разскажу вамъ. — И Θедоръ Петровичъ весьма изящно (гораздо изящнѣе, чѣмъ мы передаемъ это), не спѣша, разсказалъ свои встрѣчи съ однимъ крестьяниномъ въ разные періоды его развитія.

1.

...Въ уѣздномъ городѣ — вскѣ, какъ вы знаете, и теперь сестра моя, родная сестра замужемъ... Иной разъ я ѣздилъ къ ней навѣстить; такъ вотъ однажды (лѣтъ 15 тому назадъ) погостилъ я у нея, — надо ѣхать домой... Привели мнѣ лошадей пару; кучеръ — мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Красивъ, боекъ, но голъ, и злой какъ чортъ. Сталъ я торговаться, — храпитъ, слова сказать не даетъ. Именно храпомъ-то онъ мнѣ и понравился, вѣдь у насъ народъ забитый. Не сталъ я долго спорить, — «ну ладно, будь по-твоему». Сладились. Стали укладываться; ну, сестра плачетъ (видаемся рѣдко), оттягиваетъ, полчасика да полчасика. Гляжу, говорятъ — извозчикъ взбунтовался, никакого нѣтъ сладу... Вышелъ я къ нему: — «что̀ ты, братецъ?» Боже милостивый, такую мнѣ прочелъ рацею, — докуда, молъ, ждать еще? Вамъ время дорого, а мнѣ нѣтъ? Мы васъ просимъ деньги подождать, небось, не ждете, — подавай. И такъ далѣе, и т. д. — безконечно. Вымоталъ-таки изъ меня два рубля лишнихъ и все-таки тактики не прекратилъ: извольте, говоритъ, поторапливаться!.. Каковъ пострѣленокъ? Право, ей-Богу, —

я даже сконфузился. Какъ ужъ тамъ сестра меня ни упрашивала, думаю: поѣду, этакій бѣсенокъ навертитъ на шею рублей... я человѣкъ небогатый... Кой-какъ простились,— поѣхалъ наконецъ. По дорогѣ намъ надо было проѣхать подгородною слободу, здѣсь стоялъ постоялый дворъ мальчишкина отца; надо было этому отцу половину денегъ отдать. Ѣдемъ, мальчишка угрюмъ, мраченъ, оглядывается направо, налѣво... Что-то его мучитъ, безпокоитъ.

— Что̀ ты вертишься?—говорю.—Что̀ ты оглядываешься?

— Такъ, по своимъ дѣламъ.

Но это такимъ тономъ, какъ будто хочетъ сказать: — отстань, не твое дѣло. И гляжу — съ прямой, то-есть съ большой дороги, взялъ да и шмыгнулъ въ переулокъ.

— Зачѣмъ ты съ дороги свернулъ? Что̀ ты мудришь? Чѣмъ тебѣ тутъ не дорога?

— Мы, ворчитъ, знаемъ, какъ доставить тебя на мѣсто. Хоть бы я тебя по крышамъ повезъ, такъ и то тебѣ правовъ на меня не будетъ.

— Ахъ, ты, говорю, каторжный, какъ такъ правовъ нѣтъ?

Забрало-было меня обругаться, потому что... вѣдь и въ самомъ дѣлѣ правовъ-то нѣтъ... Но обругаться я не успѣлъ, потому что едва мы проѣхали съ полверсты по колочьямъ и рытвинамъ непроѣзднаго глухого переулка, какъ мальчишка вдругъ круто осадилъ лошадей, которыя уперлись мордами въ заборъ, точно чего испугались, и, обернувшись ко мнѣ, весь блѣдный, какъ полотно, что̀ есть мочи закричалъ мнѣ:

— Не давай, баринъ! Чуешь, ни Боже мой! не давай злодѣю!..

«Что̀ онъ, съ ума, что ли, сошелъ? — подумалъ я, ничего не понимая.— Чего онъ испугался? Кому не давай? Какой злодѣй?..» Не успѣлъ я сообразить и отвѣтить себѣ на эти вопросы, какъ мальчишка уже стоялъ стоймя въ телѣгѣ, съ кнутомъ наотмашь, вполнѣ, очевидно, приготовившись къ бою.

— Отцу, говорю, не давай денегъ-то! Вотъ те Христосъ— распрягу лошадей.

Тутъ только я разглядѣлъ какую-то фигуру, которая и хотѣла и боялась подойти къ телѣгѣ. Фигура эта — полупьяный и мозглявый человѣкъ, очень пожилой, но рваный и куда непривлекательный; одинъ глазъ его былъ подбитъ сильнѣйшимъ образомъ.

— Егорка! Прокляну пострѣла! Радитель ли я тебѣ,

подлецу? Баринъ! а баринъ! Не слушайте его... Это разбойникъ урожденный.

— Не давай, баринъ! Пропьетъ! — вопилъ Егорка: — матери отдай, она тутъ будетъ сейчасъ, за угломъ ждетъ... Не отдавай, пропьетъ-то... Пропьетъ.

И, изловчившись, Егорка во всю мочь пустилъ лошадей мимо отца.

— Ру-у-бъ... хо-шь... чортъ!..

Некрасивъ былъ старикъ, но мнѣ стало его жаль, потому что сынъ-то ужъ былъ очень жестокъ.

— Стой! — сказалъ я. — Стой сію минуту... Я дамъ ему свой... свой... свой!

Разъ пять повторилъ я слово *свой*, чтобы доказать жестокому малому, что ни у него ни у матери его отнято не будетъ ничего. Наконецъ, убѣдившись, что я не обману, онъ сдержалъ лошадей.

Долго догонялъ насъ полупьяный старикъ... Теперь во всѣхъ сословіяхъ есть такіе старики — было прежде всего много, а теперь ничего не стало; привыкъ водить компанію съ хорошими людьми, а теперь и съ худыми денегъ нѣтъ; а главное, стариковъ (и среди благородныхъ и среди крестьянъ одинаково много), которые привыкли легко и много «гресть» денегъ, и вотъ это-то у нихъ и отнято. У ямщика, который считался тысячникомъ, все дочиста отняли чугунки, оставивъ однако тысячные аппетиты, т.-е. охоту сидѣть цѣлый день въ трактирѣ, цѣлый день пить и ѣсть и не церемониться съ работницей (именно такой ямщикъ былъ отецъ Егора). А головы, волостные стараго министерства государственныхъ имуществъ, настроившіе себѣ тысячныя палаты...

Да мало ли теперь народу, у котораго отнятъ легкій и жирный кусокъ.

Изъ этакихъ-то и Егоркинъ отецъ былъ... Я сейчасъ это увидѣлъ по разслабленно-розовому цвѣту лица, по тусклымъ выцвѣтшимъ глазамъ и по безсилію всего тѣла. Распился старикъ.

— Кровопивецъ!.. Змѣй!.. Отца родного, мошенникъ, — безсильно ворчалъ онъ, тяжело и нетвердо ступая ногами и издали протягивая худую и мокрую руку за рублемъ.

— За наказаніе такихъ родителей-то Господь посылаетъ, — отвѣтилъ сынъ.

— Мол-лчи!.. я тебя... — зашумѣлъ-было старикъ, но жажда рубля заставила его сосредоточиться во вниманіи

на мнѣ... Онъ вытянулся съ своей рукой на средину телѣги и словно готовъ былъ вырвать изъ рукъ бумажку.

Наконецъ бумажка была у него въ рукахъ... Радъ былъ старикъ и разсыпался въ благодарностяхъ. Сынъ не глянулъ на него, хотя все время, пока я доставалъ бумажку, сердитымъ глазомъ слѣдилъ за мной.

— А ты!.. — высоко поднявъ руку, погрозилъ отецъ сыну, но мы тронулись и не слыхали, что такое онъ произнесъ... Но старикъ долго грозился и махалъ кулакомъ надъ головой.

— Проклинаетъ! — сказалъ сынъ глубоко-обиженно.

— А ты ужъ очень съ нимъ жестоко поступаешь, — сказалъ я. — Развѣ можно отца.

— А онъ что-жъ безобразничаетъ?

— Да вѣдь отецъ онъ тебѣ или нѣтъ?

— Я говорю, —зачѣмъ безобразничаетъ-то? Отецъ! знаемъ, что отецъ, да не безобразничай!.. Правильности въ этомъ нѣтъ никакой... Мы всѣ разуты, раздѣты, мать вся избита, гоняемъ день и ночь, скоро и скотину приголимъ, — все помретъ... Такихъ правовъ нѣтъ...

— Кто это ему глазъ-то разбилъ?

— Мы!

— Кто вы? кто, — ты?

— Всѣмъ семействомъ... Маменька, братъ, я... да сестра, — всѣ.

— Отца-то?

— Почитай правду. Хоть и отецъ, а совѣсть имѣй...

— Ну, говорю, братъ, это неправильно вы...

— Нѣтъ, говоритъ, довольно правильно... Ежели человѣкъ правды не знаетъ — научи его. Хучь и отецъ... Я родителей долженъ почитать, я вотъ и работаю, мнѣ на себя не надо, я вонъ лаптей не имѣю. Спокоить мы завсегда согласны, а безобразничать, — ну ужъ это извини... Закону на это нигдѣ не показано.

— Все-таки бить отца...

— А нешто мнѣ это сладко?..

И вдругъ малый заревѣлъ.

Я ужъ не переспрашивалъ его. Молча подъѣхали мы къ разорившемуся большому постоялому двору; видно, что когда-то хозяинъ его дѣлалъ большія дѣла. Въ настоящую минуту о прежнемъ величіи свидѣтельствовали только ширь разваливающейся постройки да обиліе сгнившихъ полозьевъ, сломанныхъ колесъ и осей, разбросанныхъ въ глубинѣ ши-

рокихъ сараевъ, вполнѣ доступныхъ наблюденію съ улицы, такъ какъ широкія ворота, по всей вѣроятности, давно были сожжены на дрова. Старушка въ нищенскомъ шугайчикѣ подошла къ намъ, получила деньги («всѣ сполна ужъ, батюшка»), и мы поѣхали. Мальчикъ тосковалъ и поминутно утиралъ носъ рукавомъ; я думаю, онъ плакалъ...

Что-то крайне симпатичное было въ немъ... Не думайте, что я ужъ такой любитель непочтенія къ родителямъ. Очень хорошо знаю, что тутъ множество грубостей и невѣжества... но вѣдь, какъ хотите, мальчонка голоногій, съ распахнутой грудью, — стоитъ за какое-то право... за какія-то правила, не спускаетъ даже отцу...

Сердце у мальчика, очевидно, любящее, — посмотришь, какъ онъ любитъ мать и любитъ потому, что она въ числѣ неправыхъ, обиженныхъ... Страсть есть въ маломъ и совѣсть, и какая настойчивость, энергія, какъ онъ пробиралъ меня за мѣшкотность... И вотъ плачетъ теперь, очевидно, оттого, что *все это* ему обидно и грустно.

Такъ думалъ я о мальчикѣ довольно долго, мальчикъ все смотрѣлъ впередъ себя и молчалъ. Понемногу всхлипываніе его стало рѣже; разъ и два онъ повернулъ голову и потомъ искоса сталъ во что-то всматриваться... Долго онъ всматривался...

— Ша-то-ла-фитъ, — наконецъ произнесъ онъ медленно-медленно, какъ говорится, черезъ пень въ колоду.

Оказалось, что въ телѣгу, вслѣдствіе торопливыхъ сборовъ, была кое-какъ сунута бутылка краснаго вина. Отъ тряски она высунулась, и мальчикъ разобралъ ярлыкъ... Но что̀ удивило меня, такъ это то, что босоногій мальчикъ разобралъ надпись, написанную по-французски.

— Какъ это ты разобралъ?

Малый былъ очень радъ, что я удивился, и тутъ на его суровомъ лицѣ заблистала чистѣйшая дѣтская радость.

— Одинъ острожный обучилъ... За поддѣлку въ острогѣ сидѣлъ, потомъ, когда выпустили его — ну, онъ у насъ на постояломъ жилъ... ну, обучилъ такъ по словечку... я-было и понимать сталъ, да ушелъ острожный-то... хорошій человѣкъ... Ну, а безъ указанія я забылъ все, такъ чуть...

— А ты охотникъ учиться-то?..

— Я страсть ка̀кой охотникъ.

— Такъ чего-жъ ты?

— При нашемъ дѣлѣ нешто можно?.. Теперь вотъ васъ

доставлю, намаюсь, лошадей убери, накорми; отдохнулъ—назадъ надо; а воротился, опять гони... А то думаешь—какъ бы съ голоду не померeть... Да что за житье дома,—убёгъ бы... вотъ какъ, сейчасъ бы убёгъ!.. Право слово. Глядѣть-то тошно, не то что... Маменьку жаль покинуть...

Грустно, ужасно грустно стало мнѣ за мальчишку. Сколько на Руси погибнетъ такихъ талантливыхъ головокъ, думалъ я. Кто поможетъ имъ? Не буду ли и я святотатцемъ, если попущу пропасть и сгинуть этому хорошему сердцу и хоть юному, но, быть-можетъ, большому, потому что искреннему уму? Я сказалъ ему:

— Знаешь, гдѣ живетъ моя сестра? Откуда мы ѣхали?

— Какъ не знать.

— Ну, такъ черезъ мѣсяцъ заходи къ ней—я пришлю тебѣ книгъ, — ты учись. Денегъ она тебѣ тоже дастъ немного,—учись, если возможно,—и потомъ, можетъ-быть, какъ-нибудь справимся...

— Да кабы родитель померъ! Такъ у насъ бы былъ порядокъ... А то нешто можно...

— Ну, ужъ смерти родителя ты не дожидайся... Это будетъ какъ угодно Богу.

— Само собой... Ишь онъ—пьетъ-пьетъ, все не напьется...

— Ну, ужъ это дѣлать нечего. Ты вмѣсто того, чтобы вотъ смерти ждать родителя да синяки ему ставить, ушелъ бы на чердакъ—или куда-нибудь... и учись...

Ну, словомъ, о просвѣщеніи... въ умѣренныхъ этакихъ чертахъ... Обѣщалъ давать три цѣлковыхъ...

Задумался мальчишка... Долго думалъ, потомъ весело тряхнулъ волосами и весело произнесъ:

— Кабы грамоты-то научиться, пуще всего писать ежели—такъ я-бъ сейчасъ въ писаря... Погляди ка, какъ живутъ-то: крыши желѣзныя!..

«Э-э»,—подумалъ я и сказалъ:

— Ну, ужъ этого я, другъ любезный, не ожидалъ отъ тебя... Ты знаешь, отчего писарь-то богатъ?

— Извѣстно знаю, доходъ.

— А съ кого доходъ-то?..

— Извѣстно съ насъ...

— А справедливо это—простой бѣдный народъ-то обманывать, а? Ты вотъ все о справедливости-то толковалъ...

И тутъ я опять—и въ этомъ направленіи внушать ему,—и сказалъ, что просвѣщеніе вовсе не для доходу, а для того, чтобы дѣлать ближнимъ добро, и т. д. Словомъ, смяг-

чить его старался... Говорилъ я умѣренно въ тѣхъ смыслахъ, что не зналъ, что̀ придумать для малаго... Думалъ я-было перетащить его въ Москву, въ ремесленное училище, да не зналъ еще, будутъ ли средства, а завлекать не рѣшался. Все-таки, пріѣхавъ на станцію, я вновь повторилъ ему, что книги ему пришлю и по три рубля давать буду; адресъ его записалъ и втайнѣ рѣшился сдѣлать для него все, что̀ только возможно.

И что-жъ? Не сдѣлалъ я для него ровно ничего... На станціи встрѣтился мнѣ пріятель, съ которымъ я не видался лѣтъ десять; три дня и три ночи мы не переставали провозглашать тосты, вспоминать прошлое, толковать о будущемъ, не снимая при этомъ шапокъ и дорожныхъ пальто, и поминутно приказывали закладывать лошадей, такъ какъ намъ обоимъ было до зарѣзу надо *по дѣламъ*... Кончилось тѣмъ, что мы разъѣхались въ разныя стороны, доцѣловавшись до ссоры, перепутали вещи, растеряли деньги, калоши, чемоданы... Только мѣсяца черезъ два я вспомнилъ о мальчикѣ, сталъ искать его адресъ,—увы!—его не было. На пробу я все-таки послалъ книги сестрѣ, думая, что какъ-нибудь онѣ дойдутъ по назначенію. Къ моему огорченію, сестра отвѣтила, что мальчикъ нѣсколько разъ приходилъ за книгами, но вотъ ужъ съ мѣсяцъ не кажетъ глазъ. Съ тѣхъ поръ я терзался (конечно, по временамъ — что̀ скрывать?) участью бѣднаго ребенка и въ годъ разъ или два освѣдомлялся о немъ... Не было ни слуху ни духу... Наконецъ, года черезъ три, сестра ужъ безъ всякаго моего требованія извѣщаетъ, что Егорка, кажется, въ острогѣ и, быть-можетъ, будетъ сосланъ, такъ какъ дѣлаетъ Богъ знаетъ что̀ и имъ всѣ рѣшительно сельскія власти недовольны... Ну, признаюсь вамъ, у меня заныло сердце. «Виноватъ я душою... На душѣ у меня грѣхъ...» И съ тѣхъ поръ такъ я этотъ грѣхъ и носилъ, годовъ десять, если не больше.

— Такъ вотъ, — вставилъ Ѳедоръ Петровичъ, дойдя до послѣднихъ словъ своего разсказа.—Какъ видите—натура хорошая, сильная, добрая, талантливая... Довольно ли ей одной обыкновенной грамотности, если при всѣхъ этихъ качествахъ есть стремленіе въ писаря, есть уваженіе къ желѣзнымъ крышамъ?.. Не слѣдуетъ ли науку сообразовать съ...

— Желѣзными крышами?—перебилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ,—сказалъ Ѳедоръ Петровичъ:—не съ желѣзными

крышами: не съ желѣзными-съ крышами, а...— И по обыкновенію остановился.

— Да вотъ,—вы слушайте, что дальше,—по обыкновенію умозаключилъ онъ и сталъ продолжать разсказъ.

2.

...Прошло, говорю, болѣе десяти лѣтъ... Хотя и сознавалъ я, что мальчишкѣ я сдѣлалъ зло,—но съ теченіемъ времени, конечно, все это я забылъ, т.-е. призабывать сталъ, и только тогда опять меня взяла грусть, когда вновь вотъ ужъ такимъ пожилымъ человѣкомъ опять поѣхалъ я къ сестрѣ, тоже ужъ старушкѣ. Оба были мы старики и оба обо многомъ вспоминали... Дошла очередь и до Егорки...

— Что, не встрѣчала, не знаешь?—робко спросилъ я.— Гдѣ тотъ мальчикъ... помнишь... я тебѣ...

— И-и,—по-старушечьи произнесла сестра.—Да это теперь здѣсь первый богачъ!..

— Что ты?

Такъ у меня и запрыгало сердце.

— И что будетъ еще!.. Такъ и раздувается, такъ и пухнетъ...

— Да какъ же это? Скажи на милость...

— Ну ужъ это у него спроси у самого... Я этого не понимаю. Сама богата не была, не знаю, батюшка, какъ богачи дѣлаются...

— Да вѣдь ты писала—въ острогѣ онъ сидѣлъ? На худомъ счету былъ?

— Ну, а теперь на самомъ лучшемъ...

— Пойду, непремѣнно пойду... Гдѣ онъ?

Сестра сказала, что она не знаетъ его мѣстожительства, но что всякій изъ жителей городка, первый встрѣчный укажетъ,—Егора Ивановича знаютъ всѣ...

И дѣйствительно всѣ его знали. Посредникъ говорилъ: «Вотъ народный умъ!». Протопопъ говорилъ — «истинное чадо церкви». Хвалилъ почтмейстеръ, и казначей, и исправникъ. А какой-то пьяный мужичонка называлъ разбойникомъ—но это былъ пьяный мужичонка, и я не обратилъ на его слова никакого вниманія. Я рвался видѣть его...

Егоръ Ивановичъ предсталъ передо мной въ новенькой русской чуйкѣ, въ скрипящихъ сапогахъ, посреди новаго постоялаго двора, нижній этажъ котораго занимали новенькія лавки. Взглядъ его былъ такъ же быстръ, но жестокъ, хотя улыбка и была удивительно мягка. Онъ говорилъ не

такъ, какъ говоритъ грубый кулакъ-хозяинъ, любящій выйти на крыльцо и орать на весь дворъ, утѣшаясь тѣмъ, что «все мнѣ подвержено»,—а вѣжливо, прилично, но—безпрекословно. Все у него ходило по стрункѣ. Это я замѣтилъ съ одного взгляда.

Конечно, онъ не узналъ меня, но когда я припомнилъ ему подробности нашей встрѣчи, — онъ искренно обрадовался... Повторяю,—«искренно»; такъ же точно искренно, какъ и все, что ни говорилъ онъ...

Конечно, я первымъ долгомъ разспросилъ о причинахъ его превращенія... Егоръ Ивановичъ съ благоговѣніемъ разсказалъ мнѣ о немъ слѣдующее. Перескажу въ короткихъ словахъ...

— Сами знаете—звѣрь былъ мальчишка... Отца не щадилъ... послѣ того перенесъ свое свирѣпство и на общество. Напримѣръ, толкуютъ въ волостной, чтобы мостъ тамъ-то мостить... По глупости моей мнѣ и представляется, что дѣлать этого не зачѣмъ, мостъ не нашъ, мы по немъ не ѣздимъ,—слѣдовательно и мостить его не надо... Ору!.. Зѣваю, смущаю людей,—и тѣ начинаютъ пѣть со мной!.. Или идетъ рѣчь, чтобъ на губернскую больницу взносить,—опять поднимаю бунтовство: мы, молъ, тамъ не лежимъ... намъ нужна больница здѣсь, въ нашихъ мѣстахъ... или въ эвтомъ смыслѣ; все мнѣ представлялось, что со мной въ нашей деревнѣ неправильно поступаютъ, — а того, свинья этакая (такъ Егоръ Ивановичъ себя обозвалъ), не зналъ, что деревня есть ничтожная единица супроти...

Тутъ онъ кашлянулъ... «Ничтожная единица!—подумалъ я:—это его кто-то научилъ»...

Кашлянулъ Егоръ Иванычъ, возвелъ глаза горѣ и (такъ же искренно) проговорилъ:

— Но, должно-быть, перстъ Господень руководитъ нами... И указуетъ... Считаю такъ въ томъ смыслѣ, что сдѣлалъ меня изъ бунтовщика—человѣкомъ общеполезнымъ, слѣдовательно для пользы прочихъ... полезныхъ сочленовъ...

«Очевидно, его кто-то научилъ этому»... — убѣдился я и продолжалъ слушать со вниманіемъ.

— Домотавшись такимъ манеромъ до тюрьмы, встрѣтилъ я почтеннѣйшаго и многоуважаемаго господина N. (онъ назвалъ одну громкую фамилію). Видя во мнѣ таланты, г. N. взялъ меня въ кучера, и здѣсь, частью отъ собственнаго вниманія къ его разговорамъ, частью черезъ его наставленія,—я многое и скоро все явственно понялъ... Господинъ

этотъ любилъ меня и внушалъ... Помню, на первыхъ порахъ, какъ только поступилъ я къ нему (былъ онъ мировой посредникъ), повелѣваетъ онъ мнѣ сѣчь какого-то мужика. По глупости своей я усомнился. Сталъ отказываться, тѣмъ паче, что и мужикъ-то таковъ же сорванецъ, какъ и я былъ когда-то... Думаю: «не приходится своего брата сѣчь»... Тогда господинъ ласково, постепенно, чисто какъ отецъ, разъяснилъ мнѣ, каковы суть обязанности гражданина. «Какъ человѣкъ, ты можешь его жалѣть, — но какъ гражданинъ — сѣки! Какъ человѣкъ, говоритъ, ты можешь напоить чаемъ, но какъ гражданинъ — исполни возложенную на тебя обязанность—дери!..» Не понималъ я—и все-таки упирался; прошу—пусть другіе; не неволилъ, но внушалъ. «Вотъ, говоритъ, мужикъ этотъ сопротивляется въ платежѣ. Говоритъ: «мы въ этомъ лазаретѣ не лежимъ»— ну, хорошо. Но что̀ ты скажешь, если этотъ мужикъ не захочетъ вносить на флотъ! Непріятель придетъ,—и все возьметъ!» Такъ убѣдительно утверждалъ, что не могъ я достоять, понялъ, что есть я гражданинъ, и впослѣдствіи сѣкъ безъ послабленія, со слезами на глазахъ моихъ... И вотъ умъ мой прояснился... Понялъ я, что мы есть ничтожество...

— Кто это, Егоръ Ивановичъ?

— Всѣ-съ поголовно...

— Передъ чѣмъ же это?

— Передъ начальствомъ, которое намъ указуетъ и которому мы обязаны служить... Сталъ я учиться съ прилежаніемъ и тщаніемъ и вскорѣ понялъ, что̀ къ чему имѣетъ основаніе... Божій перстъ указуетъ избранныхъ, которымъ неизбранные должны повиноваться... Просвѣщать (мы заводимъ школу-съ) тѣмъ и полезно, что оно смиряетъ человѣка въ его буйномъ невѣжествѣ... На меня вонъ кричатъ: «разбойникъ»,—но за что? За то вотъ, что, состоя членомъ ссуды,—отказываю несостоятельнымъ; но кто просвѣщенъ, тотъ будетъ знать, что банковыя операціи связаны съ общимъ порядкомъ экономіи, и почни я нищимъ раздавать безъ отдачи,—то черезъ это поколеблется всякое устроеніе, и все пойдетъ къ чорту (Тьфу!). «Чѣмъ ты отдашь?»—спрашиваю.—«Мнѣ отдать нечѣмъ».—«Ну и ступай съ Богомъ». Не такъ ли?

— Такъ.

— Говорятъ—разбойникъ! При просвѣщеніи они должны знать, что...

Тутъ Егоръ Ивановичъ остановился. Я помогъ ему:

— Что деньги безъ отдачи не даются.

— Да-съ? Вѣрно. Что высшихъ поставляетъ Богъ, что низшіе должны съ терпѣніемъ быть гражданами, не мечтая чрезмѣрно.

— Такъ,—сказалъ я.

— Потому, что въ противномъ случаѣ всякое человѣчество должно прекратиться...

— Ну,—сказалъ я:—будьте здоровы, Егоръ Ивановичъ, слава Богу, что ваши дѣла идутъ хорошо.

— Благодаримъ покорно.

Такъ мы разстались, и больше я его не видалъ.

— Такъ вотъ, — вновь проговорилъ Ѳедоръ Петровичъ послѣ вышеприведенныхъ словъ. — Вотъ что такое... грамотность. Грамотность, грамотность, — толкуютъ тамъ... А между тѣмъ...—Ѳедоръ Петровичъ хотѣлъ-было опять сказать: «Да лучше я вотъ разскажу»...

Но одинъ изъ слушателей не далъ такъ долго утомлять себя и произнесъ:

— Хотите, я окончу вашъ разсказъ?

— Будьте такъ добры, — радостно произнесъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Извольте. Вы хотите сказать, что грамотность-то бываетъ разная... Такъ?..

— Какъ двѣ капли воды.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

I. Веселыя минуты.

1.

Волею фургонщика, доставившаго меня въ Новороссійскъ тотчасъ послѣ того, какъ пароходъ Русскаго Общества, на который я долженъ былъ сѣсть, благополучно отбылъ къ портамъ черноморскаго побережья, т.-е. именно туда, куда мнѣ и слѣдовало ѣхать, я обреченъ былъ пробыть въ этомъ совершенно незнакомомъ мнѣ городѣ ровно цѣлую недѣлю, вплоть до будущаго воскресенья, когда долженъ былъ придти другой пароходъ того же Общества. И несмотря на то, что въ этомъ городѣ у меня не было ни одного человѣка знакомыхъ, на то, что была Страстная недѣля и что Свѣтлый день я долженъ былъ провести въ полномъ одиночествѣ, несмотря наконецъ на общее безлюдье, отличавшее тогдашній *) Новороссійскъ, я все-таки былъ ужасно радъ и счастливъ, что извозчикъ запоздалъ, что онъ подарилъ меня этой тихой, безшумной Страстной недѣлей, далъ мнѣ въ эти семь дней освѣжиться отъ удручающей тоски, вывезенной изъ столицы, и осчастливилъ возможностью безпрепятственно впитать въ себя тѣ живыя, къ счастью, радостныя впечатлѣнія, которыя уже дала мнѣ живая русская жизнь за недолгій промежутокъ времени, проведеннаго въ дорогѣ отъ Петербурга до Новороссійска.

Все, все безъ разбора и безъ всякой критики радовало меня въ эту поѣздку, потому что даже то, что̀ я видѣлъ въ вагонѣ, на станціи и изъ вагона въ окно, — все было *жизнь*, все напоминало, что Петербургъ еще не оконча-

---

*) 1886 г.

тельный результатъ, къ которому пришла вся русская жизнь, что есть еще что-то гораздо болѣе интересное, именно — есть еще Россія, жизнь русскаго народа, жизнь всего этого разнокалибернаго встрѣчнаго населенія мужиковъ, бабъ, купцовъ, господъ, духовенства, — словомъ, всего, что вотъ опять я своими глазами увидѣлъ въ теченіе переѣзда отъ Петербурга до Новороссійска. На что бы я въ этотъ краткій промежутокъ времени, проведенный въ дорогѣ, ни смотрѣлъ, все было мнѣ радостно видѣть, все заставляло меня думать: «слава Богу! какъ я радъ!».

Какъ видите, состояніе духа было положительно необыкновенное! не то это была просто радость ребенка, только начинающаго ощущать вокругъ себя все разнообразіе окружающей *жизни* и счастье чувствовать себя съ ней неразрывнымъ, или же — и это будетъ вѣрнѣе — я просто былъ «радъ», сознавъ себя, что я не умеръ, что я живъ, и что временное мое душевное изнуреніе было временное, не больше, что при малѣйшемъ прикосновеніи подлинной жизни согрѣется и моя душа, охладѣвшая въ ледяномъ домѣ, называемомъ Петербургомъ.

Времена въ эту пору для людей, обреченныхъ пережить весь реформенный періодъ въ болѣе или менѣе впечатлительномъ возрастѣ, были поистинѣ изнуряющія душу. Передъ самой моей поѣздкой по Россіи пришлось мнѣ провожать одного изъ моихъ пріятелей за границу, и вотъ какого рода болѣзненные разговоры вели мы съ нимъ передъ нашей взаимной разлукой.

— Да что же тебѣ за границей-то надо? — спросилъ я его въ то время, когда въ его номерѣ, при помощи прислуги, шла укладка и упаковка его вещей для отправки на Варшавскій вокзалъ.

— Да просто... очувствоваться! — сказалъ онъ растерянно и съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ лица.

Я понималъ, что онъ не могъ бы сказать мнѣ въ отвѣтъ никакого иного слова, да и самъ зналъ, что вопросъ мой ему — совершенно излишній и ненужный. И нашъ разговоръ на этихъ нѣсколькихъ словахъ, вѣроятно, прекратился бы, окончившись крѣпкими и молчаливыми рукопожатіями, если бы одно совершенно ничтожное обстоятельство не дало моему пріятелю возможности нѣсколько подробнѣе выяснить смыслъ его, хотя и понятнаго, но недостаточно опредѣленнаго слова: «очувствоваться».

Это ничтожное обстоятельство состояло въ слѣдующемъ:

одинъ изъ прислуги, занимавшейся укладываніемъ вещей, обыкновенный коридорный петербургскихъ гостиницъ, подошелъ къ комоду, чтобы вынуть изъ него все, что тамъ осталось. Но оказалось, что комодъ запертъ, а ключа нѣтъ. Коридорный ушелъ и скоро принесъ цѣлую связку ключей всевозможнаго рода: маленькихъ, большихъ, длинныхъ, короткихъ. И всѣ эти ключи, несмотря на свое разнообразіе, безпрепятственно входили въ одинъ и тотъ же замо̀къ — такъ онъ былъ испорченъ, «развороченъ» и вообще искалѣченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ ключи большіе и маленькіе входили въ эту разломанную дыру, вертѣлись, кружились совершенно свободно, даже щелкали, а комодъ все-таки не отворялся. Наконецъ, выбившись изъ силъ, коридорный ругнулъ этотъ замо̀къ и ключи и рѣшился испробовать послѣднее средство: взялъ и хлопнулъ кулакомъ по верхней крышкѣ комода. И что̀ же? Замо̀къ щелкнулъ на этотъ разъ довольно пѣвуче, и комодъ отворился.

Такъ какъ говорить намъ съ пріятелемъ было почти не о чемъ, потому что слово «очувствоваться» исчерпывало всѣ темы разговора, то и мы поэтому молча наблюдали всю эту возню коридорнаго съ замко̀мъ. Когда же вся операція кончилась, вещи были вынуты изъ комода и уложены, а коридорный ушелъ, мой молчаливый и отупѣвшій пріятель вдругъ оживился и сказалъ:

— Я все смотрѣлъ на этотъ замо̀къ... и знаешь что̀? Вотъ точь въ точь и сердце мое стало такое же, какъ и этотъ замо̀къ. Вотъ ключи входятъ и щелкаютъ, и кругомъ поворачиваются, а никакого толку, никакого ощущенія нѣтъ! Ничего меня за живое не хватаетъ, не беретъ. Какія хочешь принимай и дѣлай реформы, мѣропріятія, и въ какомъ тебѣ угодно направленіи, ничего не чувствую — ни радости ни печали! Ужъ очень свободно, прихотливо, безъ всякой церемоніи надъ моимъ сердцемъ похозяйничало наше время! Сколько туда за всю мою жизнь входило и влѣзало всякихъ ключей, вѣяній, теченій, направленій!.. И всѣ они хотѣли его отперетъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда бы оно непремѣнно отперлось само... Каждое изъ этихъ вѣяній и направленій, то длинное, какъ этотъ длинный ключъ, то какъ ключъ короткій, всѣ норовили его отперетъ на свой образецъ — то въ одну сторону, то въ другую, а то и такъ, зря, крутили кругомъ безъ всякаго милосердія... Отперетъ его просто, какъ говорится — «добромъ» и, прибавлю, для добра, никто не догадался или, вѣроятно,

нельзя было. Ну, теперь и верти, сколько хочешь—не дѣйствуетъ. Вотъ кулакомъ со всего размаху — это, пожалуй, такъ! Если кулакомъ царапнуть — ну, пожалуй, опять запоетъ жалобнымъ звукомъ скорби, страха и мольбы. И, пожалуй, опять отопрется... хоть къ стону и плачу... Кулакъ — не свой братъ!..

Мы оба улыбнулись этому сравненію, а пріятель мой, не теряя оживленія, продолжалъ:

— Какъ я радъ... этому замку! Теперь я совершенно ясно и во всѣхъ подробностяхъ понимаю, зачѣмъ я ѣду за границу... Именно сердце-то хочу оживить! Хочу поставить его въ подлинную обстановку подлинной, какая бы она ни была, только подлинной жизни! Тамъ, я думаю, оно опять будетъ имѣть право чувствовать горе тогда, когда передъ нимъ выйдетъ горе, и радость — когда радость его захватитъ... Мнѣ надобно возстановить въ своемъ сердцѣ и въ своей совѣсти право ощущать именно то, что̀ ощущать слѣдуетъ... Вотъ отъ этого-то я и отвыкъ! Думаешь обрадоваться, а приходится плакать — и такъ всю жизнь!.. Я совершенно отвыкъ думать до тѣхъ предѣловъ, пока работаетъ мысль, и чувствовать, пока чувствуется... И это всю жизнь — чувствовать и не дочувствовать, думать и не додумывать, говорить и не договаривать! Вотъ и надобно *очувствоваться*, пробудить дѣятельность сердца возможностью безъ опаски смотрѣть на жизнь и о ней думать. Надо вновь узнать, что̀ такое добро и что̀ такое зло... Ну, а у насъ, т.-е., по крайней мѣрѣ, лично въ моей жизни разныя вѣянія, направленія и теченія постоянно заставляли меня мѣнять взгляды на то и другое. Сегодня это добро, а завтра это же самое уже зломъ неискоренимымъ считается. Вотъ и затуманились представленія и о томъ и о другомъ, и прекратилась возможность предпочтенія одного другому... Вотъ европейская-то жизнь, я и думаю, оживитъ меня: добро и зло въ ней ярки, на виду, открыты и не прикрашены. Смотри и думай!.. А мнѣ это и нужно. Я хочу опять начать воспитывать свое отупѣвшее сердце съ азбуки... Какъ я радъ этому комоду! Вѣдь надо же было этому случиться!.. Именно необходимо «очувствоваться», воскресить право «чувствовать» и пожить съ этимъ правомъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ зачѣмъ я ѣду!

Я совершенно понималъ моего пріятеля, но самъ, собираясь ѣхать по Россіи, даже и мысли не могъ допустить въ себѣ о какихъ-то правахъ на оживленіе сердца. Я

просто чувствовалъ, что необходимо ѣхать, чтобы только видѣть вообще «жизнь». И въ объясненіе такой алчности исключительно только къ тому, что совмѣщается въ словѣ «жизнь», будетъ достаточнымъ сказать, что передъ этой поѣздкой мнѣ пришлось почти безвыѣздно прожить петербургской жизнью болѣе полутора года. Если мой пріятель имѣетъ возможность указывать, въ объясненіе своего обезчувственія, на вторженіе въ его личную жизнь какихъ-то совершенно не соотвѣтствовавшихъ ей вѣяній, теченій и направленій, то я, въ объясненіе моей алчности къ побѣгу изъ Петербурга, могу сказать только одно: потому я хотѣлъ бѣжать и смотрѣть на какую бы то ни было жизнь, что я измучился Петербургомъ.

Повидимому и, такъ сказать, по всѣмъ документамъ, Петербургъ долженъ бы быть, какъ столица, центромъ жизни всей страны, какъ Парижъ и Лондонъ. И онъ точно центръ, только не такой центръ, куда стекаются мелкіе ручейки живой жизни страны, сливаясь въ огромное, глубокое вмѣстилище проявленія всѣхъ жизненныхъ силъ націи. Въ Парижѣ, Лондонѣ, и только въ нихъ, а никакъ не въ далекихъ уголкахъ Англіи или Франціи, можно видѣть во всей полнотѣ все, чѣмъ живутъ и дышатъ эти страны. Въ Петербургѣ же именно и не увидишь, чѣмъ живетъ Россія. Ручьи русской жизни, стекаясь сюда, сливаются не въ открытое озеро жизни, которое едва можно оглянуть взоромъ, но точно уходятъ куда-то подъ землю, въ какія-то сталактитовыя пещеры канцелярій, департаментовъ, раздробляются еще на болѣе мелкіе ручьи, чѣмъ тѣ, которые влились въ него, и съ каждымъ дальнѣйшимъ теченіемъ раздробляются все на меньшія и меньшія струи и капли... Въ Чухломѣ, въ Пинегѣ или Батумѣ можно гораздо многосложнѣе видѣть русскую жизнь, чѣмъ видишь и чувствуешь ее въ Петербургѣ. Французъ-провинціалъ, у котораго на душѣ накипѣли тѣ или другія нужды, желанія, ѣдетъ въ Парижъ, зная, что именно тамъ онъ можетъ проявить ихъ во всей полнотѣ и объемѣ. Обитатель Чухломы, подъѣзжая къ Николаевскому вокзалу и медленно вдвигаясь въ вагонѣ въ темную его пасть, подъ темные его своды, чувствуетъ, что именно тутъ-то и конецъ его праву желать, фантазировать и хотѣть. Въ Чухлому будетъ «дано знать» въ запечатанномъ конвертѣ, какъ ему жить слѣдуетъ, а въ Петербургѣ онъ ничего не узнаетъ по этой части. Русская жизнь въ Петербургѣ — это пакетъ съ просьбой, жалобой, мольбой,

угрозой, стономъ и воплемъ. Въ пакетѣ она сюда является, въ пакетѣ отсюда выходитъ. Что̀ написано въ пакетѣ, который отсюда посылается въ Чухлому, неизвѣстно — пакетъ запечатанъ. Не знаетъ тотъ, кто печаталъ пакетъ, не знаетъ тотъ, кто писалъ адресъ, не знаетъ и тотъ, кто переписывалъ бумагу, не знаетъ и тотъ, кто бумагу составлялъ, не знаетъ и тотъ, кто велѣлъ составлять бумагу. Тайна и смыслъ жизни идутъ изъ центра къ окружности, а не вливаются отъ окружности въ центръ, и жить поэтому въ Петербургѣ—это значитъ не знать русской жизни. Можно знать всѣ указанія «по русской жизни», но видѣть въ нихъ самую жизнь въ связи разрозненныхъ явленій, отмѣтить ея главнѣйшія теченія, ясно видѣть, гдѣ и въ чемъ сила, слабость, добро и зло, — здѣсь невозможно.

Мнѣ могутъ сказать, что печать, «газета» не оставляетъ петербуржца безъ ежедневныхъ увѣдомленій о русской жизни. Стали печатать листы въ восемь столбцовъ, — стало-быть, есть о чемъ поговорить?

И, будь я истымъ петербуржцемъ, я бы повѣрилъ, что «газеты» вполнѣ достаточно, чтобы знать, какъ идетъ русская жизнь. Но, къ несчастью, я не петербуржецъ, и еще болѣе — къ несчастью, судьба дала мнѣ полнѣйшую возможность знать, что̀ такое «внутреннія извѣстія» петербургскихъ газетъ, покоряющихся главнымъ образомъ интересамъ петербургскаго дня, не чуждыхъ видѣть «успѣхъ» въ розничной продажѣ и радующихся наплыву объявленій о кухаркахъ и кучерахъ, ищущихъ мѣста, почти такъ же, какъ и успѣхамъ русской дипломатіи... Возьмите любую изъ такихъ газетъ сегодняшняго дня и посмотрите, что̀ тамъ написано во внутреннихъ извѣстіяхъ о внутренней жизни Россіи? Во-первыхъ, собственная корреспонденція изъ Корчевы о томъ, что въ городѣ недавно былъ пожаръ, обнаружившій недостатки мѣстнаго самоуправленія, затѣмъ (мелкимъ шрифтомъ) перепечатка изъ другой какой-нибудь газеты о томъ, что близъ деревни Лукьяновки найденъ убитымъ мужикъ, только-что продавшій на базарѣ въ ближнемъ городѣ пару телятъ, и третье (тоже мелкимъ шрифтомъ) — рѣдкій случай рожденія семерыхъ дѣтей, которыя всѣ, къ сожалѣнію, умерли. Конечно, то, что̀ здѣсь написано, не можетъ служить образчикомъ «внутреннихъ извѣстій», — извѣстія могутъ быть самыя разнообразныя; но какія бы они ни были, всегда они имѣютъ въ общемъ одно неизмѣнное свойство, именно: невозможность объяснить, почему напе-

чатано то, что напечатано, и почему собственно вамъ, читателю, нужно знать именно то, что напечатано. Родилось семь дѣтей — хорошо. Но почему же пишутъ именно о семи дѣтяхъ, а не о чемъ-нибудь другомъ? И почему изъ Корчевы, а не изъ Тифлиса?

Тайна сего не только не велика, а, къ сожалѣнію, крайне проста и незначительна.

Бывало, придешь въ редакцію вечеромъ, когда уже начинается сверстка нумера, когда весь оригиналъ набранъ и ожидаютъ только телеграммъ, и принимаешься съ прискорбіемъ въ сердцѣ за внутренній отдѣлъ, за характеристику русской жизни въ данную минуту. Матеріалъ выбранъ и вырѣзанъ господами редакторами отдѣловъ (внутренняго, политическаго, финансоваго, биржевого) еще утромъ. Полученныя корреспонденціи, одобренныя редакціей, и безчисленныя вырѣзки изъ провинціальныхъ газетъ ужъ набраны и лежатъ на моемъ столѣ цѣлою грудой то длинныхъ, то коротенькихъ корректурныхъ полосъ. Глядишь на нихъ и думаешь: «Какого-то хламу придется мнѣ понадергать изъ этой сокровищницы?»

Зазвенѣлъ электрическій звонокъ; надо идти въ комнату редактора.

— Для внутренняго отдѣла, — говоритъ онъ: — сегодня, кажется, можно удѣлить строкъ восемьсотъ... Кажется, телеграммъ будетъ мало. Ничего особеннаго нѣтъ. Пожалуйста, побольше перепечатокъ. Денегъ у насъ мало.

«Восемьсотъ строкъ! — съ восхищеніемъ думаю я.— Вотъ это будетъ на что-нибудь похоже!»

И, роясь въ матеріалѣ, корреспонденціяхъ и перепечаткахъ, подбираю на восемьсотъ строкъ вполнѣ благоприличнаго матеріала.

Въ виду рабочей поры какъ нельзя лучше составилась весьма опредѣленная картина положенія рабочаго класса. Подошла и собственная корреспонденція къ этому вопросу, и вырѣзки изъ газетъ, и мелкія извѣстія о случаяхъ, касающихся этого же вопроса («не найдя работы, утопился или поджегъ чужой амбаръ» и т. д.). Словомъ, всѣ извѣстія отвѣчаютъ главнѣйшему вопросу времени и во всякомъ случаѣ для большинства читателей, какъ заинтересованныхъ въ вопросахъ рабочаго времени, такъ или иначе поучительны или, по крайней мѣрѣ, не лишни.

Восемьсотъ строкъ наполнены, и наполнены хорошо и поучительно.

Но вотъ опять звонитъ электрическій звонокъ.

— Надо убавить на двѣсти строкъ. Пришло пропасть телеграммъ о тайныхъ интригахъ англичанъ въ Константинополѣ, о смерти марокскаго императора и банкротствѣ въ Мюнхенѣ торговаго дома... Да спросите въ типографіи, сколько объявленій?

Прежде чѣмъ спросить объ объявленіяхъ, надобно вычеркнуть двѣсти строкъ. Но газетныя перепечатки неравномѣрны: въ одной 50 строкъ, въ другой сто, въ третьей семьдесятъ пять,—словомъ, надо что-нибудь придумать, если я хочу оставить собственную корреспонденцію невредимой. И вотъ я вынимаю цѣлыхъ триста строкъ (надо сохранить наборъ для будущаго) и уже теперь недостающія сто замѣняю такою перепечаткой, въ которой какъ разъ сто строкъ. Оказывается, что послѣ корреспонденціи о рабочемъ вопросѣ приходится помѣстить сто строкъ извѣстія о скандалѣ въ клубѣ г. N., при чемъ такой-то разбилъ такому-то физіономію.

Гармонія «обозрѣнія» нарушена, но оплакивать этого горя не приходится, потому что надобно еще узнать, много ли объявленій. Для этого необходимо подавить косточку звонка, проведеннаго въ типографію, и ждать, покуда оттуда, изъ-подъ земли, явится уже не писатель, а совсѣмъ особенный человѣкъ съ черными пятнами на лицѣ (блѣдномъ и истомленномъ), съ черными руками и хриплымъ, гробовымъ голосомъ.

— Много объявленій?

— Много-съ!.. Сейчасъ вотъ отъ купчихи похоронное объявленіе приняли... Нарыдала она съ горя строкъ на пятьдесятъ мѣста.

— А такъ-то вообще, сколько можно оставить для внутренняго?

— Да строкъ на триста... Да и то врядъ ли... Фельетонистъ разскандальничался строкъ на двѣсти лишку... Охаиваетъ кого-то... А вѣдь вы сами знаете, Кузьма Иванычъ, что издатель охотникъ до этого... Нарасхватъ пойдетъ нумеръ!..

«Вотъ тебѣ разъ!»—думаю я въ сокрушеніи.

Въ одной корреспонденціи оказывается четыреста пятьдесятъ шесть строкъ, и слѣдовательно ее либо надобно урѣзать, либо замѣнить чѣмъ-либо другимъ, но урѣзать корреспонденцію на полтораста строкъ невозможно. Необходимо ее отложить.

Вмѣсто рабочаго вопроса появляется такимъ образомъ корреспонденція изъ Корчевы о томъ, что вчера проѣхалъ преосвященный, затѣмъ слѣдуетъ ранѣе заготовленная перепечатка о дракѣ въ клубѣ и прибавляется еще перепечатка о камнѣ, упавшемъ съ неба. Итого получается количество строкъ «въ обрѣзъ».

Но едва вы подумали, что дѣло кончено, какъ въ редакцію является репортеръ. Онъ въ страшныхъ попыхахъ—только что случился огромнѣйшій пожаръ на Лиговкѣ, сгорѣлъ уксусный заводъ, одинъ пожарный переломилъ ребро, и, кажется, погибла маленькая дѣвочка. Происшествіе «городское», и хроника, не заносящая на свои столбцы такихъ происшествій во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, уже не хроника, и городской читатель не проститъ этой небрежности.

Для внутренняго отдѣла остается такимъ образомъ всего двѣсти строкъ, и потому приходится оставить только корреспонденцію изъ Корчевы о проѣздѣ архіерея. Но развѣ это «отдѣлъ»? Что же тутъ «внутренняго»? Необходимо опять порыться въ заготовленномъ матеріалѣ и составить «извѣстія» почти заново.

Отдѣлъ такимъ образомъ составляется изъ такихъ куплетовъ: драка въ клубѣ, упавшій съ неба камень, механикъ-самоучка и старикъ, умершій на сто двадцать девятомъ году, сохранивъ въ цѣлости всѣ зубы.

«Кажется, все?»—думается наконецъ. Но—увы!—электрическій звонокъ главнаго редактора опять заигралъ что-то и зоветъ васъ.

— Скончался генералъ Шомполовъ. Необходимо помѣстить некрологъ... строкъ двадцать пять. Пришла еще телеграмма: Кальноки ѣдетъ въ Эмсъ. Патти простудила горло. Новая опера Гуно имѣла блестящій успѣхъ, и въ Нью-Іоркѣ была буря... Строкъ пятьдесятъ.

Стиснутый такимъ образомъ съ одной стороны «городскими» событіями, съ другой—кухарками, кучерами, телеграммами и т. д., внутренній отдѣлъ въ концѣ концовъ представляетъ слѣдующее плачевное зрѣлище:

Съ неба упалъ камень.

Умеръ столѣтній старецъ.

Крестьянинъ Егоровъ упалъ въ колодецъ внизъ головой.

Пароходъ «Нептунъ» прибылъ въ Батумъ.

Актрисѣ Купріяновой въ Саратовѣ поднесли букетъ.

Вотъ она внутренняя русская жизнь въ ежедневной газетной живописи!

Но не думайте, чтобы заготовленный матеріалъ такъ и не пошелъ въ ходъ—нѣтъ, «наборъ не пропадетъ». Только о рабочемъ вопросѣ будетъ напечатано, когда онъ уже потеряетъ всякій интересъ, — напр., въ сентябрѣ; извѣстіе о дракѣ также найдетъ свое пристанище когда-нибудь, когда найдется ему два-три вершка свободнаго мѣста. То же самое идетъ и по другимъ отдѣламъ. За репортеромъ, прилетѣвшимъ съ вѣстью о пожарѣ, можетъ явиться другой репортеръ—музыкальный, и ему никоимъ образомъ нельзя отказать въ отчетѣ о бенефисѣ любимой актрисы: это—городскія вѣсти, которыми живетъ и дышитъ городской читатель. Но такъ какъ пожертвовать содержаніемъ «внутренняго отдѣла» въ пользу замѣтки о бенефисѣ уже нельзя, такъ какъ внутренній отдѣлъ и безъ того уже окончательно нелѣпъ, то принимаются и за другіе отдѣлы. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, напримѣръ, былъ прекраснѣйшій пересказъ послѣдняго парламентскаго засѣданія въ Лондонѣ по аграрному вопросу; вотъ его-то и приходится отложить до предбудущаго времени, а опроставшееся мѣсто заполнить восторженнымъ гимномъ бенефиціанткѣ, настроченнымъ репортеромъ, еще не очухавшимся отъ бенефиснаго ужина у Понсе.

Даже и то, что пресса даетъ намъ подлинно петербургскаго, мѣстнаго, приказы о назначеніи, перемѣщеніи и награжденіяхъ, законоположенія, измѣненія и дополненія—все это вмѣстѣ съ сумбуромъ «внутреннихъ извѣстій» не можетъ быть приведено вашею мыслью ни въ малѣйшую связь. Отставка генерала Купріянова, назначеніе Оедорова на мѣсто Протасова такъ же для васъ и вашей мысли чужды и не нужны, какъ и паденіе съ неба камня и смерть старика. Политическія европейскія дѣла всегда неизмѣримо яснѣе для васъ и всегда имѣютъ даже въ поверхностныхъ газетныхъ извлеченіяхъ понятные и видимые исходные пункты и перспективы. И ничего подобнаго не видно относительно русской жизни.

Принявъ во вниманіе, что я не чуждъ былъ до нѣкоторой степени тѣхъ душевныхъ страданій, въ которыхъ исповѣдывался передъ отъѣздомъ за границу мой пріятель, что и въ моей душевной изнуренности также не послѣднюю роль играли разныя вѣянія и теченія, и присоединивъ къ этому характернѣйшую особенность собственно петербургской жизни, т.-е. особенность такого мѣста, гдѣ о русской жизни ничего никому неизвѣстно, читатель, я надѣюсь,

пойметь, почему я такъ жадно рвался видѣть именно жизнь, почему мнѣ было необычайно весело видѣть даже ту жизнь, которую можно видѣть изъ вагона и въ вагонѣ, и почему наконецъ я былъ искренно радъ, что возница мой опоздалъ къ пароходу.

Онъ далъ мнѣ время «отдышаться», пріучиться опять ощущать радость жизни вообще, и меня дѣйствительно радовало рѣшительно все, самая мелкая мелочь, даже и то, что вовсе не порадовало бы при болѣе тщательномъ вниманіи; но я не хотѣлъ, я просто даже не могъ быть внимательнымъ къ чему-нибудь непріятному. Истомленное воображеніе само старалось за меня, само окрашивало все видѣнное исключительно только въ розовый цвѣтъ.

2.

Подъ вліяніемъ такого-то душевнаго настроенія, какое чудеснѣйшее впечатлѣніе произвело на меня пребываніе въ такомъ миломъ «мѣстѣ», какъ Новороссійскъ! Я употребляю слово «мѣсто», не опредѣляя его какимъ-нибудь болѣе точнымъ административнымъ терминомъ, потому что Новороссійскъ совершенно не напоминаетъ ни города, ни села, ни станицы, ни деревни, а есть пока просто «милое», тихое, не безпокойное жилое мѣсто, которое, не имѣя ничего опредѣленнаго въ настоящемъ, даетъ вамъ полную волю мечтать, безъ всякихъ стѣсненій мысли, о его будущемъ. Впечатлѣніе, которое можно все-таки кое-какъ опредѣлить человѣческимъ языкомъ, это то, что Новороссійскъ — начало чего-то, зеленый стебелекъ, едва-едва показавшійся на дѣвственной почвѣ пустыннаго побережья.

Дѣвственность, начало новой жизни на этихъ старыхъ мѣстахъ, опустѣвшихъ послѣ бѣгства горцевъ въ Турцію, новая дѣвственная растительность, до основанія уничтожающая малѣйшіе слѣды старины,—вотъ она-то и веселитъ усталое сердце въ этихъ безлюдныхъ, но обновляющихся жизнью мѣстахъ. Пока еще грѣховодникъ-капиталъ не показывалъ сюда своего носа, по крайней мѣрѣ, въ своихъ подлинныхъ размѣрахъ, и не успѣлъ раздражить запахомъ своихъ приманокъ этой невинной земли и этого невиннаго воздуха, который обвѣваетъ ваше лицо и которымъ дышатъ ваши больныя легкія. И такая прелесть начинаетъ чувствоваться почти тотчасъ же, какъ только дорога, бѣгущая по кубанской степи, входитъ въ предгорія Кавказскаго хребта.

Кавказскій хребетъ, подходя къ Черному морю, какъ

будто бы смиряется и затихаетъ въ своемъ бунтовствѣ: довольно онъ намудрилъ и напугалъ человѣка тамъ, въ глубинѣ Кавказа; довольно онъ тамъ намучилъ его своими ущельями (какое скучное слово!), скалами, высовывающимися изъ облаковъ, ревущими рѣками и пропастями бездонными. Довольно онъ надивилъ, настращалъ и навосхищалъ васъ тамъ. «въ своихъ мѣстахъ», теперь—будетъ! Тамъ, въ своихъ-то мѣстахъ, онъ широко развернулся, самому небу доказалъ, на какія способенъ онъ чудеса, — теперь же пора и отдохнуть. И, приближаясь къ Черному морю, точно къ дому, откуда ушелъ гулять по бѣлу свѣту, онъ какъ будто отдыхаетъ отъ своихъ чудовищныхъ подвиговъ; идетъ онъ ровнымъ шагомъ и тихо улыбается вамъ, встрѣчному прохожему, мягкими, живописными очертаніями ничѣмъ не пугающихъ горъ, живописныхъ долинъ, глядя на которыя съ вершины этихъ смирныхъ высотъ, чувствуешь и видишь только одно, именно—какъ онѣ хороши, живописны, и нѣтъ того головокружительнаго ощущенія и мысли о возможности «помереть *не своею* смертью», которыя съ такой неистощимою любезностью преподносилъ вамъ на каждомъ шагу настоящій, головокружительный Кавказъ.

Отличная, ничѣмъ не уступающая военно-грузинской, шоссейная дорога, начиная отъ станціи Небережайской (послѣднее жилое мѣсто по дорогѣ отъ Екатеринодара въ Новороссійскъ), на протяженіи около тридцати верстъ идетъ между этими смирными горами, извиваясь поминутно такими же змѣиными изгибами, какъ и военно-грузинская, но безъ всякихъ по кожѣ подирающихъ свойствъ этой послѣдней. Дорога эта совершенно пустынна; двѣ почтовыя станціи да керосиновая передаточная станція (пробирается-таки, грѣховодникъ!)—вотъ все «жилое», попадающееся на этомъ пути вплоть до Новороссійска. Но именно въ этой-то пустынности и есть что-то необыкновенно дѣвственное, освѣжающее. Молодая трава, цвѣты, деревья, изгладившія малѣйшія впечатлѣнія старины, радуютъ тѣмъ, что никто, повидимому, еще не пробовалъ топтать эту траву и цвѣты и никто еще не замахивался топоромъ на эту юную растительность. Невинно, мягко, пушисто здѣсь все, въ этихъ смирныхъ и тихихъ горахъ.

Въ дни моей поѣздки, раннею весной, горы эти еще не были вполнѣ опушены листвой; лѣса, покрывающіе эти горы густою и частою, какъ шерсть, растительностью, почти еще голы; на темномъ фонѣ ихъ только ярко золо-

тятся желтые густые клубки распускающагося кизиля, а въ долинахъ бѣлѣютъ какъ снѣгъ бѣлымъ цвѣтомъ дикія яблони: все еще голо, но голо цѣломудренною наготой, провѣяно чистымъ весеннимъ воздухомъ, въ которомъ чуется еще свѣжая струйка гдѣ-то лежащаго снѣга, и вообще все юношески свѣжо.

Въ такія-то минуты я поистинѣ съ содроганіемъ «во всѣхъ суставахъ» заприметилъ въ этихъ дѣвственныхъ мѣстахъ явный слѣдъ «грѣховодника». Заприметилъ я какую-то тоненькую, дюйма въ два въ діаметрѣ, чугунную трубочку, которая по временамъ стала показывать свою змѣиную спину въ разныхъ мѣстахъ этихъ дѣвственныхъ долинъ.

«А вѣдь пробирается-таки, грѣховодникъ-то! Пробирается, анаѳема!»—съ истиннымъ ужасомъ и скрежетомъ зубовъ думалось мнѣ всякій разъ, когда мелькала желѣзная спина желѣзнаго червяка.

Увы, дѣйствительно пробирается желѣзный червякъ! Изъ разсказовъ фургонщика оказалось, что червякъ этотъ уже довольно давно воткнулъ свой желѣзный носъ въ нѣдра земли верстъ за 80 отъ Новороссійска, въ станицѣ Ильской, и уже давно высасываетъ эти нѣдра. Въ предгоріяхъ червякъ этотъ поднимается отъ земли и лѣзетъ либо на пригорокъ, либо перегибается черезъ вершину резервуара, откуда при помощи парового давленія нефть гонится до самаго Новороссійска черезъ горы, и до Новороссійска же доползаетъ и самъ желѣзный червякъ. И здѣсь, по другую сторону бухты, противъ того веселаго мѣста, которое именуется Новороссійскомъ, уже видны какія-то грѣховодниковы затѣи: резервуары, заводы, черный, точно изъ ада фыркающій дымъ—и нельзя не содрогаться всѣмъ существомъ, видя, что грѣховодникъ уже проложилъ дорогу. И насыпь желѣзной дороги, къ глубокому огорченію, кажется, почти уже готова до самаго моря! Пришелъ, пришелъ-таки грѣховодникъ. И было бы до глубины души обидно за эти дѣвственныя мѣста, если бы не существовало нѣкоторыхъ преградъ, самою природой противопоставляемыхъ успѣшному шествію грѣховодника и дающихъ нѣкоторое право задумываться надъ такимъ вопросомъ: «Да удастся ли еще и грѣховоднику-то затоптать и замусорить здѣшнія дѣвственныя мѣста?» Кое-что есть и противъ замысловъ грѣховодника, и на этомъ-то «кое-что» только и отдыхаетъ душа.

Прежде всего оказывается, что не даетъ грѣховоднику

ни проходу ни проѣзду такъ-называемый «трескунъ-камень». Желѣзной дорогѣ необходимо въ двухъ мѣстахъ пробиться черезъ горы этого самаго трескуна-камня, а трескунъ не пропускаетъ. Станутъ его рвать динамитомъ—думаютъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ камень, а онъ, вмѣсто того, чтобы разваливаться глыбами, какъ бы слѣдовало поступать настоящему камню, разлетается вдребезги пылью, разсыпается въ муку и засыпаетъ дорогу на томъ самомъ мѣстѣ, откуда его хотѣли удалить. Если же случится дождь, то трескунъ мгновенно превращается въ тѣсто, и тогда дорога оказывается залитой бездонной грязью, съ которой ничего не подѣлаешь. «Хорошо, подумалось мнѣ, поступаетъ съ грѣховодникомъ трескунъ-камень! Смертоубійственно и вмѣстѣ съ тѣмъ кротко дѣйствуетъ—это черта россійская!»

Не менѣе ядовито поступаетъ съ грѣховодникомъ и самое солнце кавказское. Какое оно чудное, животворящее! А тоже норовитъ подставить грѣховоднику ногу!

Здѣсь, на Кавказѣ, это ласковое солнце, какъ извѣстно, творитъ чистыя чудеса по части растительности. Въ годъ, въ два дерево вытягивается въ ростѣ вдвое-втрое противъ роста того же дерева въ средней или сѣверной Россіи. Но, вытягивая съ такой энергіей соки для питанія растенія изъ земли, то же самое солнце съ той же самой энергіей вытягиваетъ соки и изъ самаго растенія и изъ его плодовъ, которыми оно обильно его одаряетъ. Говорятъ, что доска изъ здѣшней сосны или дуба, какъ бы хорошо ни была высушена, подъ палящими лучами солнца скоро коробится, трескается по слоямъ, если только не защищена чѣмъ-нибудь постороннимъ,—напримѣръ, штукатуркой. Даже самый могучій дубъ, по словамъ мѣстныхъ хозяевъ, не стоитъ въ здѣшнихъ постройкахъ болѣе трехъ лѣтъ: солнце, напоившее и накормившее его, вытянетъ изъ него потомъ всѣ соки, расщеплетъ его, избороздитъ трещинами, весьма удобными для поглощенія дождевой влаги, которая, подъ тѣми же палящими лучами, испаряясь и тлѣя въ мертвомъ тѣлѣ дерева, способствуетъ его окончательному уничтоженію и разрушенію. Говорятъ, что фрукты въ горныхъ лѣсахъ Майкопскаго уѣзда и Черноморскаго округа, рождающіеся въ несмѣтномъ количествѣ, также весьма непрочны; груши и яблоки на видъ очень велики и очень крѣпки, но, сорванныя съ дерева, скоро портятся, и внутренность ихъ истлѣваетъ въ теченіе четырехъ-пяти дней.

То же самое (по разсказамъ случайно встрѣчавшихся

мѣстныхъ обывателей происходитъ и съ зерновымъ продуктомъ. Говорятъ, что хлѣбъ, воздѣлываемый по лѣвую сторону отъ Кубани, т.-е. въ самыхъ благодатныхъ мѣстахъ предгорій, такъ же красивъ на видъ, жиренъ, крупенъ, и такъ же, какъ и все, растущее на здѣшней жирной землѣ и подъ здѣшнимъ пламеннымъ солнцемъ, недолговѣченъ и непроченъ: за здѣшнимъ хлѣбомъ нуженъ постоянный и тщательный уходъ: провѣтриваніе, пересыпка, иначе онъ начинаетъ кишѣть паразитами и даже слипается въ пласты. Крупные хлѣботорговцы стараются купить такое количество хлѣба, которое могло бы пойти въ дѣло по возможности въ скоромъ времени, чтобы не держать это изнѣженное зерно въ амбарахъ, хотя бы этого требовали расчетъ и выгода. Изнѣженное зерно не выдерживаетъ продолжительнаго пребыванія въ амбарахъ и гніетъ. Кстати сказать, что это изнѣженное зерно такъ непохоже на наше, притерпѣвшееся ко всѣмъ случайностямъ, что опытный хлѣботорговецъ узнаетъ здѣшнее зерно по одному только взгляду. Нѣтъ въ немъ нашей ржаной «строгости». И вотъ такой-то изнѣженный хлѣбъ, изнѣженный лѣсъ, изнѣженный фруктъ и долженъ бы быть главнымъ кормильцемъ и поильцемъ строящейся желѣзной дороги, такъ какъ хлѣба кубанскихъ земель, лежащихъ по правую сторону Кубани, вѣроятно, пойдутъ къ Ростову, по крайней мѣрѣ, изъ сѣверной части Кубанской области. Но уже въ самой изнѣженности всѣхъ этихъ товаровъ таится нѣкоторое противодѣйствіе успѣхамъ грѣховодника, такъ какъ, кромѣ фруктовъ, лѣса и зерна, что же есть здѣсь другое? Есть, правда, скотъ и, вѣроятно, будетъ табакъ, но объ этомъ я не могу сказать ничего опредѣленнаго, хотя и сожалѣю, что грѣховоднику все-таки есть чѣмъ поживиться.

Однако же и это прискорбное обстоятельство значительно смягчается еще третьимъ, кромѣ перечисленныхъ выше, препятствіемъ грядущему грѣховоднику. И препятствіе это, пожалуй что будетъ поцѣннѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ: это — бухта. Она дѣйствительно похожа на котелъ и кипитъ какъ котелъ на огнѣ, когда начнетъ здѣсь свирѣпствовать нордъ-остъ, или по-здѣшнему *бора*. Порожняки-извозчики, переѣзжая въ такіе бурные дни черезъ горы, наполняютъ свои фургоны и телѣги камнями, иначе вѣтеръ снесетъ ихъ въ овраги, перевернетъ и изобьетъ какъ ему угодно.

— Иной разъ бываетъ такая штурма, — говорилъ мнѣ сторожъ на пристани русскаго общества пароходства: — не

привели Богъ! По цѣлымъ недѣлямъ не заходятъ пароходы: не пускаетъ буря. И якорь не держитъ,— дно каменное, не за что зацѣпить.

Разсказалъ онъ мнѣ, что будто бы хотятъ (не знаю, кто именно) рвать горы, окружающія бухту, динамитомъ, чтобы «въ родѣ какъ отдушины сдѣлать для воздуху, а то какъ надавитъ его сила, въ котелъ-то, такъ точно изъ громовыхъ раскрывается!»

Не знаю, была ли «штурма» въ то время, какъ я разговаривалъ со сторожемъ на пристани, но, пока шелъ разговоръ, я долженъ былъ изо всѣхъ силъ держать одною рукой шапку, а другою держаться за фонарный столбъ, потому что, на мой взглядъ, вѣтеръ рвалъ, какъ бѣшеный. Да и не только на пристани, а вотъ и въ гостиницѣ, все-таки на нѣкоторомъ разстояніи отъ самой «штурмы», и то приходится имѣть съ вѣтромъ безпрестанныя столкновенія! Гдѣ-нибудь отворятъ дверь, а вѣтеръ такъ ее затворитъ, что точно изъ пушки выпалитъ, и потрясетъ все зданіе. Покуда выбьешься изъ подъѣзда на улицу, необходимо имѣть продолжительную дуэль съ дверью подъѣзда, необходимо наступать на нее, собравъ всѣ свои силы, бросаться очертя голову, и вообще не бояться смерти.

Все это весьма меня радовало, и я съ удовольствіемъ подумывалъ о томъ, что, быть-можетъ, съ Божьей помощью, а также и съ помощью трескуна, изнѣженнаго зерна, неумолимой боры и капризной бухты,— быть-можетъ, грѣховоднику-капиталу и не удастся завоевать этихъ дѣвственныхъ мѣстъ, не придется «почавкать» своею сладострастною пастью всякаго свѣженькаго мясца и «прикушки свѣженькой изъ дѣвственныхъ мѣстъ повыточить».

Много-много здѣсь весьма благопріятныхъ условій для того, чтобы грѣховодникъ «не солоно хлебалъ» (такъ мнѣ казалось), но, къ несчастью, не меньше есть и признаковъ того, что грѣховодникъ чуетъ, что онъ близко, что онъ уже разѣваетъ свою пустопорожнюю пасть, и охотниковъ свѣженькой прикушки повыточить немало стремится въ эти дѣвственныя мѣста *).

Еще по дорогѣ въ Ростовъ, затѣмъ на Владикавказской линіи и далѣе, по станицамъ и по большой конной дорогѣ въ Новороссійскъ, постоянно встрѣчаются лица какихъ-то полутемныхъ біографій, мечтающіе и разсуждающіе о Ново-

*) Увы! Пришелъ-таки и разинулъ пасть.

россійскѣ. По разговору видно, что люди эти уже видали виды; бывали они и въ Бессарабіи, и Петербургъ знаютъ, да и въ Ташкентѣ, въ Закаспійскомъ краѣ, изучили положеніе дѣлъ и кармановъ и, убѣдившись, что вообще во всѣхъ видѣнныхъ ими мѣстахъ никакого карманнаго «толку нѣтъ» и что вообще все это «пустой разговоръ», въ концѣ концовъ норовятъ «попробовать и Новороссійскъ». Иные изъ нихъ откладываютъ эту пробу до того времени, когда будетъ открыта желѣзная дорога, а другіе и теперь ѣдутъ и обнюхиваютъ новое мѣсто.

Ѣдутъ какіе-то восточнаго типа верзилы въ фескахъ, съ удрученной походкой, съ безпомощно болтающеюся головой, какъ бы притягиваемой къ землѣ тяжеловѣснымъ восточнымъ носомъ; ѣдутъ они сюда съ какимъ-то непостижимымъ товаромъ, напоминающимъ обсахаренный мусоръ, взятый съ улицы, съ какими-то маленькими ягодами, перепачканными въ обсахаренную грязь; но ихъ верзильный ростъ и воловьи, съ тупымъ выраженіемъ, глаза заставляютъ думать, что имъ не чуждъ и тотъ родъ коммерціи, въ корнѣ котораго таится коммерческій пріемъ, опредѣляемый словами «сѣкимъ-башка».

И жидокъ, нервный, напряженно внимательный, проворный, какъ ртуть, шмыгая по дѣвственнымъ мѣстамъ изъ угла въ уголъ, норовитъ прицѣлиться своимъ проницательнымъ взоромъ къ чему-нибудь свѣженькому и сочному.

Наконецъ и наша великороссійская «бакалейная и мускательная» щетинистая рыжая борода по временамъ также сверкаетъ здѣсь бураками своихъ молодцовскихъ сапогъ. Выйдя съ постоялаго двора и перекрестившись большимъ крестомъ, она бодро отправляется развѣдывать и прицѣняться; тамъ запускаетъ руку въ возъ сѣна, выхватитъ клокъ, понюхаетъ и даже пожуетъ; тамъ въ горсти у нея окажется пшеничка, ячмень, овесъ: все это борода попробуетъ на зубъ, разгребетъ пальцемъ, подуетъ и на руку вѣсомъ прикинетъ, а потомъ крякнетъ и пойдетъ въ заведеніе пить чай, соображать и прикидывать «такъ и этакъ».

Но пока всѣ эти опыты всѣхъ охотниковъ «свѣженькой кровушки повыточить» не увѣнчиваются никакими положительными результатами. Сколько обнюхиватели новыхъ мѣстъ ни упражняютъ своего обонянія — нѣтъ! пока ниоткуда еще не несетъ падалью. Напротивъ, все еще дѣвственно, свѣжо и чисто. Попробуютъ они и «на зубъ», и «на языкъ», и на руку привѣсятся, и глазомъ прицѣлятся,

да съ тѣмъ пока и должны отправляться въ обратный путь, въ какія-нибудь новыя, уже тронутыя «грѣховодникомъ» мѣста,—напримѣръ, въ Екатеринодаръ.

Этотъ городъ дѣйствительно уже тронутъ практическимъ человѣкомъ. И хотя желѣзная дорога еще не открыта, но практическій дѣятель уже свилъ себѣ здѣсь прочное гнѣздышко, и, глядя на «процвѣтаніе» Екатеринодара, нельзя не порадоваться непроцвѣтанію Новороссійска: бухта — слава Создателю!—пустымъ-пустехонька; на пристани общества пароходства всего только пять керосиновыхъ бочекъ, съ десятокъ лодокъ у берега, на самомъ берегу штукъ пять не введенныхъ въ воду купаленъ—вотъ пока и все здѣшнее процвѣтаніе. Вся синяя, волнующаяся гладь залива, окаймленнаго дѣвственными горами, пока, слава Богу, чистехонька: ни лодочки, ни парохода, ни паруса! Ко всему этому ни у лодокъ, ни у купаленъ, ни на пристани около керосиновыхъ бочекъ нѣтъ ни единой человѣческой фигуры: ходитъ вѣтеръ да волны шумятъ, и никакой язвы покуда ниоткуда не видать...

Да и на берегу все, слава Богу, честно и благородно: домики стоятъ кое-гдѣ, «какъ Богъ привелъ»; живетъ ли кто въ нихъ—неизвѣстно; но все, благодареніе Богу, тихо. Амбарчики кто-то выстроилъ на «предбудущія времена», но «пока что», а амбарчики заперты наглухо, и напрасно нордъ-остъ стучитъ въ запертую желѣзную дверь и рветъ желѣзный висячій замокъ—ничего еще въ этихъ амбарчикахъ нѣтъ, а Богъ дастъ, такъ ничего и не будетъ!

— Что-то Богъ дастъ завтра!—оканчивая свой торговый день, говоритъ нашъ россійскій мужичокъ, выдвинувшій въ упоръ нордъ-осту и грядущему грѣховоднику-капиталу свой деревянный шалашикъ съ надписью: «кислощейное заведеніе съ продажею квасу». И нельзя не согласиться съ нимъ, что «завтра» для Новороссійска покрыто полнымъ мракомъ неизвѣстности.

Этотъ «кислощейный» мужикъ и этотъ дѣвственный Новороссійскъ—чрезвычайно похожи другъ на друга: мужичокъ выстроилъ на самомъ юру вѣтровъ шалашикъ изъ шести-семи нестроганныхъ тесинъ, прилѣпилъ вверху навѣса кислощейную вывѣску, повѣсилъ на стѣну «патретъ» и видъ Аѳонской горы, поставилъ на тесину, замѣняющую стойку, боченокъ съ квасомъ, три толстобокихъ стакана, пятокъ бутылокъ съ квасомъ, перекрестился и вмѣстѣ съ своей «бабой» сталъ ждать, «что будетъ». До сихъ поръ

пока ничего нѣтъ: только нордъ-остъ забирается ему подъ рубаху, вздуваетъ ее пузыремъ на его спинѣ. Что касается его «бабы», то и она пока имѣетъ дѣло только съ нордъ-остомъ: чуть вышла изъ будки, такъ вѣтромъ ее подхватитъ, раздуетъ весь ея «ситчикъ» и, того гляди, умчитъ невѣдомо куда. Идутъ и наши земляки мимо кислощейной, да вѣтрено, и пить холодно, неохота «пока», а носастые азіаты, такъ тѣ, проходя мимо, только косятъ глазами и на бочку и на вывѣску. Такъ и проходитъ день; а часовъ въ семь мужикъ съ бабой выберутся изъ будки, заставятъ ее досками, помолятся на небо, поклонятся на всѣ четыре стороны и идутъ домой, на фатеру, «пожевать» вѣсового хлѣба намѣсто ужина, идутъ и говорятъ:

— Что-то Богъ дастъ завтра?

А завтра тотъ же вѣтеръ, и все то же, что̀ и вчера. Такъ вотъ Новороссійскъ и живетъ, ничего не видя «настоящаго» сегодня и не зная, что̀ Богъ дастъ завтра!

Сегодня, чтобы какъ-нибудь истратить цѣлый праздный день, остающійся въ моемъ распоряженіи до прихода парохода, я задумалъ совершить цѣлыхъ пять дѣлъ и зайти въ пять разныхъ мѣстъ, полагая, что на эти пять дѣлъ уйдетъ все-таки хоть два часа времени. Задумалъ я пойти на пристань, на почту, на телеграфъ, въ лавку купить чаю и наконецъ остричься.

Послѣ кровопролитной и продолжительной битвы съ дверью подъѣзда, во время которой я два раза почти уже одержалъ побѣду и проникалъ на улицу, но тотчасъ же былъ вдуваемъ или даже вбиваемъ вѣтромъ во-внутрь гостиницы, точно такъ, какъ пулю вбиваетъ шомполъ въ дуло ружья,— послѣ всѣхъ этихъ мученій, я въ концѣ концовъ очутился все-таки на улицѣ и здѣсь, оглядѣвшись, къ крайнему сожалѣнію моему, увидѣлъ, что всѣ пять мѣстъ, которыя я задумалъ посѣтить, находятся тутъ же, чуть не у самаго подъѣзда, сосредоточиваясь такимъ образомъ всѣ въ одномъ мѣстѣ: въ двухъ шагахъ почта, еще два шага—телеграфъ, черезъ дорогу «бакалейная и мускательная», а въ десяти шагахъ и пристань. Все это, при дѣятельномъ участіи нордъ-оста, я посѣтилъ не болѣе какъ въ пять минутъ, и мнѣ оставалось одно утѣшеніе — парикмахерская, гдѣ ужъ навѣрное я пробуду минутъ пятнадцать и такимъ образомъ хоть эти пятнадцать минутъ отниму у совершенно празднаго дня. Парикмахерская опять-таки оказалась «тутъ же», въ двухъ шагахъ, и была

также совершенно дѣвственна; на дверяхъ были нарисованы люди: одного бреютъ, у другого отворяютъ кровь,—рисунки, какъ видите, почти столь же древніе, какъ и византійскія фрески. У самой двери на полочкѣ стояли «банки» и лежали машинки для кровопусканія — тоже инструменты, давно исчезнувшіе изъ современной парикмахерской. Въ комнатѣ было накурено, такъ какъ въ ней отъ-нечего-дѣлать и, очевидно, въ ожиданіи «что Богъ дастъ завтра» сидѣли разные люди восточнаго, еврейскаго и россійскаго типа изъ числа «присматривающихся», «прицѣливающихся глазомъ», пробующихъ и на языкъ и на зубъ и вообще ожидающихъ у моря погоды. Дѣлать имъ было, очевидно, ровно нечего, и они все свое вниманіе сосредоточили на мнѣ и на парикмахерѣ, который меня стригъ; они такъ же, какъ и я, наклоняли голову въ ту сторону, въ которую парикмахеръ наклонялъ мою, дѣлали такія же гримасы, какія приходилось дѣлать мнѣ, даже дѣлали замѣчанія.

— Пожалуйста, уха барину не отрѣжь ножницамъ!—сказалъ какой-то азіатъ.—Ти минѣ уха рѣзалъ!

— Зачѣмъ намъ ухо рѣзать! Слава Богу, кажется, на своемъ вѣку довольно практиковалъ!

Но и это занятіе, къ сожалѣнію, весьма скоро прекратилось. Прекратилъ его я самъ, испугавшись какой-то горчичницы, изъ которой парикмахеръ хотѣлъ что-то вылить мнѣ на темя. Поблагодаривъ его за услугу, я поспѣшилъ уйти, и затѣмъ мнѣ ничего иного не оставалось, какъ возвратиться въ гостиницу, т.-е. сдѣлать еще только два шага.

Гостиница пуста: кромѣ меня и какого-то чернаго человѣка,—очевидно, съ полутемной біографіей и таинственнымъ большимъ узломъ съ таинственнымъ товаромъ, сидящаго въ темномъ номерѣ,—никого нѣтъ. Въ залѣ накрытъ общій столъ и стоитъ открытое піанино; но никто не играетъ и никто ничего не ѣстъ. Лакей спитъ; поспитъ, встанетъ, обмахнетъ салфеткой лампу, графинъ, вздохнетъ и опять сядетъ къ столу—дремать на своихъ локтяхъ. Тишина мертвая; только вѣтеръ свищетъ въ окнахъ, въ дверяхъ, въ трубѣ, въ заслонкѣ, да кошка мяукаетъ безпрестанно. Весь домъ, въ ожиданіи «не будетъ ли чего-нибудь», предпочитаетъ дремать и даже, кажется, спитъ. На площади передъ окнами стоитъ одинъ ломовой извозчикъ и идетъ одинъ прохожій.

Надо спать. И спать здѣсь хорошо, да и проснувшись, также хорошо себя чувствуешь: необыкновенно пріятно побыть нѣкоторое время въ такомъ «мѣстѣ», гдѣ ничего не знаешь о прошедшемъ, гдѣ нѣтъ ничего въ настоящемъ и гдѣ поэтому не безпокоитъ мысль о будущемъ. Тишина, вѣтеръ—и ровно ничего такого, что бы могло навести на какія-нибудь личныя воспоминанія о прошломъ и предаться поэтому невеселымъ думамъ о всякихъ пережитыхъ тяготахъ и безплодно утраченныхъ годахъ. Правда, приходили терзать меня и такія думы и воспоминанія, но систематическое отсутствіе впечатлѣній, упорная тишина, упорный шумъ вѣтра, пустота улицы и дома преодолѣвали напряженность мысли о прошломъ и дѣлали мысль совершенно свободной, вольной. А разъ ей, этой наболѣвшей мысли, выпала на долю такая счастливая минута, не захочетъ она добровольно утомлять себя, умственно возвращаясь къ покинутымъ воспоминаніямъ о тяготѣ жизни. Почувствовавъ себя на полной свободѣ, она, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки, летитъ къ свѣту и къ солнцу.

Вотъ такое-то стремленіе овладѣло и моей мыслью, которой въ этомъ миломъ «мѣстѣ», именуемомъ Новороссійскъ, не за что было ухватиться, чтобы заскучать и затосковать, и потому мнѣ стало припоминаться только то, что оставило въ душѣ свѣтлый слѣдъ. А на мое счастье, одна только недѣля переѣзда отъ Петербурга до Новороссійска, т.-е. одна недѣля самаго поверхностнаго соприкосновенія съ живою жизнью русскаго народа, уже много дала мнѣ радостныхъ минутъ. Объ этихъ-то радостныхъ минутахъ я и сталъ думать среди моего прекраснѣйшаго и ненарушимаго одиночества и, думая, ясно понялъ, почему мнѣ стало теперь такъ весело на душѣ, почему меня такъ обрадовали и эти тихія горы, и этотъ «трескунъ», и нордъ-остъ, и вообще все, что видѣлъ мой глазъ. Была этому началу радости серьезная причина и заключалась она въ слѣдующемъ.

3.

Наслушавшись въ Ростовѣ на станціи разговоровъ между проѣзжими о томъ, что новая дорога отъ ст. Тихорѣцкой до Новороссійска уже дѣйствуетъ и что по ней уже ѣздятъ, хотя она официально и не открыта, я задумалъ и самъ проѣхаться по ней и посмотрѣть на новыя невиданныя мною мѣста. Но при первой же справкѣ у начальства ока-

залось, что поѣзда ходятъ только служебные, а пассажировъ не принимаютъ. Такой неласковый отвѣтъ начальства далъ мнѣ поводъ опять загрустить о чемъ-то.

Нужно сказать, что при всей моей радости видѣть живую жизнь, тоска, намучившая меня въ Петербургѣ, постоянно мѣшала моимъ веселымъ впечатлѣніямъ въ первые дни поѣздки. Маленькія радости поминутно омрачались привычной болью изломаннаго сердца, и на смѣну вотъ этой капелькѣ тепла, живой радости — грубо надвигались черныя и какъ ледъ холодныя воспоминанія. Мгновеніями казалось, что въ такомъ настроеніи и ѣхать-то некуда и не зачѣмъ, и малѣйшая непріятность, даже простое неудобство, положительно сокрушали и обезсиливали, такъ какъ трогали уже изболѣвшіе отъ черныхъ впечатлѣній нервы, уничтожали надежду на что-нибудь радостное, обезсиливали. Вотъ въ такое-то обезсиленное, близкое къ полной тоскѣ, состояніе привелъ меня и такой пустякъ, какъ отказъ «начальства» въ билетѣ на проѣздъ отъ Тихорѣцкой станціи до Екатеринодара. Стало мнѣ какъ-то непомѣрно скучно и тяжко, но это продолжалось, по обыкновенію, только мгновеніе, тѣмъ болѣе, что и само Провидѣніе уже пеклось обо мнѣ.

Въ то время, когда я шелъ разочарованный послѣ разговора съ начальствомъ, на меня пристально и по-отечески смотрѣли ласковые глаза какого-то россійскаго человѣка. Это былъ какой-то низшій желѣзнодорожный служитель въ рабочей блузѣ, съ бляхой и въ черномъ картузѣ съ бѣлымъ позументомъ. Его доброе, мягкое сердце, вѣроятно, почуяло, что у меня на душѣ нескладно, что мнѣ не весело, и онъ, какъ добрый человѣкъ, должно-быть, подумалъ обо мнѣ:

«Зачѣмъ ему начальникъ непріятныя слова говоритъ? Лучше же ему пріятныя слова говорить, а не то что обижать!.. Все одно: на новую дорогу его не пустятъ, а ежели съ нимъ по-пріятному поговорить, такъ все же ему будетъ легче. Пойду-ка я ему поговорю по-пріят-но-му-то!.. Пускай же онъ хошь повеселѣй... не доѣдетъ!»

Сообразивъ и обдумавъ все это, добрый человѣкъ кашлянулъ, поправилъ кожаный поясъ, развеселилъ свое лицо и ласково сказалъ, подойдя ко мнѣ съ картузомъ въ рукахъ:

— Вы что̀ такое, вашскобродіе, у обера спрашивали?

Я сказалъ и спросилъ его:

— Даютъ ли, по крайней мѣрѣ, на Тихорѣцкой-то билеты?

Добрый человѣкъ, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ такой видъ (фыркнулъ въ сторону и картузомъ закрылъ полъ-лица), что далъ мнѣ полную возможность видѣть, до какой степени разсмѣшилъ его мой нелѣпый вопросъ.

— Да сколько вамъ будетъ угодно, столько вамъ билетовъ и дадутъ! — какъ бы оправившись отъ комическаго положенія, въ которое я его поставилъ, сказалъ онъ самымъ успокоительнымъ и убѣдительнымъ тономъ.

— Будто дадутъ?

— И, будьте такъ добры, оставьте!

— Вотъ это славно!

— И сколько вамъ угодно! И очень просто! Какъ сейчасъ пріѣхали и сейчасъ взяли билетъ и больше ничего — поѣзжайте съ Богомъ!

— Отлично!

— И ни Боже мой, нисколько! А какъ будетъ звонокъ, тогда я прибѣгу за вашимъ чемоданчикомъ, извольте только помнить седьмой номеръ... И билетикъ до Тихорѣцкаго возьму и мѣсто займу!

— Ну, спасибо! Отлично!

Онъ такъ пріятно говорилъ, что я тутъ же счелъ нужнымъ его поблагодарить «въ руку».

— А вы, — продолжалъ онъ, изыскивая новые способы проявить свою ласковость: — а вы извольте спокойно гулять, чай кушать. Или порціями чего-нибудь, что потребуется, и нисколько не опасайтесь! Сколько потребуется билетовъ, столько и дадутъ, и поѣдете съ Богомъ, пріятнымъ манеромъ... Даже и насмѣшили вы меня, господинъ, вашими словами, ей-Богу!.. Да сколько только угодно!..

— Ну, спасибо, спасибо! Благодарю очень!

Пріятныя слова добраго человѣка дали мнѣ возможность въ самомъ пріятнѣйшемъ расположеніи духа провести время въ ожиданіи поѣзда, въ такомъ же пріятнѣйшемъ состояніи ѣхать всю дорогу до Тихорѣцкой, да и тамъ, когда оказалось, что добрый человѣкъ единственно только изъ-за своей доброты создалъ легенду о раздачѣ билетовъ, и тамъ мнѣ не было скучно, потому что легенда была веселая и выдумана не подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій. «Добрый человѣкъ!»—думалось мнѣ, когда я окончательно убѣдился, что билетовъ нѣтъ и что вмѣсто нихъ только одна пріятная легенда. За эту пріятную легенду я и сей-

часъ благодаренъ доброму человѣку, потому что ей я обязанъ хотя и совершенно случайной, но въ высшей степени радостной встрѣчей съ одною переселенческою партіей крестьянъ.

Когда эпизодъ съ легендой о билетахъ (просьба у начальника станціи, оберъ-кондуктора, даже буфетчика и постоянные отвѣты—«Нѣтъ! Невозможно! Не дозволяется!») былъ совершенно законченъ, т.-е. когда поѣздъ ушелъ, станція совершенно опустѣла и мнѣ пришлось искать себѣ ночлега, тогда, оставивъ свои вещи у сторожа, я вышелъ со станціи на какое-то огромное пустопорожнее безмолвное пространство и, оглядѣвшись, запримѣтилъ вдали мельканіе нѣсколькихъ огоньковъ. На эти огоньки я и пошелъ.

Свѣтилось по русскому обычаю въ самомъ популярномъ и передовомъ во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ учрежденіи—въ кабакѣ. Рядомъ съ кабакомъ былъ и трактиръ съ «номерами», гдѣ мнѣ пришлось взять комнату, такъ какъ на станціи не было ни малѣйшихъ удобствъ для пріѣзжающихъ. Но номеръ былъ такъ малъ, душенъ, грязенъ и вообще невозможенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что, помаявшись въ немъ часа два, я не выдержалъ и вышелъ на улицу.

Было темно; тучи застилали мѣсяцъ, который какъ будто силился выглянуть и высвободиться изъ этой темноты, но темнота упорно въ этомъ ему препятствовала. Едва можно было разглядѣть человѣческія фигуры, длиннымъ рядомъ сидѣвшія на длинной лавкѣ у забора, примыкавшаго къ воротамъ трактира. Кое-какъ оглядѣвшись въ темнотѣ и примѣтивъ на концѣ лавки кусокъ свободнаго мѣста, присѣлъ въ компанію къ этимъ неяснымъ фигурамъ и я. На мое счастье мѣсяцъ вырвался-таки изъ тюрьмы весеннихъ тучъ и осіялъ всю окрестность на огромное пространство. Ясно очертились недостроенные корпуса будущей большой станціи. Засверкали на двухъ-трехъ изъ новаго теса сколоченныхъ бивачныхъ лавкахъ золотыя буквы вывѣсокъ, стали видны тамъ и сямъ крыши бараковъ для рабочихъ и наскоро сколоченныя помѣщенія для служащихъ—вотъ и все, что осіялъ вырвавшійся изъ тучъ мѣсяцъ. Никакихъ иныхъ сооруженій, кромѣ кабака и трактира, о которыхъ я уже упоминалъ, на ровномъ, безконечномъ пространствѣ, очертившемся подъ сіяніемъ луннаго свѣта, не было видно кругомъ. И, несмотря на эту пустынность, къ моему боль-

шому огорченію, ужъ и сюда набрело немало всякаго случайнаго человѣка, который плетется на будущія грѣховодниковы приманки со всѣхъ концовъ Руси и во всѣ концы Руси. Мѣсяцъ, осіявшій окрестности, осіялъ и моихъ сосѣдей, и я увидѣлъ сразу, что народъ этотъ—низшій сортъ, но непремѣнный спутникъ грѣховодника, вторгающагося во всѣ наши «непочатые углы». Должно-быть, что города наши, гдѣ грѣховодникъ успѣлъ уже развернуться вполнѣ, накопили этого темнаго народа такъ много, что онъ вынужденъ расползаться не только по селамъ и деревнямъ, но даже и по такимъ пустырямъ, какъ то мѣсто, гдѣ мы теперь находились вмѣстѣ съ моими сосѣдями по лавкѣ.

Сосѣди эти по временамъ вставали съ лавки и уходили въ кабакъ, и фонарь, висѣвшій надъ дверью кабака, давалъ мнѣ возможность довольно отчетливо разсмотрѣть моихъ сосѣдей, ихъ фигуры и костюмы: резиновая калоша на одной ногѣ, а на другой ничего, штанина, разорванная до колѣна, рукава какихъ-то разорванныхъ во всѣхъ направленіяхъ хламидъ, такъ же, какъ и хламиды, разорванныя до локтя,—вотъ костюмы, и ко всему этому охрипшія горла, сиплые голоса. Разговоры этихъ охриплыхъ людей были совсѣмъ не крестьянскіе, т.-е. не о *своихъ дѣлахъ*, а какъ разъ наоборотъ—о чужихъ; мои собесѣдники обсуждали положеніе дѣлъ, обозрѣвали текущія событія, «новости дня», какъ бы ища въ этомъ матеріалѣ чего-то подходящаго. И опять-таки ужасно: «новости дня» даже и въ такомъ-то пустопорожнемъ мѣстѣ, какъ недостроенная станція, уже изобилуютъ всякою несносною кляузой и мутью.

— Завтра, вишь,—хрипитъ и лаетъ обозрѣватель тихорѣцкихъ новостей дня:—слѣдователь пріѣдетъ.

— И-ну?—могильнымъ голосомъ, въ которомъ слышится испугъ и даже ужасъ, не вопрошаетъ, а какъ-то стонетъ человѣкъ въ резиновой калошѣ.—Чего ему?

— Хайкину лавочку будутъ обыскивать... Заклады беретъ, деньги даетъ пустяковыя, а выкупить не позволяетъ, упирается... У Сашки серебряный порцыгаръ такъ-то пропалъ.

— А цепочку тоже Сашка-то закладывалъ?

— Эта цепочка у Михайлы пропала. Сашка не закладывалъ.

Обозрѣватели полагаютъ, что Хайка непремѣнно должна вывернуться, такъ какъ Хайка заручилась отличнѣйшимъ адвокатомъ. Вонъ ужъ и адвокатъ завелся на пустомъ мѣ-

стѣ, и на томъ же пустомъ мѣстѣ завелось адвокату дѣло. И сколько дѣлъ! Вотъ хоть бы этотъ кабакъ: вѣдь кажется, что и стоитъ-то онъ на этомъ пустомъ мѣстѣ безъ году недѣлю, а ужъ «дѣло» опутало его со всѣхъ сторонъ! По закону выходитъ такъ, что трактирщикъ долженъ сломать цѣлыхъ полъ-дома, именно ту часть, гдѣ находится кабакъ. Если онъ полъ-дома разломаетъ, то поступитъ по закону. Если же не разломаетъ и не перенесетъ кабака на законное разстояніе, то онъ поступаетъ противъ закона и долженъ отвѣтить. Безъ адвоката, какъ видите, выпутаться невозможно, и адвокатъ, какъ я слышалъ отъ обозрѣвателей «дня», изловчается. Онъ хочетъ оставить и кабакъ и трактиръ на томъ же мѣстѣ, при чемъ все выйдетъ «по закону». Будетъ дѣло поставлено такъ: теперь крыльцо въ кабакъ прямо съ улицы, и если мѣрять отъ станціи до крыльца, то кабакъ будетъ противозаконный. Адвокатъ, обороняясь бумагами, въ то же время придумалъ слѣдующее: дверь съ улицы забить наглухо, а входъ въ кабакъ сдѣлать сбоку дома, изъ заднихъ сѣней. Такимъ образомъ, если смѣрить отъ станціи до заднихъ сѣней, то окажется, что кабакъ имѣетъ «противъ закона» еще преимущество на двѣ съ половиной сажени.

— Одно слово—башка!—хрипѣлъ обозрѣватель.—Здорово счистилъ съ трактирщика, а удѣлаетъ!

— Да, стóитъ!

Немало въ самое короткое время наслушался я такихъ «новостей дня», и все самаго темнаго свойства; право, нельзя было не надивиться той поразительной быстротѣ, съ которою «рубль» въ столь короткое время умѣетъ собирать вокругъ себя такую пропасть всей этой мути.

Вѣдь давно ли, кажется, то самое мѣсто, гдѣ мы теперь сидимъ на лавочкѣ, было все чисто и свѣтло, и ничего здѣсь не было, кромѣ степной травы; но вотъ пришло «предпріятіе», запахло наживой, «оборотомъ», и уже все тутъ есть: «и часы пропали... и въ залогъ принимаетъ... и адвокатъ наживаетъ... и слѣдователь ѣдетъ... и запечатывать хотятъ», а затѣмъ ужъ и судъ и острогъ рисуются въ перспективѣ. Какая пропасть «дѣлъ» и людей, которые живутъ «вокругъ» этихъ дѣлъ! И какая скука отъ всего этого!

Опять затуманили мою голову тоскливыя мысли, и я хотѣлъ-было оставить моихъ сосѣдей, господъ обозрѣвателей новостей дня, когда мое вниманіе было привлечено боль-

шой толпой простого народа, двигавшеюся по ярко освѣщенной мѣсяцемъ площади. Ближе и ближе—слышенъ звонкій и частый женскій и дѣтскій говоръ и смѣхъ—и цѣлая масса женщинъ съ грудными дѣтьми, молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, мальчишекъ и подростковъ, лѣтъ по двѣнадцати, проходитъ мимо насъ, проходитъ съ живымъ говоромъ всей толпы, пискомъ ребятъ и смѣхомъ молодежи.

Дойдя до кабака, толпа остановилась, долго говорила тѣмъ чуднымъ, общимъ говоромъ, который пріятенъ и радостенъ ужъ тѣмъ, что вамъ до-нельзя хочется проникнуть въ его смыслъ, какъ хочется понять тайну того, о чемъ шумитъ рѣка, о чемъ шумитъ лѣсъ, что̀ творится въ тайнахъ облаковъ и свѣтлаго неба. Въ этомъ говорѣ—не новости дня, а дѣло вѣчной, не умирающей жизни. Поговоря у кабака про свои живыя дѣла, толпа женщинъ прямо прошла въ кабакъ, вытѣснила оттуда всѣхъ оставшихся тамъ посѣтителей и въ одно мгновеніе заполонила обѣ его комнаты: одну, гдѣ пили водку, и другую, гдѣ стоялъ бильярдъ. Бильярдъ мгновенно былъ заваленъ полушубками, кошмами, подушками, на которыя бабы уложили своихъ дѣтей, которыхъ буквально были десятки. Скоро и на полу, и подъ бильярдомъ, и по лавкамъ—повсюду стали размѣщаться бабы, раздѣваясь, молясь Богу, нянчая и баюкая ребятъ. Какъ пчелиный улей, зашумѣлъ и зажужжалъ сразу сдѣлавшійся тѣснымъ кабакъ, зашумѣлъ и зажужжалъ сотнею дѣтскихъ и женскихъ звонкихъ голосовъ.

Оказалось, что по ту сторону станціи желѣзной дороги, за полотномъ, размѣстилась большая партія переселенцевъ. На ночь, для ночлега женщинъ и дѣтей, переселенцы сняли помѣщеніе у трактирщика въ кабакѣ– по пяти копеекъ за ночь съ человѣка, а мужчины ночуютъ около телѣгъ и лошадей въ полѣ. Поговорить и поразспросить кого-нибудь изъ женщинъ о подробностяхъ ихъ переселенія оказалось неудобнымъ—всѣ онѣ устали, заняты были ребятами, и вообще имъ было не до разговоровъ. Волей-неволей пришлось отложить всѣ разговоры и разспросы до утра, когда, по словамъ одной женщины, должны были придти къ нимъ мужики пить чай, брать воду. Нечего было дѣлать, надобно было ждать до утра, и я, кое-какъ промаявшись ночь въ моей клѣтушкѣ, утромъ, часу въ шестомъ, былъ уже опять на улицѣ, уже разговаривалъ съ переселенцами, и вотъ они мнѣ что̀ разсказали.

Они—бывшіе крѣпостные крестьяне Кочубея, идутъ изъ

Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, въ количествѣ ста восьмидесяти семей; идутъ они, конечно, отъ тѣсноты и недостатка земли, по направленію къ Екатеринодару. Въ тридцати верстахъ отъ этого города, у нѣкоего землевладѣльца г. Воловика, купили они 2.000 дес. земли, изъ которыхъ около двухсотъ десятинъ строевого лѣсу въ предгорьяхъ. Покупка эта сдѣлана по публикаціи самого г. Воловика, кажется, въ «Сельскомъ Вѣстникѣ». Прочитавъ эту публикацію, они отправили ходоковъ осмотрѣть мѣсто; ходоки осмотрѣли, нашли мѣсто удобнымъ и дали владѣльцу 10 т. задатка. Но такъ какъ покупка земли была не общественная, а единичная, и сто восемьдесятъ домохозяевъ покупали каждый отдѣльно и «по деньгамъ», то для окончанія этого дѣла г. Воловикъ самъ долженъ былъ (на счетъ переселенцевъ) пріѣхать въ Черниговскую губернію, въ Борзенскій уѣздъ, и заключить съ каждымъ отдѣльно особыя частныя условія, а затѣмъ всѣ сто восемьдесятъ домохозяевъ, желая получить ссуду изъ Крестьянскаго банка, ходатайствовали объ этой ссудѣ уже отъ имени цѣлаго общества.

За двѣ тысячи десятинъ съ лѣсомъ и пятьюдесятью избами (въ этихъ избахъ жили, до покупки земли крестьянами, также крестьяне, только арендаторы; послѣ продажи земли г. Воловикъ перевелъ ихъ на другой свой участокъ и будто бы вознаградилъ за постройки) они заплатили шестьдесятъ тысячъ рублей; изъ нихъ сорокъ пять тысячъ рублей заплачены самими крестьянами, а пятнадцать тысячъ, по 7 руб. за десятину, далъ Крестьянскій банкъ. Количество купленной крестьянами земли распредѣляется между отдѣльными домохозяевами примѣрно такъ: самое меньшее— шесть десятинъ и самое большее — сорокъ. Откуда взяли крестьяне сорокъ пять тысячъ наличныхъ денегъ? Деньги эти получились отъ продажи земли на родинѣ. Тамъ они продали свою землю не менѣе 150 р. за десятину и до 200 р. Одинъ переселенецъ продалъ только двѣ десятины земли съ усадьбой и взялъ за эту усадьбу двѣ тысячи рублей. Денегъ отъ продажи земли и скота у нихъ образовалось вполнѣ достаточно для того, чтобы переселиться не съ голыми руками; напротивъ, деньги на обзаведеніе, на покупку всего необходимаго, были у нихъ въ весьма достаточномъ количествѣ. Покупка состоялась въ прошломъ году, и тогда же, осенью, изъ Борзенскаго уѣзда они отправили на новую землю шестьдесятъ человѣкъ изъ своихъ товарищей,

которые распахали часть земли подъ озимое, засѣяли ее и воротились назадъ. Теперь такимъ образомъ переселенцы имѣютъ уже хлѣбъ на весь будущій годъ.

Въ Тихорѣцкой станціи они очутились по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ очутился и я, т.-е. думали проѣхать по желѣзной дорогѣ до Екатеринодара; но дорога не согласилась исполнить ихъ желаніе, и они, нисколько, впрочемъ, не унывая, живутъ здѣсь, ожидая прихода по желѣзной дорогѣ вещей и разной клади, нѣсколько сотъ пудовъ, закупая у окрестныхъ жителей лошадей и подводы для перевозки ея и семействъ. Прежде чѣмъ приступить къ этой покупкѣ, они пробовали еще разъ по телеграфу ходатайствовать у правленія дороги о перевозкѣ, но все-таки получили отказъ. Кстати сказать, телеграфъ много сдѣлалъ имъ добра, и они очень навострились имъ орудовать; всѣ важнѣйшія операціи относительно г. Воловика, Крестьянскаго банка и желѣзныхъ дорогъ—они обдѣлывали по телеграфу безъ проволочекъ. Благодаря разумному веденію дѣла, они добились того, что переѣздка отъ ст. Плиски Курско-Кіевской дороги до Ростова обошлась имъ всего по 8 руб. на взрослаго человѣка и по 4 руб. на подростка.

Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ, повторяю, уже на другой день, разговорившись съ переселенцами, пришедшими къ женамъ и дѣтямъ. И разсказы ихъ и сами они произвели на меня самое радостное впечатлѣніе.

Какъ видите, эта переселенческая партія—партія совершенно не нищенская; у нея есть достатокъ; есть все, что нужно; всѣ дѣла свои она сдѣлала умно, расчетливо, безъ умопомраченія, и пріѣхала именно туда, куда ей слѣдовало пріѣхать, а не колесить невѣдомо гдѣ, прося «Христа ради» подъ окнами, какъ это часто бываетъ съ нашими переселенцами, идущими на «бѣлыя воды». Почти всѣ сто восемьдесятъ семей были семьи молодыя. За исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ и старухъ, принадлежащихъ къ большимъ семьямъ, положительно всѣ остальные мужчины были никакъ не старше 30 — 35 лѣтъ. Это было уже новое, послѣ-реформенное поколѣніе крестьянъ; гораздо больше половины взрослыхъ были грамотные, а подростки—грамотны всѣ; вся толпа мужчинъ и женщинъ, парубковъ и дивчатъ была просто какъ на подборъ: молодые, здоровые, ни капельки не забитые, безъ малѣйшихъ признаковъ какого-либо ярма, которое когда-то лежало на нихъ. Единственное, что было въ ихъ прошлой, недавней жизни тяжкаго и

непріятно вспоминаемаго, это, кромѣ малоземелья, «панъ» вообще и, къ сожалѣнію, рядомъ съ паномъ «жидъ». Но теперь, избавившись отъ наемной работы и отъ жидовской кабалы, они вспоминали о томъ и другомъ не иначе, какъ въ смѣхотворной анекдотической формѣ. На панской работѣ,—для потѣхи разсказываютъ они теперь,—кормятъ такимъ борщемъ, что когда остатки его выльютъ на землю, то всякая собака, которая подойдетъ и понюхаетъ, начинаетъ лаять и бѣсноваться—такой славный у этого борща запахъ и вкусъ!

— А жидъ?

Жидъ много дѣлалъ зла, но и жидовское зло вспоминается теперь только въ смѣхотворномъ видѣ.

Приходитъ крестьянинъ къ жиду, проситъ рубль серебромъ въ долгъ на одинъ годъ и даетъ въ закладъ полушубокъ. Жидъ беретъ полушубокъ и говоритъ, что процентовъ на рубль въ годъ будетъ тоже рубль. Мужикъ согласенъ и взялъ рубль. Но только-что онъ хотѣлъ уйти, какъ жидъ говоритъ ему:—«Послушай, тебѣ вѣдь все равно, когда платить проценты, теперь или черезъ годъ? Теперь или черезъ годъ—все равно вѣдь отдашь рубль?» Мужикъ соглашается съ этимъ и говоритъ: «Все равно!» — «Такъ отдай теперь и ужъ не безпокойся цѣлый годъ». Мужикъ и съ этимъ соглашается и отдаетъ рубль, чтобы ужъ совсѣмъ не безпокоиться о процентахъ. Отдавъ рубль, онъ приходитъ домой и безъ денегъ, и безъ полушубка, и въ долгу.

А то вотъ и еще.

Къ шинкарю приходитъ крестьянинъ и проситъ въ долгъ четверть вина: у него ребенокъ умеръ, надобно справлять похороны.—«Деньги есть?»—«Нѣтъ, нѣтъ денегъ!» — «Ну, убирайся къ чорту!» Мужикъ уходитъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять возвращается.—«Принесъ деньги?»—спрашиваетъ шинкарь.—«Нѣтъ, не принесъ... Я воротился попросить, чтобы ты хоть этой-то четверти не приписывалъ!», т.-е. не приписывалъ бы той четверти, которую мужикъ только заикнулся попросить.

Въ этомъ родѣ было разсказано множество преядовитыхъ исторій, но всѣ онѣ, рисуя дѣйствительно большую кабалу, были въ разсказчикахъ смягчены радостнымъ сознаніемъ того, что все это кончилось, осталось тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, и не повторится никогда.

Глядя на этихъ здоровыхъ, свободныхъ, не голодныхъ, не холодныхъ, хорошо, тепло, красиво одѣтыхъ въ само-

дѣльное и самотканное платье людей, слушая ихъ свободную, остроумную рѣчь, я рѣшительно позабылъ самое слово *мужикъ*. Да, это настоящіе *свободные люди*—именно *люди*, независимые вполнѣ, такъ какъ надъ ними нѣтъ теперь даже ненавистнаго жида. Это, несомнѣнно, была счастливая, рѣдкая встрѣча, но, благодаря ей, я могъ опять вспомнить самое важное и самое главное, что̀ таится въ самой сущности строя народной жизни.

Этотъ строй и эта сущность затемнились для насъ народнымъ разстройствомъ, неурядицами народной жизни, независящими отъ народа, и вмѣсто важнаго и главнаго насъ въ народѣ поражаютъ и останавливаютъ наше вниманіе его невольныя уклоненія отъ этой сущности, раны и язвы, покрывающія ее, которыя мы часто смѣшиваемъ съ непримѣчаемою нами сущностью типа народной жизни, дѣлаемъ признакомъ особенностей народной жизни то, что̀ въ сущности составляетъ только признакъ ея уродства, болѣзнь, а не самую сущность. Нищета, умственная робость и темнота, забитость, стонущая безпомощность растеряннаго человѣка, кроткая покорность безжалостной судьбѣ, никакихъ такихъ—весьма, впрочемъ, обычныхъ для нашего крестьянина — искаженій его человѣческой личности не было въ той большой толпѣ крестьянъ-переселенцевъ, которая мнѣ встрѣтилась, и вотъ потому, что, быть-можетъ, случайно на ихъ долю выпало счастье освободиться отъ всѣхъ этихъ язвъ, вовсе не составляющихъ непремѣнную принадлежность жизни трудового народнаго типа,—сущность-то этого народнаго типа жизни и выяснилась предо мною во всей своей широтѣ и прелести.

Не «мужики» были предо мною, не труженики, не подвижники, не самоотверженныя или подвижнически цѣломудренныя существа, наконецъ вообще не взрослыя дѣти—нѣтъ!—а только *свободные, независимые* люди. Каждый изъ нихъ, выражаясь словами кольцовской пѣсни, *слуга* самому себѣ и *хозяинъ* самого себя, то-есть самъ вдвойнѣ слуга и хозяинъ вмѣстѣ, не хозяинъ надъ кѣмъ-нибудь, какъ всѣ въ обществѣ, живущемъ въ условіяхъ, установленныхъ грѣховодникомъ, и не слуга кому-нибудь, какъ также непремѣнно всѣ, живущіе въ томъ же грѣховодническомъ обществѣ, но самъ-другъ, самъ вдвойнѣ—слуга и хозяинъ, т.-е. человѣкъ, существующій, не налагая ни на кого никакихъ путъ, и самъ не запутанный никакими и ничьими путами.

Не «мужикъ» уже интересовалъ меня въ томъ, что̀ те-

перь я видѣлъ передъ глазами, благодаря встрѣчѣ съ свободными и независимыми людьми, но уже открывалась какъ бы самая тайна желаній измученнаго человѣка вообще, очерчивался тотъ «образъ» человѣческой «жизни», жажда которой, несознанная, несмѣлая, таится въ глубинѣ души всякаго человѣка, живущаго въ наши дни. И вотъ почему мнѣ стало такъ весело.

II. Дополненія къ предыдущей главѣ.

1.

Подъ впечатлѣніемъ описанной встрѣчи я тогда же въ особой статьѣ подробно объяснилъ причину той радости, которую я ощутилъ въ душѣ благодаря этой встрѣчѣ; въ идущихъ на новую трудовую жизнь семьяхъ, такъ счастливо обставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи, мнѣ очертился въ такой ясности и полнотѣ, какъ этого до сихъ поръ не случалось, образъ жизни *свободнаго* человѣка,—тотъ образъ жизни, о которомъ тоскуетъ мысль и совѣсть человѣка, измученнаго современнымъ строемъ культурной жизни, въ которой есть все, кромѣ свободной личности и свободной совѣсти.

Тогда же я привелъ кое-что изъ имѣвшихся у меня подъ руками матеріаловъ, доказывавшихъ, что въ европейской жизни данной минуты слышатся голоса, вопіющіе противъ существующаго строя жизни и ищущіе выхода для закабаленной этимъ строемъ человѣческой личности и совѣсти. Я привелъ тогда слова одного англійскаго крупнаго капиталиста, сказанныя имъ на какомъ-то митингѣ и опубликованныя въ газетѣ «Standart», которыми онъ такъ характеризуетъ свое *плачевное*, какъ капиталиста, положеніе въ цѣлой цѣпи такихъ же плачевныхъ положеній окружающаго его общества: «Мы—только крошечныя звенья въ огромной цѣпи *ужасной организаціи*, и только полное расклепаніе этой цѣпи можетъ дѣйствительно *освободить насъ* (богатыхъ-то фабрикантовъ!). Сознаніе безпомощности нашихъ индивидуальныхъ усилій (выйти изъ тисковъ этой ужасной организаціи) заставляетъ насъ (хозяевъ) принимать дѣятельное участіе *въ агитаціи противъ собственнаго нашего класса*,—агитаціи, которая, если будетъ успѣшна, лишитъ насъ

нашего положенія капиталистовъ. Пожертвовать этимъ положеніемъ, я думаю, *не покажется намъ тяжелымъ*, если мы вѣрно оцѣнимъ то благо, которое, при измѣненіи этихъ порядковъ, получитъ общество, и тѣ многочисленные дары, которыхъ не купишь за деньги. *Видѣть конецъ нищеты и роскоши*, найти досугъ и утонченныя удобства жизни среди тѣхъ, которые выполняютъ черную работу, видѣть чистое, здоровое искусство, развивающееся *невольно* изъ этого счастья жизни, видѣть намъ милые острова, освобожденные отъ слѣдовъ унижающей борьбы (труда и капитала) — борьбы за насущное существованіе и борьбы за богатство— развѣ участіе въ подобной жизни и удовольствіе чувствовать, что *всѣ мы* участвуемъ въ поддержаніи такого порядка жизни—развѣ всѣ эти радости могутъ быть похожи на тѣ, которыя можно пріобрѣсти за какія бы то ни было деньги? Мнѣ кажется, *что въ настоящее время богатые люди пытаются купить жизнь въ родѣ этой, стремясь окружить себя, при помощи громадныхъ расходовъ, призракомъ порядка и довольства*, но въ результатѣ за всѣ эти деньги получаютъ одинъ миражъ». Далѣе ораторъ говорилъ, что онъ увѣренъ въ предстоящей перемѣнѣ строя жизни; что *пробужденіе совѣсти богатыхъ и состоятельныхъ есть лучшая гарантія противъ насильственнаго переворота*, и что вообще порядокъ, о которомъ онъ мечтаетъ, по его словамъ, уже *нарождается*.

Какой же этотъ порядокъ, какой строй жизни? Общее счастіе — возможно: указанія на это есть въ народномъ строѣ жизни — не въ мужицкомъ невѣжествѣ, тьмѣ, голодѣ и холодѣ, а въ *строѣ*, планѣ жизненнаго крестьянскаго обихода, жизненнаго порядка, устраняющаго разстояніе между хозяиномъ и работникомъ.

Тогда же, въ подтвержденіе того, что въ европейскомъ культурномъ обществѣ стремленіе къ *освобожденію* изъ неразрывной цѣпи *ужасной* организаціи отражается именно въ проповѣди народнаго типа жизни, т.-е. проповѣди трудовой *жизни*, а не трудовой каторги изъ-за хлѣба, я привелъ рѣчь поденщика Джозефа Арча въ англійскомъ парламентѣ,—рѣчь, которую съ полнымъ вниманіемъ «слушали герцоги и лорды» и не могли не задуматься надъ глубокимъ ея смысломъ. Этотъ ораторъ — простой поденщикъ, съ дѣтскихъ лѣтъ прошедшій всю нужду рабочаго человѣка. Вотъ какой у него видъ: «большая голова съ широкимъ лбомъ; глаза, добродушно смотрящіе изъ-подъ нависшихъ

бровей; нѣсколько горбатый носъ; густые съ просѣдью волоса и борода; атлетическая грудь, при слегка согнутой спинѣ и большихъ грубыхъ рукахъ,—словомъ, типическая фигура человѣка, для котораго физическій трудъ составляетъ привычное занятіе. Это и есть Джозефъ Арчъ, *первый представитель земледѣльческаго сословія,* которое *только теперь* *), со времени завоеванія Англіи норманами, *начинаетъ понемногу подниматься въ смыслѣ общественномъ и экономическомъ*». «Этотъ депутатъ, вынужденный и въ депутатскомъ званіи кормиться трудами своихъ рукъ, всего лѣтъ десять тому назадъ жилъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ, странствуя какъ работникъ по всей Англіи въ теченіе 20-ти лѣтъ». Во время этихъ странствованій онъ бралъ съ собою только мѣшокъ съ необходимымъ платьемъ и двумя-тремя книгами, спалъ, гдѣ придется, питался чернымъ хлѣбомъ. За это время Арчъ по собственному опыту узналъ всю тяжесть положенія рабочаго человѣка, и вотъ, благодаря новому гладстоновскому избирательному закону, придя въ парламентъ, сталъ проповѣдывать здѣсь «трудовую жизнь», какъ выходъ изъ всѣхъ золъ ужасной организаціи; онъ сталъ проповѣдывать крестьянскій строй жизни, а не махорку, какъ это иной разъ — конечно, по недоразумѣнію — проповѣдуемъ мы, — не сѣрыя щи, не спасенье подъ лавкой, не подвижничество въ нищетѣ и каторжномъ трудѣ, а именно трудовую *жизнь;* онъ потребовалъ не много и не мало—*три акра земли и корову на каждаго человѣка,* живущаго въ Англіи... И, несмотря на это нешуточное требованіе, широта идеи, лежащая въ этомъ требованіи Арча, и ея значеніе въ *освобожденіи* всего общества отъ «ужасной организаціи жизни» такъ велика, что надъ ней не могутъ крѣпко не задумываться высокопоставленные сотоварищи крестьянскаго депутата. «Достоинство и скромность этого поденщика, который еще недавно по 12—15 часовъ рылся въ болотѣ, чтобы заработать нѣсколько шиллинговъ, сдѣлали его любимцемъ парламентскихъ сочленовъ, и герцоги и лорды охотно слушаютъ его рѣчи и даже включаютъ въ свои программы его девизъ—*три акра и корова*».

Многозначительность для всѣхъ слоевъ англійскаго общества этой, повидимому, очень умѣренной программы крестьянскаго депутата очень скоро обнаружилась въ весьма рельефныхъ фактахъ живой дѣйствительности. Въ уличныхъ

---

*) Цитирую изъ «Недѣли», № 8, февраль 1886 г.

безпорядкахъ по случаю безработицы въ народныхъ кварталахъ Лондона, требованіе трехъ акровъ и коровы провозглашалось народными голодающими массами во всеуслышаніе. Вожаки, призванные въ судъ, ссылались въ свое оправданіе на Чемберлена, который, будучи министромъ, самъ стоялъ за требованіе Арча и указывалъ на эти три акра именно какъ на «исходъ» изъ путъ «ужасной организаціи». Чемберленъ, призванный также на судъ, въ качествѣ свидѣтеля, имѣлъ мужество публично подтвердить слова вожаковъ уличной толпы, и такимъ образомъ у людей, вполнѣ разъединенныхъ общественнымъ положеніемъ, мысль объ исцѣленіи отъ зла оказалась одна и та же и, стало-быть, одинаковое качество нравственнаго страданія.

Вотъ какимъ, имѣвшимся подъ руками въ ту пору, матеріаломъ могъ я подтвердить читателю многозначительность впечатлѣнія, полученнаго мною при непродолжительномъ столкновеніи съ крестьянскими семьями, по счастью, надѣленными всѣми средствами для того, чтобы *жить* именно такою жизнью, которую современный культурный человѣкъ *какъ бы хочетъ купить на деньги.*

Въ то время не было у меня подъ руками другого «печатнаго» матеріала, который бы рисовалъ тяготу современнаго культурнаго строя жизни и указывалъ бы выходъ изъ нея въ очертаніяхъ той жизни, которая такъ плѣнительна въ крестьянствѣ. Теперь, когда я занимаюсь пересмотромъ и переработкой старыхъ корреспонденцій, оказывается уже возможнымъ подкрѣпить ранѣе сказанное кое-чѣмъ новымъ, что̀ также можно найти подъ рукой.

Прежде всего я позволю себѣ сдѣлать небольшое извлеченіе изъ фельетона «Русск. Вѣд.», въ которомъ пересказывается содержаніе книги Летурно: «Evolution de la morale».

Опредѣливъ, согласно сущности современнаго строя жизни, мораль этого строя названіемъ индустріальной, меркантильной, а по-нашему, «попросту», купонной, Летурно говоритъ: «Мы еще далеко не отдѣлались отъ нравственной низменности, дикости, грубости и варварства нашихъ предковъ. *Правда, въ современныхъ европейски-организованныхъ обществахъ нѣтъ уже ни рабства ни крѣпостного состоянія, въ томъ спеціальномъ смыслѣ, какой имѣли эти слова въ прошломъ, но, несмотря на это, имѣемъ ли мы основаніе оглашать воздухъ гимномъ освобожденія?* Развѣ беззаконіе безправіе и *угнетеніе личности* дѣйствительно стали до-

стояніемъ прошлаго? Вовсе нѣтъ! Они только приняли иную форму, стали замаскированными. Законность, справедливость, равенство существуютъ только на словахъ, въ отвлеченныхъ гуманитарныхъ формулахъ, на практикѣ же ихъ не оказывается *ни въ сердцахъ* ни въ дѣйствіяхъ... Правосудіе наше еще насквозь пропитано духомъ возмездія и мщенія, живо напоминающимъ намъ поросшую мохомъ древность. Въ нашемъ языкѣ еще продолжаютъ пользоваться полнымъ правомъ гражданства такія, напримѣръ, архаическія выраженія: «правосудіе удовлетворено», «воздаяніе преступнику по заслугамъ» и т. д. Очевидно, правосудіе еще играетъ у насъ роль разгнѣваннаго существа, имѣющаго въ виду не только защиту общества, но также и соціальное отмщеніе. Моногамія господствуетъ повсюду, что̀ однакоже нимало не мѣшаетъ намъ смотрѣть на проституцію, какъ на самое обыкновенное, самое естественное явленіе. Дѣтоубійство сурово наказывается закономъ, но тѣмъ не менѣе втайнѣ, подъ покровомъ лицемѣрія (а мы прибавимъ—и необходимости, *неизбѣжной* въ этомъ строѣ общества), оно практикуется на очень широкую ногу. Убійство считается тяжкимъ преступленіемъ, а между тѣмъ теперешніе цивилизованные народы то и дѣло предаются «бранной потѣхѣ»—устраиваютъ грандіознѣйшія массовыя бойни, заливаютъ землю широкими потоками дорогой человѣческой крови. Вопіющія соціальныя неравенства всякаго рода на каждомъ шагу бьютъ въ глаза въ нашихъ обществахъ. *Благодаря господству индустріализма и меркантилизма, получается та возмутительная соціальная нелѣпость, что не продуктъ существуетъ для человѣка, а человѣкъ для продукта*»...

Я позволю себѣ на одну минуту прервать эту цитату и напомнить читателямъ разговоръ мой съ раскольникомъ, случайно встрѣченнымъ мной, во время поѣздки по Волгѣ, въ прошломъ (1887) году *). Ни я ни раскольникъ и въ глаза, какъ говорится, не видали произведенія Летурно, а между тѣмъ здравый, свѣтлый умъ моего простонароднаго собесѣдника почти *буквально* тѣми же словами, какъ и Летурно, опредѣлилъ строй современной культурной жизни и значеніе въ этомъ строѣ капитала.

— Желѣзо-то — говоритъ онъ:—оживаетъ отъ прикосновенія капитала. Желѣзу отъ него хорошо! До прихода ка-

---

*) «Сѣв. Вѣстн.» № 11, 1887 годъ.

питала оно лежитъ мертвое подъ землей, а пришелъ онъ — и ожило и заиграло по свѣту! А вотъ человѣкъ-то, который жилъ на свѣтѣ своимъ домомъ и самъ себѣ былъ слуга и хозяинъ, съ появленіемъ капитала начинаетъ превращаться изъ хозяина въ работника, изъ существа мыслящаго — въ существо механически дѣйствующее, въ рабочія руки...

Надобно знать и цѣнить внутреннюю красоту трудового строя жизни, чтобы простымъ свѣтлымъ умомъ понять всю «некрасоту» строя жизни купоннаго, меркантильнаго. Одно знакомство и близость раскольника къ народной, «хозяйской» жизни крестьянина дали ему возможность съ точностью указать всѣ тѣ изъяны меркантильныхъ порядковъ, которые отмѣтилъ ученый человѣкъ на основаніи долгаго изученія своего предмета.

«Саларіатъ, — говоритъ Летурно, продолжая характеризовать порядки нашихъ дней: — наемничество является *новою* язвой, смѣнившею язвы рабства и иныхъ былыхъ формъ *зависимости человѣка* отъ *человѣка.* Число бѣдняковъ, пролетаріевъ съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ. Милліоны неимущаго люда прозябаютъ и гибнутъ въ крайней нищетѣ. Современный наемный рабочій свободенъ только *de jure*, но не *de facto*; онъ не угнетается непосредственно, какъ въ былое время рабъ или крѣпостной, но зато онъ оказывается вполнѣ безпомощнымъ, предоставленнымъ на произволъ судьбы, такъ какъ практика современной индустріи уничтожила всякую нравственную, человѣческую связь между рабочимъ и работодателемъ. Юридически рабочій давно уже пересталъ быть вещью, какъ это было въ эпоху рабства, и превратился въ свободнаго гражданина; но житейская практика все еще продолжаетъ не признавать въ немъ человѣческой личности: какъ извѣстно, въ индустріальныхъ странахъ представители труда зовутся обыкновенно не рабочими *людьми*, а просто-напросто рабочими *руками»*.

Не знаю, можно ли сомнѣваться въ томъ, что строй жизни современнаго культурнаго общества изображенъ вѣрно и справедливо, и что мрачныя краски, которыми авторъ его изображаетъ, вовсе не преувеличены. А если это такъ, то какъ же не испытывать глубочайшей радости, если знать и воочію видѣть, что на нашихъ глазахъ жизнь человѣческая можетъ идти совершенно по другому плану? О томъ же совсѣмъ, совсѣмъ другомъ строѣ жизни мечтаетъ современная европейская женщина культурнаго общества.

Объ этихъ неясныхъ мечтаніяхъ и въ то же время о совершенно ясныхъ, отчетливо слышныхъ вопляхъ женщины современнаго общества свидѣтельствуетъ недавно вышедшая книга: *Къ рѣшенію женскаго вопроса* *). Объ этой книгѣ со временемъ я желалъ бы поговорить болѣе подробно, чѣмъ могу сдѣлать это теперь. Но и теперь я долженъ сказать о ней нѣсколько словъ, для того, чтобы читатель видѣлъ, что̀ собственно заставляетъ изнемогать современную женщину и какія формы общественной жизни могли бы дать ей возможность ощущать себя «человѣкомъ».

Книга эта, состоящая изъ переводныхъ статей, написанныхъ почти исключительно женщинами, несмотря на то, что написана безъ всякой системы и плана и есть только вопль, жалоба, даже крикъ измученнаго человѣка, тѣмъ-то и должна быть дорога всякому задумывающемуся надъ вопросомъ, ка̀къ жить и что̀ дѣлать, что въ этомъ не систематизированномъ крикѣ и жалобѣ слышится настоящая, неприкрашенная бѣда, горе человѣка, изнемогающаго въ желѣзныхъ условіяхъ жизни, не дающей возможности жить по-человѣчески.

Тотъ же меркантильный, купонный строй жизни, который раздробилъ мужской полъ на тысячи разновидностей, сдѣлалъ то же самое и съ женщиной. Въ трудовомъ строѣ жизни всякая женщина — только женщина, или всякая баба — только баба, въ купонномъ же, напротивъ, не всѣ женщины одинаковы: въ немъ могутъ быть женщины семейныя, могутъ быть вѣчныя дѣвственницы, которымъ нѣтъ возможности быть матерями, могутъ быть проститутки, то-есть вѣчныя не-дѣвственницы и не-матери; могутъ быть здѣсь хозяйки и слуги, могутъ быть совершенно не трудящіяся и изнуренныя трудомъ, могутъ быть утопающія въ роскоши и изнемогающія отъ нищеты. Словомъ, женщина въ культурномъ строѣ не можетъ быть женщиной, *какъ всѣ*, не замкнутою въ какой-нибудь тѣсный, душный кругъ роскоши или нужды, семейства, кухни или публичнаго дома, вѣчной оргіи или вѣчнаго труда. И вотъ такая измученная, одинаково не живущая всею полнотой своихъ силъ и нравственныхъ побужденій, какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ трущобѣ, въ публичномъ домѣ, какъ и въ роскошной тюрьмѣ старика милліонера-мужа — вотъ она-то, женщина, не живущая по-человѣчески, вопіетъ именно о желаніи

*) «Къ рѣшенію женскаго вопроса». Спб., 1888 г.

полноты жизни, которой не даетъ теперешній строй жизни и которой онъ *не можетъ* дать.

Книга, о которой мы говоримъ, доказываетъ, что невинность и чистота, огражденныя «вынужденнымъ позоромъ» отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей грѣха, также вопіютъ о своемъ горѣ и ужасѣ своего ненормальнаго счастья: «невинность», слишкомъ устраненная отъ общей жизни, отъ ея горя и радостей, терпитъ страшное разочарованіе, когда поступаетъ во власть мужчины, мужа, уже потерявшаго уваженіе къ женщинѣ, разъ онъ могъ, для огражденія невинностей, покупать другихъ женщинъ, разъ онъ уже попробовалъ безжалостнаго къ нимъ отношенія. Его опрощенный взглядъ на женщину, на жену, вовсе не подходитъ къ тѣмъ возвышеннымъ требованіямъ, въ которыхъ воспиталась его жена, огражденная отъ грѣха «вынужденнымъ позоромъ». Ея не понимаетъ мужъ, она не понимаетъ мужа.

И вотъ такой-то крикъ идетъ изъ всѣхъ «вынужденныхъ» положеній, въ которыя, какъ и мужчина, поставлена современная культурная женщина. Если бы нужно было въ короткомъ и сжатомъ видѣ передать сущность женскаго протеста, раздающагося изъ разныхъ непохожихъ другъ на друга замкнутыхъ положеній, въ которыя поставлена современная женщина меркантильнаго общества, то можно бы выразить этотъ протестъ въ такого рода, повидимому, немногосложномъ видѣ: всѣ разновидности женщины — замкнутой въ кухню, не знающей работы, знающей работу и неусыпный трудъ, огражденной отъ грѣха и погрязающей въ грѣхѣ и т. д., и т. д., — вопіютъ прежде всего о *правѣ быть только женщинами*, просто женщинами, не невинными или виновными, обезпеченными или голодными, а просто женщинами. Это—первое, самое громкое и вопіющее требованіе, а второе, уже вполнѣ человѣческое, это — требованіе неразрывной нравственной и трудовой связи въ совмѣстной съ мужемъ жизни; третье, еще болѣе важное требованіе — неразрывность личной нравственной и трудовой жизни въ семьѣ съ нравственной и трудовой жизнью общества, міра, толпы, улицы, среди которой живешь и которой принадлежишь. Всѣ эти требованія мы находимъ положенными въ самое основаніе всего строя жизни «по народному» типу, т.-е. въ народной средѣ. Въ грубомъ и дикомъ видѣ вы можете найти «въ крестьянствѣ» *образчики* той жизни, о которой мечтаетъ и вопіетъ культурный

человѣкъ, удрученный меркантильнымъ, купоннымъ строемъ общества.

Въ видахъ наибольшаго уясненія свойства народнаго строя жизни, мною было написано нѣсколько литературныхъ замѣтокъ, касавшихся такихъ литературныхъ произведеній, которыя давали возможность обрисовать коренныя свойства народнаго строя жизни возможно яркими чертами. Такъ и съ такой цѣлью я позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ, между прочимъ, о драмѣ Л. Н. Толстого: «Власть тьмы» и о произведеніи г. Тимощенкова: «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ». Чтобы въ этой замѣткѣ было исчерпано по возможности все, что помогло мнѣ подтвердить мои соображенія о превосходствѣ «трудовой жизни» передъ строемъ жизни меркантильнымъ, я позволю себѣ привести здѣсь кое-что изъ сказаннаго мною по поводу драмы «Власть тьмы».

«Мнѣ кажется, — писалъ я тогда *): — что драма «Власть тьмы», кромѣ напоминанія культурному человѣку о его обязанностяхъ по отношенію къ некультурному меньшему брату, могла бы заставить задуматься его и *вообще* надъ строемъ культурнаго общества, заставила бы подумать, и подумать крѣпко и многосторонне, *вообще* о такомъ строѣ жизни, въ которомъ были бы немыслимы язвы, разъѣдающія теперешній культурный слой общества и проникающія уже, какъ это доказываетъ «Власть тьмы», въ массы, въ толпу темныхъ людей.

«Да, драма Л. Н. Толстого есть драма культурная, только разыгравшаяся среди мужиковъ; всѣ составные элементы, изъ которыхъ она сложилась, — элементы культурнаго строя жизни, а *не народнаго*, и мнѣ всегда казалось нѣсколько страннымъ, что культурный читатель **) этой драмы ужа-

---

*) «Русск. Вѣд.» 19 марта 1887 г.

**) Выраженіе это требуетъ объясненія. Одинъ русскій писатель, мнѣніе котораго я вполнѣ раздѣляю, характеризуетъ разницу между интеллигентнымъ и культурнымъ человѣкомъ, какъ разницу между настоящимъ и поддѣльнымъ алмазомъ. И поддѣльный алмазъ можетъ стоить тысячи и ни въ чемъ, повидимому, не уступитъ настоящему, но только — повидимому. Можно обладать всѣми прекрасными свойствами человѣка интеллигентнаго и въ то же время не имѣть искренней потребности въ этихъ свойствахъ, т.-е. можно имѣть грубое, дикое сердце, поддающееся всякой неправдѣ, и въ то же время, подъ вліяніемъ культурныхъ привычекъ, культурной выучки, казаться человѣкомъ широкаго и искренняго сердца. Интеллигентный человѣкъ, напротивъ, — невольникъ искренности сердца, человѣкъ, въ которомъ не можетъ быть тѣни стремленія

сается, напримѣръ, жестокости дѣйствующихъ въ ней лицъ, убившихъ ребенка.

«Косточки хрустятъ! — съ ужасомъ говоритъ читатель или читательница. — Нѣтъ, это ужасно! Это невозможно ставить на сценѣ! Въ публикѣ непремѣнно будутъ припадки истерики!»

«Чтобы читатель сразу могъ видѣть огромную разницу строя, т.-е. сущности и плана, по которому расположены человѣческія отношенія въ строѣ купонномъ и въ строѣ «трудовомъ», я обращаю его вниманіе на слова Петра, сказанныя имъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія, чуть не на первой же страницѣ драмы.

«Хворый Петръ говоритъ:

«— *Кабы не былъ я боленъ, ни въ жисть не взялъ бы работника.*

«Эта фраза сразу рисуетъ совершенно не тотъ строй жизни, которымъ привыкли жить мы, люди культурнаго общества. Кто въ этомъ обществѣ можетъ сказать, что ему не нуженъ работникъ, что онъ обойдется самъ, что наконецъ только крайняя нужда, неожиданная бѣда заставляютъ покориться этому *несчастію* — пользоваться чужимъ трудомъ? Въ культурномъ обществѣ всѣ нуждаются и живутъ чужимъ трудомъ и всѣ въ то же время служатъ чужому дѣлу — всѣ работники, всѣ нанятые и принужденные жить, нанимая другихъ. Поэтому, чтобы въ народной средѣ могла произойти культурная драма въ родѣ той, которую мы видѣли во «Власти тьмы», нужно, чтобы и строй народной жизни исказился по культурному образцу; это въ драмѣ и оказывается.

«Петръ, завзятый «хозяинъ», человѣкъ, весь поглощенный разностороннѣйшею дѣятельностью земледѣльческаго труда, вдругъ вдовѣетъ, и вдовѣетъ уже въ лѣтахъ немолодыхъ, когда на рукахъ у него уже взрослая дочь. Не будь у него денегъ, а главное — не будь уже *въ окружающей его средѣ такого разстройства, которое даетъ возможность деньгамъ*

смягчить, приладить къ обстоятельствамъ, такъ сказать, образумить свою искренность, и потому, захваченный тою или другою идеей, онъ *не можетъ* отказаться отъ послѣдовательнаго ея развитія до конца, хотя бы конецъ этотъ и была смерть, огромное личное горе и т. д. Употребляя выраженіе: «культурное общество», я подразумѣваю общество, которое, при внѣшнемъ благообразіи и благовоспитанности, не вполнѣ еще благообразно и благовоспитанно въ своей внутренней сущности и, возмущаясь на словахъ противъ зла, въ глубинѣ сердца, пожалуй, считаетъ его даже не зломъ.

превратиться въ силу, что бы сталъ дѣлать Петръ? Онъ неизбѣжно бы ослабъ, огромная часть бабьяго труда, неразрывно вплетенная въ область труда его собственнаго, со смертью жены замерла и омертвила бы его мужичье трудовое дѣло. Надо бабу. Но тамъ, гдѣ всѣ «сами хозяева», кто пойдетъ за него, старика, семейнаго? Всякая дѣвка сама будетъ хозяйка и мать; а старуху, вдову, взять ему не будетъ нужно — не будетъ съ ней, со старухой, этого тепла въ трудовой жизни, которое было въ жизни Петра съ женой, съ которой они — не сознавая этого, конечно — жили однако вполнѣ «увмѣстяхъ» и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ денегъ и безъ возможности примѣнить ихъ къ дѣлу Петръ такъ бы и зачахъ, если бы не взялъ во дворъ, за свою дочь, мужа. Да и для этого нужно уже разстройство чьего-нибудь «своего», собственнаго хозяйства, чтобы кто-нибудь захотѣлъ идти въ люди, въ чужой домъ, въ мужья. Но Петръ — завзятый крестьянинъ; онъ и передъ смертью не можетъ оторваться отъ неразрывныхъ путъ, связующихъ его съ жизнью: едва волоча ноги и чувствуя предсмертный холодъ, онъ все-таки бормочетъ что-то о картошкѣ, о лошади, о полѣ — все для него важно, существенно, все это вошло къ нему въ плоть и въ кровь, и все это для него — жизнь. Такому человѣку нельзя брать «въ зятья», нельзя поправить разстроенный механизмъ жизни, принимая въ свое дѣло новаго хозяина — у него у самого много страсти и аппетита къ жизни.

«И вотъ онъ дѣлаетъ первый культурный грѣхъ — женится, *старый, на молодой дѣвкѣ* Анисьѣ; молодая, красивая, работящая Анисья ни во вѣки вѣковъ не пошла бы за старика, не польстилась бы на его хозяйство, если бы только строй народной жизни не былъ пошатнутъ и разстроенъ. Она вышла бы замужъ по вкусу (хоть бы за того же Никиту, котораго «нужда» сдѣлала работникомъ на желѣзной дорогѣ), вышла бы замужъ своевременно за вполнѣ подходящаго ей парня и жила бы своимъ *домомъ, своимъ* хозяйствомъ; но, повторяю, народный строй уже расшатанъ, поврежденъ, и въ немъ уже существуетъ свойственный культурному обществу типъ красивой, бойкой молодой дѣвушки, *которой ѣсть нечего*, которую *нужда* уже заставляетъ выйти за старика, продаться.

«О роднѣ Анисьи ничего не сказано въ драмѣ Л. Н. Толстого; не видно въ ней ни ея отца ни матери, и можно думать, что Петръ, понявъ ея сиротство, рѣшился, ради

любви къ живой хозяйственной жизни. соблазнить молодую дѣвку, то-есть нанять, купить *на деньги* ея молодую бабью силу, бабье тепло, животворными токами связующее и овеселяющее милліоны мелочей хозяйственнаго обихода жизни.

«Деньги, а главное—уже разстроенная среда помогли ему сдѣлать насильственное дѣло. заставили Анисью покориться: но Петръ, навѣрное, знаетъ, что онъ согрѣшилъ (и это чувствуется въ драмѣ), что изъ-за своей любви къ жизни провинился предъ тою же любовью къ жизни—въ Анисьѣ: онъ и ослабъ, и развалился, и расхворался-то потому. что, очевидно, *старался* Анисью привязать къ хозяйству не однимъ только расчетомъ жить не въ бѣдности. Но онъ уже пожилъ на своемъ вѣку съ своей первой бабой, а Анисья — молодая, и Петръ, при всемъ своемъ стараніи, пообслабъ, сильно раскисъ и до того раскисъ, что принужденъ былъ взять *работника* Никиту.

«Съ другой стороны, и Анисья, очевидно, жила съ Петромъ только потому, что нужда заставила,—жила съ Петромъ какъ съ нанимателемъ, т.-е. точь въ точь такъ же, какъ Анна Каренина и какъ всякая героиня современнаго буржуазнаго романа, и никакія старанія Петра, какъ мужа, привязать ее къ чужому дѣлу,—ее, въ душѣ которой скрыто лежитъ врожденное желаніе самостоятельности, жизни по своему вкусу, съ «своимъ» мужемъ, — никакія такія старанія не приносили ничего, кромѣ пассивнаго повиновенія со стороны Анисьи; Петръ ослабъ, а ей—какъ къ стѣнѣ горохъ, до тѣхъ поръ, пока не явился Никита, то-есть настоящій Анисьинъ суженый, половина, вполнѣ къ ней подходящая.

«И опять-таки, чтобы Никита, этотъ молодчина и красавецъ, *могъ попасть въ работники*, опять-таки нужно было предварительное разстройство народной среды. Такому парнищу, по народному порядку жизни, придя въ возрастъ, надо бы прямо принять законъ и жить своимъ хозяйствомъ, но *нужда*, невозможность уже въ настоящее время такимъ славнымъ ребятамъ, какъ Анисья и Никита, жить своимъ хозяйствомъ, жить «по-божецки», гонитъ Никиту на желѣзную дорогу за рублемъ, какъ и Анисью гонитъ въ жены къ старику. Такимъ образомъ получаются тѣ самыя неискреннія, недобровольныя, склеенныя деньгами связи, которыя составляютъ *существенную* особенность купоннаго строя теперешняго общества.

«Нужно было отравить Петра, убить Акулинина ребенка

для того, чтобы Никита и Анисья могли стать въ тѣ естественныя отношенія, въ которыя они стали бы безъ всякихъ злодѣйствъ, если бы только условія народной жизни не подверглись ломкѣ и разрушенію. Никита, живущій съ Анисьей, съ Мариной и съ Акулиной, доказываетъ только то, что въ народной средѣ, какъ и въ культурной, ему нельзя было жить *по-крестьянски*, взять во-время жену и жить хозяйствомъ; что въ народной средѣ образовались такія неблагопріятныя условія, вслѣдствіе которыхъ Анисья должна продаться старику, Марина вмѣсто замужества пойти на желѣзную дорогу въ поденщину, а Акулина должна уничтожить Анисью, пришлую въ чужой домъ хозяйку, чтобы возвратить себѣ право хозяйствовать въ своемъ домѣ.

«Не будь разстройства народной среды, дающаго деньгамъ силу,—не продалась бы Анисья, не пошелъ бы въ работники Никита, и Петръ, оставшись безъ купленнаго труда, выдалъ бы Акулину замужъ честь-честью. Но разстройство, давшее силу деньгамъ, уже произошло въ народной средѣ и превратило всѣхъ лицъ драмы въ людей другъ другу *подверженныхъ*, связанныхъ *нуждой*, тогда какъ въ неиспорченномъ и въ нерасшатанномъ народномъ строѣ жизни тѣ же самые люди были бы людьми самостоятельными,—каждый и каждая,—и связи между ними были бы не во имя нужды, хлѣба, а именно во имя взаимной самостоятельности, независимости отъ нужды.

«Вѣдь вотъ хоть бы эта Маринка: загнанная нуждой на желѣзную дорогу, сходится съ Никитой не какъ мужъ и жена. Ни тому ни другому *нельзя* сдѣлать этого тамъ, то-есть *нельзя быть* мужемъ и женой. Спрашивается: какая была бы участь Марины, если бы ее не спасла деревня? Она бы, навѣрное, пропала, превратилась въ проститутку. Но деревня дала ей свое хозяйство и сдѣлала ее человѣкомъ. Въ разстроенной же семьѣ Петра всѣ отношенія людей уже «подверженныя», не народныя. Петръ *подверженъ* Анисьѣ; онъ старается привязать ее къ своему, чуждому ей дѣлу, бьется и истощается; Анисья подвержена Петру изъ-за нужды—терпитъ его какъ мужа только потому, что ѣстъ его хлѣбъ; Никита—работникъ, подверженный Петру также изъ-за нужды. Но у всѣхъ въ душѣ есть желаніе независимости, самостоятельности, и, чтобы этому желанію можно было осуществиться, нужно совершить рядъ преступленій, то-есть разрушить насильственныя связи.

«Возьмите любой современный романъ, рисующій жизнь

и нравы современнаго культурнаго слоя, и вы вездѣ найдете *точь въ точь* такую же драму, какъ та, которая изображена во «Власти тьмы». Золя, Дюма, Бурже, Серао, Мопассанъ — всѣ эти живописцы современныхъ нравовъ культурнаго слоя европейскаго общества живописуютъ намъ именно то, что̀ теперь у насъ начинаетъ происходить въ деревнѣ. Вездѣ — насильственныя связи, связи по нуждѣ, вездѣ взаимная кабала, подверженность и въ то же время желаніе выйти изъ этой путаницы,—желаніе, сопровождающееся обманомъ, хитростью, скрытою грязью, унизительнѣйшими страданіями.

«Униженіе человѣческаго достоинства—вотъ что̀ именно и ужасно, что̀ собственно и потрясаетъ въ этой современной культурной драмѣ. Попробуйте, напримѣръ, разсказать языкомъ мужика Акима (въ драмѣ «Власть тьмы»), а главное—посмотрѣть съ его точки зрѣнія на жизнь хотя бы тургеневской Ирины (въ «Дымѣ»), и вы придете въ ужасъ отъ безчеловѣчія людей, среди которыхъ прошла ея жизнь. Вотъ ужъ гдѣ «косточки-то трещатъ»!

«Ее, хорошую и молодую дѣвушку, невинную и чистую, родитель-князь для поправленія своихъ финансовыхъ обстоятельствъ рѣшается уступить какому-то лицу, съ которымъ онъ знакомится на балѣ въ дворянскомъ собраніи. Ее нарочно одѣваютъ такъ, чтобы «лицо» заржало и пожелало. Лицо заржало и потомъ, чтобы подлое дѣло прикрыть благообразнымъ покрываломъ, перепродало или переуступило Ирину генералу Ратмирову. Она *долгіе годы* живетъ съ нимъ, непрестанно чувствуя, что живетъ только для виду, зная, что тѣло ея куплено и что силы души направлены на то, чтобъ это грязное дѣло, этотъ развратъ ея и ея мужа имѣлъ приличный, благообразный видъ. Такимъ образомъ, вся загрязненная, захватанная грязными лапами, эта несчастная уже боится быть искреннею и только «уворуючи» можетъ въ теченіе всей своей жизни сказать одинъ разъ искреннее слово любимому человѣку, да и то гдѣ-то въ чуланѣ на какомъ-то чемоданѣ. Только «крадучись», какъ воръ, и опять одинъ только разъ въ жизни, проданною, купленною и перекупленною, можетъ она отдать любимому человѣку какой-то *долгъ*. И все впопыхахъ, въ одну минуту. Прибѣжала, отдала долгъ и убѣжала опять врать всю жизнь, жить по найму!

«—Не по-Божьи, значитъ, это, таё...—сказалъ бы Акимъ, прослушавъ эту кружевную тургеневскую повѣсть.—Сквер-

ность это!.. Душу загрязнили, душу, значитъ, божецкую запакостили у дѣвки! Это, таё, грѣхъ великій, таё, значитъ, грѣхъ передъ Богомъ!

«А вѣдь этотъ, и именно такой грѣхъ безпрерывенъ, ежедневенъ, обязателенъ для нашего недостроеннаго культурнаго общества, и вотъ почему удивительно, что оно же и ужасается «косточекъ» толстовской драмы».

Тѣ же цѣли руководили мною и при составленіи замѣтки о произведеніи г. Тимощенкова. Эта замѣтка будетъ помѣщена въ концѣ настоящихъ *писемъ;* теперь же скажу только одно, что въ произведеніяхъ г. Тимощенкова я взялъ только тотъ матеріалъ, который касался исключительно *трудовой* жизни, и никакія фабричныя фантазіи г. Тимощенкова нисколько меня не интересовали. Меня интересовалъ строй трудовой жизни семьи и только. А что домъ, семья могли и могутъ жить трудовой жизнью, мы можемъ указать, между прочимъ, на воспоминаніе г. Селиванова о жизни рязанскихъ помѣщиковъ 50 лѣтъ тому назадъ. Помѣщичья семья, получавшая съ 2 тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ пятьсотъ рублей дохода, *не могла ихъ истратить въ теченіе года;* все, что нужно человѣку, могло быть получено дома. Даже *барышнямъ*,—говоритъ Селивановъ,—не приходилось покупать нарядовъ—все дѣлалось дома. Положимъ, что все это дѣлалось крѣпостнымъ, рабскимъ трудомъ, но эта фабрика могла быть домашнею.

Вотъ пока все, чего мнѣ пришлось коснуться до сихъ поръ ради выясненія язвъ культурной жизни и самаго поверхностнаго очертанія такихъ порядковъ жизни, при которыхъ совѣсть человѣка чувствуетъ себя свободною и чистою. Знакомство со строемъ народной жизни—пока только «образчикъ», при помощи котораго есть возможность провѣрить и освѣтить язвы меркантильнаго, купоннаго, а не трудового строя жизни. Безъ этого образчика трудно, невозможно разобраться въ многосложности тяготы существованія человѣка, захваченнаго купонными порядками, не легко понять, отчего мнѣ, этому купонному рабу, «такъ больно и такъ трудно» жить на свѣтѣ. Вотъ почему, какъ и до сего времени, все, что литература и жизнь дадутъ намъ подходящаго и пригоднаго въ виду нашей цѣли выяснить, отчего *такъ больно и такъ трудно*, все это будетъ предметомъ нашего самаго пристальнаго вниманія.

Теперь же однако пора возвратиться къ моимъ путе-

вымъ впечатлѣніямъ и досказать все, что касается моей встрѣчи съ переселенцами.

2.

Толкаясь въ этой, такъ хорошо, удобно устроившейся толпѣ трудящихся людей, я рѣшительно не чувствовалъ ни малѣйшей потребности омрачить эту весело складывающуюся жизнь тѣми, на нашъ взглядъ необходимыми и неразрывными съ представленіемъ о народной жизни придатками, которые мы привыкли полагать для «мужика» обязательными. Не приходило мнѣ въ голову внушить этой толпѣ что-нибудь о смиреніи, о подвижничествѣ, о безропотности и покорности; не приходило въ голову оскорбиться этимъ стремленіемъ «мужика» къ удобствамъ жизни, и не обижало меня то, что вотъ всѣ они, эти переселенцы, тепло и красиво одѣты, что спятъ они не подъ лавками, не на грязномъ полу, а на чистыхъ и теплыхъ бѣлыхъ кошмахъ и ѣдятъ не «пустыя» щи, а щи самыя прекрасныя и питательныя. Никакой надобности не ощущалъ я среди нихъ даже въ мысли о томъ, что трудовая жизнь должна быть осложнена лишеніями, неудобствами, недохватками, какъ это часто считаютъ неизбѣжнымъ проповѣдники ученія о «трудовой жизни». Напротивъ, именно потому, что встрѣтившіеся мнѣ крестьяне случайно были поставлены въ хорошее положеніе, т.-е. лишены были возможности страдать отъ случайныхъ несчастій крестьянской жизни, передо мной и могла выясниться вся подлинная, не затемненная несчастными случайностями прелесть и красота трудовой жизни.

Нѣтъ, думалось мнѣ, никто изъ нихъ не пойдетъ ни въ какую кабалу, никто не будетъ вынужденъ пойти и продать себя въ публичный домъ, точно такъ же, какъ никто не будетъ вынужденъ и покупать продающагося; никто не согласится уродовать ни своей головы, ни своей души, ни своей совѣсти изъ-за «средствъ къ существованію». Средства къ ихъ существованію — они сами, эти мужики, эти статныя и красивыя женщины, дѣвушки, здоровые, игривые ребята. Они не пойдутъ за средствами ни въ банкъ ни на фабрику, а носятъ ихъ самихъ въ себѣ, не раздѣляя своего труда отъ цѣлей и средствъ своей жизни.

Жалко и больно стало мнѣ за нашихъ интеллигентныхъ ребятъ; не узнать имъ никогда счастья жить свободнымъ человѣкомъ, какими живутъ вотъ эти крестьянскіе ребята.

«Хлѣбъ» свой они будутъ зарабатывать и ѣсть не иначе, какъ изуродовавъ на тотъ или другой манеръ свою душу, и жить будутъ, пугаясь жизни и крѣпко держась за свое калѣчество, какъ за якорь спасенія.

Въ тяжкія минуты жизни имъ будетъ мелькать мечта о какой-то свободѣ, о какой-то простой, свободной жизни; по временамъ душа ихъ будетъ болѣть неправдою своего существованія, искать выхода, завидовать простотѣ и свободѣ жизни мужика; но мы, родители, сами изувѣченные духовно, не сумѣли еще разсѣять страхъ въ нашихъ дѣтяхъ передъ *трудовою жизнью* и продолжаемъ до сихъ поръ рисовать ее себѣ и дѣтямъ не иначе, какъ жизнью холода, голода, рвани, собиранья кусочковъ, невѣжества и тьмы.

Независимость, таящуюся въ трудовой жизни подъ грудой нами же набросанныхъ на нее золъ и бѣдъ, мы не сумѣли выдвинуть на первый планъ, не создали трудовой школы въ смыслѣ выхода къ независимости и тѣмъ не отстранили отъ слова «трудъ» всей каторжной его обстановки. Все это надо сдѣлать, и все уже дѣлается на Руси въ видѣ маленькихъ и робкихъ попытокъ.

Объ этихъ попыткахъ будетъ кое-что сказано ниже въ этихъ же письмахъ. Теперь же пора возвратиться къ пересказу путевыхъ впечатлѣній.

III. Люди всякаго званія.

1.

Вся Страстная недѣля 1886 г. прошла для меня въ разнообразныхъ мечтаніяхъ и воспоминаніяхъ. И хотя веселыя впечатлѣнія дѣвственныхъ мѣстъ были мнѣ вполнѣ по сердцу и матеріала для такихъ впечатлѣній было вполнѣ достаточно, но все-таки я не безъ удовольствія ждалъ конца недѣли и прихода парохода. Одиноко и довольно томительно прошла ночь подъ Свѣтлый день, да и самый первый день праздника съ своимъ жалкимъ гуляньемъ былъ едва ли не томительнѣе будничнаго дня.

Въ городѣ въ этотъ день было уже совсѣмъ пусто, даже двѣ-три лавчонки, около которыхъ въ будничный день все-таки толкался народъ, были теперь заперты. По улицѣ

изрѣдка проходили жиденькія группы мѣстныхъ жителей и жительницъ, праздновавшихъ большой праздникъ, кажется, только непомѣрнымъ истребленіемъ подсолнуховъ—вотъ и всѣ праздничныя впечатлѣнія. Откуда-то съ поля вѣтеръ приносилъ въ городъ хриплые звуки шарманки, наигрывавшей скучный мотивъ пѣсни о «подруженькахъ», которымъ скучно, изъ «Аскольдовой могилы», и подъ эти скучные звуки тамъ, въ полѣ, истребляя все тѣ же подсолнухи, на скрипучихъ круговыхъ качеляхъ, должно-быть, не въ особенно веселомъ расположеніи духа, качались немногочисленные жители и жительницы Новороссійска. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи съ воскресенья на понедѣльникъ, послышался сильный свистокъ парохода, и все, что было цѣлую недѣлю заперто въ Новороссійскѣ, цѣлую недѣлю, какъ въ тюрьмѣ, ожидая выѣзда, бросилось на пристань. Очень много было простого народа, отправлявшагося въ Новый Аѳонъ (монастырь близъ Сухума), пользующійся въ народѣ большимъ уваженіемъ. Было не меньше, чѣмъ «сѣраго мужика», того подозрительнаго народа, ищущаго «кого поглотити», о которомъ уже было и еще будетъ говорено. Простой, безъ опредѣленныхъ цѣлей путешественникъ былъ, кажется, только одинъ я. Принявъ всѣхъ насъ на бортъ, пароходъ постоялъ еще нѣкоторое время и, невзирая на темную ночь, ушелъ-таки наконецъ въ море.

И съ тѣхъ поръ въ теченіе мѣсяца я и путешествую болѣе или менѣе съ незначительными остановками; отъ Екатеринодара я проѣхалъ къ морю три раза: во-первыхъ—кубанскимъ степнымъ почтовымъ трактомъ, во-вторыхъ—другою дорогой, идущею въ предгоріяхъ, третій—на пароходѣ по Кубани до Темрюка, а по черноморскому берегу, доѣзжая до Лазаревскаго поста, ниже Туапсе, я прошлялся въ скверныхъ пароходишкахъ между Темрюкомъ и Керчью. Все, что мнѣ пришлось видѣть въ эту поѣздку, все это я видалъ только «мелькомъ», при чемъ положительно на каждомъ шагу встрѣчалось такъ много самыхъ разнообразныхъ, затрогивающихъ за живое впечатлѣній, что постоянно являлось желаніе остаться, пожить на одномъ мѣстѣ мѣсяцъ, два, чтобы разглядѣть интересное явленіе поосновательнѣе. Но времени было мало, приходилось ѣхать дальше, мелькомъ только взглянувъ на интересное явленіе и мелькомъ о немъ подумавъ. И все-таки, несмотря на то, что поѣздка моя была поспѣшна и

непродолжительна, разнообразіе впечатлѣній, мѣстъ и всякаго званія людей было настолько обильно, что я, при условіяхъ, въ которыхъ находился, не могъ и пожелать ничего большаго. Нигдѣ, думается мнѣ, не скопилось такъ много, какъ на Кавказѣ, явленій русской жизни данной минуты, рисующихъ наши русскіе порядки, отношенія и настроенія, и нигдѣ нѣтъ такого разнообразія мѣстныхъ географическихъ условій, способствующихъ, чтобы разные порядки, вовсе одни на другіе непохожіе, уживались почти рядомъ другъ съ другомъ. То, что въ Россіи надобно изучать по отдѣльнымъ областямъ Великороссіи, Малороссіи, Волыни или казанской татарщины, — все это можно видѣть здѣсь какъ бы въ образчикахъ, сгруппированныхъ на незначительныхъ пространствахъ мѣста, точно въ музеѣ.

Ровная, какъ столъ, Кубанская степь, вся — хоть неряшливо распаханная подъ разные роды хлѣбовъ, вся уставленная огромнѣйшими станицами, издалека примѣтными своими безчисленными вѣтряными мельницами и ихъ широкими, махающими по вѣтру крыльями, эта земледѣльческая гладь, приближаясь къ низменностямъ, на большое пространство окружающимъ гор. Темрюкъ, почти сразу превращается въ настоящую южно-американскую табачную плантацію. Непривычное для россійскаго земледѣльческаго человѣка слово «плантація» начинаетъ слышаться поминутно; въ чистомъ полѣ или въ дорогѣ начинаетъ встрѣчаться фигура точь въ точь такого же самаго американскаго плантатора, какую мы видимъ на иностранныхъ объявленіяхъ о разныхъ новоизобрѣтенныхъ машинахъ всякаго рода: какой-то удивительный инструментъ (такъ обыкновенно рисуютъ на этихъ иллюстрированныхъ объявленіяхъ), вяжущій и бросающій готовые связанные снопы на телѣгу, подвигается по золотистой нивѣ, а рядомъ съ этимъ инструментомъ, на парѣ сильныхъ лошадей, въ изящной бричкѣ, въ широкополой соломенной шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ, мчится куда-то благообразный «плантаторъ». Такъ вотъ точь въ точь такіе благообразные плантаторы съ лицами, сіяющими удовольствіемъ и благополучіемъ, начинаютъ попадаться и здѣсь, а неразлучно съ благообразнымъ и благополучнымъ плантаторомъ начинаютъ попадаться буквально цѣлые обозы «рабочихъ рукъ»—къ сожалѣнію, также вполнѣ соотвѣтствующихъ американскому своему сотоварищу—негру. Здѣшнія «рабо-

чія руки» плантаціи—все женщины, все молодыя жены, молодыя дѣвушки. Десятки голыхъ женскихъ ногъ болтаются по краямъ нѣмецкаго фургона-телѣги, на которыхъ спина-о-спину насажено молодой женской силы столько, сколько влѣзетъ въ телѣгу. Въ Екатеринодарѣ существуетъ для найма работницъ на эти плантаціи настоящій женскій рынокъ. По воскреснымъ днямъ на мѣстномъ базарѣ съ ранняго утра стоитъ уже тысячная толпа этихъ рабынь, предлагающихъ на продажу свои руки и вынужденныхъ даромъ отдать все, чего пожелаютъ многочисленные администраторы табачнаго производства. Бѣдныя деревенскія дѣти, чисто по дѣтской наивности, полагаютъ, что нужно какъ можно лучше принарядиться, чтобы нашлись охотники купить этотъ товаръ; всѣ онѣ разодѣлись какъ «маковъ цвѣтъ», въ лучшихъ платочкахъ, точно собрались *пѣсни играть*. Сколько дѣтской наивности въ этой толпѣ женской молодежи, незнакомой еще съ ощущеніемъ *тоски въ трудѣ*, не подозрѣвающей, что эти «планташи» (мѣстное названіе плантаціи) умертвятъ въ нихъ это трудовое «веселье», которое они, дѣти деревни, трудовой жизни, привыкли не отдѣлять отъ работы! Планташи познакомятъ ихъ съ тяготою труда, на деньги «купленнаго» чужими людьми.

Не успѣли вы побывать въ американскихъ плантаціяхъ, какъ уже что-то совершенно непохожее на нихъ идетъ вамъ навстрѣчу. Кубань, приближаясь къ морю, течетъ по мѣстамъ все болѣе и болѣе низменнымъ. Рѣка эта вообще не особенно живописна и привлекательна: не изъ ключей и ключевыхъ ручейковъ, сливающихся по живописнымъ ложбинкамъ въ широко, прихотливо пробирающуюся по «удобнымъ» мѣстамъ рѣку — какъ вообще русскія рѣки—исходитъ Кубань и не ключевою водой наполнены ея некрасивые берега. Вся она — изъ талой снѣговой воды: холодная, свѣтлая, гремящая по скаламъ только въ истокѣ, спадая съ высоты ледяныхъ вершинъ Кавказскаго хребта, она превращается въ низменной равнинѣ просто въ сильный потокъ, пробивающій дорогу подъ вліяніемъ напора силы гдѣ попало, то-есть по тому направленію, по какому напираетъ сила бѣгущей изъ ледниковъ талой воды, и тотчасъ же грязнитъ свои кристальныя воды въ черноземѣ, который ей приходится рыть, чтобы на ровномъ мѣстѣ проложить себѣ дорогу. Берега Кубани некрасивы, точно топоромъ обрублены и грязны. И среди этихъ

грязныхъ, некрасивыхъ береговъ Кубань несетъ къ морю свои грязныя воды. Чѣмъ ближе подходитъ она къ Темрюку и къ морю, тѣмъ низменнѣе становятся ея берега; еще часъ назадъ берегъ возвышался надъ поверхностью теченія на аршинъ, а теперь едва виднѣется только на четверть аршина, а дальше и берегъ и вода уже на одномъ уровнѣ.

Подъ Темрюкомъ Кубань расходится въ разныя стороны многими рукавами, теряясь въ огромной и поистинѣ удручающей низинѣ; на огромное пространство кругомъ виденъ только сѣдой прошлогодній камышъ, торчащій изъ какой-то словно вдавленной земли. Эта-то вдавленность земли и производитъ душное, удручающее впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ бы на какой-то глубинѣ, несоразмѣрно далеко упавшей книзу, отъ высоты этого неба, этого солнца, отъ огромности всего этого воздушнаго пространства, которое, кажется, хочетъ навалиться на васъ и окончательно притиснуть къ притиснутой землѣ.

Нельзя не подивиться тѣмъ человѣческимъ существамъ, которыя и здѣсь, въ этихъ мертвенныхъ мѣстахъ, почти у самаго края берега, высота котораго вершокъ, находятъ возможнымъ ютиться въ какихъ-то хибаркахъ изъ камыша и надѣются «жить землей» здѣсь, гдѣ Кубань иногда разливается до такихъ размѣровъ, что сноситъ цѣлыя поселенія, стоящія на берегахъ ея сравнительно довольно высоко. Кто они, эти человѣческія существа? Какая адская нужда загнала ихъ сюда и заставляетъ въ потѣ лица трудиться тамъ, гдѣ Кубань каждую минуту грозитъ уничтоженіемъ, въ мгновеніе ока, плодовъ многолѣтнихъ и неустанныхъ усилій труда? Несмотря на явную очевидность невозможности жить здѣсь, передъ вашими глазами и пашня видна, и пахарь, и баба, и мальчонка безъ штановъ и безъ шапки, и камышевое лукошко вмѣсто избы, и наконецъ тотъ самый «Шарикъ», у котораго еще тогда, когда таинственные его хозяева жили гдѣ-нибудь въ Тульской губерніи, кошка выцарапала глазъ и телѣгой переѣхало лапу. Все это волею судебъ занесено сюда въ эти безплодныя, втиснутыя въ землю долины, копошится въ этихъ непривѣтливыхъ низинахъ, трудится въ потѣ лица, охраняемое отъ всѣхъ напастей единственно только тѣмъ же старымъ другомъ Шарикомъ, который и теперь съ такимъ же лаемъ, какъ бывало на родинѣ, бросается уже не на «прохожаго», а на чудовище-пароходъ, который, про-

ходя мимо камышеваго шалаша, такъ взбалтываетъ грязныя воды Кубани, что онѣ грозятъ снести съ лица земли все, только-что устроенное человѣкомъ на берегу. Какъ же не лаять изъ всѣхъ силъ на это чудовище? И Шарикъ дѣлаетъ, что̀ можетъ, — заливается лаемъ изъ всѣхъ силъ.

Люди, хорошо знающіе эти мѣста, говорятъ, что десять лѣтъ назадъ берега Кубани были пустыня. Теперь, проѣзжая на пароходѣ въ воскресный день, мы на каждомъ шагу встрѣчали по берегамъ народъ, глазѣвшій на пароходъ, постоянно видны хутора, большіе и малые, одинокіе домики, жалкіе поселки въ два-три двора, а затѣмъ, какъ я уже сказалъ, начали встрѣчаться камышевыя хибарки и плетушки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже мысль о возможности вообще «жить», да еще и земледѣльческимъ трудомъ, не могла бы придти въ голову, если бы во всемъ этомъ не сказывалась крайняя нужда безземельнаго человѣка.

Подъ самымъ Темрюкомъ эти шалаши изъ камыша и камышевыя хибарки начинаютъ попадаться все чаще и чаще, но обитатели ихъ уже не безземельные скитальцы, а темрюкскіе мѣщане-рыболовы. Проѣзжая на маленькомъ пароходѣ къ взморью, гдѣ останавливаются большіе морскіе пароходы, идущіе въ Керчь и далѣе до Ростова, вы дѣлаете много поворотовъ по рукавамъ изливающейся въ море Кубани и во многихъ мѣстахъ встрѣчаете эти плетушки изъ камыша, двухъ-трехъ человѣкъ, оперирующихъ что-то надъ только-что пойманной рыбой, и безчисленное множество лодокъ, разбросанныхъ повсюду, по всей поверхности широко разлившихся водъ. И все это большею частью какіе-то одинокіе рыболовы: вотъ чистый бородатый русакъ копошится съ своею сѣтью, опущенною въ воду, охраняя ее отъ набѣга парохода, а вотъ въ другой лодкѣ какой-то турокъ или грекъ въ фескѣ, а тамъ совершенно явственный «николаевскій» служака, у котораго когда-то бритое лицо заросло сѣдой, топырящейся щетиной. Эти на лодкахъ. А по берегамъ, тоже съ какими-то хитрыми ручными сѣтями, плетутся и мужчины, и женщины, и даже дѣти, и все одинъ по одному, «сами по себѣ». И глядя на эти одинокія, разносословныя, разнохарактерныя фигуры, еще разъ убѣждаешься въ обиліи «оригиналовъ» и «характерныхъ людей», которыхъ русская земля высылаетъ сюда вмѣстѣ съ «толпами» переселенцевъ, исключительно ищущихъ земли. И точно, много здѣсь типичныхъ

русскихъ людей, которые хотятъ жить «на свой образецъ», которые могутъ сказать про себя: «я самъ себѣ голова!». Но объ этомъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Теперь пойдемъ къ тому же Черному морю другой дорогой и, выйдя изъ Екатеринодара по направленію къ Новороссійску, сдѣлаемъ небольшой, верстъ въ сорокъ, крюкъ южнѣе обыкновенной фургонной дороги, идущей по берегу Кубани,—и мы опять въ совершенно новой, удивительно прекрасной мѣстности. Правда, и здѣсь уже чувствуется та «низина», которая далѣе переходитъ въ темрюкскія болота, но здѣсь эта низина постоянно перемежается съ отрогами Кавказскаго хребта и вмѣстѣ съ нимъ покрыта роскошною растительностью. Могучіе дубовые лѣса идутъ на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ, и, проѣзжая ими, я тысячу разъ вспоминалъ И. И. Шишкина: «вотъ,—думалось мнѣ:—гдѣ было бы раздолье его перу и кисти!»

Особенность этихъ вѣковыхъ дубовыхъ лѣсовъ та, что они, закрывая васъ отъ солнца и отъ неба своими густыми развѣсистыми зелеными вершинами, даютъ много простора по сторонамъ; чувствуешь надъ собой зеленый куполъ, а по сторонамъ просторныя широкія залы, съ безчисленными, но широко, просторно разставленными и величественными колоннами. Вѣковые дубы, могучіе, дышащіе обиліемъ и расцвѣтомъ силъ, стоятъ рѣдко другъ отъ друга, и стóитъ только взглянуть на этихъ гигантовъ, чтобы понять, почему вокругъ нихъ такъ просторно, почему нѣтъ поросли молодняка и всякаго неприглядняго бурьяна, котораго такъ много въ здѣшнихъ степяхъ: гиганту нужно «самому» такъ много, что онъ ужъ не даетъ никому поживиться тѣмъ, чтó ему надобно; солнечные лучи не добѣгутъ до земли— гигантъ съѣстъ ихъ самъ, своею зеленою вершиной; да и влагой земли тоже не придется поживиться никакому тощему переселенцу-зерну: «самъ» пьетъ за двадцатерыхъ— скоро ли нальешь «эту прорву»? Вѣдь въ этой прорвѣ шесть обхватовъ, сотни гигантскихъ сучьевъ, вѣтвей толщиною въ хорошее строевое бревно, вѣтокъ толщиною въ руку и сучковъ не тоньше самой толстой проволоки. А милліоны листьевъ? А милліоны желудей? И все это хозяйство надо прокормить, напоить, одѣть—и все это дѣлаетъ одинъ этотъ шестиобхватный насосъ, и вотъ почему эти гиганты стоятъ такъ просторно другъ отъ друга, мѣшаясь въ вышинѣ только вершинами, но далеко отстоя корнями

и стволами; вотъ почему такъ чисто въ этихъ просторныхъ залахъ, застланныхъ понизу зеленымъ ковромъ мелкой травки...

И вотъ въ такихъ-то чудныхъ лѣсахъ разбросаны хутора, станицы, деревни, разноплеменныя, своеобразныя. живущія каждая на свой образецъ.

Продолжая идти этою дорогой далѣе, мы придемъ уже въ пустынныя, но красивыя и живописныя горы, о которыхъ я писалъ въ первомъ письмѣ. черезъ горы очень скоро доберемся до Новороссійска, о которомъ также было говорено, а послѣ него передъ нами Черноморское побережье, многосложная исторія пустынности и необитаемости котораго также уже разсказана мною выше.

Итакъ, вотъ какъ много разнообразія въ томъ крошечномъ уголкѣ, который только мелькомъ довелось оглядѣть мнѣ не болѣе какъ въ теченіе одного мѣсяца... А какое разнообразіе людей и какое удивительное обиліе оригиналовъ всякаго рода!

2.

Обиліе людей всякаго званія и въ особенности «оригиналовъ» также всякаго образца стало поражать меня съ той самой минуты, когда я, оставивъ станцію Тихорѣцкую и доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до другой станціи, откуда шла старая почтовая дорога на Екатеринодаръ, очутился наконецъ въ фургонѣ, въ обществѣ цѣлыхъ трехъ попутчиковъ, которые весьма скоро всѣ до одного оказались каждый на свой образецъ.

— Чтò новенькаго въ газетахъ?—едва фургонъ тронулся по пыльной дорогѣ станичнаго базара, спросилъ меня человѣкъ цыганскаго типа, оказавшійся моимъ сосѣдомъ. Спросилъ онъ меня о газетахъ потому, что, садясь въ фургонъ, я сунулъ газету за подушку.

Я недоумѣвалъ, чтò можетъ быть интересно знать изъ газетъ этому цыгану, въ казакинѣ, въ мерлушечьей шапкѣ, «при цѣпочкѣ» и при золотыхъ кольцахъ, дающихъ право думать о незнакомцѣ, какъ о тенорѣ или баритонѣ цыганскаго хора. Не помню, чтò я отвѣтилъ на его вопросъ.

— Хотѣлось бы мнѣ узнать насчетъ маршала Серрано...—какъ бы призадумавшись о чемъ-то, проговорилъ онъ.

Фамилія извѣстнаго испанскаго генерала, маршала, политическаго дѣятеля, въ устахъ этого цыгана изумила меня.

— Да что же вамъ надо о немъ знать?

— Да такъ собственно. Поди, ужъ старичокъ сталъ?.. Они вѣдь съ Примомъ какъ орудовали, — пора и на покой!..

Я вспомнилъ, что, кажется, въ газетахъ было напечатано о смерти этого дѣятеля, и сказалъ:

— Умеръ онъ!

— Умеръ? Ну, царство небесное! Помутилъ на своемъ вѣку довольно, а ничего старичокъ!..

— Да какъ же вы его знаете?

— Нашъ баринъ на его дочери женатъ... Изабелла, кажется, Андреевна... Ужъ забылъ я... Очень хорошая дама!.. Ну, да лучше ужъ и не вспоминать! Прошли эти времена!

Онъ съ грустью махнулъ своею коричневою съ перстнями рукой и нѣкоторое время, задумавшись о чемъ-то, молча смотрѣлъ въ окно фургона.

— Не далъ мнѣ Богъ послужить имъ, хорошимъ господамъ! Потому что я былъ дуракъ! Вотъ отчего! безкорыстіе во мнѣ, въ дуракѣ, было, честность!.. Отъ честности своей безкорыстной нахожусь я теперь, вотъ какъ видите... ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ... Догадало меня, по глупости моей, не молодому барину съ барыней предать себя на услуженіе, а напротивъ—дядѣ ихнему, чорту сущему, я вѣрой и правдой служилъ... Вотъ въ чемъ! Господь меня помутилъ! И не баринову руку держалъ, а его сестры, племянницы,—стало-быть, моего-то чорта... А кто она, племянница-то? Мотовка! А я все ее передъ чортомъ-то огораживалъ, потому надѣялся, что поддержитъ она меня передъ дядей, и тотъ въ завѣщаніи не забудетъ меня... Пятнадцать лѣтъ я такъ-то прозудилъ! И чего только ни натерпѣлся!

И понемногу онъ разсказалъ весьма любопытную исторію жизни своей у одного крупнѣйшаго малороссійскаго помѣщика, знаменитаго скряги, превосходящаго Плюшкина, и необычайнаго кляузника въ малѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ, превосходящаго самого Іудушку. Описавъ тысячи уловокъ, безъ которыхъ рѣшительно нельзя было ступить шагу, живя около этого человѣка и проживъ даромъ потраченныя пятнадцать лѣтъ, онъ сказалъ съ грустью:

— Съ тѣхъ поръ вотъ и маюсь—то сюда, то туда! Отъ одного дѣла къ другому, а толку все нѣтъ!

Разсказалъ онъ про «хлѣбное дѣло», къ которому онъ присталъ послѣ того, какъ молодой баринъ отказалъ ему отъ мѣста, но въ скоромъ времени прогорѣлъ.

— Были у меня кое-какія крохи, тысячъ пять — всѣ ухнули! Повѣрите ли? Даже посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ.

Затѣмъ разсказалъ про винное дѣло, про разныя операціи съ кизляркой, про всякія поддѣлки станичныхъ винъ — и опять вышло плохо, такъ плохо, что, горюя о неудачѣ, цыганообразный человѣкъ по забывчивости окончилъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ уже сказанными ранѣе словами:

— Повѣрите ли? Посѣдѣлъ даже съ тѣхъ поръ!

Много дѣлъ, по его разсказамъ, предпринималъ, и все выходило такъ, что оставалось только посѣдѣть... Наконецъ онъ умолкъ на нѣкоторое время, глубоко о чемъ-то вздыхалъ и вдругъ съ оживленіемъ и какъ бы рѣшительностью спросилъ меня:

— Не посовѣтуете ли вы мнѣ, какъ тутъ быть?

Пучокъ бумагъ быстро былъ вытащенъ изъ бокового кармана казакина.

— Замучила меня эта погань... слѣдствіе! Окружной судъ оправдалъ, а прокуроръ подалъ на апелляцію—опять дѣло начинается вновь!

Бумагъ была такая пропасть, что я не рѣшился и трогать ихъ, а спросилъ:

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Да такъ... чепуха!—пряча бумаги въ карманъ и слегка сконфузившись, сказалъ онъ.—Такъ... просто ерунда... Подняли газеты...

— Однако?

— Н-ну...

Онъ помолчалъ, возясь рукою съ бумагами въ карманѣ.

— Н-ну... Читали въ газетахъ про *народный одеколонъ?*

— А!..

— Ну вотъ!.. Такъ, ерунда! А какое дѣло подняли! До того измучили—даже, кажется, посѣдѣлъ отъ этого...

Но въ этотъ разъ, кажется, и самъ разсказчикъ услыхалъ собственное свое привиранье и, чтобы загладить впечатлѣніе этого троекратнаго «сѣдѣнія» по случаю трехъ разныхъ плутней, поспѣшилъ вновь возвратиться къ началу собственныхъ несчастій.

— Нѣтъ! Дуракъ, дуракъ былъ я! Чортъ-то мой умеръ скоропостижно, въ домѣ былъ одинъ я да дьячокъ... А въ шкатулкѣ было сто девяносто восемь тысячъ... Чего бы стоило? Дьячокъ-то рвался отъ злобы: «Боже мой! Давай! Карьера! Чортъ! Бери!..» Нѣтъ! Была глупость—не взялъ

ни копейки! Каждый Божій день себя за это проклинаю. Мыкайся вотъ!

— А теперь куда вы ѣдете?

— Въ Екатеринодаръ.

— Что же, дѣло есть какое-нибудь?

— Дѣло-то есть... только далъ бы Богъ... да вотъ!

Онъ порылся въ своихъ бумагахъ и далъ мнѣ какой-то печатный листокъ. Къ величайшему сожалѣнію, листокъ этотъ затерялся во время моихъ разъѣздовъ, но содержаніе его было слѣдующее:

Вверху листка было напечатано: «*Амстердамъ. Банкирскій домъ* (такой-то)». А далѣе слѣдовало на русскомъ языкѣ подробное изложеніе порядка подписки на пятипроцентные выигрышные билеты. Желающій участвовать въ извѣстной части выигрыша, имѣющаго выпасть на десять билетовъ, постепенно выплачиваетъ семьдесятъ пять рублей, а когда на какой-нибудь изъ десяти билетовъ выпадетъ выигрышъ, то подписчикъ получаетъ изъ него соотвѣтственную своему взносу часть. Деньги (до 75 р.) вносятся постепенно по пяти рублей въ мѣсяцъ, не менѣе; нумера билетовъ будутъ извѣстны подписчику тогда, когда онъ уплатитъ половину подписной суммы. Вопросы, пересылка денегъ и прочее—все это дѣлается чрезъ агента, каковымъ и состоитъ цыганскаго типа человѣкъ, посѣдѣвшій въ плутовствѣ до трехъ разъ.

— И берутъ?—спросилъ я.

— Да какъ же не брать-то? Это дѣло законное. Въ Амстердамѣ вѣдь нашъ посланникъ существуетъ. Ужъ онъ не дозволитъ плутовать! Амстердамская держава, все одно какъ Россія—та же имперія—обману не допуститъ.

Получая понемногу взносы, онъ пользуется ими для своихъ оборотовъ, пока не набѣжитъ до половины, и затѣмъ такъ же пользуется взносами за вторую. Со всей же суммы 75 рублей онъ получаетъ извѣстный процентъ. При нынѣшнемъ колеблющемся умонастроеніи какъ общества, такъ и народныхъ массъ, является множество охотниковъ «сыграть въ темную», рискнуть «на счастье», и человѣкъ цыганскаго типа не хулитъ своего предпріятія.

Есть у него еще и другіе планы, гораздо болѣе капитальные, чѣмъ амстердамскія операціи съ выигрышными билетами. Въ Ростовѣ живетъ агентъ другой иностранной банкирской фирмы и раздаетъ деньги *крестьянамъ* подъ общественные приговоры за 18 процентовъ въ годъ. Вотъ

и къ этому дѣлу желалъ бы примазаться человѣкъ цыганскаго типа. Крестьянъ-переселенцевъ, нуждающихся въ кредитѣ уже послѣ покупки земли, теперь масса на Кавказѣ и на югѣ вообще, да и осѣдлымъ казакамъ также кредитъ необходимъ для разныхъ оборотовъ.

— Что же, — спросилъ я: — выдавали уже ссуды кому-нибудь *изъ крестьянъ?*

— Пока еще нѣтъ. Пока наберется извѣстное количество приговоровъ (не помню, сколько именно), тогда и будутъ выдавать. Теперь же пока взимаютъ съ крестьянъ по десяти рублей за представленіе приговора.

Сколько можно судить, и эти десять рублей, въ ожиданіи начала операціи, не лежатъ даромъ въ карманахъ иностранныхъ агентовъ, а идутъ также въ оборотъ, на покупку хлѣба, вина, скота и т. д.

Все это, разсказанное цыганскаго типа человѣкомъ,— положительно капля въ морѣ всевозможныхъ стремленій со стороны рубля, идущаго за наживой въ расшатанныя народныя массы,—стремленій, о которыхъ слышишь постоянные разговоры и на которыхъ сосредоточены мечтанія массы темныхъ личностей, повсюду кишащихъ *на новыхъ мѣстахъ.*

Человѣкъ цыганскаго типа былъ такимъ образомъ первымъ образчикомъ людей такого сорта и первымъ неординарнаго свойства человѣкомъ, котораго мнѣ пришлось встрѣтить, едва я сѣлъ въ фургонъ. Но и второй «типъ» былъ не за горами.

Лицомъ ко мнѣ и спиной къ фургонщику сидѣлъ молоденькій мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, армянскаго типа и, повидимому, очень хорошо воспитанный или выдрессированный. Во время нашего разговора съ авторомъ *народнаго одеколона* онъ иногда дѣлалъ какой-нибудь вопросъ, всегда самаго практическаго свойства и всегда на самомъ лучшемъ литературномъ языкѣ. Эта благовоспитанность, умѣнье себя хорошо и прилично держать и прекрасный языкъ заставили меня спросить его:

— Вы учились?

— Какъ же. Я вышелъ изъ четвертаго класса классической гимназіи.

— Зачѣмъ же вы бросили гимназію?

— Да какъ вамъ сказать? У моего дяди есть ресторанъ и лѣтній садъ (онъ назвалъ одинъ изъ большихъ кавказкихъ городовъ). Ну, какъ-то лѣтомъ во время каникулъ

онъ и пригласилъ меня вести счеты за буфетомъ. Я самъ изъ *** (онъ назвалъ другой кавказскій городъ), тамъ и моя мать. Думаю, отчего мнѣ не поѣхать въ Т.? Туда учителя изъ нашей гимназіи не пріѣзжаютъ, за буфетомъ меня не увидятъ, и, стало-быть, мнѣ стыдно не будетъ. Кончатся каникулы—и я опять буду въ классѣ... И пятьдесятъ рублей, которые дядя обѣщалъ, тоже деньги... Но дядя меня обидѣлъ—около перваго августа разсчиталъ и далъ только тридцать. Это меня разсердило. А я уже привыкъ къ буфету, и мнѣ понравилось. На минеральныхъ водахъ сезонъ еще не кончился... Подумалъ я — куда: въ гимназію или Кисловодскъ?—да и сбѣжалъ въ Кисловодскъ... Здѣсь заработалъ въ одинъ мѣсяцъ до восьмидесяти рублей. Потянуло въ Ялту... Тутъ случился эпизодъ съ одной барыней: втроемъ (насъ гуляло трое: я, нѣмецъ и грекъ) мы съ нея взяли двѣсти рублей. Съ этими деньгами я поступилъ въ самую лучшую ялтинскую гостиницу: купилъ отличнѣйшій фракъ, все платье, бѣлье лучшаго сорта. Ну, конечно, доходы — говорить нечего! Собралось у меня денегъ восемьсотъ рублей; сошелся я съ поваромъ, сняли въ N. лѣтній садъ. Привезъ я изъ Харькова четырнадцать арфистокъ; посуду, мебель—все магазины даютъ въ долгъ, съ уплатой каждый день изъ кассы. Все бы хорошо. Арфистки подобрались бойкія, на подборъ; четырнадцать столовъ ужъ это каждый Божій день до бѣла свѣта ужинаютъ. Отлично было-пошло, только вдругъ начались проливные дожди! И представьте: безъ перерыва полтора мѣсяца! Пришлось бросить все и просто бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ... Попробовалъ-было я въ Ростовѣ — тамъ надо самому еще платить хозяину гостиницы 50 коп. — много народа. Вотъ теперь ѣду въ Е., — кажется, тамъ будетъ поживѣе... Три шантана уже открыто и насчетъ женскаго пола тоже... пріѣзжихъ очень много... Можетъ-быть, и поправлюсь.

Въ началѣ рѣчи этого мальчика, когда онъ говорилъ о гимназіи и о томъ, что учителя и товарищи не увидятъ его за буфетомъ, въ его голосѣ слышалось что-то тоскливое и стыдливое; но по мѣрѣ того, какъ разсказъ продолжался, и по мѣрѣ того, какъ «деньги» начинали въ немъ играть первенствующую роль (благодаря толчку въ этомъ направленіи, данному обманомъ дяди), никакой застѣнчивости и ни малѣйшихъ признаковъ скромности не звучало уже въ его рѣчи. О «скандальныхъ» ялтинскихъ эпизодахъ,

объ успѣшной «торговлѣ арфистками», о томъ, что въ городѣ Е., къ счастью, уже начался развратъ — обо всемъ этомъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, ученикъ четвертаго класса гимназіи, говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлахъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію и критикѣ. И опять повторяю, нѣсть числа въ этихъ новыхъ мѣстахъ толпамъ всякаго темнаго народа, идущаго «на рубль», какъ «на огонекъ».

Что-то глубоко оскорбляющее чувствуется на сердцѣ всякій разъ, когда придется хотя нѣкоторое время побыть въ одномъ изъ такихъ «новыхъ», на рублѣ и для рубля возникающихъ человѣческихъ общежитій. Повидимому, въ этихъ городахъ съ рублевымъ корнемъ въ основаніи общежитія жизнь выражается въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ городахъ, постепенно выросшихъ изъ деревень и разросшихся до размѣровъ большихъ торговыхъ центровъ; и тамъ и тутъ—суды, церкви, гостиницы, базары, театръ, трактиръ, газетка, воръ, нищій, проститутка. Все то же тамъ и тутъ, но при первомъ же внимательномъ отношеніи къ собственному вашему ощущенію чего-то оскорбительнаго, что̀ возникаетъ при посѣщеніи этихъ «новыхъ» городовъ, вы ясно видите, что тутъ все хоть и то же, да не то.

Городъ, выроставшій постепенно изъ маленькаго трудового зерна—деревни, жилъ одинаково всѣми достоинствами и недостатками собиравшихся сюда людей; рядомъ съ богачомъ появлялся и святой; хорошее и худое выростало *невольно* для собравшихся здѣсь людей. Если появилась гдѣ-нибудь «на тычкѣ» отчаянная дѣвка Мароутка, то появилась потому, что «характерная», «нравная», и крутитъ на свой страхъ. Параллельно съ безстыжими поступками Мароутки шли и разговоры о томъ, какъ и отчего все это съ нею вышло. Происхожденіе вора Антошки также было у всѣхъ на глазахъ: дѣло его обсуждалось, разбиралось всѣмъ обществомъ, и всѣмъ было ясно, отъ какихъ причинъ и ошибокъ Антошка погубилъ свою жизнь. Надо всѣмъ этимъ можно было, а главное — *нельзя* было не думать всему обществу, начавшему жить и живущему вмѣстѣ съ Антошкой.

И совсѣмъ не то происходитъ, когда города выростаютъ сразу во имя только рубля.

Вчера еще здѣсь было совершенно дѣвственное мѣсто; о дѣвственный берегъ плескалась дѣвственная морская волна, а по берегу шумѣлъ дѣвственный лѣсъ. Но въ то

же самое время, когда ни единый живой человѣкъ не помышлялъ поселиться здѣсь, — такъ здѣсь дико и страшно одинокому, — гдѣ-то въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, въ банкирскихъ финансовыхъ мозгахъ уже созрѣвалъ планъ эксплоатаціи этой мѣстности; уже сосчитано количество милліоновъ франковъ, милліоновъ марокъ, нужныхъ для того, чтобы положить начало *жизни* въ этихъ мѣстахъ безжизненныхъ. И вотъ приходятъ сюда милліоны (въ Новороссійскъ, напримѣръ, милліонъ пришелъ отъ г. Фрейсине), и только во имя ихъ начинаютъ стекаться сюда люди. «Тамъ деньги» — думаютъ техники, механики, инженеры, и ѣдутъ сюда. «Тамъ деньги»—слышатъ рабочіе, слышатъ темные люди, слышитъ всякая голытьба. «Тамъ деньги»—чуютъ носомъ аферисты всѣхъ сортовъ, и все это идетъ сюда къ деньгамъ, и за деньгами, и во имя денегъ. Здѣсь вы видите, что не только *невозможно порицать* Марѳутку за ея поведеніе, но, напротивъ, *надобно съѣздить* въ Харьковъ, Ростовъ, накупить тамъ Марѳутокъ и привести ихъ сюда и «организовать проституцію», какъ такое дѣло, безъ котораго нельзя жить въ современномъ обществѣ. Здѣсь, ничего не видя, *надобно* уже почти на пустомъ дѣвственномъ мѣстѣ строить острогъ, потому что воры придутъ непремѣнно, нельзя безъ этого. *Надобно* строить кафе-шантанъ, потому что также невозможно безъ этого; надобно открывать гостиницы съ номерами, надобно заблаговременно отводить мѣста подъ трущобы и публичные дома. Словомъ, здѣсь, въ этихъ новыхъ городахъ, люди *сознательно* тащатъ на чистую, невинную землю всевозможный мусоръ, сами, своею волей, *должны* заводить грязь и всякую гадость, и такимъ образомъ, будучи, во-первыхъ, чужды другъ другу совершенно, чужды по національностямъ, по личной жизни, по личнымъ планамъ относительно своего будущаго, они сходятся въ какое-то якобы общество во имя только рубля, одинаково какъ капиталистъ, такъ и рабочій, адвокатъ, техникъ, проститутка, журналистъ, воръ, даже монахъ, и, сойдясь на рублѣ, они начинаютъ жить уже съ нечистоплотной душой: всѣ они сами завели всѣ эти язвы, и потому всякая критика этихъ язвъ съ ихъ стороны—фальшь и ложь. По совѣсти имъ нельзя критиковать ничего: всѣ знаютъ, что безъ этихъ язвъ, безъ этой гадости, нанесенной на дѣвственную почву, *нельзя жить*, что такъ-то именно, съ грязью-то, *нарочно* организованною, и неизбѣжно жить, и вотъ почему даже журналистъ, по-

являющійся съ газетой въ такихъ *новыхъ*, бойкихъ, оживленныхъ капиталомъ мѣстахъ и самъ желающій оживить свой капиталъ, неминуемо начинаетъ дѣло, вводя и въ него язву сознательной неправды. Онъ беретъ для своей газеты самый послѣдній газетный шаблонъ, точь въ точь какъ содержатель кафе-шантана устраиваетъ его по послѣднему петербургскому образцу: онъ бурлитъ въ передовыхъ статьяхъ о французскомъ министерствѣ, радуется возрожденію флота, печатаетъ анекдоты скоромнаго свойства, дѣлаетъ замѣтки съ восклицательными знаками о самоубійствѣ, кувыркается въ фельетонѣ, печатаетъ пикантные разсказы, гражданскою скорбью скорбитъ о неправдѣ,— словомъ, одѣтъ по послѣдней модѣ; но *нѣтъ въ немъ возможности* быть искреннимъ: онъ искренно шелъ только за рублемъ, искренно зналъ, что безъ грязи и неправды *невозможно* обойтись, что даже *нужна она*, эта грязь, что ее *нужно* принести въ корзинкѣ, выписать по почтѣ и положить на чистое мѣсто для того, чтобы жизнь не имѣла прорѣхъ и была *какъ вездѣ*. Всѣ свои шаблоны пресса такого рода беретъ готовыми: на пять верстъ вокругъ рубля, который возродилъ ее, она не видитъ ничего для себя важнаго и интереснаго и, несмотря на внѣшній лоскъ и блескъ, мертва внутренно, безжизненна, холодна, какъ трупъ. Она не оживитъ, не разовьетъ ни одного дарованія, не окрылитъ ничьей мысли; она родилась безъ крыльевъ или сознательно оборвала ихъ, искренно помирившись съ необходимостью грязи и неискренно протестуя противъ нея.

Почти въ каждомъ человѣкѣ, пришедшемъ на новое мѣсто изъ-за рубля, вы только съ огромными усиліями можете добраться до его настоящей человѣческой сущности, и всегда она будетъ чуждая вамъ. Даже въ семейной жизни, въ любви, не поручитесь вы за то, что рубль не участвовалъ въ ней или не участвуетъ. Задушевныя ноты начинаютъ прорываться только тогда, когда дѣло коснется интимнѣйшихъ сторонъ біографій каждаго, будь то журналистъ, рабочій, капиталистъ. И тогда вы видите, что искренно мыслитъ всякъ изъ нихъ не о томъ, что̀ здѣсь кругомъ него, а о чемъ-то далекомъ. Берлинскія, вѣнскія, орловскія, петербургскія, бердичевскія горести, надежды и упованія—вотъ гдѣ они настоящія; здѣсь онъ чужой, среди чужихъ, здѣсь онъ вѣритъ только въ рубль, и всѣ красивыя слова, которыя онъ говоритъ вамъ, всѣ только для того, чтобы не видна была (даже и ему самому) его хо-

лодная, быть-можетъ, только временно, но умершая во имя рубля душа.

Это—«ненастоящая» жизнь, и переносить ее даже послѣ самаго короткаго соприкосновенія съ народной жизнью, гдѣ личная забота неразрывна съ душевнымъ настроеніемъ такъ же, какъ и со всѣмъ обиходомъ жизни, положительно невозможно.

Однако не въ этомъ дѣло, и мнѣ уже давно слѣдовало бы возвратиться къ моимъ попутчикамъ.

Я разсказалъ только про двоихъ, но въ фургонѣ было, кромѣ пишущаго это письмо, еще два человѣка: мужичокъ, сидѣвшій рядомъ съ извозчикомъ, и наконецъ самъ извозчикъ.

Мужичокъ съ длинными волосами, висѣвшими длинными космами изъ-подъ теплой шапки и падавшими на широкій воротникъ широкаго армяка, имѣлъ въ лицѣ что-то не вполнѣ крестьянское: эти волосы и бороденка, впалыя щеки и тонкій голосъ—все это заставляло думать, что если онъ и не изъ духовныхъ и не знакòмъ съ клиросомъ, то во всякомъ случаѣ онъ и не мужикъ.

Покуда мой цыганскаго типа сосѣдъ и литературнымъ языкомъ излагающій всякія гадости мальчикъ разсказывали мнѣ свои біографіи и планы, мужичокъ велъ непрестанные разговоры съ извозчикомъ.

— Вò какіе! Груши, напримѣръ! Яблоки! Господи Боже мой! Рубль серебромъ — сто мѣръ! Подъ Майкопомъ—даромъ бери, сколько хошь! Передъ Богомъ, я самъ ѣздилъ. Орѣхòвъ—бери, сдѣлай одолженіе, хоть сто возовъ—никто слова не скажетъ!

Такія слова и полуфразы, произносимыя какимъ-то напряженно визгливымъ теноромъ, поминутно доносились до меня въ промежуткахъ разсказовъ объ испанскихъ маршалахъ, одеколонѣ, Амстердамѣ, арфисткахъ и т. д. И когда эти разсказы были окончены, дошла очередь и до мужичка. Можно было вполнѣ слышать все, чтò онъ толковалъ, можно было и разспросить, куда и зачѣмъ онъ ѣхалъ.

Онъ былъ дѣйствительно не мужикъ, но *сдѣлался мужикомъ*, хотя очень недавно. Отецъ его былъ портной и тому же портняжному мастерству обучалъ и сына. Уроженцы и жители они были Курской губерніи. По смерти отца сынъ продолжалъ отцовское ремесло, но его увлекло переселенческое движеніе его односельчанъ, и онъ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о привольныхъ мѣстахъ, при-

сталъ къ переселенческой партіи безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ надеждъ — и ушелъ на новыя мѣста. Это былъ нервный, впечатлительный человѣкъ. Выбравшись изъ своей душной портновской каморки на вольный свѣтъ, онъ былъ до высшей степени возбужденъ новизной и разнообразіемъ впечатлѣній; и эта возбужденность не пропала въ немъ и сейчасъ: о чудесахъ кавказскихъ горъ и лѣсовъ онъ разсказываетъ съ увлеченіемъ сказочника, вѣритъ всякимъ легендамъ о богатствахъ, скрывающихся тамъ, въ глубинѣ этихъ горъ и лѣсовъ. Широта, просторъ и воля, а главное—свобода мечтанія, пришлись ему, очевидно, по вкусу: онъ пристрастился къ земледѣльческому труду, полюбилъ его, вошелъ во вкусъ мельчайшихъ подробностей этого труда и трудовой жизни; наблюденій у него масса—относительно земли, травы, пахоты, дождей, засухъ, скотины. Земледѣльческая жизнь заполонила его всего; изъ работниковъ онъ выбился въ хозяева, женился и вотъ теперь ѣдетъ въ Екатеринодаръ, ходокомъ отъ всего общества, хлопотать за мужицкія права, попираемыя казакомъ. Впослѣдствіи я подробно разскажу о томъ, что творится здѣсь между такъ-называемыми «иногородними», т.-е. пришлыми крестьянами, и мѣстными жителями, казаками: теперь же скажу, что общество крестьянъ, притѣсняемыхъ казаками, сдѣлало удачный выборъ: этотъ неофитъ въ земледѣльческомъ трудѣ, крайне впечатлительный отъ природы и весь проникнутый любовно воспринятыми впечатлѣніями привольной, разнообразной, поэтической, трудовой жизни,—этотъ ходатай постоитъ за тѣ 500 семействъ, которыя его послали хлопотать объ ихъ дѣлѣ; этотъ не уступитъ, «вопьется» и ужо добьется своего, доймотъ одним ъ своимъ теноромъ, дребезжащимъ какъ колокольчикъ.

Этотъ оригиналъ «сдѣлался мужикомъ» и радъ этому *весь*, радъ до мозга костей, а вотъ извозчикъ, который везетъ этотъ фургонъ, наполненный, какъ видите, оригиналами,—такъ тотъ *не хочетъ быть мужикомъ*.

— Что,—спрашиваетъ онъ меня, когда къ этому представилась возможность:—не слыхали, какъ желѣзная дорога, не пойдетъ на Анапу?

— Кажется, не пойдетъ.

Начинаются продолжительные общіе разговоры о новой дорогѣ, при чемъ человѣкъ цыганскаго облика принимаетъ большое участіе: онъ знаетъ дѣло хорошо. Дорога будетъ проведена непремѣнно въ Новороссійскъ; г. Фрейсине за-

тратилъ тамъ уже большія деньги; даже войны въ Греціи не будетъ, потому что тогда г. Фрейсине не проѣдетъ съ своимъ керосиномъ, братъ-министръ этого не допуститъ; и если Греціи нельзя получить Олимпа изъ-за керосина г. Фрейсине, то Анапа уже и думать ни о какихъ полученіяхъ не должна.

— А тебѣ чего такъ въ Анапу-то непремѣнно захотѣлось?—спросилъ фургонщика цыганскаго обличья человѣкъ, доказавъ ему всю несостоятельность его надеждъ.

— Да домишко у меня тамъ есть. Кабы прошла дорога, продалъ бы, купилъ бы земли, дѣтей бы пристроилъ къ серьезному дѣлу, а теперь съ чѣмъ начать? Начать не съ чѣмъ!..

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Ужъ сколько я твердилъ: возьмитесь за дѣло, будетъ вамъ шарлатанить! Надобно имѣть постоянное занятіе — нѣтъ, куда! Старшій у меня сынъ тоже съ фургономъ ѣздилъ, ну, и въ карты любитъ... все думаетъ разжиться легко... Какъ же! Я седьмой десятокъ живу—не разжился!.. Теперь вотъ все Новороссійскъ у всѣхъ на языкѣ... Мой Казимиръ задумываетъ виномъ торговать. Изобрѣлъ такое средство, что изъ подсолнуховъ будетъ дѣлать ромъ, коньякъ. «Жареные подсолнухи, говоритъ, со спиртомъ большія деньги дадутъ»... Вотъ какія затѣи!.. Я ужъ говорилъ-говорилъ—ничего нѣтъ толку!

— Плохо внушаешь! — нравоучительно сказалъ цыганскаго вида человѣкъ.—Надобно съ дѣтьми поступать строго, безъ послабленія...

— Такъ-то оно такъ!

Старикъ замолчалъ и молчалъ довольно долго.

— Оно такъ!—сказалъ онъ наконецъ.—Это справедливо, что я самъ слабъ... Да вѣдь что̀ будешь дѣлать, кровь-то во мнѣ дворянская! Ничего не подѣлаешь! Какъ задумаю о крестьянствѣ—лучше ничего нѣтъ; а какъ вспомню, что во мнѣ дворянская кровь, такъ руки и опускаются.

— Нѣтъ ничего худого пахать!

— Чего худого!.. первое дѣло!.. Навѣки человѣкъ спокоенъ... Я вѣдь это понимаю!.. Да вѣдь дворянинъ я, кровь во мнѣ дворянская! Какъ же я въ мужики-то оборочусь? Это ужъ мнѣ должно быть обидно!..

— Ты откуда будешь?

— Я полякъ! У меня всѣ документы дворянскіе, такъ какъ же мнѣ за сохой-то ходить?.. Вотъ и сыновья тоже несогласны...

— Да, дворянину трудно за соху браться.

— Не трудно, а обидно! Дворянская кровь препятствуетъ...

— Такъ, стало-быть, коньякъ изъ поджаренныхъ подсолнуховъ будемъ пить?

Бѣдный старикъ горько усмѣхнулся, вздохнулъ и не отвѣчалъ. И точно, трудно ему: ему болѣе шестидесяти лѣтъ, а онъ все мыкается въ фургонѣ, стараясь набрать какъ можно больше пассажировъ, а самъ поэтому помѣщается всегда на самомъ неудобномъ мѣстѣ, на подножкѣ у козелъ, подложивъ подъ сидѣнье мѣшокъ съ овсомъ и трясясь всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ на каждомъ толчкѣ. Но и въ этомъ неудобномъ положеніи онъ старается сохранить свое достоинство. Онъ не побѣжитъ къ рѣчкѣ налить для пассажира воды въ бутылку—это не его дѣло: остановится, чтобы сойти и напиться воды,—не сразу и не тамъ, гдѣ ему велятъ, а непремѣнно подальше или поближе: лошадей онъ не колотитъ «по мордѣ» кнутомъ, когда онѣ нейдутъ, и не оретъ на нихъ, а слѣзетъ и подойдетъ какъ-то особенно, не спѣша, разставивъ локти, какъ пѣвецъ, приближающійся къ рампѣ, чтобы пропѣть грозную арію; «на чай» не проситъ; къ столу, гдѣ пьютъ пассажиры, не подсаживается и вещей не вытаскиваетъ изъ тарантаса на своей спинѣ. Но при всѣхъ этихъ проявленіяхъ какихъ-то своихъ особенностей онъ еле-еле перебивается, безпрерывно ломая свои кости въ ежедневной ѣздѣ. При страшной дороговизнѣ корма, трехдневная ѣзда съ остановками едва даетъ ему два рубля чистаго заработка. Проѣздивъ безпрерывно всю Страстную недѣлю, онъ повезъ къ праздику домой въ Анапу всего восемь рублей.

Самый завалящій казакъ и самый обиженный судьбой мужикъ живутъ покойнѣе и лучше его. Но что̀ прикажете дѣлать—«дворянская кровь препятствуетъ!», и старикъ, родившійся дворяниномъ, не хочетъ умереть мужикомъ, хотя завидуетъ ему въ глубинѣ души.

Вотъ первые попутчики перваго *полъ-дня* моей поѣздки. Прибавьте къ этимъ четыремъ біографіямъ, ни въ чемъ другомъ другъ на друга не похожимъ, пятую біографію, т.-е. біографію пишущаго эти строки, намеки на которую были сдѣланы въ первой главѣ, и вы сразу получите такой букетъ оригиналовъ, жизни и цѣли которыхъ рѣшительно не имѣютъ ничего общаго, что маленькій фургонъ долженъ

представиться вамъ большимъ романомъ, не уступающимъ «Пиквикскому клубу».

Но это только «попутчики» перваго полъ-дня. А вѣдь въ нашемъ распоряженіи есть и еще полъ-дня.

IV. Мирошникъ.

1.

Выѣхали мы, всѣ пять типовъ и оригиналовъ, съ желѣзнодорожной станціи часу въ первомъ дня, а въ семь часовъ того же дня остановились кормить лошадей на первомъ по пути постояломъ дворѣ. Такимъ образомъ не болѣе какъ въ теченіе шести часовъ я успѣлъ познакомиться съ четырьмя разнохарактернѣйшими біографіями (пятую я зналъ про себя), а съ семи часовъ, т.-е. съ момента въѣзда нашего фургона въ ворота постоялаго двора, снова начался новый рядъ самыхъ разнообразнѣйшихъ встрѣчъ, знакомствъ и приключеній.

Постоялый дворъ, куда мы въѣхали, впослѣдствіи мнѣ пришлось посѣтить еще нѣсколько разъ, и я могу разсказать объ этихъ «остановкахъ» для корма лошадей нѣсколько подробнѣе, чѣмъ разсказывалъ до сихъ поръ о случайныхъ дорожныхъ встрѣчахъ. Дворъ этотъ стоялъ поодаль отъ станицы, въ сторонкѣ, потому что хозяинъ его, казакъ, держалъ мельницу, а мельницы всегда строятся на окраинахъ станицъ. Мельница эта досталась хозяину отъ отца, по раздѣлу между тремя братьями, послѣ его смерти; оцѣнивъ все отцовское имущество въ 4.500 р., братья раздѣлили его такъ: одинъ взялъ хорошій большой домъ подъ желѣзной крышей, оцѣненный въ тысячу рублей, и 500 р. долженъ былъ ему же заплатить второй братъ, получившій мельницу и маленькую хатку, которыя были оцѣнены въ двѣ тысячи; третьему досталось разнаго имущества, скота и т. д. также ровно на 1.500 р. Всѣ три постройки, т.-е. большой домъ подъ желѣзной крышей, маленькій домикъ средняго брата (содержащаго постоялый дворъ) и только-что строящійся *турлучный* (глиняный) домъ младшаго— всѣ эти дома и постройки стояли цѣлой кучей, гнѣздомъ, хотя и были тщательно огорожены другъ отъ друга.

Содержатель постоялаго двора, казакъ, былъ бездѣтенъ,

но дѣтей ему имѣть очень хотѣлось, и въ то время, когда пришлось пріѣзжать намъ, хозяинъ уходилъ въ Новый Аѳонъ (монастырь близъ Сухума) молить Бога о томъ, чтобы у него были дѣти. Съ тѣми же цѣлями онъ и вообще любилъ богомолья и почасту и подолгу уходилъ изъ дома, такъ что все довольно большое и сложное хозяйство постоялаго двора лежало на его женѣ. Во дворѣ и въ хозяйствѣ ихъ было много скотины, много птицы; все это нужно было накормить, напоить, выгнать и загнать. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось останавливаться на этомъ постояломъ дворѣ, я не могъ не дивиться энергіи этой казачки, справляющейся съ такой массой работъ безъ малѣйшаго утомленія.

Это была не совсѣмъ молодая, но и не старая, красивая женщина: тонкая, стройная, остроумная и легкая въ походкѣ и во всякомъ трудѣ. Во всѣ три проѣзда я только одинъ разъ видѣлъ ея мужа, да и то мелькомъ—это человѣкъ, очевидно, хворый: то онъ на богомолье ѣдетъ дѣтей вымаливать, то къ доктору, то къ знахарю кровь отворять. Словомъ, сколько я замѣтилъ, всѣ хлопоты лежали исключительно на его женѣ, энергія которой была возбуждена не столько привязанностью къ мужу, сколько иными двигателями: дѣти у нея уже были и умерли большими, и она уже не питаетъ надежды ни на лѣкарства ни на Новый Аѳонъ; но ее мучитъ дрянной домишко, въ которомъ приходится жить рядомъ съ большимъ домомъ мужнина брата, мучитъ необходимость расплатиться съ этимъ братомъ за мельницу и наконецъ необъяснимая въ крестьянахъ, если такъ можно выразиться, жадность къ тому, чтобъ всего было больше и больше. Во всѣ три проѣзда черезъ постоялый дворъ я, попадая сюда въ разные часы дня, могъ видѣть весь обиходъ жизни рабочаго дня и невольно дивился неутомимой энергіи этой неустающей худенькой женщины. Ночуя въ фургонѣ на дворѣ, я видѣлъ, какъ она еще до свѣту (еще мѣсяцъ стоитъ на небѣ) уже выходила изъ избы босикомъ въ шубѣ и проворно бѣгала туда и сюда; въ маленькой хатенкѣ было все выбѣлено, вычищено ея собственными руками; весь уголъ съ образами былъ изукрашенъ всякими искусственными цвѣтами и расшитыми полотенцами; кровать, подушки, одѣяло—все носило слѣды самой тщательной работы иголкой, старавшейся не только сшить, а и изукрасить каждый ситцевый вершокъ. И какъ въ каморкѣ этой былъ изукрашенъ каждый вершокъ, точно такъ же и каж-

дая минута дня была у нея наполнена безпрерывною домашней суетой и хлопотами, исчислить которыя нѣтъ никакой возможности. Ко всей нескончаемой вознѣ со скотиной, птицей, прибавьте еще возню съ пріѣзжающими, съ извозчиками, которымъ надо отвѣсить овса и сѣна, сварить обѣдъ, поставить самоваръ, для котораго надобно на своихъ плечахъ принести воды, поговорить со всѣми, такъ, чтобы всѣ остались довольны, и подивитесь, на какую массу труда способенъ человѣкъ худенькій, тощенькій на видъ,—труда безпрерывнаго и къ тому же не оставляющаго никакого изнурительнаго слѣда. Хозяйство ея шло какъ-то такъ удивительно стройно и разсчитанно, что, кажется, пылинки не пропадало въ немъ даромъ, все шло на потребу, до послѣдней скорлупки: коровамъ, телятамъ, свиньямъ, курамъ, гусямъ, кошкамъ, собакамъ; даже помои отъ кувшиновъ съ молокомъ, отъ чашекъ и тарелокъ послѣ харчеванья пріѣзжихъ—все это поглощалось также какими-то ртами, которые гдѣ-то терпѣливо ожидали этихъ именно помой и, получивъ ихъ въ извѣстное время, самымъ пріятнымъ манеромъ жевали, лакали, сладко ворчали гдѣ-нибудь подъ печкой, на дворѣ, подъ лавкой, а чаще всего во всѣхъ этихъ мѣстахъ.

И вся эта суета и безпрерывное движеніе, ходьба, даже бѣготня по домику, по двору, по полю, вокругъ и около всего этого, все это переливаніе помой разнаго званія и качества изъ малыхъ горшковъ въ большіе, собираніе въ кучу всякаго мусора и объѣдковъ—все это ни малѣйшимъ образомъ не дѣлалось зря и необдуманно: напротивъ, все дѣлалось съ самымъ тщательнымъ расчетомъ, все дѣлалось своевременно, обдуманно, все, весь домъ, все хозяйство напоминало химическую лабораторію и было полно ума и несомнѣннаго, хоть и доморощеннаго знанія.

Хозяйка, очевидно, имѣла совершенно опредѣленную цѣль въ жизни, къ которой и шла прямой дорогой, летѣла, какъ стрѣла, ни на минуту не останавливаясь, не сбиваясь «съ ноги» и не сомнѣваясь. И вотъ эта-то опредѣленность цѣли и обиліе ума, вложеннаго въ ея достиженіе, давали ей возможность со всѣмъ огромнымъ количествомъ труда, который лежалъ на ея плечахъ, справляться почти безъ всякой чужой помощи, если не считать маленькой десяти годовъ дѣвочки, получавшей рубль въ мѣсяцъ, да мирошника, котораго еще надобно было сумѣть подчинить себѣ, подчинить совершенно безъ всякихъ приманокъ, не говоря о деньгахъ,

о которыхъ и помину не могло быть. И тутъ, въ подчиненіи своему хозяйству совершенно посторонняго, здороваго, сильнаго человѣка, въ этомъ дѣлѣ также виденъ далеко не дюжинный умъ и тактъ хозяйки.

Мирошникъ работалъ на мельницѣ, принадлежавшей хозяевамъ постоялаго двора, изъ-за третьей мѣрки или изъ-за третьей копейки. Это былъ человѣкъ чрезвычайно своеобразный. По виду это невысокій, но коренастый, сильный человѣкъ съ кривыми и сильными, какъ у сатира, ногами. Изъ-подъ низкаго лба смотрѣли простодушно «по-дѣвичьи» голубые глаза, а голосъ былъ мягкій, сдобный, бабій. Эти бабьи черты, при его полуказацкой внѣшности, въ общей сложности производили такое впечатлѣніе, что, взглянувъ на него, послушавъ его голоса, хотѣлось улыбнуться. Полуказацкій видъ его былъ такой: голова была обстрижена по-солдатски подъ гребенку, но зато борода, не бритая послѣ солдатчины, разрослась буквально лопатой. Онъ былъ уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній, служилъ во флотѣ въ Черномъ морѣ, а по окончаніи службы не пожелалъ воротиться домой—никого тамъ у него нѣтъ—а пошелъ въ «Черноморье», да вотъ и оказачился, живя въ мирошникахъ.

И мирошника этого случалось видѣть мнѣ каждый разъ, когда мнѣ приходилось останавливаться на этомъ дворѣ. Каждый день онъ довольно рано приходилъ сюда съ мельницы почевать и всегда какъ-то невольно, по натурѣ, увлекался той бабьей сумагохой, которая вечеромъ съ приходомъ скотины достигаетъ высшей степени. Военной, многолѣтней службы своей онъ какъ будто совершенно не помнилъ: ни о чемъ военномъ никогда не говорилъ ни единаго слова, политикой не занимался, но что-то женственное, что таилось въ немъ, видно было въ глазахъ, слышалось въ голосѣ, влекло его къ женской мелкой суетнѣ, и онъ больше всякой женщины оживлялся тѣмъ мелкимъ «живьемъ» обыденной жизни, въ кругу котораго вращается женская жизнь. О цыпленкѣ, котораго съѣла собака, онъ толкуетъ съ такимъ же искреннимъ волненіемъ и негодованіемъ, какъ и эти женщины, которыя сошлись со всѣхъ трехъ дворовъ трехъ братьевъ и сдѣлали изъ съѣденнаго цыпленка не только серьезный вопросъ, но развили его въ цѣлую интермедію со смѣхомъ, съ шутками, безчисленными разговорами, остротами и даже бѣготней отъ мирошника. Тутъ, среди бабъ и ихъ треволненій, мирошникъ былъ какъ разъ на своемъ

мѣстѣ: здѣсь онъ принялъ живое участіе въ цыпленкѣ и обслѣдовалъ всѣ качества собаки, все разсудилъ и разобралъ, а тамъ онъ что-то про ребятъ безпокоится, няньчитъ (сунутъ ему—онъ и няньчитъ и «заговариваетъ» ребенка), а тамъ открылось, что ежъ яйца таскаетъ, и мирошникъ лѣзетъ подъ копну соломы, лѣзетъ съ головой прямо въ солому, выдираетъ ежа со всѣмъ его семействомъ, обдираетъ до крови руки, но увлекается во всемъ этомъ чисто по-женски, доходитъ до самаго искренняго безпокойства.

— Нѣтъ, ужъ теперь тебѣ не жить!—весь потный и волнующійся говорилъ мирошникъ, таща ежа на смерть, какъ самаго лютаго врага, и окруженный цѣлой толпой стрекотавшихъ, какъ птицы, женщинъ, дѣтей и подростковъ.

Убіеніе ежа происходило какъ разъ въ то самое время, когда на постоялый дворъ въѣзжалъ нашъ фургонъ, наполненный типами и оригиналами. Наше знакомство съ мирошникомъ состоялось въ самую для него благопріятную минуту: онъ былъ окруженъ толпой женщинъ, удивлявшихся его подвигу, чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ и при всеобщихъ похвалахъ, расточаемыхъ женщинами, отирая потъ, видимо, съ большимъ удовольствіемъ принималъ эти похвалы.

Разстегнувъ свой ситцевый, стеганый, казацкаго покроя бешметъ, мирошникъ сѣлъ на лавку въ общей комнатѣ, гдѣ хозяйка приготовляла намъ чай, досталъ кисетъ и, свертывая цыгарку, разсказалъ намъ всѣмъ:

— Я гляжу, семь яицъ лежать подъ соломой! Что за чудо? А Дарьюшка давно ужъ жалуется: куда это яйца дѣваются?.. А смотрю, онъ вылѣзъ и носомъ пхаетъ яйцо-то въ нору!..

— Ужъ и спасибо мирошнику!—внося самоваръ и ласково смотря на виновника торжества, звонко заговорила хозяйка.—И не доглядѣть, не доглядѣть!.. Восемь куръ несутся, а нѣту и нѣту яицъ! И не задумаю, что такое?

— Теперь не будетъ!—самодовольно сказалъ мирошникъ.

— Коли-бъ не добрый человѣкъ, какъ бы я сама-то догадалась? И такъ дѣла не передѣлать.

— Я давно его караулилъ!—съ неменьшимъ, чѣмъ и прежде, самодовольствіемъ проговорилъ мирошникъ. — У меня не уйдетъ!

Умная, расчетливая, деликатная хозяйка разсыпалась въ похвалахъ добротѣ мирошника. Расточая эти похвалы, она стояла рядомъ съ нимъ, покровительственно положивъ

ему на плечо руку. Мирошникъ не смѣлъ пошевельнуть плечомъ отъ удовольствія.

— Охъ!—сказалъ, иронически покачивая головой, человѣкъ цыганскаго типа: — что-то ты, хозяйка, ужъ очень расхваливаешь мирошника!.. Гдѣ мужъ-то?

— У поли.

— То-то «у поли»! Какъ ни пріѣдешь къ тебѣ, все твои мужъ «у поли», а мирошникъ все тутъ, въ домѣ торчитъ! И все ты его расхваливаешь! Охъ, ужъ ваша сестра...

— Такъ отчего же не хвалить добраго человѣка? Мы добрыхъ людей любимъ!

И, чтобы отстранить подозрительный и иронический намекъ, хозяйка тутъ же разсказала о какомъ-то плотникѣ, тоже добромъ человѣкѣ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ также работалъ на мельницѣ и всякій день, какъ только кончитъ работу, такъ сейчасъ и идетъ ей помогать въ хозяйствѣ и совершенно безкорыстно, по добротѣ. Она такъ умно и хитро похвалила добраго плотника, что, вѣроятно, мирошнику пожелалось превзойти его по этой части, и въ послѣдующіе пріѣзды я видѣлъ уже, что онъ не только таскалъ изъ норъ ежей, но уже и воду носилъ, и самоваръ ставилъ, и сѣна пудовъ по пяти сразу таскалъ на своей крѣпкой, широкой спинѣ. А хозяйка постоянно осыпала его похвалами, и всегда лицо ея, обращенное къ мирошнику, было самое ласковое и любящее.

Разсказавъ про плотника, хозяйка дружески похлопала мирошника по плечу и сказала:

— Нѣтъ, у насъ ничего этого нѣтъ съ мирошникомъ! Не такіе мы люди.

— Охъ, такъ ли?—усомнился цыганскій типъ.

— Охъ, ужъ и мастеръ ты языкомъ звонить!—шутливо и въ тонъ цыганской рѣчи отвѣтила хозяйка и ушла, улыбаясь.

Въ комнатѣ, гдѣ мы пили чай и сидѣлъ мирошникъ, покуривающій «цыгарку» и молча своими веселыми «дѣвичьими» глазами смотрѣвшій на насъ во время шутливаго разговора,—кромѣ всѣхъ насъ находился еще одинъ посѣтитель, мѣстный казакъ. Это былъ уже настоящій казакъ. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, заложивши руки въ карманы распахнутаго стараго бешмета, откинувшись спиной къ стѣнѣ и вообще раскинувшись всѣмъ тѣломъ съ полнѣйшей непринужденностью. Все время онъ молчалъ, какъ «посторонній», пришедшій по своему дѣлу, и, повидимому,

былъ совершенно равнодушенъ къ нашимъ разговорамъ. Но когда ушла хозяйка, онъ кивнулъ головой въ сторону мирошника и, обращаясь ко всѣмъ намъ, сказалъ лѣниво, медленно:

— Любятъ его бабы... Секретъ знаетъ... Спроси-ка-сь у него, много ли у насъ въ станицѣ его казачатъ бѣгаетъ?

Всѣ засмѣялись, и мирошникъ. вспыхнувъ и покраснѣвъ, тоже улыбнулся. но чрезъ мгновеніе неожиданно отвѣтилъ очень серьезно:

— Потому что, ежели бы былъ указъ землю подѣлить и чтобъ землю бы мнѣ дали —ну, тогда другое дѣло!.. А то что я безъ земли? А что, господа, не слыхать: выйдетъ указъ, чтобы и иногороднимъ землю нарѣзывать? — неожиданно обратился онъ къ намъ.

Но флегматически сидѣвшій и говорившій «посторонній» казакъ опять кивнулъ головой въ сторону мирошника и опять лѣниво, медленно и флегматически проговорилъ:

— Указа нѣту насчетъ земли! Ишь, какъ оборачиваетъ! А съ бабами-то, когда къ нимъ подбираешься, небось, не о томъ разговариваешь? «Будемъ, молъ, Маруся, или тамъ Дарьюшка, будемъ съ тобой какъ братъ съ сестрой!» Указа нѣту! Не землей и не указомъ, поди, на мельницу бабъ-то заманиваешь!..

— Что-жъ?.. Братъ съ сестрой,—уклончиво пробормоталъ мирошникъ:—тутъ худова ничего нѣтъ!..

— Еще бы худое! «Будемъ съ тобой, какъ духовные, въ родѣ ангеловъ!»—а потомъ и нарѣзывай твоимъ ребятамъ землю... Самый настоящій братъ духовный!

— Что-жъ, нарѣзывай? Земля Божья, а ребята—слуги царскіе!.. Царю помочь!.. Тутъ худова нѣтъ. А вотъ дѣвочку обидѣли: ей тоже десятину бы по закону слѣдуетъ, а не дали.

— Да ты какъ же можешь это говорить?—немного разгорячившись, сказалъ казакъ.—Дѣвочкѣ твоей не дали!.. Да твои пять ли, шесть ли тамъ ребятенковъ сколько земли-то стянули казацкой? По девятнадцати десятинъ на душу оторвали для твоихъ духовныхъ-то поросятъ!.. А то дѣвочку обидѣли!

— Одна десятина—не великъ кусокъ!—не глядя ни на кого, проговорилъ мирошникъ.—Все бы оно годилось.

— Вотъ онъ какой, мирошникъ-то! То-то его и любятъ. Умѣетъ онъ орудовать... «братъ, братъ», «сестра, сестра»,

а глядишь—то там мальчонка появился, то тут—и все мирошниковы!.. Ловок парень, нечего сказать!

— Что-жъ? — смиренно сказалъ мирошникъ, опустивъ глаза. — Дѣло это было по согласію... Кабы ежели указъ бы. А то указа-то нѣту...

Тутъ всей компаніи стало такъ весело отъ смѣшныхъ и наивныхъ словъ мирошника, что разговоръ нѣсколько со скоромнымъ оттѣнкомъ не прекращался довольно долгое время. Наконецъ всѣмъ захотѣлось спать.

Когда всѣ разошлись на ночлегъ, кто подъ сарай, кто въ фургонъ, мирошникъ понялъ, что похвалы, только-что полученныя отъ такой славной, умной женщины, понимающей «умныхъ людей»,—что эти похвалы обязываютъ его также быть любезнымъ и внимательнымъ къ ней; онъ понялъ, что ему надобно остаться въ избѣ, перемыть чайную посуду, убрать самоваръ и все привести въ порядокъ. Онъ тотчасъ же и принялся за работу. Перекинувъ черезъ плечо полотенце, онъ совершенно «по-бабьи» принялся орудовать съ посудой.

Была у меня бутылка дешеваго станичнаго вина, такъ-называемаго «прасковейскаго». Выпили мы съ мирошникомъ по стакану вина и разговорились.

— Однако,—сказалъ я:—пробралъ тебя казакъ-то!

— Они, разбойники, давно меня жмутъ! Убить было-собирались, дьяволы! «Ты, говорятъ, не имѣешь права своихъ байстрюченковъ намъ въ казаки присоединять!» А какъ стали мѣрять землю, такъ они и сами всѣхъ моихъ байстрюковъ за своихъ выкричали: «наши! наши!». Стало-быть, отъ моихъ потомковъ ничего худого не вышло, каждый принесъ въ домъ по девятнадцати десятинъ... Вотъ только дѣвочка не попала въ размежеваніе! Ужъ послѣ межовки родилась она тутъ у меня, въ одномъ мѣстѣ...

— Какъ «въ одномъ мѣстѣ»?

— Да такъ, значитъ, въ одномъ семействѣ.

Мирошникъ вытряхалъ уголья изъ самовара.

— Въ одномъ, значитъ, семействѣ оказалась дѣвочка... моего, напримѣръ, происхожденія.

— Однако они правду вѣдь говорятъ...—сказалъ я мирошнику.—Все ты въ семействахъ?..

— Такъ, въ семействахъ! Такъ я-то чѣмъ виноватъ? Коли бы нашему брату, иногороднему, была земельная нарѣзка—ну, въ то время я бы, можетъ-быть, и переломилъ себя какъ-нибудь на хлѣбопашество, — слѣдовательно на

законъ... то-есть въ бракъ бы долженъ. Ну, а какъ же я осмѣлюсь принять святой законъ, напримѣръ, Божій, ежели я вполнѣ округленъ безъ земли? Какое же можетъ быть моимъ дѣтямъ обезпеченіе? А не жениться—такъ какъ же? Бабъ много всякихъ... ежели бы я имѣлъ какія пустыя мысли, такъ это сколько угодно... Иной еще и слова не сказалъ, а она уже согласна на свое преступленіе. Ежели бы я какія подлыя мысли имѣлъ, такъ я на мельницѣ-то словно бы султанъ персидскій существовалъ и отвѣту бы никакого на мнѣ не было... А только я этого не люблю и на такое пустяковое дѣло не согласенъ никогда!.. Мнѣ надобно не это, а чтобъ была у меня въ жизни пріятная сестра. Я вѣдь тоже какъ перстъ одинъ, наломанъ на службѣ довольно—мнѣ надо имѣть заботу въ жизни, чтобы съ «удовольствіемъ» была эта забота. Примѣромъ сказать, вотъ хоть понадобилась мнѣ рубаха—чего бы, кажется, дѣлать? Взялъ, пошелъ на базаръ, отдалъ тридцать копеекъ—вотъ и все. А мнѣ такъ-то скучно жить. Я пять цѣлковыхъ тебѣ въ подарокъ или въ подмогу дамъ, а ты мнѣ сама, какъ сестра брату, возьми да принеси рубаху-то! Вспомни! ты меня только вспомни, а я тебя вовѣки не забуду... Много ихъ на мельницѣ-то ко мнѣ подскальзываютъ и такъ и этакъ, только что я вниманія на это не даю, а которая придетъ, да по совѣсти вздохнетъ, да посовѣтуется, какъ на духу, да увижу я въ ней пріятную совѣсть,—вотъ она мнѣ и сестра. «Чего тебѣ надо? Хлѣба? Вотъ тебѣ! Ребятишкамъ сапожонки? Бери три рубля. Я твою нужду знаю и чувствую, что тебя мужъ бьетъ, что твой мужъ пьяница—все это я принимаю къ сердцу, а ты мою доброту къ сердцу прими. Я на мельницѣ сижу, а ты дома обо мнѣ вспоминай». Вотъ какое мое желаніе. Ну, а, конечно, ужъ какъ-нибудь тамъ впослѣдствіи времени происходятъ дѣти—такъ вѣдь какъ же тутъ? Это ужъ никакъ невозможно!

— Вѣдь мужья-то, я думаю, какъ женъ-то бьютъ за тебя?

— Такъ вѣдь они, подлецы, и такъ ихъ колотятъ зря. Самъ пьянствуетъ по чужимъ мѣстамъ, жену моритъ на работѣ, а придетъ—и давай дурить... Вотъ такихъ-то, неповинныхъ-то, мнѣ и жалко, а не то, чтобы которая прямо на тебя намѣревается съ пустяками. Да еще и такъ возьмите: ну, пущай онъ ее бьетъ тамъ, за косы рветъ, всячески издѣвается—такъ вѣдь со мной-то она не одна! Вѣдь

на мельницѣ я существую! Прибѣжитъ она: «такъ и такъ, то и то!» и плачетъ—такъ вѣдь я ее привѣчаю, всячески дѣлаю ей пріятное. Бываетъ и такъ, что посовѣтуемся: «какъ быть?»... «Подари-ка, говоритъ (предположимъ), корову,—можетъ, онъ поутихнетъ, потому и евонныхъ дѣтямъ молоко надо»... И только мнѣ скажи, такъ я все тебѣ предоставлю; есть у меня деньги — нà, получай, покупай... а нельзя тебѣ со мной на совѣсти жить, или мужа опять полюбила, или онъ самъ потишѣлъ, пьянствовать пересталъ—оставь! Живи по-хорошему—Богъ съ тобой! Я худова никому не согласенъ дѣлать, я и жить-то для худова не согласенъ. «Живи, какъ тебѣ лучше. И мнѣ-то будетъ пріятнѣй. Чего мнѣ насильно-то? Хорошаго народа много! Пошлетъ Богъ, и другая уйдетъ отъ меня не съ худымъ. Я съ тобой такъ же, молъ, по-хорошему норовилъ!»... Ну, а какъ мнѣ разъ попадется баба характерная, да потянетъ силомъ, да захрапитъ, да заругается, да ребенкомъ начнетъ въ морду пхать, да почнетъ теребить да жаловаться—ну, ужъ этого я окончательно терпѣть не могу! Ту-жъ минуту—прочь отъ нея! Даже алтына не дамъ—пошла прочь! Нѣтъ тебѣ отъ меня никакого снисхожденія, пока по совѣсти поступать не станешь: бери отъ меня, что совѣсть дозволяетъ, а силомъ ни во вѣки вѣковъ. Жалуйся! Пускай чрезъ станичное правленіе хоть все мое состояніе взыщутъ, а ко мнѣ на глаза не показывайся! Я тебя утѣшать не согласенъ. Иди по начальству!

— А бывало развѣ что-нибудь подобное?

— Какъ не бывало! Иная возьметъ ребенка-то да вмѣстѣ съ нимъ эво какого скандалу по всей станицѣ надѣлаетъ! Ну, потомъ, конечно, образумится, войдетъ въ понятіе, утихнетъ:—«Прости, говоритъ, нѣтъ ли, молъ, муки мнѣ?»—«Муку-то, говорю, возьми — нà, а ко мнѣ на глаза не показывайся!» Теперь вотъ всѣ довольны; сколько земли-то черезъ мой характеръ получили! А то какъ не бывало!.. Одна вдова разыгрывала со мной такую игру — думаю, живъ не останусь. Точно, полюбила она меня крѣпко, надо ужъ говорить правду, по совѣсти сказать, мы и сейчасъ съ ней живемъ, какъ мужъ съ женой: двое у насъ мальчиковъ, третья дѣвочка... Но только случилось однажды такъ, что рванула она меня за живое мясо не по-сестриному! Слава Богу, теперь все прошло, а горячаго я все-таки отъ нея хлебнулъ порядочно! И вотъ какъ это было дѣло: познакомился я съ ней на свадьбѣ у одного казака: вижу,

сидитъ самая пріятная женщина. Думаю: ахъ, какая она пріятная! И такъ мнѣ захотѣлось взять ее въ мои пріятные друзья! Помаленьку-полегоньку, такъ и сякъ, словечко по словечку, расчувствовалъ-таки я ей душу; стала она мнѣ довѣрять. «Тебѣ, говорю, одной трудно, а мнѣ, говорю, одному холодно; будемъ жить какъ братъ съ сестрой: хлѣба у меня много, деньги есть, что тебѣ понадобится — все дамъ, только спроси. А меня за это самое какъ брата помни, въ мысляхъ своихъ имѣй и обезпокоивайся обо мнѣ какъ о родномъ. Только всего мнѣ и надобно. Такъ мы съ тобой и будемъ жить на бѣломъ свѣтѣ». А совѣсть у нея, у Марьи этой самой, было опрятная, душа совѣстливая, худыхъ мыслей она себѣ въ голову не пускала. Подумала-подумала она. «Хорошо! — говоритъ. — Давай такъ жить! будемъ другъ дружку беречь. Такъ-то намъ обоимъ будетъ жить веселѣй!» Ну, поцѣловали другъ дружку для начатія, Богу помолились и стали жить. «У тебя и постели-то нѣту никакой?» Пришла на мельницу, все осмотрѣла. — «На тебѣ одѣяло, а подушку послѣ справлю». И подушку справила... — «А тебѣ чего не надо ли?» — «То-то и то-то, молъ». — «На, бери!..» — «Давай чай пить». — «Давай!..» — «Разсказывай, какъ на свѣтѣ жилъ, что видѣлъ?..» Ну, я ей все подробно, какъ что было съ дѣтства. — «А ты какъ?» — «А я вотъ какъ... Ну, пора домой!» — «Пойдемъ, провожу». Ну вотъ, такимъ родомъ... Что она надумаетъ про себя, все мнѣ разскажетъ. Что я надумаю, опять же ей все скажу. На ярмарку ѣдемъ вмѣстѣ; купимъ, что намъ нужно. На богомолье вмѣстѣ. По хозяйству что нужно — «приди, помоги!». Приду... И очень у насъ хорошо шло такъ-то... Живемъ какъ родные — ей точно брата родного Богъ послалъ, а мнѣ родную сестру... Мы жили такъ съ полгода... Ну, конечно, сами знаете, что вѣдь тоже люди!.. Какъ же ужъ? Съ теченіемъ времени рождается младенецъ мужского полу. Что же, ничего! Слава Богу, сынъ — царю помочь! Люди, конечно, судачатъ — то, се, — пускай! Ей обидно — я утѣшу; мнѣ отъ этого худо — она придетъ съ мальчишкой — мнѣ и весело... Ну, идетъ время, и замѣчаю я въ моей Марьѣ очень вредный взоръ въ глазахъ, и слова у нея стали не очень простыя... «Что мы, говоритъ, какъ цыгане живемъ, другъ къ другу въ гости ходимъ?» Я говорю: «Что-жъ дѣлать?.. Должность у меня при мельницѣ, оставить нельзя, а тебѣ тутъ и мѣста нѣтъ». Была у нея своя избенка... Постепенно начинаетъ она умудряться на

разные манеры. «Коли любишь, такъ женись!» Этакимъ образомъ! Я говорю: «Жениться мнѣ невозможно — земли нѣту, хозяйства нѣту; а коль скоро я женюсь, такъ вмѣсто одного будутъ и другія дѣти — чѣмъ ихъ кормить безъ земли-то? Кабы приказъ вышелъ о нарѣзкѣ... Ну, такъ! А пока, давай жить опять какъ братъ съ сестрой, а мальчишку вмѣстѣ будемъ растить. Все, что у меня есть, — все ваше». А вѣдь въ то время и прежнимъ моимъ сестрамъ все нѣтъ-нѣтъ, да и дашь на поправку. Такъ мнѣ невозможно было изъ моихъ средствъ семью заводить и хозяйство. «На мальчонку, говорю, хватитъ, а сами давай какъ братъ съ сестрой»... Ну однако она что дальше, то хуже. Какой уже тутъ братъ! «Какой ты мнѣ братъ, говоритъ, когда вотъ есть мальчишка, существуетъ? Нешто я сестра тебѣ, когда есть дитя? Что врешь-то?» Я опять же свой резонъ: «Коли бы съѣли вотъ землю»... И не слухаетъ! Ровно помутилась, очумѣла и одурѣла, такъ и лѣзетъ съ ножомъ къ горлу: «женись, дьяволъ!». Ну, а когда со мной такимъ манеромъ, такъ ужъ и я дѣлаюсь несогласенъ. «Пошла, говорю, вонъ, коли такъ!» Она, ни много ни мало, прямо въ станичное правленіе, въ судъ, жалобу! Засудили меня, засрамили, взыскали сразу четвертную да каждый мѣсяцъ обязали давать ей по пяти рублей! Все она подвела, подъегозила, чтобы меня притиснуть за горло. Не довольно того — является послѣ суда, говоритъ: «Женись, дьяволъ! Деньгами ты меня не укротишь. Сожгу, говоритъ, тебя и съ мельницей съ твоей вмѣстѣ, и яду, говоритъ, тебѣ дамъ такого, что въ одну минуту околѣешь, какъ собака!» Ну, тутъ ужъ и я пожаловался на нее въ станичное, а ей самой ружьемъ пригрозилъ: «покажись, говорю, такъ и шарахну!» Отстала. Канула какъ въ воду. Разрывается моя душа на части, потому я знаю ея совѣсть и понимаю, что все это она по любви, а не по злобѣ. Скучно стало мнѣ — и сказать не умѣю какъ. Тяжко! Полгода протянулось, ничего слуховъ нѣтъ, а взысканіе въ станичное идетъ... Только вдругъ, нежданно-негаданно, глядь — и сама пришла! Мальчонка на рукахъ... пришла она прямо изъ церкви, причащать его носила, и сама такая румяная, ласковая. Поздоровались, какъ ни въ чемъ не бывало; рада-радехонька! Она и говоритъ: «Ну, говоритъ, Никитушка, прости меня... дура я была, твоихъ словъ не понимала, а теперь все обдумала и удѣлала свою судьбу по-хорошему. Теперь, говоритъ, земля у меня есть, и ребенокъ въ казаки при-

нять, и никакого сраму не будетъ. А жить мы съ тобой будемъ какъ мужъ съ женой, и насчетъ предбудущихъ младенцевъ нисколько не опасайся и не безпокойся — всѣ будутъ законные и всѣ казацкаго званія». — «Какъ же это, молъ, ты такъ удѣлала?» — «А вотъ какъ», говоритъ. И разсказала она, какъ все это дѣло вышло. Какъ прошли въ ней угаръ и злость, одумалась она, поняла всѣ мои слова и взялась за умъ. Нашла она сваху, а та и сосватала ее нарочно за стараго-престарѣлаго казака, лѣтъ ему подъ шестьдесятъ, одинокій; въ сторожахъ кладбищенскихъ служилъ. Вотъ словили они этого старика, и уломали, и умаслили: «Женись на Марьѣ, — сваха-то ему: — она, молъ, тебя до конца дней кормить, поить, обувать, одѣвать, покоить будетъ; будешь жить какъ въ родномъ семействѣ, а вмѣсто того прикрой стыдъ женскій, а ребенка возьми въ наслѣдники. Чего, молъ, тебѣ? Ты старый человѣкъ, о грѣхѣ тебѣ и въ умъ не должно вступать, имущества у тебя нѣтъ — чего тебѣ стоитъ грѣхъ прикрыть да въ спокоѣ вѣкъ вѣковать?» Не утаили и про меня. Расписали: и онъ бы женился, да не казакъ, хозяйства не на что начать... Все какъ должно. Однимъ словомъ, соблазнили бабы старика: «Ладно, говоритъ, псовки, сдѣлаю я вамъ доброе дѣло, а вы меня покойте съ твоимъ любезнымъ»... Попъ-то не хотѣлъ-было вѣнчать, да тоже понялъ, когда бабы ему надребезжали про меня... Понялъ. Хорошій у насъ попъ, понимаетъ все по человѣчеству... Повѣнчалъ. Ну, вотъ, теперь и живемъ съ ней...

— А старикъ?

— А старикъ ни въ чемъ не касается... Кормимъ его, поимъ, угождаемъ, а онъ ребятъ на себя записываетъ... «Пиши, говоритъ, Никита, ничего! пиши въ казаки, все царю помочь!» Теперича я какъ отработаюсь на мельницѣ, такъ и домой... къ ночи завсегда домой... Ну, а ежели здѣсь ночуешь, такъ тоже нельзя не подсобить: хозяева, да къ тому же и люди хорошіе, нельзя! Надо жить дружно... И старикъ ничего, хоть иной разъ злые люди его и подбиваютъ на худое; иной разъ наслушается ихъ да и захрапитъ. Однова пьяный — «откажусь, говоритъ, отъ дѣтей!.. не мои!..» А то, такъ вотъ какъ злодѣи подвели: насовѣтовали такъ: «ты, говорятъ старику-то:—второго ребенка воспитывай какъ родного сына, а про прочихъ говори ему, второму-то, про родныхъ его братьевъ, что они незаконные: вотъ онъ этой бабѣ-то, обманщицѣ, которая, молъ, тебя,

стараго дурака, окрутила да заставила своего любовника прикрывать — онъ-то и отомститъ ей за все!» Это слѣдовательно родной сынъ да родной матери отомститъ! Вотъ вѣдь змѣи какія есть между людьми крещеными! И иной разъ такъ еще разожгутъ старичишку — напоятъ его, доведутъ, что кричитъ: «эй! жена! иди, молъ, ко мнѣ — я мужъ!» Ишь, подлецы какіе! Ну, только я ужъ этого не дозволю. «Только, говорю, посмѣй — тутъ тебѣ и конецъ на вѣки вѣковъ. А хочешь жить по честности — все тебѣ будетъ». Ну, подуритъ-подуритъ — перестанетъ... Да не умираетъ что-то, старый песъ! Коли бы умеръ, такъ ужъ я бы мельницу-то покинулъ да къ Марьѣ какъ-нибудь жить въ родѣ работника въ домѣ примостился. Земли у насъ теперь на три души нарѣзано, слава Богу!.. Кабы ежели бы нарѣзка раньше была, такъ оно не такъ бы было... А то ужъ про меня галдѣли-галдѣли, хаяли-хаяли... А что я, чѣмъ виноватъ?

Такъ вотъ сколько разнаго рода людей пришлось мнѣ увидѣть только на первыхъ порахъ моей поѣздки! А за этими первыми днями пошли все такіе же разнообразные и любопытные дни, недѣли.

На слѣдующей остановкѣ слышу длинную и трогательную исторію молодой жены, брошенной мужемъ съ двумя дѣтьми и одиноко борющейся за свое существованіе; на слѣдующемъ ночлегѣ покинутый женою мужъ разсказываетъ мнѣ трогательную исторію на самую современную тему: «ушла жена», и такъ далѣе, каждый день, при каждой остановкѣ, ночлегѣ, встрѣчѣ, при каждомъ малѣйшемъ столкновеніи съ случайно-нужными или просто встрѣчными людьми. Всѣ неурядицы, всѣ горести, тяготы и въ то же время всѣ неудовлетворенныя желанія — мечтанія Великой, Малой, Бѣлой Россіи — всѣ принесены сюда на новыя мѣста выходцами, и на нихъ, какъ на «образчикахъ», можно ознакомиться довольно основательно со всѣмъ, чѣмъ «живетъ» современная Россія. Нужны какія-нибудь особенныя побужденія, чтобы человѣкъ бросилъ родину, знакомыя родныя мѣста и ушелъ бы искать счастья на чужой сторонѣ; такой человѣкъ идетъ съ своимъ горемъ, съ своимъ планомъ, съ своей фантазіей, и поэтому всѣ эти люди разнаго званія, будучи образчиками общихъ условій русской жизни, въ то же время оригинальны каждый на свой образецъ. Неудивительно поэтому, что нѣсколько дней пребыванія среди

такихъ оригиналовъ, постоянно знакомившихъ меня съ самыми оригинальнѣйшими біографіями, настолько отучили мое вниманіе отъ явленій обыденной жизни, что я помимо воли сталъ задавать себѣ вопросъ: «какой-то оригиналъ мнѣ теперь попадется?» — всякій разъ, когда приходилось въѣзжать въ новую станицу, на новый постоялый дворъ или даже просто садиться въ новый фургонъ.

2.

Именно вотъ такой-то вопросъ задалъ я себѣ и тогда, когда пересѣлъ съ парохода, доставившаго меня въ одно мѣстечко на черноморскомъ побережьѣ, на фелюгу, которая должна была перевезти меня съ вещами на берегъ. Сидя на этой фелюгѣ и любуясь видомъ приближавшагося берега, на которомъ чуть-чуть были замѣтны очертанія чего-то живого, я по привычкѣ и вполнѣ безсознательно спросилъ себя:

— Какихъ-то теперь оригиналовъ пошлетъ мнѣ судьба въ этихъ новыхъ мѣстахъ?

И едва я подумалъ и сказалъ это, какъ «оригиналы» немедленно же предстали передо мной въ весьма значительномъ количествѣ, и притомъ совершенно новаго, особеннаго качества. Начался «мечтатель», «утопистъ», «фантазеръ».

Часа черезъ два по пріѣздѣ въ «мѣстечко» мнѣ пришлось ѣхать на маленькомъ частномъ пароходѣ, которымъ управлялъ молодой семнадцатилѣтній мальчикъ. Съ первыхъ словъ оказалось, что мальчикъ проникнутъ ученіемъ Л. Н. Толстого, что онъ нарочно пріѣхалъ сюда на побережье, чтобы здѣсь начать жить трудами своихъ рукъ, въ чемъ онъ и нашелъ поддержку со стороны одного лица, преданнаго тому же ученію. Это первая встрѣча.

На слѣдующій день фелюжникъ Мустафа, обезьяноподобный турокъ-лодочникъ, сидя у руля своей фелюги, медленно подвигавшейся по неподвижному морю, доставляя меня и одного молодого человѣка къ нашимъ общимъ знакомымъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, коверкая имена и фамиліи, разсказалъ мнѣ длинную исторію про какихъ-то «Миколаичей», которыхъ онъ очень хвалилъ и вспоминая о которыхъ, закрывая глаза, причмокивалъ, покачивая головой. Эти «Миколаичи» были «господа», но жили здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ простые крестьяне:

— Барина рубахъ сама стиралъ, на море таскалъ!

И жили эти «Миколаичи» такимъ образомъ именно по-

тому, что были люди хорошіе. По словамъ Мустафы, одинъ изъ этихъ «Миколаичей» задумываетъ творить на этомъ побережьѣ чистыя чудеса. Начавъ о немъ разсказъ, Мустафа сталъ бормотать воистину какія-то ни съ чѣмъ несообразныя слова:

— Мельница будитъ вѣтиръ хватать, изъ мельницы будитъ огонь въ проволоку бѣжать и масло бить!

Во время этого разсказа обезьянье лицо его разгорѣлось, онъ махалъ руками, повидимому, изображая мельничныя крылья, пыхтѣлъ, потѣлъ — и все-таки я бы ровно ничего не понялъ, если бы впослѣдствіи одинъ изъ мѣстныхъ аборигеновъ (разумѣется, «оригиналъ») не объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что этотъ «Миколаичъ» хотѣлъ основать трудовую общину и во всѣ работы, требующія физическую силу, ввести силу электрическую, добывая ее силою вѣтра *).

«Миколаичи» жили здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но и по уходѣ ихъ побережье не оскудѣваетъ всякаго рода Миколаичами. Въ одномъ днѣ пути по побережью отъ упомянутаго выше «мѣстечка» живетъ отставной военный человѣкъ, изобрѣтающій статистическую машину. Можно будетъ взять на ней, какъ на піанино, аккордъ извѣстныхъ цифръ по извѣстнымъ вопросамъ, и вмѣсто звука получатся выводы, также цифровые. А въ двухъ-трехъ верстахъ здѣсь семья образованныхъ людей уже устроилась по-крестьянски и живетъ трудами рукъ своихъ. Затѣмъ говорятъ о какихъ-то «богочеловѣкахъ», которыхъ пріютилъ фабрикантъ, уступившій имъ лоскутъ земли.

Какъ видите, всѣ эти черноморскіе оригиналы далеко уже не того сорта, какъ оригиналы кавказскихъ долинъ и тѣхъ «новыхъ мѣстъ», куда капиталу есть расчетъ появиться. Есть расчетъ туда появиться и земледѣльцу—земли много, есть расчетъ придти «на новыя мѣста», а аферисту, и темному человѣку вообще, и человѣку рабочему, поденщику, превращающему теперь, благодаря дешевизнѣ своего труда, всякаго казацкаго урядника въ помѣщика и «аристократа». Всѣмъ, кому нужны скорыя средства къ жизни,— всѣ тянутся туда, на новыя мѣста. Черноморское побережье неудобно для такого сорта людей. Крестьянину нѣтъ даже и земли; капиталисту неохота тратить огромные капиталы въ ожиданіи отдаленнаго барыша. Аферисту нечего дѣлать

*) Въ настоящее время такія попытки уже осуществляются на дѣлѣ.

съ шакалами—и вотъ сама судьба указала путь на это побережье фантазеру-мечтателю, одинокому человѣку. Сначала сюда пришли административные мечтатели; они и заселяли, и разселяли, и учреждали города, станицы, рыбоводство, рыболовство, скотоводство, мореходство и Богъ вѣсть что; за ними пришли практическіе люди, расхватали все побережье и сконфузились. Стали витать надъ побережьемъ какія-то легенды о вольномъ казачествѣ, пришли откуда-то изъ Абессиніи какія-то мечтанія насчетъ этого самаго побережья и сошлись невидимо съ мечтаніями о томъ же самомъ прежнихъ «Московскихъ Вѣдомостей»,—словомъ, мечтанія, легенды, сказки, проекты, чудеса въ рѣшетѣ рѣяли надъ этимъ берегомъ съ той самой минуты, когда онъ опустѣлъ. А теперь вотъ появились толстовцы, статистическія піанино, вѣтеръ «пущаетъ огонь и бьетъ масло по проволокѣ», затѣмъ богочеловѣки на купеческой землѣ появились,—словомъ, всякая фантазія, всякое мечтаніе продолжаетъ властвовать и царить надъ этимъ пустыннымъ и прекраснымъ берегомъ.

Находясь подъ обаяніемъ этого мечтающаго и полнаго мечтательныхъ воспоминаній берега, сталъ мечтать и я. Сидѣлъ я однажды на берегу моря и возмечталъ:

Почему бы на этомъ пустынномъ, пока никѣмъ не занятомъ берегу не попробовать, въ самомъ дѣлѣ, осуществить мечтаніе о трудовой жизни въ видѣ *школы всесословной*, изъ которой человѣкъ могъ бы выйти не въ работники куда-нибудь и на кого-нибудь, а прямо могъ бы сѣсть на этой же землѣ *хозяиномъ?* Хозяинъ-мужикъ страдаетъ отъ невѣжества, отъ незнанія, отъ тяжести, неуклюжести труда—почему же не попробовать образовать человѣка, живущаго по тому же мужицкому хозяйскому плану и типу, но снабженнаго всѣми облегчающими каторжную сторону труда знаніями? Вѣдь теперь машина служитъ только грѣховоднику-капиталу и убиваетъ человѣка въ рабочаго. Не можетъ ли она, эта машина, приспособить себя къ облегченію жизни каждаго трудящагося человѣка? Соха, борона, коса, шило, топоръ—все это машины въ крестьянскомъ хозяйствѣ, средства облегченія труда. Неужели же на этомъ и окончится пришествіе въ крестьянскій домъ всего, что облегчаетъ крестьянскій трудъ?

Всѣ существующія въ настоящее время учебныя заведенія имѣютъ въ концѣ концовъ цѣлью выработать человѣка *служащаго*—все равно государству ли, обществу ли,

капиталу ли; но кто же не согласится, что, несмотря на незначительныя ограниченія въ количествѣ желающихъ поступить въ эти учебныя заведенія,—людей, стремящихся существовать службою и жалованьемъ, несравненно болѣе, чѣмъ могутъ поглотить всѣ существующія государственныя, частныя и общественныя учрежденія, требующія слугъ, работниковъ? Не говоря объ огромномъ количествѣ образованныхъ людей, бьющихся безъ мѣста, какъ рыба объ ледъ, которыми переполнены всѣ города и веси, — сколько смертей, сколько самоубійствъ ежедневно совершается на нашихъ глазахъ единственно изъ невозможности *существовать*, т.-е. пить и ѣсть, и кому же?—человѣку образованному. Недавно, кажется, въ Ковно, портные и другіе мастеровые хоронили въ складчину умершаго почти съ голоду гимназиста. Другой гимназистъ, сколько помню, въ Динабургѣ, повѣсился отъ невозможности существовать. Нѣкоторое время его въ складчину содержали какія-то арфистки, помогая изъ своихъ горько-трудовыхъ копеекъ: гимназистъ, лишившись этой послѣдней помощи и не видя ниоткуда ни малѣйшей надежды на поддержку, повѣсился на деревѣ, а за неимѣніемъ бумаги и чернилъ, мѣломъ написалъ на заборѣ укоризненное для общества объясненіе своей смерти. Но та часть этого интеллигентнаго *служебнаго* пролетаріата, которая, несмотря на всѣ невзгоды, все-таки кое-какъ устраивается и, такъ сказать, заставляетъ общество поглотить себя и дать средства къ существованію, обречена существовать только народнымъ разстройствомъ и непорядками народной жизни: юристъ, которому нѣтъ мѣста въ городѣ, проникаетъ въ деревню, заводитъ здѣсь кляузу и кормитъ этимъ свою семью, т.-е. онъ существуетъ только потому, что пользуется неурядицей въ народной средѣ, и такъ какъ онъ съ этой неурядицы беретъ средства къ жизни, то-есть отнимаетъ ихъ у разстроившихся въ хозяйствѣ людей, то онъ и потомство, которое онъ народитъ, должны для продолженія своего существованія разсчитывать также прямо на кляузу, на расширеніе народнаго разстройства, которое имъ и даетъ именно средства къ существованію. Разстройство же народной среды отражается обиліемъ крестьянскаго пролетаріата, который, проникая въ города, образуетъ босыя команды; эти команды требуютъ расширенія тюремъ, увеличенія полиціи, размножаютъ *дѣла* въ судахъ, и это размноженіе размножаетъ служащихъ, размножаетъ расходы; служащіе размножаютъ

свое поколѣніе, а оно требуетъ новыхъ служебныхъ мѣстъ и жалованій.

Такимъ образомъ разстройство народныхъ массъ находится въ весьма тѣсной зависимости отъ обилія служебнаго пролетаріата, растущаго съ каждымъ годомъ во всевозможныхъ, дурныхъ и хорошихъ формахъ, вполнѣ однакоже одинаковыхъ въ средствахъ жизни: для худыхъ и хорошихъ цѣлей средства берутся все-таки съ трудящагося человѣка. Между тѣмъ уже и въ этомъ самомъ «служащемъ» сословіи не разъ уже высказывалась мысль о земельномъ надѣлѣ, какъ о самомъ правильномъ выходѣ изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія и какъ о возможности не чувствовать себя всю жизнь «неправедно» живущимъ. Недавно поднятъ былъ вопросъ о землѣ сельскими учителями. И если бы ему было дано какое-нибудь практическое осуществленіе, то несомнѣнно, что о землѣ завопили бы и другія безчисленныя служебныя профессіи, прокармливающія теперь свои семьи единственно народнымъ разстройствомъ. Мы могли бы привести здѣсь множество подлинныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что жажда «земли» и желаніе жить земледѣльческимъ трудомъ, т.-е. желаніе уйти отъ всякаго рода наемной, поденной работы, до чрезвычайности сильно развиты во всѣхъ классахъ служебнаго сословія. Были примѣры и есть сейчасъ, когда адвокатъ бросаетъ практику и идетъ пахать: и совѣсть его покойнѣе, да и жизнь независимѣе, а то живи и корми семейство кляузой!

Обыкновенно всѣ попытки въ такомъ родѣ пока оставались безъ особенно благопріятныхъ результатовъ, но это происходило потому, что «единицамъ» не подъ силу поднять на свои плечи такое важное общественное дѣло.

Намъ скажутъ: никто не запрещаетъ жить трудами рукъ своихъ—иди на базаръ, нанимайся въ работники, спи подъ заборомъ, ѣшь сѣрыя щи,—кто тебѣ мѣшаетъ? Но именно эти-то ужасы, которыми обставленъ трудъ,—ужасы, непосредственно происходящіе отъ того, что непроизводительно сидящія на народной шеѣ массы служебнаго пролетаріата, существующія только при неурядицѣ въ народной жизни, доводятъ трудового человѣка до безвыходнаго состоянія и выбрасываютъ его на толкучку голоднаго и холоднаго,—эти ужасы-то страшатъ, пугаютъ людей, выросшихъ не въ народной средѣ. Если бы трудовая жизнь имѣла не такой ужасный видъ, какъ теперь, повѣрьте, что всѣ эти судеб-

ные пристава, становые и т. д. и т. д. охотно бы предпочли жить на свѣтѣ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ и не показывали бы своей энергіи при описи крестьянскаго имущества, необходимой имъ для того, чтобы обезпечить свои семейства и чтобы не пустить своихъ дѣтей на толкучку продаваться въ работники.

Школа, о которой я возмечталъ, *должна устранить* въ общественномъ *сознаніи* весь *ужасъ*, соединенный теперь съ представленіемъ *о трудовомъ существованіи*. Она должна показать, что жить на свѣтѣ, совмѣщая въ себѣ слугу и хозяина, прекрасно, благородно и невпримѣръ чище заработка помощью процентовъ съ описываемаго у мужиковъ имущества за долги купчишкѣ Полумордову. Она должна показать, что трудовая жизнь—не подвигъ въ родѣ монашескаго, не страданіе, не искупленіе грѣховъ, не сѣрыя щи, не дизентерія, не переломленная спина, а самая правильная, совѣстливая, независимая жизнь, дающая полный просторъ всѣмъ сторонамъ духовной дѣятельности человѣка.

Кавказское побережье имѣетъ всевозможныя удобства именно для открытія школъ, въ которыхъ можно практиковать всевозможные роды труда: прекраснѣйшія долины между горъ, чрезвычайно удобныя для школъ хлѣбопашества, т.-е. для того, чтобы выучиться этому труду не изъ-подъ палки и не изъ крайней нужды, а такъ же тихо, спокойно, какъ любая профессіональная школа выучиваетъ какой-нибудь спеціальности своихъ питомцевъ. Здѣсь возможна культура табака, винограда, и слѣдовательно винодѣліе, садоводство; лѣса — это источникъ всякихъ кустарныхъ промысловъ изъ дерева. Есть желѣзо, есть другіе металлы. Въ лѣсахъ птицы, звѣри; въ морѣ—рыбы. Размышляя на эту тему, не трудно представить себѣ, какъ было бы хорошо, если бы наши города, земства, благотворительныя заведенія, морящія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей въ клѣтушкахъ своихъ мизерныхъ пріютовъ для того, чтобы, доведя ихъ до малокровія, пустить потомъ безпомощными на всѣ четыре стороны, наконецъ лица, расточающія массу денегъ на всевозможныя, не приносящія никому никакой существенной пользы, пособія—если бы всѣ они, разобравъ этотъ берегъ по рукамъ, основали разнообразныя школы возможнаго здѣсь труда, давъ средства входить туда дѣтямъ всѣхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы, выучившись тому или другому роду труда, они прямо здѣсь же, на этомъ же побережьѣ, садились на самостоятельные

участки, которые и выкупали бы такъ же, какъ крестьяне выкупаютъ свой надѣлъ.

Знаніе такъ уже дало много въ помощь и облегченіе человѣку, изнемогающему подъ бременемъ труда, что въ этихъ образчикахъ трудовыхъ школъ должно быть примѣнено все, что отнимаетъ у труда ужасныя его черты, черты, пугающія непривычнаго человѣка и заставляющія его избрать какой-нибудь темный путь для обезпеченія своего существованія, вмѣсто того, чтобы жить такъ, какъ велитъ совѣсть, никогда не мирящаяся ни съ какими темными дѣлами, хотя и покоряющаяся необходимости дѣлать ихъ.

Устраняя каторжную сторону труда, школа, выпускающая своихъ питомцевъ прямо на землю и на трудъ, безъ сомнѣнія, должна давать и общее образованіе, при чемъ въ основаніе его «община», «артель», «товарищество» должны быть положены, какъ самое существенное *дѣло науки*. Надо *учить общиннымъ идеямъ*, нужно доказать ту глубину правды, которая въ этихъ идеяхъ заключается,—словомъ, *школа должна взять всю сущность трудовой народной жизни и устранить отъ нея всѣ тѣ ужасы и недостатки, которые происходятъ отъ обремененія народныхъ массъ паразитнымъ* существованіемъ не трудящагося пролетаріата. Вѣдь все это необходимо нашему народу. Если «опытъ» такого рода не будетъ совершенъ на общественныя средства, то когда же въ домъ къ нашему крестьянину придутъ наконецъ облегчающія его трудъ знанія?

Неужели мы, имѣя такіе удивительные образчики подлинно-справедливой, здоровой, веселой жизни, которою живетъ (конечно, въ счастливыхъ случаяхъ) нашъ народъ, неужели мы, видя, какъ въ европейской жизни измученный человѣкъ начинаетъ выбиваться изъ тяготы существованія къ тѣмъ же самымъ формамъ жизни, никогда и ничего не извлечемъ практически-важнаго для человѣка, общества, человѣчества и, мучаясь неправдой, будемъ продолжать смотрѣть на то, какъ неправда безъ всякой надобности разъѣдаетъ здоровое народное тѣло и нашу уже нездоровую интеллигентную душу? Неужели наша русская мысль, имѣющая такую огромную массу ежедневнаго матеріала въ живой народной жизни, доказывающаго ей, какъ дважды-два, возможность *независимаго* существованія, не будетъ настолько оригинальна, настолько добросовѣстна, чтобы воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ образчикомъ независимой жизни, постоянно видимымъ нами, и не положитъ этого

образчика въ основаніе *воспитанія* молодого поколѣнія, т.-е. не сдѣлать попытки ободрить непривычнаго къ труду — для трудовой жизни?

3.

На этомъ окончились мои умѣренныя фантазіи и мечтанія. На этомъ же оканчиваются и повѣствованія обо всемъ случайномъ, объ оригиналахъ, оригинальныхъ біографіяхъ, и, къ сожалѣнію, начинается повѣсть о томъ, что̀ есть въ дѣйствительности... Повѣсть эта такъ невесела, тягостна, что, признаюсь, мнѣ очень-очень горько разставаться съ фантазерами и какъ съ своими, такъ и съ чужими фантазіями. Но дѣлать нечего, надобно разстаться и съ тѣмъ и съ другимъ: дѣйствительная жизнь такъ громко кричитъ о неправдѣ и злѣ, что не слышать этого крика или успокаивать себя фантазіями—невозможно. Надобно говорить о томъ, о чемъ говоритъ дѣйствительность.

V. Человѣкъ, природа и бумага.

1.

«Дѣйствительность» прежде всего начала разрушать во мнѣ какъ разъ именно тѣ веселыя мечтанія и фантазіи, которыя овладѣли мной послѣ веселой встрѣчи съ переселенцами. На дѣлѣ переселенческое движеніе далеко не поощряло къ мечтаніямъ; все, что̀ приходилось мечтать о немъ, наводило на мрачныя мысли и почти ничѣмъ не радовало.

Я не буду утомлять читателя пересказомъ этихъ невеселыхъ мыслей и обращу вниманіе только на слѣдующее соображеніе: всякій разъ, когда дѣло идетъ о томъ же самомъ явленіи, но не у насъ, а за нашею «границей», и когда переселеніе именуется по-иностранному «эмиграціей», а переселенецъ называется «эмигрантомъ», для всѣхъ насъ, даже для послѣдняго волостного писаря, это народное движеніе дѣлается совершенно понятнымъ, яснымъ, имѣющимъ совершенно опредѣленный смыслъ и наводящимъ на мысль о самыхъ реальныхъ мѣропріятіяхъ, которыя это явленіе вызываетъ. Всякій знаетъ, что эмигрантъ уходитъ отъ тѣсноты, что ему нужно переѣхать океанъ, что для этого ну-

женъ пароходъ, и притомъ дешевый, потому что эмигрантъ бѣденъ, что по прибытіи на мѣсто, гдѣ эмигрантъ оказывается среди чужихъ людей, не зная ни языка ни условій жизни, онъ нуждается въ поддержкѣ государства, въ указаніи наилучшихъ средствъ къ устройству на новыхъ мѣстахъ. Слово «эмигрантъ» понятно для всѣхъ насъ совершенно и возбуждаетъ соображенія вполнѣ точныя, опредѣленныя, вполнѣ свойственныя «здравому уму» человѣческому. Но какъ только слово «эмигрантъ» замѣнится въ нашей мысли и сознаніи словомъ «переселенецъ», такъ тотчасъ же насъ покидаетъ способность руководствоваться здравымъ смысломъ. Становой приставъ ничего не можетъ больше придумать, какъ донести о своевольномъ уходѣ съ мѣста жительства, интеллигентный человѣкъ начинаетъ раздирать свои ризы, рыдая о гибели народныхъ массъ, и даже коммерческій человѣкъ, тотъ, что въ Европѣ наживаетъ деньги на перевозкѣ тысячъ пассажировъ-эмигрантовъ, на отдачѣ имъ въ Америкѣ участковъ земли, на чемъ онъ опять-таки наживаетъ и тѣмъ раститъ свой капиталъ,—даже этотъ хищный глазъ оказывается совершенно ослѣпшимъ, не видящимъ въ этомъ движеніи ничего для себя существеннаго. Накупивъ сотни тысячъ десятинъ отъ помѣщиковъ, онъ закладываетъ землю по тремъ закладнымъ, лопается, мошенничаетъ и только при всякихъ ухищреніяхъ плутовства успѣваетъ перевести на женино имя какую-нибудь частицу наворованнаго капитала, тогда какъ по его же пустопорожней землѣ идутъ, какъ тѣни, полуголодныя толпы людей, ищущихъ и жаждущихъ этой же самой земли, которые ее оплодотворили бы, оживили, отъ которой расцвѣли бы сами и дали бы возможность владѣльцу прожить на свѣтѣ безъ помощи «скамьи подсудимыхъ».

Вотъ примѣръ «заграничной» переселенческой операціи. Эмигрируютъ въ Америку изъ нашей Екатеринославской губерніи менониты, и разъ они *эмигранты*, а не переселенцы, дѣло происходитъ самымъ понятнымъ здравому человѣческому разсудку образомъ. Нуждаясь въ землѣ, они выбрали человѣкъ пять ходоковъ и отправили ихъ не на Бѣлыя Воды, дорога куда почему-то полагается идущею черезъ Москву и Вологду, а именно туда, куда слѣдовало,—въ Гамбургъ, гдѣ стоитъ эмигрантскій пароходъ. Купецъ взялъ съ нихъ деньги и привезъ въ Америку. Въ Нью-Іоркѣ объ участи нашихъ менонитовъ позаботился муниципалитетъ. Тотчасъ по ихъ пріѣздѣ онъ пріютилъ ихъ въ

общественномъ зданіи, гдѣ они могли дождаться частныхъ предложеній отъ продавцовъ земли, не разыскивая ихъ ощупью черезъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. И вотъ одно желѣзнодорожное общество, желающее, чтобъ его желѣзная дорога возила людей и товаръ, а не гремѣла только пустыми вагонами, предложило имъ землю на условіяхъ, также доступныхъ пониманію, если только находишься въ здравомъ умѣ. Канзасская желѣзная дорога отвела имъ нѣсколько сотъ десятинъ земли близъ самой линіи дороги, по девяти акровъ на хозяйство и по 10 долларовъ за акръ, съ разсрочкой на 10 лѣтъ. Кромѣ того, желѣзнодорожная компанія обязалась выстроить имъ два помѣстительныхъ дома, чтобъ они не остались подъ открытымъ небомъ тотчасъ по пріѣздѣ съ семьями на чужую сторону. Тѣмъ же путемъ ходоки возвратились на родину, Христовымъ именемъ нигдѣ не просили, и, взявъ семьи, благополучно доѣхали до новыхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствительно уже ожидали ихъ два, выстроенныхъ дорогой, помѣстительныхъ дома.

Такъ происходитъ «за границей» дѣло переселенія, именуемое «по-заграничному»—эмиграціей. Та же самая эмиграція, именуемая на Руси *переселеніемъ*, происходитъ совершенно не такъ. *Выгода, матеріальная польза*, которую мы видимъ въ дѣлѣ «эмиграціи», рѣшительно отсутствуетъ въ нашемъ «переселенческомъ» дѣлѣ: гамбургскіе корабли ждутъ переселенцевъ, потому что это выгодно; нью-іоркскій муниципалитетъ, также изъ-за выгоды не имѣть въ городѣ массу безпріютнаго народа, устраиваетъ имъ даровыя помѣщенія; желѣзнодорожныя компаніи, также единственно изъ желанія имѣть пассажировъ и товары, уступаютъ переселенцамъ земли и облегчаютъ возможность поселенія. Все здѣсь одинъ голый расчетъ, основанный однакоже на удовлетвореніи извѣстныхъ надобностей человѣка.

Въ ходѣ же нашего переселенческаго дѣла и устроенія народныхъ массъ, ищущихъ земли и труда, какъ разъ и не видно даже этого простого и яснаго расчета, пониманія простой выгоды того, что постановка этого дѣла на практическую почву общественной пользы есть именно то, что̀ во всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать безъ отлагательства. Въ настоящее время уже есть всякаго рода «мѣропріятія», но кто же не знаетъ, что переселенецъ продолжаетъ и сейчасъ плутать безъ пути и дороги? И въ то же время нѣтъ въ Россіи человѣка, который бы не понималъ, что дѣло это серьезное, важное... Нигдѣ такъ не скорбятъ о народѣ,

объ его разстройствѣ, какъ именно у насъ; нигдѣ его не боготворятъ такъ, какъ у насъ же, и нигдѣ не мечтаютъ объ его благѣ съ такимъ подлиннымъ безкорыстіемъ, какъ опять же именно у насъ. «Народъ», «народное благо» и «благоустройство» не сходятъ съ нашего языка цѣлые десятки лѣтъ, и безчисленные «проекты» всякаго рода патріотовъ, имѣющихъ доступъ туда, гдѣ эти проекты принимаются, ничего иного не трактуютъ, какъ все то же самое народное благо. Сколько у насъ суеты, скорби, переписки, и все о томъ же народномъ благѣ—этого невозможно ни описать ни пересказать. и все-таки никакого реальнаго, практическаго дѣла изъ всѣхъ этихъ скорбей о народѣ не выходитъ: общество продолжаетъ скорбѣть, проекты продолжаютъ писаться. мѣропріятія принимаются, а все-таки никто не можетъ по совѣсти сказать, чтобы все это было даже похоже на дѣйствительное дѣло. Чего-то маленькаго, но самаго главнаго не хватаетъ во всѣхъ этихъ скорбяхъ и безпокойствахъ о народѣ, чтобы они преобразились въ дѣйствительную заботливость объ устроеніи народныхъ массъ... Нѣтъ спички, чтобы зажечь лучину и поставить самоваръ,— а то рѣшительно все есть для того, чтобы хорошо «попить чайку»: и самоваръ полонъ воды. и вычищенъ такъ, что горитъ, какъ жаръ, и угольевъ тьма въ корзинѣ рядомъ съ самоваромъ, и чай уже положенъ въ чайникъ, и сахаръ есть... Все есть, нѣтъ только спички для того, чтобы зажечь лучину и оживить весь этотъ самоварный матеріалъ... И для народнаго дѣла все у насъ есть въ полномъ размѣрѣ: есть и нужда въ землѣ, есть и безконечныя свободныя пространства земли, есть и истинная скорбь о народѣ, и истинное желаніе сдѣлать добро... А вотъ спички-то, которая нужна для оживотворенія всего этого матеріала жизни, дѣйствительно живого дѣла, ея-то и нѣтъ...

Никогда бы я не рѣшился говорить о такихъ скучныхъ и тягостныхъ особенностяхъ русской жизни и томить ими читателя, если бы мнѣ совершенно случайно не пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ старыхъ моихъ пріятелей, который, въ разговорѣ объ этихъ же скучнѣйшихъ вопросахъ, не только сумѣлъ вывести ихъ изъ области присущей имъ скуки и тоски, но, къ удивленію моему, нашелъ возможность толковать о нихъ въ самомъ юмористическомъ тонѣ. Благодаря только этой счастливой случайности, я и рѣшаюсь еще разъ коснуться того же темнаго дѣла, не впадая однако въ заунывный тонъ.

2.

— Такъ ты желаешь знать, — говоритъ мой пріятель:— почему вотъ этой самой спички-то нѣтъ?

— Да. Отчего нѣтъ этой спички?

— По-твоему выходитъ, что у насъ есть все, чтобы чаю попить «вволю», т.-е. чтобы добро вышло? И самоваръ, и вода въ немъ, и уголья, и чай, и сахаръ, да спички-то нѣтъ, и чаю поэтому напиться нельзя?

— Совершенно вѣрно! А ты развѣ иначе думаешь?

— Нѣтъ, и я такъ же полагаю... Я только для вѣрности переспрашиваю, о томъ ли я думаю, о чемъ ты-то говоришь. Вижу, что о томъ, и вотъ что я надумалъ объ этой самой спичкѣ.

Пріятель мой крѣпко понюхалъ табаку, помолчалъ, сообразилъ что-то и сказалъ:

— Тебѣ вѣдь извѣстно, что я иной разъ пописываю кое-что?

Мнѣ это было извѣстно: не разъ черезъ меня въ редакцію передавались *начала* его большихъ трудовъ и черезъ меня же ему возвращались. Обыкновенно передавалась только *первая глава* обширнаго труда, а содержаніе остальныхъ шестидесяти девяти главъ излагалось въ видѣ конспекта, въ концѣ котораго авторъ обыкновенно сообщалъ редакціи, что за обработку этихъ шестидесяти девяти главъ онъ примется не иначе, какъ по одобреніи редакціей идеи его труда, изложенной въ программѣ. Такъ какъ редакція этой программы обыкновенно не имѣла времени просмотрѣть, то на первой главѣ надписывала роковое: «возвратить», и шестьдесятъ девять главъ никогда оканчиваемы не были, а вмѣсто нихъ, чрезъ годъ или два, являлась новая первая глава новаго обширнаго труда.

— Какъ же мнѣ не знать?—отвѣтилъ я пріятелю.—Очень знаю!

— Такъ вотъ я, года полтора тому назадъ, и задумалъ написать о Россіи и о русскомъ народѣ... нѣчто обширное... Обнять, такъ сказать, задумалъ я всю массу разнообразнѣйшихъ особенностей русскаго быта... Затрудняло меня только заглавіе—слишкомъ ужъ много содержанія надобно было включить въ него. Но наконецъ, думаю себѣ, если я окрещу мое твореніе, назвавъ его: «Русскій *человѣкъ* и русская *природа*», то на разстояніи этихъ двухъ точекъ можетъ умѣститься и все прочее разнообразіе явленій жизни,

всегда прикосновенныхъ и къ одной точкѣ и къ другой... И въ европейской литературѣ также названія подобнаго рода трудовъ часто исчерпываются только этими двумя словами: «Природа и человѣкъ», или: «Отношенія человѣка къ природѣ». Ну, словомъ, въ этомъ родѣ. Не знаю, такъ ли, нѣтъ ли, но я все-таки взялъ перо и начерталъ: *Человѣкъ и природа*,—конечно, русскіе,—и принялся за дѣло... Но какъ тебѣ покажется? Вижу, чувствую, что есть въ общей картинѣ нашей жизни нѣчто такое, что иной разъ совершенно нарушаетъ всякіе законы природы и совершенно неожиданно ставитъ человѣка въ невозможное положеніе. Есть нѣчто такое, что, вторгнувшись между человѣкомъ и природой, произведетъ необыкновенную путаницу и тамъ, и тамъ, и главное, когда дѣйствіе этого неожиданно вторгнувшагося таинственнаго элемента прекратится, не оказывается никакой возможности понять, во имя какихъ цѣлей произошло это вторженіе. Думалъ-думалъ я, потѣлъ-потѣлъ, наконецъ вижу... Нѣтъ! Нельзя мнѣ именовать свое сочиненіе только двумя словами: «Человѣкъ и природа», а надобно прибавить къ нимъ и третье, самое важное, и тогда опредѣленіе моей задачи будетъ полное...

— Какъ же ты придумалъ?

— А придумалъ я такъ: «Человѣкъ, природа и... *бумага*»!—да, вотъ подлинное указаніе на самую существенную, исходную точку всѣхъ тайнъ нашей жизни.

— Откопалъ же штуку, нечего сказать!

— И откопалъ! Дѣйствительно добрался до самой сути... *Бумага!*—вотъ это и есть самый центръ!

— По-твоему,—прервалъ я его:—бумага-то и есть центръ зла? По-твоему, значитъ, мы духовно мертвы только потому, что смерть и тлѣнъ въ нашу совѣсть вноситъ бумага? Да можешь ли ты это даже думать?

— Напротивъ! Никогда ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Чтобы бумага наша когда-нибудь вокругъ себя разсѣевала зло? Никогда! Я положительно утверждаю, что эта могущественная сила постоянно блистала полнымъ отсутствіемъ даже самой тѣни какихъ-нибудь злоумышленныхъ цѣлей. Напротивъ, въ ней всегда писалось, чтобы люди жили «какъ лучше», она постоянно *предусматривала* всевозможныя случайности нашей ничтожной обывательской жизни и предостерегала отъ нихъ. Еще на-дняхъ я читалъ приказъ по полиціи—не опускать у магазиновъ маркизы ниже трехъ съ половиною аршинъ, потому что

третьяго-дня одинъ прохожій, задумавшись, повредилъ себѣ лобъ, т.-е. стукнулся о раму маркизы... Извозчики, прежде нежели вылѣзти изъ саней и потоптаться на тротуарѣ, чтобъ согрѣться, должны узнать у городового, сколько градусовъ мороза! При десяти градусахъ они не могутъ вылѣзти изъ саней и слѣдовательно не могутъ «погрѣться», и только на одиннадцатомъ имъ разрѣшено начать грѣться какими угодно способами. Когда же до «свѣдѣнія дошло», что городовые начинаютъ брать съ извозчиковъ взятки за прибавку градусовъ, и когда самъ г. приставъ собственными ушами слышалъ, какъ городовой Семеновъ сказалъ извозчику: «Ну, песъ съ тобой, неси сороковку! Накину я тебѣ, дураку, градуса, пожалуй, на два!»—то тотчасъ же явился циркуляръ, разоблачающій всѣ эти злоупотребленія, отрѣшающій виновныхъ отъ должностей и прочее... Словомъ, всякая въ буквальномъ смыслѣ бумага стремится совершить только добро и только печется о человѣкѣ...

— Ну, стало-быть, виноватъ кто-то другой, а не бумага. Зло, стало-быть, вовсе не въ ней. Она добро?..

— Да!

— И изъ нея выходитъ однакоже зло?

— На это я тебѣ скажу вотъ что... Я тебѣ изображу нѣчто беллетристическое... Такъ будетъ яснѣе... Представь себѣ, что ты или я былъ какъ-нибудь на-дняхъ въ концертѣ, театрѣ или клубѣ... и случайно познакомился съ очень хорошенькой вдовушкой или дѣвушкой...

— Представилъ.

— Хорошо! Представь теперь еще и то, что она мнѣ очень и очень понравилась...

— А ты ей?

— И я ей также, само собой, понравился. Дальше — больше, у меня возникаетъ мысль написать ей письмо... «Нельзя ли, молъ, видѣть васъ потому-то и потому-то? Необходимо поговорить о томъ-то, и позвольте, молъ, мнѣ придти, или вы ко мнѣ приходите... Адресъ тамъ-то»... и такъ далѣе... Написалъ я это письмо, положилъ въ конвертъ, наклеилъ марку—въ ящикъ. На письмо приходитъ отвѣтъ: «Я согласна... въ такомъ-то часу... Мнѣ самой надо было съ вами поговорить». Я иду, мы видимся, говоримъ, и затѣмъ дѣло идетъ такъ, какъ покажутъ обстоятельства: разойтись придется—разойдемся; жениться—женимся. Словомъ, какъ вообще идутъ такого рода дѣла... Худо ли, хорошо ли, а отвѣтъ за все только на насъ двоихъ—не правда ли?

— Совершенно вѣрно!

— Теперь представь себѣ, что въ такія-то наши отношенія вмѣшалась «бумага». Она вѣдь все предусматриваетъ и постоянно стремится, чтобъ *все было по-хорошему?* Да? Конечно, да! И вотъ она предусмотрѣла, что молодые мужчины, познакомившись гдѣ-нибудь съ молодыми женщинами, обыкновенно продолжаютъ знакомство письмами, при чемъ «усмотрѣно», что письма эти сначала всегда вызываютъ на необходимость какого-то *якобы* серьезнаго разговора («нѣтъ ли у васъ «Исповѣди» Толстого?»), но что, въ сущности, *якобы* серьезными мотивами прикрываются совершенно не тѣ побужденія, и что «управленію» извѣстно множество примѣровъ, когда, начавъ съ необходимости «о многомъ поговорить», молодые люди вовлекали дѣвицъ въ величайшія несчастія, причиняли разстройства въ семействахъ, бывали причиной преждевременныхъ смертей. Съ другой стороны, «управленію» также извѣстно, что и дѣвицы, начавъ знакомство съ молодыми людьми подъ неопредѣленнымъ предлогомъ узнать отъ нихъ: «гдѣ исходъ?» — побуждали ихъ къ законному браку и впослѣдствіи не оказывались «подругами жизни», но, напротивъ, вынуждали расхищать земскіе сундуки и предавались расточительной жизни, доводя въ концѣ концовъ мужей своихъ до скамьи подсудимыхъ... Такъ вотъ, принимая всѣ эти случаи во вниманіе и желая оградить обывателей отъ сѣтей и обмановъ недобросовѣстныхъ личностей мужского и женскаго пола, а также въ виду «предотвращенія» самоубійствъ, расхищеній, растратъ и другихъ преступленій, «управленіе» находитъ нужнымъ обязать молодыхъ людей, переписывающихся между собою, — *во избѣжаніе могущихъ произойти неблагопріятныхъ послѣдствій*, — представлять любовныя письма въ канцелярію управленія, которое, провѣривъ положеніе пишущаго, не иначе препроводитъ письмо по назначенію, какъ тщательно провѣривъ показанія переписывающихся: женатъ ли мужчина? какое серьезное дѣло онъ хочетъ объяснить? не расточительница ли скрывается подъ словами неопредѣленной фразы: «гдѣ исходъ?», имѣются ли достаточныя средства къ жизни? Управленіе возьметъ твое письмо, провѣритъ, вызоветъ свидѣтелей и, убѣдившись, что ты хочешь въ самомъ дѣлѣ говорить серьезно, препроводитъ твое письмо черезъ околоточнаго къ Марьѣ Андреевнѣ подъ ея расписку. Письмо же Марьи Андреевны точно такимъ же порядкомъ будетъ разслѣдовано въ томъ же упра-

вленіи, при чемъ и сама Марья Андреевна и прислуга будутъ спрошены самымъ деликатнымъ образомъ. И по повѣркѣ всего этого, ежели ничего подозрительнаго не окажется, она получитъ твое письмо, а ты ея — точь въ точь какъ бы по почтѣ. Въ случаѣ же Марья Андреевна, которая въ письмѣ проситъ «Исповѣдь», а на допросъ въ управленіи явится надушенная и расфранченная, управленіе, въ предупрежденіе могущихъ произойти неблагопріятныхъ для тебя послѣдствій, не выдастъ ей твоего посланія и ея посланія не передастъ тебѣ, и такимъ образомъ предохранитъ васъ обоихъ отъ расхищенія земскаго сундука. Ну, скажи, пожалуйста, развѣ все это дѣлается съ худыми цѣлями? Не къ твоему ли благу все это предпринимается, и не для твоего ли благополучія управленіе предусмотрѣло тысячи несчастныхъ случайностей? Наконецъ вѣдь письмо твое дошло, только Марья Андреевна получила его «при бумагѣ» и только послѣ расписки. Что-жъ, развѣ трудно расписаться— «Марья Колпакова», и развѣ обидна бумага, въ которой только и сказано, что: «прилагая при семъ любовное письмо служащаго на Ряжско-Вяземской дорогѣ сына дворянина Андреянова, имѣю честь предупредить ваше благородіе, что, въ случаѣ вовлеченія молодого человѣка въ земскую растрату, вы имѣете подвергнуться всей строгости закона»? Это вѣдь простая формальность—и даже не написано, а напечатано, хоть и не читай. А подумай-ка хорошенько, сколько эта бумага и формальность умертвили твоей собственной души. Вѣдь, во-первыхъ, ты и Марья Андреевна будете думать не другъ о другѣ въ ожиданіи, положимъ, вызова въ управленіе, а ужъ объ управленіи, *какъ тамъ рѣшатъ*. Не будь этой бумаги, ты, въ ожиданіи свиданія, можетъ-быть, до мелочей анализировалъ бы *свою* жизнь, все прошлое, и старался бы проникнуть въ будущее, а тутъ ты анализировать будешь все то же управленіе: какъ оно на тебя посмотритъ? какъ оно посмотритъ на Марью Андреевну? Тутъ между вами, между вашими личными отношеніями вошло что-то постороннее, вошло съ заботой, съ предостереженіемъ, съ усмотрѣніемъ; но вашему-то личному чувству надобно ужъ молчать и ждать, а вашему исполненному пріятныхъ мечтаній воображенію надобно уже проникать во что-то чужое вамъ, и, разумѣется, отъ этого вмѣшательства бумаги въ ваши личныя желанія и дѣла только меркнетъ и гаснетъ ваше чувство и тупѣетъ умъ... Именно вотъ это-то притупленіе чувства

и ума я и замѣчаю во всемъ современномъ русскомъ обществѣ, а дѣлъ... хлопотъ... изнуренія... видимо-невидимо! И все—«въ пустую», потому что мы отвыкли даже желать своего, а все ждемъ, что̀ заставитъ насъ желать бумага...

— Но вѣдь то, что̀ ты сейчасъ говорилъ, небылица, больше ничего!—возразилъ я пріятелю.

— Конечно, небылица, но я и былей могъ бы тебѣ сказать столько, что ты только бы развелъ руками.

— Ну, разсказывай!

Пріятель мой сдержалъ свое слово: въ одну изъ нашихъ встрѣчъ онъ съ документомъ въ рукахъ весьма основательно подтвердилъ сдѣланную имъ характеристику значенія той силы, которую онъ именовалъ «бумагой». Пользуясь этими документами моего пріятеля, я постараюсь вкратцѣ познакомить съ ними читателей въ моемъ собственномъ пересказѣ.

3.

Одинъ изъ этихъ документовъ, рисующій «человѣка» и «природу» безъ участія третьяго, главнѣйшаго элемента нашей жизни, заимствованъ изъ перваго тома литературныхъ прибавленій къ газетѣ «Восточное Обозрѣніе». Въ прекрасной, живо написанной статьѣ г. Ядринцевъ разсказываетъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ среди русскихъ раскольническихъ общинъ, устроившихся какимъ-то чудомъ и процвѣтающихъ на самой дальней границѣ Россіи съ Китаемъ. Эти раскольничьи общины были, какъ кладъ, зарытый въ землю, *открыты* при императрицѣ Екатеринѣ около границъ Китая въ Алтайскихъ горахъ, куда тогда еще не проникала бумага. Онѣ жили совершенно независимо и образовались ранѣе прошлаго столѣтія изъ бѣглецовъ и раскольниковъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ. До 1878 года они не несли воинской повинности, и вотъ въ какомъ видѣ нашелъ ихъ г. Ядринцевъ во время своей поѣздки на Алтай.

Прежде всего оказывается, что наши великороссійскіе черноземные мужики превратились въ совершеннѣйшихъ горцевъ, весьма удобно приладившись къ условіямъ горной мѣстности. Кстати сказать, Алтайскія горы — горы, *въ самомъ дѣлѣ*, настоящія. Вотъ какъ описываетъ г. Ядринцевъ эту мѣстность: «Когда мы приближались къ вершинамъ Бухтармы, горы становились все выше, хребты поднимались пирамидально изъ долины, рѣка неслась иногда

въ ущельѣ, въ каменистыхъ берегахъ, бушевала, пѣнилась. Возлѣ Черновой открылись бухтарминскіе пороги; вода *кипѣла* въ нихъ. Кругомъ дикія горы и ущелья, поросшія лѣсомъ. Нарымскій хребетъ былъ особенно величественъ». И далѣе за станціей Черновой «горы еще величественнѣй, на склонахъ были лѣса, а вершины были каменисты, выступая гребнями и сопками. На величайшей вершинѣ лежала, какъ говорили крестьяне, *зацѣпившись за бѣлокъ*, темная туча»... Словомъ, природа, какъ видите, вовсе не «крестьянская», и однакожъ крестьяне, единственно только подъ давленіемъ нравственнаго побужденія *жить въ мирѣ*, сумѣли не только не погибнуть въ непривычной для нихъ обстановкѣ, но, какъ увидимъ ниже, устроились самымъ завиднымъ образомъ.

Въ непривычной для мужика обстановкѣ, кромѣ совершенно диковинной для него природы, не послѣднюю роль играла и «чужая сторона», съ чужими враждебными сосѣдями, китайцами, киргизами, съ которыми у пришлецовъ должно было быть множество столкновеній, обыкновенно переходящихъ въ такого рода пограничныя затрудненія, которыя разрѣшаются вмѣшательствомъ правительственныхъ войскъ. Однако вотъ оказывается, что «все здѣсь тихо и мирно: и къ китайцамъ въ гости ѣздятъ, и халаты пріобрѣтаютъ, да и рыбой давно пользуются, ходя артелями за границу безъ всякихъ паспортовъ и трактатовъ». «Въ этой способности оріентироваться (въ чужой землѣ) и, занявъ мѣста, отстоять ихъ—заключались немалые таланты и сказалась не одна сила, но и *умъ*» (стр. 25). «Онъ (пришлецъ-крестьянинъ), являясь въ чужое мѣсто и среди чужихъ людей, показывалъ свою силу, свое право, энергію, настойчивость, но потомъ вступалъ въ дружественный договоръ», такъ какъ, повторяемъ, «ему нуженъ былъ только безусловно одинъ *миръ*» (стр. 24).

Такимъ образомъ исключительно своимъ умомъ, умѣньемъ и исключительно только при помощи самаго простого человѣческаго побужденія «жить» на бѣломъ свѣтѣ, и притомъ жить въ «мирѣ», крестьяне, поселившіеся въ Алтайскихъ горахъ, представляютъ собою въ высшей степени замѣчательное явленіе; они, по словамъ г. Ядринцева, сформировались въ могучую, богатырскую расу. «Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго тѣлосложенія; одинъ извѣстный намъ охотникъ-крестьянинъ напоминаетъ просто богатыря». Казачій офицеръ, самъ здоровый и коренастый мужчина,

передавая г. Ядринцеву свое впечатлѣніе отъ рукопожатія этого колосса, говорилъ, что «его собственная рука показалась ему рукой ребенка, когда колоссъ пожалъ ее».

Не только мужчины, могучи и сильны здѣсь также и женщины: «Въ Алтаѣ,—пишетъ г. Ядринцевъ:—мы видѣли дѣвицу — аршинъ въ плечахъ, поднимавшую 12 пудовъ» (стр. 46). «Однажды, подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ,— говоритъ г. Ядринцевъ:—двухъ приближавшихся всадниковъ въ яркихъ костюмахъ, точно французскихъ гусаръ. На головѣ у одного была красная шапка съ позументомъ.—«Кто это скачетъ?»—спросилъ я у ямщика.—«Да это наши бабы!» Въ другой разъ я рано утромъ пилъ чай въ деревнѣ. Это было часовъ въ 6 утра. По всей улицѣ стояли у воротъ привязанныя верховыя лошади. Черезъ нѣсколько времени начали выходить изъ воротъ старухи и бабы съ ребятами; онѣ смѣло влѣзали на лошадей верхомъ по-мужски, прилаживали на сѣдлѣ малолѣтковъ и отправлялись изъ деревни. Я замѣтилъ, что у каждой старухи черезъ плечо былъ холщевый мѣшокъ.—«Куда это у васъ старухи собрались,—не въ походъ ли?»—спросилъ я хозяйку.—«Зачѣмъ въ походъ! Молодыя-то теперь на работѣ, а старухи на пчельники поѣхали да и ребятокъ съ собой захватили». — «Зачѣмъ же верхомъ?»—«А развѣ въ нашихъ мѣстахъ иначе проѣдешь? Горищи страсть, крутизна! А ничего, мы привыкли!»

Правда, у этихъ богатырскихъ женщинъ и дѣвицъ иной разъ случаются нѣкоторыя ошибки противъ «правилъ благопристойности»; г. Ядринцевъ сообщаетъ, что «у нихъ будто бы существуетъ свобода любви и короткія связи называются просто «птичьимъ грѣхомъ», что дѣвицѣ не ставится въ грѣхъ, если она до замужества жила съ кѣмъ-нибудь, но по выходѣ замужъ она обязывается быть вѣрной своему мужу». Но такіе ли грѣхи творятъ, напримѣръ, кавказскіе горцы, которые, какъ сванеты, истребляютъ новорожденныхъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, засыпая имъ ротъ горячей золой, или осетины, стискивая деревяннымъ корсетомъ грудь дѣвушки съ дѣтскихъ лѣтъ и не давая ей развиться, какъ органу кормленія дѣтей? Это ужъ грѣхъ не птичій, а человѣческій, и называется онъ дѣтоубійствомъ, совершаемымъ къ тому же съ своекорыстными цѣлями: имѣть какъ можно меньше дѣтей, чтобы женщина могла больше работать на своего господина. Алтайскія же грѣховодницы по выходѣ замужъ безпрепятственно увеличиваютъ народонаселеніе, такъ что, напримѣръ, въ Кумышскомъ

округѣ въ теченіе столѣтія *изъ 10 семей* такихъ же грѣховодниковъ-богатырей населеніе разрослось до 1.260 душъ народа, какъ уже сказано выше, рослаго, могучаго, работящаго, вполнѣ къ тому же сохранившаго свои симпатіи къ крестьянству. «Нѣкоторые изъ крестьянъ въ деревняхъ по Бухтармѣ сѣяли хлѣбъ на высотѣ 4.000 фут. Сѣно косили въ такихъ ущельяхъ, что его приходилось вывозить верхомъ, связывая въ охапки». Хлѣбопашество въ нѣкоторыхъ горныхъ деревняхъ идетъ въ настоящее время такъ хорошо, что крестьяне имѣютъ возможность выгодно сбывать излишекъ: 4.000 пуд. ржаной муки они поставляютъ въ зырянскій заводскій магазинъ. Кромѣ хлѣбопашества, они занимаются скотоводствомъ, пчеловодствомъ, ведутъ мѣновую торговлю съ киргизами, китайцами, давая въ обмѣнъ юфть, топоры, звѣроловные капканы, ножи и другія желѣзныя вещи, а также соль, муку и особенно зерновой ячмень.

Общее впечатлѣніе, вынесенное г. Ядринцевымъ изъ его поѣздки по Алтаю, по горнымъ крестьянскимъ деревнямъ, оказалось самымъ свѣтлымъ и ободряющимъ: «*можно жить на бѣломъ свѣтѣ*»—вотъ какими словами можно бы выразить сущность всего, что разсказалъ намъ г. Ядринцевъ.

Посмотримъ теперь, что выходитъ, когда между человѣкомъ и природой появляется «содѣйствіе» самой гуманнѣйшей бумаги, предусматривающей всевозможныя колонизаціи, тщательно ихъ предупреждающей и вообще пекущейся совершенно безкорыстно и безукоризненно о благосостояніи «человѣка». Матеріаломъ для ознакомленія читателя съ опытомъ колонизаціи этого послѣдняго рода послужитъ намъ статья г. Шаврова, напечатанная въ «Сѣв. Вѣстн.» (1887 г., № 7), въ которой г. Шавровъ подробно разсказываетъ, какъ приводились въ исполненіе, напримѣръ, всевозможные проекты, изобрѣтавшіеся для колонизаціи еще и нынѣ довольно пустыннаго черноморскаго побережья. Начало этимъ проектамъ и мѣропріятіямъ относится ни много ни мало какъ къ 1804 году, когда черноморское побережье было присоединено къ владѣніямъ Россіи и когда впервые было понято государственное значеніе этого побережья.

Это «государственное значеніе» черноморскаго побережья сдѣлалось понятнымъ для государства и поддерживалось съ 1804 г. тогдашнимъ начальникомъ края, княземъ Циціановымъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени всѣ

замѣчательные дѣятели, управлявшіе Кавказомъ, единодушно признавали, что, очистивъ побережье отъ непокорныхъ горцевъ, съ которыми пришлось вести тяжкую и дорого стоящую войну въ теченіе 60 лѣтъ, Россія, во избѣжаніе повторенія того же самаго, нуждается въ колонизаціи очищенныхъ горцами земель преимущественно «русскимъ элементомъ».

Такъ вотъ съ 1804 года и до настоящаго времени съ неусыпною энергіей всѣ замѣчательные дѣятели Кавказа единодушно напрягаютъ всѣ силы, чтобы водворить на Кавказѣ русскій элементъ. Этотъ *элементъ* и самъ бы, вѣроятно, явился сюда въ значительномъ количествѣ, потому что ему надо пить, ѣсть и жить мирно; но для задачъ «бумаги» такой цѣли, какъ «пить-ѣсть», слишкомъ мало.

Прежде всѣхъ началъ оперировать надъ «элементомъ» генералъ Раевскій. Онъ «задумалъ широкій планъ—обратить береговыя укрѣпленія въ торговые пункты и водворить при нихъ русскія поселенія, которыя, производя постоянный торговый обмѣнъ съ горцами, содѣйствовали бы сближенію послѣднихъ съ русскими и сдѣлали бы ненужными постоянныя военныя дѣйствія» (стр. 22). *Съ этой цѣлью* (замѣтьте: съ цѣлью *торговли!*) генералъ Раевскій испросилъ разрѣшеніе пересылать на казенный счетъ семейства *солдатъ* для образованія поселеній и, «несмотря на всѣ затрудненія, успѣлъ-таки поселить 1.520 русскихъ семействъ».

Итакъ, *солдаты*, въ виду государственной важности, должны были превратиться въ *купцовъ* и не маршировать, а *торговать*. Но этого мало. «*Кромѣ торговли съ горцами*», генералъ Раевскій успѣлъ «обратить дѣятельность поселенцевъ на *рыболовство* и *каботажное* плаваніе, съ цѣлью создать на черноморскомъ побережьѣ *морское населеніе*» (стр. 22). Преемникъ его, генералъ Анрепъ, хотѣлъ все это уничтожить, но не успѣлъ, потому что передалъ власть генералу Серебрякову, продолжавшему дѣло Раевскаго до крымской войны, которая все это прекратила, и «элементъ», превращенный изъ мужиковъ въ солдатъ, изъ солдатъ въ купцовъ, въ садоводовъ, въ рыболововъ, въ мореплавателей, разбѣжался невѣдомо куда, и берегъ опять опустѣлъ... «*Усилія*, говоритъ г. Шавровъ, этихъ генераловъ оказались безполезными для Россіи»; а каково было «элементу» кряхтѣть—объ этомъ ничего не сказано.

Въ 1864 году черноморское побережье было окончательно

покорено, горцы всѣ ушли сами, перетонули въ морѣ, перемерли отъ холода и голода. Причиною этого бѣгства были мѣры генерала Евдокимова, который сталъ переселять горцевъ въ долины, а казаковъ въ горы. Вслѣдствіе бѣгства горцевъ, побережье совершенно «обезлюдѣло» (стр. 25), и опять надобно было взять за бока все тотъ же «элементъ».

«При составленіи *перваго* (перваго послѣ уже «бывшаго» другого *перваго*, который, какъ мы видѣли, оказался безполезнымъ) проекта колонизаціи черноморскаго побережья приняты были въ основаніе *самыя раціональныя* историческія, практическія и государственныя соображенія о значеніи, которое имѣла эта пограничная область въ общей системѣ Кавказскаго края. Кромѣ того, *не было забыто* и общее государственное значеніе восточнаго берега въ развитіи русскаго могущества на Черномъ морѣ». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, «предполагалось въ наиболѣе удобныхъ морскихъ пунктахъ образовать приморскія станицы изъ азовскихъ казаковъ съ прибавленіемъ къ нимъ постороннихъ лицъ изъ казаковъ, отставныхъ солдатъ и вольныхъ людей»...

Всѣ эти люди превращались просто въ «русскій элементъ», «*предназначались*, чтобы служить началомъ *будущихъ коммерческихъ портовыхъ городовъ*, а потому *всю дѣятельность* новыхъ поселенцевъ предполагалось *направить* на рыболовство, судостроеніе и каботажное плаваніе... Затѣмъ, вдали отъ берега предполагалось поселить нѣсколько казачьихъ поселеній для обороны на случай войны» (стр. 28). Такъ какъ время тогда было военное, то заселеніе побережья казацкими станицами началось *немедленно*, и для начала было поселено около 15 станицъ; но затѣмъ все это было *пріостановлено* вслѣдствіе того, что къ военнымъ соображеніямъ постепенно примѣшались соображенія гражданскія: *вдругъ*... всѣмъ *показалось* слѣдующее: «Казакъ въ полномъ вооруженіи, конный или пѣшій, но обязанный нести постоянную военную службу, *сталъ казаться самымъ негоднымъ* поселенцемъ для богатѣйшей по своей производительности страны, которая требовала интенсивной земледѣльческой культуры и такихъ знаній въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя недоступны для служилаго казака. Самое его военное званіе казалось большимъ препятствіемъ къ правильному веденію сельскаго хозяйства. Немало приведено было доказательствъ, что для казака невозможно

вести успѣшно интенсивное хозяйство, заниматься культурой винограда, винодѣліемъ, разведеніемъ цѣнныхъ растеній. Словомъ, казакъ былъ признанъ непригоднымъ для *быстраго* экономическаго преуспѣянія края, и дальнѣйшее устройство казачьихъ станицъ было пріостановлено» (стр. 29).

Вотъ каковъ былъ этотъ проектъ.

Какъ видитъ читатель, на шею «русскаго элемента», желающаго только всего «пить-ѣсть и жить въ мирѣ», проектъ, принимавшій во вниманіе политическія, государственныя, историческія, экономическія соображенія, возлагалъ оборону, культуру, интенсивное хозяйство, развитіе морского могущества, садоводство, винодѣліе, рыболовство, земледѣліе. Все сіе долженъ былъ совершить «элементъ», собранный изъ азовскихъ казаковъ, отставныхъ солдатъ и вольныхъ людей. Такова была задача военнаго управленія. Когда же всѣ эти станицы разбѣжались и «элементъ» разсѣялся «кто куда», «не пимши и не ѣмши», тогда началась дѣятельность гражданская.

Задача гражданскаго управленія была такова. Въ трехъ пунктахъ побережья учреждены были попечительства, «на обязанность которыхъ было *возложено* попеченіе объ успѣшной колонизаціи побережья, о привлеченіи сюда иностранныхъ колонистовъ и введеніи при помощи ихъ высшей земледѣльческой культуры и интенсивнаго сельскаго хозяйства въ оставшихся (пустыми, конечно) казачьихъ станицахъ и во вновь *имѣющихъ поселиться русскихъ колоніяхъ*»... Обратите вниманіе на коренное свойство «бумаги»: никакихъ русскихъ колоній нѣтъ, не существуетъ, а ужъ обязанность введенія *въ нихъ*, въ тѣхъ самыхъ, которыхъ и въ поминѣ-то нѣтъ, введенія интенсивнаго хозяйства уже *возложена* на кого-то, и кто-то эту обязанность смѣло рѣшается взять на себя, кто-то уже говоритъ: «водворю!»— и требуетъ оклада жалованья. Принявъ эти обязанности, попечители *возложили* ее, въ свою очередь, на колонистовъ, но въ концѣ концовъ «колонизація не могла идти успѣшно, и многіе изъ колонистовъ, въ виду смертности товарищей и собственной болѣзненности, теряли бодрость и просили о перемѣщеніи ихъ въ другія мѣста или объ отправленіи ихъ на родину» (стр. 31). Эта смертность и болѣзненность произошла, во-первыхъ, отъ того, что «*подробной съемки* черноморскаго побережья *сдѣлано не было*» (стр. 29), что «*энергическое* стремленіе водворить какъ можно больше ко-

лоній вызывало *случайное* ихъ расположеніе—въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, *по мнѣнію попечителей,* встрѣчались *болѣе удобныя* мѣста для колоній». Переселенцы же, «явившись изъ сѣверныхъ провинцій, не могли соблюдать гигіеническихъ предосторожностей, потому что, устраиваясь (*по мнѣнію попечителей*, болѣе удобно) въ дикихъ лѣсахъ и болотистыхъ долинахъ, были предоставлены единственно только собственнымъ своимъ силамъ» (стр. 30). «Правительство не жалѣло средствъ для помощи колонистамъ, но пособія были опредѣлены по одной общей нормѣ для всѣхъ лицъ, желающихъ водвориться на всемъ побережьѣ». Кромѣ того, при отсутствіи путей сообщенія (это также оказалось неожиданно), доставлять провіантъ поселенцамъ было не легко, сохранять его на открытомъ берегу было еще труднѣе, и потому естественно, что переселенцы терпѣли немало лишеній и подвергались болѣзненности, несмотря на энергическія заботы. Въ концѣ концовъ *выяснилось*, что «безъ устройства путей сообщенія колоніи, разбросанныя по горамъ, ущельямъ и долинамъ, не могутъ развиваться и достигнуть благосостоянія» (стр. 31). Такимъ образомъ окончился еще одинъ періодъ «энергической дѣятельности»; но тотчасъ же, «безъ передышки», начался новый, то-есть снова здорово взялись съ новой энергіей за то же самое дѣло.

Такъ какъ оказалось, что безъ путей сообщенія жить нельзя и что водвореніе интенсивнаго сельскаго хозяйства и высшей земледѣльческой культуры немыслимо безъ затраты на то и другое (на дороги и культуру) огромныхъ капиталовъ, то гражданское вѣдомство и стало «изыскивать средства», и съ 1871 года «правительствомъ были приняты *всевозможныя мѣры*, указываемыя экономической наукой, для быстрой и успѣшной колонизаціи».

Въ помощь къ водворенію земледѣльческихъ колоній (которыя всѣ, къ сожалѣнію, *уже* разбѣжались неизвѣстно куда) административнымъ путемъ *создана* была на черноморскомъ побережьѣ *крупная земельная собственность.* Привлечены капиталы и капиталисты для культуры этой богатѣйшей нашей окраины (стр. 32).

Кстати здѣсь сказать, что мысль о *созданіи* на Кавказѣ крупной собственности явилась гораздо ранѣе 1871 года, именно тотчасъ же послѣ того, какъ ушли горцы и побережье опустѣло. Тотчасъ же «признано было справедливымъ выдѣлить нѣкоторую часть опустѣвшей земли въ

вознагражденіе *славныхъ участниковъ покоренія Кавказа»* (стр. 31). Въ виду этихъ соображеній, въ руки участниковъ покоренія Кавказа (изъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ) перешло слѣдующее количество земель: 1) передано въ военное вѣдомство для раздачи по пожалованьямъ — 23.000 дес.; 2) передано въ распоряженіе закавказской лотереи съ благотворительною цѣлью—2.000 д.; 3) пожаловано разнымъ лицамъ — 26.264 дес. и 4) отведено разнымъ лицамъ, на основаніи устава о горномъ и сельскомъ хозяйствѣ—6.784 дес.

Все сіе, оказывается, было сдѣлано еще до возложенія на «русскій элементъ» историческихъ, политическихъ, мореходныхъ, оборонительныхъ, рыболовныхъ, виноградныхъ, хозяйственныхъ, торговыхъ, каботажныхъ, культурныхъ и всякихъ интенсивныхъ обязанностей. Когда же «элементъ» разбѣжался, «не пимши и не ѣмши», тогда, повторяю, тотчасъ же была *создана* крупная поземельная собственность. Начало ея, какъ мы видѣли, было довольно прочно положено еще до появленія «элемента», теперь было продолженіе: въ началѣ 1871 года опубликованы были правила для продажи земель. Московскіе капиталисты воспользовались этимъ и пріобрѣли болѣе 50 тыс. дес. земли по 10 руб. за десятину, съ уплатою въ теченіе 10 лѣтъ по 1 р. въ годъ. Впрочемъ, еще ранѣе этого времени въ Москвѣ родилась мысль объ образованіи товарищества съ цѣлью пріобрѣтать на Кавказѣ земли. Первое товарищество ходатайствовало о продажѣ ему земель въ долинѣ Эльдаръ; но баронъ Николаи, начальникъ главнаго управленія, отклонилъ это ходатайство на томъ основаніи, что «предполагалось отдать барону Таубе 600.000 дес. земли *даромъ*—съ обязательствомъ образовать общество для ирригаціи долины». Вообще, какъ видно, капиталъ не дремалъ, спѣшилъ содѣйствовать процвѣтанію покореннаго края задолго до «мѣръ, указываемыхъ экономической наукой» и бывшихъ причиною появленія правилъ 1871 г. Но, къ сожалѣнію, опять явились препятствія къ осуществленію указаній экономической науки, именно: «*незнаніе мѣстныхъ условій,* отсутствіе морскихъ и сухопутныхъ сообщеній и неопредѣленность положенія новыхъ землевладѣльцевъ, не имѣвшихъ понятія, гдѣ *будутъ* (!) города и *гдѣ проложатся пути сообщенія*». Кромѣ того, «точной съемки, точныхъ границъ купленныхъ участковъ» сдѣлано не было. Вслѣдствіе этого большинство участковъ, купленныхъ на

основаніи правилъ 1871 г., *до сихъ поръ* еще не отмежеваны въ натурѣ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что капиталисты не рѣшаются затрачивать капиталъ» (стр. 33). «Въ силу всѣхъ вышеприведенныхъ затрудненій,—говоритъ г. Шавровъ: — несмотря *на всѣ усилія* (!!) гражданскаго вѣдомства, все земледѣльческое населеніе Черноморскаго округа составляетъ не болѣе 11½ тыс. душъ, въ числѣ которыхъ 8 тыс. казаковъ, поселенныхъ военнымъ вѣдомствомъ».

Въ 1880 г. великій князь Михаилъ Николаевичъ поручилъ генералу Старосельскому отправиться въ Черноморскій округъ, «ознакомиться ближайшимъ образомъ съ состояніемъ его *во всѣхъ частяхъ* его устройства, при чемъ выяснить причины, препятствовавшія успѣшному осуществленію тѣхъ цѣлей, къ которымъ правительство съ немаловажными матеріальными пожертвованіями доселѣ стремилось».

16 октября 1880 г. данъ былъ этотъ приказъ, а 14 мая 1881 г. генералъ Старосельскій, *ознакомившись съ дѣломъ во всѣхъ частяхъ* и выяснивъ *всѣ причины*, представилъ свой докладъ. Что было въ этомъ докладѣ, осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, потому что «въ это время» произошло упраздненіе самого намѣстничества «и преобразованіе *всего* административнаго *строя...*» Такимъ образомъ въ концѣ всѣхъ этихъ *усилій*, на всемъ огромномъ прибрежьѣ еле-еле водворено 3½ тысячи поселенцевъ самаго разношерстнаго сорта, разноплеменнаго, разноязычнаго, и въ то же время не осталось *ни одной пяди свободной земли.*

— Какъ? — воскликнулъ я въ недоумѣніи, когда мой пріятель произнесъ слова, написанныя въ послѣднихъ строкахъ.—Никто еще на побережьѣ не живетъ, а земли ужъ нѣтъ?

Пріятель мой развелъ руками, вздохнулъ и сказалъ:

— Увы, все это именно такъ и есть! Никто еще на побережьѣ не живетъ, а земли свободной нѣтъ ни одной пяди...

— Да неужели же это правда?

— Чтобы ты убѣдился, что я не лгу — вотъ тебѣ и еще очень солидный документъ: процессъ нѣкоего мѣщанина Данкова. Прочти его и вразумись.

Вотъ этотъ замѣчательный процессъ.

4.

«Господа присяжные засѣдатели! Обратите ваше вниманіе, что я заключенъ въ тюремный зáмокъ, гдѣ и нахожусь уже болѣе 14-ти мѣсяцевъ, а жена и дѣти мои, будучи

безъ моей единственной помощи, доведены до неслыханнаго крайняго разоренія. Въ настоящее время уже наступила холодная зима, а у жены моей и дѣтей моихъ малолѣтнихъ, отъ семи и до 12-ти-лѣтняго возраста, не осталось ни одежды, ни обуви, ни теплой квартиры и даже необходимой постели; все, что было необходимое, послѣдовало въ залогъ заимодавцу-еврею по десяти процентовъ на рубль въ мѣсяцъ съ рекамбіями, да и у жены уже не осталось ни обуви ни одежды, кромѣ арестантской. Это злосчастное испытаніе я съ моимъ семействомъ выношу незаслуженно, выше всякаго *современнаго христіанскаго терпѣнія!*»

Вотъ какъ плакался передъ господами присяжными засѣдателями 29 ноября 1883 г. нѣкто мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Данковъ, преданный суду курскаго окружнаго суда. Онъ уже не молодъ, ему 54 года; маленькіе глаза его слезятся отъ долгаго тюремнаго заключенія, и на лицѣ лежитъ печать страданія и усталости. «Говоритъ онъ, по словамъ хроникера, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, но волнуется и иногда до того, что нюхаетъ нашатырный спиртъ изъ простого пузырька».

Въ чемъ же провинился и за что потерпѣлъ бѣдный мѣщанинъ? «Лишь за то только (мы цитируемъ по его собственному показанію), что взялъ на себя трудъ помочь до крайности обѣднѣвшимъ крестьянамъ, по малоземельному надѣлу при дурныхъ урожаяхъ и поднятію цѣны арендной платы до 30 рублей на десятину подъ озимый посѣвъ, а заработная поденная плата отъ многолюдства бѣдныхъ—не свыше 20 коп. на своемъ содержаніи, что недостаточно и одного работника прокормить, не только семейство».

Такъ вотъ какія цѣли имѣлъ мѣщанинъ Д—въ, но такъ какъ онъ желалъ осуществить ихъ на основаніи тѣхъ «попечительныхъ» словъ, которыми искони блещетъ «бумага», всегда стремящаяся сдѣлать «какъ лучше», то и оказалось, что вмѣсто помощи «обѣднѣвшимъ» крестьянамъ онъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ, предварительно просидѣвъ въ острогѣ 14 мѣсяцевъ.

Первая «бумага», которой повѣрилъ Д—въ, была бумага газетная — именно № 2123 «Новаго Времени», въ которомъ была напечатана статья о раздачѣ желающимъ земель въ Черноморскомъ округѣ. Вотъ въ какомъ видѣ нашли мы въ бумагахъ Д—ва этотъ газетный листъ: сложенный въ три раза въ длину и перегнутый потомъ пополамъ, онъ весь пропитанъ какимъ-то желтымъ составомъ, точно

масломъ, и какъ бы истлѣлъ. Оказывается, что этимъ составомъ, похожимъ на масло, пропитала газетный листъ собственная грудь Д — ва. Онъ и сложилъ-то его такимъ образомъ, какъ описано выше, для того, чтобы удобнѣе приладить его къ своей груди, ибо такую драгоцѣнность, по мнѣнію Д — ва, должно было свято хранить только на груди, у самаго сердца. А драгоцѣнность въ газетномъ листѣ была не маленькая: тамъ говорилось *«о льготахъ и преимуществахъ лицъ, водворяющихся въ Черноморскихъ прибрежныхъ поселеніяхъ»*, на основаніи «Положенія 1866 г.»

Между прочимъ тамъ было сказано, что, по § 30-му этого «Положенія», лица, приписывающіяся къ черноморскимъ побережнымъ обществамъ: а) не вносятъ денежныхъ платежей въ пользу вспомогательнаго капитала отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; б) освобождаются отъ натуральнаго воинскаго постоя; в) освобождаются отъ крѣпостныхъ, канцелярскихъ и гербовыхъ пошлинъ, а также отъ употребленія гербовой бумаги; г) производятъ безъ платежа акциза рыбный промыселъ въ водахъ Черного моря; д) безпошлинно производятъ торговыя и промышленныя дѣйствія, устраиваютъ мануфактуры, фабрики и заводы; е) освобождаются отъ платежа податей и отправленія денежной и натуральной воинской повинности (§§ 19, 22 и 27 «Полож. 10 марта 1866 г.»). Кромѣ того, по § 31, государственные крестьяне получаютъ изъ запасныхъ магазиновъ все то количество хлѣба, которое по числу ихъ душъ причитается изъ наличныхъ въ то время запасовъ; сверхъ того, они, если представится надобность, снабжаются заимообразно денежнымъ путевымъ пособіемъ и пользуются въ пути содѣйствіемъ и покровительствомъ власти. По § 32 получаютъ лѣсъ и строительный матеріалъ. Необходимые для обстройки камень, песокъ, известь и проч. поселенцы добываютъ безденежно, по своему усмотрѣнію, на всѣхъ свободныхъ земляхъ въ предѣлахъ черноморскихъ прибрежныхъ поселеній. По § 33: а) на первое обзаведеніе и устройство жилищъ выдается въ случаѣ отпуска лѣса по 20 р., а безъ лѣса — по 35 р. на каждое семейство; б) на пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій отъ 15 до 20 р. на каждое семейство. Такія денежныя выдачи производятся безвозвратно (§ 34). По § 35 на общинномъ правѣ получаютъ землю, въ размѣрахъ, не превышающихъ тридцатидесятинной пропорціи на каждый дворъ или цѣлую семью, считая (въ 30-ти десятинахъ) одну удобную землю, т.-е. пахотную,

сѣнокосную и выгонную, на хуторномъ правѣ также. По § 37 эти переселенцы пользуются указанными льготами въ теченіе пятнадцати лѣтъ со дня утвержденія «Положенія» (т. е. съ 10 марта 1866 г.).

Эти превосходные параграфы, какъ видите, способны очаровать не только человѣка, ищущаго «куска хлѣба», а рѣшительно всякаго, даже вполнѣ обезпеченнаго какимъ-нибудь чиновничьимъ мѣстомъ. Все дается даромъ — и земля и лѣса въ благословенныхъ мѣстахъ; ни солдатчины ни податей нѣтъ; даютъ даже денегъ, «коли ежели потребуется». Понятенъ восторгъ и благоговѣніе, которые охватили Д—ва, когда онъ узналъ объ этомъ, такъ какъ матеріальное положеніе его, уже пожилого человѣка, было поистинѣ бѣдственное.

Бывшій дворовый, онъ послѣ освобожденія крестьянъ вынужденъ былъ кормить большую семью (жена и 5 человѣкъ дѣтей отъ 7-ми до 12-ти-лѣтняго возраста) всякой поденною работою въ уѣздномъ городкѣ и постоянно нуждался и даже бѣдствовалъ, «потому что не могъ найти для себя должности или работы, дающей необходимыя средства для пропитанія, одежды и обуви своему семейству, и дать дѣтямъ своимъ грамотное и ремесленное обученіе».

Чтобы выйти изъ такого бѣдственнаго положенія, Д—въ вздумалъ уйти изъ Курской губерніи и искать счастья по бѣлу свѣту. 13 іюня 1879 года, взявъ съ собой старшаго сына и оставивъ семью въ собственномъ домишкѣ при деревнѣ Ольшанцѣ «безъ всякихъ средствъ къ содержанію», ушелъ буквально куда глаза глядятъ.

Пѣшкомъ дошелъ онъ до Кіева и здѣсь кое-какъ помѣстилъ своего сына въ бакалейную торговлю къ куппу «въ мальчишки» на 4 года. Для себя же, по случаю лѣтняго времени и выѣзда господъ на дачи, въ имѣнія и вообще вслѣдствіе лѣтняго затишья, не могъ пріискать «полезной должности». Пробывъ въ Кіевѣ мѣсяцъ, онъ «надумалъ» идти въ Полтаву на ярмарку; но, отправившись туда пѣшкомъ, опоздалъ: ярмарка разъѣхалась. Изъ Полтавы онъ также пѣшкомъ и побираясь Христовымъ именемъ добрался до Харькова; здѣсь онъ случайно встрѣтилъ знакомаго каменщика-поденщика, у котораго и пріютился, сдѣлавъ въ справочной «конторѣ» объявленіе о мѣстѣ. Но и здѣсь, прождавши мѣста около мѣсяца, ничего не добился; дѣло дошло до того, что каменщикъ, у котораго онъ «приткнулся» жить, самъ нуждаясь въ каждой копейкѣ, объявилъ своему

другу, что онъ долѣе не можетъ его кормить — «нѣтъ способовъ!»

Нужно было уходить, опять-таки куда глаза глядятъ. Вотъ въ это-то время ему и попался обольстительный № «Новаго Времени», и можете представить, какое сильное произвелъ онъ на него впечатлѣніе. «Прочитавши эту статью въ газетѣ,—пишетъ самъ Д—въ: — и находившись отъ моихъ неудачъ болѣе чѣмъ въ грустномъ состояніи, зная, что семья моя осталась безъ запаса дневного пропитанія и ждетъ отъ меня единственно помощи, я рѣшилъ отправиться въ Черноморскій округъ, куда и прибылъ 4 ноября 1879 г., а восьмого того же ноября поступилъ на должность въ гостиницу съ номерами за 8 р. въ мѣсяцъ да за услугу проѣзжимъ господамъ былъ вознаграждаемъ по 10 р. въ мѣсяцъ, что и дало мнѣ возможность посылать моему семейству для дневного пропитанія».

Почти тотчасъ по прибытіи въ окружный городъ, Д—въ отправился въ управленіе и выправилъ тамъ свидѣтельство для предъявленія попечителямъ Вельяминскаго и Сочинскаго отдѣловъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ искать себѣ мѣстечка; но такъ какъ средствъ для поѣздки по побережью и осмотра его у него не было, то онъ рѣшилъ терпѣть до весны; и дѣйствительно, около 10 мая 1880 года отправился по побережью. Былъ въ Туапсе, въ Сочи, гдѣ прожилъ болѣе мѣсяца, разсматривая мѣста, разспрашивая людей и, убѣдившись, что здѣсь «рай земной» и что «лучше не надо», возвратился въ окружный городъ прямо въ «управленіе», заявивъ желаніе получить право на поселеніе въ такъ-называемомъ Пластуновскомъ участкѣ. Въ канцеляріи управленія ему сказали, что *одному ему съ семействомъ поселиться нельзя,* что управленіе *считаетъ это* неудобнымъ, но что *оно желаетъ* населить пустопорожнія мѣста *большимъ количествомъ семействъ.*

«Я тутъ, — говоритъ Д—въ: — высказалъ, въ чемъ сознаюсь откровенно передъ судомъ, что къ переселенію въ такой благодатный край, какъ я лично убѣдился, при такихъ благодатныхъ правахъ, какія дарованы 10 марта 1866 года, желающихъ къ переселенію должно оказаться весьма много. Это я высказалъ—*непогрѣшимо,* потому что, проживая съ малолѣтства въ Курской и Орловской губерніяхъ, я постоянно слышалъ и видѣлъ крайнее стремленіе чернорабочаго люда къ переселенію, какъ лестное для поселянъ... Управленіе высказало, что оно весьма было бы

радо, если бы явились въ Черноморскій округъ крестьяне, почему и совѣтовало мнѣ отправиться на мѣсто моего жительства и пригласить желающихъ переселиться въ Черноморскій округъ. Слушая это, я объявилъ, что словеснаго порученія его я исполнить не могу: мнѣ никто не повѣритъ, чтобы управленіе поручило говорить объ этомъ съ крестьянами такому лицу, какъ я. Г. начальникъ сказалъ, что онъ выдастъ *удостовѣреніе* для объявленія крестьянамъ, и тутъ же на моемъ прошеніи и написалъ резолюцію въ этомъ смыслѣ».

9 сентября 1880 года дѣйствительно выдано было Д—ву изъ канцеляріи начальника округа официальное удостовѣреніе такого рода: «*Въ округѣ имѣются въ значительномъ количествѣ свободныя и годныя для переселеній земли, какъ осмотрѣнныя уже Д—вымъ*, такъ и другія. Если явятся уполномоченные (до 1 января 1881 года — срокъ дѣйствія правилъ о заселеніи и льготъ), то препятствій для переселенія со стороны администраціи не будетъ».

Здѣсь же, въ канцеляріи, Д—въ купилъ книжку г. Верещагина, въ которой правила были подробно напечатаны, и, въ видахъ предосторожности и подлинности этихъ правилъ, попросилъ сдѣлать на книжкѣ надпись, что она пріобрѣтена въ канцеляріи управленія.

Съ этими, какъ видите, совершенно подлинными документами Д—въ, опять-таки пѣшкомъ, отправился на родину въ Курскую губернію, куда и прибылъ въ ноябрѣ 1880 года, «заставши — какъ пишетъ онъ въ собственноручной запискѣ — семью мою *безъ особаго запаса къ жизни*. Поосмотрѣвшись дома и повидавшись съ родными и знакомыми, запасши нужное для дома содержаніе чрезъ продажу единственной коровы за 33 руб., я (продолжаетъ Д. въ собственномъ показаніи) долгое время оставался дома для поправки одежды и обуви своего семейства и запасаясь на зиму соломой для отопленія; а между прочимъ, ко мнѣ приходили для свиданія и узнанія о правахъ поселенія въ Черноморскомъ округѣ. Имѣвши у себя удостовѣреніе и печатныя правила о надѣлѣ и количествѣ земли и о льготахъ, я свободно говорилъ моимъ роднымъ и знакомымъ о томъ, что̀ въ правилахъ сказано и что̀ самъ я видѣлъ. Разумѣется, крестьяне должны были повѣрить мнѣ и убѣдиться изъ моихъ личныхъ объясненій, что переселеніе въ тотъ край выгодно, и многіе заявляли мнѣ свое желаніе переселиться («Будемъ хошь виноградъ ѣсть коли хлѣба

нѣтъ» — шутя говорили иные) и предлагали мнѣ довѣріе ходатайствовать объ ихъ переселеніи. Я принялъ предложеніе по узаконеннымъ довѣренностямъ и увольнительнымъ отъ обществъ приговорамъ, за что мнѣ крестьяне предложили по 10 руб. съ семейства за всѣ мои труды и разъѣзды по ихъ дѣлу о переселеніи».

Вѣсть о земляхъ и льготахъ, принесенная Д—вымъ въ деревню, быстро разнеслась по всѣмъ окрестнымъ уѣздамъ, такъ что въ теченіе полутора мѣсяца набралось уже болѣе 500 семействъ, желающихъ переселиться. Нотаріусъ К—нъ свидѣтельствовалъ па судѣ, что Д—въ, заключавшій у него договоры съ крестьянами, все время держалъ себя «самымъ серьезнымъ и важнымъ образомъ: онъ точно исполнялъ какую-то миссію и старался по возможности даже сдерживать стремленіе къ переселенію. Мы съ Д—вымъ старались, чтобы по возможности имущество пока не продавалось крестьянами, и что продано было не много, указываетъ то обстоятельство, что въ моей конторѣ не было совершено ни одной купчей крѣпости, а только предварительныя сдѣлки *). Повторяю, Д—въ велъ себя самымъ серьезнымъ образомъ—я нарочно приглядывался къ нему, но ничего предосудительнаго не замѣтилъ. Онъ телеграфировалъ начальнику округа огромными телеграммами. Въ одной изъ нихъ онъ говорилъ, что начальство уѣзда не пускаетъ переселенцевъ, требуетъ пріемныхъ приговоровъ (отъ пустыхъ-то мѣстъ!). Когда начальникъ округа отвѣтилъ, что пріемныхъ приговоровъ не надо, Д—въ прибѣжалъ ко мнѣ въ большой радости...»

До сихъ поръ все еще, какъ видите, можно было чему-то радоваться, да и вообще все и въ мечтаніяхъ Д—ва и мужиковъ, и на словахъ, и въ бумагѣ (въ правилахъ, удостовѣреніяхъ и т. д.) - все было хорошо. Но уже легкое дуновеніе того подлиннаго значенія, какое таитъ въ себѣ бумага, видно изъ препятствія при выдачѣ увольнительныхъ приговоровъ, которыхъ въ сущности вовсе и не надобно было никуда представлять. Впечатлѣніе этого дуновенія, хотя и было изглажено успокоительной телеграммой, но дѣйствительность, скрывающаяся во всѣхъ этихъ хорошихъ «словахъ и мечтаніяхъ», стала обнаруживаться все

*) Не лишнее упомянуть, что по заключенію сдѣлокъ Д—въ платилъ расходы изъ тѣхъ 10 руб., которые онъ выговорилъ на расходъ, каждый разъ, когда заплатить крестьянину было нечего. Но и изъ десяти-то рублей онъ получилъ только задатки, рубля по 3 съ семьи.

яснѣе и яснѣе, и «на дѣлѣ», по обыкновенію, выходило вовсе не то, что «на словахъ и въ мечтаніяхъ». Засуетился становой, урядникъ, волостной писарь, кабатчикъ. «Не давать увольнительныхъ приговоровъ!»—это было первое изобрѣтеніе и первая смута, брошенная въ сердца переселенцевъ.

Между тѣмъ къ декабрю мѣсяцу у Д—ва набралось уже до 500 семействъ, желающихъ переселиться, а такъ какъ 1 января 1881 г. истекалъ срокъ льготнымъ правиламъ, то Д—въ спѣшилъ съ переселеніемъ, да и крестьянамъ оно было необходимо, чтобы заблаговременно приняться на новыхъ мѣстахъ за весеннія работы. И вотъ онъ начинаетъ посылать въ округъ телеграммы за телеграммами; 16 декабря 1880 г. телеграфируютъ (85 словъ) съ уплаченнымъ отвѣтомъ и, между прочимъ, говоритъ: «Я набралъ уже 119 семействъ, желающихъ очень много. Могу ли продолжать?» 24 декабря того же года, телеграммою въ 248 словъ, сообщаетъ, что уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе требуетъ приговоровъ, и Д—въ проситъ управленіе разъяснить присутствію, что они не нужны. Третья телеграмма была послана уже изъ Лозовой, на пути въ Черноморскій округъ: «На двѣ посланныя мною телеграммы (отъ 17 и 24 декабря) отвѣта не получилъ и спѣшу въ округъ лично узнать, не пропущу ли срокъ. Изъ К—ой и О—ской губ. много крестьянъ желаетъ переселиться на Кавказъ, а между тѣмъ имъ препятствуютъ, и по сіе время съ 225 семействами приговоры не засвидѣтельствованы, и переселенцы, за прекращеніемъ срока (1 января 1881 г.), потерпятъ значительные убытки, почему покорнѣйше прошу о скорѣйшемъ распоряженіи — засвидѣтельствовать общественные увольнительные приговоры!..» На эту телеграмму послѣдовалъ также телеграфическій отвѣтъ. «Ждать разъясненія отъ губернатора». Но Д—въ, вѣроятно, не ждалъ, потому что прибылъ въ округъ, подалъ прошеніе о выдачѣ ему копіи съ отвѣта округа губернатору. И вотъ какой былъ этотъ отвѣтъ:

«Мѣщанинъ Д—въ телеграфируетъ, что набрано 520 семействъ, желающихъ переселиться въ округъ. Благоволите приказать *предостеречь* переселенцевъ. На 500 семействъ *трудно найти въ округѣ земель.* Притомъ мѣстность крайне пересѣченная, гористая. Необходимо прислать нѣсколько благонадежныхъ лицъ осмотрѣть земли подробно, безъ чего не совѣтую трогаться съ мѣста».

Въ январѣ же мѣсяцѣ вслѣдъ за Д—вымъ пріѣхали въ округъ депутаты отъ мѣстныхъ крестьянъ (согласно телеграммѣ изъ округа) для осмотра мѣстности. Очевидно, что препятствія со стороны «мѣстнаго элемента» уже возымѣли свое дѣйствіе; выборные люди были заражены уже недовѣріемъ къ Д—ву; въ воображеніи ихъ не разъ уже мелькнуло: «надулъ», «обобралъ», «сбѣжалъ» и т. д. Непривычные къ морскому пути, они, какъ на грѣхъ, сѣли на пароходъ въ бурное время; два дня ихъ трепало въ морѣ, и они, еще не доѣзжая до главнаго города округа, были уже настращены и напуганы. Пріѣхавъ въ округъ ночью, отыскали Д—ва; переночевали у него. Утромъ, выйдя на улицу, были изумлены окрестностями: горы кругомъ нескончаемыя. «Такъ такія-то земли ты намъ сулилъ?» Но Д—въ сулилъ вовсе не такія земли, а гораздо южнѣе, за Сочи, въ такъ-называемомъ Пластуновскомъ отдѣлѣ.

— Надо ѣхать смотрѣть! — говорилъ онъ, но депутаты были напуганы ѣздой на пароходѣ и ѣхать на парусной фелюгѣ ни за что не соглашались. Явившись въ то же утро въ управленіе, они спросили:

— Какія же тамъ мѣста?

Тогда, указывая въ окно на горы, лицо, которое они спрашивали, сказало:

— А вотъ такія, какъ здѣсь!

Это окончательно пришибло депутатовъ, которые по всѣмъ видимостямъ и были посланы только для того, чтобы привезти домой неблагопріятныя извѣстія и удержать народъ на старыхъ мѣстахъ и въ старыхъ путахъ; они не оставались въ окружномъ городѣ даже и сутокъ и тотчасъ же отправились сухопутьемъ на станцію Крымскую и Ростовъ—домой, не взглянувъ даже на мѣста, которыя видѣлъ Д—въ и отъ которыхъ остался въ восторгѣ.

Возвратившись домой, Д—въ былъ въ самомъ тяжкомъ и глупомъ положеніи. Враговъ у него было множество и въ народѣ и въ «чистой публикѣ»; дѣло его окончательно провалилось, онъ оказался «вымогателемъ чужихъ денегъ», шарлатаномъ и надувалой. Но молва о земляхъ и подлинная, дѣйствительная невинность Д—ва, его безкорыстное служеніе дѣлу также не пропали безслѣдно въ народномъ сознаніи. Все, что онъ говорилъ, было правильно, удостовѣрено начальствомъ, напечатано и засвидѣтельствовано— и молва о «новыхъ мѣстахъ» и льготахъ шла въ народѣ своимъ чередомъ.

Вѣроятно, молва эта была не маленькая, и, вѣроятно, народъ вполнѣ вѣрилъ Д—ву, такъ какъ, несмотря на то, что ни отъ кого изъ довѣрителей не поступало жалобъ на то, что Д—въ обманнымъ манеромъ выманилъ деньги, его «обязали подпиской о невыѣздѣ», и когда повѣстка о явкѣ Д—ва къ судебному слѣдователю, на 22 декабря 1881 г., не застала его дома (такъ какъ онъ явился къ слѣдователю 20 декабря, т.-е. двумя днями ранѣе), то изъ этого поступка была сдѣлана самовольная отлучка—причина его ареста, заключенія въ тюрьмѣ и суда.

Вотъ плачевная исторія «мечтателя».

— Обманъ точно-что былъ!—показывали свидѣтели:—только неизвѣстно, кто обманулъ!..

На судѣ, конечно, выяснилось, что и земель пахотныхъ нѣтъ, и вообще земель нѣтъ, и что онѣ не размежеваны, что неизвѣстно, гдѣ какія поселенія, что послѣднія вообще, кажется, невозможны,—словомъ, выяснилось совершенно *не то*, что опубликовано въ правилахъ (да еще со срокомъ до 1 января), что Д—въ видѣлъ своими глазами и что потомъ годъ спустя увидѣли своими глазами и его односельчане, отправившись въ тѣ же благословенныя мѣста и арендовавъ тамъ участки.

А какъ все хорошо написано и какъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо: земли благословенныя, всего вдоволь!

На дѣлѣ же, какъ читатель видитъ, вышло совсѣмъ, совсѣмъ не то!

VI. Обиліе „дѣла“.

1.

Смущенный доводами моего пріятеля относительно спеціальнаго значенія «бумаги» въ условіяхъ нашей жизни, я рѣшился поближе ознакомиться съ ея дѣяніями не въ такихъ экстренныхъ дѣлахъ, какъ колонизація и возрожденіе жизни на безжизненныхъ мѣстахъ, а въ обыденныхъ условіяхъ нашей жизни, въ удовлетвореніи будничныхъ общихъ потребностей. Матеріаломъ для такого ознакомленія мнѣ послужили разныя замѣтки, собранныя мною въ разныя времена изъ провинціальныхъ газетъ. Изъ нихъ-то я и извлекаю здѣсь кое-что по части всякихъ дѣловыхъ хлопотъ нашихъ провинціальныхъ захолустій.

На мое счастье мнѣ попался прежде всего № «Недѣли» (85 г.), въ которомъ какой-то провинціальный житель отвѣчалъ на ранѣе помѣщенную въ этой газетѣ статью: «Правда ли, что нѣтъ дѣла?» и доказывалъ, что всякаго рода дѣла въ провинціи множество, но людей-то настоящихъ нѣтъ для его выполненія надлежащимъ образомъ.

«Безграмотные, ничего не знающіе люди, въ глаза не видавшіе университета», дѣлаютъ «*массу*» *дѣлъ* Богъ знаетъ *какъ*, получаютъ *массу* денегъ, а люди съ высшимъ образованіемъ сидятъ, изволите ли видѣть, по чердакамъ въ Петербургѣ и «плачутся», что нѣтъ дѣла. Между тѣмъ, напримѣръ, въ Александріи, по словамъ автора корреспонденціи, всего только «одинъ повѣренный съ высшимъ образованіемъ», а его помощникъ — выкрещенный еврей, *не умѣющій не только по-людски писать, но даже и говорить;* и этотъ-то феноменъ-чудакъ заработалъ въ два года свыше четырехъ тысячъ рублей! Другихъ адвокатовъ въ Александріи нѣтъ, и *масса судящагося люда, въ особенности въ деревняхъ*, должна обращаться къ уличнымъ адвокатамъ. «Вѣдь *получать въ деревнѣ* (!) или такомъ городѣ, какъ Александрія, занимаясь адвокатурой или служа даже помощникомъ секретаря, *отъ 600 до 1.000 руб.* годового дохода, все равно, что получать въ Петербургѣ 1.000—1.800 руб.» («Нед.», № 35).

Насъ собственно занимаетъ въ этой корреспонденціи не размѣръ гонорара, къ которому любвеобильный провинціальный житель приглашаетъ (статья называется: «*Милости просимъ къ намъ!*») протянуть руки людей высшаго образованія, нынѣ плачущихъ по петербургскимъ чердакамъ о томъ, что никакихъ дѣлъ нѣтъ и ничего дѣлать невозможно — сколько неопровержимое свидѣтельство «жителя» о непомѣрномъ обиліи «дѣла» и дѣлъ, кишащихъ и по городамъ и по деревнямъ. Какой-то человѣкъ, не умѣющій *говорить*, не только писать, получаетъ до 4.000 руб.,—стало-быть, съ обиліемъ *дѣлъ* рѣшительно дѣваться некуда. Они напираютъ со всѣхъ сторонъ. «Въ нынѣшнемъ году, прибавляетъ корреспондентъ, *дѣла* этого самаго человѣка, не умѣющаго даже говорить, *пошли еще лучше!*» Стало-быть, что ни день, то больше и больше *дѣлъ*, т.-е. какъ разъ то самое «дохнуть некогда» *), о которомъ повѣствовалъ Апельсинскій и которое на дѣлѣ было доказано и исправникомъ, и мировымъ судьей, и самимъ Апельсинскимъ.

*) См. т. V, стр. 589.

«Нѣтъ *дѣла!* Скучно!»

Но если читателю покажется недостаточнымъ вышеприведенное свидѣтельство корреспондента, то пусть онъ потрудится прочесть еще нижеслѣдующую выписку изъ № 210 «Русскихъ Вѣдомостей» (85 г.): «Изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ г. Хрулевымъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», явствуетъ, что *на долю каждаго члена судебной палаты*, среднимъ числомъ, приходится *тысяча двѣсти дѣлъ въ годъ.* Въ *одно* засѣданіе приходится выслушивать до *ста дѣлъ* и *больше,* т.-е. болѣе чѣмъ вдвое трудъ этотъ превосходитъ норму работы, которую можно требовать отъ трудолюбиваго судьи. Легко представить себѣ, *каково* бываетъ *изученіе* докладовъ и *обсужденіе дѣлъ* при такихъ обстоятельствахъ!»

Да знаете ли вы еще, читатель, что̀ такое «судебная палата» и что̀ собственно она должна дѣлать? А вотъ что̀ это такое: судебная палата должна быть «*надежнѣйшей гарантіей подсудимыхъ*, такъ какъ *прокурорскій надзоръ, поставленный* всѣмъ складомъ своей профессіональной дѣятельности *въ невозможность* вполнѣ *объективно относиться* къ дѣлу, представляетъ довольно *слабую гарантію* (подсудимаго)». Вотъ именно для того, чтобы спеціальность «обвинять» была введена въ предѣлы справедливости, и учреждена особая инстанція—судебная палата, которая «однимъ почеркомъ пера можетъ смыть пятно съ подсудимаго или опозорить невиннаго человѣка преданіемъ его суду». Дѣло судебной палаты такимъ образомъ оказывается до чрезвычайности важнымъ; но обиліе *дѣлъ,* благодаря которому каждый членъ палаты долженъ разобрать 1.200 дѣлъ въ годъ и выслушать въ день *сто дѣлъ* и болѣе, дѣлаетъ то, что инстанція эта находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. «Столь важный моментъ, какъ окончательное обсужденіе слѣдственнаго матеріала, предопредѣляющее часто дальнѣйшую *судьбу дѣла* (а стало-быть, и *судьбу человѣка),* на практикѣ свелось къ обряду штемпелеванія». Палата *санкціонируетъ почти всѣ проекты обвинительныхъ актовъ* и въ доказательство того, что они *прошли чрезъ канцелярію* палаты, прикладываетъ свой *штемпель.* Точь въ точь какъ регистраторъ, механически прикладывающій печать при записываніи бумагъ въ исходящія книги» («Рус. Вѣд.», № 210).

Вы видите, что «дѣлъ» такъ много, что даже въ такихъ высокихъ инстанціяхъ, отъ которыхъ зависитъ участь че-

ловѣка, его судьба, его жизнь, въ пору только «хлопать» штемпелемъ, въ то время когда слѣдуетъ быть «надежнѣйшею» гарантіею подсудимаго! А вы, петербургская интеллигенція, сидите по чердакамъ съ высшимъ образованіемъ, плачетесь, что «нѣтъ дѣла», тогда какъ за одно только «штемпелеваніе» можете получать отъ 1.200 до 2.500 р. с. въ годъ, что̀, при петербургской жизни, равнялось бы никакъ не менѣе 3.000—4.000 р.

Впрочемъ, затруднительное положеніе «инстанціи», благодаря обилію дѣлъ, поставленной въ необходимость снизойти до роли простого регистратора,—положеніе это еще можетъ быть поправлено самымъ простымъ образомъ: по словамъ почтеннаго автора статьи, которую мы цитировали, сто̀итъ только *увеличить персоналъ судебныхъ палатъ*. Но что̀ вы скажете о положеніи *низшихъ инстанцій*, которыя также буквально по горло завалены дѣлами? Неужели и тамъ также нужно увеличивать «персоналъ» людей, который въ настоящее время за обиліемъ дѣлъ тоже ничего не можетъ сдѣлать путнаго? А что обиліе дѣлъ въ самыхъ низшихъ инстанціяхъ существуетъ, и ничуть не меньше, чѣмъ въ инстанціяхъ высшихъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Приведу примѣръ, опубликованный въ офиціальной газетѣ, издающейся въ самомъ, повидимому, не канцелярскомъ мѣстѣ. Въ № 59 «Терскихъ Областныхъ Вѣдомостей» помѣщена публикація отъ хасафъ-юртовскаго полицейскаго управленія о розыскѣ разныхъ дѣлъ, которыя *вѣтромъ выдуло* изъ этого управленія 12 истекшаго мая мѣсяца (публиковано 21 іюля). Что̀ такое Хасафъ-Юртъ? Ни я ни читатель не знаемъ, но по слову «Юртъ», вовсе не напоминающему чего-нибудь похожаго на «бургъ», на «штадтъ» или на «городъ», можемъ догадываться, что это нѣчто жилое и нѣчто близко напоминающее слово «кочевье». Но что̀ бы это ни было, аулъ ли это, станица ли, или просто одно только полицейское «управленіе», посмотрите-ка, какое гнѣздо «дѣлъ» заведено здѣсь! 12-го «истекшаго» мая изъ ущелья (вѣроятно, тамъ какое-нибудь ущелье есть) сталъ дуть вѣтеръ, а писарь полицейскаго управленія, вѣроятно, ушелъ къ атаману или священнику, а можетъ-быть, къ муллѣ или къ князю Бейбулатову ѣсть карачаевскаго барашка. Вотъ покуда онъ ѣлъ (карачаевскій барашекъ худенькій, тощенькій, и съѣсть его можно скоро, особливо «съ устатку»), а изъ ущелья дуло вѣтромъ и прямо въ полицейское управленіе, въ окно; дунуло разъ и

выдуло слѣдующія дѣла: отъ 10, 11 и 23 января, 17 апрѣля, 3 и 10 іюня и 20 августа, за №№ 30, 31, 116, 293, 1069, 1070 и 1251. И въ другой разъ дунуло изъ ущелья и опять унесло отъ 13 іюня, 4 и 19 іюля, 25 сентября и 10 октября, за №№ 566, 714, 1109, 1116 и 1146. Писарь между тѣмъ, ничего не подозрѣвая, продолжаетъ преспокойно ѣсть барашка, болтаетъ о казачкахъ да потягиваетъ кахетинское, а въ то же время изъ ущелья начинаетъ подувать совсѣмъ не на шутку; дунуло въ третій разъ такъ, что выдуло сразу цѣлую пропасть дѣлъ: отъ 8 и 27 октября, отъ 16 января, отъ 13 марта, 10 и 15 мая, 7 августа, 12 мая и 8 августа, опять отъ 12 мая и 1 іюля, за №№ 977, 1051, 38, 312, 416, 396, 763, 362, 413, и наконецъ сильнымъ порывомъ выхватило изъ управленія огромную переписку по дѣлу князя Асланбека Айдемарова за № 2237— и все это унесло невѣдомо куда.

И въ первое время послѣ того, какъ писарь, покончивъ съ барашкомъ, возвратился въ управленіе, трудно было бы замѣтить пропажу такой массы дѣлъ; разсыльный принесъ уже новый, биткомъ-набитый портфель, и только черезъ два съ половиною мѣсяца, и то, вѣроятно, случайно, удалось напасть на слѣдъ пропажи. И замѣтьте, 12 мая вылетали бумаги прошлогоднія и позапрошлаго года,—слѣдовательно дѣла, которыя своевременно не было возможности «обсудить»; еще замѣтьте, не успѣла разлетѣться такая масса не оконченныхъ и не рѣшенныхъ дѣлъ, какъ налетѣла уже новая. И, кромѣ того, неужели только разъ, именно 12 мая, только и дуло такъ сильно изъ ущелья въ окно управленія? И неужели только 12 мая не доглядѣлъ писарь, потому что ѣлъ шашлыкъ у князя? Вѣдь онъ часто ѣстъ шашлыкъ, и изъ ущелья часто дуетъ! Нѣтъ! Навѣрно и прежде десятки лѣтъ выдувало точно такимъ же образомъ *массу дѣлъ* и уносило куда-нибудь черезъ урусбіевскій перевалъ въ Сванетію, а иначе давно бы уже шла рѣчь объ увеличеніи хасафъ-юртовскаго персонала, такъ какъ передѣлать всѣхъ этихъ дѣлъ, какъ должно, навѣрное, безъ помощи ущелья писарь не былъ бы въ состояніи, потому что это *фактически невозможно*, скажемъ мы словами «Рус. Вѣд.» (№ 210), объясняющими «штемпелеваніе» судьбы людей въ высшихъ инстанціяхъ.

Такимъ образомъ обиліе всевозможнаго рода «дѣлъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію: дѣла эти кишатъ вокругъ всѣхъ насъ; кишатъ-кишмя, заполняютъ всевозможныя ин-

станціи отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ и повсюду требуютъ увеличенія персоналовъ, увеличенія денежныхъ смѣтъ, даже расширенія построекъ — по крайней мѣрѣ, о расширеніи тюремныхъ зданій знатоки дѣла поговариваютъ довольно часто; кромѣ всего этого, къ существующимъ уже инстанціямъ, оказывающимся буквально заваленными дѣлами, поминутно прибавляются новыя учрежденія и инстанціи, новые расходы и смѣты расходовъ, и къ новому дѣлу привлекаются новыя массы дѣятелей. И если бы мы позволили себѣ предположить, что хоть одна сотая часть этихъ безчисленныхъ «дѣлъ» правильно и просто соотвѣтствуетъ назначенію тѣхъ инстанцій, въ которыхъ эти дѣла дѣлаются, т.-е. если бы мы предположили, что десятая часть этихъ дѣлъ дѣлается для того, чтобы мнѣ, отдѣльному лицу и обществу, въ которомъ я живу, было бы лучше, легче и разумнѣе жить на свѣтѣ, такъ давно бы ужъ у насъ на Руси были кисельные берега, медовыя рѣки, и жили бы мы всѣ въ прекрасномъ саду, гдѣ растутъ золотыя яблоки и поютъ райскія птички. Но стоитъ намъ отъ общаго представленія безконечныхъ хлопотъ о личномъ и общемъ благѣ, удручающихъ старыя и вновь возникающія инстанціи, перейти къ дѣйствительной жизни какого-нибудь жилого человѣческаго мѣста, положимъ, хоть современнаго губернскаго города или современной русской деревни, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ существованіи двухъ чрезвычайно тяжкихъ явленій: во-первыхъ, въ полной безжизненности житейскихъ отношеній и, во-вторыхъ, въ нравственной тоскѣ, въ томительной скукѣ жизни того большого круга интеллигентныхъ людей, которые наполняютъ мѣстныя инстанціи и, повидимому, хлопочутъ ни для чего иного, кромѣ благообразія и упорядоченія жизни. Дѣятели томятся, тоскуютъ, скучаютъ, стремятся какъ-нибудь размаять свободные отъ занятій часы, а общественная жизнь, несмотря на обиліе хлопотъ и дѣловой суеты, которыми завалены эти скучающіе дѣятели, идетъ такъ, что какъ будто еще и въ поминѣ не было какихъ бы то ни было инстанцій, обязанныхъ заботиться объ ея благообразіи.

2.

Имѣя намѣреніе въ настоящемъ письмѣ коснуться именно этого непривлекательнаго, томительнаго и вообще неблагообразнаго по результатамъ соединенія хлопотливой дѣловой

возни съ тоскливымъ существованіемъ интеллигенціи и полною заброшенностью дѣйствительныхъ, живыхъ общественныхъ нуждъ, — соединенія, которое характеризуетъ переживаемую нами теперь минуту, — не могу не сдѣлать небольшого отступленія и не разсказать одного моего очень простого разговора съ однимъ крестьяниномъ объ очень простомъ, но дѣйствительно человѣчески-необходимомъ и человѣчески - справедливомъ общественномъ дѣлѣ. Быть-можетъ, разговоръ объ этомъ маленькомъ дѣлѣ дастъ мнѣ возможность лучше разобраться въ той большой суетѣ, о которой идетъ рѣчь. Крестьянинъ, съ которымъ у меня случайно вышелъ простой разговоръ о простомъ и негромкомъ дѣлѣ, былъ старикъ-каменщикъ; на своемъ вѣку онъ исходилъ никакъ не менѣе полъ-Россіи; немало поработали его руки при постройкѣ церквей, домовъ, казармъ. Разсказывая объ этихъ работахъ и о трудахъ, въ которыхъ онъ провелъ жизнь, старикъ не разсказалъ мнѣ ничего особенно любопытнаго: расчеты, харчи, хозяева... Но оказалось, что въ этой трудовой и однообразной жизни было одно такое воспоминаніе, которое оставило въ немъ самое пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ сложное впечатлѣніе. Воспоминаніе это относилось къ постройкѣ въ одномъ изъ уголковъ южной Россіи новой нѣмецкой колоніи. Пока онъ разсказывалъ мнѣ исторію своей долгой рабочей жизни и заработка, никакихъ, повторяю, иныхъ воспоминаній, кромѣ воспоминаній только о заработкѣ, не возникало въ воображеніи старика; но едва только рѣчь зашла о постройкѣ этой нѣмецкой колоніи, какъ тотчасъ же что-то пріятное, свѣтлое проскользнуло въ памяти разсказчика, зазвучало въ его голосѣ, засвѣтилось въ его лицѣ. Постройка «колоніи» была для него не только заработокъ, не только работа рукъ, но какъ будто бы такое хорошее дѣло, вспоминая о которомъ радуешься, что могъ приложить къ нему свои руки, что могъ въ немъ участвовать.

— Ужъ такъ-то хорошо, такъ-то искусно надумано! Даже и словъ не подберешь, какъ ужъ и похвалить-то! Вотъ какое благовидное дѣло сдѣлалось!

По разсказамъ старика, старая нѣмецкая колонія, почувствовавъ излишекъ населенія и видя, что въ ея средѣ выросло уже новое здоровое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, имѣющихъ всѣ права жить вполнѣ самостоятельно и независимо, чтобы удовлетворить этой совершенно законной, совершенно простой, человѣчески понятной и уважи-

тельной потребности молодого поколѣнія, купила огромный лоскутъ земли, выстроила на немъ сразу цѣлую улицу каменныхъ домовъ со всѣми необходимыми въ хозяйствѣ приспособленіями и службами, сразу «сыграла» тридцать свадебъ и сразу же «отсадила» тридцать молодыхъ, веселыхъ сильныхъ семей, отсадила какъ рой, въ новый, со всѣми возможными удобствами устроенный улей. И все это сдѣлалось благодаря самому простому и вполнѣ человѣчески понятному обычаю колонистовъ, вслѣдствіе котораго въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ много сыновей, только старшій сынъ считается наслѣдникомъ отцовскаго имущества, а всѣ послѣдующіе, хотя и живутъ до возраста въ отцовскомъ домѣ, но считаются уже работниками, то-есть за свои труды въ отцовскомъ домѣ—труды, несомнѣнно увеличивающіе отцовскій достатокъ— получаютъ обыкновенную заработную плату. Эта заработная плата не выдается однако на руки дѣтямъ, такъ что они живутъ въ отцовскомъ домѣ, вовсе не чувствуя себя нанятыми батраками, а вся сполна вносится въ общественную кассу, и вотъ изъ суммъ-то этой кассы и получаются тѣ могучія общественныя средства, которыя даютъ возможность ежегодно устраивать, *сажать* на собственное хозяйство подрастающія молодыя пары, сначала помощью покупки въ той же самой колоніи свободныхъ и никого не стѣсняющихъ участковъ, а со временемъ, когда не оказывается возможнымъ обойтись наличными средствами, большія общественныя суммы, добровольно и сознательно вложенныя въ общую кассу каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, даютъ возможность, безъ всякаго ущерба или обремененія существующихъ хозяйствъ, отсадить на новыя мѣста и въ новыя жилища сразу цѣлый новый молодой выводокъ. Этотъ выводокъ, при помощи тѣхъ подростковъ, которыхъ не поглощаютъ семьи старой колоніи и которые въ новой примыкаютъ къ новообразовавшимся хозяйствамъ, какъ работники, т.-е. люди, имѣющіе быть впослѣдствіи также хозяевами, начинаютъ жить трудами рукъ своихъ, еще болѣе увеличивая общественныя средства разрастающейся колоніи и давая ей возможность на эти средства улучшить свой внѣшній видъ, строить церковь, школу, мостовую, водопроводы, даже гулянье, вокзалъ для танцевъ.

— И такъ-то я, — говорилъ старикъ: — въ ту пору на нихъ любовался да радовался: кажется, въ жисть свою такого мнѣ не было удовольствія! Ужъ такъ-то хорошо, да

весело, да благородно! Ну, скажите на милость, ну что, ежели бы не отсаживать выводковъ-то, а держать ихъ, вотъ какъ въ нашихъ горькихъ мѣстахъ, въ тѣснотѣ, вѣдь что бы это было? Вѣдь мы видимъ, какъ въ нашихъ мѣстахъ-то изъ-за этой тѣсноты-то слезы льются... Буду я говорить такъ, что, положимъ, вотъ хоть у меня три сына, и всѣ три сына женатые. Работаютъ они въ домѣ всѣ и достояніе въ домѣ всеобщее, а вѣдь работа работѣ не ровная, и каждый свою работу знаетъ. Каковъ есть кусокъ сахару, а я вижу, сколько въ немъ моего поту есть и сколько братнинаго; я ужъ знаю, кто мой уголъ у куска-то у сахарнаго откусилъ — молчу, а самъ себѣ думаю: «ишь, молъ, кто моими-то трудами лакомится!» Да, окромѣ этого, я человѣкъ женатый, у бабы у моей свой характеръ, вѣдь мы хотимъ жить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, по своему характеру; моей бабѣ милы ея ребята, а братниной женѣ, предположимъ, они не милы; у самой-то у ней нѣтъ дѣтей, а на моихъ она работать не хочетъ. Ну, какъ же тутъ, въ тѣснотѣ-то, соблюсти себя въ тишинѣ да въ любви? Только и есть, что молчать всѣ другъ про друга да другъ при другѣ, да боятся стариковъ, пока живы да строги. Только однимъ страхомъ и прищемлены кучей жить... Тутъ на каждомъ шагу изъ-за однѣхъ бабъ чего натерпишься. Кажная баба вѣдь она еще больше нашего хочетъ жить сама по себѣ; она все на свою мѣрку мѣряетъ, ей все надо, чтобъ по сйному вкусу было, по Авдотьиному, а не по Марьиному или по Матрениному... А гдѣ же тутъ въ котлѣ-то со своимъ вкусомъ умѣститься такъ, чтобы чужой не мѣшалъ? Вѣдь и Марья и Матрена тоже только въ свой вкусъ вѣруютъ, ну, и идетъ шипучее зло... Пока-что боятся родителевъ, копятъ злобу потихоньку, терпятъ, а придетъ невтерпежъ, начнутъ дѣлиться—и растащатъ большой домъ по мелкимъ кускамъ. Разбредутся по хибаркамъ прямо на хлѣбъ да на квасъ. Поди-ка избу-то заведи, поди-ка со скотиной-то справься! А тутъ, глядишь, ребенокъ родился, а тамъ, глядишь, корова пала, помочи нѣтъ ниоткуда! Вотъ и бьется человѣкъ день и ночь изъ пустова... «Семъ-ка, думаетъ, пойду на фабрику, поправлюсь; принесу денегъ, все исправлю!» Пойдетъ на фабрику-то, а тамъ, глядишь, и пить выучился, а то такъ и совсѣмъ распьянствовался со скуки по дому-то... А со скуки по бабѣ по своей, глядишь, и связался съ какой-нибудь мадамой на чужой сторонѣ, да заболѣлъ, да домой-то во-

ротился и пьяный и больной, и жену-то въ болѣзнь вогналъ, а наконецъ, того, съ горя, да съ нужды, да съ неудачи, и вовсе пропащимъ человѣкомъ сдѣлался... Въ деревнѣ ослабѣть недолго! Иной, ослабѣвши, пьетъ, а иной жену бьетъ, а иной и темными дѣлами начнетъ заниматься: глядишь, и поймали у сосѣдскаго амбара и въ острогъ повели, а по улицѣ по деревенской ребятишки его съ мамкой со своей въ отрепкахъ пошли милостыню просить! Такъ вотъ какъ по нашимъ-то горькимъ мѣстамъ бываетъ! Да какъ поглядѣлъ я въ ту пору на этихъ тридцать-то свадебъ, какъ онѣ съ музыкой, да съ пѣснями, да съ весельемъ въ новое-то мѣсто шли, да какъ вспомнилъ наше мужицкое житье-бытье, такъ, вѣришь ли, такъ меня слеза и прошибла... предъ Богомъ! И вѣдь какъ тихо-то да благородно, такъ просто на рѣдкость! Идутъ люди въ свои дома, все это они сами выработали, покуда росли, никому ни въ чемъ не запутавши, въ ноги никому не кланяются, чтобъ повѣрили рубль серебромъ примѣрно для начатія хозяйства, все у нихъ свое, трудовое, и во всемъ своя воля! Такъ-то, братецъ ты мой, складно это у нихъ, такъ-то благородно, чинно да весело, что вотъ ужъ сколько годовъ прошло съ постройки-то, а какъ вспомню, такъ и сейчасъ побѣгъ бы полюбовался на нихъ! Право слово, побѣгъ бы!

Я очень хорошо знаю, что идиллія, нарисованная разсказомъ каменщика, натерпѣвшагося отъ старыхъ и новыхъ непорядковъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но въ то же время я несомнѣнно знаю, что, даже и не раздѣляя восторженныхъ похвалъ, расточаемыхъ каменщикомъ «порядкамъ», царящимъ въ колоніяхъ, порядки эти, каковы бы они ни были, все-таки лучше и человѣчнѣе того, что мы въ «нашихъ мѣстахъ» привыкли называть также «порядками». Изъ всего, что мнѣ лично приходилось видѣть, читать или слышать отъ очевидцевъ, близко знающихъ тѣ человѣческія общежитія, которыя называютъ колоніями, я, да и всякій другой, не могъ не вывести заключенія, что эти общежительскія мѣста живутъ хорошо, достаточно, умно и тихо. Тишина, которою окружены эти трудовыя общежитія, замѣчательна: въ настоящее время мнѣ приходится просматривать чрезвычайно много разныхъ провинціальныхъ газетъ, а извѣстно, что провинціальная пресса особенно широко разрослась на югѣ Россіи, какъ разъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ процвѣтаютъ нѣмецкія колоніи, т.-е. въ Новороссіи, Крыму, Кавказѣ, и нигдѣ, ни въ одной

газетѣ, почти никогда ни единымъ словомъ не упоминается о житьѣ-бытьѣ колонистовъ. Изрѣдка только мелькнетъ извѣстіе, что, молъ, нашимъ южно-русскимъ мужикамъ становится трудно жить отъ этихъ колоній, съ каждымъ годомъ все дальше и дальше раздвигающихъ свои предѣлы помощью покупки сотенъ тысячъ десятинъ земли, но почти никогда нѣтъ ничего похожаго на извѣстія, идущія изъ нашихъ селъ и деревень.

Разбой, грабежъ, пожаръ, падежъ, эпидемія, надувательства всѣхъ видовъ и образцовъ—извѣстія обо всемъ этомъ валомъ-валятъ на страницы нашихъ провинціальныхъ органовъ изъ деревень, селъ, поселковъ и городовъ, и почти никогда не слышится о нихъ изъ тѣхъ общежитій людскихъ, которыя называютъ колоніями. Даже для такихъ русскихъ поселеній, которыя десятками лѣтъ живутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ той или другой нѣмецкой колоніей,—даже для нихъ жизнь, нравы и порядки сосѣдей-колонистовъ извѣстны только въ весьма слабой степени, точно будто по сосѣдству и нѣтъ никакого жилого мѣста, да и всѣ тѣ, вполнѣ достойныя уваженія лица, отъ которыхъ я слышалъ много разсказовъ про жизнь и порядки въ колоніяхъ, и тѣ большею частью всегда *случайно* знакомились съ ними. О колоніи, напримѣръ, Темпельгофъ близъ Пятигорска, удивляющей всѣхъ случайно заглядывавшихъ туда необыкновеннымъ благоустройствомъ и достаткомъ, — колоніи, имѣющей роскошный внѣшній видъ, съ мостовыми, съ освѣщеніемъ, имѣющей свою прогимназію, свои общественныя учрежденія въ родѣ паровыхъ общественныхъ мельницъ,—объ этой колоніи стало извѣстно только въ самое недавнее время, благодаря случайному описанію ея, помѣщенному въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ»,—описанію, исполненному безконечныхъ похвалъ и удивленія предъ людьми, которые сумѣли такъ уютно, хорошо, тепло, свѣтло и благообразно устроиться и жить тутъ же подъ бокомъ у насъ, подъ бокомъ у людей, которые только и дѣлаютъ, что вопіютъ объ увеличеніи «персоналовъ» да объ учрежденіи новыхъ инстанцій. Ни мировой судья, ни окружный судъ, ни слѣдователь, ни, словомъ, вся огромная провинціальная интеллигенція, заваленная выше головы «дѣлами», почти не знаютъ даже о существованіи этихъ колоній, которыя живутъ и процвѣтаютъ у нихъ же подъ бокомъ и даже подъ носомъ, а это значитъ только то, что колоніи не нуждаются въ содѣйствіи всѣхъ этихъ инстанцій

и людей, пекущихся объ общественномъ благополучіи, и находятъ возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ единственно при помощи собственныхъ средствъ.

Очень хорошо всѣмъ извѣстно, что нѣмцы-колонисты являются въ Россію съ большими средствами, дающими имъ возможность сразу устроиться хорошо и уютно, тогда какъ нашъ крестьянинъ, отдѣлившійся отъ родителя, начинаетъ жить только съ «голыми руками». Но я говорю о благосостояніи колоній вовсе не для того, чтобы корить имъ нашего горемыку-мужика, а единственно для того, чтобы обратить вниманіе на тотъ пріемъ, способъ, манеру, если угодно, помощью которыхъ люди находятъ возможнымъ жить на бѣломъ свѣтѣ справедливо и благообразно. Я говорю о колоніяхъ и «порядкахъ», господствующихъ въ ихъ жизни, для того, чтобы *припомнить*, въ чемъ же собственно заключается суть «общественнаго блага» и «общественнаго дѣла», такъ какъ за обиліемъ кишащей вокругъ насъ дѣловой суеты положительно можно утратить всякое ясное, живое представленіе о живомъ, человѣчески-понятномъ дѣлѣ. Благодаря знакомству съ жизнью такой маленькой, по-человѣчески живущей группы людей, я могу видѣть, что суть всего благообразія житья-бытья этой маленькой людской группы есть *самое простое, самое дѣйствительное и самое реальное удовлетвореніе человѣка въ необходимыхъ для его существованія надобностяхъ*—вотъ тотъ до чрезвычайности простой и до чрезвычайности благодѣтельный пріемъ, которымъ руководствуются колонисты во взглядѣ на свои общественныя обязанности. Люди, живущіе трудами рукъ своихъ, знаютъ, что и дѣти ихъ будутъ жить точно такъ же, какъ и они; но для того, чтобы жить такимъ образомъ, нужно, чтобы у человѣка было все необходимое: земля, домъ, скотъ, орудія; нужно, стало-быть, купить и домъ, и скотъ, и землю, и орудія, и вслѣдствіе такого простого взгляда на человѣческую нужду и общественное дѣло становится простымъ, важнымъ и вполнѣ человѣческимъ. Помощью общественной кассы, никого не обременяющей, наполняемой деньгами добровольно, изъ чувства личной потребности быть справедливымъ и покойнымъ за будущее поколѣніе, образуются тѣ средства, которыми и удовлетворяются вполнѣ простыя и вполнѣ необходимыя нужды человѣка, живущаго трудами своихъ рукъ. И вотъ такое-то *простое дѣло* сразу уничтожаетъ возможность безчисленнаго количества всевозможныхъ общественныхъ язвъ: уничто-

жаетъ нищенство, уничтожаетъ бродяжничество, воровство, семейный разладъ изъ-за нищеты,—словомъ, сразу дѣлаетъ совершенно ненужною ту обременительную, тяжкую, безплодную суету суетъ, которая заваливаетъ всевозможныя инстанціи всевозможными дѣлами. Нашъ народъ, начинающій жить и живущій «съ голыми руками», находящійся въ зависимости отъ случайностей своего труда,—нашъ народъ, очевидно, нуждается гораздо болѣе, чѣмъ тѣ люди, о которыхъ мы только-что говорили, въ томъ, чтобы люди «общественнаго дѣла» относились къ его положенію *какъ можно проще*. Онъ также живетъ трудами рукъ своихъ, но этотъ трудъ находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, подверженъ тысячамъ случайностей, которыя могутъ лишить возможности человѣка трудиться и слѣдовательно поставить его въ совершенно безпомощное положеніе. Слѣдовательно, желая «пещись» о немъ, необходимо только одно простое и важное дѣло—*обезпечить для него возможность и спокойствіе труда*, и больше ничего не нужно! Но вотъ именно этого-то простого вниманія къ насущнѣйшей нуждѣ человѣка, живущаго только собственными своими руками, мы и не видимъ во всей той безконечной дѣловой сутѣ, которая кишитъ вокругъ насъ.

3.

Заглянемъ на минуту въ кое-какія изъ этихъ многочисленныхъ инстанцій, обремененныхъ утомительнымъ трудомъ «штемпелеванія» обвинительныхъ актовъ и запечатыванія безчисленныхъ пакетовъ, и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Вотъ предъ нами какое-то глажевское волостное правленіе, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Дѣлъ оно дѣлаетъ много, но мы возьмемъ только одну частицу этихъ дѣлъ, именно дѣла волостного суда, да изъ этихъ-то дѣлъ также коснемся только одной изъ множества заботъ, удручающихъ господъ волостныхъ судей—именно заботу о взысканіи податей. Вотъ въ какомъ видѣ осуществляется ими эта забота: «По рѣшенію глажевскаго волостного суда приговорены къ тѣлесному наказанію, по 20 ударовъ, за неплатежъ податей крестьяне слѣдующихъ обществъ: изъ 45 надѣльныхъ домохозяевъ Подцопьевскаго общества приговорено къ розгамъ 25 человѣкъ; Оломенскаго изъ 45—32 человѣка; Лаховскаго изъ 35—26 чел.; Гатицкаго изъ 41—32 чел.; Меминскаго изъ 51 — 35 чел.; Глажевскаго изъ 105—38 чел.; Черенцовскаго изъ 83—19 чел.; Тере-

бочевскаго изъ 44—7 чел.; Наволокскаго изъ 35—11 чел.; Наростынскаго изъ 33—8». И всѣ эти приговоры постановлены только въ промежутокъ времени съ 16 мая по 23 іюня настоящаго года.

Такимъ образомъ въ теченіе мѣсяца изъ 517 домохозяевъ, населяющихъ волость, высѣчено 224 человѣка *), т.-е. безъ малаго наказана половина волости. За что же? А за то, что не платятъ податей. Отчего же они не платятъ? Да вотъ отчего. «Въ большинствѣ случаевъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Солецкой и Глажевской волостей на одну ревизскую душу приходится отъ 3/4 до 1 десятины пашни, и только у нѣкоторыхъ государственныхъ крестьянъ Глажевской волости, имѣющихъ надѣлъ болѣе 10 десятинъ, количество пахотной земли достигаетъ до 10½ десятинъ на душу. Почва песчаная, глинистая; овесъ никогда не даетъ хорошихъ урожаевъ: обыкновенный урожай овса самъ-2—3. Но и этотъ скудный урожай не составляетъ полной собственности землепашца, такъ какъ большинство крестьянъ беретъ овесъ на посѣвъ у кулаковъ или у мѣстныхъ помѣщиковъ, при чемъ платитъ такой процентъ: либо овсомъ же за куль полтора куля, либо деньгами—1 р. 50 к. или 2 руб. за куль, при чемъ эти деньги вносятся при полученіи овса, а самый овесъ возвращается осенью. При урожаѣ самъ-два-три крестьянину очень часто, по уплатѣ роста, остается одна только овсяная солома. Но часто и за такіе проценты не всѣ нуждающіеся могутъ достать сѣмена на посѣвъ. Въ нынѣшнемъ году многіе крестьяне должны были оставить незасѣянными свои яровыя поля. Нѣкоторые крестьяне, въ ожиданіи ссуды на посѣвъ отъ новоладожской земской управы, запахали-было свои поля, но ссуда не была разрѣшена, и они *вынуждены были отдать задаромъ свои нивы односельчанамъ-богачамъ*, имѣющимъ сѣмена, лишь бы только земля не пустовала. Кромѣ всего этого, 84—85 годъ былъ особенно неблагопріятенъ для крестьянъ названной мѣстности. Сибирская язва свила себѣ здѣсь постоянное гнѣздо, унося сотни и тысячи рогатаго скота и лошадей; въ 84 г. она даже и людей не щадила. За этимъ бѣдствіемъ послѣдовалъ неурожай на хлѣбъ, тогда какъ и въ благопріятные годы только у нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ крестьянъ хлѣба хватаетъ на полгода» («Недѣля», № 28).

---

*) Цифры офиціальныя («Недѣля» 85 г.).

Въ цифрахъ, которыя приведены выше, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; онѣ собраны статистиками петербургскаго земства; это не выдумка, а сущая, совершенная правда. Посмотрите на нихъ и подумайте, что это такое? Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, когда каждый деревенскій ребенокъ можетъ опредѣлить, будетъ ли онъ сытъ или голоденъ зимою, т.-е. въ то самое время, *когда* собственными глазами *можно видѣть*, сколько засѣяно въ поляхъ и хватитъ ли этого засѣва на насущныя потребности населенія,— въ это-то самое время, во имя какого-то нравственнаго поврежденія въ глубинѣ сознанія и совѣсти людей, знающихъ дѣйствительное свое положеніе, совершается дѣло поистинѣ тупоумное, ни для кого и ни для чего ненужное. Что же это такое? Можно было бы впасть въ большую ошибку, если предположить, что побудителемъ къ сѣченію была человѣческая жестокость. Нѣтъ! наказываютъ просто потому, что мысль о возможности *въ самомъ дѣлѣ* удовлетворить насущныя нужды поселянъ, удовлетворить просто, справедливо, по-человѣчески—эта мысль никогда ничѣмъ не поддерживалась въ народномъ сознаніи. Наказываютъ *зря*, зная, что никто не виноватъ, но надо же что-нибудь дѣлать въ такія критическія минуты, когда нечѣмъ платить податей, т.-е. нельзя выполнить первѣйшей обязанности обывателя. Фальшивое, тяжкое дѣло дѣлается въ тѣхъ именно затруднительныхъ человѣческихъ положеніяхъ, которыя требуютъ самаго простого и внимательнаго удовлетворенія.

Убавьте цифру наказанныхъ въ *одной только волости* въ десять разъ и вмѣсто 224-хъ примите за норму только 22 человѣка на волость, помножьте эту цифру примѣрно на 10, чтобы получить примѣрное число наказанныхъ въ уѣздѣ, умножьте и имѣющую получиться цифру опять на десять, чтобы имѣть понятіе о количествѣ наказанныхъ въ губерніи, наконецъ и эту цифру увеличьте въ размѣрахъ количества губерній, и вы получите нѣчто чудовищное. Наказано 224 человѣка потому, что никто не привыкъ *справедливо и просто думать ни о своей нуждѣ ни о нуждѣ ближняго.* Наказанный человѣкъ освободился отъ тяжкаго бремени; дома его мучила нищета, нужда, голодовка, плачъ голодныхъ ребятъ, жалость объ умиравшемъ мальчонкѣ. Онъ сердился дома на кулаковъ, которые его обобрали, ругался даже надъ сходомъ, роапталъ на порядки, при которыхъ никакъ не справишься, и его наказали, т.-е. дали ему право плюнуть на свои человѣческія терзанія, сдѣлали со-

вершенно ненужными его мысли о порядкахъ и непорядкахъ, прекратили въ немъ всякія совѣстливыя душевныя движенія. Кто и что̀ еще можетъ отъ него требовать? Кто и въ чемъ его можетъ обвинять? У него на спинѣ рубцы, онъ *за все* пострадалъ, пострадалъ настоящимъ образомъ; ему теперь нельзя, невозможно не отдохнуть отъ всѣхъ своихъ мукъ и всего своего горя, и главное — отъ этихъ рубцовъ на спинѣ,—и онъ отдыхаетъ въ кабакѣ: жена, ребята теперь пусть погодятъ: онъ вѣдь дѣйствительно пострадалъ и измучился. А чтобы совершить такое тупоумное дѣло, какъ порка 224 человѣкъ, нужно написать и составить 224 протокола, нужно исписать пропасть бумаги, и не мудрено, что писарь проситъ прибавки, что писарскія жалованья растутъ съ каждымъ годомъ.

Поднимемся ступенькой выше и заглянемъ въ камеру мирового судьи.

4.

Возьмемъ для примѣра опять-таки только кусочекъ изъ этой глыбы «дѣлъ», положимъ, хоть дѣла о семейныхъ крестьянскихъ ссорахъ, благо матеріалъ относительно этого рода дѣлъ находится у насъ подъ рукою. Мы имѣемъ въ рукахъ, во-первыхъ, письмо бывшаго мирового судьи, напечатанное недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и статью изъ «Юридическаго Вѣстника» г. Лудмера о бабьихъ стонахъ. Обѣ эти статьи разсказываютъ объ одномъ и томъ же уголкѣ Московской губерніи, и для обѣихъ статей не только хватило матеріала, но мы имѣемъ основаніе думать, что матеріалъ этотъ далеко не исчерпанъ, такъ какъ въ непродолжительномъ времени въ печати должны появиться матеріалы, касающіеся тиранства надъ дѣтьми и почерпнутые опять-таки изъ того же самаго крошечнаго подмосковнаго мирового участка. Что̀ же тутъ творится въ этомъ случайно разрытомъ муравейникѣ? «*Ежедневно*,—говорится въ письмѣ г. мирового судьи:—въ мою камеру приходили десятками изувѣченныя, истязуемыя, избитыя бабы. Почти то же самое я видѣлъ и въ уѣздномъ городѣ въ 82—84 годахъ, гдѣ мелкіе мѣщане, ремесленники, пригородные жители безчеловѣчно заколачиваютъ своихъ женъ. Въ памяти моей живы ужасныя избіенія женъ и малыхъ дѣтей, истязанія беременныхъ, которыхъ изверги привязывали за косы и лупили ременнымъ чрезсѣдельникомъ по животу, плечамъ и груди. У одной молодой женщины защемили косу между

половицами; свекровь держала, а мужъ билъ. Одинъ *потерянный* мужикъ снялъ одежонку съ малыхъ ребятъ и бѣжитъ пропивать ее. Жена нагнала его и стала отнимать одежду. Мужикъ началъ неистово бить ее кулаками и сапогами, и ее еле живую принесли въ мою камеру. Другой *пьяница*, войдя въ избу, сбилъ кулаками люльку съ груднымъ ребенкомъ, а потомъ вышвырнулъ его на морозъ. Одинъ *спившійся съ кругу* здоровенный мужикъ бросился колотить жену; она въ это время держала ребенка, умирающую дѣвочку трехъ лѣтъ. Дѣвочка умоляла «не бить маму», а мать, вся всклокоченная, въ крови, должна была утѣшать испуганную и умирающую дѣвочку. Судился у меня еще одинъ мужикъ: тотъ мало того что билъ свою жену, онъ вырвалъ у нея ребенка двухъ лѣтъ, мальчика, и жегъ его тѣло надъ горящей лучиной... Но я бы могъ исписать сотни листовъ, если бы вздумалъ утруждать читателя дѣлами женской мартирологіи. Это нѣсколько капель въ цѣломъ потокѣ слезъ» («Русск. Вѣд.»).

Читая безконечную лѣтопись ужасовъ разстроенной крестьянской семьи, можно наконецъ совершенно потерять способность возмущаться этими ужасами, можно дойти до полнаго одеревенѣнія, граничащаго съ равнодушіемъ и полнымъ невниманіемъ одинаково какъ къ тирану, такъ и къ его истиранненной жертвѣ. Безобразіе, жестокость, безчеловѣчность, звѣрство, *ежедневно* и ежеминутно кишащія кругомъ васъ, до того утомляютъ вашу мысль, что вы наконецъ отказываетесь мучить себя размышленіемъ объ этихъ безконечныхъ и рѣшительно непонятныхъ проявленіяхъ человѣческой жестокости. Но надобно понять ихъ, и тогда безобразнѣйшая картина звѣрства приметъ значеніе, вполнѣ постижимое здравымъ разсудкомъ.

«Крестьянка деревни Зибровки, Елена Иванова, заявила мнѣ *), что мужъ чрезвычайно жестоко обращается съ ней и тремя малолѣтними дѣтьми. Онъ *не велитъ ей беречь послѣднихъ* и вымогаетъ отъ нея деньги на пьянство. Два дня тому назадъ, когда она стряпала, мужъ накинулся на нее съ яростью, *началъ кусать ее зубами и хотѣлъ откусить носъ*, но она успѣла крикнуть: «заступитесь, дѣтки! онъ меня загрызетъ!» Маленькій, девятилѣтній сынъ бросилъ тогда въ отца щепкой, послѣ чего мучитель оставилъ ее и кинулся на мальчика, котораго безжалостно избилъ.

*) Факты заимствованы изъ статьи г. Лудмера. «Юрид. Вѣстн.», № 5.

Елена обращалась въ тотъ же день къ старостѣ и къ старшинѣ, но тѣ ничего не сдѣлали. Въ ту же ночь мужикъ схватилъ полѣно и хотѣлъ убить мальчика, и когда жена удержала его, то онъ нанесъ ей тяжкіе побои; раздѣлавшись съ женой, онъ выгналъ сына изъ избы, и тотъ переночевалъ на дворѣ. Теперь, какъ только отецъ завидитъ своихъ дѣтей, то начинаетъ кидать въ нихъ каменьями. Передъ подачей Еленой жалобы она была выгнана мужемъ ночью изъ дома. Ей негдѣ было ночевать, она пошла къ волостному старшинѣ, но тотъ не обратилъ никакого вниманія на ея положеніе и вмѣсто того, чтобы оказать ей защиту, сказалъ: «Мнѣ какое дѣло,—ночуй, гдѣ знаешь!» Такъ какъ лицо Елены было сплошь покрыто рубцами, то я распорядился освидѣтельствовать ее чрезъ врача и акушерку и чрезъ два дня назначилъ разбирательство дѣла, къ каковому времени я имѣлъ въ виду получить уже заключеніе медика.

«Мужъ Елены поразилъ меня *одичалымъ* выраженіемъ своего лица. *Несмотря на настоятельные*, обращенные къ нему *вопросы, за что онъ такъ звѣрски поступаетъ съ семьей*, онъ только тупо обводилъ глазами камеру и бормоталъ:

«— Эфто дѣйствительно!..

«Оказалось, между прочимъ (?), что *ни лошади ни коровы у него нѣтъ, что изба не-нынче-завтра развалится, хлѣба своего хватаетъ лишь до января, недоимокъ много* (за каковыя два раза былъ сѣченъ), *но сколько именно, сказать не можетъ. Разорила его порубка*, которую онъ произвелъ въ лѣсахъ помѣщицы (а не произвести онъ ее не могъ, такъ какъ лѣсъ имъ не отведенъ, а купить не на что). *Его поймали и оштрафовали; тогда продали лошадь, а корову онъ послѣ этого пропилъ*. Сильно пьянствуетъ онъ уже два года».

«Дѣло крестьянки Мироновой. Мужъ Мироновой, точно такъ же, какъ и мужъ Елены, постоянно ее бьетъ, грозитъ убить ее до смерти, пьянствуетъ и не работаетъ. На разбирательствѣ обнаружилось, что Мироновъ бьетъ свою жену «сапогами и желѣзнымъ гвоздемъ», которымъ *обдираетъ ей лицо*, что, напиваясь, онъ *грызетъ ее зубами и изгрызъ ей большой палецъ*, потомъ кричитъ:

«— Я тебя непремѣнно убью, живой не оставлю!

«Миронова на видъ женщина больная и слабая. Обвиняемый *объяснилъ свои звѣрства пьянствомъ*, а почему пьянствуетъ—не въ состояніи былъ растолковать.

«— Въ нашей деревнѣ всѣ пьютъ!

«Это его ultima ratio.

«Эта «наша деревня», *между прочимъ* (?), замѣчательна тѣмъ, что ей *въ надѣлъ отведено буквально болото,* которое могло бы представлять интересъ для ружейнаго охотника, но никакъ не для пахаря» («Юр. В.», № 5).

Изъ этихъ двухъ примѣровъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко, поверхностно, «между прочимъ» объясняющихъ самыя коренныя причины разстройства крестьянскихъ семействъ, читатель весьма просто объяснитъ себѣ съ перваго взгляда непостижимыя, безчеловѣчныя, даже безумныя проявленія въ человѣкѣ звѣрскихъ инстинктовъ.

Онъ, женатый, семейный, съ дѣтьми, не имѣетъ ни земли, ни дровъ, ни скота; всѣ *эти насущныя нужды* разрѣшаются драньемъ въ волостномъ правленіи за недоимки, продажею скотины, т.-е. униженіемъ нравственнымъ и еще большимъ упадкомъ матеріальнымъ. Къ чему тутъ приложить руки? Чѣмъ кормить семью, вообще что̀ дѣлать съ собой? Вѣдь любовь къ семьѣ можно проявлять какимъ-нибудь реальнымъ дѣломъ, въ трудѣ для нея, въ заботахъ о ея теплѣ, сытости, но тутъ нѣтъ возможности проявить себя ни въ чемъ подобномъ. Что̀ же удивительнаго, что человѣкъ начинаетъ просто-таки не понимать самого себя, не понимать своей семьи, считать жену и дѣтей злодѣями, извергами, которыхъ мало сжечь на огнѣ, заморозить на морозѣ, изодрать желѣзнымъ гвоздемъ, потому что они хотятъ жить, варить что-то въ печи, разговаривать, плакать, радоваться... Все это упрекаетъ его въ своемъ несчастіи, въ нищетѣ, въ голодѣ, въ холодѣ, тянетъ изъ него душу каждую минуту, тогда какъ онъ *ничего не можетъ.* Мужъ Елены ничего *не могъ отвѣтить судьѣ* на вопросъ о томъ, *зачѣмъ онъ тиранитъ семью,* кромѣ безсмысленнаго бормотанія: «эфто дѣйствительно». Мужъ Мироновой *не могъ объяснить,* зачѣмъ бьетъ, зачѣмъ пьянствуетъ; а бьютъ и пьянствуютъ, какъ мы видимъ, звѣрски, ужасно, а корень всему этому опять-таки очень простой и ясный — невозможность трудиться, *фактическая невозможность* жить трудами рукъ своихъ.

«Крестьянинъ Дмитрій Никитинъ въ продолженіе 9 лѣтъ *безмилосердно* тиранитъ жену свою Арину. Свекровь не только не бережетъ ее, но еще наговариваетъ сыну на нее и подстрекаетъ его «учить жену». Кромѣ мужа, и братъ его, солдатъ, также не упускаетъ случая упражняться на

спинѣ Арины. Въ результатѣ Арина, больная, анемичная, необычайно худая женщина, взываетъ къ закону о защитѣ. Обвиняемые упорно отрицаютъ факты насилія, но свидѣтели подтверждаютъ ихъ и сообщаютъ такія подробности: Дмитрій, будучи подъ хмелькомъ, бросилъ своего четырехлѣтняго сына объ стѣну и «пришибъ» его такъ, что мальчикъ теперь «ничего не разумѣетъ». Когда одинъ изъ свидѣтелей спросилъ солдата (брата мужа), за что онъ бьетъ братнину жену, тотъ отвѣчалъ: «Мнѣ все равно добивать ее, одинъ конецъ, вѣдь еще разъ придется идти въ Сербію!» Свекровь же говоритъ: «Убью тебя, околѣешь, будетъ другая сноха». *Какъ я ни добивался*, — говоритъ г. Лудмеръ:—*выяснить причины этой ненависти къ безотвѣтной женщинѣ, мнѣ этого не удавалось*,—по крайней мѣрѣ, ближайшихъ причинъ мнѣ не могли указать ни свидѣтели ни жалобщица. Нѣсколько правдоподобнымъ представляется объясненіе сельскаго старосты: Арина взята изъ дальней деревни, при чемъ *отецъ ея увѣрялъ* семью Никитиныхъ, *что дочь его чуть ли не первая въ околоткѣ работница*. Между тѣмъ Арина, по словамъ старосты, къ сельской работѣ *мало способна*, хвора, вдумчива. Свое разочарованіе Никитины теперь и вымещаютъ на Аринѣ, не оправдавшей хозяйственныхъ надеждъ семьи».

Несчастную Арину заколачиваютъ въ гробъ, заколачиваютъ всей семьей, при чемъ братъ мужа помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, т.-е. я говорю въ буквальномъ смыслѣ *помогаетъ* улучшить положеніе семьи смертью *слабой* бабы; тогда можно взять сильную. Отчего же ему не подсобить? Онъ идетъ въ Сербію, тамъ его убьютъ ни за что ни про что. Лучше же онъ «по крайности» для брата сдѣлаетъ добро, и онъ дуетъ, чѣмъ ни попадя, *неработящую Арину*... Вы видите, что ихъ, Никитиныхъ, обманули, что отецъ выдалъ имъ ее за настоящую работницу, т.-е. насулилъ имъ въ Аринѣ лошадиную силу, а она вонъ какая оказалась. Было трудно, думали «поправиться» при помощи лошадиной силы новой бабы, а она вонъ какая... А несчастный отецъ несчастной Арины? Онъ-то вралъ изъ-за чего? Изъ-за чего онъ лгалъ передъ Никитинымъ, говоря о своей дочери: «Какая дѣвка! дѣвка, я тебѣ говорю одно: кобыла, вотъ что! Ты не гляди на нее, что она съ виду-то хлипка — я тебѣ говорю: огневая дѣвка! Толстомясныхъ-то много дѣвокъ, пожалуй, бери, какую хошь — мнѣ что! у меня она не засидится долго, а что прямо говорю: лошадь по работѣ,

во сто лѣтъ ты изъ нея силы-то этой не вымотаешь!» Зачѣмъ онъ вралъ, примѣрно, такимъ образомъ? А затѣмъ, что Аринка у него лишній ротъ, ему и такъ трудно, а она вишь слабая... Сбыть ее съ рукъ — все будто полегче будетъ. А то, какъ на грѣхъ, захвораетъ, такъ тутъ, пожалуй, и расходоваться придется, а изъ чего? И такъ не изъ чего взять-то! Запутаешься пуще прежняго; а запутался, ослабъ...

И вотъ, чтобы *не ослабѣть*, Арининъ отецъ «всучиваетъ» дочь свою Никитинымъ, а Никитины, убѣдившись, что ихъ обманули, стараются также для того, чтобы *не ослабѣть*, вколотить Арину въ гробъ.

Вотъ и Александру Антонову мужъ ея тоже норовитъ въ гробъ вогнать; «онъ давно *отбился отъ земли*, ведетъ праздную жизнь и колотитъ ее. Нѣсколько дней тому назадъ онъ догналъ Александру на улицѣ, повалилъ ее на землю и поволокъ за косы, но, къ счастью, ее тогда спасъ староста, который взялъ съ него расписку, что онъ больше не будетъ бить Александру. Но вотъ вчера она, обливаясь потомъ, работала за стапомъ и, видя мужа пьянымъ, не стерпѣла и сказала ему: «зачѣмъ онъ пьетъ, когда у нихъ нѣтъ куска хлѣба?» Такой упрекъ *не понравился* Антонову; заперевъ кругомъ избу, онъ вмѣстѣ съ матерью своею (также падкой до вина) накинулись на Александру и стали ее бить; Антоновъ надѣлъ ей на шею петлю, затянулъ ее и наносилъ удары черезсѣдельникомъ, а потомъ и кулаками по груди, въ чемъ ему помогала и мать. На крики Антоновой сбѣжался народъ, но въ избу никто не вошелъ, а только смотрѣли въ окно. Это истязаніе продолжалось около часу. Она впала въ безпамятство и такъ пролежала *цѣлый день* на полу. Очнулась въ лужѣ крови и съ вывихнутой рукой. По окончаніи боя Антоновъ стянулъ съ нея одежду и пропилъ. Она работала по цѣлымъ днямъ, доставала съ фабрики пряжу и платила за мужа подати. Антонова привели на разбирательство подъ конвоемъ двухъ десятскихъ, такъ какъ онъ успѣлъ уже гдѣ-то украсть тулупъ, за что и взятъ былъ подъ стражу. По словамъ его конвоировъ, обвиняемый *уже много разъ былъ подвергаемъ тѣлесному наказанію* въ волости за *праздность*».

Но извольте быть не празднымъ тамъ, гдѣ вмѣсто земли болото, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Дурасовкѣ, гдѣ на 23 двора, составляющихъ дурасовское сельское общество, падаетъ всего 7 лошадей и 12 коровъ, земли на душу при-

ходится по полторы десятины и притомъ плохой; лѣсовъ нѣтъ; луга болотистые; разныхъ платежей, какъ водится, много. Изъ 105 душъ дурасовцевъ 30 человѣкъ живутъ въ городѣ нищенствомъ. *Подавали они прошеніе* непремѣнному члену, чтобы у нихъ отняли землю (невыгодно держать ее), *но отвѣта ждутъ уже два года.* Даже кабатчикъ ушелъ изъ Дурасовки, ибо дурасовцамъ пить не на что. *Хотѣли-было переселиться* въ Кубанскую землю, *да становой сказалъ, чтобы и думать о томъ не смѣли.* «На вопросъ мой,—говоритъ г. Лудмеръ:—какимъ образомъ дурасовцы могли бы выйти изъ затруднительнаго положенія, староста указалъ *на ревизію,* понимая ее однако въ какомъ-то очень широкомъ смыслѣ, и на «малость землицы».

«Я замѣтилъ,—говоритъ г. Лудмеръ;—что крестьяне, наказанные розгами, большею частью становились деспотами по отношенію къ женамъ и дѣтямъ. Крестьянинъ Константиновъ *за неаккуратность* въ погашеніи недоимокъ былъ высѣченъ въ волостномъ правленіи; придя домой, онъ сталъ колотить жену, та убѣжала въ поле, онъ верхомъ за ней мчится по полю, настигаетъ ее, привязываетъ къ дереву и начинаетъ бить ногами, но ее спасаютъ подоспѣвшіе люди. Затѣмъ Константиновъ собирается уйти изъ деревни, требуетъ, чтобы за нимъ слѣдовала жена, но она беременна, на сносяхъ, и можетъ родить на дорогѣ; мужъ однако никакихъ резоновъ не принимаетъ. Константинова бросилась ко мнѣ: ради Бога помогите! Вызываю мужа, объясняю ему всю безчеловѣчность его затѣи, но онъ не поддается никакимъ убѣжденіямъ. Чуть не на другой день послѣ разбирательства Константиновъ оставилъ постылую деревню, взявъ жену съ собою».

Итакъ, вотъ уже двѣ инстанціи, низшая и средняя; не то же ли самое *въ третьей,* высшей *инстанціи,* въ окружномъ судѣ, также со всѣхъ концовъ заваливаемомъ безчисленнымъ количествомъ крестьянскихъ дѣлъ?

«Въ 1858 г.,—читаемъ мы въ № 5 «Юрид. Вѣст.» 1885 г.:— осуждено архангельскими судами по уголовнымъ преступленіямъ и проступкамъ 500 человѣкъ обоего пола, изъ нихъ *за кражи 230 человѣкъ.*

Въ 1863 г.	осуждено	669 ч.,	изъ	нихъ	*за кражи*	262 ч.
» 1873 »	»	898 »	»	»	»	371 »
» 1877 »	»	1.056 »	»	»	»	485 »
» 1880 »	»	1.587 »	»	»	»	548 »

Изъ этой маленькой таблички видно, во-первыхъ, что

количество *преступленій* (!) возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а во-вторыхъ, что бо́льшую часть этихъ преступленій составляютъ кражи, покушеніе завладѣть чужимъ имуществомъ. Откуда берутся эти люди, эти воры, армія которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ? Авторъ замѣтки, изъ которой мы взяли вышеприведенныя цифры, указываетъ и на весьма *замѣтную связь* количества преступленій въ Сѣверномъ краѣ *съ экономически-бытовой неурядицей* этого края. Авторъ, на основаніи офиціальныхъ источниковъ (записка губернатора), *удостовѣряетъ о сильномъ обнищаніи населенія.*

Стоило бы мнѣ перепечатать въ этомъ очеркѣ свѣдѣнія о «дѣлахъ», назначенныхъ къ слушанію въ десяти, двадцати окружныхъ судахъ, положимъ, въ теченіе настоящаго сентября мѣсяца, чтобы читатель убѣдился, что изъ двадцати «дѣлъ» пятнадцать *непремѣнно о кражѣ*. Правда, рядомъ со словомъ *кража* не всегда стоитъ слово *крестьянинъ;* теперь часто и очень часто рядомъ съ этимъ словомъ связано и имя дворянина, разночинца, мѣщанина и т. д. Но *крестьянинъ* превосходитъ въ покушеніяхъ на чужую собственность рѣшительно всѣ званія, сословія и состоянія. Я не дѣлаю этихъ перепечатокъ, потому что онѣ заняли бы много мѣста и утомили бы читателя однообразіемъ безконечнаго числа повтореній. Пусть читатель, имѣющій въ рукахъ какой-нибудь провинціальный листокъ и вообще любую изъ русскихъ газетъ, прочтетъ въ нихъ «о дѣлахъ, назначенныхъ къ слушанію», и представитъ себѣ, что по всей Россіи, во всѣхъ окружныхъ судахъ, точь въ точь такъ же часто, какъ и въ томъ листкѣ, который онъ держитъ въ рукахъ, упоминается этотъ крестьянинъ, то уже лишенный правъ, то еще только лишаемый ихъ и обвиняемый непремѣнно въ кражѣ, и онъ самъ можетъ представить себѣ огромные размѣры этого недуга и количество рукъ, занятыхъ его исцѣленіемъ.

5.

Такъ вотъ какая вавилонская башня «якобы дѣлъ» выросла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ добрые и простые люди могли бы жить и наполнять житницы. Простые люди «отсаживаютъ» свое молодое поколѣніе на новыя земли, въ новые дома, новые ульи, а «не простые» отсаживаютъ въ тюрьмы, въ чижовки, въ холодныя. И вся-то эта напраслина держитъ около себя «на своихъ харчахъ» сотни тысячъ

людей низшаго, средняго и высшаго образованія, прикованныхъ къ этимъ тысячамъ напрасныхъ «дѣлъ», существующихъ и питающихся ими.

И развѣ можно себѣ представить, чтобы *мысль* этихъ людей, ихъ *совѣсть дѣйствовали правильно, развивались здорово?* Нѣтъ, въ совѣсти такъ-называемой интеллигенціи, толкущейся и зарабатывающей хлѣбъ *около такихъ не простыхъ, не настоящихъ дѣлъ*,— въ совѣсти ея также таится глубокая язва точно такъ же, какъ въ народной жизни она таится въ разстройствѣ труда; это—язва, отзывающаяся въ семейныхъ, общественныхъ отношеніяхъ и отзывающаяся, разумѣется, также явленіями неблагообразными; отъ этой язвы мучается не меньше мужика не знающій какъ выбраться изъ этой жизни и человѣкъ образованный.

VII. „Скучненько!“

1.

Да! Скучненько-таки живется провинціальному обывателю, хотя онъ и не терпитъ «матеріальныхъ недостатковъ».

«...Какъ ни тягостно общее настроеніе воронежцевъ,— читаемъ мы въ № 15 газеты «Донъ» за 86 г.:—но и тучи на небѣ не вѣчны, и болѣзни сердца не безпрерывны; болѣзнь сердца также имѣетъ свои схватки, но также дремливо успокаивается она. Очень рѣдко встрѣчаются въ обществѣ лица, сіяющія счастьемъ и весельемъ. Нытье литературы становится надоѣднымъ, новости дня постоянно грызутъ сердце разсказами о горѣ людскомъ. Воровство, банкротства, крахи, убійства, растраты — разрастаются не по днямъ, а по часамъ. Ясно видно, что мы вошли въ періодъ хроническихъ болѣзней, которыя не лѣчатся такъ быстро. Если кто счастливый и не имѣетъ своего личнаго горя, если вы не знаете горя семейнаго, не знаете неудачи въ вашихъ дѣлахъ, то, навѣрное, общее нытье также часто тяжелымъ гнетомъ тяпетъ и ваше сердце. Вотъ почему съ особой радостью мы привѣтствуемъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга и когда оно такъ жадно захватываетъ на душу пріятныя впечатлѣнія. 2 февраля мы слышали концертъ г-жъ Фостремъ и Гиппіусъ,

и свѣтлымъ облакомъ въ ненастный день казался онъ обществу»...

Не знаю, можно ли характеризовать душевное настроеніе современнаго скучающаго обывателя лучше, чѣмъ оно охарактеризовано въ вышеприведенныхъ строкахъ, взятыхъ нами изъ рецензіи г. С. Карпова о концертѣ г-жъ Гипіусъ и Фостремъ. Въ характеристикѣ этой есть все для того, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ тонѣ жизни скучающей интеллигенціи, объ общихъ условіяхъ, въ которыхъ томится интеллигентная душа, и наконецъ о настоятельнѣйшей потребности—такъ ли, сякъ ли—выйти куда-нибудь на свѣжій воздухъ изъ удушающей атмосферы жизни, въ которой такъ трудно дышать. И не думайте, что подъ гнетомъ такой интеллигентной тоски находились бы только воронежцы—вовсе нѣтъ. Провинціальная пресса самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи даетъ по части душевной тоски образованнаго общества совершенно однородный матеріалъ, и если я взялъ для матеріала настоящей замѣтки главнымъ образомъ газету «Донъ», то это только потому, что нахожу совершенно безполезнымъ рыться въ кучѣ газетъ для того, чтобы найти въ нихъ то самое, что̀ я могу найти въ какой-нибудь одной газетѣ, перебирая ее нумеръ за нумеромъ. И какую бы изъ современныхъ провинціальныхъ лѣтописей ни взяли мы, съ цѣлью узнать, какъ живется на Руси человѣку общества, вездѣ мы найдемъ одно и то же: литература надоѣла ему своимъ *нытьемъ*, окружающее надоѣло ему грабежами, крахами и другими безобразіями, и отъ всего этого онъ хочетъ забыться, очувствоваться,—словомъ, какъ-нибудь и куда-нибудь уйти изъ той грязи, въ которой онъ *долженъ* барахтаться и о которой къ тому же безпрерывно *поетъ* несчастная литература.

Кстати сказать, литература эта не только «надоѣдаетъ» своимъ нытьемъ той части интеллигенціи, которая, проживая среди краховъ, воровства, убійствъ, грабежей, жаждетъ, выражаясь словами г. Карпова, ожить *«въ орсолѣ восторга»*, но даже начинаетъ кой-кого приводить и въ *бѣшенство*. Недавно въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» нѣкто *Обыватель* выступилъ съ цѣлымъ рядомъ очерковъ противъ этой ноющей литературы, выступилъ съ цѣлью разгромить ее вдребезги. «Они,—говоритъ *Обыватель* въ предисловіи къ своей *деревенской правдѣ*: — столичные литераторы съ крайнею неохотой констатируютъ новыя вѣянія; жаль имъ покончить съ бывшею вакханаліей, когда успѣхъ, лавровые

вѣнки и деньги доставались такъ легко, когда шалопайство шло впереди дѣла, а хлесткая фраза предпочиталась солидному труду. Что̀ дѣлать, г-да литераторы! Нельзя же весь вѣкъ ходить подъ масками и въ костюмахъ! Повѣрьте, господа литераторы: *отрезвившееся общество* не станетъ ждать вашего bon plaisir. Оно такъ жадно запросило *правды*, дѣла и знанія, что если вы не сумѣете отвѣтить на этотъ запросъ *тотчасъ же*, оно *безжалостно выкинетъ* васъ за бортъ со всею вашею извѣстностью, со всѣмъ вашимъ былымъ значеніемъ».

Изъ этого отрывка вы видите, до какой степени негодованія довело «сотни тысячъ обывателей» нытье современной литературы. Вы видите, что терпѣніе обывателя истощено, и если *тотчасъ же* онъ не будетъ успокоенъ и ему не будетъ данъ отвѣтъ на несуществующій съ его стороны вопросъ, такъ онъ начнетъ *выбрасывать за бортъ*, да притомъ еще и *безжалостно*, точно Стенька Разинъ. Ему мало выбросить за бортъ и утопить человѣка: онъ еще, какъ видите, хочетъ растерзать его, размозжить,—словомъ, поступить *безжалостно* (вмѣсто того, чтобы просто не читать)—а за что? Правды ему, палачу, литература не говорила; она все время наряжалась въ костюмы, надѣла на себя маску, сверхъ маски нахлобучила на голову лавровый вѣнокъ и въ такомъ видѣ стала тащить въ свои карманы деньги. Ей хорошо (обыватель знаетъ это тонко!) въ маскахъ-то, да въ костюмахъ, да съ деньгами въ карманѣ мучить мирныхъ обывателей, и вотъ она не хочетъ, кобенится говорить правду, поступать на чистоту: то ли дѣло поступать безсовѣстно, измазать себѣ лицо сажей, чтобы не узнали, кто ты такой, да и хватать деньги.

Но обыватель уже вышелъ изъ терпѣнія. Онъ такъ наголодался «по правдѣ», что самъ рѣшается провозгласить ее и берется «за перо» не *ради денегъ*, а ради (опять-таки) той неприкрашенной *правды*, съ которою такъ безцеремонно обошлись гг. цеховые литераторы. «*Во имя правды*,— вопіетъ онъ:—*я рѣшился на полную откровенность, чего бы это мнѣ ни стоило!*» «Не только *безусловная правдивость*, но даже *самая мелочная точность и вѣрность* конкретнымъ фактамъ будетъ соблюдена мною *какъ святыня*».

И прежде всего, во имя этой *святыни*, во имя *точности и вѣрности*, во имя *безусловной правды*, для которой взбѣшенный неправдою гражданинъ рѣшается пожертво-

вать всѣмъ («чего бы это мнѣ ни стоило!»), онъ считаетъ нужнымъ, для «начатія» огромнаго предпріятія, скрыться въ псевдонимѣ *Обыватель.* Ноющую литературу этотъ правдивый человѣкъ будетъ «дуть» поименно и безъ жалости, а самъ, во имя сущей правды, будетъ прятаться въ конуру псевдонима. «Я не подписываю своего имени потому, что это могло бы *стѣснить меня* до извѣстной степени, *когда стану говорить о себѣ* или о своихъ знакомыхъ»,—слышимъ мы изъ конуры и получаемъ обѣщаніе «назвать себя, свое мѣсто дѣйствія, своихъ героевъ», конечно, въ случаѣ надобности и сомнѣній. Затѣмъ, вѣроятно, въ видахъ того же полнѣйшаго безпристрастія, «полной откровенности», точности и вѣрности, а также для того, *чтобы не стѣснять себя* и вообще сдѣлать такъ, чтобы «сущая правда» не очень висла на вороту самого «обывателя», послѣдній создаетъ нѣкую чучелу, которая должна быть умной, соглашаться съ мыслями обывателя и уяснять ихъ примѣрами изъ собственнаго, чучельнаго опыта. Создавъ эту якобы умную чучелу, обыватель даетъ ей имя Алексѣя Петровича, сажаетъ за завтракъ и начинаетъ говорить «сущую правду», при чемъ, *какъ мы знаемъ,* даже мелочная *точность и вѣрность конкретныхъ фактовъ* должны бы соблюдаться какъ обывателемъ, такъ и чучелой, какъ святыня. Но едва только обыватель и чучела раскрываютъ рты, чтобы провозгласить правду *во что бы то ни стало,* какъ немедленно же оказывается необходимымъ дѣлать такое примѣчаніе: «оговариваюсь, что весь довольно длинный разговоръ, записанный въ этой главѣ, я, разумѣется, передаю *не совсѣмъ точно* (какъ было запомнить подлинныя выраженія?) и съ необходимыми сокращеніями; но все же *по возможности близко* къ тому, что̀ было сказано въ дѣйствительности».

Такимъ образомъ этотъ правдивый человѣкъ, измученный неправдой литературы, приготовляющійся выбрасывать за бортъ, и притомъ безжалостно, цеховыхъ ея представителей, вопіющій о невозможности дольше терпѣть эту неправду, рѣшающійся *во что бы то ни стало* сорвать маски и костюмы и провозгласить сущую, безусловную правду, ставящій священною обязанностью точность и вѣрность фактамъ (съ которыми безцеремонно обошлась цеховая литература)—прежде всего укрывается въ псевдонимъ, въ подворотню и конуру, выставляетъ вмѣсто себя чучелу и, принимая наивный видъ, «оговаривается», что «*раз-*

умьется» онъ не совсѣмъ *точно* передаетъ то, что говорили они съ чучелой,—вѣдь какъ же запомнить? Наконецъ необходимыя сокращенія (а «чего бы то ни стоило»?)... А вѣдь какіе злые эти *обыватели!* За бортъ, говоритъ, да еще безъ жалости!..

Но повѣримъ ему и чучелѣ, что они разговариваютъ *по возможности близко* къ тому, что было сказано обывателемъ и чучелой въ дѣйствительности, и послушаемъ, какая-такая у нихъ «сущая правда», которая воспиталась въ нихъ 17-лѣтнимъ безвыѣзднымъ пребываніемъ въ деревнѣ.

— Хотя у насъ кричатъ иные, будто у насъ народъ преисполненъ какими-то первобытными стихійными совершенствами, — говоритъ якобы умная и опытная въ деревенской жизни чучела:—совершенствами, передъ которыми необходимо умилиться *съ колѣнопреклоненіемъ*, но на дѣлѣ *даже лакейская цивилизація выработала* изъ двороваго типъ гораздо повыше черносошника. Оттого крестьяне бѣдствуютъ съ землею, доставшеюся *наполовину даромъ*, а дворовые, прогнанные изъ насиженныхъ мѣстъ ни съ чѣмъ, по большей части успѣли устроиться очень порядочно. Оттого между дворовыми вы встрѣтите мастеровъ, управляющихъ, торгашей, огородниковъ, фельдшеровъ, — словомъ, сельскую интеллигенцію, оттого и на свѣтъ Божій они смотрятъ нѣсколько иными глазами, чѣмъ крестьяне, и къ общественному бѣдствію (пожаръ въ деревнѣ) отнеслись иначе.

— Помилуйте!—возопили горожане (чучелы, только не умныя, а обязанныя говорить глупости) чуть не хоромъ и даже съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ.—Что вы разсказываете? Кто же не знаетъ дворовыхъ? Это или оборванные пьяницы, повара и лакеи, или кабатчики, писаря, аблакаты, словомъ, деревенскія піявки, люди совсѣмъ безъ совѣсти и сердца, можно сказать—озвѣрѣлые.

Умная чучела, подъ названіемъ Алексѣй Петровичъ, *только улыбнулась*.

— Однако изъ этихъ людей *безъ совѣсти и сердца* выходили всѣ тѣ нянюшки и дядьки, довѣренные, камердинеры и буфетчики,—словомъ, вся та ветхозавѣтная крѣпостная прислуга, о которой и вы, можетъ-быть, слыхали кое-что похвальное.

— Скажите, — обратился я (обыватель) къ умной чучелѣ:—чему же именно вы приписываете такое сравнительно высшее развитіе дворовыхъ? Неужто только ихъ большей

близости къ господамъ? Сколько я знаю, былые помѣщики драли своихъ слугъ на конюшнѣ, но лекцій о нравственности имъ не читали.

— Смѣйтесь!—отвѣчала умная чучела:—а все-таки *именно близость* къ господамъ сдѣлала многое. Никакое столкновеніе съ цивилизаціей не пропадаетъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (въ родѣ «на конюшню!»).

А черносошники?

— «Крестьянская баба относится къ своему мужу съ величайшимъ равнодушіемъ. *Каждая изъ нихъ, буквально каждая, готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже и на минуту не призадумавшись»* *). Съ этой стороны циничность дошла до nec plus ultra. Согласитесь, что во всемъ этомъ болѣе озвѣрѣлости, чѣмъ добываніе средствъ къ жизни кабацкимъ или аблакатскимъ промысломъ. Притомъ же крестьяне и сами были бы не прочь отъ подобныхъ занятій, но смотрятъ на нихъ какъ на недостижимыя, хотя и розовыя мечтанія.

Такимъ образомъ оказывается, что бывшіе крѣпостные мужики-черносошники, вскормившіе и вспоившіе этихъ обывателей, потому ниже бывшихъ дворовыхъ, что послѣдніе были близки къ господамъ, хотя бы и сталкивались съ цивилизаціей при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ конюшнѣ, и потому, что черносошники не сталкивались съ господами, а только платили имъ деньги, они загрубѣли и завѣрѣли до того, что *буквально каждая женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже ни на минуту не призадумавшись*, а мужики *бѣдствуютъ съ землею, наполовину доставшеюся имъ даромъ, при чемъ каждый питаетъ недостижимыя мысли о томъ, чтобы быть кабатчикомъ.*

Къ чему клонится вся эта «правда», мы не знаемъ. Но въ томъ же самомъ «Орловскомъ Вѣстникѣ», гдѣ начата перепечатка «Деревенской правды», недавно былъ опубликованъ такой фактъ: красивая крестьянка почему-то должна была переночевать ночь въ волостномъ правленіи (Мценскаго уѣзда). Волостной писарь и помощникъ писаря, все люди, соприкасавшіеся съ цивилизаціей и, вѣроятно, съ такими господами, которые за *святую* правду выдаютъ мнѣніе, что каждая, *буквально каждая*, черносошная крестьянка-*женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно,*

---

*) Перепечатка ст. *Обывателя* въ «Орловск. Вѣстн.», № 266.

ни на минуту даже не призадумавшись, — пристали къ этой женщинѣ съ извѣстными предложеніями, но она оказала такое упорное сопротивленіе, что лакейская цивилизація, въ лицѣ писаря и его помощника, должна была прибѣгнуть къ силѣ, и дѣло объ изнасилованіи этой женщины скоро будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

Впрочемъ, вовсе не въ защиту современной литературы отъ умныхъ и глупыхъ «чучелъ», выводимыхъ обывателемъ, завелъ я рѣчь о его диковинной правдѣ. Грубость и «храпъ» этого обывателя на литературу доказываютъ только, что онъ плохо воспитанъ, что жилъ вдали отъ вліянія благовоспитаннаго общества, что вообще ему чужда близость къ «господамъ», иначе онъ былъ бы вѣжливъ такъ же, какъ и дворовый человѣкъ. Нельзя даже сердиться и на то, что этотъ поклонникъ «лакейской цивилизаціи» выдаетъ себя за поклонника Тургенева, какъ извѣстно, не весьма любезно относившагося къ цивилизующему вліянію близости къ мужику конюшенныхъ цивилизаторовъ, и присосѣживается къ свѣтлому имени Льва Толстого, который такъ внимательно относится именно къ этой черносошной душѣ. Нѣтъ, все это не заслуживаетъ ни особеннаго вниманія ни, тѣмъ паче, негодованія. Но вниманія заслуживаетъ та злоба, та ожесточившаяся печенка семнадцать лѣтъ прокисающаго въ деревенской берлогѣ обывателя, съ которыми онъ начинаетъ выть о правдѣ. Семнадцать лѣтъ онъ лежалъ тамъ, на днѣ своего логова, хозяйничалъ и помалчивалъ; но наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, ожесточился на неправду, почувствовалъ потребность выйти изъ какой-то тины и путаницы жизни, которую онъ такъ долго къ себѣ прилаживалъ и къ которой прилаживался самъ, и вотъ онъ, блуждая глазами и ища врага, какъ звѣрь, бросается на литературу съ засученными рукавами и со стиснутыми кулаками, и заревѣлъ:

— Ежели *тотчасъ* не будетъ отвѣта, убью! Безъ всякой жалости! Отвѣта мнѣ! Сейчасъ!.. За бортъ!.. Довольно!

Несчастный требуетъ отвѣта, не задавая даже вопроса. Ему нужно чего-то, нужно вообще выхода изъ той продолжительнѣйшей лжи, среди которой онъ семнадцать лѣтъ сумѣлъ терпѣливо просуществовать; ему нужно выйти на свѣтъ, вообще куда-то выйти, къ чему-то не такому гадкому, среди чего онъ могъ только взбѣлениться, и со зла и съ одичалости онъ хватается за первое «пріятное», что

мелькнуло въ его отяжелѣвшемъ отъ бездѣйствія мысли мозгу—за лакейскую цивилизацію...

— «Драли, пороли, а все-таки было хорошо!»

2.

Да, всѣмъ намъ нужно, чтобы было наконецъ что-нибудь «хорошо». Однимъ кажется, что выходъ изъ теперешняго худого—въ благахъ лакейской цивилизаціи (такихъ, по словамъ обывателя, *сотни тысячъ),* другимъ—въ чемъ-нибудь другомъ; но главное, въ чемъ думаетъ найти успокоеніе *огромнѣйшее большинство русской скучающей* интеллигенціи—это, несомнѣнно, область искусства, низведеннаго на степень развлеченія.

Надобно дѣйствительно до невозможности истомиться отъ нытья литературы, отъ «грызущихъ сердце новостей дня» («Донъ» № 65), отъ всѣхъ этихъ кражъ, растратъ, чтобы съ такимъ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ относиться къ малѣйшимъ минутамъ наслажденія, доставляемаго искусствомъ, какъ это мы видимъ въ современномъ скучающемъ провинціалѣ.

Посмотрите, напримѣръ, какъ воспѣтъ концертъ 2 февраля, рѣчь о которомъ прервана была въ началѣ этой статейки для разговоровъ о взбѣленившемся обывателѣ. Высказавъ, какъ уже извѣстно читателю, ту адскую душевную тоску, которая угнетаетъ «сердце» людей, «даже и не имѣющихъ личнаго горя», и объяснивъ, что, именно благодаря этому безпрерывному гнету душевному, скучающій обыватель «съ особенною радостью привѣтствуетъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга», авторъ переходитъ къ концерту 2 февраля и изображаетъ свои впечатлѣнія въ такихъ выраженіяхъ: «Свѣтлымъ облакомъ въ ненастный день казался онъ (концертъ) обществу. Легкость и грація въ пѣніи, въ волшебныхъ пѣсняхъ госпожи Фостремъ, во всѣхъ сердцахъ слушателей не давали мѣста для обычной грусти и печали. И, кажется, тѣ чудныя пѣсни соловьиныя, *какъ силуэтъ* (?), долго будутъ манить человѣка въ міръ лучшій, въ міръ красоты и поэзіи. Голосъ такой игриво-легкій, металлически-чистый плѣнялъ слушателей быстротой граціозныхъ прыжковъ, которые исполнялись съ увѣренностью горной газели. Огневая сила очаровательнаго звука, сразу и такъ глубоко потрясающаго сердце, смѣнялась быстро съ такимъ эѳирно-легкимъ отзвукомъ, едва замѣтно брошеннымъ въ

далекую даль; но эта, такъ сказать тѣнь звука ясно слышалась: она схватывалась на лету и такъ волшебно-наркотически умиротворяла «сердце». Если намъ, — говоритъ далѣе авторъ: — иногда и слышалось въ пѣніи г-жи Фостремъ, вмѣсто «соловей» -«солофей», то живой голосъ дивной пѣвицы все же былъ очаровательнѣе и богаче самой пѣсни пѣвца любви — соловья!» И затѣмъ, въ поученіе мѣстнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, имѣющимъ обыкновеніе соваться съ своими музыкальными стремленіями, «какъ ракъ съ клешней», туда, куда и конь съ копытомъ не пробѣжитъ,—авторъ говоритъ: «какъ пріятно замѣтить, что ни въ одной нотѣ низкаго регистра (у г-жи Фостремъ) не сказалось *мужской ноты*, которыя такъ нравятся нашимъ провинціальнымъ пѣвицамъ. Для человѣка, понимающаго музыку, весьма противны тѣ *пѣтушиныя ноты*, которыми такъ часто угощаютъ насъ, совсѣмъ не понимая, что для женщины пѣтушиныя ноты вовсе не къ лицу. А между тѣмъ женская любовь къ нимъ (къ пѣтушинымъ нотамъ) чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится»... Вообще же «въ ряду серьезныхъ пьесъ концерта, въ общемъ было бы эффектнѣе поставить *игриво-легкую* пьесу (вмѣсто рапсодіи Листа № 12), которая могла бы быть воспринята болѣе сознательно,—*такая пьеса вѣрнѣе оживила бы сердца!*»

Въ томъ же № 16 «Дона» и о томъ же самомъ концертѣ г-жи Фостремъ помѣщена и другая восторженная рецензія, такъ что г-жа Фостремъ, ея голосъ, ея біографія, ея происхожденіе, манера пѣть, даже ростъ—все это обслѣдовано, мало сказать, съ восторгомъ, но еще и съ тщательностью, съ замѣчательной внимательностью къ малѣйшимъ характернымъ чертамъ пѣвицы, доставившей истомившимся скукою воронежцамъ минуты «оживленія въ ореолѣ восторга».

И не думайте, что только для воронежцевъ дороги эти пріятныя *минуты* (въ буквальномъ смыслѣ). Нѣтъ. Если я и завелъ рѣчь объ этихъ минутахъ, то только потому, что жажда найти облегченіе отъ современной тяготы жизни въ области искусства—явленіе рѣшительно повсемѣстное. Надо жить и дышать, и обильный матеріалъ провинціальной прессы дастъ намъ полную возможность видѣть, что область искусства какъ искусства и искусства какъ увеселенія—есть единственная область, гдѣ скучающій интеллигентъ (всякаго званія и состоянія) чувствуетъ себя *совершенно свободнымъ*, говоритъ и думаетъ, не стѣсняясь, критикуетъ, обсуждаетъ, входитъ во всевозможныя тонко-

сти и мелочи исполненія,—словомъ, чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Не только губернскіе и уѣздные города «жаждутъ» концертовъ извѣстныхъ драматическихъ артистовъ и вообще всякихъ увеселительныхъ представленій *), но даже и такія близкія, повидимому, къ деревнѣ обывательскія мѣста, какъ станицы, и тамъ искусство начинаетъ играть далеко не послѣднюю роль. Изъ станицы Каменской («Донъ», № 63) пишутъ: «Въ это лѣто въ нашу станицу прибыла, кажется, *третья* труппа, одна за другой, и только послѣдняя изъ нихъ оказалась удовлетворительной». А въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ газеты помѣщено самое подробнѣйшее описаніе спектаклей «удовлетворительной» труппы, съ самою точною оцѣнкой игры буквально каждаго артиста, съ указаніемъ, кто заслуживаетъ похвалы за «добросовѣстное» исполненіе и кто не заслуживаетъ. Въ такого рода трактатахъ объ искусствѣ, помѣщаемыхъ непремѣнно въ каждомъ нумерѣ любой провинціальной газеты, внимательность и зоркость зрителя доходятъ иногда до поразительной тщательности: не только разберутъ игру, но и брюки окритикуютъ и укажутъ, какія именно слѣдовало бы надѣть; у г. Иванова былъ на головѣ такой парикъ, который уничтожалъ иллюзію; г. Ларинъ по толстотѣ своей не подходитъ къ роли Чацкаго, и надо бы взять Кузьмина, такъ какъ онъ будетъ пожиже корпусомъ. Иногда попадаются такіе нумера газеты, что, кромѣ извѣстія о двухъ-трехъ несчастіяхъ, въ родѣ убійства или пожара, весь остальной нумеръ наполненъ рецензіями о спектакляхъ въ губернскомъ городѣ и корреспонденціями о томъ же предметѣ изъ уѣздовъ.

Очевидно, что музыка, пѣніе, театръ, даже просто гулянье съ иллюминаціей, или представленіе человѣка, который совершенно свободно мотаетъ головой во всѣ стороны, суть единственные источники какого бы то ни было удоволь-

*) Въ № 248 «Орловскаго Вѣстника» напечатано: «Въ ряду развлеченій, выпавшихъ на долю орловской публики въ послѣднее время, какъ нѣчто совершенно оригинальное и встрѣчающееся не часто въ провинціи, слѣдуетъ отмѣтить вчерашнее представленіе американской труппы. Въ особенности хороши были упражненія (подъ названіемъ) *голова на винту*. Г. Клеменсъ производитъ съ своей головой такія эволюціи, словно она у него чужая и лишь привинчена къ туловищу: онъ совершенно свободно *мотаетъ* ею во всѣ стороны и ворочаетъ вокругъ шеи, такъ что можно подумать, будто шейные позвонки у него отсутствуютъ. Спектакль, назначенный завтра, вѣроятно, привлечетъ еще болѣе зрителей».

ствія, отдохновенія для скучающей всѣхъ сортовъ интеллигентной публики, выбирающей изъ разныхъ сортовъ удовольствій то, которое соотвѣтствуетъ ея вкусу, развитію, карману. Наиболѣе щепетильный сортъ интеллигенціи постоянно стремится завести какой-нибудь «кружокъ», гдѣ бы наслажденіе музыкой, пѣніемъ, драматическимъ искусствомъ было чище, изолированнѣе отъ смѣшанной толпы. Всѣ хотятъ устроить, среди безобразія и мусора современной дѣйствительности, что-нибудь уютное, укромное, какой-нибудь уголокъ, куда бы не доносилось уличное хрюканье, но что-то все какъ будто не выходитъ. Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, что военный клубъ «сохранитъ» вполнѣ семейный характеръ даже и во внѣшней обстановкѣ, не загромождая залы рядами стульевъ, а оставляя все по семейному—залы, гостиныя и т. д. «Нужно отдать справедливость (читаемъ мы въ № 19 газеты «Донъ») военной корпораціи: она умѣетъ не скучать въ своемъ кружкѣ, умѣетъ внести въ свои удовольствія и мысль и душу, и, въ лицѣ своихъ участниковъ, имѣетъ возможность блеснуть знаніемъ и талантомъ». Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, ожидавшихъ отъ этихъ вечеровъ «много оригинальной прелести, оживленное времяпрепровожденіе и разумное эстетическое наслажденіе»... Конечно, было бы хорошо, если бы клубъ удержался на высотѣ уюта и изящества. Но вѣдь опыты въ этомъ родѣ уже были. Нѣчто подобное предпринималъ уже «клубъ благороднаго собранія, гостепріимно открывшій свои двери два года тому назадъ для такого рода вечеровъ, *но изъ этого ничего не вышло:* послѣ двухъ-трехъ малолюдныхъ семейныхъ вечеровъ новаго типа, ихъ смѣнили обыкновенные спеціальные вечера»... Опыты такого рода были вездѣ, и вездѣ, начавшись за здравіе, постепенно достигли необходимости пропѣть своей затѣѣ «за упокой». Сначала по-семейному, Шопенъ, Листъ, декламація и т. д., а потомъ, глядишь,—гдѣ-то и пробка хлопнула, забулькало что-то, а тамъ винтикъ завинтили, и понесло по семейному помѣщенію запахомъ пива, водки и *сигаръ*... Пробовали, а все что-то не выходитъ, чтобы ужъ совершенно изящное было и «освѣжало душу и сердце».

3.

И я думаю, что долго-долго еще не выйдетъ ничего «въ самомъ дѣлѣ успокоительнаго и освѣжающаго». Нѣтъ! ни очаровательному смычку г-жи Терезины Туа ни восхити-

тельному голосу г-жи Фостремъ не стереть и не изгладить съ души истинно-интеллигентнаго и совѣстливаго русскаго человѣка того пятна и язвы, которую онъ не можетъ не чувствовать ежеминутно, зная, что онъ виноватъ передъ «человѣкомъ». По тѣмъ или другимъ причинамъ совѣсть его должна бездѣйствовать, и забота о справедливыхъ человѣческихъ отношеніяхъ—забота въ особенности обязательная для него, какъ для интеллигентнаго человѣка—не реализуется имъ ни въ какой существенной формѣ. Она молчитъ, камнемъ лежитъ у него на душѣ, а жизнь человѣческая, оставленная на произволъ случая, зарастаетъ бурьяномъ, гніетъ и душитъ запахами разложенія.

На минуту, въ буквальномъ смыслѣ, смычокъ Терезины Туа можетъ еще въ виноватомъ интеллигентномъ человѣкѣ заглушить ощущеніе неопрятнаго душевнаго состоянія и оживить неопрятно живущую совѣсть («въ ореолѣ восторга»), но разъ кончился концертъ и виноватый интеллигентъ вышелъ на улицу, такъ его и обдало настоящимъ смрадомъ замусоренной дѣйствительности. Въ № 85 той же самой газеты «Донъ» напечатана замѣтка репортера, озаглавленная: «Отъ угла до угла». Почитайте и скажите, что̀ это такое?

«Какъ-то на-дняхъ,—пишетъ онъ:—я ночью возвращался по Дворянской. Слышу, впереди меня крики - ругань. Дохожу до конторы и вижу компанію, человѣкъ въ пятнадцать, не то мастеровыхъ, не то изъ *ночныхъ рабочихъ*. Идутъ они подъ конвоемъ полицейскихъ. Я пошелъ дальше; ко мнѣ подходитъ — вѣроятно, одинъ изъ отставшихъ— измазанный растрепанный субъектъ. Плачетъ навзрыдъ.

«— Что̀ съ тобой?—спрашиваю.

«— Побили, вотъ какъ, смерть моя! И папеньку взяли въ участокъ.

«— А ты чего же отсталъ?

«— Отсталъ!—передразнилъ онъ меня.—Не взяли, вотъ и отсталъ. Говорилъ: «папенька, возьми!» А онъ мнѣ говоритъ: «проваливай ты къ чорту!» А онъ мнѣ отецъ!

«— Гдѣ же васъ схватили?

«— У Петровскаго плаца. Насъ же побили и насъ же— въ участокъ... Нѣтъ, почему меня не взяли? Па-а-апенька!— завопилъ онъ во всю глотку и, шатаясь, побрелъ дальше

«Не доходя до угла Вяхиревской гостиницы,—это было тоже не такъ давно, — я возвращался съ купанья; вижу, изъ-за угла выходитъ приземистый, босой, съ едва прикрытою грудью человѣкъ. Онъ слегка пошатывается, но

молчитъ. Всклокоченные волосы, ужасная наружность такого человѣка говорятъ и объ его *промыслѣ* и объ его жизни, и, встрѣтившись съ нимъ, не обойдешь, а отъ изумленія остолбенѣешь.

«Немного дальше, у рѣшетки парка, *лежитъ какая-то масса* и оретъ во всю глотку:

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Другъ мой, вставай! — говоритъ сосѣдъ изъ его же друзей.—Вѣдь плохо намъ будетъ: препроводятъ куда слѣдуетъ.

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Дьяволъ ты этакій! Тебѣ говорятъ, вставай!

«— На землѣ мой духъ...

«Я пошелъ дальше.

«Встрѣчаю высокую, плечистую женщину, прикрытую только до колѣнъ, съ голыми руками и шеей, скрытой подъ какою-то тряпкой. Голова не то завязана, не то покрыта: одни глаза виднѣются, и что за глаза! Не дай Господи!

«Иду еще дальше.

«— Прохожій, а прохожій! Ты думаешь, я пьянъ? Нѣтъ, врешь! — пьянъ тотъ, кто лежитъ на землѣ, а самъ кричитъ «упаду!». Вотъ это пьянъ! — внушительно говоритъ тоже внушительной наружности фигура, въ одной рубахѣ, съ бутылкой въ рукѣ, которою (бутылкой) она махала съ намѣреніемъ, какъ ничего не содержащую, разбить о садовую рѣшетку.

«Наконецъ дохожу до другого угла.

«Тутъ пріютилась парочка, кавалеръ и дама. Что за кавалеръ — не замѣтилъ. Дама же—прехарактерный типъ: испитое, какое-то обрюзглое, изжившее лицо съ оливковымъ цвѣтомъ кожи; губы обвислыя, толстыя, щеки ввалились, глаза сверкали, но не огнемъ, а какимъ-то потухающимъ, какъ бы сквозь пелену, свѣтомъ. Такіе глаза бываютъ у горячечныхъ больныхъ.

«Да, — заканчиваетъ авторъ: — на разстояніи отъ угла до угла, на этомъ небольшомъ пространствѣ, цѣлый калейдоскопъ типовъ изъ жизни отребья человѣчества, изъ этой жалкой и вмѣстѣ ужасной жизни».

А вотъ и еще сценка.

«Присутствуя 12 августа, — пишетъ г. Калиновскій въ «Волжско-Донскомъ Листкѣ», № 100:- во время похоронъ своего квартирнаго хозяина въ Вознесенской церкви, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ неприличныхъ сценъ: въ

церкви между молящимися было много уличныхъ мальчишекъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, которые съ самаго начала обѣдни занимались только хихиканьемъ, *бѣганіемъ по церкви и игрой въ прятки*. Затѣмъ въ половинѣ обѣдни откуда-то появился въ церкви молодой парень съ видомъ идіота, на котораго накинулись мальчишки и дѣвчонки и стали его дразнить всячески. Выведенный изъ терпѣнія, идіотъ съ сжатыми кулаками бросился на мальчишекъ — тѣ врассыпную, стараясь спрятаться между молящимися. Идіотъ избираетъ новое мѣсто, около него снова собираются мальчишки и снова продѣлываютъ ту же сцену. Наконецъ одинъ изъ мальчишекъ, надѣвъ на голову шапку, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ покойникомъ. Но стоявшій около гроба дьяконъ снялъ съ него шапку и сказалъ что-то ему на ухо, послѣ чего мальчишка исчезъ. Развѣ подобныя сцены не *возмущаютъ* религіознаго чувства богомольцевъ?» — спрашиваетъ г. Калиновскій. — «Разумѣется, возмущаютъ, — заявляетъ отъ себя редакція «Листка»:—*по что подѣлаешь противъ распущенности нашихъ уличныхъ мальчишекъ?!*» (эти знаки, поставлены редакціей). Какъ видите, сцены такія, что въ пору хоть бы и Лондону, а у насъ ужъ такими сценами и Воронежи и Царицыны занимаются, переполненные скучающею публикой. Дѣти, которыя играютъ въ церкви въ прятки, которыя бѣгаютъ по ней какъ по площади, которыя ходятъ по церкви въ шапкахъ,—это дѣти удивительныя, дѣйствительно уличныя, безпризорныя: вы видите, что около нихъ нѣтъ человѣка, который бы научилъ ихъ самымъ элементарнымъ понятіямъ въ родѣ того, что въ церкви «Боженька» и что въ церкви стоять надо безъ шапокъ. Это совершенно дикіе человѣчки, неизвѣстно кѣмъ рожденные, чѣмъ питающіеся и гдѣ проводящіе время. Такое явленіе, разумѣется, *возмущаетъ* обывателя, но на бѣду его—только возмущаетъ. Возмутить, оскорбить его, заставить *обойти*, посторониться даже, спрятаться за уголъ и считать себя счастливымъ, что добрался до дому, или до клубной свѣтлой и теплой залы, гдѣ хотя музыка-то развлечетъ и облегчитъ. А вѣдь все-то это возмутительное - большой, огромный общественный вопросъ, вопросъ о пролетаріатѣ, о человѣкѣ, доведенномъ до одичалаго состоянія мальчишки, или испитой полуголой женщины, «или *какой-то* пьяной ревущей *массы*», валяющейся на улицѣ. Я очень хорошо знаю, что этотъ большой вопросъ—не царицынскій и не воронежскій, а всенародный, даже всемір-

ный; но вѣдь интеллигентный человѣкъ именно и воспитывается въ такихъ всемірныхъ то вопросахъ: ему обязательно, волей-неволей, жить подъ давленіемъ ихъ — не какъ возмутительныхъ только явленій, а какъ огромныхъ задачъ, налагаемыхъ на него его особеннымъ интеллигентнымъ образованіемъ и положеніемъ. Если же *такіе* вопросы, почему бы то ни было, выходятъ изъ круга его душевной дѣятельности, оказываются для нея невозможными, то рѣшительно нельзя понять, чѣмъ бы онъ могъ жить духовно, и какова же тогда будетъ вообще-то жизнь общественная, если *такіе* вопросы не будутъ подлежать заботамъ интеллигенціи.

А они и дѣйствительно не подлежатъ, и жизнь скучающаго интеллигента проходитъ въ томъ, что онъ *возмущается* улицей да успокаивается кое-какъ въ концертахъ, въ клубахъ,—словомъ, мается, ждетъ чего-то и, какъ ошеломленный, встряхиваетъ головой, когда не подлежащая его дѣятельному вниманію жизнь ошеломитъ его какимъ-нибудь ужасающимъ явленіемъ, — убійствомъ, грабежомъ и вообще какой-нибудь грандіознѣйшею гадостью или подлостью. Въ такихъ случаяхъ обыватель какъ бы приходитъ въ себя: «да доколѣ же это будетъ?» И нужно отдать честь обывателю, что въ такія минуты онъ искренно возмущается ошеломившимъ его зломъ, страстно высказываетъ, иногда массовыми движеніями, свои симпатіи и жажду выразить свои добрыя, долго бездѣйствовавшія, не имѣвшія практики побужденія. Въ Казани самоубійство несчастной купеческой дочери Латышевой, застрѣлившейся въ день свадьбы, собираетъ на похороны ея всю Казань, образованную и необразованную, и вся толпа идетъ на могилу покойной, протестуя противъ насилія. Въ Новгородѣ, во время процесса г-жи Ѳеопемтовой, обвиняемой въ подстрекательствѣ къ убійству и сожженію мужа, толпы народа, убѣжденныя въ ея виновности, сплошною массой стояли около окружнаго суда, ожидая приговора, и находились въ такомъ настроеніи, что обвиняемую пришлось увезти изъ суда заднимъ ходомъ и въ мужской шинели. Свирѣпый поступокъ турка-хозяина въ Кременчугѣ съ рабочимъ поднимаетъ на ноги весь городъ. Въ Воронежѣ происходитъ убійство трехъ женщинъ, и весь городъ идетъ за ихъ прахомъ на кладбище; даже въ одной изъ деревень Воронежской губерніи убитую неповинно женщину провожала вся деревня съ возможной для нея торжественностью.

Такіе общественные порывы, безъ всякаго сомнѣнія, благородны; но какія нужны ужасныя, ошеломляющія неожиданности, чтобы въ ослабѣвшей, притерпѣвшейся къ окружающему злу, общественной душѣ пробудились тѣ движенія совѣсти, нормальное развитіе и теченіе которыхъ обязательны для всякаго человѣка и для всякаго человѣческаго общества, желающаго ощущать себя живымъ и живущимъ. А вотъ нормальнаго-то развитія впечатлительности общественной души къ худымъ и хорошимъ вліяніямъ общественной жизни и не замѣчается теперь въ скучающемъ интеллигентномъ обществѣ. Скучающая интеллигенція привыкла къ тому, что относительно «жгучихъ вопросовъ жизни» можно ограничиться либо только отвращеніемъ — такъ противна форма, въ которой они выражаются на улицѣ,—или только негодованіемъ, либо осторожно ихъ обходить, не заражая себя ихъ дурнымъ запахомъ, либо наконецъ *отдѣлываться* отъ нихъ мертвымъ формализмомъ.

Убиваютъ, какъ я упомянулъ выше, въ г. Воронежѣ сразу трехъ женщинъ, — убиваютъ вечеромъ въ семь часовъ, почти на глазахъ людей, и, убивъ, обворовываютъ квартиру убитыхъ. Городъ ошеломленъ, испуганъ, возмущенъ, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, *энергически* принялись за искорененіе давно назрѣвавшаго зла. По всѣмъ ночлежнымъ домамъ, по всѣмъ закоулкамъ, трущобамъ, начались ночныя облавы, при чемъ наловлена масса бездомовнаго темнаго люда. Въ короткое время нахватавъ 535 человѣкъ, скучающая интеллигенція выслала 223 человѣка на мѣсто родины, а 312 человѣкъ передала мѣстному мѣщанскому обществу, какъ доказавшихъ свою *самоличность*. Этого слова: «самоличность» оказалось весьма достаточнымъ для того, чтобы бездомовныхъ воронежскихъ мѣщанъ возвратить опять той же бездомовности, въ которой они и до сего находились. «Переданы мѣщанскому обществу» — фраза, какъ будто что-то означающая. Сначала взяли, а потомъ передали кому-то; въ сущности же бездомовный какъ былъ бездомовнымъ, такъ имъ и остался вплоть до другой какой-нибудь потрясающей неожиданности.

Но даже и этотъ способъ борьбы со зломъ обрадовалъ измаявшихся обывателей, потому что мѣсяца черезъ два послѣ начала облавы на бродягъ, въ № 74 газеты «Донъ», появилась слѣдующая замѣтка: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наша полиція выказала большую энергію при розыскѣ негодяевъ всякаго рода и *спровадила* ихъ изъ го-

рода, гораздо болѣе тысячи. За это ей большое спасибо. Но еще большее спасибо заслужила бы она, если бы обратила свое энергичное вниманіе и на другихъ паразитовъ общества—проститутокъ. Число явныхъ проститутокъ въ послѣднее время *увеличилось ужасно*. Множество грязныхъ притоновъ наполнено ими, да и всѣ общественные сады не обходятся безъ нихъ. Но сугубый вредъ приноситъ тайная проституція. У насъ въ городѣ существуютъ цѣлые гаремы, ютясь подъ скромными вывѣсками: «пивная лавка» или «портерная», число же послѣднихъ довольно солидно. Въ интересахъ нравственности и здоровья, не мѣшало бы взяться за искорененіе этого ужаснаго зла».

Итакъ, видите, какія кучи человѣческаго мусора накопились въ богоспасаемыхъ весяхъ. Вѣдь это все люди, вѣдь это человѣческій мусоръ,—мусоръ изъ живыхъ существъ! Что же съ нимъ дѣлать и какъ быть? На это выработаны скучающей публикой два отвѣта: уйти отъ всей этой гадости и мучительныхъ впечатлѣній, которыя она производитъ, въ концертъ и забыться *въ ореолѣ восторга*, или же «передать на руки мѣщанскаго общества, какъ доказавшихъ свою самоличность», а еще лучше—«спровадить».

И, несмотря на обиліе музыкальныхъ вечеровъ съ одной стороны и «энергію спроваживаній»—съ другой, ни спроваживающій ради «успокоенія» ни спроваживаемые—одинаково ничего существеннаго въ результатѣ не получаютъ. Простой коренной обыватель, живущій собственными трудами, дошелъ до того, что, если у него украдутъ шубу или разломаютъ сундукъ, такъ онъ предпочитаетъ обратиться за похищеннымъ прямо къ вору, входитъ въ сношеніе непосредственно съ похитителемъ, не довольствуясь тѣмъ, что похититель, энергически взятый въ темную, энергически переданъ обществу, какъ доказавшій «самоличность».

«Выбравъ время,—разсказываетъ практическій обыватель въ № 17 «Дона»:—пришелъ я къ его (вора) немудрящему домику; оглянулъ кругомъ—ни единой души нѣтъ: никто, значитъ, меня не заприметилъ. Черезъ сѣнцы вошелъ я въ полутемную хатенку. По всему было видно, что здѣсь передъ моимъ приходомъ шла безобразная попойка. Хотѣлъ я, по своему обыкновенію, помолиться на икону, но такой не было. Тутъ я увидѣлъ хозяина хатенки. Это былъ дюжій дѣтина, съ широкой грудью, съ здоровенными руками, одутлымъ лицомъ, жгучими глазами и черными всклокоченными волосами на головѣ.—«*Что скажешь, лю-*

безный? — спросилъ воръ и, видя испугъ обывателя, прибавилъ: — не бойся! Я не такой дуракъ, чтобъ ограбить тебя въ моемъ домѣ, тогда бы я могъ быть пойманъ съ поличнымъ. А вотъ присядь-ка, а я тѣмъ временемъ *самъ разскажу, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ.* Я съ однимъ изъ товарищей покралъ вещи-то у тебя... Что дѣлать! — прибавилъ онъ нахально:—надобно же промышлять чѣмъ-нибудь, чтобы прожить вѣкъ свой и не померетъ голодной смертью». Затѣмъ онъ сталъ торговаться, оцѣнили вещи въ извѣстную сумму, сошлись, ударили по рукамъ, условились «по честности», какъ и когда возвратить вещи и насчетъ того, чтобы «не выдавать» и т. д. И воръ все исполнилъ, какъ обѣщалъ, а обыватель, получившій свои вещи назадъ, нашелъ нужнымъ промолчать о ворѣ — въ благодарность за доброе дѣло. Такимъ образомъ воръ здравъ и невредимъ, находится на рукахъ общества и «доказалъ свою самоличность».

Не лучшіе результаты получаются и отъ способа помощью успокоенія и увеселенія разгонять тоску дѣйствительности. Несмотря на обиліе театровъ, музыкальныхъ, вокальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ и всевозможныхъ гуляній и развлеченій, иногда на скучающую интеллигенцію нападаетъ такая тоска, что хоть топись. «Вечеръ перваго августа въ городскомъ саду, — читаемъ мы въ хроникѣ все той же газеты «Донъ»: — отличался *какой-то особенной вялостью и угнетеніемъ духа.* Въ свое время началъ играть оркестръ, хоръ пѣвчихъ пѣлъ, иллюминація зажглась по главнымъ и второстепеннымъ аллеямъ сада также своевременно: *но что-то томительное сдавливало сердце.* Г. Киндель (капельмейстеръ) усердно откалывалъ маршъ за маршемъ, но публика какъ будто не замѣчала этихъ маршей и «сновала» по аллеямъ сада съ страшнымъ сплиномъ; даже молодежь — и та *не взвизгивала, по обыкновенію,* своимъ беззаботнымъ говоромъ и смѣхомъ, а *понуря голову,* молчаливо только *шагала* по аллеямъ городского сада. Откуда такая тоска? Откуда такая подавленность жизни?»

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ несчастный вечеръ, если бы совершенная случайность наконецъ не оживила измучившуюся публику.

«Но, — продолжаетъ г. репортеръ: — и подъ этой вялой обывательской жизнью вспыхиваетъ *огонекъ* эксцентричности: говорятъ, въ концѣ гулянья одна изъ «юницъ» устроила пикантный сюрпризъ на тему сюжета, взятаго на прокатъ изъ Эрмитажа: «Смотрите здѣсь, смотрите тамъ!»

Хорошо, что хоть юница выручила. А то отъ скуки вотъ еще какъ развлекаются. Описывая одинъ воронежскій пожаръ, г. очевидецъ пишетъ («Донъ», № 87): «Я, какъ очевидецъ этого пожара, замѣтилъ, что на пожаръ явилось немало лицъ *показать* просто *свою удаль: подбросить повыше* какую-нибудь тяжеловѣсную вещь, или хватить вѣнскимъ стуломъ въ раму такъ, чтобы все превратилось въ дребезги». Вотъ и дѣти что-то скучаютъ, и многія просто бѣгутъ невѣдомо куда; четыре гимназиста уплыли тайкомъ отъ родителей изъ Ельца — уплыли странствовать; два мальчика ушли изъ воронежскаго хора — тоже странствовать; взятые, въ ожиданіи справокъ, въ полицейское управленіе, они, по словамъ корреспондента, «играли здѣсь и пѣли *какъ птички*»...

Да, скучненько-таки живется на бѣломъ свѣтѣ! Но пусть читатель не унываетъ и не сокрушается — есть на этомъ бѣломъ свѣтѣ кое-что и хорошее.

4.

«Къ богатому магазину съ одной стороны ползетъ съ помощью рукъ и колѣнокъ безногій нищій, съ другой — подходятъ двѣ бабы съ пустыми сумками и съ ними мальчонка лѣтъ пяти, въ оборванномъ, длинномъ не по росту кафтанишкѣ, вѣрно, съ чужого плеча.

« — Сотворите милостыньку Христа ради! — робко произносятъ бабы въ одинъ голосъ.

« — Господь подастъ! — слышится имъ въ отвѣтъ изъ магазина.

«Нищенки печально отходятъ.

« — «Не прогнѣвайся» да «Богъ подастъ», только и слышишь цѣлый день, — жалуется одна изъ нихъ. — Чисто съ голоду околѣешь, по міру ходючи. Господи-батюшка, али нѣтъ креста на людяхъ, али нѣтъ доброй христіанской души на людяхъ?

«— Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей! — раздался позади нихъ дрожащій голосъ.

«Обернувшись, онѣ увидѣли калѣку.

«— Вы откуда, бабоньки?

«— Изъ Сибири, родимый! отъ общества были высланы!

«Продолжая ихъ разспрашивать, нищій снялъ изъ-за плечъ свою суму, досталъ оттуда три куска бѣлаго хлѣба, три яблока и раздѣлилъ между тремя собратами по несчастію, а ребенку сверхъ того сунулъ еще что-то въ ручонку. Бабы, принимая отъ калѣки милостыню, набожно крестились и со

слезами благодарили своего благодѣтеля» («Волжско-Донской Листокъ» 23 авг.).

Такъ вотъ, стало-быть, не всегда рѣшеніе жгучихъ вопросовъ ограничивается на Руси «спроваживаніемъ» ихъ долой съ глазъ или удостовѣреніемъ въ «самоличности» бездомовнаго человѣка: дѣлается кое-что по части жгучихъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ только мучаетъ и томитъ скучающую интеллигенцію, — дѣлается нѣчто дѣйствительно существенное, реальное противъ язвы пролетаріата, начинающагося въ разстройствѣ хозяйственныхъ народныхъ порядковъ, противъ пьянства, воровства, грабежа и другихъ язвъ, вытекающихъ изъ этого разстройства и разъѣдающихъ деревни и города. *Самъ* народъ, на средства, добытыя изъ собственной нищенской суммы, совершаетъ такое огромное, трудное, исполненное великаго подвига движеніе, какъ переселеніе и колонизація. Съ другой стороны, тотъ же *самъ* народъ совершаетъ, опять-таки на свой страхъ, на свои нищенскія средства, другое важное и огромное дѣло духовнаго совершенствованія, стремится выработать принципы благообразныхъ человѣческихъ отношеній. И вотъ эти-то народныя дѣла, совершаемыя народомъ во имя благообразія и справедливости человѣческихъ отношеній, совершаемыя «на самомъ дѣлѣ», къ глубокому сожалѣнію, совершаются безъ всякаго участія тоскующей интеллигенціи. Жизнь есть, но, къ сожалѣнію, вовсе не тамъ, гдѣ г. Киндель, откалывающій маршъ за маршемъ, не можетъ разогнать тоску даже у молодежи, *шагающей понуря голову.*

VIII. Мелкіе агенты крупныхъ предпріятій *).

1.

...Урожай восемьдесятъ восьмого года на всемъ протяженіи Волги и Дона скопилъ массу всякаго покупающаго и продающаго люда. Масса мелкихъ агентовъ отъ разныхъ крупныхъ фирмъ, для скупки хлѣба, шерсти и другихъ продуктовъ, которыми изобилуютъ приволжскія и придонскія степи въ несмѣтномъ количествѣ, кишатъ повсюду: на па-

*) Изъ путевыхъ замѣтокъ о поѣздкѣ по Дону въ 1887 г.

роходахъ, желѣзныхъ дорогахъ, во всякомъ мало-мальски бойкомъ торговомъ мѣстѣ, во всякой станицѣ, расположенной въ удобномъ для передвиженія товаровъ мѣстѣ, не говоря о большихъ торговыхъ, близкихъ къ морю городахъ, гдѣ отъ мелкихъ «агентовъ» всевозможнаго рода крупныхъ предпріятій положительно нѣтъ ни прохода ни проѣзда. За скупщиками мѣстнаго сырья слѣдомъ идетъ и продавецъ всякаго нужнаго крестьянину товара: ярмарки повсемѣстны: проѣздомъ мимо большихъ станицъ и селъ вы видите всегда, что — либо приготовляются строить балаганы для ярмарки, либо ужъ ломаютъ ихъ, чтобы перевозить въ другое мѣсто, либо видите ярмарку въ полномъ разгарѣ, съ балаганами, парусинными шатанами, съ трактирами, смрадъ изъ которыхъ достигаетъ даже до парохода, съ разными фокусниками, шарманками, дѣвицей «геркулесской», показывающей за три копейки свои чрезвычайныя формы. Эта покупающая и продающая масса людей, конечно, требуетъ массы чернаго, рабочаго народа, который таскаетъ кули, тюки, ящики, возитъ и носитъ. И черно-рабочимъ народомъ переполнены также всѣ пристани, всѣ пароходы, желѣзныя дороги и опять-таки крупные торговые города, — до чрезвычайности.

«Мелкій агентъ крупнаго предпріятія» и «чернорабочій», появившіеся на Руси одновременно съ развитіемъ крупныхъ торговыхъ, промышленныхъ операцій, при чемъ первыхъ появились сотни тысячъ, а вторыхъ — милліоны, совершенно измѣнили какъ внѣшній видъ, такъ и внутренній смыслъ и вообще весь строй и тонъ жизни нашихъ селъ, деревень и городовъ, и измѣнили ихъ не въ привлекательномъ смыслѣ. Въ отношеніи внѣшней непривлекательности села, деревни и города чрезвычайно много потеряли отъ наплыва рабочихъ массъ, этихъ людей безъ сапогъ, безъ шапокъ, въ потныхъ рваныхъ рубахахъ, а главное отъ этого небывалаго прежде неустаннаго ихняго труда, съ перевозкой, переноской всевозможнаго рода товаровъ и грузовъ. Этотъ вѣчный стонъ, оханье, эти напряженные вопли для облегченія тяжести, переполняющіе изо дня въ день воздухъ торговыхъ мѣстъ, не терзали васъ въ такой степени въ прежнія времена; теперь же отъ рабочей толпы, снующей взадъ и впередъ, отъ грома этихъ ломовыхъ дрогъ, отъ обилія этихъ тюковъ, бочекъ, ящиковъ, полосъ гремящаго желѣза и т. д. пропало всякое благообразіе улицы, даже всякое удобство; а обиліе рванаго народа, изнуряющагося въ трудѣ

или галдящаго въ кабакѣ, производитъ одуряющее впечатлѣніе неопрятности и сутолоки, никогда въ такой степени не обезображивавшихъ тихихъ улицъ нашихъ селъ и городовъ. По обиліе чернорабочаго, обиліе рвани, крика, изнуренія, брани и пьянства—все это уничтожаетъ только внѣшнее благообразіе нашихъ жилыхъ мѣстъ. Несравненно болѣе тоскливое, изнурительно скучное впечатлѣніе производитъ, такъ сказать, упадокъ нравственнаго значенія, особенно городовъ, упадокъ тона, который въ *старыя* времена былъ свойственъ городу, какъ центру, въ которомъ живетъ образованное общество. Велика ли была эта образованность нашихъ городовъ—это вопросъ другой; но за городомъ была извѣстность образованнаго центра, просвѣщеннаго, гдѣ образованный человѣкъ стоялъ на первомъ планѣ; были тамъ люди разныхъ сословій—и мѣщане, и купцы, и разночинцы, но какъ отличительная черта отъ деревни, отъ деревенской глуши, всѣми признавалось, *числилось* за городомъ значеніе высшаго въ нравственномъ отношеніи центра. И какъ бы ни былъ малъ кружокъ дѣйствительно образованныхъ людей въ городѣ, онъ всегда имѣлъ значеніе: всякій лавочникъ могъ указать, гдѣ живетъ такой-то генералъ, который пишетъ стихи и играетъ на віолончели; всегда былъ небольшой кружокъ людей, выдѣлявшійся изъ массы городского общества своимъ нравственнымъ значеніемъ; словомъ, образованность отличала городъ отъ деревни и была именно главной отличительной чертой города. Сплетни, пересуды, дрязги, раздоры, грязь и всякая дрянь — есть вездѣ, въ городъ пріѣдешь—*отдохнешь!* «Надо поѣхать въ городъ *освѣжиться!*»—говаривали въ прежнія времена; теперь, напротивъ, говорятъ: «надобно куда-нибудь забраться въ глушь, въ дебрь... надо же хоть немного освѣжиться!»

Я не сомнѣваюсь, что и теперь въ каждомъ мало-мальски многолюдномъ центрѣ всегда есть кружокъ людей, интересующихся общими вопросами жизни,—конечно, во сто разъ болѣе образованныхъ, чѣмъ «образованное общество» прежнихъ лѣтъ, но количество ихъ непропорціонально мало, даже буквально ничтожно сравнительно, во-первыхъ, съ огромной массой той скучающей публики, о которой говорено въ предыдущемъ письмѣ, а во-вторыхъ, съ наплывомъ еще новаго сорта людей, рожденныхъ и взрощенныхъ развитіемъ капиталистическихъ предпріятій — людей крошечныхъ спеціальностей, загипнотизированныхъ какою-нибудь капельною частицею большого предпріятія, удаленныхъ этою капель-

кою отъ всякихъ общихъ интересовъ и вопросовъ. Въ наплывѣ этого изуродованнаго своей односторонностью человѣка, въ его мелкой суетѣ, въ мелкомъ ничтожномъ дѣлѣ, съ которымъ онъ не знаетъ покоя и никому покоя не даетъ,—человѣка, взрощеннаго капиталомъ и привлекшаго за собою въ города сотни тысячъ оборваннаго ломового народа: въ шумѣ, трескѣ сумбурнаго и безпрерывнаго движенія, втиснувшаго на улицу бочекъ, тюковъ, кипъ, ящиковъ въ сто разъ больше, чѣмъ людей,—исчезло и внѣшнее благообразіе города, исчезло и его обязательное нравственное значеніе, исчезла его мѣстная своеобразность —и городъ превратился въ центръ скучнѣйшей суеты, скучнѣйшихъ, однообразнѣйшихъ людей, изнуренныхъ какими-то мельчайшими заботами, каждый самъ по себѣ, безъ возможности понимать такую же мельчайшую заботу своего ближняго.

2.

Въ прежнее время куль хлѣба, положенный на телѣгу или въ сани въ помѣщичьемъ имѣніи и отвезенный мужиками въ городъ къ купцу, здѣсь же у купца въ амбарѣ большей частью и оканчивалъ свою біографію и уже въ крайнемъ случаѣ оказывался въ Москвѣ. Помѣщикъ, мужикъ и купецъ—вотъ всѣ агенты и факторы хлѣбной торговли въ старину; мужикъ пахалъ, сѣялъ, косилъ, молотилъ, возилъ,—словомъ, совершалъ одинъ сотни такихъ дѣлъ, которыя въ настоящее время, при расширеніи хлѣбной операціи, совершаются уже сотнями рукъ. Теперешній купецъ не въ городѣ, даже не въ Москвѣ, а въ Берлинѣ и Лондонѣ, и прежде чѣмъ теперешній куль доберется съ базара какой-нибудь станицы до заграничнаго корабля, онъ пройдетъ черезъ сотни рукъ, получающихъ средства къ жизни только отъ прикосновенія къ нему и имѣющихъ по отношенію къ этому кулю какую-нибудь мельчайшую, спеціальную обязанность, отнимающую все время и поглощающую всю умственную дѣятельность. Въ настоящее время количество народа, толпящагося около куля хлѣба на пространствѣ, которое онъ пройдетъ отъ базара до корабля, до такой степени велико и разнообразно, что цѣна куля, оказавшагося на заграничномъ пароходѣ, какъ высчитывали мнѣ знатоки, выростаетъ на пять рублей противъ цѣны базарной, и всѣ эти пять рублей, по грошу, по полкопейкѣ, по гривеннику, разбираются массою народа, который живетъ этими копейками и который за эти копейки и гривенники

долженъ всю жизнь торчать около какой-нибудь частички дѣла, посвящая ей все свое вниманіе.

Человѣчекъ «по хлѣбной части», съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться на пароходѣ, можетъ служить образчикомъ одной изъ этихъ специальностей хлѣбнаго дѣла.

Человѣчекъ этотъ ѣхалъ въ большую на Дону станицу Ц—скую съ тѣмъ, чтобы жить тамъ всю осень безвыѣздно. Обязанность его должна состоять въ томъ, что онъ каждый Божій день, съ ранняго утра и до поздняго вечера, будетъ, какъ ястребъ за цыплятами, слѣдить за мужиками, привозящими въ станицу на продажу хлѣбъ; онъ будетъ ихъ убѣждать, усовѣщевать, божиться и клясться, орать, ругать, тянуть за рукавъ, чтобы всячески оттянуть отъ конкурентовъ другихъ фирмъ, агенты которыхъ будутъ дѣлать то же самое, что̀ и онъ. Постоянно и непрестанно его глаза, въ теченіе всего этого времени, должны напряженно разыскивать во вселенной только кули и мѣшки; уши его должны напряженнѣйшимъ образомъ слушать только то, что̀ касается куля и зерна, и каждый звукъ, похожій на слово «куль», онъ долженъ жадно и цѣпко перехватывать своимъ насторожившимся ухомъ, немедленно направляя свои мысли, поступки по тому направленію, которое указываетъ специальная его задача. За этотъ напряженный, однообразный, изнурительный трудъ, отнимающій у человѣка почти всѣ часы дня, онъ получаетъ самое ограниченное вознагражденіе; одѣтъ онъ бѣдно и плохо; путешествуя въ третьемъ классѣ, т.-е. на палубѣ, онъ таскаетъ съ собой старое одѣяло, въ которое кутается отъ дождя и вѣтра. Имущество его—небольшой чемоданчикъ, въ которомъ находится жестяной чайникъ, стаканъ, свертокъ чаю и сахару и небольшая подушка; все это, какъ видите, должно въ маленькомъ чемоданчикѣ занимать такъ много мѣста, что для какого-нибудь иного рода имущества, быть-можетъ, пары-другой бѣлья, едва ли будетъ мѣсто. Табакъ онъ куритъ въ двугривенный четверку и покупаетъ только осьмушками; книжка папиросной бумаги для него дорога: онъ покупаетъ за двѣ копейки большіе листы папиросной бумаги; изъ этой бумаги онъ съ величайшей экономіей въ табакѣ куритъ тончайшія папиросы на одну, много двѣ затяжки: какъ затянется, такъ папироса вся сразу согнется и ударитъ его горячимъ концомъ по губѣ—такъ она жидка. Онъ больше тратитъ времени, чтобы заклеивать папиросу, въ которой бумаги болѣе нежели табаку, чѣмъ курить эту папиросу. Съ нимъ жестя-

ной чайникъ и маленькій свертокъ съ чаемъ и сахаромъ. Чаю онъ завариваетъ самое ничтожное количество, такъ что, налитый въ стаканъ, онъ оказывается едва подкрашеннымъ, а затѣмъ нѣсколько стакановъ онъ выпиваетъ голаго кипятку, только кусокъ яблока сунетъ для вида и, вѣроятно, вкуса. Но сколько бы онъ стакановъ ни выпилъ, кусокъ сахару, вынутый въ началѣ чаепитія, никогда не былъ уничтоженъ весь, а всегда оставалось около половины, которая и пряталась обратно въ свертокъ. Никакихъ «порцій» и даже «полупорцій» по части съѣстного онъ ни разу во весь путь не спрашивалъ—питался исключительно бѣлымъ хлѣбомъ, запивая чаемъ. Однажды только онъ купилъ десятокъ яицъ на пристани. Вотъ всѣ его матеріальныя блага, достигаемыя изнурительнымъ мелочнымъ трудомъ.

Человѣчекъ этотъ — агентъ низшаго порядка: онъ скупаетъ хлѣбъ въ извѣстной станицѣ и складываетъ его въ ней же. Такихъ агентовъ у фирмы множество въ разныхъ селахъ и деревняхъ; надъ ними идетъ другой рядъ агентовъ, которымъ тоже за труды достаются копейки, а труды которыхъ тоже муравьиные. Одинъ — только и дѣлаетъ, что объѣзжаетъ склады по селамъ, запускаетъ руку въ зерно, жуетъ его, выплевываетъ, ругается и уѣзжаетъ; пріѣдетъ, пожуетъ, выплюнетъ, обругаетъ, — и дальше. Другой только и дѣлаетъ, что вѣшаетъ да знаки ставитъ то чернымъ помазкомъ, то краснымъ. Третій только считаетъ: толконетъ ногой въ куль и запишетъ, толконетъ ногой и запишетъ, и т. д... Это покупка, а потомъ перевозка — пароходы, желѣзныя дороги. Стоитъ посмотрѣть на билетъ прямого сообщенія, положимъ, пробывши въ дорогѣ три дня, отъ Одессы до Петербурга, чтобъ убѣдиться, какая несмѣтная сила и разнообразіе въ одной спеціальности контроля: билетъ проколотъ крестами, звѣздами, полумѣсяцами, кругами, квадратами и т. д., и на каждый проколъ и прокусъ—особый человѣкъ, получающій хлѣбъ только за прокусъ билета извѣстнымъ манеромъ и этимъ существующій на землѣ. А тамъ полчища стрѣлочниковъ, полчища таинственныхъ незнакомцевъ, которые невидимы на поверхности земли, а ползаютъ подъ вагонами, постукиваютъ что-то, а тамъ полчища людей, которые только съ записной книжкой ходятъ мимо вагоновъ и записываютъ нумера, и т. д.

А пароходъ? Великъ ли онъ весь-то — много-много пятнадцать саженей длины и саженей пять ширины, а посмотрите, сколько тамъ по разнымъ трещинамъ набито на-

роду, и у каждаго своя часть. И наверху, и внизу, и съ боковъ — вездѣ понадѣланы какія-то мышиныя норы, величиной съ папиросную коробку, а между тѣмъ въ каждой такой папиросной коробкѣ по цѣлому семейству; непостижимо, какимъ родомъ могутъ существовать, даже дышать въ такой коробкѣ капитанъ—мужчина 13 вершковъ, капитанша — полная «скульптурная» дама, беременная и уже имѣющая ребенка, нянька ребенка, кошка и всѣ принадлежности мужского, женскаго и въ особенности дѣтскаго туалета. А между тѣмъ существуютъ: какъ утро, коробка папиросная отворяется, и выходитъ изъ нея капитанъ въ два раза выше коробки ростомъ, выходитъ капитанша, повидимому, больше размѣромъ, чѣмъ вся коробка, нянька съ ребенкомъ, затѣмъ выносятъ одинъ стулъ низенькій, другой стулъ высокій; вывозятъ колясочку плетеную, велосипедъ, самоваръ, хлѣбъ, жестяную сахарницу, арбузъ и т. д. А вечеромъ въ эту же коробку все это множество людей и предметовъ опять вбирается постепенно, и коробка запирается на ключъ. Иной разъ на самомъ днѣ парохода, гдѣ, кажется, уже ничего нѣтъ, кромѣ тьмы кромѣшной, вдругъ оказывается дверь величиной въ аршинъ, за дверью лѣстница въ темную яму, а въ ямѣ младшій механикъ, жена, ребенокъ, подушки. И все это плодится, множится, и все это сидитъ въ *своей* коробкѣ, варитъ *свой* обѣдъ, озабочено жаднымъ стремленіемъ всунуть на плиту *свой* чайникъ прежде чайника старшаго лоцмана и младшаго боцмана, которые тоже держатъ себя независимо въ своихъ папиросныхъ коробкахъ и отъ механиковъ, и отъ штурмановъ, и отъ рулевыхъ, и всякихъ безчисленныхъ обитателей норъ и ущелій, таящихся на пароходѣ.

3.

И что же,—вы, можетъ-быть, думаете, что человѣкъ такой норы скучаетъ, томится, чувствуетъ неудовлетвореніе и жаждетъ выхода? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; именно бисерная-то мелкота спеціальностей, пріучающая человѣка сосредоточивать свои силы на какомъ-нибудь ничтожномъ предметѣ или дѣлѣ—изсушаетъ въ немъ всякую жажду простора и широты мысли; человѣкъ привыкаетъ обходиться безъ этой широты и ухитряется создать изъ своего капельнаго дѣла такое количество вопросовъ и интересовъ, которое вполнѣ поглощаетъ всѣ часы его жизни. Иной такъ обживется въ своей мурьѣ на пароходѣ или такъ сродпится

съ своимъ прокусывающимъ билеты инструментомъ, что ихъ силою не разлучишь съ ихъ любимыми вещами и заботами. О сломавшемся пароходномъ винтѣ онъ можетъ безъ умолку разговаривать съ вами цѣлые дни и недѣли—такъ это дѣло разработано его умомъ, похищеннымъ интересами предпріятія; но вообще о сложномъ механизмѣ жизни онъ не найдетъ матеріала для разговора въ теченіе пяти минутъ.

— Вы не овесъ ли изволите покупать? — подойдетъ къ вамъ и спроситъ агентъ по овсяной части - человѣкъ, который два дня ѣхалъ съ вами на пароходѣ, пилъ за однимъ столомъ чай, думалъ, кто вы такой, и такъ какъ у самого у него вся голова набита овсомъ, то его желаніе войти съ вами въ бесѣду не можетъ, при всѣхъ усиліяхъ его отупленной овсомъ головы, выразиться ни въ какомъ другомъ вопросѣ.

Нѣтъ, не овесъ!—отвѣчаете вы несчастному калѣкѣ, и калѣкѣ больше ничего не остается сдѣлать, какъ уйти прочь.

Иной изъ такихъ, суженныхъ умственно и нравственно на какой-нибудь мелочи людей, случайно вступивъ съ вами въ общій разговоръ, съ огромными усиліями дѣлаетъ только видъ, что слушаетъ васъ и понимаетъ. Ничего онъ не слышитъ, ничего для него не важно: все это для него не подходитъ, а если и интересуетъ даже его, то ему просто некогда; но когда дѣло дойдетъ до керосина, на которомъ держится все его земное существованіе, онъ васъ затопитъ рѣчью, какъ керосинный фонтанъ, развернетъ такія пространства керосиннаго мышленія, что конца-краю имъ не показывается, если, конечно, посмотрѣть на дѣло основательно. Онъ сдѣлалъ только «бѣглый» обзоръ, а и то вы не знаете, куда бы отъ него уйти и какъ бы скрыться; у васъ уже давно трещитъ въ вискахъ и начинаются грудныя спазмы, а вѣдь это только «бѣглый» обзоръ!

Мелочность мыслей, заботъ, интересовъ, ихъ чрезвычайная раздробленность отодвинули на задній планъ всякій интересъ къ живому, общему дѣлу. Думы толкуютъ все о тѣхъ же агентствахъ, пристаняхъ, объ отводѣ мѣстъ для завода, о трехкопеечномъ сборѣ съ куля, съ бревна, съ мѣшковъ, о подъѣздныхъ путяхъ для этихъ кулей, мѣшковъ, бревенъ и бочекъ. За всѣми этими неуклюжими складами, амбарами, лѣсопилками, пивными и иными заводами, разставившимися, гдѣ попало — не разыщешь окружнаго суда, чтобы послушать какое-нибудь разбирательство, по-

думать о жизни. Адвокатъ совершенно забылъ, что въ былое время онъ, если только Богъ далъ ему умъ и совѣсть, могъ, защищая какого-нибудь мужика, сказать обществу много правды, и идти слушать рѣчь по общимъ вопросамъ было дѣломъ обязательнымъ для мало-мальски не невѣжественнаго горожанина. Теперь и въ судѣ, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ хоть капельку-то можно было бы слышать о правдѣ жизни вообще, царитъ отраженіе тѣхъ же мусорныхъ печалей муравьинообразнаго человѣка, копошащагося на кучѣ и около кучи, именуемой капиталомъ: переборъ двухъ копескъ съ пуда, взысканіе штрафа,—словомъ, печаль, забота все о той же бочкѣ, о винтѣ, о кулѣ, о тюкѣ, о доскѣ, и ни малѣйшей заботы о человѣкѣ. Недавно, напримѣръ, въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло одного *афериста*, который разъѣзжалъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, разыскивалъ пострадавшихъ *отъ увѣчій* на желѣзнодорожной службѣ, бралъ отъ нихъ довѣренности, выговаривая въ свою пользу 50 проц. съ вознагражденія, которое онъ получитъ въ пользу своихъ кліентовъ съ желѣзнодорожныхъ обществъ. Судили этого афериста за то, что дорого беретъ, судили за полтинникъ, Но вотъ что любопытно: «Довѣренностей, полученныхъ аферистомъ, у него оказалось 360 штукъ» («Новости», № 229). Вотъ вѣдь какую массу калѣкъ хотѣлъ ограбить этотъ аферистъ! Надобно, конечно, наказать его. Но 360-то уродовъ и увѣчныхъ людей, открытые имъ, куда-жъ дѣнутся? — ихнія-то увѣчья, безъ участія афериста, такъ и останутся въ забвеніи. Вѣдь однѣхъ костей человѣческихъ въ трехстахъ шестидесяти увѣчьяхъ, я думаю, пудовъ пятьдесятъ - шестьдесятъ наберется? Неужели же ихъ-то не стоитъ показать публикѣ и поговорить о нихъ? Статья, изъ которой я заимствовалъ свѣдѣнія объ аферистѣ, вся посвящена обсужденію новаго закона, касающагося именно вознагражденія за увѣчья желѣзнодорожныхъ служащихъ. И что же? Оказывается, что всѣ усилія желѣзнодорожныхъ администрацій направлены исключительно къ обходу этого закона. Образованные, получающіе хорошіе оклады, купленные предпріятіемъ люди ломаютъ головы надъ тѣмъ, какъ бы обойти законъ, желающій защитить увѣчнаго, и вышвырнуть калѣку на улицу. И вотъ что изобрѣли между прочимъ: «имѣя въ виду установленный закономъ *годичный* давностный срокъ для предъявленія исковъ по вознагражденію за вредъ здоровью, правленія *предупредительно, безъ всякаго со сто-*

роны потерпѣвшаго требованія, выдаютъ ему кое-какое пособіе, или сохраняютъ ему жалованье, или перемѣщаютъ его въ новую должность, въ видѣ вознагражденія за полученный вредъ, *но дѣлаютъ все это въ теченіе только одного года, а потомъ, когда годъ прошелъ и слѣдовательно срокъ давности истекъ, — общество увольняетъ потерпѣвшаго и прекращаетъ съ нимъ всякія обязательства, взятыя на себя добровольно»* (та же газета, № 229). Вѣдь на такую жестокость надо много ума потратить, такъ какъ за этотъ умъ платятъ, даютъ хлѣбъ выдумщику. Нѣтъ, положительно повсюду, благодаря пришествію этихъ копеечныхъ тревогъ капитала, упалъ интересъ и значеніе общихъ коренныхъ вопросовъ жизни. Жизнь человѣческая исчезла подъ наплывомъ суеты предпріятія; люди, ихъ печали, горести, ихъ драмы, ихъ муки, нужда, грѣхъ, горе, ихъ надежды, желанія — все выбито изъ общественнаго сознанія, все потеряло значеніе предъ горемъ перевозокъ и переносокъ, страховокъ, коносаментовъ, винтовъ, тюковъ, ломовиковъ, пароходовъ, контролеровъ и т. д., и т. д. Нѣтъ, не живитъ людей могущество и сила купона! Скуку, сухость, мелочность и тусклость вноситъ такой купонный слуга во всѣ сферы жизни—и вотъ почему такъ невыносимо скучно теперь вездѣ, гдѣ «купону» удалось развернуться болѣе или менѣе свободно.

IX. Рабочія руки.

1.

Еще скучнѣе и тяжелѣе, чѣмъ при созерцаніи изсушеннаго печалями купона-*агента*, чувствуешь себя при видѣ другого *аппарата*, изобрѣтеннаго тѣмъ же невнимательнымъ къ «человѣку» купономъ,—созерцаніи «чернорабочаго», уже во множествѣ народившагося на Руси.

Во всѣхъ мѣстахъ, селахъ и деревняхъ, городахъ, — словомъ, вездѣ, гдѣ только есть какой-нибудь крошечный агентъ какого-нибудь предпріятія,— непремѣнно вы видите уже цѣлыя толпы человѣческихъ существъ съ верблюжьими горбами на спинѣ, безъ шапокъ, безъ сапогъ. Искусственные верблюжьи горбы, сдѣланные изъ дерева и обшитые кожей, тверды и крѣпки, и сдѣланы они въ защиту нату-

ральной человѣческой спины: искусственный горбъ не переломится, а слѣдовательно останется цѣла натуральная человѣческая спина. Видите, какія гуманныя требованія предъявляютъ къ человѣческой спинѣ всѣ эти излюбленныя дѣтища капитала, всѣ эти тюки, бочки, всѣ эти въ разныхъ видахъ оживленные металлы и камни: они хотятъ влѣзть на человѣческую спину въ такихъ размѣрахъ и количествахъ, что она бы должна переломиться, если бы сама не позаботилась о самосохраненіи и не выдумала, въ видѣ самообороны противъ безчеловѣчныхъ замашекъ капитала, искусственнаго верблюжьяго горба. Капиталу нѣтъ дѣла до человѣческой спины; онъ хлопочетъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, паровой молотилкѣ; ее ему нужно пустить въ свѣтъ, она хочетъ жить, а переломится ли тамъ какая-нибудь спина — это въ его цѣли и идеи не входитъ. И повсюду и во всемъ чернорабочемъ трудѣ вы видите натугу, стремленіе преодолѣть что-то, не соотвѣтствующее обыкновеннымъ силамъ человѣческимъ: оханье всѣмъ животомъ и нутромъ, «дубинушка» съ отчаяннымъ напряженіемъ силъ въ концѣ каждаго куплета, наконецъ натуга, слышащаяся во всякой пѣснѣ, не говоря о такихъ радикальныхъ приспособленіяхъ, какъ искусственные верблюжьи горбы, т.-е. деревянные позвоночные хребты — все это говоритъ о нечеловѣческихъ усиліяхъ, все направлено къ преодолѣнію трудностей, несвойственныхъ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ. И если вы представите себѣ, что эти стоны нутромъ, эти «охи» напряженія и нечеловѣческаго усилія оглашаютъ воздухъ нашихъ большихъ рѣкъ, нашихъ пристаней и торговыхъ городовъ, оглушаютъ васъ и тиранятъ вашъ слухъ съ ранняго утра до поздней ночи, надрываютъ ваши нервы, доносясь откуда-то издалека и неистовствуя вблизи васъ,—то успѣхъ промышленности не сразу плѣнитъ васъ и придется вамъ по сердцу; люди, превращенные въ верблюдовъ, и притомъ сотни тысячъ людей, едва ли свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ человѣческой личности. Нехорошъ также человѣкъ-верблюдъ и въ кабакѣ и въ дракѣ, но винить его за такой способъ отдыха рѣшительно невозможно: отъ него берутъ силу и, кромѣ кабака, рѣшительно ничего не даютъ; оргàны въ трактирахъ играютъ уже и бьютъ въ барабаны съ шести часовъ утра, и съ этого же времени пьетъ отдыхающій верблюдъ-человѣкъ. Да и вообще, кромѣ кабака, мы рѣшительно ничего не придумали для нашего народа въ качествѣ способа душевнаго и фи-

зическаго отдохновенія, и винить утомленнаго трудомъ человѣка-верблюда въ кабацкомъ безобразіи невозможно.

2.

Что кабацкое безобразіе дѣйствительно отвратительно — этого также нельзя не засвидѣтельствовать. И все-таки въ концѣ концовъ въ этой чернорабочей средѣ чувствуешь себя болѣе по-человѣчески, чѣмъ въ скучной средѣ людей, уступившихъ купону за чечевичную похлебку свой умъ, знаніе и вообще частицу своей души. Чернорабочій уступаетъ капиталу только руки, и выраженіе *рабочія руки* вполнѣ точно обозначаетъ качество жертвы, приносимой чернорабочимъ молоху-купону. Руки, спина, ноги—вотъ что̀ куплено пока капиталомъ у мужика, крестьянина, чернорабочаго. Душу, совѣсть, мысль—онъ еще не захватываетъ въ свои лапы такъ, какъ бы желалъ; дѣло его на Руси пока новое.

И живая, дѣтская душа поминутно сказывается въ этомъ человѣкѣ-верблюдѣ, разъ онъ еще недавно въ этомъ новомъ званіи и разъ только на минуту прекратилось его верблюжье дѣло. Къ счастью его, онъ еще не знаетъ, что появленіе людей-верблюдовъ, къ которымъ онъ принадлежитъ, есть *фазисъ*; онъ не знаетъ, что не просто, какъ ему пока думается, для податей превратился онъ пока на время въ верблюда, но что онъ уже втянутъ въ теченіе, что онъ уже завязилъ коготокъ, и что «фазисъ» разыграетъ надъ нимъ такія-то и такія превращенія, давнымъ-давно ужъ опредѣленныя въ книжкахъ и предсказанныя на множество лѣтъ. Онъ думаетъ — «какъ наживу, такъ и къ себѣ!». Но не знаетъ, что фазисъ уже предначерталъ ему путь—уйти ни съ чѣмъ и опять воротиться, постепенно отвыкнуть отъ семьи, завести любовницу, бросить жену (которой, такъ же, какъ и ея дочкѣ, Машуткѣ, уже предначертаны перспективы совершенно опредѣленныя) и, пожалуй, попасть въ темную за убійство въ пьяномъ видѣ, за кражу и т. д. Ничего этого «наши робята» не могутъ еще считать непреложнымъ и обязательнымъ для нихъ до конца дней. Книгъ, гдѣ прописано про неизбѣжность фазисовъ, они не читаютъ, перспективъ мрачныхъ никогда не представляли, такъ какъ всѣ деревенскія перспективы — не въ человѣческой власти и критиковать ихъ, или предсказывать, или опредѣлять заранѣе невозможно, и никто изъ крестьянъ никогда этимъ не занимался болѣе, какъ въ размѣрахъ,

обнимавшихъ будущность весеннихъ всходовъ. Эту же непривычку мыслить о болѣе отдаленныхъ перспективахъ жизни, задѣтый коготкомъ купона, крестьянинъ перенесъ и въ свой верблюжій трудъ. Пока-что онъ покряхтитъ, а потомъ и «будя!». Но этого «будя» не будетъ для него навѣрное, и уже есть маленькіе признаки, что онъ начинаетъ сердиться на свое верблюжье положеніе, какъ бы предчувствуя, что это верблюжье дѣло не выпуститъ его изъ своихъ лапъ вплоть до могилы.

Но, повторяю, хоть и есть признаки, доказывающіе, что онъ способенъ разсердиться,—все-таки они ничтожны сравнительно съ безпрестаннымъ проявле́ніемъ чисто дѣтскихъ чертъ удовольствія и веселья жить на свѣтѣ. Чуть только на минуту, на мгновенье, прекратится верблюжій трудъ и выдастся свободный часъ, которымъ можетъ воспользоваться некупленная купономъ душа, всегда онъ тотчасъ же проявляется свѣтло, весело, совершенно по-дѣтски.

— Дай-ка-сь съ Ѳедоромъ-то сыграю штучку! — съ радостью малаго ребенка говоритъ пароходный поваръ, вытаскивая у коровьей головы вилообразную кость. — Кость какая ловкая попалась! — Нужно знать, что этотъ поваръ для рабочихъ также работаетъ вмѣстѣ со всѣми товарищами. Онъ только-что вылѣзъ изъ воды, гдѣ цѣлый часъ стоялъ, помогая стаскивать баржу съ мели—онъ весь мокрый, потный, усталый; едва только онъ вылѣзъ изъ воды, какъ принялся готовить обѣдъ, ребята ужъ его понукаютъ. Но вотъ, размозживъ обухомъ коровью голову (въ первый разъ я видѣлъ это удивительное кушанье) и примѣтивъ тамъ подходящую для шутки вещицу, вилообразную кость, онъ не упускаетъ случая тотчасъ же сыграть и «штучку».

— Ѳедоръ Ивановичъ!—говоритъ онъ, подходя къ простоватому и добродушному рабочему, не успѣвшему еще отереть потнаго лба послѣ тяжкаго труда. — Не угодно ли вамъ со мной *паре* подержать? На сороковочку? Бутылочку пивца? Всего копеекъ на тридцать на пять? что̀ за бѣда? А выиграете—я угощаю...

Ѳедоръ Ивановичъ долго отнѣкивается, уклончиво улыбается; но поваръ такъ убѣдительно доказываетъ, что «паре»—хорошая забава, что Ѳедоръ Ивановичъ наконецъ соглашается и, потянувъ къ себѣ одинъ изъ концовъ вилообразной кости, переломилъ ее: это и значитъ, что «паре» принято обѣими сторонами.

— Ну вотъ, и превосходно!—хитро, плутовато, но весь

переполненный сдерживаемымъ смѣхомъ, говоритъ поваръ. И прибавляетъ:

— Ну, теперь, Ѳедоръ Ивановичъ, вы меня остерегайтесь!

— Иди, обѣдъ готовъ! Полно болтать!

— Иду, иду! Теперь остерегайтесь, Ѳедоръ Ивановичъ!— едва не фыркая, говоритъ поваръ и уходитъ.

— Ладно! — самодовольно говоритъ Ѳедоръ Ивановичъ, продолжая вытирать потъ.—Ты, братъ, сорокъ-то копеекъ вынимай, а не я!

Дѣло въ томъ, что, принявъ «паре», принявшій долженъ всячески остерегаться, чтобы его товарищъ по пари (у котораго остался другой конецъ кости) не всучилъ ему подъ какимъ-нибудь предлогомъ чего-нибудь въ руки, сказавъ: «бери да помни!», т.-е. помни пари. Разъ онъ оплошаетъ и возьметъ вещь въ руки, и будетъ держать ее въ то время, какъ его противникъ успѣетъ сказать: «бери да помни», онъ проигралъ и долженъ по пріѣздѣ въ Ростовъ угощать.

— Ладно! Остерегусь, братъ, не безпокойся!

— Ребята!—вдругъ, торопливо входя на палубу къ рабочимъ, говоритъ тотъ же поваръ, только-что ушедшій готовить обѣдъ:—иди кто-нибудь на баржу. Отнеси бѣлье... капитанша сердится, велитъ поскорѣй отнести!

Лицо у него какъ бы испугано тѣмъ, что сердится капитанша.

— На, Ѳедоръ Иванычъ, снеси скорѣй. Мнѣ недосугъ!

И онъ, суя Ѳедору Ивановичу комокъ бѣлья, торопится уйти.

Ѳедоръ Ивановичъ, не ожидавши такого мгновеннаго оборота дѣла, взялъ бѣлье.

— Бери да помни!—почти простоналъ поваръ и покатился кубаремъ отъ смѣху.

Хохотала вся артель гораздо громче, шумнѣй и горластѣй, чѣмъ горланитъ она на работѣ. Такого непомѣрнаго смѣха съ чиханьемъ, охами, стонами давно не слыхалъ я нигдѣ. Такъ хохочутъ только дѣти, которыя иной разъ расхохочутся до того, что «нельзя унять». Ѳедоръ Ивановичъ, такъ мгновенно и внезапно поставленный въ дураки, добродушнѣйшимъ образомъ улыбался и, держа въ рукахъ тряпки, говорилъ:

— Какъ онъ легко меня обернулъ, жидъ этакій! Я думалъ все—не сразу же... Анъ онъ кубаремъ перевернулся... не далъ мнѣ... вотъ жидъ-то... Какимъ легкимъ оборотомъ кувыркнулъ!..

— Да стряпай ты щи-то, чортъ!—орала хохотавшая артель.

— Лёгка! лёгка я тебя, Өедоръ Иванычъ...—бормоталъ поваръ, не имѣя возможности перестать хохотать и въ то же время колотя топоромъ по коровьей головѣ.—Вотъ какъ у насъ легко обдѣлываютъ!..

Когда сломался пароходъ и стало всѣмъ извѣстно, что дня два онъ простоитъ на мѣстѣ и что слѣдовательно всѣмъ предстоитъ двухдневный невольный отдыхъ, тотчасъ же всѣми рабочими овладѣло самое игривое дѣтское настроеніе.

— Рыбу! Рыбу ловить! Живо! собирайся, ребята!

— Мнѣ бы рубаху починить!

— Починишь! Чего тамъ! Полѣзай въ воду!

— А мы на берегъ «раковъ» ловить!—весело горланитъ другой.—Тамъ озерцы есть, болотцы, я знаю.

— Валяйте раковъ ловить! А мы за рыбой! Бери бредень! Живо!

И тотчасъ всѣ рабочіе пошли съ парохода, разбѣжались—кто на берегъ ловить раковъ, кто въ Донъ съ бреднемъ. Съ баржей также и бабы и ребята тотчасъ же стали опускать сѣтки. И на Дону, гдѣ ходили съ бреднемъ, и на берегу, гдѣ ловили раковъ, шло шумное, веселое вранье, смѣхъ, разговоръ,—словомъ, дѣтская игра. Нѣтъ! дѣтскаго въ нихъ еще гораздо больше, чѣмъ верблюжьяго,—по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кому еще въ новинку этотъ верблюжій трудъ, кто только еще начинаетъ знакомиться съ нимъ!

3.

Живая человѣческая душа еще до такой степени въ самомъ дѣлѣ жива въ нашемъ народѣ, что иногда живое проявленіе молодой и свѣтлой души рѣшительно устраняетъ впечатлѣніе машинности и однообразной изнурительности того дѣла, для котораго этотъ народъ закупленъ и закабаленъ капиталомъ. Смотришь на человѣка, которому нужно бы быть машиной, и не видишь машины, а восхищенъ удивительной прелестью человѣка.

Я не могу забыть и, къ сожалѣнію, не могу передать достаточно ярко того истиннаго поэтическаго впечатлѣнія, которое произвела на меня работа трехсотъ молодыхъ женщинъ, занимавшихся чисткою шерсти.

Когда я вышелъ на берегъ, у котораго присталъ пароходъ нашъ, чтобы принять девяносто тюковъ шерсти,—

передо мной открылась такая картина: голая, утопающая въ солнечныхъ лучахъ (послѣобѣденное время) степь, съ едва примѣтными вдали очертаніями станичныхъ домовъ и мельницъ; на самомъ берегу передо мной ряды какихъ-то стоговъ, которые я принялъ за стоги сѣна, но которые оказались стогами бѣлой шерсти, прикрытыми сверху брезентами, также бѣлыми. Но что̀ меня поразило—это длинное, выстроенное изъ новаго лѣсу, деревянное зданіе, до чрезвычайности похожее на лѣтнія загородныя увеселительныя кафе: та же открытая сторона, съ легкими занавѣсками, опускающимися во время вѣтровъ и дождя, а теперь поднятыми, а главное - звуки стройнаго пѣнія какого-то большого хора и масса женскихъ фигуръ; одна къ одной, къ открытой сторонѣ, и поперекъ, какъ въ театрахъ—множество женщинъ, множество разноцвѣтныхъ платковъ на головѣ, на плечахъ. Что̀ это такое?—думалось мнѣ, когда я подходилъ къ этому зданію. Иной разъ казалось, что это, можетъ-быть, собраніе сектантокъ—на этихъ собраніяхъ также поютъ. Но, подойдя близко и наконецъ очутившись въ самомъ зданіи, я увидѣлъ, что это не концертная зала и не сектантское собраніе, а большой сарай, въ которомъ болѣе трехсотъ молодыхъ дѣвушекъ занимаются чисткой шерсти; волны этой бѣлой шерсти лежатъ передъ ними на длинныхъ столахъ: онѣ должны выдергивать всѣ нечистыя и темнаго цвѣта шерстинки. 30 к. въ день за работу съ 4 час. ночи до 8-ми вечера—кажется, надо бы пожалѣть труженицъ? Но едва я вошелъ въ этотъ сарай и оглядѣлъ его и этихъ труженицъ, какъ во мнѣ исчезла всякая мысль о трудовой сторонѣ этого собранія. Руки работницъ дѣйствительно что-то щипали, выдергивали, словомъ, дѣлали какую-то кропотливую работу; но въ самыхъ этихъ труженицахъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ пожилыхъ женщинъ и трехъ уродливыхъ калмычекъ, всѣ дѣвушки были молодыя, шестнадцати - двадцати лѣтъ, не больше) было такъ много живой женской красоты, изящества, молодости, живой игры жизни, что представленіе о «работницѣ» совершенно исчезало въ удовольствіи видѣть такое обиліе энергіи жизни. Не знаю, не могу опредѣлить, въ чемъ, въ какихъ мелкихъ подробностяхъ проявлялась этимъ множествомъ красивыхъ женщинъ ихъ жизненная энергія: въ пѣснѣ ли, какъ зарница вспыхивавшей сильно и дружно въ одномъ концѣ сарая и замиравшей на другомъ, чтобы и здѣсь вспыхнуть также зарницей; въ ихъ ли

врожденномъ умѣніи вкладывать красивое движеніе во всякое мелкое дѣло рукъ—не знаю; но быть среди этого «живья», нисколько не смиреннаго трудомъ и придавшаго даже ему, однообразному и скучному, оттѣнокъ какой-то легкой, шутливой забавы отъ-нечего-дѣлать—быть здѣсь было весело: просто почему-то ощущалось желаніе *жить*, ничего больше, но желаніе жить было веселое, бодрое.

Сколько разъ на своемъ вѣку я видѣлъ художественныя произведенія, въ которыхъ художникъ старался меня, зрителя, плѣнить женской красотой: соберетъ иной штукъ двадцать женскихъ фигуръ и, чтобъ сразу потрясти меня, раздѣнетъ ихъ бѣдныхъ донага, усадитъ около какой-нибудь двухаршинной лужи, разложитъ ихъ по берегамъ этой трясины въ самыхъ вопіющихъ положеніяхъ, какъ ему угодно, безъ зазрѣнія совѣсти. Словомъ, на разныя манеры хотятъ насъ восхитить женской красотой—и, сколько я ни помню, никогда отъ созерцанія такихъ художественныхъ произведеній не получалось впечатлѣніе *жизни*, радости *жить на свѣтѣ*, безъ всякихъ объясненій и толкованій, дополненій и комментаріевъ. Не получалось именно впечатлѣнія красоты, распрямляющей душу и говорящей измученному человѣку: «не робѣй!». Напротивъ, всегда возбуждалась какая-то тяжесть неопрятнаго состоянія духа, ограниченность впечатлѣнія и мысль о прахѣ и тлѣнѣ.

А вотъ здѣсь, въ толпѣ этой деревенской молодежи, свободно выросшей въ широкомъ разнообразіи трудовъ жизни, счастливой тѣмъ, что эта жизнь требуетъ отклика всѣхъ человѣческихъ способностей, желаній и свойствъ,—вотъ онѣ въ простомъ, даже мизерномъ дѣлѣ проявляютъ (невѣдомо какъ и въ чемъ) такую красоту живого человѣка, что жить на свѣтѣ кажется радостью, а мертвая тоска, безнадежность сутолоки жизни, привезенная съ собою изъ условій не народнаго строя жизни, исчезаетъ какъ удушливый дымъ: начинаешь видѣть солнце, радъ, что оно свѣтитъ и грѣетъ...

— Кто желаетъ—иди кипы таскать на баржу!—громко на весь сарай провозгласилъ приказчикъ, и масса дѣвушекъ, оставивъ свою работу, хлынула на воздухъ.

Нужно было видѣть, что онѣ сумѣли сдѣлать съ этимъ уродомъ—кипой шерсти, обтянутой желѣзными обручами. Если бы это дѣло дѣлалъ мужикъ—куль или кипа непремѣнно бы преобладали надъ нимъ; мужикъ бы, надсѣдаясь,

упирался въ куль, а куль сопротивлялся; постоянно слышались бы понуканія: «н-но! напирай, Михайла, напирай, пхай, пхай» и т. д. Совершенно не то вышло теперь: едва на этотъ упорный, неуклюжій куль налетала стая молодежи, какъ въ немъ какъ будто бы мгновенно пропадало все его кулевое величіе и солидность. Онъ не только не упирался, а опрометью бросался отъ дивчатъ, которыя, казалось, только кружились и играли около него, какъ птицы. Что-то заячье проявилось въ этомъ толстомясомъ существѣ: онъ какъ бы оглупѣлъ, летѣлъ сломя голову, вдругъ сталъ стоймя, но тотчасъ же перевернулся черезъ голову и въ еще болѣе глупомъ видѣ загремѣлъ куда-то въ бездну, разверзшуюся въ баржѣ. И все это съ такой непрерывною веселостью, шуткой, игрой между молодежью, что всѣ, кто смотрѣлъ на это, получали впечатлѣніе просто дѣтской радости—стоять и смотрѣть на это. А куль потерялъ всякій интересъ, и никто на него не обращалъ вниманія, хотя онъ и былъ въ желѣзныхъ обручахъ и привыкъ умничать надъ человѣкомъ... И вотъ для такого-то впечатлѣнія—радости жить на свѣтѣ и видѣть живого человѣка—не потребовалось никакихъ неопрятныхъ приспособленій: всѣ дивчата одѣты хотя и въ трехкопеечныя ситцевыя платьишки, хоть у всѣхъ у нихъ и были загорѣлыя ноги, мозолистыя руки... и въ то же время, несмотря на «черную работу», въ нихъ не пропала ни единая черта истинной красоты человѣческой вообще и женской въ частности.

4.

Но—увы! читатель,—это только вначалѣ «играетъ» жизнь, а трудъ исчезаетъ въ прелести этой игры. Эти триста молодыхъ дѣвушекъ еще только завязили коготокъ въ желѣзную лапу купона, но разъ коготокъ увязъ—такъ и всей птичкѣ пропасть. Много еще въ нихъ живой души, живой непочатой силы жить; но дальнѣйшій путь жизни ихъ нехорошъ: безъ всякой жалости расхититъ онъ и растащитъ живую душу. Среди рабочихъ, уже *видавшихъ виды*, уже «обыкшихъ» среди рабочихъ порядковъ и нравовъ, складывающихся по волѣ купона, слышатся иной разъ глубоко омерзительные разговоры о женщинахъ, о тѣхъ самыхъ, которыхъ я видѣлъ еще играющими, «какъ дѣтей».

— Онъ что говоритъ про меня?—небрежно поплевывая подсолнухи, спрашиваетъ одинъ бывалый рабочій у другого, тоже бывалаго; они встрѣтились на желѣзной дорогѣ въ вагонѣ.

— Онъ говоритъ, что по мордѣ тебя билъ за сестру... Я, говоритъ, ловко ему морду «раздѣлалъ».

— По мордѣ?

Продолжая плевать скорлупу, первый рабочій думаетъ о чемъ-то и, подумавъ, говоритъ:

— Нѣтъ, вретъ онъ (такой-сякой),—по мордѣ онъ меня не билъ...

— Онъ говоритъ, по мордѣ, говоритъ, отжарилъ.

Опять что-то обдумываетъ тотъ, кого будто бы били по мордѣ, и, поплевавъ скорлупу и подумавъ, опять не спѣша произноситъ:

— По уху далъ два раза, а по мордѣ не билъ... Это онъ вретъ!..

— Ты чего съ сестрой-то?

Рабочій опять подумалъ и очень небрежно отвѣтилъ:

— *Подлюга* она была моя... очень просто!.. А онъ, братъ ея (такъ и такъ), сманилъ ее къ приказчику... Денегъ взялъ съ приказчика... Я воротился изъ города, а она у приказчика. Утромъ дождался ее, встрѣлъ, оттрепалъ за косы... Она выть... Прибѣжалъ братъ—хотѣлъ мнѣ въ рыло... Ну, я его пхнулъ... Тогда они меня вдвоемъ повалили, руки держутъ, ну, и два раза по уху далъ... А по мордѣ не билъ...

Я, слушая этотъ разговоръ, признаться сказать, не понялъ хорошенько—говоритъ ли онъ *подруга*, или, какъ мнѣ легко могло послышаться, *подлюга*, и, чтобы выйти изъ затрудненія, спросилъ у рабочаго точнаго отвѣта.

— Обыкновенно *подлюга!* Какое же ей имя, коли ежели на это идетъ?

— Да вѣдь вы сами совращаете?

Рабочій улыбнулся и сказалъ:

— Да вѣдь намъ что подъ руку попало! Коли идетъ, такъ чего же? А *подлюга* потому, что хорошая на это не пойдетъ!

— Отчего же бываютъ однѣ и другія?

Рабочій молчалъ и соображалъ, не покидая подсолнуховъ.

— Ежели у которой родитель строгъ, то она не позволитъ... А у которой родители строгости не имѣютъ, такъ она и пошла черезъ голову... Строгости нѣтъ—вотъ отчего.

Итакъ, опять *строгость*, извѣстное россійское средство отъ всѣхъ болѣзней.

Но, какъ кажется, видавшій виды рабочій по временамъ

начинаетъ ощущать и гнѣвъ и стыдъ и, какъ я уже сказалъ выше, сердиться. Подъѣзжая къ Ростову, мы видѣли, какъ оттуда по берегу промчался поѣздъ по направленію къ Новочеркасску—спеціально-военный: вагоновъ десять были наполнены казаками.

— Это они съ *усмиренія* ворочаются...—сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

Въ Ростовѣ я видѣлъ три турецкихъ гостиницы, разнесенныхъ рабочими до моего пріѣзда за три дня. Работа была, очевидно, моментальная и сокрушительная; впрочемъ, теперь почти все ужъ и возстановлено: рамы, двери, окна, лѣстницы—все новое...

За что и на кого онъ сердится? Почему ему нужна неправдоподобная легенда непремѣнно про иновѣрцевъ? «Турки зарѣзали христіанина». «Евреи зарѣзали, задушили». «Татаринъ убилъ». Что̀ это такое?

Примѣчаніе. Въ этихъ «письмахъ съ дороги» въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ и набросках сдѣлано обозрѣніе не очень радостныхъ явленій какъ городской, такъ и деревенской жизни настоящаго времени. «Мечтанія» въ концѣ концовъ оказываются все-таки дѣломъ почти неминучимъ для русскихъ людей всякаго званія, переживающихъ трудныя времена. Да позволено же мнѣ будетъ эти невеселыя письма закончить возвратомъ опять-таки къ мечтаніямъ, которыя, какъ извѣстно, никогда скучными не бываютъ. Помѣщаемая ниже статейка объ одномъ литературномъ произведеніи—потому именно и помѣщается въ «письмахъ съ дороги», что написана подъ впечатлѣніемъ *веселыхъ минутъ*, которыя дала мнѣ встрѣча съ хорошо устроившимися переселенцами.

X. „Трудовая“ жизнь и жизнь „труженическая“.

1.

Нельзя не признать, что мечтанія о томъ, «како жить свято», занимаютъ въ сознаніи современнаго русскаго общества всякаго званія—далеко не послѣднее мѣсто. Вся-

каго рода ученія, указывающія «истинные пути», циркулирують въ русскомъ обществѣ въ великомъ множествѣ. Постоянно слышите о проектахъ устройства колоній, поселеній, земледѣльческихъ общинъ, и даже не только о проектахъ, а о самыхъ реальныхъ опытахъ осуществленія этихъ проектовъ на дѣлѣ. Какого бы то ни было видимаго и скораго успѣха этихъ опытовъ, конечно, ожидать невозможно: человѣкъ, протестующій своими мечтаніями противъ условій культурной жизни, которую ему ничего бы не стоило принять въ готовомъ видѣ, тѣмъ не менѣе самъ уже зараженъ уваженіемъ къ ея благамъ и, плѣненный строемъ справедливой народной жизни, однакожъ не можетъ не содрогаться, сталкиваясь въ ней иногда съ проявленіями удручающей тьмы и дикости.

При такой неясности положенія, культурному человѣку трудно чувствовать себя увѣреннымъ и идти къ цѣли бодрымъ и смѣлымъ шагомъ. Цѣль еще недостаточно опредѣлилась для него и вырисовывается еще въ неясныхъ очертаніяхъ пока еще только мечтаемой, справедливой жизни. Но неосуществимость всѣхъ этихъ мечтаній на дѣлѣ не можетъ умалить значенія сущности мечтаній: жить такъ, чтобы избавиться отъ грѣховъ современныхъ условій жизни,— это стремленіе почтенно и значительно. И вотъ почему я въ настоящей замѣткѣ хочу обратить вниманіе читателей на одно литературное произведеніе, въ которомъ авторъ доказываетъ намъ, что мечтанія, не мирящіяся съ грѣхомъ современной жизни, существуютъ и охотно воспринимаются въ средѣ людей чисто-народной среды, при чемъ, самое важное, дѣйствующія лица его разсказа—рѣдкіе образчики людей самаго благороднаго крестьянскаго типа — чувствуя общую съ культурными людьми потребность «жить свято», не только не имѣютъ надобности чего-нибудь отбросить изъ своего строя жизни, какъ это неминуемо для культурнаго человѣка, но стремятся, напротивъ, не только сохранить его во всей стройности и многосложности, но и еще прибавить къ нему новыхъ заботъ, осложнить его благами, выработанными культурой:—не «сократить» себя, какъ стремится дѣлать культурный человѣкъ, желающій «опроститься», а, напротивъ, расширить количество своихъ жизненныхъ интересовъ. Нельзя не сказать поэтому нѣсколькихъ словъ и объ этихъ своеобразныхъ мечтателяхъ, хотя бы мечтанія ихъ и были только пока мечтаніями.

2.

Мѣсто дѣйствія изображаемыхъ г. Тимощенковымъ мечтателей—совершенно неизвѣстная, невѣдомая намъ калмыцкая степь.

Всякій, кто желаетъ основательно и въ то же время не обременяя себя мелочными, ничего никому не говорящими подробностями узнать жизнь этой пустынной равнины, простирающейся треугольникомъ отъ Царицына до Ростова и отъ Ростова до Петровска на Каспійскомъ морѣ, найдетъ въ произведеніи г. Тимощенкова истинное сокровище *). Онъ не только вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, узнаетъ жизнь этого пустыннаго угла со всѣми его особенностями, но и получитъ вообще величайшее художественное наслажденіе. Новизна типовъ, новизна природы, борьба человѣка, предоставленнаго только собственнымъ своимъ силамъ, съ тысячами стихійныхъ затрудненій—все это изображено сильно, ярко, выразительно и вообще не уступаетъ по мастерству работы произведеніямъ первоклассныхъ русскихъ художниковъ. Но самое важное, что особенно заинтересуетъ читателя,—это изображеніе образцовой крестьянской семьи, достигшей «трудами рукъ своихъ» полнѣйшаго благосостоянія и возможной только въ такихъ дикихъ, какъ бы оставленныхъ «безъ вниманія» странахъ, какъ мало обитаемая калмыцкая степь.

Во главѣ этой огромной, широко и плотно разросшейся крестьянской семьи стоитъ крестьянинъ «Захаръ Абрамовичъ Земля», человѣкъ *безпредѣльнаго радушія и добраго сердца*. Смолоду Захаръ Абрамовичъ былъ крѣпостнымъ, но за какія-то особенныя услуги передъ бариномъ онъ болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ со всѣмъ своимъ семействомъ былъ отпущенъ на волю. Выпущенный на волю, онъ поселился въ привольной калмыцкой степи, которая въ то время, по выраженію калмыковъ, была «земля безъ господина». Онъ поселился на широкомъ привольѣ, занявъ по праву перваго захвата столько земельныхъ угодій, «сколько пожелалъ», и зажилъ со всею семьей во всякомъ довольствѣ и изобиліи. Въ настоящее время почтенному старику давно уже перевалило за 70 лѣтъ, но онъ еще бодръ, свѣжъ, сохранилъ

*) Въ этой замѣткѣ я говорю не о всей книгѣ г. Тимощенкова «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ», а только о ея первой части, напечатанной первоначально въ журналѣ «Новь».

зубы,—словомъ, пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. У него огромная семья, рѣдкаго притомъ благосостоянія. Она состоитъ болѣе чѣмъ изъ *семидесяти душъ.* Старшему сыну его 48 лѣтъ, старшему внуку 33 года. Самъ Земля со своею женой-старушкой живетъ постоянно въ слободѣ, на старомъ пепелищѣ; сыновья же его и два зятя живутъ пятью отдѣльными хуторами въ степи, но составляютъ одну семью съ общимъ имуществомъ. Хутора пользуются полнымъ привольемъ въ земельномъ отношеніи, отстоятъ одинъ отъ другого верстъ на 30—40, и въ каждомъ изъ нихъ полное хозяйство большой крестьянской семьи! Въ каждомъ хуторѣ по два плуга воловъ, до двухсотъ головъ рогатаго скота, отъ полуторы до двухъ тысячъ овецъ, значительное количество птицы и другого инвентаря. Сыновья и зятья распоряжаются въ каждомъ хозяйствѣ самостоятельно, но отдаютъ отцу отчетъ...

Земля не выдаетъ своихъ дочерей и внучекъ въ замужество «за дворъ», т.-е. въ люди, а беретъ зятьевъ въ свой домъ, и такимъ образомъ семья его растетъ съ большою быстротой. Въ послѣдніе годы *въ его семьѣ родится болѣе десяти дѣтей.* Многочисленной семьѣ своей Земля ведетъ строгую статистику. У него есть особая тетрадка, куда онъ записываетъ имя, время рожденія и крещенія каждаго ребенка, рожденнаго въ его большой семьѣ. Когда привезутъ съ какого-нибудь изъ пяти его хуторовъ крестить ребенка и окрестятъ, Захаръ Абрамовичъ запишетъ его имя въ тетрадку, подведетъ итогъ и скажетъ своей женѣ:

— Теперь, старуха, у насъ двѣнадцать Ивановъ, семь Андрюшекъ, девять Настюшекъ, четыре Акулины, три Марины...

Этихъ Настюшекъ и Андрюшекъ въ семьѣ Захара Абрамовича расплодилось такое множество и, что главное, такого поразительнаго сходства въ типѣ и породѣ, что въ послѣдніе годы въ семьѣ этой былъ такой случай... Захаръ Абрамовичъ женилъ въ одинъ день сразу трехъ внуковъ. Для публики это было такъ занимательно, что смотрѣть на эту *тройную* свадьбу приходили и пріѣзжали изъ дальнихъ мѣстъ. Двое изъ этихъ внуковъ были близнецы и такъ похожи ростомъ и лицомъ другъ на друга, что часто *даже родители* ихъ не различали и называли Ивана Петромъ, а Петра Иваномъ. На свадьбѣ, *чтобы невѣсты* и ихъ родственники *не ошиблись въ женихахъ,* одного изъ нихъ, для примѣты, должны были перевязать бѣлымъ платкомъ.

Вся эта многочисленная семья жила на свѣтѣ, конечно, исключительно *трудами рукъ своихъ;* но, читая превосходнѣйшія страницы г. Тимощенкова, въ которыхъ разработаны подробности трудовой жизни семьи Захара Абрамовича,—эту неустанную борьбу съ природой, со звѣремъ, съ хищной птицей, съ бурями, мятелями, неурожаями, падежами скота, болѣзнями и бѣдами въ жизни людей и т. д.,— вы *ни на одну минуту* не останавливаетесь на *трудности* этой *трудовой* жизни, а, напротивъ, каждую минуту ощущаете *безмѣрную зависть къ ея всестороннему разнообразію.*

Прочитавши, напримѣръ, страничку о трудовой жизни какого-нибудь студента или студентки, попробовавшихъ научиться жить «своимъ трудомъ» подъ руководствомъ какого-нибудь опытнаго сельскаго хозяина (примѣры этому не рѣдки), чувствуешь *именно трудъ*, несчастье попасть въ *такое невольное положеніе.* Легкое ли дѣло—жить въ какой-то мурьѣ, ѣсть «сѣрыя щи», отъ которыхъ «пучитъ», получать 30 коп. поденной платы и... утѣшаться только тѣмъ, что каждый кусокъ заработанъ *своимъ* трудомъ, и что не въ праздности, а въ трудѣ прошелъ цѣлый день, съ трехъ часовъ утра до девяти вечера, и что наконецъ легъ спать не на постель, а на сырой полъ, а въ концѣ концовъ даже и угорѣлъ до полусмерти. Неужели *это-то* и есть *народное?* Это тиранство—и нужда и горе, отъ котораго всѣми способами желалъ бы вырваться каждый батракъ! И вовсе неудивительно, что этотъ батракъ съ ироніей смотритъ на «барина», который «бросилъ городъ», начинаетъ жить «по-народному», полагая, что если его ударитъ сто разъ въ день потъ, да надорветъ онъ себѣ внутренности, да затрещитъ у него спина, такъ это самая и есть *трудовая жизнь.* Не думаю, чтобы, напримѣръ, такой писатель, какъ Крафтъ-Эбингъ, въ своей книгѣ: «Нашъ нервный вѣкъ», придавалъ именно такое *каторжное* значеніе крестьянскому труду, на который онъ указываетъ, какъ на цѣлебное средство отъ многихъ язвъ, изнуряющихъ современное культурное общество. Сравнивъ духовную жизнь нашего поколѣнія съ хищническимъ способомъ земледѣлія и говоря, что злоупотребленіе духовными силами доведено въ наше время до полной непроизводительности, онъ совѣтуетъ слѣдующее: чтобы не истощить почвы, земледѣлецъ прибѣгаетъ къ плодопеременной системѣ. «Какъ измѣнилась бы судьба потомковъ умственныхъ дѣятелей, если бы дѣти и внуки послѣднихъ, при-

державаясь подобной *плодопеременной* системы, обратились къ первобытному назначенію человѣческой дѣятельности—*сельскому хозяйству*». Если «сельское хозяйство» понимать «по-нашему», т.-е. въ смыслѣ рабочей избы съ тараканами, сѣрыми щами, вспученнымъ животомъ, ломотой и простудой «во всѣхъ суставахъ», такъ, мнѣ кажется, не зачѣмъ ѣздить ни къ г. Энгельгардту ни въ Едимоново. Стоитъ только поговорить съ любымъ рабочимъ, чтобъ узнать, что и онъ точно такъ же, какъ и «интеллигентный работникъ», спитъ въ мурьѣ, страдаетъ нутромъ и вообще совершенно замученъ. За такими прелестями рѣшительно нѣтъ надобности ходить въ деревню: въ городѣ можно не только «натрудить» руку, спину и вообще закряхтѣть отъ работы, а и въ котлѣ съ кипяткомъ, напримѣръ, свариться на фабрикѣ, и съ крыши упасть и разбиться вдребезги. Если такъ, то слова: *самъ своими руками* —тоже не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Кто-жъ это работаетъ и гдѣ бы то ни было не своими руками? Даже воръ—и тотъ самъ своими руками взламываетъ замки, а взломать иной замокъ потруднѣе, чѣмъ выкорчевать пень или привезти бочку воды.

Вотъ почему, читая хронику жизни Захара Абрамовича, читатель невольно останавливаетъ свое вниманіе не на обиліи хозяйственнаго опыта, накопленнаго Захаромъ Абрамовичемъ въ долгіе годы его трудовой жизни (и, кстати сказать, въ высшей степени интереснаго), а *главнымъ образомъ на обиліи нервной дѣятельности этого человѣка* и вполнѣ однородно живущей съ нимъ его семьи. Онъ живетъ, *какъ простой мужикъ:* поле, скотина, изба—вотъ и все. Но вѣдь это только *аппаратъ* жизни, такой же простой и нехитрый, какъ, положимъ, и аппаратъ телеграфа. Очень нехитрый этотъ телеграфный аппаратъ по внѣшнему виду, однако при его помощи можно разговаривать со всѣмъ свѣтомъ; точно такъ же и нехитрый аппаратъ жизни Захара Абрамовича даетъ ему возможность соприкасаться и жить въ широкомъ разнообразіи явленій, доступныхъ человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Чего только этому «мужику» ни надо знать, чего только ему ни нужно предвидѣть, предугадать, обобщить! Вотъ у него табуны лошадей, стада овецъ. Ему нужно за годъ предвидѣть, будетъ ли чѣмъ прокормить скотъ въ будущемъ году; надобно ему знать, какая будетъ зима, какая весна; онъ долженъ напряженно изучать всевозможныя метеорологическія измѣненія, помнить тысячи примѣтъ, не упускать изъ вида ни цвѣта облаковъ, ни манеры паденія

снѣга, ни того, гдѣ полевая мышь вьетъ гнѣздо. Онъ долженъ знать жизнь, нравы, замашки этой мыши до тонкости; прогляди онъ примѣту, не сообрази, не заготовь заранѣе сѣна и т. д., — и у него погибнутъ тысячи овецъ, лошадей... Онъ долженъ соприкасаться мыслью съ тысячами такого рода знаній, которыя въ культурномъ обществѣ составляютъ цѣлыя науки. Онъ знаетъ, какъ *лѣчить* дѣтей, больныхъ, вообще какъ лѣчить скотъ, знаетъ лѣкарства, травы, заговоры; ему нужно знать и о небѣ, и о землѣ, и о водѣ; ему надобно имѣть желѣзные мускулы, чтобы убить съ одного размаха волка; ему надобно имѣть нѣжное сердце, чтобы, замѣтивъ лихого человѣка, облаготворить его, прежде чѣмъ онъ задумаетъ сдѣлать зло; ему надобно имѣть удивительное зрѣніе, чтобы за десятки верстъ видѣть то, что не видно человѣку съ нормальнымъ зрѣніемъ; онъ долженъ имѣть тонкій слухъ, чтобы слышать, какъ за десятки верстъ ходитъ табунъ и не напалъ ли на него лихой звѣрь или лихая птица. Словомъ, и физически и нравственно онъ безпрерывно въ работѣ, и вотъ только эту-то разносторонность и безпрерывность живой духовной дѣятельности и надобно пристально изучать въ народной жизни, чтобы видѣть, какъ разносторонне хочетъ жить человѣкъ и какъ убійственно несправедливъ, ужасенъ (къ сожалѣнію, намъ этотъ ужасъ не вполнѣ ясенъ) строй жизни культурнаго общества, гдѣ, какъ говоритъ Крафтъ-Эбингъ, духовная жизнь истощена, какъ поле высосано хищникомъ. Сравните *количество* труда деревенской бабы и городской швеи. Гдѣ этого труда больше? Бабѣ нужно сдѣлать все самой: она родитъ, воспитываетъ дѣтей, нянчитъ ихъ, кормитъ, сама одѣвается и одѣваетъ всѣхъ, ходитъ за скотиной, за птицей, носитъ дрова,—однимъ словомъ, глядя со стороны, минуты у нея нѣтъ покою! А швея *только шьетъ*- ни поднять тяжелаго ведра, ни пойти за скотомъ въ поле, ни стряпать, ни ткать, ни прясть, ни жать — ничего этого не нужно, только—шей, шей, шей!.. А вѣдь положеніе швеи ужасно, тогда какъ положеніе бабы вовсе не внушаетъ ужаса. Баба живетъ *вся*, а швея высосана нелѣпымъ строемъ жизни, истощена, какъ земля хищникомъ, который пять лѣтъ подъ рядъ собираетъ съ нея только пшеницу, т.-е. тоже шей, шей, шей!

Читатель испытаетъ величайшее наслажденіе, если посмотритъ на произведеніе г. Тимощенкова, изображающаго жизнь Захара Абрамовича, именно съ этой точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія полноты духовной и физической жизни.

Такую полноту духовной и физической жизни въ современномъ культурномъ обществѣ можно только *купить* на деньги, но для этого нужно предварительно ограбить Индію, Бирму, Египетъ, развратить, разорить массы народа и массы же народа превратить въ «поставщиковъ впечатлѣній», которыя этотъ высшій типъ современнаго общества и *купитъ*. Чтобы быть сильнымъ и здоровымъ, ему нужна ѣзда верхомъ въ Гайдъ-паркѣ, ему нуженъ массажъ, чтобы не застоялась кровь, ему нуженъ художникъ, чтобъ въ непріятную минуту успокоить свои нервы деревенскимъ ландшафтомъ, а при упадкѣ ихъ—поднять взглядомъ на картину, возбуждающую волненіе. Онъ такъ соскучился въ Лондонѣ, что ему *сейчасъ* нужно *природы*, и вотъ экспрессъ мчитъ его въ Альпы, и среди лѣта онъ весело ощущаетъ на щекахъ крапинки альпійскаго снѣга... Сколько народу *порабощено* имъ для того, чтобы онъ могъ жить *разносторонне!* Несомнѣнно, при помощи опустошенной Индіи, Бирмы, Египта, можно устроить себѣ жизнь, *полную впечатлѣній*, но эта жизнь будетъ неправда, зло... А вотъ Захаръ Абрамовичъ умѣетъ основать жизнь несравненно болѣе разнообразнѣйшую, и во имя этой жизни не пропадетъ и мухи на свѣтѣ!

Тѣмъ-то и достоинъ глубочайшаго вниманія *строй* народной *трудовой жизни*. Въ культурномъ строѣ нужны деньги для того, чтобы *купить* нужное человѣку содержаніе жизни, въ народномъ—нуженъ *трудъ* для того, чтобы все разнообразіе жизни далось даромъ. Правда, народная жизнь исполнена невѣжества и незнанія. Но развѣ во имя знанія шьетъ швея, сгораетъ кочегаръ? При чемъ знаніе во всей этой потрясающей неправдѣ, и почему его нѣтъ здѣсь—въ строѣ чистомъ и справедливомъ? Отчего оно не идетъ сюда?

До какой степени не похожи, по своему внутреннему плану, эти два строя жизни—культурный и народный (хотя тутъ и тамъ живутъ одни и тѣ же человѣческія существа)—читатель можетъ увидѣть изъ одного чрезвычайно важнаго эпизода въ произведеніи г. Тимощенкова, касающагося самаго первѣйшаго условія культурной жизни—*денегъ*.

3.

Деньги нагрянули на богатую (по-крестьянски) семью Захара Абрамовича совершенно неожиданно. Это случилось уже въ то время, когда онъ жилъ пятью хуторами, въ полномъ довольствѣ и изобиліи. Изобиліе трудового богатства

было такъ велико, что, помимо полнѣйшаго удовлетворенія всѣхъ семейныхъ нуждъ, Захаръ Абрамовичъ не жалѣлъ добра и для ближняго. Всѣмъ сыновьямъ и внукамъ разъ навсегда приказано: «Пріѣдетъ гость—рѣжь барана, мало—двухъ!». Дѣйствительно, если къ нему кто пріѣзжаетъ, рѣжутъ барана, хотя бы въ домѣ и было много всякой снѣди. Въ обыкновенное время въ домѣ Захара Абрамовича на столѣ, покрытомъ скатертью, непремѣнно находится три вещи: цѣлый, непочатый хлѣбъ, солонка съ солью и на большомъ блюдѣ жареный молодой баранъ или поросенокъ. Такъ это заведено и во всѣхъ хуторахъ. Если случится гость, то на столъ подается глиняный баклажокъ съ водкой. Если гостей не было, то вечеромъ, когда возвращаются пастухи, бывшій днемъ на столѣ баранъ или поросенокъ дѣлится между ними... Когда онъ женитъ кого-нибудь изъ своихъ внуковъ или выдаетъ замужъ внучку, то у него бываетъ пиръ на весь міръ. Жарятъ сотни гусей въ печахъ, цѣлыхъ барановъ и быковъ на вертелахъ. Еще задолго до свадьбы заготовляется множество боченковъ съ водкой; во время самой свадьбы носятъ, кромѣ того, водку ведрами, на коромыслахъ, нарочно изъ самаго дальняго кабака, черезъ всю слободу. Это дѣлается для того, чтобы побольше людей могло встрѣтиться съ несущими водку, выпить висящимъ на ведрѣ корцомъ и пожелать новобрачнымъ всякаго добра.

Немало дѣлалъ онъ добра и вообще для добрыхъ людей. Извѣстно, что въ степяхъ нѣтъ воды, а если и есть гдѣ природныя водохранилища, то вода въ нихъ горькая и соленая и чрезвычайно вредная для человѣка; но стóитъ только выкопать рядомъ съ такимъ водохранилищемъ колодецъ, то получается вода прѣсная и годная къ употребленію. «Чтобъ облегчить коннымъ и пѣшимъ передвиженіе по этимъ пустыннымъ степнымъ дорогамъ, Захаръ Абрамовичъ еще лѣтъ 15 тому назадъ выкопалъ для нихъ въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ до 30 колодцевъ, обложилъ ихъ камнемъ и каждый годъ ѣздитъ чистить и поправлять ихъ. По этимъ дорогамъ онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ часовни, при чемъ нѣкоторыя поставилъ у самыхъ колодцевъ. Большинство часовенъ состоитъ изъ деревянныхъ столбовъ, вкопанныхъ въ землю, съ полками наверху и навѣсами надъ ними въ видѣ треугольниковъ. Въ этихъ часовняхъ на полкахъ или въ нишахъ стоятъ иконы и *помѣщается провизія для путниковъ*, какъ-то: пироги, яблоки, арбузы, дыни.

Полки устроены такимъ образомъ, что ни собака ни другое животное не можетъ достать лежащей на нихъ провизіи. По праздникамъ у З. А. печется огромное количество пироговъ, начиненныхъ сыромъ, капустой и мясомъ, и развозятся по часовнямъ».

Словомъ, все, что сердечная доброта Захара Абрамовича и огромное крестьянское богатство могли сдѣлать хорошаго ближнему въ крестьянской средѣ, все сдѣлалъ З. А., не жалѣя своихъ достатковъ и щедро расточая ихъ. И такъ тихо, чисто и ужъ истинно вполнѣ благородно жилъ на свѣтѣ крестьянинъ Земля. «Несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ всегда тамъ, гдѣ больше работы, въ которой онъ продолжаетъ участвовать, не отставая отъ другихъ».

Но въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ такого удивительнаго крестьянскаго благосостоянія, которое позволяло ему плодиться и множиться, наполнять землю и творить добро безпрепятственно, ему пришлось совершенно для него неожиданно сдѣлаться огромнымъ *денежнымъ богачомъ*, и къ богатству *трудовому* прибавилось богатство *денежное*.

Поселившись съ своею семьей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на степномъ привольѣ, Захаръ Абрамовичъ понятія не имѣлъ о какой бы то ни было торговлѣ и промышленности. «Продукты сельскаго хозяйства тогда еще не шли за границу. Поэтому большой быкъ стоилъ 5 коп. мѣдью, четверть овса — полторы коп. и ведро водки — буквально грошъ. Въ то время русскому земледѣльцу и сельскому хозяину невозможно было обращаться въ промышленника и наживать капиталъ. Онъ производилъ продукты почти только для себя, но зато жилъ въ довольствѣ. Таково было общее положеніе сельскохозяйственныхъ дѣлъ. Но вотъ, по ходатайству Императорскаго Вольно-Экономическаго общества (къ сожалѣнію, г. Тимощенковъ не говоритъ, когда именно было такое ходатайство), разрѣшенъ былъ свободный пропускъ хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ за границу, и полились за море изъ Россіи: пшеница, рожь, масло, сало, повалили туда кожи, шерсть, пухъ, щетина. Это было своего рода эпохою въ жизни русскихъ сельскихъ хозяевъ. Цѣны на продукты разомъ страшно поднялись; рожь и овесъ стали продаваться по 2 руб. за четверть, быкъ 30—40 руб. Къ Захару Абрамовичу налетѣла масса скупщиковъ и буквально завалила его деньгами; Захаръ Абрамовичъ только протиралъ глаза отъ удивленія, ахалъ и не зналъ, *куда дѣвать деньги.* Онъ не выгонялъ на ярмарки рогатаго скота и

овецъ, не вывозилъ на рынокъ хлѣба, но купцы сами пріѣзжали къ нему и привозили *цѣлые мѣшки денегъ.* Тогда въ этой мѣстности совсѣмъ еще не было бумажекъ, а ходила только звонкая монета: народъ не вѣрилъ бумажкамъ и не принималъ ихъ. Захару Абрамовичу стали платить за его скотъ и хлѣбъ золотомъ, серебромъ и мѣдью, и Захаръ Абрамовичъ буквально не зналъ, что̀ дѣлать съ этими разнаго вида золотыми, серебряными и мѣдными кружочками.

Сначала онъ велѣлъ своей женѣ заматывать золото въ червонцахъ въ клубки шерсти и пеньки и вѣшать эти клубки (иногда съ рѣшето величиной) на полатяхъ, подъ крышей, на чердакѣ дома и въ другихъ мѣстахъ. Сталъ класть золото въ чулки, сумки, гаманы и запиралъ въ сундукъ: серебро же и мѣдь просто сыпалъ въ сундуки. Черезъ нѣсколько лѣтъ денегъ у него накопилось столько, что *негдѣ было уже хоронить,* и онъ порѣшилъ наконецъ не держать ихъ при себѣ, а раздѣлить поровну между тремя сыновьями и двумя зятьями. Какъ-то во время рождественскихъ праздниковъ онъ собралъ всѣхъ своихъ и произвелъ дѣлежъ— золото дѣлили счетомъ, высыпая червонцы кучами на столъ, серебро и мѣдь *просто мѣрили хлѣбною мѣрой,* нагребая ее изъ сундуковъ. Съ этого времени раздѣлъ денегъ производился въ семьѣ каждый годъ въ извѣстное время.

Кажется, молодому-то поколѣнію семьи Захара Абрамовича можно бы было изобрѣсти что-нибудь поновѣе прятанья золота въ чулки и попрактичнѣе распорядиться имъ, но трудовой порядокъ жизни оказался до такой степени прочнымъ, до такой степени удовлетворяющимъ рѣшительно всѣмъ семейнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ и надобностямъ, что и у молодого поколѣнія просто-таки не хватало фантазіи на что-нибудь и какъ-нибудь тратить эти огромные капиталы, которыми оно располагало.

«Сыновья и зятья Захара Абрамовича *берегли и прятали деньги разными манерами, какъ кто могъ придумать.* Они сыпали ихъ въ закрома съ хлѣбомъ; клали въ горшки и закапывали ихъ въ разныя мѣста въ землю; затыкали въ соломенныя и камышевыя крыши домовъ и сараевъ; секретно отъ другихъ домашнихъ долбили и сверлили сохи, лѣстницы и бревна, валявшіяся на дворѣ, клали туда деньги и забывали; *запихивали ихъ въ бараньи и бычачьи рога и бросали эти рога валяться среди двора, какъ ни въ чемъ не бывало.* У иного гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ валя-

лась *десятки лѣтъ* цѣлая куча ни на что и никому ненужныхъ бараньихъ роговъ, и никто не могъ думать, что̀ они скрываютъ въ себѣ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мѣръ храненія денегъ послѣдняя, пожалуй, надежнѣе другихъ. Деньги же, засыпанныя въ закрома, часто *по забывчивости* вмѣстѣ съ зерномъ продавались купцамъ на мѣру; деньги, закопанныя въ землю, терялись совершенно, когда хозяинъ *забывалъ*. гдѣ зарылъ, а это случалось очень часто. Въ крышахъ домовъ и сараевъ деньги еще чаще терялись, въ бревнахъ и сохахъ онѣ обнаруживались отъ гніенія дерева, во время пожаровъ превращались въ слитки»... *Такъ бились и горевали съ деньгами степняки!*

Обиліе денегъ не могло ни на волосъ прибавить въ жизни всей этой огромной и обильной всякимъ достаткомъ семьи самаго малѣйшаго удобства или вызвать въ людяхъ этой семьи какую-нибудь потребность, которая не была бы уже удовлетворена полнотою ихъ трудовой жизни; обиліе денегъ поэтому только томило ихъ всѣхъ; они чувствовали, что въ крышахъ, столбахъ, чулкахъ, бараньихъ рогахъ, въ закромахъ и сундукахъ лежитъ какая-то страшная, притягивающая вниманіе и раздражающая мысль сила, но что̀ съ нею дѣлать—рѣшительно не знали. Одинъ изъ зятьевъ Захара Абрамовича,—вѣроятно, наслышавшись «отъ людей» о томъ, что деньги ходятъ подъ проценты, — сталъ отдавать свои капиталы въ ростъ разнымъ торговцамъ, сталъ получать проценты, которые также невѣдомо было куда дѣвать, которые такъ же, какъ и капиталъ, прятались и хоронились разными способами. Опытъ наживать деньги на процентахъ кончился тѣмъ, что торговецъ, вошедши въ довѣріе, «занялъ сразу 25 тысячъ и скрылся съ ними». Потеря этой суммы, ни на единую іоту не отозвавшаяся на благосостояніи семьи этого человѣка, попробовавшаго «что-то» сдѣлать съ деньгами, показала ему только новую сторону огорченій, причиняемыхъ деньгами. То ночей не спишь и ума не приложишь, куда бы ихъ спрятать, то мучаешься, что пропали, а зачѣмъ собственно свалилась на бѣдныя головы такая мука—неизвѣстно.

Въ послѣдніе годы Захаръ Абрамовичъ надумалъ коечто сдѣлать съ своими богатствами и нашелъ возможнымъ не безвредно тратить изъ нихъ, конечно, самую малую часть. Въ его большой семьѣ грамота всегда была не рѣдкостью; и мужчины и женщины въ большинствѣ были грамотны, умѣли читать псалтырь, евангеліе и умѣли, что̀

потребуется по хозяйству, записать. Въ настоящее время Захаръ Абрамовичъ рѣшилъ подвинуть дѣло грамотности дальше: пятерыхъ изъ своей семьи, трехъ внуковъ и двухъ внучекъ, онъ отдѣлилъ и рѣшилъ дать имъ самое лучшее образованіе: одинъ изъ внуковъ его кончаетъ теперь въ университетѣ, два—гимназиста, а двѣ внучки—въ институтѣ. «На каникулы эти внучки ежегодно пріѣзжаютъ домой въ степь и охотно участвуютъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ».

Охотно или неохотно участвуютъ внучки-институтки въ работахъ и доставляетъ ли имъ это какое-нибудь удовольствіе—это вопросы, о которыхъ мы разговаривать не будемъ, но попробуемъ представить себѣ, что Захаръ Абрамовичъ поддался бы общему ходу жизни, т.-е. сначала отдѣлилъ бы дѣтей, а потомъ и самъ помаленьку перебрался бы изъ трудового строя жизни въ другой, купонный. Что̀ бы изъ этого могло выйти?

Я думаю, что вышли бы вещи удивительно неожиданныя, и притомъ такого свойства, что уничтожили бы все обаяніе Захара Абрамовича, какъ образцоваго и благообразнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка; превратили бы эту благообразную фигуру богатаго крестьянина, распространяющую вокругъ себя тепло, жизнь и свѣтъ, въ мрачную, безпощадную, алчную, ненасытную фигуру *волка*, хотя (что̀ особенно важно) самъ Захаръ Абрамовичъ оставался бы съ *тѣми* же размѣрами личныхъ требованій, какія онъ въ благопріятныхъ условіяхъ трудового строя жизни могъ удовлетворить безъ капли зла, насилія и жестокости.

Затянуть Захара Абрамовича изъ трудового строя жизни въ строй денежный могло бы самое ничтожное обстоятельство: судьба внука, окончившаго университетъ и желающаго сдѣлать уже не деревенскую карьеру, могла бы показать Захару Абрамовичу силу и значеніе денегъ. Замужество внучки-институтки, конечно, ужъ съ не мужикомъ, а съ благороднымъ, еще болѣе и скорѣе могло бы освѣтить ему широчайшіе размѣры значенія денегъ и богатства. Попробуй онъ такъ же пышно, такъ же на славу «справить» хотя бы одну только внучкину свадьбу, справить такъ, чтобы радовалась его *любвеобильная* душа, чтобы все было по-хорошему, чтобы домъ былъ полная чаша, чтобы ребята у внучки родились какъ ягоды, чтобы «нужды они не знали», чтобы ея въ поминѣ не было, — словомъ, чтобы «не хуже, а лучше людей»—и вотъ уже безмѣрная

сила денегъ, ихъ всемогущество и безграничная потребность въ нихъ, ясна ему, какъ день. *Все* надо купить! Для этого строя жизни нельзя взять изъ деревенскаго трудового строя ни одной нитки: все, начиная буквально съ нитки, здѣсь все нужное и *должно быть* купленное—таковъ строй; должно быть куплено *все:* одежда, пища, жилище, душевное настроеніе, должно быть куплено кормленіе дѣтей, воспитаніе ихъ, ихъ здоровье, ихъ умъ—все, все до послѣдней иголки въ домѣ должно быть взято на деньги, взято отъ кого-то другого.

Если бы Захару Абрамовичу только разъ удалось «отвѣдать» этой жизни, онъ бы почувствовалъ, что ему «обѣими руками» нужно схватиться за свой набитый деньгами сундукъ, и онъ схватился бы за свое золото съ жгучею страстью — *ему много надо;* онъ привыкъ много чувствовать, широко распускать и удовлетворять свои *разнообразныя* душевныя требованія; онъ привыкъ, чтобы кругомъ его все жило, плодилось, множилось, цвѣло, было довольно, сыто, весело; онъ привыкъ, однимъ словомъ, чтобы его жизнь и жизнь окружающая была полнымъ-полна, и представьте, что онъ наконецъ ясно, какъ день, увидѣлъ, что «въ городѣ» для удовлетворенія всѣхъ его широко развитыхъ и многообразныхъ физическихъ и нравственныхъ потребностей нужны *только* деньги, и представьте себѣ, что онъ уже не въ деревнѣ, что онъ переѣхалъ въ городъ, живетъ городскимъ строемъ жизни, *сохраняя ту же широту и благообразіе желаній,* которыя онъ вполнѣ удовлетворялъ въ крестьянствѣ. Что̀ онъ будетъ такое? Онъ будетъ тиранъ и звѣрь, безпощадный въ удовлетвореніи своихъ *многообразныхъ потребностей!* Только здѣсь *способы удовлетворенія многообразныхъ* потребностей *иные.* Если въ крестьянствѣ Захаръ Абрамовичъ, подкарауливая по ночамъ волковъ, не смыкая глазъ, безпощадно билъ ихъ, ломая имъ ноги, чтобы они не портили скота, который нуженъ для семьи и для ея благосостоянія, если въ крестьянствѣ онъ привыкъ *чутьемъ* чуять погоду, дождь, или тѣмъ же чутьемъ онъ привыкъ узнавать, больна ли у него скотина, или здорова, и т. д., то вся эта *тонкость въ чутьѣ,* ловкость въ силѣ, осторожность въ подсиживаніи, въ подкарауливаніи и т. д. — все это, необходимое въ деревнѣ для достиженія благосостоянія и наилучшей обстановки источника благосостоянія—*труда,* здѣсь, въ городѣ, полностью, цѣлостью перенесено будетъ Захаромъ Абрамо-

вичемъ на здѣшній. городской источникъ благосостоянія — на деньги, и, *почуя* ихъ силу, онъ тотчасъ *почуетъ* силу *банка*, векселя, кредита, оборота. Онъ *подкараулитъ*, какъ волка ночью, оплошность двойной итальянской бухгалтеріи; онъ *нанюхаетъ* теченіе и тонъ *господствующихъ* идей, руководясь которыми можно пробраться къ источнику — къ сундуку; онъ *нутромъ* пойметъ высокопоставленное лицо, отъ котораго зависитъ путь къ сундуку: не сказавъ съ высокопоставленнымъ ни слова, онъ *такъ*, какъ узнавалъ, больна или здорова лошадь, однимъ взглядомъ, *самъ не зная какъ*, узнаетъ, добръ или сердитъ начальникъ, какимъ голосомъ говорить съ нимъ и какія слова? И проберется, и *то* же, что *тѣми же* средствами физическими и нравственными удовлетворялъ въ трудовой деревенской жизни, удовлетворитъ и въ этой новой городской жизни, но ужъ извините, если въ концѣ концовъ окажется, что «зала засѣданія судебныхъ установленій» не будетъ въ состояніи вмѣстить болѣе 4 человѣкъ зрителей, такъ какъ скамьями подсудимыхъ и толпами свидѣтелей набито-битком всё *зданіе* суда. И все родня: пятнадцать Андрюшекъ, двѣнадцать Аксюшекъ, три Марины да четыре Акулины. Расхищено денегъ милліоны, векселя перемѣшаны въ этихъ «вещественныхъ доказательствахъ» со счетами портныхъ, акушерокъ... Свадьбы... приданое... зять, деверь, внучатный племянникъ... троюродный внукъ... коносаментъ... дебетъ... кредитъ... родила .. завелъ любовницу... пожертвована икона... молебенъ... выписано 15 стерлядей на свадьбу... умерла внучка,—словомъ, налицо вся стень *съ безграничнымъ радушіемъ и широкимъ довольствомъ и раздольемъ*, только вокругъ этой стени кучи векселей, толпы нищихъ, ограбленныхъ, обозленныхъ, разоренныхъ, лишенныхъ куска хлѣба.

Кстати сказать: этотъ-то типъ человѣка съ мужицкими потребностями, перенесенными въ культурный строй жизни, и есть господствующій типъ въ русскомъ скороспѣломъ купонномъ обществѣ послѣдней четверти столѣтія. Онъ проповѣдуетъ широкое мужицкое семейство, тишь да гладь, чистоту, скромность и строгость нравовъ своей семьи, но, перенося эти требованія въ труженическую среду, не можетъ не быть къ ней безпощаденъ и жестокъ. Просмотрите всѣ наши безчисленные хищническіе процессы—вездѣ хищникъ и «живорѣзъ» только и хлопочетъ о благосостояніи своей семьи, родни. Рыковъ, разорившій вокругъ себя массу народа, и разорившій безъ всякаго сожалѣнія, очень огор-

чился, когда вмѣсто ожидаемаго мальчика у него родилась дѣвочка. Даже доктора Битнаго-Шляхту, присутствовавшаго при родахъ, возненавидѣлъ за неожиданную непріятность и «выслалъ» его изъ Скопина.

Нѣтъ, не такъ-то просто и легко удовлетворять *всѣмъ человѣческимъ потребностямъ* въ культурномъ строѣ общества, какъ даетъ возможность это дѣлать строй жизни народной при обстоятельствахъ, не искажающихъ и не стѣсняющихъ свободы его развитія. Въ своей статьѣ о женщинахъ гр. Л. Н. Толстой говоритъ, что обязанности женщинъ *нашего круга* будутъ совершенно выполнены, если женщина будетъ родить и воспитывать дѣтей. У меня нѣтъ подъ рукой сочиненія Л. Н., но я очень хорошо помню, что выраженіе: *женщина нашего круга* находится въ статьѣ о женщинахъ. Вотъ это-то выраженіе какъ нельзя лучше отдѣляетъ два строя жизни—культурный и народный, труженическій и трудовой. И въ томъ и въ другомъ строѣ живутъ одни и тѣ же полы—мужчины и женщины, но въ народномъ строѣ можетъ *родить* всякая *женщина*, можетъ безбоязненно и безстрашно исполнять всѣ свои женскія обязанности (если только строй не изуродованъ посторонними, не народными вліяніями). Всякій парень, у котораго есть руки и орудія труда, можетъ «плодиться, множиться и населять землю» вмѣстѣ со своей женой. Совершенно не то въ культурномъ строѣ современнаго общества: *здѣсь не можетъ* родить и воспитывать дѣтей *всякая женщина*, здѣсь всякій мужчина не можетъ быть отцомъ и *мужемъ*. Покуда онъ не имѣетъ средствъ *купить* себѣ возможность удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей цѣною *труженичества*, онъ по совѣсти не можетъ рѣшиться на такое трудное дѣло, какъ быть отцомъ семьи. Будучи труженикомъ изъ-за средствъ, онъ *долженъ* купить цѣлую массу другихъ тружениковъ для того, чтобъ ихъ руками было сдѣлано то, что ему невозможно сдѣлать самому, поглощенному добычей средствъ. Точно такъ же масса женщинъ, обладающихъ тѣми же самыми свойствами, какъ и *женщины нашего круга*, обречены строемъ жизни не имѣть возможности быть матерями; *женщина нашего круга*, самая примѣрная и самая чистая, она—именно потому, что она женщина нашего круга—она одна поглотитъ множество чужихъ женскихъ жизней для того, чтобъ ея *материнскія надобности* были удовлетворены вполнѣ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ женщина народной среды удовлетворяетъ ихъ безъ грѣха.

Ей нужны няньки, горничныя, учительницы, гувернантки, которымъ она въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ *не позволяетъ быть матерями*, которымъ нельзя быть матерями, потому что иначе онѣ, труженицы, лишатся заработка. Примѣрная мать *нашего круга* не станетъ дожидаться, пока учительница, замужняя, будетъ родить и поправляться послѣ родовъ,—она возьметъ другую: она любящая мать, и ей нельзя держать дѣтей въ праздности; она *не позволитъ* кормилицѣ держать при себѣ ея собственнаго ребенка, а убѣдитъ ее отдать этого ребенка сначала въ воспитательный домъ, а потомъ и неизвѣстно куда: ей не нужно ни кормилицы ни ея ребенка—ей нужно молоко для ея собственнаго ребенка, она—*любящая мать.* Пропади у кормилицы отъ тоски по ребенку молоко, она тотчасъ же удалитъ ее, оставивъ безъ ребенка и безъ мѣста, и, наградивъ за все это сарафаномъ, тотчасъ же возьмемъ другую—*ея* ребенку нельзя быть безъ молока. Да, она выполняетъ священныя обязанности, она—истинно любящая мать; но подумайте, во что обходится это выполненіе священныхъ обязанностей и сколько труженическаго народу поставлено строемъ жизни въ полнѣйшую невозможность исполнять то же самое, т.-е. удовлетворять потребностямъ своего любящаго сердца. Но человѣкъ-труженикъ насильно, наперекоръ строю, наперекоръ возможностямъ, стремится удовлетворять, такъ же, какъ и всѣ, всѣмъ своимъ потребностямъ. Вотъ въ этомъ-то труженическомъ кругу, въ его мученіяхъ, въ его лишеніяхъ, мукахъ, болѣзняхъ, психическихъ страданіяхъ, преступленіяхъ, и заключается современная драма жизни, которую не разрѣшить нравоученіями.

Теперь возвратимся къ Захару Абрамовичу и порадуемся, что, какъ говорится, «Богъ спасъ» его отъ всего этого зла, и деньги, не отрывая ни его ни его огромной семьи отъ прочно установившейся трудовой жизни, благодаря счастливой случайности, направили его стремленія не «въ городъ», а по пути весьма своеобразныхъ мечтаній.

4.

Переворотъ въ жизни Захара Абрамовича произошелъ благодаря встрѣчѣ съ нѣкіимъ учителемъ, Петромъ Ивановичемъ Волгой. «И только послѣ этой встрѣчи,—говоритъ г. Тимощенковъ: — Захаръ Абрамовичъ вполнѣ созналъ себя и свои стремленія и весь, такъ сказать, пошелъ въ ходъ». Петръ Ивановичъ Волга, уроженецъ какого-то волж-

скаго города, рано остался сиротой. Это лицо также довольно типично *для нашего времени.* Нѣтъ въ немъ ни громкихъ фразъ, не приходятъ ему въ голову широкія фантазіи, не знаетъ онъ никакихъ соціальныхъ теорій и теченій жизни, но у него простое и доброе сердце, опрятный и неомраченный умъ, добросовѣстно воспринимающій впечатлѣнія жизни, и вотъ всего этого было весьма достаточно, чтобы въ человѣкѣ родилась мысль о необходимости, по-своему, какъ Богъ на душу положитъ и какъ хватитъ умѣнья, служить народу и не дать ему пропасть зря. Петръ Ивановичъ Волга, оставшись сиротой послѣ смерти его родителя, купеческаго званія, былъ отданъ въ гатчинскій сиротскій институтъ, а по окончаніи курса назначенъ былъ уѣзднымъ учителемъ также въ одинъ изъ приволжскихъ городовъ, лежащихъ поблизости къ калмыцкой степи. «Въ уѣздномъ городѣ прежде всего опротивѣлъ Петру Ивановичу тотъ напыщенный, кичливый, важный наружно, но въ сущности ничтожный, пустой и бездѣльный чиновническій мірокъ, къ которому Волга долженъ быть принадлежать по своему званію. Все это были люди «20 числа» и смотрѣли на уѣздное казначейство, какъ на мать-кормилицу. Двадцатое число было днемъ полученія жалованья, днемъ облегченія для этого мрачнаго міра. Въ этотъ день онъ сіялъ, кипѣлъ радостью, тогда какъ послѣдніе дни служебнаго мѣсяца были днями унылой скорби и воздержанія». Не по сердцу было Петру Ивановичу это общество, да и оно относилось къ нему недружелюбно. Потребность одиночества развита была въ П. И. съ дѣтства. Отецъ его, добрый молодой купецъ, случайно простудился, бросившись спасать утопавшаго въ Волгѣ, и умеръ рано; рано умерла и огорченная смертью любимаго мужа мать. Затѣмъ сиротское и непривѣтливое житье въ институтѣ безъ всякаго родственнаго участія— все это не располагало П. И. на дружество и пріязнь съ праздною компаніей людей 20 числа. Любя уединеніе, П. И. любилъ свободное отъ занятій въ училищѣ время проводить за городомъ. Здѣсь, въ одномъ уголкѣ, завелъ онъ пасѣку, но большею частью просто бродилъ по окрестностямъ, заводя знакомства съ крестьянами. И «крѣпко полюбилась ему простота нравовъ и нравственная чистота этихъ людей, и у него явилось желаніе принять непосредственное участіе какъ въ радостяхъ, такъ и въ горестяхъ и неудачахъ этого пастушескаго и земледѣльческаго круга, увлекавшаго его упорствомъ, терпѣніемъ въ трудѣ и *осмы-*

сленностью его жизни». Увлеченный этимъ трудолюбивымъ населеніемъ, онъ былъ до глубины души огорченъ вторженіемъ въ эти благословенныя и нетронутыя еще плугомъ мѣста хищника и безжалостнаго расточителя народнаго богатства. «Что̀ ждетъ въ будущемъ эту красавицу-степь? Придетъ ли къ ней хозяинъ-земледѣлецъ, съ любовью возделаетъ ее, насадитъ на ней садовъ и рощъ, обольетъ ее своимъ по̀томъ и придастъ ей еще бо̀льшую жизненность и красоту? Или она падетъ жертвой экономической извращенности, попадетъ въ загребистыя руки жаднаго арендатора, лишится безвременно своей красоты и жизненной силы?» Дѣйствительность, которую видѣлъ Петръ Ивановичъ, не обѣщала ничего, кромѣ разграбленія этихъ народныхъ богатствъ. «Гибельное, ведущее къ разоренію края направленіе землевладѣнія было понято П. И. на первыхъ же порахъ знакомства съ мѣстностью. Нужно видѣть, съ какою жадностью, съ какимъ дикимъ азартомъ хищники-промышленники на перебой гоняются на югѣ Россіи за нетронутою степью. Быстро то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ истощаютъ они ее и переходятъ въ другое мѣсто. Причина такой гоньбы понятна: ленъ и золотистая тяжеловѣсная русская пшеница, которыя такъ обильно произрастаютъ на дѣвственной почвѣ, всегда высоко стоятъ въ цѣнѣ какъ на русскихъ, такъ и на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, и цѣнная земля быстро обогащаетъ жадно набрасывающихся на нее хищниковъ. Арендаторъ-посѣвщикъ, взявъ у земли все, что̀ можно, обративъ ее въ ничто, бѣжитъ дальше и дальше и, не заботясь о ней, только высасываетъ ея жизненные соки. Столкнувшись съ этимъ хищническимъ арендаторомъ, П. И. почувствовалъ невыразимое огорченіе; душа его ныла, болѣла за родной край, за темный рабочій людъ, составляющій земледѣльческое населеніе этого края, которое издревле любило и любитъ эту землю, облитую его по̀томъ и кровью, которому Царь-Освободитель возвратилъ человѣческія и гражданскія права, но у котораго тѣмъ не менѣе стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ *отнималась всякая возможность свободнаго труда*, какъ основы благополучія и счастія». Подъ такими тяжкими впечатлѣніями дѣйствительности любовь П. И. къ земледѣльцу и земледѣльческому труду привела его постепенно къ такому рѣшенію: *выступить на борьбу съ хищничествомъ, принести себя въ жертву за народное благосостояніе*, и въ этой рѣшимости П. И. «наединѣ съ самимъ собой» *далъ великую клятву.*

5.

Соединившись съ Захаромъ Абрамовичемъ, оба они начинаютъ осуществлять *на дѣлѣ* свои завѣтныя мечты! Въ произведеніи г. Тимощенкова читатели могутъ найти всѣ подробности, въ которыхъ планы эти осуществлены и какими средствами. Многіе оспаривали и оспариваютъ достовѣрность приводимыхъ г. Тимощенковымъ фактовъ — и, оспаривая, находятъ, что произведеніе его только фантазія. Намъ кажется такой взглядъ на произведеніе Тимощенкова неосновательнымъ, во-первыхъ, потому, что при доброй волѣ добрыхъ людей положительно можно совершить все то, что совершили герои г. Тимощенкова, а во-вторыхъ, потому, что если бы даже г. Тимощенковъ и ввелъ въ разсказъ нѣкоторую долю своей фантазіи,—такъ не она вѣдь имѣетъ въ его разсказѣ первенствующее значеніе. Фантазіи его могутъ быть даже и не велики и не соблазнительны; но важно указаніе на то, что въ обществѣ существуютъ попытки сохранить и укрѣпить строй жизни, не имѣющій съ строемъ жизни купоннымъ ничего общаго, что существуетъ — и даже въ людяхъ самаго простого званія, и даже необразованныхъ — стремленіе поставить преграды купоннымъ зламъ, оборониться отъ нихъ, оградить отъ нихъ народныя массы.

Въ смыслѣ осуществленія этихъ желаній Захаръ Абрамовичъ Земля и П. И. Волга сдѣлали даже очень немного. Вотъ что разсказываетъ объ этихъ дѣлахъ на общую пользу г. Тимощенковъ:

Прежде всего ими была скуплена на наличныя деньги и на другихъ выгодныхъ условіяхъ громадная масса земли. Эта покупка какъ бурей снесла также массы хищниковъ на огромное пространство. Въ самомъ лучшемъ и красивѣйшемъ мѣстѣ пріобрѣтенной (и постоянно расширяющейся) территоріи, по сосѣдству съ р. Манычомъ, «создано» товарищами борьбы сельскохозяйственное, торговое и промышленное село, названное Школой. Названо оно такъ потому, что П. И., до момента своего обогащенія не бросавшій своей учительской дѣятельности и бывшій въ послѣднее время управителемъ школы для калмыцкихъ дѣтей, оставивъ службу, исходатайствовалъ право передѣлать, устроить эту школу по собственному плану и соображеніямъ и перенесть ее на новое мѣсто, на собственную землю, въ плодоноснѣйшую равнину около широкаго луга, съ богатыми

родниками прекрасной прѣсной воды. «Это дастъ возможность при каждой усадьбѣ имѣть рощу, садъ, цвѣтникъ, огородъ». Школа эта изъ уѣзднаго училища преобразована въ ремесленно-земледѣльческое, и въ настоящее время «оно поставлено такъ, что всѣ обучающіеся въ немъ ученики, тотчасъ по окончаніи курса, получаютъ въ управленіе фермы съ полнымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ и владѣютъ ими въ качествѣ арендаторовъ; черезъ нѣсколько же лѣтъ успѣшнаго управленія получаютъ ихъ, на особыхъ правилахъ и условіяхъ, въ вѣчную и потомственную собственность.

«Страшный недостатокъ въ глухой мѣстности, гдѣ устроилось товарищество, въ мастеровыхъ и ремесленникахъ побудилъ послѣднее устроить при училищѣ обширнѣйшія помѣщенія для всевозможныхъ ремеслъ. Часто при нуждѣ въ плотникѣ его нельзя было найти ближе ста верстъ: кожи возили для выдѣлки за 300 верстъ, въ Ставрополь, Астрахань и т. д. Въ ремесленныхъ помѣщеніяхъ устроены мастерскія: плотницкая, столярная, ткацкая, портняжная, сапожная, шорная, кузня, овчинная, кожевенный заводъ, валяльная войлоковъ и теплыхъ сапогъ. Въ каждой мастерской работаетъ артель, состоящая изъ мастеровъ-товарищей, подмастерьевъ и учениковъ. Каждый изъ окружныхъ жителей, какого бы возраста онъ ни былъ, воленъ поступить въ какую ему угодно мастерскую, и его вездѣ обязаны принять. Всѣ ремесленники вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцы, имѣющіе въ окружности школы и землю и хозяйство. Они лѣтомъ работаютъ въ полѣ, а въ ремесленные классы собираются къ осени, когда кому болѣе удобно».

Безъ убытка для товарищества основаны на общую пользу и другія учрежденія. Выстроена паровая мельница, которая въ экономическомъ отношеніи приноситъ уже «великіе результаты». По недостатку мельницъ, мука̀ цѣнилась здѣсь вдвое дороже зерна; бывали и такія времена, когда пудъ ржи стоилъ 40 коп., а мука̀ — 3 р. 50 коп. Паровая мельница, устроенная товариществомъ, стала обмалывать хлѣбъ у населенія верстъ на 200 въ окружности. При этой же мельницѣ товарищество устроило складочные хлѣбные магазины, благодаря которымъ окрестные крестьяне могли совершенно уничтожить свои, обязательные для нихъ, хлѣбные магазины. «Хлѣбъ магазинный большею частью считался всегда въ недоимкѣ, то же, что̀ оставалось въ магазинахъ, страшно портилось, утекало въ щели, съѣда-

лось мышами, да и самые магазины обходились крестьянамъ дорого. Общества обязаны были ихъ строить по особому плану, а въ нѣкоторыхъ слободахъ и станціяхъ приходилось строить по 4 и 5 магазиновъ, стоимостью отъ 5 до 9 тысячъ. Товарищество Петра Ив. вошло съ ходатайствомъ въ мѣстное земство, выразивъ желаніе всегда держать при мельницѣ сто тысячъ четвертей хлѣба въ зернѣ и мукѣ, который будетъ отпускаться при всякомъ нужномъ случаѣ населенію двухъ сосѣднихъ уѣздовъ съ надбавкой 10 проц. противъ покупной цѣны, т.-е. вообще дешевле той цѣны, которая должна быть въ годы безхлѣбья и нужды въ хлѣбѣ. Ходатайство было уважено: магазины стали не нужны, и общества обратили въ капиталъ какъ самые магазины, такъ и имѣвшійся въ нихъ хлѣбъ».

Или вотъ еще двѣ небезвыгодныя для товарищества операціи, вносящія въ то же время и выгоду и благосостояніе въ народную жизнь.

«Прежде овечья шерсть сбывалась здѣсь промышленникамъ-скупщикамъ, которые брали ее по чемъ хотѣли. Не только крестьяне, но и крупные овцеводы, при нуждѣ денегъ на покосъ и полевыя работы, продавали шерсть по два рубля за пудъ, тогда какъ на рынкѣ цѣна ей стояла 6—7 руб. Товарищество П. И. устроило мойку, гдѣ моетъ шерсть, а потомъ отправляетъ ее на внутренніе рынки внутренней Россіи; тутъ же при мойкѣ оно устроило складъ шерсти на комиссію. Сдающіе сюда шерсть получаютъ во время сдачи половину рыночной цѣны, а потомъ по отправкѣ и продажѣ получаютъ и другую половину, за вычетомъ процентовъ за расходы по комиссіи. Такимъ образомъ крестьяне, вмѣсто прежнихъ 2 рублей, получаютъ теперь 6 р. 60 к., за вычетомъ 1 р. 40 к. расходовъ».

До учрежденія товарищества мѣстное населеніе несло большіе убытки при колебаніи цѣны на скотъ. Случалось, что цѣна за овцу, поднявшись до 7 руб., вдругъ падала черезъ полгода до 1 р. 50 к., тогда какъ цѣна на сало, мясо, овчину не измѣнялась. «Чтобы край ничего не терялъ отъ такихъ колебаній, товарищество П. И. устроило салотопенный заводъ, а относительно сбыта овецъ приняло такую систему: если цѣна на нихъ высокая, то оно бьетъ на заводѣ только своихъ овецъ, и то по выбору, а остальныхъ продаетъ; если же цѣна на овецъ падаетъ, то оно бьетъ на сало и своихъ и овецъ окрестныхъ крестьянъ, т.-е. даетъ возможность крестьянамъ продавать не овецъ,

которыя дешевы, а сало, которое въ цѣнѣ. Иногда, перебивъ всѣхъ своихъ овецъ, оно отдаетъ весь свой заводъ съ посудой въ распоряженіе крестьянъ».

Какъ видитъ читатель, всѣ эти попытки далеко не фантастическія; всего этого даже мало для того, чтобы окрестить эти попытки названіемъ *борьба*. Но дорого и важно стремленіе вступить въ эту борьбу. Въ тѣхъ же степяхъ и тѣ же деньги, какъ мы видѣли въ предыдущихъ письмахъ съ дороги, орудуютъ совершенно инымъ образомъ: истощаютъ землю, закабаливаютъ народъ. Еще болѣе замѣчателенъ источникъ, изъ котораго вышло такое живо-творящее направленіе — любовь къ трудящемуся человѣку у Петра Ивановича и любовь къ широкой трудовой жизни у Захара Абрамовича. Петровъ Ивановичей и Захаровъ Абрамовичей на Руси несмѣтное множество, и пренебрегать или обрекать теоретически на гибель какъ любовь такихъ оригиналовъ къ трудящемуся человѣку, такъ и любовь къ трудовой жизни едва ли возможно въ массѣ простыхъ русскихъ людей, на нашихъ глазахъ едва только начинающихъ жить сознательно.

СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Праздникъ Пушкина.

(Письмо изъ Москвы—іюнь 1880).

1.

...Вчера, 8-го іюня, музыкально-литературнымъ вечеромъ въ залахъ Благороднаго Собранія окончились четырехдневныя торжества въ честь открытія памятника Пушкину, и сегодня же мнѣ бы хотѣлось передать вынесенныя впечатлѣнія. Слѣдовало бы, минуя все ненужное и неидущее къ дѣлу, прямо начать рѣчь о томъ, что̀ осталось отъ этихъ торжествъ самаго существеннаго, цѣннаго, достойнаго памяти, но именно «свѣжесть-то впечатлѣній» торжества, которое только вчера окончилось, и не позволяетъ сдѣлать этого такъ, какъ бы хотѣлось. Существенное и цѣнное пока еще тонетъ въ шумѣ и громѣ ораторскихъ рѣчей, бряцаніи лиръ, въ звукахъ музыки, въ трескѣ безчисленныхъ аплодисментовъ, въ безпрестанныхъ крикахъ: «браво и ура», въ звонѣ ножей, вилокъ, стакановъ и рюмокъ, въ чмоканьи поцѣлуевъ,—все это вмѣстѣ сильно мѣшаетъ сосредоточиться на нравственномъ значеніи минувшаго торжества. «*Нѣчто сербское*» — опредѣляютъ «Современныя Извѣстія» общій «обликъ» миновавшаго торжества, и какъ, повидимому, ни нелѣпо это уподобленіе, но оно все-таки недаромъ сорвалось съ пера г. Гилярова-Платонова.

Во время сербской войны, какъ извѣстно, энтузіазмъ, желаніе жертво̀вать плотью и кровью, имуществомъ, достояніемъ, жизнью, и множество другихъ человѣколюбивыхъ качествъ слились въ дружномъ и восторженномъ стремле-

кій къ освобожденію *братьевъ*, о существованіи которыхъ очень и очень многимъ было ничего ровно неизвѣстно,— то-есть соединились въ восторженномъ невѣдѣніи *самаго существеннаго*. Нѣчто подобное было и въ пушкинскомъ торжествѣ: желаніе чествовать, убѣжденіе въ необходимости чествованія, хотя бы только въ виду того, что памятникъ Пушкину уже готовъ и давно уже пугаетъ прохожихъ своимъ бѣлымъ саваномъ, что наконецъ на чествованіе уже отпущены деньги, и что г. Оливье уже приторговываетъ аршинныхъ стерлядей, все это совершенно «по-сербски» сгрудилось вокругъ имени, котораго великое множество дѣйствующихъ лицъ совершенно не знало, а другіе — весьма солидно позабыли.

Но, не говоря объ этомъ, самый фактъ торжества въ честь писателя, какъ и война за освобожденіе братьевъ, дѣло такъ же очень мало знакомое громадному большинству присутствовавшихъ и участвовавшихъ, не только въ качествѣ зрителей, но даже и въ качествѣ дѣятелей.

Мирное торжество! Торжество въ честь человѣка, который знаменитъ тѣмъ, что писалъ стихи, повѣсти — когда это видывали мы всѣ, здѣсь на торжествѣ присутствующіе, когда видывала это Москва? Будь это торжество чѣмъ-нибудь въ родѣ крестнаго хода, напоминай спасителя отечества, Минина и Пожарскаго,—все это извѣстно и знакомо послѣднему ребенку. Въ подобныхъ привычныхъ случаяхъ, всякій русскій человѣкъ, сановникъ онъ или пожарный солдатъ, купецъ, мѣщанинъ, простой уличный мальчикъ, обыкновенная баба, продающая калачи, кухарка, — словомъ, люди всѣхъ званій и состояній отлично хорошо знаютъ, когда надо и гдѣ надо стоять или куда бѣжать, что̀, гдѣ и какъ кричать, когда бросать вверхъ шапки. Все и всѣмъ это извѣстно. Но Пушкинъ... Что̀ это такое? Почему торжество передъ обыкновеннымъ бариномъ, не только безъ палки или сабли въ рукахъ, но даже и безъ шапки? Шапку снялъ и держитъ въ рукѣ. Кто онъ таковъ? Писатель! Что̀ же это означаетъ?

Имѣя нѣкоторыя основанія знать, въ какія громадныя затрудненія ставятъ подобныя мирныя торжества людей, повидимому, совершенно близко стоящихъ къ дѣлу, хотя бы, напримѣръ, художниковъ, которымъ выпадаетъ на долю сооружать статуи мирнымъ гражданамъ, мы имѣли полное право подумывать и о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя должны были стать люди, почти совершенно незнакомые

съ торжествами подобнаго характера. Если художникъ-скульпторъ долженъ по цѣлымъ годамъ ломать голову надъ тѣмъ, чтобы добиться какой-нибудь возможности воздѣйствовать и вкоренить въ непривычное сознаніе обывателей значеніе и поучительный смыслъ въ изображеніи вотъ этого «простого, обыкновеннаго человѣка съ шляпой въ рукѣ»; если художникъ теряется, не имѣя подъ руками ни одного изъ тѣхъ аксессуаровъ, которые прямо и внушительно разъясняютъ толпѣ, въ чемъ дѣло и зачѣмъ воздвигнута статуя, то-есть не имѣя возможности посадить своего героя на коня, не смѣя дать ему въ руки саблю или свернутый въ трубку историческій документъ, не имѣя никакихъ основаній гордо закинуть его голову или усѣять грудь своего героя знаками отличія; если, повторяемъ, для человѣка, спеціально знакомаго съ подобнаго рода дѣлами, мирныя торжества и мирные герои торжествъ доставляютъ такую массу величайшихъ затрудненій, то что̀ же, думали мы, долженъ испытывать членъ, положимъ, торговой полиціи, гласный изъ трактирщиковъ или какой-нибудь почтенный владѣлецъ квасоварнаго и кислощейнаго заведенія, которому, въ качествѣ человѣка, поставленнаго въ необходимость, какъ депутату, торжествовать, придется думать надъ составленіемъ, положимъ, церемоніала торжества? Во всякомъ ординарномъ торжествѣ всякій изъ «жителей», имѣющихъ свои «заведенія», отлично хорошо знаетъ, что всякая «церемонія» требуетъ молебствія, угощенія и ура; но что̀ ему можетъ быть извѣстно по части такого торжества, какъ торжество Пушкину? Мы сомнѣвались.

И точно: пріѣхавъ въ Москву двумя днями ранѣе торжества, мы имѣли нѣкоторую возможность лично убѣдиться, что сомнѣнія наши имѣютъ кое-какія основанія. Очень часто слышатся слова: «депутація» и «Пушкинъ», а что̀ такое? — повидимому, во всесословной толпѣ не было извѣстно. Во-первыхъ, поговаривали въ народѣ, что едва ли митрополитъ разрѣшитъ святить статую, такъ какъ, что̀ ни говори, Пушкинъ-то онъ Пушкинъ, а все-таки онъ истуканъ, статуй, идолъ. Съ коихъ же это поръ идоловъ будутъ кропить святой водой? Мининъ-Пожарскій спасъ отечество. Хотя это обстоятельство также мало кому извѣстно въ подробностяхъ, но слово «отечество» само собою заставляетъ умолкнуть. Пушкинъ, человѣкъ не на конѣ, не съ саблей, а просто со шляпой въ рукѣ, человѣкъ, неизвѣстно чѣмъ заслужившій честь быть увѣковѣченнымъ памятни-

комъ,—дѣло совсѣмъ другое. По поводу такого партикулярнаго человѣка можно и подумать и смѣло высказать мнѣніе; а начавъ думать, не трудно придти къ убѣжденію, что поклоняться идоламъ, въ виду московскихъ святынь, дѣло вовсе не подходящее. Мы не разъ въ эти предшествовавшіе празднеству дни слышали разговоры, касавшіеся этого предмета.

— Наврядъ будутъ кропить-то!..

— А, пожалуй, по нонѣшнему времени, братецъ ты мой, не дорого возьмутъ и окропить!

— Ну, ужь это извини! Это, другъ любезный, надо оставить!

— Да, это ужъ — что-жъ это?.. Пушкинъ, Пушкинъ, а тоже надобно и про Господа Бога не забывать!

И дѣйствительно, митрополитъ не кропилъ монумента святой водой, хотя одна петербургская газета и выражала желаніе, что хорошо бы, желательно бы, чтобы это случилось.

Помимо этихъ фанатическихъ толковъ, урчавшихъ въ самой глубинѣ толпы, какая-то вялость въ распорядкахъ думы по поводу торжества, какая-то вялость въ интересѣ къ этому торжеству, по временамъ мелькавшая то въ томъ, то въ другомъ, невольно убѣждали васъ, что торжество пушкинское — дѣло не привычное. Пріѣхали кареты отъ Лоскутной гостиницы на вокзалъ за господами депутатами, и люди, пріѣхавшіе ихъ встрѣчать, толкуютъ о томъ, какъ узнать, кто депутатъ и кто нѣтъ?

— То-то вотъ и оно-то! — говоритъ одинъ изъ ожидающихъ:—главная причина, какъ узнать!..

— Какъ его узнаешь, на немъ не написано!

Даже вотъ какія вещи возможны были за день, за два до торжества.

Подхожу къ жандарму на платформѣ Николаевскаго вокзала и спрашиваю:

— Пришелъ пушкинскій поѣздъ?

Жандармъ поглядѣлъ на часы и серьезно произнесъ:

— Теперь пришелъ!—и прибавилъ: — только вамъ надо на Ярославскій вокзалъ идти, — Пушкино по Ярославской.

Кокарды, отличавшія депутатовъ отъ простыхъ смертныхъ, были разосланы только 5-го іюня, въ самый день начала торжества. Газетчикъ, продавшій мнѣ газету, какъ-то уныло и неохотно прибавилъ:

— Книжонки Пушкина есть!

Онъ, очевидно, не зналъ, о Пушкинѣ ли книжонки, или Пушкинымъ сочинены онѣ, и вообще, видя окружающее это имя всеобщее недоумѣніе, самъ уныло и неопредѣленно смотрѣлъ на книжонки, не ожидая отъ нихъ пользы. А посмотрите-ка, какъ онъ оживился и съ какой энергіей суетъ въ руки сборникъ «Скоморохъ»! Онъ знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Четвертаго іюня въ московскихъ газетахъ наконецъ появился церемоніалъ праздника и разсѣялъ всеобщее недоумѣніе. Съ появленіемъ его всякій обыватель могъ уже знать, въ чемъ будетъ заключаться торжество, могъ видѣть порядокъ, по которому оно будетъ происходить, и могъ, стало-быть, перестать безплодно думать о Пушкинѣ. Но порядокъ и церемоніалъ повергли насъ въ величайшее недоумѣніе и какъ нельзя лучше доказали, что «мирныя торжества», подобныя пушкинскому—точно, вполнѣ непривычныя для насъ торжества. Распорядокъ и составъ депутацій не поддавался возможности опредѣлить, какими соображеніями руководствовались господа составители этого церемоніала? Всѣ депутаты, прибывшіе въ столицу, раздѣлены были на три группы, при чемъ каждая группа, по прибытіи на площадь, должна была собираться около присвоеннаго ей значка. По числу группъ, значки были также трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго, синяго. Чѣмъ же руководствовались при помѣщеніи извѣстныхъ депутацій въ эту, а не въ другую группу? Въ первой группѣ помѣщены слѣдующія депутаціи и въ слѣдующемъ *порядкѣ:* вмѣстѣ съ депутаціями отъ московской духовной академіи, синодальной типографіи, училищнаго совѣта реформатской и петропавловской церквей, вмѣстѣ съ депутаціями московскаго дворянства и непосредственно за депутаціей отъ казанскаго университета, ни съ того ни съ сего помѣщена депутація *отъ пѣвчихъ типографіи Мамонтова*, и за этими пѣвчими идутъ депутаціи отъ женскихъ институтовъ, отъ общества для содѣйствія мореходству, депутаты отъ Оренбургскаго края (?), послѣ которыхъ слѣдуетъ депутація отъ любителей россійской словесности (это послѣ пѣвчихъ), а послѣ нея, въ одной группѣ подъ нумеромъ девятымъ, въ одной кучѣ помѣщены депутаты отъ городскихъ больницъ и депутаты отъ варшавскаго и дерптскаго университетовъ.

Вторая группа депутацій (*синія* знамена) составлена еще того лучше. Подъ № 2, напримѣръ, собраны 4 депутаціи,

рѣшительно ничего общаго между собою не имѣющія, именно: присяжные повѣренные, трактирная депутація (!), депутація отъ дворянскаго клуба и отъ еврейскаго общества. Депутаціи отъ петербургскихъ газетъ и журналовъ помѣщены подъ № 7 той же группы, за ними слѣдуютъ депутаціи отъ желѣзнодорожныхъ училищъ, а въ самомъ хвостѣ помѣщена ни много ни мало, какъ депутація отъ археологическаго общества. Депутація московскаго университета помѣщена въ третьей (красное знамя) группѣ, подъ № 7, послѣ депутацій отъ частныхъ гимназій, театровъ, общества приказчиковъ, которыя въ то же время соединены съ депутатами отъ общества хорового пѣнія.

Словомъ, кажется, самъ Оффенбахъ, такой мастеръ смѣшить публику шутовскими процессіями своихъ оперетокъ, не могъ бы придумать ничего болѣе комическаго, какъ то, что придумано въ церемоніалѣ: институтки и мореходы, математики и садоводы, трактирщики и присяжные повѣренные, евреи и литераторы, актеры и университеты, мамонтовскіе наборщики и археологи *), все это слѣдовало, по церемоніалу, одно за другимъ, безъ малѣйшаго смысла и даже внѣшняго благоприличія. Волей-неволей, а приходило въ голову: «а что, если, вмѣсто торжества, выйдетъ комическое представленіе, комедія, а пожалуй, фарсъ?»

Но не только въ этого рода «сербскихъ» чертахъ, проглядывавшихъ въ приготовленіяхъ по предстоящему торжеству, заключались опасенія въ благополучномъ и благоприличномъ исходѣ послѣдняго. Какъ извѣстно, «сербскія» черты явленій изъ русской жизни, помимо *дружнаго* соединенія разнородныхъ элементовъ на дѣлѣ, которое этимъ элементамъ мало или почти неизвѣстно, имѣютъ еще другую, не менѣе характерную сторону, именно: дружно и восторженно соединенные невѣдомымъ дѣломъ элементы стремятся въ то же время, каждый въ отдѣльности, проявить свою индивидуальность въ высочайшей степени, довести ее до послѣднихъ границъ возможнаго. Въ соединеніи этихъ крайностей, по нашему мнѣнію, именно и заключается то, что разумѣлъ Гиляровъ-Платоновъ подъ именемъ «сербскихъ чертъ».

---

*) Кстати, ни отъ женщинъ-докторовъ, «курсистокъ», писательницъ, на праздникѣ не было представительницъ. Депутатовъ-женщинъ было всего двѣ: одна — членъ общества любителей русской словесности, г-жа Голохвастова, другая — г-жа Евреинова, депутатъ отъ юридическаго общества.

Какъ извѣстно, торжество должно было сложиться изъ участія трехъ самостоятельныхъ учрежденій: общества любителей россійской словесности, университета и думы. Ко всему этому, у депутатовъ въ рукахъ были пригласительные билеты отъ комиссіи по открытію памятника Пушкину,—слѣдовательно всякій депутатъ зависѣлъ отъ четырехъ разныхъ распорядковъ; въ обществѣ любителей россійской словесности выдавали билеты на входъ только тѣмъ лицамъ, которыя были приглашены именно обществомъ, а не комиссіей, или думой, или университетомъ. Университетъ выдавалъ билетъ кому, по его мнѣнію, было надобно дать, дума раздавала въ изобиліи едва ли не кому будетъ угодно получить; словомъ, между этими четырьмя инстанціями шла рознь, вслѣдствіе которой депутатъ съ приглашеніемъ комиссіи могъ не попасть въ литературныя засѣданія общества любителей русской словесности. Приглашенный обществомъ любителей русской словесности могъ не попасть на художественно-литературные вечера того же общества, о чемъ должна была позаботиться дума. Вслѣдствіе такой самостоятельности въ поступкахъ разныхъ учрежденій во имя одного дѣла, депутату, желавшему видѣть все, что происходитъ, надо было имѣть восемь штукъ разныхъ билетовъ: два для входа въ засѣданія общества любителей русской словесности (отъ общества), три отъ думы (на пріемъ депутатовъ въ думѣ, для входа на площадь и третій на думскій обѣдъ), одинъ отъ университета на художественно-литературные вечера. Кромѣ всѣхъ этихъ билетовъ, нужно было имѣть еще билетъ на литературный обѣдъ, даваемый членами общества любителей россійской словесности. Такимъ образомъ проявленіе самостоятельности составлявшими программу торжества учрежденіями дѣлало то, что каждый депутатъ долженъ былъ немало употребить времени на то, чтобы запастись необходимыми билетами, при чемъ, напримѣръ, въ обществѣ любителей россійской словесности ему говорили, указывая на приглашеніе отъ комиссіи:

— Примите во вниманіе, что приглашеніе это ровно ничего не значитъ!

А на вопросъ:

— Зачѣмъ же именно разсылаются такого рода неосновательныя приглашенія?—отвѣчали:

— А ужъ это потрудитесь узнать въ самой комиссіи.

А въ комиссіи, послѣ представленія приглашенія и за-

явленія о томъ, что какъ, молъ, прикажете поступить мнѣ съ билетомъ, который ровно ничего не означаетъ? — спрашивали прежде всего:

— Позвольте узнать, кто и гдѣ вамъ сказалъ, что это приглашеніе ровно ничего не означаетъ?

И, получивъ отвѣтъ, что сказано мнѣ это въ обществѣ любителей россійской словесности, отвѣчали:

— Позвольте вамъ сказать, что все это сущій вздоръ-съ. Общество любителей россійской словесности пусть лучше заботится о томъ, о чемъ ему слѣдуетъ, а не мѣшается въ чужое дѣло. Билетъ этотъ, напротивъ, означаетъ все-съ, и вы очень хорошо сдѣлали, что его представили!

Ко всему этому, опасенія за благообразіе торжества нимало не умалялись какимъ-то глухимъ урчаніемъ невѣдомыхъ постороннему человѣку враждебныхъ элементовъ, не только въ такихъ совершенно самостоятельныхъ учрежденіяхъ, какъ дума, общество любителей словесности, но и въ самыхъ нѣдрахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ самомъ обществѣ любителей россійской словесности—по крайней мѣрѣ, какъ гласила молва—происходило какое-то распаденіе на враждебные лагери. Сначала прошелъ слухъ объ обѣдѣ г. Достоевскому,—обѣдѣ, который даютъ этому писателю *почитатели*, и почитатели не изъ числа главныхъ дѣйствующихъ въ обществѣ россійской словесности лицъ. Затѣмъ что-то пронеслось недоброе относительно г. Каткова. Одна петербургская газета, въ корреспонденціи изъ Москвы, полученная здѣсь какъ разъ наканунѣ торжества, зловѣще сулила какой-то индійскій танецъ, качучу (?) на могилѣ великаго поэта, качучу, которую хотятъ якобы проплясать «ожирѣвшіе краснокожіе либерализма», прибавляя, что проплящутъ этотъ танецъ вышеуказанные краснокожіе «для удобства своего дебоша»! Что̀ означаетъ послѣдняя фраза, никому извѣстно не было, никому даже не было понятно, но это-то и усиливало подозрѣнія относительно того, что въ нѣдрахъ предстоящаго торжества таится нѣчто недоброе; въ довершеніе подозрѣній и опасеній, та же петербургская газета сулила, что М. Н. Катковъ и Ѳ. М. Достоевскій «сумѣютъ отвѣтить» этимъ краснокожимъ любителямъ дебоширства, а отказъ г. Каткова отъ билета на входъ въ засѣданія общества любителей россійской словесности, опубликованный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», явно сулилъ въ недалекомъ будущемъ что-то зловѣщее.

Но настало пятое іюня, и тревожныя грезы разсѣялись сами собой. Самый опасный, по сказанію молвы, человѣкъ, который могъ бы нарушить торжество, М. Н. Катковъ, явился на думскомъ обѣдѣ агнцемъ, сущимъ ягненкомъ. Онъ не только не ополчился ни на кого, но, какъ вамъ уже извѣстно, воззвалъ къ примиренію, не объявивъ однако никакихъ для этого условій. И, несмотря на это, не только не нашлось человѣка, который бы спросилъ у М. Н., на чемъ именно онъ желаетъ помириться, но, напротивъ, было немало людей, которые, не задумываясь, пошли чокаться съ нимъ бокалами,—черта тоже, если угодно, *сербская*,—обниматься и цѣловаться, не зная повода къ этому и даже не думая о поводѣ. Впрочемъ, вялая, дѣланная рѣчь г. Каткова, особливо для того, кто самъ видѣлъ оратора во время ея произнесенія, ни на минуту не оставляла сомнѣнія въ томъ, что М. Н., взывая къ свѣту ума, нимало не обязывалъ себя къ какимъ-либо миролюбивымъ поступкамъ; тусклый, холодный взглядъ оратора, запинающаяся рѣчь,—все это съ одного взгляда поселяло въ слушателяхъ полнѣйшее безучастіе къ вялымъ воззваніямъ о примиреніи, и почему этимъ обстоятельствомъ газеты занимаются съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ, намъ положительно непонятно. Не будемъ говорить также и о продолженіи комедіи съ бокаломъ, протянутымъ тѣмъ же М. Н. Катковымъ по направленію къ И. С. Тургеневу, и возвратимся къ самому торжеству.

Если такъ легко устранились сами собою опасенія замысловъ М. Н. Каткова, то опасенія о безпорядочности церемоніала разсѣялись еще легче. Именно какъ-то «само собою» депутаціи, весьма немногочисленныя, размѣстились такъ, какъ имъ было удобно; отсутствіе какихъ-либо особенныхъ отличій въ костюмахъ (торжество было гражданское, штатское) совершенно уничтожило разнокалиберность и разношерстность депутацій: сами собою образовались вокругъ памятника группы внимательныхъ къ торжеству людей, съ вѣнками въ рукахъ.

И вотъ, около двухъ часовъ дня, предъ глазами большой, хоть и не особенно, толпы упала скрывавшая памятникъ поэта холстина, и передъ всѣми собравшимися на площади зрителями явился простой, умный, съ внимательнымъ, умнымъ взоромъ, образъ Пушкина, и всѣ, кто ни былъ тутъ, пережили неподлежащее описанію, поистинѣ «чудное мгновенье» горячей радости, осіявшей сердца всей толпы.

2.

На этомъ мы оканчиваемъ собственно съ торжествомъ. Описывать обѣды, музыкальные вечера и общую декорацію праздника—мы не мастера, не охотники, да и времени и мѣста у насъ на это нѣтъ. Ѣли недурно и пили благопристойно,—этого, кажется, достаточно. Перейдемъ прямо къ изображенію нравственныхъ пріобрѣтеній, оставленныхъ праздникомъ въ зрителяхъ и слушателяхъ. Въ теченіе четырехъ дней праздника, съ 5-го по 8-е іюня включительно, мы, кромѣ множества собственно пушкинскихъ пьесъ, читанныхъ на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, слышали не одинъ десятокъ болѣе или менѣе... продолжительныхъ рѣчей и несчетное количество тостовъ. Это обиліе застольныхъ рѣчей, весьма любопытныхъ на первыхъ порахъ, очень скоро утомило публику, такъ какъ поминутно отрывало отъ очень питательныхъ блюдъ, заставляло вставать съ мѣста, идти въ другой конецъ залы, чтобы выслушать нѣсколько вполнѣ непитательныхъ словъ. Даже подъ конецъ перваго, думскаго обѣда многіе изъ присутствующихъ настолько «окрѣпли» нервами, что, заслышавъ откуда-нибудь изъ конца залы воззваніе: «Господа! Позвольте и мнѣ, въ свою очередь...»—уже не трогались съ мѣста, полагая, что не будетъ большой бѣды, если придется услышать рѣчь оратора и не во всѣхъ подробностяхъ.

Починъ къ многоглаголанію сдѣланъ былъ въ тотъ же день, на думскомъ обѣдѣ, И. С. Аксаковымъ. Всякому хорошо и притомъ давнымъ-давно извѣстно, что И. С. Аксаковъ—человѣкъ обширнаго образованія, ума, таланта, но его краснорѣчіе, ораторское искусство, очевидно, не могло и не имѣло ни времени ни случая выработаться въ живомъ общественномъ дѣлѣ (когда такія бывали дѣла на Руси?) при живомъ участіи живыхъ людей, не могло привыкнуть ставить на первый планъ въ публично говоримомъ словѣ именно это живое вниманіе, живой интересъ живыхъ людей. Краснорѣчіе ораторовъ, подобныхъ И. С. Аксакову, вырабатывалось въ пустомъ пространствѣ, безъ участія и строгаго вниманія слушателя, даже безъ знанія и опредѣленія—кто таковъ этотъ слушатель? Внѣшніе торжественные пріемы и выспреннее многоглаголаніе волей-неволей должны, для ораторовъ такого рода, составлять единственныя средства вліянія на публику. И точно, И. С. Аксаковъ, поднявшись съ бокаломъ, тотчасъ послѣ рѣчи г. ми-

нистра народнаго просвѣщенія, какимъ-то торжественно-напряженнымъ голосомъ, медленно отдѣляя слова одно отъ другого и оглядывая публику «окрестъ», произнесъ свою рѣчь, какъ извѣстно, начинающуюся словами: «*Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой...*» «Со всей Руси великой,—продолжалъ ораторъ:—ото всѣхъ (?) концовъ ея, съ верховныхъ высотъ власти и со всѣхъ общественныхъ ступеней, стеклись сюда вы, послы и представители всенароднаго (?) мнѣнія, чтобы передъ лицомъ всего міра (?), всею Россіею поклониться великому, воистину русскому поэту». Напыщенно-громогласная рѣчь продолжается такимъ образомъ: «Настоящимъ торжествомъ, принявшимъ такіе неожиданные, небывалые (!) размѣры... воочію всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ, быть-можетъ, многимъ сокрытое, значеніе Пушкина». Ужъ изъ этихъ отрывковъ вы можете видѣть, какою напыщенною невнимательностью къ дѣйствительному факту отличается ораторство, вырабатывавшееся безъ публики, безъ общества, и не питавшееся, въ своемъ совершенствованіи, какими-либо реальными, общественными интересами. Все это однакожъ не мѣшало громомъ рукоплесканій привѣтствовать рѣчь И. С. Аксакова, такъ какъ и публика также воспитывалась въ той же школѣ, и не въ привычку ей видѣть въ ораторѣ внимательнаго къ ея желаніямъ глашатая. А что ей нужны ораторы другого рода, что у нея есть ея, подлинно ей принадлежащія, только никѣмъ или рѣдко кѣмъ затрагиваемыя симпатіи и желанія, это доказалъ намъ тотъ же пушкинскій праздникъ, что̀ мы своевременно и увидимъ.

Съ почина И. С. Аксакова, празднословный тонъ на долгое время вкрался въ публичную бесѣду и, за нѣкоторыми, иногда блестящими исключеніями (рѣчи И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго), поистинѣ безжалостно допекалъ насъ, бѣдныхъ депутатовъ,—насъ, этихъ пословъ, представителей всенароднаго мнѣнія, собравшихся, какъ извѣстно, для того, чтобы предъ лицомъ всего міра поклониться великому поэту, а вовсе не для того, чтобы уѣхать съ головною болью отъ обилія празднаго громогласія, хотя бы и въ честь великаго поэта. Насъ поразило обиліе ораторовъ той самой школы, талантливѣйшимъ представителемъ которой служитъ И. С. Аксаковъ. Уступая своему первообразу въ ловкости построенія празднословныхъ, хотя и эффектныхъ рѣчей, послѣдователи этой школы превосходили И. С. Аксакова въ обиліи напыщенныхъ жестовъ, въ силѣ и напряженіи го-

лосовыхъ средствъ, въ обиліи рѣшительно ничего неозначающихъ, хотя и длиннѣйшихъ періодовъ. Были рѣчи, въ этомъ родѣ, до такой степени странныя, что, при всемъ желаніи, не было никакой возможности отыскать въ нихъ, гдѣ собственно находится и въ чемъ заключается—главное предложеніе? Нѣкоторые ораторы даже какъ будто бы и начинали прямо съ придаточнаго предложенія и, сказавъ, напримѣръ: «Пушкинъ, который...» или «Пушкинъ, славное имя котораго», ужъ не могли никакъ выбраться на какую-либо прямую дорогу, а такъ и застревали минутъ на двадцать въ придаточныхъ предложеніяхъ.

Не въ судъ и не во осужденіе, а тѣмъ паче не въ посмѣяніе и униженіе славнаго праздника и славныхъ, радушныхъ и искреннихъ людей, участвовавшихъ въ немъ словомъ и дѣломъ, пишемъ мы это; нѣтъ, мы только хотимъ указать, до чего отстраненъ русскій литераторъ отъ своего слушателя, отъ публики, отъ толпы, что онъ робокъ въ ней, что онъ не находитъ слова для бесѣды съ ней; онъ въ первый разъ говоритъ съ ней о своемъ литературномъ дѣлѣ и даже какъ будто не вѣритъ, чтобы не громкое, не напыщенное, а простое и задушевное слово что-нибудь значило для публики. Въ теченіе двухъ съ половиною сутокъ никто почти (за исключеніемъ И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго) не счелъ возможнымъ выяснить идеалы и заботы, волновавшія умную голову Пушкина, при помощи равнозначущихъ заботъ, присущихъ настоящей минутѣ; никто не воскресилъ ихъ среди теперешней дѣйствительности, а это-то, какъ увидимъ ниже, и было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ выясненію всей обширности значенія Пушкина. Напротивъ, руководствуясь въ характеристикѣ его личности и дарованія фактами, исключительно относившимися къ его времени, господа ораторы, при всемъ своемъ рвеніи, и то только едва-едва сумѣли выяснить Пушкина въ прошломъ, отдалили это значеніе въ глубь прошлаго, поставили его внѣ послѣдующихъ и настоящихъ теченій русской жизни и мысли. Привязанные, точно веревкой, къ великому имени Пушкина, они сумѣли-таки поутомить вниманіе слушателей, подъ конецъ торжествъ начавшихъ даже чувствовать нѣкоторую оскомину отъ ежемгновеннаго повторенія: «Пушкинъ», «Пушкина», «Пушкину»... И чего-чего только ни говорилось о немъ! Онъ сказочный богатырь, Илья Муромецъ, да, пожалуй, чуть ли даже и не Соловей-разбойникъ! Онъ летаетъ на коврѣ-самолетѣ,

носится изъ конца въ конецъ, изъ Петербурга въ Кишиневъ, въ Одессу, въ Крымъ, на Кавказъ, въ Москву. Пушкинъ—это возбужденіе русской музы, это незапечатлѣнный ключъ. Пушкинъ слышитъ дальній отзывъ друга, бредъ цыганки, пѣсню Грузіи, крикъ орла, заунывный ропотъ океана. Пушкина честятъ и славятъ всякъ народъ и всякъ языкъ, но мы, русскіе, юнѣйшіе изъ народовъ, мы, узнавшіе себя въ первый разъ въ его твореніяхъ, мы привѣтствуемъ Пушкина, какъ предтечу тѣхъ чудесъ, которыя, *можетъ-быть*, намъ суждено явить. Въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ, почти безъ перерыва, публика слушала такія и подобныя увѣренія въ геніальности, многосторонности, широтѣ, теплотѣ и другихъ безчисленныхъ качествахъ этого геніальнаго человѣка и его огромнаго дарованія. Хлопали-хлопали, наконецъ стали уже чувствовать утомленіе, когда на выручку явились сначала И. С. Тургеневъ, а за нимъ и Достоевскій.

И. С. отрезвилъ и образумилъ публику, первый коснувшись, такъ сказать, «современности». «Не въ судѣ глупца,—сказалъ ораторъ:—и не въ смѣхѣ толпы холодной было дѣло (т.-е. заключалась причина охлажденія общества къ творчеству Пушкина); причины лежали глубже; онѣ были неизбѣжны и лежали въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ весьма многосложныхъ, при которыхъ зарождалась новая жизнь, начинавшая вступать изъ литературной эпохи въ эпоху политической общественной заботы и дѣятельности. Забвеніе поэта произошло оттого, что возникли нежданныя, но законныя и неотразимыя потребности, явились запросы, на которые нельзя было не дать отвѣта. *Не до поэзіи, не до художества было тогда...* (Рукоплесканія). Изъ храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ еще горѣлъ священный огонь, но горѣлъ только на алтарѣ и сожигалъ только ѳиміамъ, люди пошли на шумное торжище. Поэтъ-эхо смѣнился поэтомъ-глашатаемъ; раздался голосъ «мести и печали», а за нимъ явились и пошли другіе, пошли сами и повели за собою нарастающее поколѣніе. Многіе въ этомъ измѣненіи задачи поэта видѣли просто упадокъ, «но мы,—сказалъ ораторъ:—позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое, живое измѣняется органически ростомъ, а Россія—растетъ!» (Рукоплесканія). Точно также и возрожденіе въ обществѣ вниманія къ давно и не безъ основанія забытому поэту И. С. Тургеневъ объяснялъ не тѣмъ,

что поколѣніе, отставшее отъ поэтовъ эха и послѣдовавшее за поэтами-глашатаями, *раскаялось въ своей опрометчивости* или утомилось на непривѣтливомъ пути. Вовсе нѣтъ: «мы радуемся этому возвращенію,—сказалъ И. С. Тургеневъ:—въ особенности потому, что возвращающіеся къ ней (поэзіи Пушкина) возвращаются не какъ раскаявшіеся грѣшники, не какъ люди, разочарованные въ своихъ надеждахъ, утомленные собственными ошибками, не какъ люди, которые ищутъ пристанища и успокоенія въ томъ, отъ чего они отвернулись,—нѣтъ, въ этомъ явленіи мы, скорѣе, видимъ симптомъ *хотя нѣкотораго удовлетворенія*, видимъ доказательство, что хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ считалось не только дозволительнымъ, но и обязательнымъ приносить въ жертву все, не идущее къ дѣлу, что эти нѣкоторыя цѣли признаются уже достигнутыми, и что будущее сулитъ достиженіе и другихъ».

«Нарастающее поколѣніе», принятое подъ защиту И. С. среди царившей противъ него вражды, была первая свѣтлая минута пробужденія мысли «современниковъ о современномъ».

3.

Но никто не подозрѣвалъ, чтобы эта же «современность» могла завладѣть всѣмъ существомъ, всей огромной массой слушателей, наполнявшей огромную залу дворянскаго собранія, и что это совершитъ тотъ самый Ѳ. М. Достоевскій, который все время «смирнехонько» сидѣлъ, притаившись около эстрады и каѳедры, записывая что-то въ тетрадкѣ.

Когда пришла его очередь, онъ «смирнехонько» взошелъ на каѳедру, и не прошло пяти минутъ, какъ у него во власти были всѣ сердца, всѣ мысли, вся душа всякаго, безъ различія, присутствовавшаго въ собраніи. Говорилъ онъ просто, совершенно такъ, какъ бы разговаривалъ съ знакомыми людьми, не надсѣдаясь въ выкрикиваніи громкихъ фразъ, не закидывая головы. Просто и внятно, безъ малѣйшихъ отступленій и ненужныхъ украшеній, онъ сказалъ публикѣ, что̀ думаетъ о Пушкинѣ, какъ выразителѣ стремленій, надеждъ и желаній той самой публики, которая слушаетъ его сію минуту, въ этой же залѣ. Онъ нашелъ возможнымъ, такъ сказать, привести Пушкина въ эту залу и устами его объяснить обществу, собравшемуся здѣсь, кое-что въ теперешнемъ его положеніи, въ тепере-

шней заботѣ, въ теперешней тоскѣ. До Ѳ. М. Достоевскаго этого никто не дѣлалъ, и вотъ главная причина необыкновеннаго успѣха его рѣчи.

Содержаніе рѣчи, приблизительно, состоитъ въ слѣдующемъ: Пушкинъ, какъ личность и какъ поэтъ, есть самобытнѣйшее, великолѣпнѣйшее выраженіе всѣхъ свойствъ чисто-русскаго духа. Эта чисто-русская самобытность не покидала Пушкина даже въ самомъ раннемъ періодѣ его дѣятельности, въ періодъ подражательности иностраннымъ образцамъ. И тогда, по словамъ г. Достоевскаго, онъ уже не могъ не перерабатывать сущности произведеній иностранной литературы такъ, какъ того требовали чисто-русскія, самобытныя, народныя свойства его души. Свято повинуясь въ своей литературной дѣятельности этимъ требованіямъ, Пушкинъ, вмѣстѣ съ полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ души русскаго народа, есть также и пророчество, т.-е. указаніе относительно предназначеній этого народа въ жизни всего человѣчества. Изучая Пушкина, можешь въ совершенствѣ знать—что̀ такое, какія сокровища заключаетъ въ себѣ душа русскаго человѣка, какими муками она томится, и въ то же время можешь съ точностью опредѣлить, на какую потребу, на какую задачу въ жизни всего человѣчества нужны и предназначены эти прирожденныя русской натурѣ, русской душѣ качества. Эти, по словамъ г. Достоевскаго, чисто-русскія, народныя черты сказались въ Пушкинѣ тѣмъ, что, уже въ самую раннюю пору своей дѣятельности, онъ останавливается на типѣ страдальца, скитающагося по свѣту, не имѣющаго возможности успокоиться, удовлетвориться дѣйствительностью или чѣмъ нибудь, какою-нибудь, хотя бы наилучшею частью ея явленій. Типъ страдающаго скитальца, типъ, по словамъ г. Достоевскаго, также чисто-русскій, замѣчаемый уже въ древнѣйшій періодъ русской жизни, существовавшій во всѣ послѣдующіе періоды ея, существующій и теперь, сію минуту, и который не исчезнетъ далеко въ будущемъ; не находящій успокоенія, мятущійся русскій страдалецъ потому не можетъ исчезнуть ни въ настоящемъ русской жизни ни тѣмъ паче въ ея будущемъ, что для успокоенія обуревающей его душу тоски нужно всемірное, всеобщее, всечеловѣческое счастіе. «*На меньшемъ онъ не помирится!*» (Безумныя рукоплесканія). И, что̀ главное, міровая задача успокоенія только въ міровомъ счастіи, въ сознаніи всечеловѣческаго успокоенія—есть не фальшивая

или праздная фантазія скучающаго, шатающагося безъ дѣла, хотя бы и малаго человѣка, но, напротивъ, составляетъ черту русской натуры, вполнѣ органическую. Пушкинъ, своею воспріимчивостью къ пониманію чужеземныхъ нравовъ, доказанной его произведеніями, есть наилучшее выраженіе и олицетвореніе этой черты. Никто, ни одинъ величайшій поэтъ въ мірѣ, не исключая даже и Шекспира, не проникался такъ идеями, нравами и пониманіемъ самаго склада души чуждаго народа, какъ то могъ дѣлать Пушкинъ, ибо эта способность прирождена ему, какъ истинно-русскому человѣку. Греки и римляне Шекспира—такіе же англичане, какъ и онъ самъ; испанцы, итальянцы Пушкина, напротивъ, настоящіе испанцы, настоящіе итальянцы. «Та же воспріимчивость къ пониманію чуждаго народа, его души, его радости и печалей, свойственная совершеннѣйшему выразителю русской души, свойственна и всему русскому народу; печали и радости, волнующія жизнь европейскаго человѣка, его тоска, его страданье для насъ, для каждаго изъ насъ, русскихъ людей, едва ли не дороже нашихъ собственныхъ печалей». Изъ всего этого ораторъ выводитъ то заключеніе, что русскій человѣкъ, которому предопредѣлено наполнять свое существованіе только страданіемъ за чужое горе, тосковать только потому, что тоскуетъ другой, мой ближній, внесетъ въ концѣ концовъ въ человѣческую семью умиротвореніе, успокоеніе, оживляющую и веселящую простоту смиренія. До тѣхъ же поръ, то-есть до тѣхъ поръ, покуда всечеловѣческія задачи, лежащія въ русскомъ человѣкѣ, не получатъ предопредѣленнаго имъ исхода, русскій человѣкъ не перестанетъ быть страдальцемъ, самомучеником, не успокоится ни на минуту. Пушкинъ, чуткій душой, провидѣлъ эту предназначенную русскому народу миссію и, какъ уже сказано, въ самую раннюю пору литературной дѣятельности, изобразилъ такого скитальца сначала въ Алеко, потомъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Достоевскій отъ себя при этомъ прибавилъ, что тотъ же скиталецъ, только въ иномъ видѣ, въ другой формѣ, существовалъ и послѣ Пушкина, послѣ Онѣгина, существуетъ и теперь, и будетъ существовать вовѣки, до тѣхъ поръ, пока, какъ уже сказано, не найдетъ успокоенія во всечеловѣческомъ счастіи.

Мы не можемъ ручаться за то, что совершенно точно передали мысль первой половины рѣчи г. Достоевскаго, но мы положительно ручаемся за то, что *понята она и оцѣ-*

нена была именно въ томъ смыслѣ, какъ нами изображено. Можетъ-быть, мы не такъ и не то разсказали, но почувствовалось, произвело сильное впечатлѣніе *именно* то самое, что у насъ изображено. Характеристика Татьяны, сдѣланная г. Достоевскимъ во второй половинѣ рѣчи, при чемъ ту же черту, т.-е. невозможность основать свое счастіе на счастіи другого, г. Достоевскій какъ-то переиначилъ, не произвела того ошеломляющаго эффекта, какъ характеристика и объясненіе значенія русской тоскующей души, а какъ бы прошла мимо ушей. А какое-то замѣчаніе, сдѣланное г. Достоевскимъ насчетъ какого-то *смиренія* («Смирись, гордый человѣкъ!»), будто бы необходимаго для этого скитальца въ то время, когда и такъ ужъ онъ смирился и лично вполнѣ уничтожился передъ чужой заботой, и это замѣчаніе прошло также мимо ушей; всеобщее вниманіе было поражено и поглощено стройно выраженной мыслью о врожденной русскому человѣку скорби о чужомъ горѣ.

Положительно извѣстно, что тотчасъ по окончаніи рѣчи г. Достоевскій удостоился не то чтобы оваціи, а прямо идолопоклоненія; одинъ молодой человѣкъ, едва пожавъ руку почтеннаго писателя, былъ до того потрясенъ испытаннымъ волненіемъ, что безъ чувствъ повалился на эстраду. Да, не для желѣзнодорожниковъ, не для представителей тѣхъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено, по словамъ г. Достоевскаго, русское интеллигентное общество, могли имѣть значеніе сказанныя Достоевскимъ слова о неизбѣжности для всякаго русскаго человѣка— жить, страдая скорбями о всечеловѣческихъ страданіяхъ. Слова эти могли произвести впечатлѣніе именно только на молодежь и на тѣхъ изъ остепенившихся представителей ся въ недавнемъ прошломъ, которые живо чувствуютъ еще пережитое ими, потому что ни одно поколѣніе русскихъ людей никогда, во все продолженіе тысячелѣтней русской жизни, не находилось въ такомъ трудномъ, мучительномъ, безвыходномъ состояніи, какъ то, которое должно было выполнять свою исконную, по словамъ г. Достоевскаго, миссію въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ. Какъ могло случиться, что почти все молодое поколѣніе, стоявшее не за порабощеніе освобожденныхъ, не за угнетеніе ихъ, не за развращеніе ихъ, словомъ, не имѣвшее ни единой злостной мысли противъ своего народа, оказалось ненужнымъ ему? Однако это случилось! Никакому изъ всѣхъ молодыхъ поколѣній, когда-либо существовавшихъ на русской землѣ, не

предлежало такой массы работы именно на служеніе ближнему, освобожденному отъ неволи, какъ поколѣнію послѣднихъ двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, и что же? Работы этой не нашлось, не оказалось, или она оказалась ненужной. Самъ г. Достоевскій, взявшійся изобразить одинъ процессъ въ формѣ романа, предпочелъ остановиться и даже во сто разъ противъ дѣйствительности преувеличить гнусности и безобразія, обнаруженныя въ немъ, и ни единымъ словомъ не попытался отдѣлить отъ этихъ гнусностей той самой всечеловѣческой задачи русскаго человѣка, о которой онъ такъ хорошо теперь разговариваетъ на каѳедрѣ Общества Любителей Русской Словесности. А вѣдь не можетъ быть сомнѣнія, что молодое поколѣніе послѣднихъ лѣтъ, при началѣ своего поприща, если бы нашло поддержку въ истолкователяхъ его задачи, если бы эти истолкователи поставили задачу на первый планъ, возвели ее хотя бы до сотой доли тѣхъ ослѣпляющихъ размѣровъ, до которыхъ теперь возводитъ ее г. Достоевскій, несомнѣнно, не коротало бы оно свою жизнь такъ, какъ оно коротало и терзалось многіе годы.

Какъ же было не привѣтствовать г. Достоевскаго, который въ первый разъ, въ теченіе почти трехъ десятковъ лѣтъ, съ глубочайшею искренностью рѣшился сказать всѣмъ изстрадавшимся за эти трудные годы: «Ваше неумѣнье успокоиться въ личномъ счастьѣ, ваше горе и тоска о несчастьѣ другихъ и слѣдовательно ваша работа, какъ бы несовершенна она ни была, на пользу всеобщаго благополучія, есть предопредѣленная всей вашей природой задача,—задача, лежащая въ сокровеннѣйшихъ свойствахъ вашей національности».

Это громко, горячо сказанное слово могло и должно было потрясти многихъ и многихъ. Тотъ, кто упалъ безъ чувствъ послѣ рѣчи г. Достоевскаго, навѣрное, упалъ потому, что понялъ ее такъ, какъ мы старались передать. Но, повторяемъ, очень можетъ быть, что мы передаемъ слова г. Достоевскаго недостаточно точно и вѣрно. Достоевскій человѣкъ мудреный: какъ уже сказано, онъ еще недавно цѣлую группу прославляемыхъ имъ теперь людей сравнивалъ съ свинымъ стадомъ и предрекалъ имъ гибель въ пучинѣ морской. Мудрено понимать человѣка, примиряющаго въ себѣ самомъ такія противорѣчія, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что рѣчь его, появясь въ печати и внимательно прочитанная, произведетъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Но, не ру-

чаясь за подлинность того, что именно хотѣлъ сказать г. Достоевскій, мы опять-таки повторимъ, что за сущность произведеннаго имъ впечатлѣнія можемъ вполнѣ поручиться.

4.

(На другой день).

Опасенія наши, высказанныя въ только-что оконченномъ письмѣ относительно подлиннаго смысла переданнаго нами содержанія рѣчи г. Достоевскаго, къ несчастью, оказались основательными. Рѣчь г. Достоевскаго напечатана теперь въ 162 № «Московскихъ Вѣдомостей». Прочитавъ ее, и притомъ не одинъ разъ (она понятна не сразу), мы нашли, что хотя въ ней и есть слово въ слово то самое, что передано нами, но что кромѣ этого въ ней есть еще и нѣчто такое, что превращаетъ ее въ загадку, которую нѣтъ охоты разгадывать и которая сводитъ весь смыслъ рѣчи почти на нуль. Дѣло въ томъ, что г. Достоевскій къ всеевропейскому, всечеловѣческому смыслу русскаго скитальчества ухитрился присовокупить великое множество соображеній уже не всечеловѣческаго, а всезаячьяго свойства. Эти неподходящія черты онъ разбросалъ по всей рѣчи, гдѣ по словечку, гдѣ цѣлыми фразами, и всегда вблизи съ разговорами о всечеловѣчности. Чтобы читатели могли яснѣе видѣть, до какой степени рѣчь г. Достоевскаго теряетъ въ пониманіи благодаря этимъ заячьимъ прыжкамъ, приведемъ выписки изъ подлиннаго, напечатаннаго текста.

Прежде всего сдѣлаемъ выписки, доказывающія, что мы имѣли всѣ основанія передать рѣчь г. Достоевскаго такъ, какъ передали. Вотъ что г. Достоевскій говоритъ о духѣ русскаго народа:

«...Что такое *сила духа русской народности*, какъ не стремленіе ея, въ конечныхъ цѣляхъ своихъ, къ всемірности и всечеловѣчности? Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всемірное, всеевропейское. Стать *настоящимъ* русскимъ, стать *вполнѣ* русскимъ, можетъ-быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните *) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите... Для *настоящаго* русскаго Европа и удѣлъ арійскаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ удѣлъ род-

*) Скобки принадлежатъ г. Достоевскому.

ной земли... Что нашъ удѣлъ и есть всемірность... Стать *настоящимъ* русскимъ и будетъ именно значить — внести примиреніе въ европейскія противорѣчія... Ко всемірному, всечеловѣческому братству сердце русское, быть-можетъ, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено».

А вотъ что̀ говоритъ г. Достоевскій о русскомъ «страдальцѣ»:

«Въ «Алеко» Пушкинъ отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того *историческаго русскаго страдальца*, столь исторически явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Это типъ *постоянный и надолго* поселившійся въ русской землѣ. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество и если въ наше время не ходятъ въ цыганскій таборъ искать успокоенія въ ихъ дикомъ, своеобразномъ бытѣ своихъ *міровыхъ* идеаловъ и успокоенія отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то *все равно* ударяются въ соціализмъ, ходятъ съ новою вѣрою на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастія не только для самихъ себя, но и всемірнаго, ибо *русскому* скитальцу *именно необходимо* всемірное счастье, чтобы успокоиться, *дешевле онъ не помирится*... Это все тотъ же *русскій человѣкъ*, только въ разное время явившійся».

Этихъ выписокъ, кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть неразрывную связь скитальца съ народомъ, его чисто народныя черты; въ немъ все народно, все исторически неизбѣжно, законно. Вотъ, основываясь на этихъ-то увѣреніяхъ, я и передалъ рѣчь г. Достоевскаго въ томъ смыслѣ, какъ она напечатана въ *письмѣ изъ Москвы*, радуясь не тому всемірному журавлю, котораго г. Достоевскій сулитъ русскому человѣку въ будущемъ, а тому только, что нѣкоторыя явленія русской жизни начинаютъ выясняться въ человѣческомъ смыслѣ, объясняются «по человѣчеству», не съ злорадствомъ, какъ было до сихъ поръ, а съ нѣкоторою внимательностью, чего до сихъ поръ не было.

Но у г. Достоевскаго, оказывается, былъ умыселъ другой. Ужъ и въ тѣхъ выпискахъ изъ его рѣчи, которыя приведены, читатель можетъ видѣть мѣстами нѣчто всезаячье. Тамъ воткнуто, какъ бы нечаянно, слово «можетъ-быть», тамъ поставлено, тоже какъ бы случайно, рядомъ

«постоянно» и «надолго», тамъ ввернуты слова «фантастическій» и *дѣланіе*, то-есть выдумка, хотя немедленно же и заглушены увѣреніемъ совершенно противоположнаго свойства: необходимостью, которая не дастъ возможности продешевить, и т. д. Такіе заячьи прыжки даютъ автору возможность превратить мало-по-малу все свое «фантастическое дѣланіе» въ самую ординарную проповѣдь полнѣйшаго мертвѣнія. Помаленьку да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, всезаяцъ мало-по-малу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужъ и его заячьяго хвоста. Тутъ оказалось, какъ-то незамѣтно для читателя, что Алеко, который, какъ извѣстно, типъ вполнѣ народный, изгоняется народомъ именно потому, что ненароденъ. Точно также народный типъ скитальца, Онѣгинъ, получаетъ отставку отъ Татьяны тоже потому, что ненароденъ. Какъ-то оказывается, что всѣ эти скитальчески-человѣческія народныя черты — черты отрицательныя. Еще прыжокъ, и «всечеловѣкъ» превращается «въ былинку, носимую вѣтромъ», въ человѣка-фантазера *безъ почвы*... «Смирись!—вопіетъ грозный гласъ:—*счастье не за морями*!» Что же это такое? Что же остается отъ всемірнаго журавля? Остается Татьяна, ключъ и разгадка всего этого «фантастическаго дѣланія». Татьяна, какъ оказывается, и есть то самое пророчество, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся. Она потому пророчество, что, прогнавши отъ себя всечеловѣка, потому что онъ безъ почвы (хотя ему и нельзя взять дешевле), предаетъ себя на съѣденіе старцу-генералу (ибо не можетъ основать личнаго счастья на несчастьѣ другого), хотя въ то же время любитъ скитальца. Отлично: она жертвуетъ собою. Но—увы!—тутъ же оказывается, что жертва эта недобровольная: «я другому *отдана!*» Нанялся—продался. Оказывается, что мать насильно выдала ее за старца, а старецъ, который женился на молоденькой, не желавшей идти за него замужъ (этого старецъ не могъ не знать), именуется въ той же рѣчи «честнымъ человѣкомъ». Неизвѣстно—что представляетъ собою мать? Вѣроятно, тоже что-нибудь всемірное. Итакъ, вотъ къ какой проповѣди тупого, подневольнаго, грубаго жертвоприношенія привело автора обиліе заячьихъ идей. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣвицы, подносившія г. Достоевскому вѣнокъ, подносили ему его не въ благодарность за совѣтъ посвящать свою жизнь ухаживанію за старыми хрычами, насильно навязанными въ мужья; не за матерей,

выдающихъ дочерей замужъ насильно, дабы онѣ въ будущемъ своими страданіями помогли арійскому племени разогнать тоску. Очевидно, что тутъ кто-нибудь ошибся. Но въ неправильномъ толкованіи рѣчи виновенъ не кто иной, какъ самъ Ѳ. М. Достоевскій, не высказавшій своей мысли въ болѣе простой формѣ.

Секретъ.

(Продолженіе предыдущаго).

1.

Да, виновенъ самъ Ѳ. Мих., о чемъ пришлось и говорить, и думать, и писать уже и послѣ того, какъ «торжество» стало забываться, а одновременно съ забвеніемъ мелочныхъ его подробностей въ обществѣ литературномъ и обывательскомъ сталъ возрастать интересъ именно опять-таки къ сущности рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго, затронувшаго существенные вопросы жизни. И тѣмъ болѣе обыватель старался проникнуть въ «самую суть» ученія Ѳ. М., тѣмъ болѣе онъ терялся и недоумѣвалъ. Желая силою своего слова покорить всѣхъ обывателей и быть привѣтствованнымъ «всѣми», г. Достоевскій соединилъ въ своей рѣчи вещи совершенно несоединимыя.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что *всѣ* тѣ, на кого рѣчь г. Достоевскаго произвела сильное впечатлѣніе, явились къ нему въ квартиру благодарить и выразить сочувствіе.

Является мужъ Татьяны благодарить за то, что г. Достоевскій назвалъ его честнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что его и самого иной разъ мучилъ вопросъ: «Ужъ не загубилъ ли, молъ, я, старый хрѣнъ, чужую жизнь?» Честный человѣкъ радъ ободряющему слову, онъ радъ, что почтенный писатель заступился за него, онъ хоть и старъ, но онъ любилъ Татьяну «какъ отецъ», лелѣялъ ее какъ зѣницу ока, и, правду сказать, Татьяна цѣнила его внимательность и спокойную, но прочную любовь, не рвалась, какъ нынѣшнія, непохожія на женщинъ, стриженыя барышни, въ какіе-то курсы, не бѣгала съ книжкой. Генералъ благодаритъ г. Достоевскаго за то, что онъ вывелъ и возвеличилъ этотъ истинный образъ женщины, матери

семейства, вѣрной долгу, слушающейся родителей. Въ заключеніе, генералъ похвалилъ тещу, m-me Ларину, за то, что она, какъ «истинная» мать, сумѣла во-время обуздать Татьяну, не побоялась ея слезъ, выбила изъ головы дурь и фантазіи о какомъ-то хлыщѣ Онѣгинѣ и своею твердостью достигла того, что изъ Татьяны вышла женщина, а не какая-нибудь нынѣшняя курсистка, не какая-нибудь мечтающая о какихъ-то общественныхъ дѣлахъ, въ родѣ несчастной племянницы генерала, Маши Булатовой, которой, вѣроятно, предстоитъ гибель. «Эти книжки,—заканчиваетъ генералъ: — эти курсы, лекціи, служеніе народу, фельдшерицы,—это, по-моему, гибель семьи!»

Поблагодаривъ Ѳ. М. еще разъ и жарко пожавъ ему руку, генералъ уходитъ, но въ самыхъ дверяхъ сталкивается съ несчастной племянницей, Машей Булатовой, которая также является благодарить г. Достоевскаго.

— «Ты зачѣмъ?»—въ удивленіи спрашиваетъ генералъ.

— «Я хочу поблагодарить г. Достоевскаго, — отвѣчала Маша Булатова:—за то, что онъ своимъ искреннимъ словомъ поддержалъ меня, тогда какъ вы всѣ измучили меня. Я, послѣ его рѣчи, чувствую силы на борьбу со всѣми вами, и, ужъ будьте покойны, теперь никакими запорами вамъ не удержать меня въ вашей великолѣпной тюрьмѣ».

Затѣмъ Маша Булатова въ жаркихъ выраженіяхъ торопливо разсказываетъ г. Достоевскому свою исторію, какъ бабушка m-me Ларина, этотъ самый генералъ и частью ужъ состарившаяся Татьяна, ея родная тетка, во что бы то ни стало хотятъ ее упечь замужъ за очень богатаго человѣка, что она знаетъ, какъ пуста эта праздная жизнь, что она не эгоистка, что она хочетъ быть полезной другимъ, что она хочетъ ѣсть трудовой хлѣбъ, учиться, знать, учить другихъ. Она въ сильномъ волненіи, разсказываетъ Ѳ. М., что генералъ и m-me Ларина, видя ея участіе къ сельскому учителю и боясь, чтобы изъ этого не вышло «амуровъ», натворили Богъ знаетъ чего. Распустили про учителя такіе слухи, что того теперь и слѣдъ простылъ. Что даже на курсы попасть ей стоило страшныхъ усилій, на каждомъ шагу ей дѣлали непріятности. Доводили о чемъ-то до свѣдѣнія начальства, вслѣдствіе чего ей не выдано было свидѣтельства о благонадежности. Но теперь, послѣ рѣчи Ѳ. М., ей все ни почемъ. Она все забыла. Она вся хочетъ отдаться служенію на родной нивѣ. Ей ничего не нужно, ни жениховъ, ни каретъ, ни богатствъ, она

уйдетъ въ чемъ есть и вся посвятитъ себя служенію на пользу ближнему. Затѣмъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на своего дядю, она прибавила:—«Да, давнымъ-давно пора было заклеймить публично, всенародно нашу ужасную буржуазію, праздную, апатичную, не думающую о народѣ и его нуждахъ. А это вы сдѣлали въ одномъ мѣстѣ вашей рѣчи, Ѳ. М.! Спасибо вамъ, большое спасибо!»

Она ушла, горячо пожавъ руку Ѳ. М. и презрительно взглянувъ на дядю. Дядя, весь красный отъ гнѣва, недоумѣвая, глядѣлъ на г. Достоевскаго, который, чувствуя свое неловкое положеніе, какъ-то загадочно улыбался, глядя въ землю. Генералъ, покрякивая, хотѣлъ удалиться и началъ прощаться, говоря:—«Во всякомъ случаѣ, позвольте еще разъ»... Но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ въ комнату влетаетъ—Боже милосердый—соціалистъ!

Въ какомъ онъ видѣ, пусть изобразитъ кто-нибудь другой; въ моей лирѣ нѣтъ подходящихъ для этого звуковъ, и перо мое невольно дрожитъ въ рукѣ. Коротко скажу: онъ былъ ужасенъ! Онъ едва не сшибъ съ ногъ генерала, стремительно бросился на Достоевскаго, какъ бы желая его задушить, и вопилъ: «благодарю! благодарю!» Генералъ ушелъ не простясь. Но тотчасъ же явился новый посѣтитель. Это былъ И. С. Аксаковъ.

Видя, что Ѳ. М. обнимается съ какою-то подозрительною личностью, Ив. С. сталъ въ сторонѣ и слушалъ.

— «Отлично, Ѳ. М., вы утерли носъ этимъ славянофиламъ! Довольно они разводили на бобахъ насчетъ народной подоплеки! Я думаю, Аксаковъ теперь почесываетъ въ затылкѣ, какъ вы хватили его всеевропейскимъ-то человѣкомъ! Именно, правда ваша, русскому человѣку придется быть пустымъ пузыремъ, если, какъ вы говорите, всечеловѣческая тоска не заполнитъ его душу. Слава вамъ, что вы такъ смѣло, искренно связали идеалы русскаго человѣка со скорбью о всечеловѣческомъ счастьѣ! Да! Только всемірное счастіе, только тоска по немъ, — вотъ задача мыслящаго человѣка и чистаго сердца! И я жму вашу честную руку за ту прямоту, искренность, съ которою вы не побоялись сказать это публично!»

— «Тамъ въ серединѣ есть мѣсто...» — началъ-было Ѳ. М., улыбаясь и загадочно глядя наискось, но соціалистъ ушелъ такъ же, какъ и пришелъ, вихремъ.

— «Этотъ уродъ какими судьбами очутился здѣсь?—въ удивленіи спросилъ И. С. — И, что-то я не понимаю, ка-

жется, съ благодарностью явился? Или мало ему той оплеухи, которую вы закатили всѣмъ этимъ общечеловѣкамъ? Такъ подогнуть башку пустозвонную, отъ пустоты и вмѣстѣ гордости лѣзущую вверхъ, какъ подогнули вы, почтеннѣйшій Ѳ. М., подогнуть подъ яремъ народнаго плуга, подъ соху мужицкую, никто доселѣ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ еще не дѣлывалъ! Вѣроятно, пе пробрало пустую башку! Да, пора, пора согнать всю эту всеевропейскую саранчу съ нивы народной, которую съ ношей крестной исходилъ, благословляя, Царь небесный! Пора переломить пополамъ, какъ гнилую палку, этотъ гордыбачащій и европейничающій вздоръ! Меня такіе господа костятъ за то, что я сижу въ банкѣ, а толкую о народѣ да объ общинѣ. Надо заткнуть глотку этимъ непрошеннымъ судьямъ! Чѣмъ совать свои всеевропейскіе носы въ разные общественные порядки, «пойми, каналья, самъ-то самого себя, самъ-то себя ухитрись высѣчь и больно высѣчь!» — вотъ что̀ у васъ, Ѳ. М., вышло великолѣпно. И положительно скажу, всевластно, воочію объявилось, быть-можетъ, доселѣ невиданное зрѣлище единенія на мысли о родной нивѣ всевозможныхъ противныхъ по убѣжденіямъ лагерей».

И тутъ Ѳ. М. что-то заикнулся-было насчетъ того, что «тамъ въ серединѣ есть мѣсто», но И. С. Аксаковъ не слыхалъ, что̀ говорилъ ему г. Достоевскій, и, крѣпко пожавъ ему руку, уѣхалъ въ банкъ.

Положеніе Ѳ. М. во время этихъ визитовъ была весьма щекотливое. Особенно же ему было неловко, когда къ нему явилась Татьяна. Она благодарила его не за себя.

— «Что̀ прошло, того не воротить!»—сказала она.

Она была рада, что Ѳ. М. единственный человѣкъ, который хорошо отозвался объ Онѣгинѣ.

— «Вѣдь, право, онъ былъ добрый человѣкъ, но вы вспомните, какое тогда было время! Куда было дѣвать и сердце и умъ? Они потомъ съ Чацкимъ, оба, бѣдные, какъ мучились въ этомъ ужасномъ обществѣ! Я не жалѣю о прошломъ,—что̀ жалѣть о томъ, что̀ ушло навсегда!—но вѣдь вспомните положеніе тогдашней женщины, дѣвушки. Мы ничего не знали, жили какъ велятъ... Мы были забыты... Разумѣется, оставалось терпѣть... Повѣрите ли, я часто завидую моей племянницѣ! Она будетъ вольная птица... Сама себѣ голова. А мы? Мы даже и любить-то не смѣли, кого хотѣли! И думать не смѣли... А теперь! Хоть не браните, и за то вамъ спасибо, Ѳ. М.!»

Татьяна приложила къ глазамъ платокъ.

Я очень сожалѣю, что не имѣю времени перебрать рѣшительно всѣхъ посѣтителей, благодарившихъ Достоевскаго, мнѣнія которыхъ, *по частямъ*, исчерпываютъ всю знаменитую рѣчь.

Но уже и изъ этихъ примѣрно изображенныхъ визитовъ читатель, знакомый съ рѣчью Достоевскаго, можетъ видѣть, во-первыхъ, то, что подобные визиты совершенно возможны, во-вторыхъ, то, что они происходятъ вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, и въ-третьихъ наконецъ, что, несмотря на благодарность, выражаемую Достоевскому его разнородными почитателями, всѣ они, вслѣдствіе вышеупомянутаго недоразумѣнія, должны уйти отъ него съ чувствомъ нѣкотораго неудовлетворенія и какъ бы нѣкотораго непріятнаго раздумья. Всякій изъ этихъ почитателей — славянофилъ, соціалистъ, генералъ или курсистка, очевидно, непріятно поражены сосѣдствомъ одинъ другого и непремѣнно должны чувствовать нѣкоторое изумленіе при видѣ того, что вчерашніе враги (напримѣръ, дядя и племянница) вдругъ оказались какъ бы вполнѣ согласными другъ съ другомъ, хотя и знаютъ въ то же время, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго согласія. Что-жъ это означаетъ?

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

2.

А весь секретъ, вся тайна этой путаницы, вся суть этого невозможнаго объединенія разнороднѣйшихъ, уже установившихся, вполнѣ опредѣлившихся взглядовъ партій и мнѣній заключается, по нашему мнѣнію, въ одномъ маленькомъ словечкѣ, которое Достоевскій поставилъ въ самомъ центрѣ своей рѣчи. «Смиренно поработай на родной нивѣ!»—сказано въ самомъ центрѣ всеобъединяющей рѣчи. Вотъ это-то слово «нива» и есть, по нашему мнѣнію, корень зла. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, означаютъ слова «родная *нива*» (просимъ пристальнѣе вникнуть въ смыслъ этихъ словъ)? Точно ли это обыкновенная нива, положимъ, засѣянная овсомъ, или же нѣчто иное? Очевидно, выраженіе это аллегорическое. Но, опять, что̀ означаетъ эта аллегорія? Положа руку на сердце, выраженіе это (какъ думаемъ мы) ничего существеннаго, опредѣленнаго не означаетъ и означать не можетъ. А между тѣмъ на этой-

то ничего не означающей нивѣ приглашають работать, да притомъ еще смиренно, и вокругъ этой смиренной работы на нивѣ вертится все громадное, всечеловѣческое значеніе русской страдальческой души, все ея всемірно умиротворяющее значеніе. Какъ же могло случиться, чтобы два-три ничего не означающія слова могли объединить—по крайней мѣрѣ, хоть въ аплодисментахъ — людей, явно враждующихъ между собою, и объединить даже какъ бы во имя самой вражды? Вѣдь вонъ племянница-то благодарила именно за то, что отъ Достоевскаго досталось ея дядѣ, а дядя за то, что досталось племянницѣ?

Въ этомъ-то и есть секретъ.

Поставивъ въ центрѣ рѣчи слова, ничего опредѣленнаго не выражающія, Достоевскій далъ полную волю своимъ слушателямъ придавать имъ тотъ смыслъ, какой они придать имъ пожелаютъ. Да, дядѣ курсистки весьма довольно въ этой фразѣ одного *смиренія*, которое вполнѣ оправдываетъ его женитьбу на Татьянѣ, его отношенія къ непокорной племянницѣ. Относительно же *нивы*, онъ противъ нея ничего не имѣетъ: такъ какъ выраженіе это ничего не значитъ, то его съ удобствомъ можно пропустить мимо ушей. Противъ неопредѣленности выраженія ничего не имѣетъ и славянофилъ, и не только не имѣетъ, но находитъ его весьма пріятнымъ, такъ какъ ему нравится въ рѣчи не столько эта «работа» на какой бы тамъ ни было нивѣ, сколько то великое будущее, тѣ предстоящія чудеса, которыя, какъ оказывается, русскій человѣкъ совершитъ съ европейскими порядками впослѣдствіи времени. Ему дорого это отдаленное будущее, а не постыдное настоящее, для котораго вполнѣ достаточно «смиренія» вообще.

Но на ряду съ лицами, отдающими въ вышеприведенной фразѣ Достоевскаго предпочтеніе слову «смиреніе» предъ остальной частью фразы, въ числѣ слушателей и читателей было немало такихъ, которые сами, самовольно, не спросясь Достоевскаго и не дожидаясь его, придали выраженію «родная нива» совершенно опредѣленный *свой* смыслъ, свое, худо ли, хорошо ли понимаемое, значеніе, а главное, чтобы не терять времени въ напрасныхъ толкованіяхъ пустопорожнихъ словъ «родная нива», замѣнили ихъ въ собственномъ своемъ воображеніи тоже двумя словами, но словами, имѣющими опредѣленный смыслъ—именно, рѣшили, что рѣчь идетъ просто-напросто о «народномъ *дѣлѣ*». Эта незначительная замѣна одного слова другимъ, пустого что-

нибудь означающимъ, тѣмъ болѣе имѣла значеніе для гг· самовольцевъ, что немедленно же давала точный и определенный смыслъ, съ одной стороны, слову «смирись», съ другой—«потрудись», «поработай».

И вотъ, согласно тому смыслу, который разномысленные слушатели Достоевскаго придавали, каждый въ отдѣльности, самому важному пункту, на которомъ вращались всѣ детали рѣчи, и послѣднія были поняты и пригнаны къ центру также по-своему, на свой образецъ. Тѣ, которые, не вникая въ сущность рѣчи, просто довольствовались смиреніемъ Татьянъ, смиреніемъ букашки, проткнутой булавкой и до конца жизни безропотно шевелящей лапками, были, разумѣется, очень довольны тѣмъ, что отъ этихъ булавокъ и букашекъ со временемъ произойдетъ нѣчто всемірно замѣчательное. Ни о нивѣ ни о работѣ на ней такого рода господа, конечно, не думали. Быть проткнутой булавкой,—это-то, должно-быть, и есть всечеловѣческая заслуга, и въ этомъ-то, должно-быть, и заключается работа на родной нивѣ. Но тѣ, кто «ниву» замѣнилъ «дѣломъ», тѣ невольно, но неминуемо должны были искать въ рѣчи Достоевскаго и опредѣленій самого дѣла народнаго. Въ смыслѣ этого опредѣленія, такіе слушатели, разумѣется, должны были обращать особенное вниманіе не на тѣ мѣста рѣчи, гдѣ говорится о тряпичности и дрянности разныхъ человѣчишекъ, шатающихся по свѣту съ надутыми на человѣчество губами, а на тѣ мѣста, на тѣ выраженія, гдѣ говорится о всечеловѣческихъ страданіяхъ, о томъ, что сердце русское наиболѣе къ нимъ воспріимчиво. Все, что̀ было сказано въ послѣднемъ смыслѣ, принималось какъ указаніе, оправданіе и объясненіе.

Въ такого рода неправильномъ толкованіи наиболѣе торжественныхъ мѣстъ рѣчи Достоевскаго, конечно, виновато самовольство его слушателей, подставившихъ на мѣсто умилительнаго слова «нива» довольно грубоватое слово «дѣло». О томъ, правильно ли или неправильно понята рѣчь Достоевскаго и нами и своевольцами, ка̀къ и что̀ мы поняли, — мы ужъ сказали. Болѣе объ этомъ говорить не будемъ. Мы только хотимъ обратить вниманіе читателя на ту поистинѣ громадную жажду, съ которой значительная часть общества, если не все общество поголовно, ждетъ откуда бы то ни было указанія на «дѣло», на народное «дѣло». Оно само, какъ видите, разыскиваетъ эти указанія тамъ, гдѣ ихъ даже и нѣтъ, само строитъ собственныя свои

теоріи изъ такихъ матеріаловъ, которые и собраны-то собственно за тѣмъ, чтобы сказать—«перестань!».

3.

Мы сказали выше, что этимъ недугомъ заражено почти все общество потому, что, послѣ освобожденія крестьянъ, буквально все общество стало на новую дорогу. Народный вопросъ самъ собой сталъ передъ всѣми; рѣшеніе его не можетъ не волновать всякаго, и буквально всякій думаетъ о немъ по-своему. Именно неизбѣжность, обязательность, неминучесть мысли объ этомъ вопросѣ, настоятельность опредѣленія «народнаго дѣла», дало послѣднему двадцатипятилѣтію ту, а не другую физіономію, и если эта физіономія не всегда и не всѣмъ приходилась по сердцу, то единственно потому, что «народное дѣло» не выяснилось во всей полнотѣ и безпристрастіи, къ которому обязываетъ его серьезность и значеніе. Все впотьмахъ, все ощупью, все въ безпомощномъ невѣдѣніи. Предсказаній, шарадъ, ребусовъ насчетъ великаго будущаго, ходячихъ фразъ, что «этого у насъ нѣтъ», что мы такіе-сякіе, сухіе и немазаные (на пушкинскомъ праздникѣ одинъ ораторъ сказалъ: «у насъ нѣтъ сословій!») — сколько угодно, а настоящаго выясненія задачъ народнаго дѣла, задачъ, необходимыхъ для всякаго живущаго на Руси,—потому что нельзя, невозможно цѣлымъ поколѣніямъ жить о единомъ хлѣбѣ,—нѣтъ! Теперь вотъ, черезъ двадцать пять весьма поучительныхъ лѣтъ, намъ говорятъ: «поди, молъ, потрудись на какой-то родной нивѣ!» А гдѣ она? Что она?—неизвѣстно. Да еще со смиреніемъ! Не только нѣтъ мало-мальски правдиваго, безпристрастнаго указанія на самое дѣло, но даже и положеніе-то самой нивы, на которую приглашаютъ потрудиться со смиреніемъ, какъ на грѣхъ, ни единымъ словомъ не уясняется.

Въ «Дневникѣ писателя» того же г. Достоевскаго (1877 № 2) есть двѣ, въ этомъ отношеніи, весьма характерныя главы. Одна изъ нихъ называется «Злоба дня въ Европѣ», а другая, рядомъ съ нею, — «Русское рѣшеніе вопроса». Параллель могла бы быть въ высшей степени интересная, если бы была соблюдена авторомъ равномѣрно во всѣхъ частяхъ. Но этого-то именно и нѣтъ. Покуда дѣло идетъ о злобѣ дня въ Европѣ, авторъ вполнѣ послѣдователенъ. Прежде всего онъ изображаетъ происхожденіе даннаго положенія вещей и, на основаніи этого положенія, выводитъ

заключеніе относительно того способа, которымъ можетъ быть рѣшенъ, или безъ котораго рѣшенъ не можетъ быть роковой, проклятый вопросъ. Но какъ только дѣло касается Россіи, никакого положенія вещей нѣтъ, а прямо, съ первой строки, начинаются ни на чемъ не основанныя прорицанія, указанія, ребусы, шарады. Сдѣлаемъ небольшую выписку. Вотъ что̀ говорится о злобѣ дня въ Европѣ. «Въ Европѣ былъ феодализмъ, были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и наконецъ задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: «убирайся, а я на твое мѣсто». Но, ставъ на мѣсто своихъ прежнихъ господъ и завладѣвъ собственностью, буржуазія совершенно обошла народъ, пролетарія и, не признавъ его за брата, обратила его въ рабочую силу для своего благосостоянія, изъ-за куска хлѣба». Но, въ свою очередь, этотъ новый хозяинъ, буржуа, «отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій въ борьбѣ его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ предчувствуетъ, что когда тотъ усилится, то сковырнетъ и его съ мѣста, точно такъ же, какъ онъ сковырнулъ рыцаря, и точно такъ же скажетъ ему: «убирайся, а я на твое мѣсто». Вотъ положеніе вещей въ Европѣ, — положеніе историческое, вполнѣ объясняющее неизбѣжность борьбы не на животъ, а на смерть, между двумя борющимися сторонами, уже ставшими въ боевую позицію. Г. Достоевскій обстоятельно объясняетъ, почему ни та ни другая сторона не могутъ уступить, почему вопросъ не можетъ быть поставленъ на нравственную почву. Всѣ эти объясненія въ европейскомъ рѣшеніи вопроса о злобѣ дня, повторяемъ, основаны на исторически сложившемся положеніи вещей, очеркъ котораго г. Достоевскій приводитъ въ началѣ статьи именно для того, чтобы читателю было понятно, *почему* дѣло рѣшится такъ, а не иначе.

Но какъ только дѣло касается Россіи, съ первой же строки начинается отвлеченная (хотя и очень искусная) проповѣдь о самосовершенствованіи. Ни о положеніи вещей въ данную минуту, ни о прошломъ, изъ котораго оно вышло—нѣтъ ни одного слова. На каждомъ шагу задаешь себѣ вопросы: какую-такую злобу дня разрѣшу я, если, подобно Власу, буду съ открытымъ воротомъ и въ армякѣ собирать на построеніе храма Божія? Если ту же, какая

въ Европѣ, то почему же тамъ дѣло должно кончиться дракой, а не Власомъ? Если другую какую-нибудь, русскую злобу, особенную, то какую именно? Если бы г. Достоевскій былъ послѣдователенъ, то, параллельно вышеприведенному изображенію положенія вещей, долженъ бы былъ представить такое же и относительно Россіи. Въ Европѣ, говоритъ онъ, были рыцари... а у насъ были или не были? если не рыцари, то хоть простые грабители, откупа, напримѣръ, которые опаивали народъ дурманомъ, организмъ, физическое здоровье его разстраивавшіе? Забирались не только въ карманъ, а въ самую кровь. Въ Европѣ вотъ,— говоритъ г. Достоевскій,—буржуа не дастъ пролетарію жить на свѣтѣ... А у насъ есть ли что-нибудь въ этомъ родѣ? Для кого устроены банки всевозможныхъ родовъ и видовъ, кто играетъ на биржѣ, съѣдаетъ милліоны гарантій и субсидій? И достаточно ли въ такихъ дѣлахъ Власа, собирающаго на построеніе храма Божія? Рѣшительно нельзя понять, почему на Руси люди будутъ только самосовершенствоваться? Единственное объясненіе этому, кажется, состоитъ въ томъ, что люди эти вообще ужасно развращены, испорчены. И опять неизвѣстно, кто ихъ испортилъ, отчего они развратились и отчего именно они-то и суть провозвѣстники христіанства. Не опредѣляя «положенія» вещей, не объясняя его, рѣшительно невозможно давать совѣтовъ о томъ, что̀ нужно дѣлать, невозможно предсказывать, прорицать, учить и наставлять, не рискуя впасть въ противорѣчія и свести самую горячую проповѣдь на ничто. И такихъ противорѣчій можно найти у г. Достоевскаго немало. Въ рѣчи онъ подтруниваетъ надъ тѣмъ, что до сихъ поръ интеллигентный человѣкъ все какъ будто хочетъ поднять народъ до себя, а въ дневникѣ прямо совѣтуетъ «поднимать»... Въ томъ же дневникѣ говоритъ: «раздай имѣніе», а на слѣдующемъ столбцѣ говоритъ, что «можно и не раздавать».

4.

Итакъ, все дѣло сводится на внимательное изслѣдованіе положенія, въ которомъ находится родная нива, ибо только въ такомъ случаѣ слово «смиреніе», которое мы ставимъ во главѣ угла служенія народному дѣлу, получаетъ смыслъ опредѣленный, опредѣленное направленіе и опредѣленныя границы. Точно также и дѣло народное дѣлается совершенно опредѣленнымъ, принимаетъ реальныя формы. По-

зволимъ себѣ привести небольшой примѣръ. Предположите, что нѣкоторый человѣкъ (молодой или старый, все равно), чувствительный и сердцемъ и умомъ къ нуждамъ родной «нивы», приходитъ къ сознанію необходимости посвятить себя, свои силы и средства на служеніе ей. Никакихъ западно-европейскихъ декорацій онъ устраивать, для собственной потѣхи, на этой нивѣ не желаетъ. Напротивъ, онъ желалъ работать чисто въ народномъ духѣ. Общинныя начала можно ли полагать народными, крѣпко пустившими корни въ глубинѣ народнаго духа и ума? Я полагаю, что можно. Представьте еще, что, преклоняясь предъ ними, какъ предъ народными, впечатлительный человѣкъ этотъ понимаетъ ихъ и цѣнитъ гораздо болѣе, чѣмъ цѣнятся и понимаются они на самой нивѣ, при чемъ онъ цѣнитъ ихъ и дорожитъ ими особенно сильно и страстно, потому что ему, какъ человѣку образованному, въ подробности извѣстно мучительно-тягостное положеніе злобы дня у милліоновъ европейскихъ народовъ, о чемъ говоритъ г. Достоевскій. Изучивъ эту глубокую неправду человѣческихъ отношеній въ Европѣ, сначала по книжкамъ, потомъ убѣдившись, положимъ, личнымъ опытомъ, до какой степени отношенія эти несправедливы, жестоки, не имѣя силъ забыть ни казней коммунаровъ, которыя чувствительному человѣку пришлось видѣть, не имѣя силъ и возможности изгладить изъ памяти впечатлѣніе лондонскихъ рабочихъ кварталовъ, этихъ человѣчьихъ гнѣздъ нищеты и скорби, беззащитнаго одиночества,—чувствительный человѣкъ нашъ, подавленный массою человѣческихъ страданій, пережитыхъ имъ и въ книгѣ, и во снѣ, и наяву, приходитъ къ мысли, или, вѣрнѣе, къ прочному убѣжденію, что его личныя несчастьишки—ничто въ сравненіи съ этими вѣковыми страданіями милліоновъ, начинаетъ забывать о себѣ, о своихъ личныхъ недугахъ, и все болѣе и болѣе дѣлаетъ своими чужія бѣды. Онъ чувствуетъ, что надо «смирить» себя, покорить себя работѣ на родной нивѣ, послужить народному дѣлу. Гдѣ же ему служить, какъ не на родинѣ? Радостно замѣчаетъ онъ, что у насъ еще дѣло не стало на ту непривѣтливую почву, какъ въ чужихъ земляхъ, что у насъ есть «общинныя начала», изъ-за которыхъ тамъ бьются въ кровь не одинъ десятокъ лѣтъ. Именно помня эту кровь, эти Саторн-Кайенны, онъ страстно желаетъ сохранить эти предохраняющія отъ крови и слезъ наши народныя начала и принимается работать надъ тѣмъ, что̀ уже существуетъ какъ фактъ, что̀ даже правительствомъ

признается, какъ форма общежитія, обезпечивающая прочность финансовой системы, предохраняющая страну отъ развитія пролетаріата. По своимъ силамъ и средствамъ онъ задумываетъ самое малое дѣло въ этомъ чисто народномъ смыслѣ. За большое онъ не берется, онъ просто взвѣсилъ и оцѣнилъ свои силы и средства, понялъ, что̀ можетъ и чего не можетъ. На самое дѣло наталкиваетъ его простой случай. Онъ прочиталъ въ газетахъ, что въ камерѣ мирового судьи того города, гдѣ онъ живетъ, разбиралось дѣло о побояхъ и увѣчьяхъ, нанесенныхъ сапожнымъ мастеромъ Кудрявцовымъ десятилѣтнему мальчику-ученику. Изъ дѣла оказалось, что Кудрявцовъ колотитъ своихъ учениковъ не на животъ, а на смерть, бьетъ ремнемъ, не кормитъ, держитъ въ холодной комнатѣ. Впослѣдствіи, пройдя сквозь эту каторгу и оставшись живымъ и здоровымъ, мальчикъ и самъ, пожалуй, будетъ такъ же учить своихъ учениковъ.

И вотъ, жалѣя мальчика въ настоящемъ, жалѣя его въ будущемъ, чувствительный человѣкъ нашъ надумываетъ самое простое, по его мнѣнію, дѣло. Онъ рѣшается отдать свои средства на образованіе мастерской («отдай имѣніе твое!»), въ которой бы ребятъ не били, а учили, не мучили голодомъ, а кормили, и думаетъ, что общинное начало, въ видѣ артельнаго хозяйства, вещь не только не предосудительная, но прямо нужная и законная. Онъ отыскалъ избитаго мальчика, а этотъ привелъ къ нему еще двоихъ, тоже избитыхъ, три другіе ушли отъ другого суроваго хозяина сами, и вотъ начинаютъ жить. Чувствительный человѣкъ, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, «принанялъ» покуда въ главные мастера взрослаго сапожника, но, желая быть послѣдовательнымъ именно въ смыслѣ народнаго дѣла, онъ долженъ «убѣдить» какъ взрослаго рабочаго, такъ и маленькихъ учениковъ его въ томъ, въ чемъ убѣжденъ самъ. Ему обидно, что его называютъ «хозяиномъ». Какой онъ хозяинъ? Онъ такой же, какъ и они. Онъ хочетъ только, чтобы, при его помощи, они «сами» завели «свое» дѣло на товарищескихъ основаніяхъ, сами были хозяевами своей работы. На первыхъ же порахъ ему приходится, очевидно, очень и очень много разговаривать. Сапоговъ не шьютъ покуда, а разговоры идутъ и разговоры долгіе. А покуда они разговариваютъ, противъ него, противъ этого чувствительнаго человѣка, ужъ устраивается нѣчто непріязненное. Положимъ, что у насъ нѣтъ ни буржуа, которые не даютъ жить пролетарію, «нѣтъ даже сословій»—нѣтъ ничего въ

западно-европейскомъ, не христіански-враждебномъ родѣ, но есть двое хозяевъ-сапожниковъ, которые недовольны, и очень основательно недовольны тѣмъ, что отъ нихъ сбѣжали мальчики, что это дурной примѣръ; есть, кромѣ того, матери и отцы, не понимающіе и не могущіе понять, почему это баринъ затесался къ сапожникамъ, что̀ ему нужно, и непремѣнно думающіе, что тутъ что-нибудь не такъ; есть наконецъ сами мальчики, берущіе примѣръ въ непониманіи какъ съ родителей, такъ и съ взрослаго мастерового, своего учителя, который также покашивается на барина, отказывающагося быть хозяиномъ, и полагаетъ, что тутъ не безъ подвоха. Всѣ эти—ни буржуа, ни тѣмъ паче рыцари, ни, Боже избави, пролетаріи, начинаютъ шушукать, болтать, обсуждать въ кабакѣ, за воротами, а тѣ изъ нихъ, кому нужно, начинаютъ и поступать по силѣ и по мочи. Какъ они поступаютъ—не наше дѣло. Но представьте себѣ, что впечатлительный человѣкъ, вслѣдствіе ихъ поступковъ, съ сожалѣніемъ принужденъ пойти, положимъ, хоть къ г. Достоевскому, «посовѣтоваться», какъ ему быть?

— Закрывать мнѣ мастерскую или же отстаивать ее?

Что̀ отвѣтитъ ему О. М.? Неужели скажетъ:

— Смирись, гордый человѣкъ!

Но на это впечатлительный человѣкъ можетъ возразить:

— Да я и такъ ужъ смирился. Мнѣ лично ничего не надо, я хочу только хоть этимъ пятерымъ-шестерымъ мальчишкамъ быть полезенъ. Неужели же я долженъ бросить ихъ на произволъ судьбы? Вѣдь ихъ пуще прежняго начнутъ колотить колодкой по головѣ? Мнѣ кажется, что я и по-христіански не имѣю права отступать. Я долженъ идти до конца. Пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ, я готовъ!

— Смирись, праздный человѣкъ! Покори себя себѣ, усмири себя въ себѣ. Не *внѣ тебя* правда, не въ сапожной твоей мастерской, а *въ тебѣ самомъ найди себя*, самъ собой, въ себѣ!

— Стало-быть, бросать посовѣтуете?

И даже на этотъ вопросъ нѣтъ категорическаго отвѣта; не слушая и не останавливаясь, Ѳ. М. продолжаетъ прорицать:

— «...И узришь свѣтъ! И увидишь правду! Побѣдишь себя, усмиришь себя и другихъ освободишь, — и узришь счастіе... и начнешь великое дѣло... Не въ вещахъ правда».

И такъ до безконечности.

5.

Читатель видитъ, до какой степени самыя прекрасныя прорицанія оказываются безплодными, разъ «на родной нивѣ» оказалось крошечное дѣло. Видитъ, что даже отвѣтовъ на самые простые вопросы, возбуждаемые дѣломъ, совсѣмъ-таки нѣтъ въ обращеніи. И не слѣдуетъ ли изъ этого, что прежде нежели приглашать потрудиться на нивѣ, прежде нежели рекомендовать смиреніе, какъ наилучшее средство для этого труда, заняться съ возможной внимательностью изученіемъ самой нивы и положенія, въ которомъ она находится, такъ какъ, очевидно, только это изученіе опредѣлитъ и «дѣло», въ которомъ она нуждается, и способы, которые могутъ помочь его сдѣлать. А прорицать можно и послѣ.

Подозрительный бельэтажъ.

1.

...Не такъ давно деревенское уединеніе мое было нарушено весьма непріятнымъ обстоятельствомъ: случилось мнѣ прочесть въ литературномъ обозрѣніи «Голоса» о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ статью, посвященную литературѣ о народной жизни, гдѣ осрамилъ всѣхъ пишущихъ о народѣ (а я тоже маракую по части разныхъ очерковъ и отрывковъ изъ крестьянской жизни) самымъ постыднымъ образомъ. Не то огорчило меня, что авторъ статьи причислилъ себя къ «литературѣ бельэтажа» [1]), къ литературѣ парадныхъ комнатъ, а всѣхъ насъ наименовалъ литературою кабака и харчевни, задняго двора и черной лѣстницы; не то, что въ посрамленіе насъ онъ торжественно указалъ на великія имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя и противопоставилъ имъ «всѣхъ этихъ» «разныхъ семинаристовъ»; не то наконецъ, что наши несчастные очерки и отрывки изъ деревенскихъ дневниковъ онъ привелъ въ связь съ крамолой, нѣтъ! Все это давнымъ-давно извѣстно, а главное—все это не можетъ быть опровергаемо и, сталобыть, нисколько не можетъ волновать «этихъ разныхъ семинаристовъ». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не знаю, что, напримѣръ, я, одинъ изъ «этихъ семинаристовъ», не похожъ

[1]) Вотъ подлинныя слова поруганія: «Сильно ошибся бы тотъ читатель «Русскаго Вѣстника», который сталъ бы заключать по беллетристикѣ «Рус. Вѣсти.» о нашей современной беллетристикѣ вообще. Повѣсти и романы «Рус. Вѣсти.» это —*бельэтажъ*, чистыя комнаты нашего литературнаго зданія. Но въ этомъ зданіи есть чердаки и подвалы, есть грязные чуланы и никогда не вентилируемыя, никогда не подметаемыя спальни, есть задніе дворы съ кучами мусора». Такъ вотъ въ этотъ-то мусоръ и упрятываетъ г. Щебальскій насъ, «пишущихъ» о народѣ.

на Пушкина? Развѣ я не знаю, что «Русскій Вѣстникъ»— литература бельэтажа? Развѣ я не знаю, что «крамола» чудится этому бельэтажу литературы во всемъ, и что нельзя написать «отрывка» изъ деревенскаго дневника и затронуть въ немъ хоть каплю изъ безчисленныхъ и настоятельныхъ деревенскихъ нуждъ, чтобы какой-нибудь литературный сыщикъ не указалъ на тебя, какъ на человѣка, котораго слѣдовало бы истребить? И чѣмъ я виноватъ, что я родился не въ бельэтажѣ. Родись я въ бельэтажѣ, а бельэтажный критикъ въ лакейской, тогда онъ бы былъ представителемъ литературы кабака и харчевни, а я забрался бы въ бельэтажъ. Все отъ Бога, господа, и въ этихъ дѣлахъ ничего не подѣлаешь! А они ругаются и за то, что родился не въ бельэтажѣ, и за то, что не Пушкинъ. Но, милостивые государи, вѣдь и вы тоже не Пушкины. Развѣ господинъ Катковъ похожъ на Лермонтова, или развѣ г. Щебальскій напоминаетъ Гоголя?

Повторяю, не это меня взволновало и раздосадовало; на все это, право, можно бы отвѣтить и весело и остроумно, если-бъ была охота и если бы наша жизнь не была такъ тягостна и такъ упорно не хотѣла хоть чѣмъ-нибудь облегчить угнетенную душу русскаго человѣка. Меня взволновала, благодаря этой критикѣ, именно эта самая жизнь, жизнь деревенская, окружающая меня. Тысячу разъ я говорилъ себѣ, что надо бросить писать о деревнѣ, что теперь «поздно», что очерки и отрывки, при условіяхъ, которыми окружена подобнаго рода литературная работа, безплодны, не нужны, потому что не могутъ выразить всей многосложности того *ненужнаго зла,* которое введено въ народную жизнь упорными и ужасными, по безсердечію, усиліями, и съ которымъ теперь деревня принуждена раздѣлываться «своими средствами». Вотъ этотъ-то приливъ обезсиливающей тоски, тоски, прекращающей въ концѣ концовъ всякую работу мысли, всякую возможность ощущать, будучи живымъ, что-нибудь, кромѣ страшнаго холода внутри и внѣ, вотъ въ такое-то мученіе и повергла меня статья бельэтажнаго критика. Она опять и въ усиленной степени воскресила эту дѣйствительность деревенскую, отъ которой не знаешь куда уйти, чтобы хоть здоровьемъ-то физическимъ запастись; она, доказывающая, что «очерки» и «отрывки изъ дневниковъ»—ничтожество и посрамленіе литературы, сдѣлала то, что сама дѣйствительность, которую «очерки и отрывки» не отражаютъ и въ самой ничтож-

ной степени, вдругъ встала во всемъ своемъ грозномъ безобразіи и стала давить, гнести, царапать, рвать и мучить всѣми муками, на какія способно безъ нужды, безъ смысла раздраженное существо. Въ самомъ дѣлѣ, какіе ужъ тутъ «отрывки» и «очерки»!

2.

Чтобы хоть мало-мальски успокоиться отъ этого волненія, которое, я зналъ ужъ, не могло кончиться ничѣмъ, кромѣ упадка физическихъ силъ, я вновь взялся за газету, въ которой было напечатано литературное обозрѣніе; мнѣ хотѣлось отвлечь мое волненіе отъ мучительной дѣйствительности и сосредоточить его на чемъ-нибудь такомъ, что̀ бы дало мнѣ возможность хоть какъ-нибудь облегчить мое волненіе — чего дѣйствительность не даетъ: думаю: перечитаю фельетонъ, проберу (мысленно) г. Каткова, проберу (мысленно) г. Щебальскаго, вотъ мнѣ и станетъ легче. Взялъ я съ этою цѣлью фельетонъ и сталъ его перечитывать, и, къ величайшему моему удивленію, съ первыхъ же строкъ не только сталъ успокаиваться и пересталъ волноваться, но былъ поглощенъ соображеніями совершенно новыми и неожиданными.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ томъ же самомъ литературномъ обозрѣніи, гдѣ г. литературный обозрѣватель разсказываетъ о томъ, какъ г. Щебальскій «изуродовалъ» насъ всѣхъ, пишущихъ о народѣ, этотъ же г. литературный обозрѣватель упоминаетъ о другомъ литературномъ произведеніи, напечатанномъ въ томъ же нумерѣ «Русскаго Вѣстника», гдѣ помѣщена и статья г. Щебальскаго. Произведеніе это, принадлежащее, безъ всякаго сомнѣнія, къ литературѣ бельэтажа (оно напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), есть романъ г-жи Толычовой, въ которомъ разсказывается такая исторія: жили-были графъ съ графинею, и родился у нихъ сынъ; но ехидная дворовая баба подмѣнила графскаго ребенка своимъ ехиднымъ дворовымъ ребенкомъ, рожденнымъ, по всей вѣроятности, незаконно, гдѣ-нибудь въ конюшнѣ или въ хлѣву. И вотъ возникаетъ трагическое недоразумѣніе: подъ именемъ графа, въ графскомъ бельэтажѣ, растетъ продуктъ лакейской и кучерской, «исчадіе кабака и харчевни», а настоящій графъ воспитывается въ лакейской, впослѣдствіи даже чиститъ сапоги попавшему незаконно въ бельэтажъ прохвосту, каковой прохвостъ и ругаетъ настоящаго-то

графа всякими скверными словами, называетъ «неумытымъ рыломъ». Вотъ голый остовъ превосходнаго произведенія г-жи Толычовой, и хотя я получилъ о немъ понятіе изъ сокращеннаго пересказа, сдѣланнаго литературнымъ обозрѣвателемъ «Голоса», но, признаюсь, оно дало моимъ мыслямъ совершенно неожиданный оборотъ. — «Боже мой! — воскликнулъ я: — какое трагическое положеніе! Прохвостъ ругаетъ настоящаго графа за «неумытыя руки», за то, что настоящій графъ, волею судебъ поставленный въ положеніе человѣка низкаго званія, не умѣетъ правильно выражаться, говоритъ «рупъ на рупъ» вмѣсто «рубль на рубль», «въ Питенбурхъ» вмѣсто Петербургъ, называетъ прохвоста «васясо» *) вмѣсто «ваше сіятельство», а на дѣлѣ-то оказывается, что этотъ чванящійся своимъ бельэтажемъ проходимецъ самъ бы долженъ былъ чистить своему теперешнему лакею сапоги и бѣгать у него на побѣгушкахъ. «Боже мой! — воскликнулъ я опять: — вѣдь, стало-быть, бываютъ случаи такой глубокой несправедливости! Стало-быть, возможно, что человѣкъ, сидящій въ бельэтажѣ и кричащій: «мы—бельэтажъ», ругающій кабакъ и харчевню, брезгающій всѣмъ, что̀ недостойно его общества, возможно, стало-быть, что этотъ человѣкъ именно самъ и есть истинный представитель кабака и харчевни?» Мысль г-жи Толычовой показать, что титулъ, дорогое помѣщеніе и грубость по отношенію къ меньшей братіи еще не суть признаки благородства души и не могутъ еще служить основаніемъ для всеобщаго уваженія, показалась мнѣ достойной величайшаго вниманія. Если это та самая г-жа Толычова, подумалъ я, которая написала разсказы о 12-мъ годѣ, то самый возрастъ ея, свидѣтельствующій о ея огромной опытности и знаніи людей, долженъ быть порукою въ томъ, что она недаромъ отмѣтила эту черту нашего времени; она должна была видѣть настоящіе бельэтажи, и если въ настоящее время задалась мыслью доказать, что не во всѣхъ бельэтажахъ живутъ порядочные люди, то, стало-быть, черта эта особенно стала бросаться въ глаза. И точно: я вотъ очень хорошо знаю, что волостной старшина Чуркинъ, уже набившій карманъ, благодаря крестьянской безграмотности и нуждѣ, черезъ пять-десять лѣтъ очутится въ Москвѣ, найметъ бельэтажъ и начнетъ ругаться на свою же братію, мужиковъ, и что̀ же? Неужели же я долженъ буду счи-

---

*) Въ разсказахъ Л. Н. Толстого.

тать его представителемъ ума, таланта, совѣсти, чести— только потому, что эта скотина платитъ дорого за «фатеру»? А такихъ молодцовъ, будьте увѣрены, станетъ прибывать изъ деревень въ городъ и столицы съ каждымъ днемъ все больше и больше, и что же будетъ, если всѣ они (сію минуту просто только міроѣды), забравшись въ бельэтажъ, провозгласятъ собственную свою литературу, «почнутъ» отыскивать крамолу, а когда имъ не понравится какой-нибудь «отрывокъ» изъ деревенской жизни, напечатанный не въ бельэтажномъ журналѣ, то они, безъ большихъ разговоровъ, будутъ прямо посылать своихъ литературныхъ критиковъ въ полицію? Вѣдь житья не будетъ!

Чтобы разрѣшить трудную въ настоящее время задачу: «кто долженъ считаться истинно достойнымъ жителемъ бельэтажа?» — г-жа Толычова употребляетъ, какъ мы видѣли, пріемъ весьма оригинальный. Въ графѣ, живущемъ въ бельэтажѣ, она (если такъ можно выразиться) помѣщаетъ подлую и низкую душу, а въ лакеѣ этого графа помѣщаетъ душу высокую и благородную, и такимъ образомъ мѣриломъ истиннаго аристократизма является благородство души, благородство и гуманность идей, намѣреній и поступковъ. Она какъ бы говоритъ: человѣкъ съ титуломъ, но съ низкою душой, и «въ бельэтажѣ» есть не болѣе какъ тварь, нестоящая вниманія; а тотъ, кто безъ титула, находясь въ самомъ низкомъ званіи, но обладаетъ благороднымъ сердцемъ и возвышеннымъ умомъ, тотъ-то и есть истинный аристократъ. Такъ у нея въ романѣ и вышло: лакей оказался графомъ, а графъ оказался лакеемъ и былъ выгнанъ изъ бельэтажа при помощи дворниковъ.

3.

Да! надобно г-жѣ Толычовой отдать полную справедливость: она какъ разъ во-время выдвинула на сцену позабытый нѣкоторыми бельэтажами принципъ «благородства души», какъ признакъ истиннаго аристократизма и права на привилегированное положеніе въ обществѣ. Благородные помыслы и благородные поступки—вотъ единственныя основанія права считать себя человѣкомъ, стоящимъ выше толпы, выше улицы, выше харчевни. Посмотрите, пожалуйста, на слѣдующіе два эпизода, недавно прочитанные мною въ газетахъ: отъ 6-го мая напечатана изъ Рязани такая корреспонденція: «Нѣсколько дней назадъ, въ пригородномъ селѣ Кузьминскомъ произошелъ слѣдующій при-

скорбный случай. *На другой день послѣ* бывшаго тамъ пожара прискакалъ въ село верхомъ на лошади тамошній мировой судья *князь* К—нъ и сталъ *гонять* кузьминскихъ крестьянъ *нагайкой*, чтобы затушить тѣ сто тридцать крестьянскихъ дворовъ, которые *еще наканунѣ сгорѣли* въ селѣ до тла. Кузьминскіе крестьяне предположили, что ихъ мировой, и прежде эксцентричный и взбалмошный, теперь просто сошелъ съ ума, и стали по возможности уклоняться отъ его нагайки; но потомъ, видя, что князь К—нъ не пьянъ и не боленъ, а только *страшно озлобленъ на крестьянъ* (курсивъ подлинника), начали выражать ему свой ропотъ на его грубое надъ ними насиліе въ довольно рѣзкихъ формахъ, особенно когда кн. К—нъ, разъѣзжая по пожарищу, съ плетью въ рукѣ, отхлысталъ *ни за что ни про что* сельскаго старосту, избилъ нагайкой старика Бѣляева и *изсѣкъ* еще нѣсколько лицъ, случайно попавшихся ему подъ руку. Сынъ крестьянина Бѣляева, видя изсѣченнымъ своего старика-отца, въ порывѣ понятнаго чувства и справедливаго негодованія на судью, умолялъ своихъ односельчанъ вступиться за его отца и сталъ выражать въ селѣ порицаніе князю К—ну, утверждая, что его поступокъ есть грубѣйшій произволъ, такъ какъ *по закону даже каторжныхъ* стариковъ не наказываютъ плетьми. Узнавъ объ этомъ, мировой судья князь К—нъ *страшно разсвирѣпѣлъ* на сына крестьянина Бѣляева и послалъ тотчасъ же тамошняго урядника составить «протоколъ объ оскорбленіи Бѣляевымъ мирового судьи при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей». Крестьяне же, въ свою очередь, а особенно потерпѣвшіе, собираются жаловаться на судью за дикую расправу. Но очень встревожены тѣмъ, какъ бы не вышло имъ изъ-за этого какой опаски» («Голосъ», № 125).

Въ этомъ дѣлѣ, какъ видите, дѣйствуетъ князь, лицо, несомнѣнно причисляющее себя къ «бельэтажу». А вотъ другой случай, въ которомъ играетъ роль, выражаясь языкомъ бельэтажа, человѣкъ харчевни и улицы, просто-напросто урядникъ: «Въ Гадячскомъ уѣздѣ,—пишутъ въ томъ же «Голосѣ»:—на одной сельской ярмаркѣ произошелъ пожаръ. Урядникъ, находившійся здѣсь, ни съ того ни съ сего вообразилъ, что причина пожара—поджогъ, и, руководимый какими-то непостижимыми соображеніями, поймалъ за шиворотъ одного изъ крестьянъ и сталъ его тащить куда-то, а такъ какъ крестьянинъ сопротивлялся, то уряд-

никъ принялся его колотить, крича народу, что онъ поймалъ поджигателя; раздраженный пожаромъ народъ цѣлой массой навалилъ на несчастнаго мужика и принялся его тузить до того, что урядникъ самъ долженъ былъ отбивать его и отбиваться отъ толпы шашкой. Избитый крестьянинъ оказался ни въ чемъ не виноватымъ». Вотъ два дѣянія, изъ которыхъ въ одномъ дѣйствуетъ князь, а въ другомъ— плебей. Спрашивается: имѣетъ ли князь К—нъ хотя малѣйшее право хоть чѣмъ-нибудь кичиться передъ плебеемъ? И можетъ ли означенный князь презирать этого плебея только потому, что онъ князь и обитатель бельэтажа? Кромѣ того, если поступокъ князя К—на, безцѣльный и жестокій, не роняетъ значенія того бельэтажа, къ которому онъ себя причисляетъ, то почему и урядинку не считать себя достойнымъ этого бельэтажа, разъ онъ дѣлаетъ точь въ точь такой же безсмысленный и жестокій поступокъ, какъ и кн. К—нъ? Но госпожа Толычова приходитъ намъ на помощь и такъ разрѣшаетъ запуганный вопросъ: «Нѣтъ,—говоритъ она:—никто изъ васъ недостоинъ бельэтажа, а оба вы, несмотря на разницу званія и состоянія, заслуживаете арестантской. Бельэтажа достоинъ тотъ, кто, несмотря на званіе и состояніе, имѣетъ благородную душу, не колотитъ людей зря, потому что такъ пришло въ голову, не гонитъ нагайками тушить пожаръ, который кончился тому назадъ два дня, а приходитъ на помощь погорѣльцамъ, помогаетъ, ободряетъ, словомъ, пользуется возможностью проявить свои благородныя чувства. Вы же оба—не бельэтажъ».

Признаюсь, чѣмъ больше и внимательнѣе вдумывался я въ значеніе того глубокаго смысла, который придаетъ госпожа Толычова слову «бельэтажъ», тѣмъ неудержимѣе возгоралось во мнѣ желаніе узнать и точно опредѣлить, дѣйствительно ли «ихній бельэтажъ» имѣетъ права на ту наглость, съ которою онъ кричитъ о своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ? Имѣетъ ли право этотъ «ихній бельэтажъ» кричать на весь свѣтъ: «Мы — литература бельэтажа, мы представители и выразители высшаго общества, мы — большой свѣтъ, мы — соль земли, а все остальное— соръ и грязь, которую надо вымести вонъ, выбросить въ канаву съ нечистотами». И едва я начиналъ думать объ этомъ, какъ ужъ, самъ не знаю почему, чувствовалъ себя весьма неловко. «Охъ,—говорилъ я самъ себѣ мысленно:— вѣдь пожалуй, что въ этомъ бельэтажѣ не совсѣмъ чисто!..

«Фатера»,—думалось мнѣ со свойственною мнѣ безграмотностью:—у «ихъ» точно-что въ бельэтажѣ, а народъ тамъ, какъ оказывается, не вполнѣ... нѣтъ!.. какъ будто бы не вполнѣ господскаго званія! Фраки на нихъ надѣты, это правда, но вѣдь вотъ и у «татаръ» вся прислуга во фракахъ? А разговоръ ихній? А ужъ что касается разговору, такъ и въ харчевнѣ такъ не разговариваютъ, какъ въ ихнемъ бельэтажѣ. На нашего брата изъ низкаго званія серчаютъ и начальству жалуются, когда по безграмотности скажешь «рупъ на рупъ», или «васясо», или «Питенбурхъ», жалуются и на весь свѣтъ срамятъ, а сами? Двадцать пять лѣтъ, день въ день, часъ въ часъ, изо дня въ день и изъ часу въ часъ, во всѣ свои парадныя окна, подъѣзды и швейцарскія не войдутъ, не выйдутъ и не выглянутъ безъ сквернаго слова: «Мошенники пера! мерзавцы либерализма! разбойники печати! идіоты самоуправленія!». Двадцать пять лѣтъ, на всю Россію, въ окна и въ двери, только и слышишь—скрежещутъ и орутъ: подлецы, мошенники, разбойники, плуты, идіоты. Только развернешь листъ ихней бельэтажной газеты, на первой же строкѣ скрежетъ и крикъ! И это, съ 9-ти часовъ утра каждый Божій день, двадцать пять лѣтъ! Никому нѣтъ покою!»

До какой степени не одобряется человѣкомъ улицы и вообще всякимъ обывателемъ, созидающимъ благосостояніе бельэтажа, — грубое, презрительное къ нему, «обывателю и человѣку улицы», отношеніе того же бельэтажа, — можетъ служить случайная встрѣча и случайный разговоръ на желѣзной дорогѣ съ однимъ старымъ отставнымъ солдатомъ, многіе годы служившимъ швейцаромъ во многихъ большихъ московскихъ домахъ. Разговоръ съ нимъ шелъ именно о трудности его службы, о необходимости потрафлять по характеру господъ, при чемъ немало изъ нихъ любятъ помыкать прислугой почти ради только собственнаго удовольствія. Что̀ меня особенно поразило въ разсказѣ этого солдата, это — случайно высказанное имъ порицаніе какихъ-то господъ, проживающихъ въ Москвѣ на С—мъ бульварѣ, у которыхъ онъ жилъ въ послѣдній годъ и которыхъ за грубость обращенія не признавалъ господами.

— Всѣ до единаго сердитые-пресердитые! И гости-то и знакомые не войдутъ, не выйдутъ, чтобы глазами волчьими не сверкать и чтобы чего-нибудь сквозь зубы не шептать... И что̀ за компанія,—понять невозможно!..

Никакого сомнѣнія не было, что солдатъ служилъ именно

въ томъ самомъ домѣ, гдѣ хоть и есть мусорныя кучи, но гдѣ есть и бельэтажъ.

— Не печатаютъ ли они какой-нибудь газеты?—спросилъ я швейцара.

— Какъ же! День и ночь печатаютъ! И опять же таки и на бумагѣ все непріятность стараются сдѣлать простому человѣку.

Мнѣніе швейцара подтвердилось какъ нельзя лучше.

Поѣздъ подошелъ къ Любани. Я и старикъ вышли. Онъ сталъ пить чай, а я пошелъ купить газету. Когда поѣздъ тронулся опять, старикъ опять сидѣлъ противъ меня, и газета, которая была у меня въ рукахъ, опять заставила насъ возобновить разговоръ и, къ удивленію моему, разговоръ о томъ же самомъ «бельэтажѣ». Произошло это оттого, что въ томъ № газеты «Новое Время», который я купилъ въ Любани, на первой страницѣ (№ 2231) въ статейкѣ «Охранители или опустошители?» шла рѣчь именно объ этомъ самомъ знаменитомъ бельэтажѣ.

Пробѣжавъ статейку, я невольно остановился на слѣдующихъ строкахъ: «...самое понятіе «сильной власти» имѣетъ для «Московскихъ Вѣдомостей» особый смыслъ, не всегда отвѣчающій тому представленію о сильной власти, какое дается примѣрами исторіи, политическими доктринами,—наконецъ простымъ здравымъ смысломъ». Припомнимъ лишь нѣсколько случаевъ изъ дѣятельности господъ этого бельэтажа. Они, напримѣръ, «были *недовольны* энергическимъ *проявленіемъ власти, когда шло дѣло о прекращеніи* такихъ общественныхъ бѣдствій, какъ заносъ *чумы* черезъ Каспійское море, или какъ *голодовка* въ обширной полосѣ имперіи. Имъ казалось, что усилія власти, направленныя къ успокоенію населенія, роняютъ ея престижъ. *Они хотѣли, чтобы свою силу власть проявила пренебреженіемъ къ встревоженному состоянію страны, бездѣйствіемъ въ виду опасности*».

Прочитавъ эти строки, я немедленно же перечиталъ ихъ моему собесѣднику, но тотъ, не привыкнувъ къ газетному языку, попросилъ меня разсказать своими словами.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ я:—что когда была чума и голодъ въ восьми губерніяхъ, такъ эти господа, что̀ на бульварѣ-то бельэтажъ нанимаютъ, у которыхъ ты служилъ...

— Ну-ну-ну!

— Они стали совѣтовать начальству, чтобъ оно не помогало.

— Не помогало?

— Да! Потому, говорятъ, если ты снизойдешь, будешь слушать, о чемъ тебя просятъ, такъ тебя уважать не будутъ, а если, говорятъ, ты не будешь обращать вниманія, плюнешь, тогда, говорятъ, и будутъ тебя почитать!

— Такъ. Это все одно, какъ ежели бы въ старыя времена, при господахъ, околѣла, положимъ, у меня лошадь и пошелъ бы я къ барину, а баринъ бы вмѣсто того, чтобы мнѣ подсобить, плюнулъ бы мнѣ въ лицо и прогналъ?

— Выходитъ, что такъ!

— А ежели бы онъ мнѣ въ моей нуждѣ помогъ и далъ бы мнѣ лошадь, такъ я бы, стало-быть, долженъ—не почитать за это?..

— Должно-быть, что...

— Это кто же говоритъ?

— Да вотъ... они!

— Все въ той фатерѣ?

— Тамъ!

Старикъ вздохнулъ и сказалъ, покачивая головой:

— Н-не знаю!.. Какое-такое отечество они обожаютъ, а, по-моему, такъ за этакія слова не только что снисходить... Господи ты Боже мой! зла-то и такъ между нами много! На то и начальство, чтобъ его не допускать, на то и власть огромная, чтобы добро дѣлать... Вѣдь вотъ голодные-то, сказываютъ, восемь губерній—ну, что̀ они сами-то могутъ? Кто-жъ какъ не начальство сдѣлаетъ? У начальства все есть, и деньги есть, и прикажетъ оно, такъ его должны слушаться, все есть, чего у нашего брата нѣтъ... А они говорятъ: не помогать!.. Нѣтъ! не настоящіе это господа! Вотъ помяните мое слово!.. Ну-ка-сь, почитай-ка-сь, что̀ тамъ еще про нихъ сказано?

Я снова взялъ газету и прочиталъ:

«Еще болѣе разительный примѣръ мы видѣли въ недавнее время, когда въ правительственныхъ сферахъ обсуждались вопросы по улучшенію быта крестьянъ. Важнѣйшій изъ этихъ вопросовъ, объ обязательномъ выкупѣ, они трактовали съ такой точки зрѣнія, что если *исключительные* интересы землевладѣльцевъ *не будутъ удовлетворены даже свыше полной мѣры*, то государству грозитъ серьезная опасность». Власть приглашалась бельэтажемъ проявить свою силу страхомъ передъ возможнымъ неудовольствіемъ нѣкоторой части землевладѣльцевъ, хотя бы въ

ущербъ справедливости и разумно понимаемымъ государственнымъ пользамъ.

— Ну, это что̀ такое?—спросилъ старикъ.

— А это вотъ что̀ такое, кажется. Начальство хотѣло выкупить крестьянъ, которые до сихъ поръ еще не выкупились, а потомъ само ужъ получить съ крестьянъ. Дѣло въ томъ, чтобъ разъ навсегда покончить. Ну, а эти, что̀ на «фатерѣ-то» живутъ, говорятъ: «а по какой цѣнѣ выплачивать будете?» Начальство имъ отвѣчаетъ: «по оцѣнкѣ, какъ въ 61-мъ году была сдѣлана оцѣнка». А «въ фатерѣ-то» это не понравилось!

— Мало?

— Мало, говорятъ: а отдайте намъ, во-первыхъ, по новой оцѣнкѣ, потому земля теперь вдвое, втрое дороже стала. Начальство имъ говоритъ: «переоцѣнку въ 1880 г. покойный государь отмѣнилъ». А они отвѣчаютъ: «а мы, говорятъ, обижаемся. Давайте намъ «*свыше полной мѣры*», т.-е. выше чего земля теперь сто̀итъ.

Старикъ молчалъ и крѣпко думалъ о чемъ-то.

— Это что̀ же будетъ?—сказалъ онъ наконецъ.—Предположимъ, купилъ я себѣ домъ за тысячу рублей, будемъ говорить примѣромъ; черезъ годъ пристроилъ я баню, и домъ сталъ дороже; черезъ десять лѣтъ выстроилъ я заводъ, онъ еще дороже. Что-жъ? старый хозяинъ все и будетъ ходить ко мнѣ да взыскивать съ меня: я, молъ, продалъ тебѣ домъ за тысячу рублей, а теперь онъ сто̀итъ пять, такъ позвольте мнѣ четыре тысячи получить? Такъ, что-ль?!..

— Право, не знаю. Выходитъ, какъ будто такъ.

— И все въ той фатерѣ?

— Все тамъ.

— Нѣтъ! Не господа! Это не настоящіе, ужъ повѣрьте моему слову, не настоящіе! Это и мы, на что ужъ мужики, и то понимаемъ, что и господъ не надо обижать, платимъ, готовы, но чтобы господа бы мужиковъ обижали, нехорошо! Хорошіе господа никогда этого не дѣлали. Что̀ слѣдуетъ—брали, а ужъ что̀ не слѣдуетъ, «свыше полной пропорціи», это ужъ не хорошо! Брали и намъ помогали, а эти вишь кричатъ: «не помогай!» Видалъ я господъ, только не похожи были они на этихъ. Я самъ бывшій крѣпостной князя Александра Ларивоныча Васильчикова... изволите знать?

— Какъ же!

— Ну, такъ вотъ настоящій баринъ, не то чтобы что, вполнѣ князь! Спрошу я васъ, дозволилъ ли бы онъ, чтобы, напримѣръ, не помогать мужику или присовѣтовать, чтобы съ него брали сверхъ препорціи? Дозволилъ ли бы онъ себѣ дебоширничать или нехорошими словами ругаться, а тѣмъ паче совѣтовать: не помогай? Ну, какіе же это господа? Фатеру, точно, что фатеру хорошую нанимаютъ, нечего про это сказать, но чтобы почесть ихъ за благородныхъ—нѣтъ! этого не будетъ!

Старикъ долго и убѣдительно говорилъ на ту же тему, сравнивая этотъ ихній бельэтажъ, его дѣла и желанія съ поступками и мыслями своего покойнаго барина, и упорно настаивалъ на томъ, что «это не настоящіе господа». Эти рѣчи старика до такой степени много напомнили мнѣ прошлаго и такъ мрачно оттѣнили этимъ прошлымъ настоящее, что я даже былъ радъ, когда наконецъ поѣздъ подошелъ къ той станціи, на которой мнѣ пришлось выходить.

4.

Но разсказы старика о князѣ А. И. Васильчиковѣ напомнили мнѣ, что у меня дома ужъ нѣсколько дней лежитъ книжка г. Голубева, посвященная описанію жизни и дѣятельности этого общественнаго дѣятеля. И вотъ я, подъ вліяніемъ не покидавшаго меня желанія убѣдить самого себя, что права «ихняго бельэтажа» на гордость, самохвальство и настойчивость, съ которою онъ умѣетъ достигать своихъ, не всегда пріятныхъ для общества цѣлей, не имѣютъ достаточныхъ основаній и вообще могутъ быть оспариваемы вполнѣ основательно, немедленно по возвращеніи домой принялся за чтеніе книжки г. Голубева — «Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ».

Я прочиталъ эту книжку, почти не отрываясь, и ужъ съ первыхъ страницъ и затѣмъ на каждой строкѣ и страницѣ не могъ не говорить себѣ: «да, это вотъ бельэтажъ, это благородство души, это благородство поступковъ». Нѣтъ сомнѣнія, что я, какъ плебей, во многомъ не соглашался съ почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ и, зная свою плебейскую среду, не разъ говорилъ, что «это, молъ, не подходитъ къ намъ», «отъ этого не будетъ толку», «это намъ не къ рукѣ», но все-таки не могу выразить, до какой степени мнѣ было пріятно вновь переживать и вновь передумывать то же, что переживалъ и передумывалъ этотъ справедливо и гуманно думавшій человѣкъ.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какая непроходимая разница между этими «барскими барами», кричащими на весь свѣтъ: «мы бельэтажъ, мы соль земли», и настоящимъ, благовоспитаннымъ, никогда не обращавшимъ вниманія общества на то, что онъ нанимаетъ дорогую «фатеру». А. И. Васильчиковъ въ самомъ дѣлѣ баринъ, князь, что̀ весьма не мѣшаетъ помнить сомнительнымъ аристократамъ *нижняго* бельэтажа. Не мѣшаетъ имъ, что-то такое бормочущимъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, принять къ свѣдѣнію и то обстоятельство, что кн. Васильчиковъ въ молодости близко зналъ ихъ, воспитывался произведеніями этихъ писателей; на его глазахъ былъ убитъ Лермонтовъ, при немъ же убили и Пушкина. Эти двѣ смерти восторженно любимыхъ писателей навсегда запечатлѣли въ немъ любовь къ нимъ и рѣшительно и навсегда оттолкнули его впечатлительную и благородную душу отъ того кружка тогдашнихъ бельэтажей, гдѣ, по словамъ біографа, находились такіе люди, которые открыто «*оправдывали убійство*, извиняли волокитство и *обвиняли* поэта въ излишней ревности» *).

Общество, въ которомъ одобряютъ убійство и обвиняютъ такихъ убитыхъ, какъ Пушкинъ, общество, гдѣ Лермонтовы сами ищутъ смерти, несмотря на свои бельэтажи, несмотря на полную возможность занять въ немъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, не влекло къ себѣ А. И. «Съ ранней молодости, говоритъ онъ **), я почувствовалъ всю ничтожность канцелярской службы и *необходимость узнать бытъ народа... въ провинціи, въ деревнѣ, гдѣ уныло и мирно течетъ трудовая жизнь*». И вотъ, чтобы найти себѣ дѣло внѣ Петербурга, гдѣ, по его же словамъ, «все представляется въ ложномъ свѣтѣ», онъ занимаетъ выборную должность уѣзднаго предводителя дворянства. Первое, что̀ начинаетъ мучить его при столкновеніи съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ ему приходится жить и дѣйствовать, и представителемъ котораго онъ избранъ, это, *во-первыхъ, безнравственность* тогдашнихъ владѣльцевъ и безпомощность крестьянъ... «Я производилъ,—говоритъ онъ:—нѣсколько дѣлъ о распутномъ поведеніи владѣльцевъ, сопровождавшихся самыми отвратительными преступленіями. Но, къ стыду нашего времени, долженъ сознаться, что рѣдко находилъ возможность обвинить преступника; показанія

---

*) Стр. 8.
**) Стр. 13.

крестьянъ противъ господъ не принимались къ свѣдѣнію, а сосѣди отзывались незнаніемъ или даже одобряли поведеніе того же самаго барина, котораго они считали мерзавцемъ и подлецомъ».

Невозможность для крестьянъ добиться правды и вниманія къ себѣ—также характерная черта того времени—возмущала его едва ли не больше общественной безнравственности. Онъ съ глубокимъ негодованіемъ разсказываетъ, какъ губернское начальство требовало примѣрнаго наказанія бунтовщиковъ-крестьянъ, весь бунтъ которыхъ заключался въ томъ, что они, лѣтъ десять проживъ на полной свободѣ, согласно законному духовному завѣщанію покойнаго барина, вдругъ неожиданно опять оказались крѣпостными. «И дѣйствительно,—говоритъ онъ въ глубокомъ негодованіи:—наказаніе было примѣрное: 10 дней крестьянъ усмиряли всякими средствами, добиваясь отъ нихъ повинной, но, не добившись ея, пятнадцать человѣкъ увели подъ прикрытіемъ цѣлой роты прямо въ Сибирь». Зная тѣ круги общества, которые порицали Пушкина, ознакомившись съ безнравственностью тогдашняго общества, считавшагося интеллигенціей, и глубоко тронутый безправіемъ народа, онъ съ искреннимъ негодованіемъ говоритъ въ своихъ замѣткахъ о тѣхъ землевладѣльцахъ, которые бросаютъ на произволъ управляющихъ свои обширныя помѣстья, безжалостно относятся къ участи милліоновъ своихъ крестьянъ, предпочитая строить себѣ дачи изъ барочнаго лѣса, чтобы быть ближе къ тѣмъ сферамъ, гдѣ раздаются пироги.

И вотъ, начиная съ крестьянской реформы и непрерывно въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, кн. Васильчиковъ упорно преслѣдуетъ, насколько возможно, одну только цѣль—устроеніе освобожденнаго народа «по правдѣ и справедливости». Прослѣдить эту дѣятельность подробно и разсказать ее шагъ за шагомъ мы не имѣемъ никакой возможности. Мы отмѣтимъ только то, что̀ считаемъ самымъ главнымъ въ этой дѣятельности, самымъ существеннымъ, и сопоставимъ мнѣнія кн. Васильчикова, касающіяся этого главнаго и существеннаго, съ мнѣніями знаменитаго бельэтажа.

Время, которое настало послѣ освобожденія крестьянъ, и задачи, которыя оно поставило на очередь, кн. Васильчиковъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

«Для насъ въ Россіи нѣтъ предмета болѣе поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе своевременнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ превратностей, чрезъ которыя прошло землевладѣніе въ Европѣ. Оно *своевременно*

потому, что мы именно вступаемъ съ освобожденія крестьянъ въ тотъ періодъ общественнаго устройства, *когда закладываются главныя основы соціальнаго быта.* Оно поучительно потому, что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить и длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей и правильный ходъ цивилизаціи» (стр. 70). Замѣтивъ появленіе въ народной средѣ зачатковъ пролетаріата и ужасаясь, что признакъ этотъ грозитъ развитіемъ имущественнаго неравенства, развитіемъ нищенства и безземелья и вообще того строя, «который процвѣтаетъ въ Западной Европѣ» (стр. 104), онъ говоритъ: «Этотъ моментъ надо схватить и принять мѣры къ предотвращенію опасности. Вопросъ этотъ важенъ *именно въ настоящій моментъ* нашего внутренняго устроенія, ибо не надо думать, чтобы какое-либо правительство или общество могло *по своему произволу выбирать удобное время для организаціи поземельной собственности. Во всѣхъ государствахъ* наступаетъ извѣстный моментъ послѣ сверженія ига крѣпостной или феодальной зависимости, когда внутреннія отношенія гражданъ къ землѣ слагаются въ извѣстныя формы и когда предусмотрительное правленіе можетъ направить эту организацію и, не насилуя народныхъ нравовъ и стремленій, не нарушая ничьихъ правъ, дать имъ разумныя руководства. *Но этотъ моментъ очень краткій, и, упустивъ его*, случай потерянъ навсегда; мирный исходъ навсегда закрытъ, и остается только путь, которому и слѣдуютъ европейскія государства, съ безпрестанными колебаніями взадъ и впередъ».

Что же должно было дѣлать, по мнѣнію кн. Васильчикова, чтобы трудный и опасный историческій моментъ, въ который вступила Россія, былъ пережитъ «безъ нарушенія чьихъ бы то ни было правъ» и безъ «насилія народныхъ нравовъ»? По мнѣнію кн. Васильчикова, огромная задача, заданная Россіи крестьянской реформой, могла быть разрѣшена только при помощи:

Во-первыхъ, *народной школы*, во-вторыхъ, *самоуправленія и, въ-третьихъ, гласнаго суда* (стр. 48), и притомъ введенныхъ не въ разбивку, а *одновременно, сразу*, такъ какъ, только введенные сразу, они положатъ прочное основаніе самоуправленію вообще.

«Народное образованіе есть *вопросъ жизни и смерти* для народовъ нашего вѣка, и величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа грамотныхъ еще болѣе, чѣмъ отъ числа солдатъ» (стр. 48). «Коль скоро дѣло заходитъ о преобразованіяхъ, которыя имъ (бельэтажу) не по сердцу, они прибѣгаютъ къ аргументу о неразвитости нашего населенія и предлагаютъ *предварительно* заняться *обученіемъ* народа, подготовленіемъ, разсчитывая довольно вѣрно, что эти *предварительныя* занятія займутъ цѣлыя поколѣнія и отсрочатъ надолго ненавистныя имъ реформы» (стр. 38). «Мы не беремся доказывать имъ (бельэтажу), *что народъ воспитывается*... не въ *однѣхъ только школахъ, но гораздо болѣе и дѣйствительнѣе въ гласныхъ судахъ и собраніяхъ*, что самоуправленіе точно такъ же, какъ и грамотность, *составляетъ элементарное образованіе* народа... они это знаютъ и поэтому опасаются этого движенія къ свѣту и порядку» (стр. 38). «Если не будетъ принято мѣръ къ правильному образованію народа, *то міроѣды ихъ* (крестьянъ) *объѣдятъ, а пьяницы разорятъ*» (стр. 26).

Итакъ, школа и самоуправленіе неразрывны въ *воспитаніи* народа. О «самоуправленіи», какъ извѣстно, кн. Васильчиковъ написалъ цѣлое большое изслѣдованіе, въ которомъ разработалъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ; касаться этихъ подробностей мы не будемъ опять-таки потому, что намъ не позволяютъ этого тѣсные предѣлы нашей замѣтки. Сдѣлаемъ поэтому только одну, самую существенную для насъ справку:

«Главное и *высшее* значеніе земскаго самоуправленія *заключается именно въ томъ*, что оно учреждаетъ *законный порядокъ* для обсужденія такъ-называемыхъ соціальныхъ вопросовъ,—обсужденія, возможнаго только въ мѣстныхъ собраніяхъ и сходкахъ всѣхъ обывателей» (стр. 45). «Въ развитіи этой формы управленія, *выражающаго правильное взаимодѣйствіе* народныхъ желаній и мѣстныхъ властей, въ предѣлахъ закона и подъ охраною суда», кн. Васильчиковъ видитъ «*рѣшеніе* будущей *судьбы* не только русскаго и всѣхъ прочихъ современныхъ обществъ, но и разрѣшеніе *грозной задачи:* должны ли народныя массы окончательно подпасть подъ руководство революціонныхъ партій, или же, при правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія, могутъ ожидать постепеннаго разрѣшенія вопросовъ образованія, кредита, уравненія податей и повинностей» (стр. 45).

Если бы мы хотѣли входить въ подробности, въ которыхъ должна бы и могла проявиться основная идея «устроенія» такъ, какъ ее понималъ кн. Васильчиковъ, въ примѣненіи къ ежедневнымъ и мелкимъ нуждамъ народа, мы бы никогда не кончили выписокъ и цитатъ изъ книги, которою пользуемся. Ограничимся поэтому тѣмъ, что̀ приведено выше. Намъ извѣстенъ взглядъ кн. Васильчикова на послѣреформенное время вообще, извѣстна многосложность задачи, выпавшей на долю общественнаго дѣятеля, извѣстны главные факторы, при которыхъ задача эта могла бы быть разрѣшена — школа и самоуправленіе; извѣстны наконецъ и нѣкоторыя формы практическаго примѣненія основной идеи устроенія среди народной массы. Этого, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель могъ представить себѣ нравственный обликъ человѣка, о которомъ идетъ рѣчь. Вы видите, что это человѣкъ не своекорыстный, честный, развитой, великодушный, умный, добросовѣстный. И, можете представить, ни въ чемъ онъ не имѣлъ успѣха!

За исключеніемъ ссудосберегательныхъ товариществъ по части сельскаго кредита, ни одна его мысль, ни одно его соображеніе или указаніе не вошло въ жизнь, ни въ чемъ не осуществилось. Да и ссудосберегательныя товарищества, о которыхъ онъ самъ говорилъ, что они «составляютъ только

первую ступень общей организаціи народнаго кредита, *который надо* постепенно *расширять въ виду нарастающихъ* нуждъ сельскаго хозяйства» (стр. 101), и они, введенныя съ огромными ограниченіями, оторванныя отъ малѣйшей возможности придать имъ характеръ учрежденій, имѣющихъ въ виду общественную пользу, а не пользу міроѣдовъ и кулаковъ, я думаю, не могли не огорчать ихъ устроителя по своимъ, вовсе неожиданнымъ для него, результатамъ. Но и такіе-то осколки отъ большого плана «народнаго кредита», и тѣ, какъ свидѣтельствуетъ г. Голубевъ, при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, были встрѣчены весьма недружелюбно недружелюбными людьми: «Независящія обстоятельства доходили до того, что въ 1872 г., когда комитетъ о ссудныхъ товариществахъ пожелалъ устроить на политехнической выставкѣ витрину для продажи своихъ изданій «о томъ, какъ можно бы избавиться отъ ростовщиковъ», «артели рабочихъ», такъ желаніе комитета встрѣтило цѣлую массу затрудненій, начиная съ того, что для этихъ книгъ было отведено мѣсто среди машинъ, а когда на витринѣ была прибита вывѣска, то полиція усомнилась въ легальности комитета и, *несмотря на представленные документы, доказывающіе, что комитетъ получаетъ даже правительственную субсидію*, настояла на томъ, чтобы вывѣски не было. Личное посѣщеніе выставки министромъ финансовъ, Рейтерномъ, публично заявившимъ комитету благодарность, заставило весь враждебный витринѣ синклитъ перемѣнить мнѣніе» *). «Незадолго до своей смерти, — говоритъ біографъ:—кн. Васильчиковъ получилъ Высочайшую благодарность за дѣятельность по народному кредиту, краснорѣчиво свидѣтельствующую о томъ, насколько эта дѣятельность была *соціалистическою*, каковою желали признать ее слишкомъ усердные поборники порядка, эти настоящія темныя, вредоносныя силы Россіи» **). Но опять-таки повторяемъ, эти попытки устроенія кредита самъ кн. Васильчиковъ считалъ только *первою* ступенью... Что-жъ бы было, если бы онъ взялся за вторую?

5.

Отчего же такая немилость? Откуда идетъ это разстройство? Да все оттуда же, изъ «ихняго» бельэтажа; бельэтажъ ихній началъ дѣйствовать, и не то чтобы дѣйство-

*) Стр. 101.
**) Стр. 103.

вать, а прямо ужъ спасать. Крики: «мошенники», «негодяи»—уже начали раздаваться въ самую раннюю весну послѣреформеннаго времени. Говорить подробно о всѣхъ средствахъ спасенія, какія пускалъ въ ходъ вышеупомянутый бельэтажъ, мы не имѣемъ возможности: слѣдовало бы перерыть и подробно изслѣдовать всѣ продѣлки этихъ спасителей: трудъ огромной общественной важности, сію минуту однакожъ ни для кого невозможный. Поэтому скажемъ только, что если было на Руси, за послѣдніе годы, сдѣлано для нея что-либо добраго и въ самомъ дѣлѣ необходимо-важнаго, такъ все это вышло не изъ *ихняго* бельэтажа.

Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ.

Біографическій очеркъ.

1.

Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ родился въ г. Екатеринбургѣ, Пермской губ., 5 сентября 1841 года. Отецъ его, до женитьбы, служилъ въ этомъ городѣ дьячкомъ и велъ нетрезвую жизнь. Чтобы избавить его отъ погибели, родной братъ, женатый и служившій въ екатеринбургской почтовой конторѣ, женилъ его на дьяконской сиротѣ, дѣвушкѣ тихой и кроткой, послѣ чего отецъ Ѳ. М. вышелъ изъ дьячковъ и поступилъ также въ почтальоны, но пить все-таки не пересталъ и жилъ съ женой до того плохо, что, когда братъ его съ женой переѣхали въ Пермь, мать Ѳ. М., которому было въ ту пору около 9 мѣсяцевъ, не выдержала тяжкой жизни и вскорѣ ушла вслѣдъ за ними. Въ Пермь она пришла во время страшнаго пожара и такъ была этимъ испугана, что заболѣла и умерла; 9-тимѣсячный мальчикъ остался на попеченіи дяди и тетки; отца же своего онъ *первый разъ* увидалъ, будучи уже *десяти лѣтъ* отъ роду.

Такимъ образомъ Ѳ. М. началъ жизнь круглымъ сиротой. Но, кромѣ сиротства, ему, почти со дня рожденія, суждено было испытывать непрерывное вліяніе матеріальной бѣдности и великой нравственной забитости, запуганности окружавшей его среды. Бѣдность матеріальная въ этомъ кругу была поистинѣ потрясающая. Въ перепискѣ близкихъ къ Ѳ. М. лицъ, въ письмахъ его самого къ нимъ почти постоянно идутъ жалобы на крайне стѣсненное матеріальное положеніе:—«А объ огурцахъ,—какъ бы въ отчаяніи неоднократно восклицаетъ дядя Ѳ. М.:—и не поми-

най!..» «Живу, плачу̀ огромную сумму безъ чаю, а съ чаемъ не хватаетъ моего жалованія...» «Лѣчиться времени нѣтъ,—пишетъ родной отецъ Ѳ. М.:—а о такомъ расходѣ, чтобы покупать масло (для лѣченья), дорого; почтмейстеръ денегъ не далъ!..» «Не можете ли вы одолжить мнѣ три копейки на пиво, *ежели у васъ есть?*»—пишетъ къ Ѳ. М. его знакомый и другъ, а другой весьма серьезно доказываетъ, что на 15 р. *въ годъ* жить нельзя. «*Живемъ между нищими и средними*», — опредѣляетъ свое положеніе въ одномъ изъ писемъ дядя Ѳ. М., и опредѣленіе это вполнѣ вѣрно.

Кромѣ бѣдности, всѣхъ этихъ людей крѣпко пригнетала запуганность передъ начальствомъ, которое, въ сущности, хотя и возвышалось надъ ними не болѣе какъ на вершокъ, но могло сдѣлать все, что̀ хотѣло. Въ немногихъ письмахъ бѣднаго отца Ѳ. М. эта сила маленькаго высшаго начальства рисуется довольно ярко: «*Не знаю, за что* преслѣдуетъ почтмейстеръ съ самаго моего прибытія. Живу какъ должно: какъ у денщика, или у крѣпостного, сюртукъ не слѣзаетъ съ плечъ... Я мѣсяца съ три *всяко вытягался* для почтмейстера, а онъ меня такъ уважилъ... что лучше нельзя... А живу какъ денщикъ...» «Покорно прошу, любезный братецъ, — говорится въ концѣ того же письма: — чтобы письмо это не узналъ кто дальше, не услыхалъ бы почтмейстеръ нашъ, *то онъ меня съѣстъ*». Или въ другомъ письмѣ: «Почтмейстеръ проситъ, чтобы меня (отца Ѳ. М.) перевели къ нему; *но сохрани меня небесная сила отъ такого ига; онъ тамъ вдосталь изъ меня оставшійся сокъ вытянетъ*». Отрывки эти мы привели потому, что въ нихъ съ полною искренностью высказана та безпомощность передъ маленькимъ высшимъ начальствомъ, которую испытывали всѣ близкіе родственники Ѳ. М. Всѣ они «вытягаются» передъ этимъ начальствомъ, а начальство изъ нихъ «вытягиваетъ оставшійся сокъ», и притомъ *неизвѣстно* — за *что?* Всѣ они ходятъ какъ сонные, забитые и убитые... «Такъ и живу, ни здѣсь ни тамъ, ни здоровый ни больной...», «а лѣчиться времени нѣтъ... *посему* прошу, любезный братецъ, выспросить у Г. Т., *какъ пить крѣпкую водку...*»

Подавленный бѣдностью, забитостью, этотъ кругъ людей «*между нищими и средними*» во всемъ полагался только на Бога, на всевидящее око, о которомъ, въ перепискѣ родственниковъ и знакомыхъ Ѳ. М. упоминается чуть не

въ каждомъ письмѣ, и главнымъ образомъ на *терпѣніе*. «И вѣрно уже такой рокъ, — находимъ мы въ письмѣ одного изъ самыхъ *начитанныхъ* людей этого круга:—что все предвидится только сражаться съ терпѣніемъ, и *хорошо бы было и то, ежели бы тому хотя* предвидѣлся *конецъ*, но ожидать того, *по моему мнѣнію*, не предвидится никакой надежды».

Мы могли бы привести здѣсь множество примѣровъ, доказывающихъ громадную, желѣзную силу терпѣнія и глубокую, искреннюю преданность Провидѣнію, которыми только и поддерживалась кое-какъ эта забитая и въ конецъ обезличенная среда; но и приведенныхъ выписокъ уже достаточно, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ среда эта могла благопріятствовать умственному развитію Ѳ. М.

2.

Дядя и тетка Ѳ. М., ставшіе его воспитателями, всецѣло раздѣляли какъ матеріальные, такъ и нравственные недостатки своего круга, съ тою только разницею, что самъ дядя-воспитатель смотрѣлъ на свое положеніе нѣсколько опредѣленнѣе другихъ. Онъ не позволялъ себѣ имѣть «мнѣній», хотя бы и о томъ, «что хорошо бы, ежели бы терпѣнію предвидѣлся конецъ»; не унывалъ такъ, какъ унывалъ отецъ Рѣшетникова, не знавшій, «*за что*» все это суждено нести. Никакихъ колебаній мысли въ воспитателѣ Ѳ. М. не было: изъ матеріаловъ, имѣющихся у насъ, видно, что человѣкъ этотъ разъ навсегда порѣшилъ, что надѣяться надо только на Бога, что бѣдность и подневольность неизбѣжны, и что терпѣнію конца не будетъ. Порѣшивъ съ этимъ, онъ всю жизнь, неуклонно и не оглядываясь по сторонамъ, тянулъ служебную лямку, тяжкимъ трудомъ зарабатывая кусокъ хлѣба, и, принявъ на свое воспитаніе маленькаго Рѣшетникова, не могъ воспитывать его иначе, какъ въ пріученіи къ тому же терпѣнію, повиновенію, искренно вѣря, что для него, какъ для сироты, предлежитъ та же самая тяжелая забота о кускѣ хлѣба и та же самая жизнь «между нищими и средними», въ которой «терпѣніе» играетъ первую роль.

На бѣду, питомецъ ихъ, съ первыхъ дней дѣтства, оказался мальчикомъ бойкимъ, веселымъ, рѣзвымъ, обнаруживая необыкновенную впечатлительность *). И съ пер-

*) Это свойство натуры перешло къ Рѣшетникову, повидимому, отъ матери: она заболѣла и умерла *отъ испуга*.

выхъ же дней обнаруженія этой рѣзвости, воспитатели, побуждаемые, разумѣется, ничѣмъ инымъ, какъ только желаніемъ своему питомцу добра, стали искоренять эти врожденныя въ немъ и непригодныя, среди скучнаго влаченія жизни, качества. И вотъ, благодаря тому, что Рѣшетниковъ уродился натурою одаренной, и тому, что одаренныя натуры въ этомъ кругу дѣйствительно совершенно ненужны, цѣлыя *десять* первыхъ *лѣтъ* посвящены, со стороны воспитателей, самому тщательному и неусыпному *битью и дранью* ихъ воспитанника. Кромѣ желанія ему добра, повторяемъ, этими бѣдными людьми не руководило ничто другое; но, въ то же время, нельзя не видѣть, что это желаніе добра выражалось способомъ поистинѣ варварскимъ. Въ повѣсти Ѳ. М. «Между людьми», авторъ, помѣстившій въ ней множество случаевъ своей жизни, рисуетъ картины своего дѣтства весьма подробно и обстоятельно, и, читая ихъ, нельзя не дивиться необыкновенной выносливости Рѣшетникова. Били его положительно *за все*, и притомъ *всѣ*, кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, а иной разъ и безъ всякой надобности. Ребенокъ вездѣ «лѣзъ», и колотили его тоже вездѣ. Дядя принесъ лубочную картину и сталъ разсматривать, воспитанника разобрало любопытство, онъ потянулъ картину къ себѣ и разорвалъ пополамъ... «За это дядя меня такъ ударилъ, что я ударился головой объ полъ, изо рта пошла кровь». Одна «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» съ картинами, книга единственная во всемъ домѣ, сколько неисчислимыхъ бѣдъ причинила Ѳ. М. Картинки постоянно привлекали къ ней маленькаго Рѣшетникова, и постоянно, аккуратно каждый разъ, какъ только книга попадала ему въ руки, онъ непремѣнно получалъ ударъ этой же книгой въ голову. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ засунулъ ее въ печку; книгу вытащили, но—«за это,—говоритъ Рѣшетниковъ: — дядя *долго дралъ* меня *ремнемъ*». Били его также и за то, что любитъ сказки, а не молится за отца и мать, которыхъ онъ никогда не видалъ. Захочетъ онъ, напримѣръ, поддѣлаться къ дядѣ, оказать ему услугу, чтобы поѣхать за Каму «рыбачить», примется чистить ему сапоги: чиститъ и старается до тѣхъ поръ, пока тетка не выхватитъ изъ его рукъ щетки и не ударитъ ею по головѣ. За такія же провинности колотилъ его весь почтовый дворъ, гдѣ онъ, такъ же, какъ и дома, всюду лѣзъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ «хорошихъ картинокъ, хорошихъ

книгъ съ картинками?» «Мнѣ нравилось,—говорилъ онъ:— все, что я видѣлъ въ *первый разъ — мебель, платье,* и вещь особенно понравившуюся я норовилъ припрятать». Недовольные имъ, проучивъ его у себя, на мѣстѣ преступленія, шли, кромѣ того, жаловаться къ воспитателямъ, которые еще разъ учили его за шалости у чужихъ. «Песъ», «ножовое востреё», «балбесъ», «безрогая скотина»,—вотъ названія, которыми величали его въ это время всѣ.

Словомъ, не будь натура Рѣшетникова исключительна, онъ бы давно могъ сдѣлаться вполнѣ забитымъ, заколоченнымъ ребенкомъ; но у него, въ отместку за обиды, развилась злоба и жажда мести. Впослѣдствіи онъ самъ, вспоминая объ этомъ времени, называетъ себя — «злое дитя». И дѣйствительно, природная даровитость его показала себя въ выдумываніи удивительнѣйшихъ мерзостей, которыми онъ мстилъ. Ему ничего, напримѣръ, не стоило засунуть въ квашню или кадку съ водой дохлую кошку, измазать въ грязи чистое, развѣшанное бѣлье, вытащить изъ самовара кранъ, забросить его черезъ заборъ и распаять самоваръ. Онъ сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору, истиннымъ врагомъ всѣмъ и каждому; вскорѣ ему не было другого имени, кромѣ «воръ», «поганая рожа»; его вихры, уши и щеки сдѣлались общимъ достояніемъ. Били и ругали всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, воевалъ со всѣми, запуская камнями, кусался, билъ враговъ «по лицу», и въ то же время не уставалъ изобрѣтать еще новыя и новыя пытки врагамъ своимъ. «Меня отдерутъ, — говоритъ Рѣшетниковъ: — я сяду куда-нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ?»

3.

Это обоюдное безобразіе тянулось, какъ мы уже сказали, 10 лѣтъ. По временамъ на маленькаго Рѣшетникова находили минуты ужаснѣйшей тоски, онъ плакалъ и думалъ о томъ, чтобы «убѣжать отсюда». 10-ти лѣтъ (1851 г.) его отдали въ бурсу, и, стало-быть, къ битью воспитателей и сосѣдей прибавилось еще битье училищное, школьное. Переносить все это стало уже рѣшительно невозможнымъ, и тайное желаніе избавиться отъ этого мученія опредѣлилось въ Ѳ. М., какъ настоятельная необходимость— «бѣжать». И скоро Рѣшетниковъ дѣйствительно убѣжалъ. Прямо изъ бурсы онъ ушелъ на колокольню и просидѣлъ

здѣсь цѣлый день съ ранняго утра. Къ ночи его охватилъ страхъ; онъ убѣжалъ съ колокольни на рѣку и здѣсь ночевалъ. «Поутру,—говоритъ Рѣшетниковъ:—я ходилъ, какъ помѣшанный, отъ голода». Въ какомъ-то рыбачьемъ шалашѣ нашелъ онъ полъ-ковриги хлѣба, взялъ ее себѣ, и тутъ же, не зная зачѣмъ, провертѣлъ въ лодкѣ дыру, распласталъ неводъ, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ. «Этотъ день я провелъ хорошо,—говоритъ онъ въ упомянутой повѣсти: — прогуливаясь по травѣ и по лѣсу и напѣвая пѣсни...» «Я радовался, что я на свободѣ, что меня никто не стѣсняетъ, и я могу дѣлать все, что только хочу. Я торжествовалъ надъ тѣмъ, что я одинъ изъ всѣхъ бурсаковъ убѣжалъ далеко, что ихъ дерутъ. «Пусть васъ дерутъ!»—говорилъ я громко и хохоталъ. Я былъ счастливъ и счастливѣе себя не находилъ человѣка; я думалъ: «а какъ хорошо! ни за что я не пойду отсюда, ни за что не пойду, и къ дядѣ не пойду!» «Мнѣ ничего не нужно было... хотя и казалось мнѣ, что въ каждомъ кусту кто-то сторожитъ меня, а на иные кусты я и смотрѣть-то боялся; когда проходилъ мой страхъ, я думалъ: а хорошо бы здѣсь состроить домъ; я бы тогда взялъ съ собою дядю и тетку, и они *не стали бы меня бить*». «Потомъ мнѣ вдругъ захотѣлось плыть куда-то дальше». Онъ сѣлъ въ чью-то лодку и сталъ грести вверхъ, но силы были слабы, лодку несло внизъ и прибило къ берегу. Здѣсь, сидя въ лодкѣ и доѣдая остатокъ хлѣба, бѣглецъ мечталъ и поглядывалъ на городъ, какъ вдругъ на него налетѣлъ съ ругательствами и проклятіями какой-то мѣщанинъ и принялся тузить — *не на милость, а на смерть. На лицѣ была кровь, голова страшно болѣла, волосы лѣзли*. Скоро, вслѣдъ за мѣщаниномъ, явилась цѣлая флотилія бурсаковъ, разыскивавшихъ бѣглеца, и когда послѣдній убѣжалъ отъ нихъ, они настигли его, связали и безжалостно поволокли по кочкамъ въ бурсу, награждая палочными ударами! Въ заключеніе этого тиранства бѣглецу, по возвращеніи въ бурсу, была задана *баня*, послѣ которой Рѣшетниковъ пластомъ пролежалъ въ больницѣ *два мѣсяца*.

Но этимъ дѣло не кончилось. Потребность бѣгства не умерла въ Рѣшетниковѣ. Несмотря на всевозможныя истязанія, лежа въ больницѣ, онъ уже обдумывалъ планъ новаго бѣгства, и дѣйствительно, какъ только поправился, убѣжалъ опять. Прежде всего онъ отправился на такъ-называемую «Мотовилиху»—заводъ, отстоящій отъ г. Перми

версты за три. Бурсацкій сюртукъ свой онъ бросилъ въ воду, чтобы не узнали, что онъ бурсакъ, вымазалъ грязью лицо, рубашку, панталоны и пошелъ по заводскимъ домамъ и кабакамъ просить хлѣба, «Христа ради».

—«Чей ты, парнюга?»—спрашивали его.—«Материнъ»,—уклончиво отвѣчалъ бѣгунъ...

Долго онъ шатался здѣсь между простымъ народомъ и мастеровыми, которые давали ему кровъ и кормили его. «Много,—говоритъ онъ:—увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ». Много въ то же время онъ увидѣлъ и дурного, особенно въ быту нищихъ, съ которыми онъ невольно долженъ былъ столкнуться, какъ человѣкъ, бродящій безъ пристанища, которые наконецъ просто насильно таскали его съ собою, заставляли плясать, поили водкой. Бывали минуты, когда онъ кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы кто-нибудь спасъ его отъ нихъ; но никто не давалъ помощи. На работу его не принимали безъ имени, а имя свое онъ скрывалъ. «И Богъ знаетъ, что̀ бы было со мною, если бы не спасла меня одна женщина». Женщина эта, часто бывавшая у дяди въ городѣ, узнала бѣглеца и привела домой. «Дѣло извѣстное, что̀ было послѣ этого», — заканчиваетъ Рѣшетниковъ исторію этого побѣга, намекая на неизбѣжное драньё.

Эти два побѣга имѣли и на мысль и на характеръ Рѣшетникова самое существенное вліяніе: во-первыхъ, онъ познакомился съ народною жизнью, узналъ въ ней *дурное и хорошее*, что̀ дало много пищи его любознательному уму, который до настоящаго времени истощался только на изобрѣтеніе «злыхъ продѣлокъ»,—и, во-вторыхъ, за этими побѣгами, неизбѣжное возвращеніе опять къ тѣмъ же мучительнымъ истязаніямъ и скукѣ заставило его сильно призадуматься о своей печальной судьбѣ и судьбѣ окружавшихъ его людей. Цѣлый годъ, послѣ второго бѣгства, онъ провелъ въ домѣ дяди, сидя въ углу за дверью и думая о себѣ и своемъ прошломъ, и здѣсь впервые зародилась въ немъ та симпатичная и дорогая черта его будущихъ произведеній, которая опредѣляется простымъ словомъ—«*правда*». Всеобщая ненависть, которою онъ былъ окруженъ послѣ второго побѣга, и одиночество, какъ послѣдствіе этой ненависти, были такъ сильны, что подавили въ бѣдномъ ребенкѣ всякую возможность быть злымъ, а пробудившаяся мысль привела его къ полному раскаянію

передъ всѣми, кому только онъ дѣлалъ что-нибудь худое. Въ немъ начался процессъ глубокаго вниманія къ окружающимъ, близкимъ къ нему людямъ, принимавшій благотворное направленіе *прощенія ихъ*. Понятно, что такая масса несчастія, хотя бы въ видѣ всеобщаго презрѣнія, такая масса новыхъ мыслей, полная безпомощность въ разрѣшеніи ихъ, отсутствіе какого-нибудь утѣшенія, до того измучили душу мальчика, что часто, сидя въ своемъ углу, онъ рыдалъ. И въ это-то время вдругъ ему говорятъ, что онъ увидитъ своего отца въ первый разъ. Не видя его никогда, онъ теперь, одинокій и всѣми обиженный, возлагалъ на своего отца великія надежды, радости его не было предѣла.

И вотъ однажды вечеромъ, когда Ѳ. М. уже легъ спать, дядя привелъ съ собою какого-то человѣка въ почтальонской одеждѣ, обрюзглаго, съ отекшимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ постоянно болѣзненно кашлялъ и разсказывалъ о томъ, какъ онъ несчастливъ, какъ къ нему несправедливы, какъ его бьютъ. «Ты не повѣришь,—говорилъ онъ дядѣ:—какъ этотъ смотритель каждый день билъ меня въ грудь, топталъ ногами». Страхъ и радость охватили Рѣшетникова при видѣ отца, но, когда сынъ подошелъ къ нему, бѣдный отецъ не зналъ, что̀ сказать... «Большой выросъ, — произнесъ онъ.—Что̀ же ты не цѣлуешь отца?»—«Да что̀ мнѣ его цѣловать-то?..» И больше ничего. На другой день, разговорившись съ теткой о сынѣ, отецъ упрашивалъ ее: «Дери ты его, что̀ есть мочи дери». Когда ему предложили взять сына съ собой, онъ отвѣчалъ: «куда мнѣ съ нимъ?.. не надо! мнѣ и одному горько жить». Уѣзжая совсѣмъ, онъ могъ сказать сыну только: «Ну, прощай! слушайся!»—и пошелъ прочь. «Мнѣ тяжело было,—говоритъ Ѳ. М.:—что отецъ уѣхалъ, а я не высказалъ ему своего горя».

Такимъ образомъ встрѣча съ отцомъ не только не облегчила души маленькаго Рѣшетникова, но, напротивъ, уяснивъ ему полное его сиротство и одиночество, сдѣлала его еще болѣе несчастнымъ въ своихъ глазахъ. Онъ такъ былъ подавленъ всѣми событіями послѣднихъ лѣтъ, что на него напала апатія, равнодушіе ко всему — и къ наукѣ и къ поркѣ. Онъ словно окаменѣлъ. Бѣжать онъ уже не думалъ, а когда драли (онъ опять сталъ съ нѣкотораго времени ходить въ училище), каковое дранье производилось аккуратно въ концѣ каждаго мѣсяца, то онъ старался только стать въ концѣ шеренги, предназначенной къ сѣченію, по-

тому что къ концу ея сторожъ уставалъ. Иногда онъ отдѣлывался гривенникомъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конторѣ составленіемъ крестьянамъ писемъ, что тоже немало помогло ему узнать народную жизнь. Отъ учителей онъ отдѣлывался тоже своего рода взятками: онъ отправлялъ имъ задаромъ письма (благодаря дядѣ), доставлялъ письма, полученныя на ихъ имя, а главное,— что впослѣдствіи обрушилось на его голову цѣлою грудой несчастій,—таскалъ тайкомъ съ почты газеты, каковое таскаціе учителя поощряли тѣмъ, что оставляли измученнаго ребенка въ покоѣ. Такое апатическое состояніе продолжалось довольно долго, и, не имѣя попрежнему никакой поддержки, возбужденная предшествовавшими обстоятельствами мысль его могла бы заснуть понемногу и принять общее направленіе мыслей бѣднаго, запуганнаго класса людей, его окружавшихъ; но одно неожиданное обстоятельство не дало возможности умереть разъ пробужденной мысли, хотя и разразилось надъ нимъ жестокимъ образомъ.

Неожиданно открылась покража газетъ и журналовъ въ почтовой конторѣ. Таская эти газеты *) и конверты, онъ, по прочтеніи ихъ господами учителями, имѣлъ обыкновеніе забрасывать ихъ чрезъ сосѣдній заборъ въ снѣгъ; бывали случаи, что онъ, со страху, забрасывалъ туда пакеты, не разсматривая и не читая ихъ, и въ числѣ такихъ-то нечитанныхъ пакетовъ забросилъ одинъ весьма важный манифестъ (1855 г.). Дѣло было не шуточное, виновника разыскали и предали формальному суду (О. М. былъ 14-й годъ). Дѣло тянулось 2 года.

Что же долженъ былъ чувствовать бѣдный Рѣшетниковъ, сидя эти два года въ томъ же углу, за дверью? Сознаніе собственной виновности, пробудившееся, какъ мы уже упоминали, послѣ перваго побѣга, здѣсь возросло до высшей степени. Еще тогда, познакомившись съ настоящей нищетой, отъ которой, какъ мы видѣли, онъ кричалъ и просилъ людей *спасти его*,—О. М. сталъ чувствовать себя глубоко виноватымъ предъ воспитателями, которые, несмотря на свою бѣдность, ограждаютъ его отъ этой нищеты, его, не имѣющаго ни отца ни матери и, кромѣ зла, ничего не

*) Въ числѣ причинъ, объясняющихъ это таскаціе газетъ, О. М., между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что ему *нравилась форма* конвертовъ, *гладенькая* бумажка, хорошій почеркъ на конвертѣ. Поощренія учителей сдѣлали это баловство необходимостью, а потомъ привычкою.

сдѣлавшаго для своихъ благодѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, сколько переплатилъ бѣдный дядя Ѳ. М. за эти распаянные самовары, за украденныя вещи, квашни, опоганенныя всунутой туда кошкой? И тогда уже Ѳ. М. насчитывалъ на своей душѣ великое множество грѣховъ и зла; что же долженъ былъ онъ чувствовать теперь, ежеминутно видя передъ собою дядю, который лѣзъ изъ кожи, тратилъ послѣднія копейки, чтобы помочь дѣлу своего «злого» дитяти?

Эгоизмъ Ѳ. М. былъ совершенно раздавленъ, разбитъ этимъ происшествіемъ; на ругательства тетки онъ отвѣчалъ рыданіями, и *Богъ знаетъ какъ былъ готовъ благодарить ее*: онъ удивлялся, какъ дядя и тетка *не боятся* держать его у себя. Онъ старался душою и тѣломъ услужить имъ, носилъ дрова, воду, исполнялъ все, что ни прикажутъ.

Это происшествіе, этотъ ударъ, какъ ни былъ онъ тяжелъ и неожиданъ, вывелъ Ѳ. М. изъ начинавшей одолѣвать его апатіи, пробудилъ его мысль, снова обратилъ ее на путь вниманія къ человѣческимъ поступкамъ. Сдѣлавъ своимъ роднымъ такое зло, какого ни одинъ изъ нихъ не думалъ дѣлать ему, онъ, со времени этого происшествія, навѣки сохранилъ великую и дорогую потребность — не осуждать ближняго, не вѣрить личному впечатлѣнію, если оно нехорошо, а разбирать его безпристрастно, правдиво, не урѣзывая въ немъ ни малѣйшей черточки.

Это была самая дорогая минута въ развитіи Ѳ. М. Мысль его была возбуждена до высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ ненависти къ врагамъ дойти не только до прощенія ихъ, но даже до боязни, какъ они могутъ его держать, оправдать ихъ и благодарить со слезами, мысль маленькаго Рѣшетникова должна была коснуться массы общественныхъ вопросовъ, должна была работать надъ всѣмъ механизмомъ окружавшей его жизни. Минута, повторяемъ, была драгоцѣнная для самаго плодотворнаго воспринятія знанія.

Но минута эта пропала даромъ, какъ впослѣдствіи пропадало много еще такихъ минутъ; жизнь Ѳ. М., какъ бы на зло, постоянно и настойчиво не давала ему того, чего нужно, и надо удивляться, какъ еще уцѣлѣло въ немъ то непосредственное чувство правды, какое, послѣ многихъ лѣтъ тяжкихъ испытаній, съ такою силою проявилось въ его произведеніяхъ.

4.

Уголовное дѣло, измучившее какъ самого Рѣшетникова, такъ и его родственниковъ, кончилось ссылкою виновника въ Соликамскій монастырь на епитимію. Пребываніе въ этомъ монастырѣ было весьма неблагопріятно для хода развитія Рѣшетникова. Ѣхалъ онъ сюда, какъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ записокъ, «съ радостію печальною». Покидая, хоть и на время, мѣсто столькихъ страданій, можно было дѣйствительно ощущать нѣкоторую радость, но печаль и раскаяніе заглушали ее. Ѳ. М. рыдалъ, обливался слезами, разставаясь съ своими воспитателями, и не переставалъ питать къ нимъ глубокой преданности, называя ихъ въ запискахъ своихъ «единокровными, милыми родственниками», защитниками, *«которые, хотя и надоѣли своими ворчаньями, но все-таки* всегда лучше *знаменитыхъ властителей земли»*. Задушевною мыслью его въ это время было поступить въ монахи.

Этимъ прекраснымъ возбужденіемъ мысли Ѳ. М. родственники и воспитатели его не только не успѣли и не могли воспользоваться, не только не направили къ знанію, но даже просто не дали своему воспитаннику опомниться, одуматься, отдохнуть. Квартирные хозяева, тоже приходившіеся ему родней, у которыхъ онъ поселился въ Соликамскѣ, кромѣ бабушки, старой и больной, которая любила разсказывать своему внучку сказки, чуть не съ перваго же дня пріѣзда, не упускали случая упомянуть ему о его дѣлѣ, грубо затронуть какимъ-нибудь грубымъ упрекомъ. То, напр., хозяйка квартиры совѣтуетъ своему мужу (родственнику Ѳ. М., служившему тоже по почтовой части) не класть его спать въ конторѣ, «а то онъ украдетъ пакеты»; то упрекаютъ его въ томъ, что онъ даромъ живетъ, куритъ хозяйскія папиросы. Отъ этихъ новыхъ хозяевъ Рѣшетникова не отставали и старые его воспитатели, къ которымъ онъ въ настоящую минуту питалъ такія благодарныя чувства. Они именно принялись, что называется, *бить лежачаго*, хотя, не скроемъ, все съ тою же цѣлью и желаніемъ ему добра. Въ каждомъ письмѣ непремѣнно идутъ вопросы о томъ, «не нужно ли тебѣ (т.-е. Рѣшетникову) чего-нибудь? Есть ли чай? Доволенъ ли? сытъ ли?» Но зато самая большая часть этихъ писемъ посвящена самымъ жесткимъ и оскорбительнымъ упрекамъ за прошлое. «Подумай, — пишетъ ему воспитатель вслѣдъ за пріѣздомъ Рѣ-

шетникова въ монастырь: — чтобы тебѣ кончить курсъ ученія; знай, что ты, не кончивши курсъ, нигдѣ не можешь поступить на службу коронную и долженъ записаться въ податное состояніе, а послѣ того, по приговору общества и злыхъ людей, отдадутъ тебя въ военную службу, и тѣмъ опозоришь природу мою. Ты, имѣя дядю, который съ дѣтства твоего пекся о твоемъ благополучіи и *наукахъ*, не пощадилъ его! Даже и теперь еще пекусь, чтобы тебѣ доставить счастіе; но если ты этого не чувствуешь, *то накажетъ тебя всевидящее око* за обиды, мнѣ нанесенныя, и тѣмъ сокращаешь дни моей жизни».

Такого-то рода упреки, приходившіе къ нему въ письмахъ чуть не каждую почту, не могли повліять благотворно на его мысль; впечатлительность Рѣшетникова начинаетъ какъ бы грубѣть отъ этихъ слишкомъ уже частыхъ толчковъ, и онъ, по необходимости, начинаетъ примиряться со многимъ, съ чѣмъ, незадолго передъ этимъ, честно настроенная мысль его ни за что бы не примирилась.

«Когда я жилъ въ Перми,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ: — я имѣлъ величайшее хотѣніе, чтобы мнѣ остаться въ монастырѣ; но въ Соликамскѣ я въ одну недѣлю позналъ несчастіе монаховъ, какъ они пьютъ вино, ругаются, ѣдятъ говядину, ходятъ по ночамъ, ломаютъ ворота».

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же записокъ онъ пишетъ: «Жизнь моя стремилась къ истинному познанію, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, но ожиданія мои не исполнились; я ходилъ каждый день въ монастырь и смотрѣлъ на ихъ образъ жизни, и всѣ они, кромѣ... (имена четырехъ монаховъ), непохожи на монаховъ и дѣлаютъ разныя непристойности». Въ доказательство этихъ непристойностей, Рѣшетниковъ приводитъ разговоръ:

«— Есть у тебя чѣмъ опохмелиться?

«— На вотъ, я ужъ выпилъ все.

«— Неужели ты въ ночь выпилъ ведро пива?

«— Да, у меня вчера былъ дьяконъ, и мы съ нимъ погуляли славно!

«— Ай-да славно, проклятые, вы пируете, нѣтъ чтобы мнѣ оставить!»

Сцены, приводимыя Рѣшетниковымъ, дѣйствительно не особенно привлекательны, но самъ онъ такъ утомился отъ оскорбленій и жизненныхъ ударовъ, что готовъ былъ искать отдыха и въ этомъ, не совсѣмъ опрятномъ обществѣ и

мало-по-малу сталъ проникаться его интересами. Учиться уже онъ не хочетъ; хотя его и принимаютъ вновь въ училище, но онъ не идетъ, онъ начинаетъ якшаться съ почтальонами, ходитъ съ ними, въ *почтальонскомъ сюртукѣ*, собирать *новогоднее* и выпрашиваетъ этимъ хожденьемъ деньги, сначала 1 р. 15 коп., потомъ 45 к. На эти деньги, не умѣя еще истратить ихъ такъ, какъ тратили новые его знакомцы, онъ покупаетъ себѣ помады, за каковой покупкой слѣдуетъ тотчасъ же грозное внушеніе отъ родственниковъ.

«Освѣдомился я,—пишетъ воспитатель:—что ты взялъ въ привычку шататься и въ карты играть съ почтальонами, и *примазываться помадой*, и свадьбы смотрѣть, а за этимъ откроются и другія пакости, за которыя ты подвергнулся хотя и не тяжкому, но все-таки наказанію и *до смерти твоей нарицанію и пороку*. Не лучше ли тебѣ было и будетъ заниматься науками, или ты хочешь быть и вести жизнь въ дурацкомъ положеніи, которое для тебя будетъ лучше, -- выбирай то или другое. Я ужъ не могу тебѣ дать заочно какое-либо наставленіе, потому что ты и въ глазахъ моихъ вотъ какъ уже насолилъ, что я по гробъ не долженъ позабыть сдѣланныя тобою пакости, за добродѣтель мою, мое воспитаніе и хорошее содержаніе... Впрочемъ, вѣдь ты мнѣ родной, и я еще не имѣю каменное сердце...»

Но, какъ ни часты и ни энергичны были эти громы, они уже не могли отклонить Рѣшетникова отъ удовольствія, которое онъ сталъ находить въ обществѣ хотя и грубыхъ людей, но въ то же время такихъ, которые не оскорбляли его за прошлое (одинъ монахъ, узнавъ его исторію, даже расцѣловалъ его), которые смотрѣли на него не только какъ на равнаго, но и какъ на человѣка, развитого больше, нежели развиты они. И вотъ начинаются у Рѣшетникова съ этими людьми дружба и панибратство. Въ дневникѣ его мы поминутно встрѣчаемъ страницы, весьма ярко характеризующія этотъ періодъ жизни Рѣшетникова. «13 числа 1857 года былъ на похоронахъ у станового пристава перваго стана, у котораго умерла мать Марія. Казначей позвалъ меня, чтобы я держалъ ризы, а Ивану не велѣлъ ѣздить, и я простоялъ обѣдню. По окончаніи литургіи, протоіерей К—въ сказывалъ проповѣдь, похваляя жизнь новопреставленной усопшей Маріи... Съ кладбища мы, т.-е. я и... (здѣсь имена нѣсколькихъ монастырскихъ послушни-

ковъ), возвратившись въ квартиру станового, сѣли за однимъ столомъ. Потчевали меня и ерофеичемъ и простой водкой. Тутъ еще В. пряталъ вино простое подъ столъ, а П. почти одинъ выпилъ графинъ ерофеичу и уже пьянъ очень былъ, и они съ М. кричали всю дорогу».

Вотъ какого рода было времяпрепровожденіе съ этими пріятелями. Этимъ заняты всѣ три мѣсяца, на которые былъ онъ сосланъ въ монастырь, и о другихъ занятіяхъ его за это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, исключая того, что по временамъ онъ читалъ книги духовнаго содержанія, пѣлъ на клиросѣ, за что, какъ говоритъ самъ въ запискахъ, «снискивалъ любовь монашествующихъ». Подъ конецъ пребыванія своего въ монастырѣ, онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывался къ нему и къ новымъ знакомымъ. «И такъ я чудно и весело проводилъ время съ монахами; они меня поили пивомъ, и я часто приходилъ домой пьянымъ. Да и всѣ меня любили сердечно, и я тоже питалъ свою любовь къ нимъ. Иногда обѣдалъ и спалъ въ кельяхъ... Словомъ, очень весело я провелъ время съ доброю братіею, и въ особенности тогда, какъ пили пиво...» *).

«Мрачно и печально,—пишетъ онъ передъ истеченіемъ срока своей ссылки:—что я разлучаюсь съ моими друзьями, *истинными христіанами*. Но что дѣлать, дядя мой единокровный хочетъ этого. Но я еще когда-нибудь могу поступить въ монастырь, и мнѣ хочется кончить жизнь тамъ, гдѣ живутъ только мирно».

Въ бумагахъ Ѳ. М. мы находимъ письмо къ настоятелю, отцу Леониду, въ которомъ Рѣшетниковъ проситъ опредѣлить его въ послушники. Вотъ это письмо:

«Ваше Преподобіе,
«Отецъ Леонидъ!

«Мнѣ желательно быть послушникомъ Вашего монастыря. Отца и матери у меня нѣтъ, а послѣ двадцать третьяго марта (послѣ истеченія срока наказанія) я куда хочу, туда и поступлю на службу. Я еще давно этого желаю, я даже клялся Богу, чтобы, по окончаніи дѣла, поступить въ монастырь. Итакъ, всечестный отецъ, прошу, *придайте* мнѣ благій совѣтъ...» и проч. Письмо это написано, по всей вѣроятности, во время самаго разгара дружбы съ мона-

*) Пиво это обыкновенно настаивалось на листовомъ табакѣ. Это разсказывалъ самъ Рѣшетниковъ.

стырскими людьми. Несмотря на эту дружбу, черезъ три мѣсяца Рѣшетникову пришлось разстаться съ ними. «Въ среду я простился съ... (имена друзей) и въ 11 часовъ отправился изъ Соликамска. И тутъ, поровнявшись съ монастыремъ, невольно слеза выкатилась у меня (когда я вспомнилъ), что я разлучаюсь навѣки съ монастыремъ симъ и его доброй братіей. И вотъ послѣдній взглядъ на этотъ монастырь,—и наконецъ показались только крестики и потомъ совсѣмъ изъ виду потерялись».

Ѳ. М. возвратился въ Пермь въ 1857 году. Ему въ это время было 16 лѣтъ.

5.

Это трехмѣсячное пребываніе Рѣшетникова въ монастырѣ имѣло весьма дурное вліяніе на его развитіе. Помирившись по необходимости, какъ видѣли мы, съ непривлекательными монастырскими нравами, онъ долженъ былъ невольно подчиниться и философіи этихъ нравовъ, мудро примиряющей ломаніе заборовъ со спасеніемъ души; вслѣдствіе чего простота и искренность его сужденій о людяхъ, ихъ поступкахъ и самомъ себѣ на долгое время,—лѣтъ, по крайней мѣрѣ, на пять,—затемняются вычурностью и неискренностью семинарской полуобразованности. Упомянувъ въ своихъ запискахъ, съ полною откровенностью, о томъ, что пиво пить было весьма пріятно, онъ тутъ же прибавляетъ: *«но видитъ Богъ*, что я, во время житія моего, хоть бы одну каплю вина выпилъ». Эта приписка, это возвращеніе къ Богу при упоминаніи только о винѣ, тогда какъ при упоминаніи о пивѣ воззваніе это оказывается не нужнымъ,—эта приписка явно монастырскаго происхожденія: три мѣсяца назадъ Рѣшетниковъ не написалъ бы этой лже-смиренной фразы. Такимъ страннымъ оттѣнкомъ отмѣчены всѣ дальнѣйшія замѣтки его, писанныя по возвращеніи въ Пермь. Такъ, напримѣръ: въ домѣ дяди, гдѣ поселился онъ снова, жила дѣвушка, дочь бѣдной вдовы, вмѣстѣ съ своею матерью. Съ этой дѣвушкой Рѣшетниковъ былъ знакомъ съ самаго дѣтства, и она ему очень нравилась. Впослѣдствіи мы скажемъ объ ней подробнѣе, такъ какъ она еще разъ встрѣтится намъ въ жизни Ѳ. М. Теперь достаточно сказать, что она ему нравилась. Но когда это замѣтили, и дядя въ шутку сказалъ ему однажды, что онъ отдастъ ее за него замужъ, то Рѣшетниковъ, подъ вліяніемъ лже-цѣломудренныхъ монастырскихъ взглядовъ, приходитъ въ не-

годованіе и пишетъ: «Я не могу взять за примѣръ женщинъ и не могу соблазняться примѣромъ ихъ. Богъ знаетъ, что я имѣю усердіе къ Его великой церкви и ввѣкъ буду стремиться къ Его церкви, и будетъ время, когда я уйду въ монастырь въ уединеніе и тамъ буду молиться Небесной невѣстѣ, Пресвятой Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріи...» Между тѣмъ какъ до монастырскаго житья онъ бы просто, искренно сказалъ, что ему «стыдно» толковать объ этихъ предметахъ.

Жизнь въ домѣ дяди и тетки пошла прежнимъ порядкомъ, и хотя о битьѣ нѣтъ уже помину, но также не видно, чтобы съ нимъ обращались особенно ласково; Рѣшетникова опять отдали въ то самое училище, изъ котораго его услали въ монастырь, и притомъ онъ долженъ былъ поступить снова въ первый классъ.

Вотъ отрывокъ изъ его записокъ, изъ котораго читатель можетъ судить о томъ, какова была жизнь Рѣшетникова у родственниковъ, и, главное, до какой степени три мѣсяца ссылки исказили въ немъ прежнюю искренность взглядовъ на себя, на родныхъ и на товарищей. «Здѣсь (т.-е. по возвращеніи въ Пермь) я видѣлъ все непріятное. Опять тетка ругаетъ меня, и Богъ знаетъ за что она меня ненавидитъ, насказываетъ дядѣ то и се, и тотъ ей вѣритъ, ругаетъ и проклинаетъ, и при сихъ-то горькихъ счастіяхъ я дома все молчалъ... я занимался богомысліемъ и терпѣлъ... когда уже чуть-чуть слеза не выпала изъ глазъ. Когда-либо теткѣ скажешь слово, она говоритъ: «что̀ ты на меня кричишь?»—и ругается, что я неладно говорю и не могу ей лучше говорить. Какъ же тутъ не молчать, ежели я говорю не ладно? Но ежели же молчать, то она ругается, что я молчу, и вотъ какое положеніе мое! Да еще не даютъ учить мои уроки: «дѣлай то и другое»,—и потомъ ругается. Кто ни придетъ къ ней, всякому наговариваетъ на меня, что я не говорю съ ней или не дѣлаю ничего. Но ежели кто вообразилъ и былъ бы на моемъ мѣстѣ, то узналъ бы и повѣрилъ, въ чемъ дѣло состоитъ: но они вѣрятъ ея словамъ и думаютъ, что это правда. Богъ съ ними, а пока у меня есть силы и возможность, буду терпѣть и въ молчаніи призывать моего Господа и просить Его милости, ибо къ кому намъ, грѣшнымъ, прибѣгать, какъ не къ Нему. Боже, спаси меня нынѣ и даждь терпѣніе мнѣ во дни скорби моея, да не погибнетъ душа моя до конца; *спаси мя и тетку,* и обидящихъ мя, спаси и помилуй, и вѣч-

ной ихъ обители сотвори, помилуй по милости Твоея, *якоже* помиловалъ праотецъ *Адама и Евву*, да къ Тебѣ всегда вопіемъ: помилуй насъ, Господи, владыко нашъ и благодѣтелю, и Тебѣ славу возсылаемъ во вѣки. Аминь». «Но вотъ случилось въ жизни моей происшествіе. Не только въ новѣйшее время, но даже и въ древнія времена, по заведенію иностранцевъ, открыто и у насъ въ Россіи играть въ карты. Этимъ *основывается* наша публика господъ. Въ этомъ кругу былъ и дядя мой, и онъ иногда для увеселенія скуки занимался симъ увеселеніемъ. Тетка очень не любила это. Странно очень то, что тетка, лишь мужа ея не будетъ дома, скучаетъ и не спитъ, хоть онъ приди въ восемь часовъ утра. Когда же онъ придетъ, она начинаетъ его ругать, зачѣмъ онъ игралъ въ карты. Кому такіе выговоры, *особенно отъ женщины*, понравятся? Подумать надобно, сколько тяжело сносить тому укоризны, кто своимъ трудомъ кормитъ все семейство. Не одинъ мой дядя играетъ (онъ не играетъ, но еще учится), но и всѣ почтальоны. *Что же учить женамъ мужей*, которые вполнѣ по своему образованію, частію отъ наставниковъ, частію отъ публики, могутъ дать тысячи наставленій и полезныхъ предметовъ своей женѣ».

Далѣе описывается весьма непріятная сцена, происшедшая между родственниками Ѳ. М., при чемъ были и удары, наносимые *долготерпѣливымъ и кроткимъ* мужемъ своей женѣ, и требованіе послѣдняго, чтобы жена шла вонъ куда ей угодно.

«Но,—продолжаетъ Рѣшетниковъ:—она *улестила* его и онъ *помиловалъ* еще ее. Я, *взирая на жизнь ихъ*, жалѣлъ ихъ обоихъ и *укрѣплялся на молитвы*, которыя, можетъ-быть, помогутъ мнѣ и ихнему прощенію во грѣхахъ. (См. сочиненную мною молитву *)».

Далѣе, вотъ что̀ говоритъ онъ о своихъ училищныхъ товарищахъ:

«Кромѣ того, печально мнѣ смотрѣть на братію мою, учащуюся со мною: всѣ наполнены хитрости, обмана и богохульства, что̀ должно быть непростительно въ нашихъ лѣтахъ. Но Богъ милостивъ еще къ намъ. Даже К. (ученикъ) уже прилѣпился къ сѣтямъ дьявола. О, сколь нынѣ свѣтъ развратился! *Даже младенцы, недавно выступившіе въ свѣтъ* Божій, *и тѣ хулятъ имя Господне и не страшатся суда Всевышняго*».

---

*) Молитва эта находится въ приведенномъ отрывкѣ.

Мы съ намѣреніемъ привели цѣликомъ эти отрывки, чтобы читатель самъ могъ судить, до какой степени упалъ и извратился въ Рѣшетниковѣ даже и тотъ уровень его развитія и пониманія, который былъ замѣтенъ у него прежде. Мы могли бы привести здѣсь цѣлые десятки страницъ его разсужденій о грѣхахъ, которые онъ научился видѣть чуть не на каждомъ шагу, изложенныхъ имъ со словъ монастырскихъ послушниковъ, если бы въ этихъ разсужденіяхъ было возможно понять хоть двѣ-три строки, поставленныя рядомъ. Читая эти страницы, совершенно понимаешь, почему тетка возненавидѣла Ѳ. М. Это была простая женщина, не понимавшая умозрѣній своего питомца, который, поживъ въ монастырѣ, настроился смотрѣть на такихъ бѣдныхъ людей, какъ его воспитатели, свысока и безучастно, повторяя по временамъ: «Боже, прости имъ, не вѣдятъ бо, что̀ творятъ». Такое искажающее вліяніе ссылки было тѣмъ особенно пагубно для развитія Ѳ. М., что онъ искренно вѣровалъ въ эту вынесенную изъ монастыря мораль и дѣйствительно полагалъ, что теперешнія мнѣнія и мысли его—сама истина.

Отъ такого изуродованія своей мысли Ѳ. М. освободился не скоро, равно какъ и отъ другого, не менѣе губительнаго вліянія среды мелкаго чиновничества, о которомъ мы скажемъ ниже.

Въ этихъ «богомысліяхъ и умозрѣніяхъ» прошли 1857 и 1858 годы. Эти два года посвящены были чтенію книгъ духовнаго содержанія, перепискѣ съ однимъ изъ родственниковъ по тѣмъ же возвышеннымъ и обоимъ имъ недостаточно яснымъ и доступнымъ вопросамъ. Мы не приводимъ этихъ писемъ, боясь утомить читателя, ибо, при неясности и запутанности самой мысли, изложеніе этихъ писемъ и разсужденій есть верхъ неестественности и вычурности. Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ любимыми занятіями Ѳ. М. было ходить по церквамъ, пѣть на клиросѣ, слушать проповѣди и сочинять такія же проповѣди самому. Впрочемъ, даже и въ это время, нельзя сказать, чтобы такое якобы религіозное настроеніе поглощало собою всего Рѣшетникова.

Иногда любилъ онъ отправиться порыбачить на Каму, гдѣ сходился съ народомъ и узнавалъ жизнь и нравы крестьянъ, бурлаковъ.

Въ 1859 году воспитатели его переѣхали въ Екатеринбургъ, гдѣ дядя получилъ мѣсто помощника почтмейстера. Ѳ. М. помѣстился на частной квартирѣ. Оставшись теперь

на свободѣ, не затрудняясь ученьемъ, такъ какъ приходилось повторять старое. Ѳ. М. какъ будто очнулся, ожилъ: въ запискахъ его нѣтъ уже разсужденій о непостижимомъ, а, напротивъ, идутъ живые очерки лицъ, съ которыми ему теперь пришлось жить одному. Онъ дѣлается простымъ и спокойнымъ лѣтописцемъ окружающей его жизни, описываетъ городскія происшествія, пожары *), ѣздитъ рыбачить на Каму, гдѣ съ простымъ народомъ проводитъ цѣлыя ночи. «Часто въ это время,—говоритъ Ѳ. М.:—случалось, что я, сидя въ лодкѣ, глядѣлъ куда-нибудь вдаль: глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть, и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ — ни одного слова. Очнешься — и плюнешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, если бы я былъ богатъ, я бы накупилъ книгъ много-много! Я бы все выучилъ!»

Эти немногіе мѣсяцы пятьдесятъ девятаго года были весьма благотворны для него. Нѣсколько извратившаяся мысль отдохнула на непосредственномъ воспріятіи жизненныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ, быть-можетъ, вышли впослѣдствіи лучшія его произведенія. Но, къ несчастію Рѣшетникова, это благодатное время, когда мысль его начала-было снова выходить на настоящую дорогу, продолжалось не болѣе полугода, а именно съ февраля 1859 года по іюнь. 25 іюня онъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и «получилъ аттестатъ съ отличными, хорошими, а изъ ариѳметики и геометріи достаточными успѣхами», послѣ чего ему опять нужно было вернуться въ домъ родственниковъ, жившихъ въ Екатеринбургѣ.

6.

Ему, повидимому, сильно не хотѣлось этого, онъ норовилъ поотдохнуть лѣто, поглядѣть на другихъ своихъ родственниковъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ Пермской губерніи; но въ томъ кругу, который такъ хорошо характеризовалъ себя вышеприведенной фразой—«между нищими и средними»,—для отдыха не было свободной минуты, и слѣдовательно такія мечтанія Ѳ. М. не могли осуществиться. Еще прежде, нежели онъ успѣлъ окончить курсъ и полу-

*) Во время пожаровъ, бывшихъ въ Перми въ 1859 г., Ѳ. М. нанимался по ночамъ караулить дома обывателей, за что получалъ 20 коп.—«потому что,—говоритъ онъ:—у меня не было денегъ». Отъ этой работы онъ «нажилъ» рубль двадцать копеекъ.

чить аттестат, воспитатель поспѣшилъ разрушить эти мечтанія письмомъ, въ которомъ говорилось:

«Душевно радуюсь, что оканчивается ученіе твое, но теперь надо подумать объ опредѣленіи твоемъ, а не о гулянкѣ. Тебѣ хочется повидать А. въ Тагилѣ, но что изъ этого выйдетъ, я напередъ скажу: то, что ты, на первый даже день, долженъ имѣть свою пищу по случаю бѣдности и нетрезвости его...» «Думай-ка лучше о службѣ, а не о прогулкѣ своей».

Такимъ образомъ ѣхать въ Екатеринбургъ и тотчасъ поступать на службу для Ѳ. М. было дѣломъ неизбѣжнымъ, и на другой день по окончаніи курса онъ, скрѣпя сердце, отправился въ дорогу. «Не могу вспомнить,—пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ:—въ какомъ положеніи я находился. Ужасная скорбь и скука находили на меня каждый день. Мысль, что я лишился любимаго мнѣ города (Перми), можетъ-быть, навсегда, ужасно давила мое сердце». «Все любимое исчезло изъ моей памяти. Новый, чуждый годъ, новыя лица, вещи, служба, *которую я не любилъ съ самаго дѣтства*, все это сдѣлало Екатеринбургъ для меня отвратительнымъ».

Почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ уѣздный судъ (28 іюля 1859 года) и сталъ заниматься въ этомъ судѣ съ жалованьемъ по три руб. сер. въ мѣсяцъ.

Мелкая чиновничья среда, въ которой пришлось жить Ѳ. М., не менѣе среды монастырской повредила его развитію. Мысль его должна была тратиться на пониманіе мелкихъ чиновничьихъ интересовъ, дрязгъ, заботъ, — словомъ, всего «подьяческаго» обихода, въ то время, какъ извѣстно, заплѣсневѣлаго, затхлаго. Мысли его стали волновать мелкія чиновничьи интриги, взятки, мелочныя и безпрерывныя огорченія и обиды. Какъ бы презрительно ни смотрѣлъ онъ на все это, но, какъ человѣкъ, поставленный въ эту среду необходимостью имѣть насущный кусокъ хлѣба, онъ невольно долженъ былъ проникаться ея интересами, долженъ былъ много терять отъ неразвитости и дикости новыхъ товарищей.

Мы не приводимъ характеристикъ, которыя дѣлалъ Ѳ. М. своимъ многочисленнымъ сослуживцамъ. Достаточно сказать, что всѣ эти характеристики крайне для нихъ нелестны.

Главнымъ образомъ (какъ и въ первыхъ впечатлѣніяхъ

монастырской жизни) Рѣшетниковъ въ своихъ новыхъ сотоварищахъ былъ возмущенъ отсутствіемъ пониманія лежавшихъ на нихъ обязанностей. Какъ ни скучна была ему чиновничья жизнь, но въ то же время онъ «гордился тѣмъ, что служитъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ», которымъ онъ можетъ (какъ онъ полагалъ) сдѣлать пользу, тогда какъ изъ канцелярскихъ братій никто объ этомъ и не думалъ.

Но, покуда онъ переписывалъ бумаги, трудно было приносить пользу, и волей-неволей приходилось безсильно негодовать на грязь и плутни окружающей среды. Жилъ онъ въ это время у своего воспитателя, которому отдавалъ получаемые три рубля, помѣщаясь на полатяхъ, куда по временамъ дядя адресовалъ ему: «Я тебя, шельма! Что ты тамъ не сидишь?» Но и сидя смирно. Ѳ. М. могъ сколько угодно думать, читать все, что попадалось, вспоминать прошлое и обсуждать настоящее,—словомъ, быть до извѣстной степени покойнымъ, т.-е. «однимъ». Результатомъ этого одинокаго сидѣнья въ 1860 году явилась поэма въ трехъ частяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ — «Приговоръ». Поэма эта, написанная совершенно неудобными для чтенія стихами, какъ нельзя лучше изображаетъ безпомощное состояніе дарованія Рѣшетникова, связаннаго по рукамъ и по ногамъ всѣми одуряющими вліяніями цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ его прошлой жизни. Содержаніе этой поэмы таково. Въ уѣздномъ городѣ, описанномъ довольно подробно и хорошо, живетъ судья; въ домѣ у него живутъ дворникъ и воспитанница, и всѣ эти три лица, т.-е. судья, дворникъ и воспитанница, мрачны, скучны, угрюмы; а судья и дворникъ, кромѣ угрюмости, носятъ еще какую-то тайну въ душѣ. Начало поэмы написано, очевидно, подъ вліяніемъ послѣднихъ, самыхъ свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ грязной чиновничьей жизнью, и потому герой поэмы, таинственный и молчаливый судья, является сначала простымъ взяточникомъ, у котораго на душѣ есть грѣшки и который очень хорошо знаетъ, что есть такъ-называемые ревизоры. Но,—думаетъ Ѳ. М.,—поэмъ на тему о взяткахъ, и притомъ такихъ таинственныхъ, какую началъ онъ, никто изъ настоящихъ писателей не писывалъ, да и наказать взяточника, обирающаго народъ, просто ревизоромъ, ему, глубоко возмущенному господствовавшимъ въ то время грабежомъ, кажется малымъ, и вотъ тутъ-то на помощь ему являются взгляды, вынесенные изъ мона-

стыря, вслѣдствіе чего выходитъ, что домъ судьи потому такъ мраченъ, что воспитанница, живущая у него и не знающая, кто ея отецъ, есть не воспитанница, а родная дочь, прижитая судьей съ замужней женщиной, которая уже умерла. Этотъ грѣхъ мучаетъ судью со дня рожденія дочери. Дворникъ потому мраченъ и «вздрагиваетъ, оставшись одинъ», что онъ помогалъ судьѣ спровадить беременную женщину (мать воспитанницы), вмѣсто богомолья, въ деревню, гдѣ она и родила. Все это—мораль монастырская, и, судя по окончанію этой поэмы, нельзя не сказать, что мораль эта сильно изувѣчила простоту и искренность мысли Ѳ. М. Конецъ поэмы такой: на судью, который запутанъ во взяткахъ и въ проступкахъ противъ вышеупомянутой морали, авторъ насылаетъ, во-1-хъ—ревизора, во-2-хъ—въ день появленія ревизора сгораетъ домъ судьи, подожженный дворникомъ. Мучимый совѣстью, дворникъ рѣшился сжечь мѣсто, гдѣ было столько обмановъ, и потомъ самъ удавился въ лѣсу. Судью разбиваетъ параличъ, и его отвозятъ въ больницу. Воспитанница выходитъ замужъ за штатнаго смотрителя, котораго она давно любила, и перевозитъ судью къ себѣ; послѣдній, умирая, разсказываетъ ей (все съ ужасомъ и необыкновенно длинно), что она его дочь, и рѣчь его постоянно прерывается появленіемъ бѣсовъ съ вилами, крюками. За минуту до смерти является частный приставъ, тащитъ судью въ острогъ, но судья умираетъ. Во время похоронъ его поднимается страшная буря, гробъ срываетъ съ катафалка, судья вываливается. Но и этого все еще кажется мало: на могилѣ его потомъ постоянно видны двѣ черныя кошки.

Самъ авторъ чувствовалъ, что все написанное имъ не совсѣмъ ладно. «Любезный читатель!—пишетъ онъ въ предисловіи къ поэмѣ:—прежде всего прошу у Васъ полнаго вниманія къ каждому предмету и потомъ терпѣнія, потому что я напередъ знаю нетерпѣніе съ Вашей стороны. Несмотря на огромный объемъ поэмы, *вы найдете все ни къ чему не годнымъ*». Причину, побудившую его къ написанію поэмы, онъ изображаетъ въ томъ же предисловіи такъ:

«Человѣкъ, любящій честность и правду, свидѣтель многихъ сценъ въ разныхъ бытахъ человѣчества можетъ сказать что-нибудь о людяхъ, достойныхъ или похвалы, или порицанія. Стыдно мнѣ показать «Приговоръ» въ настоящемъ его видѣ теперь, когда я думаю объ его передѣлкѣ. А много, много *должно быть* и лишняго, чего я самъ не

могу примѣтить, думая, что все связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ, поэтому-то я и прошу Васъ, читатель, быть снисходительнымъ къ «Приговору»; читая, дѣлать замѣтки, подчеркивая тѣ слова, которыя не нужны, грубы, безъ энергіи и не обработаны риѳмой, какъ это сдѣлалъ одинъ читатель въ началѣ ея. Я прошу объ этомъ читателя съ истиннымъ уваженіемъ. Судить умѣетъ всякій безъ различія, и я буду очень радъ послушать мнѣніе всѣхъ моихъ читателей».

Но на это воззваніе о нравственной помощи отзывовъ послѣдовало очень мало. Одинъ читатель подчеркнулъ два слова карандашомъ, другой написалъ сбоку: «это что-то серьезное», а третій сдѣлалъ весьма неопредѣленное замѣчаніе на словахъ. «Къ сожалѣнію,—пишетъ Ѳ. М.:—одинъ читатель, прочитавши эту поэму, не сдѣлалъ ни одной замѣтки, а только на словахъ сказалъ: *«въ серединѣ много лишку»*, а что̀ именно лишнее, того не потрудился указать. Это очень досадно для меня. *Я бы радъ былъ сказать ему благодарность, если бы онъ положилъ зачеркнуть всѣ* строчки *поэмы, что было бы для меня легче, нежели его чтеніе про себя, безъ всякихъ для меня нужныхъ заключеній»*. Въ концѣ поэмы онъ проситъ читателя *пожалѣть* *) его, если она плоха и если въ ней много наврано.

Такой же характеръ трудной работы мысли носитъ и драма *въ шести* дѣйствіяхъ, написанная стихами (тамъ же на полатяхъ), подъ названіемъ—«Паничъ» (фамилія дѣйствующаго лица), съ тою только разницею, что здѣсь монастырскимъ взглядамъ дано гораздо менѣе мѣста, чѣмъ въ «Приговорѣ». Герой поэмы—злодѣй, разбойникъ и убійца, сосланный за грабежи и разбои на каторгу, возвращается благополучно на родину, съ цѣлью добить остальныхъ своихъ враговъ, и потомъ столь же благополучно уходитъ назадъ.

И все-таки свободный уголъ на полатяхъ сдѣлалъ ему большую пользу. «Сидя смирно» въ этомъ углу, Рѣшетниковъ получилъ возможность одуматься, придти въ себя. Хорошо уже и то, что онъ сталъ писать. Кромѣ упомянутыхъ двухъ пьесъ, въ письмахъ и дневникѣ его говорится еще о многихъ произведеніяхъ, которыхъ мы не нашли въ

*) . . . Виноватаго меня
Вы, ради Бога, пожалѣйте!..
(Окончаніе поэмы «Приговоръ»).

бумагахъ Рѣшетникова и которыя написаны все-таки здѣсь же, на полатяхъ: «Черное озеро», «Дѣловые люди». Эти произведенія, насколько можно судить по дневнику Рѣшетникова, имѣютъ уже чисто-обличительный характеръ и относятся, по времени, къ 1860 и началу 61-го года.

Переходъ въ новыхъ произведеніяхъ къ направленію только обличительному совершился въ Рѣшетниковѣ подъ вліяніемъ перемѣны должности. Въ 1860 году его опредѣлили, въ томъ же уѣздномъ судѣ, помощникомъ столоначальника горнорабочаго стола. Это обстоятельство сдѣлало его болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ прежде, и дало возможность, хотя отчасти, примѣнить на дѣлѣ собственные взгляды на службу, на важность обязанностей передъ людьми, участь которыхъ онъ теперь могъ рѣшать самъ. «Мнѣ страшно казалось,—разсказываетъ Ѳ. М.:—рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разныя мѣста, читалъ разныя копіи, реестры и все то, что̀ ни попадалось на глаза. Когда я бывалъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не заперто, и узналъ здѣсь очень многое».

Натолкнувшись при этихъ поискахъ на множество плутней, послужившихъ потомъ темою для вышеупомянутыхъ обличительныхъ произведеній, Рѣшетниковъ въ то же время пополнилъ свое знакомство съ народомъ, узнавъ изъ этихъ канцелярскихъ бумагъ всю подневольность простого человѣка, всю зависимость этого человѣка отъ маленькой высшей власти, подобно тому, какъ прежде въ побѣгахъ, при личномъ знакомствѣ, на Камѣ, на заводѣ и даже въ школѣ, гдѣ онъ учился и дружился съ дѣтьми этого же самаго простого народа, онъ узналъ его бѣдность и трудъ.

Такимъ образомъ, благодаря относительной свободѣ, пріобрѣтенной имъ на полатяхъ и въ перемѣнѣ должности, въ сознаніи Ѳ. М. начинаетъ понемногу выступать совершенно ясная цѣль и потребность — приносить ближнему *пользу*, помощью другой не менѣе сильной и настоятельной потребности—литературной дѣятельности. Сильное вліяніе относительно укрѣпленія въ Ѳ. М. этой потребности и необходимости *дѣлать пользу* бѣдному человѣку имѣлъ одинъ мастеровой Екатеринбургскаго монетнаго двора. Онъ очень любилъ Ѳ. М., знакомилъ его съ бытомъ рабочаго люда, совѣтовалъ ему жить честно, не якшаться съ пьянчужками и взяточниками. По мѣрѣ того, какъ въ немъ укрѣплялось сознаніе, что, помощью своихъ писаній, онъ можетъ сдѣлать кое-что *полезное,* уѣздный судъ и Екатеринбургъ ему стали

надоѣдать, и явилось желаніе (которое, впрочемъ, едва ли не было у него съ перваго дня пріѣзда въ этотъ городъ) перемѣнить службу и жить въ Перми: тамъ можно читать книги, тамъ у него школьные товарищи, тамъ наконецъ та самая дѣвушка, которою онъ, два года тому назадъ, «не хотѣлъ соблазняться», но которую теперь, опомнившись отъ монастырскаго чада, снова любилъ такъ, какъ любилъ, когда она была еще ребенкомъ. И вотъ онъ задумываетъ перейти въ Пермь.

Къ этому времени относится длинное письмо Ѳ. М. къ своему дядѣ, на время командированному изъ Екатеринбурга въ Кунгуръ. Въ этомъ письмѣ Рѣшетниковъ высказываетъ своему воспитателю вещи, которыхъ никогда бы, по его словамъ, «не сказалъ въ лицо».

Вотъ отрывки изъ этого письма: «Простите меня, если я пишу вамъ огромное письмо; оно будетъ коротко (въ сравненіи) съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы написать, изливъ вамъ все мое чувство, что я чувствую теперь, чего желаю, чего не сказалъ бы въ лицо и что я въ своемъ положеніи могу только написать»... «Пишу вамъ то, чего вы не видѣли во мнѣ, разсуждая обо мнѣ людямъ напротивъ. Въ васъ я болѣе чѣмъ въ другомъ вижу сторону разсудительности и потому хочу сказать то, что уже могу сказать. Я вижу въ васъ сторону добродушія, а иногда (можетъ-быть, и всегда) любовь отца». «Теперь я взрослый юноша и понимаю себя и другихъ, и хотя не обучался въ гордыхъ салонахъ и не знакомъ съ паркетами, однако могу, по крайней мѣрѣ, писать не хуже другихъ. А за это я долженъ отдать вамъ, любезный тятенька, справедливую благодарность и благодарить со слезами». «Вы знаете мою жизнь, какъ и я нынѣ ее узналъ, и знаете, какое широкое поле горестей было въ ней, сколько бѣдствій извлекалось изъ одного источника этого зла, и зло это — я. Но вы исцѣлили все это; теперь остается свѣтлый путь впереди. Благодарю васъ, благодарю». «Но посмотримъ внимательнѣе на оставшееся сѣмя этой горести и путь впереди».

«Я освободился отъ несчастій посредствомъ васъ; направилъ себѣ дорогу къ жизни вами, поступилъ въ общество людей себѣ равныхъ по образованію, служу съ ними и заслуживаю любовь. Это внѣшняя сторона. А внутренняя? Совсѣмъ не то! Во мнѣ нѣтъ тѣхъ наклонностей, какія (были) до 19-лѣтняго возраста, когда я былъ обуздываемъ другими и не обуздывалъ себя; (теперь) у меня обязанно-

сти, неся которыя на себѣ, я долженъ оберегать собственность другихъ,—это обязанность служебная».

«Но проступки ваши напосятъ намъ порчу и гнетутъ всю нашу жизнь. Такъ и со мной. Освободившись отъ бѣдствій, находясь уже на службѣ, *и чего бы, кажется?* — *всѣмъ доволенъ:* но когда вспомню прошедшее, то внутренно негодую на себя, за прежніе годы, болѣе за то, что они лишили меня, во-1-хъ, вашей любви и, во-2-хъ, пути къ просвѣщенію, *знать больше и все.* Въ этомъ единственно виновенъ я. И если бы зналъ, что я долженъ быть чиновникомъ черезъ 6-ть лѣтъ, то навѣрное на 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ не сдѣлалъ бы того, чѣмъ теперь я душевно страдаю. Это другая сторона моей жизни. Я сю скученъ при своемъ взглядѣ на вещи. Въ служебномъ отношеніи я чувствую еще болѣе горечи. Во-1-хъ, мнѣ скучно. Не знаю, отчего скучать молодому человѣку, *огражденному всѣми средствами довольства.* Многіе смѣются надъ тѣмъ, что разстаться съ милымъ городомъ не бѣда, что въ немъ давно скучно, что лучше искать новыхъ приключеній, что это глупо. Все это, господа, я знаю, но кто можетъ понять глубину (моего) разстройства? Во-2-хъ, я даже потерялъ всякую надежду на перемѣщеніе меня изъ Екатеринбурга въ Пермь. Губернаторъ не былъ, да если и будетъ, то къ нему не доступишься. Впрочемъ, я къ доступамъ смѣлъ, но онъ едва ли будетъ въ нашъ городъ». «Потомъ, служа въ судѣ, я, кромѣ столоначальства, никакой не вижу впереди карьеры. Я вполнѣ понялъ службу уѣзднаго суда, и она давно мнѣ наскучила. Мнѣ желательно знать больше въ другихъ мѣстахъ, служить въ виду губернскаго начальства. Въ низшей инстанціи не научишься доброму, кромѣ взятокъ, которыя мараютъ нашу честь и совѣсть. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи я нахожусь. *Не знаю, какъ мнѣ вырваться изъ этого хаоса!*»

«Далѣе, домашняя жизнь не очень красна. Я не виню ни васъ ни маменьки, зная, что всему виной я, но я давно исправился, и, кажется, можно (меня) полюбить. Не думайте, что я молчаливъ, то значитъ гордъ». «Веселость моя исчезла вмѣстѣ съ горемъ, постигшимъ очень рано». «Я уважаю и люблю вполнѣ обоихъ васъ, и не разсчитывайте на мое молчаніе, звуки голоса *), и не печальтесь этимъ:

*) Т.-е. — не обижайтесь моимъ *молчаніемъ*, суровымъ звукомъ голоса.

вѣрьте, я съ вами не разстанусь, пока (живу) въ Екатеринбургѣ, и если по вашему ходатайству я буду въ Перми служить, то повѣрьте, я никогда не забуду васъ. Это моя вѣрная и искренная любовь, которой вы можете несомнѣнно вѣрить, и я ее сохраню до гроба».

Письмо это переполнено самыми нѣжными изліяніями и признаніями въ любви, обращенными къ дядѣ и теткѣ въ стихахъ и прозѣ. Несмотря на общій грустный тонъ письма, въ концѣ его у Рѣшетникова вдругъ вырывается наружу цѣлый потокъ самыхъ живыхъ, веселыхъ желаній. Какъ будто забывъ суровость своего дяди, который вообще не любилъ этихъ длинныхъ разглагольствованій, онъ начинаетъ его разспрашивать,—какъ живетъ такой-то дѣдушка, какъ живетъ его семейство, подросли ли и хороши ли собой какія-то дѣвушки, которыя живутъ въ Кунгурѣ и которыхъ онъ съ дѣтства зналъ маленькими. «Теперь,—пишетъ онъ:—я думаю, онѣ уже большія или замужемъ, особенно та, которая въ нашихъ дѣтскихъ играхъ била меня — конечно, въ шутку—по лицу. Напишите имена всѣхъ ихъ. Что эти дѣвушки умны или глупы? Я думаю, вы взглядомъ можете отличить доброту и невинность, которая плѣняетъ, ласкаетъ собою человѣка... Ту прелестную улыбку, которая придаетъ окраску хорошо сложенной головѣ, таліи». Такихъ задушевныхъ, сердечныхъ писемъ, въ которыхъ, помимо уясненія собственной личности, Рѣшетниковъ хлопоталъ о томъ, чтобы склонить дядю на согласіе отпустить его въ Пермь, такихъ писемъ, судя по количеству отвѣтовъ на нихъ, должно-быть, было писано немало. Но успѣхъ этихъ посланій, повидимому, былъ не великъ, такъ какъ отвѣты на нихъ были, примѣрно, такого рода:

«Неужели я то думалъ, давая тебѣ по своей силѣ и возможности ученіе и образованіе, получать отъ тебя благодарность только излитую перомъ на бумагѣ, а не въ лицѣ моемъ и твоей тетки, которая нянчилась съ тобою, оставляя всѣ прочія попеченія, и оба хотѣли нажить себѣ подъ старость утѣшеніе и замѣну въ покойной жизни? А видимъ, что наклонность твоя, явственно какъ въ письмахъ, такъ и лично намъ говоритъ, есть отъ насъ удалиться. Впрочемъ, и я принималъ старанія о пріисканіи тебѣ должности въ Перми, но всему дѣлается препятствіе; видно такъ угодно Всевышнему. Прими себѣ въ соображеніе, что неужели бы ты получилъ себѣ воспитаніе, если бы были живы твои родители? Право, это никакъ бы не могло случиться.

Вотъ примѣръ: посмотри въ Тагилѣ на сына твоего дяди Алексѣя, коего онъ такъ хорошо воспиталъ, что и писать вовсе не умѣетъ, и ко мнѣ же преклонилъ голову, чтобы не сдѣлать его прописнымъ. Теперь онъ въ потѣ лица трудится, тяжелою черною работою снискиваетъ себѣ кусокъ хлѣба и вдобавокъ еще оплачиваетъ за себя подати и разныя повинности. А ты у меня отъ этого ига и бремя изъятъ, да еще жалуешься на провидѣніе Всевышняго и судьбу и на то самое, что тебѣ далъ я образованіе въ низшемъ учебномъ заведеніи. Я не ладилъ и даже не желалъ *сдѣлать изъ тебя поэта или какого-нибудь дурака,* а всегда старался сдѣлать изъ тебя умнаго и образованнаго человѣка. Сознайся, не правду ли я теперь тебѣ пишу, дрожащею своею рукою, которая, можетъ-быть, столько на свѣтѣ перевела чернилъ и бумаги, что я сообразить теперь себѣ не могу! А для кого именно? Вѣдь въ томъ числѣ есть и на твое воспитаніе и ученіе. Тоже и это все уносило мое здоровье и сокращало жизнь мою, но я на то не ропщу, а прославляю Бога, что онъ во всемъ этомъ мнѣ помогъ!»

Такія письма, искренность которыхъ Ѳ. М. никакъ не могъ заподозрѣть, потому что хорошо зналъ, что дядя говоритъ сущую правду, что онъ дѣйствительно обманулся въ его воспитаніи и искренно огорченъ этимъ, производили на Рѣшетникова впечатлѣніе глубоко-тягостное. Но, несмотря на это, онъ никакъ не могъ разстаться съ своими мечтами и желаніями; они были точно такъ же искренни, какъ и огорченія дяди. Долгое время каждый изъ нихъ отстаивалъ себя и свои взгляды, но наконецъ дядя понемногу началъ сдаваться и уступать. Видя, что племянникъ продолжаетъ еще прилежнѣе сидѣть надъ своими сочиненіями, онъ сталъ задумываться надъ этимъ несокрушимымъ постоянствомъ, какъ будто начиналъ вѣрить, что это племянникъ дѣлаетъ не спроста. Онъ уже не говорилъ ему: «Какую черную немочь пишешь?»—какъ говаривалъ это годъ тому назадъ, а кротко замѣчалъ: «Смотри, парень, какъ бы тебѣ не было худо». Мало-по-малу дядя до того озаботился этими непрестанными писаніями своего племянника, что рѣшился пригласить и угостить какого-то мѣстнаго литератора, лишь бы тотъ принялъ участіе въ угрюмомъ и мучающемся юношѣ, посовѣтовалъ бы ему, какъ сочинять. Сочинитель не посовѣтовалъ ничего хорошаго,—напротивъ, черезъ нѣсколько времени дядя узналъ, что

сочинитель, несмотря на угощеніе, задумалъ всѣхъ ихъ, т.-е. и дядю, и его жену, и самого Ѳ. М., описать въ газетахъ. Это сильно разозлило дядю, онъ вновь вознегодовалъ на сочинительство племянника и однажды сгоряча «засвѣтилъ ему оплеуху».

7.

Почти цѣлый годъ тянулась эта борьба племянника съ дядей; наконецъ, въ первой половинѣ 1861 года, Ѳедору Михайловичу удалось взять изъ уѣзднаго суда отпускъ и уѣхать въ любимую имъ Пермь, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на обѣтованную землю. Онъ надѣялся отыскать здѣсь хорошее мѣсто, съ жалованьемъ, которое дастъ ему возможность не нуждаться, съ занятіями, отъ которыхъ будетъ оставаться свободное время; это свободное время онъ надѣялся посвятить ученью и сочинительству; кромѣ того, въ Перми онъ разсчитывалъ найти строгихъ и понимающихъ литературное дѣло судей, которые бы дали ему благой совѣтъ, вывели его «изъ хаоса», въ которомъ блуждали его безпомощная мысль и неопредѣлившаяся сила.

Но Пермь, на первыхъ же порахъ, плохо отвѣтила этимъ надеждамъ.

По пріѣздѣ въ Пермь, онъ поселился на квартирѣ у какого-то родственника, отставного чиновника, и сталъ хлопотать прежде всего о мѣстѣ.

До какой степени эти хлопоты, этотъ первый шагъ къ осуществленію завѣтныхъ мечтаній, были трудны и утомительны, можно судить изъ того, что черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Пермь Ѳ. М. пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «Милый мнѣ въ Екатеринбургѣ губернскій городъ сталъ теперь постылымъ». Мелкій канцелярскій служитель, застѣнчивый, молчаливый, и притомъ безъ всякой протекціи, онъ, въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, съ ранняго утра терся безъ всякаго толку въ переднихъ начальниковъ разныхъ канцелярій, испытывая на каждомъ шагу униженіе отъ той же самой канцелярской мелкоты, которая позволяла себѣ смотрѣть на него свысока, потому что была мелкота «губернская». Обширный дневникъ Ѳ. М. на громадномъ количествѣ страницъ переполненъ описаніями этихъ мучительныхъ скитальчествъ по переднимъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Цѣлый часъ я дожидался пока отворятъ двери (въ квартирѣ предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ)

и цѣлый часъ ходилъ отъ однѣхъ дверей къ другимъ, прося лакея отворить двери къ его высокородію, но лакей говорилъ: «подождите!». Вездѣ эта дьявольская фамильярность лакеевъ, чуть если видятъ — человѣкъ не чиновный, то и думаютъ: — «Чортъ тебя бей! Не великая ты штука, подождешь, а мнѣ все-таки любо смотрѣть, какъ я себя тѣшу, какъ ты поклоняешься мнѣ!» А ты стоишь да думаешь: «Ишь ты какъ заважничался, собака этакій!» Но что ни говори самъ съ собой, а все-таки ждешь да ждешь и наконецъ думаешь: «пожалуй, придется воротиться назадъ домой!» Однако досадно... Лакей не пускаетъ, а баринъ забился въ кабинетъ, бреется поди еще, или пьетъ чай, какъ нашъ губернаторъ, цѣлый часъ одинъ стаканъ. Вотъ мука!»

Или вотъ другой отрывокъ:

«20 мая 1861 года. Съ разсвѣтомъ мнѣ представилось двадцатое число. Сегодняшній день былъ послѣднимъ днемъ моего отпуска. Я ужаснулся тому, что я еще въ Перми и никуда не опредѣлился. А между тѣмъ сколько было трудовъ и хлопотъ объ этомъ переводѣ. Въ Екатеринбургѣ я надѣялся на отпускъ, какъ на отдохновеніе. Но здѣсь пришлось не до отдыха; постоянныя заботы, ходьба къ знаменитымъ лицамъ (надежда моихъ мыслей), отказы этихъ лицъ со всѣми непріятностями къ моей личности, и наконецъ бѣдственная извѣстность объ моей прежней подсудности, спавшей четыре года и проснувшейся вдругъ, при моей просьбѣ о переводѣ, подсудность теперь вполнѣ извѣстная въ Екатеринбургѣ, все это ужасно сравнительно со всѣми непріятностями службы въ судѣ (уѣздномъ), гдѣ, если и слышали о моей подсудности, но не вѣрили. Это воспоминаніе надолго будетъ въ моей головѣ, и надолго я долженъ стыдиться какъ товарищей моихъ по училищу, служащихъ въ губернскомъ правленіи, такъ и товарищей по службѣ въ уѣздномъ судѣ.

«Но срокъ кончился, и мнѣ надо ѣхать обратно, или подавать просьбу въ казенную палату. Что если судъ (екатеринбургскій) за просрочку поступитъ со мной по закону изъ недоброжелательности ко мнѣ?»

Недоброжелательность суда, о которой упоминаетъ Рѣшетниковъ въ приведенномъ отрывкѣ, возбудилась послѣ его отъѣзда въ Пермь по слѣдующему обстоятельству. Мы уже упоминали объ одномъ его произведеніи, подъ названіемъ: «Черное озеро»; это произведеніе было послано

Ѳ. М. въ Пермь, въ редакцію «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но тамъ его не помѣстили, и въ отсутствіи Рѣшетникова изъ Екатеринбурга произведеніе это пришло назадъ, въ тотъ же самый уѣздный судъ, который, вѣроятно, узналъ себя въ этомъ произведеніи и вознегодовалъ, и потому, быть-можетъ, велѣлъ за этимъ въ Перми узнали о подсудности Ѳ. М. Это извѣстіе свалилось совершенно неожиданно. Онъ ходилъ въ это время въ канцелярію уголовной палаты и занимался уже тамъ, хотя и безъ жалованья, какъ вдругъ однажды одинъ изъ его «враговъ» (которые совершенно непонятнымъ образомъ окружали въ одно мгновенье всякаго новичка, едва показавшаго носъ въ мелкую чиновничью среду) явился въ эту канцелярію и торжественно объявилъ всѣмъ сослуживцамъ тайну Ѳ. М. Въ описаніяхъ своихъ встрѣчъ съ людьми Рѣшетниковъ никогда не дѣлалъ рѣзкихъ, необдуманныхъ приговоровъ, никогда не поддавался личному ощущенію, особливо негодованію, безпристрастно изображая вмѣстѣ съ дурными и хорошія черты встрѣтившагося ему лица; но послѣднее происшествіе, должно-быть, такъ сильно потрясло его, что онъ не выдержалъ своего хладнокровія.

«Одинъ разъ, — пишетъ онъ въ дневникѣ: — прибѣжалъ къ намъ въ правленіе Г-нъ, эта шельма въ бѣлыхъ брюкахъ и жилетѣ, какъ дьяволъ. Секретаря не было. Забѣжалъ въ присутствіе съ докладной (Рѣшетникова) запиской и кричитъ: «Вотъ какіе люди къ намъ просятся. Смѣютъ они проситься! Гдѣ секретарь? Пусть онъ выведетъ на справку его подсудность». И вывели подсудность безъ всякихъ постановленій!»

Къ этому огорченію, заставившему Ѳ. М. оставить службу въ уголовной палатѣ, присоединялись и огорченія отъ воспитателя его, который въ письмахъ своихъ изъ Екатеринбурга продолжалъ доказывать, что мысль племянника служить въ губернскомъ городѣ и сочинять—мысль глупая и кромѣ вреда ничего послѣднему не принесетъ. На его жалобы относительно трудности достать мѣсто и на разныя оскорбленія, которыя приходится терпѣть во время этихъ исканій, онъ пишетъ:

«Ты бы долженъ принимать за благо уже и то, какъ съ тобою обошлись предсѣдатели» (такихъ-то и такихъ палатъ). «Знай, что казенныя должности нынѣ ужасно дороги, и я не совѣтую тебѣ волонтерствовать изъ одного мѣста въ другое. Вѣдь волонтерство и ораторство нынѣ, право, мало

въ ходу; найдется нѣсколько тысячъ народа въ сто разъ ученѣе и умнѣе насъ, (которые) тебѣ все-таки прямо скажутъ: «Мальчишка и даже болтунъ, помолчи».

И вслѣдъ затѣмъ, не болѣе какъ черезъ два дня:

«Что̀ дѣлать (что дѣла Ѳ. М. идутъ плохо), потерпи и перенеси съ мое. Я вполнѣ увѣренъ, что тебя на половину вѣка моего недостанетъ, потому что *поэзія твоя для жизни служитъ вредомъ*». «Я даю тебѣ совѣтъ, — съ начальниками и старшими себѣ будь уважительнѣе и почитай ихъ, а съ товарищами будь развязнѣе. Если такъ же будешь обходиться въ Перми, какъ жилъ въ Екатеринбургѣ, то и тамъ тебя не будутъ любить и уважать, и черезъ это ты будешь несчастливъ. Прощай и много писемъ отъ меня не ожидай. Я принялъ тебя сорока недѣль, какія средства мнѣ позволяли, по возможности, все тебѣ доставилъ. Не ходилъ къ роднымъ помощи просить для твоего пропитанія. Прощай».

Въ дневникѣ Ѳ. М., соотвѣтственно числу этого письма, помѣщено слѣдующее:

...«Поэзія моя будто бы только вредитъ... Не знаю! Но если я пишу, то чувствую отраду... Я тогда спокоенъ и веселъ... Я пишу, не надѣясь на барыши... Когда я умру, то пусть меня читаютъ, судятъ, ругаютъ... Если я пишу плохо, мысль моя необработана, вездѣ сухо и горько, то пусть всякій пойметъ меня и мою жизнь, которую я испыталъ во всѣхъ видахъ... Что̀ же дѣлать, если я необразованъ, неотесанъ, грубъ, невѣжа, грубіянъ, забіяка! Но что̀ же дѣлать, если неправда у насъ ввелась уже въ форму, люди сдѣлались гордыми, своенравными... Остается только плакать. Молиться о нихъ (о людяхъ) не будетъ никакой *пользы*».

Въ этомъ отрывкѣ Ѳ. М., несмотря на множество разнаго рода непріятностей, все еще стоитъ за свое дѣло, за свое писанье; но исторія съ «Чернымъ озеромъ» и послѣдовавшее за нимъ открытіе подсудности до того потрясли его, что онъ какъ бы потерялъ и послѣднюю надежду на себя и свои литературные труды.

Воспитатель написалъ ему громовое письмо.

Вотъ отрывки изъ него:

«Я видѣлся съ А. С. (сослуживецъ Ѳ. М. по екатеринбургскому уѣздному суду), который мнѣ объявилъ, что на докладную твою записку получено въ полиціи (увѣдомленіе), что, по случаю подсудности твоей, ты не можешь быть пе-

ремѣщенъ». «Вдобавокъ А. С. сказалъ мнѣ, что ты составилъ сочиненіе о «Грязномъ» или «Черномъ озерѣ», гдѣ ты описалъ много поступковъ *губернскихъ* начальниковъ, за что тебя, этакого поэта, даже вызывали черезъ припечатаніе въ газетахъ» *). «*Изъ этого видно, къ чему ведетъ наша поэзія, какъ не къ погибели человѣческой.* Напрасно строишь ты воздушные замки, которыхъ намъ состарѣться, а не видать; а этими непріятностями сокращались дни моей жизни. Неужели я съ тою цѣлію училъ тебя, воспиталъ и опредѣлилъ на службу, чтобы изъ потомковъ моихъ кто-либо сдѣлался клеветникомъ на начальниковъ? Поэтому еще нахожу средство послѣднее: окопировать тебя и не желать себѣ болѣе поэтовъ изъ племянниковъ».

Это письмо, вмѣстѣ съ катастрофой въ уголовной палатѣ (когда г. Г-нъ объявилъ о подсудности), письмо, полученное Ѳ. М. дня черезъ два послѣ происшествія, когда онъ еще не успѣлъ опомниться и придти въ себя, совершенно обезсилило его.

Выписавъ подчеркнутыя слова, онъ пишетъ въ дневникѣ: «Поистинѣ это правда... и подобныя сочиненія могутъ хоть какого отца огорчить и опечалить! Дуракъ С-въ! Пусть это имя клеймитъ его!» «Это письмо такъ поразило меня, что я весь день былъ въ какомъ-то горѣ и печали... Даже у обѣдни, гдѣ служилъ архіерей, мысли мои блуждали по сторонамъ «Чернаго озера», готовили письмо оправданія дядѣ, рисовали образы бѣдныхъ, любимыхъ моихъ, тятеньки и маменьки! (О какъ я ихъ люблю! Скучно безъ нихъ). Въ этой катастрофѣ я часто забывалъ о службѣ, и только громкое и хорошее пѣніе здѣшнихъ пѣвчихъ выводило меня изъ этого хаоса моихъ мыслей».

Несмотря на огорченья, возвратиться въ Екатеринбургъ, о чемъ не разъ приходило Ѳ. М. въ голову, было невозможно: одна мысль о возможности опять очутиться на полатяхъ ужасала его, и волей-неволей онъ опять отправлялся искать мѣста, и вездѣ вслѣдъ за нимъ шла его подсудность. Изъ уголовной палаты она перешла по слѣдамъ его въ казенную, куда онъ уже подалъ прошеніе объ опредѣленіи, занимался тамъ въ канцеляріи и ждалъ этого опредѣленія со дня на день.

---

*) Все это выдумано, по всей вѣроятности, сослуживцемъ Ѳ. М. Описаны были уѣздные начальники, а не *губернскіе*; А. С. присочинилъ это ради того, чтобы черезъ дядю, который зналъ хорошо чиновничью іерархію, посильнѣе отомстить Ѳ. М-чу.

Долго, утомительно долго тянутся эти хлопоты, эти безпрерывные отказы, это убійственное равнодушіе, пустыя, но мучительныя придирки.

Наконецъ, послѣ всевозможныхъ мученій, Рѣшетниковъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

«10 іюня 1861 г.

«Слава Богу, я опредѣлился; 9 числа объ опредѣленіи моемъ записали въ книгу, касающуюся до службы канцелярскихъ служителей казенной палаты, и вчера просмотрѣлъ прокуроръ. Наконецъ мои многолѣтнія желанія исполнились и я, съ помощью Божіею, опредѣленъ въ казенную палату по канцеляріи. Одинъ только Богъ былъ моимъ ходатаемъ. Ходатаемъ, потому, что заступничествомъ Его я, несмотря на всѣ несчастія со мной, сколько враги мои ни старались не дать мнѣ ходу по службѣ, и самый доступъ къ лицамъ палаты, Онъ руководилъ теперешнимъ моимъ переводомъ, вразумляя ихъ о моемъ припятіи. Эту руку милосердія Его я признаю, благодарю его своей ничтожною вѣрою въ Него, и вѣрую съ надеждою на будущее Его покровительство, что все это Онъ дѣлаетъ къ лучшему. Я восторгаюсь Его благодѣяніями и плачу отъ восторга, отъ тѣсноты чувствъ, вспоминая Его ко мнѣ милости».

Изъ этого отрывка видно, до чего измучился и изстрадался Рѣшетниковъ и съ какимъ восторгомъ привѣтствуетъ онъ пристанище, добытое такими трудами. Въ довершеніе его восторга, даже воспитатель его, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ опредѣленіи, написалъ ласковое и радостное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Наконецъ поздравляю тебя съ перемѣною службы; какъ ты желалъ, чтобы тебѣ быть и служить въ Перми, — то и исполнилось. *Но, пожалуйста, поэзію свою оставь; она не совсѣмъ у мѣста; и если надо за нее заняться, то совершенно основательно и съ разборомъ каждое слово надобно одумавши вставить, такъ, чтобы остатковъ отъ него не было.* Совѣтую тебѣ заботиться о службѣ и уважать старшихъ себѣ; на развратныхъ людей не гляди, горячихъ напитковъ убѣгай, и будь ко всѣмъ вѣжливъ и обходителенъ, тогда и тебя будутъ всѣ любить и уважать. Одежу береги; на помощь мою не надѣйся, ты знаешь, что я тебя обучилъ» и т. д.

Какую же собственно благодать привѣтствовали и О. М. и его родственники (есть письма другихъ родственниковъ),

и чего же добился Ѳ. М., послѣ стольких трудовъ и безпокойствъ?

Очень и очень немногаго. «Меня посадили,—пишетъ Рѣшетниковъ:—въ регистратуру. Вся моя работа не умственная, а машинная, состоитъ въ записываніи входящихъ бумагъ, надписках на конвертахъ, отправляемыхъ изъ палаты, и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и при полученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвойнѣ обременительной. Для ума же никакой нѣтъ пищи».

Въ концѣ того же іюня мѣсяца того же 1861 года онъ пишетъ: «За іюнь мѣсяцъ я получилъ 5 рублей серебромъ. Это неутѣшительно. Худо то, что работа машинная и не требуетъ никакого ума». Наконецъ, въ одной изъ послѣдующихъ страницъ своего дневника, онъ опредѣляетъ свое положеніе однимъ, но весьма мѣткимъ словомъ — «мука». «Думалъ-было ѣхать въ Екатеринбургъ, чтобы наглядѣться на него, порыбачить. Но меня не пустили изъ канцеляріи...» Всѣ эти несчастные пять рублей онъ отдавалъ своему родственнику за столъ и квартиру, оставляя себѣ нѣсколько копеекъ на табакъ, который онъ курилъ постоянно. На книги, которыхъ такъ жаждалъ, у него не оставалось ни копейки, хотя въ той же самой казенной палатѣ была библіотека, гдѣ книги отпускались для чтенія съ платою 1 р. сер. въ годъ. Этотъ необходимый рубль Ѳ. М. пріобрѣлъ, прослуживъ еще мѣсяцъ, за который ему заплатили шесть рублей. Жизнь его тянулась вяло, скучно.

«Въ палатѣ мы сидимъ до 4-го часу и выходимъ только тогда, когда выходитъ предсѣдатель. Придешь домой, разумѣется, послѣ шестичасового сидѣнья устанешь и, какъ отобѣдаешь, невольно клонитъ тебя ко сну. Ляжешь и пробудишься часу въ 6-мъ. Тутъ чай и опять тягость. Сядешь у окна и думаешь,—что бы дѣлать? Писать. И лишь станешь обдумывать, явится дѣдушка (такъ Ѳ. М. называлъ своего хозяина-родственника), начнетъ разсказъ, или супруга его заведетъ съ нимъ какую-нибудь сцену, невольно принужденъ будешь слушать и прослушать до 10-го часу, а тамъ темнота. Надо замѣтить, что если дѣдушка начнетъ разсказывать, то вступленіямъ нѣтъ конца. Скучно слушать иной его разсказъ, но должно слушать, не огорчая старика. Старикъ этотъ великодушенъ, и такихъ милыхъ характеровъ рѣдко гдѣ можно найти. Со мною онъ

добръ до безконечности, что видно изъ его ко мнѣ расположенія и ласкъ. Не знаю, что онъ чувствуетъ внутренно, я (съ своей стороны) всегда могу сказать ему: О, добрый дѣдушка, лучше тебя я еще не находилъ людей!» «Только одно мнѣ непріятно, что онъ смѣется надъ моими сочиненіями и *совѣтуетъ ихъ бросить совсѣмъ.* По его понятіямъ я непремѣнно долженъ сойти съ ума. Я ложусь спать въ 12 часовъ, а до этого времени хожу въ нашемъ садикѣ. Несмотря на тѣсноту (садика), я вечеромъ хожу изъ угла въ уголъ по маленькой тропинкѣ, сдѣланной мною, или сижу на желѣзномъ ведрѣ. Любя уединеніе, я доволенъ и этою скучною, простою природою... Въ единеніи душа настраивается, сердце бьется сильнѣе, самому кажется легче и свободнѣе, и въ этой тишинѣ, прерываемой разговорами сосѣдей или бранью, умъ работаетъ и углубляется въ безпредѣльное высшее; и во всемъ этомъ не чувствуешь утомленія; когда же очнешься отъ этихъ фантазій, то чувствуешь силу сверхъестественную, силу поэзіи, и тутъ непремѣнно подумаешь, зачѣмъ не имѣешь тѣхъ средствъ, которыми бы можно было жить, сведя концы съ концами; теперь же, получая жалованья шесть рублей, едва находишь въ ящикѣ какія-нибудь нѣсколько копеекъ... А что подумать о платьѣ, о будущемъ? Дрянь ты, какъ есть, и живешь не лучше нищаго! Невольно приходитъ мысль, зачѣмъ я способенъ, и зачѣмъ въ голову идутъ идеи и не даютъ покою? Все-таки у меня надежда на Бога. Пусть Онъ дѣлаетъ какъ знаетъ и какъ Его святой волѣ нужно...» «Утромъ въ 5 часовъ я опять хожу по палисаднику, хотя есть одна непріятность — это роса, отъ которой мочатся сапоги и халатъ, но зато я хожу собственно уже для своего здоровья... Такъ и идетъ время...» «Если не слушаю разсказовъ дѣдушки, когда онъ молчаливъ и грустенъ, то читаю книги, книжонки и «Московскія Вѣдомости», полученныя недѣли три тому назадъ... Отъ скуки радъ заняться чѣмъ-нибудь».

Это однообразное времяпрепровожденіе изрѣдка разнообразилось прогулками далеко за городъ за грибами, или на любимую Ѳ. М. «Мотовилиху», въ которой онъ узналъ всю подноготную жизни заводскаго рабочаго; прогулки эти сопровождались разными встрѣчами и разсказами, которые Ѳ. М. описываетъ съ обычною ему обстоятельностью и которые еще болѣе обогащали его знаніемъ жизни. Посѣщалъ онъ также своихъ знакомыхъ,

старыхъ товарищей по училищу, сдѣлавшихся чиновниками, и новыхъ сослуживцевъ, и тоже подробно описывалъ эти посѣщенія и встрѣчи. Каждаго встрѣчавшагося ему человѣка онъ изображалъ въ своемъ дневникѣ съ полнымъ безпристрастіемъ, съ полною любовью только къ правдѣ, инстинктивно боясь упустить какую-нибудь крошечную черточку. Но эта черта его ума, неизгладимо врѣзанная въ него обстоятельствами жизни, въ періодъ самаго ранняго дѣтства,—черта, которая была у него еще тогда, когда ему было десять или двѣнадцать лѣтъ отъ роду, оставалась и до настоящаго времени въ той же силѣ, какъ была и въ дѣтствѣ. И тогда, прощая своихъ враговъ, онъ умѣлъ уже относиться къ людямъ такъ, какъ относился теперь. Десять лѣтъ, которыя прожилъ съ тѣхъ поръ Ѳ. М. въ монастырѣ, въ Перми и въ Екатеринбургѣ, не только не оплодотворили ее знаніемъ, но, напротивъ, какъ уже видѣли мы, постоянно искажали ее, заваливая разнымъ хламомъ, изъ-подъ котораго ей стоило великихъ трудовъ выбраться опять на Божій свѣтъ.

Какъ видимъ теперь, немного помогла и Пермь.

Матеріальнаго благосостоянія, при которомъ бы онъ могъ сводить «концы съ концами», онъ не имѣлъ, и въ этомъ отношеніи ему было даже хуже здѣсь, въ Перми, чѣмъ на полатяхъ въ Екатеринбургѣ. Служба, отъ которой онъ всегда хотѣлъ научиться чему-нибудь, была самая мертвая, не дававшая никакой пищи уму, и наконецъ «знать все», или хоть что-нибудь,—что собственно и нужно было ему,—на рубль серебромъ въ годъ было едва ли возможно. Мечтанія о «безпредѣльномъ высшемъ», которыя могли быть опредѣлены и уяснены однимъ только знаніемъ, продолжали попрежнему безплодно волновать его мысль, мѣшая простому и сердечному взгляду на жизнь и на людей, который, какъ мы уже сказали выше, былъ у него и десяти лѣтъ отъ роду, былъ и теперь. Ничто съ десяти лѣтъ, въ сущности, не подвинулось въ его развитіи; ничто существеннымъ образомъ не успѣло испариться даже изъ того, что забило и затормозило его развитіе. Такъ, напр., поэму свою «Приговоръ» онъ и теперь, будучи въ Перми, считаетъ чѣмъ-то, о чемъ можно долго думать, совѣтоваться; это показываетъ, что въ эту пору онъ не отдѣлался еще окончательно отъ странной морали, вложенной въ нее.

Не счастливилось ему также и насчетъ руководителей,

которыхъ онъ искалъ съ терпѣніемъ и настойчивостью, ничуть не меньшими тѣхъ, какія обнаружилъ онъ въ необходимости найти мѣсто и кусокъ хлѣба.

Необходимость узнать самого себя была также ничуть не меньшая. «Напишу П. К. П., — пишетъ онъ въ дневникѣ:—объясню ему свое положеніе (относительно жажды литературной дѣятельности) и попрошу его прочитать мое сочиненіе и сдѣлать на него строгую критику, а болѣе всего сказать: могу ли я сочинять прозой или стихами?» П-въ, бывшій учитель Ѳ. М. въ уѣздномъ училищѣ и теперь служившій въ одной съ нимъ казенной палатѣ, охотно согласился прочесть произведеніе своего питомца, при чемъ написалъ въ отвѣтъ на его письмо слѣдующую записку:

«Извините, что я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ на Ваше письмо. Благодарю Васъ за старую обо мнѣ память и за то довѣріе, съ которымъ Вы высказываете предо мной свои глубокія думы. Я съ удовольствіемъ готовъ прочитать Ваши сочиненія, но считаю въ этомъ случаѣ нужнымъ предупредить Васъ, что мой судъ, какъ судъ очень обыкновеннаго человѣка, не долженъ быть для Васъ путеводною звѣздою. Относительно внѣшней отдѣлки я еще могу быть полезенъ Вамъ, что же касается до внутренняго построенія, то здѣсь всякое стороннее вліяніе потребуетъ передѣлки, а это излишній расходъ на труды, часто приходящіеся не по сердцу автору. Н. П.»

«...Слава Богу! — восклицаетъ Ѳ. М.: — я получилъ отъ П. письмо; теперь остается только отдать ему сочиненіе».

Сочиненіе это было—«Дѣловые люди», о которомъ, къ несчастію, мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что это произведеніе было обличительнаго характера*). Въ то же время другое свое произведеніе: «Приговоръ», онъ отдалъ на судъ сослуживцу М., «который, — пишетъ Рѣшетниковъ:— очень друженъ со мной, замѣтно любитъ меня, *зоветъ постоянно курить* и непремѣнно что-нибудь разскажетъ о своей прошлой жизни или о палатской службѣ. Вотъ почему я и рѣшился отдать ему прочитать «Приговоръ»...

*) Въ рукописяхъ Ѳ. М. мы нашли комедію «Судейкинъ». *Комедія* эта написана прозой и, судя по содержанію, очень подходитъ къ «Дѣловымъ людямъ», о которыхъ мы кое-что знаемъ изъ дневника. Одно ли это и то же—сказать трудно, но направленіе найденной комедіи точно также вполнѣ обличительное.

М-въ похвалилъ поэму, сказалъ, что она ему понравилась, но что «надо убавить, много лишняго».

Отзывъ П-ва о «Дѣловыхъ людяхъ» былъ болѣе обстоятеленъ и произвелъ на Ѳ. М. болѣе благопріятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ, что «прочиталъ и собирается написать рецензію, но все некогда...» «Написано, говоритъ, порядочно и высказывалъ свои замѣтки... Совѣтуетъ ее (комедію) положить пока для того, чтобы созрѣли мысли, и продолжать свое образованіе, пописывая что-нибудь.. Совѣтуетъ писать лучше прозой... Впрочемъ, говоритъ, написана не дурно, а все-таки надо продолжать свое образованіе. Совѣтуетъ написать какую-нибудь статейку и послать въ редакцію».

«Слава Богу!—думалъ я:—одинъ человѣкъ подалъ мнѣ добрый совѣтъ въ мою пользу. Теперь покажу ему другое сочиненіе, хоть «Приговоръ».

Совѣтъ былъ дѣйствительно добрый, но, къ несчастію Ѳ. М., П-въ, который даже и такими совѣтами сдѣлалъ бы для него несомнѣнную пользу, очень скоро оставилъ службу въ казенной палатѣ и переѣхалъ въ другой городъ.

Ѳ. М. глубоко сожалѣлъ объ этомъ.

По отъѣздѣ П-ва, онъ снова сталъ обращаться за совѣтомъ къ кому попало и иной разъ попадалъ въ ужасный просакъ.

Въ такой просакъ попалъ онъ, отдавъ свое сочиненіе предсѣдателю.

«Каюсь,—пишетъ онъ въ августѣ 1861 года:—что отдалъ ему (предсѣдателю) мое сочиненіе «Дѣловые люди». Цѣль моя была та, что, во-1-хъ, онъ обѣщался убавить жалованье, во-2-хъ, онъ, какъ умный человѣкъ, быть-можетъ, обратитъ на меня вниманіе и подастъ благой совѣтъ. Поэтому я написалъ ему письмо, похвалилъ его за библіотеку, какъ за благодѣтельную мѣру для служащихъ, выставилъ свое бѣдственное положеніе, просилъ прочитать мои сочиненія, изъ которыхъ одно принесъ съ собой и, если можно, (просилъ) прибавить мнѣ жалованья. Къ этому же меня понудило и то, что я сбираюсь искать другую квартиру. 12 числа дѣдушка, бывши выпивши и *наскучивъ видѣть, какъ я пишу сочиненія, велѣлъ мнѣ искать другую квартиру.* 14 числа я былъ у предсѣдателя и ждалъ его цѣлыхъ два часа. Онъ ходилъ на дворѣ, игралъ съ собаками и смотрѣлъ въ амбарѣ свои вещи, которыя онъ продастъ, надѣясь скоро уѣхать. Увидавъ меня, онъ спро-

силъ: что мнѣ нужно? Я подалъ ему свое письмо. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Мнѣ, батюшка, некогда читать, я собираюсь въ церковь и вамъ совѣтую тоже идти. Ступайте!»—и онъ поворотилъ меня. Я повторилъ ему свою просьбу на словахъ.—«Мнѣ некогда читать!—сказалъ онъ опять.—Я лучше вамъ совѣтую заниматься, чѣмъ сочинять. Занимались бы больше въ палатѣ». Кое-какъ Рѣшетниковъ настоялъ-таки на томъ, что предсѣдатель взялъ его сочиненіе и обѣщалъ передать его для просмотра редактору «Губернскихъ Вѣдомостей» П-ну. Предсѣдатель приказалъ ему зайти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней, но когда въ назначенный день Ѳ. М. явился къ нему, то предсѣдатель сказалъ:

— Что вамъ нужно?

Рѣшетниковъ сказалъ.

— Мнѣ некогда!—отвѣтилъ предсѣдатель.—Вы видите—я занимаюсь? Ступайте къ обѣднѣ... Я самъ принесу (сочиненіе),—и не велѣлъ приходить.—«Дуракъ же я, говоритъ Ѳ. М., что отдалъ ему мое сочиненіе. Теперь онъ не только будетъ смѣяться надо мной, но еще не обратитъ никакого вниманія на мое бѣдственное положеніе. Пожалуй, еще и за этотъ мѣсяцъ дастъ только 5 рублей».

Возвращая черезъ нѣсколько дней комедію, вмѣстѣ съ письмомъ, при которомъ была она доставлена Рѣшетниковымъ, предсѣдатель сказалъ:

— «Вы какія-то кляузы написали? тутъ какая-то женщина учитъ мужа? Вамъ надо выбрать одно изъ двухъ: или сочинять, или служить».

Ѳ. М. всѣми возможными способами старался скрыть отъ своихъ сослуживцевъ какъ свою просьбу къ предсѣдателю, такъ и его сужденія о его произведеніяхъ, но сослуживцы узнали—и Рѣшетниковъ опять убитъ и огорченъ.

«Ужасно тяжело мнѣ было въ этотъ день (день возвращенія предсѣдателемъ рукописи). Сцена въ палатѣ (съ предсѣдателемъ) мнѣ и вечеромъ почти не давала покоя. То слышались слова предсѣдателя: «кляузы», то недовѣрчивость служащихъ. Все вышло дрянь! Всѣ говорятъ, что я глупецъ и больше ничего, да еще хочу выиграть передъ начальствомъ. Ахъ, если бы деньги! бросилъ бы я эту службу и всѣ эти связи съ служащимъ міромъ».

Вотъ какіе были судьи и руководители Ѳ. М., которыхъ онъ такъ желалъ и на которыхъ такъ надѣялся. Въ теченіе года онъ услышалъ одно доброе слово отъ г. П-ва, а

этотъ годъ былъ *двадцатый* въ его жизни, и его не могла не угнетать мысль, что года эти проходятъ безслѣдно и даютъ ему одни только страданія.

Вотъ какими строками въ своемъ дневникѣ заканчиваетъ онъ этотъ годъ:

«Сегодня, 5 сентября 1861 года, я поздравилъ себя съ двадцать первымъ годомъ моей жизни. А что я сдѣлалъ въ эти 20 лѣтъ? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ черновыхъ сочиненій... Кромѣ горя —ничего не было. Дай Богъ созрѣть моимъ мыслямъ и исполниться желаніямъ людей, читавшихъ мои сочиненія, и быть изъ нихъ (сочиненій) дѣльному, не для себя только, но и для пользы нашего русскаго народа. Дай Богъ мнѣ терпѣніе сносить ярмо моей бѣдной жизни и жить въ трудѣ, безъ гордости, самообольщенія, не увлекаясь мелькающими въ воображеніи мечтами, а жить, вѣря въ Провидѣніе и такъ, какъ Богъ велитъ».

8.

Такъ прошелъ 1861 годъ.

Въ теченіе слѣдующаго 1862 года матеріальная обстановка Ѳ. М., повидимому, стала еще хуже. Съ переходомъ на новую квартиру, къ «чужимъ людямъ», получаемое имъ жалованье оказалось въ высшей степени ничтожнымъ. Вотъ его бюджетъ на новой квартирѣ: «за квартиру—1 р. 50 к. На говядину, 30 ф., по 3 к. сер. за фунтъ—90 к. Хлѣба на 60 к. и молока на 60 к.». «Буду жить, какъ Богъ велитъ».

«Служба становится трудная,—пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ послѣ вышеприведенной выписки.—сижу въ палатѣ до 4-хъ часовъ, обѣдаю почти въ шестомъ, да еще дома занимаюсь палатскими дѣлами. А все за 7 рублей. Дядя Ан. писалъ мнѣ: «Что за философія, что жалованья мало,—я и женатый получалъ по 3 рубля, да жилъ же какъ-то». Поживи-ка нынѣ, попробуй! Впрочемъ, я доволенъ тѣмъ, что изъ семи рублей у меня остается два съ половиной рубля въ мѣсяцъ. *Зато я не ѣмъ уже ничего мяснаго*». Не представляя никакихъ существенныхъ перемѣнъ къ лучшему въ матеріальномъ отношеніи, 1862 годъ былъ былъ для Ѳ. М. весьма полезенъ въ отношеніи нравственномъ. Въ теченіе этого года ему удалось-таки найти двухъ весьма хорошихъ критиковъ: однимъ изъ нихъ была любовь.

Какъ и въ прошломъ году, продолжая въ свободное отъ занятій время посѣщать своихъ старыхъ знакомыхъ и то-

варищей, Ѳ. М. однажды вздумалъ пойти въ семейство той дѣвушки, о которой мы разъ уже упоминали по возвращеніи Ѳ. М. изъ ссылки, когда онъ не хотѣлъ соблазняться примѣрами женщинъ.

Дѣвушка эта жила съ старушкой-матерью довольно бѣдно, зарабатывая деньги шитьемъ на гостиный дворъ и занимая каморку. И мать и дочь обрадовались Ѳ. М. Онъ просидѣлъ у нихъ цѣлый вечеръ и, воротившись, пишетъ: «Не знаю почему, а она (дѣвушка) мнѣ понравилась, въ ней видна была робость, когда она глядѣла на меня, и если что̀ говорила, то голосъ ея дрожалъ. Она ни о чемъ меня не спрашивала. Я долго любовался ея темно-каштановыми волосами, обвитыми вокругъ маленькой головки, вспоминая время, когда она, бывало, (въ дѣтствѣ) расплетала ихъ и чесала. Въ простомъ сѣренькомъ платьицѣ, она казалась безукоризненно хороша».

«Въ моей памяти мелькнули слова нашихъ родителей, обѣщавшихся (въ дѣтствѣ) соединить насъ навѣки, отъ чего я тогда отстранялся... Я ужаснулся своего прошедшаго. Зачѣмъ я дичился дѣвушки, зачѣмъ ненавидѣлъ ее за ея длинные волосы, большіе глаза?» «Мнѣ сильно хотѣлось поговорить съ нею наединѣ, но гдѣ и какъ, это трудно опредѣлить... И теперь, оканчивая записки, я вижу передъ собой ея милый образъ...»

Съ этихъ поръ всякая новая встрѣча съ этой дѣвушкой, какъ бы онѣ ни были рѣдки и молчаливы, все болѣе и болѣе укрѣпляетъ въ сердцѣ Ѳ. М. любовь къ ней.

«Она мнѣ еще больше понравилась,—пишетъ онъ послѣ слѣдующей встрѣчи:—я начинаю на нее теперь поглядывать не шутя и, кажется, я люблю ее...»

«...Я начинаю любить ее... Я ежедневно больше и больше думаю о ней...»

«...Вотъ уже двадцать дней, какъ я не видалъ ея; Боже мой, какъ я измучился въ первые дни на первой недѣлѣ поста. Мнѣ такъ и хотѣлось ее увидѣть, отдать ей письмо, написанное стихами, въ которомъ я объяснялъ, почему я прежде казался ей гордымъ, почему нынѣ сталъ чувствовать къ ней влеченіе и что, несмотря на прежнее горе, я все-таки любилъ ее, хоть и молчалъ объ этомъ. Часто-часто изъ Екатеринбурга я переносился мыслью въ ихъ хижину, часто мнѣ казалось, какъ бы хорошо полюбить ее...»

Очень скоро, при содѣйствіи матери любимой дѣвушки, дѣло любви было поставлено на практическую почву, и

возникъ вопросъ о женитьбѣ. При необыкновенно однообразныхъ и утомительныхъ занятіяхъ, при сильномъ отвращеніи къ образу жизни своихъ сослуживцевъ, таскавшихся по трактирамъ, женитьба на любимой дѣвушкѣ могла бы казаться Ѳ. М. необыкновеннымъ счастіемъ, нравственнымъ отдыхомъ, и онъ, навѣрное бы, не устоялъ противъ этого счастія, если-бъ въ немъ давно уже сильно и прочно не былъ вкорененъ страхъ — опрометчиво рѣшать «участь людей»... Жениться, взять дѣвушку и вмѣстѣ съ тѣмъ взять на себя все ея будущее, это казалось Ѳ. М. дѣломъ весьма серьезнымъ. Потребность обсудить это дѣло основательно, безпристрастно, разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, вновь воскресила въ немъ опять-таки ту же черту «правды», которая до настоящаго времени продолжала теряться въ мечтаніяхъ о «безпредѣльномъ высшемъ», «сверхъестественномъ», въ которомъ критики Ѳ. М. хоть и находили много «лишку», но все-таки хвалили и за эти «сверхъестественныя» мысли.

Любовь и мысль объ участи любимой дѣвушки отстранили весь этотъ хламъ на задній планъ. И надо удивляться нравственной силѣ Ѳ. М., съ которою онъ обуздываетъ свою страсть, чтобы правдиво всмотрѣться въ нее, въ ея будущее, не церемонясь ни съ собой ни съ предметомъ своей любви.

28 мая 1862 года онъ, между прочимъ, пишетъ: «—Я согласна (сказала мать дѣвушки)... Я поговорю... Приходите завтра».

«Великій Господи!.. Постой! Постой! дай опомниться! Я дома теперь. Не мѣшай, пожалуйста, В. М. (сосѣдъ по квартирѣ)! Ты ужъ больно выпилъ: кричишь, поешь, плачешь... Хорошо тебѣ, ты уже женатъ, живешь съ женой какъ живется, не чувствуешь сердечной тревоги! А я? Зачѣмъ какъ будто я не люблю ее? а какъ она прекрасна, мила! Два раза уговаривала остаться посидѣть... какъ горячо, крѣпко пожала мнѣ руку на прощанье! Зачѣмъ я не отдалъ ей письмо? Нѣтъ, я не пойду завтра! Я не хочу, чтобы мать сама устроила насъ... Нѣтъ, я самъ узнàю ее! Чтò мнѣ въ ея красотѣ?..»

Черезъ нѣсколько дней Рѣшетниковъ продолжаетъ: «Дай напередъ посмотрю на нее какъ знаю... Она рѣзва... въ ея молчаніи замѣтно развитіе... Изъ разсказовъ матери я заключилъ, что она успѣла воспитаться сама собой, иначе зачѣмъ бы ей пришла мысль идти въ монастырь? Можетъ-

быть, она только начинаетъ любить меня. И вдругъ слово о бракѣ можетъ удивить ее. Нѣтъ, ей не нужно говорить о бракѣ. Ей скучно становится, если мать ея станетъ вспоминать мое дѣтство. Ей надоѣло мое прошлое. Ей необходимо говорить со мной... Можетъ-быть, она ненавидитъ меня?.. Что̀ за сватовство?.. И къ чему оно?.. Я хочу только любить... можетъ все измѣниться. Правъ ли я или нѣтъ?.. Самъ не знаю. Что̀ нужды! Пусть мы будемъ женихъ и невѣста, пусть! Намъ тогда будетъ свободно въ разговорахъ. Что-то я право рехнулся совсѣмъ. Но она красива; я люблю ее... Но такъ ли я ее люблю, настоящею ли любовью? Нѣтъ! кажется, я мало люблю? Я только увлекаюсь ею. Я хочу ее любить истинной любовью... Видѣть въ ней постояннаго, настоящаго друга... Я хочу, чтобы и она во мнѣ видѣла такого же друга, чтобы намъ не роптать... Пусть подумаетъ. Черезъ недѣлю я схожу, а теперь пусть подумаетъ. За шитьемъ въ молчаніи много можно передумать».

Этой критикой самого себя, своихъ ощущеній, основанной на желаніи быть справедливымъ къ другому человѣку, переполнены страницы дневника Ѳ. М. въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ мысль его дѣлается свѣжѣй и проще, желанія опредѣленнѣе. На ряду съ любовью, этой опредѣленности и простотѣ мысли помогло еще и то обстоятельство, что Ѳ. М. въ томъ же 1862 году удалось найти такого цѣнителя своихъ произведеній, какого онъ самъ всегда желалъ. Этотъ цѣнитель былъ нѣкто Т., сослуживецъ Ѳ. М., человѣкъ, отчасти знакомый съ литературой и вообще понимавшій больше, нежели всѣ до сихъ поръ бывшіе судьи произведеній Ѳ. М. Этотъ судья былъ хорошъ для Ѳ. М. тѣмъ, что хоть и любилъ, и былъ ласковъ съ нимъ, но къ произведеніямъ его относился строго.

«Въ сочиненіи «Два барина» Т. не нашелъ ничего хорошаго. Разбирая каждое слово, онъ говорилъ: «Вотъ тутъ нѣтъ стиха. Здѣсь непонятно. Нельзя понять, что̀ такое *два барина?* Да и сочиненіе написано не стихами, а только подъ риѳму». Однимъ словомъ, онъ высказалъ много ума. Говорилъ о Лермонтовѣ, Пушкинѣ... а мое сочиненіе для печати не годится! О драматическихъ сочиненіяхъ онъ сказалъ, что я еще не могу писать драмы, тѣмъ болѣе стихами, какихъ (драмы стихами) никто еще у насъ въ Россіи не писалъ. Совѣтовалъ на первый разъ написать небольшую повѣсть или разсказъ... Совѣтовалъ написать пока статью о библіотекѣ въ казенной палатѣ... Изъ его словъ

я замѣчалъ, что сочиненія мои дрянь, одно увлеченье, безъ всякой цѣли... Не бросить ли ихъ... Нѣтъ, я буду писать! Ахъ, если бы деньги! бросилъ бы я службу!»

«...Драму «Паничъ» онъ не читалъ: «тутъ много написано, не хочется». «Да вы оставьте ихъ! Вы не можете писать драмы».

Какъ ни суровы эти приговоры и какъ ни грустно было переносить ихъ Ѳ. М., однако онъ не можетъ не сознаться, что въ нихъ есть доля правды.

«Т. правъ,—пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства съ новымъ критикомъ:—«Два барина» дрянь... Они давно мнѣ самому такими казались. Еще когда писалъ, то думалъ бросить... Однако попытаюсь послать (въ какую-нибудь редакцію), есть же и незанимательныя стихотворенія... Да! стихотворенія, стихи,—а у меня-то что̀? Всѣ говорятъ: не стихи и не проза... Что̀ же такое? Господи Боже мой! Какъ плохо быть бѣдному человѣку со способностями!.. Опять: «со способностями». А кто знаетъ, есть ли во мнѣ способности? Можетъ-быть, это бредъ, глупость, какъ говоритъ мой дядя? О, если это скажетъ мнѣ одинъ изъ будущихъ моихъ редакторовъ и рецензентовъ,—я брошу все и уйду! Буду жить въ одной любви къ Всеблагому Отцу моему и Творцу...»

Есть строчки въ дневникѣ Ѳ. М., гдѣ какъ будто проскальзываетъ обидчивость на приговоры Т., но скоро онъ убѣждается, что Т. правъ, и не можетъ не слушаться его совѣтовъ. Покоряясь имъ, онъ пишетъ разсказъ *изъ заводской жизни*, повидимому, ужъ безъ «неестественныхъ» фантазій, подъ заглавіемъ «Скрипачъ» *), и статью о библіотекѣ, которую Т. передѣлываетъ по-своему. Эту статью Ѳ. М. несетъ къ редактору «Губернскихъ Вѣдомостей» г. П.—и пріобрѣтаетъ въ его лицѣ новаго совѣтника, который, хотя и «посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ» на Ѳ. М., когда тотъ принесъ ему для прочтенія свои драмы, но все-таки былъ полезенъ ему, дѣйствуя въ томъ же духѣ, какъ и Т. Онъ задалъ ему работу этнографическую: описать Пермь, ея нравы и обычаи, начиная со святокъ **).

Такимъ образомъ 1862 годъ въ жизни Ѳ. М. можно считать однимъ изъ самыхъ лучшихъ. Любовь воскресила въ немъ и довела до высшей степени способность и по-

*) Этого разсказа мы въ бумагахъ Ѳ. М. не нашли.

**) Статья эта помѣщена въ 52 № «Перм. Губ. Вѣд.» 1862 года.

требность «не осудить» человѣка, а встрѣча съ гг. Т. и П. направила эту способность на явленія, которыя толпились у Ѳ. М. передъ глазами, на матеріалъ, котораго у него было накоплено слишкомъ много и который до настоящаго времени Ѳ. М., повидимому, считалъ ненужнымъ. Результатомъ этихъ вліяній является драма въ 5 дѣйствіяхъ: «Раскольникъ». Нѣкоторыя сцены въ ней, правда, носятъ еще печать прошлыхъ искажающихъ вліяній. Такъ, рѣчь раскольника написана стихами (чтобы стихи выходили вѣрнѣе, Ѳ. М. купилъ курсъ стихосложенія и провѣрялъ по правиламъ каждый стихъ), и въ объясненіи таинственной жизни этого человѣка въ уединеніи, среди лѣса, примѣшана доля монастырской морали. Но Ѳ. М. уже тотчасъ по написаніи драмы сознаётся, что не совсѣмъ хорошо знаетъ общественныя и религіозныя причины одиночества отшельника, говоря только, что онъ «слыхалъ, что есть старцы». Самая личность раскольника, впрочемъ, нужна автору для того, чтобы сгруппировать вокругъ него недовольные типы изъ простого и рабочаго народа, и здѣсь Ѳ. М. въ первый разъ является тѣмъ, что̀ онъ есть. Заводскіе нравы, которымъ отдано въ драмѣ двѣ трети мѣста, изображены ярко, правдиво, въ побужденіяхъ, руководящихъ этимъ народомъ, въ побѣгахъ съ завода въ лѣсъ къ раскольнику,—все реально, просто, безъ малѣйшей примѣси чего-нибудь изъ области «сверхъестественнаго».

«...«Раскольника» я кончилъ,—пишетъ Ѳ. М. въ своемъ дневникѣ.—Стихосложеніе Перевлѣскаго мнѣ много помогло, безъ него я рѣшительно не могъ писать стиховъ... *но все-таки это не стихи...*» «Мнѣ надо свободу! мнѣ надо запереться для сочиненій... Матеріала у насъ очень много... Нашъ край обиленъ характерами. У насъ всякій, кажется, живетъ на особицу (на свой образецъ), чиновникъ, купецъ, горнорабочій, крестьянинъ... *А сколько тайнъ изъ жизни бурлаковъ неизвѣстно міру?* Отчего это до сихъ поръ никто не описалъ ихъ? Отчего нашъ край молчитъ, когда даже и Сибирь отзывается?» «Я не могу въ себѣ отличить таланта, пусть это скажутъ люди. Я знаю только,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется,—что «Скрипачъ» и драма «Раскольникъ» написаны дѣльно. Это только для опыта. Въ нихъ мало смѣлости. Пусть только эти два сочиненія выйдутъ въ свѣтъ, я буду знать, что я могу писать, и буду писать смѣло».

9.

Изъ этого отрывка видно, что Ѳ. М. начинаетъ наконецъ выбираться на ту дорогу, съ которой онъ уже не сходилъ въ теченіе всей послѣдующей литературной дѣятельности своей.

Намъ остается поэтому сказать еще очень немного о перемѣнахъ во внѣшней обстановкѣ жизни Ѳ. М., такъ какъ весь путь, пройденный его талантомъ, нами очерченъ.

По мѣрѣ того, какъ Ѳ. М. сталъ уяснять себѣ, что̀ именно можетъ сдѣлать онъ съ своимъ дарованіемъ, по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ вѣрить, что дарованіе это у него есть, жить въ Перми стало для него скучно и безполезно. Явилась мысль ѣхать въ Петербургъ, приняться за дѣло серьезное, учиться, служить.

Особенно пусто показалось ему въ Перми послѣ неожиданной развязки романа. По случаю пріѣзда въ казенную палату ревизора, Ѳ. М. долженъ былъ проводить на службѣ дни и ночи, не имѣя времени часто посѣщать семью любимой дѣвушки. Видѣлись они очень рѣдко, хотя Ѳ. М. ни на минуту не забывалъ о предметѣ своей любви, продолжая анализировать свои къ нему отношенія. Среди этихъ-то размышленій и служебныхъ хлопотъ, онъ неожиданно узнаётъ, что дѣвушка, которую онъ любилъ, выходитъ замужъ... «Господи! какъ мучительно и тяжело, — пишетъ онъ:—видѣть ту, которую ты любишь, въ тотъ день, когда подруги снаряжаютъ ее къ свадьбѣ, шутятъ исподтишка надъ тобой, и она сама вовсе не обращаетъ на тебя вниманія! Что я ее люблю, вижу изъ того, что каждый день думаю о ней, жалѣю, что не могу на ней жениться, потому что не узналъ ее, хотя и писалъ въ дневникѣ иной разъ совсѣмъ другое... Быть-можетъ, она выходитъ замужъ совсѣмъ не по любви?»

Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, онъ отправляется въ любимый домикъ; но визитъ этотъ былъ весьма неудаченъ. Мать и дочь приняли его такъ, что ему казалось, будто онѣ хотѣли сказать: «зачѣмъ вы пришли?». Невѣста была весела, а одна изъ подругъ ея, кивнувъ на Ѳ. М., довольно громко сказала: «все еще похаживаютъ?». Все это глубоко его опечалило. Просидѣвъ молча четверть часа, онъ ушёлъ и болѣе уже не встрѣчался съ этой дѣвушкой.

Пусто и одиноко стало ему въ Перми. Единственная надежда на исходъ былъ ревизоръ, который полюбилъ Ѳ. М.,

занимавшагося у него на дому перепиской бумагъ. Ревизоръ цѣнилъ въ Рѣшетниковѣ хорошаго писца и способнаго чиновника и обѣщалъ ему переводъ въ Петербургъ. Какъ и всякому, кого Ѳ. М. считалъ образованнымъ и могущимъ дать ему «благой совѣтъ», онъ представилъ и ревизору для прочтенія свои сочиненія, прося похлопотать о помѣщеніи. Въ отвѣтъ на эту просьбу, ревизоръ, уѣзжая въ Петербургъ, сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Что касается сочиненій, то вотъ что̀, Рѣшетниковъ, я вамъ скажу: *вы писать не можете*. Я самъ писалъ когда-то, но къ чему это повело? Ровно ни къ чему! Всѣхъ литераторовъ, такихъ, какъ вы, ожидаетъ нужда и голодъ... Вы не учились въ высшемъ учебномъ заведеніи, вы нигдѣ не бывали. Что̀ вы можете написать? И для чего? Я не знаю, впрочемъ, вашихъ способностей, не знаю вашихъ сочиненій, потому что вовсе не читалъ ихъ». Ѳ. М. сказалъ, что онъ и жить не можетъ безъ сочиненій, что у него страсть. «Мало ли что̀!—возразилъ ревизоръ. — Но надо надѣяться и на разсудокъ». И въ доказательство страсти, побѣжденной разсудкомъ, ревизоръ привелъ себя, сказавъ, что и у него была страсть къ картамъ, однако онъ преодолѣлъ, а теперь вотъ уже сколько лѣтъ не беретъ ихъ въ руки. Этотъ разговоръ кончился слѣдующими словами ревизора: «Я васъ постараюсь опредѣлить... Но теперь, черезъ десять дней, вы должны сказать мнѣ: будете вы сочинять, или нѣтъ? Если вы будете сочинять,—вы останетесь здѣсь; если нѣтъ,—я васъ переведу». Трудно было Ѳ. М. рѣшить эту задачу. «Я не могу жить въ Перми,—пишетъ онъ послѣ вышеприведеннаго разговора:—мнѣ надо новой жизни... Что̀ сказать (ревизору)? Сказать, что я не буду писать—я долженъ его обмануть, и что̀ тогда будетъ со мною? Сказать, что буду,—значитъ остаться въ Перми... И Богъ знаетъ, что̀ будетъ со мною... Нѣтъ! Скажу лучше—«не буду» и стану ждать на это отвѣта... Сдѣлаю для него все, соглашусь, и тогда—будь что̀ будетъ! Уѣду... но тихонько буду писать, *пока обстоятельства* службы и жизни *не прекратятъ* эту охоту... Ахъ, если бы вы знали, что̀ это за страсть! Что̀ дѣлать! Я такъ надѣленъ судьбой, что не могъ образоваться... Развѣ я не могу еще писать лучше? Я могу научиться... Мнѣ хочется... Но служба?.. О, я недолго проживу этою мучительною жизнью!..»

Ревизоръ уѣхалъ въ 1862 г., осенью. Цѣлую зиму и весну Ѳ. М. терпѣливо дожидался отъ него письма, скучая,

волнуясь за будущность своего дѣла, съ горечью вспоминая утраченную любовь. Наконецъ, весной 1863 года, долгожданное письмо съ разрѣшеніемъ ѣхать и обѣщаніемъ мѣста пришло. Ѳ. М. распродалъ свои вещи, выпросилъ у родственниковъ позволеніе разыграть свои часы, побывалъ у нихъ, простился и, несмотря на то, что ему отсовѣтывали ѣхать, въ іюлѣ мѣсяцѣ все-таки уѣхалъ въ Петербургъ.

«Когда я простился съ друзьями,—пишетъ Ѳ. М. съ парохода, на которомъ ѣхалъ въ Петербургъ:—и когда пароходъ сталъ отплывать отъ берега, мнѣ стало крѣпко грустно... Отъ меня удаляется и милый городъ,—удалялась милая рѣка (Кама), которую я любилъ съ дѣтства, съ ея бурлаками... Я любилъ на ней плавать и, когда рыбачилъ въ дѣтствѣ, подолгу задумывался надъ природой, мнѣ чего-то хотѣлось, куда-то меня тянуло... На ней я провелъ горькую пору моей жизни, на ней узналъ себя, слушая людей... Я былъ тупъ въ то время, но я рвался быть лучше... Въ Перми я ничего для себя не сдѣлалъ... Мое воспитаніе, забитость... даже любовь не принесла мнѣ ничего хорошаго... Былъ ли хоть одинъ день съ какой-нибудь надеждой? А любилъ я берегъ Камы, любилъ просиживать подолгу ночью у архіерейскаго ключика и любоваться тихою Камою, звѣздами и сѣро-темными тучами, отражающимися въ водѣ, всплески рыболововъ, закамскіе огоньки, и ледъ, когда онъ шумитъ и ломаетъ все по пути... Да, любилъ я твою природу, Кама! Теперь ты катишь меня далеко, и Богъ вѣсть, ворочусь ли я?»

Въ началѣ августа 1863 года Ѳ. М. пріѣхалъ въ Петербургъ, но и тутъ не сразу стало ему лучше; хотя, по протекціи ревизора, онъ и получилъ занятія въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, но жалованья ему пришлось получать меньше, нежели онъ получалъ въ послѣднее время въ Перми, а именно 9 руб. вмѣсто 10 пермскихъ. Жилъ онъ поэтому въ каморкѣ, рядомъ съ кабакомъ, и, чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, сталъ писать небольшіе очерки въ «Сѣверную Пчелу». Платили ему за нихъ мало и неаккуратно. Одинъ изъ сослуживцевъ его, братъ Н. Г. Помяловскаго, уже умиравшаго тогда въ клиникѣ, человѣкъ, знакомый съ литературнымъ дѣломъ, надоумилъ его снести только-что написанныхъ «Подлиповцевъ» въ редакцію «Современника», и съ этого времени имя Рѣшетникова сразу заняло высокое мѣсто. Матеріальныя обстоятельства его измѣнились къ лучшему,

гонораръ за литературный трудъ обезпечивалъ жизнь помимо службы, и, вслѣдствіе этого скоро онъ вышелъ въ отставку, а черезъ нѣсколько времени послѣ того и женился.

10.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе восьми лѣтъ, онъ постоянно работалъ въ большихъ и маленькихъ журналахъ, и каждое болѣе или менѣе крупное произведеніе его возбуждало въ обществѣ и литературѣ самые разнообразные толки. То онъ оказывался слишкомъ большимъ, то слишкомъ малымъ, то художникомъ, то писаремъ, то могъ «проникать до корня», то оказывался необыкновенно поверхностнымъ, скучнымъ, длиннымъ. Личное знакомство съ Ѳ. М. для заинтересовавшагося въ разъясненіи этого запутаннаго таланта было почти безполезно, а самъ Ѳ. М. положительно терялъ нѣкоторую долю своей литературной интересности. Онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ, порой грубъ. Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ; рѣдко-рѣдко добродушная улыбка освѣтитъ это угрюмое лицо. Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если принимался разсказывать что-нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ наиобыденнѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, «себѣ подъ носъ», не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубочки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель уходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ, при появленіи новаго произведенія Ѳ. М., удивляться попрежнему смѣшенію въ этомъ «совершенно обыкновенномъ» человѣкѣ великаго и малаго.

Теперь читатель, знакомый съ прошлою жизнью Ѳ. М., видитъ, отчего былъ онъ угрюмъ, застѣнчивъ, боязливъ, отчего потерялъ веселость, юморъ, способность шутки. Жизнь пообила много дорогихъ цвѣтовъ съ его сильнаго таланта, ничѣмъ никогда не помогла ему развиться, хотя и дала взамѣнъ многаго, понапрасну утраченнаго, полное знаніе народной жизни, умѣнье понимать ее глубоко и правдиво.

Не бросающаяся въ глаза, скрытая, но истинная любовь къ народу, желаніе ему пользы, добра, были постоянными руководителями Ѳ. М. въ работѣ. Вотъ что̀ писалъ онъ Н. А. Некрасову, представляя ему своихъ «Подлиповцевъ»: «Такихъ людей, какъ подлиповцы, въ настоящее время еще

очень много не только въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., мѣстности самой глухой и дикой, но и въ смежныхъ съ нею—Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ, потому что я 20 лѣтъ провелъ на берегу рѣки Камы, по которой весной мимо Перми плывутъ тысячи барокъ и идутъ десятки тысячъ бурлаковъ, я задумалъ записать бурлацкую жизнь, *съ цѣлью хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ.* Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска; по-моему, написать все это иначе, значитъ говорить противъ совѣсти, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... *Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы, во время его мученій».*

Въ бумагахъ Ѳ. М. мы нашли много подлинныхъ доказательствъ этой истинной любви къ человѣку. Вотъ записка о какомъ-то пропавшемъ мальчикѣ, съ обозначеніемъ примѣтъ, выписанныхъ изъ газеты, на случай, не удастся ли найти его; вотъ напечатанная статья о дурной пищѣ чернорабочихъ, старающаяся кого-то убѣдить, что простому народу нуженъ свѣжій воздухъ. Между этими бумагами особенно интересно прошеніе, адресованное Ѳ. М-чемъ къ спб. оберъ-полицеймейстеру. Въ прошеніи этомъ Рѣшетниковъ разсказываетъ слѣдующее. Вздумалось ему пойти однажды въ концертъ; прочитавши афишу и не замѣтивъ, что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ дворянское собраніе, гдѣ, вѣроятно, въ это время происходило уже что-нибудь другое. Городовой не пустилъ Ѳ. М. въ подъѣздъ; онъ пошелъ въ другой, и тамъ не пустили, «прогнали прочь», по собственному его выраженію. Ѳ. М. разсердился, и когда на него прикрикнули:—«Куда ты лѣзешь? кто ты такой?»—«Мастеровой!»—грубо отвѣчалъ Ѳ. М. Результатомъ такого отвѣта было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый, безъ денегъ и кольца. «Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего п-ства, — писалъ онъ въ прошеніи. — Я ничего не ищу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые—*не били народъ...* Этому «народу» и такъ придется много получить всякой всячины»... Изъ этихъ же оставшихся послѣ смерти Ѳ. М. бумагъ и записокъ видно, что ни на одну минуту его не покидало желаніе «научиться», развить себя. Онъ читалъ книги, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія, собственно для себя, и что̀

могъ,—онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. А могъ онъ уже очень немного: здоровье его было слабое; онъ ужъ въ Петербургъ пріѣхалъ больнымъ, измученнымъ... Смерть стояла не за горами, и 9 марта 1871 года онъ умеръ, на тридцатомъ году жизни, отъ отека легкихъ. Вѣчная ему память отъ всѣхъ страждущихъ, «трудящихся и обремененныхъ»!

Смерть В. М. Гаршина.

1.

Въ безконечной верениц̀е всякихъ степеней и качествъ т̀ехъ психическихъ страданій, которыми изнурено почти все современное культурное общество, есть одинъ родъ такого психическаго недуга, особенности котораго, мн̀е кажется, весьма прим̀етны въ жизни В. М., главное, въ его удивительной смерти. Этотъ родъ недуга, именуемый «параличомъ воли», выясненъ въ одномъ изъ научныхъ писемъ г. Эльпе *), въ его возникновеніи и посл̀едствіяхъ, сл̀едующимъ образомъ: «Всякое *психическое состояніе*, ч̀емъ бы оно ни порождалось, *стремится перейти* въ движеніе, *во вн̀ешнее д̀ействіе*, характеризующееся разнообразными изм̀ененіями во вс̀ехъ такъ-называемыхъ физіологическихъ отправленіяхъ нашего организма». Эти отправленія суть *вн̀ешніе показатели внутренняго психическаго состоянія*. Физіологическія вн̀ешнія отправленія понижаются или повышаются въ своей интенсивности сообразно съ интенсивностью психическаго настроенія, стремящагося перейти во вн̀ешнее д̀ействіе. Но представьте себ̀е, что всл̀едствіе какихъ бы то ни было причинъ (о нихъ р̀ечь будетъ ниже) это *стремленіе* (отразить психическое состояніе во вн̀ешнемъ движеніи, поступк̀е) сокращается до нуля, тогда становится невозможной и зависящая отъ психическаго стремленія вн̀ешняя д̀еятельность, наприм̀еръ, д̀еятельность мышечной системы. При этомъ какъ «*мышечная система, такъ и вс̀е органы движенія могутъ пребывать въ совершенно нормальномъ состояніи, въ такомъ же нормальномъ состояніи могутъ находиться*

---

*) «Нов. Вр.», 88 г., № 4294.

и умственныя способности, но за отсутствіемъ *стремленія* выразить потребности психическаго настроенія въ дѣйствіи,—дѣйствія этого не будетъ». *Параличъ воли* есть поэтому прекращеніе, *смерть самого желанія выразить* въ дѣйствіи то, что̀ наполняетъ душу, при чемъ однакоже «могутъ сохраняться всѣ умственныя способности въ совершенно нормальномъ состояніи».

Человѣкъ, захваченный этимъ недугомъ, можетъ переживать удивительно мучительныя минуты...

«Онъ желаетъ и внутренно стремится, какъ никогда прежде, исполнить то, что̀ считаетъ возможнымъ, что̀ считаетъ своею обязанностью, *но его умственная сила неизмѣримо превосходитъ не только* способность дѣйствовать, но даже *пытаться* дѣйствовать... онъ понимаетъ, онъ видитъ свой долгъ, но не можетъ его выполнить»...

«Больной сознаетъ необходимость дѣятельности. Разсудокъ говоритъ ему, что это нужно сдѣлать», физическое состояніе организма нисколько тому не препятствуетъ, мышечная система здорова, о̀рганы движенія также, сто̀итъ только *попытаться*, но этого-то побужденія, *стремленія* и нѣтъ.

«Знаю, что это нужно, — говорилъ Эспиролю одинъ изъ его паціентовъ, страдавшій параличомъ воли:—и не могу! Ваши совѣты разумны, и я желалъ бы послѣдовать имъ, *но заставьте меня хотѣть* это *сдѣлать*, такъ хотѣть, чтобы я не могъ этого не сдѣлать. Я вижу, что у меня не хватаетъ только *воли желать*, такъ какъ разсудокъ мой сохраненъ и я знаю, что̀ я долженъ дѣлать».

...«Нѣкоторые изъ нерѣшительныхъ характеровъ, хоть и очень немногіе, бываютъ таковыми именно вслѣдствіе *богатства идей:* сравненіе мотивовъ, разсужденіе, взвѣшиваніе послѣдствій образуютъ чрезвычайно сложную мозговую работу, въ которой стремленія къ дѣйствію задерживаются другъ другомъ»...

...«Нѣтъ такого ощущенія, чувствованія, такого наконецъ впечатлѣнія, которое бы не стремилось перейти въ дѣйствіе, которое бы не отражалось на мышечной системѣ. Но если вслѣдствіе какой-нибудь причины соотношеніе это нарушено, тогда мышечная система, при самомъ нормальномъ здоровомъ состояніи, мало того что можетъ оказаться непригодной для самыхъ насущныхъ своихъ назначеній,—*но можетъ породить рядъ дѣйствій*, въ высшей степени нецѣлесообразныхъ *и прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя желательны и необходимы».*

Вотъ въ какомъ обликѣ рисуется намъ человѣкъ, отягченный недугомъ паралича воли, и если мы на минуту припомнимъ кое-какія подробности ближайшихъ къ смерти Гаршина минутъ, то не можемъ не увидѣть, что въ обстоятельствахъ этой смерти есть всѣ признаки этого недуга. Какъ бы ни было неотразимо для Гаршина медленное упорное развитіе его пессимистическихъ идей,—сильныя впечатлѣнія его личной жизни были для него настолько благопріятны, что самое логическое развитіе въ немъ пессимистической мысли о суетѣ суетъ вообще не могло бы лично его убѣдить въ томъ, что онъ-то и долженъ отдать себя на жертву логически развившихся идей. Каждая написанная имъ строчка имѣла внимательнаго и любящаго читателя; общество, въ которомъ онъ жилъ, было общество, почти все состоявшее изъ людей, которые его понимали, общество лучшее и, кромѣ того, любящее его. Все это—если мы вспомнимъ кое-что изъ характеристики описываемаго психическаго состоянія—не только не звало его къ смерти, не доказывало ему, что все суета суетъ,—но, напротивъ, звало жить, обязывало дѣйствовать, переполняло его мысли обиліемъ идей, и онъ — какъ больной Эспироля—зналъ, что нужно дѣлать, что дѣла много, но не могъ ощутить желанія, *хотѣнія*, утратилъ способность *стремленія* отражать въ какомъ-нибудь дѣйствіи обиліе мыслей. Мыслей была тьма и сознаніе обязанностей огромное, но все это было какъ бы закупорено въ закупоренномъ сосудѣ; онъ не только не могъ логически додуматься и дойти во имя пессимистическихъ идей до мысли о смерти,—но, напротивъ, зналъ, что ему надобно откупорить самого себя; какъ больной, жаждалъ поставить себя въ положеніе, которое бы разбило эти крѣпкія стѣнки бутылки. Въ убѣжденіи выйти изъ такого положенія онъ собрался ѣхать на Кавказъ, и наканунѣ его смерти, за нѣсколько часовъ до нея, въ его квартирѣ было уже все уложено, завязано, упаковано. Онъ чувствовалъ, что его, какъ того же больного Эспироля, надо *заставить хотѣть*, надо взять, посадить въ вагонъ и увезти. Вотъ его желанія, *необходимыя ему*, желательныя ему всѣмъ обиліемъ мыслей, но недугъ заставляетъ его поступить прямо *противоположно* этимъ истиннымъ его желаніямъ. Онъ *знаетъ*, что ему надо жить, но нѣтъ въ немъ тѣни *хотѣть* жить; съ обиліемъ мыслей, съ обиліемъ доводовъ, убѣждающихъ его въ этой необходимости жить и исполнять свои обязанности, онъ

падаетъ съ лѣстницы, какъ камень, не зная, что съ нимъ творится, и думая навѣрно о томъ, что надо жить, ѣхать на Кавказъ, что все готово. Это — какъ бы одна голова, живущая полною мыслей и желаній, намѣреній, но лишенная всего остальнаго аппарата человѣческаго организма, покоряющаяся внѣшнему толчку, двигающаяся сообразно его силѣ и катящаяся туда, куда влечетъ ее этотъ толчокъ, тогда какъ мысли, наполняющія голову, не имѣютъ съ этимъ толчкомъ ни малѣйшей связи.

Я знаю, что сравненіе, сдѣланное мною, грубо и непріятно,—но въ такомъ грубомъ видѣ, я думаю, легче удержать въ памяти общее представленіе объ этомъ недугѣ, а это необходимо въ виду того, что ниже мы попытаемся выяснить признаки именно этого недуга въ жизни и въ литературной дѣятельности В. М. Теперь обратимся къ выясненію вопроса о томъ, какія именно причины могутъ довести нормальнаго, физически здороваго человѣка до такого невѣроятнаго психическаго состоянія?

Причинъ, перечисленныхъ г. Эльпе въ его научномъ обозрѣніи, указано великое множество — отъ неумѣреннаго употребленія опія до чуткости къ страху и т. д. Но мы здѣсь ихъ перечислять не будемъ, а остановимся только на одной, имѣющей для насъ самое существенное значеніе.

«Когда ребенокъ, — говоритъ г. Эльпе: — не знаетъ съ дѣтства себѣ другой клички, кромѣ злого, гадкаго, когда отовсюду онъ слышитъ себѣ предсказанія: «изъ него выйдетъ разбойникъ», «быть ему въ каторгѣ» и т. д., то нерѣдко онъ и дѣйствительно становится таковымъ: достаточно ничтожнаго повода, чтобы внушенная идея проложила себѣ путь въ жизни. Точно такъ же бываетъ и тогда, когда ребенку внушается недовѣріе къ своимъ силамъ, способностямъ, когда это внушеніе поддерживается въ немъ всѣмъ ходомъ его воспитанія; въ душѣ ребенка зарождается сомнѣніе въ своихъ силахъ; ему кажется, что онъ дѣйствительно «не можетъ» и не способенъ, и затѣмъ является сознаніе безсилія, переходящее въ слабость дѣйствія». Указавъ такимъ образомъ значеніе внѣшнихъ вліяній на отдѣльную личность, г. Эльпе говоритъ и о значеніи такихъ же внѣшнихъ вліяній и въ психическомъ настроеніи общества и слѣдовательно каждаго живущаго въ этомъ обществѣ человѣка. «Когда обществу, устами его авторитетнѣйшихъ представителей, внушается, на разные варіанты, но всегда *настойчиво*, мысль о его слабости, безпомощ-

ности: когда печатнымъ словомъ и иными способами съ особеннымъ усердіемъ бракуется всякое начинаніе своего. родного; съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркивается или размазывается та или другая неудача; поднимается на смѣхъ малѣйшая попытка къ самостоятельности: когда атмосфера, въ которой живетъ и дышитъ общество. насыщается недовѣріемъ къ своимъ силамъ: когда только и слышится: куда намъ, гдѣ намъ!—тогда это внушаемое недовѣріе исподволь переходитъ *въ дѣйствительное безсиліе* и постепенно понижаетъ энергію общественной жизнедѣятельности, пріучаетъ общество къ мысли, что оно дѣйствительно безпомощно, что оно не можетъ жить безъ помочей». Оставляя въ сторонѣ особенность и качества тѣхъ внушеній, которыя отмѣчаетъ г. Эльпе, и взявъ изъ вышеприведеннаго отрывка только то, что объясняетъ фактъ нравственнаго безсилія,—мы увидимъ, что вообще тонъ общественной жизни, вліянія, преобладающія въ немъ. однообразіе и, главное, *настойчивость* этихъ вліяній, *разнообразіе средствъ*, которыми они проводятся въ общество, и непрестанное *однообразіе* въ *сущности* этихъ вліяній,—все это можетъ развить въ человѣкѣ, живущемъ среди этихъ вліяній, точно такіе же симптомы психическаго недуга, точно такъ же парализовать волю, привести это разстройство къ тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, къ которымъ приводятъ и другія, перечисляемыя г. Эльпе, причины недуга: опіумъ, страхъ и т. д. Всѣ эти выводы г. Эльпе дѣлаетъ, ссылаясь на авторитетныя европейской наукѣ имена, и мы, простые смертные, не можемъ сдѣлать ничего иного, какъ принять ихъ за выводы достовѣрные и для насъ поучительные. Попробуемъ же теперь, пересмотрѣвъ факты жизни и литературной дѣятельности В. М. — отмѣтить и въ томъ и въ другомъ значеніе внѣшнихъ общественныхъ настроеній и вѣяній, которымъ онъ, какъ человѣкъ извѣстнаго времени, родившійся и жившій въ извѣстные годы, невольно долженъ былъ, какъ и всѣ его сверстники, подчиняться и покоряться. Не значатъ ли что-нибудь эти вѣянія и внѣшнія вліянія *извѣстнаго времени* въ развитіи въ немъ того недуга, который довелъ его до возможности *поступать совершенно противоположно желательному?*

2.

Вопросъ о надслѣдственности въ психическомъ разстройствѣ Гаршина не подлежитъ никакому сомнѣнію, и раз-

стройство это играетъ какъ въ жизни, такъ и въ смерти В. М. весьма существенную роль. Спрашивается: какого же качества должно быть это нервное разстройство, если человѣкъ, подвергавшійся ему періодически, періодически же былъ совершенно нормаленъ и могъ быть даже вполнѣ здравомыслящимъ человѣкомъ, — да еще замѣчательнымъ писателемъ? Гдѣ и въ чемъ тотъ поворотный пунктъ въ сознательной жизни В. М., на которомъ здравомыслящій художникъ превращается въ нездравомышленнаго помѣшаннаго? Къ сожалѣнію, для уясненія этого вопроса у насъ нѣтъ подъ рукою надлежащаго матеріала, и мы должны довольствоваться только небольшой замѣткой врача-психіатра, д-ра Сиккорскаго, появившейся въ 1884 году въ редактируемомъ профессоромъ г. Мержеевскимъ журналѣ «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи». Впрочемъ, замѣтка эта, хотя и составляетъ единственный матеріалъ, при помощи котораго мы можемъ добраться до уясненія себѣ *качества* нервнаго разстройства В. М., но и ея намъ будетъ совершенно достаточно въ виду нашихъ соображеній, такъ какъ она прямо становитъ дѣло на надлежащую почву.

Въ этой замѣткѣ докторъ Сиккорскій, вполнѣ компетентный врачъ-психіатръ, обращаетъ вниманіе врачей-товарищей на октябрьскую (1883 г.) книжку «Отечеств. Записокъ» и на разсказъ В. М.: «Красный цвѣтокъ», въ которомъ онъ нашелъ «чуждое аффектаціи и субъектизма, правдивое описаніе маніакальнаго состоянія, сдѣланное въ художественной формѣ». «Изображеніе общаго маніакальнаго возбужденія со смутными экспансивными идеями, которыя еще не приняли опредѣленной конкретной формы и представляются больному въ видѣ неясныхъ силуэтовъ», г. Сиккорскій называлъ *классическимъ*. «Въ особенности рельефно представлено совмѣстное существованіе двухъ сознаній—нормальнаго и патологическаго». Нерѣдко можно встрѣтить отпечатокъ клинической правды въ «изображеніи свѣтлыхъ промежутковъ и перехода отъ нихъ къ болѣзненному приступу». «Общее, чувственно-двигательное возбужденіе маніака нарисовано мѣткими чертами». «Ассоціаціи болѣзненныхъ идей подмѣчены авторомъ и прослѣжены съ поразительною тонкостью. Эта сторона разсказа съ психіатрической точки зрѣнія имѣетъ высокія достоинства». «Но всего нагляднѣе раскрыта удивительная механика ассоціативныхъ репродукцій при переходѣ больного изъ

періода маніакальнаго возбужденія въ періодъ, выражающійся фиксированными идеями бреда». Вообще д-ръ Сикорскій считаетъ разсказъ «Красный цвѣтокъ» замѣчательнымъ психологическимъ этюдомъ, прибавляя, что вообще описанія, сдѣланныя талантливыми людьми, имѣвшими несчастье перенести душевную болѣзнь, имѣютъ для науки особенную цѣнность. Точно также и разсказъ Гаршина: онъ «представляетъ собою *не просто сырой матеріалъ*, годный для исторіи болѣзни,—это скорѣе *картина болѣзненнаго самочувствія*, освѣщенная тонкимъ проницательнымъ анализомъ художественнаго таланта».

Этотъ коротенькій пересказъ статьи г. Сиккорскаго, конечно, не исчерпываетъ ея содержанія во всей полнотѣ, но и по этимъ незначительнымъ чертамъ, указаннымъ врачомъ-психіатромъ, мы уже можемъ до нѣкоторой степени судить о *качествѣ* психической болѣзни Гаршина. Онъ, какъ оказывается, будучи психически боленъ, *можетъ удержать въ памяти* всѣ мельчайшія подробности переходныхъ ступеней недуга, т.-е. *до точности помнитъ* весь ходъ собственной болѣзни, наблюдаетъ *самъ себя*, какъ самый лучшій врачъ-психіатръ. Уже одно это качество психическаго разстройства г. Сиккорскій цѣнитъ чрезвычайно и указываетъ, какъ на рѣдкій случай, на профессора Лорда, который *впервые* смогъ сдѣлать опыты подобнаго самонаблюденія, «что пріобрѣло ему безсмертную извѣстность».

Но вѣдь Гаршинъ въ своемъ «Красномъ цвѣткѣ» сумѣлъ упомнить и удержать въ своемъ вниманіи переходные моменты *не только болѣзненнаго* состоянія.

Читая такую вещь, какъ «Красный цвѣтокъ», мы, кромѣ тонкихъ наблюденій надъ симптомами психической *болѣзни*, видимъ, что источникъ страданія больного человѣка таится въ условіяхъ окружающей его жизни, и что оттуда, изъ жизни, страданіе вошло въ его душу. Видимъ, что жизнь оскорбила въ немъ чувство справедливости, огорчила его, что мысль о жизненной неправдѣ есть главный корень душевнаго страданія, и что нервное разстройство, физическая боль, физическое страданіе только осложняютъ напряженную работу совершенно опредѣленной мысли, внушенной впечатлѣніями живой жизни. Огорченная *жизнью* мысль бьется, какъ бьется перелетная птица съ вѣтромъ, съ туманомъ,—бьется съ симптомами физической болѣзни, но она, эта мысль, какъ птица, знающая цѣль своего полета, не искажается этими встрѣчными на пути ея полета пре-

пятствіями, а старается пробиться сквозь нихъ, устремляясь къ извѣстной цѣли, въ данномъ случаѣ къ похищенію цвѣтка, къ истребленію его, какъ источника всякаго зла. Одно уже то обстоятельство, что психически больной сосредоточиваетъ свое вниманіе не просто на цвѣткѣ, а именно на *красномъ*, и что именно этотъ цвѣтъ обнаруживаетъ неразрывную связь просто физическаго страданія съ страданіемъ нравственнымъ, возбужденнымъ жизнью, впечатлѣніями пережитаго, окрашенными въ этотъ именно красный, кровавый цвѣтъ,—ужъ одно это доказываетъ, что живыя впечатлѣнія дѣйствительной жизни, извѣстнаго тона, свойства, смысла и качества, имѣютъ въ психическомъ разстройствѣ такого человѣка, какъ Гаршинъ, первенствующее передъ физическимъ разстройствомъ значеніе. Какъ на примѣръ того, что Гаршинъ не всегда повиновался тѣмъ пессимистическимъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ, и не всегда смотрѣлъ на окружающую жизнь, какъ на прахъ и тлѣнъ, укажу на слѣдующій поступокъ В. М., сдѣланный имъ весною 1880 г.

Нѣсколько писателей собрались гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, въ только-что нанятой квартиркѣ, не имѣвшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновленіи стараго «Русскаго Богатства». Въ числѣ прочихъ былъ и В. М. Его ненормальное, возбужденное состояніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе. Никто не видалъ Гаршина въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ этотъ разъ. Охрипшій, съ глазами, налитыми и постоянно затопляемыми слезами, онъ разсказывалъ какую-то ужасную исторію, но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ и бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, когда онъ только-что съ жадностью наглотался холодной воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, откупорилъ ее, налилъ цѣлый стаканъ, опустошилъ его, какъ воду, самъ, очевидно, не понимая, что̀ такое съ нимъ творится, и видимо не зная, какъ развязаться съ ужаснѣйшимъ душевнымъ разстройствомъ. Все это происходило въ теченіе не болѣе пяти минутъ, и только тогда, когда кто-то изъ знавшихъ Гаршина ближе меня увезъ его домой, я могъ спросить: что̀ такое съ нимъ случилось?

А съ Гаршинымъ было слѣдующее: наканунѣ того дня, когда я видѣлъ его въ новорождавшейся редакціи, онъ

ночью въ три часа, также для храбрости, выпилъ вина (вообще онъ совершенно не пилъ вина), почти ворвался къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ, добился, что лицо это разбудили, и сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздирающагося на части сердца, о снисхожденіи къ какому-то лицу, подлежавшему строгому наказанію. Говорятъ, что высокое лицо сказало ему нѣсколько успокоительныхъ словъ, и онъ ушелъ. Но онъ не спалъ всю ночь, быть-можетъ, весь предшествовавшій день; онъ охрипъ именно отъ напряженной мольбы, отъ крика о милосердіи, и, зная самъ, что, по тысячѣ причинъ, просьба его—дѣло невыполнимое, сталъ уже хворать, болѣть, пилъ стаканами рижскій бальзамъ, плакалъ, потомъ скрылся изъ Петербурга, оказался гдѣ-то въ чьемъ-то имѣніи, въ Тульской губерніи, верхомъ на лошади, въ одномъ сюртукѣ, потомъ пѣшкомъ, по грязи доплелся до Ясной Поляны, потомъ еще куда-то ушелъ,—словомъ, поступалъ «*какъ сумасшедшій*», пока не дошелъ до состоянія, въ которомъ больного кладутъ въ больницу.

Такимъ образомъ «*какъ сумасшедшимъ*» Гаршинъ сдѣлался и въ этотъ разъ не потому только, что онъ въ этомъ отношеніи уже испорченъ наслѣдственностью, что онъ только былъ *боленъ*, но потому, что его наслѣдственную *болѣзнь* питали впечатлѣнія дѣйствительной *жизни*.

3.

Теперь мы спросимъ: какія же именно и какого качества впечатлѣнія давала жизнь уму и совѣсти В. М.? Въ чемъ заключается сущность этихъ впечатлѣній и ихъ качество?

Два маленькихъ томика разсказовъ Гаршина весьма точно отвѣтятъ намъ на эти вопросы, такъ какъ въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ, иногда въ нѣсколько страничекъ, положительно исчерпано *все содержаніе* нашей жизни, *въ условіяхъ которой пришлось жить и Гаршину и всѣмъ его читателямъ*. Говоря—«все содержаніе жизни нашей», я не употребляю здѣсь какой-нибудь пышной и необдуманной фразы,—нѣтъ, именно *все*, что давала наиболѣе важнаго его уму и сердцу наша жизнь (наша не значитъ только русская,—а жизнь людей нашего времени вообще), все до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самымъ жгучимъ чувствомъ и именно потому-то

и могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ книжкахъ.

Пристрастіе къ изложенію своихъ мыслей въ сказочной формѣ есть прямой признакъ необыкновенной чувствительности къ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Написать о какомъ-либо явленіи жизни «обстоятельно», подробно и много, — было не по нервамъ Гаршина: ему нужно было какъ можно скорѣе освобождать себя отъ угнетающаго впечатлѣнія переживаемыхъ фактовъ; они ясны ему до поразительности, и вотъ на помощь ему пришла сказка и аллегорія. Сказать: «Оселъ», «Соловей», «Роза», «Навозный жукъ» примѣнительно къ дѣйствующимъ лицамъ въ окружающей насъ жизни, — значитъ сразу опредѣлить ихъ типическія особенности, «расписывать» которыя подробно не позволяетъ чрезмѣрная чуткость нервовъ. Облегченіе же себя отъ жгучести ощущаемыхъ жизненныхъ фактовъ было необходимо Гаршину еще и потому, что единичный жизненный фактъ, поразившій его, никогда не могъ быть выдѣленъ его сознаніемъ изъ общаго строя жизни, ибо именно только такіе факты жизни, которые только связаны съ ея общимъ строемъ, и потрясали его нервы и завладѣвали всей его духовной дѣятельностью. Въ виду этого каждый маленькій разсказикъ или сказка Гаршина всегда исчерпываютъ или, по крайней мѣрѣ, стремятся исчерпать всю массу явленій, соприкасающихся съ фактомъ жизни, давшимъ толчокъ для работы его мысли. Вотъ крошечная сказка: «То, чего не было». Въ ней всего пять-шесть страницъ, но попробуйте сосчитать по пальцамъ, какихъ сторонъ жизни хотѣлъ коснуться въ ней Гаршинъ: все, что̀ составляетъ для всего общества насущнѣйшую заботу переживаемаго имъ времени,—все стремится Гаршинъ затронуть, поставить на свое мѣсто, указать связь между всею цѣпью явленій текущей дѣйствительности. Вотъ почему въ двухъ маленькихъ томикахъ могло быть передано Гаршинымъ—иногда строчкой, иногда однимъ, какъ въ сказкѣ, словечкомъ, названіемъ—положительно *все*, что̀ имъ пережито, передумано и перечувствовано, до конца, до полной невозможности развить свою чувствительность еще въ какую-нибудь сторону и въ какомъ бы то ни было направленіи.

Однако что̀ же именно пережито и перечувствовано имъ? Для этого достаточно будетъ припомнить одни только названія его разсказовъ. «Четыре дня»—ужасная драма непостижимаго совѣстью и умомъ: убійство другъ друга людьми,

не имѣющими къ этому ни тѣни надобности; фактъ огромной важности, тяготѣющій надъ всѣмъ человѣчествомъ и обязывающій не выдѣлять его изъ общаго строя неправдъ. Думая о связи этого непонятнаго явленія жизни, есть отъ чего придти въ отчаяніе и есть отъ чего помутиться умомъ. А вотъ вамъ простой *кочегаръ*, котораго также *общія* условія жизни терзаютъ и молотомъ, и огнемъ, и горемъ, и бѣдностью,—и опять *весь строй* жизни долженъ быть притянутъ къ отвѣту за это терзаемое несправедливостью человѣческое существо. Точно такъ же *весь строй* жизни овладѣваетъ мыслью Гаршина, когда онъ пишетъ о женщинѣ легкаго поведенія, которая пришла къ необходимости броситься въ Неву, и тогда, когда онъ пишетъ о человѣкѣ, который всю ночь борется съ необходимостью пустить себѣ пулю въ лобъ и желаніемъ жить на свѣтѣ. И такъ все въ томъ же родѣ. Все это вокругъ насъ, все это обыкновенно, со всѣмъ этимъ мы, большинство, сжились, а еще большее большинство даже и не думало, что можно обо всемъ этомъ безпокоиться. Но соберите всѣ эти обыкновеннѣйшіе «сюжеты»: война, самоубійство, каторжный трудъ невѣдомому богу, невольный развратъ, невольное убійство ближняго, — и вы увидите, что вся совокупность этихъ обыденныхъ явленій есть именно существеннѣйшія язвы современнаго строя жизни, что за ними не видно хорошаго, что времени, возможности даже нѣтъ выдѣлить это хорошее изъ неотразимо дѣйствующихъ фактовъ зла. Нельзя не мучить себя сознаніемъ, что все это страшный грѣхъ человѣка противъ человѣка, и что этотъ ужасный грѣхъ—наша жизнь, что мы привыкли жить среди него, что мы не можемъ не жить именно такъ, чтобы нашей страдающей отъ собственныхъ неправдъ душѣ не приносились эти безчисленныя жертвы.

4.

Я только указалъ на четыре небольшихъ разсказа, но и они, какъ видите, охватываютъ явленія окружающей насъ жизни на огромнѣйшее пространство. Обыденный фактъ требуетъ отъ впечатлительнаго ума писателя огромной работы, анализа всего строя общества и неминуемо долженъ истерзать впечатлительнаго человѣка. Въ двухъ маленькихъ книжкахъ Гаршинъ пережилъ *все* окружающее насъ зло, пережилъ до послѣдней мелочи, и, принявъ въ соображеніе размѣры этого пережитаго и чрезмѣрную впечат-

лительность нервовъ Гаршина, читатель не можетъ не видѣть, что жить и переживать то же самое и писать на тѣ же темы, т.-е., какъ говорится, «разрабатывать» тѣ же самые ужасы жизни, которые ужъ пережиты до тла,—было рѣшительно не по натурѣ, не по нервамъ Гаршина. Если бы какой-нибудь «прискорбный случай» удалилъ его изъ привычной обстановки жизни куда-нибудь въ глушь, поставилъ бы его въ условія совершенно иного строя жизни, отодвинулъ бы отъ нашего вѣка на два-три столѣтія,— несомнѣнно обновленіе мыслей новымъ матеріаломъ жизни оживило бы духовную дѣятельность Гаршина. Но помимо того, что Гаршинъ выросъ въ Петербургѣ, т.-е. въ самомъ источникѣ вліяній, которымъ должно подчиняться общество,—онъ долженъ былъ всю свою жизнь испытывать ту неумолимую *настойчивость* въ неразрѣшимости всѣхъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые онъ уже пережилъ. Жизнь не только не сулила хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко сознаннаго зла къ чему-нибудь... да, хоть къ чему-нибудь лучшему, но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь била по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ же ежедневный «слухъ»—и всегда мрачный и тревожный; одинъ и тотъ же ударъ по одному и тому же больному мѣсту, и непремѣнно притомъ по больному и непремѣнно по такому мѣсту, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое проситъ добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое-то безпрерывное, непрестанно, неумолимо-настойчивое отталкиваніе человѣка отъ малѣйшей попытки «поступить»—вотъ что̀ дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ уже жгуче перестрадалъ ея горе. Немудрено послѣ этого понять, что загипнотизированный окаменѣвшей на десятки лѣтъ дѣйствительностью, подавленный неподвижностью грозныхъ вопросовъ жизни, онъ могъ, при *обиліи мыслей* о своихъ, къ этой дѣйствительности, *обязанностяхъ*, потерять даже тѣнь *хотѣнія* жить во имя *желательнаго*, и пришелъ къ возможности, думая объ одномъ, дѣлать совершенно ему *противоположное*.

Николай Александровичъ Демертъ.

† 20 марта 1876 г.

Внутренній обозрѣватель Демертъ — извѣстенъ всѣмъ, кто интересуется явленіями внутренней, «черноземной» стороны русской жизни. Всякому такому человѣку, безъ сомнѣнія, знакомы, и знакомы твердо, памятно, его дѣльныя статьи, печатавшіяся нѣсколько лѣтъ сряду въ «Отечественныхъ Запискахъ», подъ заглавіемъ: «Наши домашнія дѣла», въ которыхъ онъ съ неослабной энергіей и тщательностью анализировалъ и дѣльно выяснялъ самую суть даваемаго текущей жизнью матеріала (большею частью не особенно—какъ, вѣроятно, думаютъ и читатели—доброкачественнаго). Всякій привыкшій серьезно думать и болѣть о «злобѣ» русскихъ дней, безъ сомнѣнія, будетъ опечаленъ раннею утратою писателя, который такъ трезво и дѣльно понималъ эту злобу. Демертъ умеръ въ мартѣ прошлаго года, въ Москвѣ, въ городской больницѣ, куда попалъ взятый на улицѣ въ безсознательномъ состояніи—онъ былъ помѣшанъ.

Помѣшательство какъ-то *вдругъ*, неожиданно настигло его. Менѣе чѣмъ за годъ передъ смертью онъ былъ совершенно здоровъ и работалъ, какъ всегда, — точно, аккуратно, внимательно...

Перемѣна произошла неожиданно; память *вдругъ* стала оставлять его, мысли *вдругъ* стали путаться, и не по днямъ, а по часамъ онъ сталъ слабѣть, изъ сильнаго превращался въ вялаго, изъ громкоголосаго—въ вяло и тихо выговаривающаго слова старика... Онъ вдругъ состарѣлся и вдругъ потерялъ способность мыслить; для тѣхъ, кто зналъ его, такая рѣзкая нежданная перемѣна была ужасна и производила гнетущее впечатлѣніе. Говорятъ, онъ страдалъ извѣстнымъ порокомъ,—я, знавшій Демерта, не скажу этого.

Напротивъ, онъ страдалъ другимъ порокомъ,—слишкомъ большой впечатлительностью, слишкомъ былъ страстенъ, «золъ на работу». — а работа, въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя, дѣло трудное именно для впечатлительнаго человѣка. Пишущій эти строки, какъ лично знавшій Демерта, можетъ поручиться, что въ разстройствѣ его умственныхъ способностей едва ли не главную роль играло именно это *свойство* его работы. Тотъ, кто зналъ Демерта близко, навѣрно подтвердитъ тотъ фактъ, что почти вся личная жизнь Демерта поглощена его дѣломъ, именно этимъ *внутреннимъ обозрѣніемъ*, подтвердитъ, что именно это-то обозрѣніе могло дѣлать его и веселымъ, и грустнымъ, и злымъ...

Онъ работалъ въ послѣднее время въ трехъ изданіяхъ— въ «Отеч. Зап.», въ «Искрѣ», и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», и, стало-быть, матеріала для обозрѣнія у него было много, а слѣдовательно и причинъ къ нервному разстройству такъ же много, какъ и матеріала. Не безпокойтесь,— провинціальный, черноземный человѣкъ рѣдко порадуетъ васъ въ своихъ корреспонденціяхъ: онъ берется за перо только тогда, когда у него *накипѣло*, и вотъ это-то *накипѣлое* и было тѣмъ матеріаломъ, который цѣлые годы изо дня въ день «обозрѣвалъ», то-есть передумывалъ и переживалъ Демертъ...

Не думаемъ, чтобы такую работу могъ долго перенесть какой угодно желѣзный организмъ, если только у этого организма не желѣзное сердце. А у Демерта оно было именно не желѣзное, — а впечатлительное, благородное и благородно-воспитанное. Родился Демертъ въ 1835 году, учился въ казанской гимназіи и въ казанскомъ университетѣ кончилъ курсъ незадолго до освобожденія крестьянъ. Юность его прошла, стало-быть, въ періодъ самаго благопріятнаго настроенія русскаго общества, самой живой и честной работы русской мысли. Тотчасъ по освобожденіи крестьянъ, молодой Демертъ былъ мировымъ посредникомъ, а по открытіи земскихъ учрежденій — сначала гласнымъ, а потомъ и предсѣдателемъ чистопольской земской управы. Рѣдко кому приходится отъ громкихъ и благородныхъ *словъ* молодости о меньшомъ братѣ перейти къ дѣлу и, не останавливаясь на этихъ «благородныхъ словахъ», попробовать себя въ черной работѣ на пользу этому меньшому брату.

Воспитавшись въ самыхъ лучшихъ упованіяхъ, узнавъ

на дѣлѣ условія русской жизни. Демертъ, вступая на литературное поприще, не могъ ужъ измѣнить себѣ, не могъ, въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя, ограничиться подклейкою газетныхъ вырѣзокъ, долженъ былъ внести и дѣйствительно внесъ въ новое для него дѣло тотъ взглядъ на внутреннія условія русской жизни, какой выработало въ немъ время и опытъ. По нашему мнѣнію,—литературная работа, которой отдался Демертъ послѣ отъѣзда изъ Чистополя, была прямымъ слѣдствіемъ его практической дѣятельности: надо было взяться за перо, говорить съ большимъ числомъ слушателей, чтобы сдѣлать больше дѣла.

Прежде нежели выйти на настоящую дорогу, Демерту, незнакомому съ литературнымъ міромъ, пришлось долго плутать въ темномъ лѣсу журналистики. Писалъ онъ и въ «Развлеченіи», писалъ и въ «Московскомъ Вѣстникѣ», писалъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (редакціи Корша), «Нашемъ Времени» (старой редакціи) и т. д. Все это было не замѣтно, не выработано. Въ 61 г. въ «Современникѣ» (№ 7) была напечатана его комедія: «Гувернантка 3-го сорта съ музыкой»; въ 67 г. въ «Невскомъ Сборникѣ» было напечатано начало романа «Черноземныя силы».

Но все это не было то, въ чемъ бы Демертъ могъ высказать настоящія свои силы и задачи, да и время для этого высказыванья *накипѣвшаго* было не особенно благопріятно. Съ 1868 г. въ журналистикѣ обнаруживается нѣкоторое оживленіе. Основывается порядочная газета «Недѣля», преобразуются «Отеч. Зап.», и Демертъ находитъ возможнымъ взяться за дѣло какъ слѣдуетъ. Начавъ съ 1868 г. сотрудничать въ «Недѣлѣ», съ осени того же года онъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ «От. Зап.» и непрерывно, до половины 1875 г., ведетъ тамъ внутреннюю хронику. Лѣтомъ 1875 г. — онъ неожиданно заболѣваетъ почти внезапнымъ умственнымъ разстройствомъ и 20 марта 1876 г. печально оканчиваетъ свои дни въ московской больницѣ.

Неразнообразны біографическія подробности жизни Демерта, но служеніе *дѣлу*, лежавшее въ самомъ корнѣ этой жизни, обязываетъ насъ твердо помнить имя человѣка, всецѣло отдавшаго себя тяжелому, однообразному труду изслѣдователя общественныхъ нуждъ.

«Людей,—говоритъ неизвѣстное лицо, почтившее память Демерта статьей о немъ, напечатанной въ 23 № «Русскаго

Обозрѣнія»: — страстно и честно служащихъ только дѣлу, и всегда было у насъ мало, и особенно (?) въ настоящее время. Вотъ почему Демертамъ приходится работать въ одиночку. Это страшно усложняетъ ихъ трудъ, ослабляетъ результаты труда, порождаетъ недовольство собою, своимъ трудомъ, результатами труда — словомъ, всею жизнью. Демертъ пережилъ много горькихъ минутъ неудовлетворенности въ себѣ. въ своихъ силахъ, въ результатахъ своихъ трудовъ. Но все, что онъ имѣлъ, онъ отдалъ дѣлу, и да будетъ поэтому вѣчная память ему, какъ честному, искреннему общественному дѣятелю».

Кому жить на Руси хорошо.

Письмо въ редакцію.

Въ 662 № «Новаго Времени» г. Незнакомецъ, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. А. Некрасовымъ, говоритъ, между прочимъ, о томъ, что Н. А. «возлагалъ большія надежды на свою поэму: «Кому на Руси жить хорошо?», и сожалѣлъ, что болѣзнь не даетъ ему окончить этого труда, сожалѣлъ потому, что именно теперь, въ дни недуга, весь ходъ поэмы выяснился ему какъ нельзя лучше и шире. «Начиная (поэму),—говорилъ Н. А.:— я не видѣлъ ясно, гдѣ ей конецъ, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала».

Объ этой поэмѣ раза два приходилось бесѣдовать съ Н. А. и пишущему эти строки.

Дѣйствительно, Н. А. много думалъ надъ этимъ произведеніемъ, надѣясь создать въ немъ «народную книгу», т.-е. книгу полезную, понятную народу и правдивую. Въ эту книгу долженъ былъ войти весь опытъ, данный Н. А. изученіемъ народа, всѣ свѣдѣнія о немъ, накопленныя, по собственнымъ словамъ Н. А—ча, «*по словечку* въ теченіе 20-ти лѣтъ».

Однажды я спросилъ его:

— А каковъ будетъ конецъ? Кому на Руси жить хорошо?

— А вы какъ думаете?

Н. А. улыбался и ждалъ.

Эта улыбка дала мнѣ понять, что у Н. А. есть на мой вопросъ какой-то непредвидѣнный отвѣтъ, и, чтобы вызвать его, я наудачу назвалъ одного изъ поименованныхъ въ началѣ поэмы счастливцевъ.

— Этому?—спросилъ я.

— Ну вотъ! Какое тамъ счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовалъ безчисленныя черныя минуты и призрачныя радости названнаго мною счастливца.

— Такъ кому же?—переспросилъ я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнесъ съ разстановкой:

— Пья-но-му!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ именно предполагалъ окончить поэму. Не найдя на Руси счастливаго, странствующіе мужики возвращаются къ своимъ семи деревнямъ: Горѣлову, Неѣлову и т. п. Деревни эти «смежны», стоятъ близко другъ отъ друга, и отъ каждой тропинка къ кабаку. Вотъ у этого-то кабака встрѣчаютъ они спившагося съ кругу человѣка, «подпоясаннаго лычкомъ», и съ нимъ, за чарочкой, узнаютъ, кому жить хорошо.

Это окончаніе поэмы въ литературныхъ кругахъ извѣстно, по всей вѣроятности, не мнѣ одному. Сообщаю его для провинціальныхъ читателей.

Письмо Г. И. Успенскаго въ Общество любителей россiйской словесности *).

Два съ половиною мѣсяца тому назадъ я имѣлъ честь получить увѣдомленiе отъ Общества любителей россiйской словесности объ избранiи имъ меня своимъ почетнымъ членомъ.

Высокая честь, которой удостоило меня почтенное Общество, была для меня такъ неожиданна, велика и во всѣхъ отношенiяхъ многозначительна, что я не рѣшился тотчасъ же отвѣчать на это извѣщенiе. Я чувствовалъ, что при обычномъ недосугѣ, а главное, повторяю, именно вслѣдствiе неожиданности и многосложности полученнаго мною впечатлѣнiя, моя торопливая благодарность могла быть высказана тогда только въ самыхъ офицiальныхъ выраженiяхъ, а я этого никакъ не желалъ.

Мнѣ хотѣлось поблагодарить почтенное Общество такимъ образомъ, чтобы оно могло видѣть, какъ именно понимаю

*) Во время печатанiя этого письма Г. И. Успенскаго было получено отъ послѣдняго небольшое дополненiе, которое и помѣщается въ примѣчанiи, по его желанiю:

Около 24 iюля и особенно около 14 ноября прошлаго года и въ промежуткѣ времени между этими числами, также и послѣ 14-го ноября до настоящаго времени, я получилъ съ разныхъ концовъ Россiи много самыхъ сочувственныхъ мнѣ писемъ и телеграммъ за подписью болѣе двухъ тысячъ лицъ разнаго званiя и общественнаго положенiя. Я положительно не нахожу словъ, чтобы не только достойно отблагодарить моихъ читателей за такое нежданное ко мнѣ вниманiе, но и самъ не могу еще разобраться во многосложности пережитыхъ мною за это время впечатлѣнiй. Отвѣтъ моимъ читателямъ я дамъ подробный и искреннiй тогда, когда буду въ состоянiи это сдѣлать. Теперь же я могу сказать только одно: моя благодарность такъ же неизгладима въ моемъ сердцѣ, какъ неизгладимо пережитое мною впечатлѣнiе. — *Г. У.*

я сдѣланную имъ мнѣ великую честь, и могло бы убѣдиться что моя глубокая благодарность имѣетъ существенныя и важныя для меня основанія.

На выполненіе этого желанія требовалось нѣкоторое время и нѣсколько спокойныхъ часовъ, и вотъ почему я предпочелъ аккуратности отправки офиціальной благодарности — благодарность хотя и запоздалую, но искреннюю и тщательно обдуманную.

Я очень хорошо знаю и вполнѣ умѣренно оцѣниваю какъ размѣры моихъ литературныхъ способностей, такъ и тотъ кругъ наблюденій, который доступенъ былъ мнѣ по моему развитію и общественному положенію. И то и другое ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ какое бы то ни было сравненіе съ размѣрами талантовъ, кругозора и задачъ тѣхъ свѣтилъ русской литературы, имена и труды которыхъ всегда по достоинству оцѣнивались московскимъ Обществомъ любителей россійской словесности.

Вотъ почему я искренно радъ вѣрить, что почтенное Общество, присоединяя мое имя къ числу другихъ именъ своихъ почетныхъ членовъ, не желало, хотя бы даже только въ формальномъ отношеніи, воздавать мнѣ чести неподобающей и, ставя меня въ ряды такихъ талантовъ и дарованій, среди которыхъ мнѣ, по совѣсти, быть не мѣсто, — дѣлало это изъ побужденій несравненно болѣе умѣреннаго свойства и незатруднительныхъ для моего пониманія.

Я думаю, что догадки мои о причинахъ оказаннаго мнѣ Обществомъ любителей россійской словесности вниманія не будутъ особенно ошибочными, если я попытаюсь выяснить ихъ, основываясь на мнѣніяхъ о моей литературной дѣятельности, высказанныхъ мнѣ въ многочисленныхъ письмахъ и телеграммахъ, которыми почтили меня мои читатели.

Но изъ всѣхъ многоразличныхъ сужденій моихъ читателей о моей дѣятельности я, для краткости и ясности дѣла, позволю себѣ остановиться только на такомъ изъ нихъ, которое, во-первыхъ, лично мнѣ кажется непреувеличеннымъ, во-вторыхъ, составляетъ болѣе или менѣе существенную черту всѣхъ вообще мнѣній о моей дѣятельности, высказанныхъ въ письмахъ, и, въ-третьихъ, выражено въ самыхъ простыхъ и ясныхъ словахъ. Такое простое, ясное, понятное мнѣ мнѣніе выражено въ письмѣ, присланномъ мнѣ *отъ 15 человѣкъ рабочихъ*, т.-е. отъ людей, которые только-что, какъ говорится, прикоснулись *къ жизни* и думаютъ объ ея достоинствѣ безъ всякихъ иныхъ соображеній, кромѣ со-

ображеній о дѣйствительной пользѣ, которую этимъ простымъ людямъ приноситъ та или другая книга.

Чтобы почтенному Обществу было видно, что мнѣніе о полезной *книгѣ* высказано точно простымъ человѣкомъ, а не навѣяно или внушено кѣмъ-нибудь непричастнымъ къ интересамъ жизни простого народа, я приведу изъ упомянутаго адреса нѣсколько отрывковъ, характеризующихъ какъ среду, изъ которой послышалось мнѣніе о хорошей книгѣ, такъ и самое это мнѣніе:

«Стыдно намъ, русскимъ рабочимъ, дѣлается тогда, когда мы всюду слышимъ похвалу заграничнымъ вещамъ. Говорятъ, что ихъ вещи и дешевле и лучше, и что только за границей изобрѣтаютъ хорошія машины и другія вещи. И намъ обидно становится. Чѣмъ хвалить заграничное и порицать русскихъ рабочихъ, не лучше ли устроить школы, гдѣ могли бы мы, рабочіе, учить физику, механику. Вотъ тогда бы мы, русскіе рабочіе, не хуже заграничныхъ могли бы сдѣлать, что угодно. Вотъ оттого-то и обидно слышать порицаніе, въ чемъ мы не виноваты. И грустно и тяжко на душѣ. Что-то темно и непонятно».

Я думаю, что такъ можетъ писать и говорить только дѣйствительно простой рабочій человѣкъ, и вотъ какъ этотъ простой человѣкъ рисуетъ свое незавидное положеніе, отъ котораго — какъ ни покажется это удивительнымъ — спасаетъ его только книга.

«Какъ подумаешь о себѣ и своей долѣ, не весело станетъ на сердцѣ. Видимъ себя одинокими, безпомощными... Мы видимъ, какъ иные безсердечные люди на каждомъ шагу унижаютъ насъ и нашихъ товарищей, смотрятъ на насъ съ презрѣніемъ, называютъ глупымъ народомъ и въ своихъ словахъ умышленно выставляютъ насъ лѣнтяями, пьяницами и считаютъ рабочаго послѣднимъ человѣкомъ. Своимъ черствымъ сердцемъ не умѣя насъ понять, они судятъ о насъ по давно-прошедшему времени и думаютъ, что мы и теперь какъ были въ крѣпостное время, что мы, какъ они, словно столбъ, врытый въ землю, подгниваемъ на одномъ мѣстѣ. Они своими слѣпыми глазами видятъ въ насъ только грязныхъ, неуклюжихъ рабочихъ. Пора имъ перестать видѣть въ насъ непонятное стадо глупыхъ людей и говорить, что мы неспособны понимать правду, не нуждаемся въ образованіи, не любимъ читать хорошія дѣльныя книги. Пора перестать говорить намъ, что мы должны думать только о ѣдѣ и работѣ».

На всѣхъ шестнадцати страницахъ (въ четвертку) письма рабочихъ только въ двухъ-трехъ мѣстахъ и то слегка упоминается о невзгодахъ жизни въ матеріальномъ отношеніи, о нуждѣ, о бѣдности. Самымъ же главнымъ несчастіемъ простого рабочаго человѣка оказывается невѣжество, темнота, отсутствіе нравственной поддержки, дающей возможность ощущать въ себѣ человѣческое достоинство. И вотъ эту-то нравственную поддержку, какъ оказывается, простой человѣкъ нашелъ, по словамъ адреса, въ хорошей книгѣ. Чѣмъ же собственно хорошая книга помогаетъ простому рабочему человѣку? Въ отвѣтъ на это выписываю еще небольшой отрывокъ:

«Въ праздничные дни по вечерамъ, мы полюбили читать хорошія книги, и вечеръ проходилъ незамѣтно. Довольные чтеніемъ, мы расходились съ волненіемъ въ душѣ, и забывалась на время тяжелая доля рабочаго, жизнь на заводахъ и фабрикахъ, тяжелая, обидная, безправная, полная бранью и униженіемъ. Мы чахли въ ней, и чахли наши дѣти по фабрикамъ и мастерскимъ. Но вѣра въ добро и правду не покидаетъ насъ, облегчаетъ измученное сердце, и надежда въ душѣ загорается. Утромъ (послѣ вечерняго чтенія) мы идемъ на работу, *но сердце весело потому, что теперь вокругъ себя мы видимъ все ясно и понятно*, и жаль намъ становится своихъ товарищей, которые живутъ въ темнотѣ и въ невѣжествѣ, и мечутся эти горемыки, проклиная долю рабочаго, проклиная себя и свою неповинную семью. И вѣрится намъ, что настанетъ хорошее время, когда всѣ рабочіе разовьются, поумнѣютъ и полюбятъ хорошее чтеніе, будутъ дружно жить и любить товарищей, убавится тогда пьянство и разгулъ, и тогда насъ, рабочихъ, всѣ станутъ уважать».

Вотъ какое значеніе простой человѣкъ придаетъ книгѣ. Не отъ нея онъ ждетъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ, измѣненія въ своемъ личномъ положеніи. «Книга» ничего не измѣняетъ въ его труженической жизни и матеріальной обезпеченности. Онъ и послѣ прочтенія хорошей книги, какъ видимъ, раннимъ утромъ, «чѣмъ-свѣтъ», такъ же идетъ на работу, какъ и тотъ его несчастный товарищъ, который вчера только пьянствовалъ съ горя. Тотъ, кто не пьянствовалъ, а читалъ, счастливъ именно только тѣмъ, что читалъ, что ему *стало ясно и понятно вокругъ себя*, тогда какъ тотъ товарищъ его, который не зналъ удовольствія провести вечеръ съ книгою, несчастенъ и достоинъ

жалости потому, что, страдая, не понимаетъ своего положенія и испытываетъ только безпомощность и одиночество. До этой хорошей книги они, по словамъ составителей письма, *добрались* не вдругъ и послѣ долголѣтняго одурманиванія себя лубочною литературой.

«Мы, темные люди, ничего объ этомъ (о хорошей книгѣ) не знали, а шли на базаръ и покупали тѣ книжки, которыя предлагалъ намъ услужливый разносчикъ. Мы вѣрили его похваламъ, которыя онъ разсыпалъ своему товару. И вотъ теперь, когда мы узнали хорошія книги и немного развились, когда въ праздничный день идемъ по базару, то съ грустью на сердцѣ видимъ, что есть еще много нашего брата, который пробавляется этими книжонками. Сколько прошло времени, сколько пролетѣло юныхъ годовъ безплодно, пока мы сами *своимъ умомъ* и желаніемъ къ развитію, а иногда и съ помощью добрыхъ людей *добрались* до хорошихъ книгъ, которыя открыли намъ глаза, показали свѣтъ и правду. Мы сумѣли сами для себя извлечь изъ этихъ хорошихъ книгъ для себя пользу. *Мы научились думать о своей жизни, о своихъ товарищахъ, о жизни разныхъ людей*, научились отличать добро отъ зла, правду отъ лжи».

Вотъ въ число такихъ-то книгъ, по словамъ письма, между многими другими хорошими книгами, попали и мои, и характеристика того, что именно въ этихъ книгахъ показалось простымъ людямъ достойнымъ вниманія, выражена такими словами:

«Мы, рабочіе, грамотные и неграмотные, читали и слушали ваши книги, въ которыхъ вы говорите о насъ, простомъ сѣромъ народѣ. Вы о немъ говорите *справедливо*, такъ что мы думаемъ, кто бы изъ образованныхъ людей ни прочиталъ ваши книги, всякій *подумаетъ* о насъ, о нашемъ темномъ и свѣтломъ житьѣ, если только у этого человѣка доброе сердце».

Никакихъ иныхъ дополненій простой человѣкъ къ этой характеристикѣ не прибавилъ и въ этомъ отношеніи, повторяю, вполнѣ совпалъ съ сущностью всѣхъ прочихъ, сочувственныхъ мнѣ писемъ. Дѣйствительно «желаніе» писать *справедливо* всегда было во мнѣ, равно какъ и желаніе, чтобы образованный человѣкъ *подумалъ* «о темномъ и свѣтломъ житьѣ простого человѣка».

Это дѣйствительная правда! И если высокоуважаемое Общество любителей россійской словесности нашло возмож-

нымъ оказать мнѣ высокую честь, избравъ своимъ почетнымъ членомъ—именно только за эти простыя цѣли, руководившія мною въ моей литературной дѣятельности, то оно должно само видѣть, какъ глубока, искрення и чистосердечна должна быть ему благодарность: честь, сдѣланная мнѣ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, привѣтствіе и поощреніе того рода литературы и тѣхъ ея участниковъ, которые руководствуются такими же простыми цѣлями, а главное, привѣтствіе и тому простому читателю, который только-что *добрался* до хорошей книги.

Что этотъ читатель не остановится на первыхъ, одобренныхъ имъ книгахъ, а пойдетъ дальше, можно видѣть также изъ слѣдующихъ словъ простыхъ людей:

«Теперь мы видимъ, сколько есть добрыхъ людей и сколько есть прекрасныхъ книгъ! Ихъ столько, что намъ читать и не перечитать во всю жизнь!»

Но читать эти книги *добравшійся* до нихъ простой человѣкъ будетъ навѣрное, и слѣдовательно книга, т.-е. русская и общечеловѣческая «словесность», какъ видимъ, уже имѣющая новаго пришельца-читателя, будетъ имѣть его въ огромномъ количествѣ.

Въ виду всего этого я, принося почтенному Обществу еще разъ личную мою благодарность, глубокую и искреннюю, не могу съ своей стороны ничѣмъ инымъ привѣтствовать его, какъ только радостнымъ указаніемъ на эти массы новаго грядущаго читателя, новаго, свѣжаго «любителя словесности».

Глѣбъ Успенскій.

Спб.

6 февраля 1887 г.

Подкидышъ.

Присказка.

1.

— Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ. Оченно нужно: нельзя, говоритъ, ждать... Безпремѣнно надобно видѣть,— шопотомъ, боясь разбудить спящихъ, въ одно декабрьское темное утро сообщила мнѣ кухарка.

По тревожному выраженію ея лица и по настойчивости, съ которой она шептала: «*оченно*, оченно», я не могъ не заключить, что неизвѣстному мнѣ человѣку необходимо меня видѣть дѣйствительно по какому-нибудь безотлагательному дѣлу, хотя и недоумѣвалъ, кому бы я могъ понадобиться въ такое раннее время.

— Скончался, вишь, кто-то. Оченно, оченно необходимо,— прошептала кухарка и, поспѣшно удаляясь, успѣла однако шепнуть и еще два слова:

— Точно какъ жуликъ... ей-Богу... побѣгу, какъ бы чего тамъ...

Слово «скончался», всегда вызывающее чувство скорби и страха, было настолько многозначительно само по себѣ, что я былъ въ кухнѣ почти тотчасъ же вслѣдъ за кухаркой, ожидая встрѣтить «точно какъ жулика».

Дѣйствительно, человѣкъ, котораго я увидѣлъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу той столичной голытьбы, которой иногда нечѣмъ бываетъ уплатить даже и за ночлегъ. Высокій, худой и съ возбужденнымъ, острымъ взглядомъ,—не то отъ хмеля, не то отъ голода,—онъ былъ только прикрытъ какою-то рванью, состоявшею изъ заплатъ и кусковъ болтающейся рвани. Но эти отрепья, повидимому, не смущали его, и онъ какъ будто не обращалъ на свой внѣшній видъ никакого вниманія, быть-можетъ, потому, что

на его тощемъ, зеленоватомъ лицѣ преобладало выраженіе какой-то, поглощающей его мысль, скорбной заботы.

— Иванъ Ѳедоровичъ Богу душу отдалъ!..—съ волненіемъ въ голосѣ и въ глазахъ прохрипѣлъ онъ. — Въ третьемъ часу ночи-съ!..

— Какой Иванъ Ѳедоровичъ?—долженъ былъ я спросить посѣтителя, такъ какъ рѣшительно не могъ припомнить ни одного Ивана Ѳедоровича въ числѣ моихъ знакомыхъ.

— А наборщикъ-то-съ? Иванъ Ѳедоровичъ?.. и по фамиліи также Ѳедоровъ... Онъ еще у васъ въ домѣ въ деревнѣ былъ-съ!

Теперь я вспомнилъ, кто такой былъ Иванъ Ѳедоровичъ, но посѣтитель не далъ мнѣ времени ни высказать мое глубокое сожалѣніе, ни узнать, какъ это несчастіе случилось съ Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Теперича надо хоронить-съ,—торопливо и нервно продолжалъ онъ высказывать причину своего прихода. — Панихиду-съ отслужить... гробъ надо-съ... тоже рубашку... Собираемъ подписку-съ!.. Наборщики-товарищи шибко принялись... дорогой народъ!.. По всѣмъ типографіямъ пошли, потому я къ вамъ и посланъ, что покойникъ о васъ сказывалъ!.. Въ адресномъ столѣ взяли они адресъ, хотѣли идти... да вотъ!..

Настоятельная необходимость въ средствахъ для похоронъ прекратила нашъ разговоръ съ первыхъ же словъ; но оборванецъ-человѣкъ, очевидно, понималъ, что мнѣ почему-то слѣдуетъ знать о смерти Ивана Ѳедоровича гораздо больше, чѣмъ онъ мнѣ сообщилъ. Отвѣшивая поклоны при уходѣ, онъ увѣрялъ меня, что безпремѣнно нарочно придетъ и разскажетъ...

— Окончательно объяснюсь!.. Я былъ при этомъ-съ... Благодаримъ покорно!.. Безпремѣнно буду-съ.

Посѣтитель ушелъ, а я сталъ вспоминать о покойникѣ.

2.

Знакомство мое съ Иваномъ Ѳедоровичемъ произошло въ деревнѣ. Домъ, гдѣ я проживалъ лѣтомъ и куда по временамъ пріѣзжалъ зимою, стоитъ на большой московской дорогѣ. И зимой и лѣтомъ идетъ въ Петербургъ и изъ Петербурга великое множество всякаго обнищалаго народа. Иные проходятъ мимо дома, иные заходятъ и, осторожно постукивая дорожнымъ посохомъ въ наружную стѣну дома,

дають знать о своей нуждѣ, а иные, не видя людей, идутъ съ задняго крыльца тѣмъ путемъ, который имъ указываютъ двери: отворивъ одну, дошелъ до другой, отворивъ другую, дошелъ до третьей, и такъ до той комнаты, гдѣ есть люди. Нельзя поэтому не перекинуться двумя-тремя словами почти съ каждымъ изъ этихъ посѣтителей, а съ иными иногда оказывается надобность и разговоръ завести, такъ какъ очень часто прохожій и самъ начинаетъ рѣчь о своей жизни или о своемъ дѣлѣ, выражаетъ желаніе получить совѣтъ или, въ большинствѣ случаевъ, проситъ похлопотать и пристроить куда-нибудь.

Въ томъ же родѣ было и наше знакомство съ наборщикомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ: встрѣтилъ я его въ раннее лѣтнее утро, въ саду, куда онъ, очевидно, проникнулъ черезъ выломанную любителями ближайшей дороги часть загородки. Но лицо его имѣло такое опечаленное выраженіе, что и мысли не мелькнуло спросить, что̀ ему нужно и куда онъ идетъ.

— Наборщикъ... набираемъ сочиненія... вамъ это дѣло извѣстно!—скромно, и просто, и тихо проговорилъ онъ, не теряя того же, непрестанно-опечаленнаго выраженія лица. Казалось, что печали навсегда запечатлѣлись въ чертахъ его лица.

Со второго слова я узналъ, что и причины его путешествія далеко не тѣ, какія вынуждаютъ массу бродячаго народа сновать по старой дорогѣ взадъ и впередъ. Его не высылали «за прошеніе милостыни», или «за безписьменность», или просто по обилію народа голодающаго и не находящаго работы, какъ это бываетъ съ большинствомъ бродяжныхъ прохожихъ: не возвращался онъ и «домой» изъ «отхожаго промысла», идя пѣшкомъ, экономя каждую копейку. Нѣтъ, онъ шелъ съ какой-то мечтательной цѣлью и шелъ добровольно...

— Въ свою деревню... захотѣлось... Народу знакомаго много осталось... Все будто «свои».

Глубокая задумчивость ни на минуту не покидала его. И онъ точно для того, чтобы убѣдить въ чемъ-то, для него очень важномъ, проговорилъ про себя:

— Какъ не быть!.. Очень просто, должны быть знакомые!

— Къ роднымъ?—спросилъ я.

Наборщикъ совершенно смутился отъ моего вопроса и, долго помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ у меня родныхъ! Я подкидышъ... Какіе у меня родители!

При этихъ словахъ черты печали обострились на его лицѣ въ такой сильной степени ясности, что не было возможности не видѣть причину ея именно въ томъ, о чемъ онъ только-что сообщилъ.

— Хоть старушку повидаю *)... Богъ бы далъ не померла бы! Все бы погрѣлся... около... своего-то... Можетъ, кто и помнитъ.

Холодъ полной безпріютности и какъ бы даже испугъ своего одиночества около живыхъ и живущихъ людей отозвался и во мнѣ ощущеніемъ скорби и жалости. Не находя возможности потревожить его какимъ-нибудь вопросомъ о подробностяхъ его жизни, я предложилъ ему, что̀ было можно, и онъ въ раздумьѣ, съ тѣмъ же печальнымъ лицомъ, простился со мной и пошелъ изъ сада на дорогу.

Минутъ черезъ десять, къ глубокому сожалѣнію, я видѣлъ его уже подъ хмелькомъ,—онъ, очевидно, заглянулъ въ питейный домъ, стоящій на концѣ деревни въ сторону Петербурга, и шелъ, покачиваясь и спотыкаясь на слабыхъ ногахъ.

Видѣлъ я его и осенью того же года, и еще черезъ годъ и наконецъ недѣли за три до смерти, — и каждый разъ разговоры наши во время короткой встрѣчи, за немногими исключеніями, шли исключительно только о глубокой печали человѣка, совершенно лишеннаго возможности хотя бы малѣйшей живой связи съ живой жизнью живыхъ людей.

— Хоть бы мнѣ могилку знать маменькину, ежели она померла, и то бы мнѣ было къ чему душу привязать...

Не зналъ онъ ни могилки, ни того, что жива ли или умерла его мать, не зналъ, какая она была изъ себя.

— Съ четырехъ лѣтъ я тоскую по родителямъ... Чуть началъ понимать, ужъ зналъ, гдѣ меня нашли... Подъ лѣстницей, на Малой Итальянской. Тогда кормилица-то моя (изъ воспитательнаго меня ей отдали въ деревню) и домъ-то знала... Справилась въ книгахъ... На Малой, говоритъ, Итальянской, и какъ и гдѣ домъ-то стоялъ — подробно знала... Такъ я ужъ, въ возрастѣ бывши, ходилъ къ ней, разспрашивая, гдѣ и какъ домъ найтить... Искалъ, да тамъ ужъ давно новые дома настроены. А меня въ дере-

---

*) Старушку, взявшую питомца изъ воспитательнаго дома.

вянномъ подкинули... Можетъ, и жили въ этомъ домѣ родители-то!

И опять темная, непроницаемая тайна тяжкою тоской угнетала его мысли.

— Мнѣ и пища-то впрокъ не шла... У всѣхъ... у собаки есть конура, и хозяинъ о ней заботится... У одного только меня подъ лѣстницей родной уголокъ. Тамъ и пріютъ... Письма-то некому написать, душу высвободить. Выкормили-то меня кой-какъ, за деньги. Начальство платило... Да и сами недоѣдали воспитатели-то мои... Слабый я былъ съ тоски. Въ военныхъ писаряхъ году не продержалъ, ослабъ... Вотъ и въ наборщикахъ поэтому... Не знаешь, зачѣмъ и работаешь-то... нѣту сердцу дѣла... Женятся прочіе... привязываются... Кто за меня пойдетъ! Я слабъ... Тоска меня ѣстъ, ни одна со мной не уживется... у меня сердце-то испугалось. Оттого и пьешь... Тутъ и друзья есть и пріятели, въ пьяномъ-то видѣ. А очнешься — хоть руки на себя наложить... Да вотъ деревня, старушка... такъ и полетѣлъ бы! Вѣдь няньчила... пригрѣвала... Хоть и копейки нѣтъ, а убѣжишь!.. изъ вертепа...

Хотя и рѣдко, но бывали случаи, когда печальное лицо его вспыхивало и оживлялось, но всегда причиною этого было неожиданно возникавшее въ немъ чувство обиды:

— Какъ же это такъ можно дѣлать съ человѣкомъ?.. Бросить и сокрыться? Гдѣ мои родители? Почему вы сокрылися? Ненадобенъ я вамъ былъ? Въ этомъ-то и причина!.. Дитя, ребенокъ я, какъ есть настоящій младенецъ, а вотъ ненадобенъ! Ушли и бросили!.. Вотъ и живу, какъ въ лѣсу... Для людей — люди, а для меня — лѣсъ!.. Не знаю, какъ это люди людей любятъ... Холодно вокругъ отъ этого!..

По словечку выяснялась его глубокая душевная печаль, и въ то же время, также по словечку, обрисовывался и его ужасный образъ жизни въ Петербургѣ. Постоянное пристанище былъ Вяземскій домъ, изъ котораго онъ не могъ выбраться никогда, потому что, пропивъ весь заработокъ, полученный послѣ расчета, онъ продолжалъ пить въ долгъ и пропивалъ до послѣдней нитки. Пропиваніе всего, что попадетъ откуда бы то ни было въ руки, — непремѣнное качество почти всѣхъ обитателей Вяземской лавры. Водка и есть именно доходъ, который получаютъ хозяева ночлежныхъ квартиръ, и пьянство, неразрывное съ развратомъ, — единственное средство успокоенія измученной нуждою рвани,

и особенно по праздничнымъ днямъ. Люди неимущіе, почти полураздѣтые, отдыхаютъ дома, то-есть тридцать - сорокъ человѣкъ въ двухъ-трехъ сырыхъ, наполненныхъ всякою грязью каморкахъ, платящіе хозяину за право владѣнія мѣстомъ на полу или на нарахъ по рублю въ мѣсяцъ, всѣ сходятся въ праздничные дни, всѣ пропиваютъ и свои и чужіе заработки, напиваются и напаиваютъ другъ друга. Въ числѣ этихъ пьяницъ доживаетъ вѣкъ множество стариковъ и старухъ съ пенсіями самаго микроскопическаго размѣра. Умѣютъ они въ углу приладить образъ, лампадку, и чахнутъ въ смрадѣ воздуха, въ шумѣ дракъ и необузданномъ развратѣ своихъ сосѣдей. Были тутъ и наборщики, которыхъ живетъ въ такихъ ночлежныхъ квартирахъ весьма немало и которые живутъ здѣсь исключительно по бѣдности, по малымъ размѣрамъ заработка, такъ какъ большею частью живутъ случайною работой. Иванъ Ѳедоровичъ цѣнилъ этихъ людей высоко. «Разговоръ какой! ужъ есть чего послушать...» И есть, что̀ не пьютъ, или пьютъ, но не такъ, какъ пилъ Иванъ Ѳедоровичъ, не утаивавшій своего недуга. Но и эти хорошіе люди были счастливѣй его: все-таки у нихъ были, хоть и бѣдные, родители, родственники, приходили письма. Все-таки и у нихъ были радостныя минуты, и никогда они не знали, что̀ значитъ быть брошеннымъ родною матерью подъ лѣстницу. Развратъ и всякая гадость, творившіеся въ домѣ, не растлѣвали однакоже Ивана Ѳедоровича, — его сокрушало и истощало «горькое» пьянство и возможность не имѣть отказа въ этомъ ядѣ, если только хозяинъ знаетъ, какой человѣкъ живетъ у него въ домѣ. А всякій хозяинъ такихъ домовъ — непремѣнно замѣчательный наблюдатель, знающій самую суть души каждаго изъ своихъ жильцовъ и наживающій свои проклятыя деньги, смотря по размѣрамъ совѣсти и искренности опаиваемыхъ имъ людей. Кромѣ всего, домъ этотъ имѣетъ всѣ приспособленія для существованія самаго послѣдняго нищаго, начиная съ пищи и кончая развратомъ. Гривенникъ, попавшій въ руки, даетъ возможность не замерзнуть, «наѣсться» до отвалу («только не надо смотрѣть, что̀ ѣшь!»—пояснилъ Иванъ Ѳедоровичъ), выпить водки («только ужъ глотай, что̀ дадутъ!») на 2 копейки. Даже одна копейка—и та не пропадаетъ здѣсь, въ этомъ домѣ, зря: за копейку можно купить десятокъ яицъ (тухлыхъ, конечно), и все яйца три можно пропихнуть, носъ закрывши.

влаченіе жизни, поддерживаемое копейками, водка, какъ успокоеніе и какъ ненормальное возбужденіе нервовъ, отрѣшающее отъ неисцѣлимой печали, съ раннихъ лѣтъ затмившей передъ Иваномъ Ѳедоровичемъ свѣтъ жизни, умертвившей источникъ пониманія причины и надобности существованія на свѣтѣ (другіе знали,—письма получали и подати посылали), вотъ что вело его къ неминуемой гибели: въ минуты порывовъ въ область несбыточныхъ и неясныхъ надеждъ, онъ сбѣгалъ изъ Вяземскаго дома въ деревню, гдѣ все-таки были чьи-то руки, которыя вынули его изъ-подъ лѣстницы, и чей-то голосъ, хоть и не часто, шепталъ: «бай-бай...»

Въ послѣдній разъ мы встрѣчались съ Иваномъ Ѳедоровичемъ уже совершенно неожиданно. Не будь мнѣ необходимости на одинъ часъ съѣздить въ деревню, мы бы не встрѣтились больше никогда. Но вотъ судьба опять свела насъ случайно. Иванъ Ѳедоровичъ утратилъ въ чертахъ лица, запечатлѣнныхъ печалью, значительную долю выразительности: оно опухло, налилось такъ, какъ опухаетъ опившійся человѣкъ; онъ совершенно охрипъ, даже осипъ, поминутно кашлялъ. Мертвеннѣй смотрѣли его глаза, почти утратившіе всякое выраженіе, и о томъ, что «теперича на своихъ мѣстахъ, куда онъ и бѣгалъ, ровно ужъ никого нѣтъ, и старуха померла», — онъ сказалъ, не выразивъ, повидимому, сожалѣнія. Или же, можетъ-быть, окончательная утрата малѣйшей тѣни привязанности къ чему-то, въ чемъ было нѣчто теплое, внимательное, «бай-бай!», — совершенно уже отрѣзала отъ жизни, и онъ видѣлъ, что теперь передъ нимъ стоитъ непроницаемая тьма, въ которой не видно и дороги, по которой надо идти, но въ которой таится несомнѣнно гибель ему.

Выпивъ водки, которую онъ, вопреки обыкновенію, просилъ съ большой настойчивостью, онъ опять-таки «по словечку» сталъ, какъ бы опомнясь, дѣлать попытки выбраться изъ тьмы, разглядѣть въ ней что-нибудь, что бы замѣнило ему впечатлѣніе того «тепла», которое теперь невозвратимо со смертью старухи.

И, къ моему великому удивленію, въ безпорядочныхъ, спутанныхъ и ослабленныхъ пьянствомъ мысляхъ Ивана Ѳедоровича, выраженныхъ также безпорядочнымъ произнесеніемъ словъ, началъ обрисовываться образъ того хозяина-опаивателя, о которомъ я, со словъ того же Ивана Ѳедоровича, не могъ думать иначе, какъ о душегубѣ, которому

нужно почему-то наживать деньги гибелью человѣческихъ существъ. «По словечку» каменный, желѣзный кровопійцъ сталъ очерчиваться въ образѣ человѣка, исполненнаго милосердія.

— Тоже надо взять-то... живутъ все нищіе... Пропьются, копейки нѣтъ, ѣсть нечего... А вѣдь онъ не прогонитъ. Положимъ, что жаденъ до денегъ... аспидъ... А не прогонитъ... Снабдитъ... одежду дастъ... Дастъ! Ступить не въ чемъ—сапогъ нѣтъ, рубахи нѣтъ—одѣться не во что! Какимъ родомъ въ этакомъ видѣ въ типографію попасть? А онъ дастъ!.. Обдеретъ, это вѣрно, а дастъ, снабдитъ, одѣнетъ,—«работай!».

И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше становится опаиватель въ глазахъ Ивана Ѳедоровича.

— Наборщиковъ онъ какъ почиталъ-то! «Дорогіе, говоритъ, голубчики!» Пропьемся, а безъ одежи не бываемъ... А иной и одежу пропьетъ, и то не прогонитъ, опять пріодѣнетъ... И ужъ самъ стережетъ... Ночь не спитъ, покою не имѣетъ, дожидается утра, а какъ пойдутъ наборщики, и онъ за ними по слѣду... И въ какой типографіи — разузнаетъ и ужъ не допуститъ, чтобъ съ расчета наборщики въ кабакъ ушли... Не помирволитъ нашей подлости! «Ты отдай, а когда надо—я опять тебя выручу!» И выручаетъ!

И еще выше поднялся душегубъ послѣ пятой или шестой рюмки.

— Это ему Богъ помогаетъ!.. За кажиннымъ смотрѣть, кажиннаго ублаготворить, кажиннаго выручить... Стало-быть, Богъ въ немъ есть.

Не было сомнѣнія, что Вяземскій домъ теперь сталъ для Ивана Ѳедоровича единственнымъ прибѣжищемъ: тамъ и «выручатъ», и «пріодѣнутъ», и голымъ не будешь ходить, и горе залить помогутъ... Хозяинъ оказывался какимъ-то недремлющимъ окомъ надъ погибающими людьми, надъ пьяницами, не допуская ихъ до погибели, какъ допускаетъ людей кабатчикъ, выгоняющій «въ шею» послѣ того, какъ пропита послѣдняя копейка... Въ этомъ же вяземскомъ опаивателѣ есть «богъ», онъ выручитъ несчастнаго, а безбожный опоитъ и не поможетъ. Образъ опаивателя до такой степени ясно превратился въ воображеніи Ивана Ѳедоровича въ образъ защитника и покровителя, что, казалось, имъ овладѣло желаніе тотчасъ же пуститься въ путь и какъ можно скорѣе достигнуть этого вертепа.

Но я не могъ отпустить Ивана Ѳедоровича на явную погибель и уговорилъ его (впрочемъ, безъ всякаго особеннаго усилія) остаться ночевать; уговорилъ потомъ его и пожить въ деревенскомъ домѣ въ кухнѣ вмѣстѣ со старикомъ, который караулилъ домъ зимою. Нашлась какая-то одежонка, сапоги и возможность имѣть крестьянскую пищу, которую взялась приносить сосѣдка; нашлось и дѣло — носить дрова въ кухню... Какой-то сердобольный мужикъ, заглянувшій ко мнѣ и осмотрѣвшій Ивана Ѳедорова, порадовалъ его и возможностью заработка — «спичечныя коробки дѣлать... Дешево, да дома будешь...» Несомнѣнно, что все это дѣйствовало на Ивана Ѳедоровича благопріятно, и, оставивъ его лишній день, я съ величайшимъ удовольствіемъ убѣдился, что онъ могъ не пить водки цѣлый день... И объ этомъ была рѣчь, и Иванъ Ѳедоровичъ искренно пожелалъ сдѣлать попытку не пить... Много разъ вздохнулъ глубоко-глубоко и наконецъ заплакалъ. — «По крайности отосплюсь хоть...» Вотъ что онъ надѣялся исполнить навѣрное. А о работѣ обѣщали ему похлопотать и сердобольный мужикъ и я. Разстались мы не скучно, но все-таки съ нѣкоторою, едва примѣтною тѣнью сомнѣнія между нами въ успѣхѣ этого начинанія новой жизни...

Сердобольный мужикъ, по моей просьбѣ, два раза извѣстилъ меня о Иванѣ Ѳедоровичѣ... Въ первомъ письмѣ говорилось: «все хорошо»... Во второмъ также было это слово, но были и два другихъ: «былъ пьянъ... на будняхъ...» А затѣмъ ужъ не было никакихъ извѣстій до появленія вѣстника о смерти наборщика.

3.

Смерть и похороны Ивана Ѳедоровича были изложены вѣстникомъ его смерти въ письмѣ, которое я нашелъ на своемъ столѣ дня черезъ два послѣ извѣстія о кончинѣ наборщика. Вѣстникъ заходилъ и раньше, но не засталъ меня дома и счелъ долгомъ изложить дѣло письменно, обозначивъ въ концѣ письма адресъ въ Вяземскомъ домѣ съ указаніемъ № флигеля и квартиры и съ объясненіемъ болѣе точнаго характера: «надъ банями, обернувъ за уголъ» и т. д.

Въ письмѣ изображалось неожиданное появленіе Ивана Ѳедоровича въ одну изъ послѣднихъ субботъ, т.-е. въ самый день полученія расчета наборщиками, фонарщиками, метельщиками и дѣятелями по части гигіены, т.-е. въ самый

разгаръ безобразнѣйшаго разгула, пьянства и разврата. Ивану Ѳедоровичу, какъ давнему знакомому, обрадовались всѣ, и прежде всего наборщики; на пьянство заразила его другая часть жильцовъ—спеціальныхъ пьяницъ, а главнымъ образомъ хозяйскій сынъ, прямой наслѣдникъ своего родителя въ пріемахъ опаиванія. Видя, что Иванъ Ѳедоровичъ нѣсколько лучше пріодѣтъ, чѣмъ пріодѣваетъ обыкновенно его родитель, онъ щедро сталъ лить въ него водку, просто отъ удовольствія, что увидѣлъ хорошаго пріятеля. Иванъ Ѳедоровичъ быстро свалился съ ногъ и обнаружилъ признаки какого-то припадка... точно его трясло и било... Но въ концѣ концовъ онъ успокоился и проспалъ долго... Едва онъ проснулся, какъ хозяйскій сынъ тотчасъ же опять сталъ ему подносить рюмку за рюмкой, ожидая, очевидно, что Иванъ Ѳедоровичъ самъ начнетъ требовать и, конечно, долженъ будетъ начать съ одежи... Но Иванъ Ѳедоровичъ не требовалъ, хотя и пилъ и хмелѣлъ. Какое-то безчеловѣчное желаніе хозяйскаго сына поскорѣе довести человѣка до потери сознанія заставило его не отставать отъ Ивана Ѳедоровича. Онъ постоянно подходилъ къ нему со стаканомъ и говорилъ, какъ бы потчуя: — «Пей» — и допоилъ наконецъ до такого трагическаго состоянія, что его невозможно постигнуть человѣку, не знающему, что̀ такое Вяземскій домъ.

И никогда никто не видалъ,—пишетъ свидѣтель смерти,— чтобы Ѳедоровъ, когда держитъ рюмку, перекрестился бы. А тутъ Ѳедоровъ принялъ стаканъ, подержалъ его въ рукахъ, посмотрѣлъ на него, поставилъ на столъ, перекрестился и сдѣлалъ два земныхъ поклона передъ образомъ.

— Пей стаканъ!—сказалъ сынъ.

Ѳедоровъ выпилъ.

— Пей другой!

Ѳедоровъ выпилъ.

— Пей третій!

Но тутъ Ѳедоровъ отказался, сѣлъ на нары, пошарилъ въ карманѣ, досталъ папироску, взялъ ее въ губы и свалился въ безсознательномъ состояніи...

Его подняли, положили на нары и продолжали пьянствовать, а онъ лежалъ безъ чувствъ, издавая хрипѣніе, и утромъ найденъ мертвымъ... Полиція пришла и сказала:—«Не трогать, пока не пріѣдетъ докторъ!» Докторъ пріѣхалъ «аккуратъ черезъ сутки», спросилъ хозяина и насчетъ воздуху и сколько въ квартирѣ народу? Хозяинъ его обсчиталъ на

три части. Поглядѣли на Ѳедорова и разрѣшили: «померъ!». Нашлись трезвые и обстоятельные люди изъ типографіи мануфактурнаго департамента, гдѣ Ѳедоровъ работалъ, да и прочіе рабочіе денегъ пособрали, да и я подоспѣлъ, стали просить хозяина отслужить панихиду... Однакоже панихиды не вышло... Богъ ихъ накажетъ!.. А набралось наборщиковъ человѣкъ до сорока... Ждали до ночи, да такъ и ушли. Утромъ свезли на Митрофаньевское. и провожали его тридцать человѣкъ наборщиковъ-товарищей, и на могилѣ его всѣ они пропѣли «вѣчную память».

Точный адресъ, обозначенный въ письмѣ сотоварища покойнаго, далъ мнѣ возможность еще разъ повидаться съ нимъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ назначенный часъ, повторилъ все, что было въ письмѣ, и пополнилъ разсказъ поистинѣ ужасающими подробностями жизни нищенствующаго люда. Самъ онъ—своимъ видомъ, истощеннымъ и истомленнымъ тѣломъ, производилъ удручающее впечатлѣніе, олицетворяя всю безчисленность грѣховъ неправедно живущихъ обществъ, и слово, даже сочувственное, казалось оскорбленіемъ этихъ обреченныхъ на гибель людей. Кое-какъ я одолѣлъ въ себѣ глубокую тоску, спросилъ о чемъ-то, кажется, о хозяинѣ, котораго онъ опредѣлилъ съ полною точностью: «Да, добрый! Только водку бери у него, ему пропивай... Тогда онъ дѣйствительно пріодѣнетъ!» — и затѣмъ мы разстались. Онъ ушелъ, оставивъ во мнѣ терзающее впечатлѣніе человѣка, который уходитъ отъ меня, и на моихъ глазахъ, въ темную, смрадную бездну погибели...

Медъ и деготь.

Замѣтки деревенскаго обывателя.

1.

— Однимъ словомъ—«и концовъ не соберешь!»

Такимъ выводомъ, по обыкновенію, оканчиваются всѣ сужденія, всѣ толки, происходящіе среди насъ, деревенскихъ обывателей, не только о томъ времени, которое мы переживаемъ, но и вообще обо всемъ, пережитомъ людьми нашего поколѣнія, и обо всемъ, что̀ желательно бы предусмотрѣть въ будущемъ.

Мы, люди, примѣрно, сорокапятилѣтняго возраста, переформированные во всѣхъ направленіяхъ справа налѣво и слѣва направо, вдоль и поперекъ, сверху донизу и снизу доверху, къ глубокому нашему сожалѣнію, не можемъ характеризовать пережитаго нами времени и его сегодняшнихъ послѣдствій какимъ-нибудь опредѣленнымъ признакомъ, какъ это могли сдѣлать люди предшествовавшихъ намъ поколѣній, вплоть до послѣдняго крѣпостного мужика, имѣвшаго также возможность самымъ точнымъ образомъ разграничить настоящее отъ прошлаго: «При управляющемъ Иванѣ Петровичѣ было совсѣмъ не такъ, какъ при Карлѣ Карлычѣ». Приведенные къ познаванію результатовъ нашей сорокапятилѣтней маяты, мы, въ укоръ нашей сорокапятилѣтней жизни и такъ-называемой «дѣятельности», видимъ (главнымъ образомъ на основаніи неподкупныхъ статистическихъ данныхъ), что изъ данныхъ жизнью фактовъ одинаково можно собирать пышные букеты самыхъ отраднѣйшихъ явленій, доказывающихъ ростъ основныхъ, самобытныхъ началъ въ нашей жизни, и въ то же время не можемъ не холодѣть отъ ужаса надъ обиліемъ такого рода явленій, почерпаемыхъ все изъ того же источника, которыя

не только не способны навести на какія-нибудь логически развивающіяся мысли о нашемъ настоящемъ, но рѣшительно прекращаютъ всякую способность мышленія и повергаютъ въ состояніе столбняка. Результатомъ такого мышленія, основаннаго единственно на изученіи самоуничтожающихъ другъ друга «данныхъ», конечно, можетъ быть только непрестанная маята существованія и одновременно съ нимъ также непрестанное желаніе разыскать какое-либо доступное пониманію основаніе всего нами пережитаго. Примѣривали мы себя и къ Европѣ вообще и къ росту отдѣльныхъ европейскихъ народовъ въ частности, полагая. «не выйдетъ ли чего въ нашу пользу?». Строили программы жизни, составляли расписанія порядка жизни, созидали теоріи болѣе или менѣе популярнаго благообразія, и изъ всего этого въ концѣ концовъ все-таки не получилось пока ничего существеннаго и осязаемаго.

Неудивительно поэтому, если я скажу, что и сію минуту мы, деревенскіе обыватели, рады всякому малѣйшему случаю, который даетъ намъ возможность выяснить если не всю суть, объясняющую намъ насъ самихъ, наше прошлое и будущее, то хоть такія черты ихъ, которыя дѣлаютъ яснымъ и понятнымъ хоть какой-нибудь рядъ однородныхъ явленій разныхъ временъ, разныхъ эпохъ, вплоть до однородныхъ фактовъ жизни нашего времени.

Не могу поэтому не подѣлиться съ читателями разсказомъ о томъ восхищеніи, которое мы, нѣсколько тосковавшихъ за чаемъ деревенскихъ обывателей, однажды испытали при чтеніи газетной замѣтки о рефератѣ академика А. Н. Веселовскаго *), касающагося такого типа людей, который понятенъ только людямъ нашего прискорбнаго поколѣнія.

Повидимому, рефератъ этотъ имѣетъ чисто научное значеніе. Говорится въ немъ о типѣ людей *безразличныхъ* «у Данте и въ другихъ загробныхъ видѣніяхъ», и одно уже это названіе реферата, кажется, вовсе не даетъ никакого права почерпать въ этихъ загробныхъ видѣніяхъ объясненія для текущей дѣйствительности. Кажется, что общаго, положимъ, между такими не имѣющими ни малѣйшей видимой связи явленіями нашихъ дней, какъ переселенческое движеніе и жестокіе мемуары одного знаменитаго русскаго

*) «О безразличныхъ» у Данте и въ другихъ загробныхъ видѣніяхъ. Цитаты изъ отчета о рефератѣ, помѣщеннаго въ газетѣ «Новости».

художника? Связи между ними нѣтъ никакой, и, повидимому, нѣтъ никакой возможности отыскать общую точку зрѣнія для объясненія того и другого явленія, т.-е. жестокости мемуаровъ художника, который своими картинами именно въ жестокости-то и упрекалъ общество, и факта шатанія по лицу русской земли огромныхъ безпріютныхъ массъ народа. А между тѣмъ мы, деревенскіе обыватели, люди, мысль которыхъ окончательно сбилась съ пути и рѣшительно не въ состояніи свести концовъ съ концами, сумѣли-таки на досугѣ откопать и въ рефератѣ о «загробныхъ видѣніяхъ» нѣчто вполнѣ уясняющее наше духовное паденіе, путаницу нашей жизни, нашей мысли и всю ту не имѣющую перспективы суету суетъ, среди которой мы живемъ. Ничего подобнаго, безъ сомнѣнія, не имѣлъ въ виду почтенный академикъ. Но вѣдь и насъ, безпріютныхъ россійскихъ гражданъ, также надобно извинить. Мы вѣдь и сейчасъ не совсѣмъ еще перестали вѣрить снамъ и предсказаніямъ; да и вообще вѣдь всякій пойметъ, что утопающій хоть и хватается за соломинку, т.-е. дѣлаетъ дѣло безполезное, но что и не хвататься ему, въ видахъ самосохраненія, также нельзя. Чтобы и читатель понялъ наше положеніе,—людей, хватающихся за соломинку, а также и нашу искреннюю радость, когда намъ очень многое непонятное «вдругъ» стало *ясно*, необходимо хоть въ краткихъ словахъ разсказать, какъ мы читали и понимали этотъ рефератъ.

2.

«Подъ *безразличными*, — читалъ Иванъ Иванычъ:—разумѣются люди, которые при жизни были «къ добру и злу постыдно равнодушны». У Данте они стоятъ въ преддверіи къ аду, такъ какъ не заслуживаютъ ни рая ни ада; спутникъ Данте, Вергилій, при видѣ этихъ людей, говоритъ поэту: «Проходи, не озираясь на нихъ!» Въ народныхъ европейскихъ массахъ, прежде чѣмъ западная церковь выработала идею чистилища, жило представленіе объ особой *срединной области*, между раемъ и адомъ, гдѣ помѣщаются люди, *не заслуживающіе ни того ни другого*. Къ *безразличнымъ* относятся, между прочимъ, тѣ ангелы, которые не стояли ни за Бога ни за Люцифера. Сюда же относятся тѣ изъ людей, которые, по словамъ «видѣнія апостола Павла», *ни теплы ни холодны*. У насъ на Востокѣ слѣды этого стараго представленія замѣчаются въ житіи Василія Но-

ваго. Здѣсь монахъ Григорій видитъ страшный судъ, при чемъ люди не грѣшники и не добродѣтельные изображены особеннымъ образомъ: на нихъ одинаково падаетъ и свѣтъ и тѣнь, съ одной руки каплетъ медъ, а съ другой смола (деготь). Господь и *гнѣвается на нихъ,* и сѣтуетъ на нихъ, и *даетъ имъ особую область на сѣверѣ...»*

— Э-ге!—воскликнулъ Петръ Петровичъ.—Какъ вѣрно!

— Погоди, братъ! Не то еще будетъ!

— На сѣверѣ? Удивительно вѣрно!

— Не мѣшай, а слушай!

«...даетъ область на сѣверѣ, а *наказаніемъ имъ служитъ лишеніе всего, что̀ имъ потребно»*.

— Нѣтъ! Ты сочиняешь! Этого нѣтъ!

— На̀, смотри!

— Не дано чего *потребно?*

— Чего потребно, того-то и не дано!

— Въ самую точку!

«Вообще сказаній о безразличныхъ масса: они встрѣчаются въ русскихъ сказкахъ Афанасьева, у киргизовъ, монголъ, татаръ на Кавказѣ. Разсказывается обыкновенно о человѣкѣ, идущемъ съ какимъ-нибудь порученіемъ въ рай или адъ. По дорогѣ онъ видитъ человѣка, *который мечется среди широкаго простора* изъ угла въ уголъ и кричитъ: *«мнѣ тѣсно»*.

— Боже мой!

— Молчи же!

«...Другой, *стоя* по горло *въ водѣ,* кричитъ: *Пить хочу!»*

— То-есть!..

— Тсс...

«Третій ходитъ по широкому полю и не находитъ дороги...»

— Ну, какъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ, отложивъ на минуту газету, и убійственнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Петра Петровича.

Что̀ сталось съ послѣднимъ, я передать не въ состояніи, но я увѣренъ, что и самъ читатель уже видитъ въ этомъ извлеченіи изъ реферата нѣчто весьма и весьма знакомое. Развѣ на *сѣверѣ* нѣтъ такихъ обывателей, которые, живя среди огромныхъ пространствъ, все-таки кричатъ:—*намъ тѣсно,* или «пить хочу!», когда всякому извѣстно, какія великія рѣки орошаютъ этотъ *сѣверъ?* И вообще, развѣ ему, читателю, неизвѣстны необозримыя пространства, населенныя массами народа, у котораго есть и изобильныя

воды и изобильныя земли, но которому именно и не дано только того, чего *потребно*, т.-е. возможности разобраться въ добрѣ и злѣ, выйти изъ тьмы къ свѣту, отряхнуться отъ дегтя и предпочесть ему медъ? Не знаемъ, отчего такъ вышло, но фактъ налицо, и Петръ Петровичъ, обдумавъ все это, глубоко вздохнулъ и съ полной искренностью сказалъ:

— Удивительно вѣрно!

На это Иванъ Ивановичъ отвѣтилъ:

— Но это еще не все!

Онъ опять взялъ газету и началъ читать:

«Въ сборникѣ Пафнутія Боровскаго, послѣ введенія, повѣствующаго о моровой язвѣ, какъ у Боккачіо, слѣдуетъ рядъ видѣній о раѣ и адѣ и о томъ, что̀ находится между ними. И среди этихъ видѣній особенно интересенъ разсказъ о монахинѣ, видѣвшей въ аду Ивана Калиту».

— Собирателя-то?

— Собирателя.

— Но почему же въ аду? Вѣдь рѣчь идетъ о срединномъ мѣстѣ?

— А это вотъ отчего вышло: «Восточная православная церковь, — читалъ Иванъ Ивановичъ: — признаётъ только *два* мѣстопребыванія для отжившихъ: рай и адъ, къ которымъ идетъ путь черезъ «мытарства», и монахиня, какъ женщина, упекла его, конечно, въ адъ, а не въ рай».

3.

На этомъ окончилось чтеніе, и начался пространный разговоръ о послѣдствіяхъ *безразличнаго* отношенія къ силамъ народной души, преобладающаго надъ народной совѣстью до настоящаго времени. Примѣры безпрестаннаго разслабленія этой совѣсти одновременно медомъ и дегтемъ, правдой и кривдой, были приведены многочисленные, и пересказать ихъ въ этой маленькой замѣткѣ — невозможно. По части тѣхъ же результатовъ въ нашемъ обществѣ также было говорено довольно, и вообще все особенно яркое не миновало нашего вниманія. Гдѣ, въ какихъ условіяхъ жизни, спрашивали мы себя, если они не *срединныя* и не исходятъ отъ вліяній, безразличныхъ къ добру и злу, можетъ вырасти, воспитаться и прожить всю жизнь такое человѣкообразное «пустоутробіе», какъ Іудушка Головлевъ? Это пустоутробіе, если бы даже и хотѣло, *не можетъ* быть ни добрымъ ни злымъ. Тѣмъ-то оно и ужасно. Оно не можетъ

подозрѣвать ни въ себѣ ни въ другихъ права ощущать самого себя, какъ живое существо съ сердцемъ человѣческимъ; не находитъ въ себѣ даже мысли о радости и горести жизни, изнуряетъ себя, стремясь только къ изнуренію окружающихъ его людей и не имѣя тѣни мысли о томъ, зачѣмъ все это творится. И въ концѣ концовъ, ни слѣда послѣ всей этой безцѣльной каторги, кромѣ множества могилъ, въ которыхъ лежатъ трупы, изуродованные жизнью въ безразличіи добра и зла, меда и дегтя.

Какимъ образомъ вслѣдъ за Іудушкой рѣчь пошла о знаменитомъ русскомъ художникѣ, недавно поразившемъ все русское общество ничуть не меньше, чѣмъ поражаютъ читателей газетъ тенденціозныя вайтчапельскія убійства,— не могу сказать съ точностью, но знаю, что образъ этого оригинальнаго человѣка выяснился, какъ результатъ безразличія между медомъ и дегтемъ.

Была война, дѣло ужасное, кровавое. Никто лучше этого художника не сумѣлъ возбудить въ обществѣ своими картинами изъ военнаго времени глубочайшаго изумленія предъ непонятностью этого кроваваго дѣла. Кто не думалъ объ ужасѣ этихъ убійствъ и кто не былъ увѣренъ, что художникомъ руководятъ самыя нѣжныя, самыя гуманныя чувства? Если водили на выставку его картинъ дѣтей, то послѣ этого ребятишки не просили ужъ купить саблю, кинжалъ, ружье, знали, что̀ это значитъ: «стрѣлять», и что̀ означаетъ слово: «убью!». У кого не осталось самаго благороднаго и поучительнаго впечатлѣнія отъ живописи этой странной неправды? И кто не представлялъ себѣ художника человѣкомъ съ самымъ чуткимъ и впечатлительнымъ сердцемъ? Несомнѣнно, сердце его источаетъ медъ.

И этотъ же самый человѣкъ, съ хладнокровіемъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе, повѣствуетъ теперь о своемъ душевномъ дегтѣ и источаетъ его въ поразительномъ изобиліи; онъ самъ *просилъ* повѣсить, умертвить двухъ живыхъ людей для того, чтобъ нарисовать ихъ! Онъ не видалъ, какъ человѣкъ умираетъ въ петлѣ, и для него нужно было бы повѣсить двухъ человѣкъ, созданныхъ по образу Божію, чтобъ онъ могъ только посмотрѣть, подобрать краску, соотвѣтствующую цвѣту кожи удавленнаго человѣка. Этотъ художникъ можетъ слѣдовательно нарисовать намъ распятаго Христа, и для того, чтобы мы почувствовали страданія распятаго, — самъ повѣситъ живого человѣка.

И замѣтьте эту удивительную помѣсь дегтя и меда: прося

повѣсить двухъ живыхъ людей, авторъ записокъ не сомнѣвается, что онъ въ то же время *освобождаетъ* отъ вѣшателей болгарскій народъ, онъ непомѣрно гордъ своей христіанской миссіей освободителя.

— Эка страсть война-то! — несомнѣнно думалъ, глядя на картины художника, мальчикъ изъ портерной, который, заплативъ гривенникъ, могъ въ воскресенье потолкаться на выставкѣ вмѣстѣ съ господами. И западало въ его душу крѣпкое горе, неиспорченный умокъ его думалъ крѣпкую думу, думалъ о справедливой жизни, о томъ, что надобно жить по-хорошему. А теперь онъ, благодарный художнику, узнаётъ, что самъ художникъ осердился на генерала за то, что тотъ не убилъ для его удовольствія двухъ человѣкъ. Что останется на совѣсти, въ умѣ и душѣ этого простого русскаго человѣка?

4.

Заглянули мы и въ прошлое, поискали и тамъ диковинокъ по части *безразличныхъ* въ добрѣ и злѣ. Иванъ Ивановичъ порылся въ своихъ книгахъ, досталъ книгу объ Аракчеевѣ и, недолго поискавъ, отыскалъ тамъ чудеса чудесъ по части меда и дегтя.

Въ правилахъ, изданныхъ для благоустройства военныхъ поселенцевъ, на каждомъ шагу говорились такія вещи: «Вечеромъ должно ходить въ хлѣвы и сараи съ фонаремъ, въ коемъ бы были цѣлыя стекла (какая заботливость!), въ домѣ употреблять свѣчи и ночники, но отнюдь не зажигать лучины, кромѣ какъ въ кухнѣ. Не исполнившій сего правила *наказывается въ присутствіи всѣхъ тѣлесно*». — «Строго воспрещается содержать въ домѣ, а не на чердакѣ, ленъ и кудель, — иначе съ неисполняющаго сего правила *взыскивается 10 р., а вся кудель и ленъ отдается въ пользу доносителя*». — «Полицеймейстеръ строго наблюдаетъ за всѣми сими правилами, *въ противномъ случаѣ* полицеймейстеръ подвергаетъ себя *тѣлесному наказанію*». — «Полицеймейстеръ подходитъ къ *тѣлесному наказанію,* если дозволитъ въ лѣтнее время печь хлѣбъ въ домахъ, а не въ особенно устроенныхъ кухняхъ».

— Однако, — перебилъ Петръ Петровичъ: — право, довольно ужъ и этого. Даже полицеймейстеровъ... «тѣлесно»! За что же и для чего все это?

— А какъ ты думаешь?

— Я просто не понимаю!

— Напрасно! Все это имѣетъ опредѣленную цѣль, — чистый медъ. Слушай. Все это дѣлается въ увѣренности, что *«отнынѣ не должно быть ни сиротъ безпріютныхъ, ни старости безпомощной, ни дряхлости оставленной, ни нищеты праздной, ни разврата нравовъ, терпимаго безъ средства исправленія»*.

— Тѣлесно-то? И полицеймейстера и всѣхъ? Сиротъ безпріютныхъ? — въ полномъ недоумѣніи и, какъ говорится, разиня ротъ, едва вымолвилъ Петръ Петровичъ.

— Да! Сиротъ безпріютныхъ пріютить, старость безпомощную успокоить. И потому-то всѣ и подлежатъ тѣлесному наказанію!

Петръ Петровичъ былъ какъ бы въ столбнякѣ.

— Можетъ-быть, — вдругъ проговорилъ онъ: — этотъ человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ сдѣлать пользу? Не умѣлъ, неправильно думалъ, но, можетъ-быть, дѣйствительно желалъ добра?

Иванъ Ивановичъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, развернулъ цитируемую книгу въ другомъ мѣстѣ и прочелъ:

— «Аракчеевъ *до безобразія извратилъ жизнь народа даже въ семейныхъ отношеніяхъ*. Надобно ему было заселить домà, которыхъ онъ настроилъ больше, чѣмъ было мѣстныхъ жителей; для этого онъ обратилъ въ поселянъ *стариковъ*-солдатъ и *приказалъ имъ жениться*. Дѣло было спѣшное, сватовъ по невѣсту посылать было некогда. *Солдаты хватали въ полѣ дѣвокъ, какая попадала подъ руку*, и, не справляясь, нравится ли ей суженый и будутъ ли довольны родители, *тащили въ церковь*. Случалось, что въ брачныхъ церемоніяхъ приходилось дѣйствовать тесаками и кольями. Такіе возмутительные браки Аракчеевъ поощрялъ выдачею молодой 25 руб. Кромѣ того, въ каждомъ семейномъ домѣ обязательно должны были жить холостые солдаты» *).

— Что же это такое?

— Не знаю! А вотъ Фотій зналъ.

— Пожалуйста, прочти! Есть объ этомъ?

— Есть. Изволь.

Иванъ Ивановичъ перевернулъ еще страницу и прочиталъ съ разстановкой письмо Фотія къ Аракчееву:

— «Радуйся радостію о Христѣ Іисусѣ, Его же ты невѣсты, святыя церкви, любитель правый и усердный! Хотя

*) Аракчеевщина. Свящ. Богословскаго. Изд. Суворина.

я и не видѣлъ тебя доселѣ лицомъ къ лицу, но Богъ въ сердцѣ моемъ возвѣстилъ, кто ты! Ты *ангелъ* хранитель отъ Господа, видимый въ тѣлѣ».

— Ангелъ! — возопіялъ Петръ Петровичъ.

— Ангелъ! да! видишь?

Петръ Петровичъ опять впалъ въ столбнякъ, но потомъ вдругъ пришелъ въ самое возбужденное состояніе и уже самъ принялся разсказывать возмутительнѣйшія вещи о Шешковскомъ. ссылаясь на статью С. В. Максимова: «Крылатыя слова». Впослѣдствіи я разыскалъ эту статью и извлекаю изъ нея нѣсколько строкъ въ подтвержденіе того, что Петръ Петровичъ имѣлъ всѣ основанія придти въ неистовое возбужденіе. «Когда Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», узналъ, что его дѣло передано Шешковскому, — онъ упалъ въ обморокъ». «Жестокости, которыя онъ творилъ съ подсудимыми, я не могу здѣсь перечислить, такъ онѣ ужасны; иногда онъ такъ *увлекался* работою палачей, что вскакивалъ съ мѣста, выхватывалъ кнутъ и билъ самъ. Въ отношеніи жестокости онъ одинаково не чинился какъ съ ростовскимъ архіереемъ Арсеніемъ Мацеевичемъ, такъ и съ Емельяномъ Пугачевымъ. И въ то же время онъ всячески старался казаться благочестивымъ, *богобоязненнымъ*, усердно посѣщалъ церковь и *каждую обѣдню* вынималъ три просфоры. Вопросы, обращенные къ жертвѣ, онъ уснащалъ текстами священнаго писанія. Когда раздавались стоны, вопли и мольбы о пощадѣ, ханжа-пустовѣръ начиналъ читать акаѳисты Божіей Матери или Іисусу Сладчайшему! Души утѣшителю! Іисусу многомилостивому! Вслѣдствіе этого въ народѣ выработалось выраженіе: «*потянуть къ Исусу*», которое означаетъ вовсе не то, чтò связано съ именемъ Іисуса».

И все это могло происходить безъ всякихъ помѣхъ въ такія времена, когда устраивались воспитательные дома, учрежденіе высокой гуманности, писались Наказы и т. д. Вотъ чтò творилось въ нашемъ недавнемъ прошломъ! Радищевъ, описавшій свое путешествіе, могъ быть виноватымъ, а Шешковскій и Аракчеевъ были всю жизнь во всемъ совершенно правы.

5.

Ожесточившійся Петръ Петровичъ хотѣлъ-было тотчасъ послѣ статьи о Шешковскомъ приняться за ожесточенное толкованіе какой-то потрясающей, въ томъ же родѣ, статьи

въ «Русской Старинѣ», но Иванъ Ивановичъ пожелалъ не продолжать разговора въ томъ же заунывномъ тонѣ.

— Однако, господа, — сказалъ онъ: — довольно всего этого! будетъ! Чортъ не такъ страшенъ. Я вѣдь еще не досказалъ реферата-то «о безразличныхъ».

— Боже мой! Неужели тамъ есть еще что-нибудь болѣе потрясающее? — воскликнули всѣ мы.

Иванъ Ивановичъ успокоилъ насъ самыми искренними увѣреніями въ томъ, что сомнѣнія наши совершенно напрасны.

— Дѣло у насъ шло о грѣшникахъ, праведникахъ и безразличныхъ. Такъ? Казалось бы, что этими тремя категоріями исчерпываются всѣ роды пониманія нами нравственности, не такъ ли?

— Кажется, что такъ! — сказали мы всѣ.

— Кто же такой этотъ «посланный», про котораго шла рѣчь, когда говорили о срединныхъ мѣстахъ, гдѣ люди мечутся и не находятъ дороги? Обыкновенно ихъ водитъ «посланный» въ рай или адъ?

— Да, было!

— Ну такъ вотъ оказывается еще образъ человѣческій, не помѣщающійся ни въ раю ни въ аду, и не безразличный. Это — извозчикъ, т.-е. обыкновенный мужикъ и точь въ точь такой же, какъ и сейчасъ. Онъ въ видѣніи возитъ въ рай, адъ и въ срединное пространство праведниковъ, грѣшниковъ и безразличныхъ, точь въ точь какъ и теперь возитъ въ Аркадію, и къ Спасителю, и въ департаментъ грѣшниковъ, безразличныхъ и праведниковъ, самъ же онъ остается въ сторонѣ. Не источаетъ ни меда ни дегтя, ни порознь ни вмѣстѣ, а именно живетъ «самъ по себѣ». Въ рефератѣ сказано о мужикѣ, который привезъ кого-то въ рай и попросился самъ туда же, но только посмотрѣть, «какъ тамъ у нихъ». Его сначала долго не пускали туда (цыгарки куритъ), но наконецъ позволили посмотрѣть, хотя и сказали, чтобы онъ не смѣлъ разсуждать, если ему *что покажется не такъ*. Мужикъ пришелъ, сѣлъ, смотрѣлъ-смотрѣлъ и не утерпѣлъ, и сталъ понемножку предъявлять свои самостоятельные взгляды. Научилъ нѣсколькихъ праведниковъ, какъ пронести въ рай доску: они никакъ просунуться съ доской не могли въ райскія двери; мужикъ научилъ. Научилъ райскихъ дѣвицъ-ангеловъ, куда воду носить: онѣ носили воду, но, по невинности своей, лили ее въ пустое мѣсто. Видитъ онъ, что растутъ золотыя

яблоки, а дѣти райскія, ангельчики, не ѣдятъ ихъ. Всталъ, подошелъ къ райскому дереву, натрясъ яблокъ, надѣлилъ дѣтей. То же самое онъ предъявилъ и въ аду, и къ безразличнымъ отнесся по справедливости. Что же? Вѣдь и этотъ типъ есть у насъ.

— Еще бы! — сказали всѣ съ полнымъ единодушіемъ.

— Такъ, можетъ-быть, онъ какъ-нибудь и выберется изъ срединной страны и срединныхъ мыслей?

Помолчали.

— А за нимъ и мы?

Опять помолчали.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, и то, — порѣшилъ Иванъ Ивановичъ: — что онъ есть у насъ.

Съ этимъ вся компанія согласилась, но все-таки была довольна, что приглашеніе «закусить» дало возможность перемѣнить тему разговора.

Крестьянинъ о современныхъ событіяхъ.

Замѣтка по поводу еврейскихъ погромовъ.

Въ то время, когда мы пишемъ эту замѣтку, т.-е. въ концѣ января и началѣ февраля, во многихъ городахъ южной, юго-западной и западной Россіи не одна сотня тысячъ еврейскихъ семействъ, въ тревожномъ ожиданіи какихъ-то огромныхъ несчастій, молится въ синагогахъ объ избавленіи ихъ отъ погромовъ. Объ этихъ общественныхъ моленіяхъ извѣщаютъ насъ нѣкоторыя газеты спеціальными телеграммами. И дѣйствительно, есть отъ чего трепетать и содрогаться еврейскому населенію Россіи. Не говоря уже о томъ, что грозная туча ненависти, нависшая надъ евреями, не разъ уже разражалась грозами и бурями, разрушительными ужасными, туча эта и теперь, сейчасъ, все такъ же черна грозна, какъ и годъ тому назадъ: какъ и въ прошломъ году, она давитъ испуганный еврейскій народъ своей страшной таинственностью, неизвѣстностью, не дающей ни малѣйшей возможности опредѣлить, предвидѣть тотъ день и часъ, въ который можетъ разразиться гроза. Самыя необыкновенныя, неожиданныя причины, не имѣющія, повидимому, ни малѣйшей связи съ религіозною и экономическою ненавистью христіанъ и евреевъ, вызывали, на нашихъ глазахъ, еврейскіе погромы и избіенія. Въ Одессу пріѣзжаетъ французская артистка Сарра Бернаръ, чтобы дать нѣсколько спектаклей, а толпа такъ-называемой «черни» начинаетъ, по случаю этого пріѣзда, побоища. Стекла въ каретѣ артистки разбиты камнями при крикахъ: «Сурка, гевалтъ!». На улицу являются солдаты, и несчастную Фру-Фру конвоируетъ казачья сотня. Но какъ все это ни нелѣпо, въ данномъ случаѣ однако можно еще найти кой-какую связь

между разбиваніемъ еврейскихъ домовъ и лавокъ и пріѣздомъ французской актрисы. Прежде всего она «Сурка», т.-е. еврейка. Затѣмъ газеты протрубили, что она получаетъ ежедневно несмѣтныя суммы денегъ; толпѣ извѣстно, что кагалъ, имѣющій, разумѣется, и надъ Суркой власть точно такую же, какъ и надъ всякимъ другимъ изъ своихъ членовъ, не преминетъ попользоваться частью этихъ несмѣтныхъ богатствъ для еврейской партіи. При нѣкоторомъ усиліи можно даже объяснить и то, что «Сурка», въ которую, повидимому, ни съ того ни съ сего народъ бросалъ камни, благодаря шуму и грому газетныхъ фельетоновъ и овацій, превратилась во мнѣніи волнующихся массъ въ «еврейскую царицу» и въ качествѣ таковой и была избиваема. Все это хоть и нелѣпо, но, повторяемъ, кое-какъ объяснимо; но что сказать о такомъ погромѣ, который произошелъ въ Варшавѣ, на Рождествѣ. Въ одномъ изъ костеловъ кто-то крикнулъ: «Пожаръ!». Публика, напуганная пожаромъ Рингъ-театра, бросилась къ дверямъ. Произошла давка, во время которой было раздавлено до двадцати человѣкъ. Едва чернь узнала объ этомъ происшествіи, какъ немедленно принялась за евреевъ, при чемъ погромъ произошелъ необыкновенный. Насчитываютъ до 2.000 разрушенныхъ жилищъ, а сколько погибло имущества—пока не сосчитано. Въ этомъ происшествіи ужъ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей возможности найти какую-нибудь связь между причиной и слѣдствіемъ. Почему двадцать труповъ, которые народъ увидѣлъ на паперти костела, привели его къ мысли о томъ, что «это жиды», что это «жидовское дѣло»? И зачѣмъ евреямъ могли понадобиться эти двадцать труповъ? Какой въ этомъ расчетъ и какая выгода? Въ этомъ эпизодѣ, повторяемъ, уже нѣтъ ни малѣйшей возможности уловить хотя какую-нибудь черту, уясняющую связь погрома съ происшествіемъ въ костелѣ, а видно только, что нервы волнующихся массъ разстроены до послѣдней степени, что массы охвачены какимъ-то нравственнымъ разстройствомъ, источники котораго не изслѣдованы и неизвѣстны намъ. При такомъ настроеніи массъ трудно отдѣлаться отъ мысли, что погромъ можетъ начаться каждую минуту, отъ всякой самой ничтожной, самой неожиданной причины, т.-е. не только отъ такихъ болѣе или менѣе понятныхъ фактовъ, какъ пріѣздъ «еврейской царицы» Сурки, не только отъ такихъ возбуждающихъ, хоть и непонятныхъ случаевъ, какъ варшавскій переполохъ въ костелѣ, но просто отъ крика

какого-нибудь пьянаго (какъ это въ дѣйствительности и бывало), который, выскочивъ изъ кабака на базарную площадь съ избитымъ лицомъ, гаркнетъ среди народа: «Бей, ребята, жидовъ...»

Вся бѣда въ томъ, что мы не знаемъ народной мысли, руководящей массами въ этихъ погромахъ. Не знаемъ, что̀ думалъ тотъ человѣкъ, который поднялъ съ мостовой камень, чтобы пустить его въ карету еврейской царицы: не знаемъ, какимъ образомъ, глядя на трупы раздавленныхъ во время паники людей, человѣкъ могъ придти къ убѣжденію, что «за это» надобно раздѣлываться непремѣнно съ евреями, и подалъ знакъ къ началу буйства. Не знаемъ мы, какія мысли волнуютъ массу, чѣмъ она обезпокоена и чего хочетъ добиться, а въ этомъ-то все дѣло. Все же то, что̀ было дано намъ, до сихъ поръ, въ объясненіе этихъ безпорядковъ—не отъ лица народа, т.-е. той массы, которая почему-то считаетъ необходимымъ бить камнями французскую артистку—все это, говоря откровенно, рѣшительно не разъясняетъ дѣла. Какъ на образчикъ объясненій, дававшихся прискорбному явленію людьми, не старавшимися или не имѣвшими возможности вникнуть въ это дѣло безпристрастно и обстоятельно, укажемъ на проповѣдь о. Полисадова, произнесенную имъ 21-го мая прошлаго года («Голосъ» 1881 г., № 141) въ Исаакіевскомъ соборѣ. Какъ на главный источникъ безпорядковъ, о. Полисадовъ указывалъ слушателямъ «на оскудѣніе въ народѣ вѣры», доказывая, что оскудѣніе есть причина того, что народныя массы стали воспріимчивы къ лжеученіямъ. «Только при *упадкѣ вѣры* въ народѣ,—говорилъ о. Полисадовъ:—могло имѣть мѣсто такое *грустное явленіе*, какъ разграбленіе евреевъ на югѣ Россіи». Останавливаясь затѣмъ на этомъ печальномъ явленіи, «поразившемъ *всѣхъ своимъ звѣрствомъ*», о. Полисадовъ обращается къ его *виновникамъ* и говоритъ: «Зачѣмъ вы (нигилисты) тамъ на югѣ *научили* русскихъ православныхъ грабить, бить и истреблять народъ еврейскій? гдѣ гуманность и равенство правъ, о которомъ сами вы хлопочете? Это ли коммуна, не говоримъ, христіанская, но даже общечеловѣческая?» Проповѣдь эта, какъ сказано въ цитируемой нами замѣткѣ, произвела сильное впечатлѣніе.

Мы привели мнѣніе о. Полисадова, произведшее на слушателей, т.-е. «на публику» сильное впечатлѣніе, именно потому, что мнѣніе это одно изъ самыхъ ходячихъ и наи-

болѣе всего распространенныхъ. «Народъ глупъ, ему назудятъ въ уши какіе-нибудь злоумышленники: «бей»,—онъ и вообразитъ...» Но въ томъ же нумерѣ «Голоса» (№ 144), изъ котораго мы цитировали вышеприведенное мнѣніе, напечатана рѣчь г. прокурора военно-окружнаго суда по дѣлу о еврейскихъ безпорядкахъ въ Кіевѣ, въ которой, между прочимъ, сказано: «Что касается соціально-революціоннаго броженія, то оно играло лишь второстепенную роль. Безъ сомнѣнія, рядъ политическихъ убійствъ и горестное событіе 1-го марта вліяло на народъ самымъ *деморализующимъ образомъ, убивало въ немъ чувство законности и дѣлало его слишкомъ чуткимъ къ разнаго рода насиліямъ*, но соціалисты *не могли* ни создать ни организовать анти-еврейскаго движенія». Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній подтверждаетъ мнѣніе прокурора о томъ, что *науки* въ этихъ безпорядкахъ никакой не было. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей, нѣкто г. Розенбаумъ, утверждавшій, что анти-еврейское движеніе имѣетъ *тѣсную* связь съ соціалистическимъ движеніемъ, на просьбу прокурора доказать это мнѣніе, могъ отвѣтить слѣдующее: «*Во-первыхъ*, при разрушеніи магазина Фихтенгольца, во время самаго разгара грабежа, въ лавку вошелъ молодой человѣкъ *въ синихъ очкахъ* и, указывая толпѣ на хозяина лавки, сказалъ: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ!». *Во-вторыхъ*,—продолжалъ свидѣтель:—при разрушеніи квартиры Бродскаго, какой-то молодой человѣкъ игралъ на фортепіано, и *въ-третьихъ*, одновременность безпорядковъ въ разныхъ мѣстахъ доказываетъ предварительную организацію». Какъ видите, всѣ эти мнѣнія, объясненія и показанія весьма недостаточны для объясненія той невидимой силы, которая, повторяемъ, сразу, отъ самой ничтожной причины, поднимаетъ на ноги тысячныя массы, и поднимаетъ, какъ видно, не на добро. Предположимъ, что мнѣніе о существованіи какихъ-то прокламацій, разсчитанныхъ на народное невѣжество, имѣетъ долю правды, такъ какъ дѣйствительно мѣстами развѣшивались и расклеивались прокламаціи или воззванія. Если бы это было и справедливо, то спрашивается, почему такая прокламація (!), какъ та, которая была расклеена въ Елисаветградѣ, заключавшая въ себѣ всего нѣсколько безсмысленныхъ словъ, именно: «*Земля и Воля. Бить жидовъ третьяго числа*»,—почему *эта* прокламація принята была буянами за непреложное повелѣніе и была немедленно выполнена, тогда какъ никакія пространныя воззванія, ни-

какія золотыя грамоты никогда не дѣйствовали на народъ въ такой мѣрѣ? Наконецъ откуда взялась въ буйныхъ массахъ вѣра въ какой-то фантастическій «приказъ», въ разрѣшеніе и даже приказаніе начальства? А между тѣмъ вѣра въ существованіе этого приказа и объясняетъ то *веселое*, безпечное расположеніе духа буяновъ, о которомъ свидѣтельствуютъ множество корреспонденцій. Дрались, такъ сказать, *играючи*.

Вообще же, соединяя въ одно всѣ до сихъ поръ обнародованные факты, касающіеся еврейскихъ безпорядковъ, мы сталкиваемся съ массою противорѣчій: тутъ и явное звѣрство и явная увѣренность въ безнаказанности и правотѣ, даже въ томъ, что звѣрство это дѣлается по приказанію, и, вслѣдствіе этого, рядомъ съ буйствомъ, веселое расположеніе духа, «играючи»; тутъ явный бунтъ и отсутствіе настоящихъ бунтовщиковъ. Вышеприведенный отрывокъ изъ рѣчи г. кіевскаго военнаго прокурора какъ нельзя лучше характеризуетъ путаницу въ сужденіяхъ объ этомъ неожиданномъ явленіи даже такихъ лицъ (какъ г. прокуроръ), въ рукахъ которыхъ находилась масса достовѣрныхъ матеріаловъ въ видѣ показаній самихъ дѣйствующихъ лицъ. «Рядъ политическихъ убійствъ и горестное событіе 1-го марта вліяло на народъ *деморализующимъ* образомъ, *убивало* въ немъ *чувство законности и дѣлало слишкомъ чуткимъ къ разнаго рода насиліямъ*» (№ 144 «Гол.», отд. суд. хрон.). Спрашивается: какимъ образомъ *чуткость* къ насиліямъ, т.-е. къ неправдѣ, можетъ быть результатомъ деморализаціи, а главное, результатомъ утраты *чувства законности?* Неужели же, чтобы не утратить чувства законности и не быть деморализованнымъ, надо быть нечувствительнымъ къ насиліямъ, да еще разнаго рода? Очевидно, что объясненіе движенія сдѣлано неудовлетворительно, но такъ же очевидно и то, что если была деморализація, если была утрата чувства законности, то вмѣстѣ съ этимъ, между ними, или сбоку, или съ краю, втерлась какъ-то и откуда-то и «чуткость къ неправдѣ, къ насилію». Но какъ все это кристаллизовалось въ драку, какъ изъ представленія о приказѣ, о томъ, что велѣно, какъ изъ деморализаціи, изъ чуткости къ неправдѣ и насилію, изъ потери чувства законности вытекла необходимость моментально выполнить елисаветградскую прокламацію: «Земля и Воля. *Бей жидовъ третьяго числа*», какъ изъ тѣхъ же элементовъ выродился ударъ камнемъ, расколовшій стекла въ

каретѣ Сарры Бернаръ,—все это, къ несчастію, неизвѣстно до настоящаго времени. Неизвѣстно, какимъ образомъ человѣкъ въ синихъ очкахъ, сказавшій: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ», можетъ значить въ безпорядкахъ то же, что и «упадокъ вѣры», какъ говоритъ о. Полисадовъ, и какимъ образомъ «упадокъ вѣры» въ соединеніи съ тѣмъ другимъ господиномъ, который умѣетъ играть на фортепіано, производитъ грабежъ дома Бродскаго, «играючи», въ *веселомъ* расположеніи духа... Сложимъ все: упадокъ вѣры, господинъ въ синихъ очкахъ, говорящій: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ!», «*Бей жидовъ третьяго числа, Земля и Воля»,* «упадокъ чувства законности», «другой господинъ, который играетъ на фортепіано», «чуткость къ насилію», «деморализація», «Сурка, гевалтъ!», приказъ, веселое расположеніе духа, и въ концѣ концовъ изъ всего этого—драка, при одномъ крикѣ «пожаръ» и т. д. Все это вполнѣ непонятно, и тѣмъ менѣе понятно, почему выходомъ изъ этого положенія признано сѣченіе розгами по талонамъ. Когда въ Лондонѣ начались митинги, симпатизирующіе евреямъ и протестующіе противъ бездѣйствія властей, россіянамъ пришлось доказывать свою «гуманность» по отношенію къ несчастному племени тѣмъ, что двѣ тысячи несчастныхъ людей высѣчено розгами, и что слѣдовательно мы отлично понимаемъ, что такое насиліе, не бездѣйствуемъ, а стоимъ на стражѣ. Неужели же, если его преподобіе архіепископъ кентерберійскій не удовольствуется такимъ доказательствомъ нашей гуманности и будетъ продолжать агитацію въ англійскомъ обществѣ, мы для его успокоенія не будемъ въ состояніи сказать чего-нибудь другого, кромѣ увѣдомленія о томъ, что число высѣченныхъ при полиціи съ 2.000 возросло до 3.000? Что же это за успокоительныя телеграммы: «Деремъ, ваше преподобіе!». И наконецъ вѣдь его преосвященство можетъ поднять новый гвалтъ по поводу русскихъ жестокостей? А между тѣмъ, несмотря на эти «успокоительныя» вѣсти, евреи не чувствуютъ себя спокойными. Теперь, т.-е. въ ту минуту, когда мы пишемъ эту замѣтку, кажется, все спокойно, а между тѣмъ, повторяемъ, 1-го февраля въ Кіевѣ, а 5-го февраля въ Ковно массы евреевъ наложили на себя постъ и цѣлые дни молятся въ синагогахъ объ избавленіи ихъ отъ погромовъ. Стало-быть, есть во всемъ этомъ дѣлѣ что-то такое, что не вполнѣ разъяснено судами и не исцѣлено розгами.

Не лучше ли, чтобы подлинно узнать, въ чемъ тутъ дѣло, обратиться непосредственно къ любому изъ этой волнующейся массы и спросить его:

— Ты зачѣмъ грабишь, дерешься и безобразничаешь? Чего ты хочешь? Чего добиваешься?

Какой бы ни былъ отвѣтъ такого человѣка, онъ во всякомъ случаѣ документъ и документъ подлинный, неоспоримый, а въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ антиеврейское движеніе, необходимы именно подлинные документы, необходимы просто во имя самосохраненія...

Вотъ съ однимъ изъ такихъ *подлинныхъ* документовъ, уясняющихъ не только направленіе мысли волнующихся массъ, но опредѣляющихъ довольно точно количество и качество современныхъ народныхъ мыслей вообще, мы и хотимъ познакомить читателей въ настоящей замѣткѣ. Годъ тому назадъ, въ одной изъ редакцій не существующей нынѣ газеты было получено письмо крестьянина, касавшееся трагическаго событія перваго марта и *предсказывавшее* еврейскіе безпорядки по крайней мѣрѣ за полтора мѣсяца до елисаветградскихъ волненій. По несчастію, несмотря на глубокую искренность, глубокій патріотизмъ и пламенную любовь къ почившему монарху, письму этому ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ, куда мы посылали его, не посчастливилось увидѣть свѣтъ. Отъ имени народа и за народъ писалось и говорилось несмѣтное множество всевозможныхъ мнѣній, толкованій и т. д., но подлинное мнѣніе человѣка толпы, не подходившее къ какому-нибудь одному направленію, а спутывавшее всѣ ихъ въ какую-то своеобразную массу, не понравилось ни одному изъ установившихся газетныхъ направленій и было оставлено втунѣ. Что въ мысляхъ человѣка, полагающаго необходимымъ хватить камнемъ въ карету Сарры Бернаръ, должна быть путаница, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; но не можетъ быть сомнѣній также и въ томъ, что, разъ путаница эта приводитъ къ потребности взяться за камень, приняться за разрушеніе и разграбленіе, она достойна полнаго нашего вниманія. Та же самая путаница мыслей заключается и въ письмѣ крестьянина, съ которымъ мы хотимъ познакомить читателей; но такъ какъ слово «путаница» означаетъ не то же, что «безсмыслица» или «дурь», которую можно выколотить палкой, то, взглядѣвшись въ нее внимательно, мы увѣрены, что запутанная мысль эта работаетъ вполнѣ опредѣленно, предъявляетъ опредѣленныя

требованія и освѣщаетъ всѣ современныя событія вполнѣ самостоятельно и своеобразно. Какъ увидитъ читатель ниже, въ письмѣ этомъ есть и объ упадкѣ вѣры, и о трагическомъ событіи 1-го марта, и о народѣ, и о пьянствѣ, и о еврейской эксплоатаціи, и о революціонерахъ, и о крамолѣ,—словомъ, есть все то, чего почти ежедневно, ежеминутно касается современная печать всевозможныхъ направленій, но все это расположено совершенно не такъ гладко, какъ располагается на столбцахъ печатныхъ передовыхъ, долгимъ опытомъ пріученныхъ «не касаться» самаго главнаго въ трактуемомъ вопросѣ; и, что особенно важно, все это освѣщено *въ самомъ дѣлѣ* народнымъ, и именно великороссійско-народнымъ міросозерцаніемъ, при чемъ и міросозерцаніе это выступаетъ предъ читателемъ въ полной ясности.

Путаница изложенія, заключающаяся, во-первыхъ, въ недостаткахъ ороографіи: «Стремъ-Главъ», «музувѣрь» вмѣсто «изувѣръ» и т. д., а во-вторыхъ, въ безпрестанныхъ повтореніяхъ одного и того же, совершенно безплодно удлиняющихъ рѣчь,—все это заставляетъ насъ передать письмо въ отрывкахъ, касающихся самыхъ существенныхъ вопросовъ, волнующихъ автора, при чемъ въ отрывкахъ этихъ нами не измѣняется ни одного слова, за исключеніемъ ороографическихъ ошибокъ.

Вотъ эти отрывки:

«1881 года (слѣдуетъ названіе города и губерніи въ южной Россіи). Имѣю честь рекомендоваться вамъ: я житель Владимірской губерніи и уѣзда, казенный крестьянинъ, проживаю П-ской губерніи съ 1840 года, по занятію кровельными и малярными дѣлами. Для меня извѣстны здѣшнія мѣстности и города, въ которыхъ я имѣю занятіе: Переяславль, Золотоноша, Лубны, Пирятинъ, Прилуки...

«Для меня хорошо извѣстны во всѣхъ уѣздахъ села и деревни и живущіе въ нихъ. Колись были паны, и когда было крѣпостное право, то они нанимали управляющихъ, которые драли кожу съ мужика: это была такая плата за труды его, и они считали мужика глупѣе всякаго скота. А что-жъ теперь? Мужикъ имъ говоритъ: «А что, какъ же, безъ мужика-дурака, гдѣ ваша земля, луга и лѣса и гарныя хоромы, гдѣ вы роскошно жили и каждый день балы задавали? Въ домахъ вашихъ музыка играла, а теперь тамъ жидовскій гамъ!» Вотъ такъ мужикъ пана своего укоряетъ и на работу къ нему нейдетъ. Крайность заставляетъ пана свое имѣніе жиду въ аренду отдать или вовсе продать.

Панъ мужику за обиду мститъ, а жидъ случаю радъ, на каждомъ шагу грабитъ мужика. Жиды богатѣютъ неправымъ путемъ. *Весь судъ жиду защитой: жидъ вездѣ правъ.* Они православныхъ праздниковъ не чтутъ. На Рождествѣ и Святой лавки отпираютъ и работы производятъ, а въ воскресные дни базары сдѣланы для нихъ же. Мужикъ Бога забылъ, оставилъ храмъ Божій, ѣдетъ на базаръ: вмѣсто молитвы за Освободителя своего, онъ съ жидомъ празднословитъ. Вмѣсто поклоновъ земныхъ онъ валяется пьяный на землѣ; вмѣсто (того, чтобы) слезъ пролить передъ Богомъ, ему рожу разобьютъ жиды и кровью облитъ. За шумомъ жидовъ и мужиковъ не слышно звона колоколовъ. *Никто не обратитъ вниманія на православную религію, волостни предали ее на поруганіе жидамъ:* въ жидовскій шабашъ не будутъ жида и судить, а въ воскресенье и праздничные дни—все разрѣшено. И мнѣ случилось попытать здѣшняго суда съ жидами —мъ и паршивымъ —мъ, о чемъ я постараюсь вамъ описать, а теперь *я долженъ помолчать, покуда я* здѣсь. Во время крѣпостного права народъ былъ удаленъ отъ храма Божія, не зная ни праздничныхъ ни воскресныхъ дней. Ему не было время, онъ не успѣвалъ отработывать панской работы, которая была ему накинута по урокамъ. А оставить (работу) въ воскресный день, то нужно получить на чаекъ. По этому случаю народъ только считался православнымъ. Такъ и теперь: рѣдко кто обратился на путь истинный; *онъ отъ пана освободился, такъ къ жиду прилыпился,* и тоже некогда въ церковь пойти! Праздниками жиды нарочно заставляютъ работать и платятъ рубли, смѣясь надъ православной религіей и укоряя мужика: «Что ваша религія! Все можно дѣлать, а потомъ иди до попа, гривенникъ отдай ему, и попъ всѣ грѣхи твои возьметъ», вотъ какъ жидъ внушаетъ; мужикъ такъ и дѣлаетъ, постомъ безъ всякаго (надъ собой) наблюденія идетъ въ храмъ, принимаетъ святыя тайны, платитъ гривенникъ попу, а попъ *такъ* и дѣлаетъ, *какъ жидъ* мужику сказалъ. Онъ ихъ какъ барановъ поставитъ вокругъ налою нѣсколько душъ и скажетъ: «прощаю и разрѣшаю!» И мужикъ вполнѣ увѣренъ, что онъ правъ, грѣхи отдалъ, и летитъ прямо изъ церкви стремглавъ къ жиду причастіе запить, а жидъ, какъ противникъ Богу и православному народу, нарочно въ поруганіе святыни поздравляетъ мужика и первымъ долгомъ свою осьмушку наливаетъ. Починъ легокъ, мужикъ начинаетъ кутить до того,

что у него потечетъ и изъ носу и изо рту. На другой день мужикъ идетъ поправляться, а жидъ съ поруганіемъ святыни одобряетъ его. *И никто на это не обратитъ вниманія...* Въ праздникъ св. Троицы не приказываютъ рубить деревъ; указываютъ, что синодъ это призналъ лишнимъ, о чемъ я и спросилъ священника: — «Въ чемъ заключается праздникъ и почему (его) исполняли предки наши по заповѣди св. отцовъ?» Онъ мнѣ на это отвѣчалъ такъ:—«Прежде было много лѣсу, а теперь мало». Я спросилъ:—«Кто же всѣмъ этимъ управляетъ? Не можетъ ли Богъ сдѣлать (и теперь) такъ, какъ со смоковницей, не имѣвшей плода? Да и жизнь наша отъ кого зависитъ?» Я спросилъ его: — «Неужели по вашему мнѣнію не нужно вспоминать никакихъ событій, которыя исповѣдуетъ православная религія, какъ, напримѣръ, входъ въ Іерусалимъ, праздникъ св. Пасхи?» По ихъ убѣжденію это все излишне. Если бы синодъ опредѣлилъ имъ за каждую вѣтку по нѣскольку копеекъ, то навѣрно въ церкви весь иконостасъ былъ бы украшенъ вѣтвями. А въ прошломъ году не было ни одной вѣтки предъ иконами Спасителя и Божіей Матери. Я удивляюсь, на что они и траву стелютъ? Это тоже лишній трудъ для нихъ! *Что тамъ и удивляться, что въ настоящее время народъ потерялъ истинный путь и ходитъ во тьмѣ, не встрѣтитъ себѣ показателя, ищетъ своей воли, которая влечетъ его въ неволю! Что же мы въ настоящее время за христіане, если, имѣя православнаго христіанина государя, боимся правду сказать и укорить безбожно живущихъ?* Въ прежнее время были защитники вѣры и укоряли царей въ невѣріи, и умирали за вѣру, а у насъ царя погубили!.. Если мы будемъ подражать заблудшимъ, то и сами заблудимся и погибнемъ въ безконечные вѣка. Я прошу исправить въ чемъ мое недоразумѣніе, предложить цензурѣ и написать книжки въ познаніе вѣры Христовой, откликнуться заблудшимъ и вывести изъ пропасти, и показать путь истинный! *Неужели у насъ нѣтъ тѣхъ людей, которые знаютъ путь истинный?* Здѣшній народъ не соблюдаетъ постовъ, не говоря о рыбной пищѣ, а ѣдятъ сплошь... Мнѣ случай былъ защищать вѣру, и жидъ тутъ былъ. Я спросилъ жида: «Почему вы во время своей пасхи не имѣете хлѣба въ домѣ, а питаетесь опрѣснокамн?» И еще были даны вопросы. Жидъ въ то время склонился на мою сторону и давай укорять священниковъ, что они не защищаютъ своей вѣры...»

Этотъ отрывокъ составляетъ какъ бы предисловіе къ подробному описанію и разъясненію такого грознаго дня, какъ первое марта прошлаго года. Но и изъ этого, такъ сказать, бѣглаго изложенія мыслей, волнующихъ автора, читатель можетъ видѣть, что ненавидимый авторомъ «жидъ» не отдѣленъ имъ отъ общаго направленія жизни общественной, что онъ «не одинъ» волнуетъ его возмущенную душу. Въ дальнѣйшихъ отрывкахъ читатель увидитъ болѣе подробную разработку этой основной мысли автора. «Въ настоящемъ 1881 г. астрономы, по своимъ календарямъ церковнаго счисленія, предвѣщали намъ, что будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ какое-то событіе гнѣва Божія для всего православнаго народа. Каждый православный христіанинъ, чувствуя за собою грѣхи передъ Богомъ и считая себя достойнымъ наказанія Божія, вѣрилъ этому пророчеству и со страхомъ ожидалъ марта мѣсяца первое число. Первое число было воскресенье; день былъ тихій и теплый, солнечный, и каждый благодарилъ Бога, радостно встрѣтивъ первый день весны. Но все-таки сердце вѣщало, что сегодня радость, а завтра плачъ! 2-го марта въ три часа ночи получена страшная телеграмма... Эта вѣсть, подобно урагану съ громомъ и молніей, понеслась, поражая передъ собой все! Каждый изъ числа вѣрующихъ въ Бога пораженъ былъ въ сердце стрѣлою молніи и убитъ громомъ, падалъ на землю какъ отъ сильнаго вѣтра, проливалъ слезы подобно дождю и вопіялъ рыдающе, какъ дѣти, лишившіяся своего отца, *избавителя отъ безбожно-живущихъ и пьющихъ кровь христіанскую*, защитника въ обидахъ, утѣшителя плачущихъ, одного изъ всѣхъ вѣковъ прешедшихъ, Богомъ намъ даннаго на избавленіе всѣхъ народовъ и утѣшеніе плачущихъ. Да кто можетъ быть безъ чувствъ, чтобы не пролить слезъ въ сокрушеніи сердца и забыть великаго избавителя нашего? *Не видно ли намъ всьмъ, что онъ умеръ за избавленіе насъ? Онъ ни о чемъ больше не имьлъ попеченія, какъ о благь народа, избавилъ отъ кнута и палки, уровнялъ права каждаго простолюдина, открылъ учебныя заведенія для образованія народа. До чего же довелъ себя образованный народъ!* Объ этомъ мы скажемъ послѣ».

Послѣ этого искреннѣйшаго изліянія скорби, авторъ возвращается къ описанію памятнаго дня и говоритъ:

«По распоряженію властей города, приказано было всѣмъ вообще православнымъ и евреямъ оставить дѣла и затво-

рить лавки. Но не всѣ это сдѣлали. Это еврей. Онъ никогда не затворяетъ ни въ какіе праздники, а только была затворена его лавка, когда его раввинъ померъ, да въ свой шабашъ. Какъ прискорбно было смотрѣть русскому и православному человѣку на несочувствіе этого Каіафы, по всему можно думать, что онъ панскій панъ. *Тутъ только и остается въ такихъ случаяхъ противъ изувѣровъ дать права простолюдину поступать съ ними своимъ распоряженіемъ: если будетъ отворена лавка, то забрать товаръ, кто что захочетъ, и этимъ только и можно установить православныя права. А власти города не обращаютъ ни на что вниманія, да и судъ весь у нихъ въ карманѣ;* я постараюсь описать укоризну закона здѣшнихъ судей *), а теперь опишемъ о скорбномъ событіи...»

Слѣдуетъ описаніе панихиды въ соборѣ, на которой собрались «всѣ вѣрующіе въ Бога», «проливая слезы передъ Царемъ царей и прося его причислить усопшаго государя къ лику мучениковъ, которые, не дорожа ни цари царствомъ, ни князи княжествомъ, ни богатые богатствомъ, безъ страха временной жизни проповѣдывали вѣру Христову и укоряли въ заблужденіи безъ сознанія Бога живущихъ».

«Да кого же они укоряли? Царей, князей и властителей закона. Въ то время цари были идолопоклонники и приказывали властямъ принуждать христіанъ къ идолопоклоненію. Въ то время христіане, боясь казни, скрывались въ горахъ и вертепахъ, терпѣли голодъ и холодъ, а слабый народъ, боясь смерти, повиновался властямъ и отказывался отъ вѣры Христовой. Ревнители же вѣры Христовой и убогіе охотно шли сами на мученіе, оставляя всю прелесть временной жизни, выходили на торжища и ристалища, безъ страха смертной казни, укоряя въ заблужденіи царей и князей. Да не только мужской полъ, а даже жены и дѣвицы, и какія же они терпѣли муки! Огнемъ палимы, звѣрямъ бросаемы и въ морскія бездны... Какъ же мы должны сравнить своего милостиваго, благочестиваго христіанина государя, который умеръ мученическою смертью! Да за что? За образованіе народа и избавленіе его отъ кнута и палки, и данныя простолюду права! Мученики умирали отъ руки воиновъ, по повелѣнію нечестивыхъ царей, а у насъ по-

---

*) Кстати, въ іюнѣ мѣсяцѣ появилось въ газетахъ извѣстіе, что мировые судьи того города, откуда это письмо, вышли въ отставку.

губили царя, да какого? Православнаго христіанина, любимаго всѣми державами, *а больше всего простолюдомъ!* Да кто же виновенъ? Его подданный! Какъ прискорбно для русскаго православнаго человѣка и народа! Чѣмъ мы можемъ оправдать себя отъ позорнаго пятна? Мы не въ правѣ сказать, что это не русскій... Да, нужно обратить намъ вниманіе на то, кто же былъ повелителемъ этого безбожнаго народа? Каждый скажетъ, что они сами не въ состояніи такого, да еще неоднократнаго покушенія сдѣлать... Обратимъ вниманіе на себя: какъ же мы называемся православными христіанами, что каждый изъ насъ только старается заслужить себѣ почесть, забывая, отъ кого даны ему почеты и счастье? Не долженъ ли каждый чувствовать, что счастіемъ надѣляетъ каждаго человѣка царь небесный, а, по счастью, (человѣкъ) получаетъ всѣ награды отъ царя земного... Не всѣ ли мы должны благодарить царя небеснаго и дорожить жизнью царя земного? Князья и вельможи за данныя имъ почести и награды, а простолюды за избавленіе отъ плача и сѣтованія? *Для чего же намъ бояться кого бы то ни было, зломъ метящаго?..* Мы должны думать и сознавать виновными передъ Богомъ себя!.. Плачемъ и кричимъ: увы мнѣ, многомилостивый Господи!.. Да какъ же мы не должны чувствовать себя виновными? Не видно ли намъ было день ото дня умноженіе злодѣевъ?.. Теперь изъ насъ каждые схватились, какъ закатилось солнце и Россія во тьмѣ... Каждая держава будетъ смотрѣть на русскаго человѣка, какъ на хищнаго звѣря. Ты, многомилостивый Господи, вѣси нашу скорбь *и прости намъ согрѣшенія наша!* Побори борющихъ насъ и радующихся нашимъ рыданіямъ. Мы спросимъ другъ друга: «Кто же между нами виновный?» Нѣкоторые изъ насъ скажутъ: «Такіе-то!» (имена и фамиліи). Нѣтъ! Это наймыты, они исполняли свою обязанность какъ работники, по приказанію хозяина. Кто же ихъ хозяева, которые платили имъ жалованье и давали содержаніе? *Это намъ неизвѣстно!* А только мы можемъ имѣть подозрѣніе, подобно тому, какъ подозрѣваемъ недобросовѣстно живущаго между нами человѣка и, въ случаѣ какой-либо кражи, первымъ долгомъ идемъ съ обыскомъ къ нему. Такъ и тутъ между нами есть зломъ дышащіе за права и освобожденіе народа отъ мученій... Вотъ они-то и доставляютъ средства для содержанія и бросаютъ отраву между заблудшимъ народомъ, прельщая его интересомъ...» «Вспомнимъ прежнія событія нашего госу-

дарства прошедшаго времени. Нѣтъ! Не было такого государя милостиваго, чтобы могъ обратить вниманіе на тирановъ простолюда, который несъ то въ нѣсколько кратъ хуже, чѣмъ въ плѣну мусульманъ. У нѣкоторыхъ безбожно живущихъ, крѣпостной каждый день былъ облитъ кровью за свои труды, да не только одинъ мужской полъ, а вмѣстѣ съ нимъ жены и дѣти. Да этотъ безбожный народъ изнущался (издѣвался) надъ невинностью малолѣтнихъ дѣвицъ. Какъ не сказать этой правды? Да можно ли послѣ этого думать, чтобы онъ не былъ мстителенъ за лишеніе? Дѣйствительно, самъ онъ не пойдетъ на злодѣйство, у него есть средство панять... а чего не хватитъ, то жидъ дастъ помонщи... Они (жиды) тоже мстятъ, что съ нихъ дорого берутъ (а берутъ-таки!) за то, чтобы не идти въ военную службу: богачи служить нездоровы, а мошенничать — богатыри! Теперь жидовскія права состоятъ въ томъ, чтобы грабить мужика, и я вполнѣ увѣренъ, что и судья скажетъ мужику: «Законъ такъ велитъ!» Я и самъ испыталъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ судей. У меня жидъ N. порвалъ условіе, сдѣланное съ нимъ за работы синагоги, и пропали 175 рублей...» «Они неправымъ судомъ думаютъ обидѣть мужика и возбудить его противъ правительства. Но мужикъ скажетъ: «Законъ правъ, а у судей нѣтъ убѣжденія и совѣсти судить, какъ имъ сказано!» Неправымъ судомъ судья не обидитъ мужика; *мужикъ вполнѣ увѣренъ, что за палку и нагайку работать не пойдетъ, а потребуетъ рубля и покойно спитъ; бока и спина у него не болятъ, онъ первымъ долгомъ встаетъ и кладетъ крестное знаменіе за своего избавителя и отца*, и воспоминаетъ, какъ онъ прежде все терпѣливо переносилъ, боясь выйти изъ повиновенія своего государя, повиновался властямъ и не дѣлалъ никакого покушенія не только противъ своего пана, но даже (не покушался) на самаго того гицеля или кровопійца какого-либо, нанятаго живодера, драть съ живыхъ кожу. И никто тогда не обратилъ вниманія на плачущихъ и не слушалъ гласа вопіющихъ въ обидахъ, никто не рѣшался избавить отъ кровопійцевъ и утѣшить плачущихъ. Только одинъ изъ прежде бывшихъ царей, царь-избавитель и утѣшитель плачущихъ, какъ православный христіанинъ и ревнитель вѣры Христовой, подобно мученикамъ, укорявшимъ царей, гонителей православной вѣры, видя живущихъ хуже всякихъ идолопоклонниковъ, издѣвающихся надъ подобнымъ себѣ человѣкомъ, хуже какъ надъ животнымъ и не боясь

ихъ мнѣнія, *избавилъ человѣка и уровнялъ его права противъ своего мучителя.* Ему была вѣсть, что за избавленіе нѣсколькихъ милліоновъ народа ему нужно умереть мученической смертью, но Господь хранилъ его какъ возлюбленнаго Своего помазанника для большей славы народа и укоризны ищущихъ его жизни... Плачемъ и будемъ плакать и кричать: кто его предалъ? Умремъ всѣ за православную вѣру и православнаго царя! *А если будемъ молчать и бояться сотрудниковъ антихриста, то они могутъ вовсе насъ осиротить, потому что оные крамольники во всѣхъ концахъ Россіи. Мы видимъ зломъ пышущихъ и нѣкоторыхъ судей, укоряющихъ законъ, не правосудящихъ и въ интересахъ жидовскихъ живущихъ, и во всѣхъ неправыхъ дѣлахъ ихъ защищающихъ.* Жиды не пашутъ, не орутъ, не идутъ въ царскую службу, спятъ мягко, себя не безпокоятъ; замка ломать къ амбару жидъ не пойдетъ, а найдутъ такого мужика, который самъ украдетъ да жиду принесетъ и у него же все пропьетъ... Жидовскій трудъ мягкій: обвѣситъ и не заплатитъ. Онъ знаетъ съ кѣмъ подѣлиться и вполнѣ увѣренъ, что онъ во всѣхъ недобросовѣстныхъ дѣлахъ будетъ правъ. *Коварство нѣкоторыхъ лицъ и жидовъ описать трудно... Намъ только видны люди, дѣлающіе преступленія, а подстрекатели во тьмѣ сокрыты исполнителями закона...»*

«Какъ мы теперь должны носить и терпѣть укоризну отъ всѣхъ народовъ, то (спросимъ) кто же этой укоризнѣ причиною? *Архіереи, священники и власти города... Гдѣ тутъ наставники православной вѣры? Нѣтъ ихъ!" Остались одни наемники, имъ нужны деньги, а за деньги могутъ причастить животное, не только образъ человѣка.* Они не считаютъ за собой въ этомъ никакой отвѣтственности... Почему имъ архіереи не внушаютъ, что сказано Спасителемъ Своимъ апостоламъ? Они имѣютъ право сказать: «Ты недостоинъ принять Св. Тайны!» Кто даетъ поводъ крамольникамъ, тотъ самъ крамольникъ, кто допускаетъ безчувственнаго и безрелигіознаго до такой святыни, тотъ самъ безчувственный и безрелигіозный, подобно Іудѣ, который сребролюбіемъ недуговавъ омрачашеся и беззаконнымъ судіямъ Спасителя предаде!» «Я вполнѣ увѣренъ, что каждый простолюдинъ, чтущій Бога, понимаетъ, что Господь, любя насъ, послалъ намъ помазанника, который хранитъ нашу жизнь... Мы теперь освобождены, избавлены болѣе, чѣмъ предки наши были избавлены изъ-подъ ига татаръ, отъ

нѣкоторыхъ безбожно живущихъ людей... Теперь мы видимъ: гдѣ было свито ихнее гнѣздо, когда мужикъ служилъ за палку и нагайку—тамъ теперь жиды плодятъ дѣтей... Какая жалость!.. И нѣкоторые изъ мужиковъ забыли, что они вмѣсто палки и нагайки получаютъ теперь рубли. Онъ забылъ какъ прежде за свою работу былъ облитъ кровью своей и въ трудахъ своихъ не зналъ ни праздниковъ ни воскресныхъ дней... Онъ и теперь не знаетъ. Съ рублемъ его и жидъ за гостя принимаетъ. Мужикъ теперь и ночи мало спитъ, а все въ шинкѣ сидитъ... Жидъ его пьянымъ поитъ, деньги беретъ да и должникомъ считаетъ и на легкій трудъ посылаетъ: чужое взять, да жиду отдать. *Не видно ли намъ, что живущіе при волѣ попадаютъ въ неволю?.. Въ томъ наша бѣда, что мы живемъ безъ пастыря, какъ овцы заблудшія!*. *Намъ некому показать путь! Никто не напомнитъ о прежнемъ и не скажетъ заблудшему народу, куда онъ идетъ?..* Но ошибаются въ своихъ расчетахъ тѣ, кто кривымъ и лукавымъ путемъ стараются соблазнить народъ... Намъ виденъ ихъ обманъ - они ищутъ вмѣсто воли неволи; это мщеніе за освобожденіе народа!»

Вотъ самые существенные отрывки изъ письма крестьянина о современныхъ событіяхъ. Какъ видите, онъ не только огорченъ до глубины души этими событіями, онъ просто измученъ ими, доведенъ до глубокаго душевнаго разстройства; но первое, что̀ должно броситься въ глаза читателю во всѣхъ скорбяхъ и размышленіяхъ этого человѣка — это полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было самомалѣйшихъ крамольническихъ вліяній, а между тѣмъ именно такой-то религіозный человѣкъ, ненавидящій крамольниковъ, и рекомендуетъ «поступать съ евреями своимъ распоряженіемъ», т.-е. растаскивать изъ лавокъ товары «кто что̀ пожелаетъ»—дѣло, неоднократно приписывавшееся подстрекательству крамольниковъ. Постараемся же разобраться въ путаницѣ только-что приведенныхъ нами разсужденій и приведемъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ. Для большей ясности изложимъ наши соображенія по поводу этого письма въ отдѣльныхъ пунктахъ.

1) Съ первой строки до послѣдней все письмо проникнуто самымъ глубокимъ благоговѣніемъ и самой пламенной любовью къ покойному императору. Любовь эта не слѣпая, не робкая, а вполнѣ сознательная, вполнѣ опредѣленная и непоколебимая, именно вслѣдствіе своей опредѣленности:

это царь, который одинъ «изъ всѣхъ прежде бывшихъ царей» «не побоялся» вступиться за простолюдина противъ безбожно живущихъ, который освободилъ народъ отъ кнута и палки, освободилъ отъ труда, въ которомъ народъ былъ «кровію своею облитъ», отъ труда, который былъ хуже «плѣна татарскаго»; царь, который далъ измученному простолюдину «покойно спать», не бояться нагайки, уровнялъ права простолюдина съ мучителемъ. Царь, защитникъ плачущихъ, христіанинъ, болѣе всѣхъ «любимый простолюдомъ», заботился объ «образованіи» народа, царь, подобнаго которому не было никогда во всѣ прошлыя времена народной исторіи.

2) Права, дарованныя народу царемъ, до того важны для него, до того онъ ревниво охраняетъ ихъ, что малѣйшій намекъ на возвращеніе къ старинѣ, къ кабалѣ, даже одно только воспоминаніе объ этой старинѣ волнуетъ автора письма необыкновенно. Старина, крѣпостное право, всегда упоминаются въ его письмѣ рядомъ съ самыми безжалостными издѣвательствами надъ человѣческою личностью. «Изнущеніе изъ народа». «Изнущались надъ женщинами и малолѣтними дѣвицами». «Драли кожу». «Драли съ живого кожу». «Палки, нагайки, кнутъ». «Облиты кровію». Вотъ что рисуется ему въ прошломъ, и онъ радостно восклицаетъ: «Спина и бока теперь не болятъ... И на работу не идетъ, а требуетъ рубля»...

3) Но, радуясь счастію не быть терзаемымъ кнутомъ и палкой, онъ въ то же время глубоко скорбитъ о современномъ положеніи народа. Онъ скорбитъ о томъ, что «вмѣсто воли, народъ попалъ въ неволю». «Отъ пана освободился, къ жиду прилѣпился»; скорбитъ, что «рубль», которымъ его манятъ эксплоататоры, дѣлаетъ его рабомъ всякаго униженія... Его «грабятъ», «опаиваютъ», «онъ съ разбитой рожей валяется», «его посылаютъ воровать, и онъ воруетъ». Онъ до того одурѣлъ, что забылъ значеніе того рубля, который ему даютъ теперь за трудъ, тогда какъ прежде «надо было получать только палки и нагайки». Онъ скорбитъ, что «этому, брошенному на произволъ судьбы народу, некому указать истинный путь». «Неужели у васъ нѣтъ людей, которые знаютъ истинный путь?» — съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ. Онъ умоляетъ о томъ, чтобы «вывели народъ изъ пропасти»... Народъ, по его представленію, глубоко палъ нравственно; брошенный, безъ указателей истиннаго пути, онъ самъ лѣзетъ въ новое рабство, не

цѣнитъ дарованной ему свободы, забылъ о ней, прилѣпился къ «рублямъ».

4) Этотъ упадокъ народнаго духа, народной нравственности и духовной силы,—словомъ, эту волю, превратившуюся въ неволю, авторъ объясняетъ какъ бы умышленнымъ желаніемъ цѣлой вереницы людей, «зломъ пышущихъ» противъ освобожденнаго народа и мстящихъ ему всѣми возможными способами за освобожденіе отъ палки-нагайки. Вотъ этихъ-то мстителей, этихъ враговъ народныхъ правъ, авторъ-крестьянинъ и считаетъ настоящими крамольниками. Они идутъ прямо противъ воли христіанина и освободителя-государя, добиваясь народнаго униженія, безнравственности и рабства хуже прежняго. Онъ замѣчаетъ и убѣжденъ въ справедливости этого замѣчанія собственнымъ опытомъ, что врагъ народныхъ правъ, народнаго развитія, народнаго благосостоянія и нравственности всегда найдетъ поддержку въ тѣхъ, кто долженъ бы былъ, исполняя волю освободителя, охранять эти права, поддерживать это развитіе. Говоря вообще, по мнѣнію автора, *никто* не обращаетъ вниманія на положеніе народа, никто не хочетъ вывести его изъ пропасти, никто не указываетъ истинный путь. Но, помимо этого невниманія «вообще», у автора указано множество частныхъ случаевъ возмутительнѣйшаго и умственнаго нерадѣнія о народѣ. *Духовенство* ничего народу не внушаетъ, а только норовитъ получить гривенникъ. Оно поступаетъ такъ, какъ скажетъ жидъ, т.-е. прямой врагъ христіанства. *Судьи* всегда рѣшаютъ дѣла во вредъ мужику и въ пользу враговъ мужика, чтобы обезсилить его нравственно и сдѣлать безпомощнымъ въ рукахъ эксплоататоровъ. «Жидъ знаетъ съ кѣмъ подѣлиться». «Онъ всегда будетъ правъ»... Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: «крамольники по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ»... Мужикъ такимъ образомъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, зломъ дышащими, и доведенъ ими до настоящаго своего нравственнаго паденія. Жиды рублемъ отрываютъ его отъ религіи, влекутъ къ пьянству, къ воровству и т. д. Духовенство небрежетъ о его нравственности, «дѣлаютъ такъ, какъ говоритъ жидъ». Власти предали религію поруганію, архіереи ничего не внушаютъ своимъ подчиненнымъ, судьи рѣшаютъ въ пользу неправыхъ, «укоряютъ законъ», панъ—негодуетъ на освобожденіе и мститъ... «Можно ли думать, чтобы они не мстили за освобожденіе?» Въ результатѣ —«пропасть», въ которую народъ ввергнутъ

и изъ которой нѣтъ выхода, нѣтъ показателя истиннаго пути...

5) Всѣ эти явные враги народной свободы, развитія, благосостоянія, суть въ то же время, разумѣется, тайные враги въ Бозѣ почившаго государя, который «одинъ изъ всѣхъ царей рѣшился, не боясь мщенія», освободить народъ, разорвать узы крѣпостного права, избавить отъ кнута и палки. Очевидно, что, если у освобожденнаго народа и у государя-освободителя нѣтъ никакой поддержки, если и народъ и государь окружены «зломъ пышущими» людьми, если у нихъ такое множество враговъ, «тайно строящихъ козней»; если всѣ эти враги только и стремятся къ тому, чтобы закабалить народъ и погубить государя, то разумѣется, что защитникомъ какъ освобожденнаго народа, такъ и освободителя-царя долженъ стать самъ православный народъ... «Что̀ же мы за православные христіане, если боимся сказать правду, имѣя христіанина-государя!» «Умремъ всѣ за православную вѣру и православнаго царя!» «Прибѣгнемъ къ нему и будемъ просить, чтобы онъ окружилъ себя не льстецами или лицемѣрами, а православнымъ русскимъ народомъ».

6) Тутъ же, въ этой плотной цѣпи враговъ, сомкнувшейся вокругъ народа, видна фигура еврея, или «жида», какъ безпрестанно называетъ его авторъ письма. Не трудно видѣть, что жидъ ненавистенъ ему не потому, что онъ иноплеменникъ а именно потому, что онъ торчится тутъ, въ этой неразрывной цѣпи ненавистниковъ и зломъ пышущихъ на освобожденный народъ. Авторъ, какъ видѣлъ читатель, не задумался сослаться на авторитетъ еврея и подкрѣпить его согласіемъ на свои мнѣнія о современныхъ порядкахъ, когда еврей, съ которымъ онъ о нихъ разговаривалъ, «склонился на его сторону и осудилъ духовенство, не защищающее своей религіи»... Выраженіе: «даже жидъ склонился на мою сторону» —употреблено авторомъ какъ усиленное доказательство справедливости того, что̀ онъ доказывалъ. Но какъ участникъ въ сонмищѣ «зломъ пышущихъ», еврей ему ненавистенъ. Онъ замѣстилъ собою въ настоящее время тѣхъ, кто дралъ кожу съ мужика, и плодитъ ребятъ въ тѣхъ самыхъ крѣпостническихъ гнѣздахъ, которыя ненавистны автору. Панъ, поддерживая жида противъ мужика, мститъ этому мужику за новыя крестьянскія права. Въ судѣ жидъ всегда правъ; онъ самъ не украдетъ, а пошлетъ мужика; онъ сманиваетъ мужика рублемъ на работу, отучаетъ отъ

церкви, увлекаетъ изъ церкви въ кабакъ, издѣвается надъ пьянымъ, бьетъ его въ рожу и вообще не уважаетъ никакихъ «православныхъ правъ». И въ то же время *всѣ за него:* и судьи, и духовенство торопится исповѣдывать цѣлыми стадами, чтобы народъ успѣлъ поспѣть на рублевую приманку или въ кабакъ... Присматриваясь внимательнѣе къ ненависти автора относительно евреевъ, мы ничѣмъ не можемъ отличить этой ненависти по существу отъ такой же ненависти по отношенію и къ другимъ врагамъ народа. Всѣ они, а вмѣстѣ съ ними и евреи, дѣлаютъ одно и то же гибельное для народа дѣло: вредятъ его свободѣ, развитію, нравственности... Еврей тѣмъ только и отличается отъ остальныхъ враговъ народа, что онъ еврей, то-есть принципіальный врагъ христіанъ; это отличіе развязываетъ руки, даетъ право поступать смѣлѣе съ евреями, какъ съ врагами Христа, христіанскаго народа, но сущность негодованія, во имя котораго развязываются руки, остается неизмѣнною, совершенно тожественною съ тою, которою проникается авторъ письма, говоря и о православныхъ и о христіанахъ, разъ только они зачислены имъ въ разрядъ «зломъ пышущихъ». Разсматривать ненависть къ еврею отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ подробностей нарисованной авторомъ картины мы не находимъ возможнымъ.

Итакъ, что же выходитъ въ концѣ концовъ? Намъ кажется, что, припоминая все приведенное выше, мы не ошибемся, если скажемъ, что евреи побиты не по наущенію крамолы, а, напротивъ, именно какъ участники въ самой крамолѣ, какъ пособники враговъ освободителя-царя, какъ сотоварищи враговъ народа, стремящихся повергнуть народъ изъ воли въ неволю, какъ соучастники вмѣстѣ съ врагами народа въ развращеніи его нравственности: они *помогаютъ* врагамъ народа, а враги народа *помогаютъ* имъ. За нихъ можно взяться потому уже, что они враги Христа, враги православія.

О. Полисадовъ въ своей проповѣди сказалъ: «только *при упадкѣ* вѣры могло произойти избіеніе евреевъ». На основаніи же крестьянскаго письма оказывается, что избіеніе есть *конецъ упадка вѣры* и нравственности и пробужденіе ихъ, а не упадокъ. *Упадокъ* привелъ къ забвенію храма Божія, къ забвенію своихъ правъ во имя рубля, къ пьянству, воровству и той позорной апатіи къ царящему злу, которая давала полную возможность «зломъ пышущимъ» всячески мстить за освобожденіе народа, строить

козни противъ освободителя, и которая въ концѣ концовъ допустила совершиться на глазахъ освобожденнаго, облегченнаго отъ крѣпостного ига, кнута и палки, христіанскаго народа—такому событію, какъ первое марта. Вотъ гдѣ предѣлъ паденія народной нравственности.

«Прежде язычники убивали христіанъ, а теперь христіане допустили, гоняясь за жидовскимъ рублемъ и кабакомъ, погибнуть государю-христіанину, освободителю отъ кнута и палки, утѣшителю плачущихъ... Гдѣ же гуманность?» вопрошалъ въ своей проповѣди о. Полисадовъ. Оказывается, что побоище происходило не только во имя гуманныхъ и благородныхъ побужденій — постоять за правду, но прямо во имя самой высшей правды...

«Что же мы за христіане, если будемъ молчать и бояться?» Все это, какъ хотите, скорѣе похоже на пробужденіе, а не на упадокъ совѣсти. Фраза г. прокурора кіевскаго военнаго суда о томъ, что первое марта имѣло *деморализующее вліяніе, развивъ въ народѣ чуткость ко всякому насилію*, оказывается такимъ образомъ справедливою по отношенію ко второй своей половинѣ, т.-е. что горестное событіе пробудило народъ, погрязавшій въ глубокой и пьяной апатіи, къ неправдѣ. Что же касается сопоставленія «чуткости» съ «деморализаціей», то, намъ кажется, и здѣсь слова и факты расположены не такъ, какъ слѣдовало бы ихъ расположить согласно народному міросозерцанію. *Деморализація* была дѣйствительно, но она привела не къ «чуткости къ неправдѣ», а къ трагическому событію перваго марта. Огромная утрата, понесенная въ этотъ день народомъ, привела его не къ деморализаціи, а вывела изъ нея, вывела изъ пропасти, заставила сознать эту деморализацію, паденіе, безнравственность, безсовѣстность и безсердечность, безсердечность къ освободителю, котораго онъ былъ обязанъ хранить, какъ избавителя, и котораго не уберегъ отъ враговъ благодаря своей распущенности и деморализаціи. Очень, конечно, жаль, что были драки и буйства: но все-таки начало движенія не деморализація, а ея рѣшительный конецъ.

Въ этой замѣткѣ мы старались только *понять*, что думаетъ авторъ о современныхъ событіяхъ. Правильно онъ думаетъ или нѣтъ — это не составляетъ задачи настоящей замѣтки, иначе намъ пришлось бы говорить о многомъ не такъ, какъ говоритъ авторъ этого письма, хотя бы, напримѣръ, о вѣковой исключительности положенія евреевъ рѣ-

шительно на всемъ бѣломъ свѣтѣ, о силѣ фанатизма какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго. Слѣдовало бы говорить и о томъ, что болѣе всего отъ погромовъ терпитъ еврейская бѣдность и голь. Такъ, напримѣръ, въ Варшавѣ «разграбленію не подверглись ни одинъ богатый домъ, ни одна торговая контора; разбито только 3 молитвенные дома, при чемъ убытку понесено 600 р., и—пострадали 103 еврея-домовладѣльца на 91.631 р., остальныя потери пришлись на долю совсѣмъ необезпеченныхъ бѣдняковъ», при чемъ изъ 2.011 пострадавшихъ семействъ на долю бѣдняковъ приходится 948, то-есть 47%. Необходимо было бы сказать и о томъ, что въ такой несправедливой враждѣ бѣдняковъ противъ бѣдняковъ виноваты не евреи, а мы, христіане. Еврейскій ремесленникъ, положимъ, портной, всегда имѣетъ кредитъ единоплеменника, т.-е. можетъ взяться сшить сюртукъ, зная, что ему повѣрятъ сукно въ долгъ; нашъ портной только «случаемъ» можетъ добиться такого кредита. Словомъ, у евреевъ организованъ кредитъ для мелкой промышленности, а у христіанъ и помину еще нѣтъ о немъ. Кромѣ того, не вполнѣ мы согласны съ авторомъ и относительно нѣкоторыхъ упорно-кацапскихъ взглядовъ, весьма напоминающихъ современное литературное московское кацапство, которое, провозглашая себя славянофильствомъ, есть въ сущности приблудное дѣтище лавочной ласковости и кулачества, прикрытаго какъ бы юродивымъ бормотаньемъ насчетъ «престолъ-атечиства», но въ сущности ничего не желающаго для народа, кромѣ хорошаго бурмистра, который бы сумѣлъ приструнить народъ, «по-божьи», но «приструнить», а не устроить. При всемъ томъ, авторъ, котораго мы цитировали — много искреннѣе московскихъ кацаповъ, въ родѣ Ивана Аксакова, который чуть не въ пятьдесятъ лѣтъ своего бормотанья, хотя и громкаго (какъ въ пустую бочку), однако не сказалъ ни единаго *простого слова*, которое бы обязывало къ какому-нибудь *простому* и понятному дѣлу, — тогда какъ авторъ цитируемаго письма говоритъ много такихъ простыхъ, понятныхъ словъ и высказываетъ много простыхъ реальныхъ желаній, на основаніи которыхъ можно догадываться насчетъ того, что̀ надо дѣлать, чтобы народъ вышелъ «изъ пропасти», сталъ народомъ и человѣкомъ. Какія же это желанія? Чего хочетъ авторъ письма? Онъ хочетъ, чтобы освобожденный народъ не попалъ въ новую неволю, которую онъ не можетъ вспомнить безъ ожесточенія... Онъ хочетъ

этому народу образованія (ни одной азбуки для народа не издали эти разные Аксаковы и другіе охотнорядскіе кацапы, хоть 50 лѣтъ языкъ ихъ краснымъ звономъ разливался о народѣ!), познанія истиннаго пути, правды въ судахъ, нравственности въ церкви, благосостоянія и обезпеченности въ трудѣ... Того же всегда желало и все, что есть въ обществѣ совѣстливаго и искренняго. Разными путями какъ народъ, такъ и мы, не-народъ, пришли къ однимъ и тѣмъ же желаніямъ и встрѣтились съ однѣми и тѣми же преградами: «никто не обращаетъ вниманія», «никто не заботится», «нѣтъ показателя истиннаго пути» и т. д. И что же? неужели же такое сложное нравственное состояніе духа, овладѣвающее и народными массами, должно такъ же, какъ и встарь, получить разрѣшеніе и удовлетвореніе только... при полиціи? Право же, это недальновидно — и, право же, наконецъ ужасно!

Своимъ чередомъ.

(Обзоръ мѣстной печати).

Самопомощь въ духовномъ сословии.

1.

Почти одновременно съ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ газетами было сообщено о весьма вѣроятномъ переходѣ въ духовное вѣдомство народныхъ училищъ и о предполагаемомъ преобразованіи ихъ въ церковно-приходскія школы. Такое одновременное осложненіе и расширеніе общественной дѣятельности двухъ сословій—дворянскаго и духовнаго — естественно, не могло не сдѣлаться предметомъ вниманія всѣхъ простыхъ смертныхъ и слѣдовательно не могло не возбудить въ нихъ желанія, по мѣрѣ возможности, ознакомиться съ общимъ положеніемъ этихъ сословій, получающихъ въ недалекомъ будущемъ до нѣкоторой степени преимущественное значеніе въ общихъ порядкахъ жизни.

Къ великому сожалѣнію простыхъ смертныхъ, ознакомленіе съ общимъ положеніемъ нашего первенствующаго сословія при помощи газеты «Гражданинъ», какъ извѣстно, спеціально посвященной защитѣ и оборонѣ интересовъ этого сословія, не только не выяснило чего-нибудь болѣе важнаго, чѣмъ то, что мы уже знаемъ о значеніи его въ нашей исторіи, но совершенно затмило это значеніе непрестанными стенаніями исключительно только о его матеріальной безпомощности, тогда какъ реальная дѣйствительность каждый день и на каждомъ шагу доказывала самыми достовѣрными фактами полнѣйшую неправду этихъ воплей и причитаній. Совершенно иной результатъ, ни въ малѣйшей степени не омрачающій сознанія, получился совершенно

неожиданно для простого смертнаго, когда онъ попытался ознакомиться съ положеніемъ другого, также призываемаго къ общественной дѣятельности сословія, — сословія духовнаго. Несмотря на то, что матеріалы, собранные простымъ смертнымъ, въ цѣляхъ разъясненія интересующаго его вопроса, были по количеству до крайности незначительны, все-таки, съ первой же страницы перваго № «Епархіальныхъ Вѣдомостей», для простого смертнаго сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что навѣянныя скорбнымъ тономъ «Гражданина» недоумѣнія о предстоящихъ перспективахъ не имѣютъ никакого основанія по отношенію къ духовному сословію, и что положеніе его за послѣдніе годы значительно и во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось самымъ наилучшимъ образомъ. Во свидѣтельство же сказаннаго — нижеслѣдующіе факты.

2.

Остановимся прежде всего на коренныхъ измѣненіяхъ положенія духовнаго сословія въ матеріальномъ отношеніи. Въ № 7 (апрѣль) «Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1888 г. мы находимъ подробный и обстоятельный «Отчетъ о движеніи суммъ эмеритальной кассы духовенства самарской епархіи за 1886 г». Изъ этого отчета мы узнаемъ, прежде всего, прекрасно организованную систему сборовъ и взносовъ: во-первыхъ, *въ разрядный* (пенсіонный) капиталъ эмеритальной кассы; во-вторыхъ, *въ благотворительный* капиталъ той же кассы и, въ-третьихъ, *въ комитетъ женскаго епархіальнаго училища*.

Въ цѣляхъ этой организаціи каждый уѣздъ раздѣленъ на нѣсколько благочинническихъ округовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ такихъ округовъ 12 (Бузулукскій), а въ иныхъ 3 (Бугульминскій). Взносы въ пенсіонную (разрядную) кассу раздѣляются на пять разрядовъ, сообразно, повидимому, средствамъ вкладчиковъ и размѣрамъ желаемой ими пенсіи. Всѣхъ участвовавшихъ во взносахъ вкладчиковъ въ 1886 г. было 608, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ духовнаго званія: такъ, въ 3 округѣ Бузулукскаго уѣзда *вдова* свящ. Васильева внесла 15 руб.; въ 5 окр. Самарскаго уѣзда *жена* свящ. Ястребовская внесла 20 р. 70 к.; въ 1-мъ окр. Ставропольскаго уѣзда *жена* псаломщика Цвѣткова внесла 2 р. Эти разрядные взносы вносятся вкладчиками большею частью впередъ за годъ, по полугодіямъ, а иногда вносятся впередъ даже и за нѣ-

сколько лѣтъ, при чемъ суммы, вносимыя вкладчиками, далеко не одинаковаго размѣра,—отъ 1 рубля (большею частью псаломщики) до 350 р. (свящ. г. Николаевска, Воздвиженскій), 205 (свящ. Сардинскій, Бузулукскаго уѣзда). Но большею частью взносы священниковъ установились отъ 10 рублей, дьяконовъ отъ 5 и причетниковъ отъ рубля и выше.

Размѣръ *разряднаго* капитала эмеритальной кассы къ 1 января 1887 г. выражается въ слѣд. цифрахъ:

	Билетами.	Наличными.
Къ 1886 г. оставалось . . .	251.800	17 р. 49 к.
Въ 1886 » поступило . . .	35.590	34.151 » 84 »
» 1886 » израсходовано . .	15.450	34.118 » 28 »
Къ 1 января *состоитъ* . . .	271.900	51 » 5 1/2.

Т.-е. *разрядный* капиталъ *увеличился* въ теченіе одного года на 20.134 руб.

Размѣръ *благотворительнаго* капитала эмеритальной кассы изображенъ въ такомъ видѣ:

	Билетами.	Наличными.
Къ 1886 г. оставалось . . .	21.700	44 р. 86 к.
Въ 1886 » поступило . . .	2.140	2.835 » 96 »
» 1886 » израсходовано .	1.230	2.853 » 88 »
Къ 1887 » *состоитъ* . . .	22.610	26 » 94 »

Т.-е. *благотворительный* капиталъ увеличился безъ малаго на 1.000 р.

Общая сумма разряднаго и благотворительнаго капиталовъ въ бумагахъ и наличными—294.588 руб.

Источники, изъ которыхъ образовался приходъ разряднаго капитала къ 1 января 1887 г., были слѣдующіе: 1) *Пожертвованія отъ 679 церквей*—1.065 р. *), 2) *взносы* въ пенсіонную кассу по пяти разрядамъ—8.250 р., 3) *проценты* съ наличнаго капитала, хранящагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ—13.389 р., 4) списанныхъ съ текущаго счета—8.350 р., 5) возвращенныхъ съ почты за неявкой—96 р. (всѣ эти цифры показаны наличными), 6) *билетами* кредитныхъ учрежденій *поступило* (три 5% облигаціи 1 восточн. займа, три 5% обл. 2 вост. з., двѣ 5% обл. 3 вост. займа, 4 билета 5% желѣзнодорожной ренты, одинъ билетъ 5% 2 внутр. займа, четыре 5% закладныхъ листа дворянскаго банка) всего 26.100 р., 7) внесено на текущій счетъ 6.450 р.

---

*) Копейки отбрасываемъ.

Расходъ разряднаго капитала кассы образовался изъ слѣдующихъ выдачъ: 1) на выдачу взносовъ 7 вкладчикамъ, пожелавшимъ взять ихъ на свои нужды — 135 р., 2) на выдачу лицамъ, представившимъ излишнее—60 р., 3) на выдачу 13 вкладчикамъ, вышедшимъ за штатъ, и 99 *семействамъ* умершихъ вкладчиковъ выслуженныхъ ими пенсій—7.251 р.

Цифра 99 обозначаетъ исключительно *вдовъ и сиротъ*, при чемъ наименьшая пенсіонная выдача —5 р. и наибольшая—144. Колебанія въ размѣрахъ пенсіи сообразуются опять же съ продолжительностью и размѣрами взносовъ: *сиротѣ* Софьѣ Грушневецкой—6 р., *сиротамъ* Ѳедоровымъ—90 р., *вдовамъ* (?) Олерской Пелагіи—90 р., и т. д. *).

Затѣмъ въ пунктахъ 5, 6, 7, 9, 10 и 18 перечислены покупки на наличныя деньги всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя поименованы въ рубрикѣ: *поступило*. Собственно по части пособій, кромѣ пенсій вдовамъ и сиротамъ, только въ пунктѣ 8 значится: «выдано бѣднымъ ученикамъ семинаріи 300 р.», и затѣмъ идетъ перечисленіе расходовъ на жалованье членамъ комитета, на страхованіе процентныхъ бумагъ и пр.

Источники прихода *благотворительной* кассы были въ 1886 году слѣдующіе: 1) *Пожертвованія* отъ 17 священнослужителей, *удостоенныхъ награжденія* знаками отличія, установленными для духовенства—297 р., 2) взносъ на жалованье членамъ комитета—147 р., 3) проценты съ благотворительнаго капитала, хранящагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ (перечислены всякаго рода процентныя бумаги)—1.069 р., 4) списанныхъ съ текущаго счета—660 р., 5) взято

*) Въ № 21 «Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщенъ отчетъ о приходѣ и расходѣ за 1887 г. таврическаго духовнаго попечительства. Въ приходѣ, съ остаткомъ отъ 1886 г. и основнымъ капиталомъ, попечительство имѣло къ 1 января 1887 года всего только 23.769 р. Цифра ничтожная по сравненію съ цифрой самарской кассы, но тратило таврическое попечительство на пособія даже больше, чѣмъ самарское, именно: 1.818 р., и хотя число вкладчиковъ, получившихъ пособія, всего 21, но зато каждый изъ нихъ получилъ помощь дѣйствительно существенную: заштатный протоіерей Демьяновъ получилъ 390 р., два священника по 300 р. и затѣмъ *семь* вдовъ протоіереевъ и священниковъ и одинъ сынъ священника получили также по 300 руб., одна вдова получила 286 р., одинъ священникъ и одна вдова—по 200 р., одинъ дьячокъ, двѣ вдовы дьяконовъ и одна вдова причетника каждый получили по 150 руб.; затѣмъ по 100 р. получили одинъ дьяконъ и 1 *лишенный дьяконскаго сана* Михаилъ Кореневъ, и наконецъ вдова псаломщика получила 97 р. 97 к., т.-е. безъ малаго опять-таки 100 р.

изъ *ссудо-сберегательной кассы* *) 670 р., 6) за 44 расчетныя книжки—2 р. 71 к., 7) за 441 экземпляръ устава кассы—88 р., 8) за двѣ приходо-расходныя книги благочин. совѣта—1 руб., 9) билетами кредитныхъ учрежденій поступило 2.140 р

Изъ суммъ прихода *израсходовано:* на жалованье членамъ комитета—375 р., письмоводителю—120 р., внесено на текущій счетъ—310 р., пріобрѣтено процентныхъ бумагъ—1.138 р., внесено въ сберегательную кассу—730 р., уплачено за напечатаніе бланковыхъ листовъ благочиннических совѣтовъ—22 р., уплачено за «Вѣстникъ Тиражей»—6 р. 25 к., за напечатаніе устава кассы—48 р., за гербовую марку—10 к., списано въ текущій счетъ—560 р., выдано изъ ссудо-сберегательной кассы—630 р., уплачено за содержаніе воспитанницы епархіальнаго училища А. Ильиной—65 р. 88 к.

Помимо взносовъ въ пенсіонный капиталъ и въ капиталъ кассы благотворительной, самарское духовенство оказываетъ еще широкую поддержку женскому епархіальному училищу. Въ теченіе одного только февраля мѣсяца 1888 г. отъ благочинныхъ поступило 2.199 р., и если принять во вниманіе, что такая сумма поступила только изъ 9 благочиній, тогда какъ мы знаемъ, что въ самарской епархіи есть уѣзды, имѣющіе по 12 благочиній, то цифру приношеній на содержаніе женскаго епархіальнаго училища можно смѣло опредѣлить въ 20—25.000 р. въ годъ. Организація сборовъ на нужды женскаго епархіальнаго училища разработана также весьма практично. *Изъ церковныхъ суммъ* всѣхъ церквей самарской епархіи на содержаніе училища отчисляется 21%, да къ этому прибавляется обязательный взносъ отъ членовъ каждаго причта. Разница въ размѣрахъ суммы этихъ двухъ взносовъ весьма значительна: такъ, 21% съ церковныхъ суммъ города Самары, въ теченіе опять же одного только февраля мѣсяца, выразился въ суммѣ 549 руб.; обязательный же взносъ причтовъ далъ женскому епархіальному училищу всего лишь 70 р. 50 к. Самый меньшій взносъ 21% съ церковныхъ суммъ 135 р. (съ благочинія), самый большій 276, а затѣмъ слѣдуетъ: 239—174—173—168 р.

Вглядываясь въ цѣли, руководящія самарскимъ духовенствомъ при учрежденіи пенсіонныхъ, благотворительныхъ

*) Существуетъ, повидимому, еще и *ссудо*-сберегательная касса, о которой однако свѣдѣній не имѣется.

кассъ и при правильной организаціи содѣйствія образованію женскаго молодого поколѣнія, мы видимъ въ нихъ два самыхъ опредѣленныхъ желанія: обезпечить старость церковнослужителей, ихъ вдовъ и сиротъ и наилучшимъ образомъ воспитать молодое женское поколѣніе. Въ расходахъ *благотворительной* кассы, не имѣющихъ ничего общаго съ расходами дѣйствительно благотворительными (большею частью расходы канцелярскіе и покупка % бумагъ), мы видимъ только одинъ взносъ, соотвѣтствующій цѣлямъ кассы, именно взносъ 65 р. 58 к. за ученіе воспитанницы А. Ильиной въ епархіальномъ училищѣ, а это несомнѣнно доказываетъ, что содержаніе и ученіе дочерей здравствующихъ нынѣ церковнослужителей не нуждается въ какой бы то ни было благотворительности,—такъ хорошо обставлено женское училище во всѣхъ отношеніяхъ, и если пришлось уплатить 65 р. за воспитанницу А. Ильину, то, вѣроятно, потому, что она не имѣетъ родителей, и слѣдовательно за нее никто не вноситъ ни церковныхъ ни обязательныхъ взносовъ.

Таковы цѣли, руководящія дѣятелями самарскаго духовенства въ видахъ матеріальнаго обезпеченія существеннѣйшихъ нуждъ духовнаго сословія. Что же касается средствъ и источниковъ, изъ которыхъ эти существенныя нужды удовлетворяются, то несомнѣнно, что первенствующее значеніе въ образованіи почти 300-тысячнаго капитала принадлежитъ *церковнымъ пожертвованіямъ* и 21%, отчисляемому изъ церковныхъ суммъ. Принявъ во вниманіе, что изъ 2.199 р., внесенныхъ въ теченіе февраля въ комитетъ епархіальнаго училища, на долю церковныхъ суммъ причитается 1.811 р., и смѣло увеличивъ годовой размѣръ и этого рода взноса до 20.000 р. въ годъ, да прибавивъ къ этому 4.065 р. церковныхъ пожертвованій, мы получимъ сумму въ 25 т. р. ежегодно, поступающую въ епархіальные фонды, безвозвратную и безпроцентную, дающую возможность ежегодно увеличивать покупку % бумагъ и слѣдовательно ежегодно получать по нимъ все большее и большее количество процентовъ. За церковными суммами слѣдуютъ пенсіонные взносы вкладчиковъ эмеритальной кассы—8.250 р., возвращающіеся обратно вкладчикамъ впослѣдствіи съ процентами. А затѣмъ идутъ доходы мелкаго размѣра: 388 р. обязательнаго взноса на училище (въ томъ числѣ 70 р. отъ самарскихъ церквей), наградныхъ—297 р., взносовъ на жалованье—117 р. Щедрая помощь церквей такимъ обра-

зомъ даетъ незыблемое основаніе для прочности учрежденія самопомощи въ духовномъ сословіи.

Но и помимо ея въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» есть указанія еще и на такого рода доходы, объясненія цѣлей которыхъ мы, къ сожалѣнію, не могли себѣ выяснить. Такъ, въ № 9 «Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1888 г. мы читаемъ сообщеніе, извлеченное изъ «Отчета комитета самарскаго епархіальнаго свѣчного завода», такого рода: «Въ теченіе января и февраля сего 1888 г. поступили отъ священниковъ-смотрителей свѣчныхъ лавочекъ и другихъ лицъ слѣдующія суммы». И затѣмъ переименовано 29 лицъ, отъ которыхъ въ одной только Самарѣ получено 13.868 р. 34 к.

Но въ то время, когда писались эти строки (октябрь), «Кіевлянинъ» принесъ слѣдующее извѣстіе: «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что при Велико-Будыщенскомъ монастырѣ (въ Полтавѣ), съ разрѣшенія св. синода, устраивается обширный свѣчной заводъ, единственный въ губерніи: онъ будетъ принадлежать полтавскому епархіальному начальству, *а всѣ доходы будутъ употреблены на воспитаніе сиротъ духовнаго вѣдомства*».

Такимъ образомъ и этотъ свѣчной доходъ можно полагать назначаемымъ тоже на дѣла благотворительныя.

3.

Ознакомившись съ епархіальными учрежденіями, имѣющими цѣлью матеріальное обезпеченіе старости, вдовства и сиротства духовнаго сословія, ознакомимся теперь также и съ стремленіями духовенства къ самостоятельности и въ нравственномъ отношеніи. Женскія епархіальныя училища могутъ служить наилучшимъ доказательствомъ большого переворота, происходящаго въ настоящее время въ жизни и положеніи женщины духовнаго сословія, и притомъ въ направленіи совершенно противоположномъ тѣмъ желаніямъ,—погрузить женщину образованнаго общества во мракъ невѣжества,—которыя проповѣдуются все тою же газетой «Гражданинъ». Оказывается, что духовное сословіе стремится именно образованіемъ, широкимъ умственнымъ развитіемъ вывести женщину своего сословія изъ мрака къ свѣту и тѣмъ самымъ освободить ее отъ обязательнаго до настоящаго времени для нея замкнутаго существованія въ скудныхъ интересахъ небольшой группы представителей сельскаго «причта».

Образомъ самаго полнаго выраженія сущности желанія

руководящихъ духовенствомъ въ системѣ образованія молодого женскаго поколѣнія, можетъ служить замѣчательная рѣчь, произнесенная г. П. Смирновымъ на торжественномъ актѣ въ таврическомъ (Симферополь) епархіальномъ женскомъ училищѣ 15 іюня 1888 г. и посвященная изслѣдованію *положенія и значенія женщины въ христіанствѣ вообще и въ духовномъ званіи въ частности.* Въ началѣ рѣчи авторъ ея довольно поэтически изображаетъ моментъ разлуки воспитанницъ съ воспитателями и съ училищемъ, въ которомъ онѣ пробыли 6 лѣтъ. «Заведеніе, пріютившее ихъ съ самаго нѣжнаго дѣтства, воспитавшее ихъ до возраста крѣпости, любившее ихъ святою любовью, представляется мнѣ тихою пристанью, въ которой шесть лѣтъ эти путницы жизни, словно птенцы въ тихомъ гнѣздышкѣ, были укрыты отъ бурь и невзгодъ, почти не зная и не слыша, какъ за стѣнами этой пристани реветъ и бушуетъ море житейское... Въ сокровищницы душъ ихъ заботливо влагалось все, что̀ нужно и полезно для нихъ. Отовсюду съ любовью собиралось для нихъ все, что̀, по апостолу, есть истинно, что̀ честно, что̀ премудро, что̀ прелюбезно, что̀ доброхвально... И вотъ насталъ день отплытія. Еще нѣсколько времени—и пробьетъ послѣдній звукъ послѣдняго часа. И оттолкнутся отъ нашего берега и отплывутъ отъ насъ эти такъ сроднившіяся съ нами путницы наши, и начнется для всѣхъ нихъ цѣложизненная борьба съ волнующеюся стихіей жизни... Посмотрите, какъ плавно, горделиво понесутся иныя изъ нихъ по тихой лазури этого моря! Какъ ярко прорѣжетъ надъ ними сквозь житейскія тучи лучъ земного счастья! Какъ разсыплется и заиграетъ онъ вокругъ нихъ золотистыми блестками жизненныхъ удовольствій и радостей! Добрый путь, добрый путь вамъ, дорогія дѣти наши, наши любезныя путницы! Дай Богъ, чтобы эти искорки счастья земного не исчезли такъ же внезапно, какъ онѣ появляются вокругъ человѣка! А вонъ и другія, многія. Боже! какъ вѣтры противные угрожаютъ имъ! Какъ потемнѣло вокругъ нихъ синее море! Какъ волны житейскія, устремляясь на нихъ, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ! И мы не можемъ подать имъ помощи. Уже оторвались, отдѣлились отъ сердца нашего эти борющіяся тамъ существа, и не услышатъ они уже нашего голоса!..» (стр. 541)

Высказавъ скорбь о предстоящемъ воспитанницамъ неизвѣстномъ будущемъ, авторъ рѣчи считаетъ необходимымъ

въ напутствіе имъ сосредоточить ихъ вниманіе на тѣхъ существенныхъ вопросахъ, которые придется имъ самимъ рѣшать въ предстоящей имъ жизни. «Какой же путь жизни, — спрашиваетъ онъ: — должна указать *женщинѣ* школа, ведшая ее путемъ учебнаго поприща? Особенно, что̀ должна сказать, какой послѣдній завѣтъ выразить своимъ питомицамъ школа наша, школа сословная, духовная, на средства церкви, а слѣдовательно и для блага церкви ихъ воспитавшая? Какое направленіе принять *имъ*, женщинамъ, въ морѣ житейскомъ?» И, чтобы опредѣлить современное положеніе женщины и ея обязанности, авторъ дѣлаетъ историческую характеристику положенія женщины въ мірѣ языческомъ и христіанскомъ. Положеніе женщины въ дохристіанскій періодъ исторіи авторъ опредѣляетъ какъ «положеніе рабы, гдѣ она, подавленная животною силой мужа, низводится до положенія женской особи въ животномъ мірѣ». Даже въ Римѣ она была «внѣ всякаго гражданскаго значенія», «непричастная никакой духовной жизни». «*Возстановленіе въ женщинѣ ея человѣческаго достоинства* начинается съ того момента, когда въ скромномъ уголкѣ земли Іудейской, въ Галилеѣ, раздался кроткій и любвеобильный, но потрясающій землю голосъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!*»

И все, что̀ авторъ рѣчи говоритъ далѣе въ уясненіе этого великаго момента въ жизни человѣчества, изложено имъ поистинѣ прекрасно и несомнѣнно глубоко прочувствовано.

«Этотъ голосъ,—продолжаетъ онъ: — прежде всего, *шелъ къ сердцу человѣка и не отличалъ, этотъ божественный голосъ, въ призывѣ своемъ ни пола, ни возраста, ни состоянія.* Божественныя уста, произносившія его, стремились объединить *человѣчество въ единомъ званіи чадъ Отца Небеснаго,* такъ, чтобы въ духѣ и истинѣ не стало *ни мужескаго пола ни женскаго*, но «всяческая и во всѣхъ Христосъ». «И вотъ среди огромной массы труждающихся и обремененныхъ гнетомъ матеріальной силы древняго міра откликнулась сердцемъ своимъ на милосердный призывъ и женщина, наиболѣе труждавшаяся и обремененная. И можно сказать, что въ первый разъ со времени паденія именно здѣсь, въ Галилеѣ, *совершилось возстановленіе женщины на степень не только духовнаго равенства съ мужчиной, а даже и превышеніе его области сердечнаго воспріятія животворящей силы новаго божественнаго слова*».

Ни одинъ мудрецъ, ни одинъ законодатель древняго міра не додумался бы до мысли *ввести женщину въ кругъ духовныхъ интересовъ человѣческаго бытія*. Но въ Галилеѣ мы уже видимъ женщину, призванную къ «глаголамъ живота», *совершенно наравнѣ съ мужчиною*. Тамъ, въ домѣ Лазаря, мы видимъ женщину, сѣвшую «при ногу Іисусову» слышати слово Его. Тамъ, у самарійскаго колодца, мы слышимъ разъясненіе женщинѣ такихъ истинъ о свойствахъ Бога Духа и о поклоненіи Ему духомъ, *въ какихъ терялся и недоумѣвалъ самъ Никодимъ, учитель Израилевъ*. И все это совершается только потому, что глаголы Христовы представляютъ собою небывалое досель *поднятіе духа человѣка*» (стр. 554—556).

Мы передали только десятую долю изъ того, что сказано авторомъ рѣчи о «возрожденіи человѣчества въ единомъ званіи чадъ Божіихъ», но читатель видитъ, что и приведеннаго нами весьма достаточно, чтобы достойно оцѣнить широту взглядовъ автора. Продолжая пересказывать историческій ходъ великаго дѣла возстановленія равноправности духовнаго общенія мужчинъ и женщинъ, авторъ говоритъ, что ученіе Христово никогда однакожъ не истолковывалось въ смыслѣ участія женщины въ какой-нибудь несвойственной ей области дѣятельности. Признавая въ женщинѣ *полнаго человѣка*, ни на іоту не отличающагося отъ мужчины въ благодатныхъ правахъ на званіе «храма духа Божія», христіанство ни на іоту же не упускаетъ изъ вида, что женщина есть человѣкъ иного пола и что, въ силу этихъ естественныхъ своихъ обязанностей, она должна имѣть свое особенное значеніе, не одинаковое съ мужчиною. Всѣ великія женщины-христіанки, дѣйствовавшія на общественномъ поприщѣ, избирали либо дѣятельность просвѣтительную: Марія Магдалина, св. Нина,—либо посвящали свою жизнь заботамъ о людскихъ скорбяхъ, объ облегченіи ихъ и т. д. «Но надъ всѣми великими женами-христіанками, какъ солнце надъ звѣздами, возвысилась и препрославилась *Мать*, держащая Младенца... Въ ея личности естество женское вознесено было превыше небесенебесъ. Какъ Мать, носившая, питавшая и плакавшая о Сынѣ своемъ по Его человѣчеству, Она стала высшимъ идеаломъ, подражать которому составило великую обязанность матери-христіанки. Матери Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, св. Августина посвящаютъ свою жизнь воспитанію своихъ дѣтей» (стр. 557—560).

Мать-воспитательница — вотъ идеалъ «женщины-христіанки» вообще и слѣдовательно идеалъ женщины-христіанки современной. Опредѣливъ этотъ идеальный типъ, — *матери-воспитательницы*, — авторъ прямо обращается къ воспитанницамъ школы, и мы увѣрены, что сказанное имъ покажется удивительнымъ и даже почти непонятнымъ для весьма немалаго количества хотя и образованныхъ людей, но относящихся къ женщинѣ только съ рутинною внимательностью.

«Допускаемъ, — говоритъ авторъ: — *и даже просимъ женщину, и даже всею душою, всѣ силы свои полагая, готовы помочь ей пріобрѣсти себѣ всю силу и всю широту мужского образованія*: но только тогда женщина будетъ достойна своего высокаго назначенія въ мірѣ, когда, усвоивши всю эту силу и широту мужского образованія, *мужского міросозерцанія, мышленія* и *взглядовъ*, постарается при этомъ сохранить всю неизреченную красоту души своей и понесетъ эту нѣжную, прекрасную душу туда, гдѣ именно такая душа и нужна: на поприще учительницы-матери, въ малолѣтнюю нашу школу, или къ постели болящаго, не съ ножомъ хирургическимъ, даже не съ рецептомъ, — но со словомъ участія, съ свѣтлымъ своимъ ликомъ, съ кроткимъ духомъ своимъ, наиспособнѣйшимъ сливаться въ горѣ съ горемъ ближняго»... «А главнѣе и возвышеннѣе всего является женщина, когда склонится она *со святою, просвѣщенною, широко образованною* и *проникающею въ будущее думой своею* надъ постелькой младенца своего и приметъ на свои ласковыя руки первые шаги его воспитанія и образованія» (стр. 161 и 162).

До сихъ поръ рѣчь г. П. Смирнова была положительно безукоризненна и поучительна въ высшей степени въ разъясненіи какъ христіанской идеи правъ и обязанностей женщины, такъ и идеала ея дѣятельности, какъ *матери-воспитательницы, просвѣщенной и широко образованной*. Но примѣненіе этихъ идеальныхъ и справедливѣйшихъ желаній автора къ условіямъ живой дѣйствительности не отличается въ его рѣчи особенной ясностью. Прежде всего, *современный отецъ* изображенъ какъ нѣчто совершенно чуждое своему дому и какъ бы существо, уже утратившее завѣщанную христіанствомъ равноправность «духовнаго общенія» съ своею женой. «Занятый служебными занятіями, мужчина, поминутно отрываемый отъ семьи, вовлекается въ самый центръ сложной машины — жизни, такъ сказать, *гость*

въ домѣ своемъ, — *современный отецъ* имѣетъ неизмѣримо меньше возможности пристально и неустанно слѣдить за первоначальнымъ ходомъ тѣлеснаго и духовнаго развитія младенца, нежели сколько имѣетъ возможности въ этомъ мать». «Да и *не проникнуть отцу* своею отвлеченною думой *въ сердечную область жизни ребенка»* (стр. 563). «Отецъ — сила *грозящая* и ***связующая*** (?), женщина — сила исправляющая и воспитывающая».

На первыхъ же порахъ оказывается, что практика жизни прямо идетъ въ разрѣзъ съ духовнымъ единеніемъ мужа и жены; дѣйствительность на каждомъ шагу подтверждаетъ это разъединеніе, объясняющее семейныя несогласія, непониманіе трудности жизненныхъ заботъ другъ друга, а иногда и вовсе другъ въ другѣ нецѣнимыхъ. Авторъ рѣчи, оставаясь на реальной почвѣ и отстаивая идеалъ христіанскаго равенства, долженъ бы былъ поскорбѣть объ условіяхъ, тяготѣющихъ вообще надъ семьей современнаго всесословнаго общества, но онъ, не касаясь семьи всесословной, т.-е. не касаясь вопроса общественнаго, рѣшаетъ его затѣмъ въ смыслѣ исключительно сословномъ, для чего и понадобилось выдѣлить жену священника въ исключительное положеніе *среди женъ міра* (стр. 571): «Не погрѣшимъ, если скажемъ, что супруга священника, понимая всю высокость таинственнаго освященія его личности возложеніемъ рукъ епископа и входя религіознымъ духомъ въ полное единеніе съ его душою, можетъ почувствовать и въ себѣ вѣяніе и отблескъ благодати (рукоположенія) въ смыслѣ подготовляющемъ и располагающемъ души людскія ко всему доброму и спасительному. Слѣдовательно супруга пастыря, подобно лунѣ, свѣтящей *въ своей мѣрѣ* свѣтомъ, заимствованнымъ отъ солнца, можетъ освѣщать все, что потребуетъ это освѣщеніе»... «А отсюда уже, при ея образованности въ строгомъ духѣ православія, въ духѣ серьезной мысли — и открывается для нея новое поприще, поприще возвышеннѣйшее, *недоступное никакой другой женщинѣ*». «Что значитъ, что стоитъ эта совмѣстная просвѣщенная работа надъ изученіемъ паствы и ея духовными нуждами, не всегда поддающимися *холодному* (опять!) анализу мужчины и съ большею свободой открывающимися проникающему сердцу женщины!» «Для нашего сердечнаго народа его *матушка* — жена священника — какъ много можетъ значить даже только въ томъ случаѣ, если она отъ природы добра и сердечно благородна! Во сколько же разъ

будетъ неотразимо ея вліяніе, если она при этомъ еще и религіозно образована? Ея бесѣды, ея указанія, ея сердечно-*благодатные отвѣты* на вопросы темной, ищущей свѣта души,—все это можетъ ее сдѣлать *такимъ ангеломъ свѣта, съ силою котораго и съ его вліяніемъ на народъ* не посмѣли бы бороться *тѣ духи тьмы*, которые являлись въ среду народа еще недавно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ» (стр. 573).

Намъ кажется, что включеніе въ обязанности жены священника, «матушки», повидимому, даже какой-то политической дѣятельности—требованіе весьма неумѣренное по отношенію къ идеалу матери-воспитательницы. Кромѣ того, намъ кажется также, что возлагать всю многосложность вліяній на народъ исключительно на жену священника—дѣло не вполнѣ справедливое не только по отношенію къ женщинѣ вообще, къ *женамъ міра*, къ матери-воспитательницѣ, но и по отношенію къ женамъ духовныхъ чиновъ низшаго разряда. Жены дьяконовъ и въ особенности причетниковъ, уже совершенно лишенныя вліянія благодати и несомнѣнно самымъ рѣшительнымъ образомъ устраненныя съ поприща возвышенной дѣятельности (какъ мы знаемъ, *недоступной никакой другой женщинѣ*, кромѣ жены священника; стр. 572), однакожъ также, несомнѣнно, желали бы быть такими же матерями-воспитательницами, какъ «матушка», но про нихъ не сказано, что и онѣ могутъ быть «ангелами свѣта». Такимъ образомъ и въ однородномъ сословіи не у всѣхъ женщинъ оказываются впереди свѣтлыя перспективы.

Вообще слишкомъ частыя указанія автора на первенствующее значеніе сословія, едва ли соотвѣтствующія ученію, чтобы «въ духѣ» истины не стало ни мужескаго пола, ни женскаго пола, но всяческая и во всѣхъ Христосъ,—иногда принимаютъ въ рѣчи г. П. Смирнова какой-то совершенно несимпатичный тонъ. Обращаясь къ воспитанницамъ школы, какъ будущимъ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ, онъ говоритъ такъ: «Говорить ли еще о *вашемъ значеніи* для новой церковно-приходской школы, въ которой *вы можете и должны явиться предъизбранными и безспорными учительницами?*» (стр. 573). Говорить будущимъ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ объ ихъ *безспорныхъ* преимуществахъ предъ всѣми учительницами, принадлежащими къ другимъ сословіямъ, называть ихъ *предъизбранными*,—этого говорить бы не слѣдовало, такъ какъ это,

прежде всего, неуваженіе вообще къ труженицамъ на поприщѣ народнаго образованія, а главное, говорить это — значитъ возбуждать въ душѣ воспитанницъ вредныя для всякаго человѣка побужденія къ самомнѣнію. Напротивъ, г. П. Смирнову, если бы онъ оставался вѣрнымъ сущности христіанскаго ученія, вмѣсто того, чтобы по отношенію къ церковной школѣ ограничиться лишь вопросомъ: «говорить ли?» — и затѣмъ ровно ничего о школѣ не говорить, непремѣнно слѣдовало бы много и много говорить воспитанницамъ, и именно о великомъ дѣлѣ, которое имъ предстоитъ, о *подвижничествѣ*, котораго оно требуетъ, о необходимости пріобрѣтенія ими множества новыхъ знаній, чтобы онѣ изъ *воспитанницъ* могли имѣть право быть *воспитательницами*, да не своихъ только дѣтей, а и дѣтей народной массы, принимая ихъ будущность на собственную совѣсть. Вотъ здѣсь-то нужно было бы опять упомянуть о Маріи Магдалинѣ и о св. Нинѣ, а не облегчать сердечную нѣжность женщины преждевременными внушеніями ей гордости какими-то и почему-то уже *безспорными* ея достоинствами. Все это, на нашъ взглядъ, вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ поистинѣ прекраснымъ очертаніямъ образа женщины-христіанки, которыя г. П. Смирновъ изобразилъ выше.

4.

Изъ всѣхъ этихъ, очень немногочисленныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ двухъ-трехъ №№ «Самарскихъ» и «Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», можно однакоже видѣть, что духовное сословіе въ настоящее время, во-первыхъ, довольно прочно сумѣло устроить свое матеріальное положеніе и, во-вторыхъ, одушевлено широкими перспективами предстоящаго ему общественнаго значенія. Но и съ другой стороны, для всего русскаго общества крайне было бы желательно, чтобы и духовное сословіе, принимая въ свои руки такое отвѣтственное предъ всѣмъ русскимъ народомъ дѣло, какъ дѣло *народнаго образованія*, не пренебрегло бы опытомъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ великое дѣло народнаго образованія было существеннѣйшимъ и задушевнѣйшимъ дѣломъ въ теченіе не менѣе трехъ десятковъ лѣтъ.

Въ смыслѣ, такъ сказать, критическаго отношенія къ народнымъ школамъ, существующимъ въ настоящее время, и опредѣленія ихъ достоинствъ и недостатковъ, для того, чтобы при предстоящей школьной реформѣ, воспользова-

вшись первыми, избѣжать послѣднихъ,- мы бы рекомендовали епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ принять во вниманіе, между прочимъ, мнѣніе о существующихъ школахъ такого компетентнаго лица въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ г. попечитель кіевскаго учебнаго округа. Въ «Отчетѣ о состояніи народныхъ училищъ за 1887 годъ» вотъ какъ высказывается онъ по важнѣйшему для современнаго общества вопросу:

«Въ настоящее время, несмотря на особенное вниманіе многихъ лицъ, съ какимъ они относились къ министерскимъ народнымъ училищамъ, чтобы въ ихъ строѣ и направленіи подмѣтить такія стороны, которыя свидѣтельствовали бы, что министерскія училища не удовлетворяютъ настоящему характеру школъ, я не слышалъ никакихъ неблагопріятныхъ отзывовъ о народныхъ училищахъ ввѣреннаго мнѣ округа; не получалъ жалобъ ни отъ священниковъ, наблюдателей въ училищахъ за преподаваніемъ Закона Божія, ни отъ духовной и свѣтской власти о томъ, чтобы учителя мѣшали доброму направленію школьной жизни, чтобы они противорѣчили стремленіямъ и желаніямъ законоучителей училищъ дать школѣ вполнѣ воспитательный характеръ въ духѣ православной церкви и христіанской нравственности. Сужденія о министерскихъ народныхъ училищахъ, касающіяся ихъ руководителей, учащихъ, учебныхъ руководствъ, средствъ школы и проч., могли быть высказываемы и вкривь и вкось различными лицами, которыя или слишкомъ легко и поверхностно отнеслись къ существующей школѣ, надъ которою десятки лѣтъ работали люди сильнаго ума съ искреннею любовью къ дѣлу и патріотическимъ чувствомъ, или дѣлали свои выводы и обобщенія, не справляясь ни съ причинами явленій ни съ массою фактовъ противоположнаго характера. Всѣ эти взгляды и сужденія подхватывались налету другими, какъ готовые, въ то время, какъ былъ составленъ несложный идеалъ церковно-приходской школы. И все вдругъ стало осуждаться повально, и не пощажено ни честнаго труда ни добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу какъ въ прошлое, такъ и въ настоящее время; осуждены руководства, пособія, даже методъ первоначальнаго обученія грамотѣ, который, кромѣ легчайшаго обученія грамотѣ, ничего не давалъ.

«Все это только воочію подтвердило и доказало ту истину, что у насъ нѣтъ должнаго уваженія къ традиціямъ, которыя вырабатывались въ теченіе долгаго времени опытомъ и усиленнымъ трудомъ многихъ. Но когда приступлено было къ осуществленію идеала церковно-приходской школы тѣми дѣятелями, которые поставлены были лицомъ къ лицу съ самою школой, при обычной ея обстановкѣ, тогда сразу увидѣли, что желать и исполнять желаніе — не одно и то же; что проектъ можетъ остаться назади, какъ мечта, а преждевременное осужденіе дѣятельности другихъ привело лишь къ тому, что нашли самымъ лучшимъ обратиться *за помощью къ тѣмъ, кого осуждали*. Близкое знакомство съ приходскими школами инспекторовъ народныхъ училищъ показало, что церковно-приходская школа въ сравненіи съ министерской тѣмъ и отличается отъ послѣдней, что первая только стремится къ тому, что̀ уже въ значительной степени достигнуто министерскими училищами. Опытъ показываетъ, что лучшія изъ церковно-приходскихъ училищъ тѣ, гдѣ состоятъ учителями обучавшіеся

или окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ; лучшею похвалой для этихъ школъ служитъ то, что эта школа такъ же хороша, «какъ и министерская».

«Во внутренней жизни министерскихъ школъ,—говорится далѣе въ отчетѣ:—нѣтъ и не можетъ быть такихъ элементовъ, которые противорѣчили бы доброму направленію, указанному для церковно-приходскихъ школъ. Приложены всѣ заботы, чтобы во всѣхъ народныхъ училищахъ кіевскаго учебнаго округа было какъ можно больше церковно-религіознаго начала, и для этой цѣли усилено преподаваніе Закона Божія до 6 часовъ въ недѣлю; церковно-славянское чтеніе сдѣлалось обязательнымъ ежедневно. Кромѣ того, проводниками и охранителями религіозныхъ началъ въ училищахъ служатъ тѣ же священники-законоучители, которые состоятъ законоучителями и въ церковно-приходскихъ школахъ; учителя и учительницы, особенно въ Черниговской и Полтавской губ., въ большинствѣ лица духовнаго сословія (конечно, окончившіе курсъ учительскихъ семинарій м. н. п.), изъ котораго выходитъ главнымъ образомъ контингентъ учащихъ и для церковно-приходскихъ школъ; учебники не только по Закону Божію, но и по другимъ предметамъ одинаковы. Наконецъ инспектора народныхъ училищъ единодушно свидѣтельствуютъ, что со стороны сельскаго населенія вездѣ проявляется полное сочувствіе и довѣріе тому направленію, которымъ отличаются въ настоящее время министерскія училища, и что даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ существуютъ церковно-приходскія и министерскія училища, родители предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей въ послѣднія, не говоря уже о томъ, что въ отчетномъ году немало было случаевъ, когда сельскія общества, при существующей церковно-приходской школѣ, составляли приговоры объ открытіи у нихъ министерскихъ училищъ, а нѣкоторыя сельскія общества, хотя имъ было отказано въ пособіи отъ казны, все-таки ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было открыть училища «на собственныя средства».

«Будущее церковно-приходской школы, — говоритъ «Кіевлянинъ», изъ котораго мы заимствовали мнѣнія г. попечителя о министерскихъ школахъ:—далеко еще не опредѣлилось. Для нея въ послѣднее время начали отпускаться средства изъ государственнаго казначейства, учреждены училищные совѣты, епархіальная власть прилагаетъ усилія, чтобы привлечь сельское духовенство къ школьному дѣлу и возбудить его энергію; но все это пока только попытки, результаты которыхъ скажутся лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы желаемъ полнаго успѣха церковно-приходской школѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловно необходимо *крайне бережное отношеніе* къ нашимъ лучшимъ и уже вполнѣ окрѣпшимъ училищамъ—министерскимъ, на устройство и надлежащую постановку которыхъ затрачено много средствъ и труда» *).

Мы подчеркнули выраженіе: *бережливое отношеніе* къ существующей школѣ, въ видахъ необходимости такихъ же *бережливыхъ*, внимательныхъ отношеній къ церковно-приходскимъ школамъ всѣхъ тѣхъ дѣятелей, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло ихъ организаціи. «Волжскій Вѣстникъ» почти одновременно сообщаетъ изъ разныхъ концовъ Россіи два совершенно однородныхъ извѣстія, касающихся

*) «Кіевлянинъ», № 124.

именно этой организаціи, въ видахъ скораго открытія церковно-приходскихъ школъ.

Преосвященный енисейскій епископъ, Тихонъ, *за неимѣніемъ въ своей епархіи мѣстной духовной семинаріи*, ходатайствуетъ передъ св. синодомъ объ открытіи въ Енисейскѣ особаго учебнаго заведенія — причетническаго класса съ педагогическимъ курсомъ. Цѣль учебнаго заведенія—подготовлять такихъ *псаломщиковъ и дьяконовъ*, которые могли бы *совмѣщать свои обязанности съ учительскими въ церковноприходскихъ школахъ*. Поэтому, кромѣ духовноучебнаго курса, въ проектируемую школу вводятся педагогика и дидактика, письмоводство, церковное и школьное хозяйство, столярное и переплетное мастерства.

Въ Одессѣ уже учреждена въ настоящее время первая школа для псаломщиковъ, которые могли бы *явиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, также учителями церковно-приходскихъ школъ въ епархіи*. Не слишкомъ ли торопливы эти попытки сформировать комплектъ учителей, не снимая притомъ съ нихъ дьяконскихъ и причетническихъ обязанностей? Кромѣ того, назначеніе воспитанника семинаріи въ псаломщики уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о неуспѣхѣ его въ наукахъ, и слѣдовательно ему-то именно и надо много времени, чтобы хоть мало-мальски освоиться съ новымъ, невѣдомымъ ему дѣломъ. Между тѣмъ едва только учреждающіеся причетническіе или учительскіе классы, не успѣвшіе, какъ говорится, стать еще на ноги—уже осложняются новыми, несравненно болѣе многосложными нововведеніями по части расширенія, какъ предполагалось, весьма скромной ихъ дѣятельности: такъ, духовное вѣдомство обратилось къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою оказать денежное пособіе на устройство преподаванія сельскаго хозяйства при Тростяницкой церковно-приходской школѣ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ., а также и въ другихъ *учительскихъ курсахъ и школахъ* духовнаго вѣдомства, гдѣ «это окажется возможнымъ»... Ходатайство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: «разрѣшено выдавать по 1.200 руб. на каждое заведеніе, въ которомъ окажется возможнымъ преподаваніе сельскаго хозяйства, почему и поручено епархіальнымъ преосвященнымъ обратить вниманіе училищныхъ совѣтовъ *на новую отрасль* обученія въ церковно-приходскихъ школахъ *съ учительскими курсами*» («Новости»).

Нельзя, конечно, не радоваться такой разносторонней и оживленной дѣятельности при организаціи новой системы

народнаго образованія, но нельзя также не обратить вниманія на то, что въ то время, когда широкія мѣропріятія духовнаго вѣдомства еще только начинаются, и притомъ постоянно осложняются новыми отраслями обученія, т.-е. находятся еще въ самомъ первоначальномъ видѣ, — ломка не менѣе широко поставленныхъ учрежденій по народному образованію прежней системы идетъ уже своимъ, неминуемымъ чередомъ. Въ засѣданіи вольскаго уѣзднаго земскаго собранія 28 сентября, почетный попечитель учительской семинаріи, гласный Новосильцевъ, отказался отъ ежегодной субсидіи земства этой семинаріи въ 2.000 р., во-первыхъ, потому, что учительская семинарія умѣла такъ добросовѣстно тратить земскія деньги, что у нея въ настоящее время образовался остатокъ въ 16.000 руб. (который семинарія полагала употребить на устройство интерната), и, во-вторыхъ, потому, что «въ настоящее время *учительская семинарія совершенно ненужна для Вольскаго уѣзда*, оканчивающіе въ ней курсъ учителя уже не нужны уѣзду, такъ какъ всѣ земскія школы переданы въ руки духовенства, а курсъ семинаріи не приспособленъ къ приготовленію учителей-псаломщиковъ, поэтому всѣ окончившіе курсъ размѣщаются въ другихъ губерніяхъ или вовсе остаются безъ мѣстъ. Земское собраніе постановило поэтому ходатайствовать объ освобожденіи земства отъ напрасной траты средствъ на учительскую семинарію».

Слишкомъ удаленное, до настоящаго времени, какъ отъ земской, такъ и сельской общественной дѣятельности, духовное сословіе по необходимости и по непрактичности не можетъ иногда не приводить въ смущеніе практическихъ общественныхъ дѣятелей и невольно ставитъ себя въ неловкое положеніе. На томъ же вольскомъ собраніи 28 сентября было доложено отношеніе вольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, въ которомъ отдѣленіе проситъ увеличить даваемое земствомъ пособіе (земство даетъ церковно-приходскимъ школамъ 5.000 р.), такъ какъ школамъ необходимо пріобрѣсти одобренныя и рекомендованныя св. синодомъ книги, огородить отведенные обществомъ земельные участки, посадить фруктовыя деревья, пріобрѣсти сѣмянъ и необходимые сельскохозяйственные и садовые орудія и инструменты, а также нужныя руководства по сельскому хозяйству и садоводству; кромѣ того, нужно увеличить учителямъ жалованье, которое въ настоящее время очень мало. На все это нужны деньги, которыхъ въ рукахъ

отдѣленія нѣтъ; кромѣ того, отдѣленіе проситъ разрѣшить его членамъ безплатный проѣздъ по уѣзду на земскихъ лошадяхъ при обозрѣніи школъ. Вотъ какую массу требованій предъявили люди неопытные въ практической дѣятельности. Люди же долговременнаго опыта дали утвердительный отвѣтъ только на послѣднее требованіе, постановивъ давать лошадей только для поѣздокъ школы, а всѣ прочія требованія оставлены безъ удовлетворенія («Саратовскій Листокъ», № 210). Непріятны и такіе случаи, одинъ изъ которыхъ произошелъ также на земскомъ собраніи въ г. Сердобскѣ: «Въ виду того, — сказано въ отчетѣ: — что крестьяне нѣкоторыхъ селеній, гдѣ существуютъ только приходскія школы, вносятъ въ земство на народное образованіе 150 р., комиссія *считаетъ нужнымъ этимъ школамъ* оказать пособіе со стороны земства, въ указанномъ размѣрѣ, предоставивъ право распредѣленія этихъ денегъ члену отъ земства въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ. На это гласный г. Минхъ сообщилъ, что хвалынское земство ассигновало средства на церковныя школы *на извѣстныхъ условіяхъ*. Между тѣмъ духовное начальство стало распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Такъ же и наши средства могутъ расходоваться. Г. Минха поддержалъ членъ Свиридовъ, и собраніе отклонило предложеніе комиссіи» («Саратовскій Листокъ», № 210). Мы не сомнѣвается, что всѣ такія прискорбныя случайности, какъ послѣдствія малаго знакомства съ широкими размѣрами земскаго дѣла и со средствами, которыми оно можетъ располагать не въ ущербъ народному благосостоянію, не будутъ оставлены безъ вниманія новыми дѣятелями на новомъ поприщѣ.

Оглавленіе

VI ТОМА.

стр.

Поѣздки къ переселенцамъ.

I. Отъ Казани до Томска и обратно (1888 г.).

1. Раздумье 3
2. По Камѣ до Перми 6
3. Первая встрѣча 10
4. Отъ Перми до Тюмени. 16
5. Переселенческое дѣло въ Тюмени 21
6. Въ переселенческихъ баракахъ 26
7. Рѣка-пустыня.—Переселенцы 35
8. Поѣздка къ новоселамъ 42
9. Поселокъ 50
10. Хорошаго понемножку 62
11. Обратные 65
12. Канцелярскія тайны 73
13. Омскіе порядки 76
14. Обратный путь.—Ямщики и тройки.—Кнутъ и свистъ. 88
15. Колыванскіе, Каинскіе, Тюкалинскіе и другихъ мѣстъ бродяги и темные люди 96
16. Ссыльные поселенцы. 104
17. Опять «прискорбное недоразумѣніе» и... конецъ путешествію! 111

II. Отъ Оренбурга до Уфы (1890 г.).

1. «Башкиръ пропадаетъ» 115
2. Просторъ и безлюдье. 119
3. Непрочность переселенческихъ покупокъ и арендъ . . 124
4. Хуторъ недоимщиковъ Крестьянскаго банка 129
5. Подставные депутаты 133
6. Бородатые младенцы. 136
7. Переселенцы «съ рублишкомъ» 143
8. Вятичи 147
9. Сибирская дорога и переселенцы 152

III. **Не знаешь, гдѣ найдешь.** *(Разсказъ крестьянина-сибиряка о «россійскомъ»)*. 157

Живыя цифры. *(Изъ записокъ деревенскаго обывателя).*

1. «Четверть» лошади 166
2. Квитанція. 180
3. Дополненіе къ разсказу «Квитанція». 188
4. «Ноль цѣлыхъ!» 202

Мимоходомъ.

1. Паровой цыпленокъ 226
2. Не все коту масленица 237

Ранніе разсказы.

Неизвѣстный. 252
Петербургскіе очерки:
I. № 24 и его обитатели. Шалопай 286
II. Арабеска, не болѣе 291
Эпизоды изъ петербургскихъ сезоновъ (Нравоописательные очерки):
I. Нева. 307
II. Прекрасный молодой человѣкъ 318
III. Приличія лѣтняго сезона. 327
Весною. Провинціальный очеркъ. 336
Пятница. Народный разсказъ 347
Звонарь. Провинціальный разсказъ. 358
Грамотный. Разсказъ 368

Письма съ дороги.

1. Веселыя минуты 380
2. Дополненія къ предыдущей главѣ 411
3. Люди всякаго званія 427
4. Мирошникъ 447
5. Человѣкъ, природа и бумага 468
6. Обиліе «дѣла» 495
7. «Скучненько!» 518
8. Мелкіе агенты крупныхъ предпріятій 537
9. Рабочія руки 546
10. «Трудовая» жизнь и жизнь «труженическая» 556

Статьи разнаго содержанія.

Праздникъ Пушкина. Письмо изъ Москвы — іюнь 1880 г. 579
Секретъ. Продолженіе предыдущаго 600
Подозрительный бельэтажъ 614
Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ. Біографическій очеркъ. 632
Смерть В. М. Гаршина 684
Николай Александровичъ Демертъ † 696
Кому жить на Руси хорошо. Письмо въ редакцію . . . 700
Письмо Г. И. Успенскаго въ Общество любителей россійской словесности 702
Подкидышъ. Присказка 708
Медъ и деготь. Замѣтки деревенскаго обывателя 719
Крестьянинъ о современныхъ событіяхъ. Замѣтка по поводу еврейскихъ погромовъ 730
Своимъ чередомъ (Обзоръ мѣстной печати). Самопомощь въ духовномъ сословіи 753

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

Переплетная „НИВЫ", СПБ.